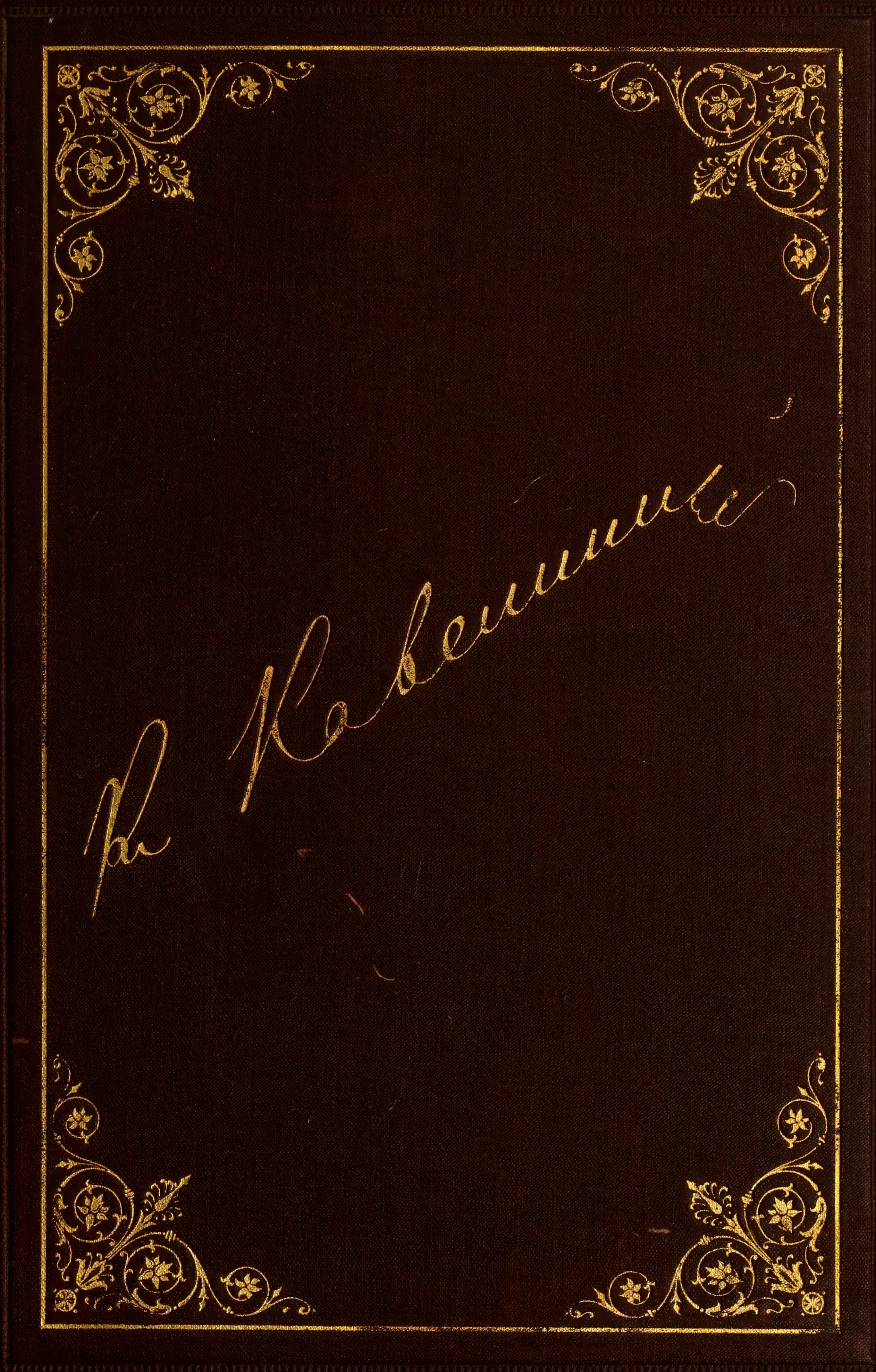
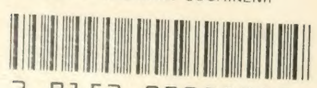

К. Кавелинъ

И спокоенъ, и здоровъ, и счастливъ даже,
во сколько можетъ быть счастливъ человѣкъ,
который раздѣленъ надвое между своими
отдаленными пріятелями и окружающею
дѣйствительностію. Je me résigne.

К. Кавелинъ

(Изъ письма къ сестрѣ Софьѣ Корсаковой, 25 Окт. 1842 г.)

Фототипія В. Класенъ. С.Петербургъ. Кадетская лин. № 7–2.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

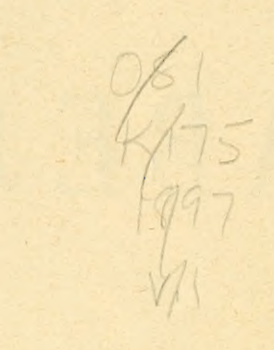
К. Д. КАВЕЛИНА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

МОНОГРАФІИ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., д. 28.

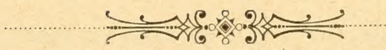
2575

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

РАЗСУЖДЕНІЯ, КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ

К. Д. КАВЕЛИНА.

Съ портретомъ автора, біографическимъ очеркомъ и примѣчаніями проф. Д. А. Корсакова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., д. 28.

1897.

ОГЛАВЛЕНIЕ.

СТРАНИЦЫ.

От редакторовъ, Л. З. Слонимскаго и Д. А. Корсакова . . . . . . VII—VIII

Жизнь и дѣятельность К. Д. Кавелина. Проф. Д. А. Корсакова . . . . IX—XXX

Предисловiе къ „Собранiю сочиненiй", изд. 1859 г.—К. Д. Кавелина . . XXXI—XXXII

РУССКАЯ ИСТОРIЯ.

I. РАЗСУЖДЕНIЯ И КРИТИЧЕСКIЯ СТАТЬИ.

Взглядъ на юридическiй бытъ древней Россiи . . . . 5— 66

Отвѣтъ „Москвитянину" . . . . 67— 96

Историческiе труды М. П. Погодина . . . . 95—252

Изслѣдованiя, замѣчанiя и лекцiи о русской исторiи. Москва 1846. Три тома . . 95—222

Историко-критическiе отрывки. Москва. 1846 . . . . 221—252

Изслѣдованiя С. М. Соловьева. . . . . 253—508

Объ отношенiяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ. Историческое изслѣдованiе. Москва. 1845 . . . . 253—270

О родовыхъ отношенiяхъ между князьями древней Руси. (Московскiй литературный и ученый сборникъ на 1846 г.) . . . . 269—278

Исторiя отношенiй между русскими князьями Рюрикова дома. Москва. 1847 . 277—414

Исторiя Россiи съ древнѣйшихъ временъ. Т. I, Москва. 1851 . . . . . . 413—508

О книгѣ Б. Н. Чичерина . . . . 507—570

Областныя учрежденiя Россiи въ XVII вѣкѣ. Москва. 1856.

* Краткiй взглядъ на русскую исторiю . . . . 569—584

(Чтенiе въ профессорскомъ клубѣ въ Боннѣ 1863—1864).

* Мысли и замѣтки о русской исторiи. . . . . 583—676

С. Соловьевъ. Исторiя Россiи съ древнѣйшихъ временъ. Т. 13, 14, 15. М. 1864—66 гг.

Н. Устряловъ. Исторiя Петра Великаго. Спб. 1858—63.

** Отвѣтъ И. В. Бѣляеву . . . . 675—682

II. РЕЦЕНЗIИ И ЗАМѢТКИ.

СТРАНИЦЫ.

Симбирскій сборникъ, изд. Д. А. Валуева. Историческая часть. Т. I. Москва. 1845. . . . . 689—702

Сборникъ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Россіи и народахъ ей единовѣрныхъ и единоплеменныхъ. Т. I. Изд. его же. Москва 1845 г. . . . . 703—746

Взглядъ на русскую литературу по части русской исторіи за 1846 г. . . 745—760

Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. №№ 5, 6, 7, 8, 9. Москва 1847 г. . . . 759—858

Памятники, издаваемые временною коммиссіей для разбора древнихъ актовъ. Т. II. Кіевъ 1846 г. . . . . 857—874

Изслѣдованія о Русской Правдѣ. Н. Калачова. Часть I. Москва 1846 г.. . 875—886

Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, издаваемый Николаемъ Калачовымъ Кн. I. Москва 1850 г. . . . . 885—926

Изслѣдованія, относящіяся къ древней русской исторіи, Филиппа Круга. Двѣ части. Спб., 1848 (Forschungen in der ältesten Geschichte Russlands, von Philipp Krug) . . . . 925—982

Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Имп. московскаго университета 17 іюня 1847 года. Москва, 1847. . . . . 983—986

Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи, изданное по Высоч. повелѣнію кіевскимъ гражданскимъ губернаторомъ Иваномъ Фундуклеемъ. Кіевъ, 1848 г. . . . . 985 - 994

О значеніи словъ: варягъ, казакъ, россъ и ретъ, или какъ должно понимать эти слова въ исторіи. Соч. Н. Богомолова. Тифлисъ, 1849 г. . . . . 995—998

Общественная жизнь и земскія отношенія въ древней Руси. Соч. Александра Тюрина. Спб., 1850 г. . . . . 997—1006

Объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова. Соч. П. Павлова. Москва, 1850 г. . . . . 1005—1030

О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра Великаго. Историческое изслѣдованіе Виталія Шульгина. Выпускъ I. Кіевъ, 1850 г. . . . . 1030—1044

* Меря и Ростовское княжество. Очеркъ изъ исторіи ростовско-суздальской земли. Д. Корсакова. Казань, 1872 г . . . . 1045—1052

Примѣчанія къ I тому, проф. Д. А. Корсакова (въ концѣ тома).

(Статьи, впервые вошедшія въ настоящее собраніе сочиненій, отмѣчены въ оглавленіи звѣздочками: *одной* — напечатанныя въ журналахъ и газетахъ послѣ 1859 г. и *двумя* — не бывшія вовсе въ печати).

Почти сорокъ лѣтъ тому назадъ, въ 1859 году, въ Москвѣ, появилось собраніе сочиненій К. Д. Кавелина, въ четырехъ небольшихъ томахъ, изданное, подъ наблюденіемъ самого автора и Н. Х. Кетчера, К. Солдатенковымъ и Н. Щепкинымъ. Въ это изданіе вошло все главное изъ напечатаннаго Кавелинымъ до 1859 года; лишь шесть рецензій, составляющихъ не болѣе какъ краткій обзоръ содержанія разбираемыхъ сочиненій, исключены самимъ авторомъ, а его записка объ освобожденіи крестьянъ, помѣщенная въ извлеченіи въ „Современникѣ“ 1858 г., не могла быть напечатана въ то время.

Главныя работы К. Д. Кавелина, доставившія ему наибольшую извѣстность въ массѣ русской читающей публики, написаны имъ уже позднѣе; сюда относятся всѣ сочиненія и статьи по разнымъ общественнымъ вопросамъ, особенно крестьянскому, по критикѣ научныхъ и философскихъ направленій, по психологіи и этикѣ. Эти сочиненія и статьи печатались въ многочисленныхъ періодическихъ изданіяхъ или издавались отдѣльными книгами и брошюрами, иногда анонимно, а частью оставались въ рукописяхъ и не были собраны въ одно цѣлое. Между тѣмъ потребность имѣть полное, по возможности, собраніе всѣхъ сочиненій К. Д. Кавелина давно ощущалась и учеными спеціалистами, и вообще образованною частью русскаго общества. Этой потребности стремится удовлетворить настоящее изданіе, въ которомъ разнообразная научно-литературная дѣятельность К. Д. Кавелина впервые представлена почти въ полномъ видѣ.

Въ настоящее изданіе вошли: 1) всѣ изслѣдованія, статьи и замѣтки К. Д. Кавелина, напечатанныя въ изданіи 1859 г., за исключеніемъ одной компилятивной работы, составленной въ 1845 г. по книгѣ двухъ нѣмецкихъ ученыхъ, Цшоппе и Штенцеля, вышедшей въ Гамбургѣ въ 1832 г.: „Юридическій бытъ Силезіи и Лужицъ и введеніе нѣмецкихъ колонистовъ“; 2) всѣ сочиненія, статьи и замѣтки, напечатанныя авторомъ при жизни, съ 1859 года, кромѣ лишь нѣкоторыхъ газетныхъ и журнальныхъ статей, посвященныхъ второстепеннымъ текущимъ вопросамъ и утратившихъ въ настоящее время интересъ современности; 3) статьи и замѣтки К. Д. Кавелина, появившіяся въ печати послѣ его смерти, и 4) совершенно обработанныя статьи и замѣтки, оставшіяся въ его бумагахъ, но не бывшія еще вовсе въ печати.

Книга подъ заглавіемъ: „Права и обязанности по имуществамъ и обязательствамъ въ примѣненіи къ русскому законодательству“, вышедшая въ 1879 году и составляющая конспектъ лекцій, читанныхъ въ военно-юридической академіи, не включена въ настоящее изданіе въ виду своего чисто-практическаго назначенія —

служить пособіемъ для слушателей; притомъ она существуетъ еще въ отдѣльной продажѣ. Только небольшая вступительная часть этой книги, затрогивающая общіе теоретическіе вопросы гражданскаго права, перепечатана въ четвертомъ томѣ.

Весь матеріалъ изданія распредѣленъ по возможности въ систематическомъ порядкѣ, съ раздѣленіемъ на четыре главныя группы, съ такимъ разсчетомъ, чтобы каждая изъ нихъ составила отдѣльный томъ, болѣе или менѣе однородный по содержанію и приблизительно одинаковый съ другими по объему. Первую группу, и слѣдовательно первый томъ, составляютъ монографіи по *русской исторіи*. Второй томъ заключаетъ въ себѣ, подъ общимъ названіемъ *публицистики*, сочиненія, статьи и замѣтки по различнымъ общественнымъ, экономическимъ и литературнымъ вопросамъ, въ томъ числѣ воспоминанія, характеристики, некрологи, очерки и мелкія статьи, входящія въ отдѣлъ „смѣси". Третій томъ посвященъ вопросамъ *науки и философіи*, обнимая статьи о разныхъ научныхъ и философскихъ направленіяхъ, объ университетахъ и высшемъ преподаваніи въ Россіи и въ западной Европѣ, монографіи и статьи по психологіи, этикѣ и эстетикѣ. Наконецъ, въ четвертомъ томѣ помѣщены изслѣдованія и статьи по *правовѣдѣнію и этнографіи*,—по исторіи русскаго законодательства, по гражданскому праву и о бытѣ и повѣрьяхъ русскаго народа. Въ каждомъ томѣ статьи распредѣлены также систематически, соотвѣтственно своему содержанію и самому способу разработки вопросовъ, насколько, разумѣется, это было возможно: статьи болѣе общаго характера помѣщены впереди спеціальныхъ или относящихся къ частнымъ вопросамъ, самостоятельныя разсужденія—впереди критическихъ статей, послѣднія — впереди рецензій, а статьи вполнѣ однородныя слѣдуютъ одна за другою въ хронологическомъ порядкѣ.

Труды по собранію матеріала и приготовленію его къ печати были раздѣлены, по взаимному соглашенію, между проф. Д. А. Корсаковымъ и Л. З. Слонимскимъ; на послѣднемъ лежала, сверхъ того, вся техническая сторона дѣла—хлопоты по изданію, наблюденіе за печатаніемъ и чтеніе корректуръ, а первому принадлежитъ составленіе біографическаго очерка и библіографическихъ свѣдѣній и примѣчаній, относящихся къ научно-литературной дѣятельности К. Д. Кавелина.

Къ настоящему тому приложенъ портретъ, снятый съ дагерротипа, составляющаго собственность Любови Исаковны Стасюлевичъ. Время, къ которому относится этотъ портретъ, не могло быть опредѣлено съ точностью; но онъ изображаетъ Кавелина такимъ, какимъ онъ былъ, по свидѣтельству знавшихъ его лицъ, во второй половинѣ и въ концѣ сороковыхъ годовъ. Подъ портретомъ помѣщено fac-simile— изъ письма къ сестрѣ, Софьѣ Дмитріевнѣ Корсаковой, отъ 25 октября 1842 года. Ко второму тому приложенъ другой портретъ, по фотографіи, снятой въ Парижѣ С. Л. Левицкимъ въ 1862 году и принадлежащей Д. А. Корсакову.

С.-Петербургъ,
іюнь 1897.

ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ К. Д. КАВЕЛИНА.

«...Топи жизнь въ дѣятельности, не задумывайся надъ личными вопросами — вотъ мой девизъ издавна, а то сердце лопнетъ. Когда умрешь...— останутся для людей мысли, дѣла, труды—то, что человѣкъ произвелъ умственнаго, сердечнаго, нравственнаго для другихъ. Этимъ его будутъ поминать, а если и забудется имя, то дѣло останется для другихъ, хотя бы и забылось, отъ кого оно пошло».

Изъ письма К. Д. Кавелина къ его сестрѣ, С. Д. Корсаковой, 17 октября 1879 г.

Въ нынѣшнемъ году исполнилось полстолѣтія съ того времени, какъ статья К. Д. Кавелина «Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи», которою открывается настоящій первый томъ новаго изданія «Собранія его сочиненій», появилась въ «Современникѣ». Эта статья высказываетъ необходимость общей, руководящей идеи въ разработкѣ русской исторіи и предлагаетъ стройную теорію развитія внутренней, бытовой исторіи Россіи путемъ постепенной эволюціи личности изъ первоначальнаго, родственно-семейнаго быта славяно-русскихъ племенъ. Статья Кавелина, написанная сжато и живо, является программою новой, сложившейся въ сороковыхъ годахъ въ русской исторіографіи школы, т. наз., «родового быта» и сослужившей почтенную службу научной разработкѣ русской исторіи; вмѣстѣ съ тѣмъ эта статья имѣетъ большое значеніе въ дѣлѣ изученія воззрѣній самого Кавелина, для котораго умственное, нравственное, юридическое и политическое развитіе личности— является основой общественности и прогресса. Эту мысль Кавелинъ разработываетъ затѣмъ въ теченіе всей своей жизни въ цѣломъ рядѣ изслѣдованій и умираетъ съ убѣжденіемъ о неизбѣжности для истиннаго прогресса въ нравственномъ усовершенствованіи личности, такъ какъ «человѣческое общество, — говоритъ онъ, — только въ отвлеченномъ представленіи является единицей, а въ живой реальной дѣйствительности оно есть собраніе людей, связанныхъ единствомъ сожительства и общенія; перенесенное же въ сферу чувствъ, является высшимъ нравственнымъ закономъ —любовью къ ближнему» [1]). Вотъ почему этой статьей Кавелина открывается «Собраніе его сочиненій».

«Взглядъ на юридическій бытъ» создалъ Кавелину ученую и литературную репутацію, поставивъ его имя на ряду съ самыми выдающимися и самыми популярными именами «людей сороковыхъ годовъ», этой высокоталантливой дружины русской мысли, которой такъ много обязано отечественное просвѣщеніе [2]). Среди этой дружины Кавелинъ занимаетъ весьма почетное положеніе не только какъ ученый и литераторъ, но и какъ человѣкъ, какъ характеръ, по тому умственному и нравственному вліянію, которое онъ производилъ своею личностью на цѣлый рядъ русскихъ поколѣній, въ теченіе почти полувѣка. Ученикъ

---

1) См. посмертную статью К. Д. Кавелина «Злобы дня», Русская Мысль 1888 г., кн. 3 и 4.

2) Подробности см. ниже въ первомъ «примѣчаніи» къ настоящему тому.

Бѣлинскаго, другъ Грановскаго, Герцена, Тургенева и многихъ изъ ихъ «друзей-враговъ» славянофиловъ; вліятельный, хотя и «не гласный» участникъ величайшихъ реформъ царствованія Александра II, въ особенности реформы 19 февраля 1861 г.; популярный профессоръ двухъ университетовъ — Московскаго и Петербургскаго, и Военно-юридической Академіи; убѣжденный сторонникъ учащейся молодежи и крестьянъ, оригинальный мыслитель, психологъ, историкъ и юристъ; популяризаторъ русской исторической науки среди «большой» русской публики и пропагандистъ-публицистъ самостоятельной личности, прогресса, порядка и законности — Кавелинъ пережилъ большую часть изъ своихъ знаменитыхъ сверстниковъ и являлся среди новыхъ русскихъ поколѣній шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ достойнымъ представителемъ «идей сороковыхъ годовъ», основанныхъ на отвлеченныхъ философскихъ построеніяхъ и стремившихся выяснить въ наукѣ и въ жизни общія, руководящія начала и принципы.

Кавелинъ писалъ и печаталъ много; но его сочиненія, издаваемыя теперь въ систематическомъ собраніи, далеко не исчерпываютъ его богатаго духовнаго содержанія, которое выражалось, главнымъ образомъ, въ его обширной перепискѣ съ друзьями, въ его непосредственномъ личномъ общеніи съ людьми, въ его устныхъ бесѣдахъ съ ними. Синтетическій умъ Кавелина, чуждый крайнихъ воззрѣній, но всегда самостоятельный и упорный въ сужденіяхъ и выводахъ, отличался живостью и разносторонностью, а изящная и содержательная его рѣчь, убѣжденная и въ большинствѣ случаевъ страстная, производила сильное впечатлѣніе и возбуждала работу мысли. Ставя въ человѣкѣ выше всего нравственныя основы и посвятивъ всю свою жизнь тому, чтобы содѣйствовать развитію и прогрессу на Руси нравственной личности,—онъ самъ является яркимъ ея выразителемъ, и это его главнѣйшее достоинство. Чувство эгоизма было ему совершенно чуждо: самого себя, свою личность — онъ всегда приносилъ въ жертву общему дѣлу, идеѣ, стоявшимъ у него впереди всего. Не мало на Руси было, есть и будетъ людей талантливыхъ, умныхъ, ученыхъ,—но весьма мало людей, которые были бы вполнѣ вѣрны въ жизни своимъ принципамъ, у которыхъ слово не противорѣчило бы дѣлу. Къ такимъ-то немногимъ людямъ принадлежитъ Кавелинъ. Его исключительная психическая организація и симпатичный нравъ привлекали къ нему людей всѣхъ общественныхъ слоевъ отъ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ, самыхъ различныхъ духовныхъ способностей, самыхъ разнообразныхъ національностей и вѣроисповѣданій, служа для весьма и весьма многихъ примѣромъ и образцомъ.

Позволю себѣ привести здѣсь отрывокъ изъ моихъ личныхъ воспоминаній о Кавелинѣ изъ 60-хъ годовъ, одиннадцать лѣтъ тому назадъ напечатанныхъ въ «Вѣстникѣ Европы». Въ этихъ воспоминаніяхъ, какъ заявляли мнѣ друзья Константина Дмитріевича, рельефно очерчены особенности его личности.

«Отличительнымъ свойствомъ духовной природы Кавелина было гармоническое сочетаніе ума и сердца: мысль Кавелина согрѣвалась чувствомъ, а чувство просвѣтлялось умомъ, и это-то свойство ярко выражалось у Кавелина, при разговорѣ, во всемъ—въ самой манерѣ говорить, въ тонѣ голоса, а въ особенности въ глазахъ. Кто не говорилъ съ нимъ, кто не присутствовалъ при его бесѣдахъ, тотъ не можетъ вполнѣ ясно представить себѣ нравственнаго его образа. Писалъ Кавелинъ превосходно, но его слогъ —ничто въ сравненіи съ его разговоромъ! Необыкновенно живой, талантливый умъ Кавелина, какъ лучезарный свѣточъ, озарялъ умъ его собесѣдника и какъ бы удѣлялъ тому частицу своихъ духовныхъ сокровищъ, а нѣжное, исполненное глубокаго чувства, сердце невольно находило себѣ откликъ въ сердцѣ говорившаго съ нимъ.

«Разговаривая съ человѣкомъ, менѣе его развитымъ умственно, менѣе его знающимъ, Кавелинъ не подавлялъ его своимъ умственнымъ превосходствомъ, своимъ ученымъ авторитетомъ; напротивъ, онъ имѣлъ даръ стать съ нимъ въ уровень, причемъ не нисходилъ

до него, а какъ бы возвышалъ его до себя. Дѣлалъ онъ это просто, совершенно незамѣтно для собесѣдника. Отзывчивое на все благородное, честное сердце Кавелина умѣло затронуть самую лучшую душевную струну собесѣдника,—вотъ одна изъ причинъ, почему всѣ такъ легко и свободно чувствовали себя съ Кавелинымъ и такъ искренно и глубоко его любили! Велъ споры Кавелинъ съ большимъ достоинствомъ, съ уваженіемъ какъ къ самому себѣ, такъ и къ своему противнику. На первомъ планѣ у него всегда была идея, тема спора, и онъ твердо стоялъ на объективной почвѣ до тѣхъ поръ, пока не сходилъ съ этой почвы его антагонистъ. Если тотъ переходилъ на почву личную, или если Кавелинъ замѣчалъ неуважительное отношеніе къ своимъ основнымъ воззрѣніямъ, то—горе такому противнику! Тогда Кавелинъ становился неумолимъ въ своихъ филиппикахъ, раздражался и нерѣдко разрывалъ всякія сношенія съ человѣкомъ...

«Кавелинъ обладалъ необыкновеннымъ даромъ уловить сущность вопроса, бывшаго предметомъ спора или разговора. Талантливо анализировалъ онъ частности всякаго сложнаго явленія, и въ области отвлеченнаго знанія, и въ человѣческой жизни, общественной и индивидуальной,—и съ поразительною точностью и легкостью умѣлъ дѣлать изъ частностей обобщающіе выводы, формулируя ихъ въ краткихъ, категорическихъ положеніяхъ. Въ совершенствѣ владѣя русскимъ языкомъ, онъ чрезвычайно ясно излагалъ и развивалъ свою мысль, и въ доказательствахъ любилъ прибѣгать какъ къ примѣрамъ изъ обыденной, ежедневной жизни, такъ и къ помощи исторіи. Исторія являлась для него не отрѣшенной отъ жизни архивной стариной, а непрерывной цѣпью фактовъ изъ развитія человѣческихъ обществъ, неразрывно соединяющей прошедшее съ настоящимъ. Поэтому, для уясненія современнаго положенія дѣлъ, онъ нерѣдко обращался къ прошлому, и наоборотъ, для большей удобопонятности прошлаго, сравнивалъ его съ современностью. Обладая въ значительной степени юморомъ и веселостью, онъ пересыпалъ свою рѣчь остроумными выраженіями и анекдотами, причемъ задушевно смѣялся, невольно вызывая смѣхъ у собесѣдника и слушателя. «Какъ это просто и какъ я раньше не догадывался именно **такъ**, а не иначе разрѣшить этотъ вопросъ!»—не разъ думалось мнѣ послѣ бесѣдъ съ Кавелинымъ... Съ необыкновенною свободой и легкостью переходилъ онъ отъ вопросовъ серьезныхъ къ ежедневнымъ житейскимъ мелочамъ и снова восходилъ отъ нихъ въ область научную или политическую. О тѣхъ и другихъ говорилъ онъ одинаково просто, не измѣняя формы выраженій и способа веденія разговора. Ему такъ же легко было говорить объ отношеніи религіознаго пониманія къ положительному знанію, какъ и разсказывать о пребываніи въ своемъ самарскомъ имѣніи и о тамошнихъ крестьянахъ. Различіе сказывалось, разумѣется, въ **сущности** разговора, а не въ формѣ его. Когда Кавелинъ былъ занятъ какимъ-нибудь вопросомъ, онъ любилъ вести о немъ бесѣды съ людьми самаго различнаго образа мыслей и самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній. Путемъ обмѣна мыслей со взглядами, діаметрально-противоположными своимъ, онъ болѣе выяснялъ себѣ собственную свою мысль и дѣлалъ въ ней нерѣдко, вслѣдствіе получаемыхъ возраженій, весьма важныя поправки.

«Говорить Кавелинъ любилъ и могъ говорить безъ устали очень много—по нѣскольку часовъ кряду. При разговорѣ глаза его блестѣли какимъ-то особымъ фосфорическимъ блескомъ. Кавелинъ смотрѣлъ въ упоръ, прямо въ глаза своему собесѣднику, и иной разъ трудно было выдержать этотъ испытующій, какъ бы проникающій въ глубину души, взглядъ... А сколько сердечности, мягкости, нравственной чистоты выражалось въ глазахъ Кавелина!.. Звукъ его голоса отличался также необыкновенною привлекательностью, мелодичностью, музыкальностью и имѣлъ способность выражать не только самыя разнообразныя душевныя движенія, но и оттѣнки мысли. Невольно припоминаются мнѣ слова одной молодой дамы, хорошей музыкантши, преждевременно похищенной

смертью. «Разговаривать съ Константиномъ Дмитріевичемъ, слушать его,—говорила она, —это все равно что наслаждаться прекрасной музыкальной пьесой, исполненной самимъ композиторомъ» [1]).

Въ нравственномъ отношеніи Кавелинъ былъ самый чистый человѣкъ: слово у него никогда не расходилось съ дѣломъ, онъ не входилъ въ сдѣлки съ совѣстью и не зналъ никакихъ компромиссовъ. Высоко понимая человѣческое достоинство, онъ никогда и ни передъ кѣмъ не унижался, какъ бы высоко въ умственномъ и общественномъ положеніи ни стояло то или другое лицо; но всегда и вездѣ шелъ на встрѣчу тѣмъ, кого онъ считалъ достойными поддержки и одобренія. За правое дѣло, за справедливость — онъ являлся самымъ усерднымъ ходатаемъ и заступникомъ. Сколько людей, и по общественнымъ, и по своимъ личнымъ дѣламъ, обращалось къ Кавелину за совѣтомъ, за указаніемъ, разъясненіемъ; сколько наконецъ лицъ искало у него разрѣшенія трудныхъ жизненныхъ вопросовъ —и никто не уходилъ отъ него неудовлетвореннымъ. Онъ умѣлъ ободрять, поднимать упадавшій духъ въ человѣкѣ, и сколько юношей, въ настоящее время уже зрѣлыхъ и почтенныхъ людей, занимающихъ видныя мѣста въ наукѣ и литературѣ, и въ государственной и общественной службѣ,—сбились бы съ прямого пути, если бы не помогла имъ своевременно нравственная поддержка Кавелина! Но зато какъ безпощаденъ бывалъ Кавелинъ ко всему, что носило на себѣ печать пошлости, глупости и подлости, и если онъ умѣлъ любить все высокое, все честное — то точно также умѣлъ ненавидѣть все низкое, позорное и лживое. А какъ онъ понималъ страданія людскія! Его любвеобильное сердце чутко откликалось на всѣ чужія горести и несчастія, но его «благотворенія» извѣстны лишь весьма немногимъ, близкимъ ему, людямъ. Главными аренами филантропической дѣятельности Кавелина являются: 1) литературный фондъ (общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ), коего онъ былъ членъ-основатель и усердный работникъ въ администраціи; 2) Андреевское церковное попечительство, на Васильевскомъ островѣ, въ Петербургѣ, и 3) бывшіе крѣпостные крестьяне его отца и его собственные—въ сельцѣ Ивановѣ, Бѣлевскаго у., Тульской губ., и въ деревнѣ Кавелинкѣ, Новоузенскаго у., Самарской губ. Свои собственныя, личныя несчастія—а ихъ было у него немало—сносилъ Кавелинъ съ необыкновеннымъ стоицизмомъ, что и выразилъ весьма характерно въ письмѣ къ сестрѣ, строки изъ котораго приведены въ видѣ эпиграфа къ настоящему очерку. Въ нихъ вполнѣ ясно выраженъ весь нравственный образъ Кавелина.

Біографія такого человѣка въ высшей степени интересна и поучительна. Она бѣдна внѣшними фактами, но зато богата внутреннимъ содержаніемъ. Фономъ для нея является исторія русской культуры всего XIX столѣтія (такъ какъ его дѣтство и отрочество проходятъ въ первую треть нашего вѣка); а самая біографія есть повѣсть о психическомъ развитіи высокодаровитой личности и объ упорной и стойкой ея борьбѣ съ окружающей ее средой. Эта борьба началась для Кавелина съ дѣтства, въ его семьѣ, и продолжалась всю жизнь—на самыхъ различныхъ поприщахъ его публичной и частной дѣятельности.

Изложить кратко такую біографію нельзя; а потому мы ограничиваемся припоминаніемъ лишь главнѣйшихъ обстоятельствъ изъ жизни К. Д. Кавелина, въ качествѣ поясненій къ Собранію его сочиненій.

Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ родился въ С.-Петербургѣ 4 ноября 1818 г. Онъ происходилъ изъ стариннаго, но не знатнаго и не богатаго русскаго дворянскаго рода, ведущаго свое начало отъ московскаго дѣльца XVII в., патріаршаго дьяка, Ив. Ив. Ковелина († ок. 1660 г.),—и принадлежалъ по своему положенію къ среднему провинціальному помѣщичьему кругу. Дѣдъ его, секундъ-майоръ Александръ Михайловичъ Кавелинъ († ок. 1812 г.) отъ брака съ

[1]) См. «Вѣст. Евр.» 1886 г., октябрь, стр. 741—743.

Анной Ив. Кошелевой имѣлъ семнадцать человѣкъ дѣтей — одиннадцать сыновей и шесть дочерей, и вслѣдствіе такого большого семейства его довольно значительное состояніе (500 слишкомъ душъ крѣпостныхъ крестьянъ) раздробилось на очень мелкія владѣнія, и сыновья и дочери Александра Мих. Кавелина явились мелкопомѣстными дворянами, за исключеніемъ второго сына, Дмитрія Александровича, отца Конст. Дм. Кавелина. Дмитрій Александр. Кавелинъ (р. 1778—† 1851) удачно служилъ по разнымъ «гражданскимъ» вѣдомствамъ (38 лѣтъ отъ роду онъ уже имѣлъ чинъ дѣйств. ст. сов.) и получая за службу какъ аренды и единовременныя денежныя награды, такъ и пожалованья землями, значительно увеличилъ этимъ путемъ свои наслѣдственныя владѣнія. Отъ брака съ бѣдной дѣвушкой-сиротой, дочерью умершаго придворнаго архитектора, шотландца Джона Белли, Шарлоттой Ивановной Белли (р. 1787—† 1853) Дмитрій Александр. Кавелинъ имѣлъ одну дочь, самую старшую въ семьѣ, Софью Дмитріевну, и трехъ сыновей, изъ которыхъ Константинъ Дмитріевичъ былъ вторымъ.

Обученіе въ Московскомъ Благородномъ Пансіонѣ имѣло большое вліяніе на послѣдующій складъ воззрѣній и склонностей Кавелина-отца. Литературное направленіе этого учебнаго заведенія и совмѣстное въ немъ ученіе съ Жуковскимъ, Блудовымъ, братьями Тургеневыми, Дашковымъ развили въ Дм. Ал. Кавелинѣ склонность къ литературнымъ занятіямъ и ввели его впослѣдствіи въ кругъ литераторовъ и передовыхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей первыхъ годовъ царствованія императора Александра I. Онъ былъ близокъ съ только что названными товарищами по ученію и, благодаря имъ, сошелся скоро съ кн. П. А. Вяземскимъ, М. М. Сперанскимъ, С. С. Уваровымъ и съ знаменитымъ московскимъ митрополитомъ Филаретомъ, въ то время молодымъ ученымъ богословомъ. Будучи отъ природы добраго сердца и тихаго нрава, Д. А. Кавелинъ былъ вообще натурой недѣятельной, не обладалъ ни самостоятельностью ума, ни силой характера, а потому постоянно и легко поддавался постороннимъ вліяніямъ — какъ окружающей его среды, такъ и различныхъ умственныхъ и правительственныхъ теченій, что, между прочимъ, доказывается его поведеніемъ въ 1822 г. въ печальной исторіи четырехъ профессоровъ Петербургскаго университета (Арсеньева, Германа, Раупаха и Малова), обвинявшихся въ вольнодумствѣ. Д. А. Кавелинъ занималъ въ то время должность «директора» Петербургскаго университета и въ этой исторіи былъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ извѣстнаго Магницкаго и его alter ego, петербургскаго попечителя Рунича. Послѣ этой исторіи Д. А. Кавелинъ переходитъ на службу къ своему давнишнему «покровителю», у котораго онъ служилъ и раньше, бывшему министру полиціи А. Д. Балашову, назначенному въ 1823 году генералъ-губернаторомъ пяти губерній — Рязанской и смежныхъ съ ней. Съ 1832 года, покинувъ службу и забытый своими прежними друзьями, Кавелинъ-отецъ жилъ въ Москвѣ. Недовольство настоящимъ, упреки за свое прошлое преслѣдовали его въ одиночествѣ, и онъ сталъ впадать въ апатію, въ хандру, стремясь найти утѣшеніе въ религіи; но его религія выражалась во внѣшнемъ, обрядовомъ благочестіи, доходившемъ до ханжества.

Мать Константина Дмитріевича Кавелина, Шарлотта Ивановна, въ противоположность отцу, отличалась практическимъ умомъ и твердой волей и неустанно, до конца жизни, трудилась на поддержаніе семьи; но въ характерѣ ея было весьма много несимпатичныхъ сторонъ, изъ которыхъ главными являлись: самовластіе, нетерпимость къ чужимъ мнѣніямъ и подчиненіе всего домашняго распорядка разнымъ внѣшнимъ приличіямъ и условнымъ правиламъ; въ этомъ послѣднемъ свойствѣ нельзя не видѣть слѣдовъ врожденной ей и развитой воспитаніемъ англійской «пунктуальности», осложнившейся помѣщичьимъ складомъ жизни Кавелиныхъ и русскими «дворянскими» предразсудками того времени. Свое «генеральство» Шарлотта Ивановна ставила очень высоко и къ людямъ не чиновнымъ и не дворянскаго круга относилась свысока, а на «учитель-

скую» карьеру, къ которой она причисляла и профессорскую, смотрѣла какъ на униженіе дворянскаго достоинства. Будучи полновластной госпожей у себя въ домѣ, она требовала безусловнаго повиновенія своему житейскому кодексу со стороны всѣхъ членовъ семьи, начиная отъ мужа, который исполнялъ безпрекословно всѣ ея велѣнія.

Многочисленные родственники Кавелиныхъ и сосѣди по тульскому ихъ имѣнію, сельцу Иванову, гдѣ Кавелины проводили каждое лѣто, по словамъ Константина Дмитріевича, въ большинствѣ своихъ представителей принадлежали къ помѣщичьему кругу, жившему пустой жизнью, безъ всякихъ умственныхъ стремленій; интересы этого круга опредѣлялись крѣпостными нравами, дворянскимъ чванствомъ, мало искренними родственными отношеніями, мелкими ежедневными заботами, сплетнями и т. д.

Такова была семейная обстановка К. Д. Кавелина въ теченіе всего его дѣтства и отрочества. Понятно, что она не могла создать ему почвы для здороваго умственнаго и нравственнаго развитія. Въ Рязани, гдѣ въ то время служилъ при Балашовѣ его отецъ, началось его первоначальное обученіе. Въ 1825 году, когда ему исполнилось семь лѣтъ, возрастъ, въ который, по старинному русскому обычаю, засаживаютъ дѣтей за азбуку,—принялась его учить русской грамотѣ его сестра Софья Дмитріевна, на десять лѣтъ его старше; а черезъ годъ Конст. Дмитр., вмѣстѣ съ меньшимъ своимъ братомъ, Павломъ Дмитріевичемъ, поступилъ подъ завѣдыванье гувернеровъ-нѣмцевъ. Первымъ изъ длиннаго ихъ ряда былъ докторъ Дункерсъ, пруссакъ, нѣкогда профессоръ одного изъ германскихъ университетовъ, человѣкъ ученый и большого общаго образованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ пьяница; Дункерсъ пробылъ у Кавелиныхъ всего годъ, а преемники его представляли собою олицетворенныя пародіи на педагоговъ, напоминая Фонъ Визинскаго «Вральмана». То были одинъ вслѣдъ за другимъ въ теченіе года: лифляндскій дворянинъ, отставной юнкеръ Карстенсъ, Вигандъ и Іогишъ. Въ 1828 году поступилъ, пятый по счету, швейцарецъ Мэнъ, кондитеръ по спеціальности, доведшій Константина Дмитріевича и его брата Павла до университета и затѣмъ оставшійся у Д. А. Кавелина въ качествѣ управляющаго его имѣніями. Кромѣ гувернеровъ, были у К. Д. учителя, но выборъ ихъ былъ очень случаенъ и ученье шло весьма не систематично. Въ Рязани учили его: священникъ Горностаевъ — закону Божію, а прочимъ предметамъ или семинаристы, какъ Гіацинтовъ, Хавской, или учителя мѣстной гимназіи, въ числѣ которыхъ находился Хламовъ, впослѣдствіи одинъ изъ самыхъ бездарныхъ профессоровъ Казанскаго университета, гдѣ онъ въ 30-хъ годахъ преподавалъ философію, церковно-славянскій языкъ и теорію краснорѣчія. Съ горькимъ чувствомъ на каждомъ шагу оскорбляемаго нравственнаго достоинства и со стороны учителей, и со стороны родителей—вспоминалъ впослѣдствіи К. Д. Кавелинъ рязанскіе годы своего ученія. Утѣшеніе оскорбленный мальчикъ находилъ въ бесѣдахъ съ сестрой, да съ дворовыми и крестьянами, съ которыми сближается онъ въ очень раннемъ возрастѣ, и въ одинокихъ дѣтскихъ размышленіяхъ и мечтахъ. Онъ любилъ удаляться въ большой тѣнистый садъ въ тульской деревнѣ Кавелиныхъ, Ивановѣ, и имѣя склонность къ таинственному, выбиралъ въ этомъ саду для своихъ мечтаній самыя глухія мѣста; тамъ онъ повѣрялъ свое горе сестрѣ, тамъ онъ разсуждалъ съ своими друзьями—крѣпостными отца, тамъ онъ предавался мечтамъ о возможности лучшаго существованія. Сближаясь съ дворовыми и крестьянами, даровитый ребенокъ въ раннемъ дѣтствѣ уже начинаетъ сознавать всю неправду крѣпостного «права» и возмущается всякимъ насиліемъ и несправедливостью. Восьмилѣтнимъ мальчикомъ онъ говоритъ ивановскому крѣпостному садовнику: «А вѣдь Богъ не велѣлъ однимъ людямъ работать на другихъ даромъ; это противно божескимъ и человѣческимъ законамъ»!

Не лучше пошло обученіе К. Д. и по переѣздѣ Д. А. Кавелина въ Москву, когда по выходѣ его въ отставку матеріальныя его средства сильно пошатнулись, а расположе-

ніе духа, какъ мы видѣли выше, было нерадостно. Желая сократить расходы на обученіе сыновей и преподать имъ образованіе православно-религіозное, онъ поручилъ уроки по всѣмъ предметамъ, кромѣ новыхъ языковъ, священнику московской церкви Черниговскихъ чудотворцевъ, Ст. Ив. Терновскому, оказавшемуся совершеннѣйшимъ невѣждой. Новымъ языкамъ обучали Константина Дмитріевича женевецъ Барбе и нѣмецъ Эйзенгардтъ—первый французскому, а второй нѣмецкому. Между тѣмъ мальчикъ входилъ уже въ юношескій возрастъ и былъ наканунѣ поступленія въ университетъ; онъ очень хорошо сознавалъ свою неподготовленность, угадывалъ недостаточность познаній Терновскаго и безпокоился за судьбу своего вступительнаго университетскаго экзамена; но только благодаря вмѣшательству Барбе и Эйзенгардта, полюбившихъ своего ученика, удалось улучшить его обученіе: уроки математики были переданы Барбе, а латинскаго языка — Эйзенгардту; наконецъ Терновскій былъ совсѣмъ уволенъ, и мѣсто его заступилъ дьяконъ церкви Св. Георгія на Всполье, Левъ Степановичъ, фамилію котораго Кавелинъ впослѣдствіи забылъ; но несмотря на такое забвеніе, онъ съ признательностью вспоминалъ этого дьякона, краснорѣчиваго проповѣдника и прекраснаго педагога. Метода его преподаванія, по словамъ К. Д., заключалась въ возбужденіи въ ученикѣ самодѣятельности мышленія. Подъ вліяніемъ этого разумнаго педагога быстро начинаетъ развиваться даровитый отъ природы умъ Кавелина, и онъ расширяетъ свѣдѣнія, получаемыя на урокахъ, путемъ самостоятельнаго чтенія. Въ эти года онъ особенно усердно читаетъ четырехъ авторовъ: Плутарха, Гольдсмита, англійскаго историка и поэта XVIII в., французскаго историка того же XVIII в.— Ролленя, и Карамзина, котораго «Исторія государства Россійскаго» въ 30-хъ годахъ находилась въ апогеѣ своей славы. Изучаетъ также К. Д. за это время самостоятельно разныя сочиненія изъ библіотеки отца по естествознанію и математикѣ. Въ 1834 г. являются у Кавелина два новыхъ педагога, оказавшихъ на его развитіе наибольшее вліяніе: это извѣстный санскритологъ, въ то время студентъ Московскаго университета, К. А. Коссовичъ, и еще болѣе извѣстный русскій критикъ В. Г. Бѣлинскій, который только что выступилъ на поприщѣ журнальной критики въ газетѣ «Молва» съ талантливой статьей: «Литературныя мечтанія». Коссовичъ былъ приглашенъ для преподаванія языковъ, греческаго и латинскаго, а Бѣлинскій для занятій по русскому языку, исторіи и географіи.

Бѣлинскій имѣлъ большое вліяніе на умственное и нравственное развитіе Кавелина, особенно впослѣдствіи, когда сблизился съ бывшимъ своимъ ученикомъ въ Петербургѣ, въ 40-хъ годахъ. Кавелинъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» о немъ, съ признательностью отмѣчая это вліяніе, вмѣстѣ съ тѣмъ рисуетъ его малосвѣдущимъ педагогомъ. «Училъ меня Бѣлинскій плохо, — говоритъ Кавелинъ, — задавалъ по книжкѣ, выслушивалъ разсѣянно, безъ дополненій и поясненій, и наконецъ предоставилъ меня собственной судьбѣ, говоря, что я юноша умный и съ учебникомъ справлюсь самъ. Но насколько онъ былъ плохой педагогъ, мало знающій предметъ, которому училъ, настолько онъ благотворно дѣйствовалъ на меня возбужденіемъ умственной дѣятельности, умственныхъ интересовъ, уваженія и любви къ знанію и нравственнымъ принципамъ. Мы занимались съ нимъ больше разговорами, въ которыхъ не было ничего педагогическаго въ школьномъ смыслѣ, и я только по счастливой случайности не провалился на экзаменѣ; но эти разговоры оставили во мнѣ гораздо больше, чѣмъ детальное и аккуратное знаніе учебника и руководствъ... Въ чемъ собственно состояли наши разговоры, этого я рѣшительно не помню. Вообще отрицательное отношеніе ко всей окружающей меня дѣйствительности — соціальной, религіозной и политической, благодаря Бѣлинскому, во мнѣ засѣло, хотя въ очень наивной, неопредѣленной и мечтательной формѣ. Оба мы тогда мало знали, и потому отъ нашихъ разговоровъ ничего не могло во мнѣ остаться, кромѣ неопредѣленныхъ стремленій. Они были и прежде во мнѣ, но

теперь, благодаря Бѣлинскому, путь ихъ былъ намѣченъ».

Въ августѣ 1835 года Кавелинъ поступилъ на историко-филологическій факультетъ Московскаго университета, но въ ноябрѣ того же года перешелъ на факультетъ юридическій, на который въ то время привлекали студентовъ своими чтеніями въ особенности два профессора, только что возвратившіеся изъ Германіи, оба непосредственные ученики Гегеля, философская система котораго властвовала въ то время надъ европейской мыслью и едва проникала къ намъ въ Россію. То были: профессоръ энциклопедіи и философіи права П. Г. Рѣдкинъ и римскаго права Н. И. Крыловъ. Оба эти знаменитые представители русской юридической науки оставили глубокій слѣдъ во всемъ послѣдующемъ научномъ направленіи Кавелина. Рѣдкинъ, къ которому онъ, по собственному признанію, «питалъ культъ», способствовалъ дальнѣйшему развитію и систематизаціи природнаго, обобщающаго, строго-логическаго мышленія Кавелина и сообщилъ ему научные пріемы изслѣдованія вопросовъ философскихъ и историческихъ, а Крыловъ передалъ точный, научный методъ изслѣдованія правовыхъ явленій, въ особенности въ области гражданскаго права; ему обязанъ Кавелинъ тѣмъ, что сталъ цивилистомъ. Но кромѣ Рѣдкина и Крылова, на Кавелина оказали благотворное вліяніе еще два молодыхъ профессора, также приготовлявшіеся къ каѳедрѣ за границей: политической экономіи—А. И. Чивилевъ, и римской словесности и древностей—Д. Л. Крюковъ. «Въ университетѣ—говоритъ о себѣ Кавелинъ — я съ увлеченіемъ отдался вліянію нѣмецкой науки. Молодые профессора, пріѣхавшіе въ то время изъ-за границы, по убѣжденію, а можетъ и не безъ нѣкотораго разсчета, относились свысока, иронически, къ доморощеннымъ дѣятелямъ, къ пробамъ русскаго ума и ко всему французскому, которое тогда царило въ русскихъ, сколько нибудь развитыхъ головахъ. Отдавшись беззавѣтно обаятельному вліянію профессоровъ, я не имѣлъ охоты искать другихъ сближеній». Но такъ провелъ онъ лишь первый годъ своего студенчества; со второго года онъ уже ищетъ умственныхъ сближеній помимо университета.

Время студенчества Кавелина въ Москвѣ было знаменательной порой въ исторіи русскаго просвѣщенія. Это было начало той эры Московскаго университета, которая извѣстна подъ именемъ «Строгоновской» (1835—1847). Въ 1835 году былъ введенъ новый университетскій уставъ, впервые поставившій русскіе университеты на строго-научную почву, и въ этомъ же году былъ назначенъ попечителемъ Московскаго университета графъ Серг. Гр. Строгоновъ, которому столь много обязано русское высшее знаніе. Гр. Строгоновъ приглашаетъ въ Московскій университетъ названныхъ выше и другихъ молодыхъ профессоровъ, подымая университетское преподаваніе и внося этимъ, а равно и своимъ личнымъ вліяніемъ, умственное оживленіе среди учащейся молодежи; онъ ставитъ университетъ на подобающую ему высоту и способствуетъ умственному общенію между нимъ и московскимъ обществомъ. Въ «Строгоновское» время Московскій университетъ становится умственнымъ центромъ не только Москвы, но и всей Россіи; къ нему примыкаютъ образовавшіеся тогда въ Москвѣ литературно-философскіе «кружки», въ которыхъ вырабатывались два противоположныя и враждебныя одно другому культурно-общественныя воззрѣнія на русскую дѣйствительность, извѣстныя подъ именемъ *западниковъ* и *славянофиловъ*. Распря между ними происходитъ въ оживленныхъ спорахъ въ московскихъ «литературныхъ салонахъ» и переносится оттуда на страницы газетъ и журналовъ и на университетскія каѳедры.

Со второго университетскаго курса Кавелинъ входитъ въ одинъ изъ такихъ «салоновъ», которому,—по его собственному признанію,— *онъ обязанъ направленіемъ всей своей послѣдующей жизни и лучшими воспоминаніями*. Это салонъ Авд. Петр. Елагиной (р. 1789 † 1877 г.), рожденной Юшковой, по первому браку Кирѣевской, матери двухъ братьевъ Кирѣевскихъ, Петра Вас. и Ивана Вас., основателей «славянофильскаго» ученія. Получивъ прекрасное

домашнее воспитаніе и состоя въ родствѣ съ В. А. Жуковскимъ, Авд. Петр. Елагина, съ молодыхъ лѣтъ и до глубокой старости, жила въ самой образованной средѣ: вокругъ нея, въ теченіе долгихъ лѣтъ, группировалось нѣсколько поколѣній русскихъ литераторовъ, ученыхъ, поэтовъ, художниковъ, публицистовъ. Кавелинъ вошелъ въ «салонъ» Елагиной, благодаря своимъ товарищамъ по университету, сыновьямъ ея—Петру Вас. Кирѣевскому и двумъ Елагинымъ, а также Дм. Ал. Валуеву, бывшему своимъ человѣкомъ въ ихъ семьѣ. Съ этими лицами онъ сохранилъ на всю жизнь самыя близкія, теплыя отношенія и при ихъ посредствѣ сблизился съ вождями славянофильства: А. С. Хомяковымъ и К. С. Аксаковымъ. Хотя впослѣдствіи, какъ мы увидимъ, Кавелинъ и примкнулъ къ «западникамъ», но близость къ славянофиламъ въ юности оставила въ немъ настолько глубокіе слѣды, что вполнѣ западникомъ онъ никогда не былъ. До половины сороковыхъ годовъ онъ, по собственному признанію, былъ «наполовину» славянофилъ; но и въ послѣдующемъ, болѣе позднемъ періодѣ воззрѣній Кавелина (70-хъ и 80-хъ годовъ) — мы можемъ отмѣтить слѣды славянофильскихъ идей. Лишь вѣроисповѣдныхъ воззрѣній славянофиловъ, составлявшихъ сущность ихъ ученія, Кавелинъ никогда не раздѣлялъ. Религіозныя убѣжденія Кавелина были своеобразны и независимы. Онъ всегда очень высоко ставилъ христіанство, но внѣ его церковно-обрядовыхъ формъ, а впослѣдствіи особенно чтилъ принципы христіанской нравственности.

Въ 1839 году Кавелинъ кончилъ университетскій курсъ первымъ кандидатомъ правъ и съ золотой медалью за сочиненіе, написанное на тему проф. Крылова «о римскомъ владѣніи»; но не торопился, несмотря на настоянія родителей, въ особенности матери, начать службу въ Петербургѣ, въ одномъ изъ министерствъ, на что давало право его первое кандидатство. Его влекло къ дальнѣйшему умственному развитію и къ каѳедрѣ, и онъ былъ далекъ отъ мысли promѣнять столь благопріятно для него слагавшуюся умственную московскую среду на чиновничью петербургскую карьеру. Три года, до половины 1842 года, живетъ Кавелинъ въ Москвѣ, у своихъ родителей, предаваясь научнымъ занятіямъ и все болѣе и болѣе сближаясь съ интеллигентными московскими кружками. Продолжая посѣщать Рѣдкина, Крылова, Крюкова и Елагинскій салонъ, онъ дѣлается теперь желаннымъ гостемъ и въ другихъ «салонахъ», во главѣ которыхъ должны быть поставлены салоны главарей двухъ противоположныхъ лагерей—западническаго, П. Я. Чаадаева, и славянофильскаго, А. С. Хомякова. Въ эти года Кавелинъ знакомится и сближается съ Т. Н. Грановскимъ, занявшимъ въ Московскомъ университетѣ каѳедру всеобщей исторіи съ осени 1839 года, и съ извѣстнымъ генераломъ и просвѣщеннымъ человѣкомъ Александровской эпохи, «декабристомъ» Мих. Ѳедор. Орловымъ, сыну котораго, Ник. Мих. Орлову, даетъ уроки. Въ 1840 году Кавелинъ сдаетъ экзаменъ на магистра гражданскаго права и начинаетъ писать магистерскую диссертацію «объ основныхъ началахъ русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства отъ Уложенія до Учрежденія о губерніяхъ», отрывокъ изъ которой читаетъ на вечерѣ у Хомякова.

Грановскій, съ которымъ впослѣдствіи Кавелинъ находился въ самой тѣсной дружбѣ, играетъ большую роль въ его умственномъ развитіи. Вліяніе Грановскаго на Кавелина было очень сильно и объясняется сходствомъ характеровъ и организаціи духовной природы того и другого. Отличительнымъ свойствомъ талантливой и мягкой натуры Кавелина и Грановскаго является гармоническое равновѣсіе душевныхъ силъ, создававшее и развивавшее въ нихъ то міровоззрѣніе, обыкновенно называемое оптимизмомъ, которое спасало ихъ отъ рѣзкости въ собственныхъ воззрѣніяхъ и побуждало стремиться къ примиренію крайностей во взглядахъ другихъ. Вотъ какъ Кавелинъ характеризуетъ Грановскаго: — «Въ то время какъ большинство талантливыхъ и мыслящихъ людей легко вдавались въ крайности, Грановскій, въ цвѣтущую пору

своей дѣятельности, принадлежалъ къ числу тѣхъ очень немногихъ, которые умѣли понимать и цѣнить долю истины, заключающуюся въ каждомъ направленіи, въ каждой мысли, и потому онъ оставался связующею нитью между противоположными взглядами, уже въ то время начинавшими зарождаться въ московскихъ литературныхъ и ученыхъ кружкахъ. И сильными, и слабыми своими сторонами Грановскій полнѣе, лучше всѣхъ другихъ выражалъ характеристическую черту тогдашняго умственнаго движенія въ Москвѣ. То было пробужденіе умственной жизни. Существенный и важный смыслъ его заключался въ неопредѣлившихся еще стремленіяхъ и предчувствіяхъ; напрасно старались бы мы увидѣть въ немъ развитіе и борьбу уже установившихся мнѣній и взглядовъ,—ни тѣхъ, ни другихъ еще не существовало. Тогда совершался такой же переломъ въ русской мысли, какой, вслѣдъ затѣмъ, начался и во внутренней жизни Россіи. Между тѣмъ и другимъ явленіемъ нельзя не замѣтить тѣсной органической связи. Взгляды, появившіеся во время этого литературнаго и научнаго движенія, представляютъ первыя попытки самостоятельнаго критическаго отношенія къ нашему прошедшему и настоящему; они многозначительны не какъ твердые результаты науки, а какъ признаки пробужденія у насъ литературныхъ и научныхъ интересовъ. При этомъ характерѣ тогдашняго нашего умственнаго движенія, натура, подобная Грановскому, должна была играть одну изъ первенствующихъ ролей. Его чуткій, исполненный такта умъ какъ будто сознавалъ, что время формулировать мнѣнія и взгляды для насъ еще не приспѣло, и онъ какъ будто медлилъ рѣшительно стать въ ряды которой либо изъ враждовавшихъ между собою литературныхъ партій» [1]). Оптимизмъ Кавелина и Грановскаго требуетъ объясненія. «Оптимизмъ—не маниловщина»—мѣтко замѣчалъ самъ Кавелинъ, и его оптимизмъ не являлся примиреніемъ съ существующимъ, тѣмъ менѣе возведеніемъ въ идеалъ «дѣйствительности». Онъ давно отрицательно отнесся къ пресловутому положенію Гегелевой философіи о разумности всего дѣйствительнаго; оптимизмъ Кавелина, какъ и оптимизмъ Грановскаго, коренился въ глубокой вѣрѣ въ лучшія стороны нравственной человѣческой природы и въ непреклонной увѣренности въ великой судьбѣ русскаго народнаго генія.

Кавелинъ долженъ былъ наконецъ уступить настоятельнымъ требованіямъ матери, и въ 1842 году съ сожалѣніемъ покинулъ Москву и уѣхалъ въ Петербургъ, поступивъ тамъ на службу въ министерство юстиціи; но эта служба, столь заманчивая для многихъ, не только не привлекала его къ себѣ, но просто тяготила, и онъ мечталъ о возвращеніи въ Москву и о научной и профессорской дѣятельности. Свою юношескую хандру выражаетъ онъ въ письмахъ къ нѣжно-любимой имъ сестрѣ, Софьѣ Дмитріевнѣ, въ томъ же 1842 году вышедшей замужъ за казанскаго помѣщика, отставного генералъ-майора Александра Львовича Корсакова. Въ перепискѣ съ сестрой находитъ онъ душевное успокоеніе. Но кромѣ этой переписки духовныя стремленія Кавелина получаютъ удовлетвореніе въ литературномъ кружкѣ тогдашнихъ петербургскихъ «западниковъ», во главѣ которыхъ стоялъ бывшій учитель Кавелина Бѣлинскій, въ то время уже первенствовавшій въ «Отечественныхъ Запискахъ», органѣ этого кружка, выходившемъ съ 1839 г. подъ редакціей А. А. Краевскаго. Вокругъ Бѣлинскаго группировались начинающіе писатели, представители только-что нарождавшейся въ русской изящной литературѣ т. наз. «натуральной» школы: И. И. Панаевъ, Н. А. Некрасовъ, И. С. Тургеневъ,—и часто наѣзжавшій изъ Москвы въ Петербургъ къ своему другу Бѣлинскому—эстетикъ и мыслитель В. П. Боткинъ. Примыкали къ кружку и молодые люди, не присяжные литераторы, а служившіе въ разныхъ министерствахъ и лично дружные съ Бѣлинскимъ—Кульчицкій, Н. Н. Тютчевъ, М. А. Языковъ и И. И. Масловъ. Привольно жилось Кавелину въ этомъ кружкѣ, находившемся всецѣло подъ вліяніемъ нравствен-

[1]) «Вѣстн. Евр». 1866 г., кн. IV, Литературная хроника, стр. 41—42.

наго авторитета Бѣлинскаго, чему придаетъ Кавелинъ большое значеніе въ своемъ послѣдующемъ развитіи. Отмѣтивъ это вліяніе въ «Воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ», Кавелинъ въ этой же статьѣ такъ характеризуетъ самый кружокъ, его направленіе и идеалы. «Въ кружкѣ—говоритъ онъ—при самыхъ дружескихъ взаимныхъ отношеніяхъ его членовъ, споры и серьезные разговоры перемежались остротами и шутками; въ этомъ кружкѣ развивались мечты о лучшемъ будущемъ безъ опредѣленной его формулировки и жадно и зорко слѣдили за всякимъ проявленіемъ въ словѣ и въ печати намековъ на это лучшее. Жоржъ Зандъ и «новая» французская литература, поднимавшая соціальные вопросы, пользовались въ кружкѣ великимъ авторитетомъ». Все это возбуждало мысль Кавелина, и онъ усердно работалъ надъ своей магистерской диссертаціей, которую пересылалъ въ Москву по частямъ для печати. Въ концѣ 1843 г. онъ уѣхалъ въ Москву, 24-го февраля 1844 г. защитилъ тамъ диссертацію, а вслѣдъ затѣмъ получилъ въ Московскомъ университетѣ мѣсто исправляющаго должность адъюнкта при каѳедрѣ исторіи русскаго законодательства, которую занималъ въ то время проф. Морошкинъ.

Профессорство Кавелина въ Московскомъ университетѣ, къ чему онъ такъ пламенно стремился съ самаго своего студенчества, продолжалось всего четыре года; но несмотря на столь короткое время, оно было весьма плодотворно и для русскаго просвѣщенія вообще и для русской исторической науки въ частности, и въ личной жизни Кавелина имѣетъ большое значеніе. Въ 1845 г. Кавелинъ женился на Антонинѣ Ѳеодоровнѣ Коршъ, сестрѣ извѣстныхъ литераторовъ и публицистовъ — Евг. Ѳеод. и Вал. Ѳеод. Коршъ; а на старшей ихъ сестрѣ, Любови Ѳеод. Коршъ, былъ еще ранѣе женатъ профессоръ Никита Ив. Крыловъ, который имѣлъ столь сильное вліяніе, какъ мы видѣли выше, на умственное развитіе Кавелина; теперь возникли у него съ Крыловымъ семейныя недоразумѣнія. На почвѣ этихъ недоразумѣній, въ 1847 г. произошло наконецъ открытое между ними столкновеніе, принявшее общественно-служебный характеръ и поведшее къ распрѣ среди профессоровъ; «старые» профессора держали сторону Крылова, а молодые, съ П. Г. Рѣдкинымъ во главѣ, сторону Кавелина. Печальнымъ результатомъ этой распри было оставленіе въ 1848 г. службы въ Московскомъ университетѣ многими профессорами, въ томъ числѣ Рѣдкинымъ, Чивилевымъ и самимъ Кавелинымъ.

Въ автобіографической запискѣ, помѣщенной въ «Біографическомъ Словарѣ профессоровъ и преподавателей Московскаго университета», Кавелинъ такъ излагаетъ программу своихъ университетскихъ чтеній за 1844 1848 гг: «Въ изложеніи нынѣ дѣйствующихъ законовъ Кавелинъ слѣдовалъ Своду законовъ, только сокращая его и дѣлая, гдѣ было нужно, краткія историческія обозрѣнія. Въ исторіи же русскаго законодательства, главномъ предметѣ его занятій, онъ раскрывалъ студентамъ юридическаго факультета 1-го курса преимущественно родовыя начала русскаго быта въ ихъ историческомъ развитіи. Первый курсъ (1844—1845 г.) былъ имъ доведенъ до царствованія Петра Великаго; во второмъ (1845—1846) г.) онъ успѣлъ представить и краткій очеркъ законодательства Петра Великаго въ области государственнаго права; послѣдній учебный его курсъ (1847—1848) былъ преимущественно монографическій. Кавелинъ большую часть лекцій посвятилъ весьма подробному обозрѣнію первоначальнаго быта славянъ и изслѣдованію происхожденія древнѣйшихъ славянскихъ учрежденій, причемъ пользовался данными изъ теперешняго быта славянскихъ племенъ и историческими письменными памятниками ихъ древнѣйшей исторіи. Въ то же время онъ отдѣлялъ одну лекцію въ недѣлю для чтенія и объясненія студентамъ древнихъ памятниковъ русскаго законодательства, начиная съ «Русской Правды». Кавелинъ предполагалъ, такимъ образомъ, пройти монографически всю исторію русскаго законодательства и объяснить постепенно всѣ главнѣйшіе памятники нашей юридической жизни. Планъ этотъ, разсчитанный на много лѣтъ, не могъ быть приведенъ въ исполненіе за выходомъ Кавелина въ томъ же 1848 г.

изъ Московскаго университета. Взглядъ, положенный имъ въ основаніе своего курса, представленъ въ сжатомъ очеркѣ, въ статьѣ, напечатанной въ первой книжкѣ «Современника» 1847 года, въ отдѣлѣ наукъ, подъ заглавіемъ: «Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи» [1]).

Студенты Московскаго университета, слушатели Кавелина, сохранили о немъ теплыя воспоминанія. Вотъ что, напримѣръ, пишетъ одинъ изъ нихъ, академикъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ: «До сихъ поръ еще свѣжо для меня то впечатлѣніе, которое я выносилъ изъ этихъ лекцій, полныхъ юношескаго пыла, свѣжихъ и яркихъ. Профессоръ былъ тогда почти такъ же молодъ, какъ и его слушатели, и оттого его воодушевленіе электрическою искрой сообщалось студентамъ. Общій смыслъ всей русской исторической жизни, еще до сихъ поръ запечатанный семью печатями, казался намъ уже постигнутымъ: мы вѣрили тому, что этотъ смыслъ, выраженный завѣтною смѣной трехъ началъ, родового, вотчиннаго и государственнаго, вполнѣ передавался намъ изящною рѣчью одного изъ самыхъ изящныхъ профессоровъ, котораго мнѣ случалось слышать» [2]). Гораздо полнѣе и рельефнѣе передаетъ свои впечатлѣнія отъ Кавелина другой его слушатель, Н. П. Колюпановъ.

«Я слушалъ—говоритъ г. Колюпановъ,—лекціи Константина Дмитріевича Кавелина въ сороковыхъ годахъ. Онъ былъ тогда совсѣмъ юный профессоръ, не старѣе иныхъ студентовъ, полный силъ, вполнѣ преданный наукѣ, разработкѣ которой онъ положилъ прочное и самобытное начало. Я оставляю въ сторонѣ его чисто ученую профессорскую дѣятельность, которая не можетъ быть предметомъ бѣглой замѣтки; постараюсь передать его отношенія къ студентамъ, что было несравненно важнѣе лекцій. Послѣднія отошли въ область исторіи,—наука пошла несравненно далѣе, и самъ Константинъ Дмитріевичъ въ позднѣйшихъ своихъ литературныхъ трудахъ перешелъ совсѣмъ на другую почву; но его отношенія къ студентамъ воспитали цѣлое поколѣніе, дѣятельность котораго продолжается до сихъ поръ и несомнѣнно отразится въ ближайшемъ будущемъ. Въ то время большинство профессоровъ (Грановскій, Кавелинъ, Рѣдкинъ и др.) посвящали свои воскресныя утра бесѣдамъ со студентами; въ особенности часто и усердно посѣщались эти бесѣды у Грановскаго и Кавелина. Бесѣды Грановскаго отличались, такъ сказать, большею торжественностью: Тимоѳей Николаевичъ былъ старше Константина Дмитріевича и лѣтами, и университетскою службою; онъ былъ окруженъ въ глазахъ студентовъ ореоломъ, который, при всемъ глубокомъ уваженіи, постоянно напоминалъ объ относительной разности между молодымъ человѣкомъ и профессоромъ, воспитавшимъ уже нѣсколько поколѣній. Поэтому на бесѣдахъ у Грановскаго студенты держались сдержаннѣе и ограничивались большею частью совѣтами по текущимъ занятіямъ и общими разсужденіями о выдающихся явленіяхъ въ чисто научной сферѣ, на которыя обращалъ вниманіе своихъ гостей всегда радушно принимавшій молодежь хозяинъ. Но съ Кавелинымъ студентовъ сближалъ прежде всего возрастъ; кромѣ того, въ свои отношенія къ нимъ онъ вносилъ столько рѣдкой, искренней и задушевной теплоты, что передъ нимъ всѣ являлись, такъ сказать, на распашку, каждый готовъ былъ ему открыть свою душу и въ отвѣтъ получалъ такое участіе, котораго онъ могъ бы ожидать отъ самаго преданнаго друга, какъ бы ни былъ мелоченъ тотъ случай, который подавалъ поводъ къ объясненію съ Константиномъ Дмитріевичемъ. Оттого между Кавелинымъ и студентами образовалась та великая нравственная связь, которая клала отпечатокъ на цѣлую жизнь и установляла между людьми, которыхъ судьба впослѣдствіи разсѣевала по всей русской землѣ,—извѣстное единство стремленій, задачъ и усилій, направленныхъ къ достиженію цѣли, намѣченной еще въ эпоху подготовленія

[1]) Біогр. словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета, т. I, стр. 365—366.

[2]) См. Бестужева-Рюмина, Біографіи и характеристики, въ біографіи С. В. Ешевскаго.

къ практической дѣятельности. Кавелинъ всячески старался пріохотить студентовъ къ серьезнымъ занятіямъ, не ограничиваясь тупымъ и безплоднымъ заучиваніемъ лекцій, ради экзамена и диплома. Каждый разъ, въ началѣ своей лекціи, Кавелинъ указывалъ очередного студента, который къ слѣдующему разу обязанъ былъ составить эту лекцію; Кавелинъ возвращалъ ее исправленною, или, если она совсѣмъ оказывалась негодною, вызывалъ къ себѣ на домъ, для объясненія, составителя и заставлялъ передѣлать. На своихъ воскресныхъ бесѣдахъ онъ указывалъ тему для разработки, объяснялъ направленіе, снабжалъ источниками. Такъ онъ роздалъ для обработки всю эпоху Петра въ видѣ отдѣльныхъ монографій. Въ результатѣ получились двѣ работы, напечатанныя въ «Современникѣ», изъ той эпохи,—одна Аѳанасьева, а другая Егунова, положившія начало литературной дѣятельности обоихъ. Подъ ближайшимъ руководствомъ Кавелина въ то же время Ерлыковъ,—котораго въ особенности поддерживалъ Кавелинъ, какъ единственнаго въ то время студента изъ крестьянъ, — составилъ сводъ губныхъ грамотъ. Постоянными посѣтителями бесѣдъ Кавелина были Ѳ. М. Дмитріевъ, Б. Н. Чичеринъ, А. М. Унковскій и др., — на нихъ являлись даже студенты другихъ факультетовъ, такъ что скромный кабинетъ едва вмѣщалъ массу собравшихся гостей. Изрѣдка студенческая бесѣда оживлялась присутствіемъ лицъ, не принадлежащихъ къ университетскому кружку; такъ, я помню не разъ участвовавшихъ В. П. Боткина, Сатина. Но преобладающее мѣсто въ воскресныхъ бесѣдахъ занималъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Составъ студентовъ былъ тогда другой: большинство ихъ принадлежало къ помѣщикамъ, къ рабовладѣльцамъ, какъ не стѣсняясь заявлялъ имъ въ глаза Константинъ Дмитріевичъ. Его рѣзкій, безпощадный протестъ противъ крѣпостного права имѣлъ громадное значеніе. Въ умѣ всякаго шевельнулось сомнѣніе; болѣе или менѣе, но невольно, протестъ этотъ переходилъ въ слушателей. Какъ-то совѣстно становилось обращаться къ этому явленію такъ спокойно и безразлично, какъ это дѣлалось до знакомства съ Константиномъ Дмитріевичемъ. И эта дѣятельность не прошла безслѣдно. Не мало его слушателей явилось впослѣдствіи и въ числѣ меньшинства губернскихъ комитетовъ, и въ рядахъ мировыхъ посредниковъ перваго призыва. Такимъ образомъ, дѣло, которому Константинъ Дмитріевичъ посвятилъ цѣлую свою жизнь,—онъ началъ еще въ молодости, съ первыхъ шаговъ своей профессорской дѣятельности, въ то время, когда для большинства крѣпостное право представлялось незыблемымъ устоемъ русской жизни»... [1]).

Къ словамъ Бестужева Рюмина и Колюпанова излишни всякія поясненія: они говорятъ сами за себя. Добавимъ только, что столь же задушевныя строки посвящены Кавелину еще двумя его слушателями: извѣстнымъ изслѣдователемъ русскаго народнаго быта А. Н. Аѳанасьевымъ [2]) и бывшимъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа П. Д. Шестаковымъ [3])

Внѣ университетскихъ стѣнъ Кавелинъ жилъ широкою умственною жизнью среди новыхъ своихъ московскихъ друзей. Литературные «салоны» временъ студенчества—Елагиной, Хомякова, Чаадаева и др.—дополнились теперь знаменитымъ дружескимъ кружкомъ, во главѣ котораго стояли Грановскій и Герценъ, представители московскихъ западниковъ сороковыхъ годовъ. О близости Кавелина съ Грановскимъ была уже рѣчь выше; сближеніе Кавелина съ Герценомъ начинается въ 1845 году. Герценъ, на шесть лѣтъ старше Кавелина, окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ въ 1833 г., за два года до поступленія въ студенты Кавелина, а во время студенчества Константина Дмитріевича, находился въ ссылкѣ въ Перми, Вяткѣ и Владимірѣ. Прощенный въ 1839 г., онъ жилъ

[1]) Русскія Вѣдомости 1885 г., № 123.

[2]) См. его статью «Московскій университетъ 1843—1849 гг.» Рус. Стар., т. LI, с. 356—394.

[3]) Московскій университетъ въ 40-хъ годахъ, тамъ же, т. LV, с. 647, 659 (П. Д. Шестаковъ † 1889 г.).

въ Петербургѣ и Новгородѣ до половины 1842 года, т.-е. какъ разъ именно въ то время, когда Кавелинъ, по окончаніи курса въ университетѣ, былъ въ Москвѣ. Герценъ поселился въ Москвѣ только съ іюля 1842 г. и прожилъ тамъ до конца 1847 г. Въ концѣ 1847 г. онъ уѣхалъ за границу, гдѣ и остался навсегда. Идеалистъ и политическій мечтатель, Герценъ въ сороковыхъ годахъ не былъ тѣмъ убѣжденнымъ сторонникомъ демократическихъ революціонныхъ идей, какимъ явился впослѣдствіи, въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, но сильно увлекался теоріями французскихъ соціалистовъ-утопистовъ 30-хъ и 40-хъ гг., главнымъ образомъ идеями Сенъ-Симона, Фурье и Пьера Леру, и безпощадно преслѣдовалъ туманныя философскія схемы гегеліанства. Талантливый, пылкій умъ Герцена, его рѣзкія сужденія, выражавшіяся всегда въ блестящей формѣ, въ соединеніи съ личными симпатичными чертами его характера — необыкновенной сердечностью и задушевностью, обаятельно дѣйствовали на окружающихъ и невольно подчиняли ихъ его вліянію. Насколько сильно было вліяніе Герцена на Кавелина, лучше всего видно изъ письма къ нему Константина Дмитріевича, писаннаго въ 1857 году. «Дорогой другъ! — писалъ онъ Герцену. — Десять лѣтъ прошло, что мы не видались, а каждый разъ, когда объ тебѣ вспоминаю, чувствую, что люблю тебя съ тѣмъ же увлеченіемъ, какъ когда въ послѣдній разъ поцѣловалъ тебя въ Черной Грязи [1]). Для тебя я былъ эпизодомъ въ твоей жизни, болѣе или менѣе пріятнымъ; ты же былъ для меня пищей и школой. Мнѣ кажется, я и теперь могу прослѣдить и ощупать жилы и нервы, образовавшіеся въ моемъ характерѣ подъ твоимъ вліяніемъ, въ которыхъ ты живешь во мнѣ. Обнимаю тебя горячо и крѣпко! Я связанъ съ тобою тою связью, которая не прерывается даже когда мнѣнія расходятся. А мнѣ кажется, что мы не въ цѣляхъ и основаніяхъ расходимся, а скорѣе въ средствахъ, которыя ведутъ къ цѣлямъ» [2]).

Въ 1848 году Кавелинъ снова поселяется въ Петербургѣ и на этотъ разъ уже не на какихъ-нибудь два года, какъ шесть лѣтъ тому назадъ, а навсегда. Это вторичное, почти сорокалѣтнее, пребываніе его на «берегахъ Невы» можетъ быть раздѣлено на четыре періода, знаменующихъ измѣненія въ жизни Кавелина, а именно: первый періодъ, съ 1848 по 1857 г.; второй, съ 1857 по 1862 г.; третій, съ 1862 по 1877 г. и, наконецъ, — четвертый, съ 1877 г. до конца жизни.

Первыя десять лѣтъ, съ 1848 по 1857 г. Кавелинъ служитъ въ разныхъ вѣдомствахъ, а именно: съ 1848 по 1850 г. онъ занимаетъ мѣсто «редактора» въ городскомъ отдѣлѣ хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ; въ 1850—1853 гг. — начальника учебнаго отдѣленія въ штабѣ военно-учебныхъ заведеній, подъ непосредственнымъ начальствомъ Я. И. Ростовцева; въ 1853—1857 гг. — начальника отдѣленія въ канцеляріи Комитета министровъ. Въ эти десять лѣтъ у Кавелина образуются новыя отношенія: онъ сближается съ выдающимися дѣятелями въ петербургскихъ сферахъ — политической, общественной и научно-литературной. Ближайшими политическими друзьями Кавелина являются: братья Милютины — Дмитрій Алексѣевичъ, въ то время профессоръ Академіи Генеральнаго Штаба, а впослѣдствіи военный министръ, и Николай Алексѣевичъ, тогда начальникъ отдѣленія въ хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, а въ 50-хъ и 60-хъ годахъ организаторъ Редакціонныхъ коммиссій по освобожденію крестьянъ и убѣжденный сторонникъ укрѣпленія русской власти въ Царствѣ Польскомъ; за ними слѣдуютъ: Конст. Карл. Гротъ, Андрей Парф. Заблоцкій-Десятовскій, Викт. Ант. Арцимовичъ, Ю. Ѳ. Самаринъ и Гр. Гр. Даниловичъ, позднѣе воспитатель нынѣ царствующаго Государя Императора Николая Александровича, — все крупныя имена среди послѣдующихъ проводниковъ реформъ

[1]) Первая станція отъ Москвы по тогдашнему почтовому тракту въ Петербургъ.

[2]) Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева къ А. И. Герцену, Ж., 1892 г., стр. 3—4

въ царствованіе императора Александра II. При посредствѣ нѣкоторыхъ изъ названныхъ лицъ Кавелинъ знакомится съ баронессой Эд. Ѳеод. Раденъ, фрейлиной, впослѣдствіи гофмейстериной двора великой княгини Елены Павловны, и наконецъ дѣлается не только извѣстнымъ лично самой великой княгинѣ, но пользуется ея вниманіемъ и расположеніемъ, что имѣетъ особое значеніе при томъ широкомъ и вліятельномъ участіи, какое, какъ извѣстно, принимала Елена Павловна въ реформахъ 60-хъ годовъ, въ особенности въ реформѣ крестьянской.

Мысль объ освобожденіи крестьянъ всецѣло поглощаетъ теперь Кавелина, и онъ, ободряемый великой княгиней и сходясь въ воззрѣніяхъ съ упомянутыми выше лицами на «эмансипацію», какъ тогда выражались, пропагандируетъ дѣло освобожденія крестьянъ въ вліятельныхъ сферахъ Петербурга. Съ этою цѣлью въ исходѣ 40-хъ годовъ онъ поступаетъ въ члены незадолго передъ тѣмъ учрежденнаго Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, а нѣсколько позднѣе принимаетъ должность непремѣннаго секретаря Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, основаннаго еще императрицею Екатериною II. И въ томъ и въ другомъ обществѣ въ сороковыхъ годахъ уже назрѣваетъ вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права, хотя, по условіямъ времени, не выступаетъ открыто, подъ настоящимъ своимъ именемъ. Въ Обществѣ Географическомъ подготовляется для уничтоженія крѣпостного права матеріалъ въ формѣ этнографическихъ и статистическихъ данныхъ о крестьянскомъ бытѣ; въ Экономическомъ Обществѣ подготовляется для того же почва въ видѣ распространенія въ публикѣ началъ «раціональнаго сельскаго хозяйства». Къ этому времени относится рядъ замѣчательныхъ статей Кавелина по изученію русскаго народнаго быта, помѣщенныхъ въ «Современникѣ» (по поводу книги Терещенки «Бытъ русскаго народа», Спб. 1848 г.) и въ изданіяхъ Географическаго Общества. Въ 1853 г. умираетъ мать Кавелина, и онъ является «помѣщикомъ», владѣльцемъ крестьянъ въ Самарской губерніи. Съ этого времени его особенно сильно озабочиваетъ вопросъ объ улучшеніи быта его собственныхъ крестьянъ, что видно изъ сохранившихся въ его бумагахъ очень интересныхъ проектовъ такого улучшенія и переписки съ его управляющими. Къ началу 50-хъ годовъ возникаетъ и извѣстная «записка» Кавелина объ освобожденіи крестьянъ, окончательная редакція которой относится къ началу 1855 года, уже въ царствованіе императора Александра II. Въ этой запискѣ, составившей Кавелину политическое имя и имѣвшей большое значеніе, какъ въ личной его судьбѣ, такъ и въ дѣлѣ 19 февраля 1861 года, онъ энергично высказывается за освобожденіе помѣщичьихъ и удѣльныхъ крестьянъ съ землею и за полное уничтоженіе разныхъ видовъ крѣпостного права въ государственной сферѣ. Крѣпостное право, по воззрѣнію Кавелина, не заключалось только въ полной, безконтрольной власти помѣщика надъ крестьяниномъ, а составляло основу всего общественнаго склада московскаго государства, частью унаслѣдованнаго отъ него и XVIII вѣкомъ. Кавелинъ различаетъ два главныхъ рода крѣпостного права на Руси—г о с у д а р с т в е н н о е и ч а с т н о е; помѣщичье крѣпостное право является у него лишь однимъ изъ видовъ послѣдняго, а освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ замыкаетъ собою цѣлый циклъ освобожденій отъ крѣпостного права, государственнаго и частнаго, предпринятыхъ верховною властью начиная съ Петра Великаго и открывающихъ русскому народу въ будущемъ новыя основы гражданственности, невозможныя при крѣпостномъ правѣ. Голосъ Кавелина о выкупѣ государствомъ крестьянскихъ надѣловъ былъ, если не самымъ первымъ, то однимъ изъ первыхъ; этотъ принципъ легъ въ основаніе «Положеній 19 февраля 1861 года», но до того весьма неблагопріятно повліялъ на личную жизнь Константина Дмитріевича, что читатели увидятъ ниже [1]).

[1]) Подробности см. въ моей статьѣ о К. Д. Кавелинѣ, въ «Русской Старинѣ» 1877 г., т. LIII, с. 431—463.

Время съ 1848 по 1857 г. было знаменательной эпохой въ русской исторической жизни XIX в. Реакціонная внутренняя и внѣшняя политическая программа императора Николая I особенно рѣзко проявилась послѣ западно-европейскихъ революціонныхъ движеній 1848 г. Правительство воздвигло гоненіе на литературу и науку, заподозрѣнныя въ политической неблагонадежности, и совершенно отказалось отъ какихъ бы то ни было улучшеній во внутреннемъ общественномъ строѣ Россіи. Такой порядокъ дѣлъ привелъ къ политической и общественной катастрофѣ, извѣстной подъ именемъ Крымской войны, которая обнаружила всѣ ошибки реакціонной правительственной программы. Императоръ Николай I скончался въ разгаръ этой войны, и его преемнику, императору Александру II, предстояла трудная задача выступить на неизбѣжный путь реформъ, необходимость которыхъ ощущалась всѣми лучшими русскими людьми. Онъ сталъ во главѣ ихъ и, закончивъ въ мартѣ 1856 г. войну Парижскимъ миромъ, тотчасъ же приступилъ къ предварительнымъ работамъ по улучшенію быта крестьянъ, чѣмъ и открылась знаменитая эра его реформъ. Вся интеллигентная Русь встрепенулась и привѣтствовала ликованіями Царя-Освободителя.

1857 годъ является знаменательнымъ годомъ въ дѣлѣ улучшенія быта крестьянъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ жизни Кавелина. Наступаетъ второй періодъ его петербургской жизни. Съ этого года сфера его дѣятельности расширяется, и въ теченіе пяти лѣтъ, до 1861 г. включительно, онъ достигаетъ высшей точки своего ученаго и общественнаго значенія. Имя Кавелина снова, какъ во время его московской профессуры, быстро становится однимъ изъ самыхъ популярныхъ именъ не только въ Петербургѣ, но во всей Россіи, и съ энтузіазмомъ произносится оно молодежью и прогрессистами. Въ 1857 г., при участіи великой княгини Елены Павловны, Кавелинъ приглашается въ наставники по правовѣдѣнію къ Наслѣднику престола Николаю Александровичу, а совѣтомъ Петербургскаго университета избирается въ профессора гражданскаго права и вскорѣ послѣ того временно читаетъ въ томъ же университетѣ и философію права.

Мысли Кавелина объ освобожденіи крестьянъ получали теперь большій кругъ распространенія и пріобрѣтали больше вліянія. Его очень полюбилъ его царственный ученикъ; его умственныя и нравственныя качества были по достоинству оцѣнены императрицей Маріей Александровной, до конца жизни сохранившей къ нему доброе расположеніе; «записку» Кавелина объ освобожденіи крестьянъ читалъ и одобрилъ Государь Александръ Николаевичъ. Въ 1857 году дѣло «эмансипаціи» вышло, такъ сказать, изъ подъ спуда, получивъ оффиціальное, правительственное движеніе. Въ началѣ этого года былъ образованъ особый, пока еще негласный, комитетъ по крестьянскому дѣлу, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя и при ближайшемъ участіи великаго князя Константина Николаевича; въ концѣ года появились два рескрипта объ «улучшеніи быта» помѣщичьихъ крестьянъ, виленскому генералъ-губернатору В. И. Назимову и петербургскому, П. Н. Игнатьеву. Прогрессивная журналистика Петербурга и Москвы съ восторгомъ привѣтствовала эти первые шаги правительства въ крестьянскомъ дѣлѣ, и Кавелинъ принялъ дѣятельное участіе въ томъ оживленіи, которымъ была преисполнена въ то время лучшая часть русскаго общества. Онъ пишетъ новую «записку» объ освобожденіи крестьянъ, по вызову великаго князя Константина Николаевича, вліяетъ на ходъ дѣлъ въ «Комитетѣ» путемъ обмѣна мыслей съ его членами и выступаетъ публично въ прославленіе правительственныхъ мѣръ по крестьянскому вопросу. 28 Декабря 1857 г. въ Москвѣ устроенъ былъ надѣлавшій въ то время очень много шуму литературный обѣдъ, по поводу упомянутыхъ выше рескриптовъ. Кавелинъ нарочно прибылъ на этотъ обѣдъ изъ Петербурга и произнесъ на немъ вдохновенную рѣчь, вызвавшую единодушныя одобренія присутствующихъ, и закончилъ ее тостомъ за императора Александра II.

Въ университетѣ Кавелинъ является также не только сторонникомъ, но пропагандистомъ идеи о необходимости реформъ въ университетской организаціи и въ высшемъ преподаваніи, и цѣлымъ рядомъ «записокъ» и «мнѣній» подготовляетъ новый университетскій уставъ. Онъ сходится съ «молодыми» профессорами Петербургскаго университета, врагами научной и школьной рутины, и сближается съ «прогрессивными» редакціями петербургской и московской журналистики, во главѣ которыхъ стояли тогда три періодическихъ изданія: «Современникъ» Некрасова и Чернышевскаго, въ Петербургѣ, и «Русскій Вѣстникъ» Каткова и «Московскія Вѣдомости» Вал. Корша въ Москвѣ. Въ 1861 году самъ Кавелинъ пытается стать журналистомъ, но неудачно. Онъ вмѣстѣ съ В. П. Безобразовымъ и А. В. Дружининымъ, подъ главной редакціей П. И. Вейнберга, предпринимаетъ въ этомъ году изданіе еженедѣльнаго политическаго и литературнаго журнала «Вѣкъ», задача котораго заключается въ пропагандѣ мирнаго, правового прогресса въ общественной и государственной жизни Россіи. Кавелинъ, вслѣдствіе важныхъ обстоятельствъ своей личной жизни, съ мая 1861 года не принималъ уже въ немъ участія, и журналъ не имѣлъ успѣха. Во главѣ такихъ обстоятельствъ должно быть поставлено страшное семейное горе, постигшее Кавелина въ началѣ 1861 года. За нѣсколько дней до обнародованія манифеста объ освобожденіи крестьянъ, смерть совершенно неожиданно похитила его 14-ти лѣтняго сына Дмитрія, юношу высокодаровитаго, не по лѣтамъ развитого умственно, составлявшаго гордость отца и носившаго богатые задатки для послѣдующей широкой научной и общественной дѣятельности.

Популярность Кавелина въ прогрессивныхъ общественныхъ и литературныхъ кругахъ и среди молодежи весьма естественно вызывала иное къ нему отношеніе со стороны людей рутины и регресса. Изъ лагеря вліятельныхъ сторонниковъ крѣпостного права поднялись противъ Кавелина, какъ наставника Наслѣдника престола, различныя инсинуаціи; а затѣмъ профессора-рутинеры Петербургскаго университета и тогдашняя администрація министерства народнаго просвѣщенія заподозривали Кавелина въ потворствѣ студентамъ, среди которыхъ уже начинались броженія. Поводы къ клеветамъ и при дворѣ, и въ университетѣ враги Кавелина не замедлили, разумѣется, найти, и придрались, какъ это всегда водится, и тутъ и тамъ къ мелочамъ. Въ апрѣльской книжкѣ за 1858 г. журнала «Современникъ», въ статьѣ подъ заглавіемъ «О новыхъ условіяхъ сельскаго быта», было помѣщено извлеченіе изъ «записки» Кавелина объ освобожденіи крестьянъ. Вліятельные его враги изъ высшихъ сферъ нашли направленіе этой статьи вреднымъ и идущимъ въ разрѣзъ съ правительственными мѣропріятіями по крестьянскому дѣлу. Цензурное вѣдомство и редакція «Современника» были подвергнуты взысканію, а Кавелинъ, оклеветанный предъ императоромъ Александромъ II, оказался вынужденнымъ оставить мѣсто наставника Цесаревича Николая Александровича; при этомъ онъ отказался какъ отъ предложенной ему пенсіи, такъ и отъ чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а позднѣе, въ 1862 г., при празднованіи тысячелѣтія Россіи, онъ отклонилъ представленіе о себѣ къ наградѣ орденомъ за ученыя заслуги. Менѣе чѣмъ черезъ три года по увольненіи Кавелина отъ преподаванія великому князю Николаю Александровичу освобожденіе крестьянъ облечено было въ форму положительнаго закона и совершилось именно на тѣхъ главныхъ началахъ, которыя были изложены въ «запискѣ» Кавелина и которыя въ 1858 году были признаны «вредными» и несогласными съ правительственными мѣропріятіями. Въ Петербургскомъ университетѣ Кавелинъ продолжалъ занимать каѳедру до конца 1861 года, все болѣе и болѣе проникаясь сознаніемъ о необходимости измѣненій въ устарѣломъ университетскомъ уставѣ 1835 года. Съ той же мыслью объ измѣненіяхъ устава выступили и назначенные во второй половинѣ 1861 года министръ народнаго просвѣщенія, графъ Путятинъ, и попечитель петербургскаго учебнаго округа, генералъ Филипсонъ, но ихъ реформаторскія стремленія

зиждились на совершенно иныхъ основаніяхъ, чѣмъ стремленія Кавелина. Они желали сдѣлать изъ университета строго регламентированную высшую школу; между тѣмъ какъ Кавелинъ хлопоталъ объ академической свободѣ, какъ въ университетскомъ преподаваніи и управленіи, такъ и въ организаціи студенчества. Мѣропріятія графа Путятина привели осенью 1861 года къ такъ называемымъ «безпорядкамъ» въ Петербургскомъ университетѣ и къ его закрытію. Кавелинъ, подвергавшій рѣзкой критикѣ идеи и образъ дѣйствій гр. Путятина и Филипсона и въ оффиціальныхъ преніяхъ университетскаго совѣта, и въ частныхъ разговорахъ, какъ въ петербургскомъ обществѣ, такъ и въ вліятельныхъ сферахъ,—обвинялъ ихъ обоихъ въ происшедшихъ безпорядкахъ и въ концѣ концовъ составилъ «записку объ университетскихъ волненіяхъ въ Петербургѣ въ 1861 году», которая стала извѣстна не только въ правительственныхъ кругахъ, но доведена была до свѣдѣнія Государя. Результатами ея были: съ одной стороны увольненіе гр. Путятина и Филипсона, съ другой—выходъ изъ профессоровъ самого Кавелина. Его образъ дѣйствій и дальнѣйшее пребываніе на профессорской каѳедрѣ были признаны неудобными: въ декабрѣ 1861 г. онъ, вмѣстѣ съ четырьмя другими профессорами: М. М. Стасюлевичемъ, А. Н. Пыпинымъ, В. Д. Спасовичемъ и Б. И. Утинымъ, подалъ въ отставку и получилъ ее.

Съ 1862 по 1877 годъ, въ теченіе пятнадцати лѣтъ, Кавелинъ не занимаетъ никакого оффиціальнаго служебнаго положенія и вмѣстѣ съ тѣмъ перестаетъ имѣть то значеніе среди новыхъ русскихъ поколѣній, какое онъ имѣлъ раньше. Это обусловливается какъ измѣненіемъ въ воззрѣніяхъ и въ направленіи русской интеллигенціи и публицистики 60-хъ и 70-хъ годовъ сравнительно съ сороковыми годами, такъ и въ измѣненіи воззрѣній самого Кавелина.

Въ январѣ 1862 г., назначенный на мѣсто гр. Путятина министромъ народнаго просвѣщенія А. В. Головнинъ, желая всестороннe изучить «университетскій» вопросъ въ виду предстоящей реформы въ русскихъ университетахъ, командировалъ Кавелина за границу для изученія организаціи высшаго преподаванія во Франціи, Германіи, Бельгій, Голландіи и Швейцаріи. Кавелинъ прожилъ за границей до конца 1864 г.; собравъ весьма интересный матеріалъ о положеніи заграничныхъ университетовъ, онъ только отчасти воспользовался имъ въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1862—1864 гг. и въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1865 г., но практическаго примѣненія къ дѣлу матеріалъ этотъ не имѣлъ, такъ какъ съ новымъ университетскимъ уставомъ торопились и онъ былъ обнародованъ въ маѣ 1863 г. еще до возвращенія Кавелина изъ-за границы. Съ 1865 года Кавелинъ навсегда уже покидаетъ министерство народнаго просвѣщенія, найдя въ Петербургѣ полуоффиціальныя занятія у своего друга К. К. Грота, бывшаго въ то время директоромъ департамента неокладныхъ сборовъ министерства финансовъ. Занятія эти состояли въ юридическихъ работахъ, что уподобляло ихъ обязанностямъ юрисконсульта; но Кавелинъ принялъ эти занятія при непремѣнномъ условіи исключенія для него правъ государственной службы, т.-е. что онъ не будетъ получать ни чиновъ, ни орденовъ, а лишь денежное вознагражденіе за свои труды, на правахъ частнаго найма. На этихъ условіяхъ служилъ Кавелинъ въ департаментѣ неокладныхъ сборовъ двадцать лѣтъ слишкомъ, до конца жизни.

Двухлѣтнее пребываніе Кавелина въ западной Европѣ имѣетъ важное значеніе въ исторіи его умственной жизни. Онъ получилъ возможность близко изучить ту псевдолиберальную и псевдо-просвѣщенную политически-административную систему, которой Наполеонъ III лукаво морочилъ въ то время не только Францію, но всю Европу,—систему, ставшую извѣстною подъ именемъ «цезаризма» и, къ несчастію, оказавшую не малое вліяніе и на наши правительственныя мѣропріятія; Кавелинъ хорошо понялъ всю ложь этой системы, весь вредъ, приносимый ею Франціи и Россіи, и задолго до Седана и взятія Парижа пруссаками предска-

зывалъ ея неминуемое паденіе. Въ Германіи, этой классической странѣ академической, университетской свободы, строгой науки и уютнаго ежедневнаго житья-бытья,—онъ отдохнулъ психически. Смотря на Россію изъ Франціи и Германіи, Кавелинъ лучше понялъ наши домашнія дѣла и во многомъ измѣнилъ свои прежнія воззрѣнія. Оживленная его переписка за 1862 — 1864 г.г. съ русскими друзьями, въ особенности же съ баронессой Э. Ѳ. Раденъ, ярко рисуетъ его воззрѣнія на русскія внутреннія событія тѣхъ лѣтъ, бывшихъ годами искушенія на пути нашего прогрессивнаго развитія съ 1856 г. То было время осуществленія на практикѣ крестьянской реформы и чаянія дальнѣйшихъ государственныхъ и общественныхъ преобразованій, время разгара польскаго повстанья, бурнаго развитія среди молодого поколѣнія крайнихъ отрицательныхъ воззрѣній, отвлеченно-теоретическихъ и политически-общественныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ уже раздавались голоса реакціоннаго направленія, и въ публицистикѣ, и въ обществѣ, и въ сферахъ правительственныхъ. Русская жизнь ставила себѣ вопросы: идти ли далѣе впередъ по начатому пути, остановиться, или даже отступить назадъ? У Кавелина въ эти годы сложился тотъ умѣренно-либеральный, но вполнѣ независимый образъ мыслей, который заставилъ его съ одной стороны разойтись со многими изъ своихъ старыхъ друзей, начиная Герценомъ, и отшатнуться отъ крайнихъ новыхъ русскихъ воззрѣній, съ другой стороны—совершенно удалиться отъ сферъ правительственныхъ, гдѣ на его самостоятельность и независимость смотрѣли недружелюбно, признавая ихъ за своего рода непокорность и строптивость.

Въ міросозерцаніи Кавелина шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ встрѣчается не мало чертъ, родственныхъ славянофильству, которое, какъ это замѣчено выше, оказало такое сильное на него вліяніе въ молодые годы. Болѣе всего сблизился онъ въ исходѣ 50-хъ годовъ съ славянофилами на вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ и тѣсно связанномъ съ нимъ вопросѣ о русской сельской общинѣ. Но теперь Кавелинъ подходилъ къ нимъ еще ближе, раздѣляя съ ними убѣжденіе объ исторической и политической необходимости для русскаго народа сильной и самостоятельной, самодержавной власти, признавая историческое значеніе въ русской жизни православія, какъ самобытной русской формулы самосознанія, и придавая большое значеніе въ развитіи нашей общественной жизни консервативной крестьянской массѣ. Кавелинъ поражался громаднымъ преобладаніемъ ея въ Россіи надъ культурными классами, преобладаніемъ въ такой пропорціи, какъ нигдѣ въ мірѣ. Въ этомъ поразительномъ фактѣ онъ видѣлъ для Россіи спасеніе отъ тѣхъ политическихъ и соціальныхъ переворотовъ, которыми страдала и страдаетъ западная Европа, гдѣ народныя массы подавлены въ наши дни городскимъ сословіемъ, и любилъ называть Россію, въ противоположность западно-европейскому горожанству, — «мужицкимъ царствомъ» Кавелинъ пламенно желалъ прежде всего упроченія благосостоянія духовнаго и матеріальнаго (умственно-нравственнаго и экономическаго) русскимъ народнымъ массамъ и убѣжденъ былъ въ ихъ дальнѣйшемъ прогрессивномъ развитіи; въ этомъ отношеніи, помимо своей воли, являлся онъ продолжателемъ того воззрѣнія московскихъ людей XVII в., которое характерно и образно выразили они въ одной изъ окружныхъ грамотъ во время смутной годины междуцарствія въ слѣдующихъ словахъ: «Помяните одно: только коренью основаніе крѣпко, то и древо неподвижно; только коренья не будетъ—къ чему прилѣпиться»? Но вмѣстѣ съ тѣмъ Кавелинъ никогда не смотрѣлъ черезъ розовыя очки на неприглядныя стороны русскаго крестьянства, никогда не идеализировалъ его и не раздѣлялъ произвольныхъ на него воззрѣній, ни славянофильскихъ, ни позднѣйшихъ, такъ называемыхъ народническихъ. Съ двумя только коренными воззрѣніями славянофиловъ Кавелинъ не могъ, какъ и прежде, быть солидарнымъ: это—съ ихъ вѣроисповѣдной точкой отправленія и съ ихъ взглядомъ на личность и реформу Петра Великаго. Онъ продолжалъ и теперь высоко чтить личность и дѣло «перваго русскаго императора», считая Петра

вопреки славянофиламъ, типическимъ представителемъ великорусской расы и признавая его реформу подготовленною предшествующимъ ходомъ всей нашей исторіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не былъ безусловнымъ поклонникомъ реформы Петра В. и прекрасно видѣлъ ея слабыя стороны и нѣкоторые невѣрные пріемы. Ему теперь болѣе чѣмъ прежде ясно представилось коренное различіе между Россіей и западной Европой, между общественностью и культурой нашей и романо-германской; онъ увидалъ тщету и вредъ для Россіи въ легкомысленныхъ заимствованіяхъ съ запада несвойственныхъ намъ политическихъ и общественныхъ формъ и легковѣсныхъ увлеченій «послѣдними словами» европейской науки, но остался неизмѣнно убѣжденнымъ сторонникомъ насажденія на Руси серьезнаго европейскаго знанія и европейской культуры; но теперь, болѣе чѣмъ когда либо, Кавелинъ постигъ, что суть цивилизаціи вообще и цивилизаціи русской въ частности заключается въ умственномъ и нравственномъ развитіи отдѣльныхъ личностей—составныхъ частей, элементовъ общества, а потому особенно прилежно сталъ работать надъ вопросами психологіи и этики.

Съ 1864 года Кавелинъ помѣщалъ свои статьи, въ которыхъ онъ развилъ отмѣченныя выше воззрѣнія, въ періодическихъ изданіяхъ, выходившихъ подъ редакціею двухъ близкихъ ему людей: въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», издававшихся съ 1863 по 1875 г. его шуриномъ, Вал. Θеод. Коршемъ, и въ возобновленномъ въ 1866 году «Вѣстникѣ Европы» сослуживцемъ Кавелина по Петербургскому университету, Мих Матв. Стасюлевичемъ; въ «Вѣстникѣ Европы» онъ печаталъ до конца жизни. Кромѣ этихъ изданій, позднѣе, Кавелинъ помѣщалъ свои статьи въ «Недѣлѣ» П. В. Гайдебурова, «Сѣверномъ Вѣстникѣ» В. Θ. Корша, «Новостяхъ» О. К. Нотовича, «Порядкѣ» М. М. Стасюлевича и «Русской Мысли», московскомъ журналѣ, возникшемъ въ 1880 году, подъ редакціей Юрьева. Статьи Кавелина касались, главнымъ образомъ, вопроса крестьянскаго, а затѣмъ психологіи и этики. Итогъ своихъ воззрѣній по русской исторіи изложилъ онъ въ изслѣдованіи: «Мысли и замѣтки о русской исторіи» (1866), помѣщенномъ въ «Вѣстникѣ Европы». Кромѣ того по нѣкоторымъ общественнымъ вопросамъ имъ были напечатаны анонимно брошюры за границей. За этотъ періодъ жизни Кавелина всего болѣе обратила на себя вниманіе научной критики и образованнаго общества его монографія: «Задачи психологіи» (1872 г.), вызвавшая обширную полемику Кавелина съ двумя представителями противоположныхъ воззрѣній: славянофиломъ Ю. Θ. Самаринымъ и извѣстнымъ физіологомъ И. М. Сѣченовымъ; и тотъ и другой, каждый съ своей точки зрѣнія, оспаривали выводы Кавелина: первый съ теологической, второй—съ научно-біологической. Очевидно, Кавелинъ не удовлетворилъ ни ту, ни другую сторону. И дѣйствительно, въ основѣ своихъ философскихъ воззрѣній Кавелинъ являлся метафизикомъ гегеліанскаго направленія, съ поправками, заимствованными изъ представителей нѣмецкаго философскаго реализма пятидесятыхъ годовъ и французской «позитивной философіи». Тѣмъ не менѣе Кавелинъ не эклектикъ: онъ самостоятельно переработывалъ указанныя выше философскія положенія, а не компилировалъ ихъ.

Изъ обстоятельствъ жизни Кавелина за послѣдній періодъ съ 1877 по 1885 годъ остается передать весьма немногое.

Въ 1877 г., продолжая свои занятія въ департаментѣ неокладныхъ сборовъ, онъ былъ приглашенъ на каѳедру гражданскаго права въ преобразованную Военно-юридическую Академію и началъ тамъ свои чтенія въ сентябрѣ 1878 года; на должности профессора Военно-юридической Академіи онъ оставался до конца жизни. Это третье свое профессорство Кавелинъ ознаменовалъ новой системой въ наукѣ гражданскаго права, изложенной въ его книгѣ: «Права и обязанности по имуществамъ и обязательствамъ» (Спб., 1879 г.), состоящей изъ конспекта его курса гражданскаго права въ Военно-юридической Академіи. Вкратцѣ эта новая система заключается въ слѣдующемъ. Изучая явленія гражданскаго права въ ихъ истори-

ческомъ развитіи и въ дѣйствующихъ законодательствахъ, Кавелинъ былъ пораженъ полнымъ игнорированіемъ въ русскомъ законодательствѣ нашего обычнаго права и насильственнымъ подведеніемъ всѣхъ личныхъ, семейныхъ и имущественныхъ правъ подъ чуждыя русскому народу нормы права римскаго и подъ комментаріи на него западноевропейскихъ, преимущественно нѣмецкихъ, цивилистовъ. Онъ пришелъ къ совершенно самостоятельнымъ выводамъ относительно предѣловъ и содержанія т. наз. гражданскаго права и ограничилъ его область лишь правами и обязанностями, вытекающими изъ имущественныхъ отношеній и обязательствъ; значительную часть 1-й части X т. свода законовъ Кавелинъ не признавалъ относящеюся къ области гражданскаго права, а именно: права семейственныя онъ относилъ къ области общественнаго права, и наоборотъ, считалъ необходимымъ ввести въ систему гражданскаго права цѣлый рядъ новыхъ рубрикъ, которыя излагаютъ юридическія отношенія, вытекающія изъ правъ по имуществу и обязательствамъ, но разбросаны по разнымъ другимъ томамъ Свода законовъ и обыкновенно входятъ въ составъ права государственнаго, административнаго, общественнаго, финансоваго и др. Изъ явленій русскаго обычнаго права Кавелинъ всего болѣе удѣлялъ вниманія русской сельской общинѣ, какъ самобытной и своеобразной формѣ землевладѣнія и общественной организаціи; по его воззрѣнію, русская сельская община не только не исключаетъ существующаго съ нею бокъ-о-бокъ личнаго землевладѣнія, но и не поглощаетъ индивидуальности въ самихъ членахъ общины.

1877 годъ омрачился для Кавелина новымъ семейнымъ несчастіемъ, столь же, если не болѣе, ужаснымъ, какъ въ 1861 г., когда онъ потерялъ юношу-сына. Въ 1877 г. такъ же неожиданно умерла на 26-мъ году дочь Кавелина, высокодаровитая Софья Константиновна, лишь за четыре года до того вышедшая замужъ за П. А. Брюллова. Отецъ любилъ ее безконечно, приходя въ восторгъ отъ ея ума, знаній, талантовъ, характера; и дѣйствительно, несмотря на свою недолгую жизнь, она успѣла немало сдѣлать и на педагогическомъ, и на учено-литературномъ поприщѣ, будучи преподавательницей исторіи въ петербургской Василье-Островской женской гимназіи, гдѣ воспитывалась сама и возбуждала къ себѣ всеобщую симпатію. И. С. Тургеневъ велъ съ ней переписку и весьма цѣнилъ ея отзывы о своихъ литературныхъ произведеніяхъ [1]). Черезъ два года, въ 1879 г. сошла въ могилу и жена Кавелина, сильно опечаленная потерей дочери.

Удрученный этими семейными несчастіями, Константинъ Дмитріевичъ, по его собственному выраженію, «топилъ жизнь въ дѣятельности», пересиливая свои душевныя страданія упорнымъ умственнымъ трудомъ и находя душевное успокоеніе въ дѣлахъ благотворительности и въ обществѣ своихъ слушателей, офицеровъ Военно-юридической Академіи, сердечно его полюбившихъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ, появившихся въ печати послѣ смерти Кавелина, они, по достоинству оцѣнивъ въ нихъ профессора-человѣка, въ трогательныхъ выраженіяхъ передаютъ ихъ задушевныя къ нему отношенія — еще болѣе близкія, чѣмъ были отношенія къ нему московскихъ студентовъ сороковыхъ годовъ. Въ числѣ ученыхъ монографій, вышедшихъ изъ подъ пера Кавелина съ 1877 года, самой важной является, по его собственному признанію, «Задачи этики» (1884 г.). Въ этой монографіи, составляющей результаты его многолѣтнихъ размышленій и подводящей итоги къ его философскимъ воззрѣніямъ, Кавелинъ всесторонне анализируетъ все тотъ же «живой двигатель» (его собственное выраженіе) всей индивидуальной и общественной жизни людей — нравственную личность человѣка, высказываясь за объективныя моральныя основы въ ея дѣятельности. Онъ посвятилъ эту книгу «молодому поколѣнію», съ крѣпкой вѣрой въ силы и будущность

[1]) Подробности о С. К. Брюлловой см. въ изданныхъ мною «Матеріалахъ для біографіи К. Д. Кавелина», Вѣст. Евр. 1887 г., февраль, с. 608—612; 643 — 645; апрѣль, с. 480 — 485. Нѣкоторыя письма къ ней И. С. Тургенева напечатаны мною въ «Русской Мысли» 1897 г., іюнь, стр. 18—29.

котораго онъ и умеръ. Какъ самъ Кавелинъ смотрѣлъ на «Задачи этики», видно изъ слѣдующихъ словъ въ одномъ изъ его писемъ ко мнѣ. 5-го августа 1884 года, окончательно приготовивъ рукопись для печати, онъ писалъ: «...Съ моей совѣсти гора свалилась. Теперь я все сдѣлалъ, что могъ сдѣлать хорошаго, и умри я завтра, нельзя было бы сказать, что я унесъ съ собою недосказанную мысль... Мнѣ думается, что этой работой будетъ положено начало коренному преобразованію всего теперешняго научнаго міросозерцанія, безъ чего научная этика немыслима и невозможна. Противорѣчія, въ которыхъ мысль въ наше время запуталась, требуютъ радикальнаго выхода. Я на него указываю, предоставляя другимъ рѣшить, правъ я, или ошибаюсь; но въ необходимости радикальнаго выхода я ни одну минуту не сомнѣваюсь...» [1]).

Въ послѣдніе годы жизни Кавелина его ученыя заслуги были оцѣнены пятью учеными учрежденіями, избравшими его въ почетные члены, а именно университеты Кіевскій и Казанскій и Петербургское, Московское и Одесское Юридическія Общества. Въ 1882 году Кавелинъ былъ избранъ въ Президенты Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, но занималъ этотъ постъ всего лишь два года, до конца 1884 г.

Скончался Конст. Дм. Кавелинъ въ Петербургѣ 3 мая 1885 г. Погребеніе его, 7 мая, было характерно, представляя, если можно такъ выразиться, глубоко-скорбную, но умилительную и достойную оцѣнку всей его жизни. «На краю могилы Кавелина — говоритъ А. Ѳ. Кони въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ, написанныхъ въ самый день погребенія — сошлись сегодня представители разнообразныхъ слоевъ общества, люди разныхъ положеній и, что главное, разныхъ, раздѣленныхъ десятками лѣтъ, поколѣній. И старый, быть можетъ, близкій въ свою очередь къ концу «человѣкъ сороковыхъ годовъ», и бывшій петербургскій студентъ начала «шестидесятыхъ годовъ», и мировой посредникъ «перваго призыва», и военный юристъ «восьмидесятыхъ годовъ», и писатель, и ученый, и художникъ, и бѣднякъ изъ Андреевскаго прихода, пришли посреди внушительной процессіи, пестрой по составнымъ частямъ, единой по чувству, проводить его прахъ. И въ томъ, что каждый изъ нихъ независимо отъ сознанія общей утраты, могъ по-своему, лично скорбѣть о Кавелинѣ и вспоминать о немъ какъ объ учителѣ, совѣтникѣ, другѣ, помощникѣ,—выразилась особенность его дорогой и незабвенной для знавшихъ его личности» [2]).

Но лучшей характеристикой личности Кавелина и его заслугъ передъ родиной является надпись на одномъ изъ многочисленныхъ вѣнковъ, находившихся при его погребеніи. Вѣнокъ этотъ былъ отъ офицеровъ Военно-юридической Академіи, его слушателей; надпись гласила: «учителю права и правды!» Съ этой знаменательной надписью, увѣковѣчивающей имя Кавелина въ потомствѣ, ихъ же заботами воздвигнутъ его бюстъ въ конференцъ-залѣ Академіи.

Да живетъ же непрестанно среди русской молодежи память объ этомъ честномъ и высокоталантливомъ русскомъ человѣкѣ, «учителѣ права и правды», и да будетъ у нашего юношества побольше такихъ учителей!

[1]) «Матеріалы для біографіи К. Д. Кавелина», В. Евр. 1888 г., май, с. 48—49.

[2]) См. брошюру: «К. Д. Кавелинъ, изъ первыхъ воспоминаній о немъ», изд. ред. «Вѣстн. Евр.»,—С.-ПБ. 1885 г., с. 22.

С.-Петербургъ,
10 Іюля 1897 г.

Д. Корсаковъ.

Предисловіе К. Д. Кавелина къ изданію его сочиненій 1859 г. [1]

Издавая собраніе почти всего того, что̀ мнѣ удалось напечатать съ молодости до этой поры, я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ, въ видѣ предувѣдомленія.

Читатели могутъ найти не совсѣмъ скромнымъ желаніе возобновить память о статьяхъ, разсѣянныхъ въ старыхъ журналахъ и книгахъ, и большею частью давно забытыхъ. Въ отвѣтъ на это могу увѣрить ихъ съ полнымъ чистосердечіемъ, что надменная мысль: читайте и поучайтесь—была отъ меня далеко, когда я рѣшился приступить къ этому дѣлу. Нравственнымъ побужденіемъ было—подвести итогъ подъ свое прошедшее и передуманное мною; а возвращеніе къ пережитому, воскрешеніе памяти о цѣломъ мірѣ отношеній, пріязней, враждебныхъ столкновеній, отчасти потерявшихъ уже смыслъ,—все это не располагаетъ къ суетнымъ мыслямъ. На то, что̀ писалъ прежде, невольно смотришь съ тѣмъ же ощущеніемъ, съ какимъ видишь могилы бывшихъ друзей и непріятелей; благочестіе къ прошедшему сглаживаетъ всѣ шероховатости живой вражды и живой дружбы; одержанная когда-то побѣда мало радуетъ, понесенное когда-то пораженіе мало огорчаетъ. На побѣдахъ и пораженіяхъ, на правотѣ и неправотѣ, чужой и собственной, на радостяхъ и печаляхъ, страстяхъ, увлеченіяхъ, ошибкахъ вольныхъ и невольныхъ, лежитъ одна печать: все это было, прошло и никогда больше не возвратится.

За исключеніемъ одной лишь статьи, которая напечатана по рукописи, я не позволилъ себѣ въ этомъ изданіи никакихъ измѣненій противъ напечатаннаго; все осталось въ прежнемъ видѣ, безъ прикрасъ и смягченій. Пусть старина и останется стариною!

Изъ не-напечатанныхъ своихъ работъ я включилъ въ это собраніе только записку о преобразованіи Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. Она написана въ то время, когда я былъ секретаремъ Общества, и дорога̀ для меня, какъ воспоминаніе о томъ времени и тогдашней моей дѣятельности.

Сначала меня занимала русская исторія, особливо внутренняя, тогда еще мало обработанная. Въ 1848 году книга г. Терещенки „Бытъ русскаго народа“ на нѣсколько лѣтъ отклонила мои мысли и занятія въ другую сторону. Съ страстнымъ увлеченіемъ сталъ я вникать въ бытовые памятники Россіи—пѣсни, повѣрья, праздники, обряды, суевѣрія народа, въ которыхъ сохранились живые остатки древнѣйшаго быта. Все написанное подъ

[1]) Изданіе К. Солдатенкова и Н Щепкина, въ 4-хъ частяхъ. Москва, 1859.

вліяніемъ этихъ занятій составляетъ особую группу, которая и помѣщена въ этомъ собраніи отдѣльно.

Въ заключеніе, еще одна оговорка. Я не включилъ сюда библіографическаго извѣщенія, помѣщеннаго въ „Современникѣ“ о диссертаціи покойнаго Т. Н. Грановскаго: „Аббатъ Сугерій“. Эта рецензія состоитъ изъ общихъ разсужденій и выписокъ изъ книги и недостойна ни ея, ни дорогой для меня памяти ея автора. Кромѣ того, сюда не вошли также пять мелкихъ библіографическихъ статей, представляющихъ не болѣе какъ краткое содержаніе разбираемыхъ сочиненій [1]).

Сдавая этимъ собраніемъ всю свою прошлую печатную дѣятельность окончательно въ архивъ, я прошу читателей, друзей и не друзей, смотрѣть на него не какъ на *дѣйствіе*, а какъ на *воспоминаніе*. Мертвые бойцы лежатъ же нерѣдко другъ подлѣ друга въ одной могилѣ спокойно; надѣюсь, что точно такъ же и мои противники, съ которыми мы ломали когда-то копья, подойдутъ вмѣстѣ со мною къ этому памятнику и будутъ разсматривать его съ тою же спокойною мыслью, съ какою и я гляжу на него. Вѣдь все это *было!*

К. Кавелинъ.

С.-Петербургъ.
14 марта 1859 года.

---

[1]) Статьи эти относятся къ слѣдующимъ книгамъ: „Текстъ Русской Правды по четыремъ спискамъ“, Калачова (Отеч. Зап., т. XLIX, библ. хрон., № 353); „Семисотлѣтіе Москвы“, Хавскаго (Соврем., т. III, крит. и библ., стр. 51). „Древній и нынѣшній Переяславль-Залѣсскій“, Савельева-Ростиславича (Соврем., т. X, крит. и библ., стр. 52 и 53); „Библіографическое обозрѣніе русскихъ лѣтописей“, Полѣнова (Отеч. Зап., т. LXIX, библ. хрон., № 77); „Лѣтописецъ Переяславля-Суздальскаго“, кн. Оболенскаго (Отеч. Зап., т. LXXVII, библ хрон., стр. 67—70).

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

I.

РАЗСУЖДЕНІЯ И КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

ВЗГЛЯДЪ НА ЮРИДИЧЕСКІЙ БЫТЪ

ДРЕВНЕЙ РОССІИ.

Въ наше время русская исторія становится предметомъ общаго любопытства и дѣятельнаго изученія. Прежде она была доступна однимъ избраннымъ, на которыхъ потому и смотрѣли съ какимъ-то удивленіемъ, переходящимъ въ благоговѣніе. Теперь всѣ образованные люди интересуются русской исторіей; не только у насъ, даже въ Европѣ многіе ею занимаются. Объяснять причины этого новаго, весьма недавняго явленія мы считаемъ излишнимъ. Россія Петра Великаго, Россія Екатерины II, Россія XIX вѣка объясняютъ его достаточно. Прибавимъ, что всѣ нѣкогда обширныя и сильныя государства, основанныя славянами, пали. Одна Россія, государство тоже славянское, создалась такъ крѣпко и прочно, что вынесла всѣ внѣшнія и внутреннія бури, и изъ каждой выходила какъ будто съ новыми силами. Ея судьба—совсѣмъ особенная, исключительная въ славянскомъ мірѣ, отчасти истребленномъ, отчасти порабощенномъ и угнетенномъ въ прочихъ его отрасляхъ. Это дѣлаетъ ее явленіемъ совершенно новымъ, небывалымъ въ исторіи. Одинъ поверхностный взглядъ на бытъ древней Россіи, еще не заслоненный отъ неопытнаго взгляда европейскими формами, совершенно убѣждаетъ въ этой мысли.

Удивительное дѣло! На одномъ материкѣ, раздѣленныя нѣсколькими народами, Европа и Россія прожили много вѣковъ, чуждаясь другъ друга, какъ будто съ умысломъ избѣгая всякаго близкаго соприкосновенія. Европа объ насъ ничего не знала, и знать не хотѣла; мы ничего не хотѣли знать объ Европѣ. Были встрѣчи, но рѣдкія, какія-то оффиціальныя, недовѣрчивыя, слишкомъ натянутыя, чтобы произвести дѣйствительное сближеніе. Еще и теперь, когда многое перемѣнилось, Европа больше знаетъ какіе-нибудь Караибскіе острова, чѣмъ Россію. Есть что-то странное, загадочное въ этомъ фактѣ!

Въ исторіи—ни одной черты сходной, и много противоположныхъ. Въ Европѣ дружинное начало создаетъ феодальныя государства; у насъ дружинное начало создаетъ удѣльное государство. Отношеніе между феодальной и удѣльной системой — какъ товарищества къ семьѣ. Въ Европѣ сословія, у насъ нѣтъ сословій: въ Европѣ аристократія, у насъ нѣтъ аристократіи; тамъ особенное устройство городовъ и среднее сословіе,—у насъ одинаковое устройство городовъ и селъ, и нѣтъ средняго, какъ нѣтъ и другихъ сословій; въ Европѣ рыцарство, у насъ нѣтъ рыцарства: тамъ церковь, облеченная свѣтскою властью, въ борьбѣ съ государствомъ,—здѣсь церковь, не имѣющая никакой свѣтской власти, и въ мірскомъ отношеніи зависимая отъ государства; тамъ множество монашескихъ орденовъ,—у насъ одинъ монашескій орденъ, и тотъ основанъ не въ Россіи; въ Европѣ отрицаніе католицизма — протестантизмъ, въ Россіи не было протестантизма; у насъ мѣстничество, — Европа ничего не знаетъ о мѣстничествѣ; тамъ сначала нѣтъ общиннаго быта, потомъ онъ создается; здѣсь сначала общинный бытъ, потомъ онъ падаетъ; тамъ женщины мало-по-малу выходятъ изъ подъ строгой власти мужчинъ; здѣсь женщины, сначала почти равныя мужчинамъ, потомъ ведутъ жизнь восточныхъ женщинъ; въ Россіи, въ исходѣ XVI в., сельскіе жители прикрѣпляются къ землѣ; въ Европѣ,

послѣ основанія государствъ, не было такого явленія.

Какъ понятно удивленіе перваго, который замѣтилъ это глубокое, совершенное различіе! Точно, онъ могъ забыть изъ-за него человѣческое единство всѣхъ племенъ и народовъ! Подвигъ Петра могъ представиться ему нарушеніемъ неотъемлемыхъ правъ народа на самобытность. Намъ теперь это и странно и смѣшно; но не станемъ укорять перваго за ложный взглядъ: соблазнъ былъ слишкомъ великъ.

Съ XVIII вѣка наше отчужденіе, холодность къ Европѣ вдругъ совершенно исчезаютъ и замѣняются тѣсной связью, глубокой симпатіей. Такъ же ревностно принялись мы отказываться отъ своего и принимать чужое, европейское, какъ прежде отказывались отъ чужого и держались своего. Нашихъ старинныхъ обычаевъ, природнаго языка, самаго имени мы стали стыдиться. Близорукіе видѣли въ этомъ отступничествѣ какое-то непростительное легкомысліе, невыполнимое желаніе перемѣнить свою національность на чужую. Дальше они ничего не видѣли. Старовѣры пятнали его преступленіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, то было странное время! То былъ какой-то безумный фантастическій маскарадъ. Каждый жадно выбиралъ роль, надѣвалъ костюмъ, и простодушно вѣрилъ, что переродился, принимая обманъ за дѣйствительность. Кто не переодѣлся, на того смотрѣли съ презрѣніемъ. Никогда самообольщеніе не доводило до такой слѣпоты.

Теперь это время прошло. Мы можемъ судить его безпристрастно. Оно было вызвано горячимъ, искреннимъ, но безсознательнымъ стремленіемъ выйдти изъ положенія, въ которомъ стало какъ-то тѣсно и неловко. Но когда мы стали выходить изъ этого положенія, котораго не понимали, въ другое, котораго тоже не понимали, руководствуясь однимъ темнымъ чувствомъ, оказалось, что мы чуть-чуть не дѣти. Мы обнаружили много силъ, ума, благородства, много очень хорошаго, но въ такихъ юношескихъ формахъ, какъ будто мы только что начинали жить.

Что же дѣлали мы до XVIII вѣка?

Новѣйшіе изслѣдователи доказываютъ, что славяне въ Европѣ—исконные жители, переселившіеся сюда по крайней мѣрѣ не позже германскаго племени, и нельзя сказать когда,—такъ давно. Но оставимъ ихъ. Возьмемъ почти несомнѣнно достовѣрную исторію Россіи съ прибытія къ намъ иноземной дружины съ сѣвера, въ половинѣ IX вѣка. Что дѣлали мы съ половины IX до XVIII вѣка—цѣлые восемь съ половиной вѣковъ? Вовсе не жили? Это неправда. Факты противорѣчатъ этому. Наша исторія представляетъ постепенное *измѣненіе* формъ, а не *повтореніе* ихъ; слѣд., въ ней было развитіе, не такъ какъ на востокѣ, гдѣ съ самаго начала до сихъ поръ все повторяется почти одно и тоже, а если по временамъ и появлялось что-нибудь новое, то замирало, или развивалось на европейской почвѣ. Въ этомъ смыслѣ мы народъ европейскій, способный къ совершенствованію, къ развитію, который не любитъ повторяться и безчисленное число вѣковъ стоять на одной точкѣ. Въ чемъ же состояло наше развитіе до XVIII вѣка? Какой смыслъ его? Какое его движущее начало? Вотъ тайна, до сихъ поръ еще никѣмъ не разгаданная! Множество „взглядовъ на русскую исторію» брошено, множество „теорій русской исторіи“ построено, а разрѣшеніе этихъ вопросовъ все-таки не подвинулось ни на шагъ впередъ. На древнюю русскую исторію смотрѣли съ точки зрѣнія исторіи всѣхъ возможныхъ восточныхъ и западныхъ, сѣверныхъ и южныхъ народовъ, и никто ея не понялъ, потому что она въ самомъ дѣлѣ непохожа ни на какую другую исторію. Наконецъ, къ теоріямъ и взглядамъ всѣ охладѣли и потеряли довѣріе. Въ нихъ видѣли повтореніе прежнихъ, неудачныхъ попытокъ. Нѣкоторые записные ученые пошли дальше. Они объявили, что теорія русской исторіи, другими словами—русская исторія какъ наука—невозможна, даже не нужна, даже вредна; что должно изучать и изучать одни факты. Исторически они были правы. Они сказали это, когда являлись теоріи и взгляды, одни другихъ несообразнѣе, страннѣе; а фактовъ почти никто не зналъ. Но ошибка ихъ состояла въ томъ, что когда это время прошло, они все продолжали твердить одно и тоже.

Большая ошибка! Во-первыхъ, однажды возникшій вопросъ, рано или поздно, непремѣнно долженъ быть разрѣшенъ; это его неотъемлемое право. Отложить его разрѣшеніе на время можно, иногда должно; не признавать его, отвергать, значитъ стоять ниже вопроса. Во вторыхъ, въ противоположеніи фактовъ теоріи, взгляду, скрывается важное заблужденіе. Взглядъ, теорія, непремѣнно предполагаютъ фактическое знаніе предмета.

Безъ послѣдняго невозможны первые. Какъ строить теорію о предметѣ, котораго мы вовсе не знаемъ? Но и наоборотъ, фактическое изученіе невозможно безъ взгляда, безъ теоріи. Одно необходимо переходитъ въ другое. Сухое знаніе всѣхъ фактовъ недостижимо, по ихъ безконечному множеству; сверхъ того, оно совершенно безполезно, ибо не даетъ ровно ничего, въ сущности ни на іоту не прибавляетъ къ нашему знанію. Взглядъ, теорія опредѣляютъ важность фактовъ, придаютъ имъ жизнь и смыслъ, мѣшаютъ запутаться въ ихъ безконечномъ лабиринтѣ; словомъ, только съ ихъ помощью можно возсоздать исторію, какъ она была.

Въ доказательство ссылаемся на послѣднее время нашей историко-литературной дѣятельности. Тѣ, которые всего больше возставали противъ взглядовъ и теорій, уступили непреложному закону мышленія, и безсознательно строили теоріи русской исторіи,—правда, не очень удачныя,—но строили. (Можетъ быть и *сознательно*; мы однако не хотимъ подозрѣвать ихъ въ недобросовѣстномъ стремленіи ввести монополію въ науку русской исторіи). Во множествѣ издавались источники, что̀ вездѣ и всегда имѣетъ свою безотносительную важность и пользу, но не обогащаетъ историческую литературу, составляя въ тоже время одно изъ ея существенныхъ, необходимыхъ условій. Собственно ученое обработываніе русской исторіи представляетъ самую жалкую картину. За исключеніемъ весьма немногихъ статей и изслѣдованій, которыя можно пересчитать по пальцамъ,—такъ ихъ немного,—все прочее служитъ блистательнымъ доказательствомъ, какъ неблагопріятно дѣйствуетъ на науку отсутствіе всякаго направленія, всякой общей мысли. Писано, если хотите, довольно, даже гораздо больше, нежели сколько нужно, чтобы не привести ни къ какимъ результатамъ. Но всѣ изслѣдованія поражаютъ какою-то безцвѣтностью, безхарактерностью, случайностью выбора. Вопросы существенные, важные, оставлены въ сторонѣ; мелочи поглотили все вниманіе розыскателей. Между отдѣльными изслѣдованіями никакого единства, такъ-что изъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ ничего не слѣдуетъ, тогда какъ они должны бы дополнять и пояснять другъ друга. Отсюда—никакого довѣрія къ сочиненіямъ по русской исторіи. Для всѣхъ, кто ею занимается, сдѣлалось общимъ мѣстомъ не читать ихъ, а изучать одни источники. Хуже нельзя отозваться объ исторической литературѣ. Въ другихъ охладѣлъ всякій интересъ къ предмету, чего онъ, самъ по себѣ, безъ сомнѣнія не заслуживаетъ.

Итакъ, чтобы понять тайный смыслъ нашей исторіи, чтобъ оживить нашу историческую литературу, необходимы взглядъ, теорія. Они должны представить русскую исторію какъ развивающійся организмъ, живое цѣлое, проникнутое однимъ духомъ, одними началами. Явленія ея должны быть поняты какъ различныя выраженія этихъ началъ, необходимо связанныя между собою, необходимо вытекающія одно изъ другого.

I.

Гдѣ ключъ къ правильному взгляду на русскую исторію?

Отвѣтъ простой. Не въ невозможномъ отвлеченномъ мышленіи, не въ почти безплодномъ сравненіи съ исторіею другихъ народовъ, а въ насъ самихъ, въ нашемъ внутреннемъ бытѣ.

Многіе не безъ основанія думаютъ, что образъ жизни, привычки, понятія крестьянъ сохранили очень многое отъ древней Руси. Ихъ общественный бытъ нисколько не похожъ на общественный бытъ образованныхъ классовъ. Посмотрите же, какъ крестьяне понимаютъ свои отношенія между собою и къ другимъ. Помѣщика и всякаго начальника они называютъ *отцомъ*, себя—его *дѣтьми*. Въ деревнѣ старшіе лѣтами зовутъ младшихъ—*робятами*, *молодками*, младшіе старшихъ—*дядями*, *дѣдами*, *тетками*, *бабками*, равные—*братьями*, *сестрами*. Словомъ, всѣ отношенія между не-родственниками сознаются подъ формами *родства*, или подъ формами прямо изъ него вытекающаго и необходимо съ нимъ связаннаго, кровнаго, возрастомъ и лѣтами опредѣленнаго, *старшинства* или *меньшинства*. Безспорно, въ устахъ народа эта терминологія съ каждымъ годомъ или исчезаетъ, или становится болѣе и болѣе безсмысленнымъ звукомъ. Но замѣтимъ, что она не введена насильственно, а сложилась сама собою, въ незапамятныя времена. Ея источникъ—прежній взглядъ русскаго человѣка на свои отношенія къ другимъ. Отсюда мы въ полномъ правѣ заключить, что когда-то эти термины навѣрное не были только

фразами, но заключали въ себѣ полный, опредѣленный, живой смыслъ; что когда-то всѣ и неродственныя отношенія дѣйствительно опредѣлялись у насъ по типу родственныхъ, по началамъ кровнаго старшинства или меньшинства. А это неизбѣжно приводитъ насъ къ другому заключенію, что въ древнѣйшія времена русскіе славяне имѣли *исключительно* родственный, на однихъ кровныхъ началахъ и отношеніяхъ основанный бытъ; что въ эти времена о другихъ отношеніяхъ они не имѣли никакого понятія, и потому, когда они появились, подвели и ихъ подъ тѣ же родственныя, кровныя отношенія.

Выражаясь какъ можно проще, мы скажемъ, что у русскихъ славянъ былъ, слѣдовательно, первоначально одинъ чисто семейственный, родственный бытъ, безъ всякой примѣси; что русско-славянское племя образовалось въ древнѣйшія времена *исключительно* однимъ путемъ *нарожденія*. Это совершенно согласно и съ первыми историческими извѣстіями.

Есть большое вѣроятіе, что точно такой же исключительно семейственный, родственный бытъ имѣли первоначально и всѣ прочіе славяне; но историческая судьба ихъ и наша была не одинакова. Послѣдніе, въ разныя времена, смѣшались съ другими народами, или подпали подъ ихъ власть. Оттого ихъ исключительно родственный, семейственный бытъ долженъ былъ насильственно перерваться, можетъ быть, слишкомъ рано для ихъ дальнѣйшаго историческаго дѣйствованія и даже для самаго ихъ существованія.

Другія обстоятельства сопровождали наше развитіе. Никогда иноплеменные завоеватели не селились между нами, и потому не могли придать нашей исторіи свой національный характеръ. Много народовъ прошло черезъ Русь. Торговый путь и восточныя монеты, находимыя въ Россіи, указываютъ на безпрестанныя сношенія съ иностранцами. Были и завоеванія: авары, хозары, какіе-то сѣверные выходцы, кажется норманны, и татары попеременно покоряли русскихъ славянъ, опустошали ихъ земли и собирали тяжкую дань. Но всѣ эти пріязненныя и непріязненныя столкновенія съ иноплеменниками не имѣли и не могли имѣть, въ самой малой степени, тѣхъ послѣдствій для нашей послѣдующей исторіи, какія имѣло въ другихъ земляхъ поселеніе завоевателей у туземцевъ и смѣшеніе ихъ между собою. Кто знаетъ, какъ необразованный славянинъ неохотно поддается чуждому вліянію, какъ онъ вездѣ и всегда остается при своихъ нравахъ и обычаяхъ, даже одиноко и надолго заброшенный между иностранцами,— тотъ пойметъ, что торговыя сношенія русскихъ славянъ съ иностранцами, какъ бы они часты и продолжительны ни были, не могли нисколько измѣнить внутренняго, домашняго и общественнаго быта первыхъ. Нѣсколько словъ и названій предметовъ, имъ неизвѣстныхъ,—вотъ все, что могли имъ передать чужеземцы. Тѣмъ менѣе могли измѣнить ихъ бытъ толпы варваровъ, мгновенно появлявшіяся и мгновенно исчезавшія. Авары никогда не смѣшивались съ русскими славянами, и обращались съ ними слишкомъ жестоко, чтобы послѣдніе когда либо могли забыть свое различіе съ ними. Потомъ авары исчезли, до единаго. Хозары брали одну дань; тѣмъ и ограничилось ихъ владычество. Татары господствовали надъ нами издалека Имъ нужны были подушная и покорность. Вліяніе ихъ на нашъ внутренній бытъ ограничилось посылкою въ Россію сборщиковъ податей,—и то только съ начала,—вмѣшательствомъ въ распри удѣльныхъ князей и нѣсколькими, еще весьма сомнительными, неудачными попытками обратить насъ къ исламу. Впрочемъ, роль фанатическихъ пропагандистовъ такъ мало шла къ монголамъ, равнодушнымъ покровителямъ всѣхъ возможныхъ религій, что они ее скоро оставили, если когда нибудь и принимали на себя. Не только они не поселились у насъ на правахъ завоевателей,—они даже не ставили у насъ своихъ хановъ, а сажали русскихъ же князей, которые никогда искренно не держали ихъ стороны, кланялись имъ, пока было нужно и выгодно, и воспользовались ихъ покровительствомъ, чтобъ усилиться и свергнуть ихъ же иго. И монгольское вліяніе ограничилось нѣсколькими словами, вошедшими въ нашъ словарь; можетъ быть, и даже вѣроятно, нѣсколькими обычаями, не совсѣмъ для насъ лестными, каковы: *пытка*, *кнутъ*, *правежъ*; но эти обычаи, безъ всякаго сомнѣнія, *заимствованы*, а *не навязаны*, и заимствованы больше вслѣдствіе тогдашняго быта Руси, чѣмъ вслѣдствіе сношеній съ татарами. И безъ нихъ они бы, конечно, образовались, только подъ другими формами и названіями. Одни сѣверные выходцы, ва-

ряги, составляютъ какъ будто исключеніе. Сначала они покоряютъ сѣверно-русскихъ славянъ, и ограничиваются, подобно другимъ, данью. Но потомъ, призванные нѣсколькими союзными русско-славянскими и финскими племенами, они дружиной поселяются между ними, изъ призванныхъ властителей становятся завоевателями, покоряютъ всѣ племена, имъ еще не подвластныя, ставятъ въ ихъ городахъ своихъ правителей и основываютъ обширное, какъ кажется, феодальное государство. Но... замѣчательное явленіе! Тогда какъ въ другихъ земляхъ они надолго придаютъ свой характеръ быту страны, ими покоренной, у насъ, напротивъ, они скоро подчиняются вліянію туземнаго элемента, и наконецъ совершенно въ немъ исчезаютъ, завѣщавъ намъ надолго мысль о государственномъ единствѣ всей русской земли, дружинное начало и систему областного правленія. Впрочемъ, и эти слѣды сѣверной дружины такъ переродились на русской почвѣ, такъ прониклись національнымъ элементомъ, что въ нихъ почти невозможно узнать ихъ не-славянскаго первообраза. Не станемъ здѣсь изслѣдовать, какъ и почему это сдѣлалось. Для насъ самый фактъ важенъ, а онъ несомнѣненъ. А между тѣмъ варяги—единственные, принесшіе къ намъ какіе-то чуждые элементы. Считаемъ излишнимъ упоминать о другихъ племенахъ, какъ напр., финскихъ, которыя или исчезли, или вполнѣ подчинились господству или вліянію русско-славянскаго элемента.

Итакъ, постороннія начала никогда не были насильственно вносимы въ жизнь русскихъ славянъ. Единственные, которымъ можно бы приписать это,—варяги,—утонули и распустились въ славянскомъ элементѣ. Постороннія вліянія были,—это несомнѣнно. Но они не были вынужденныя, извнѣ налагаемыя, а естественныя, свободно принимаемыя. Врядъ ли они были сильны; во всякомъ случаѣ, они не могли намъ дать не-національнаго, искусственнаго развитія. Такимъ образомъ исторія вполнѣ предоставила насъ однимъ нашимъ собственнымъ силамъ. Это еще болѣе справедливо, если мы вспомнимъ, что мы не сидѣли на плечахъ у другого народа, который, будучи просвѣщеннѣе насъ, могъ бы сообщить намъ, даже противъ нашей воли, плоды своей высшей цивилизаціи. На своей почвѣ мы не имѣли предшественниковъ, а если и имѣли, то такихъ, отъ которыхъ намъ нечего было заимствовать.

Итакъ, мы жили сами собой, развивались изъ самихъ себя. Отсюда слѣдующее, необходимое заключеніе: если нашъ бытъ, исключительно семейственный, родственный, измѣнялся безъ рѣшительнаго посторонняго вліянія, слѣд., свободно, самъ собой, то и смысла этихъ измѣненій должно искать въ началахъ того же семейственнаго быта, а не въ чемъ либо другомъ; другими словами: наша древняя, внутренняя исторія была постепеннымъ развитіемъ исключительно кровнаго, родственнаго быта.

Но по какому закону онъ развивался? На это отвѣчаетъ намъ новая исторія съ появленія христіанства. Христіанство открыло въ человѣкѣ и глубоко развило въ немъ внутренній, невидимый, духовный міръ. Древнее человѣчество, подавленное природой, или художественно, но безсознательно съ нею уравновѣшенное, какъ бы примиренное, или погруженное въ одну практическую, государственную дѣятельность, имѣло о немъ какое-то темное предчувствіе, но не знало его. Христіанство нашло его и поставило безконечно высоко надъ внѣшнимъ, матеріальнымъ міромъ. Послѣдній обреченъ былъ ему на служеніе. Оттого, съ появленія христіанства внутренній міръ стремится къ неограниченному господству надъ событіями и дѣйствіями. Духовныя силы человѣка, его стремленія, надежды, требованія, упованія, которыя прежде были глубоко затаены и не могли высказываться, христіанствомъ были сильно возбуждены и стали порываться къ полному, безусловному осуществленію. Характеръ исторіи долженъ былъ совершенно измѣниться.

Когда внутренній духовный міръ получилъ такое господство надъ внѣшнимъ, матеріальнымъ міромъ, тогда и человѣческая *личность* должна была получить великое, святое значеніе, котораго прежде не имѣла. Въ древности о человѣкѣ, помимо опредѣленій кастъ, сословій, національностей и гражданства, не имѣли никакого понятія. Даже древнія религіи, исключительно мѣстныя, національныя, брали подъ свое покровительство только извѣстныя племена, извѣстныя гражданства; другихъ онѣ знать не хотѣли, или преслѣдовали. Словомъ, въ древности *человѣкъ какъ человѣкъ* ничего не значилъ.

Христіанство, во имя внутренняго, духовнаго міра, отрицаетъ всѣ видимыя, матеріальныя, условныя, слѣдовательно несущественныя, ничтожныя различія между людьми. Всѣ народы и племена, всѣ касты и сословія, всѣхъ, и свободныхъ и несвободныхъ, оно равно призываетъ къ спасенію, всѣхъ равно называетъ по духу чадами Божіими, всѣмъ обѣщаетъ и даетъ равное участіе въ благахъ небесныхъ. Первыя христіанскія общины представляютъ пеструю смѣсь разноплеменныхъ и разносословныхъ людей, уравненныхъ и соединенныхъ истиной, жаждой пріобщиться къ одной небесной, духовной жизни.

Такъ возникла впервые въ христіанствѣ мысль о безконечномъ, безусловномъ достоинствѣ *человѣка и человѣческой личности*. Человѣкъ—живой сосудъ духовнаго міра и его святыни; если не въ дѣйствительности, то въ возможности онъ представитель Бога на землѣ, возлюбленный сынъ Божій, для котораго самъ Спаситель міра сошелъ на землю, пролилъ святую кровь свою и умеръ на крестѣ. Такой совершенно новый взглядъ на человѣка долженъ былъ вывести его изъ ничтожества, освободить изъ-подъ ига природы и внѣшняго міра, который случайно или давалъ ему значеніе, или ставилъ наравнѣ съ безсловесными, ниже ихъ. Изъ опредѣляемаго человѣкъ сталъ опредѣляющимъ, изъ раба природы и обстоятельствъ—господиномъ ихъ. Теперь, чрезъ истину, онъ сталъ первое и главное.

Христіанское начало безусловнаго достоинства человѣка и личности, вмѣстѣ съ христіанствомъ, рано или поздно, должно было перейти и въ міръ гражданскій. Оттого признаніе этого достоинства, возможное нравственное и умственное развитіе *человѣка*, сдѣлались лозунгами всей новой исторіи, главными точками или центрами, около которыхъ она вертится. Правда, много скорбнаго встрѣчаемъ мы на пути, уже пройденномъ; много скорбнаго еще предстоитъ. Къ благороднымъ великодушнымъ порывамъ и стремленіямъ, къ чистымъ побужденіямъ не рѣдко примѣшивались низкія и мелочныя страсти, плачевныя заблужденія, добровольныя и недобровольныя ошибки, невѣжество и безсознательность. Но кто понимаетъ исторію, кто умѣетъ читать ея спутанныя, часто горькія страницы, для того есть отрада въ великой цѣли и въ постепенномъ, хотя и медленномъ, ея достиженіи. Такъ для всѣхъ народовъ новаго, христіанскаго міра—одна цѣль: безусловное признаніе достоинства человѣка, лица,и всестороннее его развитіе. Только всѣ идутъ къ ней разными путями, безконечно разнообразными, какъ сама природа и историческія условія народовъ.

Германскія племена, передовыя дружины новаго міра выступили первыя. Ихъ частыя, вѣковыя, непріязненныя столкновенія съ Римомъ, ихъ безпрестанныя войны и далекіе переходы, какое-то внутреннее безпокойство и метаніе,—признаки силы, ищущей пищи и выраженія,—рано развили въ нихъ глубокое чувство *личности*, но подъ грубыми, дикими формами. Германцы жили разрозненно. Ихъ жестокость къ рабамъ и побѣжденнымъ была неумолима; ихъ семейныя отношенія были юридическія. Издавна появились у нихъ дружины — добровольные союзы, заключаемые для военной цѣли между храбрымъ, славнымъ вождемъ и людьми, жаждавшими завоеваній и добычи. Начало личности положено въ основаніе этихъ союзовъ. Предводитель не былъ полновластнымъ господиномъ дружины. Она была обязана вѣрно служить ему, но и онъ обязанъ былъ дѣлиться съ ней добычей. Нарушеніе условій разрушало союзъ. Съ самаго начала всѣ отношенія германцевъ запечатлѣны этимъ началомъ личности и выражаются въ строгихъ юридическихъ формахъ.

Перешедши на почву, гдѣ совершалось развитіе древняго міра, гдѣ сохранились еще живые слѣды его и уже пронеслась проповѣдь Евангелія, они почувствовали всю силу христіанства и высшей цивилизаціи. Долго благоговѣлъ варваръ-германецъ передъ именемъ Рима и не смѣлъ коснуться добычи, уже никѣмъ не защищаемой. Онъ ревностно принималъ новое ученіе, которое высокимъ освященіемъ личности такъ много говорило его чувству,—и въ то же время вбиралъ въ себя римскіе элементы, наслѣдіе древняго міра. Все это мало-по-малу начало смягчать нравы германцевъ. Но и смѣшавшись съ туземцами почвы, ими завоеванной, принявши христіанство, усвоивши себѣ многое изъ римской жизни и быта, они сохранили глубокую печать своей національности. Государства, ими основанныя,—явленіе совершенно новое въ исторіи. Они проникнуты *личнымъ* началомъ, которое принесли съ собою германцы. Всюду оно видно; вездѣ оно на первомъ

планѣ, главное, опредѣляющее. Правда, въ новооснованныхъ государствахъ оно не имѣетъ того возвышеннаго, безусловнаго значенія, которое придало ему христіанство. Оно еще подавлено историческими элементами, безсознательно проникнуто эгоизмомъ и потому выражается въ условныхъ, рѣзко обозначенныхъ, часто суровыхъ и жосткихъ формахъ. Оно создаетъ множество частныхъ союзовъ въ одномъ и томъ же государствѣ. Преслѣдуя самыя различныя цѣли, но еще не сознавая ихъ внутренняго, конечнаго, органическаго единства, эти союзы живутъ другъ возлѣ друга разобщенные или въ открытой борьбѣ Надъ этимъ еще не установившимся, разрозненнымъ и враждующимъ міромъ царитъ церковь, храня въ себѣ высшій идеалъ развитія. Но мало-по-малу, подъ разнообразными формами, повидимому, не имѣющими между собою ничего общаго, или даже противоположными, воспитывается *человѣкъ.* Изъ области религіи мысль о безусловномъ его достоинствѣ постепенно переходитъ въ міръ гражданскій и начинаетъ въ немъ осуществляться. Тогда чисто историческія опредѣленія, въ которыхъ сначала сознавала себя личность, какъ излишнія и ненужныя, падаютъ и разрушаются, въ различныхъ государствахъ различно. Безчисленные частные союзы замѣняются въ нихъ однимъ общимъ союзомъ, котораго цѣль— всестороннее развитіе человѣка, воспитаніе и поддержаніе въ немъ нравственнаго достоинства. Эта цѣль еще недавно обозначилась. Достиженіе ея въ будущемъ. Но мы видимъ уже начало. Совершеніе неминуемо.

Русско-славянскія племена представляютъ совершенно иное явленіе. Спокойныя, миролюбивыя, они жили постоянно на своихъ мѣстахъ. Начало личности у нихъ не существовало. Семейственный бытъ и отношенія не могли воспитать въ русскомъ славянинѣ чувства особности, сосредоточенности, которое заставляетъ человѣка проводить рѣзкую черту между собою и другими и всегда и во всемъ отличать себя отъ другихъ. Такое чувство рождаютъ въ неразвитомъ человѣкѣ безпрестанная война, частыя столкновенія съ чужеземцами, одиночество между ними, опасности странствованія. Онъ привыкаетъ надѣяться и опираться только на самого себя, быть вѣчно на чеку, вѣчно на сторожѣ. Отсюда возникаетъ въ немъ глубокое сознаніе своихъ силъ и своей личности. Семейный бытъ дѣйствуетъ противоположно. Здѣсь человѣкъ какъ-то расплывается; его силы, ничѣмъ не сосредоточенныя, лишены упругости, энергіи, и распускаются въ морѣ близкихъ, мирныхъ отношеній. Здѣсь человѣкъ убаюкивается, предается покою и нравственно дремлетъ. Онъ довѣрчивъ, слабъ и безпеченъ, какъ дитя. О глубокомъ чувствѣ личности не можетъ быть и рѣчи. Для народовъ, призванныхъ ко всемірно-историческому дѣйствованію въ новомъ мірѣ, такое существованіе безъ начала личности невозможно. Иначе они должны бы навсегда оставаться подъ гнетомъ внѣшнихъ, природныхъ опредѣленій, жить, не живя умственно и нравственно. Ибо когда мы говоримъ, что народъ дѣйствуетъ, мыслитъ, чувствуетъ, мы выражаемся отвлеченно: собственно дѣйствуютъ, чувствуютъ, мыслятъ единицы, лица, его составляющія. Такимъ образомъ личность, сознающая сама по себѣ свое безконечное, безусловное достоинство, — есть необходимое условіе всякаго духовнаго развитія народа. Этимъ мы совсѣмъ не хотимъ сказать, что она непремѣнно должна ставить себя въ противоположность съ другими личностями, враждовать съ ними. Мы, напротивъ, думаемъ, что послѣдняя цѣль развитія—ихъ глубокое, внутреннее примиреніе. Но во всякомъ случаѣ, каковы бы ни были ея отношенія, она непремѣнно должна существовать и сознавать себя.

Этимъ опредѣляется законъ развитія нашего внутренняго быта. Оно должно было состоять въ постепенномъ образованіи, появленіи начала личности, и слѣд., въ постепенномъ отрицаніи исключительно кровнаго быта, въ которомъ личность не могла существовать. Степени развитія начала личности и совпадающія съ ними степени упадка исключительно родственнаго быта опредѣляютъ періоды и эпохи русской исторіи.

Такъ, задача исторіи русско-славянскаго племени и германскихъ племенъ была различна. Послѣднимъ предстояло развить историческую личность, которую они принесли съ собою, въ личность человѣческую; намъ предстояло создать личность. У насъ и у нихъ вопросъ поставленъ такъ неодинаково, что и сравненіе невозможно. Послѣ мы увидимъ, что и мы и они должны были выйдти, и въ самомъ дѣлѣ вышли, на одну дорогу. Теперь съ этой точки зрѣнія бросимъ бѣглый взглядъ на внутренній бытъ древней Россіи до Петра Великаго.

II [1]).

Въ древнѣйшія времена часть теперешней европейской Россіи была заселена кроткими и мирными русско-славянскими племенами. Сельская промышленность и торговля сырыми продуктами были главнымъ ихъ занятіемъ. Эти племена состояли изъ большихъ и малыхъ поселеній, которыя, въ противоположность разрозненной жизни первоначальныхъ германцевъ, представляютъ нашихъ предковъ собранными вмѣстѣ, жившими группами. Вглядываясь въ каждое поселеніе, мы видимъ, что это—разросшаяся, размножившаяся семья, которой члены и потомки живутъ вмѣстѣ, на одномъ корню. Такъ все первобытное славянское населеніе Россіи было огромное дерево, спокойно выросшее изъ одного зерна; поселенія и племена—его вѣковыя вѣтви и отпрыски.

Внутри поселеній царствуетъ чисто семейный бытъ подъ управленіемъ *старшаго* рожденіемъ и лѣтами. Его власть была семейная, родительская; подвластные ему были какъ будто его дѣти и между собой соединены родственными узами и отношеніями.

Намъ теперь трудно вдуматься въ этотъ бытъ. Сами не подозрѣвая, мы, когда его представляемъ, невольно придаемъ ему черты теперешняго человѣческаго общества, судимъ о немъ по нашему семейному быту, проникнутому гражданственностью, которой онъ не зналъ. Его создала природа, кровь; она его поддерживала и имъ управляла. Оттого совершенная юридическая неопредѣленность — его отличительная черта. Напрасно станемъ мы искать въ немъ власти и подчиненности, правъ и сословій, собственности и администраціи. Человѣкъ жилъ тогда совершенно подъ опредѣленіями природы; мысль еще не освободила его отъ ея ига.

При всей ограниченности онъ представляетъ многія прекрасныя черты. Люди жили сообща, не врознь, не отчужденные, какъ потомъ; не было еще гибельнаго различія между *моимъ и твоимъ* — источника послѣдующихъ бѣдствій и пороковъ: всѣ, какъ члены одной семьи, поддерживали, защищали другъ друга, и обида, нанесенная одному, касалась всѣхъ. Такой бытъ долженъ былъ воспитать въ русскихъ славянахъ семейныя добродѣтели: кроткіе, тихіе нравы, довѣрчивость, необыкновенное добродушіе и простосердечіе. На рабовъ и чужеземцевъ они смотрѣли не съ юридической, а съ семейной, кровной точки зрѣнія. Оттого было хорошо у славянъ заѣзжимъ чужеземцамъ и плѣннымъ: и на нихъ простирался покровъ и благословеніе семейной жизни. Много трогательныхъ обычаевъ вынесли наши предки изъ этой первоначальной жизни, обычаевъ, отъ которыхъ развалины долго сохранялись и теперь еще отчасти сохраняются въ простомъ народѣ.

Этотъ древнѣйшій, чисто патріархальный бытъ не могъ быть вѣчнымъ. Не говорите въ грустномъ раздумьи—„да, потому что все человѣческое проходитъ“. Все проходитъ, но не потому, что вѣчное круговращеніе, вѣчная смѣна одного другимъ—смыслъ и задача жизни. Все проходитъ потому, что существующее хорошее жизнь ведетъ еще къ лучшему. Въ смерти—зачатки обновленія и воскресенія. На младенца, на юношу мы смотримъ съ внутреннею скорбью; мы знаемъ, что исчезнетъ то непередаваемое очарованіе, которымъ исполнены его неопредѣленныя, невысказанныя черты. Но выше этой скорби ставитъ насъ сознаніе, что весеннее обаяніе юности смѣнится строгой красотой и полнотой жизни возмужалаго возраста. Оно даетъ намъ силы подавить грусть, пристально и холодно взглянуть на юность, и мы въ ней самой открываемъ тогда причины ея несостоятельности. Къ тому же приводитъ и исторія.

Въ чисто семейномъ быту нашихъ предковъ лежали зачатки его будущаго разрушенія. Онъ былъ созданъ природой, а не мыслью, не сознаніемъ, которыя могли бы дать ему твердость, постоянство, а вмѣстѣ и опредѣленность, ему совершенно неизвѣстную. Но кровныя связи слишкомъ непрочны, чтобы поддержать общественный бытъ. Племена, заселявшія Россію, большею частью разрозненныя, иногда враждующія между собою, тоже произошли отъ одной семьи, но почти совсѣмъ забыли свое единство; отъ него осталось одно смутное воспоминаніе. То же предстояло и семейному быту поселеній; рано или поздно онъ долженъ былъ поколебаться. Чѣмъ дальше расходились линіи, тѣмъ больше должно было забываться между ними кровное родство. Вдобавокъ,

[1]) Считаемъ нужнымъ предупредить читателей, что въ этомъ очеркѣ мы ограничились обзоромъ одного юридическаго быта.

семьи и роды переходили изъ поселенія въ поселеніе, ссорились и отдѣлялись другъ отъ друга. Могли быть и другія причины, приведшія поселенія къ внутренней разрозненности, ибо трудно, почти невозможно слѣдить за развитіемъ быта въ эти отдаленныя времена, отъ которыхъ дошли до насъ одни скудныя, отрывочныя извѣстія, когда это такъ не легко и въ ближайшія эпохи. Мало-по малу внутренняя разрозненность поселеній повлекла за собою важныя измѣненія въ ихъ бытѣ и устройствѣ.

Мы видѣли, что главами поселеній были сначала старшіе по роду и лѣтамъ: потому они и назывались старѣйшинами; по смерти одного мѣсто его заступалъ старшій по немъ. Но когда народонаселеніе усилилось, семьи и линіи въ одномъ поселеніи размножились, появилось много старшихъ родомъ и лѣтами, а кто изъ нихъ старѣе, невозможно было опредѣлить, — стали *избирать* старѣйшинъ.

Съ перваго взгляда это измѣненіе кажется неважнымъ; но оно предполагало существенную перемѣну въ прежнемъ бытѣ. Въ немъ, въ этомъ измѣненіи, обнаружилось, что поселенія внутри себя распались на частные, тоже семейные союзы. Какъ прежде племена разъединялись, такъ и семьи въ поселеніяхъ. Только условія послѣдняго распаденія были неодинаковы съ первымъ. Племена были разбросаны на большомъ пространствѣ; имъ можно было забыть и не знать другъ друга. Напротивъ, въ поселеніяхъ семьи жили рядомъ, на небольшомъ клочкѣ земли; забыть и не знать другъ друга онѣ не могли; связи и отношенія между ними необходимо поддерживались, но онѣ не были уже только дружественныя. Особенные интересы производили между ними непріязненныя столкновенія, въ поселеніяхъ—неустройства и несогласія. Лицо старѣйшины должно было вырости, характеръ его власти измѣнился. Оставаясь попрежнему патріархальной, она начинаетъ получать легкій, едва замѣтный юридическій оттѣнокъ, какъ и отношенія семей, составляющихъ поселеніе. Необходимость внутренней тишины и порядка принуждаетъ поселенія прибѣгать, при несогласіяхъ, къ ихъ собственному главѣ—старѣйшинѣ. Они отдаются на его судъ и приговоръ. Онъ становится посредникомъ, миротворцемъ и судьею въ поселеніи, лицомъ необходимымъ и еще болѣе важнымъ, чѣмъ былъ прежде.

Возрастающее значеніе старѣйшинъ было признакомъ возрастающей разрозненности семей. Каждая болѣе и болѣе начинаетъ погружаться въ свои особенные интересы, внутри себя жить своею особенною жизнью, точно такою же, какою жило сначала цѣлое поселеніе. Въ этихъ семьяхъ—тотъ же семейный, родственный бытъ, связи и кровное единство, такой же старѣйшина по роду и лѣтамъ. Общія потребности еще поддерживаютъ связи между семьями. О важнѣйшихъ дѣлахъ, которыя до всѣхъ ихъ касаются, старѣйшина поселенія совѣщается съ ихъ старѣйшинами. Съ бо̀льшимъ ослабленіемъ единства поселенія, котораго старѣйшина былъ представителемъ, семьи мало-по-малу становятся главными дѣятелями, и власть ихъ общаго старѣйшины ослабѣваетъ. Образуются въ поселеніяхъ общія совѣщанія—*вѣча* (отъ вѣщать), такія же неопредѣленныя, юридически неустановленныя собранія, какъ и весь тогдашній бытъ. То были сходбища семей для общаго совѣщанія—праматери теперешнихъ крестьянскихъ сходокъ и столько же неправильныя.

Мало-по-малу семьи привыкаютъ, несмотря на внутреннюю разрозненность, всѣ важныя и общія дѣла дѣлать вмѣстѣ, поговоря между собою. Поселенія становятся *общинами*. Нѣкоторыя изъ нихъ для защиты отъ внѣшнихъ враговъ строятъ ограды и получаютъ названіе *городовъ*; но внутреннее устройство всѣхъ общинъ попрежнему совершенно одинаково, ибо та же основа во всѣхъ.

Дальнѣйшее развитіе общиннаго быта состояло въ большемъ и большемъ его распаденіи. По мѣрѣ того, какъ возрастала особность семей, и онѣ вживались въ свои особенные интересы, единство общинъ продолжало ослабѣвать. Власть изъ рукъ общинныхъ старѣйшинъ переходитъ къ главамъ семействъ, къ старѣйшинамъ отдѣльныхъ, родственныхъ союзовъ. Наконецъ, первые исчезаютъ и избираются только въ случаѣ войны или опасности. Ихъ мѣсто заступаютъ вѣчевыя собранія. Вмѣсто одного главы въ общинахъ появляются многіе главы—старѣйшины надъ семьями. Непріязненныя столкновенія между ними, ссоры и вражды—неминуемы. Открываются нескончаемыя усобицы, внутреннія волненія въ общинахъ. Это-то состояніе и описываетъ лѣтописецъ словами: „не было у нихъ правды и всталъ родъ на родъ; были у нихъ усобицы, и начали они воевать другъ противъ друга“.

Какъ развивался общинный бытъ, такъ въ незапамятныя времена и въ огромныхъ размѣрахъ развивался бытъ племенной. Мы можемъ судить объ этомъ по разительному сходству племеннаго устройства съ общиннымъ. Общины, принадлежавшія къ одному племени, собирались на племенныя вѣча. Были и племенные старѣйшины—*князья*; но какъ въ общинахъ, они не вездѣ удержались.

Когда общинный бытъ совершенно разрушился и семьи стали дѣйствовать независимо, свободно, вся власть перешла къ нимъ. За обиду онѣ удовлетворяли себя сами; споръ рѣшался боемъ или отдавался на судъ выборныхъ посредниковъ. Такъ появилась *кровная месть*, *поединки*, *цѣловальники*, или присяжные. Нѣкоторыя семьи, по богатству, извѣстности, талантамъ и другимъ причинамъ, возвысились надъ прочими; появилось различіе между *знатными и незнатными*, которое обозначалось все болѣе и болѣе. Такъ развивался древнѣйшій общественный бытъ русскихъ славянъ,—у однихъ племенъ скорѣе, у другихъ медленнѣе; у однихъ послѣдовательнѣе, полнѣе и рѣзче, чѣмъ у другихъ; но главныя черты этого развитія тѣ же у всѣхъ. Оно постепенно вело Россію къ большему и большему разъединенію. Политическое единство цѣлаго русско-славянскаго племени было уже утрачено; единство внутри племенъ исчезало. Даже общины, вслѣдствіе этого развитія, распадались на свои составныя части; процессу разложенія не предвидѣлось конца.

Въ это время возникаетъ въ Россіи новый порядокъ вещей, принесенный извнѣ.

Въ половинѣ IX вѣка на сѣверномъ краю ея совершилось важное, многознаменательное событіе. Нѣсколько племенъ, истерзанныхъ внутренними смутами, отсутствіемъ порядка и устройства, рѣшились власть надъ собою отдать чужеземцу: явленіе не столько загадочное, какъ кажется съ перваго взгляда. Кровный бытъ не можетъ развить общественнаго духа и гражданскихъ добродѣтелей. Взаимныя зависти мѣшали племенамъ рѣшиться на выборъ начальника, старѣйшины, князя изъ своей среды, и они, чувствуя необходимость власти, невозможность самимъ управляться, лучше хотѣли подчиниться третьему, постороннему, равно чуждому для всѣхъ. Особенныя, частныя причины склонили ихъ выборъ на варяговъ. По призыву союзныхъ племенъ, является въ Россію воинственная дружина, подъ предводительствомъ вождей, которыхъ наши предки по своему называютъ князьями. О происхожденіи этой дружины и до сихъ поръ спорятъ. Несомнѣннымъ кажется, что преобладающіе въ ней элементы были германскіе. Едва перешедши на новую почву, она начинаетъ воевать направо и налѣво, покорять окрестныя племена и угнетать призвавшія. Подъ начальствомъ втораго своего предводителя, Олега, она оставляетъ сѣверъ Россіи и переходитъ на югъ, продолжая дѣло завоеванія и покоренія и восполняя свои ряды подвластными племенами; нѣкоторыя поддаются ей добровольно. Такъ длится слишкомъ сто лѣтъ. Во всѣхъ дѣйствіяхъ варяговъ въ ихъ новомъ отечествѣ проглядываютъ суровые побѣдители, равнодушные къ призвавшему и покоренному народу, страстные къ войнѣ, жаждавшіе добычи. Воинственный духъ заставляетъ ихъ искать новыхъ завоеваній, ведетъ къ стѣнамъ Византіи, и полу-варягъ, полу-славянинъ, Святославъ, еще мечтаетъ навсегда поселиться въ Болгаріи. Гдѣ дружинѣ было лучше, тамъ и было ея отечество.

Изъ русско-славянскихъ племенъ, волей и неволей покорившихся дружинѣ, образуется сильное, обширное государство; но устройство его носитъ на себѣ не-славянскій отпечатокъ; кажется, оно было феодальное. Если этого не видно изъ словъ лѣтописи, что предводители варяжской дружины сажали своихъ мужей въ покорившихся или покоренныхъ городахъ,—словъ, которыя, впрочемъ, подлежатъ различному толкованію,—то это болѣе нежели вѣроятно изъ того, что Рогвольдъ и Туръ имѣли свои наслѣдственныя владѣнія; что въ договорѣ Олега и особенно Игоря говорится о состоящихъ подъ ихъ рукою свѣтлыхъ князьяхъ въ русской землѣ, исчисляются ихъ имена, всѣ не славянскія, посылаются отъ нихъ послы вмѣстѣ съ послами Олега и Игоря, и выговаривается на ихъ часть контрибуція у грековъ.

Каковы бы ни были варяги, пришедшіе къ намъ, ихъ значеніе въ русской исторіи весьма важно. Они принесли съ собою первые зачатки гражданственности и политическаго, государственнаго единства всей русской земли. Мы совсѣмъ не хотимъ этимъ сказать, что безъ нихъ и то и другое было бы невозможно; мы говоримъ о фактахъ, какъ они были. Со временъ варяговъ по-

являются въ Россіи элементы, ей до того совершенно неизвѣстные. Она была раздроблена; варяги соединяютъ ее въ одно политическое тѣло. Первая идея *государства* на нашей почвѣ имъ принадлежитъ. Они приносятъ съ собою *дружину*, учрежденіе не русско-славянское, основанное на началѣ личности и до того чуждое нашимъ предкамъ, что въ ихъ языкѣ нѣтъ для него даже названія: ибо мы по привычкѣ называемъ его дружиной, но это слово не вполнѣ соотвѣтствуетъ значенію германскаго учрежденія, придавая ему какой-то частный, домашній, полу-семейный оттѣнокъ, какой дружины дѣйствительно получили у насъ впослѣдствіи, но котораго не могли имѣть сначала. Варяги приносятъ съ собой право князя *наслѣдовать послѣ смерда*-поселянина и *новую систему управленія*, неизвѣстную семейно-общинной до-варяжской Руси. Эта система строга, убыточна, разорительна для подданныхъ. Она совершенно равнодушна къ управляемымъ, противополагаетъ ихъ интересы интересамъ правителя, его обогащеніе поставляетъ главною цѣлью и рѣзко выдвигаетъ его лицо изъ среды подвластныхъ. Наконецъ, варягамъ принадлежитъ начало *виръ*, или *денежныхъ платъ за преступленія* въ Россіи: названіе и числовое сходство съ германскими вирами обличаютъ въ нашихъ вирахъ не славянское происхожденіе.

Не прошло вѣка, — и варяги начали терять свою національность. Въ Святославѣ подъ варяжскими формами уже виденъ славянинъ. Частыя сношенія съ варягами, прибытіе въ Россію новыхъ сѣверныхъ дружинниковъ и выходцевъ, долго поддерживали національную особность нашихъ властителей: но въ княженіе Ярослава варяги сливаются съ русскими славянами, перестаютъ отъ нихъ отличаться и совершенно подчиняются туземному русско-славянскому элементу. Говорится еще въ лѣтописяхъ о варягахъ внѣ русской земли; о славяно-русскихъ варягахъ не упоминается болѣе ни слова.

Но вдругъ не могъ совершенно исчезнуть варяжскій элементъ: слѣды его остались. Около двухъ вѣковъ варяги были главными дѣятелями въ нашей исторіи, основали у насъ государство, и все это время стояли во главѣ его; естественно, что ихъ учрежденія долго сохраняли печать своего историческаго происхожденія. Только вмѣстѣ съ варягами и они обрусѣли впослѣдствіи такъ, что, не знай мы ничего о варяжскомъ періодѣ, мы бы и не заподозрили, что они не русскіе.

При Ярославѣ Великомъ исчезли варяги; съ его времени начинаетъ преобладать русско-славянскій элементъ. Перерванная нить нашего національнаго развитія подымается опять, съ той точки, на которой оно остановилось передъ пришествіемъ дружины. Но отнынѣ оно не ограничивается однимъ общиннымъ, частнымъ, домашнимъ бытомъ: оно обхватываетъ собою и государственный бытъ, созданный чужеземцами и вмѣстѣ съ ними подчинившійся вліянію туземнаго элемента.

Передъ прибытіемъ варяговъ семьи начинали становиться главными дѣятелями въ нашемъ внутреннемъ бытѣ. Единство внутри племенъ и общинъ падало. Но и семьямъ предстоялъ тотъ же путь. Подобно имъ, и онѣ должны были размножиться и обратиться наконецъ въ многовѣтвистые роды, а роды—современемъ распасться на свои составныя части и утратить сознаніе своего внутренняго, кровнаго единства. Такъ и было. Въ лицѣ потомства Ярослава Великаго, или, правильнѣе, Владиміра, выступаетъ на сцену историческаго дѣйствованія *семья*, разросшаяся потомъ въ цѣлый *родъ*. Конечно, она не была единственная въ тогдашней Руси,—были и другія; но ихъ судьбы терялись въ массахъ народа, и покрыты мракомъ. Не то представляетъ княжескій родъ Владиміровъ. Онъ дѣйствуетъ въ высшей, государственной сферѣ; онъ одинъ; онъ всегда на виду. Обладая Россіей, онъ управляетъ ея исторіей. Оттого мы на немъ можемъ подробно изучать постепенное развитіе семьи и рода, законы этого развитія и необходимый его исходъ. Весь нашъ государственный бытъ, отъ Ярослава до усиленія Москвы, есть исторія развитія родового начала, предоставленнаго самому себѣ, исторія его постепеннаго разложенія и упадка.

Ярославъ, князь чисто русскій, первый задумалъ основать государственный бытъ Руси и утвердить ея политическое единство на *родовомъ началѣ*. Такая мысль, въ его время, была естественна. Феодальный порядокъ не могъ укорениться на нашей почвѣ, и исчезъ вмѣстѣ съ варягами. Оставалось построить государство по началамъ туземнымъ, до которыхъ тогда развился нашъ древній бытъ Такимъ началомъ было начало семьи, рода. Къ нему и прибѣгнулъ Ярославъ Великій.

Вся Россія должна была принадлежать одному княжескому роду. Каждый князь, членъ рода, получилъ свою часть; на какомъ основаніи онъ владѣлъ ею—не опредѣлено. Старшій въ родѣ, ближайшій по рожденію къ родоначальнику, долженствовалъ быть главнымъ, первымъ между князьями, *великимъ*. Ему, какъ старшему, подчинены всѣ прочіе князья въ ихъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ между собою. Онъ былъ представителемъ единства княжескаго рода, главою всѣхъ князей и вмѣстѣ представителемъ политическаго единства Руси. Его мѣстопребываніемъ былъ Кіевъ, резиденція Ярослава и его предковъ. Открывался періодъ удѣловъ.

Государственная система Ярослава очевидно была неполна и слишкомъ неопредѣленна. Множество вопросовъ, возникшихъ потомъ, она оставила не разрѣшенными. Но не должно забывать, что въ его время родовое начало не было еще обработано юридически, подробно, какъ впослѣдствіи, когда оно, утративъ жизнь, обратилось въ матеріалъ для многосложной и утонченной казуистики. Кромѣ того, основное ея начало было непрочно; рано или поздно, она должна была разрушиться сама собою.

Вскорѣ послѣ смерти Ярослава, когда удѣльный періодъ только что начинался, возникло колебаніе между территоріальнымъ началомъ и личнымъ, родовымъ и семейнымъ,—колебаніе, которое окончилось разрушеніемъ политическаго единства Россіи. О томъ и другомъ мы скажемъ особливо.

По завѣщанію Ярослава, всѣ сыновья его (кромѣ послѣдняго—малолѣтняго) получили по удѣлу. Старшему достался Кіевъ, и каждый старшій въ княжескомъ родѣ имѣлъ право владѣть имъ. Чрезъ это Кіевъ дѣлался старшимъ, первымъ между удѣльными городами древней Руси. Такъ начало старшинства между князьями переходило и на территорію. Если Кіевъ былъ удѣломъ старшаго, то Переяславль долженъ былъ сдѣлаться удѣломъ старшаго по немъ, ибо онъ достался второму сыну Ярослава; Черниговъ—третьяго, потому что онъ отданъ былъ Ярославомъ третьему сыну, и т. д. Словомъ, іерархія кровнаго старшинства должна была сообщиться землѣ и породить іерархію территоріальнаго или городового старшинства. Послѣдняя, утвердившись, могла бы поддержать политическое единство Россіи, ибо сама по себѣ она, однажды установленная, была неподвижна и прочна. Но ее создала первая, которая, безпрестанно измѣняясь со смертью и рожденіемъ князей, влекла за собою и территоріальное устройство. Сначала, когда великій или другой князь умиралъ, происходило перемѣщеніе всѣхъ князей изъ удѣла въ удѣлъ, для уравновѣшенія кровнаго и городового распорядка. Но равновѣсіе не могло долго продолжаться. Увеличеніе и уменьшеніе числа князей его нарушало; это должно было дать перевѣсъ началу личному. Появились безпрестанно новые дѣлежи Россіи. Начало территоріальное уступило личному. А тогдашнее личное начало, въ противоположность территоріальному, не могло упрочить государственной цѣлости Россіи. Его представлялъ родъ. Но законъ развитія рода—распаденіе, уничтоженіе единства. Едва успѣли обозначиться линіи—ближайшее потомство родоначальника,—какъ онѣ начали уже забывать свое кровное единство, общее происхожденіе, и стали преслѣдовать свои частныя, особенныя цѣли, основываясь на правахъ ихъ ближайшаго предка, а не общаго родоначальника. Частный, болѣе тѣсный кровный союзъ исключалъ общій, обнимавшій всѣхъ членовъ. Такъ, по *началу родовому*, которое должно было поддерживать единство Россіи и княжескаго рода, послѣ общаго родоначальника старшимъ былъ его старшій сынъ, потомъ второй, потомъ третій и т. д. Послѣ этого перваго, ближайшаго потомства родоначальника, старшинство переходило къ старшему внуку (старшему сыну старшаго сына) родоначальника, потомъ ко второму, потомъ къ сыновьямъ второго родоначальника по старшинству рожденія и т. д. По другому началу, которое мы, въ отличіе отъ родового, будемъ называть *семейственнымъ*, старшій внукъ родоначальника (старшій сынъ старшаго сына), основываясь на ближайшихъ интересахъ семьи, къ которой онъ принадлежалъ, и не думая о далекихъ для него интересахъ цѣлаго рода, старался присвоить себѣ права, принадлежавшія его отцу, и не обращалъ вниманія на права старшаго дяди, основанныя на родовомъ началѣ. Между обоими этими взаимно исключающими, враждебными началами—*родовымъ и семейственнымъ*, отчиннымъ, рано произошло колебаніе, которое, по закону распаденія кровнаго быта, должно было окончиться побѣдою послѣдняго надъ первымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить и политическое единство Россіи, основанное

на единствѣ княжескаго рода и такъ неразрывно съ нимъ связанное.

Удивительное зрѣлище представляетъ западная, особенно юго-западная Россія въ первую половину періода удѣловъ, до исхода XII вѣка! Вся она покрыта русско-славянскими общинами, по прежнему земледѣльческими и торговыми, изъ которыхъ многія были многолюдны и уже достигли высокой степени процвѣтанія. Вѣковыя преданія, семейно-общинное устройство и бытъ живутъ въ нихъ. Самое племенное устройство еще не совсѣмъ исчезло; временами ярко оживаетъ о немъ воспоминаніе. Надъ этимъ первобытнымъ, патріархальнымъ міромъ носится другой міръ—странное сліяніе элементовъ, столько противоположныхъ, варяжскаго и русско-славянскаго,—міръ князей-витязей, въ которыхъ течетъ еще варяжская кровь, міръ дружинъ, еще являющихъ живые слѣды своего не славянскаго происхожденія, міръ кровавыхъ битвъ, борьбы и безпокойной дѣятельности. Княжескій родъ, выдающійся надъ русскою землею, представляется оторваннымъ отъ родимой почвы и неимѣющимъ постояннаго мѣста; кругъ его дѣятельности очерченъ; въ немъ онъ вращается; его члены разрознены, переходятъ съ мѣста на мѣсто, изъ одного края въ другой, далекій, съ нетвердымъ сознаніемъ своихъ взаимныхъ кровныхъ отношеній. Въ лицѣ первыхъ князей русско-славянскій міръ какъ будто готовится освободить себя отъ ига природы и дать просторъ личности ослабленіемъ кровнаго союза.

Взглядъ княжескаго рода на Россію—какое-то сліяніе славяно-русскаго и варяжскаго элементовъ. Мысль о ея единствѣ, нераздѣльности какъ государства, странно существуетъ подлѣ мысли, что она—наслѣдственное, вотчинное достояніе княжескаго рода и, слѣдовательно, дѣлима, какъ частное имѣніе. На княжескихъ дружинахъ—та же печать. Дружинное начало поддерживаютъ, въ періодъ удѣловъ, старый варяжскій обычай, воинственный духъ князей, ихъ безпрестанные переходы изъ княжества въ княжество, изъ общины въ общину, борьба родового начала съ семейственнымъ. Составъ дружинъ – самый разнообразный, разноплеменный, разнохарактерный. Все равно, кто служитъ, лишь бы служилъ вѣрно: торкъ, венгръ, печенѣгъ, славянинъ—какое дѣло князю? Но преобладающій элементъ въ составѣ дружинъ долженъ былъ быть русско-славянскій. Естественно, что въ ихъ ряды вступала вся удалая часть туземнаго населенія, пробужденная отъ покоя патріархальной жизни и ринутая въ тревожную дѣятельность надеждою добычи и приключеній. Съ другой стороны, семьи и роды, выдававшіеся въ общинахъ надъ остальными жителями, занимавшіе высшее мѣсто въ общественномъ быту, должны были наконецъ сгруппироваться около князей — вершинъ общественной іерархіи. И тѣ, и другіе внесли въ чисто личный, договорный характеръ дружинъ элементы семейной, патріархальной жизни. Для русскаго славянина съ мыслью о князѣ необходимо соединялось представленіе о начальникѣ рода, племени: таковъ былъ кругъ понятій, въ которомъ онъ выросъ и который онъ переносилъ съ собою всюду. Оттого, сдѣлавшись дружинникомъ, онъ становился къ князю въ отношенія полудоговорныя. Обрусѣвшій князь, начальникъ дружины, выросшій въ патріархальной средѣ, тоже не могъ пребывать въ однихъ, чисто личныхъ, договорныхъ отношеніяхъ къ своей дружинѣ: онъ былъ ея начальникомъ и вмѣстѣ становился ея отцомъ и братомъ. Такъ князь и его сподвижники начали представлять собою военное учрежденіе, переложенное на семейные нравы.

Сначала князья, полу-правители, полу-вотчинники, по понятіямъ народа преемники прежнихъ племенныхъ и общинныхъ старѣйшинъ, жили между собою согласно. Но не долго. Семейственное начало, разлагающее родъ, рано начало высказываться. Дяди обдѣляли племянниковъ въ пользу своихъ сыновей, племянники возставали на дядей, сыновья присвоивали себѣ достоинство и владѣнія отцовъ, на которыя предъявляли свои права старшіе родичи. Когда такимъ образомъ единство княжескаго рода, находившее менѣе поборниковъ, было поколеблено, вопросъ о старшинствѣ между всѣми князьями сталъ спорнымъ, а съ нимъ стало спорнымъ и право владѣть Кіевомъ. Начались непрерывныя войны, которыми рѣшалась борьба двухъ враждебныхъ началъ семьи и рода. Ихъ предметомъ были Кіевъ или удѣлы. Долго сохранялъ первый въ глазахъ князей значеніе политическаго центра Россіи; долго съ его обладаніемъ соединялась мысль о власти надъ прочими князьями. Но съ упадкомъ единства княжескаго рода эта власть болѣе и болѣе становилась призракомъ. Тогда въ княжескомъ родѣ повторилось то же явленіе,

которое представляетъ развитіе общинъ: мало-по-малу видимый представитель единства сталъ простымъ княземъ. Члены княжескаго рода начали съ общаго согласія рѣшать дѣла, которыя касались до всего княжескаго рода и Россіи. Появляются *съѣзды* князей, которые въ исторіи рода соотвѣтствуютъ вѣчамъ въ исторіи общинъ. Но и съѣзды не могутъ поддержать единство распадающагося рода. Они только обнаруживаютъ слабость великихъ князей и еще разъ высказываютъ начало семейственное, враждебное роду. Тщетно Владиміръ Мономахъ и сынъ его Мстиславъ Великій стараются возсоздать политическую систему Ярослава. Пока они живы, она держится, но не собственными силами, а личными достоинствами и доблестями этихъ князей. Когда ихъ не стало, опять обнаружилась вся ея несостоятельность, еще съ большей силой, чѣмъ прежде; ибо Владиміръ Мономахъ и Мстиславъ, возстановляя прежнее, сами дѣйствовали подъ вліяніемъ вотчиннаго начала, и въ новомъ устройствѣ Россіи дали первенство потомству Всеволода надъ прочими линіями Владимірова княжескаго рода: это вызвало ненависть послѣднихъ, особенно Святославичей. Ожесточенная борьба Ольговичей и Мономаховичей показала, что единство княжескаго рода навсегда утрачено.

Въ продолженіе этихъ неумолкающихъ битвъ и частыхъ переходовъ князей на время оживаетъ сначала дремлющее и постепенно распадающееся, потомъ сокрытое отъ насъ варяжскимъ слоемъ—общинное начало. Мы видѣли, что само въ себѣ оно не имѣло зачатковъ жизни и развитія. Оно клонилось все болѣе и болѣе къ упадку, потому что не было основано на личномъ началѣ, первомъ, необходимомъ условіи всякой гражданственности, а покоилось на началѣ кровномъ, которое, отрицая себя, отрицало и древній общинный бытъ. Но перенесенныя въ міръ безконечныхъ войнъ, всегда окруженныя опасностями, общины невольно должны были выступить на поприще политической дѣятельности. Эта дѣятельность вообще слаба, болѣе отрицательна, но тѣмъ не менѣе замѣтна. Часто мѣняя владѣнія, переходя изъ мѣста въ мѣсто, князья не могли имѣть однихъ интересовъ съ общинами. Первые, съ малыми исключеніями, равнодушно смотрѣли на послѣднія. Отсюда—угнетенія и насилія со стороны князей и ихъ дружинъ. Имъ были нужны деньги и войско; прочее ихъ мало заботило. За битвой и побѣдой слѣдовалъ грабежъ, опустошеніе областей побѣжденнаго князя. Все это должно было наконецъ нарушить совершенное бездѣйствіе общинъ. Онѣ почувствовали необходимость внутренняго единства, сомкнутости, и приняли оборонительное положеніе. Не способныя жить безъ князя, онѣ, разумѣется, желали себѣ князей, отличившихся гражданскими и воинскими доблестями, которые, управляя ими безъ насилія, могли, въ случаѣ нужды, защищать ихъ отъ безпрестанныхъ, разорительныхъ набѣговъ. Истощеніе и ослабленіе князей дало общинамъ возможность осуществлять это желаніе. Онѣ обладали средствами для войны, онѣ были цѣлью вѣчныхъ распрей между князьями. Оттого онѣ мало-по-малу стали выбирать себѣ князей, призывать и изгонять ихъ, заключать съ ними ряды или условія. Вѣча получили тогда большую власть, и звонъ вѣчевыхъ колоколовъ часто раздавался въ Россіи. Возвратились опять времена избранія старѣйшинъ въ лицѣ князей. И точно, въ предпочтеніи извѣстныхъ княжескихъ династій другимъ, въ отношеніяхъ общинъ къ князьямъ, видны глубокіе слѣды исключительно патріархальнаго, до-варяжскаго быта первыхъ.

Особенно развились общины на сѣверѣ. Между ними первое мѣсто занимаетъ *Новгородъ*.

Тѣ же самыя причины, которыя возбудили дѣятельность общинъ въ тогдашней Россіи, благопріятствовали и Новгороду. Но къ нимъ присоединились еще и другія, не менѣе важныя: географическое положеніе на торговомъ пути сдѣлало Новгородъ центромъ промышленности и торговли, и рано развило въ немъ общинный духъ. Оттого новгородцы не ладили съ своевольной варяжской дружиной, не терпѣли ея насилій, и когда она удалилась на югъ, можетъ быть, столько же манимая Византіей, сколько тревожимая новгородцами, имъ стало свободнѣе дышать, чѣмъ остальной Россіи: гордое требованіе князя у Святослава, кровная месть надъ варягами при Ярославѣ, доказываютъ это. Когда насталъ періодъ удѣловъ, право ставить князя въ Новгородѣ удержалось за княземъ кіевскимъ. За каждой смѣной послѣдняго слѣдовала смѣна и новгородскаго князя. Такъ ни одна княжеская династія не могла въ немъ окрѣпнуть и утвердиться. Наконецъ, вниманіе борющихся князей отвлечено было

на юго-западъ Россіи, къ Кіеву—солнцу періода удѣловъ, послѣдней цѣли всѣхъ честолюбивыхъ стремленій. Новгородъ остался внѣ этого движенія; его не коснулись опустошительныя войны; ему не надобно было нѣсколько разъ возставать изъ развалинъ, какъ прочимъ общинамъ древней Россіи: съ самаго начала его общинный бытъ и сохранился, и поддерживался.

Подобно прочимъ общинамъ, Новгородъ не замедлилъ воспользоваться возможностью избирать своихъ князей. Но его положеніе и историческія обстоятельства дали ему средства удержать за собою эту привилегію и обратить ее въ право, которымъ онъ почти неограниченно пользовался до самаго конца своего политическаго существованія.

На Новгородъ долго смотрѣли, какъ на какое-то странное исключеніе изъ жизни древней Россіи. Объяснить его старались иноземнымъ вліяніемъ. Теперь, когда старая Русь сдѣлалась извѣстнѣе, этотъ историческій предразсудокъ мало-по-малу исчезаетъ. Все внутреннее новгородское устройство говоритъ противъ него. Въ этомъ устройствѣ нѣтъ ни одной не-русской, не-славянской черты. Новгородъ—община въ древне-русскомъ смыслѣ слова, какими были болѣе или менѣе и всѣ другія общины; только особенныя историческія условія дали формамъ ея рѣзче обозначиться, продлили гораздо долѣе ея политическое существованіе. Новгородъ остался для насъ образцомъ первоначальнаго, русско-славянскаго общиннаго быта. Въ его внутреннемъ устройствѣ мы открываемъ ту же неопредѣленность, то же отсутствіе твердой, юридической, на началѣ личности созданной общественности, которыя характеризуютъ нашу древнюю внутреннюю жизнь.

Новгородъ состоялъ изъ множества общинъ; каждая изъ нихъ имѣла, въ главныхъ чертахъ, одинаковое устройство съ цѣлой новгородской общиной. Въ послѣдней верховная власть находилась въ одно и то же время въ рукахъ князя и вѣча. По существу своему противоположные, оба живутъ рядомъ, другъ возлѣ друга, и ничѣмъ не опредѣлены ихъ взаимныя отношенія. Постояннаго государственнаго устройства нѣтъ: новый князь—новыя условія. Они сходны; но потому, что они — условія, они изобличаютъ отсутствіе яснаго сознанія о государственномъ бытѣ. Князь избирается Новгородомъ; онъ отъ него зависитъ и всегда можетъ быть удаленъ изъ общины, когда имъ недовольны. Власть его ограничена въ частностяхъ, не опредѣлена въ сущности. Исторія родила къ ней недовѣріе новгородцевъ: отсутствіе государственныхъ идей мѣшало схватить ее въ опредѣленныхъ юридическихъ формахъ. Въ свою очередь, и вѣче представляетъ совершенно неопредѣленное народное собраніе. Дѣла рѣшались не по большинству голосовъ, не единогласно, а какъ-то совершенно неопредѣленно, сообща. Живую картину его и теперь еще представляютъ крестьянскія сходки. Несогласные съ толпой подвергались народной мести; ихъ убивали или бросали въ Волховъ; имущество ихъ предавалось разграбленію. Обыкновенно вѣче бывало одно; но иногда ихъ бывало и два, враждебныхъ между собою. Главные новгородскіе сановники—посадники и тысяцкіе были когда-то княжескіе чиновники, но потомъ, вмѣстѣ съ княземъ, стали выборными. Какъ во всякой древней русской общинѣ, въ Новгородѣ были бояре и смерды, старшіе и младшіе. Но какова была новгородская аристократія, мы не знаемъ; знаемъ только, что въ послѣднее время она играла важную роль.

Свою власть и свои отношенія къ другимъ Новгородъ сознавалъ въ тѣхъ же формахъ, въ какихъ и князья: онъ былъ *господиномъ и государемъ*, съ городами считался *братствомъ*. Подобно князьямъ, онъ управлялъ своими областями, которыя не принимали участія въ его политическомъ устройствѣ (исключая, можетъ-быть, той части новгородской территоріи, которая изначала была заселена однимъ племенемъ); жителей этихъ областей называлъ своими смердами, посылалъ ими править своихъ посадниковъ и сбиралъ съ нихъ дань и войско.

Отношенія Новгорода къ остальной Россіи опредѣлялись его характеромъ и исторіей. Онъ былъ на краю Россіи, далеко отъ театра вѣчныхъ войнъ и раздоровъ. Торговля отвлекла всю его дѣятельность и вниманіе за море. Сдѣлавши его богатымъ и сильнымъ, она дала ему возможность быть всегда въ оборонительномъ положеніи въ отношеніи къ князьямъ, ослабленнымъ междоусобіями, говорить съ ними смѣло и оружіемъ поддерживать слова. Поэтому князья должны были избрать себѣ другую цѣль, обратиться въ другую сторону. Новгородъ былъ какъ бы торговая волость, забытая и оставленная помѣщикомъ: богатая и сильная, потому что

оставлена, — оставляемая, потому что была сильна и богата и никому не поддавалась. Имѣя совершенно розные интересы съ остальной Россіей, но связанный съ ней сосѣдствомъ, языкомъ, вѣрой и преданіями, Новгородъ всячески старался избѣгать непріязненныхъ съ нею столкновеній, тонко и искусно лавировалъ между перекрещивающимися интересами князей, чтобъ не вызвать изъ ихъ среды сильнаго врага. Покуда князья еще кочевали изъ города въ городъ, это до нѣкоторой степени было возможно; но когда ихъ переходы кончились и появились княжества, болѣе или менѣе сильныя, въ близкомъ сосѣдствѣ отъ Новгорода, ему пришлось плохо. Рано завидѣлъ онъ возростающую опасность. Сначала онъ все еще дѣйствовалъ уклончиво, потомъ, тѣснимый, старался по крайней мѣрѣ не дать усилиться ни одному изъ сосѣднихъ княжествъ и держалъ сторону слабыхъ противъ сильныхъ. Но когда московское взяло рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми другими, послѣдній часъ Новгорода пробилъ. Іоаннъ III только совершилъ то, что̀ было издавна задумано и приготовлено его предшественниками.

Въ судьбахъ Новгорода много страннаго, особеннаго. Его существованіе не прекратилось само собой, но насильственно перервано,—жертва сколько идеи, столько же и физическаго возростанія и сложенія московскаго государства. Мы не можемъ о Новгородѣ сказать, какъ о древней Руси передъ Петромъ Великимъ, что онъ отжилъ свой вѣкъ и больше ему ничего не оставалось дѣлать какъ исчезнуть. Незадолго передъ уничтоженіемъ его самостоятельности, въ немъ обнаружилось какое-то неясное стремленіе идти по тому же пути, по которому великій преобразователь, черезъ два съ половиной вѣка, повелъ всю Россію, — удивительное сближеніе, много говорящее и въ пользу переворота, совершеннаго Петромъ, и въ пользу Новгорода. Какой особенный оттѣнокъ получила бы реформа древней русской жизни въ Новгородѣ, какіе были бы результаты ея на почвѣ, столько различной отъ московской по исторіи и общественному быту, мы не знаемъ и не беремся рѣшить. Въ лицѣ Новгорода пресѣкся неразвившійся, особенный способъ или видъ существованія древней Руси, неизвѣстный прочимъ ея частямъ. Одно можно сказать съ достовѣрностью: своимъ долгимъ существованіемъ Новгородъ вполнѣ исчерпалъ, вполнѣ развилъ весь исключительно-національный общинный бытъ древней Руси. Въ новгородскомъ устройствѣ этотъ бытъ достигъ своей апогеи, дальше которой не могъ идти. Мы видѣли, каковъ онъ былъ, этотъ бытъ, и какъ мало было въ немъ зачатковъ гражданственности, твердаго, прочнаго государственнаго устройства.

Тогда какъ на сѣверѣ община усиливалась и прибирала власть къ своимъ рукамъ, въ остальной Россіи нарождался новый порядокъ вещей. Политическая система, основанная Ярославомъ, которой шаткость обнаружилась съ самаго начала, привела наконецъ совершенное уничтоженіе государственнаго единства Россіи. Долго еще манилъ Кіевъ честолюбіе князей и собиралъ ихъ вокругъ себя; но въ предѣлахъ прежней Руси имъ становилось тѣсно. Владиміръ Мономахъ отдалъ въ удѣлъ одному изъ младшихъ своихъ сыновей, Георгію Долгорукому, отдаленный Суздаль. Въ этой малолюдной странѣ суздальскій Юрій строитъ города, перезываетъ туда жителей, населяетъ пустыни. Привязанный къ юго-западной Руси, цѣли всѣхъ русскихъ князей, невольный изгнанникъ въ далекомъ краю, младшемъ изъ всѣхъ, Долгорукій окружаетъ себя воспоминаніями. Онъ устраиваетъ свой удѣлъ по образцу, съ которымъ не разставалась его мысль; на новую почву онъ переноситъ названія окрестностей кіевскихъ. Кіевъ былъ еще для него тѣмъ же, чѣмъ и для другихъ удѣльныхъ князей со временъ Ярослава; онъ всячески добивается чести быть великимъ княземъ кіевскимъ, мнимою главою прочихъ князей, мнимою главою Россіи; всю жизнь свою преслѣдуетъ эту цѣль, и наконецъ достигаетъ, не задолго до смерти.

Совершенно иначе дѣйствуетъ уже сынъ и преемникъ его въ суздальской области — Андрей Боголюбскій. Онъ выросъ и воспитанъ далеко отъ Кіева; Кіевъ для него не то, что былъ для его отца, Юрія. На западную и юго-западную Русь онъ смотритъ, какъ на владѣнія. Воспоминанія не связываютъ его съ ними; сердце его лежитъ къ суздальской области. Оттого ему здѣсь хорошо; онъ не думаетъ переѣхать въ Кіевъ и сѣсть на велико-княжескій престолъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ его глазахъ, не отуманенныхъ историческими предразсудками, что̀ было кіевское велико-княжеское до-

стоинство?—пустой титулъ, не дававшій никакой власти. Если Андрей не понималъ этого отчетливо, то онъ такъ чувствовалъ: въ 1169 году, взявши Кіевъ приступомъ, онъ отдалъ его въ управленіе брату своему Глѣбу, а самъ остался жить во Владимірѣ на Клязьмѣ.

Съ этого времени все начинаетъ принимать у насъ новый видъ. Сознаніе родоваго единства между князьями давно уже совершенно исчезло, а съ нимъ мало-помалу и послѣдній признакъ политическаго единства Россіи. Великаго князя въ прежнемъ смыслѣ уже не было, и Кіевъ пересталъ быть столицей. Распадаясь и разъединяясь болѣе и болѣе, вѣтви прежде единаго княжескаго рода перестаютъ наконецъ думать о Кіевѣ, перестаютъ искать великокняжескаго достоинства: ближайшіе семейные интересы мало-по-малу сосредоточиваютъ на себѣ все ихъ вниманіе. Чѣмъ владѣли отцы и дѣды, тѣмъ хотятъ теперь владѣть и князья, ихъ потомки, не простирая далѣе своихъ честолюбивыхъ видовъ. Они заботятся только объ удержаніи за собою наслѣдственныхъ удѣловъ — не болѣе. Такимъ образомъ княжескія вѣтви и фамиліи получаютъ наконецъ осѣдлость. Князья перестаютъ блуждать по лицу всей русской земли, ища владѣній и чести, соотвѣтствующихъ мѣсту, которое они занимаютъ въ родовой лѣствицѣ. Россія распадается на нѣсколько территорій, совершенно отдѣльныхъ и независимыхъ другъ отъ друга; каждая имѣетъ въ главѣ свой особый княжескій родъ.

Въ политической сферѣ семья одержала верхъ надъ родомъ. Но это первенство не уничтожало родового начала въ его основаніи, а только въ явленіи. Родовое начало сохранилось и продолжало жить. Теперь только ограничилось его поприще. Оно стало опредѣлять политическій бытъ разрозненныхъ княженій. Въ каждомъ изъ нихъ, въ маломъ видѣ, повторяется то же, что было сначала въ цѣлой Руси. Княжескіе роды размножаются; между ихъ членами счетъ—по родовому старшинству. Старшій называется великимъ, и потому много великихъ князей въ Россіи. Между князьями—распри и междоусобія за старшинство; потомъ мало-по-малу и княжества раздробляются на мельчайшія части. Это должно было дать новый характеръ князьямъ. Дѣйствуя въ ограниченной сферѣ, они становятся простыми вотчинными владѣльцами, наслѣдственными господами отцовскихъ имѣній. Ихъ отношенія къ владѣніямъ, сначала неопредѣленныя, теперь опредѣляются. Области, княженія обращаются въ ихъ собственность, которую они дѣлятъ между своими дѣтьми. Вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно измѣняется прежній полу-варяжскій, полуславянскій характеръ княжескихъ дружинъ. Послѣдніе слѣды ихъ не русскаго происхожденія исчезаютъ. Пока война и странствованія поддерживали воинственный духъ князей и ихъ окружающихъ, отношенія князей и дружинъ были крайне неопредѣленны. Лицо князя не выдавалось рѣзко Онъ все еще былъ какъ бы первый между равными. Осѣдлая, болѣе мирная жизнь должна была измѣнить эти отношенія. Когда князь сталъ вотчинникомъ, господиномъ въ своихъ владѣніяхъ, и дружинники его сдѣлались мало-по-малу его слугами. Они отправляютъ при немъ придворныя должности. Лицо князя выростаетъ. По прежнему, слуги лично свободны, переходятъ отъ одного князя къ другому; но они служатъ, а князь—господинъ.

Такая перемѣна отразилась и во внутреннемъ устройствѣ областей. Общинное начало, вызванное на время къ политической дѣятельности, опять сходитъ со сцены. Вѣча постепенно теряютъ государственный характеръ. Утверждается постоянная, близкая власть князей, владѣющихъ удѣлами наслѣдственно, какъ вотчинами. Самое управленіе областей получаетъ иное значеніе. Изъ неопредѣленнаго, какимъ было сначала, когда князь сажалъ въ области своихъ сыновей, оно болѣе и болѣе становится домашнимъ, вотчиннымъ. Князю нужно удержать у себя въ службѣ своихъ слугъ; прежде они жили вмѣстѣ съ нимъ войной и добычей; теперь имъ нужно содержаніе, и князь отдаетъ имъ въ *кормленіе* области. Слуги-кормленщики управляютъ ими и получаютъ съ нихъ доходъ. При отсутствіи правильной государственной администраціи, эта система управленія падаетъ страшнымъ разореніемъ на области; произволъ и корыстолюбіе правителей, ничѣмъ необузданные, возрастаютъ до безмѣрности.

Конечно, не вдругъ произошли всѣ эти перемѣны, и не равно послѣдовательно совершались онѣ въ разныхъ частяхъ Россіи; но зачатки этого новаго порядка вещей уже

видны въ стремленіяхъ Андрея Боголюбскаго. Андрей окруженъ уже не дружиной, а *дворомъ.* Впервые при немъ встрѣчаемъ мы это общее названіе приближенныхъ князя. Онъ не терпитъ въ своей области соперниковъ и хочетъ быть самовластнымъ. Братьевъ и племянниковъ своихъ онъ удаляетъ изъ своего княжества. Такъ въ этомъ замѣчательномъ историческомъ лицѣ впервые воплощается въ государственномъ бытѣ древней Россіи новый типъ — типъ вотчинника, господина, неограниченнаго владѣльца своихъ имѣній, — типъ, который еще опредѣленнѣе высказывается потомъ въ его братѣ и преемникѣ, Всеволодѣ Георгіевичѣ, и развивается окончательно въ Москвѣ.

Мало-по-малу изъ этого новаго взгляда на княжества, какъ на собственность князей, на власть послѣдняго, какъ на власть вотчиннаго владѣльца, вырабатывается совершенно новый порядокъ наслѣдованія. Пока еще не исчезла мысль о государственномъ единствѣ Россіи, а потомъ княжествъ, одинъ князь былъ непремѣнно главнымъ, первымъ, и такимъ былъ тотъ, который въ родѣ былъ старшимъ. Но эта мысль начала постепенно исчезать, князья стали менѣе думать о сохраненіи государственнаго единства княжествъ и дѣлили ихъ между своими дѣтьми, какъ наслѣдство. Начало родовое мало-по-малу стало вытѣсняться началомъ семейственнымъ, и нисходящіе получаютъ перевѣсъ передъ боковыми родственниками.

Въ нашей древней государственной жизни это было важнымъ и рѣшительнымъ шагомъ впередъ. Правда, раздробленіе Россіи пошло тогда быстрѣе. Казалось, новое начало должно было совершенно уничтожить ея политическое существованіе. Но въ этомъ началѣ разрѣшилась вся неопредѣленность, всѣ вопросы, возникшіе изъ Ярославовой политической системы. Оно обнаружило, что государственное устройство, основанное на родовомъ началѣ, несостоятельно; что государственный и кровный бытъ — враждебны, и одинъ изъ нихъ непремѣнно долженъ уступить мѣсто другому: взяло верхъ кровное начало, — исчезло государство. По крайней мѣрѣ исторія довела до какого-нибудь положительнаго, твердаго результата. Съ него можно было идти далѣе, не оглядываясь назадъ, вновь приняться за созиданіе государства уже не по старымъ началамъ. Московскіе князья и сдѣлали это.

Въ общемъ ходѣ развитія древней русской жизни, упраздненіе родоваго начала семейственнымъ, покуда совершившееся въ одной политической сферѣ, еще важнѣе, еще многознаменательнѣе. До того времени у насъ вездѣ, во всемъ дѣйствуетъ родъ. Онъ создаетъ племена, общины, удѣльную систему. Пока не настало время его отрицанія, человѣку не было возможности выйти изъ очарованнаго круга исключительно кровныхъ отношеній; ибо родъ объемистъ и широкъ; нѣтъ ему границъ, нѣтъ такихъ далекихъ вѣтвей, которыя, по родовому началу, не могли бы сосчитаться родствомъ. Конечно, личность, ища себѣ простора, часто порывала сѣти, которыми ее опутывали кровныя отношенія. Но выходъ изъ нихъ былъ безсознателенъ, былъ нарушеніемъ закона, тяготѣвшаго надъ цѣлою жизнью. Чтобы отрѣшиться отъ него, нужно было мужество, котораго хватало у иныхъ на время, на одинъ случай, не хватало на всю жизнь. Притомъ весь бытъ такъ былъ сложенъ по кровнымъ началамъ, что о другихъ отношеніяхъ, кромѣ родственныхъ, не было и понятія. Но когда семейное начало взяло верхъ надъ родовымъ, и главнымъ стала семья, а не родъ, родовой союзъ потерялъ свою обязательную силу. Непризнаніе его перестало быть нарушеніемъ закона. Семьи стали независимы другъ отъ друга. Ихъ взаимныя отношенія, уже не опредѣляемыя кровными началами, должны были опредѣляться чѣмъ-нибудь другимъ, и въ этомъ еще невысказанномъ другомъ лежалъ зародышъ будущихъ юридическихъ отношеній. Граница, предѣлъ кровнаго союза, такимъ образомъ обозначились. Можно было наконецъ указать въ жизни на отношенія, въ которыхъ родство не было обязательно. Важный шагъ впередъ въ развитіи личности, прежде всюду стѣсненной и подавленной, которой кровныя отношенія заранѣе указывали мѣсто въ общественномъ быту: низшее передъ другими, несмотря на ея достоинства; по необходимости, высшее передъ прочими; иначе, захоти старшій быть ниже младшаго, позоръ падалъ на его голову и на голову его потомковъ.

Какъ всегда бываетъ въ исторіи, новое семейственное начало выступило сперва робко, нерѣшительно, и развивалось подъ старыми формами, созданными родовымъ началомъ. Вдругъ оно не могло отъ нихъ отрѣшиться;

потому-то въ немъ мы опять встрѣчаемся съ понятіемъ о старшинствѣ, зависимости младшихъ отъ старшихъ,—этими принадлежностями родоваго начала. Новое борется съ старымъ его же оружіемъ, имъ прикрываетъ себя. По родовому началу, старшій братъ — отецъ прочимъ братьямъ и своимъ сыновьямъ. И тѣ, и другіе—его дѣти; но какъ первый его сынъ—старшій изъ его дѣтей, то онъ старше и своихъ дядей. Такъ первенство семьи надъ родомъ присвоено сначала одному старшему сыну; родовой счетъ сыновей съ боковыми удержанъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ какъ будто и родовой союзъ. Но главное было сдѣлано: новое начало поставлено и узаконено. Сперва оно измѣнило прежнія родовыя отношенія, потомъ разрушило ихъ.

Въ то время, какъ политическая жизнь Россіи такимъ образомъ мало-по-малу измѣнялась вмѣстѣ съ понятіями князей, послѣдніе слѣды единства исчезали, и на сѣверо-востокѣ Россіи еще удерживалась одна тѣнь велико-княжескаго достоинства, важное событіе ускорило окончательное паденіе стараго и развитіе новаго порядка вещей. Мы говоримъ о монгольскомъ игѣ. Какъ буря, оно сокрушило все, что́ было на поверхности: остались одни зерна, спрятанныя въ землѣ. Теперь они стали рости, и имъ было просторно; ничто имъ не мѣшало.

Монголы сдѣлали много зла Россіи: изъ конца въ конецъ они ее опустошили, и опустошали не разъ. Рабскія привычки, понятія, наклонности, уловки,—хотя и обманчивая, но единственная защита слабаго противъ дикой силы,—если не впервые тогда у насъ появились, то усилились. Несмотря на это, они играютъ важную отрицательную роль въ нашей исторіи.

Когда они завоевали Россію, князья не могли уже княжить безъ ихъ согласія, а должны были ѣздить въ Орду и получали отъ хановъ ярлыки или утвержденіе въ княжескомъ достоинствѣ, если были имъ угодны. Это повлекло за собою важныя измѣненія въ нашемъ политическомъ бытѣ. Удѣльные князья и великій князь остались. Прежде они садились на престолъ сами собою, большею частію по началамъ родоваго старшинства; по крайней мѣрѣ оно служило предлогомъ. Но ханамъ были чужды родовые разсчеты. Какое было имъ дѣло до того, который князь имѣетъ лучшее право по родным понятіямъ? По нихъ тотъ былъ князь, кто имъ былъ угоднѣе, кто ревностно исполнялъ ихъ волю, былъ вѣрнымъ слугой и исправно платилъ дань. Это были личныя качества, не всегда совпадавшія съ родовыми преимуществами. Такъ является для правъ князей на престолъ новое мѣрило, чуждое древней Руси; оно противопоставляется прежнему родовому, и разрушаетъ его. Одно не лучше другаго. Зато исчезаетъ старое, отжившее, которое мѣшало идти впередъ: татарское вслѣдъ за нимъ исчезло.

Этого мало: монгольское иго усилило власть великаго князя и тѣмъ возсоздало видимый центръ политическаго единства Руси. Въ сѣверо-восточной ея половинѣ, какъ прежде въ юго-западной, и по тѣмъ же причинамъ, велико-княжеское достоинство, передъ монгольскимъ игомъ, стало пустымъ титуломъ; оно не давало уже никакой власти надъ прочими князьями. Теперь великій князь—органъ и орудіе ханской воли. Онъ дѣйствуетъ, распоряжается князьями во имя хана. Неповиновеніе ему — неповиновеніе ханской волѣ, за которымъ слѣдовало лишеніе княжескаго сана, самая смерть. Къ услугамъ великаго князя, ханскаго слуги, монгольскіе отряды противъ ослушниковъ. Странное явленіе! Монголы разрушаютъ удѣльную систему въ самомъ основаніи, возсоздаютъ политическое единство, словомъ дѣйствуютъ въ нашихъ интересахъ, сами того не подозрѣвая!

Но, какъ мы видѣли, они дѣйствовали отрицательно. Положительно воспользовались всѣми выгодами монгольскаго ига даровитые, умные, смышленые князья московскіе.

Около вѣка послѣ наложенія на насъ монгольскаго ярма, московскому князю, Іоанну Даниловичу Калитѣ, внуку Александра Невскаго, удалось добиться велико-княжескаго достоинства. Онъ былъ одинъ изъ самыхъ небогатыхъ и несильныхъ князей: только восемь городовъ ему принадлежало. Эта небольшая княжеская вотчина черезъ столѣтіе выросла въ московское государство.

Іоаннъ Калита былъ въ полномъ смыслѣ князь-вотчинникъ, и смотрѣлъ на свои владѣнія, какъ на собственность. Въ немъ вполнѣ высказался этотъ новый типъ власти, смѣнившій прежнюю. Озабоченный одною цѣлью умножить свои вотчины и оставить большое наслѣдство дѣтямъ, Іоаннъ дѣйствуетъ очень искусно и пользуется всѣмъ,

чѣмъ можетъ. Обязанность сбирать ордынскую дань въ это время лежала на великомъ князѣ. Это представило Іоанну удобный случай обогатиться; онъ накупилъ много волостей и городовъ на Руси, собралъ большую казну и въ завѣщаніи всѣ свои имѣнія раздѣлилъ между женой и дѣтьми.

Когда онъ умеръ, нѣсколько князей искали велико-княжескаго достоинства, все еще на основаніи родового старшинства; но въ глазахъ хановъ права Симеона, сына Іоаннова, были лучше, дѣйствительнѣе. Его отецъ служилъ вѣрой и правдой; самъ онъ имѣлъ много денегъ и могъ въ Ордѣ дарить больше, нежели его соперники: лесть и золото доставили ему то, чего бы онъ никогда не добился другими путями.

Вотъ каковы были первые зачатки будущаго московскаго государства, обнявшаго всю Россію! Оно создается по новымъ началамъ. Московскіе князья прежде всего — неограниченные, наслѣдственные господа надъ своими вотчинами; прежде всего они заботятся о томъ, чтобы умножить число своихъ имѣній. Лучшимъ средствомъ для этой цѣли было велико-княжеское достоинство,—и они стараются удержать его за собою. Единственнымъ средствомъ для удержанія велико-княжескаго достоинства была милость, благоволеніе хановъ,—и они ничего не щадятъ, чтобы имъ нравиться. Какъ великіе князья, они главные, первые между всѣми русскими князьями; но они знаютъ, что само по себѣ это первенство—звукъ, не имѣющій смысла; что только дѣйствительная сила можетъ дать ему значеніе, которое оно давно утратило. Ограждаемые покровительствомъ хановъ, авторитетомъ ихъ власти, и опираясь на свою собственную силу, московскіе великіе князья угнетаютъ князей, правдой или неправдой отнимаютъ у нихъ владѣнія, вмѣшиваются въ ихъ распри, становятся ихъ судьями и собираютъ въ ихъ владѣніяхъ ордынскій выходъ.

Такъ дѣйствовали всѣ московскіе великіе князья. Быстро подвигались они къ своей цѣли, быстро обращалась Россія въ ихъ наслѣдственную вотчину. Каждый великій князь передавалъ свое достоинство старшему сыну. Чѣмъ далѣе, тѣмъ они становились самостоятельнѣе. Опираясь на собственное могущество, они начали рѣшительно господствовать надъ удѣльными князьями и сбрасывать иго Орды, тягостное и для нихъ болѣе ненужное. Къ этому времени она уже слабѣла. Въ ней появились междоусобія, и нѣсколько хановъ соперничали между собою. Еще московскіе великіе князья пользовались этими враждами, чтобы болѣе утвердиться,—однако не долго. Вскорѣ открылась для нихъ возможность безъ опасенія сбросить личину покорности.

Но въ самомъ московскомъ великомъ княженіи скрывались еще зачатки разрушенія, наслѣдіе предыдущаго политическаго быта. Какъ вотчина, оно дѣлилось на части между дѣтьми великихъ князей. Старшій великій князь не былъ сильнѣе прочихъ, получая равный съ ними удѣлъ. Внутренніе раздоры и счеты между московскими князьями были неминуемы и обнаружились, когда образовались боковыя линіи, по прежнему предъявлявшія свои права на велико-княжеское достоинство по началамъ родового старшинства. Кровное начало очевидно мѣшало еще государству. Оставалось сдѣлать одинъ шагъ—пожертвовать семьей государству: этотъ шагъ и былъ сдѣланъ, но не вдругъ. Чтобъ отвратить возможное соперничество между дѣтьми, великіе князья стали давать старшему сыну бо̀льшую часть, а прочимъ—меньшія. Кровные интересы начали мало-по-малу уступать мѣсто желанію сохранить и упрочить силу московскаго великаго князя. Въ этомъ уже заключалась неясная мысль о государствѣ. Части братьевъ великаго князя становились все меньше. Братья Іоанна III получили только по три города; братья Василія Іоанновича не были даже самостоятельными удѣльными князьями, а простыми владѣльцами, подданными великаго князя. Удѣлы совершенно исчезаютъ, и когда разными неправдами Василій отнялъ удѣлъ у князя сѣверскаго,—послѣдній въ тогдашней Россіи, — какой-то юродивый бѣгалъ по Москвѣ съ метлой, говоря, что пора очистить государство отъ послѣдняго сору. И точно, удѣлы сдѣлались тогда анахронизмомъ, запоздалымъ остаткомъ прошедшаго.

Уничтоженіе удѣльной системы и соединеніе Россіи въ нераздѣльное цѣлое, подъ властью одного великаго князя, было не только началомъ новой эпохи въ нашей политической жизни, но важнымъ шагомъ впередъ въ развитіи всего нашего внутренняго быта. Политическая система, созданная московскими великими князьями,—нѣчто совершенно новое въ русской исторіи; она пред-

ставляетъ полное отрицанiе всѣхъ прежнихъ системъ, не въ однихъ явленiяхъ, но въ самомъ основанiи. Ярославова система покоилась на родовомъ началѣ и раздробила Россiю на княжества; семья послѣ Андрея Боголюбскаго обратила княжества въ вотчины, дѣлившiяся до безконечности. Въ московской системѣ территорiальное начало получило рѣшительный перевѣсъ надъ личнымъ. Кровные интересы уступаютъ мѣсто политическимъ; держава, ея нераздѣльность и сила поставлены выше семьи. Въ исторiи образованiя московскаго государства не столько важно стѣсненiе и покоренiе удѣловъ, принадлежащихъ не - московскимъ князьямъ, сколько постепенное увеличенiе части, оставляемой великому князю, и уменьшенiе частей прочихъ князей, его братьевъ: то было дѣломъ возрастающей силы, это — актомъ мысли, сознанiя.

Такъ сначала въ государственной сферѣ происходитъ отрицанiе исключительно кровнаго, семейнаго начала, послѣдняго, самаго ограниченнаго круга кровнаго союза и кровныхъ отношенiй. На сцену дѣйствiя выступаетъ личность. Она не произвольно выходитъ изъ кровнаго союза, ставитъ себя выше семьи: она отрицаетъ ихъ во имя идеи, и эта идея — государство. Появленiе государства было вмѣстѣ и освобожденiемъ отъ исключительно кровнаго быта, началомъ самостоятельнаго дѣйствованiя личности, слѣдовательно началомъ гражданскаго, юридическаго, на мысли и нравственныхъ интересахъ, а не на одномъ родствѣ основаннаго, общественнаго быта.

Но и личность, и идея государства сначала едва видимы подъ старыми, установившимися формами. И та, и другая ими проникнуты. Типъ вотчино-владѣльца, полнаго господина надъ своими имѣнiями, лежитъ въ основанiи власти московскаго государя; изъ-за этого типа трудно разглядѣть ея новое, болѣе высокое значенiе. Московскiй государь еще великiй князь; онъ отчичъ, дѣдичъ, наслѣдственный господинъ своихъ владѣнiй. Области и государство—его вотчина; придворная служба преобладаетъ, и названiе *слуги* теперь почетный титулъ, жалуемый за заслуги. Подобно удѣльнымъ князьямъ—вотчинникамъ, онъ раздаетъ свои области въ кормленiе своимъ слугамъ. Долго сохраняются эти черты: до самаго Петра Великаго онѣ мало измѣняются, по крайней мѣрѣ снаружи. Но теперь рядомъ съ ними проступаютъ и другiя—провозвѣстницы новаго. Съ Iоанна III московскiе государи принимаютъ титулъ *царя*, усвоиваютъ многiя принадлежности власти византiйскихъ императоровъ: гербъ двуглаваго орла, регалiи, вѣнчанiе и помазанiе на царство; великокняжескiй дворъ и придворныя церемонiи устроиваются по византiйскому образцу. Самому ли Iоанну принадлежитъ первая мысль этихъ нововведенiй, или она внушена ему его супругой, греческой царевной Софiей,—все равно. Они свидѣтельствуютъ, что прежнiя формы были недостаточны, узки, не выражали новаго значенiя московскаго государя. Изъ-подъ велико-княжеской вотчины проглядываетъ государство, отвлеченное нравственное лицо, имѣющее свое физическое существованiе и самостоятельное, разумное значенiе. Образуется государственная территорiя—не случайное соединенiе земель, а правильное органическое тѣло, имѣющее свою жизнь и свои потребности. Внѣшняя политика и дѣятельность московскихъ государей, войны и мирные трактаты, прiобрѣтенiя земель, перестаютъ быть частнымъ дѣломъ и получаютъ высокое разумное значенiе. Ими удовлетворяются теперь потребности государства. Начало подданства начинаетъ смѣнять начало холопства; является понятiе о государственной службѣ, о гражданствѣ, о равенствѣ передъ судомъ. Улучшенiя внутренняго управленiя, судопроизводства, обузданiе произвола кормленщиковъ, законодательство,—все это показываетъ, что въ московскомъ государствѣ подъ старыми формами развилось уже новое содержанiе.

Развитiе совершилось впрочемъ медленно. Въ продолженiе слишкомъ двухъ столѣтiй старое было сильно поколеблено, но не разрушено; новое проникло въ жизнь, многое въ ней измѣнило, но не отрѣшилось отъ историческихъ формъ, подъ которыми появилось; все стало другимъ, однако сохраняло прежнiй видъ. Московское государство только приготовило почву для новой жизни.

Эту переходную эпоху нашей исторiи—утреннюю зарю новаго, вечернюю стараго,—эпоху неопредѣленную, какъ всѣ серединныя времена,—ограничиваютъ отъ предыдущаго и послѣдующаго два величайшихъ дѣятеля въ русской исторiи, Iоаннъ IV и Петръ Великiй: первый ее начинаетъ, второй оканчиваетъ и открываетъ другую. Раз-

дѣленные цѣлымъ вѣкомъ, совершенно различные по характеру, они замѣчательно сходны по стремленіямъ, по направленію дѣятельности. И тотъ, и другой преслѣдуютъ однѣ цѣли. Какая-то симпатія ихъ связываетъ. Петръ Великій глубоко уважалъ Іоанна IV, называлъ его своимъ образцомъ и ставилъ выше себя. И въ самомъ дѣлѣ, царствованіе Петра было продолженіемъ царствованія Іоанна. Недоконченныя, остановившіяся на полудорогѣ реформы послѣдняго продолжалъ Петръ. Сходство замѣтно даже въ частностяхъ. Оба равно живо сознавали идею государства и были благороднѣйшими, достойнѣйшими ея представителями; но Іоаннъ сознавалъ ее какъ поэтъ, Петръ Великій—какъ человѣкъ, по преимуществу практическій. У перваго преобладаетъ воображеніе, у второго—воля. Время и условія, при которыхъ они дѣйствовали, положили еще большее различіе между этими двумя великими государями. Одаренный натурой энергической, страстной, поэтической, менѣе реальной, нежели преемникъ его мыслей, Іоаннъ изнемогъ наконецъ подъ бременемъ тупой, полу-патріархальной, тогда уже безсмысленной среды, въ которой суждено было ему жить и дѣйствовать. Борясь съ ней на смерть много лѣтъ и не видя результатовъ, не находя отзыва, онъ потерялъ вѣру въ возможность осуществить свои великіе замыслы. Тогда жизнь стала для него несносной ношей, непрерывнымъ мученіемъ: онъ сдѣлался ханжой, тираномъ и трусомъ. Іоаннъ IV такъ глубоко палъ именно потому, что былъ великъ. Его отецъ Василій, его сынъ Ѳеодоръ не падали. Этимъ мы не хотимъ оправдывать Іоанна, смыть пятна съ его жизни; мы хотимъ только объяснить это до сихъ поръ столько загадочное лицо въ нашей исторіи. Его многіе судили, очень не многіе пытались понять, да и тѣ увидѣли въ немъ только жалкое орудіе придворныхъ партій, чѣмъ Іоаннъ не былъ. Всѣ знаютъ и всѣ помнятъ его казни и жестокости; его великія дѣла остаются въ тѣни; о нихъ никто не говоритъ. Добродушно продолжаемъ мы повторять отзывы современниковъ Іоанновыхъ, не подозрѣвая даже, что они-то всего больше объясняютъ, почему Іоаннъ сдѣлался такимъ, каковъ былъ подъ конецъ: равнодушіе, безучастіе, отсутствіе всякихъ духовныхъ интересовъ,—вотъ что встрѣчалъ онъ на каждомъ шагу. Борьба съ ними — ужаснѣе борьбы съ открытымъ сопротивленіемъ. Послѣднее вызываетъ силы и дѣятельность, воспитываетъ ихъ; первыя ихъ притупляютъ, оставляя безотрадную скорбь въ душѣ, развивая безумный произволъ и ненависть. Петръ, одаренный страшной волей и удивительнымъ практическимъ смысломъ, жилъ вѣкомъ позже, когда обстоятельства уже измѣнились и многое было приготовлено; у него былъ предшественникъ, даже предшественники; съ увѣренностью геніальнаго человѣка онъ принялся за свое дѣло; онъ имѣлъ рѣдкое счастіе видѣть, какъ его начинанія зрѣли и приносили плоды; но и характеръ самого Петра отлился въ суровую, жосткую форму; и ему нужны были шумныя развлеченія, въ которыхъ онъ могъ бы забываться; и на него находили минуты, когда мышцы его слабѣли, и тяжкое, скорбное изнеможеніе, душевная усталость прерывала его неутомимую дѣятельность.

Внутренній бытъ Россіи, передъ появленіемъ московскаго государства, въ главныхъ чертахъ мало измѣнился противъ прежняго. Кровныя начала, исчезнувшія въ политической сферѣ, продолжали жить и преобладать въ остальныхъ. Необходимость создать крѣпкое, прочное государство шла впереди, торопила событія и рано обнаружила несостоятельность кровныхъ началъ въ политической жизни. Но въ гражданской сферѣ они не подвергались такой строгой критикѣ и могли жить спокойно, не тревожимыя ничѣмъ; они и жили, какъ будто разсчитывая на безконечное существованіе.

Древняя до-Іоанновская Русь представляется погруженною въ родственный бытъ. Глубокихъ потребностей другого порядка вещей не было, и откуда имъ было взяться? Личность—единственная плодотворная почва всякаго нравственнаго развитія, еще не выступала; она была подавлена кровными отношеніями. Были, конечно, нѣкоторыя важныя реформы: христіанство и церковь пересоздали семейный бытъ, истребили многоженство и наложничество. Князья постепенно уничтожили кровную месть и замѣнили денежнымъ вознагражденіемъ, сперва въ пользу обиженнаго или его родственниковъ, потомъ вирой въ свою пользу. Они установили уголовныя наказанія, неизвѣстныя древней Руси. Но такихъ реформъ было не много. Общины, города и волости,

по прежнему, не имѣли никакого правильнаго общиннаго устройства и потеряли то временное политическое значеніе, которое получили было. Въ нихъ сохранялся старинный славянскій общинный бытъ, развившійся изъ исключительно-родственнаго. Только теперь надъ ними тяготѣла произвольная, корыстолюбивая власть княжескихъ областныхъ правителей-кормленщиковъ, которые владѣли ими, какъ своими вотчинами, управляли сами и посредствомъ своихъ слугъ, и такъ разоряли, что князья многимъ общинамъ дали, въ видѣ изъятія и милости, жалованныя несудимыя грамоты, которыми онѣ освобождались отъ подвѣдомственности правителямъ. Подлѣ общинъ существуетъ множество отдѣльныхъ родовъ. Большею частью они находились въ службѣ у другихъ родовъ, или князей, и были безконечно-различны по богатству и знатности. Съ уничтоженіемъ удѣловъ, княжескія фамиліи также низошли въ разрядъ служилыхъ родовъ. Теперь всѣ эти роды стали служить московскому государю. Одни непосредственно окружили его, сдѣлались его приближенными; прочіе стали ниже въ извѣстной постепенности. Такъ сложилась лѣстница родовъ, которой низшія ступени терялись въ простомъ народѣ, высшія оканчивались у подножія царскаго престола. Общихъ интересовъ, которые могли бы соединить эти роды въ одно цѣлое и создать сословіе, не было и не могло быть; они жили разрозненно, каждый своею особенною жизнью, преслѣдуя свои исключительно родовые интересы. Стать выше другихъ родовъ, по крайней мѣрѣ не уступить первенства низшимъ, не потерять своей *родовой чести*,— вотъ что́ прежде всего сосредоточивало на себѣ все ихъ вниманіе и часто производило между ними непріязненныя столкновенія. Перенеся въ службу родовыя понятія и стремленія, они должны были, рано или поздно, встрѣтиться лицомъ къ лицу, съ государствомъ, котораго живымъ представителемъ былъ теперь царь; ибо для нихъ служба была внѣшнимъ выраженіемъ ихъ родовыхъ преимуществъ; они старались подчинить ее законамъ родоваго старшинства, сдѣлать орудіемъ своихъ частныхъ интересовъ. Не такъ понимали ее московскіе государи. Они требовали отъ своихъ слугъ полнаго, безусловнаго повиновенія; они хотѣли видѣть въ нихъ гибкіе органы своей власти. Они проводили начало личности; служебные роды—начало родовое. Царь посылалъ на службу двоихъ, одного старшимъ, другого младшимъ, по своимъ разсчетамъ; а младшій отказывался служить, говоря, что по родовымъ онъ старше, и его честь оскорблена. Ни польза государства, ни царская опала, ни самый страхъ смерти не могли принудить его ею пожертвовать. Царю оставалось что-нибудь изъ двухъ: или всѣ служилые роды замѣнить людьми неродословными, или при раздачѣ мѣстъ сообразоваться съ законами родоваго и служебнаго старшинства. Первое было невозможно; оставалось согласиться на послѣднее. Такъ раздача мѣстъ, назначеніе въ должности не зависѣли отъ безусловной воли царя. Ему хотѣлось назначить лучшаго, достойнѣйшаго, а онъ назначалъ по необходимости старшаго. Мало-по-малу важнѣйшіе государственные чины и званіе члена царской думы сдѣлались исключительною принадлежностью извѣстныхъ родовъ; другимъ доступъ къ нимъ былъ закрытъ. Правда, царь могъ давать чины кому хотѣлъ; но съ высшими чинами естественно были соединяемы и высшія должности въ государствѣ. Если высшій чинъ, а вмѣстѣ и высшая должность были даны человѣку незнатнаго рода, всѣ прочіе знатные родичи, которымъ достались относительно низшія, отказывались служить. Черезъ это цари были вынуждены жаловать въ высшіе чины однихъ родословныхъ людей. Въ царской думѣ засѣдали одни высшіе сановники — бояре и окольничіе; поэтому она наполнилась одними знатными родичами; прочіе, несмотря ни на какія личныя качества, не могли сдѣлаться ея членами.

Государство не могло ужиться рядомъ съ этими домашними, частными, кровными интересами, которые въ лицѣ безграничныхъ областныхъ правителей и служилыхъ родовъ связывали ему руки и отнимали возможность свободно развиваться и дѣйствовать. Рано вступило оно съ ними въ борьбу и довершило въ администраціи побѣду надъ удѣлами и кровнымъ началомъ, которая еще прежде была одержана въ болѣе широкой, политической сферѣ. Уже Іоаннъ III получилъ названіе „Грознаго“ за строгое обращеніе съ вельможами. Для обузданія произвола областныхъ правителей онъ издалъ *Судебникъ*, которымъ установилъ судопроизводство и ве-

личину пошлинъ. Есть даже извѣстіе, что онъ первый завелъ окладныя книги, которыми опредѣлилъ доходы правителей съ областей. Но никто ни прежде, ни послѣ, до самаго Петра Великаго, не дѣйствовалъ такъ энергически противъ вельможъ и областныхъ правителей, угнетавшихъ народъ, какъ Іоаннъ IV. Не знаемъ, до какой степени были справедливы его опасенія противъ ихъ заговоровъ и тайныхъ козней: подозрительный, страстный характеръ могъ внушить ему многое, чего не было. То вѣрно, что въ нѣкоторыхъ вельможахъ, бывшихъ удѣльныхъ князьяхъ, или близкихъ ихъ потомкахъ, не совсѣмъ исчезли при немъ воспоминанія о недавнемъ времени, когда они были такіе же независимые владѣтели, какъ царь московскій. Они не могли быть ему преданы, служили неохотно, роптали и измѣняли или уѣзжали, когда могли. Остальные думали только о себѣ и не радѣли о государствѣ. Области находились въ бѣдственномъ положеніи: цѣлыя села пустѣли отъ грабительства правителей и ихъ слугъ. Іоаннъ предпринимаетъ рѣшительныя, коренныя реформы и надѣется осуществить ихъ посредствомъ двухъ органовъ, враждебныхъ вельможеству, и слѣдовательно наилучшихъ для его цѣлей: людей худородныхъ, въ особенности *дьяковъ*, грамотныхъ, знающихъ порядокъ управленія, но большею частью низкаго званія и потому не достигавшихъ до высшихъ степеней,—и общинъ, которыя страдали отъ произвола правителей. Сначала Іоаннъ отдѣлилъ уголовное и уголовно-полицейское управленіе и поручилъ его въ исключительное завѣдываніе выборныхъ отъ общинъ, губныхъ старостъ и цѣловальниковъ (присяжныхъ). И тѣ и другіе существовали и прежде, но теперь они получили юридическое значеніе, котораго не имѣли. Потомъ въ 1550 году онъ издалъ Судебникъ. Въ немъ гораздо подробнѣе, нежели при Іоаннѣ III, опредѣлены были порядокъ суда, пошлины, нѣкоторыя части гражданскаго управленія, и власть областныхъ правителей еще болѣе ограничена: старосты и цѣловальники получили участіе въ гражданскомъ судѣ; безъ нихъ правители не могли судить никакихъ тяжбъ и исковъ, не могли сажать въ тюрьму жителей общинъ; даже раскладки и сборъ податей и повинностей предоставлены выборнымъ; такимъ образомъ разорительное вмѣшательство областныхъ правителей и ихъ людей должно было прекратиться. Впослѣдствіи и сборъ всѣхъ особливыхъ царскихъ доходовъ порученъ выборнымъ отъ общинъ. Правители удержали одну распорядительную, поверхностную, общую власть надъ областями; внутренній распорядокъ отданъ вь руки выборныхъ. Но недовольный еще этими мѣрами и видя, что злоупотребленія и угнетенія продолжались, Іоаннъ наконецъ совсѣмъ уничтожилъ областныхъ правителей и все мѣстное управленіе отдалъ въ полное завѣдываніе самихъ общинъ, подчинивъ ихъ непосредственно московскимъ приказамъ. Остались намѣстники въ однѣхъ пограничныхъ областяхъ, но къ нимъ были, кажется, приставлены дьяки, ибо послѣ Іоанна мы находимъ уже при намѣстникахъ дьяковъ. Эти дьяки должны были наблюдать за дѣйствіями намѣстниковъ, сами принимали участіе въ управленіи и обо всемъ доносили царю.

Таковы были реформы Іоанна въ областномъ управленіи; но еще важнѣйшія предприняты имъ въ государственномъ устройствѣ. Цѣль ихъ та же: сломить вельможество, дать власть и просторъ одному государству. Всѣ главныя отрасли управленія ввѣрены дьякамъ: они завѣдывали приказами; вельможи почти отстранены отъ гражданскихъ дѣлъ, и за то ненавидѣли Іоанна. Еще Дума находилась въ ихъ рукахъ; они одни были ея членами; Іоаннъ и въ нее вводитъ новое начало *личнаго* достоинства. Подъ названіемъ *думныхъ дворянъ* онъ сажаетъ въ Думу людей незнатнаго рода, имъ самимъ избранныхъ: при ея не-коллегіальномъ устройствѣ они не могли не имѣть важнаго вліянія на ея рѣшенія. Но всѣ эти мѣры казались Іоанну еще недостаточными: онъ хотѣлъ совершенно уничтожить вельможество и окружить себя людьми незнатными, даже низкаго происхожденія, но преданными, готовыми служить ему и государству безъ всякихъ заднихъ мыслей и частныхъ разсчетовъ. Въ 1565 году онъ установилъ *опричнину*. Это учрежденіе, оклеветанное современниками и непонятое потомствомъ, не внушено Іоанну—какъ думаютъ нѣкоторые — желаніемъ отдѣлиться отъ русской земли, противопоставить себя ей: кто знаетъ любовь Іоанна къ простому народу, угнетенному и раздавленному въ его время вельможами, кому извѣстна заботливость, съ которой онъ старался облегчить его участь, тотъ этого не скажетъ.

Опричнина была первой попыткой создать служебное дворянство и замѣнить имъ родовое вельможество,—на мѣсто рода, кровнаго начала, поставить въ государственномъ управленіи начало личнаго достоинства: мысль, которая подъ другими формами была осуществлена потомъ Петромъ Великимъ. Если эта попытка была безуспѣшна и надѣлала много зла, не принеся никакой пользы, не станемъ винить Іоанна. Онъ жилъ въ несчастное время, когда никакая реформа не могла улучшить нашего быта. Опричники, взятые изъ низшихъ слоевъ общества, ничѣмъ не были лучше бояръ; дьяки были только грамотнѣе, свѣдущѣе въ дѣлахъ, чѣмъ вельможи, но не уступали имъ ни въ корыстолюбіи, ни въ отсутствіи всякихъ общихъ, нравственныхъ интересовъ; общины, какъ ни старался Іоаннъ поднять ихъ и оживить для ихъ же собственной пользы, были мертвы; общественнаго духа въ нихъ не было, потому что въ нихъ продолжался прежній полу-патріархальный бытъ. За какія реформы ни принимался Іоаннъ, всѣ онѣ ему не удались, потому что въ самомъ обществѣ не было еще элементовъ для лучшаго порядка вещей. Іоаннъ искалъ органовъ для осуществленія своихъ мыслей и не нашелъ; ихъ неоткуда было взять. Растерзанный, измученный безплодной борьбой, Іоаннъ могъ только мстить за неудачи, подъ которыми похоронилъ онъ всѣ свои надежды, всю вѣру, все, что́ было въ немъ великаго и благороднаго,—и мстилъ страшно. Онъ умеръ. Современники его прокляли. Конечно не всѣ: повѣрья, которыя и теперь еще ходятъ о немъ въ простомъ народѣ, доказываютъ это. Потомство не воздало ему должнаго, даже не пожалѣло о немъ. А ученые и писатели—они повторяли слова современниковъ, которые кричали громче другихъ. Только одинъ его понялъ—великій преемникъ его начинаній, которому суждено было довершить его дѣло и благословить Россію на новый путь.

Послѣ Іоанна IV всѣ его реформы или рушились, или потеряли смыслъ. Нѣкоторыя исчезли еще при немъ; такъ при немъ исчезло раздѣленіе на опричнину и земщину; появились опять намѣстники въ областяхъ. Послѣ него чинъ думнаго дворянина обратился въ обыкновенный чинъ, который жаловался и знатнымъ родичамъ. Старосты и цѣловальники въ значеніи, которое придалъ имъ Іоаннъ, исчезли, мы даже не знаемъ когда; они удержались только въ уголовномъ управленіи и собирали нѣкоторые доходы царской казны, да то было не привилегія, а обязанность, повинность.

Но мысль о реформахъ, о необходимости улучшить внутренній бытъ, не исчезла. Уже при сынѣ и преемникѣ Іоанна она выразилась въ законодательной мѣрѣ, которой настоящій смыслъ не понятъ, потому что на нее до сихъ поръ смотрятъ съ теперешней, а не съ тогдашней точки зрѣнія. Въ 1592 году переходы крестьянъ съ мѣста на мѣсто были запрещены; сельское народонаселеніе прикрѣплено къ землѣ. Съ юридической точки зрѣнія это событіе необъяснимо; но на него и не должно такъ смотрѣть. Въ древней Россіи не было юридическаго быта; личность въ гражданской сферѣ сама по себѣ ничего не значила. Оно было вызвано цѣлями политическими, административными и полицейскими. Еще до Іоанна IV по многимъ причинамъ усилилось въ Россіи бродяжничество; право, основанное на обычаѣ, переходить съ земли на землю, при тогдашней грубости, необразованности, его усиливало. Привыкнувъ къ скитальческой жизни, многіе шли на разбой и воровство (татьбу); появились цѣлыя шайки лихихъ людей, отъ которыхъ не было покоя жителямъ. Сверхъ того обычай переходить породилъ между землевладѣльцами другой обычай—переманивать крестьянъ съ чужихъ земель на свои, обѣщая выгоды и льготы. Богатые воспользовались имъ въ ущербъ бѣдныхъ. Ѳеодоръ Іоанновичъ, или, правильнѣе, Борисъ Годуновъ, хотѣлъ пресѣчь и то и другое зло въ самомъ основаніи, и запретилъ переходы; окончательное ихъ уничтоженіе относится къ царствованію Шуйскаго. Вслѣдствіе совершенной юридической неопредѣленности древняго русскаго быта, за уничтоженіемъ переходовъ послѣдовало постепенное смѣшеніе двухъ сословій, до того совершенно различныхъ: холопскаго и крестьянскаго. Сливаясь, они воздѣйствовали одно на другое; многія положенія, относившіяся сначала къ однимъ холопямъ, перенесены и на крестьянъ. Удержались неважныя, чисто-формальныя историческія различія, болѣе и болѣе терявшія смыслъ.

Вскорѣ потомъ наступила эпоха внутреннихъ смутъ, неустройствъ и волненій. Ими начался XVII вѣкъ. Поводъ ихъ былъ слу-

чаенъ, исходъ не принесъ никакихъ существенныхъ измѣненій въ прежнемъ бытѣ. Послѣ 1612 года все пришло въ прежній порядокъ. Какъ море, Россія взволновалась и улеглась, не сохранивъ въ своемъ общественномъ устройствѣ никакихъ слѣдовъ недавней бури: очевидно, время умственнаго и нравственнаго развитія еще не наступало. Оттого вся эта эпоха вообще болѣе относится къ политической, нежели къ внутренней исторіи Россіи. Но она обнаружила, что идея государства уже глубоко проникла въ жизнь: Россія сама встала на свою защиту во имя вѣры и Москвы, тогдашняго государственнаго центра нашего отечества.

Когда новая династія вступила на престолъ и все успокоилось, опять возобновилась на время прерванная борьба царей съ отживавшими остатками до-государственной Россіи. Попрежнему поприще ея—администрація, управленіе; но теперь она совершается тихо, медленно. Побѣда государства обозначается цѣлымъ рядомъ постепенныхъ законодательныхъ реформъ, которыя идутъ, не прерываясь, до окончательной великой реформы Петра. Іоаннъ IV ненавидѣлъ и боялся своихъ враговъ и оттого придалъ борьбѣ страстный, кровавый характеръ. Московскіе государи XVII вѣка ихъ уже не страшатся. Они какъ будто предчувствуютъ ихъ необходимое уничтоженіе и подготовляютъ его исподволь, косвенными мѣрами.

Алексѣй Михайловичъ обходитъ Думу и всѣ важнѣйшія дѣла дѣлаетъ посредствомъ подъячихъ Тайнаго приказа. Мѣстническіе споры становятся мало-по-малу безвредными для государства. Оно ихъ преслѣдуетъ, какъ ослушаніе царской воли, или откладываетъ. Наконецъ въ 1682 году Θеодоръ Алексѣевичъ соборнымъ постановленіемъ уничтожилъ ихъ совсѣмъ. И такъ, къ временамъ Петра Великаго отъ родового вельможества удержались только наслѣдственность важнѣйшихъ чиновъ и Боярская дума, послѣдняя уже почти безъ всякаго государственнаго значенія; но и онѣ съ учрежденіемъ сената и введеніемъ табели о рангахъ исчезли навсегда.

Областные правители были ограничены и стѣснены. Многіе доходы ихъ, особливо отъ суда и управленія, стали доходами государства. При Алексѣѣ Михайловичѣ областные правители изъ намѣстниковъ стали воеводами. Ихъ право управлять областями посредствомъ своихъ людей исчезаетъ; мѣсто послѣднихъ заступаютъ приказные люди. Въ царствованіе Θеодора Алексѣевича воеводамъ придаются выборные отъ дворянъ. Сверхъ того многими законами воеводы поставлены въ совершенную административную зависимость отъ московскихъ приказовъ, обязаны были давать подробный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, словомъ, перестали быть неограниченными владѣльцами управляемыхъ областей. Характеръ кормленщиковъ они удержали еще за собою, но уже не въ прежнемъ значеніи: они стали теперь вмѣстѣ и органами государства.

Но не только въ административной сферѣ уходилъ и изглаживался прежній порядокъ вещей, когда-то исключительно правившій внутреннею жизнью Россіи: онъ упадалъ и разрушался даже въ гражданскомъ быту; и въ немъ стало высказываться начало личности. Юридическія отношенія начали брать верхъ надъ кровными, родственными. Прежде порядокъ наслѣдованія, имущественныя и личныя отношенія между членами семей и родовъ опредѣлялись однимъ обычаемъ, нравами, свято соблюдаемыми; теперь они стали нуждаться въ посредничествѣ государства; оно устанавливаетъ ихъ и охраняетъ страхомъ наказаній. Появляется порча общественныхъ нравовъ—естественная и необходимая спутница всѣхъ переходныхъ эпохъ, когда одинъ порядокъ вещей смѣняется, но еще не смѣнился другимъ. Напрасно будемъ мы искать причину этой видимой перемѣны въ постороннихъ вліяніяхъ—татарскомъ игѣ и внутреннихъ смятеніяхъ начала XVII вѣка. Нельзя отрицать этихъ вліяній, но они всего не объясняютъ: грубая, неразвитая и непризнанная личность искала простора; въ тѣсномъ кругу преобладающихъ кровныхъ отношеній ей становилось душно: они не давали ей развиваться, подавляли ее своими непреложными законами. И безъ всякихъ постороннихъ вліяній она, рано или поздно, предъявила бы свои права и въ частномъ, общественномъ быту, какъ прежде предъявила ихъ въ политическомъ и государственномъ. Законъ жизни былъ одинъ: и явленія были одинаковы.

III.

Древняя русская жизнь исчерпала себя вполнѣ. Она развила всѣ начала, которыя въ

ней скрывались, всѣ типы, въ которыхъ непосредственно воплощались эти начала. Въ строгой послѣдовательности она провела Россію сперва черезъ общинный бытъ, потомъ черезъ родовой и семейственный; она постепенно выводила на сцену исторіи типы племеноначальника, начальника рода и вотчинника, и осуществляла ихъ въ большихъ размѣрахъ. Послѣднимъ ея усиліемъ, вѣнцомъ ея существованія, были первые зачатки государства и начало личности. Въ нихъ она превзошла себя, какъ бы вышла изъ своихъ предѣловъ, хотя и государство и личность долго созрѣвали и готовились къ дѣйствованію подъ формами, ею созданными и развитыми. Она сдѣлала все, что̀ могла, и, окончивши свое призваніе, прекратилась. Ее порицать, пренебрегать ею, или сожалѣть объ ней, думать о ея возвращеніи, доискиваться въ ней чего она не дала и не могла дать—равно ошибочно. И то и другое обнаруживаетъ взглядъ не историческій, слѣдовательно непремѣнно ложный. Лучшій критикъ, судья исторіи—сама исторія. Она высчитываетъ напередъ всѣ возможности, взвѣшиваетъ всѣ доводы и за и противъ съ неподражаемою подробностью, а потомъ рѣшитъ—безъ апелляціи. Намъ остается только вглядѣться въ этотъ судъ, въ эту критику, понять ее. Иначе мы непремѣнно впадемъ въ односторонность.

Начало личности узаконилось въ нашей жизни. Теперь пришла его очередь дѣйствовать и развиваться. Но какъ? Лицо было приготовлено древней русской исторіей, но только какъ *форма*, лишенная содержанія. Послѣдняго не могла дать древняя русская жизнь, которой все назначеніе, конечная задача только въ томъ и состояли, чтобъ выработать начало личности, высвободить ее изъ-подъ ига природы и кровнаго быта. Сдѣлавшись независимой не черезъ себя, а какъ бы извнѣ, вслѣдствіе исторической неизбѣжности, личность сначала еще не сознавала значенія, которое она получила, и потому оставалась бездѣятельною, въ ладу съ окружающею и ей несоотвѣтствовавшею средою. Но это не могло долго продолжаться. Неоживленная личность должна была пробудиться къ дѣйствованію, почувствовать свои силы и себя поставить безусловнымъ мѣриломъ всего.

Впрочемъ, вдругъ она не могла сдѣлаться самостоятельною, начать дѣйствовать во имя самой себя. Она была совершенно неразвита, не имѣла никакого содержанія. Итакъ, оно должно было быть принято извнѣ; лицо должно было начать мыслить и дѣйствовать подъ чужимъ вліяніемъ.

Такое вліяніе было для него необходимо и благодѣтельно. Оно освободило его отъ всего непосредственнаго, даннаго, развязало ему руки, возбудило къ нравственному развитію и приготовляло къ совершенной, безусловной самостоятельности.

Вотъ характеръ и значеніе эпохи внутреннихъ преобразованій, которая наступила въ Россіи въ XVIII вѣкѣ и окончилась недавно. Въ сферѣ политической и государственной личность ранѣе стала независимою; поэтому она впервые въ ней начала дѣйствовать неограниченно и подъ европейскимъ вліяніемъ. Въ Петрѣ Великомъ личность на русской почвѣ вступила въ свои безусловныя права, отрѣшилась отъ непосредственныхъ, природныхъ, исключительно-національныхъ опредѣленій, побѣдила ихъ и подчинила себѣ. Вся частная жизнь Петра, вся его государственная дѣятельность есть первая фаза осуществленія начала личности въ русской исторіи.

Какъ всякое историческое явленіе, эпоха преобразованій имѣетъ множество различныхъ сторонъ, и потому можетъ быть разсматриваема съ различныхъ точекъ зрѣнія.

Многіе обвиняютъ ее въ томъ, что она пришла слишкомъ внезапно, дѣйствовала круто, насильственно, разорвала русскую исторію на двѣ половины, совершенно между собою несхожія, ничѣмъ не связанныя, и насъ сдѣлала безхарактерными, жалкими междоумками или недоумками; наконецъ, что она лишила Россію національности, подчинила ее исключительному господству европейскихъ элементовъ и апостазію отъ національнаго возвела на степень добродѣтели.

Эти обвиненія, окончательно формулированныя въ послѣднее время, вызваны состояніемъ, въ которое мы пришли, когда эпоха реформъ оканчивалась. Къ нему они и относятся, а не къ ней. Какъ историческое явленіе, они важны, характеризуя состояніе одной части общества послѣ реформы; какъ взглядъ на цѣлый отдѣлъ исторіи, они не имѣютъ никакой цѣны, по своему совершенно субъективному смыслу.

Во первыхъ, эпоха реформъ наступила у насъ не внезапно; она приготовлена всѣмъ предыдущимъ бытомъ. Кто не согласенъ съ нашимъ взглядомъ на русскую исторію, тому мы укажемъ на появленіе иностранныхъ обы-

чаевъ еще до Петра; на умноженіе иностранцевъ въ московской Россіи; на всякаго рода отступничества отъ прежнихъ нравовъ; наконецъ, на упадокъ государственнаго устройства и управленія передъ реформой. Разложеніе быта выражалось въ страшныхъ, неслыханныхъ злоупотребленіяхъ. Въ доказательство ссылаемся не на общественное мнѣніе и литературу, которыхъ тогда въ Россіи не было, а на современные акты и законы.

Что реформа дѣйствовала круто, насильственно, это правда. Но чтобы вывесть изъ этого какое-нибудь заключеніе въ пользу или противъ нея, должно сперва рѣшить: что́ была современная ей Россія, и можно ли было дѣйствовать иначе?

Въ началѣ XVIII вѣка мы только что начинали жить умственно и нравственно. Мы были несчастныя дѣти, окруженныя самыми невыгодными условіями.—Къ бѣдной внѣшней природѣ присоединились глубокое невѣжество, полу-восточныя привычки, которыя держали насъ въ черномъ тѣлѣ, въ самыхъ зачаткахъ убивали всякое нравственное развитіе, всякую общественность, всякую свободу и движеніе. Тогда—страшная недавняя старина!—дѣлались вещи, непостижимыя, невообразимыя теперь. Чудовищны были время и общественность, которыя могли пересоздать благородную натуру Іоанна IV и наперекоръ ей воспитать ее въ нравственнаго урода, изверга, не знавшаго границъ произволу. Только такая грубая, дикая, жалкая среда, въ которой не было и тѣни общественнаго мнѣнія, никакихъ общихъ, ни нравственныхъ, ни даже физическихъ интересовъ, сдѣлала возможнымъ преобразованіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно совершилось, со всѣми его крутыми мѣрами и насиліями. Оправданіе эпохи реформъ—въ ея цѣляхъ: средства дала, навязала ей сама старая Русь. Петръ дѣйствовалъ, какъ воспитатель, врачъ, хирургъ, которыхъ не обвиняютъ за крутыя и насильственныя мѣры. Нельзя было иначе дѣйствовать; невозможное теперь было тогда, по несчастію, необходимо, неизбѣжно.

Сверхъ того не забудемъ, что реформа особенно сосредоточилась въ государственной сферѣ, въ управленіи; прочихъ сторонъ жизни она коснулась какъ будто мимоходомъ, и то́ большею частью тамъ, гдѣ онѣ соприкасались съ государствомъ. А мы знаемъ, каково было положеніе государства передъ реформой и при Петрѣ: со всѣхъ сторонъ враги, а войска, денегъ, средствъ имъ противостоять не было. Въ управленіи—безпорядокъ и отсутствіе централизаціи. Тутъ некогда было выжидать, дѣйствовать исподоволь. Нужды были слишкомъ настоятельны, чтобъ можно было вести реформу медленно, спокойно, разсчитывая на много лѣтъ впередъ.

Потомъ говорятъ, что эпоха преобразованій отдѣлила старую Русь отъ новой непроходимою бездной, ничѣмъ не наполненной, изъ насъ сдѣлала ни то, ни се, что-то среднее между древней Россіей и Европой—амфибій человѣческаго рода. Но это не такъ. Внутренняя связь между древней и новой Россіей, какъ мы видѣли, есть. Есть и внѣшняя, въ событіяхъ. Петръ Великій ничего не зналъ о различіи древней и новой Россіи. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что продолжаетъ дѣло своихъ предковъ; такое же убѣжденіе имѣли и его сподвижники. Татищевъ безпрестанно сравниваетъ указы Петра съ уложеніемъ и законами Іоанна, и не такъ, какъ мы теперь сравниваемъ Русскую Правду съ варварскими законами германцевъ, а какъ постановленія, дополнявшія другъ друга въ практикѣ, относившіяся къ одной и той же жизни, разрѣшавшія одни и тѣ же вопросы. Въ самомъ дѣлѣ, дѣйствія и законы Петра Великаго — лучшее доказательство, какъ въ его время обѣ Россіи, потомъ различенныя, были слиты въ одно нераздѣльное цѣлое. Мы скажемъ больше: ни одинъ живой вопросъ, возникшій въ древней Руси, не оставленъ Петромъ Великимъ безъ разрѣшенія. Какъ онъ ихъ рѣшилъ—объ этомъ мы не будемъ теперь разсуждать: рѣшилъ онъ всѣ. Мнѣніе, будто Петръ не зналъ Россіи, не имѣетъ никакого основанія. Онъ зналъ ее отлично, въ мелочахъ, въ подробностяхъ; но онъ пренебрегалъ голословной казуистикой древней Россіи, которая гонялась за частностями и не развила ни одного юридическаго начала.

Непроходимая бездна между старымъ и новымъ создана послѣ воображеніемъ, совершенно отвлеченнымъ пониманіемъ исторіи. Новый міръ еще менѣе походитъ на древній, чѣмъ новая Русь на старую. Тамъ дѣйствуютъ и новые народы; однако мы знаемъ, что и древній міръ преобразовался мало по малу. Наполеонъ создалъ новый порядокъ вещей во Франціи, нисколько не похожій на тотъ, который имъ смѣнился; однако мы не говоримъ, что Франція до Наполеона и послѣ Наполеона—двѣ совсѣмъ разныя, ничѣмъ не-

связанныя между собою Франціи. Вглядываясь въ событія, мы видимъ, что прежнее естественнымъ порядкомъ выродилось въ новое, какъ они ни различны между собою. Такъ и у насъ было.

Междоумками мы точно стали, но не во время реформы и не вслѣдствіе реформы. Вспомните людей временъ Елизаветы, Екатерины: ихъ, право, нельзя упрекнуть въ безхарактерности, въ неопредѣленности. Всѣ они носятъ на себѣ такой рѣзкій типъ, что ихъ почти съ перваго взгляда можно узнать. Еслибъ эпоха реформъ сбила ихъ съ толку, они не могли бы быть такими. Да и смотрѣли на преобразованія предки наши XVIII вѣка совсѣмъ другими глазами, нежели мы теперь. Они понимали реформу совершенно практически, брали съ бытовой, живой стороны. Имъ и въ голову не приходила мысль, что она можетъ лишить насъ народности, оторвать отъ прошедшаго. Себя они считали русскими, такими же, какими были ихъ предки XVII вѣка, и въ самомъ дѣлѣ, они были русскіе, для которыхъ настало время здраваго смысла, не стѣсненнаго историческими преданіями. Недоумками мы сдѣлались уже послѣ, когда эпоха преобразованій начала приходить къ концу, стало слагаться общество и родилось безсознательное требованіе самостоятельности мысли и дѣйствій.—Тогда къ прошедшему, настоящему и будущему мы приступили съ вопросами. То, что̀ прежде само собой разумѣлось, теперь представилось задачей, требующей еще разрѣшенія. Все стало предметомъ критики, сужденій, и пока результаты этой критики не обнаружились, не выработался какой-нибудь взглядъ, сомнѣніе и нерѣшительность поразили умъ и дѣятельность. Но это было явленіе новое ва Россіи, не слѣдствіе реформы, а необходимая прелюдія къ другому порядку вещей, который тогда зарождался.

Самое важное, капитальное обвиненіе эпохи преобразованій состоитъ въ томъ, что она, будто бы, лишила насъ народности и безусловно подчинила европейскому вліянію. Тутъ явное недоразумѣніе, частью отъ слова „народность", частью отъ отвлеченнаго взгляда на русскую исторію.

Національность, народность въ разныя эпохи развитія имѣютъ у одного и того же народа разныя значенія. Сначала, когда народъ пребываетъ въ непосредственномъ, природномъ состояніи, народность въ его глазахъ неразрывно связана съ внѣшними формами его существованія; иначе и быть не можетъ, ибо другого существованія онъ не знаетъ и представить себѣ не въ силахъ. Для него перемѣна формъ есть и утрата народности; онъ не узнаетъ себя подъ другою внѣшностью. Иванъ Берсень говорилъ еще въ XVI вѣкѣ, что народу, у котораго измѣняются обычаи, не долго стоять, и, по понятіямъ тогдашней Руси, онъ былъ правъ. Но когда народъ начинаетъ жить болѣе духовною жизнью, и слово „народность" одухотворяется въ его устахъ. Онъ перестаетъ разумѣть подъ нимъ однѣ внѣшнія формы, но выражаетъ имъ особенность народной физіономіи;—это нѣчто неуловимое, непередаваемое, на что̀ нельзя указать пальцемъ, чего нельзя ощупать руками, чисто духовное, чѣмъ одинъ народъ отличается отъ другого, несмотря на видимое сходство и безразличіе. Словомъ, національность становится выраженіемъ особенности нравственнаго, а не внѣшняго, физическаго существованія народа. Съ бо̀льшимъ сближеніемъ различныхъ народовъ она болѣе и болѣе одухотворяется, отрѣшается отъ внѣшняго, случайнаго, въ сущности безразличнаго: исчезнуть она не можетъ, пока не исчезнетъ самъ народъ.

Въ первомъ смыслѣ наша народность сильно тронулась; въ высшихъ классахъ общества она почти совсѣмъ исчезла. Но замѣтимъ: не съ реформы XVIII вѣка, а раньше, гораздо раньше, еще съ начала московскаго государства. Оно внесло въ нашу народную жизнь первые зачатки нравственнаго существованія, развившіеся потомъ; оно впервые посягнуло и на нашу народность, въ тѣсномъ, непосредственномъ значеніи слова. Москва—первоначальница нашего не-національнаго развитія. Многимъ это покажется теперь страннымъ, но оно дѣйствительно такъ было.

Во второмъ смыслѣ мы никогда не теряли своей народности; нельзя указать ни на одну минуту въ нашей исторической жизни, начиная съ какого угодно времени, въ которую бы мы перестали быть русскими и славянами, потому что это совершенно, математически невозможно: *мы* всегда будемъ *мы*, и никогда *они*, кто-нибудь другой; иначе мы тотчасъ же исчезнемъ съ лица земли, перестанемъ существовать, какъ особенный народъ.

Мысль, что черезъ реформу мы потеряли или

почти потеряли народность, есть не слѣдствіе изученія древней и новой исторіи Россіи, а одинъ изъ тѣхъ безсвязныхъ воплей, которые вырвались изъ нашей груди, когда, вмѣстѣ съ реформой, одна фаза нашего развитія кончилась, а другая не наступала. Тогда мы почувствовали какую-то усталость, нравственное разслабленіе, изъ которыхъ, казалось, не было выхода. Допрашивая себя, откуда бы могла взяться эта преждевременная дряхлость, и думая, что за ней смерть, многіе обратились къ ближайшему прошедшему, придали ему страшный характеръ, освѣтили его траурнымъ свѣтомъ, обставили погребальными факелами. Имъ представилась, безспорно, одна изъ величайшихъ эпохъ нашей исторіи, время ея возрожденія, картиной упадка и разрушенія. Но эти краски ей чужды. Олицетвореніе древней и новой Россіи родило такое отвлеченное воззрѣніе. Многіе подумали, что за европейскимъ вліяніемъ въ Россіи XVIII и начала XIX вѣка ничего не было; что Европа, со всѣми особенностями, перешла къ намъ и водворилась у насъ на мѣсто прежняго. Еслибъ такъ было, Россія была бы теперь такъ же похожа на остальныя европейскія государства, какъ Англія на Францію, Франція на Германію. А этого сходства совсѣмъ нѣтъ. Отчего же? Оттого, что не Европа къ намъ перешла, а мы оевропеились, оставаясь русскими по прежнему; ибо когда человѣкъ или народъ что-нибудь беретъ, заимствуетъ у другого, онъ не перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ прежде. Посмотрите на факты: Петръ и его преемники не имѣли никакого понятія о позднѣйшемъ противоположеніи Россіи и Европы. Они и не думали ввести у насъ *иностранное*, вмѣсто *русскаго*. Они видѣли недостатки въ современной имъ Россіи, хотѣли ихъ исправить, улучшить ея бытъ, и съ этою цѣлью часто прибѣгали къ европейскимъ формамъ, почти никогда не вводя ихъ у насъ безъ существенныхъ измѣненій; что̀ изъ нашего исключительно національнаго казалось имъ хорошо, удовлетворительно, то они оставляли. Такъ дѣйствовали и частныя лица: все, что̀ имъ казалось хорошимъ, было хорошо, откуда бы ни пришло. Упрекъ Петру, что онъ будто бы предпочиталъ иностранцевъ русскимъ, не имѣетъ ни малѣйшаго основанія; гдѣ могъ, онъ всегда замѣщалъ первыхъ послѣдними. Извѣстно, что иностранцы не всегда были имъ довольны. Наконецъ, въ гражданскихъ и военныхъ штатахъ, составленныхъ при Петрѣ, на одного иностранца вездѣ положено по два русскихъ. Еслибъ онъ предпочиталъ первыхъ, онъ бы такъ не поступалъ. Просто, они были ему нужны, ибо знали то, чего не знали тогда русскіе и что̀ было необходимо для Россіи.

Вообще никогда не должно забывать, что эпоха преобразованій, какъ все живущее, имѣла внутреннее единство, цѣлость. Практическія пользы, улучшенія поглощали всю дѣятельность: объ именахъ и названіяхъ мало думали. Русское и иностранное—всѐ сливалось въ одно, чтобъ вести Россію впередъ. Но когда эта эпоха стала клониться къ концу, а новые пути для такого же цѣлостнаго, живого дѣйствованія еще не были найдены, мы почувствовали въ себѣ пустоту, скуку; дѣятельность смѣнило бездѣйствіе, необходимое, потому что прежніе источники дѣйствованія изсякли. Живой духъ эпохи исчезъ. Отъ нея оставался трупъ, который сталъ разлагаться на свои составныя стихіи, уже ничѣмъ не соединенныя. Тогда-то появилось у насъ противоположеніе русскаго европейскому, желаніе думать, дѣйствовать и чувствовать національно, народно, или во что бы то ни стало по-европейски. Требованіе самостоятельности и требованіе лучшаго, которыя нашли представителей въ этихъ двухъ крайностяхъ, прежде слитыя воедино, теперь распались и стали враждебны. Серединой между ними было уже безсмысліе и апатія. Такимъ образомъ настоящій смыслъ эпохи реформъ былъ потерянъ и забытъ. Ее начали безусловно порицать или безусловно хвалить, но съ важными недоразумѣніями и натяжками съ обѣихъ сторонъ, потому что ее подводили подъ извѣстныя, одностороннія точки зрѣнія, которымъ она никакъ не поддавалась. Въ наше время этотъ дуализмъ, признакъ едва зарождавшейся въ насъ умственной и нравственной жизни, начинаетъ исчезать и становится прошедшимъ. Его смѣняетъ мысль о *человѣкѣ* и его требованіяхъ. Что̀ эпоха преобразованій сдѣлала въ практической жизни, то теперь происходитъ у насъ въ области мысли и науки. Непереступаемыя границы между прошедшимъ и настоящимъ, русскимъ и иностраннымъ, разрушаются; открывается широкое воззрѣніе, не стѣсняемое никакими предразсудками, прирожденными или выдуманными ненавистями. Можетъ

быть, мы оттого и начинаемъ питать такія глубокія симпатіи къ Петру Великому. На другомъ поприщѣ онъ велъ насъ по той же дорогѣ.

Итакъ, внутренняя исторія Россіи—не безобразная груда безсмысленныхъ, ничѣмъ не связанныхъ фактовъ. Она, напротивъ,—стройное, органическое, разумное развитіе нашей жизни, всегда единой, какъ всякая жизнь, всегда самостоятельной, даже во время и послѣ реформы. Исчерпавши всѣ свои исключительно національные элементы, мы вышли въ жизнь общечеловѣческую, оставаясь тѣмъ же, чѣмъ были и прежде—русскими славянами. У насъ не было начала личности: древняя русская жизнь его создала; съ XVIII вѣка оно стало дѣйствовать и развиваться. Оттого то мы такъ тѣсно и сблизились съ Европой; ибо совершенно другимъ путемъ она къ этому времени вышла къ одной цѣли съ нами. Развивши начало личности до нельзя, во всѣхъ его историческихъ, тѣсныхъ, исключительныхъ опредѣленіяхъ, она стремилась дать въ гражданскомъ обществѣ просторъ *человѣку*, и пересоздавала это общество. Въ ней наступалъ тоже новый порядокъ вещей, противоположный прежнему, историческому, въ тѣсномъ смыслѣ національному. А у насъ вмѣстѣ съ началомъ личности человѣкъ прямо выступилъ на сцену историческаго дѣйствованія, потому что личность въ древней Россіи не существовала, и слѣдовательно не имѣла никакихъ историческихъ опредѣленій. Того и другого не должно забывать, говоря о заимствованіи и реформахъ Россіи въ XVIII вѣкѣ: мы заимствовали у Европы не ея исключительно національные элементы; тогда они уже исчезли или исчезали. И у ней и у насъ рѣчь шла тогда о *человѣкѣ*; сознательно или безсознательно—это все равно. Бо́льшая развитость, высшая степень образованія, большая сознательность была причиной, что мы стали учиться у ней, а не́ она у насъ. Но это не измѣняетъ ничего въ сущности. Европа боролась и борется съ рѣзко, угловато развившимися историческими опредѣленіями человѣка; мы боролись и боремся съ отсутствіемъ въ гражданскомъ быту всякой мысли о человѣкѣ. Тамъ человѣкъ давно живетъ и много жилъ, хотя и подъ односторонними историческими формами; у насъ онъ вовсе не жилъ, и только что началъ жить съ XVIII вѣка. Итакъ, вся разница только въ предыдущихъ историческихъ данныхъ, но цѣль, задача, стремленія, дальнѣйшій путь одинъ. Бояться, что Европа передастъ намъ свои отжившія формы, въ которыя она сама ужъ не вѣритъ, или надѣяться, что мы передадимъ ей свои — древне-русскія, въ которыя мы тоже извѣрились, значитъ не понимать ни новой европейской, ни новой русской исторіи. Обновленныя и вѣчно юныя, онѣ сами творятъ свои формы, не стѣсняясь предыдущимъ, думая только о настоящемъ и будущемъ.

Такой взглядъ объясняетъ много загадочныхъ явленій въ нашей внутренней жизни. Понятнымъ дѣлается, почему не было и нѣтъ у насъ сословій, какъ въ Европѣ; почему нашъ гражданскій бытъ и устройство, сходные съ европейскими въ частностяхъ, совершенно не сходны въ общемъ; отчего мы европейскія формы предпочли всѣмъ прочимъ, не заимствуя однако тѣхъ, которыя исключительно принадлежатъ къ ея прошедшему и отъ него удержались; отчего въ насъ такъ много удивительно хорошаго и, рядомъ съ тѣмъ, такъ много удивительно дурного, отчего такая странная распущенность, безсвязность, случайность царствуютъ во всемъ, что̀ ни дѣлаемъ, что̀ ни предпринимаемъ; отчего... но всего не пересчитаешь.—Читатель, занимаясь русской исторіей или думая о своей жизни, самъ увидитъ, что въ нашемъ взглядѣ есть большая доля правды.

Москва.
23 февраля, 1846 года.

(Современникъ, 1847, кн. I).

ОТВѢТЪ „МОСКВИТЯНИНУ“.

Во второмъ нумерѣ „Москвитянина“, въ статьѣ г. М. З. К. [1]) подъ заглавіемъ: „о мнѣніяхъ Современника, историческихъ и литературныхъ“, помѣщенъ подробный разборъ моей статьи: „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи“, напечатанной въ 1 № „Современника“. Тонъ критики, кажущаяся дѣльность возраженій, послѣдовательность взгляда,—все налагаетъ на меня обязанность отвѣчать. Г. М. З. К. удостоилъ мою статью прочтеніемъ, слѣдовательно на этотъ разъ споръ возможенъ...

Признаюсь, авторъ критики поставилъ меня въ затруднительное и неловкое положеніе. Въ моей статьѣ я отстаивалъ необходимость теоріи для русской исторіи; это была основная мысль, заставившая меня взяться за перо. Критика г. М. З. К. показала весь вредъ, происходящій отъ теоретическаго воззрѣнія, и мнѣ какъ будто приходится опровергать себя. Постараемся объяснить это очевидное недоразумѣніе.

Что такое теорія? Опредѣленіе и изложеніе законовъ, по которымъ данный предметъ живетъ и измѣняется. Значитъ, теорія русской исторіи есть обнаруженіе законовъ, которые опредѣлили ея развитіе. Но жизнь народа есть органическое цѣлое, въ которомъ измѣненія происходятъ послѣдовательно и по внутреннимъ причинамъ; все въ ней условлено одно другимъ, такъ что настоящее есть послѣдовательный результатъ прошедшаго, прошедшее естественно переходитъ въ настоящее; поэтому, когда мы думаемъ, что въ народной жизни лучшее смѣняется очевидно худымъ и неудовлетворительнымъ, мы жестоко себя обманываемъ: это лучшее только кажется намъ такимъ; ближе его разсматривая, мы замѣтимъ въ немъ тѣ органическіе недостатки, которые величайшій критикъ и физіологъ—дѣйствительная жизнь—открываетъ гораздо прежде ученыхъ изслѣдованій и обнаруживаетъ практически, уничтожая это лучшее и замѣняя его другимъ—недостаточнымъ для насъ, потому что мы стремимся впередъ, но лучшимъ сравнительно съ тѣмъ, что имъ упразднено. Этому измѣненію сужденій объ историческихъ событіяхъ и лицахъ, поправкѣ, такъ сказать, этихъ сужденій чрезвычайно способствуетъ теорія. Обнимая однимъ взглядомъ цѣлое, указывая безпрестанно на единство въ самыхъ разнообразныхъ и разновременныхъ явленіяхъ, она заставляетъ на каждомъ шагу сравнивать, повѣрять фактъ фактомъ, выводъ выводомъ, и открывать новыя стороны въ одномъ и томъ же предметѣ; такъ слагается наконецъ мѣрило для фактовъ, лежащее внѣ личныхъ пристрастій и предубѣжденій, условленныхъ вліяніемъ окружающей среды. Возможность въ одно и тоже время судить историческое явленіе на основаніи прошедшаго и чаемаго будущаго расширяетъ кругъ зрѣнія, рождаетъ многосторонній взглядъ на предметъ, освобождаетъ отъ исключительности, легко переходящей въ ограниченность. Все это плоды теоретическаго взгляда, и въ этомъ его заслуга: ибо если онъ не исчерпываетъ предмета, то во всякомъ случаѣ заставляетъ о немъ думать, его изслѣдовать.

Не такъ понимаетъ теорію авторъ критики, г. М. З. К.: у него она слагается не изъ наблюденій надъ внутреннимъ процессомъ предмета, а изъ идеаловъ, конечно прекрасныхъ, благородныхъ, но, къ сожалѣнію, покуда нигдѣ и никогда еще не воплотившихся. Не замѣчая этого, онъ ревностно отыскиваетъ ихъ въ русской исторіи и—что мудренаго—съ помощью добросовѣстнаго злоупотребленія фактовъ, находитъ. Онъ до того погруженъ въ свою мысль, что не слышитъ вопіющаго противъ него голоса дѣйствительности, не видитъ вещей самыхъ простыхъ, осязательныхъ, даже не замѣчаетъ, что его возвышенные идеалы оскорбительно несправедливы. Такихъ теорій нельзя не отвергать,—и вотъ объясненіе недора-

[1]) Ю. Ѳ. Самарина.

зумѣнія, о которомъ мы говорили выше. Постараемся доказать это.

Взглядъ автора существенно вотъ въ чемъ заключается: начало личности, предоставленное самому себѣ и развиваемое романо-германскимъ міромъ, лишено любви, и потому порождаетъ ассоціацію, а не общину. Въ настоящее время западная Европа живо почувствовала односторонность, неудовлетворительность этого начала, и въ лицѣ своихъ „передовыхъ мыслителей“ остановилась передъ общиной, которая для него существуетъ лишь какъ абстрактная формула, требованіе. Что же такое община? Такое общество, или общежитіе, въ которомъ царитъ абсолютный законъ, родовая норма личности, но вслѣдствіе сознательнаго и свободнаго подчиненія ей всѣхъ индивидуумовъ, его составляющихъ. Община въ этомъ значеніи была и есть сущность, внутренняя основа славянскаго племени. Такъ какъ развитіе этого начала стоитъ теперь на очереди въ исторіи и есть задача славянскаго міра, то къ нему уже и обратились лучшіе европейскіе умы съ сочувствіемъ и ожиданіемъ. Читатели могутъ подумать, что я преувеличилъ, если можно такъ выразиться, мнѣнія г. М. З. К. и сдѣлалъ ихъ невѣроятными. Вотъ его подлинныя слова.

„Развитіе германскаго начала личности, предоставленной себѣ самой, не имѣетъ ни конца, ни выхода; путемъ исчерпыванія историческихъ явленій личности, до идеи о человѣкѣ, то есть до начала абсолютнаго соединенія и подчиненія личностей подъ верховный законъ, логически дойти нельзя, потому что процессъ аналитическій никогда не переходитъ самъ собою въ синтетическій“ (стр. 172).

„Западный міръ выражаетъ теперь требованіе органическаго примиренія начала личности съ началомъ объективной и для всѣхъ обязательной нормы—требованіе общины. Это требованіе совпадаетъ съ нашею субстанціею: въ оправданіе формулы мы приносимъ быть, и въ этомъ точка соприкосновенія нашей исторіи съ западною“.

„Общинный бытъ Славянъ основанъ не на отсутствіи личности, а на свободномъ и сознательномъ ея отреченіи отъ своего полновластія“ (стр. 173).

„Что касается до насъ, то признаемся, мы никакъ не можемъ понять того логическаго процесса, посредствомъ котораго изъ германскаго начала, предоставленнаго самому себѣ, изъ одной идеи личности, можетъ возникать иное общество, кромѣ искусственной, условной ассоціаціи? Какимъ образомъ начало разобщающее обратится въ противоположное начало приниженія и единенія? Какимъ образомъ, говоря словами автора, понятіе о личности перейдетъ въ понятіе о человѣкѣ?“ (стр. 146 и 147).

„Если вы скажете, что можно дойдти до утомленія, до сознанія практической пользы и даже необходимости ограничить разгулъ личности, то мы замѣтимъ вамъ, что такого рода сознаніе, какъ результатъ самыхъ разнородныхъ и все-таки личныхъ потребностей, не выведетъ изъ круга развитія личности. Наприм., бѣднякъ почувствуетъ необходимость взять у богатаго кусокъ хлѣба, чтобы не умереть съ голода; положимъ даже, что богатый почувствуетъ съ своей стороны необходимость уступить что-нибудь бѣдному, чтобы не довести послѣдняго до отчаянія и не потерять всего; положимъ, что они сойдутся и съ общаго согласія постановятъ какой бы то ни было порядокъ. Этотъ порядокъ, для того и для другого, будетъ отнюдь не абсолютнымъ человѣческимъ закономъ, а только удобнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ къ достиженію личнаго благосостоянія. Представится другое средство, они за него ухватятся, и будутъ правы; ибо, уступая внѣшней необходимости, личность ограничивала себя въ пользу себя самой. До идеи человѣка мы все-таки не дошли и не дойдемъ. И такъ на личности, ставящей себя безусловнымъ мѣриломъ всего, можетъ основаться только искусственная ассоціація, уже осужденная исторіею; но абсолютной нормы, закона безусловно общественнаго для всѣхъ и каждаго, изъ личности, путемъ логики, вывести нельзя; слѣдовательно не выведетъ его и исторія. Наконецъ, откуда бы оно ни пришло, въ какой бы формѣ и подъ какимъ бы названіемъ ни явилось, вы должны сознаться, что передъ нимъ личность утратитъ свое абсолютное значеніе; другая власть, отъ нея независящая, не ею созданная, воцарится надъ личностью и ограничитъ ее. Мѣрило личности будетъ уже не въ ней самой, а внѣ ея; оно получитъ объективное, самостоятельное значеніе, въ совпаденіи съ нимъ личность найдетъ свое оправданіе, въ отступленіи отъ него—свое осужденіе. Вы скажете, что это мѣрило не должно быть навязано, что личность, признавая въ немъ свой собственный идеалъ и подчиняясь ему, совершитъ актъ свободы, а не рабства; такъ,—и слѣдовательно личности предстоитъ одно назначеніе: познать свою родовую норму, свой законъ. Но для того, чтобы познать его, она должна признавать его существующимъ. Ей должно быть всегда присуще хотя темное сознаніе и закона и своего несовершенства, своей неправоты передъ нимъ; а это сознаніе несовмѣстно съ чувствомъ неограниченнаго полновластія личности и ея значенія какъ мѣрила для всего“ (стр. 147 и 148).

Я сказалъ въ своей статьѣ, что само въ себѣ общинное начало не имѣло зачатковъ жизни и развитія. Г. М. З. К. говоритъ:

„Несмотря на всѣ натяжки автора, мы видѣли противное въ призваніи князей, увидали бы тоже въ принятіи христіанской вѣры, которое было дѣломъ всей земли, еслибы только авторъ разсудилъ за благо сказать о немъ хоть одно слово; мы видѣли тоже въ сознаніи неспособности

жить безъ князя и въ повторяющихся призваніяхъ; наконецъ, мы видимъ, что въ позднѣйшую эпоху, когда упразднилось государство, это общинное начало, по словамъ автора не имѣвшее зачатковъ жизни и развитія, спасло единство и цѣльность Россіи, и снова, какъ въ 862 г., такъ и въ 1612 г., создало изъ себя государство. Нѣтъ; общинное начало составляетъ основу, грунтъ всей русской исторіи, прошедшей, настоящей и будущей; сѣмяна и корни всего великаго, возносящагося на поверхности, глубоко закрыты въ его плодотворной глубинѣ, и никакое дѣло, никакая теорія, отвергающая эту основу, не достигнетъ своей цѣли, не будетъ жить" (стр. 158).

„Семейство и родъ представляютъ видъ общежитія, основанный на единствѣ кровномъ; городъ съ его областью — другой видъ, основанный на единствѣ областномъ и позднѣе епархіальномъ; наконецъ единая обнимающая всю Россію государственная община,—послѣдній видъ, выраженіе земскаго и церковнаго единства. Всѣ эти формы различны между собою, но онѣ суть только формы, моменты постепеннаго расширенія одного общиннаго начала, одной потребности жить вмѣстѣ въ согласіи и любви, потребности, сознанной каждымъ членомъ общины, какъ верховный законъ, обязательный для всѣхъ и носящій свое оправданіе въ самомъ себѣ, а не въ личномъ произволеніи каждаго. Таковъ общинный бытъ въ существѣ его; онъ основанъ не на личности и не можетъ быть на ней основанъ; но онъ предполагаетъ высшій актъ личной свободы и сознанія—самоотреченіе. Въ каждомъ моментѣ его развитія онъ выражается въ двухъ явленіяхъ, идущихъ параллельно и необходимыхъ одно для другого. Вѣче родовое (н. п. княжескіе сеймы) и родоначальникъ. Вѣче городовое и князь. Вѣче земское или дума и царь. Первое служитъ выраженіемъ общаго связующаго начала; второе — личности. Положимъ, взаимныя отношенія князей предопредѣлялись родовымъ началомъ; но что такое князь въ отношеніи къ міру, если не представитель личности, равно близкій каждому, если не признанный заступникъ и ходатай каждаго лица передъ міромъ. Почему община не можетъ обойтись безъ него; какому требованію, глубокому, существенному духа народнаго онъ отвѣчаетъ, если не требованію сочувствія къ страждущей личности, состраданія, благоволенія и свободной милости? Признавъ его и поставивъ надъ собою, община выразила въ живомъ образѣ свое живое единство. Каждый отрекся отъ своего личнаго полновластія и вмѣстѣ спасъ свою личность въ лицѣ представителя личнаго начала" (стр. 159 и 160).

„Идеалъ Новогородскаго быта, къ которому онъ стремился—можно опредѣлить какъ согласіе князя съ вѣчемъ. Иногда оно осуществлялось, не на долго, и эти рѣдкія минуты представляютъ апогей быта Новогородскаго. Таково напр. княженіе Мстислава, его прибытіе въ Новгородъ, его подвиги и прощаніе съ Новгородцами. Въ грамотахъ Новогородскихъ значеніе князя опредѣляется отрицательно: не дѣлай того, не заводи другого. Положительныя требованія заключались въ живомъ сознаніи всей земли; ихъ нельзя было уписать въ пяти строкахъ. И такъ элементы будущаго государственнаго устройства, міръ и личность, существовали въ Новѣгородѣ, и вся Новогородская исторія выражала стремленіе къ ихъ соглашенію. А почему Новгородъ не возвелъ ихъ въ правильную государственную форму, тому причина простая. Новогородская земля была часть русской земли, а не вся Россія; государство же должно было явиться только какъ юридическое выраженіе единства всей земли" (стр. 164 и 165).

„Способъ рѣшенія по большинству запечатлѣваетъ распаденіе общества на большинство и меньшинство и разложеніе общиннаго начала; вѣче, выраженіе его, нужно именно для того, чтобы примирить противоположности; цѣль его — вынести и спасти единство. Отъ этого оно обыкновенно оканчивается въ лѣтописяхъ формулою: „снидошася вси любовь". Способъ рѣшенія единогласный, отличаемый авторомъ отъ формы вѣчевыхъ приговоровъ, въ которыхъ не было счета голосовъ и балотировки, относится къ ней какъ совокупность единицъ къ цѣлому числу, какъ единство количественное къ единству нравственному, какъ внѣшнее къ внутреннему" (стр. 165).

Кажется, эти выписки достаточно меня оправдываютъ; воззрѣніе дѣйствительно невѣроятное—только не по моей винѣ: вся честь парадоксальности посылокъ, неестественности пониманія и произвольности выводовъ нераздѣльно принадлежитъ г. М. З. К. А что его посылки парадоксальны, пониманіе не естественно, выводы произвольны — это видно изъ самаго поверхностнаго разбора его „теоріи".

Во-первыхъ, авторъ думаетъ, что ассоціація, результатъ исключительнаго развитія начала личности—ложная, неудовлетворительная форма общественности, въ которой человѣкъ не можетъ выйти изъ очарованнаго круга исключительнаго опредѣленія личности и сдѣлаться въ самомъ дѣлѣ человѣкомъ. Этой формѣ противополагается община, гдѣ господствуетъ абсолютный законъ, родовая норма личности, передъ которой всѣ добровольно и сознательно „принижаются". Требованіе прекрасно; но я бы попросилъ г. М. З. К. высказать мнѣ эту родовую норму личности, этотъ абсолютный законъ. Правда или нѣтъ, что она различна у одного и того же народа въ разныя эпохи? Какъ въ человѣкѣ измѣняется сознаніе о томъ, что̀ хорошо и что́ дурно, такъ и въ народѣ и въ цѣломъ человѣчествѣ. Если это справедливо,—исканіе абсолютной нормы личности есть исканіе философскаго камня или той блаженной, но нигдѣ небывалой земли, гдѣ люди—воплощенные ангелы, незнающіе ни зла, ни законовъ. Абсолютный законъ — идеалъ, создаваемый въ разное

время разными народами и лицами различно, и выдвигаемый ими впередъ какъ цѣль, къ которой должно стремиться, а у восточныхъ, младенствующихъ и въ переходномъ состояніи находящихся народовъ отодвигаемый назадъ, какъ утраченное, предметъ вѣчныхъ скорбныхъ воспоминаній. И въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ свидѣтельствуетъ о новой фазѣ развитія и сознанія и есть достояніе и плодъ исторіи. Этихъ идеаловъ было столько, и такъ они различны, что наконецъ нельзя было не усомниться въ абсолютной истинности, не напасть на мысль объ ихъ историческомъ или, если хотите, физіологическомъ значеніи для человѣчества. Затѣмъ осталось одно общее понятіе о добрѣ и злѣ, которому невозможно дать абсолютной формы, ибо оно неизбѣжно формулируется извѣстнымъ историческимъ образомъ, слѣдственно не абсолютно. Можетъ быть впрочемъ авторъ не принимаетъ и развитія въ исторіи человѣчества, какъ онъ не признаетъ многаго, что однако несомнѣнно: въ такомъ случаѣ намъ нечего дѣлать, ибо о бѣломъ и черномъ не спорятъ. Пусть насъ разсудятъ читатели, для которыхъ я и отвѣчаю моему критику.

Возьмите тотъ же вопросъ съ другой стороны. Г. М. З. К. знаетъ, какъ разнообразны требованія людей, составляющихъ всякое общество. Безспорно, произволъ и случайность играютъ въ этомъ немаловажную роль; но всего имъ нельзя приписать: темпераментъ, природныя наклонности и особенности людей полагаютъ между ними существенное различіе. Спрашивается, какая родовая норма будетъ такъ всѣмъ имъ близка, что они ей подчинятся сознательно и добровольно? Кажется и у древнихъ славянъ ея не было, если они находили иногда нужнымъ бить, даже убивать нѣкоторыхъ членовъ своихъ общинъ за несогласіе съ общимъ мнѣніемъ. Вы говорите о самоотреченіи и самопожертвованіи? Прекрасно. Но вѣдь если оно вынуждено, то оно уже не добровольное и сознательное, слѣдовательно не самопожертвованіе и самоотреченіе, а невынужденнаго въ отношеніи ко всѣмъ мы рѣшительно нигдѣ и никогда не видали, даже не видали у славянъ, которыхъ сущность, по вашимъ же словамъ, — общинное устройство и бытъ. Что́ же съ этимъ дѣлать! Люди своекорыстны и злы; надо, какъ это ни горько, видѣть ихъ, какъ они есть, и по нимъ создавать и устраивать ихъ общественный бытъ. Переродите родъ человѣческій— о, тогда другое дѣло! Укажите намъ на человѣческое общество, въ которомъ бы всѣ до единаго были готовы на самоотреченіе и самопожертвованіе,—мы хоть и не признаемъ нормы между ними господствующей за абсолютную родовую норму личности, однако не усомнимся признать ихъ устройство за самое вожделѣнное. Но покуда такое общество не отыскалось, позвольте мнѣ, и со мною конечно многимъ другимъ, остаться при мысли, что то общественное устройство—возможно лучшее, въ которомъ, для человѣка, его желаній и дѣятельности открыто самое широкое поприще, словомъ, такое устройство, гдѣ абсолютная общинная норма, о которой вы говорите, вовсе не существуетъ. Сожительство съ другими, безъ котораго человѣкъ не можетъ обойтись, неизбѣжно влечетъ за собой для него разныя обязанности: обязанность поддерживать это общежитіе, обязанность не мѣшать и не вредить другимъ. И этого уже слишкомъ достаточно. Попробуйте водворить еще вашу абсолютную норму,—и общежитіе сдѣлается невыносимымъ бременемъ, такимъ тяжелымъ, что будетъ перевѣшивать всю тяжесть, всю невозможность одиночества.

И что за требованіе общей (мы уже не назовемъ ее, послѣ сказаннаго, абсолютной) нормы для людей, передъ которой всѣ добровольно и сознательно „принижаются“? Что за мысль, что каждый, живя какъ ему угодно, удовлетворяя своимъ наклонностямъ и влеченіямъ, по прихоти, не останется человѣкомъ, совершенно сообразнымъ съ своей родовой нормой? Право, чтобы убѣдиться въ этой мысли, надо быть влюбленнымъ въ нее до полнаго пренебреженія дѣйствительности; ибо самое поверхностное наблюденіе очевидно приводитъ къ другимъ результатамъ.

Взглядъ г. М. З. К. на человѣка слишкомъ узокъ, хотя и вѣренъ себѣ.

Наконецъ, я бы хотѣлъ знать, какимъ образомъ г. М. З. К. разрѣшаетъ нѣкоторые практическіе вопросы, естественно возникающіе изъ его взгляда. Чтобы всѣ въ одинъ голосъ сознавали родовую норму личности и добровольно и сознательно ей подчинялись— это математически невозможно. Стало быть, ее опредѣлятъ не всѣ. Кто же? Большинство? Нѣтъ, ибо оно можетъ заблуждаться, и потомъ главное, по словамъ г. М. З. К.,

„способъ рѣшенія по большинству запечатлѣваетъ распаденіе общества на большинство и меньшинство и распаденіе общиннаго начала“. Меньшинство? Опять нельзя; съ этимъ и авторъ не согласенъ, и всѣ тѣ, которые думаютъ одинаково со мною. Какъ же? Непосредственнымъ сознаніемъ, какъ-то само собою? Это невозможно, и непремѣнно или будетъ на основаніи мнѣнія большинства, или меньшинства. Допустимъ однако эту невозможность. Что жъ дѣлать съ тѣми, которые не согласны? Наказать ихъ, принудить согласиться? Такъ и авторъ не думаетъ. Изгнать? Хорошо. Они или пристанутъ къ другой общинѣ, гдѣ добровольно подчинятся закону, тамъ властвующему: но тогда гдѣ же родовой законъ личности? Община, значитъ, живетъ не по родовому закону? Или они, эти изгнанные, не найдутъ другой общины, потому что вездѣ царитъ родовой законъ, подъ который они не подошли добровольно и сознательно: имъ остается или основать новую общину, или жить по одиночкѣ, внѣ всякаго общества, служа живымъ опроверженіемъ системы г. М. З. К. Иначе, право, я не знаю, что имъ дѣлать! Пусть поправитъ меня г. М. З. К., если я ошибаюсь; я торжественно, печатно признаюсь, что заблуждался до сихъ поръ. А покуда, г. М. З. К., во всѣхъ перемѣнахъ общественнаго быта въ наше время я вижу одно, очень высказанное стремленіе: дать человѣку, личности, сколь возможно болѣе развитія, сколько дозволяютъ условія общественней безопасности и спокойствія. Въ концѣ такого развитія предвидится не царство абсолютнаго закона, а совершенно свободная дѣятельность лица; абсолютный законъ все болѣе и болѣе сводится къ самой общей внѣшной категоріи:—не мѣшай другимъ, не стѣсняй ихъ, ибо безъ этого невозможно общежитіе.

Теперь нѣсколько словъ о славянскихъ общинахъ. Дѣйствительно, у древнѣйшихъ славянъ были общины: я признаю это тѣмъ охотнѣе, что и въ статьѣ, вызвавшей возраженіе г. М. З. К., говорилъ тоже самое. Но что́ такое онѣ были, какая была ихъ дальнѣйшая судьба, вотъ въ чемъ существенное разногласіе между нами. Я вижу ихъ въ началѣ и говорю: да онѣ были; потомъ вижу постепенное ихъ паденіе и совершенное уничтоженіе; не имѣю никакой возможности опровергнуть этотъ фактъ, очевидный не только у насъ, но и у всѣхъ славянскихъ племенъ, сдѣлавшихъ хоть одинъ шагъ въ гражданской цивилизаціи, и ограничиваюсь его объясненіемъ. Многія данныя доводятъ меня до мысли, что славянскія общины пали потому, что были непосредственныя, основанныя первоначально на кровномъ родствѣ, проникнутыя патріархальностью, которая, какъ видно изъ всей исторіи, падаетъ съ успѣхами и развитіемъ гражданственности,—и эту мысль я и высказываю. Положимъ, что я ошибаюсь; противопоставьте же моей гипотезѣ другую, болѣе правдоподобную, основательную, но не отрицайте фактовъ; они явны, они говорятъ за себя. Вмѣсто того, что̀ дѣлаетъ г. М. З. К.? Видя, что наши общины утрачиваютъ и политическое и даже административное, гражданское значеніе (ибо какъ же этого не видѣть!), онъ все-таки продолжаетъ твердить, что онѣ существуютъ, и наконецъ пророчески восклицаетъ: „нѣтъ; „общинное начало составляетъ основу, грунтъ „всей русской исторіи, прошедшей и настоящей и будущей; сѣмена и корни всего великаго, возносящагося на поверхности, глубоко зарытые въ его плодотворной глубинѣ, „и никакое дѣло, никакая теорія, отвергающая эту основу, не достигнетъ своей цѣли, „не будетъ жить“. Г. М. З. К. упорно отрицаетъ факты. Что́ жъ съ этимъ дѣлать?—приходится замолчать. Законодательство и всѣ учрежденія со времени Петра Великаго съ каждымъ днемъ дѣлаютъ новыя завоеванія въ нашемъ общественномъ устройствѣ въ пользу другого высшаго начала общественности, а г. М. З. К. увѣряетъ, что общинный бытъ господствуетъ у насъ теперь. Какъ же съ нимъ спорить?

Одна посылка невѣрна практически, другая невѣрна исторически: что́ жъ можетъ быть выводъ изъ нихъ, объ отношеніяхъ романо-германскаго міра къ славянскому? Въ системѣ г. М. З. К. это не правда, потому что основанія вывода неправильны. Какъ! простой психологическій фактъ, ежедневно повторяющійся на каждомъ изъ насъ, даетъ намъ право строить системы, дѣлать заключенія о будущихъ судьбахъ славянскаго племени, произносить приговоръ надъ цѣлой, доселѣ лучшей частью человѣчества? Странно! По крайней мѣрѣ это не метода историка или критика. Оспаривайте чьи угодно мысли и историческія теоріи, но на основаніи положительныхъ данныхъ, совершившихся со-

бытій, а не мечтаній о будущемъ, которое отъ насъ сокрыто. Вы, напримѣръ, думаете, что наша сущность—общинное начало, и основываете это на мечтаніяхъ, а не фактахъ, ибо они говорятъ противъ васъ; гораздо съ бо́льшимъ правомъ я бы могъ утверждать, что наша задача—развить личность до высшей степени. Обѣ гипотезы въ своемъ родѣ прекрасны, но что жъ изъ этого? Вправѣ ли мы, говоря о будущемъ, грудью отстаивать представленія, которыя мы о немъ составили, каждый по своему? Дѣйствуя такъ, мы свидѣтельствуемъ только о младенчествѣ нашего пониманія. Пора намъ хоть когда-нибудь отъ этого отдѣлаться. Что славянскій міръ новая почва въ исторіи, и по всѣмъ видимостямъ не безплодная—это безспорно. Но что за роль ему предстоитъ: устыдить ли Европу блескомъ своего развитія и величія, или стать съ нею рядомъ и дружно идти по дорогѣ, общей всѣмъ человѣческимъ племенамъ, разумѣется сохраняя свои особенности національныя и другія,—объ этомъ г. М. З. К. такъ же мало знаетъ, какъ и я, если только захочетъ смиренно въ этомъ сознаться.

Вотъ съ какой теоріей выступилъ противъ меня г. М. З. К. Въ этомъ всеоружіи онъ разбираетъ мою статью, сначала общую ея часть. Въ разборѣ я нашелъ рядъ придирокъ, а не возраженій. Я сказалъ: русско-славянскія племена образовались нарожденіемъ; чрезъ всю нашу древнюю исторію никакіе элементы не были насильственно вторгнуты въ нашу жизнь; слѣдовательно мы развивались безпрепятственно, изъ себя, развивали свои историческіе элементы. Эти элементы, первоначальныя данныя—исключительно кровный родственный бытъ; слѣдовательно ихъ развитіе наполняетъ нашу внутреннюю исторію. Въ чемъ же должно было состоять это развитіе? Новая исторія привела меня къ мысли, что оно должно состоять въ постепенномъ отрицаніи, распаденіи исключительно кровнаго элемента и въ постепенномъ приготовленія личности къ самостоятельному дѣйствованію. Историческая часть служитъ подтвержденіемъ этой мысли. Кажется ясно и просто. Если я заблуждаюсь, опровергните премиссы, докажите, что нашъ бытъ не былъ исключительно кровный, родственный,—что въ составъ русскихъ славянъ вошли другіе сильные элементы, измѣнившіе нашъ внутренній бытъ,—что личность является у насъ дѣйствующею съ самаго начала; словомъ, какъ-нибудь подорвите одну изъ основъ исторіи, и она рушится сама собою. Въ критикѣ г. М. З. К. не находимъ ничего подобнаго.

Онъ говоритъ, что и всѣ народы образовались чрезъ нарожденіе, какъ будто я когда-нибудь доказывалъ противное; не касаясь нисколько замѣчанія, что постороннія начала никогда не были насильственно вносимы въ жизнь русскихъ славянъ, отрицаетъ, что въ древнѣйшія времена они имѣли исключительно родственный бытъ, а почему—Богъ вѣсть; кто жъ не видитъ, что если народъ образовался чрезъ нарожденіе и развивался совершенно самостоятельно, то у него и не могло быть сначала другого быта, кромѣ исключительно родственнаго! Потомъ, мимоходомъ, критикъ спрашиваетъ, почему въ исчисленіе родственныхъ названій, которыя даются у насъ другъ другу въ крестьянскомъ быту, попали ребята,—вѣроятно забывши, что гдѣ люди считаются родствомъ, тамъ непремѣнно существуетъ и представленіе о старшинствѣ и меньшинствѣ по лѣтамъ, которое между прочимъ выражается и въ словѣ *робята*, какъ въ словахъ *отрокъ*, *чадь*, *дѣтскій* и т. д. и нераздѣльно съ патріархальнымъ бытомъ. Затѣмъ г. М. З. К. въ видѣ возраженія приводитъ, что въ Германіи родственныя названія употреблялись въ средневѣковыхъ гильдіяхъ, а во Франціи употребляются и теперь въ простомъ народѣ. Что жъ изъ этого? спрошу я. Во Франціи и Германіи рядомъ съ этими отношеніями, показывающими не совсѣмъ пережитые патріархальные элементы, я вижу другія явленія, объясняемыя другими началами, а у русско-славянскихъ племенъ ихъ не вижу; здѣсь все сводится къ патріархальнымъ элементамъ. Неужели критику могла хотя на одну минуту придти въ голову странная мысль, что я не признаю присутствія кровныхъ элементовъ въ быту европейскихъ народовъ и не вижу рѣшительно никакихъ зачатковъ гражданскихъ элементовъ въ древнемъ быту Россіи? А это выходитъ изъ его возраженія. Я указывалъ на преобладающіе элементы, грунтъ, почву, на которой совершилась исторія у насъ и въ Европѣ, на то, что опредѣляло развитіе, а г. М. З. К. показалось, что я и не подозрѣваю присутствія патріархальныхъ началъ въ европейскихъ народахъ и гражданственности у насъ. Хорошо же онъ меня понялъ!

Въ числѣ возраженій встрѣчаемъ также слѣдующее:

„Такого рода терминологія (взятая изъ родственныхъ отношеній). болѣе или менѣе встрѣчающаяся у всѣхъ племенъ, ничего не доказываетъ, или лучше она доказываетъ совсѣмъ не то, что полагаетъ авторъ. Она выражаетъ ту мысль, что *кромѣ* выполненія вынуждаемыхъ закономъ обязанностей, человѣкъ хотѣлъ бы найти въ другомъ сочувствіе, совѣтъ, любовь; а для выраженія этихъ требованій всего ближе заимствовать терминологію изъ семейнаго быта“ (стр. 138).

Ближе, но не вообще, а судя по семейному быту; это во-первыхъ. Потомъ, покуда типомъ близости служатъ родственныя отношенія, я все еще въ правѣ думать, что или патріархальные элементы еще не совсѣмъ пережиты народомъ, или что онъ въ нихъ порядкомъ не вглядѣлся, не вполнѣ ихъ созналъ; вѣдь и это часто бываетъ. Мало ли о чемъ понятія измѣнились, а терминологія остается, по привычкѣ, прежняя. Говоря о родственныхъ отношеніяхъ, г. М. З. К. всегда думаетъ о родственной любви и совсѣмъ выпускаетъ изъ виду родственныя ненависти, которыя сильнѣй, продолжительнѣй всякой другой. Отъ этой идеализаціи всего существующаго — и непрактичность, недѣйствительность взгляда критика.

Удовлетворившись такими придирками, думая, что онѣ ужъ совершенно опровергли основанія взгляда, критикъ отвергаетъ мой выводъ, что наша древняя внутренняя исторія была постепеннымъ развитіемъ исключительно кровнаго, родственнаго быта, и противопоставляетъ ему свой собственный выводъ.

„Въ первыхъ строкахъ нашей лѣтописи мы читаемъ признаніе несостоятельности родоваго начала и потребности третейской власти, сознательно и свободно призванной; съ этого времени семейное и родственное начало безпрерывно видоизмѣнялось безъ рѣшительнаго, посторонняго вліянія; слѣдовательно въ древнемъ нашемъ быту были искони другія начала, которыя развивались вмѣстѣ съ нимъ, и слѣдовательно этотъ бытъ не былъ исключительно семейственнымъ, родственнымъ“ (стр. 138 и 139).

Я сказалъ, что смыслъ нашей внутренней исторіи до Петра—высвобожденіе, нарожденіе личности и, наоборотъ, разложеніе, распаденіе патріархальныхъ элементовъ. Что это значитъ? То, что человѣкъ является въ Россіи первоначально погруженнымъ въ исключительно патріахальный бытъ, подъ его исключительнымъ опредѣленіемъ, а потомъ тотъ же человѣкъ, мало-по-малу пробуждается къ внутренней, самостоятельной дѣятельности, какъ лицо. Если и сперва и потомъ дѣйствовалъ и жилъ человѣкъ, ясно, что всѣ начала, которыя когда-либо опредѣляли или еще будутъ опредѣлять его бытъ, заключались въ немъ въ зародышѣ. Но развѣ я когда-нибудь отвергалъ это? Развѣ я доказывалъ, что у насъ сначала былъ исключительно родственный бытъ помимо человѣка? А изъ словъ г. М. З. К. это выходитъ; я говорю объ элементахъ, формахъ, опредѣлявшихъ человѣка, и показываю, какъ онѣ постепенно измѣнялись, конечно не сами по себѣ, а чрезъ его посредство и для него, а г. М. З. К. непремѣнно хочется, чтобъ я человѣка отбросилъ, да и объяснилъ ему, какъ исключительно родственный бытъ перешелъ въ неродственный, гражданскій и государственный. Еслибы онъ этого не хотѣлъ, онъ не увидѣлъ бы искони въ нашемъ древнемъ быту какихъ-то другихъ началъ только потому, что „въ первыхъ строкахъ нашей лѣтописи мы читаемъ признаніе несостоятельности родового начала и потребности третейской власти, сознательно и свободно призванной“, и „что съ этого времени семейное и родственное начало безпрерывно измѣнялось безъ рѣшительнаго посторонняго вліянія“. Эти начала, на которыя намекаетъ г. М. З. К.—тѣ общія свойства человѣческой природы, которыя одинаковы у всѣхъ народовъ, во всѣ времена; но только формы, въ которыхъ они выражаются, всегда вполнѣ соотвѣтствуютъ той эпохѣ, когда обнаруживаются, и потому вполнѣ ею объясняются. Призваніе, о которомъ говоритъ авторъ, служитъ блистательнымъ доказательствомъ этой истины; мысль, которая его вызвала—желаніе благоустройства и порядка,—общая всѣмъ народамъ въ мірѣ; форма, въ которой она выразилась, до того патріархальна, что не имѣй мы никакихъ другихъ свидѣтельствъ и данныхъ, мы по одному этому событію могли бы догадаться, что тогда господствовалъ у насъ патріархальный бытъ. Изъ тѣхъ тысячи варіацій, которыя разыгрывались на эту тему призванія, г. М. З. К. могъ бы, кажется, заключить, какъ чуждъ для насъ тотъ порядокъ мыслей, который побудилъ нашихъ предковъ въ IX вѣкѣ послать за море искать „третейскую власть“.

Вотъ и все о моей основной точкѣ зрѣ-

нія. То, что слѣдуетъ далѣе о христіанствѣ, мнѣ кажется страннымъ. Сверхъ того, взглядъ г. М. З. К. на религію вообще не современенъ, и потому я считаю безполезнымъ и невозможнымъ спорить съ нимъ объ этомъ.

За тѣмъ, выписавъ изъ моей статьи очеркъ развитія начала личности въ западной Европѣ, авторъ дѣлаетъ на него свои замѣчанія:

„Когда мы прочли его въ первый разъ, мы все ожидали дополненій, оговорокъ, до такой степени онъ показался намъ одностороннимъ; но ничего подобнаго не нашлось въ статьѣ; напротивъ, та же мысль опредѣлялась все рѣзче и рѣзче. Скажите однако, неужели въ самомъ дѣлѣ Германцы исчерпали все содержаніе Христіанства? Неужели они были единственными дѣятелями въ исторіи Запада? Неужели всѣ явленія ея представляютъ только моменты развитія одного начала—личности? Вѣдь это противно самымъ простымъ, элементарнымъ понятіямъ, почерпаемымъ изъ всей исторической литературы французской и нѣмецкой? И этотъ взглядъ, уничтожающій не менѣе половины западнаго міра, брошенъ вскользь, какъ будто даже не подлежащій спору. Для кого же все это писано?"

„Сколько намъ извѣстно, Гизо первый понялъ развитіе всего западнаго міра, какъ стройное цѣлое. Онъ видѣлъ въ немъ встрѣчу, борьбу и какое-то отрицательное примиреніе въ равновѣсіи трехъ началъ: личности, выражаемой германскимъ племенемъ, отвлеченнаго авторитета, перешедшаго по наслѣдству отъ древняго Рима, и Христіанства. Послѣднее начало, само по себѣ цѣльное, въ западной Европѣ распалось на два историческія явленія, подъ тѣми же категоріями авторитета и личности. Римскій міръ понялъ Христіанство подъ формою католицизма, германскій міръ—подъ формою протестантизма. Можетъ быть, Гизо потому только не провелъ дуализма чрезъ западное Христіанство, что восточная половина Европы была ему мало извѣстна. Германское начало, идея личности, создала цѣлый рядъ однородныхъ явленій. Въ сферѣ государства: различные виды искусственной ассоціаціи, коей теорія изложена въ „Contrat social" Руссо; въ сферѣ религіи — протестантизмъ; въ сферѣ искусства—романтизмъ. Въ тѣхъ же сферахъ развились изъ римскаго начала совершенно противоположныя явленія: идея отвлеченной верховной власти, формулированная Макьявелемъ; католицизмъ и классицизмъ. Мы не навязываемъ этого взгляда г. Кавелину, но какъ же увѣрять насъ, что римское начало не участвовало наравнѣ съ германскимъ въ образованіи западной Европы, и что въ одномъ послѣднемъ заключается зародышъ будущаго?" (стр. 143 и 144).

У г. М. З. К. постоянное правило —приписывать мнѣ, чего я не говорилъ, требовать—чего я не обязался дѣлать. Я нигдѣ не сказалъ, что германцы исчерпали все содержаніе христіанства, что они были единственными дѣятелями въ исторіи Запада, что римское начало не участвовало наравнѣ съ германскимъ въ образованіи западной Европы; поэтому не считаю и нужнымъ отвѣчать на эти вопросы. Я представилъ бѣглый обзоръ, какъ начало личности, принесенное на европейскую почву германскими племенами, развивалось, смягчалось подъ вліяніемъ христіанства и греко-римскаго міра, и наконецъ теперь, болѣе и болѣе утрачивая свою историческую исключительность, переходитъ въ болѣе широкій, многосторонній типъ человѣка. Въ современномъ требованіи гуманности, проводимомъ всюду и котораго послѣднимъ словомъ является благосостояніе и нравственное развитіе каждаго человѣка въ особенности и всѣхъ вмѣстѣ, я вижу результатъ развитія германскаго элемента подъ указанными вліяніями христіанства и греко-римскаго міра. Г. М. З. К. принялъ эту очень простую и теперь довольно общую мысль за очеркъ западной исторіи, и на этомъ основаніи укоряетъ меня въ односторонности взгляда, въ уничтоженіи половины западнаго міра, наконецъ спрашиваетъ: „для кого же все это писано?" Странно! Если г. М. З. К. идетъ отъ готовой мысли, что авторитеты, принципы и т. д. прежніе, теперешніе и будущіе не выражали сознанія человѣка объ истинѣ и не средство для его развитія, то конечно я писалъ не для него; а онъ идетъ отъ этой мысли: у него и христіанство, и античный міръ, и начало личности вытянуты въ одну линію, тогда какъ послѣднее—живая почва, основаніе, а первые два—элементы, на него дѣйствующіе, его воспитывающіе.

Изложивъ послѣ того свои мнѣнія о личности, ея безсиліи перейти въ человѣка,—какъ будто бы это были противоположности, а не разныя опредѣленія одного и того же человѣка,—изложивъ необходимость для личности сознавать свой родовой законъ и свою неправоту передъ нимъ, откуда доктрина „приниженія" личности, г. М. З. К. говоритъ:

„И такъ должно различать личность съ характеромъ исключительности, ставящую себя мѣриломъ всего, изъ себя самой создающую свои опредѣленія, и личность какъ органъ сознанія; эти два вида авторъ безпрестанно смѣшиваетъ; въ одномъ только мѣстѣ онъ различаетъ ихъ..." (стр. 148). „Авторъ различилъ историческое проявленіе личности враждующей отъ ея абсолютнаго значенія какъ сознающей себя; но тою же фразою, онъ связалъ оба вида неразрывно, признавъ первый необходимымъ усло-

віемъ, какъ бы приготовленіемъ ко второму. Примиреніе личностей—есть послѣдняя цѣль; путь къ ней—вражда; личность непремѣнно должна сознавать себя,—сознаніе пріобрѣтается отрицаніемъ, не логическимъ разумѣется, а полнымъ практическимъ отреченіемъ отъ всѣхъ опредѣляющихъ ее отношеній" (стр. 149).

Изъ моего взгляда критикъ выводитъ за меня, что „русскій долженъ былъ сперва сдѣлать изъ себя германца, чтобъ потомъ научиться отъ него быть человѣкомъ", какъ будто стать самостоятельнымъ значитъ стать нѣмцемъ. Съ этимъ я рѣшительно несогласенъ, ибо оно слишкомъ лестно для нихъ и слишкомъ обидно для насъ.

Г. М. З. К. продолжаетъ:

„И вотъ наконецъ мы дошли до исходной точки разбираемой нами статьи. Ключъ къ образу мыслей автора у насъ въ рукахъ; мы понимаемъ откуда произошла неполнота опредѣленія историческаго вліянія христіанства, невѣроятная односторонность взгляда на развитіе западной Европы, пристрастное сужденіе о древнемъ бытѣ Германцевъ и Славянъ, восхваленіе Іоанна Грознаго и клевета на его современниковъ. Все это вытекаетъ какъ нельзя естественнѣе изъ одной мысли о способѣ пріобрѣтенія сознанія, а эта мысль есть конечно одинъ изъ обильнѣйшихъ источниковъ современныхъ заблужденій. Авторъ, къ сожалѣнію, не счелъ за нужное доказывать ее; онъ даже не высказалъ ея строго и положительно, хотя и не скрылъ, какъ дѣло извѣстное и всѣми признанное. Что не доказано, того разумѣется и опровергать нельзя, и потому намъ остается въ этомъ случаѣ предложить автору вопросъ: что бы такое могло дать намъ право заключать, что тамъ, гдѣ господствуетъ бытъ семейный, нѣтъ личности въ смыслѣ сознанія, или что тотъ, кто живетъ подъ опредѣленіемъ семейнаго родства, не сознаетъ въ себѣ возможности отрѣшиться отъ него, или что человѣкъ, который никогда не билъ другого, и не бьетъ его, не сознаетъ своей силы, или наконецъ, что человѣкъ, еще не лишившій себя жизни, не знаетъ, что онъ живетъ? Всѣ эти вопросы въ сущности тождественны, и если они имѣютъ видъ шутки неумѣстной въ нашей рецензіи, то въ томъ виноваты не мы; неужели признать болѣе умѣстнымъ въ современной наукѣ мнѣніе о безсознательности родственнаго устройства, какъ необходимой принадлежности, и вытекающее отсюда послѣдствіе, что въ началѣ XVIII вѣка мы только что начинали жить умственно и нравственно?" (стр. 150 и 151).

Абсолюты—это камень, на которомъ г. М. З. К. часто спотыкается и каждый разъ падаетъ. Еслибъ человѣкъ когда-нибудь могъ открыть искомое X, абсолютную норму личности, и ей добровольно и сознательно подчинился, какъ мечтаетъ авторъ критики, тогда, безспорно, онъ бы сдѣлался пассивнымъ органомъ одного сознанія, и тогда ему не для чего было бы добиваться сознанія путемъ отрицанія, и теоретическаго и практическаго. Къ несчастію, это не такъ. Человѣкъ безпрестанно ищетъ и безпрестанно находитъ: удовлетвореніе смѣняется неудовлетвореніемъ и такъ далѣе до безконечности; абсолютное нигдѣ не оказывается, а между тѣмъ человѣкъ становится развитѣй, многостороннѣй. Что̀ заставляетъ его идти этимъ путемъ, что̀ возбуждаетъ въ немъ недовольство тѣмъ, чѣмъ онъ обладаетъ? Требованія, въ немъ самомъ лежащія и которыя безпрестанно измѣняются. Такимъ образомъ человѣкъ создаетъ свои опредѣленія изъ себя: не будь въ немъ этихъ требованій, онъ вѣчно оставался бы однимъ и тѣмъ же, какъ окружающая его природа, строго и безусловно повинующаяся внѣшнему закону. А какъ созданіе новаго быта исторически, вездѣ и всегда, возбуждаетъ противодѣйствіе, желаніе удержать старое, то между тѣмъ и другимъ происходитъ столкновеніе, вражда, практическое отрицаніе. По степени гражданской образованности оно выразится въ убійствѣ, или дракѣ, или брани, или ссорѣ, или наконецъ въ самомъ миролюбивомъ, добросовѣстномъ обсужденіи; но тѣмъ не менѣе столкновеніе все-таки будетъ, и оно необходимо выразится въ фактахъ, внѣшнихъ дѣяніяхъ, въ мірѣ практическомъ. Я не знаю абсолютной, родовой нормы личности и не признаю ея существованія; знаю, что человѣкъ былъ и до сихъ поръ находится въ столкновеніяхъ съ другими людьми, въ недобровольной зависимости отъ нихъ, тягостной для него и не только для него совершенно безполезной, но и положительно вредной; чрезъ всю исторію видно стремленіе отдѣлаться отъ этой зависимости если не совсѣмъ, то какъ можно болѣе ограничить ее самымъ необходимымъ и неизбѣжнымъ; чѣмъ ближе человѣкъ подходитъ къ этой цѣли, тѣмъ онъ миролюбивѣе относится къ другимъ людямъ, потому что вражда имѣетъ менѣе основанія, поводовъ и причинъ. Вотъ почему я и сказалъ, что примиреніе личностей—цѣль развитія; вотъ на какомъ основаніи я думаю, согласно съ фактами, что путь, ведущій къ этому примиренію—вражда, отрицаніе. Живя, мы не къ старому возвращаемся, а новое создаемъ, до котораго достигнуть невозможно безъ практическаго отрицанія стараго. Сознаніе личности при зависимости вызываетъ эту борьбу, а

гдѣ нѣтъ ея, тамъ нѣтъ и сознанія, другими словами — глубоко-чувствуемой потребности самостоятельной личности. Вы можете указать мнѣ на переходныя эпохи въ исторіи, когда сознаніе и фактъ противорѣчатъ другъ другу. Но за то именно ихъ и называютъ переходными, ненормальнымъ состояніемъ. Онѣ оканчиваются всегда тѣмъ, что сознаніе наконецъ осуществляется на дѣлѣ, воплощается. Ваша идеальная личность, добровольно и сознательно подчиняющая себя родовому закону, подчиняется своему сознанію, стало-быть она – личность, изъ себя создающая свои опредѣленія; иначе она несознающая личность,—изъ этого круга вы не выйдете, какъ ни бейтесь.

Критикъ меня спрашиваетъ: „что бы такое могло дать намъ право заключать, что тамъ, гдѣ господствуетъ бытъ семейный, нѣтъ личности въ смыслѣ сознанія, или что тотъ, кто живетъ подъ опредѣленіемъ семейнаго родства, не сознаетъ въ себѣ возможности отрѣшиться отъ него, или что человѣкъ, который никогда не билъ другого и не бьетъ его, не сознаетъ своей силы, или наконецъ, что человѣкъ, еще не лишившій себя жизни, не знаетъ, что онъ живетъ?“ Хорошо онъ сдѣлалъ, предупредивъ, что не шутитъ; иначе я бы право не догадался, видя это сопоставленіе самыхъ разнородныхъ вопросовъ подъ именемъ тождественныхъ. Постараюсь объяснить дѣло, какъ я его понимаю: семейный законъ прекрасенъ для несовершеннолѣтнихъ, какъ средство воспитанія, и очень стѣснителенъ для совершеннолѣтнихъ, которые хотятъ быть, какъ говорится, на своихъ ногахъ. Теперь, если совершеннолѣтній подчиняется этому закону и не думаетъ о самостоятельности, значитъ сознанія этой самостоятельности у него нѣтъ, стало-быть нѣтъ у него и сознанія своей личности, вслѣдствіе котораго необходимо и неизбѣжно рождается требованіе самостоятельности. Всѣ возраженія, которыя можно мнѣ сдѣлать на это, будутъ непремѣнно сводиться или къ личнымъ отношеніямъ родителей и совершеннолѣтнихъ дѣтей, слѣдовательно сюда нейдутъ, или къ не-юридическому характеру семейныхъ отношеній, что̀ возможно только въ до-гражданственной семьѣ, и слѣдовательно предполагаетъ совершенное отсутствіе сознанія личности, самостоятельности въ людяхъ. Думаю, что теперь моя мысль ясна. Послѣ этого я надѣюсь, г. М. З. К. ужъ не станетъ считать тождественными съ первыми двумя вопросами остальные два; я живу, потому что это ощущаю; сознаніе моей силы можетъ во мнѣ быть и не быть, хотя и нѣтъ никакой причины пріобрѣтать это сознаніе побоями, и именно людей; а сознаніемъ или несознаніемъ самостоятельности опредѣляются отношенія къ другимъ людямъ. Я могу отъ нея отказаться — добровольно, по своимъ соображеніямъ, влеченіямъ и т. д.; тогда это — актъ моей воли, моего сознанія, уже предполагающій меня самостоятельнымъ. Семейный законъ противорѣчитъ началу личной самостоятельности; слѣдовательно между обоими принципами обыкновенно возникаютъ столкновенія и теоретическія и практическія; гдѣ семья и личная самостоятельность живутъ дружно, надо искать причинъ въ постороннемъ, а не въ этихъ двухъ принципахъ и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Вотъ опроверженія общей теоретической части моей статьи. Каковы они, мы видѣли. За этимъ слѣдуетъ разборъ исторической части. Взглянемъ.

Г. М. З. К. видитъ доводы противъ моего мнѣнія объ исключительно семейномъ, родственномъ бытѣ древнихъ славянъ въ томъ, что они чувствовали обиду и мстили за нее и, въ особенности, что славяне хорошо принимали иностранцевъ. Противъ перваго возраженія право нечего сказать; во второмъ авторъ, кажется, забылъ, что враждебность къ иностранцамъ у всѣхъ народовъ появляется вмѣстѣ съ первымъ сознаніемъ національности (не говоря о постороннихъ случайныхъ причинахъ враждебности),—что ни въ первобытномъ состояніи, ни при высокой степени образованности этой враждебности нѣтъ; это фактъ не исключительно-славянскій, а всемірно-историческій. Только формы гостепріимства сначала и потомъ различны. Формы славянскаго гостепріимства патріархальны, что̀ и было для меня новымъ доказательствомъ семейнаго быта древнихъ славянъ. Кто оказываетъ одно патріархальное гостепріимство, тотъ конечно воспитанъ въ исключительно-патріархальномъ, т. е. родственномъ, кровномъ быту. Думаю, что это ясно и не подлежитъ сомнѣнію.

Мое объясненіе призванія варяговъ тоже не нравится г. М. З. К.; онъ находитъ его страннымъ.

„Странный выводъ! Нѣсколько сосѣднихъ племенъ живутъ независимо другъ отъ друга; въ каждомъ изъ нихъ господствуютъ родовыя вражды; имъ захотѣлось жить въ союзѣ и согласіи; у всякаго племени много старѣйшинъ, имѣющихъ разныя права быть старѣйшинами надъ союзомъ племенъ; они отказываются отъ своихъ притязаній, чтобы не возбудить соперничества и вражды въ другихъ, и предлагаютъ добровольно власть надъ собою чужеземцамъ; все это отъ того, что въ нихъ не было духа общественности, котораго кровный бытъ не развиваетъ. Отсутствіе общественнаго духа породило у насъ первое общество!“... (стр. 154).

Остроумно, но невѣрно! Люди, которые такъ завистливы другъ къ другу, что не могутъ согласиться уступить власть кому-нибудь изъ своей среды, подчиниться ему, а ѣдутъ за-море, къ чужому, постороннему,— можно ли признать въ нихъ духъ общественности? Положимъ, что они вызвали чужихъ для защиты отъ враговъ—выводъ относительно общественности будетъ тотъ же. Требованіе общественности было, какъ и у всѣхъ въ мірѣ оно есть, а духа не было. Только тотъ, кто не умѣетъ, не знаетъ, самъ не можетъ сладить, ищетъ чужой помощи. Развѣ о такихъ вещахъ можно еще спорить?

Авторъ оспариваетъ также, что варяги первые принесли идею государства на нашу почву; если они были призваны, такъ не имъ принадлежитъ она: вотъ какъ онъ разсуждаетъ. Но это натяжка. Варяги призваны въ качествѣ судей, военныхъ стражей, какъ угодно. Пришедши, они вскорѣ начали дѣлать то, что̀ во всемъ мірѣ дѣлали: воевать направо и налѣво племена, брать съ нихъ дань, вѣроятно не легкую, судя по ихъ частымъ возстаніямъ; даже на мѣстѣ, куда были призваны, они не усидѣли, а выбрали такое, которое имъ было больше по сердцу. И выходитъ, что славянскія племена (далеко не всѣ) хотѣли одного, сдѣлалось совсѣмъ другое, и не чрезъ нихъ, а чрезъ дѣятельность варяговъ, которые, силой удерживая за собой русско-славянскія племена, связали ихъ внѣшними узами въ одно цѣлое. Вотъ почему я и сказалъ, что идея государства принесена варягами на нашу почву: мысль о единствѣ всей Россіи была результатомъ ихъ завоеваній.

На стр. 154 и 155 г. М. З. К. старается доказать, что дружина не была учрежденіемъ исключительно германскимъ,—что къ намъ принесено варягами дружинное начало въ значеніи ближайшей свиты почетнаго лица, князя или боярина, а дружины въ смыслѣ совокупности людей, собравшихся для общаго дѣла и избравшихъ себѣ на время и для извѣстной цѣли предводителя,—явленіе національное, туземное. Родовое начало, какъ очень оригинально заключаетъ критикъ, могло имѣть мѣсто только въ дружинѣ въ первомъ смыслѣ, при отношеніяхъ личныхъ; стало-быть, по его мнѣнію, въ дружинахъ, собиравшихся для общаго дѣла, подъ начальствомъ избраннаго вождя, родовыхъ отношеній не могло быть. Твердо вѣруя въ это, авторъ опирается на свою мысль какъ на каменную гору и въ упоеніи побѣды иронизируетъ надъ моимъ мнѣніемъ.

„Не потому ли авторъ отрицаетъ существованіе дружины, что трудно было объяснить происхожденіе бурлака или казака изъ того семейнаго быта, въ которомъ (по словамъ его) человѣкъ лишается упругости, энергіи, распускается въ морѣ мирныхъ отношеній, убаюкивается, предается покою, нравственно дремлетъ, становится слабъ, довѣрчивъ и безпеченъ какъ дитя. Конечно подъ этотъ типъ хилаго домосѣда трудно подвести Ермака и Тараса Бульбу; что жъ дѣлать! Изъ исторіи ихъ не вычеркнешь“ (стр. 155 и 156).

И въ другомъ мѣстѣ:

„Никто вѣроятно не будетъ отрицать того, что каждый народъ въ своей національной поэзіи изображаетъ идеалъ самого себя, сознаетъ въ образахъ различныя стремленія своего духа. Чего нѣтъ въ народѣ, того не можетъ быть въ его поэзіи, и что есть въ поэзіи непремѣнно есть и въ народѣ. Какимъ образомъ воображеніе народа, изнѣженнаго семейною жизнью, лишеннаго энергіи, предпріимчивости, и вовсе не сознающаго идеи личности, могло создать цѣлый сонмъ богатырей? Сколько намъ извѣстно, старъ-матёръ казакъ Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ, и прочіе бездомные удальцы, искатели приключеній, имѣли и достаточный запасъ силъ, и соразмѣрную увѣренность въ себѣ самихъ. Любая германская дружина не постыдилась бы ихъ принять. Какимъ же образомъ связать ихъ съ родовымъ устройствомъ, съ ограниченнымъ домашнимъ бытомъ, въ которомъ убаюкивалась личность, изъ котораго никогда не вырывалась она на просторъ. Или вы скажете, что и они занесены въ народную фантазію изъ-за моря?“ (стр. 163 и 164).

Но критикъ торжествуетъ преждевременно; ускокъ и казакъ гораздо ближе къ патріархальному и родовому быту, чѣмъ онъ думаетъ; онъ этого не видитъ, вѣроятно, по той же самой причинѣ, по которой идея человѣка и принципъ личности кажутся ему не разрѣшимой антиноміей. Общество, основанное на патріархальныхъ отношеніяхъ, не даетъ простора и мѣста личности; поэтому личность, возникшая въ такой средѣ, рвется вонъ на

волю; она не могла получить въ патріархальномъ обществѣ того гражданскаго воспитанія, которое даетъ лишь правильный, юридически-устроенный бытъ, заставляя каждаго понимать необходимость организованнаго общежитія, и потому уважать и не нарушать чужихъ правъ: поэтому такая личность является необузданною, дикою, противо-общественною; въ ней много поэтическаго, какъ во всемъ, носящемъ на себѣ печать силы и нестѣсняемой игры человѣческой природы; но въ то же время въ ней нѣтъ элементовъ гражданской общественности, способной создать правильное человѣческое общество. Ускоки, казаки — одна сторона патріархальнаго быта, совершенно соотвѣтствующая другой, кроткой, миролюбивой, осѣдлой жизни. Чтобъ удостовѣриться, что казаки и ускоки — le revers de la médaille патріархальнаго общества, стоитъ прочесть описаніе запорожскихъ казаковъ въ „Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей россійскихъ“; стоитъ только обратить вниманіе на то, что юридически-устроенныя общества, именно потому, что они основаны на началѣ личности, не высылаютъ изъ себя ватагъ ускоковъ и казаковъ: живой, дѣятельной, предпріимчивой части населенія и въ нихъ довольно мѣста и дѣла. Германскія дружины основали государства и дали имъ первую форму, которая потомъ развивалась и вырабатывалась; всѣ государства или державы, основанныя славянскими дружинами, разрушились, болѣе отъ недостатка внутренняго цемента, чѣмъ отъ внѣшнихъ условій. Это многозначительный фактъ, приводящій насъ къ основному различію германскихъ и славянскихъ дружинъ: первыя заключали въ себѣ юридическіе элементы, вторыя — нѣтъ; первыя были основаны на началѣ личности, вторыя—проникнуты патріархальностью, рѣшительно неудобной для развитія лица и слѣдовательно правильнаго общежитія. Вотъ въ какомъ смыслѣ я считаю дружину варяжскую явленіемъ совершенно новымъ на нашей почвѣ, такимъ, котораго нельзя объяснить изъ туземныхъ элементовъ; далѣе въ этомъ же смыслѣ я сказалъ, что слово „дружина“ не вполнѣ передаетъ намъ значеніе этого германскаго учрежденія: оно было юридическое, а не патріархальное, которое превосходно передается словомъ „дружина“. Не перетолковывая данныхъ, едва ли можно съ этимъ спорить. Фактъ факту рознь: самые повидимому сходные весьма часто отстоятъ другъ отъ друга какъ небо и земля по своему внутреннему значенію. Такъ и съ дружинами германскими и славянскими.

Стран. 158: „Слѣдя за развитіями русскаго государства, онъ (то есть я) упустилъ изъ виду русскую *землю*, забывая, что *земля* создаетъ государство, а не государство землю. Мы видѣли, говоритъ онъ, что само въ себѣ общинное начало не имѣло зачатковъ жизни и развитія. Несмотря на всѣ натяжки автора, мы видѣли противное въ призваніи князей, увидали бы тоже въ принятіи Христіанской вѣры, которое было дѣломъ всей земли, еслибы только авторъ разсудилъ за благо сказать о немъ хотя бы слово; мы видѣли тоже въ сознаніи неспособности жить безъ князя и въ повторяющихся призваніяхъ; наконецъ, мы видимъ, что въ позднѣйшую эпоху, когда упразднилось государство, это общинное начало, по словамъ автора не имѣвшее зачатковъ жизни и развитія, спасло единство и цѣльность Россіи, и снова, какъ въ 862 г., такъ и въ 1612 г., создало изъ себя государство“.

Не во гнѣвъ будь сказано г. М. З. К., я не вездѣ вижу, чтобъ земля создавала государство; способъ принятія нами христіанской вѣры едва ли можно употребить какъ аргументъ противъ меня: критикъ столько разъ заставлялъ меня обращать вниманіе на разные предметы,—позволяю и я себѣ обратить его вниманіе на разсказъ лѣтописи о крещеніи Руси. Итакъ всѣ эти доводы—неубѣдительны.

„Авторъ (то есть я) опять повторяетъ, что общинное начало клонилось болѣе и болѣе къ упадку, потому что не было основано на личномъ началѣ: не общинное начало, а родовое устройство, которое было низшею его степенью, клонилось къ упадку, а такъ какъ въ немъ были зачатки жизни и сознанія, то оно спасло себя и облеклось въ другую форму. Родовое устройство прошло, а общинное начало уцѣлѣло въ городахъ и селахъ, выражалось внѣшнимъ образомъ въ вѣчахъ, позднѣе въ земскихъ думахъ“.

Нѣсколько строкъ ниже г. М. З. К. говоритъ:

„Автору непремѣнно нужно было связать его (общинное начало) неразрывно съ родовымъ началомъ, чтобъ принести оба въ жертву личности. Достается же отъ него русской исторіи!“

Неудачность послѣдней фразы извиняется увлеченіемъ г. М. З. К. Онъ такъ увлекся, что даже нашелъ возможность разорвать на части единый, цѣльный, человѣческій и народный организмъ, и каждому изъ нихъ придать свою особенную жизнь. По его мнѣнію, въ древней Россіи было родовое начало, но

рядомъ и другое—общинное начало, которое жило и развивалось независимо отъ него. Чтобъ придать этой мысли хоть тѣнь правдоподобія, нужно было создать новую теорію общины — словомъ, подъять геркулесовскіе труды. И изъ любви къ мечтѣ г. М. З. К. ихъ подъялъ! Мы такъ думаемъ, что община, не основанная на личности, есть только призракъ общины, разлетающійся при первомъ прикосновеніи гражданственности: родовой бытъ исключаетъ личность, а какъ онъ у насъ господствовалъ, то и наши общины были призрачныя, потому-то онѣ и исчезли.

Послѣдній выводъ изъ всѣхъ разсужденій автора состоитъ въ томъ, „что богатырь, какъ созданіе народной фантазіи, князь, какъ явленіе дѣйствительное въ мірѣ гражданскомъ, наконецъ, монахъ, какъ явленіе той же личности въ сферѣ духовной“, опровергаютъ мое мнѣніе объ отсутствіи личности въ древней Руси. Явное недоразумѣніе! Ибо гдѣ есть человѣкъ, тамъ конечно есть и личность въ смыслѣ почвы развитія и сознанія; этого я и не опровергалъ никогда; я сказалъ только, что эта личность не была началомъ дѣйствующимъ, самостоятельнымъ, опредѣляющимъ бытъ, а пассивнымъ, страдательнымъ, и противъ этого нельзя спорить, не дѣлая натяжекъ. Мимоходомъ замѣтимъ, что монахъ не можетъ быть названъ явленіемъ туземнымъ на нашей почвѣ и относится къ другому порядку вещей, принесенному къ намъ.

Что касается до противорѣчій въ томъ, что я сказалъ о Новгородѣ, то дѣйствительно „они заключаются только въ словахъ, а не въ мысли“. Говоря, что „въ лицѣ Новгорода пресѣкся неразвившійся, особенный способъ существованія древней Руси, неизвѣстный прочимъ ея частямъ“, я имѣлъ вотъ какую мысль: мы видѣли какъ переродилась Русь, въ которой утвердился порядокъ вещей, существенно различный съ новгородскимъ и продолженный Москвой и россійской имперіей. Такое же перерожденіе необходимо предстояло и самостоятельнымъ общинамъ—Новгороду и Пскову, но вслѣдствіе насильственнаго прекращенія ихъ самостоятельности мы не можемъ гадать, какъ бы оно тамъ совершилось. Въ такомъ же смыслѣ я сказалъ, что о Новгородѣ нельзя сказать какъ о Россіи передъ Петромъ Великимъ, что онъ отжилъ свой вѣкъ и больше ему ничего не оставалось дѣлать, какъ исчезнуть: самое сравненіе съ до-петровской Россіей показываетъ, что я разумѣлъ учрежденія, бытъ, а не существованіе Новгорода. Стремленіе его идти по тому же пути, по которому впослѣдствіи пошла вся Россія, чего г. М. З. К. не признаетъ, доказывается слѣдующими словами митрополита Филиппа новгородцамъ:

„А нынѣ слышу въ дѣтѣхъ вашихъ, въ Новугородцѣхъ, да и въ многыхъ у васъ въ молодыхъ людехъ, которые еще не навыкли доброй старинѣ еже стояти и поборати по благочестьи, а иніи деи не познавъ доброго наказанія отецъ своихъ, благочестивыхъ родителей, да по животѣхъ ихъ осталися, по грѣхомъ, ненаказани, какъ жити въ благочестіи: да и нынѣча деи тѣ несмысленные, копячася въ сонмы, да поостряются на многая стремленія и на великое земли неустроевіе, нетишину, хотячи ввести мятежь великъ и расколу въ святѣй Божьей церкви, да оставя православіе и великую старину да приступити къ Латыномъ“ (Акт. Истор. Т. I. № 281, стр. 516).

Стремленія секуляризовать церковныя имущества въ Новгородѣ и Псковѣ—слишкомъ общеизвѣстный фактъ. Конечно, г. М. З. К. можетъ мнѣ возразить, что въ Новгородѣ шла рѣчь о духовномъ устройствѣ и бытѣ, а при Петрѣ о гражданскомъ и государственномъ; но сходство тѣмъ не менѣе разительно; въ разныхъ сферахъ происходили въ нашихъ древнихъ обществахъ и Петровой Россіи одинаковыя явленія: недовольство прежнимъ, оставленіе обычаевъ отцовскихъ и прилѣпленіе къ иностранной новизнѣ.

Особенно сильныя нападки со стороны г. М. З. К. вызываетъ мой взглядъ на Іоанна Грознаго. „Въ словахъ автора“—говоритъ критикъ—„безъ его вѣдома, промелькнула мысль, оскорбительная для человѣческаго достоинства, та мысль, что бываютъ времена, когда геніальный человѣкъ не можетъ не сдѣлаться извергомъ, когда испорченность современниковъ, большею частью безсознательная, разрѣшаетъ того, кто сознаетъ ее, отъ обязательности нравственнаго закона, по крайней мѣрѣ до того умаляетъ вину, что потомкамъ остается соболѣзновать о немъ, а тяжкую ношу отвѣтственности за его преступленія свалить на головы его мучениковъ“ (стр. 169 и 170).

Это не аргументъ противъ меня. Надобно умышленно закрыть себѣ глаза, чтобъ не видать, что исторія исполнена такихъ оскорбительныхъ для человѣческаго достоинства явленій. Въ ихъ уменьшеніи, въ уничтоженіи ихъ возможности учрежденіями, образованіемъ, перерожденіемъ нравовъ и обычаевъ

и заключается смыслъ и цѣль исторіи. Г. М. З. К. думаетъ, что человѣкъ искони былъ то, что теперь, только формы измѣнились; а мы, напротивъ, думаемъ, что человѣкъ съ большими усиліями, сквозь тысячу ошибокъ, заблужденій, предразсудковъ и страданій сталъ тѣмъ, что онъ теперь есть, и не позволяемъ себѣ отдѣлять форму отъ содержанія. У г. М. З. К. есть готовый рецептъ для всѣхъ историческихъ дѣятелей и явленій, а мы по необходимости выводимъ его изъ данныхъ, фактовъ. Все то, что защищали современники Іоанна, уничтожилось, исчезло; все то, что защищалъ Іоаннъ IV, развивалось и осуществлено; его мысль такъ была живуча, что пережила не только его самого, но вѣка, и съ каждымъ возрастала и захватывала больше и больше мѣста. Какъ же прикажете судить этого преобразователя? Неужели онъ былъ неправъ? Что касается до образа его дѣйствій, я отозвался о немъ слишкомъ рѣзко и опредѣлительно, чтобъ можно было усомниться въ моемъ мнѣніи на этотъ счетъ. Мой отзывъ остается въ своей силѣ, несмотря на негодованіе г. М. З. К. Практическая жизнь и дѣятельность у насъ даже до сихъ поръ кажется чѣмъ-то прозаическимъ и не совсѣмъ чистымъ; названіе „человѣкъ практическій“ очень недавно и только въ образованныхъ слояхъ общества перестало быть синонимомъ съ неблагороднымъ, нечестнымъ человѣкомъ. Не знаю какъ для г. М. З. К., а для меня это фактъ многознаменательный. Онъ даетъ намъ мѣру для общественнаго быта эпохи, въ которую слово „практическій“ могло имѣть такое значеніе. Вы скажете: въ древней Руси этого не было. Дѣйствительно не было,—потому что не было идеала для лучшаго,—идеала, принесеннаго къ намъ съ реформой и новыми учрежденіями. Дѣйствуя практически въ такой средѣ, нельзя было не подвергнуться ея вліянію, не принять на себя ея оттѣнка И это было съ Іоанномъ IV. Вы находите, что было бы клеветой упрекать Сильвестра, Адашева, князя Курбскаго, митрополита Филиппа и многихъ другихъ въ равнодушіи, безучастіи, въ отсутствіи всякихъ духовныхъ интересовъ? Во-первыхъ, согласитесь, что нѣсколько людей не составляютъ цѣлаго народа, цѣлаго общества; и въ Азіи была не одна замѣчательная личность, а все-таки Азія страна безличности. Во-вторыхъ, всѣ лица, которыхъ вы назвали, положимъ очень были преданы своему дѣлу, но замѣтьте, всѣ они защищали обычай, старину, уходившую патріархальность, каждый въ смыслѣ своего званія; ихъ нельзя назвать поэтому поборниками идей, возможныхъ только въ личности, отрѣшившейся отъ даннаго, непосредственнаго содержанія, и свободно избирающей лучшее по своему крайнему разумѣнію; что касается до беззлобія обвинителей Іоанна, то это по крайней мѣрѣ еще вопросъ; о Курбскомъ этого сказать нельзя; о множествѣ другихъ бояръ, наводившихъ Крымцевъ на Россію, замышлявшихъ отдать Россію Литвѣ,—тоже нельзя; нельзя даже совершенно безопасно сказать, что они ходатайствовали за честь Россіи. Если ужъ вы не находите возможнымъ оправдать Іоанна, не идеализируйте по крайней мѣрѣ его современниковъ; скажите лучше, что все вмѣстѣ сливалось въ такой хоръ, который даже черезъ триста лѣтъ страшно слышать намъ, современникамъ лучшей эпохи. Такое замѣчаніе было бы по крайней мѣрѣ понятно. Отъ ужасовъ того времени намъ осталось дѣло Іоанна; оно-то показываетъ, насколько онъ былъ выше своихъ противниковъ. Для его оправданія, право, мнѣ вовсе не было нужно прибѣгать къ тѣмъ tours de force, тѣмъ насиліямъ надъ „здравымъ чувствомъ“, на которыя какъ будто намекаетъ критикъ: я судилъ по фактамъ, по всей исторіи, какъ ревностный защитникъ историческаго развитія и здраваго смысла, а не туманно-мистическихъ теорій, прекрасныхъ въ головѣ, мертвыхъ покуда въ дѣйствительности.

Стр. 171. „Нѣсколько далѣе авторъ говоритъ: „въ началѣ XVIII вѣка, мы только что начинали жить умственно и нравственно“. Противъ этого считаемъ излишнимъ возражать. Доведенная до такой крайности, односторонность становится невинною“.

Итакъ, г. М. З. К. находитъ мою мысль до того забавною или нелѣпой, что не удостоиваетъ ее даже возраженія. Это въ его волѣ. Повторяю, что я отвѣчаю не для критика, а для читателей: я не льщу себя надеждой убѣдить перваго; наши мнѣнія слишкомъ рѣзко расходятся; послѣдніе могутъ быть безпристрастны, выслушавъ насъ обоихъ, и потому къ нимъ я и обращаюсь. Умственное и нравственное развитіе невозможно безъ развитой, самостоятельной личности; всѣ древне-русскія формы, какъ ведущія свое начало изъ патріархальнаго порядка вещей, препятствовали ея развитію;

стало быть, дѣйствительно, не шутя, мы начали жить умственно и нравственно только въ XVIII вѣкѣ; до этого времени, т.-е. до реформы, замѣтно какое-то тревожное, безпокойное стремленіе къ такой жизни—никакъ не болѣе: всѣ факты тогдашняго нашего умственнаго и нравственнаго развитія доказываютъ это самымъ убѣдительнымъ образомъ.

Остановимся на этомъ. Восемь тезисовъ г. М. З. К. о древней русской исторіи, изъ которыхъ половина, по собственному его признанію, „имѣетъ видъ гипотезъ", не касаются до насъ. Такъ какъ у критика „не было ни возможности, ни намѣренія доказать ихъ", то и намъ не для чего писать на нихъ опроверженія. Станемъ ждать времени, когда эти тезисы примутъ видъ строго выработанной системы подъ даровитымъ перомъ г. М. З. К.

(Современникъ, 1847, кн. 12).

ИСТОРИЧЕСКІЕ ТРУДЫ М. П. ПОГОДИНА.

Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи, М. Погодина, о Русской Исторіи. *Москва. 1846. Три тома.*

Въ книгѣ, изданной подъ этимъ заглавіемъ, г. Погодинъ представилъ публикѣ результатъ своихъ многолѣтнихъ изслѣдованій о древнѣйшемъ періодѣ русской исторіи, а именно о томъ, который называется варяжскимъ и оканчивается смертью Ярослава (1054 г.). Эти изслѣдованія, несмотря на не-систематическое заглавіе, расположены систематически. Прежде всего надобно было опредѣлить достовѣрность источниковъ, изъ которыхъ черпаются извѣстія объ этомъ времени, и мы находимъ въ первомъ томѣ разсужденіе „Объ источникахъ древней Русской исторіи, преимущественно о Несторѣ"; потомъ необходимо было опредѣлить составныя части древнѣйшей Россіи, находниковъ и насельниковъ, варяговъ, Русь и славянъ,—это предметъ второго тома. Наконецъ, въ третьемъ томѣ помѣщены изслѣдованія о варяжскомъ или норманскомъ періодѣ.

Изслѣдованія г. Погодина, вышедшія теперь въ свѣтъ, не принадлежатъ къ числу совершенно новыхъ явленій въ нашей исторической литературѣ. Авторъ самъ говоритъ въ предисловіи, что въ первомъ томѣ напечатанъ его „Несторъ" (1838 г.), къ которому присоединены изслѣдованія о другихъ источникахъ древней русской исторіи, отчасти тоже уже извѣстныя публикѣ; такъ статья о договорахъ Русскихъ съ Греками, одна изъ лучшихъ въ первомъ томѣ, была напечатана еще въ 1837 году, въ первомъ томѣ „Русскаго Историческаго Сборника". Въ составъ второго тома вошло извѣстное сочиненіе г. Погодина о происхожденіи Варяговъ-Руси (1825 г.), но переработанное подъ вліяніемъ новѣйшей литературы по этому вопросу. Наконецъ, нѣсколько отдѣльныхъ изслѣдованій изъ третьяго тома были уже напечатаны въ различныхъ журналахъ (напр., параллель русской исторіи съ исторіей западныхъ европейскихъ государствъ относительно начала, составляющая одинадцатую главу третьяго тома — въ „Москвитянинѣ"; о древней русской торговлѣ въ „Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія" и т. д.). Однако, если мы не ошибаемся, послѣдній томъ заключаетъ въ себѣ болѣе новыхъ статей, нежели два первые.

За заглавіе, данное книгѣ, мы не станемъ вмѣстѣ съ другими критиками упрекать автора: это было бы несправедливо и мелочно. Каждый имѣетъ полное право поступать въ этомъ отношеніи, какъ ему угодно. Сверхъ того, мы думаемъ, что г. Погодинъ не безъ намѣренія избралъ именно это, а не другое заглавіе. О древнѣйшемъ періодѣ нашей исторіи писано очень много; только собрать и свести сказанное есть трудъ очень и очень нелегкій, требующій много терпѣнія, много времени и предполагающій большія

библіографическія свѣдѣнія. А если вспомнимъ, что несмотря на множество статей и сочиненій, главные вопросы все еще окончательно не рѣшены, и литература, накопляя факты, только увеличила трудности для изслѣдователя; если сообразимъ, что время, вызвавшее много новыхъ вопросовъ, не всегда указывало на данныя для ихъ рѣшенія, то увидимъ, что новому изслѣдователю на этомъ поприщѣ предстоятъ и новыя трудности. Мы даже почти убѣждены, что покуда, до времени, отъ одного человѣка нельзя и ожидать полнаго возсозданія картины древней Варяжской Руси. Теперешніе изслѣдователи по необходимости должны останавливаться на однихъ вопросахъ болѣе, на другихъ менѣе. Такъ поступилъ и г. Погодинъ. Онъ разработалъ нѣкоторыя стороны нашего древнѣйшаго быта прекрасно, другія оставилъ въ тѣни, нѣкоторыя обслѣдовалъ слабо, и самъ высказалъ это: „Можетъ быть“, говоритъ онъ, „и я самъ увлекаюсь норманскимъ элементомъ, который разыскиваю двадцать пять лѣтъ, и даю ему слишкомъ много мѣста въ древней Русской Исторіи; явится другой изслѣдователь, который исключительно предастся славянскому элементу... мы оба погрѣшимъ, а наука, умѣряя одного другимъ, выиграетъ“ (т. III, прим. 700). Вотъ почему онъ не могъ назвать свою книгу „древнѣйшій періодъ Русской Исторіи“, или какъ-нибудь иначе. Отъ него стали бы того требовать, чего онъ не хотѣлъ и не могъ дать.

Итакъ, въ этомъ отношеніи, г. Погодинъ правъ. Но онъ неправъ въ другомъ; давая такое заглавіе своей книгѣ, онъ поступилъ неискренно: онъ задумалъ систематическое сочиненіе, обнимающее весь предметъ, и существенные его недостатки хотѣлъ прикрыть несистематическимъ, необязательнымъ заглавіемъ. Нѣкоторыя статьи очень хороши, но за то другія очень слабы, съ какой стороны ни станемъ ихъ разсматривать. Спрашивается: зачѣмъ же онѣ попали въ книгу? Очевидно для полноты, округленности сочиненія, Но къ чему она, когда авторъ имѣлъ полное право помѣстить въ нее что угодно, по выбору? Какъ учебникъ, эта книга не годится; какъ изслѣдованіе, она во многихъ отношеніяхъ слишкомъ неудовлетворительна. Съ другой стороны, заглавіе черезчуръ скромно по содержанію. Выходитъ что-то странное, ни то, ни се.

Достоинства и недостатки разбираемаго нами сочиненія опредѣляются достоинствами и недостатками его автора и мѣстомъ, которое онъ занимаетъ въ нашей исторической литературѣ. Какого бы мы ни были мнѣнія о г. Погодинѣ, издателѣ „Москвитянина“, авторѣ драмъ, повѣстей и „Года за границей“, мы не можемъ не сказать, что, какъ изслѣдователь древнѣйшаго періода русской исторіи, онъ—лицо замѣчательное, важное и, къ сожалѣнію, до сихъ поръ мало оцѣненное. Выступивъ на сцену въ то время, когда характеръ исторической критики началъ у насъ измѣняться, и изъ пріуготовительныхъ изслѣдованій стала рождаться исторія въ собственномъ смыслѣ, г. Погодинъ обозначилъ собою это переходное время, и всѣми своими сторонами принадлежа къ прошедшему, онъ не чуждъ нѣкоторыхъ новыхъ требованій, взглядовъ, ученыхъ пріемовъ, которыхъ мы не встрѣчаемъ у его предшественниковъ. Нельзя не отдать ему должной справедливости, что онъ умѣлъ удержаться на исторической почвѣ, начавъ дѣйствовать въ то время, когда въ нашей исторической литературѣ стала показываться та же разноголосица, которая отразилась и въ изящной литературѣ, и въ быту, и въ мнѣніяхъ, когда даже историческіе взгляды начали переходить въ фантазіи. Вопросъ о происхожденіи Руси, о зачаткахъ русскаго государства былъ тогда въ ходу, и по порядку онъ былъ первый. Г-нъ Погодинъ принялся за его изученіе. Не увлекаясь блестящими ипотезами, соблазномъ отрывочныхъ фактовъ, онъ осмотрѣлъ все поле, подмѣтилъ преобладающія черты варяжскаго періода нашей исторіи, убѣдился, что онѣ запечатлѣны скандинавскимъ или норманскимъ элементомъ, и въ этомъ направленіи повелъ свои изслѣдованія. Ничто въ продолженіе долговременной ученой дѣятельности не могло отклонить его съ избраннаго пути. Доводы противниковъ только доставляли ему матеріалы для большаго и большаго развитія собственнаго взгляда. Мы въ правѣ назвать его собственнымъ взглядомъ г. Погодина, несмотря на то, что, какъ онъ самъ говоритъ: „знаменитый Байеръ положилъ основаніе этому мнѣнію; дальнѣйшими поясненіями и дополненіями Исторія Русская одолжена трудамъ Струбе, Миллера, Стриттера, Тунмана, Шлецера, Круга, Лерберга, Френа“, а ему, т. е. г. Погодину, „довелось привести этотъ

взглядъ въ систему, собрать нѣкоторыя новыя доказательства, особенно изъ русскихъ лѣтописей, укрѣпить въ мѣстахъ слабыхъ, согласить противорѣчія, опровергнуть возраженія и разобрать посредствомъ его положеній всѣ прочія мнѣнія“ (т. II, стр. 318). Эта заслуга сама по себѣ уже очень важна. Г. Погодинъ внесъ въ изслѣдованія своихъ предшественниковъ цѣлость, единство, систему, положилъ послѣдній камень къ зданію и сдѣлалъ на будущія времена невозможнымъ отрывочное, безсвязное опроверженіе защищаемаго имъ взгляда. Этого мало. Убѣдившись, что варяги-Русь норманны, скандинавы, г. Погодинъ съ этой точки зрѣнія изслѣдовалъ весь первый, варяжскій, періодъ нашей исторіи, и рѣзко, выпукло выдвинулъ на первый планъ скандинавскія черты его. Въ этомъ отношеніи третій томъ „Изслѣдованій“ особенно любопытенъ. Все, что дѣлалось у насъ съ призванія Варяговъ до кончины Ярослава, онъ присвоиваетъ однимъ скандинавамъ. Въ этомъ, конечно, есть преувеличеніе, односторонность, но за нее нельзя слишкомъ винить автора. До нѣкоторой степени она—достоинство и заслуга. Руководимый цѣльнымъ взглядомъ на предметъ, г. Погодинъ исчерпалъ скандинавскій элементъ въ древнѣйшей русской исторіи. Все, что, носитъ хотя слабую его печать, имъ собрано и отмѣчено, такъ что будущимъ изслѣдователямъ въ томъ же направленіи врядъ ли достанется сказать что-нибудь существенно новое.

Этимъ г-нъ Погодинъ установилъ взглядъ, облегчилъ работу даже для тѣхъ, которые пойдутъ послѣ него отъ совершенно другого или противоположнаго взгляда.

Но рядомъ съ этими достоинствами и заслугами мы встрѣчаемся въ историческихъ трудахъ г. Погодина и съ важными, существенными недостатками, которые объясняются временемъ, когда онъ дѣйствовалъ на историко-литературномъ поприщѣ, и условіями, сопровождавшими его дѣятельность. Принадлежа къ школѣ толкователей, экзегетиковъ, а не историковъ въ настоящемъ смыслѣ слова, онъ никогда не могъ подняться до высшаго историческаго воззрѣнія. Отсюда его несправедливая, пристрастная, крайне-ограниченная оцѣнка соперника, котораго имя, если не навсегда, то надолго будетъ памятно для всѣхъ занимающихся русской исторіей: мы говоримъ о покойномъ Каченовскомъ.

Каченовскій первый почувствовалъ неудовлетворительность прежняго, теперь мало-помалу исчезающаго, натянутаго, неестественнаго воззрѣнія на русскую исторію. Онъ не былъ геніальнымъ человѣкомъ, но былъ человѣкъ съ талантомъ, начитанный, знакомый съ требованіями науки и критикой. Подъ перомъ Карамзина наше прошедшее, только относительно къ послѣдующему важное и значительное, выросло въ нѣчто колоссальное, величественное: Каченовскій возсталъ противъ этихъ преувеличеній и старался привести русскую исторію къ ея естественнымъ размѣрамъ, снять съ глазъ повязку, которая показывала многое въ превратномъ видѣ, и возвратить или, правильнѣе, привести насъ къ воззрѣнію, равному времени, въ которое совершались событія. Эту цѣль Каченовскій преслѣдовалъ съ жаромъ, достойнымъ всякаго уваженія, и впалъ въ крайность, которая существенно повредила его дѣлу. Вмѣсто того, чтобъ изъ самой лѣтописи и источниковъ показать младенческое состояніе нашего общества въ IX, X, XI и послѣдующихъ вѣкахъ, онъ старался опровергнуть самые источники. Ему казалось, что даже и они приписываютъ древней Руси слишкомъ много, и эта задушевная, любимая мысль просвѣчиваетъ въ каждой статьѣ его. Онъ не вѣритъ существованію кожаныхъ денегъ, потому что въ древней Россіи не видитъ государства, кредита, правильной финансовой системы, безъ которыхъ представители цѣнности не могутъ имѣть оборота. Онъ потому же ратуетъ противъ подлинности „Русской правды“, которую Карамзинъ, а за нимъ и одинъ ученый очень неловко и неудачно сравнили съ законами XII таблицъ; онъ отвергаетъ возможность торговли изъ тѣхъ же основаній. Вездѣ Каченовскій себѣ вѣренъ, и его мысль въ основѣ своей вполнѣ справедлива. Возможность такой несоотвѣтственности между основной мыслью и ея выполненіемъ, какую находимъ у Каченовскаго, совершенно объясняется малоизвѣстностью русской исторіи. Она и теперь еще лѣсъ, въ которомъ очень легко заблудиться. Прибавимъ къ этому, что, можетъ быть, не было еще человѣка, столько несчастнаго въ своихъ послѣдователяхъ, какъ Каченовскій. Онъ не имѣлъ учениковъ. Всѣ такъ называемые ученики его уцѣпились за букву и принялись опровергать подлинность лѣтописей; ни одинъ изъ нихъ не схватилъ главной мысли Каченовскаго, и она на время

была погребена. Въ лицѣ этихъ продолжателей сама школа получила смѣшное названіе скептической,—названіе, которое такъ не шло ей къ лицу,—и умерла скоро безъ слѣдовъ, какъ многое хорошее умираетъ, ожидая достойнѣйшихъ и даровитѣйшихъ продолжателей.

Все это очень просто и теперь такъ очевидно, что бросается въ глаза. Г. Погодинъ, какъ ученый прежняго порядка, не понялъ важнаго значенія и призванія Каченовскаго въ нашей исторической литературѣ. Онъ замѣтилъ только его промахи и ошибки, и за нихъ преслѣдовалъ его всѣми литературными средствами. Даже въ его новой книгѣ, изданной много лѣтъ и послѣ спора и послѣ смерти противника, мы находимъ какое-то ожесточеніе, простительное до нѣкоторой степени въ пылу спора, но не десять лѣтъ спустя. Ясно, что ни тогда, ни теперь,—когда споръ кончился, г. Погодинъ повидимому одержалъ верхъ и можетъ уже безъ докукъ и возраженія со стороны скептической школы продолжать свои занятія,—онъ не такъ понималъ требованіе и направленіе Каченовскаго. Въ своемъ мѣстѣ мы разберемъ подробно все, что̀ онъ сказалъ о своемъ противникѣ. Здѣсь замѣтимъ только, что такое направленіе обличаетъ всю односторонность и ограниченность спеціалиста. Г. Погодинъ отзывается рѣзко, мѣстами даже черезчуръ рѣзко о Каченовскомъ. Въ его словахъ видѣнъ торжествующій авторитетъ и величавое пренебреженіе къ побѣжденному противнику. Намъ, чуждымъ этого спора, странно видѣть побѣдные лавры, которыми украсилъ себя г. Погодинъ, — и Каченовскаго, идущаго за его тріумфальной колесницей... На этомъ торжествѣ лежитъ печать ироніи, которой примѣровъ такъ много. Г. Погодину легко было одолѣть своего соперника огромнымъ перевѣсомъ данныхъ, говорившихъ въ его пользу; немного лѣтъ прошло, и самые слѣды спора исчезли. Укажите теперь хоть на одного человѣка, который бы серьезно сомнѣвался въ подлинности и древности источниковъ нашей исторіи. А между тѣмъ, по своей точкѣ зрѣнія, Каченовскій вполнѣ правъ, гораздо правѣе г. Погодина. Г. Погодинъ думалъ, что, опровергнувъ Каченовскаго, онъ совершенно побѣдилъ его; мы не споримъ, что Каченовскаго доводы слабы, и хорошо, что нашелся человѣкъ, который исправилъ ошибки, непосредственно лежавшія въ его словахъ. Но на самомъ дѣлѣ великимъ лицомъ въ этомъ спорѣ является не г. Погодинъ, а Каченовскій, потому что вопросъ имъ поставленный обойденъ, непонятъ: такъ онъ былъ глубокъ десять лѣтъ тому назадъ. Но время не прошло, оно только настаетъ: Каченовскій найдетъ себѣ защитниковъ и продолжателей. Тогда увидятъ, какъ напрасно торжествовалъ побѣду г. Погодинъ, какъ бѣдны его лавры. И это время недалеко...

Будучи изслѣдователемъ-экзегетикомъ, а не историкомъ, г. Погодинъ не могъ открыть собою новою эпоху ученаго обработыванія русской исторіи. У него нѣтъ цѣльнаго взгляда на весь предметъ, взгляда, въ которомъ различныя эпохи и фазисы хоть какъ-нибудь вязались бы между собою. У него есть свѣтлыя мысли, но нѣтъ ясной системы; есть ученые пріемы, довольно удачные, но совершенно нѣтъ методы. И за это мы не стали бы винить г. Погодина, еслибъ онъ самъ не вызвалъ насъ. У него есть страсть, общая всѣмъ спеціалистамъ—возводить въ систему свою нелюбовь, нерасположеніе къ цѣльному, систематическому взгляду на предметъ. Это важная ошибка, которая, коренясь въ безсознательной односторонности, и родитъ односторонность, всегда почти неблагопріятную для науки. Всякій образованный человѣкъ, ищущій въ знаніи общаго, единства, живого, а не мертваго, охладѣваетъ къ книгѣ по неволѣ, встрѣчая въ ней выходки противъ взглядовъ и теорій. Онъ не правъ, а кто первый виноватъ? Спеціалистъ-изслѣдователь. Странная вещь! Человѣкъ, разсуждающій очень просто, а потому здраво и дѣльно въ ежедневномъ быту о житейскихъ вещахъ, судитъ Богъ знаетъ по-каковски, лишь только переноситъ свое сужденіе въ область науки. Изъ того, что кто-нибудь не музыкантъ, приходитъ ли ему въ голову сказать, что музыка вздоръ? Нѣтъ, не приходитъ. А почему? потому что всѣ знаютъ, всѣ сознательно или безсознательно убѣждены, что каждый человѣкъ непремѣнно въ одну сторону развитъ болѣе, въ другую менѣе,—словомъ, что онъ имѣетъ свою степень ограниченности, недостаточности. Этому учитъ простая наглядка, безъ труда и усилій. Оттого люди съ разнородными наклонностями и дѣятельностью подаютъ другъ другу руку и извлекаютъ другъ изъ друга возможную пользу, наслажденіе, выгоду, какъ хотите назовите, — не порицая въ другихъ способностей, которыхъ

у нихъ нѣтъ, потому что нельзя совмѣстить въ себѣ все. Чѣмъ болѣе уясняется эта мысль, какими бы то путями ни было, тѣмъ болѣе и болѣе падаютъ перегородки, раздѣлявшія людей.

Но въ наукѣ это и до сихъ поръ не такъ. Давно ли еще доказывали превосходство однѣхъ наукъ предъ другими? Каждый ученый считалъ себя обязаннымъ, излагая свой предметъ, подробно и обширно исчислять всѣ его качества и превосходство передъ другими предметами. Теперь вѣра въ эту іерархію исчезла, но еще крѣпко держится столько же странное мѣстничество между теоріей и практикой, изслѣдованіями и взглядомъ. Кто предается спеціальности, тотъ думаетъ, что это даетъ ему неотъемлемое право свысока смотрѣть на другого, который старается извлечь общее изъ изслѣдованій и подвести это общее подъ категоріи, связать одною мыслью; послѣдній въ свою очередь такъ же смотритъ на спеціалиста. Г. Погодинъ принадлежитъ къ первому разряду; онъ не охотникъ до взглядовъ, теорій. Въ Т. III, примѣч. 827, онъ говоритъ: „вотъ задачи для филологовъ и юристовъ, предметы для диссертацій кандидатамъ и магистрамъ: объяснять эти памятники одинъ за другимъ,—а мы все хватаемся за цѣлые періоды и эпохи и хотимъ изъ ничего строить системы“. Такія же замѣтки находимъ и въ другихъ мѣстахъ. Названія „ученая болтовня, пустыя фразы“ и т. д., встрѣчаются часто. Подумаешь, что г. Погодинъ ратуетъ не вообще противъ теоріи и взглядовъ, а только примѣнительно къ русской исторіи: но это ошибка. Съ тѣхъ поръ, какъ процессъ мышленія сталъ для насъ понятенъ, уяснилось совершенно, что направленія теоретическое и практическое, связанныя единствомъ цѣли и предмета, между тѣмъ остаются разными, и мечтать о ихъ тождествѣ невозможно. Дополняя и поясняя другъ друга, обогащаясь взаимно, сближаясь чрезвычайно, они все-таки остаются и навсегда останутся раздѣльными, особенными. Отъ этого, кто возстаетъ противъ теоріи, тотъ строитъ новую, лучшую, по крайней мѣрѣ раскрываетъ недостатки существующей, и тѣмъ показываетъ, что онъ дѣйствительно недоволенъ ею въ томъ видѣ, какъ ее находитъ; отзываясь о существующихъ теоріяхъ вообще свысока, съ пренебреженіемъ, но безъ разбора, безъ критики, онъ обнаруживаетъ, что увлеченъ одностороннимъ направленіемъ, исключительно практическимъ, и слѣдовательно хочетъ набросить тѣнь не на такой-то именно взглядъ, а на взглядъ вообще, на самое теоретическое направленіе. Таковъ г. Погодинъ вполнѣ. По немъ, что́ не изслѣдованіе съ цитатами и всѣмъ ученымъ аппаратомъ, то ужъ непремѣнно пустая фраза, непремѣнно система, построенная изъ ничего. Странно! Неужели онъ не знаетъ, что изъ ничего нельзя сдѣлать что-нибудь? Если возьмемъ только два, три факта, и на нихъ построимъ взглядъ, неужто вправду это будетъ система, построенная изъ ничего? А если мы возьмемъ тысячу и болѣе фактовъ, вѣдь ужъ это будетъ такая система, которую придется опровергать! Не явно ли, что представленіе о системѣ, построенной изъ ничего, ни на чемъ и не основано? Сверхъ того, если мы однажды согласимся въ истинѣ, что пути теоретическій и практическій—разные, какъ они ни переливаются одинъ въ другой, какъ они ни близко сходятся, мы должны будемъ признать, что каждый изъ нихъ имѣетъ свою исторію, своихъ представителей, и что нѣтъ никакого основанія считать ихъ за преемственно слѣдующіе другъ за другомъ, теоретическій за практическимъ, или наоборотъ. Дѣйствительно, такъ и было, есть и будетъ. Гдѣ только является человѣкъ, тамъ съ разу вмѣстѣ появляются и оба направленія и развиваются чрезъ всю исторію. Оба равно разумны и равно вытекаютъ изъ сущности человѣка. А потому мы и видимъ, что сначала слаба практическая сторона, слаба и теоретическая. Вѣдь было бы крайне несправедливо отвергать значеніе изслѣдованій потому только, что было, есть и будетъ еще много плохихъ, неосновательныхъ изслѣдованій. Почему же не сказать того же самаго и о теоріи? Она можетъ быть плоха, но такъ же можетъ быть и хороша. Если существующія теоріи нехороши, это значитъ, что должно желать появленія хорошей или хорошихъ, а вовсе не то, что теоріямъ вовсе и существовать не слѣдуетъ. За что бы, кажется, тутъ спорить? за что бросать на теорію презрительныя слова? Пусть и то и другое идетъ своимъ путемъ, взаимно себя укрѣпляя и исправляя. Наконецъ, допустимъ, что въ данное время и при данныхъ обстоятельствахъ спеціальное изученіе для науки гораздо важнѣе и полезнѣе, нежели теоретическое, общее. Все

же будутъ и при такихъ условіяхъ положенія, въ которыхъ безъ теоретической обработки предмета невозможно обойтись. Возьмите, наприм., профессора русской исторіи. Что прикажете ему дѣлать? Налечь на какую-нибудь спеціальную сторону предмета и читать ее цѣлый годъ, потомъ, въ двѣ, три лекціи изложить все прочее? Наука черезъ это выиграетъ, правда, но слушатели навѣрное потеряютъ. Цѣль преподаванія—дать полное обозрѣніе предмета, а не частности, мелочи, важныя въ наукѣ, неважныя и ненужныя для того, кто ищетъ только общаго образованія. Этимъ мы далеко не хотимъ отвергать важность спеціальныхъ курсовъ; при общемъ они приносятъ неисчислимую пользу, но одни они не ведутъ къ цѣли преподаванія. Профессоръ, преподаватель, по необходимости начнетъ систематизировать свой предметъ, займется цѣлыми эпохами, періодами, а не частностями. Оттого вездѣ, гдѣ науки процвѣтаютъ, существуетъ особливая литература учебниковъ и особливая литература сочиненій собственно ученыхъ, разрабатывающихъ частности и ведущихъ такимъ образомъ науку впередъ. У насъ недавно стали появляться порядочные учебники по русской исторіи; ихъ и теперь немного; а изъ сочиненій по одному вопросу о происхожденіи варяговъ-Руси можно составить цѣлую порядочную библіотеку. Оттого-то у насъ почти нѣтъ людей, знающихъ русскую исторію въ связи, въ цѣлости, тогда какъ много кандидатовъ и студентовъ, которые по частнымъ вопросамъ заткнутъ за поясъ иного профессора. Это и не прекратится до тѣхъ поръ, пока мы не бросимъ пагубнаго предубѣжденія противъ системъ и теорій.

Особенно странно въ г. Погодинѣ то, что, отзываясь неблагопріятно о системахъ и теоріяхъ русской исторіи, онъ самъ какъ бы невольно ихъ строитъ. Стремленіе понять основной законъ исторической жизни народа, то-есть, усвоить его себѣ и чрезъ это открыть для ума большій просторъ, освободиться отъ страха и трепета предъ таинственнымъ, неизвѣстнымъ, и потому кажущимся или сверхъестественнымъ, или случайнымъ, — такъ же врожденно, всегда присуще человѣку, какъ и требованіе возсоздать фактъ прошедшій такъ, какъ онъ былъ. Ни отъ того, ни отъ другого требованія человѣкъ не можетъ отказаться. Оно-то и вовлекло г. Погодина въ непослѣдовательность. У него, современника Каченовскаго, было тоже какое-то смутное предчувствіе цѣльнаго, полнаго взгляда на русскую исторію. Это видно изъ того, что онъ въ своихъ разысканіяхъ, иногда наперекоръ фактамъ, преслѣдуетъ какую-нибудь любимую мысль. Лучшимъ примѣромъ и подтвержденіемъ могутъ служить его изысканія о норманскомъ періодѣ. Но такъ какъ г. Погодинъ большей своей половиной принадлежитъ къ экзегетикамъ, толкователямъ,—его чаяніе, предчувствіе осталось неразвитымъ. Не будучи въ состояніи ни совершенно отказаться отъ теоретическаго воззрѣнія, ни основать его на твердыхъ, ясныхъ началахъ, г. Погодинъ впалъ въ историческій мистицизмъ,—иначе мы не можемъ назвать его историческое воззрѣніе, которое такъ рѣзко выразилось въ его „Историческихъ афоризмахъ". Онъ остановился на точкѣ какого-то благоговѣнія предъ каждымъ историческимъ событіемъ, не стараясь объяснить его значеніе и мѣсто въ цѣломъ историческомъ развитіи. Могъ бы умереть Игорь, да не умеръ; могъ бы Олегъ имѣть дѣтей—да не имѣлъ; Святославъ чуть-чуть не поселился въ Болгаріи, да очень кстати случился тогда въ Греціи Цимисхій и помѣшалъ ему привести замыселъ въ исполненіе. За этимъ г. Погодинъ ужъ ничего не видитъ, какъ тотъ, кто читаетъ, но не вникаетъ въ смыслъ прочтеннаго. Странно! Буква за буквой идетъ и что-то выходитъ .. Всего поразительнѣе, что г. Погодинъ, позволяя себѣ нападки на теоріи и взгляды, самъ же замѣняетъ ихъ—знаками удивленія. Не знаемъ, почему же одно лучше другого, и по какому праву одно можетъ замѣнить другое? Или это дѣло совершенной безсознательности, или такой способъ дѣйствованія внушенъ тою же самоувѣренностью, которая дала г. Погодину рѣшимость слишкомъ рѣзко отзываться о покойномъ Каченовскомъ. Одно стоитъ другого.

Таковы, сколько мы понимаемъ, достоинства и недостатки г. Погодина, какъ изслѣдователя русской исторіи и древностей. Они болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, отразились въ его новой книгѣ, къ разбору которой мы теперь и приступимъ.

Изслѣдованіямъ о достовѣрности источниковъ древней русской исторіи предпослано предисловіе. Въ немъ разсказана исторія составленія книги. Эта книга посвящена „молодымъ друзьямъ" (?) русской исторіи, студентамъ университетовъ и въ особенно-

сти студентамъ Московскаго университета. Методъ изслѣдованія изложенъ вѣрно, хотя, какъ мы думаемъ, онъ одинъ недостаточенъ для возведенія русской исторіи на степень науки.

„Прежде всѣхъ разсужденій, толкованій и высшихъ взглядовъ, должно, по моему мнѣнію, собирать всѣ мѣста изъ лѣтописей, грамотъ и другихъ источниковъ объ извѣстномъ предметѣ, и потомъ уже, имѣя ихъ предъ глазами, дѣлать выводы объ его значеніи и отношеніи, въ какомъ онъ находится къ другимъ смежнымъ предметамъ, и вообще ко всей исторіи, провѣряя свои выводы прочими свѣдѣніями. Работа трудная и вмѣстѣ легкая, за которую можетъ приниматься всякій юноша, не имѣя даже нужды въ особливыхъ способностяхъ. Объясните намъ такимъ образомъ бояръ, дѣтей боярскихъ, пасынковъ, дѣтскихъ, дворянъ, жильцовъ, тіуновъ, цѣловальниковъ, куны, гривны, рубли, деньги, города, слободы, помѣстья, отчины, поле, правежъ, полюдье, кормленье, опричину, поклоны, пошлины, дары; составьте сводныя грамоты всѣхъ родовъ; разберите по частямъ управленіе, духовное, гражданское, военное, — и такимъ образомъ въ теченіе немногихъ лѣтъ русская исторія возведена будетъ на степень, на которой быть ей подобаетъ“ (стр. XI).

Работая такимъ образомъ, мы получимъ рядъ прекрасныхъ монографій, но все же не будемъ имѣть русской исторіи. Кто захочетъ возсоздать русскую исторію, тому необходимо вновь переработать источники, и нерѣдко то, что въ монографіи не найдетъ мѣста, или при спеціальной разработкѣ не обратитъ на себя никакого вниманія, здѣсь займетъ первое мѣсто. Въ этомъ-то именно и заключается недостатокъ г. Погодина, что онъ одной половинѣ задачи придаетъ исключительную важность, и забываетъ о второй, послѣдней, окончательной, которая не можетъ быть разрѣшена безъ пособія высшихъ взглядовъ, теоріи, системы.

За этимъ слѣдуетъ выводъ изъ полнаго знанія русской исторіи,—выводъ, съ которымъ мы не можемъ согласиться:

„Вразумленная публика перестанетъ толковать о вещахъ, противныхъ нашему духу, развитію, происхожденію, научится уважать свой народъ, воспользуется своими опытами, и начнетъ искать добра тамъ, гдѣ его найти можно, то-есть въ своей землѣ, а не подъ тропиками Рака или Козерога“ (стр. XI и XII).

Споръ старый и потому уже скучный — споръ о томъ, какое значеніе имѣетъ для насъ, современниковъ, прошедшее Руси. Узнавъ его, мы поймемъ себя, яснѣе увидимъ путь, по которому двигаемся въ исторіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ, чего никакъ не должно забывать, поймемъ и необходимость, заставившую насъ искать добра не у себя, а у другихъ. Наука можетъ дать намъ средства облегчить путь, сдѣлать его сознательнымъ и чрезъ это возможно менѣе тяжкимъ, но перемѣнить его не можетъ. Притомъ, что умерло, того ужъ не воскресишь. Мы теперь не знаемъ только, почему умерло, хотя и догадываемся, а тогда будемъ знать: вотъ и все. Смотрѣть иначе на науку исторіи—значитъ не понимать ея.

Рядомъ съ этою мыслью, по нашему мнѣнію невѣрной, мы встрѣчаемъ другую, очень вѣрную:

„Я говорилъ о работѣ, доступной для всякаго трудолюбиваго молодого человѣка, но она не должна останавливать другихъ, одаренныхъ особенными способностями, чующихъ въ себѣ присутствіе высшей силы. Пусть такіе избранные обращаются къ самой исторіи, выбираютъ себѣ тотъ или другой періодъ—Норманновъ, Монголовъ, Москву, Новгородъ, пятнадцатый вѣкъ, смутное время, Малороссію, стрѣльцовъ, или посвящаютъ свое перо одному какому лицу—Ивану третьему, Грозному, Годунову, Хмѣльницкому, Петру. У насъ распространилось недавно повѣрье, что за такія сочиненія приниматься еще не время теперь, пока не обработаны всѣ источники, и пока не кончились всѣ приготовительные труды. Это мнѣніе совершенно ложное. Еслибъ имѣли его Татищевъ, Стриттеръ, Карамзинъ, то до сихъ поръ, у насъ не было бы никакой исторіи. Если же Татищевъ, Стриттеръ, Карамзинъ принимались въ свое время за сочиненіе исторіи, и поступили въ этомъ случаѣ прекрасно, то кольми паче возможно это теперь, послѣ ихъ трудовъ, при обнародованіи матеріаловъ, когда положена уже, такъ сказать, столбовая дорога исторіи. Лишь былъ бы умъ, жаръ, талантъ, даръ Божій! Отъ историка не должно спрашивать новыхъ изслѣдованій, а только искусства воспользоваться сдѣланными. Всякій вѣкъ имѣетъ свои требованія и свой взглядъ на вещи, и во всякомъ вѣкѣ должна возобновляться картина исторіи, сообразно съ состояніемъ науки и матеріаловъ въ его время“ (стр. XII и XIII).

Въ этой мысли есть противорѣчіе съ сказаннымъ выше, съ нападками противъ тѣхъ, которые берутся за цѣлые эпохи и періоды. Но эта-то непослѣдовательность автора „Изслѣдованій“ и оправдываетъ наши слова, что онъ вполнѣ принадлежитъ къ переходному времени. Еслибъ онъ былъ послѣдователенъ, онъ непремѣнно или вышелъ бы на новую дорогу, или исключительно удержался бы при прежнемъ. Въ этой непослѣдовательности и сильная и слабая сторона г. Погодина.

Наконецъ, изъ предисловія мы узнаемъ, что г. Погодинъ намѣренъ въ слѣдующемъ году издать еще два тома объ удѣльномъ

періодѣ, потомъ собраніе своихъ статей, помѣщенныхъ въ журналахъ о разныхъ лицахъ и предметахъ русской исторіи, а затѣмъ постарается какъ можно скорѣе издать и прочіе томы о древней русской исторіи до Петра Великаго. Будемъ ждать.

Первый томъ раздѣленъ на XIV главъ. Въ первой авторъ доказываетъ достовѣрность древней русской исторіи и лѣтописи вообще современными иностранными свидѣтельствами. Изъ нихъ онъ возсоздаетъ русскую исторію, въ главныхъ чертахъ совершенно сходную съ тѣмъ, какъ разсказываетъ ее лѣтопись. Не довольствуясь этимъ очень многовѣснымъ доказательствомъ, онъ обращается къ нашимъ извѣстіямъ, неподверженнымъ сомнѣнію, и изъ нихъ заключеніями назадъ выводитъ то же, что говоритъ лѣтопись. И мысль и выполненіе ея очень удачны. Потомъ разрѣшаются вопросы о времени и мѣстѣ сочиненія первой русской лѣтописи, приписываемой Нестору. Это изслѣдованіе приводитъ автора къ убѣжденію, что лѣтопись писана въ Кіевѣ, въ XI или въ началѣ XII вѣка, не позже.

Вообще, соглашаясь совершенно съ доводами г. Погодина и находя ихъ по большей части вѣрными и основательными, мы не совсѣмъ довольны нѣкоторыми изъ нихъ; напр., на стр. 23 онъ говоритъ, что 1103 годъ въ лѣтописи описанъ, 1104, 5, 6, 7, 8, 9 не описаны; за десятымъ приписка, а за припиской описаніе предыдущихъ пропущенныхъ лѣтъ. За этимъ онъ прибавляетъ.

„Вотъ важнѣйшее для меня доказательство, что въ началѣ XII столѣтія или концѣ XI, въ лѣтописи былъ перерывъ (одинъ сочинитель кончилъ, другой захватилъ нѣсколько предыдущаго времени, неописаннаго у предшественника, и сталъ продолжать). Слѣдовательно, начало ея оканчивалось около этого времени, и слѣдовательно было сочиняемо по крайней мѣрѣ въ XI столѣтіи“.

Это несправедливо. Изъ этого доказательства слѣдуетъ только, что лѣтопись писана въ XII вѣкѣ, а никакъ не въ XI. Послѣднее будетъ натяжкой.

Намъ не нравится также, что г. Погодинъ, въ доказательство, что лѣтопись писалась современникомъ, такъ часто приводитъ мѣста изъ Никоновой лѣтописи (пять разъ), тогда какъ, на стр. 37, онъ самъ говоритъ, что въ ней, равно какъ и въ Степенной Книгѣ, Синопсисѣ и сказкахъ о первыхъ кіевскихъ князьяхъ до Ярослава есть подлоги (они очевидны); на стр. 81, въ примѣч. 2, что въ никоновскомъ спискѣ есть „распространенія и украшенія, а на стр. 84: „всѣ сіи извѣстія принадлежатъ къ подлиннику подлинниковъ, то-есть самому Нестору. Мнѣ не нужно предупреждать, надѣюсь, что я говорю здѣсь не о позднѣйшихъ сборникахъ, какомъ-нибудь никоновскомъ или софійскомъ; я говорю здѣсь о лѣтописи по лучшимъ спискамъ“. Конечно, г. Погодинъ не на одну эту лѣтопись ссылается, но лучше бы было не ссылаться на нее вовсе.

На стр. 39 приводятся слова изъ Никоновской лѣтописи: „Такожъ бѣ и другіи братъ Еремия, иже помняше крещение Рустей земли“. Авторъ говоритъ: „должно полагать, что этотъ Іеремія былъ современникомъ лѣтописателю. Иначе еслибъ лѣтописатель не засталъ уже его, съ чего было бы упоминать, что онъ помнитъ крещеніе“. Это заключеніе произвольно. Монахъ Іеремія могъ быть человѣкъ извѣстный въ монастырѣ, память о которомъ сохранялась долго. Предположенія никогда не должно возводить на степень доказательствъ.

Далѣе, исчисливъ „выраженія въ лѣтописяхъ, показывающія, что описанія сдѣланы какъ бы по горячимъ слѣдамъ происшествій, когда они были еще въ свѣжей памяти у близкихъ потомковъ“, авторъ говоритъ: „такихъ живыхъ преданій нельзя было имѣть позже XI вѣка“ (стр. 48). Явно, что онъ увлекся своею мыслью, убѣжденіемъ; ибо доказать этого невозможно по недостатку доказательствъ. Что лѣтописатель долженъ былъ жить близко къ этому времени, нѣтъ сомнѣнія; но какъ опредѣлить именно когда?

Доказательства, взятыя изъ языка лѣтописи, тоже хороши, убѣдительны, но и въ нихъ авторъ увлекся. Представивъ нѣсколько мѣстъ изъ лѣтописей, относящихся къ разнымъ вѣкамъ, авторъ говоритъ (стр. 45): „Ухо не чувствуетъ ли ясно, что эти описанія, несмотря на поправки, принадлежатъ разнымъ столѣтіямъ и если послѣднее принадлежитъ XIV столѣтію, то первое (вмѣстѣ съ прежними) должно быть столѣтіями двумя старше“.

Дѣйствительно, что первыя мѣста старше послѣднихъ очень чувствительно; но что они старше двумя столѣтіями—этого никакъ не замѣтно. Можетъ быть больше, можетъ быть меньше. Древность памятника по одному ходу рѣчи опредѣлить чрезвычайно трудно, большею частью почти невозможно.

На той же 45 страницѣ г. Погодинъ говоритъ: „обращу вниманіе на форму драматическую, форму древнѣйшую, въ которую отлито все начало лѣтописи. Найдите мнѣ ее въ XIII, XIV или XV столѣтіяхъ въ такомъ видѣ!“ Во-первыхъ, драматическая форма обща всѣмъ нашимъ лѣтописямъ, гдѣ хотя сколько-нибудь подробно разсказывается событіе. Во-вторыхъ, не должно забывать, что время составленія лѣтописи—искомое. Пойдите отъ мысли, что вы ничего не знаете о томъ, когда лѣтопись написана, и драматическая ея форма вамъ ровно ничего не скажетъ. Слѣдовательно, это не доказательство Впрочемъ, противъ этого уже возражали г. Погодину и онъ отвѣчалъ на это возраженіе ниже, на стр. 433:

„Драматическую форму многихъ повѣствованій Нестора я употребилъ только въ дополненіе къ доказательствамъ, отнюдь не придавая ей особенной силы. Авторъ, то-есть критикъ, приводитъ эту форму изъ сочиненій XIV вѣка, и говоритъ, что изъ нея заключить ничего нельзя. Ее можно привесть и изъ нашего времени, но форма формѣ рознь; одна она, разумѣется, немного значитъ, а въ соединеніи съ другими признаками она дополняетъ наше понятіе о первой лѣтописи и ея характерѣ. Я думаю, что приведенныя мною мѣста на стр. 43 даже древнѣе Нестора“.

Ясно, что отвѣтъ на возраженіе слабъ, и оно сохраняетъ свою силу. Доказательство, которое безъ другого доказательства ничего не значитъ,—не есть доказательство. Такъ же неправильно сказано авторомъ на стр. 46:

„Обратимъ вниманіе на характеръ повѣствованія. Оно совершенно различно въ XI и какомъ нибудь XIV вѣкѣ; въ первомъ мы находимъ безпрестанно благочестивыя размышленія, мѣста изъ священнаго писанія; дальше этого почти нѣтъ. Первый повѣствователь ближе къ церковному языку, и кромѣ указанныхъ древнихъ мѣстъ (о которыхъ послѣ), показываетъ гораздо болѣе авторскихъ пріемовъ, нежели послѣдніе.“

Благочестивыя размышленія и мѣста изъ священнаго писанія наполняютъ лѣтописи не только первыхъ временъ, но даже и позднѣйшихъ. Укажемъ для примѣра на псковскую. Близость къ церковному языку безспорно доказательство весьма важное и рѣшительное. Что же касается до авторскихъ пріемовъ, то хотя мы и не находимъ ихъ въ лѣтописи, однако, еслибъ они и были, это былъ бы важный доводъ противъ, а не въ пользу подлинности лѣтописи, ибо въ началѣ сказанія всегда простѣе, безыскусственнѣе; это одна изъ ихъ характеристическихъ чертъ.

Въ числѣ разныхъ соображеній, доказывающихъ древность лѣтописи, авторъ, между прочимъ приводитъ слѣдующее (стр. 54).

„Въ XIV или XV вѣкѣ нельзя знать имени земли Волошской, которое давно уже вышло изъ употребленія въ нашей сторонѣ. Отъ кого узнать въ XIV вѣкѣ объ austur-vigi или wester-vigi норманновъ, давно уже въ то время переставшихъ ѣздить по симъ путямъ въ Грецію? Какъ сочинить сказку (Олегову) о купеческомъ путешествіи въ Грецію въ XIV вѣкѣ, когда путешествія норманновъ давно прекратились? Какъ узнать о походахъ на Грецію? Отъ кого? А походы сіи засвидѣтельствованы иностранцами. Какъ въ XIV или XIII вѣкѣ могли Радимичи вести повозъ? Кому? Послѣ монголовъ и радимичей не стало!“ и проч. и проч.

Если можно было обойтись безъ этого соображенія, то почему авторъ прибѣгнулъ къ нему? Оно не основательно. Точно такъ же, какъ лѣтописецъ XI вѣка узналъ о событіяхъ за долго до него совершившихся, такъ точно могъ ихъ узнать и писатель позднѣйшій,—черезъ преданія и записки, иностранныя лѣтописи и т. д. Если въ XII вѣкѣ упоминаются еще имена русско-славянскія, то почему жъ не могъ знать о нихъ лѣтописецъ XIII вѣка? Точно также нельзя объяснить, почему бы радимичи въ XIV или XIII вѣкѣ не могли вести повозъ, несмотря на разореніе Кіева и южной Россіи монголами. Повторимъ, что этими замѣтками мы вовсе не думали и не думаемъ опровергать основательныя розысканія г. Погодина и производить бурю въ стаканѣ воды. Мы только указали на нихъ, какъ на недосмотры, ошибки, увлеченія, которые мѣшаютъ дѣлу и подаютъ поводъ къ придиркамъ. Кому не извѣстно, что такіе промахи навлекали на себя опроверженія очень неосновательныя, и которыя получали, однако, для незнающихъ видъ дѣльныхъ, серьезныхъ возраженій.

Потомъ авторъ переходитъ къ розысканію о томъ, кто именно писалъ лѣтопись,—розысканію, по собственному его мнѣнію, менѣе важному, что́ дѣйствительно такъ. Всѣ прямыя и косвенныя свидѣтельства указываютъ на Нестора, монаха Кіевопечерской Лавры. Въ какомъ видѣ дошла до насъ лѣтопись (глава IV)? Г. Погодинъ находитъ, что она дошла до насъ точно въ такомъ же видѣ, въ какомъ была написана, исключая необходимыя ошибки и разнословія, принадлежащія переписчикамъ. Это выводитъ г. Погодинъ изъ сличенія всѣхъ древнѣйшихъ списковъ, въ противоположность Шлецеру и всѣмъ из-

слѣдователямъ, которые думали единогласно, что лѣтопись Несторова дошла до насъ съ позднѣйшими вставками.

Потомъ авторъ обозрѣваетъ источники Несторовой лѣтописи. Онъ насчитываетъ ихъ до десяти: 1) прежнія записки церковныя и монастырскія, хронографическія отмѣтки и т. д. Слѣды этихъ записокъ видитъ онъ, между прочимъ, въ томъ, что въ нѣскольхихъ мѣстахъ лѣтописи разсказъ начинается тѣми же словами („Полемъ же жившимъ особѣ"), въ безпорядкѣ извѣстій въ лѣтописи, изобличающихъ вставки, которыя авторъ приписываетъ самому Нестору; кромѣ того, г. Погодинъ указываетъ на слѣды древнихъ памятниковъ, не дошедшихъ до насъ, и которые подтверждаютъ возможность существованія записокъ: лѣтописца стараго ростовскаго, хронологическую таблицу у Нестора, Борисово житіе (предположивъ, что оно принадлежитъ не Нестору) и т. д. „Можетъ быть въ нашихъ хронографахъ",—говоритъ авторъ,—„о которыхъ мы до сихъ поръ не имѣемъ еще никакого порядочнаго понятія, отыщется первоначальная основа Несторовой лѣтописи" (стр. 95). 2) Собственное удостовѣреніе; 3) извѣстія современниковъ; 4) болгарскія лѣтописи или извѣстія; 5) греческія лѣтописи по словамъ самого Нестора; 6) извѣстія варяговъ; 7) туземные разсказы жителей; 8) преданія; 9) письменные документы (акты), наприм., договоры съ греками; 10) народныя пѣсни и сказки.

Могъ ли Несторъ пользоваться всѣми этими источниками, былъ ли онъ грамотенъ и на столько образованъ? Г. Погодинъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно, и доказываетъ распространеніемъ въ Россіи христіанства и грамотности за двѣсти пятьдесятъ лѣтъ до Нестора; тѣмъ, что онъ извѣстенъ какъ сочинитель житія Өеодосіева, которое было труднѣе написать, чѣмъ лѣтопись; тѣмъ, что въ его время было много людей грамотныхъ, которыхъ труды до насъ дошли, и т. д.

Въ этой главѣ есть также нѣкоторые недосмотры. Наприм., послѣ многихъ историческихъ соображеній, которыя дѣлаютъ вѣроятнымъ существованіе у насъ записокъ монастырскихъ или церковныхъ, авторъ говоритъ: „Рѣшительно у насъ были записки до Нестора" (стр. 92). Это заключеніе намъ кажется слишкомъ поспѣшнымъ. На стр. 93, говоря, что въ лѣтописи есть хронологическая таблица (Лавр. Списокъ по изд. Тимк. стр. 11), въ которой исчисляются важнѣйшія событія отъ сотворенія міра до смерти Святополка и опредѣлены ихъ годы, авторъ прибавляетъ: „Мнѣ кажется, что эта таблица писана прежде Нестора, а имъ только что продолжена. Еслибы писалъ ее Несторъ, то вѣрно помѣстилъ бы Рюрика и новгородское призваніе". Намъ кажется такое предположеніе произвольнымъ. Г. Погодинъ самъ думаетъ, и это вѣроятно, что лѣтопись Нестора по преимуществу кіевская. Очень понятно и естественно, что, дошедъ до Россіи, онъ началъ выставлять хронологическія числа по однимъ кіевскимъ событіямъ; притомъ же, если эта таблица не имъ составлена, отчего же онъ говоритъ отъ своего имени? Вѣроятно, онъ не присвоилъ бы ее себѣ, еслибъ она не ему принадлежала; отчего бы въ нее былъ введенъ Михаилъ, византійскій императоръ (это указываетъ на то, что она была составлена съ помощью лѣтописей греческихъ или болгарскихъ); наконецъ, мы не видимъ причины, почему бы Несторъ не могъ исправить ее, еслибы она дѣйствительно была не имъ составлена и казалась ему недостаточной. По крайней мѣрѣ, одно предположеніе равносильно другому.—На стр. 95 авторъ говоритъ: „наконецъ я обращаю вниманіе на языкъ нѣкоторыхъ мѣстъ, рѣзко отличающійся отъ Несторова: извѣстія о происшествіяхъ, напримѣръ, при Олегѣ, Святославѣ, написаны гораздо простѣе, грубѣе, чѣмъ благочестивыя размышленія въ лѣтописи, или житіе Өеодосія". Это кажется г. Погодину однимъ изъ указаній на то, что Несторъ пользовался при составленіи лѣтописи какими-нибудь записками, которыя вносилъ безъ большихъ измѣненій. Намъ кажется это предположеніе слишкомъ смѣлымъ. У насъ есть странная способность говорить двумя или нѣсколькими различными языками, смотря потому, о чемъ мы говоримъ. О священномъ, церковномъ, наприм., мы до сихъ поръ говоримъ языкомъ напыщеннымъ, полу - славяно - церковнымъ. Вспомните письмо Іоанна IV въ Кирилловскій монастырь: подумаешь, двое его писали. Такъ, вѣроятно, поступалъ и Несторъ. По крайней мѣрѣ, на различіи языка его нельзя ровно ничего основывать. Множество примѣровъ представляютъ и самыя лѣтописи послѣ Нестора.

На стр. 99 сказано, что „первые наши духовные, священники, наприм., при Игорѣ, у Ольги (священникъ Григорій), при Владимірѣ, были безъ сомнѣнія Болгаре". А почему

безъ сомнѣнія, не объяснено. — На той же 99 стр. сказано, что житія болгарскихъ святыхъ зашли къ намъ всего вѣроятнѣе въ XI вѣкѣ, а почему, тоже не видно.—На стр. 101, объясняя какимъ образомъ греческія лѣтописи могли быть доступны для Нестора, авторъ дѣлаетъ чрезвычайно натянутое предположеніе, что греческій монахъ Михаилъ, бывшій въ то время въ монастырѣ, могъ перевести нужное для Нестора изъ греческаго временника, какъ перевелъ монастырскій уставъ. Мы, напротивъ, думаемъ, что это дѣло почти невозможное. Переводить греческій временникъ вовсе не то, что̀ переводить уставъ и законы, опредѣляющіе жизнь, и, слѣдовательно, имѣющіе непосредственное, практическое примѣненіе. Признаемся откровенно, что чѣмъ болѣе мы вдумываемся въ нашъ бытъ XI вѣка и сравниваемъ его съ послѣдующимъ, тѣмъ намъ кажется невозможнѣе, несообразнѣе, неестественнѣе, чтобы одинъ сталъ для удовлетворенія простой любознательности другого (ибо г. Погодинъ самъ говоритъ на стр. 38, что наши монахи писали лѣтопись для себя, а не для другихъ) переводить лѣтопись. Всякое другое предположеніе вѣроятнѣе, чѣмъ это.—На стр. 104, вѣроятно, ошибкой поставлено Древляне вмѣсто Дреговичи (Δρουγουβιτοι Константина Багрянороднаго). — Замѣтимъ еще въ заключеніе, что г. Погодинъ, разрѣшивъ, и, какъ намъ кажется, основательно, вопросъ объ источникахъ, которыми пользовался Несторъ, и о возможности ими пользоваться въ XI вѣкѣ, не опредѣлилъ, а только мимоходомъ коснулся возможности для Нестора, монаха, написать лѣтопись. Несторъ все-таки остается лицомъ загадочнымъ, фактомъ страннымъ въ то время. Его большая начитанность, связи съ современниками, то, что онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ дипломатическіе акты, знакомство съ лѣтописями греческими и болгарскими, наконецъ, самая мысль писать русскую лѣтопись,—воля ваша, все это изобличаетъ въ немъ или ученаго монаха, какихъ не могло быть у насъ тогда своихъ, монаха, пришедшаго изъ Болгаріи или Греціи, или какое-нибудь знатное, извѣстное лицо между русскими и славянами того времени. Кажется, это не обратило на себя вниманія г. Погодина. Мысль, что лѣтопись писалъ монахъ XI вѣка, невольно насъ сбиваетъ съ толку, и даетъ ложное представленіе о цѣлой эпохѣ.

Глава VI содержитъ въ себѣ изслѣдованіе о достовѣрности договоровъ русскихъ князей съ греками; она доказана очень хорошо и убѣдительно. Только и здѣсь мы встрѣчаемъ нѣкоторые недосмотры. На стр. 116 стоитъ слѣдующая нелогическая фраза: „Договоры сами по себѣ столько важны, столько значительны для русской и общей европейской исторіи, что необходимо утвердить ихъ подлинность и оградить ихъ отъ возможныхъ притязаній“.—Одно изъ другого не слѣдуетъ. Надобно утверждать то, что̀ истинно.—Изъ четырехъ мѣстъ, взятыхъ изъ греческихъ лѣтописей о сношеніяхъ грековъ съ Руссами, только два (Льва-Дьякона и Кедрина) свидѣтельствуютъ рѣшительно, что между ними были договоры (стр. 120 и 121).—На страницѣ 125 приведено много примѣровъ, что въ нашихъ лѣтописяхъ не помѣщались очень важные договоры и грамоты, а не объяснено, почему именно договоры съ греками попали въ Несторову лѣтопись. Даже нѣтъ попытки объяснить это. Мы думаемъ, что разрѣшеніе этого вопроса могло бы привести насъ къ окончательнымъ заключеніямъ объ языкѣ подлинныхъ договоровъ. Что они—переводъ съ греческаго,—это очень вѣроятно. Также вѣроятно, что мы ихъ имѣемъ въ болгарскомъ переводѣ. (На страницѣ 123, г. Погодинъ говоритъ, что эти договоры были, безъ всякаго сомнѣнія, писаны на нашемъ языкѣ и греческомъ. Но едва-ли онъ правъ, выражаясь такъ утвердительно). Если этотъ болгарскій переводъ заимствованъ изъ какой-нибудь болгарской лѣтописи, еще остается возможнымъ предположеніе, что онъ не оффиціальный, и что подлинникъ, отправленный къ нашимъ князьямъ, былъ писанъ на какомъ-нибудь другомъ языкѣ, напримѣръ, норманскомъ; но если не такъ, т.-е., если Несторъ имѣлъ копію съ подлинника, находившагося въ Россіи, то болгарскій языкъ подлинника находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ норманствомъ нашихъ первыхъ князей,—не говоря уже о томъ, что невозможно себѣ и представить, какимъ образомъ такая копія могла попасть Нестору въ руки. Въ новгородскихъ лѣтописяхъ нѣтъ договорныхъ грамотъ новгородцевъ съ ихъ князьями, хотя новгородскимъ монахамъ легче было знать эти договоры, чѣмъ кіевскому договоры князей съ иностранцами. Впрочемъ, къ этому мы еще возвратимся.—На стр. 126 поставленъ вопросъ: „какъ могли договоры сохраниться у насъ, дойдти до Нестора?“

—а отвѣтъ: „какъ бы то ни было, а сохранились". Итакъ—мы не знаемъ; это и проще, и яснѣе.—На стр. 137, находимъ слова: „количество пословъ было непремѣннымъ условіемъ знаменитости посольства". Это не такъ, по крайней мѣрѣ сначала. Много пословъ посылалось не для того, чтобы возвысить государя, а потому, что посылалъ не онъ одинъ, а всѣ его вассалы, „сущіе подъ рукою". Уже впослѣдствіи это перешло въ обычай посылать много пословъ; форма удержалась, но смыслъ ея былъ потерянъ.—На той же 137 страницѣ: „Въ договорѣ Олега говорится о наслѣдствѣ Русина, умершаго въ Греціи, которое должно быть переслано въ его отечество, и у норманновъ есть свидѣтельство объ участкѣ изъ добычи, который долженъ быть доставленъ наслѣдникамъ. Et si aliquis de Normannis occisus fuit, quaesitum pretium pro eo est exsolutum". Эти мѣста выставлены какъ параллельныя; но послѣднее темно, а два первыя не имѣютъ между собою ничего общаго.

Въ этой же статьѣ находимъ два важныя противорѣчія. Первое, о лѣтописцахъ (стр. 151):

„Ну какъ собиратель 13 или 14 вѣка могъ договоръ своего времени отнести ко временамъ древнимъ *предъ своими современниками?* Могъ ли онъ такъ обманывать въ глаза? И съ какой цѣлью?"

Но самъ же авторъ сказалъ на стр. 38-й, что „наши монахи писали для себя, а не для публики". А если такъ, то нечего говорить о современникахъ, и невозможность ихъ обмануть—не аргументъ.—На стр. 252:

„Если же между десятками разныхъ статей есть единицы подобныя, то отъ этихъ мелкихъ статей нельзя ничего заключать къ огромному цѣлому... Подобія встрѣчаются у народовъ самыхъ отдаленныхъ одинъ отъ другого, на противоположныхъ полушаріяхъ, въ разныхъ періодахъ времени".

Правда, совершенно такъ. Однако въ III томѣ это положеніе опровергается:

„Охотники спорить, охотники искать не истины, а предлоговъ къ несогласію, могутъ сдѣлать слѣдующее частное возраженіе, составленное изъ легкихъ общихъ мѣстъ: такое-то постановленіе (напримѣръ, месть) принадлежитъ всѣмъ народамъ, такое-то имя (напримѣръ, князь) есть чисто славянское, слѣдовательно, норманскими ихъ назвать нельзя. Отвѣчаю: 1) если они общія, то нельзя отнять ихъ и у Норманновъ; 2) они являются не одни; а въ совокупности со множествомъ другихъ обычаевъ или именъ, чисто норманскихъ, слѣдовательно должны быть принесены Норманнами же, которые встрѣтили у туземцевъ случайное сходство съ собою въ этомъ отношеніи. Мало ли есть такихъ сходствъ и теперь между племенами и при всемъ прочемъ ихъ различіи между собою" (стр. 417).

Объ этомъ мѣстѣ въ отношеніи къ норманскому періоду мы еще будемъ говорить ниже. Здѣсь замѣтимъ только, что г. Погодинъ произвольно употребляетъ общее положеніе или въ свою пользу, или противъ противниковъ, смотря потому, какъ ему удобнѣе и выгоднѣе. На такомъ шаткомъ основаніи, которое мирволитъ и тому и другому, нельзя ничего строить, и г. Погодинъ не долженъ бы вовсе прибѣгать къ нему; ибо оно само себя разрушаетъ.

Параллельныя мѣста, подобранныя къ договорамъ съ греками изъ лѣтописей и договоровъ, не всегда удачны; напримѣръ, стр. 130:

„Въ Олеговомъ договорѣ говорится объ укладахъ на Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Полотскъ, Ростовъ, Любечь".	Константинъ Багрянородный по другому случаю говоритъ, что суда, ходившія въ Константинополь, были изъ Кіева, Чернигова, Любеча и проч."

„И проч." не должно сбивать насъ: между прочими нѣтъ ни одного города, поименованнаго въ договорѣ.

Такъ же неудачно и послѣднее параллельное мѣсто, на стр. 136. Кромѣ того, много и такихъ мѣстъ находимъ мы въ этой параллели, къ которымъ можно подыскать мѣста не только въ европейскихъ, но и въ другихъ исторіяхъ всѣхъ временъ. Такъ, напримѣръ, о подписаніи договоровъ.

Въ заключеніе, нельзя не указать на очень остроумное объясненіе окончанія нѣкоторыхъ именъ въ Игоревомъ договорѣ на *овъ*. Г. Погодинъ думаетъ, что они „не имена самихъ посланниковъ, но имена тѣхъ князей, кои вмѣстѣ съ Игоремъ отправили посольство къ византійскому императору" (стр. 141). Мы съ этимъ совершенно согласны, но думаемъ, что этимъ объясненіемъ г. Погодинъ не довольно воспользовался при объясненіи норманскаго періода, что̀ и постараемся доказать при разборѣ третьяго тома.

Въ VII главѣ г. Погодинъ дѣлитъ Несторову лѣтопись (по Лаврентьевскому списку, сколько напечатано) на части и показываетъ, откуда каждая могла быть заимствована.

„Предупреждаю читателей" (говоритъ авторъ на стр. 157) „во-первыхъ, что я буду говорить теперь объ извѣстіяхъ Нестора только въ отношеніи къ *возможнымъ* источникамъ; во-вторыхъ, что я ни

мало не стою за свои *предположенія*: пусть другіе изслѣдователи приберутъ возможные источники вѣроятнѣе".

Полагая, можетъ быть, что это предупрежденіе недостаточно, авторъ въ самомъ концѣ этой главы опять говоритъ (стр. 172):

„Считаю нужнымъ повторить, что все это разсужденіе есть предположительное, и я знаю, что, разбирая мои предположенія порознь, можно написать на нихъ очень много возраженій, особенно общими мѣстами и вопросительными знаками".

Обходя послѣднюю замѣтку, которая здѣсь совершенно лишняя, мы позволимъ себѣ замѣтить одно: предположеніе, къ которому прибѣгаетъ изслѣдователь въ крайнемъ случаѣ, когда другихъ средствъ для открытія истины нѣтъ, никогда не можетъ быть совершенно случайно, совершенно произвольно. Непремѣнно оно имѣетъ какое-нибудь основаніе, которое дѣлаетъ его вѣроятнымъ. Оттого и происходитъ, что часто предположеніе знатока обращается съ помощью вновь найденныхъ доказательствъ въ полную историческую истину. Такъ всегда бываетъ, если предположеніе хоть сколько-нибудь правдоподобно, и только по этому мѣрилу мы отдѣляемъ предположенія вѣроятныя и возможныя отъ невѣроятныхъ и невозможныхъ. Не иначе поступалъ и г. Погодинъ, хотя и не вездѣ высказалъ основанія своихъ предположеній. Въ лѣтописи различныя мѣста очевидно взяты не изъ одного источника. Угадавъ однажды, какія основанія принялъ г. Погодинъ, приписывая такое-то мѣсто такому-то источнику, а другое—другому, рецензентъ имѣетъ полное право разбирать, вѣрны ли эти основанія, и вѣренъ ли авторъ своему началу, примѣняя его къ различнымъ мѣстамъ лѣтописи. Такая критика не будетъ совершенно произвольна, и можетъ легко обойтись безъ общихъ мѣстъ и вопросительныхъ знаковъ. Напрасно авторъ говоритъ, что онъ не стоитъ за свои предположенія. Здѣсь онъ на такой же исторической почвѣ, какъ и въ другихъ главахъ своего сочиненія, и критикъ, разбирая эти мѣста, столько же обязанъ быть послѣдовательнымъ, держаться фактовъ, какъ г. Погодинъ—уступить ему, когда онъ опровергнетъ выводъ, казавшійся автору несомнѣнно вѣрнымъ. Просматривая всѣ предположенія г. Погодина, мы находимъ, что нѣкоторыя изъ нихъ весьма вѣроятны, правдоподобны, и потому не подлежатъ опроверженіямъ до открытія новыхъ источниковъ. Например, на стр. 168 авторъ говоритъ, что слова лѣтописи: „Семеіонъ иде на Храваты, и побѣженъ бысть Храваты, и оумре оставивъ Петра, князя сына своего Болъгаромъ. Въ лѣто 6451 паки придоша Оугри на Царьградъ, миръ створивше съ Романомъ, возъвратишася въ свояси",—что эти слова взяты изъ греческихъ и болгарскихъ лѣтописей, и съ нимъ трудно не согласиться. Но не всѣ его предположенія таковы: въ нѣкоторыхъ онъ невѣренъ самому себѣ. Напримѣръ, на стр. 161 онъ говоритъ: „Преданіе о посѣщеніи нашихъ странъ св. Апостоломъ Андреемъ... возникло у насъ или принесено къ намъ. Прибавленіе о баняхъ указываетъ на послѣднее. Но кому же охота сочинять объ насъ? Можетъ быть, греки, при введеніи христіанской вѣры. Можетъ быть, это новгородскій слухъ". Во-первыхъ, замѣтимъ, что въ прошломъ 1846 году въ С.-Петербургѣ вышло въ свѣтъ сочиненіе архимандрита Макарія подъ заглавіемъ „Исторія Христіанства въ Россіи до князя Владиміра". Авторъ этой превосходной книги, обличающей огромную начитанность, доказываетъ, что апостолъ Андрей могъ проповѣдывать и дѣйствительно проповѣдывалъ въ Россіи. Слѣдовательно, это—событіе, сохранившееся въ преданіяхъ, можетъ быть, и нашихъ. Но разсказъ о баняхъ, вѣроятно, прибавленъ, и прибавленъ у насъ, а не принесенъ изъ чужи. Знакомство съ другими народами, у которыхъ бань нѣтъ, родило это преданіе. Взглянуть на себя глазами иностранцевъ, съ иронической arrière pensée объ нихъ, совершенно въ русскомъ духѣ. Г. Погодинъ не подмѣтилъ этого, приписывая происхожденіе преданія грекамъ, а почему онъ видитъ въ этомъ новгородскій слухъ — мы рѣшительно понять не можемъ. Итакъ, преданіе, съ примѣсью народной остроты, шутки, передѣланное, можетъ быть, Несторомъ или еще до него, но въ Россіи, сообразно съ тогдашними географическими понятіями (о пути Андрея въ Римъ), — вотъ источники этого мѣста. На стр. 162: „О нашествіи Болгаръ на дунайскихъ Славянъ, объ Уграхъ бѣлыхъ и черныхъ, Обрахъ... безъ сомнѣнія, изъ какой-нибудь болгарской лѣтописи, которая остается для насъ еще неизвѣстною, можетъ быть, съ дополненіемъ изъ пѣсенъ". Здѣсь „можетъ быть"—слишкомъ осторожно въ сравненіи съ отзывами о другихъ мѣстахъ, которыхъ источники гораздо сомнительнѣе. Все,

что сказано о господствѣ Обровъ надъ Дулебами, очевидно взято изъ преданія (даже пословица сохранилась въ то время) или пѣсенъ — все равно — но мѣстныхъ, туземныхъ. Мѣсто объ убійствѣ Игоря (стр. 169) совершенно не понято авторомъ. Онъ говоритъ: „Несторъ, вѣроятно, прибавилъ здѣсь что-либо отъ себя, ибо въ началѣ находятся слова: хотя промыслити большую дань, между тѣмъ какъ ни слова не говорено прежде ни о какой дани, а о мирѣ Игоря, и послѣ о вызовѣ его дружиною на войну; замѣтимъ такъ же, что чрезъ двѣ строки встрѣчается опять это выраженіе: и примышляше къ первой дани". Толкованіе неправильное. Во-первыхъ, г. Погодинъ идетъ отъ ложной мысли, что дань взималась временно, набѣгами, войною; она была постоянная, опредѣленная, которая взималась самими князьями. О томъ, когда это дѣлалось обыкновеннымъ порядкомъ, Несторъ не упоминаетъ, да и не для чего было упоминать. Этого объясненія не опровергаютъ слова лѣтописи: „И приспѣ осень, нача мыслити на Деревляны, хотя примыслити большую дань". Мы знаемъ, что дань сбиралась осенью (оттого осеннее полгодье и параллельное извѣстіе у Константина Багрянороднаго). Итакъ, осенью Игорь задумалъ сбирать дань съ древлянъ, но ему хотѣлось собрать больше (большую), чѣмъ обыкновенно. „Мыслити" — часто употребляется въ лѣтописяхъ въ значеніи „замышлять что-нибудь недоброе"; затѣявать войну есть уже производное значеніе этого слова. Дружина, которая и впослѣдствіи, въ лицѣ людей боярскихъ, продолжала грабить области при всякомъ удобномъ случаѣ, на что столько доказательствъ въ жалованныхъ грамотахъ, — дружина хотѣла воспользоваться этимъ случаемъ, чтобъ поживиться, и Игорь собралъ больше обыкновеннаго, „примышляше къ первой дани", т.-е. той, которую древляне обыкновенно платили. Но какъ этого ему было мало, потому что онъ еще прежде задумалъ собрать больше, а взявъ въ часть дружину, онъ не могъ собрать сколько хотѣлъ,—онъ возвратился на новый примыслъ и былъ убитъ. Вотъ простой смыслъ словъ. Поэтому неправъ авторъ, говоря, что дружина вызывала Игоря на войну; не на войну она его вызывала, а на поживу. И повтореніе словъ: „и примышляше къ первой дани" —очень естественно, понятно. — Путешествіе Ольги въ Царьградъ, по мнѣнію автора (стр. 170), взято изъ прежнихъ записокъ и много распространено Несторомъ. Но сказаніе о сватовствѣ императора и хитрости Ольги —очевидно народный разсказъ. Слѣдовательно, и онъ служилъ источникомъ. Притомъ это разсказъ русскій, туземный. — Такъ же въ разсказѣ или пѣсняхъ должно искать источника повѣсти о Святославѣ, какъ онъ хотѣлъ переѣхать жить въ Болгарію и мать ему отсовѣтовала. Многое принадлежитъ здѣсь Нестору, но едва ли запискамъ, какъ думаетъ авторъ (стр. 171).—То же самое должно сказать о походѣ Святослава въ Болгарію: онъ дышетъ народнымъ разсказомъ и трудно услѣдить въ немъ остатокъ записокъ. Уже невѣрное изображеніе похода показываетъ источникъ. А г. Погодинъ думаетъ, что онъ заимствованъ между прочимъ изъ прежнихъ записокъ (стр. 171).

Глава восьмая посвящена разсмотрѣнію сказокъ въ Несторовой лѣтописи. Во всѣхъ трехъ томахъ нѣтъ такой слабой главы, какъ эта. Мы почти не вѣрили своимъ глазамъ, читая въ книгѣ дѣльной и основательной такія вещи. Въ самомъ началѣ авторъ говоритъ (стр. 175):

„Во всѣхъ почти главныхъ происшествіяхъ, о которыхъ узнаемъ мы изъ Несторовой лѣтописи, особенно сначала, первыми дѣйствующими лицами были варяги-норманны. Норманны любили разсказывать о своихъ подвигахъ, *увеличивать ихъ*, *хвастаться ими*, что доказывается цѣлою литературою Сѣверныхъ Сагъ, кои ведутъ свое начало изъ отдаленной древности. Точно такъ поступали они у насъ: преувеличенные ихъ разсказы, сохранявшіеся въ преданіи, въ пѣсняхъ, въ сагахъ, или полученные Несторомъ изустно, употреблены были имъ при сочиненіи лѣтописи, и при распространеніи прежнихъ записокъ; нѣкоторые, напримѣръ о мщеніи Ольги, вошли, кажется, даже прежде въ составъ ихъ. Такимъ образомъ не осталось ни одного почти важнаго происшествія, отъ Рюрика и до Ярослава, которое не было бы изукрашено баснословными подробностями болѣе или менѣе. Чтобъ найти истину, должно разбирать эти сказанія лѣтописи, какъ сказанія Исландскихъ Сагъ, имѣвшихъ одно происхожденіе съ ними, очищать ихъ, повѣрять здравымъ разсудкомъ, другими свидѣтельствами, послѣдствіями и т. д".

Во-первыхъ, не понимаемъ, почему автору кажется, что нѣкоторыя сказки, напримѣръ, о мщеніи Ольги, вошли еще прежде въ составъ записокъ, которыми пользовался Несторъ при составленіи своей лѣтописи. Во-вторыхъ, намъ кажется, что авторъ смотритъ съ совершенно ложной точки на сказки. Нѣтъ ничего наивнѣе мысли, что сказка мо-

жетъ быть очищена; повѣрена здравымъ разсудкомъ и т. д. Она сама по себѣ источникъ, и богатый, обильный, но не для такого или другого историческаго факта, а для характеристики цѣлой эпохи. Она придаетъ ей плоть и кровь и оживляетъ сухія, голыя извѣстія лѣтописей. Самъ г-нъ Погодинъ понимаетъ это. На стр. 287 онъ говоритъ: „Нечего искать въ Сагахъ подробностей... объ этомъ періодѣ". Далѣе (Т. III стр. 115) онъ опять повторяетъ ту же мысль: „Не бытій надобно искать въ Сагахъ (хотя часто и онѣ важны)".

Все это справедливо; тѣмъ болѣе причинъ удивляться, какъ можно, понимая сказки и саги такъ ясно, браться за нихъ такъ неловко, какъ взялся г. Погодинъ! Кто не видитъ, что иная сказка не имѣетъ никакого историческаго основанія, а между тѣмъ очень и очень правдоподобна; другая неправдоподобна, а имѣетъ историческое основаніе; третья, имѣя видъ сказки, не есть однако сказка, а истинное историческое происшествіе. Какъ же тутъ добраться до фактической истины? Даже въ сказкахъ новѣйшаго времени это не всегда возможно, тѣмъ менѣе въ сказкахъ эпохи столько отдаленной. Потому-то онѣ и остаются какъ лучшій вспомогательный источникъ исторіи не для отдѣльныхъ фактовъ и событій, а для обычаевъ, нравовъ, характера, живой физіономіи эпохи. Посмотрите же, какія операціи предпринимаетъ г. Погодинъ надъ сказками, помѣщенными у Нестора. На стр. 176, разсказавъ о походѣ Олега подъ Кіевъ, убійствѣ Аскольда и Дира, онъ разсуждаетъ такъ:

„Вѣроятно ли, что Аскольдъ и Диръ, которые владѣли Кіевомъ уже 20 лѣтъ, ходили подъ Царьградъ съ войною, и вошли въ сношеніе съ Греками, которые были тверже на своемъ мѣстѣ, чѣмъ единоплеменники ихъ въ Новгородѣ? Вѣроятно ли, что они вошли къ Олегу безъ всякаго сопровожденія, не принявъ никакой осторожности? и сколько воиновъ могло скрыться въ малой лодкѣ Олеговой? Вѣроятно ли, что дружина Аскольдова оставила смерть ихъ безъ отмщенія и передалась спокойно побѣдителю? А ея видно было много, когда самъ Олегъ не посмѣлъ сначала вступить въ открытый бой съ нею, но прибѣгнулъ къ хитрости. Вѣроятно ли, что Аскольдъ и Диръ не узнали ничего о происшествіяхъ новгородскихъ, и выступленіи Олеговомъ?—Нѣтъ, это все невѣроятно, а вѣроятно только то, что *Олегъ умертвилъ* (можетъ быть измѣною) *Аскольда и Дира и овладѣлъ Кіевомъ*".

Странно читать такія вещи. Всѣ эти вопросы, изъ которыхъ на каждый можно дать отвѣтъ утвердительный и съ доказательствами, слишкомъ ясно показываютъ, какъ г. Погодинъ понимаетъ, что значитъ историческая критика. Хорошъ также и выводъ... Ну, развѣ нельзя сдѣлать множество другихъ выводовъ, и съ такимъ же основаніемъ?

Выписываемъ еще нѣсколько такихъ же мѣстъ. Стр. 177 о намѣреніи грековъ отравить Олега. „Вѣроятно ли намѣреніе отравить чрезъ посланниковъ? Кто взялся бы за такое порученіе,. и пошелъ бы на вѣрную смерть? Мудрено и Олегу отгадать намѣреніе, и потомъ не угостить посланниковъ принесенными гостинцами!" Стр. 179: Разсказавъ повѣсть о смерти Олега и приведя подобный разсказъ изъ исландскихъ сагъ, авторъ говоритъ: „Вѣроятнаго въ разсказѣ о смерти Олега то, что онъ умеръ отъ ужаленіи змѣи". Это напоминаетъ намъ разсказъ про одного англичанина, который изъ басни „Лисица и Воронъ", вывелъ назидательное правило, что, сидя на деревѣ, не должно держать во рту сыра.

Если выписывать всѣ подобныя мѣста и толкованія изъ книги г. Погодина, то пришлось бы списать всю главу. Достаточно уже выписаннаго. Любопытнымъ рекомендуемъ прочесть еще толкованіе сказки о мщеніи Ольги, о ея крещеніи. Образцовое въ этомъ родѣ есть междустрочное толкованіе разсказа объ осадѣ Кіева печенѣгами. И это называется исторической критикой! Г. Погодину слѣдовало бы заниматься не опредѣленіемъ происшествія, которому приданъ видъ сказки, потому что безъ помощи прямыхъ историческихъ указаній это невозможно, а опредѣлить характеръ сказокъ и вывести изъ нихъ результаты, историческія положенія для характеристики эпохи, которая отразилась въ этихъ сказкахъ. Этого-то онъ и не сдѣлалъ, или сдѣлалъ поверхностно, неудовлетворительно. Напримѣръ, онъ не воспользовался сказкой о различныхъ парусахъ для Руси и славянъ. Только мѣстами указываетъ онъ на норманскій характеръ нѣкоторыхъ сказокъ; славянскій элементъ въ нихъ совершенно упущенъ изъ вида, тогда какъ нѣкоторыя сказки имъ проникнуты, напримѣръ, всѣ сказки временъ Владиміра, можетъ быть, даже разсказъ о мести Ольги. Замѣтимъ также, что нѣкоторые анекдоты того времени, сохранившіеся въ преданіи, напримѣръ, о единоборствѣ Печенѣга съ Яномъ, причислены тоже г. Погодинымъ къ числу

сказокъ. Вообще, какъ мы сказали, это одна изъ самыхъ неудачныхъ главъ въ цѣломъ сочиненіи, потому что г. Погодинъ выбралъ ложный путь при обсужденіи предмета. Вмѣсто того, чтобы отстаивать подлинность Несторовой лѣтописи, несмотря на сказки, онъ смѣло могъ доказывать ея подлинность, основываясь на нихъ: такъ онѣ живо сохранили на себѣ печать отдаленнѣйшихъ временъ.

Въ слѣдующей главѣ авторъ, недовольный еще прежними доводами, сильно говорящими въ пользу достовѣрности извѣстій лѣтописи, доказываетъ ее еще свидѣтельствами современныхъ близкихъ туземныхъ памятниковъ, свидѣтельствомъ современныхъ иностранныхъ писателей, географическими названіями, сохранившимися въ послѣдующихъ памятникахъ и до нашего времени, внутренними доказательствами и личнымъ характеромъ Нестора. Но согласіемъ современныхъ древнѣйшихъ памятниковъ съ лѣтописью потому нельзя доказывать ея достовѣрность, что всѣ они могли заимствовать изъ лѣтописи. „Слово Даніила Заточника“, какъ говоритъ самъ авторъ, носитъ замѣтные слѣды такого заимствованія (стр. 207). Итакъ, они доказываютъ древность, а не достовѣрность лѣтописи. Тоже можно сказать и о доказательствахъ, взятыхъ изъ названія мѣстностей. Они доказываютъ туземность лѣтописи, отчасти древность ея—не болѣе. Говоря это, мы не хотимъ опровергать выводовъ г. Погодина, но только показываемъ, что онъ не всегда правильно употребляетъ доводы.

Въ выпискѣ изъ заключительной лекціи о Несторѣ, помѣщенной въ концѣ главы и содержащей въ себѣ большею частію однѣ фразы и разглагольствованія, г. Погодинъ приписываетъ Нестору, между прочимъ, горячее патріотическое чувство. Въ чемъ же онъ его находитъ? Въ выраженіи о русской землѣ, когда другіе думали о своей личности и о княжествахъ. Странно! Любя свой предметъ, г. Погодинъ его преувеличиваетъ. Самъ онъ позволяетъ себѣ много напыщенныхъ фразъ, воображаетъ, что совершилъ патріотическій подвигъ, защитивъ лѣтопись и лѣтописца отъ нападокъ скептиковъ, а между тѣмъ, въ другихъ этихъ фразъ не терпитъ. Такъ, на страницѣ 469, онъ приводитъ слова одного писателя, и называетъ ихъ „безполезнымъ велерѣчіемъ“. Не значитъ ли это видѣть недостатки въ другихъ, а въ себѣ не замѣчать? Мы скажемъ также въ свою очередь: вмѣсто „безполезнаго велерѣчія“, расточаемаго въ заключительной лекціи, лучше бы г. Погодинъ обратилъ вниманіе на несообразности, которыя встрѣчаются у Нестора, на безпорядокъ въ его извѣстіяхъ, на неумѣнье согласить вставки съ текстомъ, на то, что разсказъ о походѣ Святославовѣ не соображенъ съ словами договора. Если исторія чрезъ это выиграла, то не значитъ, что чрезъ это выигралъ и лѣтописатель. Фразами въ наше время нельзя никого убѣдить и заставить забыть дѣло.

Главу X занимаютъ изслѣдованія о подлинности „Русской Правды“. Опроверженія возраженій Каченовскаго на „Правду“ вообще хороши и убѣдительны. Нельзя того же сказать о доводахъ г. Погодина. Они слабы и обходятъ вопросы, поставленные новыми изысканіями и нерѣшенные до сихъ поръ. Сверхъ того, есть частные недосмотры: на страницѣ 233 сказано, что большая часть списковъ „Правды“ находится въ кормчихъ, а остальные въ „Новгородскихъ Лѣтописяхъ“. Однако мы знаемъ, что былъ такой списокъ и въ „Ростовской“. Тамъ же сказано, что на всѣхъ спискахъ находится имя князя Ярослава Владиміровича. Но стоитъ взглянуть на первую страницу Тобинова „Синопсиса“, чтобъ убѣдиться въ противномъ. Намъ скажетъ г. Погодинъ, что краткій текстъ взятъ Татищевымъ изъ „Новгородской Лѣтописи“, гдѣ онъ помѣщенъ вслѣдъ за извѣстіемъ о „Правдѣ“, данной Ярославомъ Новгородцамъ. Такъ! Однако въ „Софійскомъ Временникѣ“ (изд. Строевымъ) помѣщенъ другой текстъ, и подъ другимъ мѣстомъ, что́ доказываетъ, что лѣтописцы навѣрное не знали „Правды“, данной Ярославомъ, а Розенкампфъ и за нимъ г. Поповъ, весьма основательно и убѣдительно доказали, по крайней мѣрѣ доказывали, что „Правда“, которую мы знаемъ и та, о которой говорится въ „Лѣтописи“ непосредственно передъ ея текстомъ, совершенно различны, и не могли имѣть между собою ничего общаго.—Увлеченный ревностью противъ Каченовскаго, который подлинность „Правды“ опровергалъ, между прочимъ, тѣмъ, что у насъ нѣтъ оффиціальнаго или засвидѣтельствованнаго ея списка, г. Погодинъ, на страницѣ 237, восклицаетъ: „Что есть у насъ подлиннаго даже до Уложенія, т. е., до по-

ловины 17 вѣка — не только изъ вѣковъ прежнихъ?" Такой вопросъ можно было сдѣлать пятьдесятъ лѣтъ назадъ, а не теперь, когда мы имѣемъ Румянцовскіе акты и труды Археографической Коммиссіи. Одно оглавленіе подлинныхъ актовъ, извѣстныхъ намъ теперь и напечатанныхъ, составитъ порядочную книгу.—На страницѣ 249, примѣч. 34, г. Погодинъ соглашается съ поправкой Каченовскаго, который въ статьѣ X (по „Синопсису" г. Тобина), вмѣсто „на костѣхъ", читаетъ „на гостѣхъ". Г. Поповъ находитъ эту поправку ненужною. Г. Погодинъ возражетъ ему тѣмъ, что „нельзя и думать, не только говорить, о слѣдствіи уголовномъ, когда изъ трупа обнаружатся кости. На это слишкомъ много нужно времени". Но съ этимъ нельзя согласиться. Сказано: „а по костѣхъ или по мертвецѣ"; смыслъ ясенъ. Читайте „на гостѣхъ", — сопоставленіе съ мертвецомъ будетъ совершенно непонятно. Сверхъ того, о какомъ слѣдствіи говоритъ г. Погодинъ? По прямому смыслу словъ видно, что и не нужно слѣдствія, когда найдены будутъ кости или мертвецъ, котораго никто не знаетъ: никто за него и не въ отвѣтѣ. На страницѣ 250 г. Погодинъ неправильно возражаетъ Каченовскому. Послѣдній находитъ, что тіуны были несвободные люди, холопы; а г. Погодинъ говоритъ: „Онѣ (слова Правды,—„а третіе холопство, тіунство безъ ряду") именно доказываютъ противное тому, что хочетъ доказать Каченовскій; кто шелъ въ тіуны безъ ряду, тотъ дѣлался холопомъ". Нельзя такъ играть словами въ изслѣдованіяхъ! Изъ того, что свободный, сдѣлавшись тіуномъ, дѣлался холопомъ, прямо вытекаетъ, что тіунъ холопъ; иначе свободный, принявъ тіунство безъ условія, не сдѣлался бы холопомъ. Тамъ же авторъ продолжаетъ: „Притомъ, тіунство употреблено здѣсь въ смыслѣ нарицательномъ, общемъ, какъ боярство, холопство, и никакъ не можетъ служить къ объясненію опредѣленнаго имени тіунъ. Точно то же должно сказать о тіунахъ, которыхъ князья отпускали на волю. Казначей, напримѣръ, или управитель, можетъ быть и теперь, свободный, и крѣпостной, и если одного казначея баринъ отпуститъ на волю, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ и государственный казначей, уѣздный, принадлежалъ къ холопству". Мѣсто темно и его трудно понять. Но въ томъ, что мы поняли, авторъ тоже не правъ. Тіуны были свободные—съ рядомъ, и холопы—взятые въ тіуны изъ холопей, или вступившіе въ тіунство безъ ряду. Это ясно. Говорить о тіунахъ государственныхъ, уѣздныхъ и барскихъ—значитъ не понимать того времени, къ которому относится „Правда". Князь и бояринъ имѣли одинакій дворъ, дружину, одинакое управленіе. О государственномъ устройствѣ въ эту эпоху нечего и думать. Дружинникъ, получившій должность тіуна, по всѣмъ вѣроятностямъ не становился холопомъ точно такъ же, какъ простолюдинъ оставался свободнымъ, вступая тіуномъ къ боярину, но съ условіемъ. Слѣдовательно, опять-таки Каченовскій правъ, тѣмъ болѣе, что, какъ мы достовѣрно знаемъ, въ княжескихъ дьякахъ, тіунахъ и ключникахъ бывали холопы князя.—На стр. 253 приведены слова Каченовскаго, который свое мнѣніе о „Русской Правдѣ" доказываетъ, между прочимъ, тѣмъ, что въ ней на продовольствіе вирника по средамъ и пятницамъ назначается и сыръ. Г. Погодинъ отзывается: „А вирнику куна, оже сыръ —значитъ ли здѣсь сыръ то, что нынѣ подъ симъ словомъ разумѣется—это разъ; во вторыхъ, строго ли соблюдался постъ мірянами въ Ярославово время, мы не знаемъ; сыръ могъ остаться старою пошлиною; оже значитъ ли здѣсь *или?* Впрочемъ это такая бездѣлица, коею никакъ нельзя опровергать большаго документа! Во всякомъ случаѣ это мѣсто должно отнести къ числу темныхъ, впредь до объясненія". Но всѣ эти слова ничего не значатъ. Самъ авторъ это чувствуетъ. Не понимаемъ, почему онъ не причислилъ это мѣсто къ тѣмъ, которыми въ другомъ мѣстѣ (Т. III стр. 338) онъ такъ остроумно доказываетъ вліяніе римско-католическаго исповѣданія на Новгородъ. Вѣдь названіе „Пискупля улица"—въ ярославовомъ „Уставѣ о Мостовыхъ", актѣ, по его же мнѣнію, современномъ „Правдѣ"?

Въ концѣ изслѣдованія о „Русской Правдѣ", мы находимъ весьма интересное замѣчаніе г. Погодина объ этомъ памятникѣ (стр. 243): „Русская Правда есть первоначально уставъ норманскій, принесенный Варягами-Русью, и въ теченіе времени переведенный на языкъ того народа, среди котораго они поселились, точно какъ у разныхъ единоплеменниковъ ихъ этотъ уставъ съ разными измѣненіями переведенъ былъ на Латинскій". Здѣсь, кажется, впервые печатно высказана мысль, что „Русская Правда" переведена на нашъ языкъ съ другого. Не одинъ г. Погодинъ такъ ду-

маетъ. Мы слышали то же замѣчаніе отъ одного знатока русскихъ древностей. Языкъ „Правды“ много говоритъ въ пользу этого предположенія. Во всякомъ случаѣ, это предметъ долгихъ и долгихъ изслѣдованій...

„Уставъ Ярослава о мостовыхъ“ (стр. 259) авторъ называетъ достовѣрнымъ въ высшей степени, но склоняется къ мысли Карамзина, что въ немъ есть позднѣйшія вставки. Но вѣдь въ этомъ-то и вся сила! Ярославъ могъ дать уставъ, а мы имѣемъ его въ позднѣйшей передѣлкѣ, слѣдовательно, не его, и потому не можемъ на немъ основываться, говоря о времени Ярослава. Вѣдь то же самое представляютъ уставы Владиміра и Ярослава; они были изданы этими князьями,—однако, никто еще не могъ добраться до ихъ первоначальнаго текста. Это и подало поводъ отвергать ихъ подлинность, и до сихъ поръ мы можемъ ими пользоваться только для позднѣйшаго времени.

Подлинность Ярославова „Устава о мостовыхъ“ г. Погодинъ доказываетъ слѣдующими доводами: 1) причины къ выдумкѣ никакой предполагать нельзя. — Это не доводъ. 2) Языкъ глубоко древній.—Правда; но развѣ мы такъ коротко знаемъ нашъ древній языкъ, что можемъ по немъ опредѣлить вѣкъ составленія устава? 3) Собственныя имена такія, какихъ никогда сочинить нельзя. — Все же не доказательство современности устава Ярославу. 4) Нѣтъ ни одного періода изъ извѣстныхъ источниковъ, откуда можно было бы почерпнуть сполна его объясненіе.—Авторъ согласится съ нами, что и это не доказательство. Развѣ мы знаемъ подробно мѣстность Новгорода въ XII, XIII и XIV вѣкахъ? 5) Въ одномъ актѣ, конца XII вѣка, говорится, что готландцы обязаны были, живя въ Новгородѣ и имѣя тамъ свой домъ, давать на содержаніе мостовой. – Отсюда не слѣдуетъ, что уставъ принадлежитъ Ярославу, или что невозможно было составить его гораздо позже Ярослава. Вѣдь мы не видимъ, чтобъ этимъ уставомъ учреждалось нѣчто новое. Быть можетъ, онъ установилъ, опредѣлилъ, какъ законъ, уже издавна существовавшее. Противное должно еще доказать.

И такъ, вопроса о подлинности Ярославова „Устава о мостовыхъ“ г. Погодинъ далеко не разрѣшилъ. Зачѣмъ же было поднимать его?

Глава XI, о церковныхъ уставахъ Владиміра и Ярослава, не есть собственное изслѣдованіе автора, а повтореніе того, что уже говорили Карамзинъ, митрополитъ Евгеній, Розенкампфъ—и противъ, и въ защиту подлинности этихъ уставовъ. Въ объясненіе, какимъ образомъ въ уставъ Владиміра могло попасть имя патріарха Фотія, умершаго девяносто лѣтъ прежде, г. Погодинъ предлагаетъ перестановку знаковъ препинанія. Выходитъ измѣненіе, но не подвигающее насъ нисколько къ рѣшенію вопроса; потому что, если Владиміръ не могъ креститься у Фотія, то не могъ получить отъ него и епископа. Вся глава очень неважная.

Потомъ о сѣверныхъ сагахъ по иностраннымъ писателямъ. Взглядъ на ихъ отношенія къ русской исторіи вѣренъ.

„Саги чрезвычайно важны для насъ, изображая намъ живо Норманновъ, которые были главными дѣйствующими лицами въ нашей исторіи въ продолженіе первыхъ двухъ сотъ лѣтъ, и представляя ихъ образъ дѣйствія, вѣрованій и мыслей. Это ихъ общее достоинство, но и въ частности онѣ не менѣе важны, знакомя насъ съ нѣкоторыми лицами, которые у насъ жили и дѣйствовали, напримѣръ, Олафомъ святымъ, Гаральдомъ, Рагнвальдомъ, Эймундомъ, Рагнаромъ“ (стр. 285)... Нечего искать въ Сагахъ подробностей, обстоятельствъ, составляющихъ событіе, частностей хронологическихъ, географическихъ,—даже біографическія должны быть подвергнуты строгому разбору и повѣркѣ,—но общія черты, характеръ, нравы, обычай, вообще краски—всегда драгоцѣнны. Изданная Копенгагенскимъ обществомъ сѣверныхъ антикваріевъ Эймундова Сага служитъ яснымъ тому доказательствомъ: частности большею частію не вѣрны; но общія черты (сношенія, переговоры, условія, занятія, военныя дѣла и проч.), имѣютъ величайшую важность для русской исторіи, дополняя, объясняя, оживляя наши свѣдѣнія объ этомъ періодѣ. Напримѣръ, о наймѣ варяговъ кіевскими князьями, какъ подтверждаетъ Эймундова Сага Нестора и греческихъ лѣтописателей!“ (стр. 287).

По поводу „сагъ“, г. Погодинъ входитъ въ довольно подробный разборъ статьи г. Сенковскаго, напечатанной имъ вмѣстѣ съ переводомъ „Эймундовой Саги“, и возраженій на нее С. Скромненки (покойнаго С. Строева). Вообще, оба разбора хороши и основательны, какъ намъ кажется; только нельзя похвалить тона, которымъ они написаны. Г. Сенковскому авторъ возражаетъ съ готовымъ предубѣжденіемъ противъ нѣкоторыхъ мыслей, слѣдовательно не какъ ученый,—потому что, если предубѣжденія бываютъ часто очень похвальны въ человѣкѣ, то они всегда подозрительны въ критикѣ. Такъ, на страницѣ 292, мы находимъ слѣдующую выходку:

„Какъ? Чешское, Сербское, Польское нарѣчіе сохранилось въ чистотѣ своей, несмотря ни на какіе натиски и наплывы чуждыхъ стихій, а Русско-Славянской языкъ былъ бы поглощенъ какимъ-нибудь Чухонскимъ діалектомъ! *Вотъ здѣсь-то слышится чужой голосъ!*"

Отзываться такъ о результатахъ, добытыхъ ученымъ изслѣдованіемъ, каковы бы они, впрочемъ, ни были, никто не имѣетъ права. Такое неуваженіе къ лицу и ученому —плодъ крайней необдуманности, тѣмъ болѣе, что остроумное замѣчаніе г. Сенковскаго вовсе не заслуживаетъ такого отзыва. Въ другомъ мѣстѣ, г. Погодинъ называетъ мысль г. Сенковскаго нелѣпостью—выраженіе, впрочемъ, очень употребительное во всей книгѣ г. Погодина.

Что касается до разбора статьи покойнаго С. Строева, то это наборъ выходокъ, роняющихъ въ глазахъ читателей критика, а не статью, которую онъ разбираетъ. Вотъ мѣста:

„Представьте себѣ студента, только что вставшаго съ университетской лавки, который думаетъ, что вся премудрость человѣческая заключается въ его тетрадкахъ,—такъ г. Скромненко и началъ разбирать статью г. Сенковскаго. (Стр. 306). Послѣ такихъ незначущихъ, какъ читатели видятъ, придирокъ, г. Скромненко, обнаруживая вмѣстѣ съ смѣлостію совершенное невѣдѣніе объ исторической литературѣ, хотя полноты нельзя было и требовать отъ только что кончившаго курсъ ученія студента... (Стр. 311) Совѣтую молодымъ людямъ обращаться не на Востокъ, не на Сѣверъ, не на Западъ, а просто къ книгамъ, и учиться, учиться, а потомъ выбирать, какую страну угодно". (Стр. 314).

И о комъ же г. Погодинъ такъ отзывается? О мертвомъ, который не можетъ защищаться!

Послѣ самаго краткаго, бѣглаго обзора прочихъ источниковъ древнѣйшей русской исторіи, лѣтописей греческихъ, болгарскихъ и западныхъ, извѣстій арабскихъ, памятниковъ искусствъ и монетъ, г. Погодинъ переходитъ къ критикѣ школы Каченовскаго. Мы уже высказали прежде наше мнѣніе о значеніи Каченовскаго въ отношеніи къ русской исторіи и къ г. Погодину. Здѣсь не станемъ объ этомъ распространяться. Фактически, непосредственно, г. Погодинъ совершенно правъ и вышелъ полнымъ побѣдителемъ изъ борьбы съ своимъ противникомъ. Мы покажемъ теперь, какъ онъ относится къ своимъ противникамъ, отзывается объ нихъ, и отмѣтимъ частные промахи въ его опроверженіяхъ.

Стр. 325. „Противъ древней Русской Исторіи, о достовѣрности и источникахъ которой мы представили теперь изслѣдованія и замѣчанія, появилось въ продолженіе пяти лѣтъ (1830—1835), нѣсколько статей, удостоенныхъ отъ нашихъ *несвѣдущихъ журналистовъ* почетнаго титла *Скептической* школы, которая однакожь скоропостижно и скончалась, уступивъ мѣсто другой, и, надо признаться, *еще болѣе нелѣпой,* то есть *Славянской.* Считаю нужнымъ объяснить ея происхожденіе и войти въ нѣкоторыя частныя подробности. Мнѣ придется теперь осуждать покойниковъ,—это слишкомъ непріятно, тягостно,—но наука имѣетъ свои права и требованія, предъ коими должны умолкать всѣ прочія".

Это правда. Только мы не знаемъ, почему же непремѣнно должно отзываться о покойникахъ такъ, какъ отзывается г. Погодинъ? Наука этого не требуетъ...

Затѣмъ слѣдуетъ характеристика Каченовскаго, довольно безпристрастная, которою г. Погодинъ, можетъ-быть, хотѣлъ заранѣе оправдаться въ послѣдующемъ. Въ очеркѣ ученой дѣятельности покойнаго профессора уже начинаются несправедливости. Напримѣръ, г-нъ Погодинъ говоритъ, что до 1830 года Каченовскій шелъ „въ старомъ пути" (стр. 326); но самъ же цитуетъ его статьи въ „Вѣстникѣ Европы" 1827 года, самъ же говоритъ, на стр. 329, что онъ, г. Погодинъ, уже съ 1820-хъ годовъ ратовалъ противъ Каченовскаго. Хорошо ли это? На стр. 326 и 327 въ примѣч. 1-мъ, г. Погодинъ приводитъ цѣликомъ мѣсто изъ Карамзина о банномъ строеніи, гдѣ онъ подшучиваетъ надъ объясненіемъ Каченовскаго, и въ концѣ говоритъ: „выписываю это примѣчаніе, ибо отчасти—inde irae". Знатокъ человѣческаго сердца! На стр. 331 мы находимъ слѣдующія слова: „Каченовскій началъ смѣлѣе проповѣдывать свое ученіе сомнѣнія и отрицанія въ Университетѣ. Студенты, имѣвшіе къ нему отношеніе какъ профессору, декану и наконецъ ректору, должны были benevolentiae captandae causa, писать классическія упражненія въ его духѣ, и подвели разсужденія изъ общихъ мѣстъ подъ его отрицанія и знаки вопроса". Словомъ, Каченовскій случайно набрелъ на свои сомнѣнія, сперва подъ вліяніемъ Эверса, потомъ Нибура, который „на бѣду явился тогда и произвелъ шумъ въ ученой литературѣ своими сомнѣніями", наконецъ, съ помощью Сарторіуса, который тоже „попался ему въ руки" и далъ пищу его сомнѣніямъ, такъ что „и голова у него закружилась". Во всѣхъ этихъ мѣстахъ г. Погодинъ не только бьетъ куда попало, не разбирая, но, къ сожалѣнію, на-

поминаетъ то уже прошедшее время, когда критика не безпристрастно и не во имя одной истины вызывала лицо и лица на свой судъ, разыгрывая роль высшаго, неумытнаго трибунала нравственности. Мы съ своей стороны плохо вѣримъ писателю, когда онъ, разбирая мнѣніе противной школы, видитъ въ ея направленіи не ошибку, не ложь, а двусмысленную интригу, коренящуюся въ случайныхъ обстоятельствахъ, возникшую вслѣдствіе вновь вышедшей книги, внушеній самолюбія и такъ далѣе, и поддержанную низкопоклонничествомъ. Еслибъ это и такъ было, развѣ дѣло ученаго вскрывать закулисныя тайны, частныя дѣла? Такіе трибуналы теперь существуютъ въ учрежденіяхъ правительственныхъ, въ общественномъ или, по крайней мѣрѣ, въ общемъ мнѣніи. Пока нельзя говорить печатно о частной жизни человѣка, до тѣхъ поръ никто не въ правѣ выводить въ книгѣ, хотя бы намеками и въ латинскихъ фразахъ, поступки не оффиціальные. Такъ мы думаемъ и увѣрены, что г. Погодинъ съ нами согласится...

Приводить всѣ мѣста, въ которыхъ выказался г-нъ Погодинъ съ этой невыгодной стороны въ новомъ своемъ сочиненіи, мы считаемъ невозможнымъ, излишнимъ. Одинъ первый томъ — богатый рудникъ, котораго, сколько ни черпаешь, не осушишь. Противниковъ своихъ онъ называетъ новыми невѣждами (стр. 51), сумасшедшими или безумными (стр. 54), новѣйшими самозванцами-критиками (стр. 86), новыми самозванцами (стр. 99, прим. 19), школьниками (стр. 331), школьной школой (стр. 362), нашими недоспѣлыми Нибурами (стр. 485) и т. д. О Каченовскомъ г. Погодинъ отзывается не иначе, какъ — „Каченовскій съ своими студентами“... Кажется, довольно этихъ указаній. Впрочемъ, мы можемъ увѣрить читателей, что такихъ и еще большихъ выходокъ, гораздо болѣе, чѣмъ мы выписали.

„Желая кончить это дѣло, *предосудительное* для исторической русской литературы, которая одна почти поддерживаетъ *нашу ученую честь*, а еще болѣе желая предотвратить молодыхъ людей на будущее время отъ подобныхъ вредныхъ заблужденій и охранить прямую дорогу, дорогу Байеровъ, Шлецеровъ, Карамзиныхъ, по которой для достиженія цѣли должны идти дѣлатели, пользуясь, разумѣется, новыми трудами и видами науки, я разберу теперь всѣ сочиненія, сюда принадлежащія“ (стр. 332).

За симъ начинается подробный разборъ тринадцати статей, принадлежащихъ Каченовскому и его послѣдователямъ. Изъ особенной деликатности, непонятной послѣ всего, что видѣли читатели, г. Погодинъ перенумеровалъ статьи.

„Я стану (говоритъ онъ) называть авторовъ по нумерамъ, подъ которыми въ хронологическомъ порядкѣ поставлены выше ихъ разсужденія, а не по именамъ, дорожа ихъ честью: всѣ они освободились изъ-подъ вліянія и умолкли,—зачѣмъ же напоминать объ ихъ юношескихъ грѣхахъ, которые послужили имъ, впрочемъ, во спасеніе. Вмѣстѣ съ симъ читатели увидятъ и доказательство, что здѣсь дѣло идетъ о наукѣ, а не о личностяхъ“ (стр. 334).

Послѣднія слова необходимы. Тонъ разбора таковъ, что еслибъ г. Погодинъ не предварилъ насъ, что онъ разбираетъ статьи, а не ополчается на автора, мы бы этого никогда не поняли. Разборъ первой статьи хорошъ, но въ него вкралась важная ошибка, происшедшая отъ односторонности г. Погодина. Во всякомъ сомнѣніи, касающемся нашей старины, г-ну Погодину представляется, что вотъ Несторова лѣтопись въ опасности, что всѣ возраженія — личности противъ лѣтописи и ея составителя. Каченовскій доказываетъ, что кожаныхъ денегъ не было, а г. Погодинъ говоритъ (стр. 333): „Положимъ, что не было; но что же слѣдуетъ изъ этого? Были или не были кожаныя деньги, — это мнѣніе не имѣетъ никакого отношенія ни къ лѣтописи Несторовой, ни къ древней русской исторіи, и нисколько не уменьшаетъ ея достовѣрности. Это есть только частное ученое мнѣніе, справедливое или несправедливое“. И въ концѣ (стр. 346): „Читатели видятъ, что еслибъ даже были вѣрны его положенія (большею частью весьма сомнительныя и натянутыя), то и тогда они не могли бы нисколько привесть въ подозрѣніе лѣтопись Несторову, къ коей не имѣютъ никакого отношенія“. Конечно, не имѣютъ. Вольно г. Погодину смотрѣть на эту статью, какъ на возраженіе противъ лѣтописи! Каченовскій взялъ вопросъ поглубже. Для него подлинность лѣтописи было дѣло второстепенное, — не цѣль, а средство. А что вопросъ о кожаныхъ деньгахъ, имѣющій прямую связь съ финансовымъ управленіемъ древней Россіи, есть вопросъ частный,—съ этимъ мы никакъ не можемъ согласиться.

Въ опроверженіяхъ на остальныя разсужденія школы Каченовскаго мѣстами также попадаются странные промахи. Авторъ 4-й статьи говоритъ, что до XIII столѣтія,

т.-е. до договорной грамоты Смоленска съ Ригой, у насъ нѣтъ государственныхъ актовъ. Заключенія изъ этого факта ложны и поверхностны, но фактъ несомнѣненъ. Г. Погодинъ говоритъ: „нѣтъ, у насъ есть государственные акты: договоры съ Греками, Русская Правда, церковные уставы Владиміра и Ярослава и уставъ Ярослава о мостовыхъ“ (стр. 362), и ссылается на ихъ подлинность. И то, и другое несправедливо. Они не государственные и не подлинные акты, потому что дошли къ намъ не въ подлинникахъ. Подлинность ихъ (т.-е. не подлинность, а достовѣрность) не равно для всѣхъ доказана; изслѣдованіе списковъ „Русской Правды“ отняло у критиковъ и самую надежду возстановить первоначальный текстъ,—такъ разнообразны тѣ, которые мы имѣемъ. Изслѣдованія уставовъ показали, что въ нихъ есть большія вставки, относящіяся къ позднѣйшему времени.

На стр. 374-й мы находимъ странное обвиненіе Каченовскаго въ томъ, что онъ будто бы „не читалъ дальше первыхъ страницъ лѣтописи“. Оно и ложно, и какъ-то дико. (Пропускаемъ совѣты и назиданія молодымъ людямъ, плохія остроты и пр.).

На стр. 432 находимъ ничѣмъ недоказанныя слова: „Горы Угорской, послѣ Татаръ нельзя было знать; точно то же должно сказать о объ Ильминѣ дворѣ и о церкви св. Иліи; слѣдовательно, все это могло быть написано только до Татаръ“. Почему же это? Татары? Да развѣ не могло остаться нѣсколько человѣкъ, которымъ кіевская хорографія была совершенно извѣстна, и которые передали ее другимъ? Это не больше, какъ предположеніе. — На стр. 438, г. Погодину возражаютъ: „если списокъ оканчивается извѣстнымъ годомъ, не слѣдуетъ отсюда выводить, что и подлинникъ, съ котораго онъ списанъ, оканчивался этимъ годомъ“. Возраженіе очень основательное. На него отвѣчаетъ г. Погодинъ слабо: „Разумѣется слѣдуетъ, ибо всякій переписчикъ списывалъ съ подлинника. Съ чего же станемъ мы предполагать, чтобъ кто нибудь списывалъ часть его?“ Мы думаемъ, что нельзя предположить ни того, ни другого, потому что нѣтъ никакого основанія предполагать. — На стр. 440, г-ну Погодину возражаютъ противъ до-Несторовыхъ записокъ тѣмъ, что неизвѣстно, умѣли ли христіане IX вѣка писать, а онъ отвѣчаетъ: „Я разумѣлъ здѣсь христіанъ священниковъ, блюстителей религіи, а не новообращенныхъ: безъ грамоты не могли они и обѣдни служить“. Это неправда. Мы имѣемъ примѣры безграмотныхъ, совершенно безграмотныхъ священниковъ даже при Петрѣ Великомъ, который сначала запретилъ-было ставить такихъ священниковъ, но потомъ, по недостатку грамотныхъ, дозволилъ, лишь бы они знали службу наизусть. — Тамъ же возражаютъ г. Погодину: „Какихъ русскихъ князей священникъ Ольги могъ записывать даже въ своихъ поминаньяхъ, когда всѣ наши князья до Владиміра были язычники?“ А г. Погодинъ отвѣчаетъ фразой: „Какихъ—Ольгу, которая была супругою сына Рюрикова, Владиміра и сына его Ярослава, сыновъ его, внуковъ—вотъ сколько было князей до Нестора“. Вамъ говорятъ о духовникѣ Ольги, кого онъ могъ записывать, а не о князьяхъ, которые были послѣ Ольги. Если вы думаете, что духовникъ Ольги жилъ до временъ Нестора, — докажите это и не обходите возраженія. До Ольги не было русскихъ князей Рюрикова дома христіанъ, а въ этомъ и вся сила возраженія.

О тонѣ возраженій противъ статей, писанныхъ въ духѣ Каченовскаго, говорить нечего. Г-нъ Погодинъ отзывается о послѣдователяхъ Каченовскаго, какъ о дѣтяхъ, съ патріархальнымъ чувствомъ сожалѣнія къ грѣхамъ юности, которые исправлять должно бы не критикой, а средствами болѣе патріархальными, дѣтскими. Вотъ на выдержку одно мѣсто (стр. 454): „Нейманъ, выразившій послѣднюю Эверсову мысль, не осмѣливается сослаться на Восточныхъ писателей, — а эти школьники, не зная восточныхъ языковъ, не читая даже нѣмецкихъ разсужденій, а только мои переводы изъ Эверса и Неймана, смѣло утверждаютъ восточное происхожденіе Руси, и говорятъ, что Восточные писатели свидѣтельствуютъ такъ!“—Вѣрный мысли, что статьи писались benevolentiae captandae causa, г. Погодинъ восклицаетъ (стр 390): „Какъ хохочетъ теперь, я думаю, самъ авторъ, читая эти нелѣпицы, кои разбирать мнѣ пришлось“. Не знаемъ, хохочетъ или нѣтъ. Впрочемъ, другой вѣкъ, другіе нравы. Намъ теперь трудно объ этомъ судить, равно какъ и понять тонъ г. Погодина...

Конецъ тома занятъ разборомъ мнѣній г-на Строева о нашихъ лѣтописяхъ — мнѣній, высказанныхъ имъ въ „Хронологическомъ Указателѣ матеріаловъ для Русской Исторіи,

Литературы и Правовѣдѣнія“ и оцѣнки трудовъ гг. Буткова и Кубарева въ отношеніи къ Нестору.

Второй томъ посвященъ исключительно разсмотрѣнію двухъ главныхъ, основныхъ элементовъ, изъ которыхъ сложилась Россія: варяго-руссовъ и славянъ. Славянскій элементъ, какъ онъ ни мало обслѣдованъ, все же представляетъ нѣчто опредѣленное, извѣстное, несомнѣнное. Совершенно другое элементъ варяго-русскій До сихъ поръ, несмотря на множество розысканій по этому предмету, вопросъ о томъ, кто такіе были варяго-руссы, и какой именно элементъ они принесли съ собой, не разрѣшенъ окончательно. Есть ученые, которые даже отчаяваются въ возможности когда-нибудь разрѣшить его. И въ самомъ дѣлѣ, несмотря на богатую литературу, онъ едва-ли даже установленъ окончательно. Нѣкоторые считаютъ варяговъ и Русь за одинъ народъ, другіе ихъ отдѣляютъ. Большая часть въ главномъ согласна относительно происхожденія варяговъ; но о происхожденіи руссовъ существуютъ самыя разнообразныя, противоположныя мнѣнія. Одни считаютъ ихъ народомъ восточнымъ, другіе европейскимъ. Ихъ ищутъ около береговъ Чернаго и Балтійскаго морей; нѣкоторыя находятъ ихъ слѣды во всей Европѣ. При такой разноголосицѣ мнѣній, имѣющихъ за себя ученый авторитетъ, было бы дерзко мечтать объ окончательномъ его разрѣшеніи въ нѣсколькихъ словахъ, въ журнальной статьѣ.

Строго придерживаясь принятаго плана, мы будемъ слѣдить за изслѣдованіями г. Погодина и указывать на тѣ доказательства, которыя намъ показались слабыми или ничего недоказывающими.

Въ послѣднее время стало болѣе и болѣе распространяться мнѣніе, что вопросъ о происхожденіи варяговъ-Руси совсѣмъ не имѣетъ той важности, которую ему обыкновенно приписываютъ. Это мнѣніе имѣетъ, кажется, два основанія. Во-первыхъ, славянизація варяговъ-Руси, ихъ совершенное обрусенье должно было привести къ мысли, что если варяго-руссы и принесли съ собой особенный чуждый намъ элементъ, то онъ скоро исчезъ и былъ поглощенъ элементомъ славянскимъ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ далѣе мы отходимъ отъ такъ называемаго варяжскаго періода, тѣмъ болѣе является преобладающимъ элементъ славянскій. Въ сѣверо-восточной Россіи, съ конца XII и начала XIII вѣка, нѣтъ ужъ ничего варяжскаго, чуждаго, — все славянское. Итакъ, варяго-русскій элементъ въ русской исторіи—заключаютъ многіе—имѣетъ лишь временную, относительную важность, а потому и вопросъ о немъ не есть первостепенный, важный для всей русской исторіи. Во-вторыхъ, интересъ къ этому вопросу охладѣлъ и потому, что прежде вся сила критики, всѣ труды ученыхъ относились къ нему одному; всѣ прочіе вопросы остались нетронутыми или сравнительно разработаны гораздо слабѣе. Теперь поняли, что позднѣйшая исторія гораздо важнѣе, интереснѣе, ближе къ намъ, нежели древнѣйшая. Въ этомъ отразилось практическое направленіе науки, начавшее недавно преобладать надъ чисто-теоретическимъ, отвлеченнымъ. Оттого, разработка ближайшаго къ намъ времени въ древней русской исторіи занимаетъ болѣе, нежели изслѣдованіе древнѣйшаго. Это не трудно замѣтить.

Нельзя не сказать, что обѣ причины — болѣе временныя, историческія, нежели лежащія въ самомъ предметѣ. Вопросъ о происхожденіи варяговъ-Руси такъ неразрывно связанъ съ вопросомъ, какой элементъ они принесли къ намъ, что это одно дѣлаетъ его несравненно важнѣе всякаго другого частнаго вопроса, напримѣръ, вопроса о мѣстѣ погребенія Ляпунова и Пожарскаго, о томъ, на которомъ именно мѣстѣ стоялъ Кіевъ или Ладога въ древнѣйшія времена. Только съ его разрѣшеніемъ разрѣшится вопросъ о дѣйствительномъ значеніи „Русской Правды“ въ первоначальныя времена, о происхожденіи множества словъ, названій, должностей, учрежденій, которыя гораздо позже встрѣчаются въ русской исторіи и къ которымъ глазъ такъ ужъ приглядѣлся, что они кажутся нашими, національными, славянскими. Мы даже позволяемъ себѣ думать, что безъ рѣшенія этого вопроса нельзя почти опредѣлить, точно ли варяжскій элементъ исчезъ у насъ безъ слѣдовъ? Быть можетъ, узнавъ его, мы нашли бы его отголосокъ гораздо ближе къ намъ, нежели мы думаемъ; ибо въ первоначальныхъ обществахъ, начало, однажды брошенное въ жизнь, вдругъ не умираетъ, но, перерождаясь безпрестанно, сохраняется въ отдаленнѣйшія времена. Весь распорядокъ службы, наборъ войска, помѣстная система, дума, судебныя пошлины, отчасти управленіе и судопроизводство въ московской Россіи не есть ли от-

голосокъ варяжскаго элемента? Дѣло очень возможное, и рѣшить этого нельзя теперь, не зная, кто были варяги-Русь.

Правда, за рѣшеніе этого вопроса брались, намъ кажется, не такъ, какъ должно. Изслѣдованія вели чисто-филологически, выбирали мѣста изъ писателей, которые упоминали о варягахъ-Руси, разсматривали ихъ — и этимъ большею частію ограничивались. Нѣкоторые сравнивали учрежденія древнѣйшія съ новѣйшими, русскими же; но этотъ путь также не могъ привести къ рѣшительнымъ результатамъ, потому что въ позднѣйшемъ не могли не сохраниться слѣды древнихъ установленій, какъ они ни видоизмѣнялись. Намъ кажется, что для окончательнаго разрѣшенія вопроса надобно подробно сличить внутренній бытъ нашихъ и прочихъ славянскихъ племенъ, особливо выбирая тѣ эпохи, когда послѣднія не были подъ вліяніемъ чуждыхъ элементовъ. Что въ насъ пришлаго, чуждаго, тотчасъ обнаружится, а съ тѣмъ вмѣстѣ опредѣлится и то, какіе элементы принесли къ намъ варяго-руссы — самая важная, существенная часть задачи.

Г. Погодинъ своими изслѣдованіями указываетъ на этотъ новый путь, но большей своей половиной стоитъ въ прежнемъ, старомъ. Его доказательства по преимуществу филологическія. Правда, онъ ужъ сильно опирается на доказательства, взятыя изъ обычаевъ и учрежденій варяжскихъ (этимъ особенно замѣчателенъ третій томъ его изслѣдованій); но идя отъ одного скандинавскаго элемента, который онъ обслѣдовалъ исключительно, авторъ присвоилъ ему многое, что̀ очевидно принадлежало и славянамъ, и что̀ слѣдовательно не можетъ вести къ разрѣшенію вопроса, или ведетъ къ ложному воззрѣнію на древнѣйшую исторію.

Въ самомъ началѣ, на 1-й страницѣ, г. Погодинъ ставитъ вопросъ, какъ началось русское государство, и говоритъ:

„Вопросъ важный и любопытный: какъ началось то государство, которое могуществомъ своимъ превышаетъ далеко всѣ государства въ мірѣ, прошедшемъ и настоящемъ; которое легко можетъ еще усилиться въ нѣсколько разъ, которое въ десяти своихъ климатахъ обладаетъ всѣми естественными произведеніями, и можетъ обходиться безъ всякой иностранной помощи; которое занимаетъ теперь уже первое мѣсто въ политической системѣ Европы, и можетъ располагать судьбою ея, судьбою всего свѣта, всего рода человѣческаго; которое обилуетъ свѣжими силами, бьется юною жизнью, между тѣмъ какъ прочія уже устарѣли, ветшаютъ, ниспадаютъ съ высоты своего величія“.

Потомъ авторъ приводитъ мѣсто изъ Нестора о призваніи варяговъ-Руси и изъ него выводитъ три вопроса: кто были варяги-Русь? Въ какомъ положеніи находились славянскія племена, съ которыми соединились варяги-Русь? Какъ соединились, т.-е., при какихъ условіяхъ зачалось государство? Первые два вопроса разрѣшаются во второмъ томѣ; третій въ третьемъ.

Мнѣніе о происхожденіи варяговъ-Руси г. Погодина извѣстно. Онъ считаетъ ихъ норманнами или, точнѣе, германо-скандинавами. Во второмъ томѣ очень тщательно приведены и разсмотрѣны всѣ мѣста изъ лѣтописи, гдѣ говорится о варягахъ-Руси, свидѣтельства византійцевъ, западныхъ лѣтописей и восточныхъ извѣстій. Потомъ въ доказательство ихъ норманскаго происхожденія приводятся ихъ собственныя имена и русскія названія семи днѣпровскихъ пороговъ, сообщенныя Константиномъ Багрянороднымъ; послѣднія объясняются изъ языковъ скандинавскихъ. Потомъ приводятся и другія скандинавскія названія городовъ, рѣкъ и т. д., исчисляются норманскія слова, сохранившіяся въ нашемъ языкѣ,—слова по преимуществу юридическія. Послѣднее доказательство очень слабо, ибо основано на спорномъ еще толкованіи словъ: скотъ, бояринъ и т. д. Лучше бы г. Погодинъ не прибѣгалъ къ нему! Далѣе, норманское происхожденіе варяговъ-Руси доказывается ихъ дѣйствіями (стр. 90).

„Къ числу сильнѣйшихъ доказательствъ норманскаго происхожденія Варяговъ-Руси принадлежатъ ихъ *дѣйствія*. Походы первыхъ князей по рѣкамъ и морямъ, взиманіе дани, нападенія на Константинополь, вообще образъ ихъ дѣйствія, въ войнѣ и мирѣ, дома и на сторонѣ, ихъ занятія, добрыя и худыя качества, самыя преданія и басни объ разныхъ частныхъ и мелкихъ поступкахъ, однимъ словомъ, вся ихъ жизнь, весь ихъ бытъ обличаютъ въ нихъ Норманновъ. Наши лѣтописатели описываютъ ихъ почти одними и тѣми же словами, какими латинскіе, греческіе и арабскіе описываютъ прочихъ Норманновъ. Прежніе изслѣдователи, довольствуясь внѣшними, такъ сказать, доказательствами, то есть свидѣтельствами, не обращали вниманія на дѣйствія Варяговъ-Руси съ этой стороны; но по моему мнѣнію, это внутреннее доказательство должно причислить къ самымъ значительнымъ и твердымъ“.

Авторъ совершенно правъ. Къ сожалѣнію, его дѣльное замѣчаніе о прежнихъ изслѣдователяхъ отчасти относится къ нему: онъ тоже останавливается иногда на однихъ внѣш-

нихъ свойствахъ, которыя ничего сами по себѣ не доказываютъ, потому что бываютъ общи самымъ различнымъ народамъ. (Доказательства, почерпнутыя изъ дѣйствій, религій, законовъ, обычаевъ и обрядовъ, нравственныхъ качествъ, изложены въ III томѣ и будутъ разсмотрѣны въ своемъ мѣстѣ).

Въ этой главѣ мы замѣтили слѣдующее мѣсто, неправильно объясненное. На стр. 17-й, авторъ говоритъ, что названіе Фряги употреблялось въ общемъ значеніи, и въ доказательство ссылается между прочимъ на мѣсто изъ путешествія Даніила, гдѣ сказано, что кандило греческое стояло въ головахъ, а фряжское висѣло вверху,—и мѣсто изъ духовной Іоанна Калиты, гдѣ упоминается поясъ жемчужный фряжскій. Изъ этихъ двухъ мѣстъ никакъ нельзя заключить, чтобъ слово фряжскій употреблялось въ общемъ значеніи. — На страницѣ 68 говорится объ имени Рюрика. Не знаемъ, почему авторъ не привелъ здѣсь, по крайней мѣрѣ для будущихъ соображеній, что Рюрикомъ въ Псковской лѣтописи названъ Эрикъ, король шведскій.

Вторая глава состоитъ изъ возраженій на взгляды, несогласные съ взглядомъ г. Погодина, а именно Эверсу, Нейману, Максимовичу, Венелину. И здѣсь есть нѣкоторыя мѣста слабыя. Венелинъ говоритъ, что съ 1120 года греческіе лѣтописцы не опредѣляютъ рода варяговъ. Это было ему нужно для того, чтобъ открыть себѣ возможность перекрестить ихъ въ славянъ. Г. Погодинъ отвѣчаетъ (стр. 119): „это очень естественно: потому что родъ ихъ былъ ясно и многократно опредѣленъ первыми писателями". Но чтобъ имѣть право сказать это, надобно сперва доказать, что всѣ лѣтописцы трудились надъ одной лѣтописью, что ихъ труды составляютъ одно цѣлое. Иначе объясненіе будетъ очень плохо, особливо въ отношеніи къ названію „варягъ", которое давалось жителямъ различныхъ странъ. — На стр. 122, г. Погодинъ возражаетъ Эверсу, который думаетъ, что въ извѣстномъ мѣстѣ изъ Бертинскихъ лѣтописей, странники называли себя ложно Россами: „Но почему же такъ думать? Съ чего имъ присвоивать себѣ чужое имя? Съ какою цѣлью? Откуда Шведы возьмутъ себѣ имя россовъ, принадлежавшее по Эверсу южному народу?" Во-первыхъ знаками вопросительными, какъ думаетъ и самъ г. Погодинъ, возражать нельзя. Во-вторыхъ, шведы могли взять имя россовъ, хотя бы послѣдніе и не жили на югѣ, потому что оно могло быть извѣстно сѣвернымъ народамъ, которые ходили торговать и воевать въ Грецію и на югъ. Наконецъ то, что они выдавали себя за руссовъ, а про нихъ узнали, что они шведы, даетъ Эверсу полное право думать, что они ложно себя такъ назвали—большее право, нежели имѣетъ г. Погодинъ отрицать это.

Третья глава посвящена изслѣдованію, кто именно были Варяги-Русь и гдѣ они жили? Въ заключеніе, на стр. 166, г. Погодинъ говоритъ:

„Кто были именно Варяго-Русь и гдѣ они жили—не рѣшено до сихъ поръ съ достовѣрностію, и едва-ли когда-нибудь будетъ рѣшено, за недостаткомъ свѣдѣній. Я не считаю даже этого вопроса слишкомъ важнымъ: намъ нужно знать, кто были Варяги-Русь, какого племени, чтобъ понять, какое вліяніе могли они имѣть на Славянъ, среди которыхъ поселились, какой элементъ внесли они въ составъ основаннаго ими государства: а въ какомъ углу сѣвера или древней Скандинавіи они прежде обитали—это почти все равно для главной задачи".

Это вообще очень справедливо, и мы были бы готовы вполнѣ согласиться съ авторомъ, еслибъ въ предыдущихъ изслѣдованіяхъ было доказано, что подъ варягами и Варягами-Русью разумѣются одни норманны германскаго происхожденія. Но именно этого-то и нѣтъ! Вопросъ о томъ, кто именно были норманны, обойденъ, а онъ чрезвычайно важенъ. Объ этомъ нѣсколько словъ послѣ.

Въ четвертой главѣ находимъ изслѣдованіе объ имени варяговъ-Руси, откуда оно происходитъ. „Это вопросъ", говоритъ авторъ (стр. 167), „также любопытный, но не болѣе! Чтó знаемъ мы о происхожденіи имени Грековъ, Пелазговъ, Еллиновъ, Римлянъ, Галловъ, Франковъ, Парижа, Лондона, Вѣны, Берлина, Москвы, Кіева и пр. и пр.? Изслѣдователи, несмотря на всѣ свои труды при рѣшеніи этого вопроса, не достигли достовѣрности, какъ и при рѣшеніи предыдущаго вопроса о первоначальномъ мѣстопребываніи варяговъ-Руси, а представили только догадки, болѣе или менѣе вѣроятныя". Затѣмъ мы находимъ разборъ самыхъ объясненій этихъ названій.

Послѣднюю IV главу изъ главъ, посвященныхъ варягамъ-Руси, занимаетъ подробный критическій разборъ и опроверженіе всѣхъ прочихъ мнѣній о происхожденіи варяго-руссовъ. Мнѣнія эти всѣмъ давно извѣстны, и ни одно изъ нихъ не сдѣлалось

общепринятымъ. Всѣ они какъ-то жили недолго. Поэтому мы не станемъ излагать здѣсь ихъ доводовъ и опроверженій г. Погодина, отсылая любителей и знатоковъ къ самой книгѣ. Скажемъ только вообще, что опроверженія основательны и дѣльны и подтверждаютъ норманское происхожденіе-варяговъ-Руси, уничтожая всѣ противорѣчащія мнѣнія.

Несмотря на то, что взглядъ г. Погодина изложенъ ясно, отчетливо, обработанъ прекрасно, онъ не удовлетворяетъ читателя хотя поверхностно знакомаго съ русскими древностями. Причина отчасти заключается въ сухости изслѣдованій, по преимуществу критико-филологическихъ. Но она не главная и не единственная. Другая, гораздо болѣе важная, заключается въ томъ, что вопросъ не весь исчерпанъ. Съ свойственною ему односторонностью, авторъ совершенно истощилъ скандинавскую сторону нашей исторіи. Послѣ его изслѣдованій сомнѣваться въ нашей первоначальной исторіи элемента скандинаво-германскаго или нормано-германскаго было бы умышленнымъ упрямствомъ. Но въ то же время нельзя согласиться съ авторомъ, что варяги-Русь были исключительно скандинаво-германцы. Мы говоримъ это вовсе не изъ желанія спорить и вновь зачинать рѣшенное дѣло. Во-первыхъ, замѣтимъ, что много писателей, принимавшихся за этотъ вопросъ, дошли до убѣжденія, что варяги-Русь были славяне. Я предвижу возраженіе: они ошибались, и ихъ доводы опровергнуты. Да. Но откуда могла имъ всѣмъ придти въ голову эта мысль? Конечно, это не совершенно случайно. Есть факты—не многочисленные, но рѣшительные, которые сознательно или безсознательно могли привести изслѣдователей къ такой догадкѣ. Мы постараемся изложить эти факты какъ можно яснѣе.

Первый фактъ, который поражаетъ насъ, есть болгарскій или какой бы то ни было, но славянскій текстъ договоровъ нашихъ князей съ греками. Вспомнимъ, что первый договоръ заключенъ съ Олегомъ, вторымъ вождемъ призванной дружины. Если варяги-Русь были германскіе скандинавы, какъ объяснить странное явленіе, что они договаривались на языкѣ имъ чуждомъ? Что-нибудь изъ двухъ: или договоры дошли до насъ въ переводѣ, а не въ славянскомъ подлинникѣ, какъ говоритъ г. Погодинъ, — или варяги-Русь не были чистые германскіе скандинавы, а скорѣе славяне.

Если варяги-Русь были германцы-скандинавы, странной, неразрѣшимой загадкой представляется русскій языкъ, которымъ мы теперь говоримъ. Что въ немъ скандинавско-германскаго? Два-три десятка словъ, да и тѣ съ натяжками. Еслибъ ихъ было втрое болѣе, и тогда вліяніе находниковъ руссовъ на насельниковъ славянъ не могло бы сравниться съ вліяніемъ какихъ-нибудь татаръ, которые оставили послѣ себя гораздо больше словъ въ нашемъ языкѣ. Да и что жъ это за вліяніе! Слова сообщаются легко отъ одного народа другому. Какъ представить себѣ, что иноземцы, иноплеменники, владѣютъ землею около двухъ сотъ лѣтъ, живутъ въ ней, играютъ первую роль и потомъ исчезаютъ совершенно, не привнеся въ языкъ никакихъ новыхъ элементовъ? Посмотрите на англо-саксовъ въ Великобританіи, франковъ въ Галліи. Такъ ли безслѣдно слились они съ туземнымъ населеніемъ? Не знай мы вовсе средней исторіи, по одному языку мы могли бы открыть присутствіе разнородныхъ элементовъ во французскомъ и англійскомъ языкахъ и заключить отсюда, если не о завоеваніи, то о какомъ-то непонятномъ смѣшеніи народовъ въ этихъ странахъ. Сколько турецкихъ словъ вошло въ языкъ славянъ, завоеванныхъ турками, хотя послѣдніе и не поселились между ними? Мадьяры, поселившіеся въ землѣ словаковъ, не забыли же своего языка и сохранили его до сихъ поръ! Обыкновенно говорятъ, въ объясненіе этого страннаго явленія, что варяги-Русь, пришедшіе къ намъ, были немногочисленны. Г. Погодинъ, въ III томѣ своихъ „Изслѣдованій", идетъ еще далѣе и дѣлаетъ остроумное предположеніе, что множество знатныхъ варяго-руссовъ погибло съ Святославомъ въ болгарскомъ походѣ, чрезъ что число ихъ еще уменьшилось. Положимъ, что такъ; но все-таки мысль, что варяговъ-Руси и варяговъ вообще было у насъ немного, кажется намъ не совсѣмъ основательною. Во первыхъ, самъ г. Погодинъ говоритъ, что наши князья не употребляли туземцевъ, то-есть, земледѣльцевъ на войну (Т. III. стр. 124). Ниже мы скажемъ объ этомъ свое мнѣніе; здѣсь же примемъ, что это такъ. Что жъ изъ этого слѣдуетъ? То, что войска князей состояли изъ однихъ руссовъ и варяговъ, поселившихся у насъ и приходившихъ служить. А войска эти были многочисленны. По словамъ Массуди, русское войско, предпринимавшее походъ на Каспійское море, простиралось до

33,000 человѣкъ (сказано, что 30,000 убито и 3,000 спаслось бѣгствомъ). Войско Олега состояло изъ 80,000 человѣкъ (2,000 судовъ и на каждомъ изъ нихъ по 40 человѣкъ): Ярославово до 40,000. Принявъ съ г. Чертковымъ несравненно меньшія числа, и для Святослава не болѣе 10,000, мы все же найдемъ, что варяговъ было у насъ не горсть, не куча, какъ думаютъ нѣкоторые. Этому противорѣчатъ, кромѣ прямыхъ извѣстій, и другія соображенія: безпрестанныя войны и походы, предпринимавшіеся нашими варягами, множество племенъ, которыми они владѣли, и которыя при всякомъ удобномъ случаѣ отказывались платить дань. Что не всѣ варяги, дѣйствовавшіе у насъ, были руссы, это ничего не значитъ, потому что въ глазахъ славянъ одни не отличались отъ другихъ: и тѣ, и другіе были варяги — одноплеменники между собою и для насъ чужеродцы. Они принесли одинъ элементъ, безпрестанно возобновлялись новыми пришельцами изъ-за моря, и, несмотря на то, чрезъ 200 лѣтъ не оставили по себѣ въ нашемъ языкѣ никакихъ слѣдовъ, кромѣ нѣсколькихъ словъ. Совершенно непонятно!

Третій фактъ очень важный — описаніе Святослава у Льва Дьякона. „Видомъ онъ былъ таковъ: средняго роста, не слишкомъ высокъ, не слишкомъ малъ, съ густыми бровями, съ голубыми глазами, съ плоскимъ носомъ, съ бритой бородой и съ густыми, длинными, висящими на верхней губѣ волосами. Голова у него была совсѣмъ голая, но только на одной ея сторонѣ висѣлъ локонъ волосъ, означающій знатность рода“ и т. д. (Исторія Льва Дьякона, стр. 97). Въ этомъ описаніи трудно узнать норманна. Обычай брить голову не норманскій, потому что норманны носили длинные волосы.

Далѣе, какъ не поразительно, что варяги-Русь, будучи язычниками, поклонялись однимъ богамъ съ нашими славянами? Г. Погодинъ, въ третьемъ томѣ своихъ „Изслѣдованій“, относитъ всѣ извѣстія лѣтописи о религіи и богахъ того времени къ варягамъ-Руси, а не къ славянамъ „Такъ требуетъ здравый разсудокъ и историческая послѣдовательность“, говоритъ онъ (стр. 304). „Можетъ ли быть“, продолжаетъ онъ далѣе, „какое сомнѣніе, что это боги Норманскіе, а не наши славянскіе: Олегъ и мужи его, чистые Норманны, перваго поколѣнія, большею частію пришедшіе съ Рюрикомъ, не могли бы клясться чужими богами, богами, которымъ не вѣрили: всякой клянется своею клятвою. Какъ послѣ нѣкоторые варяги-христіане присягаютъ въ церкви по христіанскому закону, такъ и Олегъ клялся по своему русскому закону“. Но это натяжка. Еслибъ языческіе боги, упоминаемые у Нестора, были варягорусскіе, а не славянскіе, народъ не могъ бы имъ поклоняться, ихъ чтить и за нихъ стоять. Неправда ли? Однако мы видимъ, что имъ поклонялся весь народъ. Это видно изъ повѣствованія Нестора о томъ, что плакали *невѣрные люди* по Перунѣ, когда Владиміръ велѣлъ стащить его съ горы въ Днѣпръ, и нѣтъ никакого повода думать, чтобъ эти невѣрные были одни варяги-Русь. Въ „Софійскомъ Временникѣ“, на стр. 57, въ разсказѣ о варягѣ Ѳеодорѣ и сынѣ его Іоаннѣ находимъ, что бояре и старцы присовѣтовали Владиміру бросить жребій, кого принести въ жертву богамъ. Если бояре и были варягоруссы по происхожденію, какъ доказываетъ г. Погодинъ, — хотя съ этимъ и нельзя согласиться, потому что чинъ боярина мы находимъ и у нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ племенъ,—все же остаются еще *старцы*, подъ которыми безъ натяжки нельзя разумѣть однихъ варяго-руссовъ. Далѣе, тамъ же, на стр. 57, въ разсказѣ о смерти этихъ первыхъ и послѣднихъ кіевскихъ мучениковъ, мы находимъ слова: „и кликнуша Кіяне, и подсѣкоша сѣни подъ ними и тако побиша я“. — Если кіевляне такъ негодовали за поруганіе боговъ, все вѣроятіе, что они имъ кланялись, ибо иначе это было бы необъяснимо. (Въ Лаврентьевскомъ спискѣ по Тимковскому слова „Кіяне“ нѣтъ; потому мы на него и не ссылаемся). Далѣе, въ Лаврент. лѣтописи (стр. 82) мы читаемъ: „И се рекъ, повеле рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, идеже стояху кумиры, и постави церковь св. Василья на холмѣ, идеже стояше кумиръ перунъ и прочіи, идеже творяху потребы князь и людье“. Опять и изъ этого мѣста видимъ, что люди, народъ, поклонялись и приносили жертвы Перуну.—Такимъ образомъ, на основаніи приведенныхъ свидѣтельствъ, мы заключаемъ, что Перунъ и прочіе боги были славянскіе; по крайней мѣрѣ, во времена Владиміра имъ поклонялись наши славяне. Г. Погодинъ можетъ возразить, что „люди“ по объясненію, имъ принятому, не относится вообще къ народу, а только къ варяго-руссамъ. Но мы видимъ, однако,

изъ самой лѣтописи, что иногда *люди, людье* — употреблялось для означенія вообще народа, а не извѣстнаго сословія. Такъ, когда лѣтописецъ говоритъ: „И пріиде (апостолъ Андрей) въ Словѣни идеже нынѣ Новгородъ, и видѣ ту *люди* сущая, како есть обычай имъ“ (стр. 5), или „ти суть *людье* Ноугородьци отъ рода варяжска, прежде бо бѣша словѣни“ (стр. 12),—нѣтъ никакой возможности допустить, что онъ разумѣетъ особенное какое-нибудь сословіе. Тоже должно сказать и о всѣхъ мѣстахъ, которыя мы привели въ доказательство, что славяне поклонялись Перуну. Здѣсь тоже разумѣется подъ людьми народъ, и мы не имѣемъ ни малѣйшаго права подразумѣвать однихъ варяго-руссовъ.

Слѣдовательно, однимъ богамъ кланялись и варяго-руссы, и славяне. Нельзя предположить, чтобы первые сообщили ихъ послѣд нимъ. Это противно исторіи скандинавовъ въ Россіи. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе они принимаютъ въ себя славянскаго элемента, а не наоборотъ. Слѣдовательно, остается предположить, что скандинавы приняли, можетъ-быть, безсознательно религію славянъ. Но и это нисколько не вѣроятно. Мы видимъ изъ лѣтописи, что уже Олегъ клялся Перуномъ и Волосомъ: Игорь такъ же. Если трудно себѣ представить, какимъ образомъ Владиміръ могъ признать языческихъ боговъ славянъ, то совершенно невозможно допустить это въ самомъ началѣ водворенія варяго-русской дружины въ нашей землѣ. Итакъ варяги-Русь имѣли съ нами одну вѣру.

Взгляните на этотъ предметъ отрицательно, и вы дойдете до того же результата. Миѳологія скандинавовъ извѣстна. Находимъ ли мы въ нашей миѳологіи хоть одно божество, заимствованное оттуда? Догадки протоіерея Сабинина —не болѣе, какъ догадки, предположенія. Съ этимъ согласенъ и г. Погодинъ. Дѣйствительное сходство представляютъ только черты, въ которыхъ выражается воинственный характеръ скандинавовъ и варяго-руссовъ. Но эти черты слишкомъ общи; изъ нихъ никакъ нельзя еще заключить о тождествѣ религіи варяго-руссовъ и германскихъ скандинавовъ.

Далѣе, странно, что христіанская религія, а вмѣстѣ съ нею священное писаніе, богослужебныя книги, номоканоны, явились къ намъ и распространились у насъ только на греческомъ и славянскомъ, а не на другомъ языкѣ. Еслибъ варяги-Русь были скандинавскіе германцы, какъ представить себѣ, что они начали исповѣдывать новую вѣру на языкѣ имъ чуждомъ? Ольга была уже христіанка и имѣла при себѣ духовника, а она была варяжскаго рода. Теперь еще, почти на нашихъ глазахъ, въ предѣлахъ нашего государства, переводится священное писаніе на языкъ инородцевъ, небольшихъ племенъ, обитающихъ въ какомъ-нибудь далекомъ углу имперіи, а сначала, когда владычествующими были чужеземцы, имъ проповѣдывалось евангеліе на славянскомъ языкѣ? Это ни съ чѣмъ несообразно! Намъ скажутъ: да это неизвѣстно. Однако, изъ древнѣйшихъ памятниковъ, до насъ дошедшихъ, всѣ безъ исключенія писаны на славянскомъ языкѣ. Остался бы хоть какой-нибудь слѣдъ другого языка; —но слѣдовъ нѣтъ; даже нѣтъ намековъ на то, что былъ какой-нибудь другой языкъ во время владычества дружины, кромѣ славянскаго. Намъ могутъ еще возразить, что и въ католической Европѣ варвары приняли религію на языкѣ имъ чуждомъ, латинскомъ, принадлежавшемъ покореннымъ ими народамъ? Но, во-первыхъ, мы не имѣемъ подробныхъ извѣстій, какъ они были обращены. Знаемъ, что многіе изъ нихъ были уже христіанами, когда основали государства на развалинахъ Западной Римской имперіи. Сверхъ того, мы знаемъ также, что Улфила проповѣдывалъ готамъ на ихъ языкѣ: это доказываютъ отрывки изъ готскаго евангелія, дошедшіе до насъ. Что потомъ они приняли латинскій языкъ, не мудрено, ибо они долго, до разрушенія имперіи, находились, по крайней мѣрѣ наружно, въ зависимости отъ Рима и исподоволь подчинились вліянію высшей цивилизаціи, передъ которой благоговѣли. Въ этомъ фактѣ мы видимъ только, что побѣдители были побѣждены образованностью покоренныхъ, — явленіе очень часто встрѣчающееся, и неудивительное. У насъ, и подвластные и властвующіе были язычники. Варяги первые стали обращаться къ христіанству, какъ говоритъ самъ г. Погодинъ. Греки проповѣдывали евангеліе всегда на языкѣ новообращаемыхъ. Примѣромъ могутъ служить славяне. А варягамъ-Руси они проповѣдывали на славянскомъ языкѣ, когда это племя было господствующее? Съ чѣмъ это сообразно?..

Изъ всѣхъ этихъ соображеній мы позволимъ себѣ сдѣлать слѣдующее предположеніе: варяги-Русь, пришедшіе къ намъ, не

были ли славяне, или по крайней мѣрѣ смѣсь славянъ съ германцами? Первое менѣе вѣроятно, нежели второе. Менѣе вѣроятно потому, что нельзя себѣ представить, чтобъ народъ принялъ всѣ обычаи, нравы и духъ другого народа, не переродившись совершенно. Такъ нѣмецкіе славяне перестали быть славянами, сдѣлавшись германцами. Учрежденія, принесенныя къ намъ варягами-Русью, были германо-скандинавскія; убѣдиться въ этомъ не трудно даже безъ большой учености и проницательности: стоитъ сравнить какое-нибудь малороссійское казачество, даже Новгородъ и ихъ устройство, съ государственнымъ и гражданскимъ устройствомъ, появившимся у насъ со временъ варяговъ-Руси, чтобы увидѣть, какъ различны учрежденія славянскія отъ германскихъ, и какъ въ варяго-русскихъ учрежденіяхъ мало славянскаго и много германо-скандинавскаго.

Предположенію, что варяги-Русь были славяне, или смѣсь славянъ съ германо-скандинавами, нисколько не противорѣчатъ, какъ намъ кажется, и всѣ прочія извѣстія. Замѣтимъ, что всѣ они указываютъ вообще на сѣверъ, не опредѣляя точнѣе, какого племени были наши сѣверные выходцы. Варяги, какъ намъ извѣстно,—самое общее, неопредѣленное названіе, изъ котораго нельзя ровно ничего заключить о національности пришельцевъ. Такъ у Нестора. У западныхъ и греческихъ писателей это названіе еще неопредѣленнѣе. Туле, Нордманъ — не доказываютъ германскаго происхожденія варяговъ-Руси, а говорятъ только, что они жили на сѣверѣ. Г. Погодину самому извѣстно, что на сѣверѣ славяне и скандинавскіе германцы были издавна сосѣди—и могли легко смѣшаться. У него мы находимъ объ этомъ очень интересные факты.

„Норманны и Славяне (говоритъ онъ) искони жили рядомъ, въ сосѣдствѣ по Балтійскому морю, и въ незапамятныя еще времена обмѣнялись многими словами, кои встрѣчаются въ древнѣйшихъ памятникахъ. Нѣкоторыя племена — по сосѣдству— даже смѣшались, такъ что ихъ разобрать трудно. Въ дружинахъ норманскихъ — всегда было очень много славянъ. Самъ Гельмольдъ свидѣтельствуетъ: Маркоманнами называются обыкновенно люди, отовсюду собранные, которые населяютъ Марку. Въ Славянской землѣ много Марокъ, изъ которыхъ не послѣдняя наша Вигирская провинція, имѣющая мужей сильныхъ и опытныхъ въ битвахъ, какъ изъ Датчанъ, такъ и изъ Славянъ. Флотъ норманскій, приплывшій во Фризію, состоялъ, по свидѣтельствамъ, изъ Датчанъ, Норвежцевъ и даже Оботритовъ. Въ экспедиціи противъ Англіи 857 года много Вендовъ“. (Томъ III, стр. 28 и 29).

Одно извѣстіе, повидимому, противорѣчитъ этому предположенію: русскія названія днѣпровскихъ пороговъ, сообщенныя императоромъ Константиномъ; но и оно, при ближайшемъ разсмотрѣніи, ничего не доказываетъ. Во-первыхъ, Русь была господствующая дружина въ Кіевѣ и между славянами. Она пришла съ сѣвера, страны, откуда на всю Европу происходили безпрерывныя хищническія нападенія варяговъ. Зная руссовъ, зная, что они принадлежатъ къ варягамъ, Константинъ легко могъ давнишнія скандинавскія названія пороговъ назвать русскими. А издавна они не только могли существовать, но и по всѣмъ вѣроятіямъ существовали, потому что лежали на торговомъ пути, по которому скандинавы ходили въ Грецію. Итакъ, изъ того, что Константинъ называетъ скандинавскія названія русскими, никакъ нельзя еще заключить, что руссы были германскіе скандинавы. Вѣдь называетъ же Левъ-Дьяконъ Святослава Тавроскиѳомъ! Вѣдь называютъ же всѣ предпринимавшіе походъ въ Грецію изъ Россіи—руссами, хотя мы и достовѣрно знаемъ, что въ этомъ походѣ участвовали призванные варяги изъ Швеціи и другихъ сѣверныхъ странъ, а можетъ быть даже и славяне, если буквально понимать слова Нестора. (На соотвѣтствіи русскихъ и славянскихъ названій днѣпровскихъ пороговъ мы не остановимся здѣсь, потому что оно не говоритъ ни за, ни противъ, и можетъ быть различно объяснено).

Все это предположенія, которыхъ мы и не выдаемъ за истину. Только мы твердо увѣрены, что факты, возбуждающіе не въ насъ одныхъ сомнѣніе въ германо-скандинавскомъ происхожденіи варяговъ-Руси, не могутъ быть обойдены безъ вниманія, какъ было до сихъ поръ. Не объясненные, не обсуженные, они останутся сильными доказательствами противъ германскаго происхожденія нашихъ варяго-руссовъ.

Во второй половинѣ второго тома говорится сначала о славянахъ вообще, по извѣстнымъ „Славянскимъ Древностямъ“ Шафарика. Еще прежде, въ предисловіи, г. Погодинъ объяснилъ, что̀ заставило его внести въ издаваемую имъ книгу результаты изслѣдованій славянскаго филолога (стр. IX).

„Извлеченіе это дѣлалъ я вотъ съ какою цѣлію: мнѣ хотѣлось показать, при этомъ случаѣ, въ какой

связи находится русская исторія съ древле-славянскою, на которую многіе молодые люди начали обращать у насъ особенное вниманіе, чего отъ нея, на какихъ путяхъ, ожидать можно, и отъ какихъ заблужденій остерегаться должно; наконецъ, это извлеченіе доставляетъ данныя, съ коими слѣдуетъ приступать къ разсмотрѣнію нашихъ Славянъ, пропускаемыхъ нами до сихъ поръ безъ вниманія, хотя изъ нихъ собственно составилось государство".

Во второмъ томѣ эта мысль пояснена и опредѣлена еще болѣе (стр. 321).

„Я начиналъ обыкновенно лекціи свои о русской исторіи съ 862 года, то есть съ прибытія князей Варяго-Русскихъ въ Новгородъ. О главномъ народѣ, къ которому пришли братья, и его однородцахъ, я довольствовался изложеніемъ словъ Нестора о Полянахъ и Древлянахъ, Вятичахъ и Радимичахъ, Кривичахъ и Сѣверянахъ. Я думалъ, что о славянскихъ племенахъ больше и говорить нечего, тѣмъ болѣе, что самъ первый лѣтописатель нашъ представляетъ ихъ еще въ состояніи младенчества, до котораго ничего опредѣлить нельзя, да и не нужно. Такъ разсуждали и всѣ наши ученые историки—Стриттеръ, Карамзинъ, Эверсъ въ слѣдъ за законоположникомъ исторической критики прошедшаго столѣтія, Шлецеромъ. Нынѣ Шафарикъ сочиненіемъ своимъ „Славянскія древности" производитъ совершенный переворотъ въ нашихъ понятіяхъ объ этомъ предметѣ. Нельзя сказать, чтобъ основная его мысль была совершенно новая. Нѣтъ, и прежде имѣли ее многіе изслѣдователи русскіе и иностранные; но они или представляли ее только въ видѣ чаянія и догадки, или соединяли ее съ другими неосновательными предположеніями, или не извлекали изъ нея никакихъ существенныхъ и полезныхъ для науки слѣдствій, не приписывали ей такой важности и многоплодности. Шафарикъ, съ необъятной своей ученостью и начитанностію, остроуміемъ и проницательностію, воспользовавшись всѣми извѣстными до него и имъ открытыми источниками, возвелъ эту мысль на степень осязательной истины, и вмѣстѣ заставилъ думать, что исторія всякаго славянскаго племени и государства тѣсно и необходимо связана съ первоначальной исторіей всего славянскаго народа, точно такъ, какъ всѣ отрасли дерева бываютъ тѣсно связаны съ его корнемъ. Познаніе корня необходимо для познанія отраслей, кои безъ него во многихъ отношеніяхъ остались бы непонятными".

Мысль хороша. Только мы не думаемъ, чтобъ русскій историкъ могъ что-нибудь извлечь изъ нея для своего предмета. Источники древнѣйшей до-христіанской исторіи славянъ очень бѣдны. По крайней мѣрѣ, такъ теперь. Можетъ быть, новыя открытія покажутъ намъ, чего мы теперь не знаемъ. Описаніе русскихъ славянъ у Нестора, какъ ни подробно обработаны его извѣстія, даетъ о нихъ очень слабое, сбивчивое, неопредѣленное понятіе.

Извлеченіе составлено тоже хорошо. Такъ какъ читателямъ уже извѣстна книга Шафарика, то мы не станемъ излагать этой части г. Погодина, хотя и не можемъ не замѣтить вообще, что нѣкоторые, по нашему мнѣнію, пристрастные и ложные выводы Шафарика перешли и въ книгу г. Погодина. Послѣ небольшого отступленія, въ которомъ г. Погодинъ очень справедливо и основательно говоритъ о современной славяноманіи и безплодности этой школы, онъ объясняетъ отношеніе изслѣдованій Шафарика къ русской исторіи. По его мнѣнію, между ними глубокая внутренняя связь. Главныя положенія, выведенныя изъ изслѣдованій Шафарика о славянахъ, встрѣчаются на каждой строкѣ въ русской исторіи; все, что принадлежало древнимъ славянамъ, досталось и намъ въ лицѣ нашихъ предковъ IX столѣтія. Въ чемъ же состояло это наслѣдство?

„Во-первыхъ, они имѣли древность, старшинство. Народъ нашъ жилъ уже какъ особый народъ, или какъ племя особаго народа, въ его составѣ, или отдѣльно, по крайней мѣрѣ полторы тысячи лѣтъ до Рюрика, а чѣмъ глубже основаніе, тѣмъ тверже зданіе; чѣмъ обширнѣе корень, тѣмъ вѣтвистѣе дерево; чѣмъ старше жизнь, тѣмъ опытнѣе. Во-вторыхъ—языкъ, въ одномъ нарѣчіи котораго, близкомъ къ нашему и понятномъ, нашлись въ IX вѣкѣ выраженія для всего священнаго писанія. Далѣе, религіозныя вѣрованія, законы и обычаи, болѣе или менѣе сходные. Наконецъ, всѣ плоды долговременнаго пребыванія на одномъ мѣстѣ, въ постоянныхъ жилищахъ, всѣ успѣхи въ разныхъ родахъ первой промышленности, знакомства съ необходимыми удобствами жизни. Вотъ важныя данныя, кои пріобрѣтаемъ мы при первомъ знакомствѣ съ славянскими древностями, и съ коими смѣло можемъ приступить къ разсмотрѣнію нашихъ славянскихъ племенъ, искать у нихъ слѣдовъ общаго достоянія. Вѣрно не находились онѣ на той степени дикости, на которую поставилъ ихъ неумолимый Шлецеръ, и на которой видѣли ихъ всѣ наши изслѣдователи, до Шафарика! И Новгородъ, и Полоцкъ, и Изборскъ, и Ростовъ, и Кіевъ, и Смоленскъ, и прочіе города, представляются намъ тотчасъ въ другомъ свѣтѣ. Славяне и Кривичи съ Чудью и Весью могли точно призвать себѣ защитниковъ, могли и не поладить послѣ съ ними, возстать противъ Рюрика, заставить можетъ быть Олега удалиться. Мы начинаемъ тотчасъ понимать, почему пришлые Варяги должны были подчиниться вліянію туземцевъ, и чрезъ два, три вѣка потеряться въ славянскомъ населеніи, оставивъ слѣды только въ гражданскомъ устройствѣ и правительствѣ. Тѣ явленія, кои боялись мы предъ строгою критикою буквъ принимать вполнѣ, или считали непонятными пропусками, тѣ явленія можемъ мы теперь смѣло сдѣлать предметами изслѣдованій, и искать тамъ, гдѣ найти что либо отнята была даже надежда подъ страхомъ жестокой ученой насмѣшки. Мракъ прорѣзанъ свѣтлыми лучами, пріобрѣтена

твердая точка! Ясно ли видите вы, какъ важны для русской исторіи славянскія древности, и въ какой связи находится съ ними русская исторія?" (стр. 383—385).

Въ короткихъ словахъ, эта связь состоитъ въ томъ, что мы теперь пріобрѣтаемъ право изслѣдовать бытъ нашихъ славянъ задолго до Рюрика,—право, которое мы имѣли бы и прежде, еслибъ были источники, по крайней мѣрѣ хоть бы скудныя извѣстія, служащія точками опоры для историка. Но ихъ нѣтъ. Этому недостатку ничто не можетъ помочь. Лучшее доказательство—тщательно собранныя и обработанныя самимъ авторомъ мѣста изъ Нестора о нашихъ славянахъ, а Несторъ едва ли не единственный прямой источникъ, во всякомъ случаѣ самый богатый, несмотря на всю свою скудость. Самъ г. Погодинъ говоритъ (стр. 395), что „ихъ очень мало... и ученое любопытство ими не удовлетворяется"; но послѣ этого предлагаетъ вопросъ: „неужели нѣтъ никакихъ средствъ дополнить наши понятія?" Эти средства суть, по его словамъ: языкъ, нарѣчія, собственныя названія, праздники, повѣрья, примѣты, преданія, обычаи, пѣсни, пословицы. Въ доказательство важности собственныхъ именъ приведены остроумныя розысканія Ходаковскаго о городищахъ, основанныя преимущественно на именахъ. Объ этихъ розысканіяхъ до сихъ поръ нельзя ничего сказать ни за, ни противъ. Видно только, что Ходаковскій былъ энтузіастъ своего дѣла и отдался ему какъ немногіе могутъ чему-нибудь отдаваться. Благодаря г. Погодину, мы теперь отчасти познакомились съ трудами этого замѣчательнаго человѣка. Жаль только, что они разбросаны въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ и не собраны въ одну книгу: изучать было бы легче. Въ заключеніе мы должны признаться, что извлеченіе, сдѣланное г. Погодинымъ изъ Ходаковскаго, не совсѣмъ намъ понравилось. Во многихъ мѣстахъ, особливо въ отвѣтахъ Калайдовичу, Ходаковскій излагаетъ свою систему гораздо опредѣленнѣе, яснѣе, нежели какъ она представляется въ разбираемой нами книгѣ. Здѣсь эта система какъ-то стерта. Впрочемъ, мы можемъ и ошибаться.

Третій томъ „Изслѣдованій", по нашему мнѣнію,—лучшее, что только когда-нибудь написалъ г. Погодинъ. Въ нашей исторической литературѣ рѣдко встрѣтишь подобную книгу, особливо въ послѣднее время. За исключеніемъ лекціи о формаціи государства и параллели русской и европейской исторіи относительно начала—слабыхъ и очень неудовлетворительныхъ,—вся собственно-историческая, критическая часть превосходна. Мы вовсе не хотимъ этимъ сказать, что въ этомъ томѣ всѣ выводы и разсужденія равно хороши и неоспоримо-истинны. Напротивъ, здѣсь мы находимъ очень много положеній, съ которыми никакъ не можемъ согласиться; есть статьи, обработанныя или слабо или слабѣе остальныхъ. Наконецъ, односторонній взглядъ автора выступаетъ здѣсь рѣзче, ярче бросается въ глаза, нежели въ первыхъ двухъ томахъ. Но эти недостатки съ избыткомъ выкупаются неотъемлемыми достоинствами: единствомъ мысли, строгою послѣдовательностью, большимъ остроуміемъ и проницательностью. Читая третій томъ, всякій согласится, что односторонній взглядъ автора не только не можетъ быть вмѣненъ ему въ недостатокъ, но составляетъ его силу, есть одно изъ главныхъ его достоинствъ. Только такой взглядъ далъ ему возможность подмѣтить и освѣтить новымъ свѣтомъ многія черты нашего древняго быта, до сихъ поръ ускользавшія отъ вниманія изслѣдователей. Цѣну книги еще возвышаютъ параллельныя мѣста изъ исторіи другихъ сѣверныхъ скандинавскихъ народовъ. Вѣрный мысли, что наши варяги-Русь были скандинаво-германцы, авторъ безпрестанно, почти на каждой страницѣ, сопоставляетъ извѣстія нашей лѣтописи съ мѣстами изъ сѣверныхъ сагъ, изъ новѣйшихъ лучшихъ сочиненій о скандинавскихъ народахъ, и этимъ придаетъ жизнь и яркій колоритъ нашимъ скуднымъ сказаніямъ. Силу, значеніе параллельныхъ мѣстъ онъ, впрочемъ, не перецѣниваетъ. Онъ понимаетъ, что они значатъ въ историческихъ изслѣдованіяхъ. „Читатели замѣчаютъ", говоритъ онъ (стр. 367, примѣчаніе 851), „что я вездѣ провожу параллель между исторіей норманновъ у насъ и исторіей норманновъ въ прочихъ странахъ Европы, и вижу вездѣ отраженіе одного народа. Я очень понимаю, что параллель, особенно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, подвергается возраженіямъ, даже благовиднымъ: можно-де и изъ другихъ исторій подобрать соотвѣтственныя явленія. Да, можно, но не въ такой совокупности и послѣдовательности; притомъ, я предлагаю параллель только какъ поясненіе, дополненіе къ прочимъ главнымъ доказательствамъ един-

ства". О каждомъ предметѣ авторъ сначала выписываетъ всѣ мѣста изъ лѣтописи, потомъ сравниваетъ ихъ между собою, выводитъ результаты и въ заключеніе подводитъ сходныя извѣстія изъ исторіи сѣверныхъ народовъ. Методъ самый вѣрный. Наконецъ, даже тонъ изслѣдованій въ третьей части гораздо спокойнѣе, безпристрастнѣе. Вообще, эта книга представляетъ отрадное явленіе въ нашей литературѣ.

Весь третій томъ посвященъ разрѣшенію вопроса, поставленнаго, какъ мы видѣли, еще во второмъ: какъ соединились пришельцы съ туземцами? Другими словами: при какихъ условіяхъ зачалось русское государство? События этого времени такъ извѣстны, что мы не хотимъ утомлять читателей ихъ повтореніемъ. Отмѣтимъ здѣсь только результаты, которые кажутся намъ новыми, принадлежащими г. Погодину.

На страницѣ 11 замѣчено, и, кажется, не безъ основанія, что варяги или пріѣзжали къ намъ за данью изъ-за моря, или оставляли сборщиковъ, подобныхъ татарскимъ баскакамъ; на страницѣ 12 мы находимъ, что норманны, принудившіе насъ платить имъ дань, составляли, вѣроятно, особливый народъ, племя, которое по преимуществу называлось варягами (какъ словенами по преимуществу назывались новгородцы). Послѣ ихъ изгнанія опять были призваны варяги. Но какіе? Предположеніе, что тѣ же самые, которые прежде были, или что будто варяги явились у насъ завоевателями, не выдерживаетъ критики. Г. Погодинъ думаетъ (стр. 24), согласно съ Арцыбашевымъ, что призваны были не изгнанные, а другіе, тоже норм нны, для того, чтобъ защищать призвавшія племена отъ нападеній ихъ единоплеменниковъ. Это представится очень вѣроятнымъ, если мы вспомнимъ, что со времени призванія Рюрика съ братьями, нападенія скандинавовъ на Россію совершенно прекратились. Нѣсколько параллельныхъ событій еще болѣе поясняютъ возможность такого призванія — Все это вѣрно; только въ нѣкоторыхъ частныхъ разсужденіяхъ мы не можемъ согласиться съ авторомъ. На страницѣ 17 находимъ критику мнѣнія Карамзина. Мнѣніе очень плохо и натянуто, но и критика нехороша. Мы не видимъ напримѣръ, почему бы не могло совершиться въ продолженіе трехъ лѣтъ все то, что предполагаетъ Карамзинъ въ промежутокъ времени между изгнаніемъ варяговъ и призваніемъ Руси. Не надобно забывать, что всѣ обстоятельства, разсказанныя Карамзинымъ: неразумное правленіе бояръ, междоусобіе, страданіе народа —могли быть приготовлены заранѣе, а безъ того и не могли быть. А г. Погодинъ находитъ, что нужно для всего этого гораздо больше трехъ лѣтъ. Такъ же несправедливо его мнѣніе, будто бы „управленія варяги не могли имѣть никакого; черезъ 200 лѣтъ еще едва оно начинается" (стр. 19). Еслибъ у насъ не было никакого другого извѣстія, кромѣ словъ, сказанныхъ варягамъ-Руси нашими и финскими племенами, да мѣста въ лѣтописи о введеніи смертной казни при Владимірѣ,—и тогда мы убѣдились бы, что г. Погодинъ не правъ. Далѣе, на той же страницѣ, мы находимъ предположеніе, ни на чемъ неоснованное, что у славянъ не было вовсе бояръ. Если званіе боярина принесено къ намъ, отчего же мы находимъ его у нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ племенъ? — Прочія возраженія Карамзину (стр. 20) такъ слабы, что и не заслуживаютъ опроверженія, напоминая собою неудачныя соображенія, которыми г. Погодинъ хотѣлъ доказать невѣроятность нѣкоторыхъ сказокъ у Нестора. О возраженіяхъ противъ мнѣнія, что славяне были завоеваны варяго-руссами, мы скажемъ послѣ. Здѣсь замѣтимъ однако, что несправедливо говоритъ авторъ (стр. 21), будто у насъ не было слѣдовъ завоеванія. Вся система управленія древней Россіи скорѣе заставляетъ принять завоеваніе, чѣмъ мирное пришествіе, и только положительныя слова лѣтописи принуждаютъ изслѣдователя искать другихъ объясненій для этой системы. Это видитъ и г. Погодинъ. Сравнивая начала русскаго и западно-европейскихъ государствъ, онъ говоритъ, что занятіе Россіи варяго-руссами было сходно съ завоеваніемъ, а въ возраженіяхъ г. Кирѣевскому (стр. 533) откровенно сознается, что гораздо легче возражать тому, кто не допускаетъ никакого сходства между занятіемъ и завоеваніемъ, нежели противоположному критику, который сталъ бы утверждать, что Россія была завоевана. — Далѣе, желая доказать, что призваны были не изгнанные, а другіе,—дѣло само по себѣ очень вѣроятное, — г. Погодинъ прибѣгаетъ къ натяжкѣ и приводитъ нѣсколько мѣстъ изъ Нестора, изъ которыхъ будто бы видно, что Несторъ различалъ руссовъ, призванныхъ и поселившихся у насъ, отъ варяговъ во-

обще. Различіе видно, правда, но только здѣшнихъ варяговъ отъ служившихъ и приходившихъ на время, а не варяговъ вообще отъ варяго-руссовъ. Слова: „хрестеянскую Русь водиша ротѣ въ церкви св. Ильи, мнози бо бѣша варязи хрестеяни“, показываютъ только, что Русь были варяги, никакъ не болѣе. Словомъ, изъ всего этого въ пользу мнѣнія г. Погодина ровно ничего не слѣдуетъ. – На страницѣ 25, авторъ говоритъ, что „Новгородцы звали къ себѣ князей преимущественно для защиты“, чего, однако, лѣтопись не говоритъ. Въ параллельномъ мѣстѣ, приведенномъ изъ Деппинга о призваніи Роллона жителями Руана, сказано, что послѣдніе хотѣли признать его дюкомъ съ условіемъ, чтобъ онъ ихъ *защищалъ и судилъ по праву*. И отсюда видно, что защита была не главнымъ, не единственнымъ поводомъ къ призванію. Вообще, напрасно г. Погодинъ оставляетъ въ тѣни слова Нестора: они слишкомъ ясны и опредѣленны.

Третья глава посвящена Рюрику и событіямъ его времени. Особенно интересно опроверженіе мнѣнія профессора Крузе, который думаетъ, что нашъ Рюрикъ и Рюрикъ франкскихъ лѣтописей—одно и то же лицо. Опроверженіе основано на соображеніяхъ хронологическихъ. — Слова „пояша по себѣ всю Русь“, авторъ правильно переводитъ: взялъ съ собою всѣхъ руссовъ, отступая въ этомъ случаѣ отъ мнѣнія Карамзина и другихъ.— Первымъ мѣстопребываніемъ Рюрика былъ не Новгородъ, а Ладога.—На страницѣ 57-й, авторъ переходитъ къ важному для того времени вопросу: въ чемъ состояло достоинство князя? Рѣшеніе его кажется намъ неудовлетворительнымъ. „Главная цѣль Новгородцевъ“, говоритъ онъ, „была—имѣть защитниковъ отъ варяговъ, которые всегда могли грозить ихъ землѣ“. Въ этомъ случаѣ, авторъ очевидно отступилъ отъ правила, котораго придерживается вездѣ очень строго, и за нарушеніе котораго часто укоряетъ своихъ противниковъ; онъ не основывается на прямомъ свидѣтельствѣ лѣтописи, гдѣ сказано только: „изгнаша варяги за море, и не даша имъ дани и почаша сами въ собѣ володѣти и не бѣ въ нихъ правды и вста родъ на родъ; быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. Рѣша сами въ себѣ: поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву. Идоша за море къ варягомъ и Руси... Рѣша Руси... земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; да поидѣте княжити и володѣти нами“. (Лаврент. лѣтоп. стр. 12). Что къ намъ пришло вслѣдствіе этого призыва цѣлое войско—ничего не значитъ. Это могло быть дѣйствіемъ произвольнымъ со стороны Руси, безсознательно, добродушно дозволеннымъ со стороны призывавшихъ. Плата, назначенная Олегомъ въ 300 гривенъ „мира дѣля“, нисколько не доказываетъ, что Русь была призвана союзными племенами съ цѣлью защищать ихъ отъ набѣговъ норманновъ; ибо Олегъ могъ возложить ее на новгородцевъ для того, чтобъ обезопасить свои владѣнія послѣ того, какъ онъ самъ отправился далѣе на югъ. Вообще, мы не можемъ понять, почему авторъ не хочетъ принять призванія такъ, какъ оно разсказано лѣтописцемъ, и отыскиваетъ другія причины, на которыя у послѣдняго нѣтъ даже намека? Г. Соловьевъ, въ своемъ разсужденіи объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ, весьма остроумно и основательно замѣтилъ, что такое призваніе повторялось нѣсколько разъ въ исторіи Новгорода. (Мы прибавимъ отъ себя, что то же видимъ весьма часто и въ другихъ частяхъ Россіи въ періодъ удѣловъ). Сами собою новгородцы не могли управляться. Это свойство и необходимая принадлежность всѣхъ юныхъ, полу-патріархальныхъ, граждански неустроенныхъ обществъ. Какъ только нѣтъ князя —возникаетъ страшная неурядица, междоусобія, и новгородцы посылаютъ къ какому-нибудь князю идти къ нимъ княжить, водворить тишину и правый судъ. Можетъ быть, этотъ случай, разсказанный въ лѣтописи, не былъ первымъ, а если онъ и былъ первымъ, то легко объясняется тѣмъ, что новгородцы и другія племена не могли согласиться, кого выбрать въ князья изъ своей среды, когда явилось нѣсколько родовъ, равныхъ между собою, изъ которыхъ каждый имѣлъ большія партіи. Подтвержденіемъ нашей мысли служитъ извѣстіе о призваніи, сохранившееся въ Никоновской лѣтописи. Тамъ говорится, что долго спорили племена, кого избрать: одни предлагали козаровъ, другіе—полянъ, дунаичей и варяговъ; нѣкоторые —изъ своей среды. На этомъ мѣстѣ, конечно, нельзя твердо основываться, потому что въ Никоновской лѣтописи много вставокъ и позднѣйшихъ дополненій. Но когда авторъ изъ однихъ соображеній хочетъ построить свой взглядъ, мы въ правѣ сослаться на это мѣсто.

Изъ него прямо видно, что главнымъ вопросомъ при избраніи было внутреннее устройство, порядокъ страны, а не защита ея отъ внѣшнихъ враговъ. Это, конечно, не значитъ, что вопросъ объ охраненіи земли не могъ тогда же возникнуть. Даже весьма вѣроятно, что онъ склонилъ выборъ на сторону варяговъ-Руси, сосѣднихъ и дружественныхъ норманнамъ. Но мы думаемъ, что это обстоятельство не было первое, главное, а скорѣе второстепенное. Г. Погодинъ видѣлъ это и говоритъ (стр. 57): „Но они звали князей вслѣдствіе междоусобія? Междоусобіе началось у нихъ по изгнаніи варяговъ, вслѣдствіе перваго общаго дѣйствія, какъ догадывался и Шлецеръ, потому, можетъ быть, что всякое племя желало первенствовать: прекратить междоусобіе — это была временная нужда, а безопасность—всегдашняя“.

Опять толкованіе совершенно произвольное! Лѣтопись прямо говоритъ: „не бѣ въ нихъ правды, и вста родъ на родъ; быша въ нихъ оусобицѣ, и воевати почаша сами на ся“. Здѣсь нѣтъ и намека на то, чтобы племена ссорились между собою: внутри ихъ происходили междоусобія, и родъ возставалъ на родъ.

И такъ, внутреннее управленіе было главнымъ, первымъ мотивомъ при избраніи трехъ братьевъ. Г. Погодинъ думаетъ наоборотъ и говоритъ, что князю очень рѣдко случалось принимать участіе въ управленіи внутренними, особенно судными дѣлами. Въ доказательство онъ приводитъ, что еще въ XIII, XIV и слѣдующихъ вѣкахъ новгородцы говорили: „а безъ посадника тебѣ, княже, не судити“ (стр. 58). Но это мѣсто говоритъ противъ г. Погодина. Изъ него слѣдуетъ, во-первыхъ, что князь судилъ; во вторыхъ, что онъ судилъ сначала одинъ, а потомъ уже съ посадникомъ, иначе не для чего было бы и включать это условіе въ договоры. Послѣднее подтверждается и цѣлымъ ходомъ развитія новгородскаго внутренняго быта. Ограниченія княжеской власти появляются здѣсь уже позже, когда Новгородъ сдѣлался политически-самостоятельнымъ. Въ отношеніи къ суду и судопроизводству, мы имѣемъ на это и прямыя, и косвенныя доказательства. Къ прямымъ относится „Русская Правда“, которая, какъ признаетъ самъ г. Погодинъ, есть законодательство новгородское. По синодальному списку „Правды“, слѣдовательно не позже XIII вѣка, передъ княземъ происходилъ судъ о наслѣдствѣ; на княжій дворъ приводили татя, схваченнаго ночью на дѣлѣ, и продержаннаго до разсвѣта. Не говоримъ уже о продажѣ и вирахъ, которыя сбирались въ пользу князя почти съ каждаго дѣла. И такъ, участіе князя въ судныхъ дѣлахъ и рано, и несомнѣнно. Далѣе, изъ лѣтописи мы знаемъ, что Владиміръ Мономахъ (XII в.) призывалъ къ себѣ на судъ новгородцевъ и заключилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Это заставляетъ насъ не безъ основанія думать, что ограниченія княжеской власти въ судныхъ дѣлахъ тогда еще не было, и что оно возникло позже. Намъ могутъ, пожалуй, возразить, что въ Кіевѣ Мономахъ могъ судить при посадникѣ, но это невѣроятно, потому что въ позднѣйшихъ условіяхъ новгородцы всегда обязывали князей не судить ихъ внѣ новгородской территоріи. Причина понятна: подсудимые въ чужой землѣ не были ничѣмъ обезпечены. И такъ, ограниченіе княжескихъ правъ пришло послѣ. То же должно сказать и въ отношеніи всѣхъ другихъ княжескихъ правъ. Даже въ духовномъ управленіи—тотъ же порядокъ развитія. Въ XI вѣкѣ, Ярославъ поставилъ въ Новгородѣ епископа Луку Жидяту, а митрополитъ Ефремъ черезъ нѣсколько лѣтъ вызвалъ его въ Кіевъ и осудилъ; впослѣдствіи же архіепископы новгородскіе не спѣшили въ Москву для поставленія, управляли епархіей по одному избранію и спорили съ митрополитами за мѣсячный судъ и подъѣзды. Такимъ образомъ, сначала князь управлялъ Новгородомъ своими посадниками, намѣстниками или посредствомъ князя, своего сына или внука, который былъ тамъ на правахъ княжескаго правителя. Новгородъ былъ тогда подчиненъ великому князю кіевскому наравнѣ со всѣми прочими областями Россіи. Но когда власть великаго князя ослабла, новгородцы этимъ воспользовались и стали управляться сами собою. Съ этого времени начинается избраніе князей, избраніе владыки и постепенное ограниченіе княжескихъ правъ, сдѣлавшееся особенно необходимымъ, когда князья получили осѣдлость въ своихъ вотчинахъ-княженіяхъ, и стали пытаться обратить и Новгородъ въ свою полную, наслѣдственную вотчину. Такой же ходъ развитія былъ и въ остальной Россіи. Мы имѣемъ положительныя свидѣтельства, что уже въ XII вѣкѣ княжескіе тіуны судили и взимали виры и

продажи. Къ такимъ свидѣтельствамъ относится разсказъ лѣтописи о вступленіи на княжескій престолъ Игоря Ольговича и объ убіеніи Андрея Боголюбскаго. При Іоаннѣ III начинаютъ показываться слѣды ограниченія княжескихъ правителей и судей выборными, цѣловальниками, потому что произволъ и корыстолюбіе первыхъ были разорительны, невыносимы. При Іоаннѣ IV, эта система судоустройства и администраціи развита подробно и стала общею, исключительною въ тогдашней Россіи. Что̀ въ Новгородѣ сдѣлалось вслѣдствіе его политической независимости то въ остальной Россіи старались сдѣлать московскіе цари, когда стали обращать вниманіе на внутреннее устройство государства. Такимъ образомъ, и свидѣтельства источниковъ, и наведенія, и аналогическое развитіе въ областяхъ, имѣвшихъ совершенно различное устройство, — все заставляетъ насъ думать, что въ Новгородѣ съ самаго начала князь былъ судьею, и ограниченіе его другими выборными судьями есть явленіе позднѣйшее, относящееся къ тому времени, когда въ немъ утвердилось народовластіе.

Чтобъ отстоять свою мысль, чтобы набросить сильное подозрѣніе на извѣстіе лѣтописи о призваніи иноземцевъ для внутренняго распорядка, для водворенія правды и тишины, г. Погодинъ прибѣгаетъ, наконецъ къ послѣднему, чрезвычайному средству. На стр. 58, прим. 90, онъ говоритъ: „Признаюсь, въ этихъ выраженіяхъ слышится мнѣ норманское преданіе: не было ль какой Саги у насъ, поступившей въ повѣствованіе Нестора?“ — Мы думаемъ, что здѣсь авторъ, можетъ быть, увлекся ложно понятымъ чувствомъ, которое въ другомъ мѣстѣ такъ несправедливо заставило его заподозрить чуждый голосъ въ простомъ ученомъ результатѣ; ибо г. Погодинъ рѣшительно отступилъ отъ обыкновенной своей методы вѣрить только источникамъ и не прибѣгать къ предположеніямъ, когда они совершенно не нужны. Пристрастіе къ извѣстнымъ любимымъ мыслямъ здѣсь взяло верхъ надъ наукой и строгой истиной. Читатели сами видятъ, что здѣсь нѣтъ никакихъ основаній отвергнуть сказанія и прибѣгать къ догадкамъ.

Послѣ того, какъ будто недовольный еще приведенными доказательствами, г. Погодинъ ссылается на мнѣнія Шлецера, Миллера, которые видятъ въ призванныхъ варяго-руссахъ только защитниковъ, предводителей, оберегателей границъ, — мнѣнія, доказывающія только, что оба, какъ иностранцы, не довольно вникли въ древній русскій бытъ, чтобъ понять призваніе, какъ оно разсказано въ лѣтописи. Надобно быть русскими, или ужъ по крайней мѣрѣ совершенно сжиться съ простымъ народомъ, чтобъ понять такое явленіе за тысячу лѣтъ назадъ. Слова г. Сенковскаго о значеніи нашего князя доказываютъ только, что онъ обратилъ особенное вниманіе на военное значеніе князя, — не болѣе; ибо о томъ, имѣлъ ли князь участіе въ судѣ или нѣтъ, онъ не говоритъ ни слова.

Наконецъ, г. Погодинъ находитъ, что исключительно военное назначеніе князя подтверждается и послѣдовавшими событіями послѣ избранія: пребываніемъ Рюрика въ Ладогѣ, преданіемъ о Вадимѣ, оставленіемъ Новгорода Олегомъ, совершеннымъ отдѣленіемъ Новгорода при Святославѣ и, наконецъ, остальною исторіею этого города (стр. 59). Разсмотрѣвъ всѣ эти событія, мы найдемъ, что большая часть изъ нихъ говоритъ противъ мнѣнія г. Погодина, а прочія ничего не доказываютъ. Пребываніе Рюрика въ Ладогѣ находитъ свое объясненіе въ извѣстіи Никоновской лѣтописи, что „пришельцы бояхусь звѣринаго ихъ обычая и нрава“. Объ этомъ звѣрствѣ говорятъ и арабскіе писатели. Преданіе о Вадимѣ показываетъ только, что новгородцы думали видѣть въ пришельцахъ князей по своимъ понятіямъ, но ошиблись; пришельцы стали ихъ грабить и притѣснять. О причинахъ оставленія Новгорода Олегомъ мы ничего не знаемъ. Можно насчитать много причинъ; одною изъ важныхъ, конечно, было желаніе быть ближе къ Византіи. Совершеннаго отдѣленія Новгорода при Святославѣ мы не видимъ. Напротивъ, настоятельное и дерзкое требованіе князя и слова: „если не дашь князя, мы найдемъ себѣ“, показываютъ только, что новгородцы не могли жить безъ него. Это же мы видимъ и впослѣдствіи. Г. Погодинъ согласится съ нами, что необходимость защиты отъ внѣшнихъ враговъ не могла имѣть вліянія на такое дерзкое требованіе, ибо онъ самъ говоритъ, что новгородцы платили дань за море „мира дѣля“, и что до самой смерти Ярослава, вѣроятно, именно вслѣдствіе этого, дружескія отношенія между Россіею и скандинавами не нарушались ни разу. Стало-быть, въ князѣ новгородцы искали не за-

щитника, а правителя. Наконецъ, вся исторія Новгорода блистательно доказываетъ, что они не умѣли управиться у себя сами собою и нуждались въ посредничествѣ князя. Отсутствіе его всегда ознаменовывалось кровавыми сценами и страшными волненіями.

Вслѣдствіе всего сказаннаго, мы не видимъ никакого основанія отвергать причины призванія, выставленныя у лѣтописца, или перетолковывать ихъ по своему, какъ сдѣлалъ Шлецеръ. Намъ кажется это событіе очень простымъ и естественнымъ. Когда въ обществѣ по преимуществу патріархальномъ нѣтъ головы, старѣйшины, раздоры и междоусобія рано или поздно должны возникнуть. Всего естественнѣе они возникаютъ при избраніи въ старѣйшины. Взаимная зависть родовъ дѣлаетъ невозможнымъ избраніе кого-либо изъ своей среды. Естественно, что прибѣгаютъ къ избранію совершенно посторонняго, равно чужаго для всѣхъ избирающихъ. Сколько тяжебъ и теперь еще рѣшается у насъ въ простомъ народѣ тѣмъ, что спорная вещь отдается третьему, постороннему, и такимъ рѣшеніемъ остаются оба совершенно довольны! Такъ объясняетъ призваніе и Рейцъ въ своей „Исторіи русскаго законодательства“.

На страницѣ 60-й по поводу одного мѣста изъ лѣтописи, гдѣ говорится о раздачѣ „мужамъ“ городовъ, г. Погодинъ мимоходомъ касается важнаго вопроса, былъ ли у насъ при варягахъ феодализмъ или нѣтъ? И рѣшаетъ его отрицательно. По нашему мнѣнію, такое рѣшеніе ошибочно. Изъ того, что Рюрикъ раздавалъ города своимъ сподвижникамъ, нисколько не слѣдуетъ, что варягоруссы принесли къ намъ феодальную систему: это справедливо. Но мы думаемъ, что есть другія доказательства болѣе важныя. Поводомъ, заставляющимъ предполагать у насъ феодальную систему при варягахъ-Руси, мы считаемъ дружинное устройство послѣднихъ. Пришедшіе къ намъ съ Рюрикомъ являются болѣе его сотоварищами, нежели подданными. Если этого не видно именно при немъ, то это видно при послѣдующихъ князьяхъ этого періода. Дружина договаривается съ княземъ, присягаетъ ему, объявляетъ свое неудовольствіе; князья ею дорожатъ, даютъ ей часть изъ добычи, и мы не имѣемъ никакого повода думать, чтобъ они такъ поступали по доброй волѣ. Напротивъ, видно, что князь имѣлъ къ своимъ сотоварищамъ отношеніе договорное, а не основанное на государственныхъ началахъ, какъ впослѣдствіи. Это-то и заставляетъ насъ думать, что система управленія, принесенная къ намъ варягами-Русью, была по всѣмъ вѣроятіямъ дружинная, т.-е. феодальная, а не другая. Эта мысль подтверждается и нѣкоторыми фактами, на которые, какъ намъ кажется, г. Погодинъ слишкомъ мало обратилъ вниманія, хотя онъ понимаетъ ихъ правильно. Еслибъ у насъ не было феодальной системы, для чего бы, кажется, было князю, въ трактатахъ съ греками, выговаривать „уклады“ на города? Ясно, что Олегъ выговариваетъ часть на долю своихъ мужей, остававшихся въ этихъ городахъ. А изъ этого слѣдуетъ, что они находились не въ подданническомъ, а скорѣе въ вассальномъ отношеніи къ Олегу. Далѣе г. Погодинъ дѣлаетъ весьма остроумное и, по нашему мнѣнію, вѣрное замѣчаніе, что имена, оканчивающіяся на *ъ* или *овъ* въ Игоревомъ договорѣ, означаютъ лица, отъ которыхъ отправлены послы къ грекамъ. Кто же эти лица? По всѣмъ вѣроятіямъ, князья, получившіе въ Россіи владѣнія. Невозможно иначе объяснить этотъ фактъ. Еслибъ такъ не было, почему бы, кажется, Игорю не послать однихъ своихъ пословъ? И если его приближенные, товарищи, были его подданные, какъ они могли вмѣстѣ съ нимъ посылать своихъ пословъ? Далѣе, Константинъ Багрянородный говоритъ, что съ наступленіемъ ноября мѣсяца русскіе князья оставляли Кіевъ и разъѣзжались по другимъ городамъ или въ земли подвластныхъ руссамъ славянъ, гдѣ и проводили зиму, а со вскрытіемъ Днѣпра въ апрѣлѣ, опять пріѣзжали въ Кіевъ. Г. Погодинъ думаетъ, что подъ русскими князьями здѣсь разумѣются кіевскіе (стр. 255). Но мы не видимъ никакого основанія къ такому толкованію; напротивъ, вмѣстѣ съ другими доказательствами, особливо съ договорами нашихъ князей съ греками, это интересное извѣстіе Константина Багрянороднаго еще болѣе убѣждаетъ насъ, что въ Россіи былъ не одинъ князь, а многіе, которые находились, вѣроятно, въ вассальномъ отношеніи къ великому князю, начальнику пришедшей къ намъ дружины. Послѣднее подтверждается мѣстами изъ договоровъ, въ которыхъ говорится о „князьяхъ сущихъ подъ рукою“ великаго князя кіевскаго, и еще болѣе лѣтописью, въ которой именно сказа-

но: „по тѣмъ бо городомъ сѣдяху велиціи князи, подъ Ольгомъ суще".—Къ этимъ доказательствамъ, что кромѣ кіевскаго были у насъ въ варяжскій періодъ и другіе владѣтельные князья, зависѣвшіе отъ перваго, присоединяются и другія. Въ лѣтописи говорится, что Рогволодъ „пришелъ иза морья, имяше власть свою в Полотьскѣ, а Туры Туровѣ, отъ него же и Туровци прозвашася" (Лаврент., стр. 45). Что они, по крайней мѣрѣ Рогволодъ, дѣйствительно владѣли этими городами потомственно, постоянно, видно изъ того, что Владиміръ отдалъ Рогнѣдѣ и сыну ея, Изяславу, прежнее владѣніе Рогволода, по совѣту бояръ, которые сказали ему: „воздвигни (ей) вотчину ея". Потомъ мы находимъ въ лѣтописи, послѣ описанія похода Ольги на древлянъ: „И възложиша на ня дань тяжку: 2 части дани идета Киеву, а третья Вышегороду к Ользѣ, бѣ бо Вышегородъ градъ Вользинъ" (стр. 31). И такъ, часть дани шла къ Ольгѣ (параллельное къ этому мѣсто мы находимъ нѣсколько страницъ выше, въ разсказѣ объ убіеніи Игоря: здѣсь дружина понуждаетъ князя идти въ дань, чтобъ поживиться ею вмѣстѣ съ княземъ, а князь, желая получить больше, отсылаетъ дружину и отправляется опять съ немногими). Вмѣстѣ съ тѣмъ видимъ, что и отъ Ольги былъ посланъ кто-то въ Грецію вмѣстѣ съ послами Игоря, какъ ни темно слово *искусеви*. Вотъ все, что мы запомнили изъ лѣтописи въ подтвержденіе нашей мысли. Изъ соображенія всѣхъ этихъ фактовъ выходитъ, что, кромѣ великихъ князей, были у насъ въ варяжскій періодъ и другіе князья, владѣвшіе городами, можетъ быть наслѣдственно,—князья, которые находились подъ властью великаго князя, но вмѣстѣ съ тѣмъ получали часть изъ дани, собираемой имъ, посылали вмѣстѣ съ нимъ пословъ, вмѣстѣ съ нимъ вели торговлю, и не находились у него въ безусловномъ повиновеніи, судя по гордому отвѣту Рогнѣды на предложеніе Владиміра. Лѣтомъ, эти князья окружали великаго князя кіевскаго, ходили съ нимъ въ дань, въ походы, а на зиму разъѣзжались по своимъ владѣніямъ. Что съ ними сталось потомъ—мы не знаемъ; быть можетъ, ихъ постигла одна судьба съ Рогволодомъ.

Что феодальная система, занесенная къ намъ варягами-Русью, не имѣла строгой юридической опредѣлительности, не успѣла развиться и изъ личной обратиться въ территоріальную — это почти вѣрно. Но мы и не хотѣли доказывать противнаго. Вся цѣль нашихъ выписокъ—показать, что князья кіевскіе сначала не управляли Россіей посредствомъ намѣстниковъ, посадниковъ, которые находились къ нимъ въ подданническихъ отношеніяхъ; что сначала эти князья-подручники были нѣчто болѣе обыкновенныхъ правителей, не только въ теперешнемъ смыслѣ, но даже въ смыслѣ удѣльнаго періода. (Мы разумѣемъ здѣсь не отношенія удѣльныхъ князей между собою, но ихъ отношенія къ посадникамъ и намѣстникамъ).

Прибавимъ къ этому, что такой порядокъ вещей отозвался и въ политической системѣ Ярослава. Онъ роздалъ удѣлы своимъ сыновьямъ, подчинивъ ихъ старшему, кіевскому. Удѣльные князья не были намѣстниками послѣдняго; но какія были ихъ отношенія къ ихъ владѣніямъ? Разрѣшить этотъ вопросъ, особливо съ самаго начала періода удѣловъ, чрезвычайно трудно. Они были въ удѣлахъ полновластные господа, и въ то же время удѣлы не были ихъ собственностью, потому что они безпрестанно переходили изъ одного удѣла въ другой. Скажемъ въ заключеніе, что параллельныя мѣста, приведенныя г. Погодинымъ, доказываютъ противное его мнѣнію: „ярли" далеко не намѣстники.

Общій взглядъ автора на княженіе Рюрика показался намъ страннымъ. Г. Погодинъ задаетъ себѣ вопросы: „есть ли княженіе Рюрика событіе Новгородское или Всероссійское и въ какой степени? Здѣсь ли основаніе государства? Въ какой связи находится это происшествіе съ послѣдующими? Суть ли послѣдующія происшествія развитіе онаго и въ какой мѣрѣ?" (стр. 69) и отвѣчаетъ на нихъ такъ: „Это событіе принадлежитъ одному Новгороду, особенно потому, что преемникъ Рюрика оставилъ Новгородъ — и послѣ него все здѣсь пришло въ первобытное положеніе. Здѣсь на время только появилась новая гражданская форма; поэтому прибытіе Рюрика нельзя считать началомъ Русскаго государства. Оно не что иное какъ прибытіе Норманновъ въ Россію — Норманновъ, которые впослѣдствіи, въ теченіе шести вѣковъ(?) ославяниваясь, будутъ давать, по мѣрѣ своего размноженія (?) гражданскую форму поселеніямъ племенъ Славянскихъ" (стр. 70). Вся важность этого событія, связь его съ послѣдующимъ,—въ Рюрикѣ, родоначальникѣ будущей династіи, государѣ „добровольно при-

глашенномъ, слѣдовательно пришедшемъ съ чувствами дружелюбными, а не враждебными". Призваніе Рюрика — начало начала. Послѣ того, г. Погодинъ находитъ нужнымъ воздать честь Новгороду, „старшему сыну Россіи", который призвалъ Рюрика, начальника династіи, преобразовавшей патріархальный славянскій бытъ.

Что̀ сказать на все это? Странное благоговѣніе передъ частнымъ событіемъ помимо главнаго, передъ случайностью помимо необходимаго! Еслибъ умеръ Рюрикъ, не оставивъ преемниковъ,—его мѣсто, вѣроятно, занялъ бы другой, была бы не Рюрикова, а какая нибудь другая династія, вѣроятно, тоже русско-варяжская, и дѣла бы отъ этого нисколько не перемѣнились въ главномъ, а перемѣнились бы только въ частностяхъ. Съ какими чувствами пришелъ къ намъ Рюрикъ —этого мы не знаемъ, а изъ призванія заключить нельзя; знаемъ только, что варяги-Русь дѣйствовали у насъ такъ, какъ будто бы они завоевали Россію, и бунтъ Вадима, безпрестанныя возстанія подвластныхъ племенъ и множество другихъ фактовъ, которые собраны самимъ авторомъ въ концѣ книги, очевидно доказываютъ, что вопросъ о томъ, пришли ли варяги-Русь къ намъ, какъ завоеватели, или по призыву, — вопросъ любопытства—никакъ не болѣе: какъ бы ни явились они въ Россію, но поступали они крутенько. Почему авторъ думаетъ, что варяги-Русь ославянивались въ продолженіе шести вѣковъ (если это только не опечатка) — понять не можемъ. Наконецъ, не знаемъ также, за что̀ именно мы должны благодарить Новгородъ. Думаемъ, что, призывая къ себѣ князей, или допустивъ ихъ въ свою землю, новгородцы мало объ насъ думали; сверхъ того, мы знаемъ, что они и сами потомъ раскаялись. Еслибъ кто-нибудь, пообѣдавъ на дорогѣ, оставилъ хлѣбъ, а другой голодный нашелъ его случайно и наѣлся имъ досыта — не знаю, за что бы послѣдній сталъ благодарить перваго. Не ясный ли тутъ историческій мистицизмъ? Здѣсь онъ страненъ, и только; но часто онъ доводитъ до самыхъ ложныхъ выводовъ. Всѣ эти ни къ чему неведущія разсужденія заключаются слѣдующимъ очень дѣльнымъ и основательнымъ замѣчаніемъ:

„Итакъ, здѣсь нечего еще говорить ни объ завоеваніи, ни о призваніи: нечего искать отсюда только слѣдствій призванія, и еще менѣе завоеванія; нечего основывать на этомъ отличіи отличія прочей Россійской Исторіи отъ Исторіи всѣхъ европейскихъ государствъ. Причины этого отличія исторіи заключаются не въ этомъ одномъ событіи, а вмѣстѣ со слѣдующими". (Стр. 71).

Въ IV главѣ находимъ изслѣдованія объ Олегѣ. Отмѣтимъ только то, что намъ показалось неудовлетворительнымъ. На стр. 74 авторъ говоритъ, что Олегъ оставилъ Новгородъ, совсѣмъ не думая возвратиться, и находитъ подтвержденіе этой догадки между прочимъ въ томъ, что при Святославѣ Новгородъ, кромѣ дани, нисколько не принадлежалъ кіевскому князю. Но во-первыхъ, въ другихъ мѣстахъ г. Погодинъ говоритъ же, что вся зависимость заключалась въ дани. Въ этомъ смыслѣ Новгородъ принадлежалъ Святославу. Во-вторыхъ, дани установилъ Олегъ у славянъ (новгородцевъ) уже послѣ взятія Кіева; слѣдовательно, Новгородъ принадлежалъ ему и тогда, когда онъ изъ него вышелъ съ мыслью не возвращаться. Ольга, по словамъ лѣтописи, ходила въ Новгородъ и уставляла по Мстѣ погосты и дани; слѣдовательно, онъ находился подъ ея властью, когда она правила землей. Наконецъ, требованіе князя со стороны новгородцевъ и отвѣтъ Святослава не даютъ намъ никакого права думать, что Новгородъ не принадлежалъ ему. Святославъ всю свою жизнь провелъ на войнѣ, не заботясь о правильномъ внутреннемъ устройствѣ своей земли. Новгородцы, прося у него князя, показали, что хотятъ отъ него зависѣть и признаютъ его власть, а отвѣтъ Святослава можетъ быть столько же истолкованъ неугомонностью новгородцевъ, сколько отдаленностью Новгорода отъ Греціи, юга, куда такъ и тянуло пришельцевъ - Русь. Самое лучшее объясненіе ухода изъ Новгорода есть то, которое предлагаетъ г. Погодинъ: шли куда глаза глядятъ, и шли не думая, какъ и что̀ они оставляютъ, не думая о зависимости или независимости страны послѣ ея оставленія.

Потомъ говорится о занятіи Олегомъ Кіева. Г. Погодинъ находитъ, что и здѣсь нѣтъ завоеванія (стр. 78).

„Насиліе сдѣлано только противъ единоплеменниковъ, Аскольда и Дира. Тихіе Поляне столь же покойно стали называть своимъ господиномъ Олега, какъ прежде Аскольда и Дира и еще прежде Козаръ и Кія съ братьями. Чувство, такъ сказать, призванія оставалось при видѣ этой безпрекословной покорности, которою обезоружено было даже звѣрство Норманновъ. Это было спокойное заня-

тіе—притомъ занятіе одного города малочисленною ватагою. Слѣдовательно и здѣсь нечего говорить о завоеваніи и слѣдствіяхъ его“.

Удивительное желаніе хитростями обходить вопросъ! Изъ словъ г. Погодина выходитъ, что завоевать славянъ было математически невозможно. Мы, право, не понимаемъ, чего онъ хочетъ. Пришла дружина, шайка — какъ хотите назовите — съ сѣвера, убила князья кіевскаго и овладѣла Кіевомъ. Авторъ находитъ, что это не завоеваніе, а занятіе, что славяне обезоружили варяговъ-Русь своею покорностью. Стало быть, для завоеванія нужно сопротивленіе со стороны завоевываемыхъ? Странное, хотя и новое понятіе о завоеваніи! И какой герой былъ Рюрикъ, какъ великодушны его сподвижники! Славяне покорились имъ добровольно, и они, какъ истинные рыцари (впрочемъ, не дѣйствительно бывшіе, а вымышленные, въ романахъ), даровали имъ и жизнь, и свободу! Правда, факты и этой эпохи и послѣдующей, удѣльной, доказываютъ противное; они показываютъ угнетеніе, разореніе земли пришельцами. Но что́ за нужда? Лѣтопись говоритъ, что пришельцы были призваны, слѣдовательно, они не завоевывали... Можно ли такъ обезображивать исторію готовыми теоріями и любимыми взглядами!

Рядомъ съ этой странной натяжкой мы находимъ весьма дѣльное замѣчаніе, уже предложенное Рейцомъ, но не развитое такъ подробно, какъ здѣсь,—замѣчаніе, что 300 гривенъ, которыми обложилъ Олегъ новгородцевъ, платились ими не кіевскимъ князьямъ, не оставшимся въ Новгородѣ варягамъ, а за море, чѣмъ и купленъ былъ у нихъ миръ.

Пятая глава занята изслѣдованіями о родѣ кіевскихъ князей. Особенно интересно изслѣдованіе о происхожденіи Ольги. Авторъ, на основаніи историческихъ преданій и еще болѣе изъ характера дѣйствій Ольги, доказываетъ, что она была варяжскаго рода. Все это изслѣдованіе ведено превосходно, блистательно. Впрочемъ, и въ этой главѣ мы нашли нѣсколько мыслей, съ которыми не можемъ согласиться Такъ, напр. (стр. 121), г. Погодинъ думаетъ, что туземцы, т.-е. земледѣльцы, не употреблялись варягами на войну, и мѣста изъ Нестора, въ которыхъ исчисляются племена, давшія войско, „заимствованы, вѣроятно, изъ домашней саги и должны означать только могущество Олега, какъ повелителя столь многихъ племенъ“. Г. Погодинъ говоритъ, что нигдѣ въ древней лѣтописи даже о позднѣйшемъ времени нѣтъ ничего подобнаго, и въ подтвержденіе этого мнѣнія приводитъ слѣдующее мѣсто: „нача (Владиміръ Мономахъ) глаголати к Святополку, понужая его на поганыя, на весну... Дружина (Святополкова) рекоша: не веремя нынѣ погубити смерьды отъ роли... И рече Володимеръ: но се дивно ми, брате, оже смердовъ жалуете и ихъ коній, а сего не помышляюще, оже на весну начнетъ смердъ тотъ орати лошадью тою, и пріѣхавъ Половчинъ ударитъ смерда стрѣлою и поиметь лошадь ту, и жону его и дѣти, и гумно его зажжетъ“. Кажется, говоритъ онъ, что у земледѣльцевъ брались только лошади въ случаѣ нужды. Едва ли это такъ. Всѣ параллельныя мѣста, приведенныя г. Погодинымъ въ статьѣ о мужахъ Рюриковыхъ изъ извѣстій о норманнахъ, доказываютъ противное: ярли должны были ставить конунгамъ войско. Но положимъ, это извѣстіе ничего не доказываетъ, потому что эти войска могли быть набранныя изъ охотниковъ. Возьмемъ другіе примѣры: норманны вовлекали въ свои походы и славянъ; гунны, готы, монголы—тоже. Не знаемъ, почему бы того же самаго не дѣлали норманны и у насъ. Наконецъ, мѣсто, приведенное г. Погодинымъ, говоритъ прямо противъ него. Слова: „не время нынѣ погубити смерьды отъ роли“ и отвѣтъ Владиміра: „оже смердовъ жалуете и ихъ коній“ показываютъ, что и смердовъ и ихъ коней брали на войну. Къ этимъ доказательствамъ присоединяются и самыя мѣста изъ лѣтописи, о которыхъ идетъ рѣчь: „иде Олегъ на Греки, и поя множество Варягъ и Словенъ, и Чуди, и Кривичи, и Мерю и Деревляны“ и т. д., всего двѣнадцать племенъ. Безъ рѣшительныхъ, ясныхъ свидѣтельствъ эти слова не могутъ быть отвергнуты; перетолковать ихъ невозможно.— Далѣе г. Погодинъ говоритъ:

„Пришлое воинственное племя Варяги-Русь разошлось съ князьями и мужами ихъ по всѣмъ главнымъ городамъ или селамъ Славянскимъ, и населеніе ихъ, вслѣдствіе этого прибавленія, измѣнилось Варяги-Русь сдѣлались основаніемъ городовыхъ. дружинъ, военнаго сословія, которое дополнялось часто новыми пришельцами“. (Стр. 122.)

Доказывая это положеніе разными свидѣтельствами, г Погодинъ между прочимъ ссылается на возстаніе кіевлянъ и рѣшительный тонъ, которымъ они говорятъ съ князьями. Эту перемѣну въ тихихъ и кроткихъ полянахъ онъ приписываетъ вновь пришедшему

къ нимъ норманскому элементу. Но такое доказательство не убѣдительно. Въ сѣверо-восточную Россію варяги не приходили, однако и тамошніе жители говорили и дѣйствовали иногда довольно рѣзко, даже Москва. Полянъ образовала и измѣнила исторія, опытность, а не прилывъ новыхъ стихій; иначе должно бы предположить, что наши славяне переродились и столько же оваряжились, сколько варяги ославянились: но перваго принять нельзя, и самъ г. Погодинъ не принимаетъ.— Такъ же разсуждаетъ г. Погодинъ о Новѣгородѣ, и по нашему мнѣнію такъ же неосновательно. Самое раздѣленіе на пятины кажется ему варяжскимъ. Нортумберландъ, говоритъ онъ, назывался также пятиною Англіи. Это сближеніе любопытно—не болѣе; большой цѣны въ историческомъ разсужденіи оно не имѣетъ.

Въ VI главѣ говорится о дѣйствіяхъ кіевскихъ князей до кончины Ярослава, преимущественно о ихъ походахъ. И здѣсь такъ же, какъ и во всей книгѣ, авторъ безпрестанно сравниваетъ дѣйствія нашихъ князей съ дѣйствіями конунговъ и вождей норманскихъ, и выставляетъ на первый планъ ихъ разительное сходство. О походахъ къ племенамъ славянскимъ онъ говоритъ слѣдующее:

„Вѣроятно, Несторъ обращалъ вниманіе только на тѣ, послѣ которыхъ то или другое племя начинало платить дань кіевскимъ князьямъ. О повторительныхъ онъ не упоминаетъ, развѣ въ случаѣ сопротивленія племенъ“. (Стр. 135).

То есть, сказали бы мы, Несторъ записалъ только походы противъ племенъ неподвластныхъ, или возмутившихся, не хотѣвшихъ быть подвластными,— словомъ, одни походы военные. О мирныхъ походахъ съ цѣлью собрать дань онъ не говоритъ, потому что они столько же отличались отъ военныхъ, сколько послѣдующіе походы московскихъ царей въ Троицкую Лавру отъ походовъ на Казань, въ Крымъ и т. д. Можетъ быть, то же самое хотѣлъ сказать и авторъ, только слова его темны. Эта глава, подобно другимъ, не обошлась безъ замѣчаній — не историческихъ, а какихъ-то странныхъ.

„Характеръ походовъ варяжскихъ былъ у насъ иной, нежели въ прочей Европѣ: они не являются грабителями и опустошителями. Это было безъ всякаго сомнѣнія по той причинѣ, что славянскія племена, тихія, смирныя, не раздражали ихъ, не представляли имъ никакого сопротивленія (напримѣръ Поляне, Радимичи), не такъ, какъ на Западѣ, или представляли малое (Древляне, Сѣверяне), исполняли тотчасъ ихъ требованія, кромѣ Тиверцевъ, Вятичей, которые, кажется, пытались было воспользоваться своею отдаленностью“ (стр. 135).

Съ чего же взялъ г. Погодинъ, что варяги-Русь не являются грабителями, опустошителями? А разсказъ о поступкѣ Игоря съ древлянами, за который онъ былъ убитъ? Почитайте грамоты уставныя временъ Іоанна Грознаго: еще тогда намѣстники и ихъ люди такъ грабили область, что жители разбѣгались. Врядъ ли при варягахъ-Руси было лучше. Еслибъ они были такъ добры, за что жъ бы, кажется, племенамъ возмущаться —имъ, кроткимъ, мирнымъ славянамъ, которые такъ охотно переходили изъ-подъ власти козаръ подъ власть Аскольда и Дира, и изъ-подъ ихъ власти подъ власть Олега? А походы противъ одного и того же племени повторялись часто.

Потомъ говорится о походахъ противъ сосѣднихъ племенъ. По этому поводу авторъ вновь изслѣдовалъ вопросъ о мѣстоположеніи Тмуторокани и опровергаетъ мнѣніе академика Шегрена, что подъ Чудью, платившею дань Руси, должно разумѣть сосѣднюю съ Новгородомъ, а не заволочскую Чудь, Емь искать на юго-восточномъ берегу Ладожскаго озера, въ Тихвинскомъ уѣздѣ, а не въ южной Финляндіи. Потомъ о походахъ Руси въ Грецію; наконецъ, о междоусобіяхъ.

Глава VII посвящена военному дѣлу въ этотъ періодъ. Методъ намъ понравился. Г. Погодинъ выписываетъ всѣ мѣста лѣтописи, гдѣ говорится о войскѣ, и потомъ дѣлаетъ изъ нихъ выводы и заключенія. Правда, не всегда этотъ методъ вполнѣ достигаетъ своей цѣли. Нужно, чтобы мѣста говорили о предметѣ ясно, опредѣлительно; но тамъ, гдѣ мнѣніе основано болѣе на соображеніяхъ, чѣмъ на прямыхъ свидѣтельствахъ, выписка мѣстъ не ведетъ ни къ чему. Мы скажемъ еще объ этомъ впослѣдствіи. Также собраны мѣста и объ отрокахъ, гридняхъ. Почему г. Погодинъ думаетъ, что отроки были наибольшіе изъ дружины — право, не знаемъ. Изъ приведенныхъ мѣстъ этого не видно. Сверхъ того, однѣхъ выписокъ лѣтописи не достаточно. Сколько намъ извѣстно, отроки были молодые люди знатныхъ фамилій, служившіе при князѣ, а вовсе не нáбольшіе въ дружинѣ. О гридняхъ сказано, что они были всегда при князѣ въ видѣ тѣлохранителей. Отчего же они были и въ Новгородѣ въ этомъ пе-

ріодѣ? О содержаніи дружины говоритъ авторъ очень неопредѣленно:

„Разумѣется, она имѣла содержаніе отъ князя, который получалъ дань по большей части естественными произведеніями. Это также ясно изъ Эймундовой саги. Можетъ быть, содержаніе, какъ князя, такъ дружины и воевъ, предоставлено было извѣстнымъ волостямъ, изъ которыхъ каждая обязывалась кормить, имѣть на своемъ содержаніи такое-то количество или отрядъ, тянуть къ такому-то городу. Въ Русской Правдѣ читаемъ же мы исчисленіе, чтó должны получать въ постный и скоромный день Вирники съ ихъ отроками: не мудрено предположить подобныя распредѣленія и для воевъ“ (стр. 225 и 226).

Эта неопредѣленность очевидно происходитъ отъ ложнаго понятія автора объ отношеніи дружины къ князю. Извѣстно, что князь имѣлъ свою дружину, его приближенные — свою, не говоря о тѣхъ, которые владѣли городами и областями. Каждый начальникъ содержалъ свою дружину, которая служила ему отчасти по найму, временно, отчасти была постоянная, и тогда дружинникамъ, можетъ быть, предоставлялись на прокормленіе волости. Точно то же мы видимъ и впослѣдствіи. Содержаніе вирниковъ вовсе сюда нейдетъ. Въ дани и добычѣ участвовала дружина, потому что она имѣла къ предводителю не подданическое отношеніе.

Изображеніе норманской дружины по Стрингольму, дѣйствительно, разительно сходно съ отрывочными извѣстіями лѣтописи, и авторъ правъ, говоря: не кажется ли, что оно сдѣлано по Нестору? Но въ переводѣ есть натяжки. Напримѣръ, Armring авторъ переводитъ словомъ гривна и говоритъ, что иначе нельзя перевести. Но кольцо, которое надѣвалось на руку, и гривна, которую носили на шеѣ — большая разница. Наконецъ, замѣтимъ, что въ исчисленіи русскаго войска пропущено показаніе арабскихъ писателей, которое находимъ въ другомъ мѣстѣ въ разбираемой нами книгѣ. За исключеніемъ этихъ частныхъ недостатковъ, вся глава превосходна.

Глава восьмая, о древне русской торговлѣ, какъ намъ кажется, еще лучше, еще совершеннѣе. Это образецъ исторической критики, хотя со всѣми выводами мы тоже не можемъ согласиться. Читатели, вѣроятно, уже знакомы съ этой превосходной статьей, помѣщенной авторомъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“; поэтому мы и не станемъ надъ ней долго останавливаться, и постараемся въ короткихъ словахъ разсказать ея содержаніе и главные результаты. Сначала говорится о торговлѣ съ Греціей. Эта торговля велась изъ Кіева, Новгорода, Смоленска, Любеча (?), Чернигова и Вышегорода, по пути, давно извѣстному подъ названіемъ греческаго, и котораго подробное описаніе, равно какъ и самой торговли, находимъ у Константина Багрянороднаго и Нестора. Эта торговля велась самими князьями. Кромѣ того, по Днѣпру, Черному морю, руссы торговали съ Черной Болгаріей, хозарами и съ Сиріей, а по Волгѣ и Каспійскому морю съ землями на югъ отъ Каспійскаго моря. По крайней мѣрѣ есть извѣстіе, что они были въ Итилѣ (Астрахани). На западѣ они вели торгъ съ дунайскими болгарами и карпатскими странами: Венгріей, Галиціей и Богеміей; на сѣверъ — съ балтійскими славянами. Есть поводъ думать, что позднѣйшая торговля Новгорода, Пскова, Смоленска, Полоцка съ Даніей, островомъ Готландомъ и Любекомъ производилась очень рано. Торговля новгородцевъ съ Біарміей или Пермью и Югрою также весьма древняя. — Съ другой стороны, есть у арабскихъ писателей извѣстіе о торговлѣ волжскихъ болгаръ съ Visu, кажется Весью, которые, какъ видно изъ лѣтописи, находились въ сношеніяхъ съ Новгородомъ и были извѣстны варягамъ. Такимъ образомъ, изъ туземныхъ и иностранныхъ извѣстій открываются слѣдующіе торговые пути: изъ Скандинавіи въ Гардарикъ, — изъ Скандинавіи въ Біармію, по Бѣлому морю, — изъ Новгорода въ Кіевъ, — изъ Новгорода въ Весь, Пермь, Югру, Печору, къ Самоѣди, — изъ Кіева въ Константинополь, въ Корсунь, къ дунайскимъ болгарамъ, — изъ Кіева въ Итиль (Астрахань), Булгаръ (около Казани), — изъ Булгаръ въ Итиль къ Веси, — изъ странъ каспійскихъ въ Итиль (стр. 277). Товары, которые составляли предметъ этой торговли и главныя торговыя мѣста въ Россіи, тоже исчислены. Этими торговыми сообщеніями объясняются географическія свѣдѣнія Нестора объ отдаленныхъ странахъ, равно какъ и арабовъ о сѣверѣ. — Всѣ эти свѣдѣнія, почерпнутыя изъ лѣтописей и вообще письменныхъ памятниковъ, авторъ подтверждаетъ авторитетомъ Френа, Стрингольма, Сенковскаго и въ особенности г. Григорьева, которые, на основаніи восточныхъ монетъ, во множествѣ находимыхъ въ Россіи и въ сѣверной Германіи, дошли въ главныхъ чертахъ до тѣхъ же результатовъ, вѣроятно, послужившихъ въ пользу и г. Погодину при его изслѣдованіяхъ.

Какъ бы то ни было, это согласное мнѣніе многихъ ученыхъ очень важно и должно освѣтить новымъ свѣтомъ древнѣйшую исторію сѣверо-востока Европы. Не довольствуясь этимъ, г. Погодинъ отыскиваетъ слѣды этой торговли гораздо раньше, нежели какъ можно судить по непосредственнымъ даннымъ. Онъ связываетъ извѣстія о ней съ извѣстіями Геродота о торговлѣ въ сѣверо-восточной Европѣ и находитъ, что послѣдняя была лишь продолженіемъ первой.

Во всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ и догадкахъ много завлекающаго. Нѣтъ сомнѣнія, что результаты очень любопытны и, кажется, основаны на твердыхъ историческихъ данныхъ. Со всѣмъ тѣмъ мы осмѣливаемся думать что авторъ въ окончательныхъ своихъ выводахъ увлекся слишкомъ далеко. Говоря о торговлѣ VIII, IX и X вѣковъ, онъ смотритъ на нее глазами нашего времени, придаетъ ей значеніе, котораго она, какъ намъ кажется, тогда не имѣла и не могла имѣть, и потому приписываетъ ей дѣйствія, подлежащія большому сомнѣнію, по крайней мѣрѣ ничѣмъ не доказанныя. Извѣстно, что торговля и происходящія чрезъ нее безпрестанныя столкновенія между разноплеменными народами, жителями различныхъ странъ, только тогда порождаютъ богатство, гражданственность, образованіе, когда самъ народъ принимаетъ въ ней дѣятельное участіе, когда торговля есть плодъ его потребностей, которымъ онъ на мѣстѣ удовлетворить не можетъ, и ищетъ восполнить недостающее у него мѣною собственныхъ произведеній на продукты чужихъ странъ и чужой промышленности. Возбужденныя потребности вызываютъ его на трудъ, на умноженіе своего, для того, чтобы посредствомъ его пріобрѣсти нужное чужое. Кажется, такого значенія древняя торговля внутри Россіи не имѣла. Она была, вѣроятно, отчасти транзитная, отчасти не активная, а пассивная. О томъ и другомъ мы можемъ заключать и изъ самыхъ извѣстій объ этой торговлѣ, и изъ послѣдующаго. Еслибъ она не была транзитная, отчего бы, кажется, было прекратиться ей въ половинѣ XI вѣка? Сильныхъ переворотовъ внутри Россіи, сколько извѣстно, тогда не было. Итакъ, переворотъ долженъ былъ произойти или на сѣверѣ, или на югѣ, которые вели между собою торговлю чрезъ Россію. Другаго объясненія нельзя придумать. Далѣе, еслибъ торговля была дѣятельная, а не пассивная, отчего бы, кажется, остаться такому множеству восточныхъ монетъ? Самые изслѣдователи невольно пришли къ мысли, какъ намъ кажется, очень вѣрной, что покупалось у сѣверныхъ жителей (въ томъ числѣ и въ Россіи) больше, чѣмъ продавалось имъ южныхъ товаровъ. Торговлю активную уничтожить нельзя именно потому, что корень, цѣль ея — въ самомъ торгующемъ народѣ, тогда какъ торговый путь, закупка товара можетъ, конечно, уменьшиться или вовсе исчезнуть, оставивъ по себѣ одни лишь воспоминанія, а иногда не оставляя по себѣ никакихъ воспоминаній. Далѣе, судя по послѣдующему, мы имѣемъ тоже право думать, что древнѣйшая торговля въ Россіи была отчасти транзитная, отчасти пассивная, по крайней мѣрѣ по преимуществу такая. Нѣтъ рѣшительно никакихъ слѣдовъ высшаго образованія губерній, черезъ которыя пролегали торговые пути, въ сравненіи съ прочими. Въ XII вѣкѣ, владимірскій край былъ заселенъ и имѣлъ очень немного городовъ (Суздаль и Ростовъ); только Новгородъ и Псковъ отличались отъ прочихъ большею гражданственностью. Наконецъ, торговля наша была пассивною до самого Петра Великаго, который съ необыкновенными усиліями старался возбудить въ нашемъ купечествѣ желаніе и охоту самому торговать съ чужими краями, и хотѣлъ вырвать нашу торговлю изъ рукъ иностранцевъ, которые до него завладѣли ею совершенно. Всѣ послѣдующія мѣры торговой политики доказываютъ то же самое. Эти мѣры врядъ ли были бы нужны, еслибъ мы издавна привыкли торговать съ чужими странами. Вотъ почему, повторяемъ, извѣстія о древнѣйшихъ торговыхъ путяхъ въ Россіи очень важны, интересны и любопытны; но, обогащая насъ фактическими свѣдѣніями, служа къ объясненію частныхъ явленій и событій, они не могутъ совершенно измѣнить нашъ взглядъ на древнѣйшій русскій бытъ и заставить искать въ отдаленныя времена образованности, которая съ такими усиліями и пожертвованіями начинаетъ доставаться намъ только въ наше время.

Столько о статьѣ вообще. Укажемъ теперь на нѣкоторыя частности, которыя намъ кажутся ошибочными. На страницѣ 255, г. Погодинъ приводитъ мѣсто изъ Константина Багрянороднаго: „Россійскіе князья, оставивъ со всѣмъ своимъ народомъ Кіевъ, разъѣзжались (въ ноябрѣ) по городамъ своимъ или племенамъ... а какъ Днѣпръ вскроется, то

отъѣзжали назадъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Кіевъ, и, вооруживъ... суда, предпринимали обыкновенное путешествіе въ Грецію". Подъ россійскими князьями г. Погодинъ разумѣетъ однихъ великихъ князей кіевскихъ. Но почему? Доказательствъ нѣтъ. Между тѣмъ, слова: „по городамъ своимъ или племенамъ" ясно указываютъ на областныхъ, а не кіевскихъ князей. Это же доказываетъ и мѣсто изъ договора Олега съ греками: „въ странѣ нашей приходяще Русь да витаютъ у Св. Мамы, и после царство наше, да испишутъ имяна ихъ, и тогда возьмутъ мѣсячинное свое перьвое отъ города Кіева, и паки изъ Чернигова, и изъ Переяславля и прочии грады". Впрочемъ, объ этомъ было уже говорено выше.—На страницѣ 248, авторъ задаетъ себѣ вопросъ: какая мелкая монета означается словомъ *куны* — кожаная или серебряная, и говоритъ, что, кажется, послѣдняя, на томъ основаніи, что куны давались наемнымъ варягамъ, а ихъ нельзя было удовлетворить монетою, имѣвшею лишь мѣстную цѣну. Но врядъ ли это разсужденіе справедливо. Авторъ самъ приводитъ (стр. 113) разсказъ изъ Эймундовой саги о сдѣлкѣ Эймунда съ Ярославомъ, гдѣ между прочимъ находимъ слѣдующее: „Эймундъ примолвилъ: сверхъ того долженъ ты отпускать на каждаго нашего воина по унціи серебра, а каждому начальнику лодьи платить еще пол-унціи. Конунгъ возразилъ: этого мы не можемъ. Эймундъ сказалъ ему: можешь, господарь, потому что вмѣсто этой платы мы примемъ бобровъ, и соболей и другое добро, какое здѣсь въ вашей землѣ водится въ изобиліи; оцѣнку же имъ будемъ производить мы сами". Ошибка вся въ томъ, что авторъ непремѣнно хочетъ видѣть въ кунахъ кожаныя деньги, тогда какъ онѣ всего вѣроятнѣе были куньи шкурки и тѣмъ охотнѣе могли приниматься варягами вмѣсто серебра и золота, что составляли предметъ торговли. — Поэтому намъ непонятно, на какомъ основаніи авторъ говоритъ, что во всѣхъ мѣстахъ лѣтописи, гдѣ упоминается о кунахъ, всего менѣе можно разумѣть настоящія куницы. Если кожаныя деньги у насъ когда-нибудь и существовали, то едва ли такъ рано, и мы думаемъ, что въ варяжскій періодъ разумѣть подъ кунами дѣйствительныя куньи шкурки всего вѣроятнѣе и естественнѣе.—Далѣе, на той же страницѣ находимъ слишкомъ поспѣшное заключеніе, что слово *скотъ* есть *очевидно* слово норманское, потому что skott по-шведски значитъ сокровище, подать, плата. Можетъ быть и такъ, но гдѣ доказательства? Если слово имѣетъ корень въ своемъ туземномъ языкѣ, нельзя выводить его изъ иностранныхъ нарѣчій, не представивъ положительныхъ доказательствъ, что оно изъ нихъ заимствовано. Слѣдовательно, до очевиднаго при одномъ звукоподобіи далеко. Авторъ здѣсь увлекся норманскимъ элементомъ.

Глава IX имѣетъ предметомъ религію нашихъ руссовъ и славянъ. Въ этой главѣ много очень любопытныхъ и остроумныхъ замѣчаній, но въ то же время есть и натяжки, которыя бросаются въ глаза и внушены автору его любимою мыслью. Эти натяжки даже нисколько не согласованы съ общею мыслью автора о нашемъ и вообще всякомъ историческомъ развитіи. Вообще, видно, что, взявшись за этотъ предметъ, авторъ крѣпко стоитъ за свою мысль, и началъ проводить ее, не обращая вниманія ни на что, менѣе всего на сказанное имъ же самимъ въ другихъ мѣстахъ сочиненія.

Сначала г. Погодинъ весьма остроумно замѣчаетъ, что и въ отношеніи къ нашему обращенію въ христіанскую вѣру первыми дѣятелями были варяги, и что они были первыми христіанами—„такъ что христіанствомъ обязаны мы варягамъ, точно такъ же какъ и гражданскимъ устройствомъ" (стр. 302). Это справедливо a priori и доказывается историческими свидѣтельствами. Но вотъ чего мы никакъ понять не можемъ: выписавъ всѣ мѣста изъ Нестора, гдѣ упоминается о религіи и божествахъ въ варяжскій періодъ, авторъ говоритъ (стр. 304):

„Всѣ эти мѣста относятся къ варягамъ-Руси, а не къ славянамъ, представляютъ дѣйствія и вѣрованія варяговъ-Руси, а не славянскихъ нашихъ племенъ, всѣ они слѣдовательно принадлежатъ миѳологіи варяго-русской, скандинавской, а не славянской, и съ этой точки должны быть объясняемы. Такъ требуетъ здравый разсудокъ и историческая послѣдовательность Въ первомъ мѣстѣ мы находимъ даже и положительное подтвержденіе нашей мысли: „Ольга водивше (греки) на роту и мужи его по русскому закону клашася оружіемъ своимъ, и Перуномъ, богомъ своимъ, и Волосомъ, скотьимъ богомъ". Можетъ ли быть какое сомнѣніе, что это были боги норманскіе, а не наши славянскіе? Олегъ и мужи его, чистые норманны, перваго поколѣнія, большею частью пришедшіе съ Рюрикомъ, не могли бы клясться чужими богами, богами, которымъ не вѣрили: всякой клянется своею клятвою. Какъ послѣ нѣкоторые варяги-христіане присягаютъ въ церкви по христіанскому закону, такъ и Олегъ клялся по своему русскому закону".

Силлогизмъ вѣренъ, и до сихъ поръ намъ нигдѣ еще не случалось встрѣтить его въ печатной книгѣ. Г. Погодинъ первый замѣтилъ, что варяги-Русь не могли клясться чужими богами и не могли принять чужой религіи въ короткое время, протекшее между пришествіемъ ихъ въ Россію и договорами съ греками; но онъ дѣлаетъ изъ этого выводъ поразительно странный—что эта религія была не славянская, а норманская. Послѣ этого спрашивается: какъ же наши славяне въ такое короткое время могли принять чужую религію? Это несравненно труднѣе себѣ представить, нежели перемѣну ея у варяговъ-Руси. Признаемся, для насъ эта загадка неразрѣшима. Не только всѣ привыкли такъ думать, но дѣйствительно можно принять за несомнѣнную историческую истину, что Перунъ и Волосъ были божества славянскія, а не норманскія. Сравненіе скандинавской миѳологіи съ той, о которой говорится въ нашихъ лѣтописяхъ, показываетъ, что между ними не было ничего общаго. Это приводитъ къ мысли, что наши варяги-Русь не были чистые норманны-германцы, какъ мы уже замѣтили въ другомъ мѣстѣ, и чего никакъ не хочетъ допустить г. Погодинъ. Онъ охотно жертвуетъ исторической вѣроятностью, правдоподобіемъ, охотно измѣняетъ естественный смыслъ фактовъ, охотно отступаетъ отъ законовъ историческаго развитія, такъ рѣзко защищаемыхъ имъ противъ своихъ противниковъ,—и все для того, чтобъ спасти свое любимое положеніе, что варяги-Русь были скандинаво-германцы. Странная настойчивость, особенно въ писателѣ неумолимо строгомъ къ неточностямъ другихъ изслѣдователей! Вообще, вся эта статья, за исключеніемъ самаго начала ея, гдѣ г. Погодинъ такъ смѣло и прямо поставилъ вопросъ, очень, очень слаба. Представимъ примѣры. Константинъ Багрянородный говоритъ, что у насъ не было скотоводства. Г. Погодину, который вездѣ буквально держится его словъ, это извѣстіе не нравится. Положимъ, что онъ правъ. Но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы привести положительныя, ясныя доказательства, что въ этомъ отношеніи императоръ Константинъ ошибался; того требуютъ законы исторической критики. Вмѣсто этого мы находимъ вотъ что (стр. 306):

„Чтобъ у насъ не было скотоводства (и потому скотій богъ не можетъ значить богъ стадъ)—это ни съ чѣмъ не сообразно: извѣстіе И. Константина Багрянороднаго, столько смущающее Сабинина, основано на какомъ-нибудь недоразумѣніи, или имѣетъ смыслъ относительный, то-есть, что на Руси рогатаго скота было меньше, чѣмъ у Печенѣговъ“.

И только. Не правда ли, такимъ образомъ справляться съ историческими свидѣтельствами очень не мудрено? Принимая изъ нихъ что̀ намъ нравится, отвергая что́ не по сердцу, очень легко писать исторію. А какъ досталось покойному Каченовскому за точно такія же сомнѣнія!

Разборъ мнѣнія протоіерея Сабинина, который въ нашемъ Перунѣ и Волосѣ видитъ скандинавскихъ Тора или Біорна и Одина, любопытенъ. Не понимаемъ, какъ можно, подобно Сабинину, изъ сходства двухъ-трехъ чертъ обычаевъ, при совершенномъ различіи всѣхъ прочихъ, выводить тождество двухъ религій!

Разсматривая далѣе наши божества, которыя и г. Погодинъ считаетъ русскими (т.-е. скандинаво-германскими), онъ удивляется, какъ могли замѣшаться въ ихъ число два славянскія божества, Дажбогъ и Стрибогъ, и въ объясненіи говоритъ (стр. 310):

„Можетъ быть, это были собственно Славянскія божества, которыя присоединены Владиміромъ къ его Русскому сонму. Можетъ быть, они соотвѣтствовали какимъ-нибудь его божествамъ, и потому имъ допущены, равно какъ и Перунъ. Можетъ быть имена ихъ суть переводы Русскихъ именъ“.

Что это такое? Повѣритъ ли читатель, что подобныя вещи онъ встрѣтитъ въ книгѣ, посвященной ученымъ изслѣдованіямъ о предметѣ спорномъ, мало извѣстномъ и изслѣдованномъ и въ то же время крайне важномъ для того времени?

И въ этой статьѣ лучшую часть составляютъ безпрестанныя сближенія туземныхъ извѣстій съ извѣстіями, относящимися къ германо-скандинавамъ.

О введеніи христіанской вѣры въ Россіи сказано очень мало, особливо послѣ подробныхъ изслѣдованій архимандрита Макарія. Мимоходомъ остроумно замѣчено, что „спокойное, полюбовное принятіе новаго ученія (славянами) совершенно соотвѣтствовало мирному соединенію варяговъ съ славянами при первомъ зарожденіи государства“. Это тѣмъ болѣе вѣрно, что ни распространеніе христіанской вѣры, ни водвореніе варяговъ-Руси не было совершенно мирное.—Наконецъ, эту главу заключаетъ очень интересное замѣчаніе, что въ Новгородѣ есть слѣды римско-католическаго христіанства, занесеннаго, мо-

жетъ быть, вслѣдствіе торговыхъ сношеній съ готландцами и норманнами. Мѣста, приводимыя въ подтвержденіе этой мысли, выбраны очень удачно. Присоединимъ къ этому еще и извѣстіе изъ „Русской Правды“ о томъ, что въ постные дни, середу и пятницу, вирникамъ давали сыръ. Г. Погодину показалось это извѣстіе почему-то невѣроятнымъ, а почему—невидно.

Глава VI разсуждаетъ о грамотности, языкѣ и образованіи въ варяжскій періодъ. Говорится о рунахъ у нашихъ руссовъ, и потомъ о письменныхъ памятникахъ, начавшихся, какъ извѣстно, съ священнаго писанія. Засимъ находимъ довольно подробное исчисленіе этихъ памятниковъ. Самая интересная часть главы—о языкѣ. Авторъ полагаетъ, что въ этотъ періодъ времени у насъ былъ языкъ русскій или скандинаво-германскій, языкъ церковный, письменный, чужой, хотя и сродственный, понятный. О немъ авторъ справедливо замѣчаетъ, что онъ всего вѣроятнѣе близко подходитъ къ какому-нибудь славянскому нарѣчію, а не есть именно извѣстное нарѣчіе, „ибо Кириллъ и Меѳодій, какъ греки и иностранцы, переводя съ обработаннаго, развитаго, грамотнаго языка, на языкъ чистый, свѣжій, дѣвственный, могли многое ввести, сотворить. Если же они были и словене, то все не могли, въ своемъ положеніи, избѣгнуть многихъ грецизмовъ, какъ это случается и теперь съ самыми опытными переводчиками“ (стр. 356). Наконецъ, былъ и третій языкъ туземный, простонародный, который и тогда уже дѣлился на нарѣчія и проглядываетъ въ сочиненіяхъ.

„Всего нелѣпѣе мысль, или положеніе, которое находится у насъ въ общемъ оборотѣ, будто Русскій языкъ происходитъ отъ Славянскаго. Отъ какого Славянскаго? Отъ этого письменнаго, церковнаго?—Но какъ же, когда отъ этого одного языка произошли два, три, четыре нарѣчія, въ Кіевѣ или Черниговѣ Малороссійское, въ Москвѣ новое настоящее наше письменное, Великороссійское? — Какъ говорили тамъ, прежде нежели принесены были туда церковныя же книги?—Вотъ какая нелѣпость, которая кажется должна бы броситься въ глаза, и которая однакожъ укрывалась до сихъ поръ отъ многихъ словесниковъ.—Нѣтъ, милостивые государи, нарѣчія Сербское, Болгарское (церковное), Чешское, Польское, Великороссійское, Малороссійское и прочія, *современны*,—это суть вѣтви, происшедшія отъ одного корня въ незапамятное время. Ими говорили въ 9 столѣтіи, такъ какъ говорятъ въ 19; (разумѣется каждое изъ этихъ нарѣчій образовывалось вслѣдствіе своихъ благопріятныхъ и неблагопріятныхъ обстоятельствъ, развивалось естественно и совершенствовалось искусственно, — и въ этихъ отношеніяхъ новое отличается отъ древняго). — Писалось же съ 9-го столѣтія у большей половины Славянскихъ племенъ на одномъ южномъ нарѣчіи, положимъ Болгарскомъ, которое для грамотѣевъ нашихъ, Великороссіянъ, Малороссіянъ и прочихъ, было чужимъ, мертвымъ. Ясно ли?“ (стр. 357 и 358).

Мысль чрезвычайно вѣрная, хотя и не новая. Она ужъ давно въ ходу.

Вся большая VII глава посвящена обозрѣнію юридическаго быта и законодательныхъ памятниковъ варяжской эпохи. Изъ названія „Русской правды“ авторъ выводитъ, какъ и надо было ожидать, что она была законодательствомъ русскимъ, т.-е. варяго-германскимъ, а не туземнымъ, славянскимъ. Потомъ переходитъ къ юридическимъ обычаямъ нашихъ варяго-руссовъ, и наконецъ обозрѣваетъ всѣ извѣстія о нашихъ законахъ и юридическихъ обычаяхъ по лѣтописи. Мѣсто объ отмѣненіи виры и введеніи казни при Владимірѣ авторъ находитъ затруднительнымъ и, перебравъ толкованія, оставляетъ необъясненнымъ; ибо предположительное толкованіе его не имѣетъ никакого основанія и нисколько не вѣроятно. Въ самомъ дѣлѣ, невозможно слова епископовъ и старцевъ: „рать многа, оже вира то на оружьи и на коникъ буди“ разумѣть такъ: „у тебя много войска, и ты можешь замѣнить себѣ виру: будь на коняхъ и веди войну, и добудешь“ (стр. 366). Не знаемъ, почему авторъ не обратилъ вниманія на толкованія Розенкампфа и Тобина (Ueber die Blutrache); самыя вѣроятныя изъ всѣхъ, хотя и не совершенно удовлетворительныя въ отдѣльности. Въ большей части списковъ это мѣсто, съ нѣкоторыми измѣненіями, читается такъ: „Живяше Володимиръ въ страхѣ Божіи, и умножишася разбойницы, и рѣша Епископи Володимиру: умножишася разбойницы и почто не казниши ихъ? Онъ же рѣче: боюся грѣха. Они же рѣша ему паки: ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а на милованіе добрымъ: достоитъ ти казнити разбойникъ, но съ испытаніемъ. Володимиръ же отъвергъ виры, абіе нача казнити разбойникы. И рѣша Старцы Епископы: рать многа, а ежъ вира, тъ на оружьи и на конехъ буди. И рече Володимиръ да тако буди. И живяша Володимиръ по устроенію Божію и дѣдню и отьчю“.

Тутъ повѣствуется о двухъ различныхъ событіяхъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ и тѣсно связанныхъ между собою. Греческое

духовенство, принесшее съ собою христіанскій и римскій взглядъ на частную расправу, не могло равнодушно смотрѣть на кровавую месть, которая тогда еще существовала въ обычаяхъ, и хотѣло ввести уголовныя наказанія. Вотъ что побудило его просить Владиміра отмѣнить кровавую месть и тѣсно связанную съ нею виру, и ввести вмѣсто ихъ казнь—уголовныя наказанія. Владиміръ согласился. Но такое нововведеніе слишкомъ противорѣчило нравамъ: они еще не успѣли смягчиться настолько, чтобъ было возможно введеніе болѣе нравственнаго, гражданскаго порядка вещей. Весьма вѣроятно, что не столько духовенство видѣло это, сколько народу и его старѣйшинамъ было не понутру нововведеніе Владиміра. Къ этому могли привзойти и особенныя, случайныя обстоятельства, а именно: безпрестанныя войны, требовавшія большихъ издержекъ, тогда какъ доходы князя уменьшились вмѣстѣ съ уничтоженіемъ виръ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ духовенство, а вмѣстѣ съ нимъ и земскіе старѣйшины (объ которыхъ не упомянуто при прежнемъ представленіи духовенства), снова пришли къ Владиміру, вѣроятно спустя нѣсколько времени послѣ отмѣны виръ, и сказали ему: много войнъ; употреби виру на оружіе и коней; другими словами: возстанови виру, потому что много войнъ, не на что запасать оружія и коней. Владиміръ на это предложеніе согласился, и, возстановивъ виру, разумѣется, сталъ жить „по устроенію“ отца и дѣда, какъ было при нихъ.

Потомъ авторъ переходитъ къ „Русской Правдѣ“. Новаго о ней мы не нашли здѣсь ничего. Все, что говоритъ г. Погодинъ, было уже сказано и полнѣе, и лучше. Онъ полемизируетъ противъ выводовъ Карамзина,—но кто же въ наше время не знаетъ, что эти выводы очень шатки, слабы и давно опровергнуты? Послѣ всего, что писано о „Русской правдѣ“, нельзя говорить о ней на нѣсколькихъ страницахъ, тѣмъ болѣе, что самыя противоположныя мнѣнія о ней подкрѣпляются равносильными доказательствами, и ученая обработка этого предмета, вмѣсто того, чтобъ привести вопросы къ разрѣшенію, сдѣлала ихъ еще болѣе трудными и многосложными. Съ „Русской Правдою“ теперь почти то же, что съ вопросомъ о происхожденіи варяговъ-Руси: одинъ разборъ мнѣній о ней составитъ самъ по себѣ цѣлую книгу, и можно сказать спасибо тому, кто за это возьмется, ибо такая работа очень нелегка. Какъ и вездѣ, г. Погодинъ подводитъ къ „Правдѣ“ параллельныя мѣста изъ скандинавскихъ законовъ и другихъ памятниковъ, и положенія, встрѣчающіяся въ „Правдѣ“, считаетъ скандинаво-германскими. Кровавая месть, судебные поединки, суды Божіи, онъ считаетъ принесенными къ намъ варягами-Русью—мнѣніе, поражающее своею односторонностью и давно подвергнувшееся основательнымъ возраженіямъ. Должно бы, по крайней мѣрѣ, опровергнуть эти возраженія, чтобъ имѣть право повторить мысль столько невѣроятную. Отзывы о Ярославовомъ уставѣ о „мостовыхъ“, и церковныхъ уставахъ Владиміра и Ярослава такъ кратки и поверхностны, что не заслуживаютъ упоминанія.

Обозрѣвъ поверхностно законы и законодательные памятники, г. Погодинъ переходитъ къ самому юридическому быту. Мѣста изъ лѣтописи о власти и значеніи князя удачно выбраны, и выводъ изъ этихъ мѣстъ довольно удовлетворителенъ. Намъ кажется также очень остроумнымъ замѣчаніе, что слово „подданный“, въ своемъ этимологическомъ значеніи, вѣрно характеризуетъ первоначальныя, древнѣйшія отношенія князей къ племенамъ: они брали съ нихъ дань, и въ этомъ преимущественно выражалось тогда господство. Но особенно хорошо представлено постепенное развитіе верховной власти князей въ эту эпоху. Въ этомъ отношеніи авторъ превосходно воспользовался отрывочными извѣстіями лѣтописи (стр. 395 и 396).

„Князь сперва былъ защитникомъ, предводителемъ сборной дружины, безъ твердой мысли о постоянномъ пребываніи. (Рюрикъ въ Новгородѣ, Олегъ въ Кіевѣ, Святославъ въ Переяславцѣ). Преемство было очень неопредѣленно, подвергалось случайностямъ (послѣ Рюрика родственникъ Олегъ, а потомъ уже сынъ Игорь; послѣ Игоря на нѣсколько времени Ольга), и относилось преимущественно къ дружинѣ. Потомъ князья утвердились на одномъ мѣстѣ, водворились (Владиміръ), сдѣлались владѣтелями земли, которая стала переходить дѣтямъ въ наслѣдство вмѣстѣ съ дружиною (Владиміръ). Первая *дружина* князя была сборная, вольная, зависящая отъ него, но не слишкомъ, болѣе или менѣе равная, а потомъ наемная; выборная, подчиненная (также съ Владиміра, а прежняя погибла съ Святославомъ). Впрочемъ, князья *владѣли* собственно только тѣми городами, гдѣ жили (Святославъ отдалъ Кіевъ Ярополку, и землю Древлянскую, не задолго покоренную, Олегу, а Новгородцы сами вытребовали себѣ Владиміра, грозя

найти другого князя, въ случаѣ отказа), хотя всякій преемникъ былъ сильнѣе своего предшественника, и ходилъ дальше его брать дань съ сосѣднихъ племенъ. *Дань* эта была сперва неопредѣленная (Рюрикъ), потомъ опредѣленная (Олегъ), отъ которой, однакожъ, племена иногда отказывались, при благопріятныхъ для себя обстоятельствахъ (Древляне при Игорѣ), потомъ принуждены были платить безпрекословно, а наконецъ возить сами въ Кіевъ (Радимичи къ Владиміру), привыкли между тѣмъ постепенно платить ее и повиноваться все одному роду. Они имѣли у себя сперва данщиковъ, потомъ намѣстниковъ, потомъ княжескихъ дѣтей (отъ Святослава, отъ Владиміра), а наконецъ удѣльныхъ князей (отъ Ярослава). Кромѣ дани, князья, рѣдко сидя въ домѣ, принимали мало участія въ правленіи, а потомъ *приняли оное за плату*, какъ наемники (а се покони Ярослава), прежде нежели это званіе получило благороднѣйшее значеніе, а наконецъ сдѣлались законодателями — сперва повинуясь прошедшему, обычаю (по устроенію отню и дѣдню: Правда Русская), а потомъ съ намѣреніемъ устроить будущее. (Опытъ Владиміровъ о вирѣ, опредѣленіе дѣтей Ярославовыхъ, которое относится уже къ слѣдующему періоду)".

Все остальное въ этой главѣ очень слабо. Не говоря уже объ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ—въ единственномъ учебникѣ, „Исторіи русскаго законодательства" Рейца, сказано и болѣе и лучше. Принятая г. Погодинымъ метода выписывать всѣ мѣста изъ памятниковъ и изъ нихъ дѣлать выводы о значеніи извѣстнаго слова, не всегда удачно приложена. Такъ, напримѣръ, о словѣ „бояринъ" приведено одинадцать мѣстъ, и изъ всѣхъ ихъ ничего не выходитъ. Сверхъ того, здѣсь мы находимъ также безпрестанныя натяжки въ пользу любимой мысли объ исключительномъ господствѣ скандинаво-германскаго элемента въ эту эпоху,—натяжки тѣмъ болѣе очевидныя, что онѣ противорѣчатъ общеизвѣстнымъ историческимъ даннымъ. Такъ г. Погодинъ стоитъ за мнѣніе протоіерея Сабинина, что слово *бояринъ* происходитъ отъ скандинавскаго *баерминъ*, слѣдовательно, оно пришло къ намъ отъ скандинавовъ. Однако мы знаемъ, что это слово есть и у другихъ славянскихъ племенъ, и самъ г. Погодинъ это знаетъ. Зачѣмъ же натягивать заимствованіе? То же должно сказать и о названіи *люди*. Не знаемъ, зачѣмъ непремѣнно выводить это слово изъ скандинавскихъ языковъ (въ которыхъ, правда, есть очень близкое), когда оно встрѣчается и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Г. Погодинъ говоритъ, что у славянъ этого слова нигдѣ нѣтъ, но это не правда: въ любомъ польскомъ лексиконѣ можно найти слово *ludzie*, что́ то же, что наши люди. И *смердъ*, говоритъ г. Погодинъ, тоже принесенное слово. Опять неправда, потому что въ актахъ другихъ славянскихъ народовъ мы находимъ названіе Smurdones и въ томъ же значеніи, въ какомъ употреблялось у насъ.

Вообразивъ себѣ однажды, что бояринъ слово скандинавское, г. Погодинъ говоритъ (стр. 401):

„Куда же дѣвались эти бояре, равно какъ и лица княжескаго рода, кои мы замѣчаемъ при Рюрикѣ и Игорѣ, — вотъ вопросъ любопытный и важный. Мы не видимъ почти никакихъ потомковъ отъ нихъ въ слѣдующемъ періодѣ, гдѣ возобладалъ одинъ родъ Ярославовъ, и никакой аристократіи не могло ужъ завестись? — Я думаю, что первые бояре наши положили свои головы въ несчастную войну Святослава въ Болгаріи, и потомъ вмѣстѣ съ нимъ отъ Печенѣговъ. Владиміръ привелъ съ собою *новыя* дружины, отъ которыхъ набралъ нѣсколько мужей, а прочихъ выпроводилъ въ Грецію. Дѣти и внуки его не имѣли нужды въ такихъ помощникахъ, потому что сами начали размножаться".

Все это — неосновательное разсужденіе и ненужный вопросъ—родилось вслѣдствіе ложной мысли, будто бояре были у насъ пришлые, а не свои. Откуда взялъ г. Погодинъ, что бояре у насъ когда-то исчезли? Не только нѣтъ столѣтія — едва-ли можно указать на десять лѣтъ, въ которыя бы о нихъ не упоминалось. Поэтому напрасно говоритъ г. Погодинъ, что мы почти не видимъ ихъ потомковъ въ слѣдующемъ періодѣ. Были ли послѣдующіе бояре потомки первыхъ, или нѣтъ, мы не знаемъ, и даже не считаемъ особенно важнымъ знать. Но что бояре были—это мы знаемъ навѣрное. Оттого и всѣ послѣдующія разсужденія и догадки не имѣютъ въ нашихъ глазахъ никакого ученаго достоинства.

О *мужѣ*, значеніе котораго очень темно, мы не находимъ у г. Погодина ничего интереснаго. Онъ только затронулъ вопросъ, но далеко не исчерпалъ данныхъ для его рѣшенія. На стр. 403, онъ говоритъ: „Мы знаемъ по распространенной Правдѣ, что за оскорбленіе и умерщвленіе княжа мужа платилось вдвое, чѣмъ за другого человѣка; бояре тамъ не упоминаются, слѣдовательно, ясно, что они разумѣлись подъ мужами".

Странное заключеніе! Еслибъ оно и было вѣроятно, то оно далеко еще неясно. Но, судя по другимъ историческимъ даннымъ, оно даже невѣроятно. Въ „Русской Правдѣ" мы находимъ статью подъ заглавіемъ: „О Задницѣ (имѣніи, оставшемся послѣ кого-

нибудь) боярстѣй и о дружинѣ". Начинается она такъ: „Аже въ боярѣхъ, или въ дружинѣ, то за князя задница не идетъ". (Это чтеніе по синодальному списку. Не знаемъ, почему г. Погодинъ позволилъ себѣ вмѣсто *дружинѣ*, поставить *боярской дружинѣ*, что̀ совершенно измѣнило смыслъ этого мѣста, столько важнаго для нашихъ юридическихъ древностей). Здѣсь ясно, дружинникъ различенъ отъ боярина, и мы видимъ, что они не одно и то же. Если теперь сообразимъ всѣ мѣста, въ которыхъ упоминается слово *мужъ* въ лѣтописи (они собраны у г. Погодина), то увидимъ, что подъ нимъ большею частью разумѣются дружинники. Такъ приводятъ къ присягѣ Олега и его мужей; такъ Олегъ посылаетъ своихъ мужей заключить миръ; за поединокъ съ печенѣгомъ Владиміръ дѣлаетъ побѣдителя великимъ мужемъ, вмѣстѣ съ отцомъ, и т. д. Отсюда дѣлается очень вѣроятнымъ, что дружинники назывались мужами (хотя и нельзя сказать наоборотъ, что подъ мужами всегда должно разумѣть дружинниковъ). Этимъ объясняется и приведенное мѣсто въ „Русской Правдѣ", тогда какъ при теперешнихъ понятіяхъ, что бояринъ и мужъ одно и тоже, оно непонятно. Самое рѣшительное различіе бояръ отъ мужей находимъ мы въ грамотѣ рязанскаго князя Олега (Истор. Акт. Т. I, № 2) XIV вѣка, гдѣ сказано: „Коли ставили по первыхъ прадѣди наши Святую Богородицю, князь Великій Инъгваръ, князь Олегъ, князь Юрьи, а съ ними бояръ 300, а мужей 600", и т. д.

Заключимъ слѣдующимъ: въ источникахъ есть весьма недвумысленныя указанія на различіе между боярами и мужами. Кто именно разумѣлся подъ послѣдними, мы не можемъ сказать по недостатку данныхъ. Но если предположить, - что̀ не совсѣмъ вѣроятно,— что подъ ними разумѣлись по преимуществу дружинники, т.-е. люди, отличавшіеся отъ другихъ только тѣмъ, что служили въ княжеской дружинѣ, то изъ этого можно вывести нѣсколько заключеній, объясняющихъ и значеніе боярина, и значеніе мужа. Званіе дружинника (если только можно его такъ назвать) было личное, неразрывно связанное съ службой. Оттого его можно было пріобрѣтать, и оно не передавалось наслѣдственно. Званіе же боярина было наслѣдственное, родовое, не жалуемое, и потому болѣе нежели вѣроятно, что оно было не принесенное къ намъ, а туземное; да иначе и трудно объяснить множество бояръ, которые находились въ древней Россіи вездѣ, во всѣхъ городахъ. Утверждать, что это именно такъ было, мы не смѣемъ, потому что эти выводы основаны на предположеніи. Мы не можемъ рѣшительно сказать, что г. Погодинъ не имѣлъ никакого основанія разумѣть въ „Русской Правдѣ" подъ бояриномъ—мужа, когда мужъ и бояринъ—не одно и то же. Прибавимъ къ этому еще вотъ что: изъ того, что въ „Русской Правдѣ" упоминается княжъ мужъ, а не бояринъ, мы видимъ не тождество ихъ, а совершенно другое, именно, что бояринъ былъ чинъ или званіе по преимуществу земское. Весьма естественно, что, опредѣляя виру за убійство, князь подумалъ прежде о своемъ дружинникѣ, приближенномъ, нежели о бояринѣ, для него тогда чуждомъ. Сверхъ того, слово мужъ имѣло еще и общее неопредѣленное значеніе—человѣкъ, гражданинъ, и т. д. Это можно видѣть въ лѣтописяхъ.

Удостовѣрившись, какъ легко, бездоказательно авторъ выводитъ изъ Скандинавіи названія и даже цѣлыя учрежденія, нельзя прочесть безъ недовѣрчивости слѣдующія слова (стр. 405): „Всѣ эти сословія только что мелькнули въ началѣ нашей Исторіи, и чуждыя туземнымъ племенамъ никакъ не могли завестися между ними!" (Новое доказательство, что пришлое племя было совершенно иное, т.-е. принадлежало къ числу нѣмецкихъ, у которыхъ такое раздѣленіе было повсемѣстно). „У насъ же осталось раздѣленіе естественное, прежнее, по занятіямъ".

Какъ знать, что они исчезли, потому что были чужеземныя? Мы видимъ, что многое исчезаетъ въ народѣ и замѣняется другимъ, вслѣдствіе внутренняго и историческаго развитія. Большая часть сословій, о которыхъ говоритъ г. Погодинъ, встрѣчается у другихъ славянъ; слѣдовательно, они наши, а потому гораздо вѣроятнѣе, что они исчезли. вслѣдствіе того, что внутренній бытъ органически измѣнился. Такъ же несправедливо, что эти сословія „только что мелькнули въ началѣ нашей Исторіи": они долго существовали въ періодъ удѣловъ, а бояре удержались до XVIII вѣка и теперь еще живутъ въ устахъ простаго народа. Наконецъ, если даже сословія и весь первоначальный нашъ бытъ занесены къ намъ,—какъ объяснить, что въ Новгородѣ слѣды этого чуждаго элемента удержались долѣе, нежели въ остальной Рос-

сіи, что̀ признаетъ и самъ г. Погодинъ (стр. 417)? Вѣдь варяжская дружина пустила свои корни на югѣ, а не на сѣверѣ. Новгородъ рано могъ развиваться и развивался самъ собой, тогда какъ въ остальной Россіи это развитіе совершалось подъ непосредственнымъ вліяніемъ норманскаго элемента. Съ чѣмъ это сообразно? Не явно ли изъ одного этого, что большая часть учрежденій, которыя г. Погодинъ считаетъ норманскими, были на самомъ дѣлѣ нашими, славянскими, и имѣли только случайное сходство съ норманскими; въ Новгородѣ они могли сохраниться и болѣе опредѣлиться безъ помѣхи, тогда какъ въ остальной Россіи они естественно должны были измѣниться отъ чуждаго, недобровольно принимаемаго вліянія.

Очень важное мѣсто находимъ мы въ разбираемой нами книгѣ въ объясненіе слова *изгой*. Если не ошибаемся, оно впервые помѣщено здѣсь. Въ „Рукописномъ Церковномъ Уставѣ В. К. Всеволода", хранящемся въ библіотекѣ г. Погодина, сказано: „Изгои трои: поповъ сынъ грамоты не умѣетъ, холопъ—изъ холопства выкупится, купецъ одолжаетъ, а и четвертое изгойство и себе приложимъ, аще Князь осиротѣетъ". (Стр. 408). Итакъ, кажется, изгоями назывались люди, вышедшіе изъ своего званія; но не знаемъ, не будетъ ли и теперь слишкомъ поспѣшно производить это слово отъ *изгнать*. Во всякомъ случаѣ, очевидно, что изгои—не племя, не люди особаго происхожденія, какъ думалъ Карамзинъ.

О посадникахъ говоритъ авторъ, что ихъ учрежденіе должно приписать также норманскимъ князьямъ. Мы думаемъ, что это вовсе не вѣроятно. Названіе ихъ славянское, и самый характеръ ихъ власти весь славянскій.

Производство *тіуна* изъ не славянскихъ нарѣчій очень вѣроятно, какой бы, впрочемъ, ни былъ корень, или первообразъ этого слова. Но мы не согласны съ мнѣніемъ автора, что „тіунъ не былъ общимъ названіемъ, какъ бояринъ, а означало особливую должность, вѣроятно казначейскую". (Стр. 410). О первоначальномъ назначеніи тіуновъ мы ничего не знаемъ, а впослѣдствіи они были такіе же судьи, управители, какъ намѣстники и волостели. Оттого, можетъ быть, очень рано мы встрѣчаемъ ихъ въ деревняхъ и областяхъ, въ духовномъ и свѣтскомъ вѣдомствѣ. Въ „Судебникѣ" и „Уставныхъ жалованныхъ Грамотахъ" прямо говорится, что волостели и тіуны не должны судить безъ старосты и цѣловальниковъ.

Мѣста о старцахъ, старѣйшинахъ, собраны не всѣ. Укажемъ, напримѣръ, на мѣсто, гдѣ говорится объ отмѣнѣ виръ при Владимірѣ. Есть и другія.

Изъ всего сказаннаго читатели видятъ, что статья о правѣ въ варяжскій періодъ составлена весьма небрежно. Есть мысли очень дѣльныя, но большею частію набросанныя безъ доказательствъ, безъ необходимой ученой обработки. Зато есть множество такого, что̀ никуда не годится, такъ что удивительно, какъ ученый рѣшился такъ слегка говорить о предметѣ, если не установившемся и обработанномъ, то по крайней мѣрѣ уже обсмотрѣнномъ съ нѣсколькихъ сторонъ и многими!

Въ VIII главѣ подробное изслѣдованіе о частной жизни въ варяжскую эпоху. Особенно замѣчательнаго мы въ ней не нашли ничего. Она вся состоитъ изъ мѣстъ, собранныхъ изъ лѣтописей и изъ параллельныхъ скандинавскихъ извѣстій. Глава IX разбираетъ черты народнаго характера въ это время. Этими чертами авторъ очень искусно и удачно пользуется въ доказательство, что варяги-Русь были скандинавы и что они одни исключительно дѣйствовали въ первый періодъ нашей исторіи. Мысль о Святополкѣ, — что онъ не былъ такимъ извергомъ, какъ говорятъ объ немъ лѣтописцы и за ними риторически повторилъ Карамзинъ—чрезвычайно вѣрна. Святополкъ мстилъ за своего отца Владиміру и его потомству, но месть его, по несчастію, пала на любимыхъ князей древней Руси—св. Бориса и Глѣба, и Святополкъ прослылъ злодѣемъ, исполняя, по тогдашнему, священный обѣтъ мести. Сверхъ того, онъ не былъ и похитителемъ престола, а какъ сынъ старшаго брата Владимірова, имѣлъ лучшее право на Кіевъ, нежели потомство Владиміра.

Переходимъ къ послѣднимъ двумъ главамъ, которыя, какъ выводъ изъ всего сочиненія, должны заключать въ себѣ послѣднее слово автора о древнѣйшемъ періодѣ русской исторіи.

Глава X носитъ заглавіе: „Формація государства". Это лекція, читанная г. Погодинымъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1837 года и потомъ помѣщенная въ „Москвитянинѣ".

Въ самомъ началѣ статьи встрѣчаемся съ основною мыслью автора, которая, сознатель-

но или безсознательно, проходитъ чрезъ всѣ его взгляды, чрезъ всѣ разсужденія объ историческихъ явленіяхъ. „Намъ остается“, говоритъ онъ, „изслѣдовать теперь, какъ сими отрывочными, безсвязными событіями, обстоятельствами, случаями производилось Государство, и какъ изъ киданныхъ на удачу по сторонамъ камней складывалось правильное зданіе“ (стр. 475).

Итакъ, г. Погодинъ считаетъ всѣ событія, даже самыя важныя, каково, напримѣръ, основаніе новыхъ государствъ, если не совершенно случайными, то, по крайней мѣрѣ, такими, въ которыхъ случайность играетъ большую роль и имѣетъ нерѣдко рѣшительное участіе. Изъ слѣдующихъ затѣмъ строкъ мы видимъ, что г. Погодинъ такъ смотритъ только на самую первоначальную исторію народа, когда еще только приготовляются матеріалы для будущаго органическаго, проникнутаго одною жизнью, однимъ духомъ цѣлаго.

Въ такомъ взглядѣ есть своя большая доля правды, и мы думаемъ, что онъ особенно плодотворенъ для исторіи тѣмъ, что предохраняетъ изслѣдователя отъ отвлеченнаго схоластическаго воззрѣнія, въ послѣднее время нерѣдко величавшагося громкимъ, но не заслуженнымъ именемъ философскаго воззрѣнія, отъ котораго блѣднѣли народности, лица, происшествія, и на мѣсто ихъ являлись какіе-то неестественные, мертвые, призраки. Идя отъ отвлеченной идеи, многіе историки слишкомъ пренебрегали дѣйствительными, такъ сказать, физическими условіями и элементами народной жизни, и потому не могли понять ее. Но съ тѣмъ вмѣстѣ мы требуемъ, чтобъ этотъ взглядъ былъ проведенъ строго, логически. Элементы государства, сами по себѣ живые, нерѣдко, при случайныхъ условіяхъ, соединяются и производятъ третье, органическое, живое существо, въ образованіи котораго участвуютъ оба, но сами утрачиваютъ въ немъ свою особливую, отдѣльную жизнь. Это первое. Слѣдовательно, оба они являются соподчиненными третьему, которое теперъ является самостоятельнымъ и такимъ-то, но которое при другихъ условіяхъ, при соединеніи тѣхъ же элементовъ съ другими, могло быть совершенно другимъ, нежели какимъ мы его знаемъ. Далѣе, отсюда же слѣдуетъ, что главное, при такомъ образованіи государства — элементы и ихъ соединеніе: частности и случайности, въ которыхъ выражается ихъ присутствіе и существованіе — дѣло постороннее, неважное для изслѣдователя-писателя.

Но г. Погодинъ смотритъ совершенно иначе, и изъ вѣрнаго положенія дѣлаетъ ложные выводы. Вмѣсто того, чтобы въ образованіи государства все вниманіе устремить на составные его элементы и результаты ихъ соединенія, онъ сосредоточиваетъ его на тѣхъ частныхъ, случайныхъ явленіяхъ и событіяхъ, при которыхъ эти элементы соединились, и эти частности выдвигаетъ на первый планъ. Въ поэтѣ такой взглядъ необходимъ, составляетъ его неотъемлемую принадлежность и достоинство; въ ученомъ, который переводитъ событія и историческіе факты въ сферу мысли, это важный недостатокъ, отъ котораго терпитъ наука. Въ г. Погодинѣ онъ ощутителенъ и тѣсно связанъ съ его полумистическимъ воззрѣніемъ на исторію,—воззрѣніемъ, которое проглядываетъ во всемъ, что̀ онъ ни писалъ объ историческихъ эпохахъ и событіяхъ: и въ историческихъ афоризмахъ, и въ очеркѣ исторіи Москвы, и т. д.

Призваніе Рюрика новгородцами, говоритъ г. Погодинъ (стр. 476), есть событіе исключительно новгородское, ибо съ переходомъ дружины норманской, оно тамъ не оставило по себѣ никакихъ слѣдовъ. Поэтому ни оно, ни утвержденіе Аскольда и Дира въ Кіевѣ не можетъ въ строгомъ смыслѣ быть названо началомъ русскаго государства. Это только „начало водворенія норманскаго элемента между нашими славянскими племенами“. Русская исторія имъ начинается потому только, что въ немъ играетъ роль лицо Рюрика, родоначальника династіи, — Рюрика, который пришелъ „съ чувствами дружелюбными къ племени, призывавшему его по доброй волѣ“.

„Началось преемство, стало за кѣмъ слѣдовать, хотя еще и въ пустомъ пространствѣ. Вотъ почему это происшествіе безсмертно въ Русской Исторіи! Воздадимъ честь и Новгороду, старшему сыну Россіи (рожденному впрочемъ прежде матери), за призваніе князя, котораго роду предназначено было основать впослѣдствіи величайшее Государство въ мірѣ. Младенецъ Рюриковъ, Игорь, съ его дружиною, есть единственный плодъ Норманскаго призванія въ Новгородъ, единственный ингредіентъ въ составленіи Государства, тонкая нить, коею оно соединяется съ послѣдующими происшествіями. Все прочее прешло, не оставивъ слѣда. Еслибъ не было Игоря, то объ этомъ сѣверномъ Новгородскомъ эпизодѣ почти не пришлось бы, можетъ быть, говорить въ Русской Исторіи, или только мимоходомъ. — Такимъ непримѣтнымъ атомомъ относительно къ формаціи, началось Государство, зародышемъ, который именно едва поймать можно ми-

кроскопомъ историческихъ соображеній. Это, употребимъ сравненіе, корень безсмысленный слова, первый элементъ звука" (стр. 477 и 478).

Изъ этихъ словъ и разсужденій читатель можетъ самъ удостовѣриться, какъ мы правы, говоря, что г. Погодинъ имѣетъ полумистическій взглядъ на нашу исторію. Самое важное въ прибытіи Рюрика въ Новгородъ есть то, что внесенъ былъ въ жизнь нашихъ славянъ новый элементъ, котораго въ ней прежде не было, или который по крайней мѣрѣ не былъ развитъ, — элементъ государственный, зиждущій, организующій, который далъ намъ формы общежитія, удержавшіяся, хотя и съ важными видоизмѣненіями, до Петра,—такъ онѣ были прочны. Былъ ли именно Рюрикъ представителемъ этого новаго элемента, главою дружины, или иной кто, — дѣло второстепенное, не особенно важное; ибо дружина, пришедшая къ намъ, по своему положенію въ чужой землѣ и воинственному характеру, должна была необходимо имѣть вождя, не того, такъ другого. Г. Погодинъ думаетъ противоположно съ нами. Для него важенъ Рюрикъ, важна династія, - все прочее не важно. Предоставляемъ другимъ судить, кто изъ насъ правъ, а себѣ позволимъ только замѣтить, что такъ какъ новый элементъ въ исторіи важнѣе того или другаго лица, его представляющаго, то и русская исторія должна начаться прибытіемъ чуждой дружины въ Новгородъ—не потому что Рюрикъ, основатель княжеской династіи, былъ ея главою, а потому что въ составъ нашихъ славянъ привзошло нѣчто новое, у нихъ прежде неизвѣстное, такое, которое непремѣнно высказалось бы и безъ Рюрика. Далѣе, съ какими чувствами пришелъ къ намъ начальникъ воинственной дружины, и съ какими чувствами приняли его наши славяне, кажется намъ такъ же фактомъ второстепеннымъ и маловажнымъ, потому особенно, что слѣдовъ его не видно. Пришли варяги по призванію, а потомъ стали распоряжаться, какъ завоеватели, на что есть прямыя свидѣтельства лѣтописи; иначе и быть не могло при тогдашнемъ граждански-неустроенномъ бытѣ. Точно такъ же мы не знаемъ, за что бы, кажется, благодарить Новгородъ, который, положимъ, поступилъ очень недурно, но поступилъ такъ, имѣя въ виду только самого себя, и нисколько не думая о томъ, что у Рюрика будетъ преемникомъ Олегъ, что этотъ Олегъ пойдетъ въ Кіевъ, и его дружина, при его преемникахъ, оснуетъ тамъ величайшее въ мірѣ государство. Наконецъ въ томъ же смыслѣ мы должны сказать, что не будь Игоря, призваніе варяговъ новгородцами все-таки не было бы эпизодомъ русской исторіи, и другой князь, вовсе не связанный съ Рюрикомъ тѣсными семейными связями, былъ бы не менѣе связанъ съ нимъ тождествомъ элемента, котораго оба были представителями.

Такъ же странны и умствованія объ Олегѣ и Игорѣ. Олегъ пошелъ на Кіевъ случайно и могъ не завладѣть имъ.

„Или — Олегъ могъ отправиться съ своей дружиной мимо Кіева, на службу въ Грецію, и пропасть тамъ вмѣстѣ съ Игоремъ, не оставивъ слѣда, подобно сотнямъ своихъ единоплеменниковъ, и тогда другой видъ Исторіи, другія лица и другія имена!—А какъ сомнительна судьба Игоря, младенца, только что рожденнаго, младенца, на которомъ однакожъ лежитъ судьба отечества, который остался связать всю послѣдующую Исторію съ Новгородскимъ призваніемъ Норманновъ, который долженъ утвердить еще за отцомъ своимъ мѣсто во главѣ Русской Исторіи.—Кромѣ тѣхъ опасностей, кои раздѣлялъ онъ съ Олегомъ, онъ имѣлъ другія: Олегъ могъ имѣть дѣтей, которые отняли бы власть у него, то есть предводительство, начальство надъ дружиною, легко достававшееся въ это бурное время болѣе рѣшительному, храброму, искусному.— Вотъ какимъ случайностямъ подвергался Олегъ, и при немъ Игорь, и зародышъ Русскаго Рюрикова Государства!—Но не слишкомъ ли еще много видѣть здѣсь зародышъ Русскаго Государства? Точно,— это менѣе чѣмъ зародышъ, это математическая точка, почти идея.—Оставляя Новгородъ, Олегъ дѣлался странствующимъ рыцаремъ съ своею дружиною, лишался мѣста. Въ эту минуту какъ будто пропало, скрылось изъ виду зачавшееся Государство. Минута неизвѣстности! Сѣмя предано произволу вѣтровъ! — Не должны ли мы трепетать за него? Что съ нимъ будетъ? Куда понесется оно? Гдѣ найдетъ себѣ родимую почву?—Успокоимся! Благопромыслительной Десницею несется оно именно въ Кіевъ, гдѣ ему приготовлено лоно, гдѣ новому Государству поставлена цѣль. Мнимою прихотью Олега выражается воля Провидѣнія! Династія, оставшись въ Новѣгородѣ, повела бы дѣла по необходимости иначе: изъ Новагорода должна бы утвердиться у насъ связь, не только государственная, но и духовная, съ Западомъ, Латинствомъ, Папою, а видно было надо, по высшему предначертанію, чтобъ Европа состояла пока изъ двухъ половинъ, чтобъ распадавшейся въ то время религіи пріуготовилась особая Церковь на Востокѣ, чтобъ тамъ когда-то чрезъ тысячу лѣтъ, среди Славянскихъ племенъ, народилось Государство—наслѣдникъ Римскому Востоку, Греческой Имперіи, Константинополю, какъ Римскій Западъ достался въ наслѣдство, съ землею, жителями, религіей и образованіемъ, Нѣмецкому народу.—Олегъ пошелъ, точка двинулась, это правда, точка, не болѣе, но выйдетъ линія, и какая линія? Полъ-экватора, треть меридіана" (стр. 478—480).

Еслибъ Олегъ отправился на службу въ Грецію, лица и имена дѣйствительно были бы не тѣ, какія теперь знаемъ, но характеръ исторіи едва-ли бы измѣнился. Норманскій или другой, какой хотите, элементъ, принесенный въ Россію пришельцами, не исчезъ бы, ибо мы знаемъ, что даже въ Новгородѣ, откуда ушли варяги, часть ихъ осталась. Итакъ, закваска была, и она произвела бы тѣ же дѣйствія, какія и дружина, перешедшая въ Кіевъ, потому что была съ нею однородна. Судьба Игоря точно была сомнительна, но не болѣе какъ и каждаго живого человѣка. Прибавимъ къ тому, что особенной заслуги его въ русской исторіи мы не видимъ, а потому и сомнительность его судьбы не имѣетъ права возбуждать въ насъ большихъ, тревожныхъ опасеній. Если вся цѣль его существованія только въ томъ и состояла, чтобъ связать всю послѣдующую исторію съ новгородскимъ призваніемъ норманновъ и утвердить за его отцомъ Рюрикомъ мѣсто во главѣ русской исторіи, то этотъ подвигъ сыновней любви и почтительности, конечно, заставляетъ насъ думать объ немъ лучше, нежели какъ мы думали до сихъ поръ, судя по его дѣйствіямъ, засвидѣтельствованнымъ лѣтописью, — но для русской исторіи изъ этого ровно ничего не слѣдуетъ. Его существованіе не такъ дорого для нея, какъ для чести его рода, и потому, мы думаемъ, ни одинъ русскій, любящій пламенно свое отечество, не трепещетъ при мысли, что Олегъ могъ имѣть дѣтей, которыя лишили бы Игоря власти, особливо, еслибъ его оттѣснилъ отъ начальства надъ дружиною болѣе рѣшительный, храбрый, искусный вождь,—потому что зародышъ русскаго Рюрикова государства, судьбы его не могли бы нисколько измѣниться отъ случайностей, которымъ подвергался Игорь.— Что касается до взаимныхъ отношеній зародыша, математической точки и идеи — мы слишкомъ мало знакомы съ физіологіей, математикой и философіей, чтобъ опредѣлить соизмѣримость этихъ величинъ и повѣрить автора, правъ ли онъ, что менѣе чѣмъ зародышъ = математической точкѣ, и оба = почти идеѣ. Вѣрные своей мысли, что въ исторіи важное, существенное, главное—элементы, а не тѣ случайныя обстоятельства, въ которыхъ выражается ихъ сочетаніе, мы не понимаемъ, что́ хотѣлъ сказать авторъ странной фразой: „въ эту минуту какъ будто пропало, скрылось изъ виду зачавшееся государство“, точно какъ будто государство имѣетъ крылья и летаетъ по воздуху,—и не трепещемъ за судьбу государства, зная, что не тотъ, такъ другой выразитъ собою то, что приготовлено предыдущими событіями, и что мѣсто свято пусто не бываетъ.

Потомъ г. Погодинъ особенно налегаетъ на мысль, что мирные кіевскіе жители приняли Олега безъ сопротивленія, и что поселеніе его было такъ же мирно, какъ и Рюриково въ Новгородѣ, чѣмъ и опредѣлился характеръ ихъ отношеній къ жителямъ. Мы бы хотѣли спросить автора: это мирное занятіе—не математическая ли точка, не почти идея ли? Кіевляне были народъ странный. Приходитъ къ нимъ одинъ—они покорятся ему добровольно; приходитъ другой—ему точно такъ же; приходитъ третій, убиваетъ ихъ властителей — они поклоняются и ему безъ сопротивленія. Такой народный характеръ отнимаетъ рѣшительно всякое право говорить о мирномъ занятіи и завоеваніи. Въ отношеніи къ полянамъ и вообще тѣмъ изъ нашихъ славянъ, которые охотно, безъ боя, подчинялись первому пришельцу, различіе добровольнаго подчиненія или призванія и завоеванія не могло имѣть никакого значенія, и, слѣдовательно, никакого вліянія на дальнѣйшую ихъ судьбу. Объяснимся. Представимъ себѣ, что народъ сильный, независимый, граждански развитой и не поддающійся первому встрѣчному, призоветъ къ себѣ постороннихъ властителей. Такое призваніе даетъ ему возможность заключить съ призванными условія, обезпечить свои права, поставить границы произволу пришельцевъ, и такимъ образомъ извлечь изъ призванія всевозможную пользу, не подвергаясь опасностямъ порабощенія. Представимъ себѣ теперь другой случай, что этотъ же самый народъ будетъ завоеванъ пришельцами. Тогда послѣдніе дѣлаются его безусловными господами и устраиваютъ его судьбу по произволу, неограниченно. Ясно, что въ отношеніи къ такому народу различіе между завоеваніемъ и добровольнымъ подчиненіемъ неизмѣримо велико и на всю послѣдующую судьбу его имѣетъ рѣшительное и важное вліяніе. Тутъ стоитъ поизслѣдовать, былъ ли народъ завоеванъ или нѣтъ, — ибо вся исторія его получаетъ отъ такого или другаго разрѣшенія этого вопроса противоположное значеніе и колоритъ. Но когда племя, едва только начинающее вырабатываться

изъ первоначальной, грубой непосредственности и при этомъ коснѣющее въ патріархальныхъ, мирныхъ и кроткихъ нравахъ, охотно, безусловно подчиняется всякому, который захочетъ имъ владѣть,—не слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что оно и не могло быть завоевано, потому что всегда предупреждало завоевателя своею безусловною покорностью и ничѣмъ не обезпечивало себя и своихъ правъ, слѣдовательно, не будучи завоевано, могло подвергаться всѣмъ невыгодамъ завоеванія по произволу пришельцевъ? Г. Погодинъ понималъ это, хотя, можетъ-быть, и не совсѣмъ ясно. Ему видно хотѣлось удержать для начала нашего государства принципъ мирнаго занятія, и такъ какъ провести его никакъ нельзя было, то онъ во многихъ мѣстахъ своего сочиненія долженъ былъ прибѣгать къ отчаяннымъ предположеніямъ. Напримѣръ, онъ говоритъ, что славяне своею безусловною покорностью обезоружили дикихъ варяго-руссовъ. Далѣе нельзя идти! Въ самомъ дѣлѣ, представить хищныхъ, вѣроломныхъ и грубыхъ руссовъ, какими мы ихъ знаемъ по нашей лѣтописи, благодарными и великодушными рыцарями, есть верхъ историческаго tour de force, натяжки столько же невѣроятной, сколько и неожиданной въ изслѣдователѣ, который на каждой строкѣ своего сочиненія проповѣдуетъ историческое безпристрастіе и жестоко преслѣдуетъ противниковъ за натяжки и любимыя мысли. Пора же, наконецъ, понять, что если пришествіе дружины не имѣло у насъ тѣхъ послѣдствій, какія въ другихъ земляхъ, то причина не въ великодушіи руссовъ, не въ способѣ занятія ими славянскихъ земель, а только въ томъ, что варяги не думали основать у насъ государство, и потому долго блуждали по огромной поверхности безъ цѣли и постояннаго жительства. Нѣчто похожее на государство начинаетъ показываться не ранѣе Владиміра, а особенно при Ярославѣ, слѣдовательно, спустя сто или полтораста лѣтъ послѣ прибытія руссовъ. А мы все толкуемъ, было ли у насъ завоеваніе или нѣтъ, точно какъ будто отъ этого факта зависитъ все, — тогда какъ онъ самый неважный изъ неважныхъ въ нашей исторіи, въ эти отдаленныя, грубыя времена, когда Россія представляла собою не что иное, какъ

rudis indigestaque moles
Non bene junctarum discordia semina rerum.

А вся бѣда оттого, что мы даже до сихъ поръ не можемъ привыкнуть смотрѣть на нашу исторію прямо, просто. Мы непремѣнно смотримъ на нее съ точки зрѣнія западной или европейской исторіи, гдѣ для начала государствъ были другія условія. Что̀ тамъ важно, здѣсь совершенно неважно, и наоборотъ. Къ этому мы не обинуясь причисляемъ различіе между завоеваніемъ и мирнымъ занятіемъ, которое у грубыхъ, первоначальныхъ племенъ не влечетъ за собою тѣхъ послѣдствій, какія у народовъ цивилизованныхъ и просвѣщенныхъ.

Мистическимъ тономъ проникнуто и все дальнѣйшее въ этой статьѣ. Какъ ни скучно, ни утомительно для читателя слѣдить за фантазіей автора, который въ событіяхъ самыхъ естественныхъ и неважныхъ видитъ таинственное водительство судьбы, трудные и важные іероглифы, проникающіе наблюдателя какимъ-то священнымъ ужасомъ и благоговѣніемъ,—послѣдуемъ за нимъ, чтобы показать до конца, какъ эти призраки не страшны, какъ они напротивъ съ значеніемъ, приданнымъ имъ авторомъ, мелки.

„Лѣнивый Игорь потерялъ было дани, переставъ ходить за ними, и племена, пользуясь благопріятнымъ случаемъ, отлагались. По крайней мѣрѣ, всю свою жизнь онъ прожилъ въ Кіевѣ, и привычка, которую называютъ второю природою, привычка дружины и города къ князю и его роду, а князя къ дружинѣ и народу, привычка къ осѣдлости и какому-то порядку вещей, укоренялась. Таково было при Игорѣ пріобрѣтеніе, почти невещественное, къ родительскому наслѣдству. Сѣмя не развилося, но нѣсколько укрѣпилось, приготовилось для развитія. Подъ конецъ своей жизни Игорь захотѣлъ было притѣснить сосѣднихъ Древлянъ, и погибъ за то отъ руки ихъ. Новая опасность, по крайней мѣрѣ опасность Рюрикову роду: ближнее племя возстало, и рѣшилось на такое отважное дѣйствіе—убить князя: что жъ сдѣлаютъ дальнія! Что будетъ съ самою дружиною? Какъ легко, кажется, какому нибудь смѣльчаку захватить начальство и увести ее на промыселъ, или самому сѣсть на престолъ!“ (стр. 481 и 482).

Изъ чего авторъ взялъ, что Игорь былъ лѣнивъ и потерялъ дани, мы придумать не можемъ; ни одно мѣсто не даетъ права такъ говорить. Какъ мало варяги были осѣдлы при Игорѣ, видно изъ жизни Святослава, который не хотѣлъ остаться въ Кіевѣ. Бунтъ древлянъ—явленіе частное, которое не имѣло никакого отношенія къ другимъ племенамъ, можетъ быть, даже оставалось имъ неизвѣстнымъ, да и убійство князя тогда далеко не то значило, что̀ впослѣдствіи, осо-

бливо, когда Россія начала гораздо болѣе походить на государство, напримѣръ, въ московскій періодъ. О тщетныхъ и смѣшныхъ опасеніяхъ на счетъ Рюрикова рода, не стоитъ и говорить; право, тогда Рюриковъ родъ еще не много вѣсилъ въ судьбахъ Россіи.

Судя по словамъ г. Погодина, русской исторіи съ самаго начала благопріятствовало необыкновенное счастіе. Все вышло, разумѣется, такъ, какъ вышло. Но авторъ во всемъ этомъ видитъ какую-то высшую необходимость. Напримѣръ, у Игоря былъ одинъ сынъ. Тутъ, кажется, нѣтъ ничего необыкновеннаго. У Святослава ихъ было три, у Владиміра двѣнадцать, а единство Руси удержалось. Но, читая книгу г. Погодина, подумаешь, что такъ было необходимо нужно по тогдашнему состоянію Россіи. Вотъ какъ онъ объ этомъ разсуждаетъ:

„У Игоря былъ такъ же одинъ сынъ, какъ у Рюрика. Святославъ, къ счастію молодой Руси, которой необходимо было распространиться прежде, нежели раздѣлиться, которой необходимо было раскинуться, хоть слегка, изъ одного центра, а не многихъ; одно сѣмя должно было пока развиваться, одно государство рости, а не многія равносильныя возникнуть вдругъ. Рано было начинаться удѣльнымъ княжествамъ: еслибъ у первыхъ князей было по многу дѣтей, то они, поссорясь тотчасъ между собою (неизбѣжный случай), воспрепятствовали бы развитію, не укрѣпясь ослабли бъ, и не успѣли бъ захватить столько постороннихъ земель, кои могли отойти въ составъ другихъ сосѣднихъ государствъ. Тяжело дѣтямъ остаться сиротами, пока отецъ не устроитъ хозяйства. Силѣ предлежало еще поприще внѣ, а не внутри“ (стр. 482 и 483).

Пожалуй и такъ. Но можно бы разсуждать и совершенно на выворотъ. Вотъ почему всѣ такія разсужденія—пустыя слова, отъ которыхъ наука ничего не выигрываетъ, но проигрываетъ очень часто. Святославъ считалъ Кіевъ постоемъ и рѣшился оставить его; не перенести столицу, какъ думаютъ нѣкоторые—замѣчаніе глубоко вѣрное — „а переѣхать на другую квартиру“ (стр. 483). Какъ ни отстаиваетъ авторъ послѣднее выраженіе, но оно и смѣшно, и неудачно, потому что взято изъ совершенно другого порядка вещей, не имѣющаго ничего общаго съ тогдашнимъ. Не дурно замѣтить также, что постоянное пребываніе Игоря въ Кіевѣ (если это и фактъ достовѣрный) немного, кажется, послужило къ водворенію, къ осѣдлости варяговъ въ этомъ городѣ. Зачѣмъ же было объ немъ и говорить? Непонятная страсть нанизывать факты на одну нитку и вытягивать въ линію, тогда какъ они обыкновенно выпадаютъ такъ пестро, и только въ цѣлой эпохѣ, чрезъ отвлеченіе, мы можемъ открыть общія черты.

Мысль о раздачѣ удѣловъ Святославомъ Ярополку, Олегу и Владиміру очень недурна и во всякомъ случаѣ нова.

„Передъ отбытіемъ Святославъ отдалъ старшему сыну Ярополку свой Кіевъ, а второго послалъ княжить на Волынь. Святославъ не раздѣлилъ, какъ говорятъ у насъ обыкновенно, свои владѣнія, но другого сына послалъ въ дикое поле. Древлянъ, племя самое близкое къ Кіеву, разоренное Ольгою, обложенное двойною данью, и потому тѣснѣе связанное съ Кіевомъ, легче было держать въ повиновеніи. Вотъ главная причина, почему Святославъ послалъ туда сына. Третьяго сына, Владиміра, вытребовали себѣ сами Новгородцы, почти противъ воли Святослава, который говорилъ имъ даже: кто къ вамъ пойдетъ? Слѣдовательно, Святославъ все-таки владѣлъ однимъ Кіевомъ, *гдѣ жилъ*, гдѣ жилъ и отецъ его; здѣсь нечего говорить о дѣленіи, ибо дѣлятъ цѣлое, дѣлятъ свое владѣніе, а Святославъ не владѣлъ Древлянами, которые платили ему только дань. Тѣмъ болѣе должно сказать это о прочихъ дальнихъ племенахъ, и всего вѣрнѣе и точнѣе, о Новгородцахъ. Но еслибъ даже и владѣлъ — все только Кіевомъ и ближнею Волынью. Вотъ что отдалъ онъ двумъ сыновьямъ своимъ.—Не было дѣленія и еще менѣе пагубнаго примѣра! Дѣленіе было общее во всей Европѣ, необходимая принадлежность, степень гражданскаго общества, а не частная ошибка. Но у насъ, повторяю, не было ни дѣленія, ни частной ошибки, ни примѣра“ (стр. 484 и 485).

Да не подумаетъ, однако, благосклонный читатель, что съ раздачею удѣловъ всѣ опасности для русской исторіи миновались. Напротивъ, вы знаете, что противникомъ Святослава былъ Цимисхій, императоръ храбрый и умный. Онъ тоже родился не даромъ, и если онъ не могъ возродить дряхлѣющую Византію, то призваніе его было еще выше—удержать варяговъ-Русь въ Кіевѣ и дать имъ возможность окончательно осѣсться. Не забудьте, что сыны Святослава могли послѣдовать за своимъ отцомъ въ Болгарію. Что бы сталось тогда съ славянскими племенами? Авторъ наивно восклицаетъ: „какъ все зыбко!“

„Случился же именно въ это время въ Греціи такой Государь, какъ Іоаннъ Цимисхій, одинъ изъ самыхъ воинственныхъ Государей въ цѣломъ ряду Византійскихъ Императоровъ, въ продолженіе долговременнаго періода. Онъ заставилъ Святослава удалиться изъ любезной Болгаріи, который на возвратномъ пути и сложилъ буйную свою голову, съ остальными мужами. Сыновья его лишены были средствъ идти въ Болгарію, отнятую греками, не могли переселиться туда, еслибъ и хотѣли. Они

остались у насъ, владѣя порознь Кіевомъ, Волынью и Новгородомъ. — Сѣмя переслано опять къ намъ, или, лучше, укрѣпилось, глубже опустилось въ нашей землѣ. Опасностей стало меньше, по крайней мѣрѣ дома" (стр. 486).

Послѣ этого, разумѣется, могли ужъ безопасно явиться нѣсколько князей, и ихъ явилось теперь трое. Какъ все дѣлается кстати, особливо когда въ головѣ изслѣдователя приготовлены, по извѣстному и данному, причины и условія случайныхъ событій!

Можно ли такъ смотрѣть на исторію?

Остальная половина варяжскаго періода, начиная съ Ярополка, обрисована довольно живо и удачно. События разсказаны просто, естественно и вмѣстѣ и оригинально, а потому и не лишены интереса. Любителей отсылаемъ къ самой книгѣ.

Одиннадцатая и послѣдняя глава заключаетъ въ себѣ „параллель Русской Исторіи съ исторіей Западныхъ Европейскихъ Государствъ относительно начала". Особой статьей эта глава, въ 1844 году, была отпечатана въ „Москвитянинѣ". Въ библіографіи ея коснулись слегка и вообще объ ней писано было меньше, нежели разсуждаемо на словахъ. Только въ самомъ „Москвитянинѣ" противъ нея была поднята сильная полемика, отчасти справедливая, но по основной мысли пристрастная. Несмотря на то, что эта статья была мало замѣчена, она заслуживаетъ большаго вниманія, какъ по своей парадоксальности, такъ и по непониманію главныхъ, основныхъ явленій нашей исторіи.

Русская и западная, или, правильнѣе, европейская исторія до того различны между собою, что при всѣхъ видимыхъ, случайныхъ, иногда разительныхъ сходствахъ, нѣтъ никакой возможности сравнивать ихъ между собою. Весьма вѣроятно, что главная причина такого разительнаго различія—въ различіи элементовъ, исторической почвы, на которой совершались событія. Какъ ни возбужденъ въ настоящее время вопросъ о славянскомъ племени—онъ еще далеко не рѣшенъ, и едва-ли можно надѣяться, что онъ скоро разрѣшится. Ключа къ національному характеру этого удивительнаго племени, что̀ ни говорено, ни писано объ немъ, мы ещѐ не имѣемъ, и мы твердо увѣрены, что его въ силахъ дать одни событія, исторія, а не кабинетныя занятія ученыхъ, не изслѣдованія его прошедшаго. Оттого странно положеніе всякаго мыслящаго человѣка, когда онъ говоритъ или пишетъ объ этомъ племени. Прежде о немъ вовсе не думали, потомъ говорили свысока, съ какимъ-то презрѣніемъ, или по крайней мѣрѣ неуваженіемъ. Теперь это совершенное невѣдѣніе и эти смѣшные предразсудки исчезли, но самое племя не сдѣлалось отъ этого понятнѣе. Чтобъ удостовѣриться въ этомъ, попробуйте прикинуть къ нему или его исторіи какой бы то ни было готовый аршинъ, которымъ мѣряется исторія другого племени: ни однимъ вы его не смѣряете. Оттого и событія, съ перваго взгляда сходныя, даже тождественныя въ европейской и нашей исторіи, такъ же далеки между собою, какъ небо отъ земли; часто ихъ невозможно сравнивать, потому что они несоизмѣримы. Мы думаемъ, что въ этомъ должно, между прочимъ, искать причины, почему до сихъ поръ наша историческая литература такъ бѣдна, тоща и неплодотворна. Она возникла въ тотъ періодъ нашей исторіи, когда мы жили подъ исключительнымъ вліяніемъ европейской цивилизаціи, и потому естественно смотрѣли на свое прошедшее европейскими глазами. Какъ ни важно, ни благодѣтельно было такое вліяніе на наше духовное и нравственное возрожденіе, оно не могло, однако, быть благопріятно для правильнаго уразумѣнія нашего прошедшаго. Въ теперешнее переходное время, когда самосознаніе начинаетъ пробуждаться, принимая нерѣдко странныя формы, начинаетъ проясняться и мысль объ этомъ коренномъ различіи нашей и европейской исторіи, исподволь созрѣваютъ другія понятія, другіе взгляды, которые измѣнятъ, наконецъ, представленіе о прожитомъ нами времени и событіяхъ.

Г. Погодинъ тоже чувствуетъ это различіе, но онъ проводитъ его не до конца. Не высказывая, онъ предполагаетъ въ европейской и русской исторіи одинаковую почву, считаетъ ихъ соизмѣримыми величинами. Обѣ, по его мнѣнію, существенно различны, но это потому только, что существенно различны условія ихъ первоначальнаго существованія: въ Европѣ было завоеваніе, у насъ не было. Къ этому въ послѣднемъ итогѣ сводится все. Изъ этого видно, что по своему взгляду, точно такъ же, какъ и въ области изслѣдованій, г. Погодинъ занимаетъ средину между прежнимъ и новымъ временемъ. Онъ не смотритъ на русскую исторію съ точки зрѣнія, данной исторіею большей части европейскихъ госу-

дарствъ, но въ то же время ставитъ ихъ на одну доску, проводитъ между ними параллель, какъ будто бы они при всемъ различіи имѣли между собою много общаго.

Послѣдующимъ историкамъ славянскаго племени и Россіи въ особенности мы предоставляемъ честь разрушить это предубѣжденіе, столько же объяснимое исторически, сколько само въ себѣ ложное и неосновательное. Многіе уже теперь догадываются, что это не такъ, что между европейской и русской исторіей существуетъ только случайное, поверхностное сходство; теперь начинаютъ даже понимать, что аксіоматическія положенія въ европейской исторіи, съ помощью которыхъ можно безошибочно судить объ исторіи любого европейскаго государства, ничего не объясняютъ въ русской исторіи, напротивъ, затемняютъ ее. Что до насъ касается, мы намѣрены теперь прослѣдить внимательно выводы г. Погодина, которые, кромѣ ложнаго основанія, отличаются еще необыкновенною парадоксальностью и тѣми же историческими обоюдностями, на которыя мы уже не одинъ разъ указывали въ его новомъ сочиненіи. Все это любопытно по своей необыкновенности, яркости, можетъ быть и потому еще, что, вѣроятно, есть люди, съ нѣкоторыми оттѣнками раздѣляющіе взглядъ г. Погодина, ибо, несмотря на то, что мы живемъ, повидимому, быстро, не по днямъ, а по часамъ, мысль для насъ еще до сихъ поръ трудна и мало доступна; два противорѣчащія положенія, взаимно себя исключающія, много лѣтъ живутъ дружески, рядомъ—по преданію, привычкѣ, или лѣности сообразить ихъ между собою,—итакъ длится черезъ нѣсколько поколѣній. Страшно подумать, сколько такихъ взглядовъ пущено у насъ въ оборотъ и получило права гражданства!

Статья г. Погодина начинается очеркомъ исторіи западно-европейскихъ государствъ, теперь довольно извѣстной и у насъ. Эти государства основаны на завоеваніи. Завоеваніе положило въ основаніе этихъ государствъ борьбу сословій, классовъ, которые представляютъ собою прежнихъ покорителей и покоренныхъ и воспроизводятъ ихъ взаимную ненависть. Сначала аристократію побѣждаетъ среднее сословіе и само становится на ея мѣсто. Въ этомъ событіи видно освобожденіе покоренныхъ когда-то туземцевъ изъ подъ ига пришельцевъ. Но теперь низшее борется вмѣстѣ и съ среднимъ, и съ высшимъ, и что изъ этой новой борьбы выйдетъ—Богъ вѣсть. Тоже было и въ древней исторіи, въ Греціи, въ Римѣ. Въ русской исторіи, напротивъ, главныхъ, характеристическихъ событій европейской исторіи нѣтъ. Это различіе происходитъ оттого, что у насъ не было завоеванія, а было призваніе, безпрекословное занятіе и полюбовная сдѣлка между туземцами и пришельцами. Итакъ все различіе отъ различія въ началѣ.

Мы уже выше сказали, въ какомъ случаѣ различіе завоеванія и призванія важно въ исторіи, и объяснили причины, почему въ русской исторіи IX вѣка оно кажется намъ совершенно неважнымъ, несущественнымъ. Поэтому вновь распространяться объ этомъ мы не станемъ. Замѣтимъ здѣсь покуда мимоходомъ, что это различіе въ русской исторіи и не существовало. Въ Новгородѣ дружина была призвана, но поступала недружелюбно, какъ завоеватель. Многія славянскія племена были рѣшительно покорены, и платили дань недобровольно, о чемъ можно судить по ихъ частымъ возстаніямъ. Что и съ ними недружелюбно поступали варяги, по крайней мѣрѣ иногда, видно изъ разсказа о поступкѣ Игоря съ древлянами. Поэтому были ли мы завоеваны, или приняли иноземцевъ добровольно,— фактъ еще очень спорный, о которомъ нельзя рѣшительно судить на томъ только основаніи, что сѣверныя племена призвали Рюрика; а на спорномъ фактѣ нельзя строить цѣлой теоріи. Потомъ, допустивъ даже, что варяги-Русь не завоевали насъ, и всѣми племенами были приняты съ распростертыми объятіями, мы не имѣемъ никакого права заключить отсюда, что у насъ отъ этого было легче; по крайней мѣрѣ, изъ частыхъ возстаній племенъ и безпрерывныхъ походовъ къ нимъ этого видѣть нельзя. Итакъ, различіе завоеванія и призванія въ нашей исторіи ничего почти не значитъ и не играетъ никакой роли. Постановивъ основное различіе между нашей исторіей и исторіей европейскихъ государствъ и рѣшивъ, что изъ этого различія проистекаютъ всѣ прочія, г. Погодинъ разсматриваетъ составные элементы нашего государства порознь. Послѣдуемъ за нимъ.

У насъ князь былъ добровольно призванный (въ Новгородѣ), или принятый безъ сопротивленія (въ Кіевѣ).

„Тотъ и другой не имѣлъ, слѣдовательно, и даже не могъ имѣть враждебныхъ чувствъ побѣдителя, завоевателя, какія питали западные государи; тотъ

и другой не могъ смотрѣть на свое владѣніе, какъ на добычу, взятую съ бою, приступомъ; не имѣлъ никакихъ внутреннихъ враговъ, ни внѣшнихъ соперниковъ, въ своемъ, хотя и ничтожномъ, въ сравненіи съ западными королевствами, владѣніи. Нашъ Государь былъ званымъ мирнымъ гостемъ, желаннымъ *защитникомъ*, а Западный Государь былъ ненавистнымъ пришельцемъ, главнымъ *врагомъ*, отъ котораго народъ напрасно искалъ защиты" (стр. 500).

Какъ на враговъ, призванный князь не смотрѣлъ на племена — это правда; но, вѣроятно, смотрѣлъ какъ на источникъ обогащенія и добычи. Припомните, г. Погодинъ, все, что лѣтопись говоритъ о дѣйствіяхъ варяговъ у насъ, и вы съ нами согласитесь. А славянамъ, которые принуждены были испытывать на себѣ ихъ своеволіе, хищничество, насиліе,— право, было все равно, пришли ли они какъ завоеватели, или какъ призванные. Имъ оттого не было легче, и голословными различіями ихъ, вѣроятно, трудно было утѣшить. Развивая далѣе свою мысль, г. Погодинъ силится показать, что такимъ характеромъ нашихъ князей условливалось ихъ отношеніе къ боярамъ, городамъ и народу, другое, нежели какое было на Западѣ.

Къ боярамъ: „На Западѣ король былъ обязанъ своимъ сподвижникамъ (герцоги, дюки), помогавшимъ ему покорить землю, а нашъ князь не имѣлъ никакихъ обязанностей къ боярамъ, большею частью его родственникамъ, которые сопровождали его безъ всякой со стороны его нужды, не имѣли случая оказать ему никакихъ важныхъ, необходимыхъ услугъ,— и въ случаѣ неудовольствія могли только оставить его" (стр. 500 и 501).

Чистый вымыселъ, потому что основанъ на однихъ голыхъ предположеніяхъ! Почему нашъ князь не имѣлъ никакихъ обязанностей къ боярамъ? Почему знаетъ авторъ, что они были большею частью его родственники? Ужъ не изъ словъ ли лѣтописи, что избрались три брата „съ роды своими"? Если наши князья безпрестанно воевали, что достовѣрно извѣстно,—какое право имѣетъ авторъ сказать, что бояре сопровождали его безъ всякой со стороны его нужды, и не имѣли случая оказать ему никакихъ важныхъ, необходимыхъ услугъ? Право оставить начальника дружины имѣли дружинники не только у насъ, но и вездѣ; а если тамъ они имѣли и другія права, то эти права условливались осѣдлостью дружины, чего у насъ долго не было. Словомъ, такое опредѣленіе отношеній князя къ боярамъ такъ произвольно, такъ натянуто, что не заслуживаетъ опроверженія. Пусть авторъ подкрѣпитъ свои положенія дѣльными доводами, и мы тогда опровергнемъ ихъ, ибо ихъ нѣтъ, а есть доводы противъ него, хотя ихъ и немного. Пока онъ этого не сдѣлаетъ, мы считаемъ неумѣстнымъ серьезный разборъ неосновательныхъ и недоказанныхъ предположеній.

Къ народу: „Съ народомъ у насъ князь имѣлъ дѣло лицомъ къ лицу, какъ его защитникъ и судья, въ случаяхъ, впрочемъ, очень рѣдкихъ, за что̀ и получалъ опредѣленную дань,—вотъ въ чемъ состояло его отношеніе; а западный государь отдѣленъ былъ совершенно своими вассалами" (стр. 501).

Легкій способъ рѣшать трудныя задачи! О которомъ времени говоритъ авторъ? О варяжскомъ періодѣ, вѣроятно? Но что жъ мы о немъ знаемъ, и изъ чего взялъ г. Погодинъ, что съ народомъ наши князья имѣли дѣло лицомъ къ лицу. Хоть одно мѣсто въ доказательство, г. Погодинъ, одно мѣсто! Что князь за защиту и судъ получалъ опредѣленную дань — этого мы тоже, признаться, не знали! Что собирая дань на мѣстѣ, князь въ то же время судилъ и бралъ за то пошлину, это, можетъ быть, и отчасти вѣроятно. Но чтобъ ему за судъ давалась дань, такъ можетъ думать только тотъ, кто совершенно незнакомъ съ нашими юридическими древностями! Примѣръ новгородцевъ, платившихъ 300 гривенъ „мира дѣля", ничего не доказываетъ. Мы не знаемъ, было ли это данью; вѣроятно, нѣтъ, ибо дань платилась сама собою кіевскимъ князьямъ. Но допустивъ, что дань платилась за защиту, спрашивается, за что жъ платили ее не пограничныя, а внутреннія славянскія племена? Наконецъ, до какой степени князь не былъ отдѣленъ своими правителями и дружинниками отъ народа—кто возмется разрѣшить этотъ вопросъ, особливо въ эпоху, изъ которой до насъ не сохранилось почти никакихъ извѣстій?

Объ отношеніи князей къ городамъ не сказано ничего. Этотъ вопросъ такъ же бѣденъ извѣстіями, но за то посложнѣе. Авторъ, вѣроятно, боялся за него приняться.

Такъ же разбираетъ г. Погодинъ *бояръ*. У насъ ихъ было меньше, говоритъ онъ, чѣмъ на Западѣ. „Потому то они не составили у насъ особаго класса, многочисленнаго сословія, сильнаго элемента; а были только переднимъ рядомъ княжеской свиты, гвардіи, дружины" (стр. 501). Въ другомъ мѣстѣ мы

высказали мысль, что въ самомъ началѣ у насъ былъ феодализмъ, потомъ исчезнувшій, и привели доказательства. Поэтому, мнѣніе автора, что наши мужи и бояре были только переднимъ рядомъ княжеской свиты, дружины, кажется намъ ложнымъ. Сверхъ того, еще не рѣшено, что бояре были дружинники съ самаго начала. Объ этомъ мы тоже сказали свое мнѣніе.

Объ отношеніяхъ бояръ (т.-е. по терминологіи автора, дружинниковъ) къ князю сказано слѣдующее: „Воеводы западные почитали себя почти равными королю, который безъ нихъ ничего не значилъ, не могъ владѣть государствомъ, не могъ дѣйствовать, всего менѣе повелѣвать ими, а наши находились въ полномъ распоряженіи князя,—ближайшіе исполнители его приказаній,—его родственники, слуги, наемники, безъ которыхъ онъ могъ обойтись всегда. Они зависѣли отъ князя, а на Западѣ князь зависѣлъ отъ нихъ. Тѣ дѣлали, что̀ хотѣли, а наши, что̀ приказывалъ имъ князь“ (стр. 501 и 502).—Изъ чего же заключаетъ г. Погодинъ, что наши дружинники находились въ полномъ распоряженіи князя, были исполнители его приказаній, слѣпые органы его воли? Странно читать такія вещи, съ важностью выдаваемыя за истину и между тѣмъ лишенныя всякой опоры! Пусть г. Погодинъ приведетъ хоть одно доказательство, мы вызываемся представить ему до десяти въ опроверженіе. И это называется провести параллель между исторіями!

Объ отношеніи дружинниковъ къ землѣ. „Наши (феодалы) не прикоснулись къ землѣ, а получали иногда отъ князя, временно, въ родѣ жалованья, или по договору за свою службу часть дани, доходовъ съ того или другого города,- какъ его намѣстники, прикащики или откупщики, которыхъ онъ могъ всегда смѣнить, безъ малѣйшаго для себя вреда и неудобства. Феодалы разсѣялись по всему пространству покоренной земли, а наши не имѣли постояннаго пребыванія, и жили тамъ, гдѣ назначалъ имъ князь,—преимущественно при немъ, участвуя въ его походахъ военныхъ и мирныхъ“ (стр. 502).

Уступалась ли дань дружинникамъ съ городовъ, мы не знаемъ, потому что нѣтъ извѣстій. Если у насъ былъ въ началѣ феодализмъ, то очень немудрено, что были зачатки раздѣленія земель, но не успѣвшіе развиться, потому что дружина не получила осѣдлости. Во всякомъ случаѣ, вѣрно то, что мы объ этомъ не имѣемъ никакихъ извѣстій изъ варяжскаго періода. Такъ же мало знаемъ мы, на какомъ основаніи управляли дружинники городами, и жили ли они постоянно въ однихъ мѣстахъ, или нѣтъ.

Отношеніе дружинниковъ къ народу. „Феодалы западные, отнявъ землю и заставивъ работать на себя ея обитателей, съ самаго начала поставили себя въ враждебное отношеніе къ нимъ, а наши бояре, не имѣя никакого дѣла до народа, кромѣ сбора дани и суда, жили въ добромъ согласіи съ ними“ (стр. 502).

Бояре, пока ихъ званіе не стало однозначительно съ слугой царскимъ,—можетъ быть; дружинники за свое хищничество, какъ впослѣдствіи всѣ областные правители, вѣроятно, не очень были любимы народомъ. Впрочемъ, и объ этомъ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій изъ варяжскаго періода.

Наконецъ, и отношенія феодаловъ къ государству были тоже разныя у насъ и въ Европѣ. „Феодалы западные основали многія владѣнія, малыя Государства, изъ коихъ отвлеченно состояло одно большое, а у насъ было одно малое государство. Западное государство можно выразить такою дробью $^{10}/_{10}$, а наше десятичною“ (стр. 503).

Если у насъ были зачатки феодализма, то все это разсужденіе дѣлается совершенно излишнимъ. Потомъ, мы долго ломали себѣ голову, чтобы понять математическое сравненіе, употребленное г. Погодинымъ. Странная охота говорить не спроста, а вычурно, іероглифически! Мы увѣрены, что многіе читатели такъ же были затруднены этимъ мѣстомъ, какъ и мы.

Сказанное о народѣ и землѣ справедливо. Онъ сохранилъ свои владѣнія, остался свободнымъ, и теперь сталъ только платить подать, дань, чѣмъ и ограничилась его зависимость. Но мы не согласны съ авторомъ, что земля досталась на Западѣ пришельцамъ *сполна*. Это бывало, но довольно рѣдко. Отбиралась, обыкновенно, часть земли, треть или двѣ трети. Далѣе, страннымъ намъ показалось заключеніе автора о дани, платимой славянами пришельцамъ. Эта дань, говоритъ онъ, состояла въ естественныхъ произведеніяхъ, которыхъ было у нихъ въ излишествѣ, которыхъ дѣвать имъ было некуда,—слѣдовательно, была вовсе не отяготительна. Мы назвали такое заключеніе страннымъ, потому что оно основано на однихъ предположеніяхъ,

ничѣмъ не подтверждаемыхъ. И здѣсь мы вызываемъ автора привести хоть два-три доказательства, а зато обязуемся представить столько же фактовъ, заставляющихъ думать противное. Но самое главное, въ чемъ мы не согласны съ авторомъ,—это важность, которую онъ придаетъ тому, что у насъ туземцы остались свободны и не потеряли своихъ земель. Этотъ фактъ ни больше, ни меньше значителенъ, какъ указанное нами различіе завоеванія и призванія въ русской исторіи, и по тѣмъ же причинамъ. Варяги пришли къ намъ дружиной безъ всякой опредѣленной цѣли. Всего менѣе располагались они поселиться, обосноваться въ новой землѣ. Оттого и земли, и свобода туземцевъ остались нетронутыми. Вотъ, еслибъ наши славяне, призывая варяговъ-Русь, выговорили себѣ и то, и другое, мы сочли бы это фактомъ необычайно важнымъ и многовѣснымъ для всей нашей послѣдующей исторіи; но этого не было. Оттого впослѣдствіи, уже въ періодъ удѣловъ, мы видимъ, что свобода поселянъ была ограничена. Какъ на западѣ, князь былъ наслѣдникомъ послѣ смерда, помимо его дѣтей; онъ отыскивалъ и возвращалъ его себѣ изъ чужихъ владѣній. Въ московскую эпоху, всѣ земли, не принадлежавшія въ частную собственность, даже заселенныя цѣлыми крестьянскими общинами, стали мало-по-малу получать характеръ государевыхъ земель. Изъ этого мы заключаемъ, что во время прибытія варяговъ о свободѣ и землѣ не было ни мысли, ни рѣчи; это былъ вопросъ обойденный, еще не возникавшій. Рѣшеніе его было впереди, что̀ и показываетъ исторія. Слѣдовательно, онъ могъ рѣшиться или такъ или иначе. Вотъ почему неотнятіе земли и свободы туземцевъ варягами ровно ничего не значитъ въ русской исторіи; это не фактъ, нѣчто совершенно несуществующее; слѣдовательно, объ этомъ и говорить нечего.

Сказанное о нашихъ городахъ, что они были то же, что деревни, справедливо. Только авторъ себѣ немного противорѣчитъ. Въ XI гл. онъ говоритъ, что городами назывались у насъ нѣкоторыя общины потому только, что князья избрали ихъ мѣстами пребыванія для себя, или для своихъ мужей и огородили (стр. 504), а въ VIII-й, на стр. 203, не прилагая никакихъ опроверженій, приводитъ выводъ г. Григорьева (п. 6), „что на пространствѣ помянутыхъ губерній (въ 4 п.) были города, не въ смыслѣ огороженныхъ, укрѣпленныхъ мѣстъ, а въ значеніи торговыхъ поселеній, которыя пользовались извѣстною безопасностью и въ которыхъ развиты были первыя начала гражданскаго благоустройства". И то и другое мнѣніе имѣетъ за себя многія доказательства; у насъ были города и въ томъ и въ другомъ смыслѣ. Не знаемъ, почему же авторъ говоритъ, что у насъ были города только въ смыслѣ огороженныхъ центровъ управленія? Можетъ быть, изъ такого ихъ значенія легче объяснить отсутствіе у насъ средняго сословія, нежели изъ городовъ въ смыслѣ средоточій промышленности и торговли. Такъ какъ мы этого не знаемъ навѣрное, то и не можемъ рѣшить.

Потомъ авторъ беретъ тотъ же вопросъ, но съ другой стороны. Сравнивая опять начало европейскихъ государствъ съ началомъ русскаго, онъ говоритъ, что на западѣ „государства родились въ одночасье, а наше рождалось двѣсти лѣтъ" (стр. 505). Примемъ это за истину и посмотримъ, что выводитъ авторъ изъ свой мысли.

Такая долговременность, по его мнѣнію, имѣла вліяніе на наши первоначальныя отношенія и образовала ихъ различно съ европейскими.

„Первые князья владѣли у насъ по одному городу, въ коемъ жили, или, лучше сказать, остановились постоемъ, ибо не имѣли мысли о постоянномъ пребываніи; они не боялись потерять ничего, тѣмъ болѣе, что ничѣмъ не дорожили, слѣдовательно—какъ сначала имъ не нужны были помощники для водворенія, такъ естественно и теперь были не нужны для того, чтобъ сохранять владѣніе.—Пользуясь благопріятными обстоятельствами, они начинаютъ ходить въ походы по разнымъ сторонамъ и распространять предѣлы своей *дани*, все еще не думая о прочномъ владѣніи. Если у нихъ недоставало собственныхъ средствъ, они нанимали себѣ войско у бранныхъ единоплеменниковъ. Всего чаще цѣлію ихъ были богатые сосѣди, особенно Греція, вознаграждавшая сторицею ихъ труды.—Такимъ образомъ Князья постепенно богатѣли, распространяли свои владѣнія, усиливались и утверждали еще болѣе первоначальную самобытность къ тому времени, когда духъ движенія успокоился, пути всѣ преградились, и привычка къ давнишнему мѣсту жительства взяла свою силу. Это было уже при Владимірѣ и Ярославѣ, которые покончили очертаніе окружности, и положили по послѣднему камню основанія, черезъ двѣсти лѣтъ почти послѣ перваго пребыванія Варяговъ.—Вотъ какъ первоначальное отличіе Русскаго князя отъ Западнаго Короля утвердилось окончательно.—Точно такое же дѣйствіе долговременнымъ основаніемъ Государства произведено и на бояръ, сравнительно съ Западомъ: первыя поколѣнія ихъ не имѣли боль-

шаго значенія, а послѣднія, Владиміровы и Ярославовы, почти никакого. Спутники Рюриковы и Олеговы, какъ товарищи, могли еще можетъ быть предъявлять какое-нибудь право, но роды ихъ пресѣклись едва-ли не въ продолженіе несчастныхъ походовъ Святославовыхъ, и Владиміръ привелъ себѣ новыхъ мужей, нанятыхъ имъ на Сѣверѣ для войны съ Ярополкомъ; кончивъ войну, однихъ по выбору онъ оставилъ у себя для службы, а другихъ выпроводилъ въ Грецію. Ярославъ поступалъ одинаково.—Наши мужи по городамъ получали отъ князя воиновъ, которые помогали имъ исправлять ихъ должность, между тѣмъ, какъ феодалы Западные, получивъ землю, обязаны были ставить Королю воиновъ, которые и составляли единственно его войско. Такимъ образомъ наши бояре по необходимости были подчинены князю, и боярство въ Западномъ смыслѣ рѣшительно отстранилось. Самая дружина, вслѣдствіе безпрерывныхъ многолѣтнихъ войнъ, нѣсколько разъ переводилась и возобновлялась сполна, и слѣдовательно не могла пустить глубокихъ корней, усилиться насчетъ князя, а находилась въ совершенной отъ него зависимости. — Племена славянскія обкладывались одно за другимъ данью, на томъ же основаніи, какъ первыя,—оставаясь свободными, владѣя по прежнему землею и не питая никакой ненависти къ пришельцамъ. Предѣлы Государства распространялись, слѣдовательно, исподоволь, безъ усилій со стороны князя, безъ непосредственнаго участія бояръ, безъ отягощенія народа. - Число городовъ увеличивалось только какъ жилищъ для княжескихъ намѣстниковъ и сборщиковъ дани" (стр. 505—508).

У г. Погодина странный способъ разсужденія. Поставитъ рядомъ два факта, не имѣющіе между собою ровно ничего общаго, и говоритъ: посмотрите, какъ они различны! Важнѣе такой ошибки въ дѣлѣ исторіи мы не знаемъ. Изъ нея по необходимости все выходитъ наоборотъ, и истина, вмѣсто того, чтобъ уясниться, затемняется. Сравнивать въ частностяхъ между собою можно только однородное. Только между однородными есть частныя сходства, есть частныя различія. Сказать о разнородныхъ, что они въ томъ или въ другомъ различны, мало. Въ отношеніи къ нимъ нужно объяснить, почему сравненіе ихъ невозможно; въ частныя сличенія нечего и вдаваться. Мы это отчасти показали на значеніи завоеванія и призванія въ русской исторіи, на сохраненіи нашими славянами земель и свободы по прибытіи варяговъ. Приведенныя теперь слова автора даютъ намъ возможность пояснить нашу мысль еще болѣе.

Сначала авторъ говоритъ о нашихъ князьяхъ. Вникните въ его слова, и вы удостовѣритесь, что между кёнигами европейскими и русскими князьями— не было ровно ничего общаго. Задачи ихъ совершенно различны. Первые хотѣли основать государство, а послѣдніе объ этомъ не думали. Первые пришли въ землю завоеванную съ цѣлью водвориться, послѣдніе жили въ немъ постоемъ. Поэтому первые дорожили своими пріобрѣтеніями и дружиной, поддерживавшей ихъ силу, которая имъ была нужна, а послѣдніе, какъ временные пришельцы, не дорожили ничѣмъ, ни владѣніями, которыхъ у нихъ не было сначала, ни дружиной, нужной для ихъ поддержанія. Прибавимъ къ этому отъ себя, что первымъ, по ихъ задачѣ, положенію, было необходимо опредѣлить свои отношенія къ туземцамъ и землѣ, а послѣднимъ, по той же самой причинѣ, это было совершенно ненужно. Спрашивается послѣ этого, что жъ тутъ сравнивать? Вѣдь никто не сравниваетъ Кеплера съ Діономъ сиракузскимъ, Аполлонія тіанскаго съ Пушкинымъ? Если хотите провести параллель между русской и европейской исторіей, возьмите эпохи сходныя; напримѣръ, сравните съ новымъ порядкомъ вещей въ отношеніи къ сословіямъ и землѣ, появившимся на Западѣ съ основаніемъ государствъ, ту эпоху русской исторіи, когда начали у насъ юридически обозначаться сословія и ихъ отношенія, вопросъ о поземельномъ владѣніи и собственности. Такое сравненіе будетъ по крайней мѣрѣ возможно, при всемъ прочемъ различіи обстоятельствъ и времени, по однородности, одинаковости предмета. А вы, не вникая ни въ духъ времени, ни въ вопросы, разрѣшаемые внутри общества, довольствуясь одними чисто внѣшними, случайными признаками, на основаніи ихъ считаете эпохи однородными и сличаете ихъ! Какихъ же плодовъ ожидать отъ такой невозможной работы?.. Но этого мало. Одна ошибка непремѣнно влечетъ за собой другую. Изъ словъ самого г. Погодина слѣдуетъ, что наши первые князья вовсе и не думали о томъ, о чемъ должны были думать и заботиться основатели новыхъ европейскихъ государствъ. Стало быть, для первыхъ и не существовали вопросы, которые были разрѣшаемы послѣдними. Но такъ какъ эти вопросы не были совершенно случайными, а необходимо условливались и условливаются внутреннимъ бытомъ каждаго государства (таковы вопросы о поземельномъ владѣніи, объ отношеніи сословій между собою и къ верховной власти, о положеніи церкви и ея отношеніяхъ къ государству, и множество

тому подобныхъ), то и для нашихъ князей эти вопросы рано или поздно должны были возникнуть, и въ самомъ дѣлѣ они мало-помалу опредѣлились и получили свое рѣшеніе, какъ видно изъ нашихъ законодательныхъ памятниковъ. Состояніе, предшествующее этому рѣшенію, было неопредѣленное, юридически не существовавшее, котораго, слѣдовательно, никакъ нельзя сравнивать съ юридическимъ, опредѣленнымъ и обозначеннымъ бытомъ, наступившимъ въ Европѣ вмѣстѣ съ основаніемъ государствъ; ибо для насъ еще предстояло получить ту или другую форму, то или другое опредѣленіе, лучшее или худшее въ сравненіи съ европейскимъ, а Европа получила его съ самаго начала. Такъ мы понимаемъ и такъ, вѣроятно, понимаютъ всѣ, хоть сколько-нибудь знакомые съ первыми началами правовѣдѣнія и исторіей законодательствъ. Сравнивая начало европейскихъ государствъ съ началомъ русскаго, всякій скажетъ: основатели западныхъ государствъ опредѣлили такія-то отношенія такъ-то и такъ-то, а Рюрикъ и его ближайшіе преемники оставили эти отношенія неопредѣленными, потому что имѣли другія цѣли. Но г. Погодинъ берется за дѣло иначе. Для него этихъ важныхъ различій не существуетъ. Въ его глазахъ Клодвигъ и другіе отобрали землю у туземцевъ, обратили ихъ въ рабовъ, а основатели русскаго государства оставили имъ и землю, и свободу. Что жъ хотѣли бы мы спросить, они утвердили за ними и то, и другое закономъ? Нѣтъ! Они ни о томъ, ни о другомъ и не думали. По крайней мѣрѣ, туземцы старались утвердить за собой эти важныя привилегіи жалованными грамотами? И того не было. Такъ вотъ что! Напрасно же подробно изъясняетъ г. Погодинъ „какъ первоначальное отличіе русскаго князя отъ западнаго короля утвердилось окончательно“. Мы повѣрили бы ему на слово, что оно и первоначально было окончательнымъ, ибо между ними не было никогда ни малѣйшаго сходства.

Совершенно то же самое должно сказать и о боярахъ (т.-е. дружинникахъ) въ сравненіи съ западными феодалами. О ихъ значеніи разсуждать нельзя, потому что и оно не было юридическое. Г. Погодинъ приведетъ нѣсколько фактовъ въ доказательство, что они не имѣли большого значенія, а мы приведемъ тоже нѣсколько въ доказательство противнаго. Въ результатѣ получится нуль, т.-е., что ихъ значеніе и права, какъ неопредѣленныя, не были именно такими-то, слѣдовательно, не были никакими. — Изъ чего видитъ авторъ, что Ярославъ поступалъ съ наемными мужами, подобно Владиміру, какъ съ слугами: однихъ удерживалъ, другихъ отсылалъ отъ себя,—не знаемъ. Въ туземныхъ источникахъ на это нѣтъ никакихъ данныхъ.

Сравненіе нашихъ „мужей“ по городамъ съ западными феодалами неудачно, потому что о послѣднихъ мы знаемъ многое, о первыхъ почти ничего,—и еще потому, что, какъ мы показали въ другомъ мѣстѣ, у насъ сначала, кажется, былъ феодализмъ, подобный западному. А если шатко первое положеніе, то по тому самому шатки и выводы, будто наши бояре были подчинены (безусловно) князю и будто потому боярство въ западномъ смыслѣ отстранилось. (Объяснить причины послѣдняго явленія очень трудно. Двумя строками такого вопроса не рѣшить).

Также не видимъ мы, чтобы дружина находилась въ совершенной зависимости отъ князя, особливо сначала.

Откуда взялъ авторъ, что туземцы не питали у насъ никакой ненависти къ пришельцамъ? Данныя противъ — есть. Данныхъ въ пользу этого мнѣнія—ни одного.

Затѣмъ слѣдуетъ сравненіе законовъ салическихъ съ „Русской Правдой“. На Западѣ за убійство франка-побѣдителя платилось больше, чѣмъ за убійство туземца покореннаго, а у насъ за русса и славянина была одна и та же вира. Этотъ фактъ въ самомъ дѣлѣ весьма важенъ для характеристики отношеній туземцевъ къ пришельцамъ въ Россіи, въ варяжскій періодъ. Но пока мы не знаемъ ничего вѣрнаго ни даже вѣроятнаго о времени и способѣ составленія „Русской Правды“, — нельзя строить на немъ теоріи. „Русская Правда“—странный, загадочный памятникъ древности, столько же важный по своему содержанію, сколько мало опредѣленный и обслѣдованный. До сихъ поръ это камень преткновенія для филологовъ, историковъ и юристовъ. Впрочемъ, допустивъ даже, что „Правда“ дѣйствительно составлена при Ярославѣ, слѣдовательно, въ первой половинѣ XI вѣка, какъ думаетъ г. Погодинъ, мы все-таки не можемъ согласиться, что „въ основаніи государства у насъ была положена любовь, а на Западѣ ненависть“ (стр. 510). Этого вовсе не слѣдуетъ изъ того, что у насъ бралась одинакая вира за русина и славянина,

а въ Европѣ разная: бо́льшая за франка, чѣмъ за римлянина. Если такое постановленіе у насъ въ Россіи принадлежитъ Ярославу—не мудрено, что и при немъ русинъ и славянинъ различались уже только по названію, а не въ самомъ дѣлѣ. Враждебность, противоположность между тѣми и другими съ славянизацiей варяговъ-Руси могла и даже должна была исчезнуть послѣ столькаго времени. Итакъ, отсюда о прежде бывшемъ заключать нельзя. Наконецъ, положимъ, что и въ древнѣйшія времена это положеніе уже существовало и только впервые записано Ярославомъ: мы и въ этомъ случаѣ все-таки не видимъ никакой возможности объяснить его любовью, которую, какъ извѣстно, безъ положительныхъ и ясныхъ доказательствъ нельзя принимать за движущій рычагъ въ исторіи народовъ, особливо разноплеменныхъ, еще грубыхъ и неустроенныхъ. Предложимъ здѣсь нѣсколько разныхъ возможныхъ объясненій.

Во-первыхъ, мы знаемъ, что варяги, пришедшіе къ намъ, не помышляли основать государство, не помышляли даже занять землю и твердо сѣсть на одномъ мѣстѣ. Это сдѣлалось какъ будто случайно, нечаянно, отчасти, можетъ быть, противъ ихъ воли. При такомъ положеніи вещей варяги-Русь не могли и подумать объ опредѣленіи своихъ гражданскихъ и юридическихъ отношеній къ туземцамъ,—отношеній, которыя необходимо рождаются съ осѣдлостью и поземельною собственностью. Единственное отношеніе, существовавшее между ними,—дань была опредѣлена, да и той взималось иногда больше, нежели сколько слѣдовало. Вотъ почему, какъ намъ кажется, противоположность между пришельцами и туземцами не могла обозначиться рѣзко, выпукло. Между ними, несмотря на то, что дружина у насъ удержалась, не было безпрестанныхъ, постоянныхъ отношеній. Воинственная шайка жила грабежемъ, при столкновеніяхъ, вѣроятно, не щадила жителей городовъ и селъ, но она безпрестанно переходила съ мѣста на мѣсто, проводила время въ походахъ. Съ этой точки зрѣнія не трудно понять на первый взглядъ странное уравненіе въ вирахъ русина съ славяниномъ, тѣмъ болѣе, что по всѣмъ вѣроятіямъ убіеніе дружинника-русса наказывалось не граждански, вирою, а войной, истребленіемъ убійцы и грабежомъ его имущества; напротивъ, оскорбленіе славянина руссомъ оставалось, по крайней мѣрѣ часто, безъ всякаго возмездія и наказанія. Замѣтимъ, что законъ не говоритъ ни слова объ убіеніи славянина руссомъ, или русса славяниномъ, а просто объ убіеніи того и другого. Тожество виры за русса и славянина, при почти несуществующихъ между обоими постоянныхъ гражданскихъ отношеніяхъ, и слѣдовательно, при невозможности выработаться живому сознанію взаимной противоположности, – явленіе очень естественное и простое. Оно свидѣтельствуетъ о неопредѣленности тогдашняго быта, о крайней его негражданственности, никакъ не болѣе. Равнодушіе, безсознательность, а не любовь родили этотъ законъ, которому такъ старается г. Погодинъ придать смыслъ, какого онъ не имѣлъ и не могъ имѣть. Но что противоположность между руссами и славянами была и что при другихъ условіяхъ она могла развиться въ сословное или другое рѣзкое гражданское отличіе — это видно изъ сказки о парусахъ шелковыхъ и холстинныхъ на норманскихъ и славянскихъ лодкахъ.

Во-вторыхъ, нѣкоторые изслѣдователи думаютъ, что опредѣленіе виръ за лица, исчисленныя въ „Правдѣ", составлено не вдругъ, а постепенно, т.-е., что вира опредѣлена для всѣхъ нихъ не сразу, а въ разныя времена, и въ „Правдѣ" эти различныя законодательныя постановленія только собраны въ одну статью. Съ этой точки зрѣнія уравненіе славянъ съ руссами въ отношеніи къ вирамъ объясняется еще лучше, естественнѣе; судя по взаимнымъ отношеніямъ варяго-руссовъ и славянъ, это уравненіе должно было возникнуть поздно, когда варяги усѣлись на мѣстѣ, что совпадаетъ съ утратою ими рѣзкой особенности, національности и смѣшеніемъ ихъ съ славянами.

Предложимъ, наконецъ, и третье, тоже довольно вѣроятное объясненіе. Мы видимъ, что по мѣрѣ того, какъ наши князья укрѣпляются, они утрачиваютъ, мало-по-малу, свой воинственный характеръ и становятся болѣе правителями, нежели предводителями дружинъ. Таковъ уже Владиміръ. Онъ входитъ во внутреннее управленіе, печется о дѣлахъ земскихъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ измѣняются и отношенія его къ дружинѣ; онъ болѣе повелитель, начальникъ, чѣмъ товарищъ, соратникъ своихъ дружинниковъ. На новыхъ выходцевъ съ сѣвера онъ смотритъ недовѣрчиво, обращается съ ними, какъ съ чужими, а не какъ съ братьями. Очень естественно, что ему не могло представляться такъ рѣзко различіе

между славянами и руссами, какъ его предшественникамъ; онъ былъ уже менѣе предводитель дружины, чѣмъ господинъ надъ своими владѣніями, и въ руссахъ и въ славянахъ равно видѣлъ своихъ подвластныхъ.

Въ Ярославѣ эти черты выступаютъ еще рѣзче. Очень естественно, что ему и не пришла въ голову мысль различать въ правахъ руссовъ и славянъ, которые одинаково ему служили и повиновались. Словомъ, уравненіе ихъ въ отношеніи къ вирамъ весьма легко могло быть прямымъ дѣйствіемъ возрастающей княжеской власти.

Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ дѣло объясняется гораздо естественнѣе, вѣроятнѣе, правдоподобнѣе, нежели посредствомъ *любви*, невозможнаго ингредіента въ первоначальныхъ отношеніяхъ славянъ и варяговъ. Еслибъ племена, призывавшія варяговъ-руссовъ, даже выговорили себѣ гражданское равенство съ пришельцами—все-таки это было бы не дѣломъ любви, а дѣломъ юридической предусмотрительности въ нашихъ предкахъ, дѣломъ осторожности, недовѣрчивости.

На страницѣ 510 авторъ говоритъ: „Къ историческимъ, бытейскимъ (фактическимъ), отличіямъ присоединились, что очень удивительно для мыслящаго наблюдателя, совершенно соотвѣтственныя отличія физическія и нравственныя“. Особенно удивительнаго мы въ этомъ ничего не видимъ. Напротивъ, было бы изумительно и невѣроятно, еслибъ отличія историческія, фактическія, шли въ разрѣзъ съ физическими и нравственными. И тѣ и другія условія, взаимно дѣйствуя другъ на друга, производятъ то цѣлое, которое анализируетъ наука, отыскивая причины его. Удивляться согласію, единству въ исторіи, значитъ не понимать ея главныхъ, основныхъ законовъ.

Физическія и нравственныя отличія между европейскими государствами и Россіей подмѣчены, какъ намъ кажется, очень вѣрно и очерчены удачно. Вообще, эта вторая половина статьи значительно лучше, основательнѣе первой, хотя и здѣсь опять многіе выводы кажутся намъ ложными, или слишкомъ рѣшительными.

Сначала авторъ говоритъ о пространствѣ Россіи. Оно своей огромностью мѣшало вдругъ покорить ее и властвовать надъ ней. Избытокъ земли не могъ породить за нее враждебныхъ столкновеній. Потомъ народонаселеніе, многочисленность и племенное единство славянъ должно было рано поглотить иноземный элементъ, явившійся къ намъ въ лицѣ варяговъ-Руси. У насъ они ославянились, а въ Европѣ туземцы огерманились. Съ мыслью, будто бы многочисленность славянъ дѣлала руссовъ осторожными, воздержными, и содѣйствовала къ поддержанію между тѣми и другими пріязни—мы не совсѣмъ согласны. Во-первыхъ, если отношенія опредѣлялись опасеніемъ, страхомъ, то о добромъ согласіи и пріязни не можетъ быть и рѣчи. Такая связь черезчуръ не прочна. Потомъ авторъ забываетъ, что славяне тогда не составляли одного цѣлаго, а были раздроблены на совершенно отдѣльныя племена. Необразованность и пространство мѣшали имъ соединиться между собою на общее дѣло, а поодиначкѣ они были слабѣе Руси. Вообще, такихъ тонкихъ политическихъ соображеній въ то время нечего и искать, и еслибъ варяго-руссы могли бояться славянъ, то послѣдніе легко могли бы и выжить ихъ изъ Россіи.—Потомъ авторъ обращаетъ вниманіе на заселеніе не сплошное, но раздѣленное естественными преградами, которое дѣлало невозможнымъ быстрое завоеваніе. Единственными путями сообщеній были рѣки и воды; слѣдовательно страны, лежавшія въ глуши, долго оставались независимыми. Бѣдность земли долго воздерживала пришельцевъ отъ желанія въ ней поселиться; климатъ, такъ рѣшительно опредѣляющій первоначальный бытъ народовъ, дѣлалъ славянъ уступчивыми и равнодушными. Тому же содѣйствовали географическое положеніе земли, система рѣкъ, отдаленность отъ морей, характеръ славянъ, ихъ первобытная религія, и потомъ восточное исповѣданіе, нами принятое; наконецъ, самое образованіе чисто природное, а не гражданское,—слѣдовательно, собственно говоря, отсутствіе всякаго образованія, всякой цивилизаціи. Всѣ эти причины дѣйствительно придали нашей исторіи совершенно другой характеръ, нежели какой имѣла исторія Европы, совершавшаяся подъ другими, отчасти противоположными условіями.

При исчисленіи этихъ причинъ, авторъ продолжалъ смотрѣть съ ложной точки зрѣнія, какъ началъ, хотя они и должны были, кажется, навести его на прямой путь. Что изъ всѣхъ нихъ слѣдуетъ? Конечно, не доброе согласіе между пришельцами и туземцами, но то совершенно неопредѣленное от-

ношеніе, которое показываетъ, что исторія на этомъ пространствѣ земли еще не начиналась. Во всѣхъ исторіяхъ періоду борьбы, дѣятельности, движеній, рѣзкаго опредѣленія предшествуетъ эпоха дремоты, бездѣйствія: противоположности живутъ одна возлѣ другой безъ столкновенія, и нельзя еще провидѣть, что̀ изъ нихъ будетъ и какъ онѣ взаимно опредѣлятся. Такое состояніе, строго говоря, не можетъ быть названо историческимъ, и такая жизнь—историческою жизнью. Всѣ выводы, соображенія, какъ бы они остроумны ни были, не ведутъ здѣсь ни къ чему, всего менѣе къ объясненію характера послѣдующей исторіи. Исторія теперешнихъ европейскихъ государствъ начиналась совершенно иначе. Оттого, съ самаго начала и обозначились черты, сопровождавшія ея развитіе до позднѣйшаго времени. Авторъ знаетъ, что самой церкви Европа придала свою печать, измѣнила ее сообразно съ своимъ характеромъ, тогда какъ наша осталась чистою, неприкосновенною, точно въ томъ видѣ, въ какомъ перешла къ намъ изъ Византіи.

Такъ же странными кажутся намъ слова автора, будто „новое гражданское образованіе привито у насъ къ дереву свѣжему, дикому, а тамъ, т.-е. на западѣ, къ старому и гнилому“ (стр. 517). О какомъ гражданскомъ образованіи говоритъ онъ? Признаться, мы не знаемъ! Что варяги первые основали у насъ нѣчто похожее на государство и принесли съ собою какую-то тѣнь гражданскаго порядка—это правда. Но отъ этихъ слабыхъ зачатковъ до гражданскаго образованія такъ же далеко, какъ отъ земли до неба. Не забудьте, что и варяги-Русь были такіе же дикари и варвары, какъ и мы. Вся разница между ними и нами въ томъ только состояла, что они были дружинники, а мы народъ патріархальный.

Въ томъ же тонѣ, какъ и вся статья, написано и заключеніе:

„Эти различія развивались впослѣдствіи, и представили изъ Русской Исторіи, при общемъ (родовомъ) ея подобіи, при единствѣ цѣли, совершенную противоположность съ Исторіей Западныхъ Государствъ, что касается до ея путей, средствъ, обстоятельствъ, формы происшествій,—противоположность, которую представляетъ наша жизнь и теперь, несмотря на усилія, преобразованія, перевороты, время... Вотъ что надо имѣть непремѣнно въ виду, разсуждая о Русской Исторіи въ какомъ бы то ни было ея періодѣ, произнося приговоръ ея событіямъ, разбирая ея достоинства и недостатки, хваля и порицая дѣйствующія лица, изъявляя желанія или опасенія для будущаго времени. Иначе мы будемъ впадать въ дѣтскія ошибки, то есть искать такихъ плодовъ, для которыхъ не было сѣмянъ, и оставлять безъ вниманія другіе, можетъ быть, драгоцѣннѣйшіе, потому что ихъ нѣтъ индѣ.— Предложу для ясности простое сравненіе: хорошо ли бъ мы поступили, еслибъ бросили рожь нашу кормилицу и принялись вездѣ сѣять маисъ, обольщенные разсказами объ его сладости и вкусѣ? Мы должны бъ скоро умереть съ голоду, потому что не наготовились бы маису на цѣлое народонаселеніе, хоть бы вздумали строить вездѣ оранжереи. Происшествія не имѣютъ такой очевидности и осязательности, какъ естественныя произведенія, и много времени проходитъ иногда, много употребляется труда, пока откроется удивленному взору внутреннее значеніе того или другого, но смѣло можно сказать, даже судя по одному, разобранному нами теперь, началу, что мы должны отказаться отъ своего прошедшаго существованія, то-есть своей Исторіи (что впрочемъ и дѣлаютъ нѣкоторые), должны необходимо допустить нелѣпое заключеніе, что нынѣшняя Россія произошла изъ ничего, если будемъ прикладывать западный масштабъ къ Русской исторической жизни. Нѣтъ! Западу на Востокѣ быть нельзя, и солнце не можетъ закатываться тамъ, гдѣ оно восходитъ“ (стр. 517 и 518).

Дѣйствительно, русская исторія представляетъ совершенную противоположность исторіи западныхъ государствъ, и даже теперь мы видимъ то же самое, хотя уже не столько рѣзко, какъ прежде. Но, повторяемъ, это не та противоположность, которая коренится въ одной почвѣ и можетъ быть въ двухъ величинахъ, равныхъ между собою. Это противоположность предметовъ разнородныхъ, которые потому только и совершенно различны, что рѣшительно не имѣютъ ничего общаго между собою, ни одной точки одинаковой. Славянскій міръ и Россія, можетъ быть, по преимуществу, почва для будущаго, тогда какъ жизнь европейскихъ государствъ уже обозначилась...

Во всемъ прочемъ мы согласны съ авторомъ, но думаемъ, что, понявъ, какъ мы съ нимъ соглашаемся, онъ этого самъ не захочетъ. Прикладывать къ русской исторической жизни западный масштабъ невозможно—это вполнѣ вѣрно. Но чтожъ изъ этого слѣдуетъ? Не то ли, что мы и не должны любить то, что европейскіе народы любятъ, не должны стремиться къ одному съ ними? Кажется, на это намекаетъ авторъ, по крайней мѣрѣ это его затаенная мысль. Если такъ, онъ жестоко ошибается! Отъ одного конца земли до другого всѣ народы стремятся къ одному

идеалу, только многоразличными путями. Исторія изслѣдуетъ эти условія, дѣлаетъ прозрачной оболочку, въ которую облекаются внутренніе стремленія и помыслы, сознательные и безсознательные, сознательно и безсознательно. Въ чемъ задача историка? Выяснить событіе, періодъ, эпоху, такъ, какъ будто бы мы сами въ ней жили и дѣйствовали. Если эта цѣль достигнута, мы за тысячу лѣтъ предъ симъ, въ тридевятой землѣ, увидимъ дѣйствующимъ лицомъ такого же человѣка, каковы всѣ мы грѣшные. Разница будетъ въ большей или меньшей его развитости, совершеннолѣтіи. Стремленіе человѣка къ полному, всестороннему нравственному и физическому развитію и есть движущее начало исторіи, главная причина измѣненій, реформъ и переворотовъ. Въ этомъ смыслѣ есть, конечно, и въ Россіи люди, которые смотрятъ на наше прошедшее, какъ на состояніе неудовлетворительное въ сравненіи съ послѣдующимъ, даже маловажное и во всякомъ случаѣ не заслуживающее того, чтобъ объ немъ сожалѣть, или тѣмъ менѣе желать и чаять его возвращенія. Но что нѣкоторые, по словамъ автора, отказываются отъ своей исторіи—это нелѣпость, о которой не стоитъ и говорить. Нельзя отказаться отъ того, что дѣйствительно было. Можно только судить его, судить очень строго, безпристрастно, и желать, чтобъ оно оставило по себѣ какъ можно менѣе слѣдовъ, и чтобъ эти слѣды изгладились какъ можно скорѣе.—Наконецъ, что западу нельзя быть на востокѣ, востоку на западѣ—это такая астрономическая истина, противъ которой трудно спорить, пока солнце восходитъ на востокѣ и заходитъ на западѣ.

Этимъ выводомъ собственно и оканчивается книга. Въ видѣ особыхъ прибавленій мы находимъ еще двѣ статьи. Одна, представляя неоспоримыя доказательства, что варяги-Русь, если не съ самаго начала, то по крайней мѣрѣ впослѣдствіи, и уже съ Олега, завоевывали славянскія племена,—силится доказать, что все-таки завоеванія у насъ не было, а постепенное, мирное занятіе. Вторая содержитъ въ себѣ письмо къ академику Солнцеву о памятникахъ искусства и жизни изъ норманскаго періода. Выводъ тотъ, что изъ первыхъ трехсотъ лѣтъ нашей исторіи можно собрать и представить до ста рисунковъ. Давай Богъ! Интересно однако, что изъ этихъ памятниковъ „можетъ быть болѣе пятидесяти можно снять съ натуры ничтоже сумняся; нѣсколько должно возстановить по значительнымъ даннымъ; нѣсколько надо создать по указаніямъ лѣтописи“ (стр. 544). Конечно, г. Солнцевъ не послѣдуетъ совѣтамъ автора, ибо возсоздавать или просто создавать памятники не значитъ сообщить намъ тѣ, которые мы имѣемъ. Въ г. Погодинѣ, очевидно, говоритъ страсть къ эпохѣ, которую онъ преимущественно любитъ, а не хладнокровный, разсудительный историкъ. Иначе онъ не далъ бы такого неисторическаго совѣта.

Книга напечатана исправно, хотя и не красиво. Не хорошо то, что выноски весьма часто невѣрны. Намъ случилось справляться съ нѣкоторыми, и какъ нарочно бо́льшая часть оказалась съ важными ошибками. Въ ученомъ сочиненіи это не послѣдній недостатокъ.

(Отеч Записки, 1847, кн. 1 и 3).

Историко-критическіе отрывки, М. Погодина. *Москва. 1846.*

Въ этой книгѣ, обѣщанной въ предисловіи къ „Изслѣдованіямъ, замѣчаніямъ и лекціямъ“ г. Погодина, собрано „нѣсколько разсужденій о русской исторіи, писанныхъ для журналовъ и по другимъ случаямъ въ томъ видѣ, какъ они первоначально были напечатаны“. Такъ говоритъ авторъ и мы готовы были бы повѣрить ему на слово, еслибъ въ самомъ концѣ послѣдней статьи не увидѣли нѣсколько строкъ, которыхъ не было въ первоначальномъ изданіи (въ „Москвитянинѣ“). Впрочемъ, мы не сравнивали прежней редакціи всѣхъ статей съ теперешней, и потому не знаемъ, много ли такихъ отступленій. Какъ бы то ни было, мы внимательно прочли всю книгу, и она произвела на насъ и пріятное, и вмѣстѣ грустное впечатлѣніе. Намъ пріятно было думать, вникая въ странные силлогизмы, выводы, мысли, въ странную точку зрѣнія г. Погодина, какъ мы теперь далеко ушли отъ такого возрѣнія, какъ оно теперь, если

не совсѣмъ исчезло, то по крайней мѣрѣ считаетъ мало прозелитовъ: тѣмъ отраднѣе была мысль, что огромная разница въ возрѣніи между г. Погодинымъ и нами успѣла образоваться въ какія-нибудь двадцать лѣтъ. Живя, мы не замѣчаемъ, какъ неимовѣрно быстро двигаемся впередъ; только исторія литературы невольно раскрываетъ намъ глаза. Въ самомъ дѣлѣ, читая „Отрывки“, трудно повѣрить, что они написаны въ послѣднее двадцатилѣтіе, иные даже въ прошедшемъ году. Особенно на нѣкоторыхъ изъ нихъ это поразительно. Но намъ потому грустно было смотрѣть на книгу, что авторъ нашъ современникъ, ученый, пользовавшійся и теперь еще пользующійся почетнымъ именемъ въ русской исторической литературѣ. Желаніемъ опережая событія и время, мы радовались бы такому писателю временъ московскаго государства, даже періода реформы, но не второй четверти девятнадцатаго вѣка. Г. Погодинъ, какъ нашъ современникъ, приводитъ насъ къ той печальной мысли, что какъ мы ни быстро идемъ впередъ—это все еще гомеопатическіе успѣхи и на до-исторической почвѣ.

Говоря это, мы нисколько не думаемъ набрасывать тѣнь на достоинства и заслуги автора. Его статьи по русской исторіи, собранныя теперь въ одно цѣлое (хотя и не всѣ), даютъ возможность обозрѣть его историко-литературную дѣятельность однимъ разомъ и оцѣнить безпристрастно. Г. Погодинъ—отдадимъ ему справедливость—былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ нашихъ изслѣдователей, которые старались подойти къ фактамъ поближе и взглянуть на нихъ проще, нежели ихъ предшественники. Попытки такого рода всегда сопряжены съ большими трудностями, заключающимися въ самомъ предметѣ и въ постороннихъ обстоятельствахъ. Гораздо легче сочинить исторію, натянуть ее на нѣсколько любимыхъ мыслей, нежели понять, какъ она совершалась, тѣмъ болѣе, что для полнаго ея уразумѣнія нужны многіе предварительные труды, рядъ предшественниковъ на томъ же поприщѣ и наконецъ точка зрѣнія, которую можетъ только дать время и извѣстная степень развитія народнаго сознанія; съ другой стороны, есть историческія истины, передъ которыми невольно робѣетъ мысль въ данное время; ученые авторитеты, общественное мнѣніе безсознательно зарождаютъ какую-то нерѣшимость даже въ самомъ энергическомъ, твердомъ умѣ и ослабляютъ его силы. Прибавимъ къ этому необходимое развлеченіе вниманія при изученіи предмета новаго, мало обработаннаго. Вотъ съ какими непреодолимыми препятствіями долженъ у насъ бороться каждый, изучающій русскую исторію. Съ ними встрѣтился и г. Погодинъ. Посвятивъ себя этому предмету двадцать лѣтъ тому назадъ, онъ долженъ былъ встрѣтить ихъ несравненно больше, чѣмъ мы теперь. Кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ ходомъ нашей исторической литературы, тотъ знаетъ, сколько теперь напечатано матеріаловъ, въ то время неизвѣстныхъ и недоступныхъ. Предразсудковъ было несравненно больше, чѣмъ въ наше время (что не значитъ, чтобъ ихъ теперь было мало), и если тогда уже можно было ѣсть телятину и не ходить въ баню, не опасаясь за свою жизнь, то было еще много такого, за что человѣкъ самый богобоязненный и умѣренный могъ прослыть вольнодумцемъ, т.-е. стать въ положеніе, невыгодное во многихъ отношеніяхъ... Вдобавокъ, тогда еще безгранично господствовалъ авторитетъ Карамзина, который, при всѣхъ своихъ великихъ и вѣчно-незабвенныхъ заслугахъ для русской исторіи, внесъ въ нее совершенно противоестественное возрѣніе. Задавъ себѣ невозможную задачу—изложить русскую исторію фактически вѣрно, но съ точки зрѣнія западно-европейской исторіи, онъ выполнилъ ее такъ блистательно, умѣлъ такъ искусно сочетать взглядъ и факты, противорѣчащіе другъ другу, взятые изъ совершенно разнородныхъ слоевъ жизни, что даже до сихъ поръ, несмотря на исполинскіе шаги впередъ, мы не можемъ еще совершенно освободиться отъ обаянія, навѣяннаго на насъ „Исторіею Государства Россійскаго“. Тайна этого очарованія, можетъ быть, не столько скрывалась въ тогдашнемъ фактическомъ незнаніи нашей исторіи (какъ оно ни было велико), сколько въ духѣ и обстоятельствахъ времени. Чувство національной гордости было тогда возбуждено въ высшей степени великими событіями; но это чувство, проникавшее преимущественно образованные классы общества, перейдя въ сознаніе, должно было принять характеръ Петровой эпохи, которую мы доживали. Болѣе чѣмъ когда либо мы увѣрились, что мы европейцы и стоимъ съ ними на одной степени. Идеалъ, по которому мы себя цѣнили, былъ еще внѣ

насъ. Весьма естественно, что писатель, взглянувшій съ этой точки на наше прошедшее, при другихъ большихъ достоинствахъ, возбудилъ сильное сочувствіе и глубоко подѣйствовалъ на общество. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, Карамзинъ является представителемъ цѣлой эпохи нашего умственнаго и нравственнаго развитія. Въ его время мысль Петра совершилась и на дѣлѣ и въ сознаніи. Въ политическомъ отношеніи, мы сравнялись съ европейскими народами и радовались этому, и думали, что главная цѣль достигнута и намъ остается только идти впередъ на томъ же пути. Тѣ, которые искали для жизни новыхъ выходовъ, открывали уже собою другой періодъ...

Г-нъ Погодинъ былъ изъ первыхъ, которые начали упрощать натянутое воззрѣніе Карамзина. Вдругъ за все взяться не было возможности. Воздвигнутое зданіе надобно было подтачивать понемногу, по частямъ. Оттого воспреобладало критическое направленіе, въ которомъ г. Погодинъ игралъ, конечно, не послѣднюю роль. Странно, когда подумаешь, что тотъ же ученый изслѣдователь, который еще такъ недавно былъ во главѣ новаго поколѣнія и велъ его противъ старой школы, теперь уже является защитникомъ стараго противъ новаго и стоитъ на сторонѣ Карамзина, котораго недостатки онъ открывалъ и обличалъ такъ основательно и дѣльно. Всему виной время! Оно шло такъ быстро; такъ скоро стало вывѣтриваться и ветшать снаружи великолѣпное, изнутри призрачное строеніе русской исторіи, что г. Погодинъ не узналъ въ своихъ послѣдователяхъ (не по изысканіямъ, а по взгляду) продолжателей его же дѣла и испугался крайнихъ послѣдствій, выведенныхъ изъ критики Карамзинскаго воззрѣнія. Ему показалось, что пошли уже слишкомъ далеко, и онъ понялъ, что стоитъ ближе къ прежнему, чѣмъ къ новому. Къ быстротѣ самой перемѣны въ мнѣніяхъ, происшедшей у насъ, присоединилось и много другого, вслѣдствіе чего г. Погодинъ долженъ былъ скоро отстать отъ современнаго движенія. Въ числѣ главныхъ причинъ мы считаемъ путь, который былъ имъ избранъ, пріемъ, съ которымъ онъ взялся за дѣло. Г-нъ Погодинъ, какъ и многіе другіе, отдался частностямъ, имъ посвятилъ себя. Онъ повелъ аттаку на отдѣльные пункты, и, употребивъ на это всѣ силы, забылъ главное — цѣлое прошедшее воззрѣніе, которое нужно было измѣнить съ корня; можетъ быть, даже онъ не отдавалъ себѣ въ этомъ отчета и только смутно предчувствовалъ недостатки существующихъ понятій, почему и обратился къ критикѣ отдѣльныхъ событій, какъ они разсказаны у Карамзина. Послѣднее вѣроятнѣе, потому что новое воззрѣніе никогда не является вдругъ послѣ стараго, а есть результатъ, добываемый постепенно и возникающій уже на развалинахъ. Въ періодъ дѣятельности г. Погодина всѣ наши критики, болѣе или менѣе недовольные Карамзинымъ и господствовашими въ то время понятіями о русской исторіи, растратили такимъ образомъ свои силы надъ частностями. Общее потеряно изъ вида. Возникли споры, партіи, вражды, которыя ни къ чему не привели, потому что мысль, ихъ породившая, была забыта. Вышло подъ конецъ, что когда новѣйшее поколѣніе, видя безплодную борьбу, осмѣлилось напомнить и высказать въ чемъ главная задача и какъ она должна быть поставлена и разрѣшена, ее встрѣтили холодно и сурово: первые дѣятели, указавшіе ей путь, сбились съ дороги и враждовали, спорили на поприщѣ археологіи, далеко отдалившись отъ исторіи, главнаго театра дѣйствій, откуда возникли вопросы и неудовлетвореніе. Мы высказали здѣсь свое мнѣніе объ историко-литературной дѣятельности г. Погодина, чтобы показать, съ какой точки зрѣнія должно, какъ намъ кажется, смотрѣть на его „Отрывки“, изданные теперь въ свѣтъ. Можетъ быть, г. Погодинъ съ нами не согласится; можетъ быть, онъ найдетъ странною мысль, что онъ одинъ изъ первыхъ началъ опровергать взглядъ Карамзина. Тѣмъ не менѣе это совершенно справедливо. Рѣзко это потому только не выдается, что г. Погодинъ, очень удачно нападая на Карамзина въ отдѣльныхъ фактахъ и явленіяхъ историческихъ, остался при немъ въ цѣломъ, и такъ не понялъ или забылъ свое призваніе въ русской исторической литературѣ.

Въ составъ разбираемой нами книги вошло пятнадцать статей, писанныхъ по разнымъ случаямъ. Первыя изъ нихъ по времени — статьи: „О характерѣ Іоанна Грознаго“, написанная въ 1825, объ „Отрепьевѣ“ и „Объ участіи Годунова въ убіеніи царевича Димитрія“, въ 1827 году. Послѣднія: „Параллель русской исторіи съ исторіей западныхъ европейскихъ государствъ относительно начала“ и „За русскую старину“, впервые на-

печатаны въ „Москвитянинѣ“ въ 1845 году. Онѣ расположены по хронологическому порядку событій и лицъ, къ которымъ относятся. Но мы станемъ разбирать ихъ въ той преемственности, какъ онѣ выходили, потому что для насъ развитіе самаго автора гораздо интереснѣе того, что̀ онъ сказалъ; историческія мнѣнія г. Погодина имѣютъ большій интересъ литературный, нежели объективный; они теперь сами предметъ исторіи.

Статья „О характерѣ Іоанна Грознаго“ вся критическая. Она дышетъ тѣмъ временемъ, когда авторъ приступилъ къ дѣлу съ свѣжими силами, ставилъ вопросительные знаки на листахъ „Исторіи Государства Россійскаго“ и не могъ удовлетвориться ея рѣшеніями и объясненіями. Первыя слова статьи очень замѣчательны:

„Нѣтъ ничего труднѣе (говоритъ авторъ) какъ освобождаться отъ предразсудковъ, какихъ бы то ни было, историческихъ, политическихъ, житейскихъ. Мнѣніе, однажды принятое, получаетъ какую-то особенную силу надъ нами и дѣлается частію насъ самихъ. Усомниться въ немъ—есть необыкновенное явленіе, важный шагъ, а какъ еще далеко отсюда до другаго пути! Съ большимъ насиліемъ, какъ будто посягая на самихъ себя, мы перестаемъ думать такъ, начинаемъ думать иначе“ (стр. 227).

Такъ писалъ авторъ въ 1825 году. Мы увидимъ, что послѣ онъ говорилъ уже совсѣмъ другое.

Главная тема, которую развиваетъ статья (раздѣленная на двѣ части), въ короткихъ словахъ состоитъ въ слѣдующемъ: Карамзинъ говоритъ, что Іоаннъ былъ идеаломъ царя съ чудеснаго своего обращенія до смерти Анастасіи, и извергомъ съ этого времени по свою кончину; но это несправедливо: такое превращеніе неестественно; „Іоаннъ никогда не былъ великъ“. Пока его характеръ не сложился окончательно, его прибрали въ руки люди благонамѣренные, искавшіе пользы и славы Россіи. Не Іоанну, а имъ обязана она тѣмъ великимъ и прекраснымъ, что̀ тогда сдѣлано. Возмужавъ, Іоаннъ началъ тяготиться строгой зависимостью, въ которую былъ поставленъ; этимъ воспользовалась другая партія, которая помогла ему выйти изъ подъ тягостной нравственной опеки и дала возможность дурнымъ его свойствамъ развиться до той уродливости и безобразія, въ какихъ они потомъ выразились. Самъ по себѣ, Іоаннъ былъ человѣкъ ничтожный и слабый до трусости. Впрочемъ, его жестокости, неслыханное тиранство объясняются и отчасти оправдываются воспитаніемъ, временемъ, въ которое онъ жилъ, и окружающими обстоятельствами.

Очевидно, значеніе и характеръ Грознаго не поняты. Можно спорить о его характерѣ и психологическомъ развитіи, но назвать его ничтожнымъ нельзя ни въ какомъ случаѣ. Теперь это ясно какъ день, и потому не стоитъ доказывать. Мы думаемъ, что и самъ авторъ находитъ теперь свой приговоръ черезчуръ рѣзкимъ. Но замѣтимъ, что эта несправедливость имѣетъ весьма важное значеніе по источнику, изъ котораго она вытекла. Г-на Погодина поразила неестественность характера Іоаннова у Карамзина. Въ самомъ дѣлѣ, восьмой и девятый томъ—одна изъ самыхъ слабыхъ частей сочиненія исторіографа. Г. Погодинъ старался найти ключъ къ этой загадкѣ, наполнить пропасти, раздѣляющія различныя эпохи жизни Грознаго, открыть связь между свѣтлой и темной стороной его царствованія,—словомъ, возсоздать ту преемственность, постепенность измѣненій, которая необходимо присуща всему живому. Дурно или хорошо онъ выполнилъ задачу, это другой вопросъ. Главное то, что г. Погодинъ объявилъ здѣсь себя противникомъ чудеснаго въ исторіи, защитникомъ прямого, естественнаго взгляда на жизнь, какъ она есть, и это-то особенно важно. Полемизируя противъ Карамзина, ученый авторъ статьи показываетъ, что исторіографъ произвольно разставлялъ факты, группировалъ ихъ какъ ему было нужно для его цѣлей, наперекоръ хронологіи и фактической послѣдовательности. Это ни то, ни се, въ которое преобразился чудесный Іоаннъ Карамзина у г. Погодина, было шагомъ впередъ въ нашей исторической критикѣ, хотя оно еще неизмѣримо далеко отстояло отъ исторической истины.

Въ такомъ же родѣ и двѣ другія статьи, написанныя два года спустя послѣ этой, а именно: объ убіеніи царевича Димитрія и о первомъ самозванцѣ. Въ первой авторъ доказываетъ, что, на основаніи доселѣ извѣстныхъ историческихъ данныхъ, нельзя говорить положительно объ убіеніи царевича Димитрія по приказанію Годунова. Полемика противъ Карамзина и здѣсь очень остроумна, мѣстами очень удачна. Доводы г. Погодина такъ сильны, что въ самомъ дѣлѣ нельзя еще считать этотъ вопросъ окончательно рѣшеннымъ. До какой степени онъ важенъ въ рус-

ской исторіи, мы не станемъ теперь говорить; но онъ возникъ изъ того же желанія г. Погодина возстановить цѣльность, органическое единство замѣчательной личности Бориса, на что Карамзинъ обратилъ слишкомъ мало вниманія. Годуновъ, великій, просвѣщенный государь, не могъ быть низкимъ убійцей,—вотъ основная мысль г. Погодина. Если она и несправедлива, то требованіе отъ исторіи, которое она выражаетъ, очень важно и вѣрно. Менѣе интересна, но не безъ достоинствъ статья объ Отрепьевѣ.

„Какъ у молодаго русскаго дьякона, въ блистательное царствованіе могущественнаго Бориса, среди Москвы, могла зародиться въ головѣ мысль, безумная и несбыточная, принять имя Царевича, въ гибели котораго четырнадцать лѣтъ никто не сомнѣвался?“

Этими словами начинается статья. Г. Погодинъ выставляетъ и защищаетъ предположеніе, что „первую мысль дали самозванцу іезуиты“. Послѣ явилось другое предположеніе не менѣе вѣроятное, что онъ былъ органомъ нѣкоторыхъ боярскихъ родовъ, противопоставившихъ его Борису, которымъ были недовольны по многимъ причинамъ. Какъ бы то ни было, достоинство этой статьи чисто критическое, и несмотря на различіе предметовъ, она развиваетъ ту же мысль, которая видна и въ двухъ предыдущихъ: непонятное, безсвязное, баснословное въ нашей исторіи вызываетъ ученаго изслѣдователя на догадки, разборъ существующихъ представленій и обличеніе ихъ несообразности съ здравымъ разсудкомъ и естественнымъ, необходимымъ порядкомъ вещей.

До сихъ поръ г. Погодинъ является критикомъ. Въ 1831 году, по поводу важныхъ перемѣнъ въ судьбѣ Польши, онъ написалъ статью болѣе политическаго, нежели историческаго содержанія, подъ заглавіемъ „Историческія размышленія объ отношеніяхъ Польши къ Россіи“. О ней предоставляемъ судить другимъ. Скажемъ только, что она насъ еще болѣе убѣдила въ старой мысли, что историки не всегда бываютъ вмѣстѣ и хорошіе политики... Отсутствіе собственно историческаго смысла въ статьяхъ, нами указанныхъ, особенно въ статьѣ объ Іоаннѣ Грозномъ и другихъ,—въ послѣдующихъ проступаетъ уже гораздо рѣзче. Сначала оно выкупалось критической стороной сочиненій; но когда она ослабѣла, и г. Погодинъ началъ прагматизировать, оказалось, что онъ ни на шагъ не ушелъ дальше Карамзина. Скажемъ болѣе: г. Погодинъ къ недостаткамъ Карамзинскаго взгляда присоединилъ еще нѣсколько и отъ себя. Надежды, которыя подавалъ молодой ученый, должны были разрушиться. Доказательствомъ служитъ „Взглядъ на русскую исторію“, изложенный авторомъ на вступительной лекціи въ 1832 году.

„Исторія всякаго государства, отдѣльно взятая (такъ начинаетъ авторъ) представляетъ собою высокое поучительное зрѣлище народныхъ дѣйствій, устремленныхъ къ одной цѣли человѣческаго рода, цѣли, указанной ему благимъ Провидѣніемъ. Всякій народъ развиваетъ своею жизнію особую мысль его и содѣйствуетъ, болѣе или менѣе, непосредственно или посредственно, къ исполненію общихъ верховныхъ его предначертаній“.

Послѣ этой фразы, столько общей, что изъ нея трудно вывести что-нибудь, г. Погодинъ переходитъ къ Россіи. Здѣсь, какъ водится, прежде всего поражаетъ его „пространство, какого не занимала ни одна монархія въ свѣтѣ“, единство происхожденія племенъ, ее занимающихъ, „которыя говорятъ однимъ языкомъ, имѣютъ, слѣдовательно, одинъ образъ мыслей“ (?), далѣе ихъ единство религіозное, множество единоплеменныхъ съ ними народовъ внѣ имперіи,—народовъ, „которые составляютъ съ ними одно живое цѣлое, которые соединены съ нами неразрывными узами крови и языка“; наконецъ вещественныя и невещественныя силы, „богатство въ естественныхъ произведеніяхъ, коими мы можемъ надѣлить Европу, не имѣя нужды ни въ какомъ изъ ея товаровъ“ (?). Въ дѣйствіяхъ Россіи авторъ видитъ необычайное; такова година Наполеонова вторженія въ наши границы. „Отразивъ побѣдоносно такое нападеніе“, восклицаетъ авторъ, „освободивъ Европу отъ такого врага, низложивъ его съ такой высоты, обладая такими средствами, не нуждаясь ни въ комъ и нужная всѣмъ, можетъ ли чего-нибудь опасаться Россія? Кто осмѣлится оспаривать ея первенство, кто помѣшаетъ ей рѣшать судьбу Европы и судьбу всего человѣчества, если только она сего пожелаетъ?“ Въ перечисленіи разныхъ европейскихъ народовъ, которые не могутъ съ нами соперничать, намъ особенно понравилось, что германскія владѣнія названы нашими пятидесятыми губерніями. О каждой изъ европейскихъ странъ авторъ нашелся что̀ сказать, хоть и не всегда впопадъ; не знаю, почему Германія его затруднила, и онъ

счелъ за лучшее, предваряя своимъ взглядомъ событія, включить ее въ будущія границы имперіи.

Обращаясь отъ матеріальныхъ и нематеріальныхъ силъ государства къ его исторіи, авторъ видитъ въ ней одинъ интересъ: „какъ сложился этотъ колоссъ, стоящій на двухъ полушаріяхъ? какъ сосредоточились, какъ сохраняются въ одной рукѣ всѣ сіи силы, коимъ ничто, кажется, противостоять не можетъ". Итакъ, политическая исторія, внѣшняя, а не внутренняя, обратила на себя особенное вниманіе автора. Отъ критика Карамзина мы въ правѣ были ожидать бо̀льшаго, и тѣмъ справедливѣе наши требованія, что государственную исторію Россіи до XVII вѣка Карамзинъ изложилъ превосходно, классически. Недостатокъ внутренней исторіи и есть то, что̀ чувствуется особенно сильно послѣ трудовъ незабвеннаго исторіографа; отсюда-то должно развиться совершенно новое воззрѣніе на древнюю и теперешнюю Россію; отсюда долженъ произойти совершенный переворотъ въ нашей исторической литературѣ, а слѣдовательно и въ нашемъ сознаніи. Конечно, воскресить эту внутреннюю исторію, разглядѣть и уразумѣть всѣ ея черты,—дѣло очень трудное; такого труда мы не въ правѣ требовать отъ всякаго. Но насъ удивляетъ, что авторъ не поставилъ даже вопроса, не взглянулъ на нашу исторію глубже своего знаменитаго предшественника, особливо имѣя передъ глазами европейскіе образцы въ этомъ родѣ. Ясно, что г. Погодинъ не стоялъ въ уровень съ задачей, которая ему предстояла, и потому, недовольный частностями въ исторіи Карамзина, онъ остался ею доволенъ въ главномъ и цѣломъ. Этимъ объясняется, почему авторъ пребылъ въ старой колеѣ; онъ безпрестанно сближаетъ наши событія съ событіями европейской исторіи, показываетъ ихъ параллельность и въ то же время несходство—и, разумѣется, нисколько не уясняетъ нашей исторіи, ибо этотъ методъ крайне недостаточенъ: подавая поводъ къ остроумнымъ замѣчаніямъ и выводамъ, онъ, какъ игра ума и воображенія, а не дѣйствительное пониманіе, только затемняетъ вопросъ и отдаляетъ его разрѣшеніе. Мы находимъ въ статьѣ г. Погодина мысли теперь уже давно извѣстныя, но, конечно, въ то время еще новыя и потому поражавшія своею оригинальностью,—мысли, что въ Европѣ было завоеваніе, а у насъ нѣтъ, отчего и исторія получила различное развитіе; что Европа—преемница Западной Римской имперіи, а мы—Восточной; что тамъ былъ феодализмъ, а у насъ удѣльная система; что у насъ монгольское иго во многихъ отношеніяхъ имѣло одинаковыя послѣдствія съ крестовыми походами Европы; что Петръ Великій замѣнилъ намъ реформацію, и т. д. Разумѣется, при этомъ не забыто отсутствіе у насъ укрѣпленныхъ замковъ, иное основаніе городовъ, иное происхожденіе сословій, чѣмъ въ Европѣ,—доступность правъ для всѣхъ, исключительное положеніе правительства, которое двигаетъ насъ впередъ, и пр. Спрашиваемъ всѣхъ людей безпристрастныхъ, можно ли извлечь что-нибудь изъ этого параллелизма событій, и приближаетъ ли онъ насъ хоть на волосъ къ уразумѣнію нашего историческаго развитія? А что онъ извращаетъ понятія, что онъ переставляетъ насъ на ложную точку зрѣнія и заставляетъ смотрѣть на нее сквозь очки, а не простыми, здоровыми глазами,—это видно изъ одного простого соображенія, что, сопоставляя событія, мы ихъ необходимо уравниваемъ, и слѣдовательно лишаемъ ихъ живыхъ характеристическихъ красокъ, закрываемъ ихъ оригинальное народное значеніе,—и весь смыслъ исторіи потерянъ. Пожалуй, можно еще провести параллель между дьяками Іоанна III и IV и юристами Филиппа Красиваго, между общинными вольностями, дарованными Грознымъ, съ освобожденіемъ общинъ изъ-подъ власти феодаловъ въ XII и XIII вѣкахъ, и такъ далѣе, до безконечности: но въ какія же уродливыя ошибки мы впадемъ, если выведемъ изъ этихъ сближеній послѣдній результатъ, и поставимъ на одну доску Европу и Россію въ тѣ вѣка, къ которымъ относятся сходныя событія! А между тѣмъ, это уравненіе всегда предполагается при такихъ сближеніяхъ; иначе не для чего было бы ихъ дѣлать. Недавно одинъ молодой ученый не остановился и передъ этимъ результатомъ и смѣло высказалъ его, съ прямотой, свойственною нашему поколѣнію: Россія XV и XVI вѣка была, по его мнѣнію, если не выше, то по крайней мѣрѣ нисколько не ниже современной ей Европы.

Такое мнѣніе—геркулесовы столбы сравнительнаго метода въ его примѣненіи къ исторіи; дальше идти нельзя. Здѣсь долженъ начаться поворотъ, обращеніе народа на самого себя, и новое изученіе фактовъ уже извѣстныхъ, не съ ихъ внѣшней, а внутрен-

ней стороны. Онъ уже и начался. Глубже вникая въ настоящее и прошедшее, мы постепенно убѣждаемся, что, несмотря на видимое, кажущееся сходство, факты нашей и европейской исторіи безконечно разнятся между собою по ихъ дѣйствительному, народному значенію въ той и другой исторіи,— такъ разнятся, что смѣшно ихъ и сравнивать или сближать между собою. Теперь мы начинаемъ понимать, что фактъ, вырванный изъ цѣльной совокупности народной жизни, ничего не значитъ и совершенно непонятенъ; что для его дѣйствительной, вѣрной оцѣнки нужно изучать исторію народа какъ само-развивающійся живой организмъ, въ строжайшей постепенности измѣняющійся вслѣдствіе внутреннихъ причинъ, которымъ внѣшнія событія служатъ или выраженіемъ, или только поводомъ къ обнаруженію. Много прекрасныхъ, благородныхъ мечтаній улетѣло съ этимъ новымъ прозаическимъ взглядомъ на исторію; насъ уже не обольщаетъ первоначальный бытъ славянъ, казавшійся какимъ-то идеаломъ общественности потому только, что мы прикладывали къ нему наши понятія и требованія и простодушно вѣрили, что въ его узкихъ рамкахъ умѣщался цѣлый міръ, сокрытый въ груди современнаго человѣка. Теперь этотъ взглядъ для насъ еще слишкомъ суровъ, серьезенъ: грядущія поколѣнія, можетъ быть, разсудятъ иначе.

Удерживаясь постоянно на заманчивой, обольстительной точкѣ внѣшняго созерцанія событій, не выходя изъ очарованнаго круга, въ который ни одинъ фактъ не можетъ дойти въ своемъ естественномъ, настоящемъ видѣ, г. Погодинъ долженъ былъ увидать въ русской исторіи какую-то мистерію. Одно есть прямой и необходимый результатъ другого.

„Ни одна исторія не заключаетъ въ себѣ столько чудеснаго, если можно такъ выразиться, какъ Россійская Воображая событія, ее составляющія, сравнивая ихъ непримѣтныя начала съ далекими, огромными слѣдствіями, удивительную связь ихъ между собою, невольно думаешь, что перстъ Божій ведетъ насъ, какъ будто древле Іудеевъ, къ какой-то высокой цѣли“ (стр. 10).

Для русской исторіи необходимо было, чтобы варяги основали государство на югѣ,— и Олегъ поселился въ Кіевѣ; нужно было подновить у насъ греческое вліяніе — и Іоаннъ III женился на Софіи, изъ дома Палеологовъ; нужно было утвердиться единовластію — и вотъ удѣльные князья начали такъ быстро вымирать, что Москва насилу успѣвала присоединять къ себѣ ихъ наслѣдства; цѣлыя государства такъ и стремились къ намъ, и вслѣдствіе „какого-то естественнаго тяготѣнія“; монгольское иго исчезло какъ-то само собою; раздробленныя части Орды присоединились къ намъ „не столько неволею, сколько волею“. Словомъ, все въ нашей исторіи и дивно и чудно!

„И какова связь между смертью въ Угличѣ семилѣтняго Царевича Дмитрія, игравшаго въ тычку ножемъ, и реформаціею Петра! А послѣдняя не могла бы произойти такъ, безъ перваго происшествія. Не пресѣкнись родъ Московскихъ князей, не было бы Романовыхъ, не было бы Петра„ (стр. 12)

Такъ же таинственно-чудесна жизнь Петра Великаго:

„Лефортъ, кажется, долженъ былъ нарочно бѣжать изъ Женевы, чтобъ овладѣть воображеніемъ младенца, возбудить въ немъ любопытство и удивленіе къ иностранцамъ, то есть, бросить въ его душу первое сѣмя всѣхъ будущихъ преобразованій“ (стр. 13).

Итакъ далѣе. Всего нельзя выписать, не переписавъ статьи цѣликомъ. И ни одного раза не пришло атору на мысль взглянуть на всѣ эти факты съ другой стороны, на оборотъ!..

Какъ страна чудесъ, Россія должна, если не превосходить другія земли, то по крайней мѣрѣ не уступать имъ во многомъ. О политической силѣ, вещественныхъ богатствахъ было уже говорено прежде. Но этого мало: едва-ли какая исторія представитъ цѣлый рядъ такихъ людей, какіе дѣйствовали у насъ отъ Іоанна III до Петра, не говоря уже объ немъ; русская исторія—„цѣлый курсъ психологіи въ лицахъ“. Самая исторія нашихъ дѣйствующихъ лицъ необыкновенна; „простое повѣствованіе о судьбѣ Бориса, о жизни таинственнаго Самозванца съ его Мариною, о Шуйскомъ, суть такіе романы, которыхъ никогда не могло бъ создать богатое воображеніе Вальтеръ-Скотта“ (стр. 15); „наши древнія дипломатическія сношенія — училище для негоціаторовъ“; наши древніе дипломаты едва-ли уступятъ европейскимъ; „до сихъ поръ мы не отдавали должной справедливости нашей старинной дипломатіи, потому что по какому-то странному предубѣжденію не смѣли сравни-

вать нашихъ дѣльцовъ съ западными министрами" (стр. 15). Читатель никакъ, вѣроятно, не ожидаетъ, чѣмъ все это кончится. „Россійская Исторія", говоритъ авторъ, „можетъ сдѣлаться охранительницею и блюстительницею общественнаго спокойствія".

Вы спросите: да какъ же дошелъ авторъ до такого страннаго результата? Вотъ его слова:

„Не часто ли случается намъ слышать восклицанія: зачѣмъ у насъ нѣтъ того постановленія или этого Еслибъ сіи ораторы были знакомы съ исторіею, и въ особенности съ Исторіею Россійскою, то уменьшили бы нѣкоторыя свои жалобы, и увидѣли бы, что всякое постановленіе должно непремѣнно имѣть свое сѣмя и свой корень и что пересаживать чужія растенія, какъ бы они ни были пышны и блистательны, не всегда бываетъ возможно или полезно, по крайней мѣрѣ всегда требуетъ глубокаго размышленія, великаго благоразумія и осторожности. Далѣе они увидѣли бы ясно собственные наши плоды, которымъ напрасно искать подобныхъ въ другихъ Государствахъ, и преисполнились бы благодарностію къ Промыслу за свое удѣльное счастіе" (стр. 16).

Читатели видятъ, что г. Погодинъ часто смѣшиваетъ политику съ исторіей, и что это смѣшеніе не всегда ему удается...

Допустимъ на минуту, что въ статьѣ много дѣльнаго, по крайней мѣрѣ есть спорные пункты, о которыхъ можно различно говорить, судя по точкѣ зрѣнія. Но цѣлое — что это такое? Сказано много, но гдѣ же взглядъ? Сдѣлано ли хоть сколько нибудь для уясненія, уразумѣнія предмета? И это была вступительная лекція въ курсъ русской исторіи въ 1832 году!

Ни чуть не лучше „Очеркъ русской исторіи". Это перечень событій, поставленныхъ одно возлѣ другого безъ связи и написанныхъ языкомъ немножко шероховатымъ. Вотъ для примѣра одно мѣсто:

„Сцена Исторіи переносится на Сѣверовостокъ.

„Орда, которой мы достались на часть, поселилась въ низовьяхъ Волги. Туда, и къ великому хану, къ истокамъ Амура, ѣздятъ наши князья за ярлыками на княженіе.

„Монголы посадили насъ на оброкъ.

„Князья сдѣлались ихъ прикащиками, и Вѣча съ прочими обычаями временъ древнихъ уничтожены" (стр. 25).

Или:

„Древнему Духовному противупоставлено новое свѣтское.

„Основаніемъ Петербурга (1703), утверждено сообщеніе съ Европою.

„Подъ Полтавою отнято у Шведовъ первенство на Сѣверѣ и завоевано Императорство" и т. д. (стр. 32).

Статья „О формаціи Государства" была уже напечатана въ „Изслѣдованіяхъ, замѣчаніяхъ и лекціяхъ" г. Погодина. Въ критическомъ разборѣ этого сочиненія оно будетъ разсмотрѣно подробно [1]). Здѣсь замѣтимъ, что она имѣетъ свои неотъемлемыя достоинства, но относится уже къ другому періоду литературной дѣятельности автора, когда онъ, не успѣвъ понять древней русской исторіи и не могши удержаться на критическомъ воззрѣніи, болѣе чѣмъ прежде вдался въ какое-то мистическое созерцаніе историческихъ событій. Наука, по природѣ своей прозаическая, свѣтская, черпающая свои вдохновенія изъ голой истины, много отъ этого потерпѣла.

Статья „о Москвѣ" написана въ 1837 году и тогда же была напечатана въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ". Здѣсь разсказана политическая исторія постепеннаго возростанія и усиленія древней столицы изъ малаго удѣльнаго городка въ средоточіе Русскаго Царства. И въ этой статьѣ г. Погодинъ является не критикомъ, не глубокимъ изслѣдователемъ событій, а созерцателемъ таинственныхъ судебъ царственнаго города. Окончивъ особенную исторію Москвы княженіемъ Іоанна III, авторъ говоритъ:

„Разсматривая ихъ (происшествія) внимательно, не знаешь, чему удивляться болѣе: этому ли естественному ихъ ходу, въ которомъ одно истекло кажется изъ другаго, или тѣмъ неожиданнымъ постороннимъ событіямъ, которыми заботливо отклонялись всѣ опасности, несчастія, угрожавшія имъ помѣхою, въ которыхъ какъ будто чувствуешь движеніе высшей Десницы, ведшей Москву, а съ ней и всю Россію отъ самаго рожденія къ великой цѣли" (стр. 152). „Не чудесно ли стеклись обстоятельства, чтобъ погубить несчастную Тверь, естественную соперницу Москвы? Какъ кстати отличился бережливостію Калита! Пришла же моровая язва, когда размножились князья въ Московскомъ княженіи, еще не утвердившемся въ своихъ силахъ! Наступили же междоусобія у Монголовъ, въ малолѣтство Димитрія, и случились твердые, умные бояре, которые умѣли ими воспользоваться! Современникомъ Витовту родился Василій. Москва возмужала ко времени княженія Темнаго. Въ какое благопріятное время умеръ дядя его Юрій! И вотъ что̀ достопримѣчательно: всѣ болѣзни посылались на Москву не вдругъ, а какой-то чередой, когда уже готовы для нихъ были врачеванія, какъ будто бы только для ея вразумленія, указанія, воспитанія" (стр. 153 и 154).

[1]) См. выше, стр. 95 и слѣд.

Такія же мысли разсѣяны и въ самомъ историческомъ разсказѣ. Въ нихъ заключалось то роковое противодѣйствіе другому, критическому направленію автора, которое и помѣшало ему подвинуть впередъ изученіе русской исторіи, несмотря на таланты, знанія.

Въ 1838 году, по поводу мѣстническихъ дѣлъ, открытыхъ и напечатанныхъ въ „Русскомъ Историческомъ Сборникѣ" дѣйствительнымъ членомъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, г. Ивановымъ, г. Погодинъ написалъ двѣ статьи объ мѣстничествѣ и напечаталъ ихъ въ томъ же сборникѣ. Третья помѣщена въ 1842 году въ „Москвитянинѣ" и не есть собственно статья, а собраніе дополнительныхъ матеріаловъ по этому предмету, съ коротенькими замѣтками о ихъ важности. Разсужденіе г. Погодина объ этомъ столько многозначительномъ предметѣ въ нашей древней исторіи,—предметѣ, который такъ характеризуетъ древнюю Русь, такъ разоблачаетъ закрытыя начала, на которыхъ она стояла,—не безъ интереса, хотя и стоитъ ниже трудовъ г. Валуева по той же части. И здѣсь, какъ и вездѣ мы находимъ при общемъ обозрѣніи мѣстничества безплодное сравненіе явленій европейской общественности съ нашими:

„Припомнимъ, что и въ прочей Европѣ былъ вѣкъ, въ которомъ чувство и понятіе чести преобладало надъ прочими. Нельзя не замѣтить соотвѣтствія ему въ нашемъ мѣстничествѣ, которое впрочемъ касалось только до службы, до общественныхъ званій и рѣшалось не дуэлями, а Царскими приговорами. (Какъ любопытно, скажемъ мимоходомъ, слѣдить эту параллельность, аналогію явленій Европейскихъ съ Русскими, при всемъ различіи ихъ формъ)" (стр. 174).

Послѣ того, г. Погодинъ доказываетъ, вопреки Карамзину, и весьма основательно, что мѣстничество было у насъ гораздо прежде Іоанна III (это ясно даже a priori, безъ положительныхъ данныхъ). По мнѣнію автора, оно было „московскимъ продолженіемъ удѣльной системы", которая выражалась уже „не въ землѣ, не во владѣніи тѣмъ или другимъ, большимъ или меньшимъ городомъ, а въ значеніи при дворѣ, у новаго своего Государя, участіи въ управленіи, т. е. въ мѣстахъ правительственныхъ, военачальственныхъ, придворныхъ" (стр. 181). Мѣстничество, какъ извѣстно, уничтожилъ царь Θеодоръ Алексѣевичъ, но оно продолжало жить въ обычаяхъ, пока Петръ Великій не разрушилъ его табелью о рангахъ. При немъ честь служебная удержана, но родовой элементъ въ ней долженъ былъ исчезнуть и личная способность къ службѣ замѣнить родовое преимущество. Весь этотъ обзоръ довольно хорошъ, мѣстами даже очень удаченъ. Вторая статья изслѣдываетъ самые законы мѣстничества. Авторъ выводитъ, что въ древней Россіи была постепенность между должностями, въ родѣ теперешней лѣстницы чиновъ; съ другой стороны, счетъ между членами одного рода производился по нисходящей линіи. Какъ въ службѣ, такъ и въ родѣ считались мѣстами. Такимъ образомъ, мѣстническіе счеты состояли въ сравненіи службы и родоваго старшинства предковъ тѣхъ лицъ, которыя считались, и каждый разъ, когда при назначеніи въ службу извѣстныя лица не находились между собою въ такихъ же отношеніяхъ по мѣстамъ, въ какихъ бывали ихъ предки, являлся поводъ къ спорамъ и жалобамъ. Вообще статья, какъ первый опытъ на новомъ поприщѣ—недурна. Главный ея недостатокъ состоитъ въ томъ, что различныя положенія, которыми условливалось мѣстничество, ничѣмъ не связаны между собою; связь ихъ не открыта авторомъ, хотя это и не такъ трудно, какъ кажется съ перваго взгляда. Вотъ что, между прочимъ, помѣшало г. Погодину понять настоящее значеніе мѣстничества и древней Россіи, въ которой такое явленіе было возможно. Еслибъ авторъ не смотрѣлъ на него какъ археологъ, а взглянулъ глазомъ историка, онъ увидѣлъ бы въ немъ очень много, и не подумалъ бы отыскивать аналогическихъ явленій въ европейской исторіи, ибо между мѣстническимъ счетомъ и рыцарскою дуэлью такая безконечная разница, что никто, хорошо понимающій исторію, не рѣшится ихъ сравнивать.

Мы видѣли, разбирая эту статью, что г. Погодинъ выводитъ мѣстничество изъ удѣльной системы. Основываясь на этой мысли, авторъ пришелъ къ другой, не менѣе остроумной и до извѣстной степени вѣрной, что мѣстничествомъ можетъ быть объяснена система удѣловъ. Результатомъ этой мысли были двѣ статьи „о старшинствѣ между великими князьями древней Руси", напечатанныя первоначально въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія" въ 1840 и 1844 годахъ. Въ нихъ г. Погодинъ доказы-

ваетъ, что „старшинство дѣйствительно было основаніемъ праву“, но что оно, при размноженіи рода, необходимо должно было подвергнуться ограниченіямъ. Такимъ ограниченіемъ является вотчинное право, или начало, вслѣдствіе котораго сынъ имѣлъ право только на то владѣніе, которое держалъ отецъ. Этимъ объясняетъ г. Погодинъ, почему родъ Святославичей потерялъ старшинство передъ Всеволодовичами, хотя Святославъ и былъ старше Всеволода: первый не былъ великимъ княземъ и владѣлъ Кіевомъ незаконно, еще при жизни Изяслава. Другое ограниченіе родоваго старшинства состояло въ установленіи счета между дядями и племянниками, вслѣдствіе чего племянникъ могъ быть не только равенъ дядѣ, но даже старше его. Это обстоятельство, открывающееся изъ мѣстническихъ счетовъ, можетъ, по мнѣнію г. Погодина, объяснить многія событія въ удѣльномъ періодѣ, безъ того непонятныя: вступленіе Мстислава Владиміровича Мономаховича на кіевскій престолъ помимо младшихъ сыновей Святополка; назначеніе Ростиславомъ Мстиславичемъ на кіевскій престолъ по смерти своей старшаго племянника, Мстислава Изяславича, помимо всѣхъ дядей, и т. д. Эти выводы очень любопытны; какъ изслѣдованіе, статья имѣетъ большія достоинства. Жаль только, что и въ этомъ случаѣ г Погодинъ является тоже не историкомъ, а археологомъ, болѣе и болѣе отдаляясь отъ своего настоящаго призванія. Статья г. Соловьева о томъ же предметѣ, помѣщенная въ „Московскомъ Сборникѣ“, удовлетворяетъ насъ гораздо болѣе, хотя и она имѣетъ свои важные недостатки. Оба писателя остановились на явленіи, не проникая далѣе, и потому не могли замѣтить много такого, чѣмъ и удѣлы, и мѣстническія отношенія объясняются весьма просто; но статья г. Соловьева представляетъ постепенное развитіе, измѣненіе понятій о старшинствѣ, показываетъ, какъ это измѣненіе старалось узаконить себя юридическими вымыслами, чего мы не находимъ у г. Погодина. Оттого, сколько мы понимаемъ въ этомъ дѣлѣ, послѣдній правъ въ своей основной мысли только въ половину: мѣстническіе счеты дѣйствительно поясняютъ княжескія отношенія въ періодъ удѣловъ, какъ, наоборотъ, мѣстничество возникло изъ удѣльныхъ отношеній; но эта связь между тѣмъ и другимъ историческимъ явленіемъ простирается только на вторую половину періода удѣловъ, когда появились счеты между дядями и племянниками о старшинствѣ. Возможность такихъ счетовъ была важнымъ шагомъ впередъ въ древней Россіи; она ослабила родъ и приготовляла упадокъ исключительно кровныхъ отношеній, на которыхъ былъ основанъ весь нашъ бытъ въ тѣ времена. Напротивъ, въ первой половинѣ періода удѣловъ, родовое начало господствовало почти исключительно, хотя и недолго, по совершенному отсутствію юридической опредѣленности, характеризующему старую Русь; слѣдовательно, о примѣненіи къ первымъ временамъ между-княжескихъ отношеній счетовъ и понятій мѣстническихъ не можетъ быть и рѣчи. Г. Погодинъ ихъ и не прикладываетъ; но онъ, какъ намъ кажется, не довольно рѣзко отдѣляетъ между собою различные фазисы удѣльнаго періода и княжескихъ отношеній, не говоря уже о томъ, что о значеніи удѣльныхъ отношеній въ русской исторіи не находимъ даже намековъ. Авторъ совершенно не обращаетъ на нихъ вниманія; иначе вся исторія представилась бы ему въ другомъ свѣтѣ.

„Приращенія Москвы“. Эта статья есть какъ бы дополненіе къ статьѣ о Москвѣ.

„Москва есть такой городъ (говоритъ авторъ), на который можно и должно смотрѣть съ разныхъ сторонъ. Чѣмъ больше знакомитесь вы съ нею, чѣмъ больше вникаете въ ея свойства, особенности, достоинства, происшествія, коихъ она была сценою и даже началомъ, тѣмъ болѣе удостовѣряетесь въ ея значеніи, важности, великой судьбѣ, прошедшей, настоящей и будущей. Исторія ея не кончилась, кончился одинъ только періодъ, но она займетъ, можетъ быть, еще много великихъ страницъ въ книгѣ судебъ Русскихъ, Европейскихъ и человѣческихъ“ (стр. 163).

„Москва есть корень, зерно, сѣмя Русскаго Государства“, говоритъ авторъ, — что совершенно справедливо.

„Всѣ части, составляющія нынѣшнюю Россійскую Имперію, суть пріобрѣтенія Москвы, такъ что всю Россію можно въ этомъ смыслѣ назвать распространившеюся Москвою“.

Положеніе несправедливое со временъ Петра, когда правительственнымъ центромъ Россіи сталъ Петербургъ, и событія перестали быть московскими, тверскими или петербургскими, а стали русскими. Начало имперіи и конецъ московскаго періода на-

шей исторіи совпадаютъ. За этимъ слѣдуетъ обозрѣніе постепеннаго распространенія московскихъ владѣній и россійской имперіи.

„Дошла ли святая Русь-Москва до своихъ столповъ Геркулесовыхъ, на которыхъ преданіе читало: nec plus ultra? Исторія отвѣчать не смѣетъ, сердце Царево въ руцѣ Божіей“.

Вся статья написана съ древне-московской точки зрѣнія. Въ 1841 году г. Погодинъ написалъ статью „о Петрѣ Великомъ“. Она и по своему тону, и по направленію невольно напоминаетъ „Взглядъ на Русскую Исторію“, который мы разбирали. Сказано много, даже хорошаго, остроумнаго, но изъ всего этого ровно ничего не выходитъ и ничего не слѣдуетъ. Послѣ перваго и второго чтенія, не остается въ головѣ никакого результата, и вопросъ о великой реформѣ представляется мыслящему человѣку столько же таинственнымъ, загадочнымъ, какъ и прежде. И здѣсь мы видимъ, что г. Погодинъ не позаботился, правильно или неправильно, прямо или непрямо объяснить законъ, по которому она совершалась. И здѣсь онъ созерцатель, а не историкъ, даже не художникъ.

„Нынѣшняя Россія“ (такъ начинаетъ авторъ), „то-есть Россія Европейская, дипломатическая, политическая, военная, Россія коммерческая, мануфактурная, Россія школьная, литературная — есть произведеніе Петра Великаго. Какое бы явленіе въ сихъ сферахъ гражданской жизни ни стали мы разсматривать, о какомъ бы учрежденіи ни стали мы разсуждать, всѣ подобныя изслѣдованія доводятся непремѣнно до Петра Великаго, у котораго въ рукахъ концы *всѣхъ нашихъ нитей* (!) соединяются въ одномъ узлѣ. Куда мы ни оглянемся, вездѣ встрѣчаемся съ этою коллосальною фигурою, которая бросаетъ отъ себя длинную тѣнь на все наше прошедшее, и даже застилаетъ намъ древнюю Исторію,— которая въ настоящую минуту все еще какъ будто держитъ свою руку надъ нами, и которой, кажется, никогда не потеряемъ мы изъ виду, какъ бы далеко ни ушли въ будущемъ“ (стр. 335).

„Что за зрѣлище представляетъ онъ самъ своею особою, своимъ твердымъ характеромъ, съ своей желѣзной волею, съ своими пылкими страстями, темпераментомъ, даже съ своимъ лицомъ и исполинскимъ ростомъ! Что за зрѣлище представляетъ Россія и ея жители, съ ихъ образомъ мыслей, привычками, нуждами, предразсудками, обстоятельствами, стариною — завѣтнымъ наслѣдіемъ предковъ,—Россія тысячелѣтняя, смирная, терпѣливая, благочестивая, самодовольная, страна, въ которую насланъ былъ судьбою этотъ величайшій изъ всѣхъ преобразователей, ничѣмъ недовольный!“ (стр. 336).

„Какое движеніе, какая дѣятельность, живость, во всѣхъ концахъ обширнаго Царства! И что за разнообразіе! Здѣсь роются въ горахъ и достаютъ руду, тамъ изъ руды куютъ желѣзо, дальше сверлятъ изъ желѣза стволъ, а еще дальше стрѣляютъ ужъ изъ новаго ружья. Вотъ выписаны овцы, вотъ онѣ расплодились, вотъ настрижено съ нихъ шерсти, вотъ выткано изъ нея сукно въ только что отстроенной фабрикѣ, вотъ кроятъ новое невиданное платье, и вотъ оно напяливается на горько плачущій народъ, у котораго только что выбрита борода. Здѣсь скалываютъ бугры, тамъ зарываютъ рвы, громоздятъ насыпи, мѣряютъ землю, выжигаютъ болота, валятъ лѣса, прорубаютъ засѣки, и при послѣднемъ взмахѣ лопаты, отбрасывающей остальной камень съ новой дороги, показывается вдали первый обозъ, который подъѣзжаетъ къ готовому сообщенію. Нынѣ исчисляется народъ, и производится первый рекрутскій наборъ, завтра формируется армія, и прямо съ ученья идетъ на генеральную баталію, по утру побѣждена, а къ вечеру празднуетъ викторію“ (стр. 337 и 338).

„Петръ Великій сдѣлалъ много въ Россіи. Смотришь и не вѣришь, считаешь и не досчитаешься. Мы не можемъ открыть своихъ глазъ, не можемъ сдвинуться съ мѣста, не можемъ оборотиться ни въ одну сторону безъ того, чтобъ онъ вездѣ не встрѣтился съ нами, дома, на улицѣ, въ церкви, въ училищѣ, въ судѣ, въ полку, на гуляньѣ—все онъ, все онъ, всякій день, всякую минуту, на всякомъ шагу! Мы просыпаемся. Какой нынѣ день? 1 января, 1841 года. Петръ Великій велѣлъ считать годы отъ Рождества Христова, Петръ Великій велѣлъ считать мѣсяцы отъ января. Пора одѣваться—наше платье сшито по фасону, данному Петромъ Великимъ (?), мундиръ по его формѣ. Сукно выткано па фабрикѣ, которую завелъ онъ, шерсть настрижена съ овецъ, которыхъ развелъ онъ. Попадается на глаза книга — Петръ Великій ввелъ въ употребленіе этотъ шрифтъ, и самъ вырѣзалъ буквы. Вы начнете читать ее— этотъ языкъ при Петрѣ Первомъ сдѣлался письменнымъ, литературнымъ, вытѣснивъ прежній, церковный. Приносятъ газеты—Петръ Великій ихъ началъ. Вамъ нужно искупить разныя вещи—всѣ онѣ, отъ шелковаго шейнаго платка до сапожной подошвы, будутъ напоминать вамъ о Петрѣ Великомъ: однѣ выписаны имъ, другія введены имъ въ употребленіе, улучшены, привезены на его кораблѣ, въ его гавань, по его каналу, по его дорогѣ. За обѣдомъ, отъ соленыхъ сельдей и картофелю, который указалъ онъ сѣять, до винограднаго вина, имъ разведеннаго, всѣ блюда будутъ говорить вамъ о Петрѣ Великомъ. Послѣ обѣда вы ѣдете въ гости—это ассамблея Петра Великаго. Встрѣчаете тамъ дамъ— допущенныхъ до мужской компаніи по требованію Петра Великаго. Пойдемъ въ Университетъ—первое свѣтское училище учреждено Петромъ Великимъ. Вы получаете чинъ — по табели о рангахъ Петра Великаго. Чинъ доставляетъ мнѣ дворянство—такъ учредилъ Петръ Великій. Мнѣ надобно подать жалобу—Петръ Великій опредѣлилъ ей форму. Примутъ ее—предъ зерцаломъ Петра Великаго. Разсудятъ — по Генеральному Регламенту (?). Вы вздумаете путешествовать—по примѣру Петра Великаго: вы будете приняты хорошо—Петръ Великій помѣстилъ Россію въ число Европейскихъ Государствъ, и началъ внушать къ ней уваженіе“ (стр. 340—342).

Все это очень хорошо, остроумно и справедливо. Но лишь только г. Погодинъ начинаетъ разрѣшать вопросы, естественно и необходимо возникающіе изъ реформы Петра и ея послѣдствій, видно, что онъ ихъ обходитъ, не такъ ставитъ, — словомъ видно, что высота современныхъ требованій отъ науки и исторіи ему недоступна. Говорятъ, что Петръ „поразилъ русскую національность". Авторъ отвѣчаетъ на это обвиненіе вопросомъ: „возможно ли было Россіи уклониться отъ европейской цивилизаціи?" тогда какъ самъ же (стр. 343) спрашиваетъ: „не было ли бъ лучше, еслибъ преобразованіе было произведено не такъ быстро, не съ такимъ насиліемъ?" Въ этомъ-то и состоитъ весь вопросъ, который могъ возникнуть и сдѣлаться общимъ только теперь, когда образованіе сдѣлало значительные шаги впередъ и мы много измѣнились. О вліяніи на насъ Европы нечего и говорить: въ необходимости, по крайней мѣрѣ, неизбѣжности его для древней Руси всѣ болѣе или менѣе согласны. — Разборъ главныхъ преобразованій Петра и ихъ оправданіе — верхъ историческаго непониманія. Петръ преобразовалъ войско, и это было необходимо:

„Ему надобно было сражаться съ Европейскими врагами, со шведами, прусаками, поляками или нѣмцами, слѣдовательно ихъ оружіемъ, ихъ пріемами, ихъ тактикой и стратегіей. На ружье съ обухомъ идти нельзя. Или дожидаться ему было Карла? Скажутъ: онъ самъ напалъ на Карла. Но кто поручится, чтобъ Карлъ, достигнувъ зрѣлыхъ лѣтъ, оставилъ его въ покоѣ", и т. д.

Странно читать такія оправданія.—Точно такъ же оправдывается уничтоженіе стрѣльцовъ, „несмотря на національность", учрежденіе флота, введеніе фабрикъ и мануфактуръ, языка.

„Да! Преобразованія Петровы были необходимы, по естественному ходу вещей въ самой Россіи, не только въ сосѣднихъ государствахъ въ Европѣ" (стр. 349).

Если были и утвердились, то конечно были необходимы, въ какомъ бы смыслѣ мы ни принимали это слово. Но рѣчь не въ томъ. Надобно показать, почему были преобразованія возможны въ той формѣ, въ какой совершились. Конечно никто не сомнѣвается теперь, что войско Петра Великаго было лучше русскаго войска XVII вѣка, а флотъ лучше флота древней Руси, котораго вовсе не было. Но вѣдь этимъ еще ничего не сказано и не разрѣшено. Вопросы остаются тѣ же. Г. Погодинъ наконецъ увидалъ это самъ. Удовлетворившись своимъ рѣшеніемъ вопроса о необходимости принятія нами западнаго элемента—рѣшеніемъ, впрочемъ, очень неудовлетворительнымъ, какъ мы показали— онъ говоритъ:

„Итакъ вопросъ нашъ о преобразованіи, или принятіи западнаго элемента, получаетъ теперь совсѣмъ иную форму, вотъ какую: могло-ль необходимое столкновеніе, сближеніе Россіи съ Европою произойти иначе? Не лучше ли бъ было при ономъ совсѣмъ не дѣйствовать?"

Вниманіе при этихъ словахъ невольно напряжено. Вы ожидаете, что г. Погодинъ разрѣшитъ вамъ эту тайну, введетъ васъ въ самый сокровенный тайникъ русской жизни, изъ котораго прольется неожиданный свѣтъ на многознаменательное появленіе Петра въ нашей исторіи. Послушайте же, что̀ онъ говоритъ:

„Признаюсь: вообразить на его мѣстѣ (то-есть на мѣстѣ Петра Великаго) Ѳеодора или Іоанна я не могу, не почувствовавъ трепета во всемъ составѣ своемъ о самобытности Россіи. Или нельзя было дѣйствовать и распоряжаться лучше Петра Великаго? Нельзя ли было взять въ руки этотъ мечъ обоюду-острый осторожнѣе, ловчѣе, искуснѣе Петра Великаго? Кто осмѣлится отвѣчать на такой вопросъ, кто скажетъ: можно? Не знаю: по крайней мѣрѣ не я. Я не берусь ни за что на свѣтѣ предложить другой планъ Полтавскаго сраженія, другой проектъ Ништадтскаго мира" (стр. 350).

Если, кромѣ реторической фразы, г. Погодинъ не имѣлъ ничего въ отвѣтъ на такой важный вопросъ, то мы не понимаемъ, для чего жъ писалъ онъ эту статью? Впрочемъ, незначительностью своихъ разсужденій въ томъ же родѣ авторъ можетъ оправдать и эту. Чего жъ, въ самомъ дѣлѣ, вправѣ мы требовать отъ писателя, который думаетъ, что перевороты, происшедшіе въ Россіи вслѣдствіе водворенія варяговъ и монгольскаго ига, были болѣе внутренни, болѣе глубоки, дѣйствительны, чѣмъ реформа Петра, и обнимали всѣ сословія, а не одно какое-нибудь! (стр. 351).

Послѣ того, мы находимъ опроверженіе мнѣнія, будто бы Петръ Великій возбудилъ пристрастіе къ иностранцамъ. И обвиненія, и оправданія очень стары и общеизвѣстны.

„Пристрастіе къ иностранцамъ" (говоритъ между-прочимъ авторъ) „есть наслѣдственный порокъ всѣхъ славянскихъ племенъ, отъ самой глубокой древности,—порокъ, въ коемъ обвиняютъ ихъ даже

чужіе писатели. Что наше, того намъ и не надо — вотъ, къ прискорбію, девизъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, славянскихъ исторій, который изгладится въ той мѣрѣ, какъ распространится истинное просвѣщеніе" (стр. 353).

Не взводитъ ли г. Погодинъ напраслины на славянъ? Свое не было ли у нихъ такое, что они поневолѣ бросались на чужое? Допустить въ огромномъ племени какую-то безпричинную и безкорыстную страсть къ чужеземному, противорѣчитъ здравому смыслу, тѣмъ болѣе, что пословицы, „отъ добра добра не ищутъ", „славны бубны за горами", и множество другихъ доказываютъ, что и мы, не хуже другихъ, умѣли сберегать, что́ намъ казалось хорошо, и довольствовались своимъ; неподвижность нравовъ въ древней Руси то же доказываетъ. Мы, съ своей стороны, думаемъ и убѣждены, что страсть славянъ къ чужеземному (впрочемъ, замѣтимъ, не безъ разбора) имѣетъ глубокое историческое основаніе, яснѣе всѣхъ лѣтописей и документовъ говоритъ объ ихъ внутреннемъ бытѣ и обличаетъ въ этомъ племени большую даровитость, воспріимчивость и способность къ развитію. Если человѣкъ или народъ ищетъ лучшаго, не стѣсняясь преданіями и нравами, вѣрно передъ нимъ великая будущность; богатство силъ доказываетъ способность самоотрицанія. Конечно, на этотъ предметъ можно взглянуть и съ другой точки. Кто легко примѣняется къ чужому, тотъ можетъ не имѣть ничего своего, по юности, несовершеннолѣтію или и по безсилію; но въ такомъ случаѣ страсть къ чужеземному все-таки не порокъ. Всякій въ правѣ рѣшать этотъ вопросъ такъ или иначе, по своему взгляду, предрасположенію или предразсудкамъ; только признать страсть къ чужому, какъ врожденную характеристическую черту славянъ, совершенно невозможно. Это противоестественно. Въ добавокъ, г. Погодинъ самъ себѣ противорѣчитъ: онъ говоритъ, что эта страсть пройдетъ со временемъ; стало-быть, это историческое явленіе преходящее, а такія явленія не бываютъ безъ причинъ. И если есть причины такой страсти, ее нельзя называть наслѣдственнымъ порокомъ.

Доказавъ, далѣе, что Петръ не перервалъ своей реформой отечественнаго образованія, авторъ, по своему обыкновенію, объясняетъ молодымъ ученымъ юристамъ, какъ должно изучать законодательство Петра Великаго, и какъ, вслѣдствіе такого изученія, мы получимъ право основательно судить о реформѣ и ея значеніи.

„Тогда вмѣстѣ (говоритъ авторъ) возвратится подобающая честь и нашей древней исторіи, коею пренебрегаетъ легкомысленное и опрометчивое невѣжество, не видя ее близорукими своими глазами изъ-за Петра Великаго, полагая въ слѣпотѣ своей, что первое государство міра, въ полъ-экватора и четверть меридіана, рѣшающее судьбы Европы и всего міра, родилось въ одночасье, что Петръ Великій дѣйствовалъ случайно, что колоссъ можетъ держаться на пескѣ или воздухѣ, что сумма можетъ-быть безъ слагаемыхъ" (стр. 355 и 356).

Тутъ что-нибудь изъ двухъ: или авторъ выдумываетъ небывалыя мнѣнія, или онъ незнакомъ хорошо съ теперешними взглядами на русскую исторію. Кто говоритъ, что Россія родилась въ одночасье? Кто говоритъ, что Петръ Великій дѣйствовалъ случайно? Кто думаетъ, что колоссъ можетъ держаться на пескѣ или воздухѣ? Намъ, по крайней мѣрѣ, не случалось ни читать, ни слыхать подобнаго даже въ частныхъ разговорахъ. Вѣроятно г. Погодинъ имѣлъ въ виду, что нѣкоторые не безъ основанія считаютъ Россію твореніемъ, созданіемъ Петра Великаго, и, не отвергая матеріальнаго существованія элементовъ, изъ которыхъ воздвиглась имперія преобразователя, смотрятъ однако на нихъ только какъ на матеріалъ, оживотворенный и одухотворенный Петромъ. Въ этомъ смыслѣ, какъ мы знаемъ, многіе не приписываютъ особенной важности до-Петровой Россіи; тѣмъ менѣе видятъ они въ ней хранилище и осуществленіе какихъ-то вѣчныхъ, неумирающихъ таинственныхъ истинъ, которыя, къ сожалѣнію, заслонены теперь отъ насъ реформой и должны впослѣдствіи обновить собою міръ. Своего относительнаго, историческаго значенія, сколько мы знаемъ, никто у ней не отнимаетъ. Г. Погодинъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду также мнѣніе, что реформа Петра, по крайне ограниченному, полувосточному состоянію страны, въ которой она произошла, носила и должна была носить чисто-личный характеръ, такъ что ея единственный двигатель—Петръ, былъ для Россіи все; что онъ дѣйствовалъ, какъ ея воплощенный идеалъ, и во имя ея же дѣйствовалъ, какъ ея воспитатель, исправитель, опекунъ и наставникъ. Какъ представитель ея интересовъ, онъ былъ — самозаконенъ наперекоръ ея привычкамъ и преданіямъ, потому что онъ былъ — Россія, и основываясь на этомъ

своемъ значеніи, которое чувствовалъ и непосредственно сознавалъ, какъ геній, Петръ не имѣлъ нужды ни въ какомъ оправданіи и ни въ какой повѣркѣ. Не соглашаясь съ нимъ, Россія была неправа. Отсюда и успѣхъ его дѣла, послѣдовавшій съ баснословною скоростью. Но при такомъ взаимномъ отношеніи великаго преобразователя и Россіи, форма, имъ данная, необходимо должна была имѣть личный характеръ, носить на себѣ печать Петра не только какъ преобразователя, но и какъ такого-то лица. Г. Погодину показалось, что это значитъ, что реформа была случайна. Предоставляемъ всѣмъ судить, такъ ли это?.. Такъ же точно не выяснилъ себѣ г. Погодинъ и многихъ другихъ мнѣній, что̀ видно изъ его нападеній на нѣкоторые изъ современныхъ толковъ.

За этимъ слѣдуютъ опять вещи очень старыя и извѣстныя о всемірномъ значеніи Петра: онъ положилъ основаніе соединенію двухъ различныхъ фазъ человѣческаго образованія, западной и восточной. Онѣ различаются между собою, какъ церкви восточная и западная:

„Одному принадлежитъ изслѣдованіе, другому вѣрованіе; одному безпокойство, движеніе, другому спокойствіе, пребываемость; одному неудовольствіе, другому терпѣніе; стремленіе внѣ и внутрь, сила средобѣжная и средостремительная, человѣкъ западный и восточный. Оба эти образованія, отдѣльно взятыя, односторонни, неполны, одному не достаетъ другого“ (стр. 358).

Такимъ образомъ, Петръ начинаетъ собою новую эпоху въ исторіи человѣчества, западно-восточную, европейско-русскую, въ которой западная пытливость будетъ освящена восточной вѣрой. Можетъ быть, и будетъ слово въ слово такъ, какъ выражается г. Погодинъ; но покуда это все еще мечта, очень правдоподобная, сбыточная,—положимъ,—но до сихъ поръ еще неосуществившаяся, и потому служащая плохимъ объясненіемъ значенія реформы. Не знаю, зачѣмъ къ ней прибѣгать, когда фактъ можно объяснить гораздо проще, ближе, понятнѣе, не идя отъ предположеній, еще имѣющихъ осуществиться. Наконецъ, насъ удивляетъ, какъ г. Погодинъ могъ напасть на мысль объ этомъ европейско-русскомъ синтезѣ: по всему видно, что онъ не очень благоволитъ къ западу и очень благоволитъ къ востоку—слѣдовательно, не совершенно безпристрастенъ къ тому и другому.

Европейскій періодъ нашей исторіи начавшійся Петромъ Великимъ, окончился съ первою четвертью настоящаго столѣтія. Теперь начинается, по мнѣнію г. Погодина, періодъ національный, который, можетъ быть, будетъ періодомъ въ исторіи Европы и человѣчества. А значеніе реформы все-таки не понятно!

Статья „о Посошковѣ“, написанная по поводу изданія сочиненій этого замѣчательнаго человѣка въ 1842 году, есть не что иное, какъ выписка изъ его книги „О Скудости и Богатствѣ“, открытой г. Погодинымъ и напечатанной имъ вмѣстѣ съ другими двумя сочиненіями того же автора. Многія мѣста очень любопытны. Мы ея потому не разбираемъ здѣсь, что г. Погодинъ очень мало говоритъ въ этой статьѣ отъ себя, а почти вездѣ подлинными словами Посошкова.

Изъ произведеній историко-литературной дѣятельности г. Погодина въ 1845 году, въ составъ разбираемой нами книги вошли двѣ статьи: „Параллель русской исторіи съ исторіей западныхъ европейскихъ государствъ относительно начала“, которая была уже напечатана въ книгѣ подъ заглавіемъ: „Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи“, и „За русскую старину“—статья, помѣщенная въ „Москвитянинѣ“. Обѣ проводятъ одну мысль, хотя и написаны по разнымъ поводамъ. Мы видѣли, что еще во вступительной лекціи, въ 1832 году, г. Погодинъ съ особенною любовью останавливался на параллелизмѣ между исторіею Россіи и европейскихъ государствъ, несмотря на несходство, даже противоположность Россіи съ Европой во многихъ отношеніяхъ. Ту же мысль встрѣтили мы даже въ статьѣ о мѣстничествѣ, написанной гораздо позже. Такимъ образомъ, она не только не была забыта авторомъ, но успѣла въ немъ развиться до послѣднихъ своихъ результатовъ. Не знаемъ, сознательно или безсознательно, только авторъ убѣдился наконецъ совершенно, что русская жизнь и европейская совершались хотя и на разныхъ почвахъ и подъ различными условіями, однако въ уровень, параллельно. Это невольно заставило его смотрѣть на наши событія съ европейской точки зрѣнія, видѣть въ нихъ чего въ нихъ не было, и придавать имъ смыслъ, котораго они не имѣли, и такимъ образомъ поставить наоборотъ все, что̀ у насъ совершалось. Быть можетъ, авторъ былъ увлеченъ потокомъ, необходимою послѣдовательностью мыслей, которымъ съ самаго начала

неосторожно поддался. Какъ бы то ни было, но результаты этого были печальны.

Проводя параллель между началомъ русскаго и европейскихъ государствъ, г. Погодинъ сдѣлалъ много ошибокъ, исказилъ пропасть фактовъ, прибѣгалъ къ страннымъ, удивительнымъ натяжкамъ, чтобъ остаться вѣрнымъ себѣ и своей мысли; жертвъ принесено этой мысли много. Подробный ея разборъ мы представимъ въ критикѣ „Изслѣдованій" г. Погодина объ русской исторіи, гдѣ эта статья напечатана. Рѣдко гдѣ можно встрѣтить столько парадоксовъ, такое произвольное обращеніе съ данными, какъ въ этой параллели...

Въ статьѣ „За русскую старину", въ послѣдней книгѣ, та же мысль является совсѣмъ въ другомъ видѣ. Въ „Параллели" она изложена догматически, спокойно, повѣствовательно; напротивъ, ратуя за старину, г. Погодинъ представляетъ ее какъ дѣло въ тяжбѣ, доказываемое и опровергаемое,—и, защищая ее, не вездѣ выдерживаетъ умѣренный тонъ; подчасъ, разгорячась, можетъ быть, выведенный изъ терпѣнія противниками, г. Погодинъ прибѣгаетъ къ доводамъ чрезвычайно категорическимъ, неопровержимымъ и въ особенности неопровергаемымъ. Мы это увидимъ яснѣе, разбирая статью, которая очень любопытна во многихъ отношеніяхъ.

Въ 1845 году, въ 25 нумерѣ „Московскихъ Вѣдомостей" помѣщена была статья подъ заглавіемъ: „Бретань и ея жители". Въ этой статьѣ, между прочимъ, было сказано, что „средній вѣкъ не существовалъ для нашей Руси, потому что и Русь не существовала для него". Мы твердо увѣрены, что авторъ крѣпко поостерегся бы написать эти столько невинныя слова, еслибъ онъ могъ напередъ предвидѣть, что изъ нихъ выйдетъ.

Г. Погодинъ взглянулъ на эти строки совсѣмъ другими глазами, чѣмъ мы, т.-е. онъ не только не нашелъ ихъ невинными, но, напротивъ, открылъ въ нихъ желаніе автора „бросить тѣнь на наши хроники", успѣлъ подслушать, какъ эти слова произнесены будто „съ состраданіемъ", разумѣется, къ Россіи. Такое намѣреніе, выходящее изъ обыкновенныхъ литературныхъ, напримѣръ, какъ еслибъ кто-нибудь назвалъ германскія владѣнія нашими пятидесятыми губерніями — должно было получить и чрезвычайный ходъ. Судить за тѣнь, брошенную на русскія лѣтописи, за сожалѣніе (кажущееся, подозрѣваемое), что у насъ не было среднихъ вѣковъ,—было бы слишкомъ слабо. Чтобы предупредить подобныя идеи на будущія времена, г. Погодинъ рѣшилъ, какъ водится, представить всевозможныя доказательства противъ нихъ и употребить всѣ средства, не разбирая, для уличенія виновнаго. Какъ тонкій и искусный адвокатъ отечественной исторіи, г. Погодинъ повелъ рѣчь издалека.

„Въ 1835-хъ годахъ, излагая. въ одномъ изъ журналовъ того времени систему Европейской Исторіи Гизо, только что появившуюся у насъ, я имѣлъ честь замѣтить знаменитому профессору объ его односторонности, и сказать, что исторію Запада нельзя выразумѣть вполнѣ, не обращая вниманія на другую половину Европы, на исторію Востока, *шедшаго съ нимъ параллельно*" (?)... „Не странно ли встрѣтить, даже въ образованномъ классѣ, людей столько запоздалыхъ, столько отсталыхъ или столько ослѣпленныхъ, которые, имѣя предъ своими глазами Петрову Россію, могутъ смѣло, не запинаясь, выговаривать, что этотъ колоссъ, готовый и вооруженный, *произошелъ изъ ничего, безъ всякаго предварительнаго приготовленія, безъ Средняго вѣка*" (стр. 437—439).

Замѣтьте, какъ разбираетъ вещи г. Погодинъ! Желая сдѣлать изъ русской исторіи „охранительницу и блюстительницу общественнаго спокойствія", онъ непремѣнно требуетъ, чтобъ и она имѣла свой средній вѣкъ, послѣ котораго, какъ извѣстно, и начала развиваться полиція предупредительная. Иначе у насъ она была бы невозможна, а это не допускается г. Погодинымъ. Затѣмъ подробно доказывается, что у насъ былъ средній вѣкъ:

„Средній вѣкъ у насъ былъ, скажу я неизвѣстному автору, былъ, какъ и въ Западной Европѣ, но только подъ другою формою; тотъ же процессъ у насъ совершался, какъ и тамъ; тѣ же задачи разрѣшались, только посредствомъ другихъ пріемовъ; тѣ же цѣли достигались, только другими путями".. „И у насъ было введено христіанство, только иначе, мирно и спокойно, съ крестомъ, а не съ мечемъ; и мы начали молиться единому Богу, но на своемъ языкѣ, понимая свои молитвы, а не перелепетывая чуждые звуки; и у насъ образовалось духовенство, но духовное, а не мірское; и мы преклонялись предъ нимъ, но предъ его словомъ и убѣжденіемъ, а не властію. Въ политическомъ отношеніи было также раздѣленіе, междоусобная война, централизація, единодержавіе. У насъ не было, правда, рабства, не было пролетаріевъ, не было ненависти, не было гордости, не было инквизиціи, не было феодальнаго тиранства, зато было отеческое управленіе, патріархальная свобода, было семейное равенство, было общее владѣніе, была мірская сходка; однимъ словомъ, въ Среднемъ вѣкѣ было у насъ то, о чемъ такъ старался Западъ

уже въ новомъ, не успѣлъ еще въ Новѣйшемъ и едва можетъ успѣть въ Будущемъ. Мы явили свои добродѣтели и свои пороки, мы совершили свои подвиги, мы имѣли свои прекрасные моменты, мы можемъ указать на своихъ великихъ людей"... (стр. 439 и 440).

Положимъ, что все это такъ же справедливо и основательно, какъ на самомъ дѣлѣ несправедливо, и выведено изъ одного внѣшняго сходства событій, которое ничего не доказываетъ; допустимъ на минуту, что мы пережили средній вѣкъ въ формѣ нѣсколько различной отъ европейской, но все-таки пережили. Спрашивается, какъ же явилась у насъ такая полная, радикальная реформа въ началѣ XVIII вѣка, и зачѣмъ она была нужна?

„Петръ Великій, по необходимости, вслѣдствіе естественныхъ географическихъ отношеній Россіи къ Европѣ, долженъ былъ остановить народное развитіе и дать ему на время другое направленіе" (стр. 441).

Хорошо. Стало-быть, эта необходимость была только внѣшняя, вовсе не условленная внутреннею неразвитостью? Спрашивается послѣ этого, какимъ же образомъ народъ, имѣвшій такое же богатое развитіе, какъ европейцы, не успѣлъ въ продолженіе своей жизни запастись противъ внѣшнихъ враговъ и на свою потребу всѣмъ тѣмъ, чѣмъ запаслись наши западные сосѣди? Вы скажете: да мы и запаслись, только наше было другое. Во-первыхъ, это несправедливо. Очень многаго у насъ не было, что̀ у нихъ было; многое мы давно уже отъ нихъ заимствовали — задолго до Петра; а во-вторыхъ, то, что̀ и было у насъ своего — было, однако, хуже европейскаго: это оказалось на самомъ дѣлѣ; ибо будь наше лучше, не мы бы у нихъ стали занимать, а они у насъ. Вотъ и доказательство, что мы жили вовсе не тою жизнью, какою Европа, а жизнью низшею; въ противномъ случаѣ, мы бы развились, правда, по своему, но не хуже ихъ, и когда установилось между нами общеніе, мы стали бы мѣняться другъ съ другомъ, а не становиться въ такія неравныя отношенія, въ какія стали со временъ реформы. Пропускаемъ всѣ ложные выводы автора изъ ложнаго основанія, что у насъ были средніе вѣка, какъ и въ Европѣ, — будто мы теперь, когда періодъ Петра Великаго окончился, начинаемъ припоминать себя, а не жить новою, никогда небывалою въ Россіи жизнью, будто для насъ начинаетъ становиться тяжкимъ иностранное иго, умственное и ученое, когда теперь мы ознакомились съ Европою едва ли не ближе, основательнѣе, чѣмъ когда-нибудь прежде и т. д. Пропускаемъ также не идущія къ дѣлу оправданія противъ литературныхъ нападеній, будто бы взводимыхъ на „Москвитянинъ". Публика и общественное мнѣніе уже рѣшили этотъ вопросъ окончательно, а по пословицѣ, „гласъ народа—гласъ Божій".

Поспѣшаемъ къ концу и статьи, и книги, который во многихъ отношеніяхъ особенно замѣчателенъ. Авторъ статьи о Бретани сказалъ между прочимъ, что мы навсегда распростились съ нашей неподвижной стариной, съ безвыходнымъ застоемъ кошихинской эпохи. Г-нъ Погодинъ, воспользовавшись случаемъ, восклицаетъ:

„Избави насъ Боже отъ застоя Кошихинской эпохи, но и сохраните насъ, Высшія Силы, отъ Кошихинскаго прогресса, — прогресса Кошихина, который измѣнилъ своему отечеству, отрекся отъ своей вѣры, перемѣнилъ свое имя, отказался отъ своего семейства, бросилъ своихъ дѣтей, женился на двухъ женахъ, и кончилъ свою несчастную жизнь отъ руки тѣхъ же иноплеменниковъ, достойно наказанный за свое легкомысленное и опрометчивое отступничество!"

Да, Кошихинъ—человѣкъ достойный всякаго сожалѣнія! Онъ былъ необыкновеннаго ума, какъ свидѣтельствуютъ объ немъ даже иностранцы, бывшіе объ насъ, особливо въ то время, очень низкаго мнѣнія.

Оканчивая статью, мы не можемъ сказать вмѣстѣ съ г. Погодинымъ: dixi et salvavi animam. Ставъ на такую ограниченную точку зрѣнія, какъ онъ, можно совершенно удовлетвориться нѣсколькими фразами, наставленіями и двусмысленными возраженіями, стремящимися не къ видимой цѣли, а... гораздо далѣе.

(Отеч. Записки, 1847, кн. 1).

ИЗСЛѢДОВАНІЯ С. М. СОЛОВЬЕВА.

Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ. Историческое изслѣдованіе. С. Соловьева. *Москва. 1845.*

Это весьма замѣчательное сочиненіе объ одной изъ самыхъ сбивчивыхъ, запутанныхъ эпохъ и сторонъ древней русской исторіи. Главная задача, какъ видно изъ заглавія, опредѣлить, въ какихъ отношеніяхъ находился Новгородъ къ великимъ князьямъ древней Россіи, отъ такъ называемаго начала русской исторіи, до окончательнаго покоренія Новгорода Іоанномъ III въ 1477 году. Эта задача рѣшена прекрасно. Г. Соловьевъ не удовольствовался общими мѣстами и пустыми разсужденіями, а раскрылъ лѣтописи, тщательно свѣрилъ ихъ (въ чемъ можно удостовѣриться, взглянувъ на примѣчанія, приложенныя въ концѣ книги), вникъ очень подробно въ отношенія князей и княжескихъ линій Рюрикова дома, какъ между собою, такъ и къ Новгороду, и изложилъ эти отношенія исторически, слѣдя изъ года въ годъ за однообразными, скучными перемѣнами князей въ Новгородѣ и борьбой князей, когда она могла пояснить новгородскія событія. Одна эта чисто-историческая или, лучше, фактическая часть диссертаціи—большая заслуга автора. Пора же наконецъ видѣть событія старой Руси, разсказанныя или просто, или критически, но безъ вычуръ, безъ литературныхъ прикрасъ, какими испещрена „Исторія“ Карамзина. Въ томъ видѣ, какъ изложилъ ихъ г. Соловьевъ, эти событія могутъ прямо войти въ любой прагматическій курсъ русской исторіи.

По изслѣдованіямъ г. Соловьева, новгородцы, съ тѣхъ поръ, какъ Олегъ съ варяжскою дружиною удалился въ Кіевъ, постоянно признавали своимъ княземъ старшаго въ родѣ Ярослава и обыкновенно княжившаго въ Кіевѣ; они подчинялись ему вполнѣ, принимали отъ него князей и посадниковъ, платили дань, давали войско, подлежали его суду и наказанію наравнѣ съ другими подданными. Но съ XII вѣка эти отношенія начали измѣняться. Новгородцы неохотно принимаютъ во второй разъ Всеволода Мстиславича, внука Мономахова. Власть вѣча высказывается. Этотъ князь, по мнѣнію г. Соловьева, принимается въ Новгородѣ съ условіями, ограниченіями, которыя могли послужить основаніемъ для послѣдующихъ ограниченій княжеской власти, содержащихся въ извѣстныхъ новгородскихъ договорныхъ грамотахъ (онѣ не восходятъ ранѣе половины XIII вѣка). Съ этого времени, Новгородъ начинаетъ избирать себѣ князей, посадниковъ, тысяцкихъ (нѣсколько позже — владыкъ). Избираетъ онъ въ князья до усиленія сѣверо-восточной Россіи, сильнѣйшихъ русскихъ князей, какими были, особливо сначала, князья кіевскіе. Когда было нѣсколько сильныхъ князей, враждовавшихъ между собою, новгородцы избирали такого, который былъ нейтраленъ и не навлекалъ гнѣва или недоброжелательства борющихся на Новгородъ. Наконецъ выступаетъ на поприще историческаго дѣйствованія сѣверо-восточная Россія. Переходы князей изъ города въ городъ кончились. Начали усиливаться княженія. Новгородъ, предчувствуя, что ему не сохранить своей вольности, если одно изъ княженій рѣшительно усилится надъ другими, поддерживалъ всегда слабѣйшія княженія противъ сильнѣйшихъ: Москву противъ Твери, Нижній-Новгородъ противъ Москвы. Когда же Москва возвысилась надъ всѣми другими княженіями, Новгородъ прибѣгнулъ къ послѣднему, отчаянному средству, чтобы спасти свою вольность: онъ выбралъ князя литовскаго. Но это избраніе не спасло его. Старый порядокъ вещей, котораго Новгородъ былъ послѣднимъ представителемъ въ Россіи, долженъ былъ уступить новому. Новгородъ былъ покоренъ Іоанномъ III.

Въ такомъ видѣ представляются отношенія Новгорода къ князьямъ и областямъ древней Россіи. Внутреннія отношенія новгородскихъ князей къ самому Новгороду равнымъ

образомъ изслѣдованы авторомъ. Изъ его изслѣдованій открывается, что съ того времени, какъ Новгородъ началъ избирать своихъ князей, онъ ограничилъ власть ихъ: но эти ограниченія не были постоянныя. Были временами въ Новгородѣ князья, которыя правили имъ неограниченно „на всей волѣ своей", какъ прежде князья кіевскіе, и потомъ, послѣ 1477 года, цари московскіе. Обыкновенно же князья управляли Новгородомъ „на всей волѣ его". Это значило, что князь подчинялся всѣмъ условіямъ, которыя предписывали ему новгородцы. Эти условія ограничивали его власть въ отношеніи къ суду, управленію и доходамъ. Но власть князя и власть вѣча были совершенно равныя и существовали чрезъ всю новгородскую исторію одна подлѣ другой, несмотря на свою противоположность.

„Князь призывается для установленія *наряда внутренняго*, какъ судья, миротворецъ. Но если князь былъ необходимъ въ Новгородѣ болѣе въ качествѣ судьи, нежели полководца, то ясно, каковы долженствовали быть границы его судной власти. Если князь призывался какъ посредникъ, на судъ котораго всѣ стороны должны были полагаться, то очевидно, что надъ судомъ князя не могло быть никакого другого верховнаго суда; княземъ могли быть не довольны, если онъ судилъ пристрастно, если онъ вмѣсто того, чтобъ умирить стороны, еще болѣе усиливалъ раздоръ; князя могли изгнать за это при возможности, но не могли подчинить его судъ суду высшему, ибо тогда уничтожилось бы все значеніе князя, исчезла бы его необходимость. Вотъ причина, почему князь въ Новгородѣ является судьею верховнымъ, не признающимъ надъ собою никакого высшаго суда. Князь, призванный въ качествѣ судьи, посредника, исключалъ собственно судную власть вѣча, но граждане не могли понимать идеи исключительнаго представительства, которую мы соединяемъ съ идеею властителя, и потому вѣче не отказалось отъ правъ своихъ рѣшать судьбу города во всѣхъ важныхъ случаяхъ; оно смотрѣло на князя какъ на лицо необходимое, какъ на посредника, долженствующаго постоянно присутствовать среди гражданъ, чтило въ немъ это достоинство, никогда не думало подчинять его себѣ, дѣлать изъ него своего чиновника, но между тѣмъ само не подчинялось ему; городъ оставался по прежнему государемъ самовластнымъ, а князь является подлѣ него также какъ владѣтель независимый, избранный для посредничества и военачальства. Это странное двоевластіе, сопоставленіе власти княжеской и власти вѣча другъ подлѣ друга на правахъ равныхъ, выражаются повсюду; повсюду подлѣ князя является Великій Новгородъ. Но ясно, что такое сопоставленіе двухъ властей, такая неопредѣленность ихъ отношеній вызывала постоянное столкновеніе: князь, въ качествѣ верховнаго судьи, смотрѣлъ на каждое самоуправство вѣча какъ на мятежъ, на похищеніе правъ своихъ; съ другой стороны, граждане смотрѣли на князя, какъ на постороннягo посредника, и не понимали, что должны отказаться отъ права любить добрыхъ и казнить злыхъ. Когда князь, оскорбленный своеволіемъ вѣча, изъявлялъ свой гнѣвъ и приказывалъ намѣстнику своему удалиться, то граждане съ удивленіемъ спрашивали: „за что гнѣвается князь, развѣ мы его оскорбили? вѣдь мы казнили свою братью". Такой порядокъ вещей, такая неопредѣленность въ отношеніяхъ между двумя сопоставленными властями, могли существовать только въ началѣ, ибо съ теченіемъ времени постоянныя столкновенія вызывали необходимо борьбу, при чемъ отношенія должны были опредѣляться въ пользу той или другой власти; но что же мы должны заключить, когда по прошествіи нѣсколькихъ столѣтій находимъ въ Новгородѣ первоначальный порядокъ вещей, первоначальную неопредѣленность? Мы должны заключить, что обѣ власти были задержаны въ своемъ развитіи: власть вѣча не могла развиваться далѣе извѣстнаго предѣла; призвавъ на помощь власть чуждую, власть княжескую, вѣче тѣмъ самымъ показало, что оно не заключаетъ въ самомъ себѣ необходимыхъ условій для достиженія общественной цѣли; правда, ослабленіе власти княжеской дало вѣчу возможность смѣнять князя, предписывать ему извѣстныя условія; но, смѣнивъ одного князя, вѣче немедленно призывало другого и тѣмъ самымъ показывало необходимость послѣдняго и собственную недостаточность; слѣдовательно, князь былъ необходимъ не какъ чиновникъ, подчиненный вѣчу, но какъ верховный судья и посредникъ независимый; на это значеніе князя вѣче не могло посягнуть: вотъ предѣлъ, далѣе котораго власть его не могла усиливаться; вотъ почему князь сохранялъ постоянно характеръ судьи верховнаго и независимаго. Но если князь былъ призываемъ какъ лицо необходимое для народа, для міра внутренняго, то откуда проистекаетъ явленіе, что князь не пользуется выгодою своего положенія, необходимостью, которую городъ въ немъ чувствовалъ, и вмѣсто того, чтобъ предлагать самому условія, принимаетъ ихъ отъ вѣча? Это явленіе проистекаетъ отъ того, что выгода, бывшая на сторонѣ князя, какъ лица необходимаго, перевѣшивалась на сторонѣ вѣча возможностію выбирать изъ многихъ князей, мѣнять ихъ по произволу. Слѣдовательно, вотъ причина ослабленія власти княжеской; вотъ почему князь такъ долго не могъ опредѣлить своихъ отношеній къ вѣчу въ свою пользу, позволялъ послѣднему существовать подлѣ себя на правахъ равныхъ".

Вотъ главные результаты изслѣдованій объ отношеніи Новгорода къ великимъ князьямъ. Еслибъ г. Соловьевъ ограничился однимъ этимъ, мы и тогда сказали бы ему спасибо за многія новыя и дѣльныя замѣчанія, за прекрасное изложеніе, за строго-фактическій разсказъ исторіи новгородскихъ князей, и за добросовѣстное рѣшеніе вопроса, основанное на тщательномъ изученіи источниковъ.

Но г. Соловьевъ сдѣлалъ гораздо болѣе. По поводу внутренняго устройства Новгорода и его отношеній къ князьямъ, онъ высказалъ

совершенно новый, замѣчательно оригинальный взглядъ на весь періодъ удѣловъ. По его мнѣнію, всѣ древнѣйшіе города Россіи, подобно Новгороду, имѣли вѣчевое управленіе. Въ нихъ господствовало народовластіе, развившееся изъ первоначальнаго, родоваго быта русскихъ славянъ. Это вѣчевое управленіе долго удерживалось въ юго-западной Россіи, вслѣдствіе особенныхъ историческихъ обстоятельствъ.

„Общность, нераздѣльность владѣнія одного рода (княжескаго Рюрикова) всею (русскою) землею, съ правомъ старшихъ на лучшіе удѣлы, условливало постоянное движеніе, перемѣщеніе князей изъ одной области въ другую, изъ одного города въ другой. Если бы эти перемѣщенія слѣдовали постоянно порядку старшинства, еслибы они были подчинены постоянно одному, всѣми равно признаваемому закону, то это отстранило бы всякія враждебныя столкновенія между князьями, и постоянство ихъ взаимныхъ родовыхъ отношеній дало бы имъ возможность сообщить постоянство и своимъ отношеніямъ къ народонаселенію управляемому. Но стремленіе нѣкоторыхъ линій исключить другія изъ права необходимо вызывала со стороны послѣднихъ стремленіе поддержать его, слѣдствіемъ чего были междоусобія. Какъ скоро смѣна князей перестала подчиняться одному общепринятому закону старшинства, какъ скоро получили мѣсто частныя изъ него исключенія въ пользу достойнѣйшаго, сильнѣйшаго или болѣе смѣлаго, то города не могли долго оставаться праздными въ этой борьбѣ, гдѣ дѣло шло объ ихъ судьбѣ или, по крайней мѣрѣ, объ ихъ потеряхъ или выгодахъ; какъ скоро послѣдовало нарушеніе права всѣмъ извѣстнаго и всѣми принятаго, то силѣ открылось обширное поприще продолжать нарушеніе права, силу же должно было употреблять и для поддержанія права: при такомъ господствѣ силы, сила городового народонаселенія способная дать перевѣсъ той или другой сторонѣ, не могла остаться безъ важнаго значенія; борющіеся за свои права князья начали стараться пріобрѣтать эту силу, начали стараться пріобрѣтать приверженность жителей тѣхъ городовъ, владѣнія которыми добивались; но за эту приверженность они должны были необходимо давать нѣкоторое вознагражденіе, то есть поступаться нѣкоторыми правами своими въ пользу гражданъ. Раздѣленіе, распри въ семействѣ князей, въ родѣ правителей, должны были необходимо отражаться въ раздѣленіяхъ и распряхъ городского народонаселенія; безпрерывная смѣна правителей, частое ихъ отсутствіе, заставляли гражданъ находиться въ постоянномъ движеніи, принимать дѣятельное участіе въ дѣлахъ правленія, что поддерживало древнія формы вѣчевого народовластія".

Вслѣдствіе этого участія гражданъ въ правленіи, власть князей въ юго-западной Россіи была часто ограничиваема договорами между ними и городами (точно такъ же, какъ въ Новгородѣ):

„Лѣтописецъ говоритъ, что не только Ольговичи, но и Мономаховичи заключали ряды съ гражданами кіевскими. Такимъ образомъ безпрерывное движеніе, безпрерывная смѣна князей вслѣдствіе родовыхъ отношеній воспрепятствовали развитію княжеской власти въ старыхъ городахъ, привыкшихъ къ вѣчевому народовластію, и дали даже имъ возможность опредѣлять иногда свои отношенія къ князьямъ въ свою пользу. Еще сильнѣе, чѣмъ въ Кіевѣ, является власть вѣча въ другихъ старыхъ городахъ: возможность выбора между многими враждебными князьями дала имъ возможность смѣнять ихъ безнаказанно; такъ этою возможностью пользуются жители Смоленска и Полоцка; однимъ словомъ, во все продолженіе такъ называемаго удѣльнаго періода въ старыхъ городахъ власть князя и власть вѣча находятся другъ подлѣ друга въ неопредѣленныхъ отношеніяхъ, и вѣче является у лѣтописца принадлежностью всѣхъ городовъ старыхъ, при чемъ Новгородъ причисляется къ послѣднимъ безо всякаго особаго отличія".

Но подлѣ старыхъ городовъ явились впослѣдствіи новые города, „пригороды", которые не имѣли самостоятельности старыхъ и въ которыхъ поэтому князья владычествовали неограниченно.

„Но подлѣ этихъ городовъ, изъ которыхъ многіе существовали еще гораздо прежде прихода князей варяжскихъ и привыкли къ вѣчевому народовластію, основалось впослѣдствіи множество другихъ, новыхъ. Семейныя славянскія понятія, отразившіяся на отношеніяхъ князей, отразились также и на отношеніяхъ городовъ, вслѣдствіе чего города новопостроенные вошли къ древнимъ въ отношеніе младшихъ къ старшимъ, то-есть должны были находиться въ волѣ послѣднихъ; отсюда младшіе города, или пригороды, не имѣли самостоятельнаго быта и во всемъ зависѣли отъ рѣшенія старшихъ, которые для ихъ управленія посылали своего посадника или тіуна; эта совершенная зависимость выражается въ лѣтописи такъ: „на чемъ старшіе положатъ, на томъ и пригороды станутъ". Ясно, что въ этихъ младшихъ городахъ, не имѣвшихъ самостоятельности, привыкшихъ повиноваться вѣчевымъ приговорамъ старшихъ, княжеская власть могла развиться гораздо свободнѣе; ясно, что въ этихъ-то городахъ долженъ былъ родиться новый порядокъ вещей, должно было произстечь самодержавіе".

Неограниченная власть князей не могла возникнуть въ юго-западной Россіи; она возникаетъ въ сѣверо-восточной.

„Но этотъ новый порядокъ вещей изъ городовъ новыхъ не могъ произойти на югѣ, ибо здѣсь старыхъ городовъ было такъ много, что они могли пересиливать вліяніе младшихъ; въ старыхъ городахъ старшіе князья утвердили свои столы, и тѣмъ сообщили имъ вѣсъ и знаменитость; съ распространеніемъ членовъ княжескаго семейства, новые города начали отдаваться въ младшіе удѣлы младшимъ членамъ; пріобрѣтши чрезъ это независи-

мость отъ старшихъ, они не могли не слѣдовать ихъ близкому примѣру, ибо вступали въ подобныя же отношенія къ своимъ князьямъ; эти князья, при своей неосѣдлости, ждали только случая покинуть младшій удѣлъ для старшаго, и не имѣли ни времени, ни охоты пользоваться выгоднымъ положеніемъ своимъ въ новыхъ городахъ. Не такъ было на сѣверѣ. Въ обширной области, граничащей съ одной стороны съ областями, принадлежавшими изгнанной линіи Ольговичей, а съ другой соприкасавшейся съ владѣніями Великаго Новгорода, въ этой суровой и почти дикой странѣ, возвышался только одинъ древній городъ, упоминаемый лѣтописцемъ еще до прихода варяговъ: это былъ Ростовъ-Великій, отъ котораго вся окружная страна получила названіе Земли Ростовской. Бывши удѣломъ св. Бориса, отдаленный Ростовъ, во время разсылки дѣтей Ярославовыхъ, утратилъ свое мѣсто между старшими удѣлами и причисленъ былъ къ Области Переяславской, удѣлу Всеволодову Скоро начали возникать около него города новые: сынъ Мономаха, Юрій, особенно прославилъ себя, какъ строитель неутомимый. Такимъ образомъ ростовская область наполнилась городами младшими, среди которыхъ возвышался одинокій Ростовъ. Такое преобладаніе младшихъ городовъ не могло оставаться безъ послѣдствій, особенно если обратить вниманіе на то, что всѣ они были построены и населены князьями; получивъ отъ князя свое бытіе, они необходимо считали себя его собственностью. Такимъ образомъ на сѣверѣ, въ Области Ростовской, вокругъ старыхъ вѣчниковъ, князь создалъ себѣ особый міръ городовъ, гдѣ былъ властелиномъ неограниченнымъ, хозяиномъ полновластнымъ. Развитію этого полновластія въ области ростовской благопріятствовали еще другія обстоятельства: какъ прежде стремленіе князей варяжскихъ съ дружинами было направлено на Югъ, къ Византіи, и области нынѣшней Россіи были для нихъ только путемъ (восточнымъ—греческимъ), а города ея—мѣстомъ остановки; такъ впослѣдствіи это стремленіе не перемѣнило своего направленія на югъ, но получило уже другую цѣль, другую Византію—то былъ Кіевъ, старѣйшій и богатѣйшій изъ городовъ русскихъ, владѣніе которымъ давало старшинство между братьевъ; около него толпились которующіеся князья; города имѣли знаменитость и привлекательность по мѣрѣ отдаленія отъ Кіева; домогались Переяславля или Владиміра-Волынскаго, Вышгорода или Бѣлгорода, не любили дальняго Новгорода, презирали еще болѣе отдаленнымъ Ростовомъ, въ странѣ бѣдной и дикой. Отсюда Область Ростовская считалась мѣстомъ изгнанія, удѣломъ самымъ младшимъ. Мономахъ отдалъ ее младшему изъ сыновей, Юрію. Послѣдній раздѣлялъ общую всему княжескому роду привязанность къ югу, Кіеву и землѣ русской, и считалъ себя отлученнымъ изгнанникомъ на сѣверѣ... Не такъ уже думалъ сынъ его Андрей. Рожденный и воспитанный въ помѣстьяхъ отца, въ городахъ, имъ основанныхъ, Андрей любилъ сѣверъ какъ родину, и еще болѣе любилъ новые города за ихъ приверженность къ потомству основателя, за ихъ повиновеніе безпрекословное... Все это заставило его, вопреки волѣ отцовской, удалиться въ наслѣдственную область; Юрій завѣщалъ ее самымъ младшимъ сыновьямъ; но Ростовцы измѣнили клятвѣ, данной старому князю, и охотно приняли Андрея, спасаясь тѣмъ отъ позора быть всегда достояніемъ самыхъ младшихъ въ родѣ. Но они ошиблись въ своемъ разсчетѣ; на сѣверѣ пробилъ часъ для господства старыхъ городовъ и старыхъ формъ, господство младшихъ городовъ и новаго порядка вещей началось. Андрей, прибывъ на сѣверъ, утвердилъ свое пребываніе не въ Ростовѣ, и даже не въ Суздалѣ, но въ городахъ новыхъ, Владимірѣ и Боголюбовѣ, предпочитая второй, какъ новѣйшій. Здѣсь, окруженный преданностью и покорностью новаго народонаселенія, Андрей принимаетъ характеръ самодержца. Бывъ на югѣ самымъ безстрашнымъ изъ бойцевъ, даже въ геройской семьѣ Мономаховичей, на сѣверѣ, Андрей сложилъ съ себя характеръ полководца, доселѣ господствовавшій въ князьяхъ, и принялъ характеръ правителя: онъ уже не ходилъ болѣе самъ на войну, но посылалъ сыновей и воеводъ, вслѣдствіе чего и дружина, сонмъ храбрецовъ, безотлучныхъ товарищей, друзей храбраго князя, измѣнила свой воинскій характеръ и стала дворомъ. Однимъ словомъ, въ областяхъ Андрея все принимаетъ совершенно другой видъ, чѣмъ на югѣ, все принимаетъ характеръ осѣдлости, прочности, постоянства. Мы видѣли, что этотъ новый характеръ произошелъ изъ природы новыхъ городовъ, господствовавшихъ по числу своему на сѣверѣ; изъ природы ихъ отношеній къ князю мы видѣли, что эти города, по своему происхожденію, смотрѣли на князя, какъ на господина полновластнаго, и князь смотрѣлъ на нихъ, какъ на собственность неотъемлемую; отсюда понятіе собственности, неотъемлемости, отдѣльности владѣнія, переходящаго изъ рода въ родъ по волѣ князя-владѣльца, имѣющаго право располагать имъ, начинаетъ господствовать на сѣверѣ въ противоположность господствующему на югѣ понятію общности, нераздѣльности владѣнія; на сѣверѣ является въ первый разъ *завѣщаніе*, знакъ, что князь завѣщающій имѣетъ собственность, которою можетъ располагать произвольно, чего не могло быть на югѣ, гдѣ великій князь не имѣлъ ничего, собственно ему принадлежащаго; вся страна была въ общемъ владѣніи рода, и при каждой смѣнѣ великій князь новый, какъ старшій въ родѣ, дѣлалъ рядъ съ младшею братьею, чѣмъ кому владѣть, или, вѣрнѣе сказать, чѣмъ кому кормиться. Пусть на сѣверѣ повторятся тѣ же самыя явленія, что на югѣ, пусть Ростовская Область раздробится, и великое княженіе, съ стольнымъ городомъ Владиміромъ, будетъ переходить къ старшему въ родѣ: въ самомъ способѣ дѣленія лежитъ уже другое начало, которое необходимо повлечетъ за собою другія явленія. Здѣсь членъ княжескаго семейства, получивъ удѣлъ, смотритъ на него, какъ на собственность неотъемлемую; пусть получитъ онъ великое княженіе, онъ не поѣдетъ жить въ стольный городъ, но останется въ своемъ родовомъ отчинномъ городѣ, въ своемъ наслѣдственномъ удѣлѣ, гдѣ онъ всѣхъ знаетъ и всѣ его знаютъ, и всѣ къ нему привержены; при смерти онъ опять раздробитъ этотъ удѣлъ между сыновьями; но это раздробленіе будетъ носить тотъ же самый характеръ: каждый князь будетъ отдѣльнымъ владѣльцемъ въ своемъ удѣлѣ и не перемѣнитъ его ни на какой другой: на немъ сосредоточитъ всѣ свои

попеченія, его будетъ улучшать, его увеличивать; но какъ можетъ произойти это увеличеніе? На югѣ великій князь, по праву старшаго, по праву отца, могъ наказать ослушнаго князя отнятіемъ у него удѣла; тотчасъ отдавалъ отнятый городъ другому князю, сыну или племяннику, и при новомъ рядѣ между князьями этотъ городъ могъ перейти совершенно въ другую линію, и потому здѣсь отнятіемъ удѣловъ, изгнаніемъ князей одинъ родъ исключалъ другой, но область одного княжества не увеличивалась на счетъ другого. Совершенно другое явленіе видимъ мы на сѣверѣ. Здѣсь собственность господствуетъ надъ родовыми отношеніями; каждый князь смотритъ на себя, какъ на отдѣльнаго владѣльца извѣстной области, а не какъ уже на члена извѣстнаго рода, извѣстной линіи; отсюда родственная связь слабѣетъ, а послѣ и совершенно рушится; великій князь отнимаетъ какой-нибудь удѣлъ, и тотчасъ присоединяетъ его къ своему наслѣдственному удѣлу, называетъ это своимъ промысломъ, прибыткомъ, и не дѣлится съ родомъ, съ братьями; отсюда открывается свободный путь увеличенію одного княжества на счетъ другого, сильнѣйшаго на счетъ слабаго. На югѣ великій князь былъ силенъ только своимъ нравственнымъ вліяніемъ, какъ старшій въ родѣ, политической же силы не имѣлъ никакой, особенно впослѣдствіи, когда удѣлъ великокняжескій ограничивался почти однимъ Кіевомъ; на сѣверѣ, наоборотъ, великій князь былъ необходимо сильнѣе всѣхъ прочихъ, ибо по раздробленіи Ростовской Области на отдѣльные удѣлы, владѣлецъ одного изъ нихъ, становясь великимъ княземъ, не отчуждалъ своего прежняго наслѣдственнаго удѣла; слѣдовательно къ удѣлу, равнявшему его въ силѣ съ остальными князьями, онъ присоединялъ еще область великаго княженія, никогда не дробившуюся, и такимъ образомъ увеличивалъ свою силу, не въ примѣръ предъ остальными князьями. Отсюда необходимое слѣдствіе: если какимъ-нибудь случаемъ великокняжеское достоинство будетъ нѣсколько разъ сряду доставаться князьямъ одного и того же удѣла, то эти князья, пользуясь своею силою, необходимо поработятъ всѣхъ прочихъ и станутъ единовластителями: такъ точно и поступили московскіе князья. Притомъ обычай сѣверныхъ князей при полученіи великокняжескаго достоинства оставаться въ отчинномъ городѣ, повлекъ къ раздѣленію на многія великія княжества, слѣдовательно къ совершенному разрушенію единства рода Ярославова и Мономахова, къ совершенному ослабленію родственныхъ отношеній. Прежде единство княжеской семьи поддерживалось однимъ великимъ княземъ, однимъ общимъ патріархомъ, въ которомъ всѣ остальные князья чтили отца. Боголюбскій овладѣлъ Кіевомъ, не поѣхалъ туда и остался во Владимірѣ Клязьменскомъ; Кіевъ въ глазахъ всѣхъ князей и всѣхъ русскихъ не могъ утратить своего прежняго величія, прежняго достоинства какъ старѣйшій городъ въ русской землѣ; его князья, особенно умѣвшіе поддержать свое достоинство, какъ, напримѣръ, Святославъ Всеволодовичъ, назывались также великими князьями; съ другой стороны, Владиміръ, разъ ставши стольнымъ великокняжескимъ городомъ, не утратилъ этого значенія, и князья его продолжали именоваться великими; такимъ образомъ съ появленіемъ двухъ великихъ князей единство потомства Ярославова рушилось, Россія раздѣлилась на двѣ части, княжеская семья на два особые рода, съ двумя старшими, двумя патріархами; то же явленіе повторилось въ Сѣверной Руси, когда тверской князь, ставши великимъ, остался въ Твери, московскій – въ Москвѣ; Тверь и Москва стали великими княженіями, Рязань и Нижній-Новгородъ послѣдовали ихъ примѣру, явилось нѣсколько особыхъ родовъ княжескихъ, особыхъ государствъ, независимыхъ и враждебныхъ другъ другу; князья были уже не братья, не дѣти одного отца, но владѣльцы-соперники; сила получила право прекратить борьбу, соперничество въ свою пользу, и Москва воспользовалась этимъ правомъ. Такъ для собранія земли русской въ одно могущественное цѣлое, для сообщенія ей единства государственнаго, необходимо было раздѣленіе областей, ослабленіе родственныхъ связей въ потомствѣ Ярослава, отчужденіе родовъ и линій княжескихъ другъ отъ друга. Это могло произойти только тогда, когда понятія собственности, наслѣдственности владѣнія, начали господствовать надъ понятіями семейными, когда родовыя отношенія князей между собою замѣнились отношеніями ихъ, какъ правителей, къ своимъ подданнымъ, когда земля, область, городъ, привязали къ себѣ князя тѣсными узами собственности, сдѣлали его осѣдлымъ. Эта осѣдлость князей, начавшаяся на Сѣверѣ, въ Области Ростовской, оканчиваетъ такъ называемый періодъ удѣльный, періодъ, характеризуемый господствомъ родовыхъ отношеній. Андрей Боголюбскій, оставшись во Владимірѣ, и по признаніи себя старѣйшимъ въ родѣ или великимъ княземъ, начинаетъ новый періодъ борьбы между старымъ порядкомъ вещей и новымъ. Начало этой борьбы обозначилось борьбою старыхъ городовъ съ новыми, а именно: Ростова-Великаго съ Владиміромъ Клязьменскимъ; окончательное торжество новаго порядка вещей надъ старымъ обозначилось борьбою Новгорода съ Москвою и торжествомъ послѣдней“.

Кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ нашими источниками, знаетъ взгляды, или, лучше, отсутствіе всякихъ взглядовъ на древнюю русскую исторію, тотъ, конечно, оцѣнитъ мысль г. Соловьева. Не говоря уже о томъ, что въ ней много поразительно вѣрнаго, остроумно подмѣченнаго, она потому заслуживаетъ особеннаго вниманія, что представляетъ первую серьезную попытку понять и объяснить постепенное развитіе древней русской жизни. Этого до г. Соловьева никто еще не дѣлалъ, по крайней мѣрѣ печатно, не исключая самого Карамзина. „Исторія“ Карамзина принадлежитъ болѣе къ изящной, чѣмъ къ исторической литературѣ (кромѣ примѣчаній, которыя представляютъ богатое собраніе матеріаловъ и источниковъ). Карамзинъ обращалъ болѣе вниманія на внѣшнія событія, чѣмъ на внутреннія. Онъ мало понималъ послѣдовательное, внутреннее разви-

тіе русской жизни: это видно изъ его обозрѣній эпохъ русской исторіи, изъ взгляда на царствованіе Іоанна Грознаго,—словомъ, вездѣ, гдѣ онъ говоритъ о внутреннихъ событіяхъ. Конечно, въ „Исторіи“ Карамзина встрѣчаются намеки на мысль, которую развилъ г. Соловьевъ въ своей диссертаціи; но имъ едва ли можно придавать какую-нибудь важность. Карамзинъ обладалъ огромнымъ знаніемъ источниковъ древней русской исторіи: еслибъ онъ нарочно гналъ отъ себя мысли—какъ дѣлаютъ нѣкоторые изслѣдователи — онѣ навязывались бы ему невольно. Дѣло состоитъ въ томъ, что Карамзинъ не искалъ въ фактахъ мысли, не останавливался надъ ними, не прослѣдилъ ихъ развитія въ исторіи, какъ г. Соловьевъ, а передавалъ ихъ отрывочно, безсвязно, какъ онѣ высказывались въ фактахъ. Конечно, нельзя ставить это въ вину исторіографу: онъ имѣлъ другую цѣль, другое призваніе. И время было другое. Но нельзя же опять не сказать, что это было такъ,—amicus Plato, sed magis amica veritas. Карамзинъ не глубоко смотрѣлъ на исторію. Это и даетъ намъ право назвать взглядъ г. Соловьева вполнѣ новымъ, оригинальнымъ и самостоятельнымъ, хотя на него и есть намеки въ „Исторіи“ Карамзина.

Что же касается до нашей историко юридической литературы послѣ Карамзина, то врядъ ли можно упрекнуть ее въ особенномъ обиліи взглядовъ на древнюю русскую исторію. Лучшая ея часть посвящена собранію и обнародованію источниковъ, или ихъ критическому изданію. Самую незначительную, по объему, составляютъ чисто-фактическія, спеціальныя розысканія; изъ нихъ большая часть направлена на предметы любопытства, роскоши, а не первостепенно-важные, существенные. Затѣмъ остается нѣсколько журнальныхъ статей, въ которыхъ мѣстами встрѣчается что-то похожее на общіе взгляды. Но что это за взгляды! Тяжело сознаться, а они доказываютъ, что въ дѣлѣ исторіи мы еще юноши, что въ насъ историческій смыслъ слабъ и далеко не развитъ. Вмѣсто того, чтобъ высказывать необходимый законъ, по которому совершалась древняя русская исторія—законъ, выразившійся въ историческихъ событіяхъ, — эти взгляды высказываютъ только любимую мысль автора, почерпнутую Богъ знаетъ откуда, можетъ быть изъ вольнаго воображенія, только навѣрное не изъ фактовъ. Напротивъ, эту мысль насильно вставляютъ въ факты! Какая нужда, что, при такой операціи, факты, не поддающіеся любимой мысли, оставляются въ тѣни, поддающіеся, да плохо, искажаются, а внѣ цѣлой системы фактовъ не имѣющіе никакого значенія поставляются на первомъ планѣ? Для незнающихъ взглядъ сталъ правдоподобенъ: чего же больше? Такой романтизмъ, господствующій въ современныхъ историческихъ изслѣдованіяхъ, и лозунгами котораго почти всегда мысли самыя недѣйствительныя, не-историческія, преимущество Руси передъ Россіею и словенскаго міра передъ романо-германскимъ, —такой романтизмъ, говоримъ мы, свидѣтельствуетъ только, что до истинной, дѣйствительной исторической науки намъ еще очень, очень далеко. Странное дѣло! Не имѣя никакой исторической основы, блуждая въ мечтаніяхъ и отвлеченныхъ мысляхъ, этотъ романтизмъ воображаетъ, что онъ-то и есть истинное историческое направленіе. Спросите его защитниковъ—они смѣло вамъ отвѣтятъ, что, кромѣ фактовъ, они ничему не вѣрятъ, что взглядовъ и теорій русской исторіи, особенно древней, они терпѣть не могутъ, потому что эти взгляды, изволите видѣть, теперь еще преждевременны, факты мало извѣстны, и мысль заражена европейской наукой. Вы спросите: да какъ же все это клеится? Не вдумывайтесь слишкомъ глубоко: они и васъ, и себя обманываютъ! Пока, по малоизвѣстности фактовъ и совершенному отсутствію историческаго смысла, отвлеченнымъ взглядамъ и теоріямъ было раздолье, историческій романтизмъ высказывался прямо и смѣло. Тогда онъ имѣлъ и задушевную мысль, и былъ добросовѣстенъ и — отдадимъ ему справедливость—имѣлъ свое, правда, временное, преходящее, но все же хоть какое-нибудь значеніе. Теперь не то. Теперь и исторія двинулась впередъ, и историческаго смысла въ насъ прибавилось, и факты древней русской исторіи стали извѣстнѣе, доступнѣе. Историческому романтизму стало и тѣсно, и какъ-то неловко, какъ русской старинѣ, которой онъ былъ поборникомъ. Онъ и самъ это смекнулъ; но что жъ было ему дѣлать? Отказаться отъ самого себя? На это у него не достало ни силъ, ни мужества, какъ у всякаго старика, пережившаго свой вѣкъ. Въ сознаніи своего безсилія, историческій романтизмъ прикинулся ультра-историческимъ направленіемъ: вѣдь нужно же было, когда все кругомъ измѣнилось, придать благовид-

ный предлогъ своему существованію. Вѣкъ пересталъ вѣрить въ призраки воображенія, въ отвлеченные взгляды; онъ сталъ серьезенъ, сталъ требовать на все доказательствъ, фактовъ; романтизмъ спрятался за факты. Онъ не о томъ хлопоталъ, чтобы новые взгляды на древнюю Русь, начинавшіе появляться со всѣхъ сторонъ, получили историческое оправданіе, основу,—нѣтъ! факты, которыхъ онъ никогда не понималъ, онъ вздумалъ противопоставить мысли и историческимъ взглядамъ, чтобъ удержать ихъ напоръ и спасти себя. Значеніе фактовъ было имъ унижено. Въ его рукахъ они обратились въ средство скрыть, остановить истину, а не узнать ее. Многіе сперва повѣрили. Но мистификація была непродолжительна. Всѣ, наконецъ, поняли въ чемъ дѣло, и романтизмъ палъ навсегда. Теперь онъ уже прошедшее, по быстрому развитію просвѣщенія въ наше время—давно прошедшее явленіе.

Возвратимся къ диссертаціи г. Соловьева. Что̀ мы особенно высоко цѣнимъ въ ея авторѣ —это безусловную вѣру въ историческое развитіе, и потому совершенное отсутствіе всякихъ любимыхъ заднихъ мыслей, насилующихъ факты, простой взглядъ на историческія событія и большой историческій смыслъ. Для г. Соловьева всѣ эпохи нашей древней исторіи равно интересны и важны; во всѣхъ онъ ищетъ внутренняго значенія, необходимой связи и разумной постепенности, не вводя постороннихъ двигателей отъ своего лица. Эта трезвость мысли, которая, кромѣ того, что̀ существуетъ въ дѣйствительности, ничего знать не хочетъ, — явленіе отрадное, особенно въ наше время, и особенно въ изслѣдователѣ русскихъ древностей. Почти всѣ они повадили насъ изучать не предметъ, а автора и его мысли, — мысли почти всегда старыя и избитыя, вовсе не интересныя, давно ужъ высказанныя и давно опровергнутыя. Такія мысли находимъ даже мѣстами въ статьѣ г. Валуева о мѣстничествѣ, которая, безъ всякаго сомнѣнія, составляетъ эпоху въ нашей исторической литературѣ. Но скажемъ къ чести автора: его добросовѣстность такъ велика, знаніе предмета такъ глубоко, что его не-историческіе взгляды не вредятъ исторической истинѣ и стоятъ отдѣльно, какъ эпизоды, нисколько не искажая фактовъ. Тѣмъ отраднѣе видѣть, что авторъ диссертаціи объ отношеніи великихъ князей къ Новгороду совершенно свободенъ отъ всякихъ не-историческихъ взглядовъ. Не забудемъ, что онъ занимаетъ каѳедру русской исторіи въ одномъ изъ лучшихъ русскихъ университетовъ: его взглядъ, его манера невольно должны перейти къ его слушателямъ. Сверхъ того, его ученое призваніе даетъ ему всѣ средства начать новую эпоху изученія русской исторіи. Уже давно бы пора наступить этой эпохѣ послѣ столькихъ предсказаній, которыя такъ щедро давались молодымъ людямъ. Авось-либо г. Соловьевъ ими воспользуется!...

Какъ ни важно, ни существенно сочиненіе г. Соловьева, оно представляетъ, однако, стороны, съ которыми нельзя вполнѣ согласиться. Не останавливаясь на мелочахъ, частныхъ недосмотрахъ, весьма извинительныхъ, особенно у насъ, мы скажемъ только о главномъ — такъ же добросовѣстно, отъ полнаго убѣжденія, какъ говорили о достоинствахъ диссертаціи.

Г. Соловьевъ, какъ намъ кажется, не всегда доходитъ до послѣдней, основной причины историческихъ явленій. Иногда онъ останавливается на причинахъ второстепенныхъ, которыя дѣйствительно съ перваго взгляда какъ будто совершенно удовлетворительны, особенно, если разсматривать явленіе въ отдѣльности, но которыя недостаточны, если смотрѣть на него въ связи съ предыдущими и послѣдующими явленіями.

Замѣчаніе наше относится къ безспорно-новой, оригинальной и во многихъ отношеніяхъ вѣрной гипотезѣ о различіи старыхъ и новыхъ городовъ, которою г. Соловьевъ объясняетъ различный порядокъ вещей въ юго-западной и сѣверо-восточной Россіи. Отчего старые города и ихъ бытъ исчезаютъ и на мѣсто ихъ появляются въ Россіи новые города и новый бытъ, противоположный старому? Г. Соловьевъ приводитъ много причинъ: новые города развились изъ пригородовъ, искони подчиненныхъ главнымъ городамъ; слѣдственно, неограниченная власть князей надъ ними была приготовлена ихъ первобытною зависимостью; множество такихъ новыхъ городовъ было основано самими князьями, которые съ самаго начала утвердили надъ ними свою неограниченную власть; наконецъ, въ сѣверо-восточной Россіи число новыхъ городовъ было гораздо значительнѣе числа старыхъ (здѣсь былъ собственно одинъ старый городъ — Ростовъ); оттого въ ней и развился новый порядокъ вещей и вытѣснилъ старый. Все это очень хорошо и исторически

очень вѣрно; но вопросъ все-таки остается нерѣшеннымъ. Мы и теперь въ правѣ повторить его, потому что г. Соловьевъ не показалъ главной причины. Какая же эта главная причина? Ее должно искать въ самомъ общинномъ бытѣ древнѣйшихъ городовъ. Объяснимся.

Внутреннее устройство городовъ и общинъ въ юго-западной и сѣверо-восточной Россіи не представляетъ существеннаго различія. И тамъ, и здѣсь мы находимъ вѣче и князя— двѣ власти, которыя являются одна возлѣ другой во всей древней Россіи. Слѣдственно, различіе той и другой Россіи должно искать въ чемъ-нибудь другомъ Въ чемъ же именно? Въ томъ, что въ сѣверо-восточной Россіи княжескія владѣнія обратились въ собственность, въ наслѣдственныя вотчинныя владѣнія князей на правѣ частномъ, чего въ юго-западной Россіи не было. Такъ думаетъ и авторъ Но мы видимъ, однако, что такое обращеніе владѣній въ собственность князей началось уже въ юго-западной Россіи; уже здѣсь появляются завѣщанія; князья всячески стараются удержать за собою отцовскіе удѣлы; дѣлежи владѣній происходятъ большею частью на основаніи вотчиннаго начала; князья даютъ удѣлы большею частью сыновьямъ своимъ, а не боковымъ родственникамъ: только начатое на юго-западѣ совершилось окончательно на сѣверо-востокѣ Россіи. Такимъ образомъ, весь періодъ удѣловъ, въ отношеніи къ государственному устройству, представляетъ постепенное и непрерывное развитіе одного начала: ослабленіе общиннаго быта и, вслѣдствіе этого, усиленіе власти князя. Но отчего ослабѣлъ общинный бытъ? Неужели отъ тѣхъ причинъ, которыя изложилъ авторъ диссертаціи? Мы имѣемъ причины съ нимъ въ этомъ случаѣ не согласиться. Причины, имъ приводимыя, много содѣйствовали развитію самодержавной власти князей—безспорно. Но еслибъ общинный бытъ старыхъ городовъ не носилъ въ себѣ органическихъ зачатковъ разрушенія, не только эти причины не могли бы его ослабить, — онѣ не могли бы вовсе появиться. Скажемъ болѣе: родились бы причины, которыя стали бы ему благопріятствовать; даже нѣкоторыя изъ приведенныхъ авторомъ послужили бы въ пользу общинному быту. Именно этой-то органической причины разрушенія, скрывавшейся въ бытѣ древнѣйшихъ общинъ, авторъ диссертаціи не показалъ; а намекаетъ онъ на нее часто. По его мнѣнію, какъ намъ кажется весьма справедливому, новгородская община была родоваго происхожденія (стр. 13). То же можно сказать и о всѣхъ древнѣйшихъ русско-славянскихъ общинахъ. Но всякая родовая община сама въ себѣ носитъ зародышъ своего разрушенія. Это основано на непреложномъ законѣ распаденія рода на линіи, отрасли, которыя съ теченіемъ времени утрачиваютъ всякое единство и вступаютъ во вражду между собою. Авторъ превосходно, хотя и въ краткомъ очеркѣ, представилъ это разложеніе рода и борьбу, внутри его необходимо возникавшую въ отношеніи къ роду, который княжилъ въ Россіи. Такъ же превосходно подмѣтилъ и изложилъ онъ необходимыя послѣдствія родоваго и общиннаго быта въ отношеніи къ Новгороду: отсутствіе въ немъ всякаго опредѣленнаго политическаго устройства, сосуществованіе двухъ противоположныхъ и равныхъ между собою властей, невозможность обойтись безъ власти князя и непрерывныя смуты, волненія, отсутствіе „наряда", когда князя не было. Но вообще на это племенное, родовое, семейственное, словомъ, кровное начало г. Соловьевъ мало обратилъ вниманія, говоритъ о немъ какъ будто мимоходомъ, тогда какъ оно было главное, почти исключительно игравшее роль. По нашему глубокому убѣжденію, едва ли можно найти одно замѣчательное явленіе или событіе въ древней русской исторіи, особенно до Іоанна III, которое не опредѣлялось бы этимъ началомъ. Даже послѣ Іоанна III, множество явленій русской жизни объясняется только имъ, и чѣмъ далѣе назадъ отъ нашего времени, тѣмъ болѣе. Именно потому, что г. Соловьевъ не вникъ хорошенько въ преимущественно-родовой бытъ древней Россіи, онъ долженъ былъ, говоря объ упадкѣ общиннаго быта старыхъ городовъ, ограничиться однѣми побочными, второстепенными причинами, и не замѣтилъ главной.

Потомъ: г. Соловьевъ болѣе историкъ, нежели юристъ. При изображеніи внутренняго общиннаго устройства Новгорода, онъ, какъ намъ кажется, слишкомъ исключительно придерживался однѣхъ лѣтописей и недовольно оцѣнилъ извѣстія, сообщаемыя объ этомъ устройствѣ собственно юридическими памятниками. Вотъ почему онъ впалъ въ крайность. Отсутствіе твердаго политическаго устройства въ Новгородѣ и проистекающую отсюда совершенную неопредѣленность его —

г. Соловьевъ распространилъ и на внутреннее управленіе, на администрацію Новгорода. Но администрація и политическое устройство должны быть строго различаемы, особенно, когда рѣчь идетъ о Новгородѣ. Всѣ юридическіе памятники единогласно свидѣтельствуютъ о существованіи въ Новгородѣ правильнаго, опредѣленнаго внутренняго управленія, въ главныхъ чертахъ основаннаго, какъ кажется, на обычаяхъ, хотя мы его и мало знаемъ, или знаемъ отрывочнѣ. Напротивъ, историческіе памятники и преимущественно лѣтописи, въ которыя вносились одни событія политическія, выходящія изъ обыкновеннаго порядка вещей, — представляютъ новгородское устройство какъ самое неустановленное, неопредѣленное, не имѣющее никакихъ началъ, и г. Соловьевъ былъ бы совершенно правъ, еслибъ ограничилъ сказанное имъ вообще однимъ политическимъ бытомъ Новгорода. Можетъ быть, намъ возразятъ, что въ лѣтописяхъ встрѣчаются также извѣстія о внутреннемъ устройствѣ и управленіи, которыя свидѣтельствуютъ и о его неопредѣленности? Точно такъ. Но изъ нихъ нельзя дѣлать никакихъ выводовъ. Эти извѣстія относятся къ событіямъ, составлявшимъ исключеніе изъ общаго правила, нарушавшимъ обыкновенный порядокъ вещей. При существованіи другихъ, ясныхъ указаній на правильное внутреннее управленіе, это не можетъ подлежать никакому сомнѣнію.

Мы крайне сожалѣемъ, что предѣлы рецензіи, и безъ того слишкомъ длинной, не дозволяютъ намъ войти въ болѣе подробное разсмотрѣніе замѣчательнаго сочиненія г. Соловьева. Скажемъ въ заключеніе, что кромѣ приведеннаго и указаннаго нами, въ диссертаціи много новыхъ замѣчаній, намековъ, мыслей и отдѣльныхъ изслѣдованій, которыя составляютъ пріобрѣтеніе для литературы русской исторіи и дѣлаютъ честь автору. Мы не усомнимся сказать, что трудъ г. Соловьева самъ по себѣ составляетъ эпоху въ области изслѣдованій о русскихъ древностяхъ и подаетъ радостныя надежды въ будущемъ. Намъ остается поблагодарить автора и пожелать ему для него и для насъ, чтобы продолженіе его историко-литературнаго и ученаго поприща было такъ же блистательно, такъ же обильно результатами, какъ начало...

(Отеч. Записки, 1846, кн. 12).

О родовыхъ отношеніяхъ между князьями древней Руси. С. Соловьева (Московскій литературный и ученый Сборникъ на 1846 годъ).

Статья г. Соловьева „О родовыхъ отношеніяхъ между князьями древней Руси“, какъ и все, писанное имъ, отличается несомнѣнными достоинствами: чисто историческимъ тономъ, отсутствіемъ всякихъ предубѣжденій, которыя, начиная уже съ Карамзина, мѣшали и мѣшаютъ понять нашу древнюю, а потому и новую исторію, и представляютъ въ ней многое въ ложномъ неестественномъ видѣ; наконецъ—добросовѣстнымъ собраніемъ фактовъ и яснымъ, отчетливымъ изложеніемъ.

Содержаніе статьи г. Соловьева можетъ быть передано въ немногихъ словахъ. Ея главная задача — опредѣлить отношенія между удѣльными князьями. Эти отношенія основаны на родовомъ началѣ, т.-е. началѣ кровиродства, во сколько оно, при своей естественной шаткости, можетъ установить отношенія между людьми, пока не получитъ юридическаго опредѣленія. Съ ѳдной стороны, власть старшаго въ родѣ надъ младшими родичами почти безусловна, неограниченна; съ другой—она, какъ не сознанная, не юридическая, не представляетъ ничего твердаго, постояннаго, и потому ничѣмъ не обезпечена. Если старшій родичъ, великій князь, не заботится объ интересахъ младшихъ князей, или имъ это такъ покажется, — власть его исчезаетъ, и онъ долженъ отстаивать ее силой. Кто же изъ князей считался старшимъ? Этотъ вопросъ разрѣшенъ г. Соловьевымъ превосходно. Сначала старшимъ считался, разумѣется, тотъ, кто былъ старѣе по рожденію и лѣтамъ. Дядя былъ старше племянника, первый сынъ старше второго, и т. д. Потомъ это понятіе о старшинствѣ нѣсколько измѣнилось. Когда отецъ умиралъ, старшій его сынъ заступалъ мѣсто отца для младшихъ своихъ братьевъ. Но онъ былъ вмѣстѣ отцомъ и для своихъ дѣтей. Итакъ, племянники стали братьями своимъ дядямъ.

Но какими? Старшими или младшими? Сперва младшими: старшинство принадлежало дядямъ. Но потомъ старшій сынъ старшаго брата, т.-е. старшій племянникъ получалъ первенство надъ дядями, на слѣдующемъ основаніи: старшій сынъ старшаго брата отецъ своимъ братьямъ, а какъ дяди считались тоже его братьями, то онъ сталъ отцомъ и для нихъ. Старшинство дядей надъ племянниками господствовало въ древнѣйшей Россіи до монголовъ, первенство старшаго племянника—въ сѣверо-восточной Россіи.

Вотъ содержаніе прекрасной статьи г. Соловьева. Этотъ взглядъ на отношенія князей у насъ еще новъ. На него, правда, намекали иногда, но какъ будто нечаянно, безсознательно, и оттого русская исторія чрезъ эти намеки ничего не выиграла. Заслуга г. Соловьева въ томъ, что у него родовыя отношенія удѣльныхъ князей поставлены на первомъ планѣ, чрезъ что имъ возвращено ихъ настоящее, глубокое, рѣшительное значеніе въ судьбѣ древней Россіи,—значеніе, которое эти отношенія имѣли въ жизни, но не имѣли въ наукѣ. Такая заслуга гораздо важнѣе, нежели можетъ показаться съ перваго взгляда. Когда, наконецъ, обратится въ обиходную истину, что весь древній бытъ Россіи, не только частный, но и государственный (если только его можно такъ назвать), вращался около одного родственнаго, кровнаго начала, которымъ первоначально болѣе или менѣе живутъ всѣ не-завоевательные народы,—мы поймемъ многое въ русской исторіи, чего до сихъ поръ не понимаемъ. Первыя времена ея потеряютъ тогда таинственное, но обманчивое обаяніе, которое придалъ имъ Карамзинъ. Теперь изслѣдователя русской старины какъ-то невольно влечетъ въ туманную даль прошедшаго, и чѣмъ дальше, тѣмъ кажется она привлекательнѣе. Хочется узнать обстоятельно не только, что̀ было во времена Рюрика, но даже до Рюрика. Въ эти отдаленныя времена вглядываешься съ увѣренностью найти что-то необыкновенное, невиданное. Воображеніе рисуетъ чудныя картины, невозможное и небывалое существованіе, какъ нѣкогда грекамъ чудными, райскими казались земли, о которыхъ до нихъ доходили одни темные слухи. Отсюда выходитъ и вышло со временемъ большое зло. Воззрѣніе на исторію потеряло историческую почву и стало совершенно отвлеченнымъ, прикрывая себя фактами. Этотъ недостатокъ ощутителенъ въ Карамзинѣ. Характеры у него созданы, а не воспроизведены, событія освѣщены неестественнымъ свѣтомъ. Оттого нѣтъ никакой возможности понять, какъ же все это дѣлалось въ старину и зачѣмъ дѣлалось? Отчего послѣ варяжскаго періода наступилъ удѣльный, а потомъ именно московскій? Историческіе дѣятели разныхъ временъ и эпохъ какъ въ панорамѣ проходятъ одинъ послѣ другого въ одной хронологической, а вовсе не внутренней исторической преемственности. Въ этомъ царствѣ безплодныхъ тѣней всѣ эпохи, лица, событія такъ похожи другъ на друга, что нѣтъ никакой причины не представить себѣ Россіи задолго до Рюрика стройно-организованною, съ развитымъ общественнымъ бытомъ и цивилизаціей. Каковъ же былъ этотъ бытъ? Онъ неизвѣстенъ, слѣдовательно былъ, конечно, гораздо лучше, выше послѣдующаго. Это обыкновенный выводъ, который дѣлаетъ человѣкъ, ища Эльдорадо, воплощенія своихъ мечтаній и отвлеченныхъ требованій въ дѣйствительномъ мірѣ. Чѣмъ менѣе фактовъ, тѣмъ больше разгула и простора для фантазіи. Нашъ дѣйствительный міръ исполненъ зла: стало быть, было или будетъ когда-нибудь хорошо. Въ ложности такого разсужденія трудно убѣдить. Изъ него прямымъ путемъ вытекаютъ и оптимизмъ, и пессимизмъ,—оба равно ложные, потому что ищутъ полнаго воплощенія идеаловъ въ дѣйствительности, одинъ въ будущемъ, другой въ прошедшемъ. Но пессимизмъ хуже оптимизма тѣмъ, что послѣдній по крайней мѣрѣ питаетъ и поддерживаетъ силы и дѣятельность, а первый заставляетъ человѣка сложить руки, высасываетъ изъ него всѣ живые соки и дѣлаетъ его мистикомъ. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли что-нибудь быть безплоднѣе убѣжденія, что въ мірѣ все идетъ къ худшему, что, развиваясь и живя, человѣкъ падаетъ? Вы скажете: да онъ и не совершенствуется, не улучшается. Я согласенъ. Да развѣ непремѣнно нужно предположить то или другое? Развѣ нельзя уже никакъ обойтись безъ этихъ двухъ воззрѣній?

Исторія безпрерывно рождаетъ новые вопросы и находитъ на каждый изъ нихъ свой отвѣтъ. И вопросы и отвѣты идутъ одинъ за другимъ, не повторяясь никогда, и въ такой постепенности, что послѣдующее всегда предполагаетъ предыдущее и можетъ только тогда возникнуть, когда предыдущее раз-

рѣшено. Послѣдовательность, цѣлость, единство всего существующаго такъ естественны, такъ въ порядкѣ вещей, что человѣкъ все можетъ снести, кромѣ тупой, безсмысленной случайности, и, принявъ ее за основной законъ жизни, лишается силы и энергіи. Оттого-то, чтобы понять исторію, не должно ни на минуту сходить съ почвы дѣйствительности. Вѣрный взглядъ на факты непремѣнно дастъ отвѣтъ, почему за такой-то эпохой слѣдовала такая-то, и перестановка ихъ въ самой наукѣ сдѣлается невозможною. Вы думаете, что древнее время было лучше, а слѣдующее хуже: исторія докажетъ вамъ, что это ошибка, обманъ, можетъ быть, очень добросовѣстный, но все же обманъ. Послѣдующая эпоха въ фактахъ представитъ вамъ самую строгую, вполнѣ исчерпывающую критику предыдущаго, даже въ томъ, что̀, казалось бы, не подлежитъ никакому разложенію и признавалось за первоначальную, непреложную, основную истину. Для этого нужно только смотрѣть на исторію просто, безъ заднихъ мыслей, что̀ кажется очень легко, а на дѣлѣ очень трудно. Въ статьѣ г. Соловьева мы именно находимъ такой взглядъ, хоть онъ и не высказанъ. Древняя Русь такъ мало имѣла въ себѣ зачатковъ гражданственности, что до XIII вѣка и далѣе не только частный, но и общественный, государственный бытъ ея покоился на однихъ кровныхъ, родственныхъ отношеніяхъ и опредѣлялся ими. Нужно было много вѣковъ, чтобъ выжиться ей изъ этого до-историческаго состоянія. Одно это отнимаетъ всякую возможность и охоту пускаться въ изслѣдованіе о до-рюриковскомъ періодѣ русской исторіи. Этого мало: ужасы Іоаннова царствованія, періодъ самозванцевъ, такой страшный, общественность временъ Кошихина, реформа Петра и всѣ такія явленія въ русской исторіи покажутся естественными, понятными, законными; а теперь они — еще необъяснимыя загадки, іероглифы, къ которымъ страшно подступиться. Мы поймемъ, что въ древней Россіи самое даже юридическое опредѣленіе родственныхъ отношеній было важнымъ шагомъ впередъ. Прежде нежели они исчезли, какъ начало, опредѣляющее весь нашъ древній бытъ, они должны были перейти въ полное сознаніе, такъ сказать, осѣсться, уложиться въ извѣстныя формы. Мѣстничество съ его техническимъ языкомъ появилось оттого не при Ярославѣ, а уже гораздо позже, и въ Москвѣ обработано классически, сколько можно было въ то время.

Вотъ все, что̀ мы имѣли сказать о статьѣ г. Соловьева. Она вполнѣ округлена, окончена по мысли автора, и потому съ нашей стороны не подлежитъ дальнѣйшей критикѣ. Нѣкоторые недосмотры есть; напримѣръ, на стр. 204-й говорится, что младшіе обязаны были „идти всюду по первому зову старшаго“. Мѣсто, приведенное изъ Ипатьевской лѣтописи, показываетъ, что это выраженіе не совсѣмъ точно, можетъ быть даже не довольно обще. Далѣе, тамъ же, въ числѣ обязанностей младшихъ въ отношеніи къ старшимъ упоминается особливо обязанность перваго „смотрѣть“ на послѣдняго. Это выраженіе также принято слишкомъ буквально и не объяснено. Право старшаго судить ограничивалось только „разборомъ споровъ между младшими“. На стр. 215 сказано, что князья, выбравшіе себѣ старшаго, назывались въ отношеніи къ нему ратниками, а изъ цитаты этого не видно. Можно толковать, что подъ ратниками здѣсь разумѣлись князья, но толкованіе будетъ произвольно. Впрочемъ, эти недосмотры очень неважны и почти не заслуживаютъ упоминанія.

Одно позволимъ мы себѣ высказать, не въ видѣ требованія, а только въ видѣ желанія: мы желали бы видѣть въ статьѣ г. Соловьева не одно изложеніе фактовъ, а найти и ихъ объясненіе. Такое объясненіе не только возвысило бы достоинство и безъ того прекрасной статьи, но даже, какъ мы думаемъ, способствовало бы во многомъ и самымъ изслѣдованіямъ автора; нѣкоторые факты освѣтились бы съ другой стороны, а вмѣстѣ съ тѣмъ, быть можетъ, иначе были бы и изложены. Г. Соловьевъ подробно излагаетъ всѣ факты, въ которыхъ выразилось отношеніе старшихъ и младшихъ князей между собою; но начала, изъ котораго проистекли эти факты, не опредѣляетъ. А когда рѣчь идетъ объ отношеніяхъ, начало едва ли не всегда первое, главное. Были ли эти отношенія строго опредѣленныя, юридическія, или нѣтъ? Авторъ объ этомъ не говоритъ. Именно потому, приступая къ прошедшему съ настоящими понятіями, мы идемъ отъ предположенія, что эти отношенія были юридическія, хотя и основанныя на началахъ кровныхъ, родственныхъ. Какъ же странно читать слѣдующее мѣсто въ статьѣ:

„Старшій въ родѣ до тѣхъ только поръ сохранялъ неограниченную власть, пока самъ свято

исполнялъ свои отеческія обязанности, то-есть пока не отдѣлялъ своихъ интересовъ отъ интересовъ цѣлаго рода, пока не переставалъ смотрѣть на каждаго младшаго, какъ на собственнаго сына, не дѣлая никакого различія между ближними и отдаленными родичами, сохраняя между ними строгую справедливость. Какъ же скоро старшій въ родѣ пренебрегалъ своими отеческими обязанностями, какъ скоро предпочиталъ собственныя выгоды или выгоды дѣтей своихъ интересамъ цѣлаго рода, то онъ терялъ свое значеніе старшаго, отца; всѣ его права, равно какъ обязанности младшихъ къ нему, рушились, его власть замѣнялась или общимъ родовымъ совѣтомъ, или, въ случаѣ разногласія князей, каждый изъ нихъ дѣйствовалъ, защищалъ свои права, какъ умѣлъ и какъ могъ".

Итакъ, юридическихъ понятій и отношеній мы прежде почти не имѣли. Никто не судилъ и не разбиралъ старшихъ и младшихъ въ родѣ, никто не произносилъ противъ великаго князя приговора, лишавшаго его значенія отца? Слѣдовательно, не было и никакихъ ручательствъ, что отношенія были всегда таковы, какъ представляетъ ихъ авторъ статьи, ибо отъ произвола зависѣло признать ихъ, или не признавать. Такъ и было. Отношенія были въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно произвольны, весьма часто случайны, но и предлогомъ къ нимъ точно служили большею частью отношенія кровныя, родственныя, потому что о другихъ отношеніяхъ не было и понятія.

Еслибъ г. Соловьевъ обратилъ вниманіе на это важное обстоятельство въ исторіи древнѣйшей Россіи, именно на это почти совершенное отсутствіе юридическаго элемента, онъ не сказалъ бы (на стр. 215), что отнятіе и неволя лишали князей права на томъ основаніи, что битва, по нашимъ древнимъ понятіямъ, считалась за судъ Божій. Вопросы, которые рѣшались войнами, были тогда, какъ и теперь, такъ важны, рискъ такъ великъ, а способъ рѣшенія такъ случаенъ, что человѣкъ необходимо долженъ былъ убѣдиться въ направленіи такого рода дѣлъ Божескою силою; но, утѣшая себя мыслью, что битва—судъ Божій, человѣкъ никогда не могъ подавить въ себѣ мысли, что хотя и побѣжденный, онъ правъ, и всегда снова отдавалъ дѣло на перевершеніе того же суда Божія, т.-е. войны, какъ скоро представлялся къ тому удобный случай. Слѣдовательно, нельзя сказать, что война могла лишить князя права; она только на время или навсегда отнимала у него возможность осуществить свои требованія. Безспорно, въ тогдашнихъ войнахъ еще несравненно менѣе было юридическихъ элементовъ, чѣмъ даже теперь. Войны князей въ періодъ удѣловъ могутъ служить лучшимъ доказательствомъ справедливости нашихъ словъ.

Точно такъ же авторъ не объяснилъ основного начала родовыхъ отношеній и различныхъ положеній, изъ нихъ проистекавшихъ, равно какъ и тѣхъ измѣненій, которыя со временемъ произошли въ этихъ отношеніяхъ. Намъ кажется, что черезъ тѣ и другія проходитъ одна мысль, которая связываетъ ихъ въ одно цѣлое, объясняетъ переходъ удѣльной Россіи въ московскую и такимъ образомъ даетъ единство древнѣйшей русской исторіи. Эта мысль, или движущее начало, есть постепенное вытѣсненіе рода семьей. Какъ извѣстно, родъ отъ семьи существенно тѣмъ отличается, что въ немъ, т.-е. въ родѣ, счетъ идетъ отъ родоначальника. Кто по рожденію къ нему ближе, тотъ и старше. Поэтому, родъ можетъ обнимать безконечное число членовъ, связанныхъ между собою родствомъ, и въ немъ дяди имѣютъ всегда преимущество передъ племянниками. Напротивъ, въ семьѣ, которая ведетъ свой счетъ отъ отца и обнимаетъ однихъ нисходящихъ родственниковъ, число послѣднихъ необходимо менѣе, сравнительно съ родомъ; первенство принадлежитъ сыновьямъ, а не дядямъ, нисходящимъ, а не боковымъ. Въ этомъ заключается и причина, почему семья есть то начало, которое становится всегда въ противоположность съ родомъ, отрицаетъ и разлагаетъ его по естественному закону распаденія кровнаго союза и замѣненія его, мало-по-малу, гражданскимъ, юридическимъ: и у насъ семья вытѣснила наконецъ родъ, какъ семья, въ свою очередь, была впослѣдствіи вытѣснена лицомъ. Враждебное отношеніе рода и семьи появляется у насъ очень рано, и ихъ борьба съ большимъ и бо́льшимъ преимуществомъ семьи наполняетъ собою весь періодъ удѣловъ. Такой взглядъ, сколько мы понимаемъ, не только не противорѣчитъ основнымъ началамъ г. Соловьева, но, напротивъ, дополняетъ ихъ. Понятнымъ становится, почему вымышлено было старшинство старшаго племянника надъ дядями; почему племянники не могли быть совладѣльцами съ дядями (стр. 212); почему старшіе племянники не считались братьями своимъ дядямъ, если отецъ ихъ умеръ еще при жизни своего отца, а ихъ дѣда. Нако-

нецъ, самое избраніе князя „въ отца мѣсто" изъ чужого рода—фактъ позднѣйшій—объясняется весьма просто совершеннымъ упадкомъ родового начала, много разъ побѣжденнаго семьей. Родъ обратился какъ бы въ союзъ гражданскій, но еще проникнутый прежними родовыми понятіями.

Въ заключеніе пожелаемъ, чтобъ въ нашей исторической литературѣ появлялось побольше такихъ статей, какова разобранная нами. Если это желаніе скоро исполнится—время настоящаго пониманія русской исторіи недалеко.

(Отеч. Записки, 1846).

Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома. Соч. Сергѣя Соловьева. *Москва. 1847.*

Вся русская исторія, какъ древняя, такъ и новая, есть по преимуществу *государственная, политическая,* въ особенномъ, намъ однимъ свойственномъ значеніи этого слова. Областная, провинціальная жизнь еще не успѣла сложиться, когда стало зачинаться и рости государство. Его возникновеніе опредѣлилось, какъ и слѣдовало, тогдашнимъ мѣстнымъ развитіемъ. Какъ послѣднее было бѣдно и слабо, видно съ одной стороны изъ шаткости внутренняго быта тѣхъ немногихъ общинъ, которыя, вслѣдствіе особенныхъ историческихъ обстоятельствъ, долго не были вовлечены въ общую жизнь и на просторѣ, безъ помѣхи, продолжали свое особенное существованіе,—съ другой—изъ быстраго уничтоженія ихъ „старины" вслѣдъ за уничтоженіемъ ихъ политической самостоятельности. Тѣмъ полнѣе, шире, безграничнѣе развивалось государство. Конечно, нѣтъ христіанской страны, гдѣ бы оно принесло себѣ столько жертвъ; нѣтъ новой исторіи, которая бы представляла такое цѣлостное поглощеніе провинціализма государственными интересами.

Во всемъ этомъ давно уже согласились знатоки русской исторіи. Еще Карамзинъ, руководимый вѣрнымъ чувствомъ, назвалъ свое знаменитое сочиненіе „Исторіей *государства* Россійскаго". Дѣйствительно, политическій, государственный элементъ представляетъ покуда единственно-живую сторону нашей исторіи, и если въ послѣднее двадцатилѣтіе и были попытки открыть въ ней другія живыя стороны, то это не столько было вызвано самимъ предметомъ, сколько выражало новыя требованія нашего времени. Не въ русской исторіи, а въ насъ лежали вопросы, которые мы ей задавали. Вотъ почему попытки и кончились ничѣмъ; онѣ принесли большую отрицательную пользу, но не внесли въ науку новаго содержанія.

Теперь важная задача представилась нашему времени. Дойдя до отрицательныхъ результатовъ относительно всѣхъ сторонъ древней русской жизни, исключая государственной, политической, мы естественно должны были спросить себя: какое же было ея движущее начало; что̀ въ ней развивалось? Все сказанное объ этомъ доселѣ или было слишкомъ нелѣпо, или слишкомъ обще, прикладывалось ко всѣмъ государствамъ въ мірѣ, и именно потому нисколько не поясняло русской исторіи. Сентенціи въ родѣ такихъ: „каждый народъ, развиваясь, образуетъ государство", и подобныя могли ли подвинуть насъ въ уразумѣніи нашего прошедшаго? Онѣ не разрѣшали, какъ же именно это сдѣлалось, какія были причины, создавшія такое-то, а не другое государство, съ такимъ, а не другимъ характеромъ, и потому никуда не годились. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ требовало и предполагало спеціальныя знанія. Къ нему и стали всѣ склоняться, сознательно и безсознательно. Какая-то усталость мысли, возрастающій перевѣсъ фактическаго изученія надъ теоретическимъ, довѣренность къ историческимъ даннымъ, сначала вслѣдствіе нравственнаго утомленія и безсилія, обозначали переходное время отъ непосредственнаго приближенія общихъ началъ науки къ дѣйствительному, живому пониманію нашей исторіи. Не станемъ теперь разбирать различныя направленія и теоріи, болѣе или менѣе вѣрныя, которыя отсюда вытекали. Скажемъ только, что это исключительное предрасположеніе къ фактамъ, имѣвшее тоже свои дурныя стороны и вредныя послѣдствія, не могло удержаться навсегда. Оно только приготовило матеріалы для новыхъ взглядовъ, которые теперь опять появились, и притомъ

многочисленнѣе, разнообразнѣе, чѣмъ когда-либо. Главное ихъ отличіе отъ прежнихъ состоитъ въ томъ, что они, исходя изъ общихъ началъ, наполнены положительнымъ содержаніемъ и слѣдовательно гораздо ближе къ дѣйствительности. Они уже не прикладываютъ такъ непосредственно, наивно, общихъ началъ къ фактамъ, какъ прежде; начала теперь служатъ основой, путеводной нитью и окончательной повѣркой историческихъ изысканій. Такъ приготовляется мало по-малу коренное преобразованіе нашей исторической литературы. Это уже замѣтно во многомъ. Не только мы обогатились новыми историческими данными, но и самые вопросы русской исторіи переродились и поставляются теперь совершенно иначе, чѣмъ прежде, а извѣстно, что правильно поставить вопросъ значитъ ужъ вполовину рѣшить его.

Вмѣстѣ съ другими переродился и вопросъ о государственномъ, политическомъ элементѣ въ древней Руси. Отчего онъ больше развивался, а другіе менѣе; какой его характеръ и отношенія къ другимъ сторонамъ жизни; по какимъ законамъ онъ развивался, —словомъ, какая его роль и значеніе въ русской исторіи? За всѣ эти вопросы принялись совершенно иначе. Принявъ въ основаніе мысль, что каждый народъ есть живой, цѣльный, саморазвивающійся организмъ, котораго различныя стороны не распадаются на безсвязныя или только механически между собою соединенныя части, а всѣ вытекаютъ изъ единой народной жизни, нельзя уже было разсматривать нашу государственную жизнь отдѣльно отъ другихъ сторонъ. Теперь на нее взглянули, какъ на одно изъ выраженій народнаго организма; слѣдовательно, имъ, а не чѣмъ-либо постороннимъ и сверхъестественнымъ надо было ее объяснить. Событія, извнѣ и случайно вошедшія въ нашу народную жизнь, не внесли въ нее новыхъ элементовъ и стало быть не измѣнили ее, а остались на ея поверхности и были ею переработаны; слѣдовательно, они имѣютъ лишь второстепенный голосъ въ опредѣленіи нашей исторіи.

Этотъ взглядъ, послѣдній результатъ европейской науки, имѣлъ огромное и рѣшительное вліяніе на уразумѣніе нашего древняго быта. Если развивалась только государственная, политическая жизнь, а другія стороны—нѣтъ, то, значитъ, въ ней сосредоточились всѣ силы и соки народной жизни; слѣдовательно, измѣненія первой были измѣненіями послѣдней. Послѣ того оставалось только понять, такъ сказать, почву, элементъ, въ которыхъ совершалась государственная жизнь, и уловить законы ея развитія,—и дѣло было сдѣлано, задача рѣшена, взглядъ на русскую исторію созданъ.

Историческіе элементы русской жизни не трудно было отгадать. Давно ужъ, хотя и безсознательно, называли Русь *патріархальной*; но этому слову не давали того глубокаго, всеобъемлющаго значенія, которое оно дѣйствительно имѣетъ въ приложеніи къ намъ. Сверхъ того всѣ русскіе древніе политики прямо или косвенно тоже указываютъ на патріархальность. А что такое патріархальность? Формулируя это слово ученымъ образомъ, мы найдемъ, что она заключается въ преобладаніи естественныхъ, прирожденныхъ, слѣдовательно на кровномъ родствѣ основанныхъ отношеній надъ юридическими и личными. Общество, въ которомъ начальникъ или господинъ является какъ бы отцомъ, а равные какъ бы братья между собой по крови,—такое общество есть патріархальное. Такъ какъ родственныя отношенія по времени первыя въ исторіи, то во всѣхъ обществахъ, у всѣхъ народовъ, патріархальный бытъ предшествуетъ всякому другому. Главная отличительная его черта — совершенная неопредѣленность взаимныхъ отношеній между людьми, и вслѣдствіе этого страшный произволъ, безсознательность и необезпеченность всѣхъ и каждаго. Человѣку невыносимо жить подъ гнетомъ вѣчной, неотвратимой случайности, которая царитъ въ патріархальномъ обществѣ, худо прикрываясь мнимой наивностью и ничѣмъ не охраняемымъ, слѣдовательно шаткимъ обычаемъ: по природѣ своей человѣкъ стремится къ опредѣленному, извѣстному, постоянному быту, въ которомъ можно оріентироваться и найтись. Вотъ что выводитъ патріархальное общество въ юридическій, гражданскій бытъ. Конечно, въ періодъ исключительнаго и односторонняго развитія юридическій бытъ является слишкомъ строгимъ, угловатымъ и прозаическимъ; но онъ по крайней мѣрѣ даетъ человѣку хоть какія-нибудь точки опоры, очерчиваетъ хоть грубо кругъ его дѣятельности, не переступая котораго можно дѣйствовать безъ насилія. Патріархальное общество не представляетъ даже и этой скудной выгоды. Отсюда

по мѣрѣ того, какъ народъ живетъ, патріархальныя отношенія смѣняются въ немъ юридическими и гражданскими, кровный союзъ сначала опредѣляется юридически, потомъ уступаетъ мѣсто другому, болѣе широкому гражданскому союзу, въ которомъ человѣкъ, прежде зависѣвшій отъ кровныхъ отношеній, преобразуется мало-по-малу въ самостоятельнаго дѣятеля, котораго мѣсто и значеніе опредѣляется личными качествами, талантомъ и доблестями, а не одними природными условіями рожденія.

Если государственный элементъ дѣйствительно поглотилъ и сосредоточилъ всю русскую народную жизнь, то его развитіе должно представлять это постепенное перерожденіе патріархальности въ юридическое устройство и гражданственность. Другими словами: въ нашей государственной жизни должны были сначала преобладать кровныя родственныя начала, а потомъ изъ нихъ, постепенно, выработаться юридическія и гражданскія.

Диссертація г. Соловьева самымъ блистательнымъ образомъ подтвердила этотъ выводъ a priori. И до нея говорили, что съ Іоанна III началось у насъ государство,—что въ періодъ удѣловъ князья считались между собой родствомъ, кто кого старше; но на томъ всѣ и останавливались. Это были безсвязныя замѣтки — не болѣе; отъ недостатка систематическаго взгляда эти замѣтки не послужили ни къ чему; факты, бросающіеся въ глаза, оставались незамѣченными; въ суммѣ, несмотря на многія изслѣдованія, русская исторія ничего не выиграла. Обладая огромнымъ фактическимъ знаніемъ предмета,—чему убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ служитъ книга,—г. Соловьевъ прежде всего обратилъ вниманіе на живую связь между отдѣльными событіями русской исторіи, на начало, дающее имъ органическую цѣлость, единство. Въ короткой, но замѣчательной рѣчи, произнесенной имъ съ каѳедры передъ началомъ публичнаго диспута, онъ ясно высказалъ свое отношеніе къ предшественникамъ на томъ же поприщѣ. Мы не упомнимъ самыхъ словъ, но мысль была вотъ какая: до сихъ поръ заботились особенно о томъ, какъ раздѣлить русскую исторію; теперь надо стараться, напротивъ, соединить ея части въ одно цѣлое, связать раздробленное и неправильно противопоставленное; надо возсоздать наукой живой организмъ русской исторіи, а онъ самъ ужъ укажетъ на раздѣленіе необходимое и естественное. Результатомъ этого совершенно новаго пріема, до сихъ поръ невиданнаго въ русской исторической литературѣ, былъ новый взглядъ на древне-русскую государственную жизнь, которая составляетъ главную тему диссертаціи. На основаніи этого взгляда исчезаютъ всѣ представленія, заслонявшія естественный, органическій ходъ событій и внутреннюю связь между эпохами. Удѣлы и удѣльный періодъ, которые, судя по нашимъ учебникамъ, Богъ знаетъ какъ и откуда вдругъ являются въ нашей исторіи, по мнѣнію г. Соловьева, до XIII вѣка вовсе не существовали, да и послѣ не играли первой роли. Монгольское иго, которому доселѣ приписывали рѣшительный, полный переворотъ въ нашей исторіи, тоже не имѣло такого великаго значенія. Оно сильно на насъ вліяло—это правда, но было одной изъ дѣйствующихъ причинъ, а не исключительно дѣйствовавшей. Такимъ образомъ исчезаетъ все внесенное извнѣ въ русскую исторію, поле изслѣдованій очищено отъ всего ему чуждаго, и ничто уже не препятствуетъ событіямъ, эпохамъ, предстать въ томъ свѣтѣ, съ тѣмъ значеніемъ, которые имъ дѣйствительно принадлежатъ и свойственны. Разрѣшивъ эту первую отрицательную половину своей задачи въ предисловіи, авторъ рѣшаетъ и вторую, положительную. Изслѣдованіе ея наполняетъ всю остальную часть диссертаціи. Государственная исторія Россіи за все время господства Рюриковой династіи, по мнѣнію автора, сначала представляетъ господство родовыхъ отношеній, которыя мало-по-малу смѣняются государственными; послѣднія, наконецъ, берутъ рѣшительный верхъ надъ первыми и совершенно упраздняютъ ихъ въ окончательной кровавой борьбѣ Іоанна IV съ вельможествомъ. Съ этимъ торжествомъ государственнаго начала надъ родовымъ совпадаетъ прекращеніе Рюриковой династіи, и Россія вступаетъ въ новый фазисъ историческаго существованія. Это общія черты новаго взгляда г. Соловьева на древнюю государственную Русь. Взглянемъ теперь на подробности. Сначала, до XIII вѣка, всѣ князья суть члены одного княжескаго рода, вся Россія есть его нераздѣльная родовая собственность въ общемъ его владѣніи. При такомъ состояніи невозможно понятіе о частной собственности князей, понятіе объ удѣлѣ; какъ члены одного рода, всѣ князья владѣютъ, но не на осно-

ваніи права собственности: слѣдовательно, ихъ отношенія только личныя, опредѣленныя родственными, кровными связями; князья считаются между собою старшинствомъ, которое даетъ имъ высшее или низшее мѣсто въ общей родовой іерархіи и потому то или другое владѣніе. Эпоха, въ продолженіе которой удерживается этотъ порядокъ вещей, имѣетъ свои подраздѣленія. Съ начала такъ называемаго періода удѣловъ—отъ Ярослава до смерти Мстислава I-го — столкновенія и распри между князьями происходятъ вслѣдствіе исключенія изъ общаго владѣнія племянниковъ дядями; съ этого времени до Боголюбскаго возникаетъ уже борьба между князьями за старшинство, дающее право на такое или другое владѣніе, и преимущественно Кіевомъ. Андрей открываетъ новое начало порядка вещей. Этотъ князь господствуетъ на сѣверѣ, гдѣ новыхъ городовъ несравненно больше, чѣмъ на югѣ и западѣ: новые города, основанные самими князьями, находятся къ нимъ въ отношеніяхъ вотчинъ, полной собственности, чѣмъ не могли быть древніе вѣчевые города. Такъ на сѣверо-востокѣ возникаетъ понятіе объ удѣлѣ, частной княжеской собственности, а съ тѣмъ вмѣстѣ и взглядъ на между-княжескія отношенія долженъ былъ измѣниться. Андрей, воспитанный на новыхъ началахъ, какъ собственникъ, явно стремится къ единовластію и самодержанію и силится упразднить прежній родовой порядокъ вещей, поддерживаемый южно-русскими князьями. Отсюда борьба между нимъ и послѣдними, продолжавшаяся и при преемникѣ его замысловъ и владѣній, Всеволодѣ III. Въ этомъ князѣ уже предчувствуются московскіе великіе князья, особенно Іоаннъ III. Послѣ Всеволода мало-помалу утверждаются и развиваются новыя между-княжескія отношенія, которыхъ основаніемъ было уже понятіе о собственности. Князья дѣлили свою вотчину, княженія, между дѣтьми; каждый старался усилить и умножить ее насчетъ другихъ, не уважая или мало уважая родовыя права, служившія прежде главной нормой въ опредѣленіи ихъ взаимныхъ отношеній. При такихъ обстоятельствахъ, одной княжеской линіи, а именно московской, удалось усилиться надъ всѣми прочими. Слѣдствіемъ этого было отнятіе владѣній у прочихъ князей и ихъ подданническое служебное отношеніе къ московскому; наконецъ независимые князья совершенно исчезли въ Россіи, и она обратилась въ московское государство. Это государство, окончательно основанное Іоанномъ III и IV, стало на развалинахъ прежняго удѣльнаго родового порядка вещей; разумѣется, онъ не вдругъ отказался отъ своихъ правъ и непрестанно напоминалъ о своемъ существованіи въ лицѣ бояръ и вельможъ, живыхъ представителей такъ называемаго удѣльнаго періода. Отсюда борьба между ними и московскими государями, особенно ярко и въ последній разъ обнаружившаяся при Іоаннѣ IV. Она заключила нашу древнюю, до-государственную исторію и открыла новый періодъ—періодъ московскаго царства. Этотъ взглядъ безспорно гораздо глубже, цѣльнѣе, чѣмъ всѣ предыдущіе. Онъ набрасываетъ живую, связную картину государственной жизни древней Руси, чего мы до сихъ поръ не имѣли,—точка отправленія поразительно вѣрна. Несмотря на все это, мы думаемъ, однако, что г. Соловьевъ, поставивъ новое начало, не провелъ его до конца и какъ будто остановился на полудорогѣ. Развитіе новой мысли у него не вполнѣ послѣдовательно; постараемся доказать это.

Родовыя отношенія между русскими князьями поставлены у автора первыми по времени. Это начало, точка отправленія. Ихъ преобладаніе, чтобы не сказать исключительное господство, въ древнѣйшей русской государственной исторіи несомнѣнно, очевидно ясно. Подъ конецъ, когда раздробленныя части Россіи стали соединяться въ одно цѣлое, родовыя отношенія удерживались уже только какъ форма безъ содержанія, какъ предлогъ, скрывавшій совсѣмъ другіе замыслы. Князь изъ члена рода сталъ вотчинникомъ, землевладѣльцемъ, и больше всего думалъ, какъ бы ему нажиться и увеличить свое имѣніе, будущее наслѣдство дѣтей. Этой главной задушевной цѣли онъ жертвовалъ родовыми и кровными связями. Между княземъ—членомъ рода, и княземъ—хозяиномъ разстояніе такъ велико, что ихъ почти нельзя сравнивать: однако, послѣдній былъ потомокъ перваго. Какъ же совершилось это перерожденіе? Какими ступенями пройденъ путь, начало и конецъ котораго такъ несходны?

Г. Соловьевъ говоритъ о родовыхъ отношеніяхъ, потомъ о государственныхъ, которыя сначала съ ними боролись и наконецъ ихъ смѣнили. Но въ какомъ отношеніи они находились между собою, откуда взялись го-

сударственныя отношенія въ нашемъ быту вслѣдъ за родовыми, — этого онъ не объясняетъ или объясняетъ слишкомъ неудовлетворительно. Во-первыхъ, онъ не показываетъ естественной преемственности быта юридическаго послѣ родового; во-вторыхъ, взглядъ его не вполнѣ отрѣшился отъ преувеличеній, которыя такъ изукрасили древнюю Русь, что ее нельзя и узнать. Правда, его взглядъ несравненно простѣе, естественнѣе; но надо было сдѣлать еще одинъ шагъ, чтобы довершить полное высвобожденіе древней русской исторіи отъ несвойственныхъ ей представленій; а его-то г. Соловьевъ и не сдѣлалъ. Этимъ и объясняется, почему авторъ по необходимости долженъ былъ прибѣгнуть къ остроумной, но невѣрной гипотезѣ о различіи новыхъ княжескихъ городовъ отъ древнихъ вѣчевыхъ, для объясненія новаго порядка вещей, народившагося въ сѣверо-восточной Россіи. Представляя себѣ въ нѣсколько неестественныхъ размѣрахъ владимірскую и московскую Русь, г. Соловьевъ увидѣлъ въ нихъ то, чего онѣ или вовсе не представляли, или представляли, но не въ томъ свѣтѣ, который имъ придаетъ авторъ. Оттого у г. Соловьева между Русью до и послѣ XIII вѣка цѣлая пропасть, которую наполнить можно было только чѣмъ-нибудь внѣшнимъ, не лежавшимъ въ органическомъ развитіи нашего древнѣйшаго быта. Такимъ вводнымъ обстоятельствомъ является у автора система новыхъ городовъ; вывести эту систему изъ родовыхъ началъ, наполнившихъ своимъ развитіемъ государственную исторію Россіи до Іоанна III, нѣтъ никакой возможности. Объяснимся.

Мы уже сказали, что государственный, политическій элементъ одинъ сосредоточиваетъ въ себѣ весь интересъ и всю жизнь древней Руси. Если этотъ элементъ выразился въ родовыхъ патріархальныхъ формахъ, ясно, что въ то время онѣ были высшей и единственно возможной формой быта для древней Руси. Никакихъ сильныхъ переворотовъ во внутреннемъ составѣ нашего отечества не происходило; отсюда можно a priori безошибочно заключить, что всѣ измѣненія, происшедшія постепенно въ политическомъ быту Россіи, развились органически изъ самаго патріархальнаго, родового быта. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что исторія нашихъ князей представляетъ совершенно естественное перерожденіе кровнаго быта въ юридическій и гражданскій. Сначала князья составляютъ цѣлый родъ, владѣющій сообща всею русскою землею. Такую картину представляетъ до-общественный, до-историческій бытъ всякаго человѣческаго общества. Отношеній по собственности нѣтъ и быть не можетъ, потому что нѣтъ прочной осѣдлости. Князья безпрестанно переходятъ съ мѣста на мѣсто, изъ одного владѣнія въ другое, считаясь между собою, только по родству, старшинствомъ. Впослѣдствіи они начинаютъ осѣдаться на мѣстахъ. Какъ только это сдѣлалось, княжескій родъ раздробился на вѣтви, изъ которыхъ каждая стала владѣть особеннымъ участкомъ земли—областью или княжествомъ. Вотъ первый шагъ къ собственности. Правда, въ каждой отдѣльной территоріи продолжался еще прежній порядокъ вещей: общее владѣніе, единство княжеской вѣтви, имъ обладавшей, и переходы князей. Но не забудемъ, что эти территоріи были несравненно меньше, княжескія вѣтви малочисленнѣе; стало быть, теперь гораздо легче могла возникнуть мысль, что княжество—ни болѣе, ни менѣе какъ княжеская вотчина, наслѣдственная собственность, которою владѣлецъ можетъ распоряжаться безусловно. Когда эта мысль, конечно, безсознательно, наконецъ укрѣпилась и созрѣла, территоріальные, владѣльческіе интересы должны были одержать верхъ надъ личными, то есть по тогдашнему кровными и родственными. Вотъ какимъ образомъ князья мало-по-малу утратили живое сознаніе, что они члены одного рода, кровные между собою. Они стали относиться между собою, какъ владѣльцы, собственники, у которыхъ владѣльческіе интересы на первомъ планѣ. Родъ княжескій чрезъ это превратился въ множество отдѣльныхъ, независимыхъ владѣльцевъ. Здѣсь лежитъ первый хотя и слабый зародышъ гражданскаго общества. Оно нестройно и безсвязно, потому что не судъ, не верховная власть опредѣляли ихъ отношенія, а произволъ и сила оружія. Одному изъ такихъ князей-собственниковъ удалось наконецъ, съ помощью разныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, усилиться насчетъ другихъ. Онъ и его преемники усердно, правдой и неправдой, прибирали владѣнія послѣднихъ къ своимъ рукамъ. Такъ образовалась огромная вотчина, въ которой исподволь стали появляться первые зачатки государства; но и они—замѣтимъ это хорошенько—условливались не сте-

пенью нашего тогдашняго развитія, а, такъ сказать, громадностью факта, физическими средствами владѣльца. Этотъ порядокъ вещей продолжался два съ половиною вѣка, пока наконецъ, въ началѣ XVIII, московское царство дѣйствительно преобразовалось въ политическое, государственное тѣло и стало державой въ настоящемъ значеніи слова.

Отсюда мы выводимъ вотъ какіе результаты: дѣйствуя на первобытной дѣвственной почвѣ, на которой никто не оставилъ слѣдовъ другого, болѣе развитого быта, предоставленные самимъ себѣ, мы сначала принуждены были сами собою открывать и вырабатывать всѣ первичныя—гражданскія и общественныя—начала, составляющія азбуку общежитія, и едва ли есть другая исторія, которая такъ живо какъ русская сохранила картину этого незапамятнаго до-историческаго развитія человѣческаго общества. Даже понятіе о собственности мы должны были изобрѣсти сами, и честь этого открытія у насъ—принадлежитъ князьямъ; въ частный бытъ оно проникло спустя еще два вѣка. То же должно сказать и о гражданскомъ бытѣ. Первыми его дѣятелями и представителями были князья; а въ частномъ быту давно ли разрушено родовое начало? Да и разрушено ли оно вполнѣ даже теперь, полтораста лѣтъ спустя послѣ реформы? Если такъ, спрашивается, могла ли въ XIII вѣкѣ быть хоть тѣнь государственныхъ отношеній между князьями? Зародышъ гражданскихъ, нѣчто на нихъ похожее—да, безспорно, но никакъ не государственныя. Послѣднія предполагаютъ высокую степень общественнаго, умственнаго и нравственнаго развитія, о которомъ въ древней Руси не было и помину. Это доказывается и прямыми фактами, и косвенно — родовымъ, кровнымъ распорядкомъ, непосредственно предшествовавшимъ такъ называемымъ государственнымъ отношеніямъ. Оттого, что г. Соловьевъ не назвалъ явленія его именемъ, произошли всѣ неправильные и непослѣдовательные выводы, ошибочныя воззрѣнія и натянутыя толкованія.

Читатели теперь сами видятъ, что отдѣльная собственность образовалась весьма просто, сама собою, вслѣдствіе развитія родового быта. Г. Соловьеву была нужна гипотеза о различіи старыхъ и новыхъ городовъ. Она ненужна и — прибавимъ еще — весьма неправдоподобна. Дѣйствительно ли различались новые города отъ старыхъ? Авторъ блистательно изложилъ гипотезу въ своей магистерской диссертаціи объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ, но не подтвердилъ ее никакими доказательствами. Потомъ онъ на нее ссылался, какъ на аксіому. Мы съ своей стороны тщетно перебирали въ памяти историческіе факты, напрасно пересматривали лѣтописи: ни одно данное не приводитъ къ ней Во-первыхъ, въ устройствѣ старыхъ и новыхъ городовъ мы не находимъ рѣшительно никакой разницы; вольныя общины отличались особенной организаціей — это правда; но если всѣ вольные города древней Руси были старые, то далеко нельзя сказать наоборотъ, что всѣ старые города были вольные. Напротивъ, лѣтописи представляютъ намъ множество старыхъ городовъ, которые безусловно повиновались князьямъ, приходившимъ къ нимъ безъ призванія, и множество новыхъ городовъ, построенныхъ князьями, и въ с.-в. Россіи, которые не повиновались князьямъ и своевольствовали. Различіе между тѣми и другими невозможно провести, потому что устройство городовъ древней Руси не имѣло никакой опредѣленности, правильности, постоянства, которыя, при возмужалости народа, кладутъ особенную, неизмѣнную печать на всю исторію города и глубокими чертами отличаютъ ее отъ исторіи и быта всѣхъ другихъ городовъ. И теперь внутренніе города Россіи, даже большіе, чрезвычайно между собою сходны. Отчего это? Оттого, что нѣтъ провинціализма, мѣстнаго развитія, а ихъ нѣтъ потому, что гражданственность у насъ еще въ зародышѣ, едва только начинается. Тѣмъ болѣе такъ было въ древней Россіи, не имѣвшей никакой гражданственности. Исторія нашихъ городовъ въ древности служитъ этому неопровержимымъ доказательствомъ. Тѣ только изъ нихъ сохраняютъ самостоятельность, которые удалены отъ главной сцены дѣйствія русской исторіи; придетъ съ ними въ соприкосновеніе сильный князь — они отдаются ему „на всей его волѣ“, конечно, не безъ сопротивленія, но все-таки отдаются: князь на лицо—городъ исполняетъ его волю, нѣтъ — тогда городъ начинаетъ дѣйствовать, собираться на вѣче, распоряжается. Ослабѣютъ князья — города ихъ не слушаются и заключаютъ съ ними условія; усилились они — города опять замолкли. А когда утвердилось московское единовластіе, достаточно было ста лѣтъ, чтобъ сравнить

какой-нибудь Новгородъ со всѣми другими городами,—Новгородъ, который до конца XV вѣка составлялъ цѣлое государство съ огромной территоріей; а тогда еще не было и помина о тѣхъ административныхъ средствахъ совершеннаго покоренія, которыя изобрѣтены уже въ новѣйшее время. Что можетъ быть краснорѣчивѣе этихъ фактовъ? Не говорятъ ли они, что тогда города сами по себѣ ничего не значили, что ихъ муниципальныя права не были правами, а обычаями, не имѣвшими даже юридическаго характера, потому что эти права не были сознаны и усвоены и только въ отсутствіи или при слабости князей предъявляли своё существованіе. Стало быть, не изъ характера новыхъ городовъ развилось понятіе объ отдѣльной княжеской собственности. Оно не имѣло никакого историческаго прототипа, а напротивъ, само родившись впервые въ государственной сферѣ, послужило первообразомъ частной, гражданской собственности. И такъ, объясненіе г. Соловьева рушится само собою.

Объясненіе происхожденія отдѣльной собственности лежитъ гораздо ближе, въ самыхъ условіяхъ родового быта. Если онъ послѣ XIII вѣка началъ переходить въ гражданскій, а не государственный, какъ думаетъ г. Соловьевъ, то органическую связь между обоими угадать весьма не трудно. Она скрывается въ вотчинномъ семейственномъ началѣ, тоже основанномъ на кровномъ родствѣ, слѣдовательно тоже патріархальномъ, но которое тѣмъ существенно отличается отъ родового, что гораздо тѣснѣе его и находится къ нему постоянно во враждебныхъ отношеніяхъ. Семья разлагаетъ родъ на части, и когда она беретъ верхъ, послѣдній необходимо падаетъ. О вотчинномъ, семейномъ началѣ, игравшемъ такую важную роль въ древней Россіи, г. Соловьевъ совсѣмъ не говоритъ въ своей диссертаціи; онъ его какъ бы обходитъ. На диспутѣ многіе, отправляясь впрочемъ отъ различныхъ точекъ зрѣнія, сошлись въ возраженіяхъ на эту слабую сторону разсужденія. Авторъ защищался очень ловко и искусно, но побѣда осталась не на его сторонѣ. Такъ какъ этотъ предметъ весьма важный въ русской исторіи, то мы позволимъ себѣ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Одно изъ главныхъ, коренныхъ отличій родового союза состоитъ въ томъ, что какъ бы ни расширился родъ, какъ бы ни стали многочисленны его вѣтви, онѣ непремѣнно находятъ въ немъ извѣстное мѣсто; каждое лицо, по линіи, старшинству или меньшинству, классифицируется въ родѣ, и никто, на основаніи родовыхъ началъ, не изъятъ изъ этой классификаціи. Таковъ родъ, по самому своему началу; если оно не всегда строго выдержано въ примѣненіи къ тому или другому лицу, то все же пока родъ существуетъ и силенъ, никто не можетъ высвободиться изъ родового союза, съ удержаніемъ какихъ-нибудь правъ. Это заколдованный кругъ, изъ котораго нельзя выйти, не переставши существовать физически или граждански. Какое же мѣсто занимаетъ каждое лицо въ родѣ и какъ опредѣляются его отношенія къ другимъ? Это зависитъ исключительно отъ рожденія. Кто прежде родился, тотъ и старше; кто позднѣе, тотъ моложе. На этомъ основаніи, совершенно сообразно съ законами естественнаго рожденія, дяди считались въ чисто родовомъ союзѣ старше своихъ племянниковъ. Если юридическая казуистика родового начала и видоизмѣняла это общее положеніе, то это не было отступленіемъ, а напротивъ ближайшимъ приноровленіемъ родового старшинства къ естественному. Положеніе младшаго въ родовомъ союзѣ вообще было очень незавидно. Онъ былъ обязанъ уважать, почитать, любить и слушаться старшаго, хотя бы старшій былъ въ десять разъ его ограниченнѣе, чтобъ не сказать глупѣе, хотя бы онъ не заслуживалъ ни малѣйшей любви и почтенія. Повиновеніе старшимъ влечетъ за собою множество мелкихъ, тягостныхъ обязанностей и послугъ; еще въ недавнее время, которое, слава Богу, быстро уходитъ, считалось непремѣнной обязанностью дѣлать визиты или писать форменныя письма по праздникамъ, наружно уважать, спрашивать совѣта даже въ такихъ дѣлахъ, которыя ни до кого не касаются, о которыхъ не хочешь никому говорить, и т. д. Какъ же пусто и главное безлично должно было быть общество, когда такое устройство и такія несообразныя съ здравымъ смысломъ отношенія не возбуждали ничьего противодѣйствія, когда никто ими не тяготился, а напротивъ всякій вмѣнялъ себѣ въ особенную заслугу безусловное и буквальное выполненіе родовыхъ обязанностей! Такой порядокъ вещей не могъ продолжаться вѣчно. Но разложеніе его у насъ началось не протестомъ лица во имя своихъ вѣчныхъ, неотъемлемыхъ правъ, ибо о личности въ древнѣйшей Руси не было и

помину: упадокъ родового устройства пришелъ совсѣмъ съ другой стороны, откуда бы его, кажется, всего менѣе можно было ожидать, а именно—отъ семьи, вотчиннаго начала. Это сдѣлалось вотъ какимъ образомъ:

Братья между собою считались старшинствомъ, и такимъ образомъ, даже по смерти отца, составляли цѣлое, опредѣляемое постоянными законами; но дѣти каждаго изъ нихъ имѣли ближайшее отношеніе къ отцу, и только второстепенное, посредственное—къ роду. Для нихъ ихъ семейные интересы были главное и первое; родъ былъ уже гораздо дальше и не могъ такъ живо, всецѣло поглощать ихъ вниманіе и любовь. Прибавьте къ этому, что и для ихъ отца выгоды своей семьи были близки и во многихъ случаяхъ, приходя въ столкновеніе съ выгодами рода, могли ихъ перевѣшивать. Но пока родъ былъ немногочисленъ и линіи еще недалеко разошлись, родъ еще могъ держаться; а что же должно было произойти, когда послѣ родоначальника смѣнились три, четыре поколѣнія,—когда каждая княжеская линія имѣла уже свои семейныя и родовыя преданія, а общеродовые интересы ступили на третье, четвертое мѣсто? Естественно, къ роду, обратившемуся теперь въ призракъ, всѣ должны были охладѣть. Вслѣдствіе чего же? Вслѣдствіе того, что вотчинное, семейное начало, нисходящіе разорвали родъ на самостоятельныя, другъ отъ друга независящія части или отрасли. Этотъ процессъ повторялся нѣсколько разъ: изъ вѣтвей развивались роды. Эти роды разлагались семейнымъ началомъ и т. д., до тѣхъ поръ, пока родовое начало не износилось совершенно. Его поддерживало нѣсколько времени значеніе княженій, которыя сначала носили на себѣ какую-то тѣнь, призракъ государственныхъ владѣній, составлявшихъ политическое цѣлое; но этотъ призракъ скоро разсѣялся, ибо они все дробились и дробились, такъ что владѣнія князей наконецъ измельчали до крайности и стали просто частною собственностью. Тогда-то семейное начало, въ лицѣ нисходящихъ, открыто стало оспоривать первенство у родового, представляемаго старшими боковыми родственниками. Семья стала главнымъ движущимъ принципомъ, а не родъ; не къ дядямъ умершаго лица стали переходить права и владѣнія, а къ сыновьямъ его. Послѣдніе сдѣлались старшими, а первые младшими, и родъ исчезъ.

Постепенность этой коренной перемѣны въ понятіяхъ и въ движущемъ началѣ нашей внутренней жизни, которой важность нельзя довольно оцѣнить, превосходно изложена въ диссертаціи г. Соловьева въ отношеніи къ велико-княжескому достоинству:

„Первымъ, главнымъ правомъ на великокняжеское достоинство было старшинство физическое, слѣдовательно дядя имѣлъ первенство надъ племянникомъ, старшій братъ надъ младшими, мужъ старшей сестры надъ младшими зятьями... И такъ по первому, естественному представленію о старшинствѣ, дядя постоянно имѣлъ право предъ племянникомъ. Но теперь обратимъ вниманіе на второе представленіе: по смерти отца старшій братъ заступалъ его мѣсто для младшихъ, становился отцомъ въ отношеніи къ нимъ, слѣдовательно его дѣти должны были стать братьями дядьямъ своимъ; и точно такое представленіе существовало при родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ, ибо мы видимъ, что сыновья старшаго брата называются братьями дядьямъ своимъ... Но при такомъ представленіи необходимо рождался вопросъ: старшій сынъ старшаго брата, который сталъ отцомъ для младшихъ братьевъ, сталъ поэтому самому братомъ дядьямъ своимъ, но какимъ братомъ — старшимъ или младшимъ? Здѣсь опять два представленія: первое, основываясь на физическомъ старшинствѣ, отдавало всегда преимущество дядьямъ предъ племянниками, сыновья старшаго брата были братьями дядьямъ своимъ, но братьями младшими... Но въ пользу племянниковъ скоро явилось другое представленіе: старшій братъ сталъ отцомъ для младшихъ, сыновья его изъ племянниковъ стали для нихъ братьями, старшій между сыновьями отца есть необходимо старшій между братьями, слѣдовательно старшій племянникъ старше дядей... Послѣднее представленіе о старшинствѣ старшаго племянника надъ дядьями явилось при самыхъ первыхъ столкновеніяхъ между правами Ярославовыхъ потомковъ на старшинство, но встрѣтило сильное сопротивленіе въ общемъ мнѣніи, которое было за естественное представленіе, основанное на физическомъ старшинствѣ дядей надъ племянниками: отсюда произошли страшныя войны между Мстиславичами и Юріемъ Долгорукимъ и потомствомъ его, въ продолженіе которыхъ и до самаго разъединенія юго-западной старой Руси отъ сѣверо-восточной, новой, торжество оставалось за представленіемъ о старшинствѣ дядей надъ племянниками... Но въ потомствѣ Всеволода III въ Руси сѣверо-восточной пересиливаетъ представленіе о старшинствѣ сына отъ старшаго брата уже не надъ одними младшими, но надъ всѣми дядьями, при чемъ однако, до самаго пресѣченія Рюрикова рода на престолѣ Московскомъ, дядья самые младшіе не хотятъ уступить старшинства сыну отъ перваго брата, такъ что оба представленія остаются при своихъ крайностяхъ, не уступаютъ другъ другу, не допускаютъ ничего средняго“.

Когда нисходящіе получили старшинство передъ боковыми, родъ не могъ уже организоваться и родовое начало—быть источникомъ

правъ. Отъ него удержалась лишь форма безъ всякаго содержанія. Мало этого: только съ его паденіемъ и полнымъ торжествомъ семейнаго начала, могъ появиться типъ землевладѣльца, вотчинника, который въ нашей государственной жизни дѣйствительно смѣнилъ типъ дружиноначальника, сначала преобладавшій между князьями и лежавшій въ основаніи ихъ власти. Родъ князей-помѣщиковъ, или „хозяевъ", какъ называетъ ихъ весьма остроумно г. Соловьевъ, не только тянется черезъ всю московскую исторію до Іоанна III, но даже всѣ послѣдующіе московскіе цари, до самого Петра Великаго, проникнутые тѣмъ же характеромъ, удерживаютъ еще тѣ же самыя формы, хотя и съ измѣненіями. Но рядомъ съ этимъ типомъ, еще въ концѣ XIV вѣка, возникаетъ, сначала смутно, едва замѣтно, мысль о государствѣ. Развиваясь медленно, она мало-по-малу вытѣсняетъ типъ владѣльца, вотчинника, и наконецъ одерживаетъ надъ нимъ первую блистательную побѣду въ лицѣ и реформѣ Петра Великаго. Это появленіе новой идеи, какъ намъ кажется, не довольно рѣзко отмѣчено въ разсужденіи г. Соловьева. Правда, онъ особенно останавливается на томъ, что Дмитрій Донской первый отказалъ старшему сыну гораздо большую часть въ сравненіи съ прочими, и тѣмъ выразилъ, что столько же, и еще больше, заботился о сохраненіи цѣлости московскаго великаго княжества, сколько о семейныхъ интересахъ. Совсѣмъ тѣмъ, объ этомъ въ высокой степени важномъ явленіи въ нашей исторіи не сказано у г. Соловьева ни слова въ общемъ обозрѣніи предмета. Господство семейнаго начала и появленіе начала государственнаго слиты авторомъ въ одно, подъ общимъ названіемъ государственныхъ отношеній. Мы уже видѣли, какъ это неправильно. Прибавимъ, что именно оттого, что авторъ не отличилъ семьи и вотчины отъ государства, и выходитъ у него какъ бы скачокъ въ нашемъ развитіи—пустое мѣсто, не наполненное ничѣмъ. Введеніемъ семейнаго начала этотъ пропускъ исчезаетъ, и ходъ исторіи является чрезвычайно естественнымъ и послѣдовательнымъ: родъ и общее владѣніе, семья и вотчина или отдѣльная собственность, лицо и государство.

Вотъ все, что мы считали нужнымъ сказать объ основной мысли новаго историческаго сочиненія г. Соловьева. Переходя теперь къ подробному разбору его частныхъ розысканій и отдѣльныхъ положеній, въ которыхъ, по нашему мнѣнію, и заключается вся сила, достоинство разсужденія и вполнѣ выражается яркій историческій талантъ автора,—сдѣлаемъ въ заключеніе общій выводъ изъ всего нами сказаннаго.

Главная заслуга г. Соловьева состоитъ въ томъ, что онъ открылъ и показалъ какъ основной движущій принципъ нашей древней исторіи—родовое начало. Ни одинъ изъ его предшественниковъ не успѣлъ въ этомъ такъ блистательно, какъ онъ. Поэтому, несмотря на то, что многіе — Эверсъ, Рейцъ, г. Погодинъ, отчасти даже Карамзинъ, — вертѣлись около этой мысли, мы не усомнимся приписать г. Соловьеву честь безспорно величайшаго открытія въ русской исторіи. Въ нашей исторической литературѣ онъ поднялъ новое знамя и является основателемъ новаго воззрѣнія, богатаго выводами и послѣдствіями. Но онъ не вполнѣ вѣрно и послѣдовательно развилъ свою мысль; это произошло, какъ намъ кажется, оттого, что онъ недовольно глубоко вникъ въ законы естественнаго, органическаго развитія родового начала. Отсюда:

Во 1-хъ, въ первомъ появленіи гражданственности, да и то только въ политической сферѣ, между князьями, авторъ видитъ уже государственныя отношенія; во 2-хъ, семейственное, вотчинное начало, развившееся изъ родового и подготовившее появленіе государства, вовсе не обратило на себя его вниманія; въ 3-хъ, оттого и первые зачатки государственности не играютъ въ его сочиненіи той важной роли, которая имъ по всей справедливости принадлежала: они какъ-то сливаются съ предыдущимъ и послѣдующимъ и потому остаются въ тѣни, едва мимоходомъ замѣченные; въ 4-хъ, появленіе отдѣльной собственности объяснено ничѣмъ недоказанной и вдобавокъ вовсе неправдоподобной гипотезой, тогда какъ оно весьма просто объясняется естественнымъ и необходимымъ развитіемъ родового быта и устройства.

Разсмотримъ частности съ той внимательностью и подробностью, которыхъ въ полной мѣрѣ заслуживаетъ эта превосходная, классическая книга. Здѣсь мы тоже встрѣтимъ мѣстами много такого, съ чѣмъ нельзя согласиться или что̀ по крайней мѣрѣ сомнительно и спорно. Зато, по большей части, изслѣдованія и замѣтки автора такъ вѣрны, оригинальны и новы, что они съ избыткомъ вы-

купаютъ преувеличенное, невѣроятное и ошибочное.

Предисловіе, о которомъ мы лишь мимоходомъ упомянули,—въ своемъ родѣ мастерское, художественное произведеніе.

„Мы привыкли, — говоритъ авторъ — къ выраженіямъ: раздѣленіе Россіи на удѣлы, удѣльные князья, удѣльный періодъ, удѣльная система, исчезновеніе удѣловъ при Іоаннѣ III, при сынѣ его Василіи, при Іоаннѣ IV. Употребляя эти выраженія, мы необходимо даемъ знать, что Россія, начиная отъ смерти Ярослава І-го до конца XVI вѣка, была раздѣлена, ставимъ *удѣлъ* на первомъ планѣ, даемъ ему главную роль; за удѣлъ идутъ всѣ борьбы, около удѣла вращается вся исторія, если періодъ называется удѣльнымъ, если господствуетъ удѣльная система. Но раскроемъ лѣтописи отъ времени Ярослава І-го до XIII вѣка: идетъ ли въ нихъ рѣчь объ удѣлахъ? встрѣчаемъ ли выраженіе: удѣльный князь и великій? происходитъ ли борьба за удѣлъ, за распространеніе, усиленіе одного удѣла насчетъ другого, раздѣлена ли наконецъ Россія? Нисколько, всѣ князья суть члены одного рода, вся Русь составляетъ нераздѣленную родовую собственность; идетъ рѣчь о томъ, кто изъ князей старше, кто моложе въ родѣ, за это всѣ споры, всѣ междоусобія. Владѣніе, города, области имѣютъ значеніе второстепенное, имѣютъ значеніе только въ той степени, въ какой соотвѣтствуютъ старшинству князей, ихъ притязаніямъ на старшинство, и потому князья безпрестанно мѣняютъ ихъ. Князь, у котораго во владѣніи обширная область на сѣверѣ, оставляетъ ее и бьется изо всѣхъ силъ за одинъ городъ на югѣ, потому что этотъ городъ приближаетъ его къ старшинству: однимъ словомъ, интересъ собственника вполнѣ подчиненъ интересу родича. Вмѣсто раздѣленія, которое необходимо связано съ понятіемъ объ удѣлѣ, мы видимъ единство княжескаго рода: развѣ борьба Святославичей съ Мономаховичами есть борьба удѣловъ, борьба Чернигова съ Кіевомъ, Смоленскомъ, Суздалемъ? Это борьба за единство Ярославова рода, за общность, нераздѣльность владѣнія: „мы внуки одного дѣда", говорятъ Святославичи, и потому домогаются Кіева. Начинается вторая борьба въ семьѣ Мономаха, между Мстиславичами и Юріемъ Долгорукимъ, и опять не за удѣлъ, но за старшинство. Наконецъ третья усобица между Ростиславичами и Юрьевичами идетъ также не за удѣлы, но за родовыя отношенія: Ростиславичи требуютъ, чтобъ старшій князь поступилъ съ младшими, какъ съ братьями, а не какъ съ подручниками. Гдѣ же удѣлы? Въ лѣтописи вы не находите отношеній великаго князя къ удѣльнымъ, вы находите только отношенія отца къ сыновьямъ, старшаго брата къ младшимъ, дядей къ племянникамъ: даже самое слово *удѣлъ* мы не встрѣчаемъ въ лѣтописи; если не было понятія о раздѣлѣ, о выдѣлѣ, объ отдѣльной собственности, то не могло быть и слова для его выраженія; когда же на сѣверѣ явилось понятіе объ отдѣльной собственности, то явился и удѣлъ; до этого же времени мы встрѣчаемъ только слова: *волость* и *столъ*. Такимъ образомъ выраженія: удѣльный періодъ, удѣльная система, приводятъ къ совершенно ложному, обратному представленію, выставляя господство удѣла, владѣнія, отдѣльной собственности въ то время, когда господствовали родовыя отношенія при нераздѣльной родовой собственности.

„Но я уже сказалъ, что третья борьба между Ростиславичами и Юрьевичами идетъ за то, что первые хотятъ поддержать родовыя отношенія противъ стремленія сѣверныхъ князей, которые хотятъ обходиться съ родичами, какъ съ подручниками, стать самовластцами въ землѣ своей. Это стремленіе служитъ уже яснымъ признакомъ ослабленія родовой связи, родовыхъ отношеній. И точно, скоро мы видимъ, что единство Ярославова рода рушится, и Русь дѣлится, впервые, на нѣсколько княжествъ, каждое съ своимъ великимъ княземъ, потому что великій князь означаетъ только старшаго въ княжескомъ родѣ, и если родъ Ярослава раздробился на нѣсколько особыхъ родовъ, то каждый родъ долженъ былъ имѣть особаго старшаго: явилось нѣсколько великихъ князей. Начинается борьба между отдѣльными княжествами; цѣль этой борьбы — пріобрѣтеніе собственности, усиленіе одного княжества насчетъ другихъ, подчиненіе всѣхъ княжествъ одному сильнѣйшему: борьба оканчивается усиленіемъ княжества московскаго, подчиненіемъ ему всѣхъ остальныхъ. Но во время этой борьбы между отдѣльными великими князьями, или старшими родовъ, внутри каждаго княжества, въ каждомъ родѣ идетъ борьба между старшимъ княземъ и младшими, теперь уже *удѣльными* князьями, борьба также за собственность и за государственныя отношенія противъ родовыхъ: каждый великій князь хочетъ уничтожить удѣлы, привести удѣльныхъ князей въ подданническое къ себѣ отношеніе; послѣдніе ратуютъ во имя старыхъ родовыхъ отношеній, старыхъ правъ. Эта внутренняя борьба въ другихъ княжествахъ оканчивается вмѣстѣ съ подчиненіемъ ихъ московскому, въ послѣднемъ же оканчивается только съ пресѣченіемъ Рюриковой династіи. (Стр. I—IV).

Доказавъ такимъ образомъ, и весьма основательно, что удѣловъ сначала вовсе не существовало, а потомъ они не такъ исключительно опредѣляли между-княжескія отношенія, чтобы по нимъ можно было назвать цѣлый періодъ русской исторіи *удѣльнымъ*, авторъ доходитъ до тѣхъ же результатовъ и въ отношеніи къ *монгольскому періоду*.

„Если несправедливо названіе: удѣльный періодъ, то еще менѣе справедливо названіе монгольскаго періода. Это названіе можетъ быть допущено только тогда, когда мы беремъ одну внѣшнюю сторону событій; но слѣдя за внутреннимъ, государственнымъ развитіемъ въ Россіи, мы не имѣемъ никакого основанія ставить монгольскія отношенія на первомъ планѣ, приписывать азіатской ордѣ такое сильное вліяніе на развитіе европейско-христіанскаго общества. Мы видѣли, что стремленіе замѣнить родовыя отношенія государственными началось съ Андрея Боголюбскаго, слѣдовательно гораздо прежде монголовъ; это стремленіе вызвало

сильную борьбу между родовыми и государственными отношеніями, условія для которой были приготовлены прежде монголовъ. Правда, когда отдѣльныя княжества, явившіяся вслѣдствіе разрыва родового единства и преобладанія понятія объ отдѣльной собственности, начинаютъ борьбу другъ съ другомъ, то монголы принимаютъ дѣятельное участіе въ этой борьбѣ, помогаютъ войскомъ то тому, то другому князю или княжеству: но здѣсь они дѣйствуютъ безотчетно, безсознательно, точно такъ, какъ прежде дѣйствовали половцы, помогавшіе одному князю противъ другого въ ихъ родовыхъ спорахъ; однако никто не вноситъ въ русскую исторію половецкаго періода. Возразятъ: половцы не порабощали Руси своему игу, не налагали дани, не давали ярлыковъ князьямъ нашимъ, не казнили ихъ въ степяхъ своихъ: но монголы, несмотря на свое видимое владычество, не имѣютъ никакого понятія о княжескихъ отношеніяхъ, поддерживаютъ, даютъ ярлыки тѣмъ изъ князей, которые дадутъ имъ больше денегъ; еслибъ во время монголовъ продолжали господствовать прежнія родовыя отношенія, то монголы точно бы такъ же поддерживали то дядей противъ племянниковъ и наоборотъ, то Мономаховичей противъ Олеговичей, и наоборотъ; въ XIII же и XIV вѣкахъ, когда родовыя отношенія потеряли господство, монголы помогаютъ князьямъ: московскому, рязанскому, тверскому, нижегородскому, ярлыками и войскомъ въ борьбѣ ихъ другъ съ другомъ, цѣль которой есть усиленіе одного княжества насчетъ другихъ, подчиненіе всѣхъ княжествъ одному, собраніе земли русской. Какая разница между участіемъ монголовъ и половцевъ въ княжескихъ отношеніяхъ? Та, что для склоненія хана монгольскаго на свою сторону, князь долженъ былъ ѣхать въ Орду, такъ какъ для задариванія половецкаго хана князь съѣзжался съ нимъ на границахъ степей: слѣдствія были одни и тѣ же. Ханы казнили русскихъ князей въ Ордѣ: не ханы казнили ихъ, но русскіе князья посредствомъ ханскихъ палачей истребляли другъ друга; ханы служили здѣсь только орудіемъ для цѣлей чуждыхъ, которыхъ они совершенно не понимали; для насъ важно не то, какъ, посредствомъ кого князья истребляли другъ друга, но по какимъ началамъ дѣйствуютъ, какія цѣли преслѣдуютъ въ своей борьбѣ, а эти начала, эти цѣли явились независимо отъ татаръ и прежде нихъ. Ханъ могущественно способствовалъ усиленію и обогащенію великаго князя, сдѣлавъ его своимъ приказчикомъ, сборщикомъ податей: но какого великаго князя разумѣютъ здѣсь? московскаго? Но кромѣ московскаго были другіе великіе князья, которые въ своихъ областяхъ были также приказчиками хана, собирали дань съ своихъ удѣльныхъ, и могли также обогащаться и усиливаться на счетъ послѣднихъ. Узбекъ помогъ Москвѣ восторжествовать надъ Тверью: но развѣ половцы не давали побѣды князьямъ нашимъ? И такъ названіе монгольскаго періода должно быть исключено изъ русской исторіи, потому что мы не можемъ приписать монголамъ самаго сильнаго вліянія на произведеніе тѣхъ явленій, которыми отличается наша исторія, начиная съ XIII вѣка; новый порядокъ вещей начался гораздо прежде монголовъ и развивался естественно, вслѣдствіе причинъ внутреннихъ, при пособіи разныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, въ числѣ которыхъ были и монгольскія отношенія, но не подъ исключительнымъ ихъ вліяніемъ" (стр. --IX).

Взглядъ г. Соловьева на монгольское владычество имѣетъ двѣ стороны, которыя читателю непремѣнно должно различать, если хочетъ узнать истину. До сихъ поръ думали, что татарское иго насильственно измѣнило русскую исторію, отклонило его отъ нормальнаго развитія. Мы знаемъ, что многіе смотрѣли иначе и прежде г. Соловьева, но не помнимъ, чтобы кто-нибудь высказалъ свое мнѣніе печатно. Съ этой стороны, какъ противодѣйствіе существующимъ понятіямъ, какъ возстановленіе органической связи между до-монгольской и послѣ-монгольской Русью, слишкомъ рѣзко доселѣ раздѣляемыми, взглядъ г. Соловьева кажется намъ вполнѣ вѣрнымъ; въ другомъ мѣстѣ мы высказали подобное же мнѣніе и до сихъ поръ не имѣемъ никакой причины отъ него отступать. Самая односторонность взгляда г. Соловьева вполнѣ объясняется и оправдывается прежними мнѣніями о монгольскомъ періодѣ, ибо вездѣ и всегда одна односторонность вызывала другую. За примѣрами ходить недалеко: передъ нами мнѣніе о древней русской исторіи, реформѣ Петра, Карамзинѣ, цѣломъ славянскомъ мірѣ и о множествѣ другихъ вопросовъ. А односторонность есть во взглядѣ г. Соловьева. Увлекаясь вѣрностью основной мысли, онъ, какъ намъ кажется, пошелъ слишкомъ далеко. Дѣйствительно, начала, развиваемыя древней Русью, не были нисколько измѣнены татарскимъ владычествомъ; но нельзя отрицать, что оно очень неблагопріятно дѣйствовало на характеръ и духъ народа. Необузданный произволъ, ничѣмъ неуловимая случайность, умилостивляемая, и то не всегда, однимъ полнымъ уничиженіемъ, не могли остаться безъ сильнаго вліянія на нравственность какъ народа, такъ и князей. Если въ продолженіе почти двухъ сотъ лѣтъ одна лесть, подкупъ и отрицаніе въ себѣ всякихъ правъ были почти единственными средствами для достиженія цѣлей, то трудно себѣ представить, чтобъ это не отозвалось въ послѣдующемъ бытѣ и исторіи. Оно и отозвалось! Татищевъ, безспорно одинъ изъ умнѣйшихъ изслѣдователей русской исторіи, смотритъ на реформу Петра между прочимъ какъ на искорененіе слѣдовъ, оставленныхъ татарскимъ игомъ. Стало быть, и тогда многія дурныя стороны нашего характера приписы-

вались азіатской ордѣ, нами овладѣвшей, и если нѣкоторыя изъ нихъ могутъ безъ всякаго сомнѣнія быть причислены къ нашему родовому наслѣдію, то другія—очевидно благопріобрѣтенныя, или носятъ смѣшанный характеръ. Слѣдовательно, историческое повѣрье, приписывающее татарамъ столько дурного въ насъ, имѣетъ нѣкоторое основаніе, которымъ нельзя пренебрегать.

Въ заключеніе авторъ предлагаетъ свое раздѣленіе между-княжескихъ отношеній на отдѣлы. *Первый* до Андрея Боголюбскаго: чисто родовыя отношенія; *второй* до Іоанна Калиты: первыя попытки смѣнить родовыя отношенія, и вслѣдствіе того, борьба между князьями сѣверной и восточной Руси, представителями противоположныхъ цѣлей. Послѣ раздробленія рода эта борьба смѣняется борьбой отдѣльныхъ княженій, съ цѣлью усиленія одного насчетъ другихъ; побѣда остается на сторонѣ московскаго князя. *Третій* отдѣлъ до Іоанна III: Москва и Литва — два центра, около которыхъ группируется Русь. Литовскіе и московскіе князья — въ борьбѣ между собою. Московскіе даютъ все болѣе и болѣе перевѣса государственнымъ отношеніямъ надъ родовыми. *Четвертый* — до пресѣченія Рюриковой династіи: окончательное торжество государственныхъ отношеній надъ родовыми, купленное кровавою борьбою съ издыхающимъ родовымъ началомъ.

Это раздѣленіе намъ кажется такъ же неудовлетворительнымъ, какъ и прежнія, весьма основательно отвергнутыя г. Соловьевымъ. Что вызвало его на опроверженіе названій: удѣльный, монгольскій періодъ? Не то ли, что эти представленія затемнили естественное, органическое развитіе русской исторіи. Если такъ, новое раздѣленіе не должно имѣть этого недостатка: оно тамъ должно ставить границы эпохамъ и періодамъ, гдѣ начинается и оканчивается развитіе какого-нибудь историческаго принципа. Но этого г. Соловьевъ не сдѣлалъ, и потому его раздѣленіе, если разсматривать съ его же точки зрѣнія, такъ же произвольно и внѣшне, какъ и прежнія. Первый отдѣлъ составляетъ нѣчто цѣлое, но конечно не съ Рюрика, а по крайней мѣрѣ съ Ярополка, если не съ Владиміра и Ярослава. До Ярополка мы ничего не знаемъ о родовыхъ отношеніяхъ между князьями, и тѣ, которые признаютъ у насъ варяжскій періодъ, не безъ основанія могутъ отрицать существованіе родовыхъ отношеній до этого времени, по самому характеру варяжскаго элемента — дружинному, военному, а отнюдь не родовому. Остальные три отдѣла различны между собою только по степенямъ преобладанія государственныхъ отношеній надъ родовыми— степенямъ, которыя не имѣютъ впрочемъ у автора своихъ отличительныхъ, характеристическихъ оттѣнковъ. Почему же они составляютъ отдѣлы? Мѣрила нѣтъ; это зависѣло отъ одного благоусмотрѣнія г. Соловьева. Намъ кажется, что этотъ недостатокъ правильнаго, логическаго раздѣленія происходитъ отъ недостаточнаго развитія основного, движущаго начала древней Руси, о чемъ мы уже подробно говорили прежде. Г. Соловьевъ вдругъ обратилъ вниманіе на нѣсколько различныхъ сторонъ нашей исторіи, и именно поэтому нѣтъ единства въ его воззрѣніи. Мы думаемъ, что точки дѣленія могли бы быть удержаны тѣ же самыя, но характеристика эпохъ должна быть другая. Первая — родовыя отношенія, вторая—ихъ борьба съ семейными и гражданскими, третья—семейныя и гражданскія отношенія, четвертая — государство. Если данныя тѣ же, то смыслъ ихъ совершенно другой, и на этомъ основаніи мы заранѣе отклоняемъ отъ себя упрекъ въ безполезной, ни къ чему не ведущей игрѣ словами.

Послѣ „вступленія“ авторъ переходитъ къ самому изложенію между-княжескихъ отношеній. Ему предшествуетъ, вмѣсто введенія, особенная глава, исключительно посвященная общему обозрѣнію родовыхъ отношеній князей. Эта глава здѣсь совершенно у мѣста, потому что весь первый отдѣлъ, до Андрея Боголюбскаго, объясняется одними родовыми отношеніями. Замѣтимъ также, что эта первая глава была уже напечатана въ первомъ томѣ „Московскаго Сборника“ и теперь является исправленною и дополненною. Вотъ ея содержаніе: старшій въ княжескомъ родѣ, или великій князь, былъ въ отношеніи къ младшимъ какъ бы отецъ, „въ отца мѣсто“. На этомъ основаніи онъ долженъ былъ охранять интересы рода, имѣлъ право судить и наказывать младшихъ членовъ рода; но послѣднимъ правомъ онъ не могъ пользоваться по произволу: нужно было обвиненіе; младшіе съ своей стороны обязаны были уважать и слушаться великаго князя. Это уваженіе и послушаніе выражались въ томъ, что они ѣздили подлѣ стре-

мени старшаго, по старинному выраженію — „ходили по немъ“, имѣли его себѣ господиномъ, находились въ его волѣ и смотрѣли ему въ глаза — „зрѣли нань“. Совершенно согласно съ патріархальными нравами, они должны были соглашаться съ распоряженіями старшаго безъ возраженій, не имѣли никакого права давать ему совѣтовъ, и когда онъ спрашивалъ у нихъ мнѣнія, то это считалось за великую честь и снисхожденіе. Впрочемъ, всѣ эти отношенія глубокой, сыновней почтительности къ старшему исчезали, когда младшіе были имъ недовольны за то, что онъ не исполнялъ своихъ отеческихъ обязанностей, отдѣлялъ свои интересы отъ интересовъ рода, дѣлалъ различіе между близкими и далекими родственниками, или начиналъ обращаться съ младшими не какъ съ родными, а какъ съ подчиненными правителями или подручниками. Во всѣхъ исчисленныхъ случаяхъ его права прекращались, и онъ замѣнялся общимъ родовымъ совѣтомъ, или каждый князь дѣйствовалъ и защищался какъ умѣлъ и могъ. При такихъ на родствѣ основанныхъ отношеніяхъ, когда старшій не былъ властелиномъ, хотя и имѣлъ огромныя права, собственность принадлежала всему роду; старшій не могъ ею располагать по произволу, но владѣлъ и распоряжалъ сообща съ младшими, откуда и выраженія *посадиша, выгнаша*, которыя показываютъ, что старшій дѣйствовалъ не одинъ, а вмѣстѣ съ младшими. Кто же изъ князей считался старшимъ или великимъ? Какъ мы видѣли,— старшій физически, то есть дядя былъ старшимъ надъ племянниками, старшій братъ надъ младшими и т. д. Но изъ послѣдняго старшинства развилось измѣненіе въ отношеніяхъ племянниковъ къ дядямъ. Старшій братъ — отецъ младшимъ, слѣдовательно его сыновья имъ братья. Сперва они считались младшими братьями, но потомъ въ сѣверо-восточной Руси старшій племянникъ сталъ считаться старшинствомъ съ дядями. Сначала признано его старшинство надъ младшими дядями, а впослѣдствіи и надъ всѣми. Нѣкоторые случаи навсегда лишали князей возможности сдѣлаться старшими или великими, даже участія въ родовой собственности. А именно: 1) когда отецъ ихъ умиралъ, не получивши старшинства или велико-княжескаго достоинства. Они назывались *изгоями* (смерть матери только уменьшала права); 2) насильственное лишеніе права или владѣнія, изгнаніе, потому что битва считалась судомъ Божіимъ; но точно также судомъ Божіимъ считалось, если князь силою возвратитъ себѣ старшинство, столъ. Князь, которому не удавалось возкратить себѣ потерянное, навсегда и съ потомствомъ терялъ право на владѣніе.

Таково было въ главныхъ чертахъ родовое устройство и родовыя отношенія, личныя и по владѣнію. Впослѣдствіи, когда княжескій родъ расплодился, счетъ родства началъ спутываться и съ естественными кровными отношеніями вступили въ столкновеніе частные интересы, мѣсто великаго князя, или старшаго, на котораго указывали родовые законы, заступали иногда чужеродцы. Младшіе князья иногда *выбирали* себѣ старшаго и давали ему присягу вѣрности, почему и назывались *ротниками*. Такъ, послѣ естественнаго родового союза, появился искусственный, но созданный по его образцу и началамъ.

Это главныя положенія, развитыя авторомъ въ общемъ обозрѣніи княжескихъ отношеній до XIII вѣка. Рядомъ съ ними находимъ и нѣкоторыя отдѣльныя замѣчанія; по ихъ важности они не могутъ быть обойдены.

На стр. 20 мы читаемъ:

„Старшій въ родѣ, бывшій другимъ *въ отца мѣсто*, по занятіи старшаго стола дѣлалъ рядъ съ младшею братьею, касательно распредѣленія родовой собственности... При этихъ рядахъ опредѣляли не только какому князю владѣть какою волостью, но также извѣстныя правила, съ которыми должны были сообразоваться князья въ своемъ поведеніи... Послѣ, когда права разныхъ князей на старшинство запутались, то князья дѣлали другъ съ другомъ ряды — если кто-нибудь изъ нихъ получитъ старшинство, то чтобъ отдалъ другую какую-нибудь область... Ясно, что если каждый В. Князь долженъ былъ дѣлать ряды съ братьею, то *завѣщанія* въ древней Руси быть не могло, ибо завѣщаніе показываетъ, что завѣщатель имѣетъ право располагать собственностью по произволу“.

Замѣчаніе глубоко-вѣрное въ примѣненіи къ между-княжескимъ отношеніямъ въ то время, когда было много князей и они еще не усѣлись по мѣстамъ, — и совершенно ошибочное въ той общей формѣ, въ какой оно здѣсь высказано. Князья не могли распоряжаться владѣніями посредствомъ завѣщанія — это такъ; но когда одинъ князь владѣлъ всей Россіей, отчего же бы онъ не могъ распорядиться произвольно? Завѣщаніе

Ярослава внесено въ лѣтопись. Г. Соловьевъ, увлекаясь своею любимою мыслью, опровергаетъ его подлинность, но, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, это натяжка, не выдерживающая критики. Далѣе, мы думаемъ, что авторъ придаетъ завѣщаніямъ слишкомъ тѣсное значеніе, совершенно несогласное съ характеромъ и духомъ древней Руси и дошедшими до насъ завѣщаніями. Изъ его словъ можно думать, что главное условіе завѣщанія—распоряженіе о земляхъ и владѣніяхъ: не можетъ быть такихъ распоряженій, не можетъ быть и завѣщанія. Но такъ ли это? Поученіе Мономаха есть тоже завѣщаніе,—противъ этого трудно, кажется, спорить, — а въ немъ ни слова о владѣніи и распорядкѣ собственности. Вдобавокъ намъ кажется, что въ древней Россіи завѣщанія и не могли имѣть юридическаго характера. Человѣкъ, умирая, прежде всего заботился объ устроеніи своей души: послѣднія слова, которыя онъ говорилъ своимъ дѣтямъ и домочадцамъ, заключали въ себѣ нравственно-религіозныя наставленія; онъ старался утвердить между ними любовь, согласіе, тишину, и съ этой точки зрѣнія, должно, какъ намъ кажется, смотрѣть и на послѣднія распоряженія объ имуществѣ; не надѣленіе дѣтей, а предупрежденіе между ними споровъ и несогласій было главною цѣлью. Слѣдственно, если князь не имѣлъ права распорядиться владѣніями, это еще не доказываетъ, что не было завѣщаній; какъ мы видѣли, эти распоряженія были въ нихъ придаточной, второстепенной, а не главной статьей. Подробное изслѣдованіе древнихъ *духовницъ* не можетъ здѣсь имѣть мѣста, и потому мы останавливаемся на томъ, что сказали; но могли бы представить много другихъ доказательствъ противъ гипотезы г. Соловьева, и въ наше оправданіе, — доказательствъ, почерпнутыхъ изъ самого содержанія и формы завѣщаній. Въ заключеніе замѣтимъ, что, кромѣ земель и владѣній, у князей были движимыя имущества и рабы. Еслибъ наши завѣщанія имѣли даже юридическій, имущественный характеръ, ихъ было бы чѣмъ наполнить и помимо земель. Уже на этомъ основаніи нельзя отрицать ихъ существованія въ древнѣйшей Россіи.

На стр. 26 и слѣдующихъ, послѣ розысканій о старшинствѣ дядей и племянниковъ и о томъ, какъ два представленія о старшинствѣ опредѣлились въ княжескихъ родахъ въ пользу старшаго племянника, г. Соловьевъ говоритъ:

„Въ другихъ городахъ, кромѣ княжескаго, мы видимъ, что оба представленія мирятся, а именно: первый племянникъ уравнивается въ старшинствѣ съ дядьями, но только съ младшими, начиная съ четвертаго: таково положеніе мѣстничества. Отчего же произошло это различіе? Во первыхъ оттого, что въ борьбу различныхъ представленій о старшинствѣ въ родѣ княжескомъ скоро вмѣшалось понятіе объ отдѣльной собственности, явившееся на сѣверо-востокѣ, вслѣдствіе господства городовъ новыхъ. Преобладаніе отдѣльной собственности, разрушивъ родовую связь, заставляло старшаго брата воспользоваться своимъ положеніемъ для усиленія собственной семьи насчетъ младшихъ братьевъ; это пріобрѣтенное могущество, силу матеріальную, онъ передаетъ своему старшему сыну, который, въ свою очередь, пользуется наслѣдственнымъ могуществомъ для того, чтобъ стать выше дядей, подчинить ихъ себѣ, и такимъ образомъ, естественно, незамѣтно, чрезъ посредство понятія объ отдѣльной собственности, родовыя отношенія переходили въ государственныя. Во-вторыхъ, въ родѣ княжескомъ подчиненіе младшихъ братьевъ старшему гораздо сильнѣе, нежели въ другихъ родахъ, по той самой причинѣ, что для князей нѣтъ болѣе высшей власти въ обществѣ; старшій братъ для нихъ вмѣстѣ отецъ и государь, значеніе старшаго въ родѣ княжескомъ слѣдовательно гораздо выше значенія старшаго въ другихъ родахъ, и естественно, необходимо усиливаетъ значеніе собственной семьи В. Князя, особенно его старшаго сына: младшій братъ, чтя въ В. Князѣ отца и государя, необходимо переноситъ это уваженіе и на сына его, своего племянника; тогда какъ въ другихъ родахъ значеніе старшаго брата по смерти отца ограничивается, ослабляется присутствіемъ высшей власти, правительства, государя, къ которому и старшіе и младшіе находятся въ одинакихъ подданническихъ отношеніяхъ, слѣдовательно здѣсь разница между старшимъ и младшимъ братьями вовсе незначительна: они почти равны другъ другу, а это равенство и помогло старшимъ дядьямъ выиграть въ борьбѣ означенныхъ представленій, и остаться старше племянниковъ отъ перваго брата“ (стр 26—28).

Это объясненіе чрезвычайно остроумно и справедливо. Мы прибавимъ къ нему общее замѣчаніе, относящееся ко всей древней русской жизни и подтверждающее ту истину, что государственное политическое развитіе у насъ постоянно шло впереди: всѣ новыя начала и формы, которыя только развила въ себѣ древняя Русь, постоянно появлялись сперва въ государственной сферѣ, а потомъ уже, иногда много времени спустя, въ гражданской, общественной. Такъ родовое начало сперва исчезло въ между-княжескихъ отношеніяхъ, потомъ въ службѣ и гораздо позднѣе въ наслѣдственномъ правѣ; то же

было съ общимъ владѣніемъ; личность у насъ впервые появляется въ особѣ московскихъ великихъ князей и царей, а въ гражданскомъ быту это начало стало развиваться очень недавно. И во всемъ такъ.

Предположеніе, почему по мѣстническому счету четвертый дядя считается равнымъ своему старшему племяннику (первому сыну старшаго брата), по нашему мнѣнію, очень удачно; если тотъ или другой случай ему и противорѣчитъ, то, какъ общее правило, оно едва-ли можетъ быть опровергнуто.

„Какое. . . основаніе тому, что въ мѣстничествѣ именно четвертый дядя теряетъ старшинство передъ племянникомъ отъ перваго брата? Мы думаемъ, что объясненіе такому счету можно найти въ самомъ физическомъ старшинствѣ между членами семьи, ибо почти всегда въ многочисленной семьѣ только три старшіе брата сохраняютъ нѣкоторое равенство между собою касательно возраста, разница же между первымъ и остальными младшими, начиная съ четвертаго, такъ обыкновенно велика, что послѣдніе находятся еще въ дѣтскомъ возрастѣ, когда первый уже совершенно возмужалъ; при томъ обыкновенно случалось и случается, что при жизни отца трое первыхъ сыновей достигаютъ зрѣлаго возраста, тогда какъ другіе остаются еще дѣтьми и, какъ несовершеннолѣтніе, вступаютъ подъ надзоръ старшаго брата, который на самомъ дѣлѣ заступаетъ для нихъ мѣсто отца; мало того, въ первоначальномъ обществѣ, когда браки заключались очень рано, обыкновенно случалось, что первый сынъ уже былъ женатъ, имѣлъ дѣтей, тогда какъ младшіе еще не родились или были въ пеленкахъ, слѣдовательно старшій сынъ отъ перваго брата приходился физически старшимъ или, по крайней мѣрѣ равнымъ младшимъ дядьямъ своимъ“ (Ст. 28 и 29).

Такъ рѣшаетъ г. Соловьевъ одинъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ мѣстничества, и какъ просто, естественно! Есть и другое рѣшеніе, если не ошибаемся, принадлежащее г. Валуеву, по которому четвертый дядя считается потому равнымъ старшему племяннику, что у насъ по народному счету на семью полагается четыре души мужескаго пола: отецъ и трое сыновей; такимъ образомъ четвертый сынъ является какъ бы лишнимъ, выходящимъ изъ семьи, и потому не имѣетъ старшинства надъ племянниками. Это толкованіе далеко не такъ естественно, какъ первое; при томъ въ немъ все-таки остается нерѣшеннымъ, откуда взяли этотъ счетъ?

Мы уже прежде сказали, что г. Соловьевъ не обратилъ должнаго вниманія на вотчинное семейное начало, которое, постепенно выдвигаясь изъ-подъ исключительнаго господства родового, наконецъ доставило перевѣсъ нисходящимъ надъ боковыми, племянникамъ надъ дядями, и тѣмъ измѣнило политическій бытъ древней Россіи. Въ книгѣ, которую разбираемъ, почти на каждой страницѣ есть указанія на это начало. Самъ авторъ показываетъ намъ, какъ подъ защитой разныхъ юридическихъ фикцій или вымысловъ, мало-по-малу признавались права нисходящихъ. Но это уже было большимъ шагомъ впередъ; сперва семейное начало высказывалось отрицательно, въ одномъ лишеніи родовыхъ прерогативъ; печальна была судьба сиротъ, то есть неимѣющихъ отца въ родовомъ обществѣ. Эпитетъ *горькихъ*, который придаетъ имъ народъ, по всему видно, ведетъ свое начало издавна, отъ временъ чисто патріархальнаго быта. Князь, который не былъ старшимъ и великимъ княземъ, навсегда лишаетъ этой прерогативы своихъ дѣтей и потомство. Но этого мало. Послушаемъ, что̀ говоритъ г. Соловьевъ о *младшихъ членахъ* рода.

„Родъ состоялъ изъ старшихъ и младшихъ членовъ: каждый младшій могъ въ свою очередь сдѣлаться старшимъ... Эти старшіе родичи назывались между собою братьями и только одни участвовали во владѣніи родовою собственностью; всѣ остальные, т.-е. ихъ дѣти и внуки, были младшими членами рода, сыновьями въ отношеніи къ старшимъ, считались малолѣтними, неспособными владѣть родовою собственностью, быть совладѣльцами съ своими старшими. Ясно, что каждый изъ младшихъ членовъ могъ въ свою очередь сдѣлаться—старшимъ, т.-е. когда по смерти Изяслава вступилъ бы въ старшинство Святославъ, и слѣдовательно сталъ бы къ остальнымъ братьямъ въ отношеніе отца, то сыновья его стали бъ изъ племянниковъ братьями дядьямъ своимъ, т. е. изъ младшихъ членовъ рода старшими и т. д., переходили бы въ старшіе сыновья Всеволода, Вячеслава, Игоря. Но могло случиться, что князь оставался навсегда младшимъ членомъ рода, навсегда малолѣтнымъ, слѣдовательно навсегда неспособнымъ не только получить велико-княжеское достоинство, но даже участокъ во владѣніи, быть совладѣльцемъ съ своими старшими. Это могло произойти, когда какойнибудь князь умиралъ, не будучи старшимъ въ родѣ, или В. Княземъ: въ такомъ случаѣ дѣти его оставались навсегда младшими; напримѣръ у Ярослава 1-го было сначала 6 сыновей: Владиміръ, Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Вячеславъ, Игорь. Если бы Владиміръ остался живъ, то по смерти отца, сталъ бы В. Княземъ и отцомъ для младшихъ братьевъ; тогда бы сынъ его Ростиславъ сталъ братомъ дядьямъ своимъ, слѣдовательно получилъ бы мѣсто старшаго члена рода; но Владиміръ умеръ при жизни отца, слѣдовательно не былъ отцомъ для братьевъ своихъ, и потому сынъ его

Ростиславъ не имѣлъ уже возможности быть братомъ дядьямъ своимъ, остался навсегда племянникомъ, младшимъ, неспособнымъ ни къ велико-княжескому достоинству, ни ко владѣнію родовою собственностью. Однимъ словомъ можно выразиться такъ: племянники не могли быть совладѣльцами съ своими дядьями. Если я говорю здѣсь: племянники, то исключаю сыновей старшаго брата, которые были уже не племянниками, по братьями дядьямъ своимъ, при чемъ разумѣются сыновья такого старшаго брата, который точно, по смерти отца, заступалъ его мѣсто для младшихъ братьевъ; но если старшій братъ умиралъ при жизни отца и слѣдовательно не заступалъ отцовскаго мѣста для младшихъ, то сыновья его были для послѣднихъ только племянниками, и потому исключались изъ велико-княжескаго достоинства, равно какъ изъ владѣнія родовою собственностью, и если получали волости, то этимъ обязаны были или милости дѣтей, или какому-нибудь другому обстоятельству. Такой участи подверглось потомство Изяслава, старшаго сына Владиміра св., умершаго при жизни отца, потомство Владиміра, старшаго сына Ярослава 1-го, равно какъ потомство Вячеслава и Игоря Ярославичей. Для предохраненія сыновей своихъ отъ та ой участи, князья давали другъ другу клятву, что въ случаѣ преждевременной смерти одного изъ нихъ, оставшійся въ живыхъ долженъ заботиться, чтобы дѣти покойнаго не были исключены изъ владѣнія родовою собственностью" (стр. 30—32).

Во-первыхъ, затѣтимъ, что эти слова противорѣчатъ тѣмъ, которыя мы привели выше. Тамъ сказано, что „В. Князь не могъ лишить волости младшаго князя" (стр. 16); далѣе, „что старшій въ родѣ до тѣхъ только поръ сохранялъ власть, пока самъ свято исполнялъ свои отеческія обязанности, то есть пока не переставалъ смотрѣть на каждаго младшаго какъ на собственнаго сына, не дѣлая никакого различія между ближними и дальними родичами" (стр. 17 и 18). Наконецъ: „обязанность старшаго блюсти выгоды своего рода... не позволяла ему считать себя полновластнымъ владѣльцемъ родовой собственности, располагать ею по произволу; онъ былъ только совладѣльцемъ съ младшими родичами" (стр. 19 и 20). Всѣ эти мѣста доказываютъ, что *младшіе* имѣли участіе въ родовой собственности, или должно признать, что между младшими тоже было различіе: одни изъ нихъ, младшіе въ отношеніи къ великому князю, были старшими въ отношеніи къ остальнымъ. Если это разумѣлъ авторъ, то мы не станемъ съ нимъ спорить о словахъ: очевидно онъ не договорилъ своей мысли, и исправитъ это въ одномъ изъ будущихъ изданій своей книги. Но за этимъ мы все-таки имѣемъ еще возразить автору, что родовой распорядокъ былъ не совсѣмъ таковъ, какимъ онъ его описываетъ. Издавна въ него входитъ, какъ опредѣляющее начало, хотя и отрицательно, во вредъ извѣстнымъ лицамъ, семейное начало; кто не имѣетъ отца, не умѣвшаго утвердить за дѣтьми какія-нибудь права, тотъ изгой, отверженецъ родового союза, поставленный въ одну категорію съ холопомъ, откупившимся отъ господина, и слѣдовательно, по патріархальнымъ понятіямъ, лишившимся естественнаго, необходимаго защитника и представителя,—съ поповскимъ сыномъ, который по незнанію грамоты выходитъ изъ своего сословія, и т. д.—словомъ со всѣми, лишенными правъ, защиты и исключенными изъ общества. Вотчинное начало связывало человѣка съ родомъ; безъ этой связи онъ — нуль, такъ что нужны договоры и условія для смягченія этой вопіющей несправедливости родового порядка вещей. И что̀ же? Посмотрите, какъ даже въ этомъ высказывается начало семьи: наперекоръ родовымъ правамъ, отцы заботятся объ участи дѣтей, обходятъ эти права частнымъ образомъ. Впослѣдствіи семейное начало дѣйствуетъ уже совершенно иначе и вступаетъ въ рѣшительную, открытую борьбу съ родомъ. Кто не хочетъ во что бы то ни стало настаивать на своемъ, тотъ конечно убѣдится очевидностью, осязательностью этихъ фактовъ.

Наконецъ укажемъ на превосходное, образцовое истолкованіе словъ: *самовластецъ, царь и великій*. Только разсматриваемыя въ отношеніи къ родовому порядку вещей, эти слова получаютъ свой полный, историческій смыслъ.

„В. Князь не имѣлъ неограниченной власти надъ родовою собственностью, но владѣлъ ею сообща съ цѣлымъ родомъ: вотъ почему когда Андрей Боголюбскій выгналъ братьевъ и племянниковъ изъ Ростовской области, то лѣтописецъ говоритъ, что онъ захотѣлъ быть самовластцемъ въ Суздальской землѣ, т.-е. такимъ властителемъ, который распоряжается всѣмъ самовластно, не стѣсненъ родовыми отношеніями, не ограниченъ правами родичей. Для означенія верховной власти, не стѣсненной родовыми отношеніями, власти крѣпкой, постоянной, независящей ни отъ какихъ перемѣнъ, употреблялось названіе Царь, Царскій. Такъ Юрій Долгорукій говоритъ племяннику Изяславу: „Дай ми Переяславль, ать посажю сына своего у Переяславля, а ты сѣди царствуя въ Кіевѣ" т.-е., а ты владѣй Кіевомъ спокойно, независимо и безопасно, не боясь никого, и не подчиняясь никому. Въ другомъ мѣстѣ лѣтописецъ,

говоря о злодѣйствахъ и гибели епископа Θеодора, прибавляетъ: „Видя бо видъ озлобленіе людей своихъ сихъ кроткыхъ Ростовсьскыя земли, отъ звѣрояриваго Θедорьца погибающихъ отъ него, посѣтивъ (Богъ) спасе люди своя, рукою крѣпкою, мышцею высокою, рукою благочестивою, царскою правдиваго, благовѣрнаго князя Андрея". Когда послѣ Рутскаго сраженія воины Изяславовы, нашедши своего князя въ живыхъ, изъявили необыкновенную радость, то лѣтописецъ говоритъ, что они величали Изяслава, какъ Царя. Подъ именемъ Великаго князя разумѣлся только старшій въ родѣ княжескомъ; вотъ почему, когда родъ Ярослава I-го раздѣлился на многіе независимые роды, то старшій въ каждомъ изъ нихъ сталъ называться Великимъ Княземъ, хотя былъ владѣльцемъ самой ничтожной области, и признавалъ надъ собою власть другого Великаго Князя, Литовскаго или Московскаго; такъ напримѣръ Князь Пронскій назывался также великимъ Княземъ, подобно Московскому, Тверскому и Рязанскому, потому что былъ—старшимъ въ своемъ родѣ. Великій было синонимомъ старшій, и потому къ именамъ нѣкоторыхъ князей прибавляется даже послѣ существительнаго, напримѣръ Владиміръ Великій, Мстиславъ Великій, Всеволодъ Великій, для отличія ихъ отъ множества другихъ младшихъ Владиміровъ, Мстиславовъ и Всеволодовъ, а вовсе не въ томъ смыслѣ, въ которомъ мы теперь придаемъ слово „великій" къ именамъ историческихъ лицъ, напримѣръ, Петръ Великій, Карлъ Великій".

Стоитъ сравнить это объясненіе съ прежними шаткими, неопредѣленными, взятыми съ грѣхомъ пополамъ изъ теперешняго значенія этихъ словъ, чтобы увидать безконечную разницу между г. Соловьевымъ и большею частью его предшественниковъ. Вотъ это значитъ объяснять исторически!

Вторая глава излагаетъ между-княжескія отношенія отъ Рюрика до смерти Ярослава. Событія этого періода, который принято у насъ называть варяжскимъ, очень извѣстны. Лѣтъ двадцать тому назадъ одни они составляли предметъ цѣлаго курса русской исторіи; кромѣ того бо̀льшая часть этимъ періодомъ закончила свое знакомство съ исторіею Карамзина. Тѣмъ не менѣе вторая глава диссертаціи г. Соловьева очень любопытна. Она представляетъ тамъ и сямъ новыя объясненія давно извѣстныхъ событій, открываетъ нѣкоторыя, доселѣ не замѣченныя, черты эпохи и наконецъ содержитъ въ себѣ изслѣдованія, которыя по всей справедливости можно назвать образцовыми. Скажемъ обо всемъ этомъ нѣсколько словъ.

На стр. 44, по поводу избранія новгородцами Владиміра, авторъ замѣчаетъ: „тогда при многоженствѣ не могло быть рѣзкаго различія между дѣтьми законными и незаконными" (Владиміръ былъ сынъ наложницы), а въ примѣчаніи прибавляетъ: „я сказалъ—не могло быть рѣзкаго различія, ибо различіе все-таки было, что̀ видно изъ словъ Рогнѣды о Владимірѣ: „не хочу розути робинича". Это замѣчаніе справедливо, но доказательство приведено не то, какое бы должно. Слова Рогнѣды выражаютъ родовую гордость, аристократическую спѣсь, а не указываютъ на существованіе въ то время различія между законными и незаконными дѣтьми. Рогнѣда гнушалась сыномъ рабы, а не наложницы. Скорѣе можно видѣть это различіе въ различеніи женъ „водимыхъ" отъ наложницъ, на что̀ указываетъ лѣтопись. Но чѣмъ именно отличались въ языческой Руси законныя дѣти отъ незаконнорожденныхъ,—этого рѣшительно нельзя опредѣлить. Самъ г. Соловьевъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, доказывающихъ, что послѣдніе пользовались одинакими правами съ первыми. И едва-ли одно многоженство было тому причиной, какъ думаетъ авторъ: слишкомъ непосредственный взглядъ на отношенія мужчинъ и женщинъ, породившій между прочимъ и многоженство, мѣшалъ провести опредѣленную черту между супругой и наложницей. И до сихъ поръ большинство видитъ въ женѣ хозяйку или работницу, смотря по различію званій. Болѣе очищенное, человѣческое понятіе о бракѣ—покуда исключеніе. Оно предполагаетъ въ обществѣ развитое, глубоко сознанное начало личности, котораго не было въ древнѣйшей Россіи. То же самое и съ понятіемъ о чести и со многими другими понятіями.

На стр. 46 авторъ опровергаетъ мнѣніе Эверса, будто бы Владиміръ вооружился противъ Ярополка въ отмщеніе за смерть своего брата Олега. Месть между членами одного рода, по его мнѣнію, не могла имѣть мѣста, потому что „каждый родъ составлялъ одно нераздѣльное цѣлое, съ своимъ главою, будь то отецъ, дядя, старшій братъ; здѣсь сынъ не могъ мстить отцу, племянникъ дядѣ, братъ брату, ни за собственную обиду, ни за обиду, нанесенную другому родичу...; понятіе о родѣ, какъ объ единомъ нераздѣльномъ тѣлѣ, совершенно исключаетъ возможность мести, которая условливается только разъединеніемъ, особностью"... „Но, не имѣя права или обязанности мести, Владиміръ имѣлъ полное право воспротивиться беззаконнымъ поступкамъ старшаго брата, точно

такъ, какъ послѣ младшіе князья считали себя въ правѣ защищаться вооруженною рукою противъ насилій старшаго, который разъединялъ свои интересы съ интересами рода".

Что касается до мести, намъ кажется авторъ правъ; месть противорѣчитъ понятію о родственныхъ отношеніяхъ, и потому, кажется, не могла быть внутри рода, между его членами, по крайней мѣрѣ пока линіи еще не разошлись слишкомъ далеко. Сколько мы помнимъ, и нѣтъ примѣра такой мести въ русской исторіи (у турецкихъ славянъ есть). Но едва ли можно согласиться съ тѣмъ, будто бы на сторонѣ князей было *право* сопротивляться беззаконнымъ поступкамъ старшаго родича. Все, что можно сказать,—это что они сопротивлялись; фактъ занимаетъ первое мѣсто въ юридически неопредѣленномъ обществѣ. Владиміръ прямо говоритъ: я испугался, что братъ мой убиваетъ братьевъ, и пошелъ на него. Ясно, что рѣчь шла не о защитѣ правъ, а о самоохраненіи: это-то и было причиной, почему часто одни князья вооружались противъ нарушителя родовыхъ обязанностей, другіе—нѣтъ. Олегъ убилъ Люта на охотѣ; по тогдашнему онъ былъ совершенно правъ. Но отецъ убитаго началъ подбивать Ярополка идти войной противъ Олега. Г. Соловьевъ говоритъ: „Ярополкъ, какъ старшій въ родѣ, пошелъ на Олега наказать его, взявъ его волость". Спрашивается, за что же было наказывать? Князь въ своихъ владѣніяхъ убилъ нарушителя своей собственности: что могло быть естественнѣе! Очевидно, Ярополкъ пошелъ войною противъ брата безъ всякаго права, и выраженіе *наказать* тутъ совершенно не у мѣста. Вообще стараніе для каждаго дѣйствія тогдашнихъ князей пріискать правомѣрное основаніе не только кажется намъ безплоднымъ, но даже положительно вреднымъ, потому что искажаетъ настоящій характеръ событій. Всякій съ нами согласится, что отсутствіе твердой обозначенности, опредѣленности въ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ есть такая же характерическая черта, какъ и всякая другая: ею должно дорожить, если хотимъ понять время и исторію, особенно объяснить ея дальнѣйшее движеніе. Къ сожалѣнію, на это досел҃ѣ слишкомъ мало обращали вниманія; этотъ же упрекъ можетъ быть сдѣланъ и г. Соловьеву. Онъ не ограничивается изслѣдованіемъ главныхъ движущихъ историческихъ началъ, но еще придаетъ имъ отъ себя юридическій характеръ, котораго они не имѣли; всякое явленіе онъ разсматриваетъ непремѣнно съ точки зрѣнія права. Отсюда ведутъ свое начало многія насильственныя объясненія фактовъ въ его книгѣ. Конечно, такая ошибка очень естественна. Во-первыхъ, новая точка зрѣнія, только что открытая, до того завлекаетъ, что невольно ее проводишь вездѣ и во всемъ. Потомъ — чрезвычайно трудно совершенно отрѣшиться отъ своего времени и перенестись въ другое, отличающееся отъ него рѣзкими чертами: непремѣнно что-нибудь да придашь ему отъ себя. Но какъ это ни трудно, а безъ того нельзя обойтись; иначе мы никогда вполнѣ не поймемъ исторіи. Въ примѣненіи къ древнѣйшей Россіи это можетъ быть даже и легче, чѣмъ, напримѣръ, въ отношеніи къ древнему міру, ибо древняя Русь, хотя и въ развалинахъ, но еще существуетъ въ простомъ народѣ, да и вообще во всѣхъ необразованныхъ слояхъ общества. Здѣсь мы безпрестанно видимъ дѣйствія безъ причины, и причины, которыя производятъ совсѣмъ не тѣ дѣйствія, которыя изъ нихъ должны бы возникнуть. Это сфера далеко не математическая, и часто два, помноженные на два, здѣсь не даютъ четырехъ. Всякое соображеніе, всякая выкладка теряются въ этой средѣ и никуда непригодны: вотъ элементы патріархальности; это ея почва и ея необходимое, жизненное условіе. Точно такая же, но еще въ несравненно большей степени, была патріархальность въ первыя времена нашей исторически-извѣстной жизни; случайность, произвольность ничто не обуздывало, какъ теперь; ей было широко и привольно. Вглядитесь въ теперешнія родственныя и семейныя отношенія крестьянъ, особенно гдѣ-нибудь въ глуши, и вы вполнѣ поймете, какова была патріархальная Русь: отецъ—полный властелинъ надъ сыномъ; но это продолжается только до тѣхъ поръ, пока послѣдній не пришелъ въ возрастъ. Сталъ онъ на свои ноги, онъ или прибираетъ къ рукамъ отца, или живетъ самъ собой, какъ бы чужой; бываетъ и то, что онъ остается къ отцу въ сыновнихъ отношеніяхъ; какой изъ этихъ трехъ случаевъ чаще всего случается, что правило и что исключеніе, этого никакъ нельзя сказать; и то, и другое, и третье—правило, и случается равно часто. Между родственниками и дружественныя, и

враждебныя отношенія одинаково встрѣчаются: въ торжественныхъ случаяхъ — на свадьбахъ, пирахъ, раздѣлахъ и т. д., формальности родственныхъ отношеній соблюдаются довольно строго, но, какъ условленныя однимъ обычаемъ, они не обязываютъ ни къ чему, и потому родственныя отношенія нарушаются очень легко, часто изъ пустяковъ. Теперь, снимите съ этой патріархальной общественности гражданскія условія, извнѣ на нее наложенныя и ее воздерживающія: что изъ нея выйдетъ? Царство случайности! Такова и была старая Русь. Находили князья, что старшій поступалъ несправедливо, — они на него шли. А что̀ было несправедливо, что̀ — нѣтъ, для этого не было опредѣленныхъ правилъ; не судъ рѣшалъ, а ихъ добрая воля. Такъ же поступали и старшіе князья: были они въ силѣ, они прижимали младшихъ, думая только о томъ, чтобъ имъ и ихъ близкимъ было хорошо. Вся исторія между-княжескихъ отношеній въ древней Россіи наполнена примѣрами и доказательствами этой мысли; книга г. Соловьева тоже изобилуетъ ими. Оттого-то и развитіе наше было такъ медленно. Надо было переродиться древней Руси, чтобъ выйти въ историческую жизнь, почувствовать необходимость иного опредѣленнаго, юридическаго существованія. А такія перерожденія совершаются не скоро.

Разсказавъ войну Владиміра съ Ярополкомъ и окончательную ея развязку по Лаврентьевской лѣтописи, г. Соловьевъ разбираетъ потомъ свидѣтельство Іоакимовой, которая открываетъ намъ много любопытнаго объ этой войнѣ, — такого, чего не говорятъ другія лѣтописи. Ярополкъ любилъ христіанъ, и за то не былъ любимъ язычниками. Владиміръ воспользовался этимъ въ войнѣ съ братомъ; потому-то она и окончилась для него такъ успѣшно.

„Если мы примемъ во вниманіе разсказъ Іоакима—продолжаетъ авторъ — то намъ объяснится поведеніе Владиміра въ первые годы его княженія: торжество Владиміра было торжествомъ языческой стороны надъ христіанскою; вотъ почему новый князь знаменуетъ начало своего правленія необыкновенною ревностію къ возстановленію и учрежденію язычества, ставитъ кумиры на высотахъ Кіевскихъ; дядя его Добрыня поступаетъ точно такъ же въ Новгородѣ. Намъ извѣстно, что славяне языческіе болѣе всего негодовали на христіанство за непозволеніе многоженства: въ ознаменованіе торжества языческой стороны, князь, виновникъ этого торжества, предается необузданному женолюбію. Судя по выраженіямъ лѣтописца, никогда въ Русской землѣ не было видно такого гнуснаго идолослуженія: „родители приводили предъ кумиры сыновей и дочерей своихъ и приносили ихъ въ жертву бѣсамъ, оскверняли землю требами своими, и осквернилась кровью земля Русская“. Язычество, торжествуя побѣду, не могло оставить въ покоѣ соперничествующую религію: къ началу Владимірова княженія относится извѣстіе о христіанскихъ мученіяхъ въ Кіевѣ. Что Владиміръ дѣйствовалъ такимъ образомъ въ пользу язычества не по убѣжденію, а единственно въ угоду сторонѣ, доставившей ему успѣхъ, доказываетъ скорое обращеніе его къ христіанству, когда сторона приверженцевъ этой религіи начала брать верхъ“. (Стр. 52).

Эти остроумныя сближенія, дополненныя выписками изъ изслѣдованій ученаго архимандрита Макарія (Исторія христіанства въ Россіи и т. д.), который въ главномъ приходитъ къ тѣмъ же результатамъ, окончательно убѣждаютъ, что свидѣтельства Іоакимовой лѣтописи, заподозрѣнныя, вмѣстѣ съ извѣстіями Татищева, еще Карамзинымъ, и съ тѣхъ поръ принимаемыя какъ-то недовѣрчиво, очень правдоподобны и слѣдовательно вѣроятно почерпнуты изъ хорошаго источника. Такой результатъ весьма интересенъ. Не говоря уже, что однимъ источникомъ какъ бы вновь обогащается древнѣйшая исторія Руси,—самое свойство Іоакимовой лѣтописи, рѣзкое различіе извѣстій, ею сообщаемыхъ, съ Несторовыми и другими лѣтописными, придаютъ этому результату особенную важность.

Стр 54—58 содержатъ превосходное изслѣдованіе о времени рожденія и старшинствѣ Владиміровыхъ сыновей. Для древней Россіи этотъ вопросъ имѣетъ величайшую важность, ибо съ его разрѣшеніемъ объясняются и довольно запутанныя ихъ отношенія. Г. Соловьевъ разрѣшилъ его мастерски. Мы не дѣлаемъ выписокъ, боясь переполнить ими нашу статью, но очень совѣтуемъ читателямъ прочитать указанныя страницы. Между розысканіями частныхъ вопросовъ по русской исторіи это конечно одно изъ лучшихъ. Вотъ его результаты: первымъ сыномъ Владиміра былъ Вышеславъ, онъ — родился отъ Оловы, варяжскаго рода; затѣмъ слѣдуютъ Изяславъ, сынъ Рогнѣды, Святополкъ—сынъ жены Ярополковой; послѣ смерти двухъ первыхъ онъ былъ старшій; потомъ Ярославъ — сынъ Рогнѣды, Всеволодъ, Святославъ— сынъ Малфриды; Мстиславъ и Станиславъ—дѣти Адили; Судиславъ, Борисъ и

Глѣбъ были сыновья Анны, царевны болгарской, а не греческой, по крайней мѣрѣ на основаніи Іоакимовой лѣтописи. Этимъ обстоятельствомъ, а именно, что Борисъ былъ плодомъ послѣдняго христіанскаго брака Владиміра, объясняется, во-первыхъ, почему послѣдній такъ любилъ Бориса, держалъ его при себѣ и кажется хотѣлъ сдѣлать своимъ наслѣдникомъ; во-вторыхъ — возстаніе Ярослава, который не хотѣлъ уступить своего старшинства младшему брату.

Несмотря на большія достоинства этой второй главы, мы находимъ въ ней нѣкоторыя насильственныя толкованія и—что̀ еще важнѣе — собственныя соображенія автора, разсказанныя заподрядъ съ историческими данными, безъ различенія однихъ отъ другихъ. Въ самомъ началѣ (стр. 40) читаемъ:

„Лѣтописецъ говоритъ, что три князя варяжскіе, родные братья: Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ пришли къ призвавшимъ ихъ племенамъ славянскимъ и финскимъ *съ своими родами*. Объ этихъ родичахъ, пришедшихъ съ тремя братьями, лѣтопись послѣ ничего не упоминаетъ; Рюрикъ, по ея свидѣтельству, раздаетъ города мужамъ своимъ; но хотя подъ именемъ мужей послѣ постоянно разумѣются члены старшей дружины, однако здѣсь мы имѣемъ право разумѣть родичей, потому именно, что объ Аскольдѣ и Дирѣ сказано: „бяста у него (Рюрика) 2 мужа, не племени его, но боярина“: если у Рюрика было 2 мужа не племени его, то могли быть мужи племени его, родичи. Второе доказательство мнѣнію, что подъ именемъ мужей, разосланныхъ первыми князьями по городамъ, должно разумѣть родичей, представляютъ слова договоровъ съ Греками, напримѣръ: „даяти уклады на Русскіе городы; но тѣмъ бо городамъ сѣдяху *князья* подъ Ольгомъ суще“. Князьями же никогда не называются простые мужи, но всегда только члены владѣтельныхъ родовъ. Объ отношеніяхъ этихъ родичей къ князьямъ мы ничего не знаемъ; можемъ только сказать, что эти отношенія не были подобны послѣдующимъ родовымъ отношеніямъ княжескимъ, именно уже потому, что родичи Рюрика называются мужами его, что̀ указываетъ на отношеніе дружинное, слѣдовательно служебное, а не родовое“. (Стр. 40 и 41).

Все это натяжка, которая исчезаетъ при первомъ взглядѣ. Если *могли быть* мужи племени Рюрикова, то изъ этого никакъ еще не слѣдуетъ, что такіе непремѣнно и *были*. Стало быть, это не доказательство. Потомъ: если князьями никогда не назывались простые мужи, а только члены владѣтельныхъ родовъ, то нельзя вывести отсюда, что „свѣтлые князья, сущіе подъ рукою Олега“, непремѣнно были Рюрикова рода: эти члены владѣтельныхъ родовъ могли прійти съ Рюрикомъ и выйти послѣ на службу къ нашимъ великимъ князьямъ. Нужны ли доказательства? Якунъ называется въ Кенигсбергской лѣтописи „варяжскимъ княземъ“, а онъ пришелъ и уѣхалъ изъ Россіи при Ярославѣ (стр. 102 и 103). Рогвольдъ, „Полоцкій князь“, пришелъ изъ-за моря (стр. 67). Наконецъ, если эти мужи находились къ великимъ князьямъ не въ родовыхъ, а въ дружинныхъ отношеніяхъ, что̀ справедливо, то и предположеніе, будто они родичи, не имѣетъ никакого интереса, и такое или другое разрѣшеніе вопроса не ведетъ ровно ни къ чему. Но г. Соловьевъ думаетъ объ этомъ иначе. На стр. 43, примѣч. 7, онъ говоритъ: „почему требовались уклады именно на эти города (Черниговъ, Переяславль, Полоцкъ, Ростовъ, Любечь), почему пропущены — Бѣлоозеро, Муромъ, Смоленскъ? Потому *вѣроятно*, что только въ этихъ городахъ сидѣли князья родичи, а въ остальныхъ простые мужи“. Мы думаемъ, что это предположеніе вовсе *невѣроятно*, потому что въ Лаврентьевской лѣтописи, на которую ссылается авторъ, по исчисленіи городовъ прибавлено: „и на прочия городы“ (стр. 13), слѣдовательно они не пропущены, а только не названы, на что̀ могло быть и много причинъ и никакой причины.

Разсказъ объ убійствѣ Люта Олегомъ Древлянскимъ много пополненъ авторомъ противъ лѣтописи изъ собственныхъ соображеній. Вотъ слова г. Соловьева:

„Въ 975 году началась вражда въ семьѣ Святослава. Мы знаемъ, что охота послѣ войны была господствующею страстью средневѣковыхъ варваровъ: для этого вездѣ князья предоставили себѣ, касательно охоты, большія права, жестоко наказывая за ихъ нарушеніе. Это служитъ достаточнымъ объясненіемъ происшествія, разсказаннаго нашимъ лѣтописцемъ: Олегъ, князь Древлянскій, охотясь въ лѣсахъ своего владѣнія, встрѣтилъ незнакомца, который позволилъ себѣ въ нихъ то же самое удовольствіе: узнавъ, что то былъ Лютъ, сынъ Свѣнельда, боярина Кіевскаго, Олегъ не могъ простить такой злой обиды, такого дерзкаго нарушенія самаго драгоцѣннаго изъ правъ своихъ, и убилъ Люта“. (Стр. 45).

А вотъ слова Лаврентьевской лѣтописи:

„Въ лѣто 6483 (975) Ловъ дѣющю Свѣналдичю, именемъ Лютъ, и шедъ бо изъ Кіева гна по звѣри въ лѣсѣ; и узрѣ и Олегъ и рече: кто се есть?“ И рѣша ему: „Свѣналдичь“, и заѣхавъ уби и бѣ бо ловы дѣя Олегъ“ (стр. 31).

Ясно, что истолкованіе гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ слова лѣтописи. Изъ послѣдней

не видно ничего опредѣленнаго: за то ли Олегъ убилъ Люта, что послѣдній охотился въ его владѣніяхъ, или за то, что онъ охотился въ одно время съ нимъ, или они поссорились. Если Олегъ убилъ Люта за нарушеніе своихъ правъ, то за что бы кажется Свѣнельду мстить князю? Мы не думаемъ, чтобъ родственникъ вора, убитаго „во пса мѣсто“ на самомъ преступленіи, имѣлъ право мстить за него; а тутъ случай подобный. Мѣсто темно; истолкованіе его чуть ли не слишкомъ смѣло.

Въ объясненіе отношеній Владиміра къ Рогвольду вкрались такія же произвольности. По словамъ г. Соловьева, Владиміръ сватался за Рогнѣду, „желая вѣроятно привлечь на свою сторону владѣльца Полоцкаго“. Рогнѣда отказала. „Этотъ презрительный отказъ“ — продолжаетъ авторъ — „ускорилъ отправленіе Владиміра изъ Новгорода, ибо онъ всего болѣе долженъ былъ опасаться тѣснаго союза Ярополка съ Полоцкимъ Княземъ, и потому спѣшилъ предупредить его“ (стр. 48 и 49).

Въ Несторовой лѣтописи нѣтъ ни малѣйшаго намека на эти объясненія. Несмотря на то, мы, пожалуй, готовы согласиться съ авторомъ, что первое объясненіе *вѣроятно*; что же касается до второго, а именно до политическихъ соображеній Владиміра, оно намъ кажется въ высшей степени произвольнымъ и тѣмъ болѣе неумѣстнымъ въ ученомъ изслѣдованіи, что не только дополняетъ историческія извѣстія, но въ то же время и характеризируетъ извѣстнымъ образомъ лица и эпоху. Изъ словъ г. Соловьева можно заключить, что Владиміръ былъ дальновидный политикъ и полководецъ. Карамзинъ разсказываетъ, что послѣ отказа Рогнѣды „раздраженный Владиміръ взялъ Полоцкъ, умертвилъ Рогвольда, двухъ сыновей его и женился на дочери“; изъ его разсказа видно, что Владиміръ не думалъ ни о союзѣ Рогвольда съ Ярополкомъ, не думалъ и не соображалъ ничего, а просто разсердился за отказъ и пошелъ войной. Въ томъ и другомъ случаѣ князь и эпоха являются подъ совершенно различными красками. Наконецъ въ Іоакимовой лѣтописи сказано: „Владиміръ возвратися отъ Варягъ съ войскомъ и собравъ Новгородцевъ, иде на Полоцкаго князя Рогволода, зане той повоева волости Новгородскія, и побѣдя войско, градъ Полоцкъ взя, Рогволода со двѣма сыны уби, а дщерь его Рогнѣдь взя себѣ въ жену“ (Татищ. Ист. Росс. книг. I, ч. I, стр. 37). Это извѣстіе еще проще, кажется еще ближе къ времени и дѣлаетъ совершенно ненужными оба соображенія.

Вотъ какъ всякая догадка, не основанная на фактахъ, по крайней мѣрѣ не имѣющая въ нихъ повода, шатка и произвольна! О научныхъ опредѣленіяхъ уже сказано, что они трудны (definitio periculosa); давно бы пора составить такую же поговорку объ историческихъ гипотезахъ и объясненіяхъ. Ничто такъ не уродуетъ исторіи, ничто такъ не забиваетъ голову и не отдаляетъ насъ отъ прямого, настоящаго пониманія ея, какъ гипотезы и объясненія. Особенно пострадала отъ нихъ русская исторія. Кажется, что тутъ важнаго, какъ и почему воевалъ Владиміръ съ Рогвольдомъ? Между тѣмъ посмотрите внимательно: здѣсь объяснено событіе такъ, тамъ вставлено между строкъ лѣтописи или источника, чего они и не думали говорить, — и выходитъ исторія, можетъ быть очень хорошая, но совсѣмъ не такая, какой она въ самомъ дѣлѣ была. Конечно, это замѣчаніе всего менѣе относится къ добросовѣстному, начитанному автору „разсужденія“, которое мы разбираемъ. Но и у него мѣстами встрѣчаются эти отголоски прошедшей эпохи русской исторической литературы, и чѣмъ онъ далѣе отошелъ отъ нея, чѣмъ въ немъ незамѣтнѣе этотъ недостатокъ, тѣмъ мы должны быть къ нему строже.

Къ числу такихъ же произвольныхъ толкованій мы относимъ и слѣдующее мѣсто: „Наемники (варяги) начали поступать съ Новгородцами, какъ съ завоеванными, а князь, имѣя въ нихъ нужду, смотрѣлъ сквозь пальцы на ихъ безчинства“ (стр. 61). Здѣсь идетъ рѣчь о дѣйствіяхъ варяговъ въ Новгородѣ при Ярославѣ, когда Святополкъ сѣлъ на велико-княжескій престолъ. Лѣтопись говоритъ просто: „Ярославу же не вѣдущю отьнѣ смерти, Варязи бяху мнози у Ярослава, и насилье творяху Новгородцемъ и женамъ ихъ. Вставше Новгородци, избиша Варягы“ и т. д. (Лавр. Лѣт. 61). Итакъ, это извѣстіе сильно изукрашено.

Точно такъ же и другое о причинахъ, почему новгородцы согласились дать войско Ярославу противъ Святополка, несмотря на избіеніе ихъ братій.

„Новгородцы отвѣчали, что, несмотря на убійство согражданъ, они еще имѣютъ довольно силы, чтобы стать за своего князя противъ братоубійцы.

Какъ видно изъ этихъ словъ, Новгородцы не были очень сердиты на Ярослава, ибо считали, по тогдашнимъ понятіямъ, дѣломъ обыкновеннымъ, что князь отомстилъ ихъ согражданамъ за смерть Варяговъ; при томъ считали обязанностью стать за своего князя, котораго выгоды были связаны съ ихъ собственными, который хотѣлъ освободить ихъ отъ зависимости и дани Кіевской, и въ случаѣ бѣгства котораго они должны были принять Святополковыхъ посадниковъ; наконецъ не должно упускать изъ виду того обстоятельства, что въ городѣ, гдѣ господствовала вражда родовая, вражда сторонъ, князь, перебившій старшинъ одной стороны, могъ всегда надѣяться содѣйствія отъ другой". (Стр 45).

Въ лѣтописи объ этихъ причинахъ ни слова. Не видно, были ли новгородцы *очень сердиты*, или *не очень*, сочли ли они месть Ярослава дѣломъ обыкновеннымъ, или нѣтъ, хотѣлъ ли Ярославъ освободить ихъ отъ дани Кіевской, или только удержать ее въ свою пользу, наконецъ перебилъ ли Ярославъ старшинъ одной стороны, или разныхъ, ибо мы знаемъ только, что онъ вырѣзалъ нарочитыхъ мужей „иже бяху изсѣкли Варяги". Такое или другое объясненіе можетъ рѣшительно измѣнить взглядъ на вещи, и потому намъ бы казалось естественнѣе, согласнѣе съ истиной вовсе не пускаться въ объясненія. Далѣе:

„И здѣсь (въ Россіи) точно такъ какъ прежде у Чеховъ, Болеславъ заботился только о своихъ выгодахъ, а не о выгодахъ союзниковъ; онъ велѣлъ развести свое войско по окрестнымъ городамъ на кормленіе, при чемъ обнаруживалъ намѣреніе оставить Русь за собою и утвердить свою столицу въ богатомъ Кіевѣ. Наши лѣтописцы приписываютъ Святополку приказъ убивать разведенныхъ по городамъ Польскихъ воиновъ, но вѣроятнѣе, что сами Поляки, какъ прежде у Чеховъ, насильственными поступками возбудили возстаніе въ жителяхъ". (Стр. 63—64).

Хотѣлъ ли Болеславъ оставить за собою Россію и утвердить свою столицу въ Кіевѣ (?)— объ этомъ нѣтъ ни слова въ нашей лѣтописи, ни у Дитмара, ни у Карамзина, ни у Татищева. Еслибъ это не была одна догадка г. Соловьева, вѣроятно наши историки упомянули бы о такомъ намѣреніи. А если авторъ имѣетъ на это свидѣтельства, жаль, что онъ ихъ не привелъ, ибо фактъ чрезвычайно важенъ. Болеславъ былъ основателемъ Польскаго королевства. Послѣднее предположеніе, „что поляки насильственными поступками возбудили возстаніе въ жителяхъ", имѣетъ за себя по крайней мѣрѣ слова Татищева, который говоритъ, что Святополкъ слышалъ на поляковъ жалобы, и потому велѣлъ ихъ убивать (Истор. Тат., кн. II, стр. 99); но онъ не показываетъ, откуда взялъ это извѣстіе, о которомъ молчатъ всѣ источники.

На стр. 65 авторъ объясняетъ войну Брячислава съ Ярославомъ тѣмъ, что первый „повидимому добивался новаго распредѣленія волостей между родичами, болѣе равнаго". Но объ этомъ въ лѣтописяхъ ни слова. Что Ярославъ хотѣлъ задобрить Брячислава уступкой нѣсколькихъ городовъ, объ этомъ, по свидѣтельству Карамзина, есть извѣстіе въ новѣйшихъ лѣтописяхъ (Ист. Карам., т. II, прим. 21); но г. Соловьевъ не показалъ, изъ какого именно источника онъ почерпнулъ свои слова. Наконецъ хотѣлъ ли Ярославъ этими уступками обезопасить себя со стороны Изяславича, *вѣроятно* предвидя будущую войну съ Мстиславомъ,—этого мы нигдѣ не встрѣчали въ источникахъ, и потому считаемъ далеко не рѣшеннымъ.

Третья глава исключительно посвящена изслѣдованію о распорядкѣ владѣній между сыновьями Ярослава и линіею Изяслава Владиміровича и составляетъ необходимое введеніе въ собственно такъ называемый періодъ удѣловъ. Какъ ни коротка эта глава (стр. 68—77), она заключаетъ въ себѣ много спорныхъ положеній, которыя мы и разберемъ теперь по порядку.

Читателямъ вѣроятно извѣстенъ разсказъ лѣтописей о томъ, какимъ образомъ Изяславъ получилъ Полоцкъ. Сначала этимъ городомъ владѣлъ Рогвольдъ, котораго дочь Рогнѣду Владиміръ насильно взялъ за себя замужъ. Отъ этого брака родился Изяславъ. Потомъ Владиміръ вступилъ въ другіе браки и сталъ пренебрегать Рогнѣдой. Она рѣшилась его убить, но покушеніе не удалось; Владиміръ хотѣлъ казнить ее смертью, но въ то время, какъ онъ вошелъ въ ея „храмину", чтобъ исполнить казнь, Изяславъ, по наущенію матери, подошелъ къ нему съ обнаженнымъ мечомъ и просилъ убить прежде его, чтобъ ему не видать смерти матери. Тогда Владиміръ бросилъ мечъ, созвалъ бояръ, которые присовѣтовали ему для младенца не убивать Рогнѣды, но возвратить ей съ сыномъ вотчину ея (Кенигсб. Лѣтоп., стр. 186 и 187.—Никон. Лѣт., ч. II, стр. 63). Какъ ни страненъ, сомнителенъ этотъ разсказъ по многимъ причинамъ, но онъ приводитъ насъ однако къ тому заключенію, что Полоцкое княженіе досталось Рогнѣдѣ и сыну ея Изяславу на правахъ *вотчины*,

т.-е. отдѣльной собственности, переходящей отъ родителей къ дѣтямъ по наслѣдству. Сколько мы знаемъ, г. Соловьевъ первый замѣтилъ это и превосходно воспользовался въ объясненіи отношеній Полоцкихъ князей къ потомству Ярослава и ихъ какого-то исключительнаго положенія, особливо въ началѣ періода удѣловъ.

Г. Соловьевъ думаетъ,—и мы совершенно съ нимъ согласны,—что Изяславъ былъ *выдѣленъ*, а „выдѣленный разъ членъ рода не имѣетъ уже болѣе права на родовое имущество, и потому Полоцкіе князья, потомки Изяслава, не могли имѣть притязаній на остальную собственность Владимірова рода" (стр. 68); точно такъ же какъ—прибавимъ мы отъ себя—Ярославичамъ не было никакого дѣла до владѣній Полоцкихъ князей. Именно потому, что Изяславъ былъ выдѣленъ, его потомки и имѣли свои владѣнія: иначе, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, они не имѣли бы ни старшинства, ни участія въ родовой собственности, потому что родоначальникъ ихъ, Изяславъ, умеръ еще при жизни Владиміра.

За этимъ слѣдуетъ розысканіе о раздѣленіи владѣній между сыновьями Ярослава. Участки первыхъ четырехъ, Изяслава, Святослава, Всеволода и Вячеслава безспорно извѣстны. О послѣднемъ, Игорѣ, древнѣйшія лѣтописи или не говорятъ, или содержатъ приписки. Карамзинъ заключилъ изъ этого, что Игорь былъ обдѣленъ, и получилъ *частный удѣлъ* отъ старшаго брата. Г. Соловьевъ старается разрѣшить сомнѣнія тѣмъ, что старшіе четыре сына получили свои владѣнія еще при Ярославѣ, а послѣднему, который оставался при отцѣ до его смерти,—что часто бывало,—дали удѣлъ его братья, уже послѣ кончины великаго князя. Такимъ образомъ невѣроятная догадка о частномъ удѣлѣ уничтожается сама собою. Но вотъ затрудненіе: въ завѣщаніи Ярослава не сказано объ участкѣ Игоря. Стало быть онъ дѣйствительно обдѣленъ, и не получилъ владѣнія наравнѣ съ прочими братьями, иначе о немъ было бы непремѣнно сказано. Отчего жъ это? Г. Соловьевъ не распутываетъ, а разрубаетъ узелъ и объявляетъ завѣщаніе позднѣйшимъ сочиненіемъ. Вотъ его доводы: 1) въ завѣщаніи лѣтописецъ влагаетъ въ уста умирающаго князя слова, „которыя получили значеніе позже, во время страшныхъ усобицъ между потомками Ярослава... Эти выраженія принадлежатъ къ тѣмъ мѣстамъ въ лѣтописи, которыя встрѣчаются постоянно въ извѣстныхъ случаяхъ". 2) „Въ самомъ описаніи событій, какъ они слѣдовали другъ за другомъ, есть несообразности. Въ началѣ описанія сказано: еще живу сущу ему (Ярославу) наряди сыны своя, рекъ имъ: се язъ отхожу свѣта сего. „Наряди сыны своя" показываетъ, что всѣ сыновья тутъ были, но какимъ же образомъ случилось, что во время кончины В. К. подлѣ него былъ только одинъ Всеволодъ? Какимъ образомъ Изяславъ, которому умирающій князь поручаетъ старшинство и кіевскій столъ, оставляетъ смертный одръ его и ѣдетъ въ Новгородъ? Онъ не могъ думать, что отецъ еще долго проживетъ, потому что въ лѣтописи Ярославъ говоритъ: се язъ отхожу свѣта сего" и т. д.

Нельзя не сознаться, что затрудненіе дѣйствительно есть, и разрѣшить его гораздо труднѣе, чѣмъ кажется съ перваго взгляда; ибо мы никакъ не можемъ согласиться съ авторомъ, будто завѣщаніе Ярослава, помѣщенное въ лѣтописи, есть позднѣйшее сочиненіе. Доводы г. Соловьева кажутся намъ слишкомъ слабыми. Одинаковость выраженій въ завѣщаніи и другихъ мѣстахъ лѣтописи указываетъ на одинаковость ихъ предмета, содержанія,—никакъ не болѣе. Это доказательство второстепенное, уважительное при другихъ и ничего незначащее само по себѣ. Что слова, сказанныя Ярославомъ, получили значеніе не прежде усобицъ между потомками этого великаго князя, едва ли справедливо. Передъ нимъ были примѣры Святославичей и его братьевъ, Владиміровичей. Въ распряхъ послѣднихъ онъ самъ принималъ дѣятельное участіе, и опытъ не могъ не умудрить такого умнаго человѣка, каковъ былъ Ярославъ. Что же касается до сомнѣній, выводимыхъ изъ разбора самого завѣщанія, то они намъ кажутся не болѣе какъ натяжкой. Изъ словъ „се язъ отхожу свѣта сего" никакъ нельзя заключить, что Ярославъ говорилъ ихъ, лежа на смертномъ одрѣ; онъ могъ ихъ сказать гораздо прежде, задолго до кончины и предсмертной болѣзни, какъ весьма часто и теперь составляются завѣщанія. Выраженіе: „се язъ отхожу свѣта сего", показываетъ только, что Ярославъ дѣлалъ распоряженіе на случай смерти, предвидя ея близкое наступленіе, но не даетъ ни малѣйшаго права думать, что онъ тотчасъ послѣ этихъ словъ и скон-

чался. По всѣмъ этимъ причинамъ мы позволимъ себѣ предложить другую догадку, въ разрѣшеніе затрудненій, которымъ лѣтописи подаютъ поводъ: не было ли завѣщаніе составлено гораздо ранѣе, когда Игорь былъ малолѣтенъ или еще и не родился? Въ лѣтописяхъ, какъ мы видѣли, ничто не опровергаетъ этой догадки; внутренней невѣроятности она тоже не имѣетъ, а между тѣмъ она сохраняетъ завѣщаніе Ярослава, конечно одинъ изъ самыхъ важныхъ, самыхъ характеристическихъ памятниковъ древней Руси. Мысль, что оно будто бы состоитъ изъ однихъ выраженій, „освященныхъ обычаемъ“, для описанія извѣстныхъ случаевъ, кажется намъ совершенно ошибочной. Напротивъ, въ завѣщаніи очень замѣтно стремленіе Ярослава создать прочную систему, и если ему это не удалось, если начала, положенныя имъ во главу угла его системы, были слишкомъ шатки и недостаточны, то во всякомъ случаѣ она есть нѣчто новое въ нашемъ политическомъ устройствѣ, и въ сравненіи съ прежнимъ порядкомъ вещей представляетъ шагъ впередъ, высшую степень въ развитіи родовыхъ понятій. Въ самомъ дѣлѣ, что мы видимъ до этого завѣщанія? Совершенное отсутствіе всякаго подчиненія, всякой зависимости князей одного отъ другого, если они были равны между собою по рожденію, т.-е. братья. Слова Бориса: „не буди мнѣ възняти рукы на брата своего старѣишаго: аще и отець ми умре, тось ми буди въ отца мѣсто“ — показываютъ только личное почтеніе и ничего не доказываютъ въ пользу политической зависимости Бориса отъ Святополка. Отъ этого Россія раздѣлялась на части, какъ только переходила въ руки нѣсколькихъ князей; между ними начинались распри и политическое единство земли утрачивалось. Противъ этого-то и направлено все завѣщаніе. Ярославъ не могъ, по времени, въ которомъ онъ жилъ, отрѣшиться отъ мысли, что Россія есть наслѣдственная вотчина его дѣтей; но онъ старался помирить это представленіе съ другимъ, противоположнымъ ему, а именно съ неяснымъ, смутнымъ представленіемъ о государствѣ. Для этого было одно средство: возвести начало рода на степень политической системы, и Ярославъ это сдѣлалъ, хотя и несовершенно, потому что юридическіе элементы вовсе не были развиты въ древней Руси. Сначала онъ всячески увѣщеваетъ дѣтей жить между собою въ любви и согласіи: „аще ли будете ненавидно живуще въ распряхъ и которающеся“, говоритъ онъ, — „то погыбнете сами и погубите землю отець своихъ и дѣдъ своихъ, юже налѣзоша трудомъ своимъ великымъ“. Вотъ о чемъ онъ думалъ! Не удовлетворяясь однимъ совѣтомъ, онъ дѣлаетъ распоряженія, долженствующія обезпечить сохраненіе мира между братьями. Старшему, Изяславу, даетъ Кіевъ и старшинство надъ всѣми князьями; Изяславъ для нихъ отецъ, которому они обязаны повиноваться, какъ повиновались своему отцу. Потомъ назначаетъ города и прочимъ братьямъ, завѣщая имъ не переступать границъ одному у другого, не выгонять другъ друга изъ владѣній. Наконецъ, снова обращаясь къ Изяславу, онъ велитъ ему помогать обиженному князю противъ обидчиковъ, желая тѣмъ обезпечить права каждаго, единство рода, а слѣдовательно и единство всей Россіи. Всѣ эти распоряженія — очевидно, плодъ опытности, результатъ исторіи, предшествовавшей единовластію Ярослава; самая недостаточность мѣръ, предложенныхъ въ завѣщаніи, всего убѣдительнѣе говоритъ въ его пользу; будь оно составлено позднѣе, оно непремѣнно предвидѣло бы случаи и поводы распрей и замѣшательствъ, обнаружившихся въ такъ называемый періодъ удѣловъ, и которыхъ не могъ предвидѣть Ярославъ. Вотъ причины, почему мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ г. Соловьева о завѣщаніи Ярослава, и съ своей стороны признаемъ, что завѣщаніе, если не по формѣ, то по содержанію, непремѣнно принадлежитъ Ярославу.

Разсказавъ подробно, какія владѣнія получили Ярославичи, и мимоходомъ остроумно оправдавъ извѣстіе Татищева, что Ростиславъ Владиміровичъ до бѣгства своего въ Тмутоannакань владѣлъ Владиміромъ-Волынскимъ (стр. 74), авторъ критически разсматриваетъ мнѣніе, существовавшее между князьями древней Руси, „что Днѣпромъ русскія области раздѣляются на двѣ половины такъ, что та линія рода Ярославова, которой достанется восточная половина, не имѣетъ уже права на западную сторону“. Г. Соловьевъ полагаетъ, что это мнѣніе основывалось на томъ, что такъ были раздѣлены русскія владѣнія между Ярославомъ I и его братомъ Мстиславомъ, а не на основаніи Ярославова завѣщанія, на которое ссылаются Мономаховичи, и подробно опровергаетъ это мнѣніе

(стр. 75 и 76). Мы думаемъ, что авторъ вдвойнѣ неправъ. Во-первыхъ, нѣтъ никакихъ доказательствъ, что рядъ Ярослава съ Мстиславомъ послужилъ основаніемъ этому мнѣнію; во-вторыхъ, какъ ни дѣльно опровергаетъ его г. Соловьевъ, — исключая довода, основаннаго на подложности Ярославова завѣщанія, о чемъ мы сейчасъ говорили,—онъ, какъ намъ кажется, бьетъ мимо вопроса, и именно поэтому вся его полемика, хотя и очень основательная, не ведетъ ни къ чему. Дѣло совсѣмъ не въ томъ, правы ли Мономаховичи, отказывая Святославичамъ въ западной сторонѣ Днѣпра [1]), а въ томъ, на какомъ основаніи они отказывали. Если вражду Ростиславичей къ Ярополку Изяславичу, по словамъ автора, „можно объяснить только тѣмъ, что они видѣли въ немъ похитителя своего наслѣдія" (стр. 74); если „вражда Ростиславичей, Давида Игоревича и Святополка Изяславича можетъ быть объяснена только тѣмъ, что всѣ эти князья считали себя въ правѣ владѣть Владимірскою областью"; если наконецъ Ярославъ Изяславичъ могъ сказать Святославу: чему тобе *наша отчина*, а Рюрикъ, Всеволодъ и Давидъ называли Кіевъ и Смоленскъ *отчиной* Владимірова племени, то изъ всего этого мы имѣемъ полное право заключить, что было какое-нибудь основаніе, противоположное родовому, по которому одни князья предъявляли права, несогласныя съ родовымъ устройствомъ и потому отвергаемыя другими. Это основаніе и есть *вотчинное начало*, которое, какъ мы уже замѣтили, не обратило на себя должнаго вниманія автора Изъ столкновенія этого начала съ родовымъ, которое Ярославъ возвелъ въ систему, и происходила въ это время большая часть раздоровъ между князьями. Если князь владѣлъ какою-нибудь областью, дѣти его смотрѣли уже на нее какъ на свою вотчину; такъ смотрѣли Мономаховичи даже на Кіевъ. Этому не противорѣчитъ, что не могли быть великими князьями потомки князя, не добившагося до Кіевскаго престола. Напротивъ, это положеніе доказываетъ, что вотчинное начало играло большую роль, даже въ родовомъ распорядкѣ, такъ что онъ не могъ быть проведенъ строго послѣдовательно, ибо родовое начало не могло ничего признавать кромѣ родового старшинства: слѣдуя ему, старшій князь долженъ былъ владѣть старшимъ столомъ. Оттого безпрестанно новый распорядокъ владѣній между князьями и переходы послѣднихъ съ мѣста на мѣсто, причемъ, разумѣется, не могло быть и рѣчи объ удержаніи области за нисходящимъ потомствомъ князя, который когда-нибудь владѣлъ ею. Представителями того и другого начала были очень естественно тѣ князья, которые находили въ этомъ свою выгоду: Мономаховичамъ, владѣвшимъ Кіевомъ, было выгодно защищать отчинное начало, и Святославичамъ, добивавшимся Кіевскаго престола,—защищать начало родовое, какъ во всякой общинѣ или міру имѣющій хорошій участокъ противится всѣми силами передѣлу пашни, а бѣдные требуютъ его, ссылаясь на общее владѣніе, не дающее никому постояннаго права на ту или другую землю. Слѣдовательно, не оправдывать то или другое мнѣніе долженъ былъ авторъ, а показать, откуда оно взялось, гдѣ его источникъ; а онъ этого не сдѣлалъ. Если вотчинное начало наконецъ одержало верхъ, оно исторически оправдано. Въ вотчинномъ смыслѣ толкуютъ Мономаховичи и завѣщаніе Ярослава, которое говоритъ только о сыновьяхъ послѣдняго и ни слова объ ихъ потомствѣ; но его можно толковать и иначе, въ родовомъ смыслѣ. Поэтому-то и другое толкованіе не можетъ служить доказательствомъ въ пользу или противъ подлинности завѣщанія, и аргументъ г. Соловьева, на этомъ основанный, ровно ничего не доказываетъ. Наконецъ мы не можемъ согласиться съ авторомъ, будто бы слова, приписываемыя лѣтописцемъ Ярославу: „аще ти (Всеволоду) подастъ Богъ пріяти власть стола моего по братьи своей со правдою, а не насильствомъ"—тоже позднѣйшее сочиненіе (стр. 76, примѣч. 1). Въ завѣщаніи сказано: „и тако раздѣли имъ грады, заповѣдавъ имъ, не преступати предѣла братня, ни згонити". Признавая подлинность распоряженій Ярослава, мы не можемъ не признать и подлинности приведенныхъ выше словъ его къ Всеволоду; тѣ изъ нихъ, которыя особенно возбудили сомнѣніе въ авторѣ („со правдою, а не насильствомъ") даже не дополняютъ, а только поясняютъ завѣщаніе.

Отношенія между русскими князьями отъ смерти Ярослава до смерти Мстислава Великаго, сына Мономахова, составляютъ предметъ особой — четвертой главы. Они отдѣлены отъ дальнѣйшихъ не безъ причины.

[1]) На стр. 75, въ первой ссылкѣ на Ипатьевскую лѣтопись, ошибкою напечатано 100, вмѣсто 110.

Особенный характеръ этихъ отношеній отличаетъ ихъ отъ слѣдующихъ.

„Всѣ борьбы,—говоритъ авторъ,—всѣ усобицы, имѣвшія мѣсто отъ смерти Ярослава I-го до смерти Мстислава I-го, происходятъ отъ исключенія племянниковъ изъ сонаслѣдія съ дядьми; борьба идетъ въ трехъ областяхъ: Полоцкой, Черниговской, Владиміро-Волынской. Первая оканчивается при Мстиславѣ I-мъ изгнаніемъ потомковъ Изяслава Владиміровича въ Грецію; вторая при Святополкѣ Изяславичѣ, на Любечьскомъ съѣздѣ,—возвращеніемъ несправедливо исключеннымъ Святославичамъ отцовской области; третья борьба оканчивается также при Святополкѣ, на Витичеевскомъ съѣздѣ, исключеніемъ Давида Игоревича и раздѣленіемъ области между двумя остальными соперничествующими линіями—Изяслава и Владиміра Ярославичей; но это самое раздѣленіе спорной области вело къ новой враждѣ между линіями, подѣлившими ее, между Ярославомъ Святополковичемъ и Ростиславичами; сюда присоединилась вражда — Ярослава къ Мономаху, и дѣло кончилось тѣмъ, что участокъ Изяславичей перешелъ къ Всеволодовичамъ. При этомъ не должно думать однако, что междоусобія идутъ за области — Черниговскую или Владиміро-Волынскую; эти области служатъ только средствомъ для исключенныхъ князей снова войти въ родъ и во владѣніе родовою собственностью; имъ нѣтъ нужды, какія бы имъ волости ни дали, только бы ввели ихъ въ рядъ, но такъ какъ отцы ихъ княжили въ означенныхъ областяхъ, то они домогаются, по крайней мѣрѣ, получить ихъ, хотя въ отдѣльную собственность, на подобіе княжества Полоцкаго, чего и достигли Ростиславичи въ Галиціи; но Святославичи, получивъ опять отцовскую Черниговскую область, не хотятъ ограничиться ею и выдѣлиться изъ рода Ярославова, что и подаетъ поводъ къ новымъ спорамъ, о которыхъ будетъ рѣчь въ слѣдующихъ главахъ“ (стр. 134—135)

Ниже мы постараемся доказать, что авторъ не вполнѣ правильно смотритъ на претензіи обдѣленныхъ князей. Тѣмъ не менѣе дѣйствительно, если не всѣ, то безспорно большая часть княжескихъ усобицъ въ означенный періодъ, вели свое начало отъ стремленія исключенныхъ князей получить часть въ общей родовой собственности, и потому эти усобицы, по всей справедливости, могутъ составить особый отдѣлъ въ исторіи междукняжескихъ отношеній. Эти отношенія вообще изслѣдованы превосходно. Хронологическая и внутренняя послѣдовательность событій строго соблюдены: отрывочныя извѣстія лѣтописей соединены въ разсказѣ автора въ цѣльную, живую картину, — заслуга, которую вполнѣ оцѣнятъ тѣ, которые сами боролись со всѣми трудностями подобной работы. Отыскивая вездѣ начала, на которыхъ покоился нашъ древнѣйшій бытъ, авторъ открылъ и указалъ причины между-княжескихъ отношеній, мирныхъ и враждебныхъ, лежавшія въ духѣ времени, въ господствовавшихъ тогда понятіяхъ, и потому иначе понимаетъ тогдашнихъ дѣятелей, чѣмъ его предшественники. Его чисто-историческое воззрѣніе перевершило отвлеченно моральный приговоръ, произнесенный Карамзинымъ, —приговоръ, давно уже потерявшій авторитетъ, но до сихъ поръ еще не опровергнутый систематически и потому отзывавшійся по временамъ въ разсужденіяхъ о древней Руси. Теперь, съ появленіемъ книги г. Соловьева, это будетъ не такъ-то легко, и слова: *великодушный*, *коварный* и т. д. въ примѣненіи къ потомкамъ Владиміра, выйдутъ мало-по-малу изъ употребленія. Съ тѣмъ вмѣстѣ—что очень важно—мы уже не станемъ теперь, какъ было до сихъ поръ, читать между строкъ древней русской исторіи то, чего въ ней не было. Пока туманъ застилалъ глаза и картина не прояснилась, такое историческое провидѣніе было возможно и отчасти извинительно; теперь оно будетъ смѣшно, но ужъ никого не собьетъ съ толку.

Излагая событія, авторъ мѣстами характеризируетъ и дѣйствующія лица. Не всѣ характеристики равно удачны, но нѣкоторыя—верхъ совершенства. Вотъ напримѣръ характеристика Мономаха.

„Мономахъ принадлежитъ къ тѣмъ великимъ историческимъ дѣятелямъ, которые являются въ самыя бѣдственныя времена для поддержанія общества, которые своею высокою личностью умѣютъ сообщить блескъ и прелесть самому дурному общественному организму Мономахъ вовсе не принадлежитъ къ тѣмъ историческимъ дѣятелямъ, которые смотрятъ впередъ, разрушаютъ старое, удовлетворяютъ новымъ потребностямъ общества: это было лицо съ характеромъ чисто охранительнымъ, и только. Мономахъ не возвышался надъ понятіями своего вѣка, не шелъ на перекоръ имъ, не хотѣлъ измѣнить существующій порядокъ вещей, но высокими личными доблестями, строгимъ исполненіемъ своихъ обязанностей, прикрывалъ недостатки существующаго порядка вещей, дѣлалъ его не только сноснымъ для народа, но даже способнымъ удовлетворять его общественнымъ потребностямъ. Тогдашнее общество требовало прежде всего отъ князя, чтобъ онъ свято исполнялъ свои семейныя обязанности, не которовался съ братіею, мирилъ враждебныхъ родичей, вносилъ мудрыми совѣтами нарядъ въ семью: Мономахъ, во время злой вражды между братьями, заслуживъ названіе братолюбца, умными совѣтами и рѣшительностью отвращалъ гибельныя слѣдствія княжескихъ которъ, крѣпко держалъ въ рукѣ узелъ семейнаго союза.

Новообращенное общество требовало отъ князя добродѣтелей христіанскихъ: Мономахъ отличался необыкновеннымъ благочестіемъ. Общество требовало отъ князя строгаго правосудія: Владиміръ самъ наблюдалъ надъ судомъ, чтобъ не давать сильнымъ губить слабыхъ. Въ это время, когда другіе князья играли клятвою, на слово Мономаха можно было положиться. Когда другіе князья позволяли себѣ невоздержаніе и всякаго рода насилія, Мономахъ отличался чистотою нравовъ и строгимъ соблюденіемъ интересовъ народа. Общество больше всего ненавидѣло въ князѣ корыстолюбіе: Мономахъ всего больше имъ гнушался. Новорожденное европейско-христіанское общество, окруженное варварами, требовало отъ князя неутомимой воинской дѣятельности: Мономахъ почти всю жизнь не сходилъ съ коня, стоялъ на-сторожѣ Русской земли: въ какомъ краю была опасность, тамъ былъ и Мономахъ, добрый страдалецъ за Русскую землю. Если мы, отдаленные вѣками отъ этого лица, чувствуемъ невольное благоговѣніе, разсматривая высокую его дѣятельность, то какъ же должны были смотрѣть на него современники? Не дивно, что народъ любилъ его и перенесъ эту любовь на все его потомство" (стр. 104—105).

Къ этому описанію трудно что-нибудь прибавить или что нибудь въ немъ измѣнить; каждая черта — живая, вѣрная картина, не только лица, но цѣлаго времени, цѣлой эпохи. Гораздо менѣе понравилась намъ характеристика Олега Святославича:

„Несправедливость дядей ожесточила въ молодости сердце этого князя; изгнанническая жизнь отчудила его отъ родины, заставила думать только о самомъ себѣ; потерпѣвъ несправедливость, онъ считалъ справедливыми всѣ средства для возвращенія правъ своихъ; потерпѣвъ гоненіе отъ родственниковъ, онъ уже не вѣрилъ болѣе родственной любви, святости семейнаго союза, въ поступкахъ братьевъ видѣлъ одно коварство и считалъ себя въ правѣ быть также коварнымъ; добывъ мечемъ часть въ родовой собственности, онъ полагался только на одинъ мечъ, и не любилъ никакихъ дружественныхъ миролюбивыхъ сдѣлокъ. Таковъ былъ Олегъ Святославичъ" (стр. 110).

Очевидно, эти слова не могутъ служить исключительной характеристикой Олега; они въ равной мѣрѣ примѣнимы ко всѣмъ тогдашнимъ князьямъ; каждый изъ нихъ „думалъ только о самомъ себѣ", „считалъ справедливыми всѣ средства для возвращенія правъ своихъ" и „не вѣрилъ родственной любви, святости семейнаго союза". Самый Мономахъ отчасти подходитъ подъ эту характеристику, тѣмъ болѣе другіе. Сверхъ того, этотъ очеркъ Олега не отзывается ли фразой, какими усѣяна исторія Карамзина? Въ словахъ г. Соловьева является ли Олегъ живымъ человѣкомъ? Нѣтъ, онъ не является такимъ; у него онъ выходитъ какимъ-то невозможнымъ, отвлеченнымъ отрицаніемъ добродѣтелей, не существовавшихъ въ древнѣйшей Руси въ Рюриковомъ родѣ. Не надобно забывать, что у всѣхъ народовъ, въ первобытныя времена, развита не нравственная, а формальная, внѣшняя сторона семейственнаго союза; не любовь, а господство и подчиненіе лежатъ въ основаніи родственныхъ связей. Если при такомъ порядкѣ вещей появится неопредѣленность этихъ связей и отношеній, и станутъ показываться имущественные, владѣльческіе интересы, родственныя, семейныя отношенія обращаются въ предлогъ и поводъ къ домогательствамъ, имѣющимъ совсѣмъ другія цѣли, и потому нарушаются весьма часто. Это и представляетъ намъ такъ называемый періодъ удѣловъ: клятвонарушенія, насилія встрѣчаются на каждомъ шагу, и нѣтъ князя, котораго нельзя въ нихъ упрекнуть болѣе или менѣе. Намъ могутъ возразить на это, что если родовое, кровное начало, преобладанію котораго въ древней Руси мы придаемъ такую важность, прикрывало собою совсѣмъ другіе интересы, то оно не было главнымъ дѣятелемъ и слѣдственно не можетъ характеризировать цѣлую эпоху; но такое возраженіе несправедливо. Пока извѣстныя формы существуютъ, пока онѣ составляютъ норму, которой всѣ придерживаются, искренно или притворно, и не опровергнуты какъ высшій идеалъ общественныхъ отношеній,—до тѣхъ поръ мы не только вправѣ, но должны, если хотимъ быть вѣрны исторической истинѣ, характеризировать этими формами эпоху, которую описываемъ, и можемъ закончить эту эпоху только тамъ, гдѣ наконецъ новый идеалъ общественныхъ отношеній смѣняетъ прежній. Исторія есть развитіе, постепенное очищеніе понятій человѣка о себѣ и своихъ отношеніяхъ къ другимъ людямъ. Насколько жизнь народа ихъ вырабатываетъ, настолько они въ свою очередь ее передѣлываютъ. Въ этомъ смыслѣ нельзя указать минуты въ исторіи, когда бы при полномъ господствѣ извѣстныхъ отношеній не развивались, въ тѣни, подъ формами, имъ не вполнѣ соотвѣтствующими и свойственными, совершенно другія отношенія. Несмотря на то, мы все такъ-же будемъ характеризировать эту минуту исторіи не послѣдними, а первыми.

Разсматривая внимательно четвертую главу книги г. Соловьева и вглядываясь при-

стально въ очерченную имъ картину между-княжескихъ отношеній, мы открываемъ въ ней при несомнѣнныхъ достоинствахъ и значительные недостатки. Главный (кромѣ мелкихъ неточностей, о которыхъ ниже) заключается въ томъ, что авторъ слишкомъ отвлеченно проводитъ одно родовое начало и забываетъ другія, имѣвшія однако немаловажное вліяніе на опредѣленіе владѣній, а слѣдовательно и взаимныхъ отношеній тогдашнихъ князей. Эти забытыя имъ начала суть: во-первыхъ, вотчинное, наслѣдственное по нисходящей линіи, по которому князья всячески старались удержать за собою владѣнія отцовъ; во-вторыхъ, участіе общинъ, городовъ въ опредѣленіи княжескихъ владѣній. Это участіе обнаруживалось тѣмъ, что общины, не стѣсняясь родовыми разсчетами и правами князей, призывали однихъ, изгоняли другихъ, судя потому, были ли они имъ пріятны, или нѣтъ. Если это участіе и не было постоянное, юридически опредѣленное, то тѣмъ не менѣе оно было, и вмѣстѣ съ вотчиннымъ началомъ содѣйствовало постепенному упадку родового устройства древнѣйшей Руси. Этимъ мы не хотимъ сказать, что авторъ скрылъ факты или пропустилъ ихъ безъ вниманія. Напротивъ, они у него разсказаны весьма добросовѣстно,— ни одинъ не утаенъ. Но дѣло въ томъ, что г. Соловьевъ не выставилъ ихъ какъ движущее начало, видоизмѣнившее послѣдовательное развитіе родового, отчего вся картина выходитъ у него нѣсколько натянута, освѣщена однимъ свѣтомъ и лишена разнообразія, присущаго всякому живому, историческому явленію.—Въ общемъ обозрѣніи между-княжескихъ отношеній, въ самомъ концѣ четвертой главы, авторъ говоритъ (стр. 135): „Второе главное явленіе, замѣченное нами въ описанномъ періодѣ, есть отстраненіе волею гражданъ старшей линіи отъ старшинства, и передача его въ третью линію Ярославова потомства“. Кромѣ разсказа фактовъ, въ которыхъ выразилась воля гражданъ, это—единственное замѣчаніе объ участіи общинъ въ опредѣленіи княжескихъ владѣній, и то оно говоритъ объ одномъ явленіи, а не началѣ, которое до кончины Мстислава рѣдко выражалось, но впослѣдствіи, какъ мы увидимъ, играло весьма важную роль въ государственномъ бытѣ древней Руси. Иначе и быть не могло. Не трудно доказать, что по мѣрѣ того, какъ развивалось родовое устройство со всѣми своими послѣдствіями, оно должно было вызвать участіе городовыхъ общинъ въ раздѣленіи владѣній между князьями. Это заключалось въ условіяхъ родового, общаго владѣнія и изъ него вытекало самымъ естественнымъ образомъ. Что вело за собою общее владѣніе цѣлою Русью? Безпрестанные переходы князей изъ города въ городъ, изъ владѣній во владѣніе: чѣмъ больше было князей, тѣмъ мельче были эти владѣнія, слѣдовательно тѣмъ бѣднѣе князья. А между тѣмъ они вели безпрестанныя войны, содержали дружины, снабжали войско конями и оружіемъ. Претензіи этихъ князей, по родовымъ счетамъ, весьма часто далеко превышали ихъ средства. Чтобъ увеличить ихъ, они должны были или обременять свои владѣнія тяжелыми поборами, или ходить на добычу. Имѣя совершенно различные интересы съ общинами, не будучи правителями въ настоящемъ значеніи слова, князья не гнушались этими, по нашимъ понятіямъ, безнравственными источниками доходовъ. Вотъ почему грабежи и разоренія областей посредствомъ набѣговъ, тіуновъ и отроковъ тянутся непрерывною нитью чрезъ весь такъ называемый періодъ удѣловъ. Если не всѣ князья такъ дѣйствовали, то бо́льшая часть безъ всякаго сомнѣнія, и восторженная любовь современниковъ къ Мономаху служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ, какъ исключенія были рѣдки.

Взглянемъ теперь на общины. Каковы бы онѣ ни были, ихъ интересы были совершенно другіе. Успѣхъ того или другого князя возбуждалъ ихъ участіе только въ той мѣрѣ, какъ онъ былъ для нихъ полезенъ; собственно до княжескихъ усобицъ, побѣдъ и торжествъ имъ не было никакого дѣла. Послѣ ослѣпленія Василька, Ростиславичи подступили ко Владиміру Волынскому, и когда объявили, что пришли не на городъ и не на горожанъ, а на тѣхъ, которые наущали Давида ослѣпить Василька, Владимірцы положили сдаться (Лавр. Лѣт. стр. 114). Полочане, стѣсненные со всѣхъ сторонъ войсками Мстислава, „стоскнувшись“ прогнали своихъ князей, изъ-за которыхъ постигла ихъ война (тамъ же стр. 131); когда половцы разбили Ярославичей, кіевляне требовали, чтобъ Изяславъ опять велъ ихъ на враговъ, которые „разсѣялись по землѣ“. Изяславъ отказалъ, а кіевляне освободили Всеслава Полоцкаго изъ тюрьмы и поставили его посреди княжескаго двора (стр 74, тамъ же).

Мало этихъ примѣровъ въ началѣ періода удѣловъ, но они убѣдительно говорятъ въ пользу той мысли, что города отдѣляли свои интересы отъ интересовъ князей, — и это было такъ естественно! При каждой перемѣнѣ князя старѣйшіе въ общинахъ подвергались опасности, что новопришедшіе дружинники ототрутъ ихъ отъ высшихъ мѣстъ; для младшихъ была страшна смѣна тіуновъ, дѣтскихъ и отроковъ, правившихъ ими, при неограниченной власти правителей и при многосложной системѣ посуловъ, поклоновъ, поминковъ и кормовъ, которыми нужно было каждый разъ задабривать новаго княжескаго чиновника. Недаромъ Мономахъ совѣтуетъ дѣтямъ своимъ: „куда ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ ни своимъ, ни чюжимъ, ни въ селѣхъ, ни въ житѣхъ, да не кляти васъ начнутъ“ (Лавр. Лѣт., стр. 102). Если вдобавокъ къ этимъ естественнымъ тягостямъ, необходимымъ спутникамъ частаго перехода князей и общаго владѣнія землею, князь былъ несправедливъ, жестокъ, корыстолюбивъ, очень понятно, что общины при всемъ своемъ миролюбіи иногда выходили изъ терпѣнія и при первой открывшейся возможности призывали князя, который имъ больше нравился, который былъ силенъ и могъ защитить ихъ отъ внѣшнихъ враговъ, и не принимали извѣстнаго имъ съ худой стороны, вообще не соединявшаго въ себѣ условій, требуемыхъ отъ князя, хотя бы первый не имѣлъ никакихъ родовыхъ правъ на владѣніе ими, и эти права вполнѣ и безспорно принадлежали послѣднему. Ослабленіе князей подавало общинамъ больше и больше поводовъ дѣйствовать въ своихъ интересахъ; даже очень вѣроятно, что вольность Новгорода возникла такимъ образомъ.

Что касается до вотчиннаго начала, то оно, какъ мы уже не одинъ разъ замѣтили, разрушало родовой распорядокъ съ другой стороны. Въ призваніи и изгнаніи князей городами высказывалось древнее *вѣчевое* общинное начало; въ стремленіи князей удержать за собою отцовскія владѣнія — не ясно сознаваемый взглядъ на области какъ на *частную собственность*, переходящую отъ отца къ сыну. Этому послѣднему началу принадлежала будущность въ русской исторіи, и тогда какъ общины, съ прекращеніемъ раздробленности Россіи, утратили политическое значеніе, вотчина возвысилась на степень формы государственнаго устройства, упразднила родовую іерархію и послужила прототипомъ для государства. Г. Соловьевъ говоритъ, что до смерти Мстислава усобицы происходили между князьями не за области; области служили для исключенныхъ князей только средствомъ войти въ родъ, о чемъ они прежде всего заботились; но какъ въ нѣкоторыхъ областяхъ княжили ихъ отцы, то они старались по крайней мѣрѣ получить эти владѣнія, хотя бы въ *отдѣльную собственность*. Добившись этого, они тѣмъ не ограничивались, не хотѣли выдѣлиться изъ цѣлаго княжескаго рода (стр. 134 и 135). Въ этихъ словахъ есть доля правды, и лѣтописи сообщаютъ нѣкоторые факты въ ихъ подтвержденіе. Ростиславъ Владиміровичъ успокоился, овладѣвъ Тмутороканью, хотя отецъ его и не владѣлъ ею. Всеволодъ оставляетъ одного Изяславича, своего племянника, на его столѣ, другому даетъ область,— и они живутъ мирно съ великимъ княземъ. Но рядомъ съ этими, впрочемъ немногочисленными данными, мы встрѣчаемъ множество такихъ, которые прямо противорѣчатъ мнѣнію г. Соловьева и доказываютъ, что вотчинное начало уже теперь стало высказываться самостоятельно, въ противоположность родовому, и сильно видоизмѣнило устройство, которое имѣла бы тогдашняя Русь, еслибы родовой распорядокъ исключительно господствовалъ. Вотъ эти данныя:

1) Обыкновенно случалось, что лишь только одинъ изъ старшихъ князей умиралъ, дѣти его лишались владѣній, исключались изъ рода, остальные старшіе князья забирали все въ свои руки и раздавали своимъ дѣтямъ. Конечно послѣдніе не владѣли наравнѣ со старшими, которые сажали ихъ тамъ или здѣсь по усмотрѣнію; но для насъ важно, что въ большей части случаевъ они владѣли, а осиротѣвшіе племянники старшихъ князей— нѣтъ,—такъ что Русь представлялась раздѣленною на части, изъ которыхъ въ каждой сидѣли князья съ своими сыновьями. Не считаемъ нужнымъ высчитывать примѣры, ибо ими наполнена глава разсужденія г. Соловьева, о которой теперь идетъ рѣчь. Предпочтеніе дѣтей племянникамъ ясно указываетъ на вотчинное начало, а не на родовое, ибо изъ послѣдняго невозможно вывести преимущества дѣтей живыхъ князей передъ сыновьями умершихъ. Впрочемъ объ этомъ мы уже говорили.

2) Мы знаемъ, что Изяславъ старался чрезъ посредство папы доставить велико-княжескій престолъ своему сыну; авторъ объясняетъ этотъ замѣчательный фактъ тѣмъ, „что Изяславъ, отчаявшись самъ возвратить себѣ престолъ, просилъ папу употребить стараніе, чтобы по крайней мѣрѣ потомство его не было исключено изъ родового наслѣдства и не осталось вѣкъ въ изгнаніи на чужой сторонѣ“ (стр. 90). Но вѣдь въ глаза бросается, что это натяжка; въ письмѣ своемъ папа прямо говоритъ о государствѣ (regnum). А что Изяславъ дѣйствительно могъ желать, чтобы Кіевъ достался его сыну, это всего убѣдительнѣе доказывается примѣромъ Мстислава Владиміровича, который по смерти Мономаха сталъ великимъ княземъ. Объясненіе этого явнаго нарушенія родового порядка наслѣдованія находимъ на стран. 129 и 130.

„По смерти Мономаха старшинство принимаетъ прямо сынъ его Мстиславъ. Святославичи не противились занятію Кіевскаго стола Мономахомъ, слѣдовательно этимъ самымъ, по тогдашнимъ понятіямъ, отказались отъ старшинства за себя и за цѣлый родъ свой; ибо родъ составлялъ одно цѣлое, и когда одинъ родичъ терялъ право, то съ нимъ терялъ цѣлый родъ, понижался предъ родомъ того, кому было уступлено; отношеніе, допущенное разъ однимъ членомъ рода къ чужому роду, это отношеніе тяготѣло надъ всѣми членами рода для настоящаго времени и надо всѣми потомками ихъ для будущаго. Оставался еще родъ старшаго Ярославича, Изяслава, представляемый внуками его—Ярославомъ, Изяславомъ и Брячиславомъ Святополчичами, но родъ Святополка потерялъ даже Владиміро-Волынскую область; Изяславъ и Брячиславъ, вѣроятно находившіеся на сторонѣ брата, какъ ослушники воли старшаго родича, подверглись исключенію; по крайней мѣрѣ младшій, Брячиславъ, не могъ имѣть волости, оставшись послѣ отца 10 лѣтъ, а чрезъ четыре года уже начались бѣдствія его семьи. Оба, Изяславъ и Брячиславъ, умерли въ 1127 году, переживъ свою мать только тремя годами. Ясно, что эти князьки не могли оспаривать старшинства у Мстислава Владиміровича, который наслѣдилъ потъ отца своего, по выраженію лѣтописца, и потому долженъ былъ наслѣдовать и столъ отеческій; со стороны Черниговскихъ князей нельзя было также ожидать возобновленія притязаній; Олегъ и Давидъ Святославичи умерли еще при жизни Мономаха, меньшой братъ ихъ Ярославъ не умѣлъ, какъ увидимъ послѣ, удержать и Черниговскаго стола противъ родного племянника: ясно, что онъ не могъ спорить со Мстиславомъ и заключилъ съ нимъ союзъ, требуя только, чтобъ в. князь поддерживалъ его на столѣ Черниговскомъ“ (стр. 129—130).

Это объясненіе сбивчиво. Сначала говорится, что Святославичи не могли претендовать на старшинство, уступивъ его Мономаху, а въ концѣ сказано, что Ярославъ не могъ спорить съ Мстиславомъ. Что-нибудь изъ двухъ: или Мстиславъ вступилъ на кіевскій престолъ по праву, или безъ всякаго права; въ первомъ случаѣ притязанія Святославичей были бы незаконны, противны родовому устройству, хотя бы у нихъ и достало силы перебить или отнять у Мстислава велико-княжескую власть; въ послѣднемъ неправъ Мстиславъ, и сила или безсиліе Святославичей никакъ не могутъ его оправдать. Въ этомъ весь вопросъ, который разрѣшенъ у автора какъ-то обоюдно. Что же касается до Изяславичей, очевидно имѣвшихъ старшинство передъ Мстиславомъ по родовому распорядку, то г. Соловьевъ долженъ былъ сознаться, что „эти князьки не могли оспаривать старшинства у Мстислава“, и тѣмъ прямо призналъ, что вопросъ рѣшенъ силой, личнымъ достоинствомъ послѣдняго, чѣмъ хотите, только не родовыми правами.

Вотчинное начало объясняетъ эти два случая очень просто. И въ томъ, и въ другомъ князья смотрятъ даже на велико-княжеское достоинство какъ на наслѣдіе, переходящее отъ родителей къ дѣтямъ; но первому, потому что онъ слабъ, не удается провести этого взгляда, а второму, потому что онъ силенъ, удается. И только. Вездѣ, гдѣ только вотчинное начало могло высказаться, оно высказывалось и положительно, и отрицательно, то доставляя старшинство и владѣнія нисходящимъ помимо боковыхъ, то лишая и того, и другого. Въ оправданіе Мстислава, ссылаясь на мѣстническіе разсчеты, по которымъ лицо, однажды лишившееся старшинства, лишаетъ его вмѣстѣ съ собою и все свое потомство, авторъ, можетъ быть и не подозрѣвая того, подтверждаетъ наши слова, ибо что же такое лишеніе доказываетъ, какъ не присутствіе вотчиннаго начала въ кажущемся чисто родовомъ распорядкѣ?

3) Какъ неправильно объясняетъ авторъ домогательства исключенныхъ князей однимъ желаніемъ „лишь быть введеннымъ въ родъ“, это всего очевиднѣе доказывается распрями за Владиміро-Волынскую область, которыя такъ превосходно изложены въ разбираемой нами книгѣ. По словамъ г. Соловьева, каждая изъ враждебныхъ линій, между которыми была раздѣлена Владимірская область, „считала себя въ правѣ на обладаніе цѣлою волостью“ (стр. 115). Въ пользу этой догадки,

кромѣ мѣста изъ Лаврентьевской лѣтописи, приведеннаго авторомъ (стр. 119, примѣч. 2), очень убѣдительно говорятъ еще и безпрерывныя междоусобія князей-владѣльцевъ этой области. Изъ ихъ притязаній ясно видно, что имъ хотѣлось не части въ общей родовой собственности, а всѣхъ отцовскихъ владѣній, иначе они бы не воевали между собою. При этомъ замѣтимъ еще слѣдующее: изъ всѣхъ обдѣленныхъ князей до смерти Мстислава *одинъ только* Ростиславъ Владиміровичъ пересталъ воевать съ дядями, завладѣвъ Тмутороканью. Но извѣстно, что онъ умеръ на другой же годъ; сверхъ того отецъ его Владиміръ никогда не былъ старшимъ, не владѣлъ самостоятельно Новгородомъ, а держалъ его подъ отцомъ; слѣдовательно, строго говоря, для Ростислава не было вотчины. (Какъ сбивчиво понимали князья различіе между владѣніемъ самостоятельнымъ старшаго князя, и несамостоятельнымъ младшаго князя, полученнымъ отъ другого, старшаго, видно изъ примѣра Ростиславичей, которые смотрѣли на Владиміро-Волынскую область какъ на вотчину). Всѣ прочіе, безъ исключенія, жили мирно, если оставались въ прежнихъ отцовскихъ владѣніяхъ (напримѣръ Изяславичи), въ противномъ случаѣ воевали до тѣхъ поръ, пока старшіе князья не отдавали имъ отцовскихъ участковъ; примѣромъ могутъ служить всѣ исключенные князья, попеременно и въ одно время владѣвшіе Тмутороканью послѣ Ростислава. Кажется, чего бы имъ искать? Они имѣли часть въ общей родовой собственности? Такъ нѣтъ!—они шли на Русь, наводили на нее половцевъ и успокоивались не прежде, какъ получивъ отцовскія владѣнія.

Изъ всего этого мы видимъ, что въ то время, какъ одни князья дѣйствовали, распоряжались на основаніи родового начала, другіе проводили начало вотчинное, искали именно владѣній отцовъ, а не мѣста въ родовомъ распорядкѣ, какъ говоритъ г. Соловьевъ.

4) Наконецъ, въ совершенномъ соотвѣтствіи съ этими стремленіями исключенныхъ князей, мы видимъ явное нарушеніе родового начала въ пользу вотчиннаго со стороны старшихъ. При Мстиславѣ, какъ замѣчаетъ и самъ авторъ, „Мономаховъ родъ владѣлъ большею частію русскихъ областей“ (стр. 131) и притомъ безъ всякаго ихъ различія по старшинству: такъ Переяславль, Смоленскъ, бывшіе въ началѣ княженія Изяслава во владѣніи старшихъ князей, а при Всеволодѣ—во владѣніи его сыновей, попеременно находились въ рукахъ братьевъ и сыновей Мстиславовыхъ, несмотря на старшинство первыхъ надъ послѣдними. Еслибы господствовало одно родовое начало, князья не сидѣли бы во владѣніяхъ своихъ отцовъ, и распорядокъ областей между ними былъ бы совершенно другой. Въ 1125 году, когда умеръ Владиміръ Мономахъ, были въ живыхъ одинъ внукъ Ярослава и *восемнадцать* Ярославовыхъ правнуковъ. Первому (Ярославу Святославичу) было столько же до Ярослава, сколько и Мономаху, да сверхъ того онъ былъ потомокъ старшаго сына, а Мономахъ—младшаго; изъ правнуковъ *двѣнадцать* были старше Мстислава. Одни эти факты ясно показываютъ, что̀ сталось съ родовымъ началомъ уже въ четвертомъ поколѣніи Ярославова потомства, и какой значительный верхъ получило надъ нимъ начало вотчинное.

Всѣ изложенныя причины заставляютъ насъ смотрѣть нѣсколько иначе на между-княжескія отношенія отъ Ярослава до смерти Мстислава, нежели какъ понимаетъ ихъ г. Соловьевъ. Величайшая неопредѣленность существовала въ понятіяхъ князей XI и XII вѣковъ насчетъ права и титула, на основаніи котораго они владѣли областями: собственность, владѣніе въ его различныхъ видахъ,—все это мѣшалось у нихъ въ головѣ самымъ страннымъ образомъ; мы видимъ зачатки собственности, государственнаго и частнаго владѣнія, — но ни одно изъ этихъ понятій не проведено послѣдовательно; безпрестанно переливаются они одно въ другое, такъ что въ результатѣ остается нуль, и мы убѣждаемся, что собственно объ этомъ не было никакихъ понятій. Совершенно то же самое и въ такой же степени должно сказать и о личныхъ отношеніяхъ князей между собою. Родовыя отношенія безспорно были; рядомъ съ ними являются и отношенія семейныя въ естественной противоположности съ ними. Но и тѣ, и другія остаются совершенно неразвитыми, неопредѣленными юридически; оттого ни тѣ, ни другія не выдержаны, какъ бы слѣдовало ожидать, и представляются въ самомъ пестромъ, безобразномъ смѣшеніи. Какъ противоположныя, они иногда и сталкиваются, но иногда живутъ мирно другъ подлѣ друга; всего чаще мы видимъ, что родовыя вдругъ переходятъ въ семейныя, семейныя—въ родовыя, такъ что для изслѣдователя нѣтъ ни одной постоянной точки, отъ которой онъ

могъ бы прямо повести свои изслѣдованія, не сбиваясь на каждомъ шагу. Никакая аріаднина нить, никакое самое сосредоточенное вниманіе и память не въ силахъ руководить въ этой грудѣ фактовъ, не имѣющихъ своей опредѣленной, рѣзко обозначенной физіономіи, а потому и необходимой послѣдовательности и связи между собою. Слѣдовательно, соображая личныя отношенія князей, изучая и перекладывая ихъ такъ и этакъ, мы наконецъ тоже получаемъ въ результатѣ нуль— другими словами, получаемъ убѣжденіе, что конечно были зачатки и родовыхъ, и семейныхъ отношеній, но ни одинъ не развился, и опредѣленныхъ понятій о каждомъ изъ нихъ и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ вовсе не было. Въ этомъ пловучемъ хаосѣ самыхъ разнородныхъ началъ, долженствовавшемъ однако опредѣлять взаимныя отношенія князей между собою, а на самомъ дѣлѣ безсильномъ опредѣлить ихъ, открывалось широкое раздолье самому неограниченному произволу, и если онъ не былъ таковъ, какимъ мы его теперь разумѣемъ, то причины должно искать въ низкой степени образованія, бѣдности содержанія, характеризующихъ древнюю Русь; тогда произволу не изъ чего было развиться въ разнообразныхъ формахъ и широкихъ размѣрахъ. Но насколько ему было по плечу, онъ развился; это видно въ притязаніяхъ выдѣленныхъ Полоцкихъ князей завладѣть велико-княжескимъ престоломъ, но еще въ большей степени—въ объемѣ княжескихъ владѣній. Почему такой-то князь владѣлъ такою-то областью, ни больше ни меньше, это опредѣлялось совершенно произвольно; естественно, каждый князь старался захватить какъ можно болѣе, и сила, а не право, рѣшала удачу или неудачу такихъ домогательствъ. Изъ всего этого мы выводимъ вотъ что̀: родовое начало дѣйствительно играло большую роль въ междукняжескихъ отношеніяхъ до смерти Мстислава; но вотчинное, противоположное ему, съ самой смерти Ярослава принимало не менѣе дѣятельное участіе въ опредѣленіи этихъ отношеній и съ помощью нѣкоторыхъ другихъ условій тогдашняго времени (участія общинъ и произвола князей) успѣло положить первое начало раздробленію Рюрикова рода на линіи, а Россіи—на части. Но такъ какъ почва, на которой совершалась исторія, была совершенно не юридическая, основанія тогдашняго быта не сознаны, и потому не развиты и неопредѣленны, то и отношенія обоихъ началъ—родового и семейнаго,—были чрезвычайно неопредѣленны, борьба ихъ крайне неправильна, и перевѣсъ послѣдняго надъ первымъ произошелъ совершенно безсознательно, какъ бы самъ собою.

Теперь отмѣтимъ нѣкоторыя неправильности, вкравшіяся въ книгу г. Соловьева. На стр. 80, примѣч. 2, авторъ говоритъ, что Кенигсбергскій лѣтописецъ приписываетъ ненависть Всеслава Полоцкаго къ потомству Ярослава тому, „что Изяславъ былъ выдѣленъ отцомъ, почему онъ и потомство его потеряли право на общую родовую собственность, доставшуюся Ярославичамъ“. Это слишкомъ произвольное толкованіе темныхъ словъ: „Володиміръ же устрои городъ и да има (Изяславу съ матерью) и нарече имя граду тому Изяславль, и оттолѣ мечь взимаютъ Роговоложи внуцы противу Ярославлимъ внукомъ“. На стр. 82 находимъ описаніе возстанія кіевлянъ, вслѣдствіе котораго Изяславъ долженъ былъ бѣжать, а Всеславъ Полоцкій сѣлъ на велико-княжескій престолъ. Въ разсказѣ мы находимъ между прочимъ, что послѣ разбитія Ярославичей половцами, кіевляне пошли просить у князя оружія и коней, чтобъ выступить „однимъ“ противъ враговъ. Одни ли они хотѣли идти, объ этомъ въ лѣтописи ни слова, и потомъ выраженіе *одни* очень неопредѣленно. Изяславъ отказалъ въ просьбѣ. Почему? Авторъ говоритъ: „согласиться на такое требованіе значило отказаться отъ главной своей обязанности и вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдовательно отъ своихъ правъ, потерять свое значеніе“. И такъ *одни* значитъ у автора *безъ князя, сами собою.* Но въ лѣтописи нѣтъ ни малѣйшаго повода къ такому объясненію (Лавр. Лѣт. стр. 73). На стр. 99 и 100 авторъ говоритъ, что Романъ Святославичъ былъ убитъ половцами, а „шайка Козаровъ, окружавшая Олега, брата Романова, измѣнила ему и силою отправила его въ Грецію“,—и заключаетъ такъ: „Изъ этого мы ясно видимъ, сколько разноплеменныхъ народовъ толпилось въ степномъ приморьѣ, изъ смѣшенія которыхъ съ бѣглецами русскими образовались многочисленныя шайки, готовыя вести всякаго на Русь“. Шайка ли, окружавшая Олега, отправила его въ Грецію, этого не говоритъ лѣтопись; замѣчаніе о разноплеменности народовъ, толпившихся въ степномъ приморьѣ, здѣсь по крайней мѣрѣ не извѣстно, потому что лѣтописецъ подъ половцами разумѣлъ тутъ козаръ. На 88 стр. Лаврент.

лѣтописи сказано, что Олегъ „сѣче Козары, иже быша свѣтници на убіеніе брата его и на самого“, а выше они названы половцами. На стр 102 и 103 г. Соловьевъ доказываетъ, что Ярополкъ Изяславичъ былъ убитъ братьями, Ростиславичами. Доводы его очень убѣдительны, кромѣ ссылки на слова самого Ярополка. Восклицаніе этого князя: „то тѣ (а не тотъ, какъ у автора) мя враже улови!“ ничего не доказываетъ. На стр. 109, послѣ довольно вѣрной характеристики Святополка, авторъ говоритъ: „Могла ли Русь ждать чего-нибудь хорошаго отъ такого князя? И вотъ усобицы не замедлили открыться“. Эта фраза никуда не годится въ историческомъ разсужденіи и простительна только лѣтописцу. Кто же теперь вѣритъ въ таинственную связь нравственныхъ достоинствъ князя и благоденствія страны? Усобицы при Святополкѣ не были слѣдствіемъ его дурныхъ качествъ, не исключая даже ослѣпленія Василька. На той же страницѣ: „Владиміръ думалъ, что загладивъ несправедливость дяди и отца, возвративъ Святославичамъ отцовскую волость, онъ тѣмъ самымъ умиритъ Русь, ибо исключенные князья не будутъ уже болѣе наводить на нее Половцевъ“. Выше (стр. 99) онъ такъ же называетъ отдачу Чернигова Мономаху „дѣломъ несправедливымъ и безразсуднымъ“. Что оно было безразсудно — положимъ; но почему же авторъ считаетъ себя вправѣ сказать, что оно было несправедливо? Онъ же самъ доказываетъ, что племянники не были владѣльцами при дядяхъ. Это явное противорѣчіе. О намѣреніяхъ, съ которыми Мономахъ уступилъ Черниговъ Олегу, въ лѣтописи ни слова; стало быть они придуманы авторомъ. На стр. 116, Василько Ростиславичъ ошибочно названъ прямымъ внукомъ Святослава Игоревича: онъ его потомокъ въ пятомъ колѣнѣ; при томъ сходства между ними мало.—Совѣтъ, данный боярами и людьми Святополку по дѣлу Василька, неправильно названъ у автора „неудовлетворительнымъ“ (стр. 118). Они опредѣлительно отвѣчали, что Василька надо казнить. На стр. 124, авторъ говоритъ: „Олегъ видѣлъ недоброжелательство къ себѣ народа, притомъ былъ и старъ, и слабъ: уже давно не ходилъ въ походы съ братьями по причинѣ болѣзней“. Кромѣ недоброжелательства народа, на которое есть данныя, все прочее авторъ присказалъ отъ себя. Въ мѣстѣ изъ лѣтописи, на которое ссылается г. Соловьевъ, сказано только, что Святополкъ и Владиміръ въ 1103 году послали къ Святославичамъ звать ихъ противъ половцевъ; Давидъ пошелъ, „а Олегъ не всхотѣ сего, вину река: несдравьлю“ (стр. 118). Послѣднія слова ясно говорятъ, что Олегъ могъ идти, да не хотѣлъ, и болѣзнь служила ему предлогомъ. Сверхъ того мы знаемъ, что онъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ половцами и не ходилъ на нихъ войной съ русскими князьями. Г. Соловьевъ истолковалъ здѣсь лѣтопись слишкомъ произвольно и вовсе невѣроятно.

На стран. 85 и 86, примѣч. 2, авторъ объясняетъ, „какимъ образомъ Глѣбъ Святославичъ попалъ въ Новгородъ?“ Этотъ вопросъ гораздо труднѣе, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Основываясь на томъ, что, по мнѣнію Карамзина, Мстиславъ Изяславичъ, князь новгородскій, разбитый Всеславомъ Полоцкимъ, бѣжалъ въ Кіевъ, авторъ говоритъ: „Вѣроятно Изяславъ послѣ этого уступилъ такое отдаленное и опасное владѣніе Святославу, который и послалъ туда своего сына Глѣба, лишеннаго Тмуторокани“. Но почему жь это вѣроятно? Мы думаемъ, что, напротивъ, такая уступка важной области вовсе невѣроятна. Гораздо правдоподобнѣе догадка, предложенная г. Соловьевымъ въ изслѣдованіи „объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ“. Здѣсь, на стран. 54 и 55, мы читаемъ: „Изгнаніе Изяслава изъ Кіева необходимо повлекло перемѣну и въ Новгородѣ: здѣсь является княземъ сынъ Святослава — Глѣбъ; послѣдній въ свою очередь долженъ былъ оставить Новгородъ, вслѣдствіе вторичнаго торжества Изяслава, который послалъ сына своего Святополка“. Вѣроятность этого объясненія доказывается тѣмъ, что въ 1069 году Глѣбъ уже былъ въ Новгородѣ (Новг. первая лѣт., стр. 2), а Изяславъ лишился въ первый разъ кіевскаго престола въ 1068 году. Если мѣсто его и заступилъ Всеславъ, то Святославъ все же былъ старшимъ между Ярославичами и могъ считать себя вправѣ распорядиться тѣмъ, чего не успѣлъ захватить Всеславъ. Еще сильнѣе говоритъ въ пользу этого мнѣнія замѣчаніе Арцыбашева (книга II, пр. 181), что Святополкъ Изяславичъ былъ отправленъ въ Новгородъ еще до смерти Глѣба Наконецъ авторъ самъ приводитъ въ своей мастерской диссертаціи (примѣч. 105) мѣсто изъ лѣтописи, хранящейся въ Румянцовскомъ музеѣ, которое прямо говоритъ: „и посади Свято-

славъ сына своего Глѣба, и выгнаша изъ города и бѣжа за Волокъ и убиша и Чюдь". Не знаемъ, почему авторъ счелъ нужнымъ отбросить это очень вѣроятное объясненіе и принять другое, въ пользу котораго нѣтъ никакихъ доказательствъ. Вообще замѣтимъ, что въ распредѣленіи сѣверныхъ владѣній при Изяславѣ произошли важныя перемѣны. Карамзинъ (т. II, стр. 40, изд. Эйнерл.) и г. Соловьевъ (стр. 73) согласно думаютъ, что Бѣлоозеро по первоначальному распорядку досталось Всеволоду; а изъ лѣтописи (Лаврен., стр. 75) мы видимъ, что здѣсь въ 1071 году сбиралась дань на Святослава. Когда и какъ это сдѣлалось—не видно, и трудно объяснить, потому что нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ.

Есть и другія мѣста, въ которыхъ авторъ *отъ себя* присказываетъ къ лѣтописнымъ извѣстіямъ; но ихъ мы не приводимъ, потому что добавленія если не имѣютъ, то по крайней мѣрѣ могутъ имѣть нѣкоторое вѣроятіе. Въ заключеніе обратимъ вниманіе читателей на два замѣчанія автора, которыя показались намъ и новыми, и удачными. Въ лѣтописи говорится о нѣкоторыхъ князьяхъ, что они любили юныхъ, молодыхъ совѣтниковъ. По мнѣнію автора, подъ ними должно разумѣть новую дружину, приведенную княземъ, въ противоположность дружинѣ прежняго князя, предмѣстника. Кромѣ того, что это объясненіе очень вѣроятно само по себѣ, оно доказывается и положительнымъ свидѣтельствомъ лѣтописи. На стр. 93 мы въ ней читаемъ: „Святополкъ же не сдумавъ, съ болшею дружиною отнею и строя своего, но съвѣтъ створи съ пришедшими съ нимъ". *Большій и старѣйшій*, *меньшій и младшій* въ нашемъ древнемъ языкѣ—синонимы.

Значеніе и роль Тмуторокани въ нашей древнѣйшей исторіи замѣчены и характеризованы превосходно.

„Здѣсь, на отдаленномъ застепномъ приморьѣ, окруженномъ разными варварскими народами, былъ самый удобный притонъ варяжничеству; сюда стремились всѣ тѣ, которымъ почему-нибудь было тѣсно въ обществѣ, здѣсь изъ разноплеменныхъ пришлецовъ составлялись дружины, готовыя на всѣ возможные подвиги подъ знаменами перваго искателя приключеній" (стр. 79).

Пятая глава посвящена обозрѣнію междукняжескихъ отношеній въ короткій, но обильный событіями періодъ времени—отъ смерти Мстислава (1132 г.) до взятія Кіева Андреемъ Боголюбскимъ и союзными съ нимъ князьями (1169). Вотъ какъ характеризуетъ авторъ этотъ періодъ:

„Усобицы, имѣвшія мѣсто при сыновьяхъ и внукахъ Ярослава I-го, происходили оттого, что дядья исключали племянниковъ изъ владѣнія родовою собственностью, но борьба между князьями, начавшаяся по смерти Мстислава, носитъ совершенно другой характеръ: теперь уже князья бьются не для того, чтобъ снова получить участки въ родовой собственности, — они бьются за старшинство. Внуки и правнуки Святослава враждуютъ теперь со внуками и правнуками Всеволода уже не за область Черниговскую, но за старшинство, за Кіевъ; теперь уже Мономаховичи не изгоняютъ Святославичей изъ Чернигова, но хотятъ только исключить ихъ изъ владѣнія Кіевомъ, твердятъ имъ: оставайтесь за Днѣпромъ, какъ распорядился прадѣдъ нашъ Ярославъ Великій; Олеговичи отвѣчаютъ: „мы не венгры и не ляхи, но потомки одного предка и отказаться отъ Кіева не можемъ", слѣдовательно являются защитниками нераздѣльнаго, общаго владѣнія; но они знаютъ, что право старшинства разъ нарушено и возстановить его трудно вслѣдствіе столкновенія противоположныхъ правъ и интересовъ: Мономаховичи считаютъ полное право на своей сторонѣ, ибо Святославичи не противились троекратному нарушенію своего права и такимъ образомъ добровольно отказались отъ него. Вотъ почему, когда Святославичамъ удается перейти на западную сторону Днѣпра, овладѣть Кіевомъ, то они хотятъ перебраться всѣ на эту завѣтную сторону, оставить ее за потомствомъ, въ свою очередь исключить Мономаховичей, отбросить ихъ на Востокъ: какая же цѣль этого стремленія? желаніе прервать единство рода, раздѣлиться? проглядываетъ ли тутъ начало новаго порядка вещей, новыхъ отношеній? Ничего подобнаго: имъ хочется только удержать постоянно старшинство за собою, въ томъ самомъ значеніи, въ какомъ его тогда понимали, оставляя въ силѣ всѣ прежнія отношенія старшаго къ младшимъ членамъ рода; однимъ словомъ Святославичи хотятъ Кіева не для Кіева, но для старшинства" (стр. 137—138)

„Но борьба за старшинство идетъ не между одними Святославичами и Всеволодовичами; три княжескія линіи, игравшія прежде важную роль—линія Изяслава Владиміровича Полоцкаго, Изяслава и Игоря Ярославичей вышли теперь изъ борьбы (хотя Полоцкіе князья возвращаются изъ Греціи, но уже не имѣютъ никакого вліянія на отношенія между Ярославичами); но зато встала страшная котора въ самомъ родѣ Мономаховомъ. Здѣсь, повидимому, повторяется прежняя борьба, борьба дядей съ племянниками, но опять уже съ другимъ значеніемъ: дядья не исключаютъ племянниковъ изъ владѣнія родовою собственностью, но враждуютъ съ ними за старшинство, не хотятъ допустить, чтобы дѣти старшаго брата отнимали старшинство и столъ Кіевскій у младшихъ дядей своихъ, вслѣдствіе новаго представленія, что старшій сынъ старшаго брата есть старшій братъ дядьямъ своимъ" (стр. 138—139).

„Торжество осталось на сторонѣ послѣднихъ, ибо побѣда Андрея надъ Мстиславомъ, была вмѣ-

стѣ побѣдою представленія о правѣ всѣхъ дядей, даже самыхъ младшихъ, надъ племянниками отъ перваго брата“ (стр. 211).

Вотъ итогъ и послѣдній выводъ изъ изслѣдованій, заключающихся въ пятой главѣ. Г. Соловьевъ очень удачно схватилъ многіе живые интересы эпохи и—что главное—возвратилъ имъ то значеніе, которое они имѣли въ исторіи, но не имѣли въ книгахъ, писанныхъ о ней. Сколько бы разъ ни повторяли поборники старой школы, что все это было уже сказано Карамзинымъ и развито на лекціяхъ, мы столько же разъ отвѣтимъ, что безсвязные намеки и отрывочныя замѣчанія Карамзина не могутъ быть поставлены наравнѣ съ развитымъ взглядомъ. Большая разница между отдѣльной мыслью и систематическимъ ея построеніемъ.

Съ своей стороны, не взводя на автора подобныхъ обвиненій, мы замѣтимъ однако, что г. Соловьевъ, какъ намъ кажется, не вполнѣ обозрѣлъ движущія начала междукняжескихъ отношеній того времени, а удовольствовался только нѣкоторыми; это придаетъ его взгляду односторонность и вводитъ его въ ошибки. Другой недостатокъ состоитъ въ томъ, что г. Соловьевъ, характеризуя эпоху, останавливается на однихъ явленіяхъ, не проникая далѣе, не восходя до ихъ основныхъ причинъ. Отсюда недостатокъ глубокаго пониманія внутренней связи, послѣдовательности между эпохами, хотя онѣ, даже хронологически, шли одна за другой, порождали одна другую и слѣдовательно по необходимости связаны между собою единствомъ начала. Каждая эпоха стоитъ у г. Соловьева какъ-то слишкомъ отдѣльно, изолированно, и преемственность ихъ только внѣшняя. И то, и другое открывается изъ приведенныхъ словъ. Разберемъ ихъ.

Авторъ говоритъ, что теперь князья бьются не изъ участка въ родовой собственности, а за старшинство. Выше мы старались доказать, что до смерти Мстислава князья бились не за участки въ родовой собственности, а за владѣнія отцовъ, вотчину, что̀ существенно измѣняетъ вопросъ, ибо, предполагая первое, мы выведемъ, что родовой распорядокъ былъ послѣдней, крайней цѣлью княжескихъ стремленій; напротивъ, принявъ послѣднее, мы увидимъ въ притязаніяхъ князей желаніе получить владѣнія для усиленія власти, увеличенія доходовъ, богатства, чего хотите, только не для занятія извѣстнаго мѣста въ родовомъ распорядкѣ. Инымъ съ перваго взгляда можетъ показаться, что мы придираемся и играемъ словами; но этого не скажетъ тотъ, кто пристально вникнетъ въ дѣло. Все разногласіе между нами и г. Соловьевымъ вертится на томъ, что онъ смотритъ на владѣнія, какъ на средство для цѣлей, условливаемыхъ родовою честью, а мы видимъ въ родовыхъ правахъ, предъявляемыхъ князьями, средство, предлогъ для полученія лучшаго владѣнія. То, что̀ у него играетъ главную роль, намъ кажется второстепеннымъ, и наоборотъ. При совершенномъ отсутствіи всякаго государственнаго и гражданскаго устройства, когда понятія дальше родственныхъ, кровныхъ отношеній не шли, князьямъ не на чемъ было основывать своихъ правъ и притязаній, кромѣ родовыхъ счетовъ, и въ этомъ смыслѣ мы совершенно согласны съ авторомъ, что кровныя отношенія играли теперь главную, первенствующую роль. Но подъ ними высказывались владѣльческіе интересы, приготовившіе полное торжество вотчиннаго начала надъ родовымъ, раздробленіе рода на самостоятельныя линіи и собственность, сначала въ не-гражданственной, патріархальной формѣ вотчины: нѣсколько примѣровъ всего лучше пояснятъ нашу мысль.

Если бы кровныя, родственныя отношенія господствовали исключительно, и только изъ нихъ хлопотали князья, а не изъ владѣній, какъ бы могъ Ростиславъ Юрьевичъ поссориться съ отцомъ „оже ему отець *волости не далъ* въ Суждальской земли“ и перейти къ врагу его Изяславу Мстиславичу? Этотъ фактъ говоритъ очень сильно, особенно потому, что Изяславъ сказалъ пришедшему къ нему Ростиславу: „нынѣ же аче отець ти волости не далъ, а язъ ти даю“ (Ипат. Лѣт., стр. 39). Изяславъ задобриваетъ своего двоюроднаго брата, и чѣмъ же?—не обѣщаніемъ такого или другого мѣста въ родовомъ распорядкѣ, а волостью: „отецъ не далъ, а я дамъ“. Впослѣдствіи, упрекая Ростислава въ измѣнѣ, онъ говоритъ ему: „волость ти есмь вдалъ, ако ни отець того вдалъ, что я тобѣ вдалъ“ (стр. 41). Итакъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ главное для князей были владѣнія, волости, а не родовая часть,—иначе нельзя бы задобривать, приманивать къ себѣ волостями.

Еще: „Володиміръ Андреевичъ нача припрашивати волости у Мстислава. Мстиславъ

же... рече: брате Володиміре! ци давно еси хрестъ цѣловалъ ко мнѣ, и волость взялъ еси у мене? (стр. 99).

Оба эти мѣста тоже доказываютъ, что князья искали иногда владѣній, а не родовой части. Ищи Рогвольдъ послѣдней, онъ не сѣлъ бы въ Друцкѣ, а сталъ бы прямо отыскивать Полоцка, какъ Ольговичи и Юрій —Кіева. Владиміръ Андреевичъ былъ двоюродный дядя Мстиславу, стало быть старше его, однако взялъ волость у Мстислава и цѣловалъ ему крестъ.

„Новгородци сдумавше рекоша (Всеволоду): дай ны шюрина своего Мстиславича. Всеволодъ же, не хотя перепустити Новагорода Володимиричемъ, призва шюрина своя и да имъ Берестій". (Лаврент. лѣтоп. стр. 134). Всеволодъ задобриваетъ и удерживаетъ при себѣ князей волостями, владѣніями.

Давши Ростиславу Божскъ и другіе города, Изяславъ велѣлъ сказать брату его Глѣбу: „иди ко Ольговичемъ, къ тѣмъ еси пришелъ, а ти дадятъ *волость*" (тамъ же стр. 138). Стало быть князья приходили иногда одни къ другимъ и получали волость, и это бывало между князьями различныхъ линій, враждовавшихъ между собою.

Этихъ немногихъ примѣровъ кажется достаточно, чтобъ убѣдить въ достовѣрности нашей мысли. Они свидѣтельствуютъ, что рядомъ съ родовыми кровными интересами развивались и другіе, владѣльческіе, которые впослѣдствіи мало-по-малу вытѣснили всѣ другіе. Мы позволимъ себѣ даже пойти далѣе и утверждать, въ противность мнѣнію г. Соловьева, что эти интересы уже стояли теперь на первомъ планѣ, но только прикрывались формами родовыхъ отношеній, такъ сказать вздерживались ими, и потому-то борьба за старшинство, которою авторъ характеризуетъ между-княжескія отношенія въ эту эпоху,—не что́ иное, какъ выраженіе тѣхъ же владѣльческихъ стремленій, которое князья старались узаконить господствовавшимъ тогда родовымъ правомъ. Именно потому, что нуженъ былъ предлогъ, оправданіе, сообразные съ нравами и понятіями времени, Кіева искали Святославичи, по старшинству въ Ярославовомъ потомствѣ, Мстиславичи—по праву вотчинному, и Владиміровичи, которымъ предлогомъ служило родовое старшинство предъ Мстиславичами, ихъ племянниками. Изяславъ не могъ самъ собой удержаться въ Кіевѣ и долженъ былъ признать кіевскимъ княземъ и отцомъ ничтожнаго дядю своего Вячеслава, потому что послѣдній былъ старшій изъ живыхъ Владиміровичей (Мономаха). Это признаніе было пустой формой: Вячеславъ ни во что не вмѣшивался, не имѣлъ дѣтей, и вся власть на дѣлѣ принадлежала Изяславу; но эта формальность доставила Ростиславу, брату Изяслава, такую же власть, какой пользовался послѣдній. По той же самой причинѣ, т.-е. потому, что нужны были предлоги, не искали кіевскаго престола безспорно младшіе въ княжескомъ родѣ. Итакъ, мы не скажемъ съ авторомъ, что князья „бьются за старшинство"; тѣмъ менѣе,—что Святославичи хотятъ Кіева не для Кіева, а для старшинства". Напротивъ, мы утверждаемъ, что князья стараются пріобрѣсти лучшія и возможно бо́льшія владѣнія, оправдывая себя родовымъ старшинствомъ, смотря по тому, которое изъ нихъ говорило въ ихъ пользу. До Андрея Боголюбскаго лучшимъ владѣніемъ въ Россіи былъ Кіевъ, и его-то домогался всякій князь, который имѣлъ на него хоть какую-нибудь тѣнь права. Стоитъ только вспомнить, какіе князья сидѣли въ этотъ періодъ на кіевскомъ престолѣ: Мстиславъ Владиміровичъ, братья его Ярополкъ и Вячеславъ, Всеволодъ и Игорь Ольговичи изъ Святославова рода, Изяславъ и Ростиславъ Мстиславичи подъ дядей Вячеславомъ Владиміровичемъ, Юрій—его братъ, Изяславъ Давидовичъ изъ Святославова рода и Мстиславъ Изяславичъ. Не многіе изъ этихъ князей не были изгоняемы, иные по нѣскольку разъ, и какія были ихъ права? Всеволодъ былъ женатъ на старшей сестрѣ Изяслава Мстиславича—вотъ и все его право. Но что это за право! Еслибъ перебрать свойства тогдашнихъ князей, какимъ притязаніямъ не нашли бы мы предлога и основанія; однако о нихъ лѣтопись не говоритъ, а говоритъ, что Всеволодъ искалъ и получилъ кіевскій престолъ. Всеволодъ отдалъ Кіевъ Игорю, брату своему, на томъ основаніи, что Мстиславъ также отдалъ Кіевъ своему брату! Эти предлоги шиты бѣлыми нитками. И права другихъ не лучше въ томъ смыслѣ, что они не имѣютъ одного основанія, перваго условія правомѣрности. Каждый судится по особымъ правамъ, изъ подъ которыхъ проглядываетъ совершенное безправіе. Напрасно силится г. Соловьевъ объяснить и оправдать все это. Мы увидимъ въ своемъ

мѣстѣ, какъ и объясненія и оправданія разлетаются при первомъ прикосновеніи юридической критики. Здѣсь скажемъ только, что отсутствіе твердаго, ясно сознаваемаго порядка наслѣдованія въ кіевскомъ престолѣ еще болѣе доказываетъ, что этой сбивчивой и произвольной казуистикой заправляли осязательные, практическіе интересы, а не отвлеченное почитаніе родовыхъ разсчетовъ и правъ: будь послѣднее, они бы давнымъ давно опредѣлились въ систему. Съ этой точки зрѣнія все сказанное авторомъ въ выписанныхъ нами мѣстахъ о Святославичахъ и ихъ стремленіяхъ, кажется намъ совершенно ошибочнымъ и не имѣющимъ никакого основанія.

Другой недостатокъ въ характеристикѣ этой эпохи, о которомъ мы уже говорили, состоитъ въ томъ, что авторъ не показываетъ ея связи къ предыдущей, и она у него выходитъ какъ-то сама по себѣ, въ противность естественному, историческому развитію. До смерти Мстислава исключенные князья отыскиваютъ часть въ общемъ владѣніи; послѣ смерти Мстислава до 1169 года они бьются за старшинство. Очень хорошо; но какъ же одно относится къ другому, почему послѣднее пришло послѣ, а первое ему предшествовало? Какъ вытекла изъ борьбы за участки въ общемъ владѣніи борьба за старшинство? Куда и къ чему идутъ эти перемѣны? На эти вопросы мы не находимъ отвѣта въ книгѣ г. Соловьева. Онъ передаетъ фактъ, не вникая въ его значеніе. Отсюда и недостаточность его взгляда. Еслибъ онъ всмотрѣлся въ цѣлый ходъ между-княжескихъ отношеній преемственно въ разныя эпохи и старался открыть начало, связующее ихъ въ единый живой организмъ, онъ непремѣнно обратилъ бы вниманіе на явленія, оставленныя имъ въ тѣни. Здѣсь мы опять должны напомнить о вотчинномъ началѣ, несправедливо пренебреженномъ авторомъ въ ущербъ его взгляду и цѣлому построенію системы между-княжескихъ отношеній. Теперь, въ эту эпоху, оно выражается еще сильнѣе, чѣмъ до смерти Мстислава. Лѣтописи наполнены указаніями на это начало. Постоянно упоминается отчина, постоянно говорится, что князь отыскиваетъ своей вотчины; много изъ нихъ даже на Кіевъ объявляютъ притязанія какъ на отчину. Всего яснѣе, опредѣленнѣе высказано оно на 65 и 66 стр. Ипатьевской лѣтописи: „Святославъ же Олговичь... скупишася съ сыновцомъ своимъ съ Святославомъ Всеволодовичемъ, и посластася ко Изяславу Чернигову, рекуча:... братья есмы собѣ, а прими насъ къ собѣ; а се отцинѣ межи нама двѣ, одина моего отца Олга, а другая твоего отца Давыда, а ты, брате, Давыдовичь, а язъ Олговичь; ты же, брате, прими отца своего Давыдово, а што Олгово, а ты нама дай, ать вѣ ся тѣмъ подиливѣ". Вотъ какъ смотрѣли князья на свои владѣнія, и ничто не могло быть естественнѣе этого взгляда. Чѣмъ слабѣе сознавалось единство рода, тѣмъ сильнѣе развивалось вотчинное начало. Такимъ образомъ, въ томъ, что прежде князья исключались изъ общаго владѣнія, а теперь— нѣтъ (хотя и есть нѣкоторые примѣры: укажемъ на Ивана Гирладника), мы видимъ шагъ впередъ въ развитіи вотчиннаго начала; ибо если племянникъ владѣетъ наравнѣ съ дядей, ясно, что признаны права нисходящихъ подлѣ правъ старшихъ боковыхъ. И прежде племянники владѣли въ одно время съ дядями, но подъ защитою и въ областяхъ отцовъ; теперь же мы видимъ, что племянники-сироты владѣютъ въ одно время съ дядями, какъ самостоятельные князья. Въ непосредственной связи съ этимъ явленіемъ состоитъ и вопросъ о старшинствѣ между племянниками и дядями. Его появленіе несомнѣнно свидѣтельствуетъ о дѣятельномъ участіи вотчиннаго начала въ тогдашнемъ распорядкѣ владѣній; ибо только постепенное укорененіе мысли, что владѣніе есть частная собственность князя и законное наслѣдство его дѣтей, можетъ поднять вопросъ, чьи права лучше, сильнѣе на это владѣніе: сыновей или братьевъ? Вотъ почему не-исключеніе младшихъ князей изъ владѣнія, споры о старшинствѣ являются въ нашихъ глазахъ какъ усиленіе вотчиннаго начала и упадокъ родового,—другими словами, какъ подготовленіе перехода княжескихъ владѣній въ частную собственность князей, распаденія Руси на отдѣльныя, независимыя одна отъ другой части, и рѣшительнаго первенства нисходящихъ родственниковъ по прямой линіи передъ боковыми. Дѣйствительно, мы видимъ, что въ эпоху, о которой теперь идетъ рѣчь, частные, владѣльческіе интересы, начинаютъ играть въ между-княжескихъ отношеніяхъ немаловажную роль (см. выше); раздробленіе Россіи усиливается, такъ что подлѣ преж-

нихъ отдѣльныхъ княженій—Черниговскаго, Полоцкаго, Галицкаго, начинаютъ образовываться новыя части той же прежней нераздѣльной Руси—Кіевское, Смоленское, Владимірское, Муромское. Наконецъ родъ кіевскихъ князей ясно показываетъ, что права старшихъ въ родѣ далеко не безусловны. Разумѣется, здѣсь мы указываемъ только на тѣ явленія, въ которыхъ выразились новыя понятія, отрицавшія родовое начало со всѣми его послѣдствіями. Но исторія не нитка: ее въ струнку не вытянешь; рядомъ съ этими зачатками новаго порядка вещей продолжало существовать старое, и ихъ взаимныя отношенія были тѣмъ неопредѣленнѣе, случайнѣе, что тогдашній нашъ бытъ былъ крайне неопредѣлененъ. Оттого мы нисколько не думаемъ опровергать г. Соловьева, но хотимъ только дополнить его взглядъ и исправить его, насколько онъ ошибоченъ безъ этого необходимаго дополненія.

Одна неправильность, натяжка, непремѣнно влечетъ за собою другую; это неизмѣнное правило. Взглянувши односторонно на эпоху, авторъ по необходимости долженъ былъ сдѣлать еще много другихъ натяжекъ, чтобы сдѣлать правдоподобнымъ свое воззрѣніе. Пятая глава изобилуетъ произвольными соображеніями, перетолкованіями лѣтописей, прибавками отъ себя, такъ что историческая основа почти теряется и едва видна изъ-за блестящей, мастерской, но не всегда вѣрной картины. Подробный разборъ докажетъ это.

На стр. 143 Вячеславъ названъ старшимъ братомъ Ярополка, а на 131 младшимъ. Это описка. Тамъ же авторъ сдѣлалъ добавленіе отъ себя (см. стр. 143, „тогда Ярополкъ" и пр.). Въ лѣтописи: „Георгій Князь Володимеричь испроси у брата своего Ярополка Переяславль, а Ярополку вда Суждаль и Ростовъ, и прочюю волость свою, но не всю." О намѣреніи, съ которымъ Юрій удержалъ часть—ни слова.

„Вѣроятно Ярополкъ хотѣлъ отдать ростовскую землю Изяславу: этою сдѣлкою онъ надѣялся успокоить братьевъ, помѣстивъ ихъ всѣхъ около себя на Руси, и отдавъ племянникамъ, какъ младшимъ, самую отдаленную область, на сѣверѣ" (Стр. 143—144).

Почему это вѣроятно, когда въ лѣтописи нѣтъ на то ни малѣйшаго намека, не сказано.—На стр. 141 авторъ говоритъ, что Переяславль былъ послѣ Кіева старшимъ столомъ въ областяхъ Мономаховичей. Выше мы видѣли, что Переяславль былъ во владѣніи разныхъ князей и старшихъ и младшихъ, стало быть онъ не былъ старшимъ столомъ. Новое подтвержденіе находимъ и въ эту эпоху. Переяславль былъ отданъ Андрею Владиміровичу, который, по мнѣнію г. Соловьева, былъ младшимъ братомъ Юрію (стр. 146).

„Юрій Ростовскій видѣлъ, какъ спорны Русскіе столы, и потому, поживъ нѣсколько времени на Руси, удалился въ свою вѣрную сѣверную волость; онъ былъ успокоенъ тѣмъ, что въ Переяславлѣ будетъ княжить младшій братъ его, а не сынъ старшаго брата: знакъ, что Изяславъ имѣлъ больше правъ на старшинство, чѣмъ Андрей Владиміровичъ, и потому казался опаснѣе дядѣ Юрію" (Стр. 146).

Новая натяжка. Въ лѣтописи ни слова объ этихъ соображеніяхъ Юрія.

Стр. 149. Авторъ пространно объясняетъ, какъ и почему Всеволодъ Ольговичъ сѣлъ на кіевскій престолъ, съ котораго прогналъ Вячеслава. Соображенія его такъ шатки, такъ произвольны, что противъ каждаго можно выставить по нѣскольку равносильныхъ возраженій. Когда источники молчатъ, трудно дополнить пробѣлы соображеніями, особенно въ древней русской исторіи, гдѣ неопредѣленность, безпричинность явленій составляютъ правило. Стоитъ сравнить разсказъ этой эпохи по Лаврентьевской и Ипатьевской лѣтописямъ, чтобъ однажды навсегда отчаяться въ возможности дополнить эти промежутки изъ головы. Русская исторія—не система римскаго права, развившаяся такъ строго-логически подъ перомъ юристовъ, что по двумъ, тремъ намекамъ можно возсоздать цѣлое ученіе.

„Святославичи сильно роптали на брата, что онъ переступилъ такой важный столъ, каковъ былъ Переяславскій, храброму Изяславу, а послѣдній, съ своей стороны, видѣлъ, что Всеволодъ щадитъ Мстиславичей только изъ страха, чтобы они не соединились съ дядьми, старшинство же прочитъ своему роду, и потому рѣшился примирить всѣхъ членовъ Мономаховой семьи и дѣйствовать наступательно противъ Святославичей; съ этою цѣлью онъ не усомнился поѣхать для личнаго свиданія къ заклятому врагу своему, Юрію Ростовскому, чтобы убѣдить его отложить вражду для блага цѣлаго народа; но притязанія дяди и племянника не могли быть соглашены, и оба князя разстались болѣе врагами, чѣмъ были прежде" (Стр. 161).

Въ лѣтописи сказано: „и не любяхуть сего (Всеволода) Олговичи, братья Всеволожа, и поропташа нань, оже любовь имѣетъ съ Мьстиславичи съ шюрьями своими, а съ нашими

вороги и осажалъся ими около, а намъ на безголовіе и безъмѣстье и себѣ. И тако молвяхутъ ему братья, и докучивахуть ему пойти ратью на Мьстиславичи; онъ же воли ихъ не учини." (Ипат., стр. 19). „Тое же зимы изиде Изяславъ къ стрыеви своему Дюрдсви Суждалю, и не уладився съ нимъ, иде ко брату своему Ростиславу Смоленьску, и оттолѣ иде къ другому брату своему Святополку Новугороду" и т. д. (тамъ же).

Стоитъ сравнить слова лѣтописи и автора, чтобъ увидать, сколько онъ произвольно прибавилъ отъ себя. Такія амплификаціи непріятно видѣть въ такомъ превосходномъ историческомъ трудѣ...

Стр. 165. „Ольговичи, Игорь и Святославъ уступили желанію народа и цѣловали крестъ, что отнынѣ не будетъ ему никакого насилія, и что тіуны будутъ избираемы по волѣ гражданъ". Въ лѣтописи: „а се вамъ и тіунъ, а по вашей воли" (Ипат. лѣт., стр. 22). Важная неточность, возводящая частный случай въ общее правило и совершенно измѣняющая смыслъ словъ.

На стр. 166 авторъ разсказываетъ, что „люди, бывшіе въ большой чести у Всеволода и брата его", вмѣстѣ съ кіевскими гражданами передались Изяславу, и замѣчаетъ при этомъ, что измѣна первыхъ „всего страннѣе казалась для современниковъ". Но лѣтописецъ не изъявляетъ ни малѣйшаго удивленія и разсказываетъ такъ: „Всекозненный же дьяволъ, не хотя любви межи братьею, вложи въ сердце злымъ съвѣтомъ Улѣбови тысячьскому, Иванови Воитишичю, иже съ вѣщаста съ вѣтъ золъ съ Кіяны" и т. д. (Ипат. Лѣт., стр. 23). Подобныя фразы встрѣчаются въ лѣтописи во многихъ мѣстахъ и далеко не выражаютъ удивленія, а только мнѣніе, судъ лѣтописца. А между тѣмъ и другимъ большая разница: удивись лѣтописецъ, мы были бы въ правѣ заключить, что подобныя измѣны рѣдко встрѣчались, что онѣ не были въ нравахъ,—и точка зрѣнія на эпоху совершенно измѣнилась бы. Нѣтъ!—клятвопреступленія, измѣны, обманы и насилія вызывали тогда не удивленіе, а сожалѣніе и сѣтованіе: они были слишкомъ обыкновенны, чтобы можно было имъ удивляться.

На той же страницѣ, въ примѣчаніи, авторъ объясняетъ причину измѣны со стороны бояръ: „Поведеніе этихъ бояръ объяснить легко: они видѣли всеобщую ненависть къ Ольговичамъ, знали, что имъ не удержаться, и потому спѣшили соединиться съ гражданами, чтобъ удержать ихъ расположеніе и благосклонность новаго князя, которому они доставляли столъ" (стр. 166 и 167 въ примѣчаніи). Это не объясненіе, а гипотеза, не основанная ни на какомъ свидѣтельствѣ, ни на какихъ данныхъ.

Мѣсто Игоря заступилъ на кіевскомъ престолѣ Изяславъ Мстиславичъ. По этому поводу авторъ говоритъ:

„Торжество Изяслава надъ Игоремъ было торжествомъ Мономахова рода надъ Святославовымъ, но вмѣстѣ и торжествомъ новаго представленія—о старшинствѣ старшаго племянника надъ дядьми. Торжеству этого представленія способствовали слѣдующія обстоятельства: еслибы Изяславъ, по примѣру дѣда своего, свято уважалъ права старшихъ родичей, то, подобно Мономаху же, былъ бы принужденъ гражданами принять велико-княжеское достоинство: слабый Вячеславъ, старшій изъ дядей, не могъ ни управлять самъ, ни защищать Кіевъ отъ Черниговскихъ и Половцевъ; здѣсь мы можемъ оставить даже *бы*, и говорить утвердительнѣе, основываясь на слѣдующемъ: Изяславъ, двинувшись къ Кіеву на Ольговичей, объявилъ, что идетъ возвратить дѣдовскій столъ старшему брату своему (дядѣ) Вячеславу; что же, кромѣ воли гражданъ, могло заставить его перемѣнить намѣреніе? Такъ, когда послѣ Юрія бѣжалъ изъ Кіева передъ Изяславомъ, а Вячеславъ занялъ его мѣсто, то граждане, вышедши навстрѣчу къ Изяславу, говорили ему: „Гюрги вышелъ изъ Кіева, а Вячьславъ сѣдить ти въ Кіевѣ; а мы его не хочемъ". Юрія Ростовскаго не знали на югѣ, и еще хуже, еслибы знали: по своему характеру онъ не могъ привлечь любви народной, которою пользовался въ высокой степени племянникъ его Изяславъ. Послѣдній зналъ, что посадить на Кіевскій столъ Вячеслава значитъ дать дорогу притязаніямъ Юрія, непримиримаго врага своего, и потому принялъ на себя старшинство. Сперва Вячеславъ надѣялся-было, что племянникъ почтитъ его, и потому, узнавъ о низложеніи Ольговичей, забралъ назадъ города, отнятые у него прежде Всеволодомъ; мало того, началъ уже, какъ старшій, распоряжаться волостями, занялъ Владиміръ Волынскій и посадилъ въ немъ племянника Владиміра Андреевича. Но Изяславъ спѣшилъ показать, какъ онъ намѣренъ дѣйствовать въ отношеніи къ дядьямъ: онъ послалъ брата Ростислава и племянника Святослава Всеволодовича на Вячеслава и отнялъ у него Туровъ, гдѣ посадилъ сына своего Ярослава, а стольный городъ Мономаха, Переяславль, отдалъ старшему сыну Мстиславу. Такое распоряженіе могло оскорбить братьевъ Изяславовыхъ, особенно старшаго, Ростислава Смоленскаго; но вѣроятно этотъ не храбрый и вовсе не честолюбивый князь самъ отказался отъ Переяславля: здѣсь онъ долженъ былъ безпрестанно отбивать Черниговскихъ, Половцевъ и вступить въ смертельную вражду съ дядею Юріемъ, чего онъ никакъ не хотѣлъ" (Стр. 168—170).

Послѣднія слова дополняются и объясняются замѣчаніемъ (стр. 154), что Юрій лю-

билъ Ростислава „за неучастіе въ борьбѣ братьевъ съ дядями и за постоянное уваженіе къ послѣднимъ.“

Если занятіе Кіева Изяславомъ было торжествомъ новаго представленія о старшинствѣ, то оно недолго продолжалось, а именно съ 1146 по 1150 годъ; въ этомъ году Изяславъ, чтобы дать благовидность своему княженію въ Кіевѣ и упрочить власть, призналъ княземъ кіевскимъ дядю своего Вячеслава, слѣдовательно опять восторжествовало представленіе о старшинствѣ дядей?—Можно ли назвать такой кратковременный перевѣсъ торжествомъ? Тутъ ошибка вся въ томъ, что г. Соловьевъ хочетъ провести рѣзкую черту между господствомъ различныхъ понятій, что̀ рѣшительно невозможно. Долго существуютъ противоположныя начала одно возлѣ другого, пока одно не возьметъ наконецъ верхъ, дѣйствительно не восторжествуетъ.—Далѣе авторъ говоритъ, что воля народная заставила Изяслава перемѣнить намѣреніе и вмѣсто того, чтобъ доставить кіевскій престолъ дядѣ, сѣсть самому. Едва ли! Еслибъ такъ было, Изяславъ не сказалъ бы Вячеславу: „согрѣшилъ есмь первое, а того ся каю; а изнова коли ми Богъ далъ побѣдити Игоря у Кыева, а я есмь тобѣ чести не положилъ,.. нынѣ же, отце, того всего каюся предъ Богомъ и предъ тобою“ (Ипат. лѣтоп. стр. 57); Вячеславъ не сказалъ бы Юрію: „язъ, Рускыя дѣля земли и хрестьянъ дѣля, того всего не помянулъ, но и еще вамъ есмь явилъ, оже Изяславъ ѣда биться съ Игоремъ, тако молвить: язъ Кіева не собѣ ищю, но оно отецъ мой Вячьславъ братъ старѣй, а тому его ищю—а то ти молвить биться ѣда — а и Богъ ему помоглъ, а онъ же Кіевъ собѣ, и еще надъ тѣмъ и Туровъ и Пинескъ у мене отнялъ, то ти Изяславъ мя тѣмъ пріобидилъ“ (тамъ же, стр. 61). Эти выписки доказываютъ, что Изяславъ, не хуже другихъ, хотѣлъ Кіева себѣ, а говорилъ, что отыскиваетъ его для дяди, только чтобъ имѣть благовидный предлогъ. Всѣ они такъ дѣйствовали! Что кіевляне позднѣе говорили „не хотимъ Вячеслава“—ничего не доказываетъ; позднѣй не захотѣли, а прежде могли хотѣть или по крайней мѣрѣ не препятствовать ему владѣть Кіевомъ. Потомъ, почему авторъ знаетъ, что Юрія не знали на югѣ? Откуда это видно? Также неосновательно разсужденіе, почему Изяславъ не посадилъ Вячеслава на кіевскій престолъ въ 1146 году; вѣдь посадилъ же онъ его четыре года спустя. Что жъ? Развѣ теперь исчезли опасенія открыть Юрію дорогу къ велико-княжескому достоинству? Наконецъ также произвольно объясненіе, почему Ростиславъ не получилъ Переяславля. Откуда взялъ авторъ, что Ростиславъ *никакъ не хотѣлъ* вступить во вражду съ Юріемъ? Изъ чего онъ видитъ, что Юрій любилъ его, что Ростиславъ не принималъ участія въ борьбѣ съ дядями, уважалъ ихъ? Гдѣ на все это доказательства? Самъ же г. Соловьевъ говоритъ, что Ростиславъ ходилъ на дядю своего Вячеслава и отнялъ у него Туровъ (стр. 170), хотя и настоятельно совѣтовалъ своему брату „положити честь на стрѣи своемъ и на отци своемъ“ (Вячеславѣ) (Ипат. лѣт., стр. 58). Откроемъ лѣтопись: въ 1148 году онъ ходилъ съ Изяславомъ на Юрія и воевалъ его волость (Ипат. лѣт., стр. 40); въ 1149 году, онъ приходилъ съ своими войсками на помощь къ Изяславу противъ Юрія и принималъ участіе въ войнѣ до самаго вступленія Юрія въ Кіевъ (тамъ же, стр. 42—45); то же было опять въ 1151 году, когда Юрій приходилъ на Кіевъ (тамъ же, стр. 58, 59 и слѣдующія). Вотъ еслибъ авторъ сказалъ то же самое объ отношеніяхъ Ростислава къ Изяславу, мы согласились бы съ нимъ совершенно, потому что Ростиславъ *никогда* съ нимъ не воевалъ; напротивъ, по каждому призыву, являлся съ войсками, и даже, совѣтуя брату помириться съ дядей, исполнилъ однако его волю и ходилъ на Вячеслава.

О послѣднемъ говоритъ г. Соловьевъ, что онъ не могъ управлять самъ, а въ примѣчаніи, что имъ управляли бояре, и ссылается на 25 стр. Ипатьевской лѣтописи. Мы справлялись съ нею и не нашли ничего подобнаго. Вотъ ея слова: „Вячеславъ же се слышавъ, надѣяся на старшьство и послушавъ бояръ своихъ, не приложи чести къ Изяславу“ и т. д. Кто не согласится, что быть управляему боярами и послушаться ихъ совѣта въ данномъ случаѣ—большая разница.

Точно такъ же ни на чемъ не основаны слѣдующія соображенія:

„Силы Юрія Ростовскаго не были въ уровень съ силами Мстиславичей, область его была обширна, но мало населена, и потому онъ не могъ рѣшиться подать дѣятельную помощь союзникамъ; при томъ мы узнаемъ послѣ лѣнь Юрія, его неспособность къ быстрымъ ратнымъ движеніямъ“ (стр. 174).

„Тогда Святославичи увидали необходимость просить мира у Изяслава, который и далъ имъ его,

желая умирить югъ, дабы имѣть возможность нанести сильный ударъ Юрію въ собственныхъ областяхъ его. Тогда же старшій сынъ Юрія, Ростиславъ, отчаявшись въ успѣхѣ отцовскаго дѣла, перешелъ на сторону Изяслава, признал его старшинство и получилъ города на Руси, которые прежде держалъ Всеволодичь Святославъ" (стр. 175).

Замѣчаніе, почему Ростиславъ Юрьевичъ пришелъ къ Изяславу, особенно потому любопытно, что оно противорѣчитъ *двумъ* лѣтописямъ. Въ Лаврентьевской—Ростиславъ говоритъ дружинѣ: „любо сися на мя отцю гнѣвати, не иду къ ворогомъ своимъ, то суть были ворози и дѣду моему и строемъ моимъ; но поидемъ, дружино моя, къ Изяславу, то ми есть сердце свое, ту ти дасть на волость" (стр. 138). Въ Ипатьевской сказано: „Въ то же веремя пришелъ бѣ Гюргевичъ старѣйшій Ростиславъ, роскоторовся съ отцемъ своимъ, о же ему отець волости не далъ въ суждальской земли" (стр. 39).

„Но непріятности ждали Изяслава съ другой стороны. Мы уже нѣсколько разъ имѣли случай замѣтить, какъ народъ благоговѣлъ къ памяти Мономаха въ противоположныхъ концахъ русскихъ владѣній, на Сѣверѣ, Востокѣ и Югѣ, въ Новгородѣ, Курскѣ и Кіевѣ граждане отказывались поднимать руки на Мономаховичей; они съ ужасомъ смотрѣли на усобицу въ потомствѣ того, кто всю жизнь трудился надъ примиреніемъ братіи; распря въ семьѣ Мономаха казалась народу грѣховнымъ поруганіемъ надъ памятью великаго братолюбца и добраго страдальца за русскую землю; такъ Мономахъ и по смерти своей оставался хранительнымъ духомъ Руси; и по смерти сдерживалъ ненавистныя ему при жизни усобицы родовыя!" (стр. 178).

Еслибъ авторъ потрудился счесть, сколько разъ народъ дрался въ усобицахъ между Мономаховичами, и сколько разъ отказывался драться, онъ бы не сказалъ, что духъ Мономаха сдерживалъ родовыя усобицы. Слова его впрочемъ сильно отзываются фразой и безъ этого доказательства.

„Другой сынъ Юрія, знаменитый впослѣдствіи Андрей Боголюбскій, изъ начала не любившій старую южную Русь, также увѣщевалъ отца примириться съ Изяславомъ и покинуть сторону, которая ничего не обѣщала, кромѣ усобицъ" (стр. 182)... „Такимъ образомъ при Рутѣ сошлись два двоюродныхъ брата, одинъ — Изяславъ, полный представитель старой Руси, доблестный вождь дружины, сражающійся для чести, для славы, но не для силы; другой — человѣкъ будущаго, который ненавидѣлъ старину на югѣ, и непреодолимою силою влекся къ сѣверу, чтобы тамъ положить основаніе государству, чтобъ изъ князя-вождя дружины стать первымъ княземъ правителемъ, первымъ самовластцемъ" (стр. 190).

Что Изяславъ дрался „для чести, для славы, а не для силы"—не видно вовсе. Также мало видны ненависть Андрея къ кіевской сторонѣ и влеченіе на сѣверъ для того, чтобъ стать тамъ самовластцемъ. Просимъ автора показать намъ хоть одно мѣсто въ лѣтописи, что Андрей изъ нелюбви къ южной Россіи уходилъ на сѣверъ или убѣждалъ къ тому своего отца.

На страницѣ 184 и 185 находимъ очень вѣрное замѣчаніе объ отношеніи князей къ остальному населенію; но мѣсто изъ лѣтописи, приведенное въ доказательство, урѣзано и чрезъ это смыслъ его искаженъ.

„Изяславъ, видя, что не можетъ противиться съ одною своею дружиною, удалился и самъ. Это событіе показываетъ намъ отношенія того времени. Князья съ своею вѣрною дружиною сохраняютъ прежній характеръ неустрашимыхъ бойцовъ, предпочитающихъ смерть постыдному бѣгству. Но не такъ думаютъ сбродныя полчища варваровъ пограничныхъ, не такъ думаютъ граждане: родовыя отношенія князей, произведшія безпрестанную ихъ смѣну, сдѣлали подданныхъ равнодушными къ особѣ правителей; они любятъ князя за его личныя доблести, но вѣрны ему тогда только, когда онъ силенъ, когда на его сторонѣ счастіе: „ты нашъ князь, коли силенъ будеши!..." (стр. 184).

Въ Ипатьевской лѣтописи (стр. 51) это мѣсто читается такъ: „И начаша Черніи Клобуци молвити Изяславу: княже! сила его велика, а у тебе мало дружины, да же не перейдеть на ны черезъ рѣку, не погуби насъ, ни самъ не погыни; но ты нашъ князь, коли силенъ будеши, а мы съ тобою, а нынѣ не твое время, поѣди прочь", то есть, другими словами: если будешь теперь биться съ врагами, ты погубишь и насъ, и себя; но вѣдь ты нашъ князь; какъ только ты соберешься съ силами, мы тотчасъ же примкнемъ къ тебѣ, а теперь не твое время; поѣзжай лучше прочь. Очевидно, смыслъ вовсе не тотъ, какой придалъ этимъ словамъ г. Соловьевъ, неправильно перерѣзавъ фразу. У него клобуки признаютъ князя, если онъ силенъ; по нашему мнѣнію, они, напротивъ, убѣждаютъ его въ своей преданности и только совѣтуютъ удалиться на время, потому что непріятель сильнѣе его. Впрочемъ мы не понимаемъ, почему выбралъ авторъ именно это мѣсто въ подтвержденіе своей мысли; доказательства разсѣяны по лѣтописи. Нѣкоторыя мы привели выше.

На стр. 191: „Сѣча (при Рутѣ) была одна изъ самыхъ кровопролитныхъ въ исторіи усо-

бицъ княжескихъ". Въ лѣтописи: „Съ ступившимъся пълкомъ, бысть сѣча крѣпка". (Ипат. лѣтоп. стр. 63.)

На стр. 193 и 194 находимъ характеристику Изяслава Мстиславича. Многія черты вѣрны, но другія тоже вѣрныя не вошли въ нее; оттого этотъ князь идеализированъ, и слова автора, представляя его собственное воззрѣніе на древнюю Русь, не вполнѣ вѣрно воспроизводятъ историческое лицо. Въ подтвержденіе мысли, что „Изяславъ былъ образцомъ тѣхъ южныхъ князей-богатырей, которые предпочитали всему честь и славу, которые славу русской земли полагали въ томъ, что князья ея никогда не были побѣждены на полѣ брани" (стр. 193), г. Соловьевъ приводитъ слова, сказанныя Изяславомъ князьямъ и дружинѣ передъ битвой на р. Санѣ съ Владиміркомъ Галицкимъ:

„Братья и дружино! Богъ всегда Рускыя землѣ и Рускихъ сыновъ, въ безчестьи не положилъ есть, на всѣхъ мѣстехъ честь свою взимали суть; нынѣ же, братья, ревнуемы тому вси, у сихъ земляхъ и передъ чюжими языки дай ны Богъ честь свою взяти" (стр. 194).

Это доказательство очень слабо, ибо почти точно такими же словами говорилъ и Юрій Долгорукій, про котораго г. Соловьевъ говоритъ, что онъ „не былъ похожъ на отца ни въ умственномъ, ни въ нравственномъ отношеніи: какъ правитель и какъ человѣкъ онъ не могъ заслужить уваженія и привязанности родичей и чужихъ" (стр. 149),—что его не знали на югѣ и было бы „еще хуже, еслибы знали: по своему характеру онъ не могъ привлечь любви народной" (стр. 169)),—что онъ былъ лѣнивъ и неспособенъ къ быстрымъ ратнымъ движеніямъ (стр. 174), — что онъ имѣлъ „вовсе не любезный характеръ" (стр. 189), и слѣдовательно былъ самымъ разительнымъ контрастомъ Изяслава. Вотъ эти слова Юрія къ Святославу Ольговичу: „сыновець мой Изяславъ, на имя пришедъ, волость мою повоевалъ и пожеглъ, и еще и сына моего выгналъ изъ русьской земли, и волости ему не далъ и соромъ на мя взъложилъ; а любо соромъ сложю и земли своей мьщю, любо честь свою налѣзу пакы ли а голову свою сложю" (Ипатьев. Лѣтоп. стр. 42). Не правда ли, и это рѣчь князя-богатыря? Чѣмъ рѣчь Изяслава лучше въ богатырскомъ смыслѣ? Кстати замѣтимъ здѣсь, что характеристики, заключающіяся въ пятой главѣ, очень неудовлетворительны: всѣ онѣ произвольны и сильно отзываются общими мѣстами. Оно и понятно. Матеріаловъ въ лѣтописяхъ нѣтъ для полной исторической характеристики, и большею частью князья удивительно какъ похожи другъ на друга, съ той только разницей, что одинъ былъ похрабрѣй, другой трусливѣй, одинъ открыто нарушалъ клятвы, какъ Владимірко, другой подъ разными предлогами; одинъ добивался получить побольше владѣній, другой былъ смирнѣй и лѣнивѣй. Вотъ и все. Конечно въ этомъ не лѣтописцы виноваты. Жизнь не представляла никакой пищи, никакого содержанія для развитія выпуклыхъ, рѣзкихъ личностей, безъ которыхъ и характеристики не возможны, а возможны одни физіологическіе очерки. Нѣтъ сомнѣнія, что и тогда были люди, щедро одаренные природой умственными и нравственными способностями, но изъ всего этого ничего не вышло, по недостатку живительной стимулирующей среды. Этого не понялъ авторъ, и оттого всѣ его усилія очертить тогдашнихъ историческихъ дѣятелей произвели только блѣдные, натянутые и неестественные образы.

На стр. 197 авторъ разрѣшаетъ вопросъ: какое право имѣлъ Изяславъ Давидовичъ быть представителемъ Святославова рода и его правъ на старшинство, на Кіевъ, при жизни Святослава сына Олегова?

„Вспомнимъ, что самъ Святославъ добровольно соступился со старшинства; послѣ несчастія съ братомъ его Игоремъ, онъ говорилъ Давидовичамъ: „не хочу ни волости, ни чего другаго, только выпустите мнѣ брата!" и послѣ онъ не искалъ Чернигова подъ Давидовичами, даже при торжествѣ своего союзника Юрія; тѣмъ болѣе не могъ этого сдѣлать при торжествѣ Мстиславичей; слѣдовательно Изяславъ, сидя на старшемъ столѣ въ Святославовомъ родѣ, переносилъ на себя представительство этого рода и право его на Кіевъ" (стр. 197—198).

Странно, даже смѣшно читать это объясненіе. Нѣсколько разъ авторъ самъ доказывалъ, что Святославичи потеряли право на старшинство и кіевскій престолъ,—нѣсколько разъ самъ разсказывалъ, какъ младшіе князья присвоивали себѣ право старшихъ, а теперь изыскиваетъ правомѣрное основаніе для притязаній Изяслава Давидовича! Не значитъ ли это себя обманывать и вводить другихъ въ заблужденіе? Гдѣ царствуетъ безправіе и величайшій произволъ, можетъ ли встрѣтиться трудный вопросъ, требующій объясненія? Все понятно!

Стр. 201: „Едва узналъ народъ о кончинѣ нелюбимаго князя, какъ не могъ удержать своей ненависти; дворы его и сына его были разграблены, Суздальскіе тіуны по городамъ и селамъ были побиты, имѣніе ихъ расхищено". Въ лѣтописи (Ипат. стр. 81) сказано *Суждалци*, а не *Суздальскіе тіуны*, а это большая разница.

Объясненіе, почему Изяславъ Давидовичъ, однажды лишившійся уже кіевскаго престола, опять занялъ его по смерти Юрія, также исполнено догадокъ и соображеній, ничѣмъ не доказанныхъ и ни на чемъ не основанныхъ. Одно правда, что „раздѣленіе въ родѣ Мономаховичей дало... возможность Святославичу достать старшинство". Сила съ одной стороны, безсиліе — съ другой. Тогда это было самымъ лучшимъ правомъ. Замѣтимъ также противорѣчіе: авторъ, какъ мы видѣли, вездѣ проводитъ мысль, что Андрей Боголюбскій не любилъ южной Руси и стремился на сѣверъ, *чтобъ* стать тамъ самовластцемъ. Какимъ же образомъ, спрашивается, Мстиславъ Изяславичъ занятіемъ Кіева могъ бы вооружить противъ себя Андрея, который былъ старше его? Если Андрей не думалъ объ югѣ и Кіевѣ, какое было ему дѣло, кто будетъ кіевскимъ княземъ?

„Ростиславъ сначала заключилъ тѣсный союзъ съ Ольговичами; князья пировали вмѣстѣ и богато дарились (Ипатьев., 86); но Кіевляне, постоянно питавшіе ненависть къ Ольговичамъ, не могли равнодушно смотрѣть на такую пріязнь, а когда В. Князь послалъ сына своего Рюрика на помощь къ Ольговичамъ противъ Изяслава Давидовича, граждане Кіевскіе и варвары заставили его взять въ заложники Всеволода, сына Святослава Всеволодовича: „Ростиславъ бяше поялъ у Святослава Всеволода сына его, увѣряя Кіяны и Берендѣѣ, бяху бо не вѣрующе за свое согрѣшеніе" (Ипатьев. 86) (стр. 205—206).

Вотъ рядомъ разсказъ автора и опроверженіе его: въ выпискѣ изъ лѣтописи ни слова о ненависти кіевлянъ къ Ольговичамъ, ни слова о томъ, что кіевляне заставили Ростислава взять Всеволода въ заложники. Смыслъ вотъ какой: кіевляне, виноватые передъ Ольговичами, не довѣряли имъ; Ростиславъ, чтобъ успокоить ихъ, разсѣять ихъ опасенія, взялъ въ залогъ Всеволода. Смыслъ совершенно другой.

Стр. 209. Авторъ говоритъ, что старшая дружина осердилась на Владиміра Мстиславича за то, „что онъ не *объявлялъ* ей своихъ совѣтовъ". Опять частный случай обобщенъ, въ ущербъ строгой, исторической истинѣ. Въ лѣтописи (Ипат. стр. 97) сказано, что Владиміръ Мстиславичъ началъ сноситься съ Берендѣями противъ Мстислава Изяславича и объявилъ о томъ своей дружинѣ: „И рекоша ему дружина его: о собѣ еси, княже, замыслилъ; а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали". То есть въ лѣтописи выходитъ, что князь *не объявилъ*, а г. Соловьевъ вывелъ изъ этого цѣлый образъ дѣйствій Владиміра въ отношеніи къ дружинѣ.

Довольно этихъ выписокъ. Многія мѣста, подобныя этимъ, мы опустили. Но еслибъ захотѣть слѣдить за каждымъ словомъ автора и непремѣнно указывать на каждую неточность и произвольность въ выраженіяхъ, — разборъ пятой главы, и безъ того уже слишкомъ длинный, вышелъ бы вдвое длиннѣе подлинника.

Второй отдѣлъ разсужденія г. Соловьева обнимаетъ періодъ времени отъ взятія Боголюбскимъ Кіева до вступленія на великокняжескій престолъ Іоанна Калиты. Теперь, по словамъ автора, обнаружилось стремленіе смѣнить родовыя отношенія государственными. Мы видѣли, справедливо ли это. Что касается до фактовъ, они изложены превосходно; не всегда можно согласиться съ значеніемъ, которое имъ придаетъ авторъ, но вообще разсказъ ихъ проще, менѣе изобилуетъ соображеніями, и потому ближе къ дѣйствительности. — Второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ шесть главъ. Мы ихъ разсмотримъ по порядку.

При Андреѣ Боголюбскомъ начинаетъ обнаруживаться новый порядокъ вещей, пересоздавшій со временемъ политическій бытъ древней Россіи. Самъ Андрей былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ представителей этого новаго порядка. Онъ первый задумалъ быть „самовластцемъ" въ патріархально-родовомъ смыслѣ этого слова: не терпѣлъ родовой іерархіи въ своихъ владѣніяхъ, которая опутывала и стѣсняла одинаково и младшихъ, и старшихъ князей, и потому не далъ своимъ братьямъ и племянникамъ волостей и выгналъ ихъ изъ своихъ владѣній. Кіевъ—сѣдалище, центръ родовой политической системы, основанной Ярославомъ, утратилъ значеніе первенствующаго города, зависѣлъ отъ Андрея и изъ его рукъ получалъ князей наравнѣ съ другими подвластными городами; даже въ церковномъ отношеніи Андрей хотѣлъ освободить свои

владѣнія отъ южной Россіи и замышлялъ учредить во Владимірѣ особенную митрополію, которая бы поставила его въ непосредственныя отношенія съ константинопольскимъ патріархомъ, равныя съ кіевской митрополіей. Во всѣхъ его дѣйствіяхъ видѣнъ собственникъ, владѣлецъ, а не членъ рода, — и это дѣлаетъ его, по всей справедливости, зачинателемъ новой эпохи русской исторіи.

Съ нимъ общее владѣніе уступаетъ мѣсто отдѣльной собственности, единство Россіи — раздробленію ея на отдѣльныя, самостоятельныя части, права, основанныя на родовыхъ разсчетахъ — преимуществу силы. Все это конечно было подготовлено предыдущимъ порядкомъ вещей; въ немъ мы видѣли зачатки распаденія Россіи на части и разложенія родового начала; мы видѣли, что и прежде владѣнія были главной цѣлью князей, только эти цѣли прикрывались внѣшнимъ признаніемъ родового начала, которое своею запутанностью давало легкіе поводы благовидно домогаться той или другой волости. Но княженіе Андрея потому составляетъ эпоху, что онъ явно отрицалъ родовой распорядокъ, явно и открыто дѣйствовалъ во имя стремленій, которыя прежде таились подъ старыми формами и не смѣли выступить прямо, своимъ лицомъ. Г. Соловьевъ, вообще согласный съ этимъ взглядомъ на Андрея, выводитъ новый характеръ нашей исторіи изъ мѣстныхъ условій сѣверо-восточной Руси и не видитъ въ немъ прямого, естественнаго продолженія того, что̀ уже происходило въ южной Россіи. Это его слабая сторона, которая вовлекла его въ натяжки, превратное истолкованіе историческихъ данныхъ и ложное пониманіе нашего древнѣйшаго городового устройства; рядъ неправильныхъ выводовъ былъ послѣдствіемъ этой гипотезы, слабо защищенной имъ противъ нападокъ съ различныхъ сторонъ. И въ первой главѣ второго отдѣла она заставила автора написать объ Андреѣ Боголюбскомъ нѣсколько страницъ, въ подтвержденіе которыхъ или вовсе нѣтъ фактовъ, или есть, но ничего не говорящіе въ его пользу и перетолкованные авторомъ слишкомъ произвольно. Такъ какъ мы высказали уже свое мнѣніе о гипотезѣ г. Соловьева, то, не останавливаясь на ней теперь, разскажемъ результаты его изслѣдованій объ этой эпохѣ русской исторіи.

Съ борьбою Андрея и Ростиславичей характеръ княжескихъ отношеній измѣняется; прежде исключенные князья бились за часть въ общемъ владѣніи; потомъ происходила борьба за старшинство между племянниками и дядями: теперь начинается борьба за родовое начало; южные князья его отстаиваютъ, владимірскіе — стараются упразднить.

„Здѣсь, — говоритъ авторъ, — борются не за волости отцовскія и не за старшинство, но князья южные, или Ростиславичи борются за старый порядокъ вещей, за старую Русь, за родовой бытъ, который хотятъ упразднить Юрьевичи. Въ этой великой и многозначительной борьбѣ обѣ враждебныя линіи княжескія или, лучше сказать, обѣ Руси выставляютъ каждая по двое князей для борьбы: Русь старая, Ростиславичи, выставляютъ двоихъ Мстиславовъ, — отца и сына, прямыхъ правнуковъ Мономаха, представлявшихъ образецъ князей стараго времени, героевъ въ битвахъ, щедрыхъ къ дружинѣ и народолюбивыхъ; новая, сѣверная Русь, имѣетъ представителями двоихъ братьевъ, Юрьевичей, Андрея Боголюбскаго и Всеволода III. Оба князя стремятся къ уничтоженію прежнихъ родовыхъ отношеній“ (стр. 223 и 224).

Впрочемъ, этой борьбой не исчерпывались всѣ между-княжескія отношенія въ это время. Какъ сыновья Юрія были представителями новаго порядка вещей въ отношеніи къ Ростиславичамъ, такъ послѣдніе, въ свою очередь, отстаивали новое противъ Ольговичей Черниговскихъ.

„Святославъ Всеволодовичъ хочетъ воспользоваться также враждою въ родѣ Мономаховомъ между Мстиславичами и Юрьевичами и добыть себѣ Кіевъ. Здѣсь въ первый разъ Мономаховичи ясно говорятъ Ольговичамъ, что западная сторона Днѣпра принадлежать имъ не можетъ; Ярославъ велѣлъ сказать Святославу: „Зачѣмъ ты вступаешься въ нашу отчину, тебѣ эта страна ненадобна“. Святославъ отвѣчалъ ему: „Я не Угринъ и не Ляхъ, мы всѣ одного дѣда внуки, и сколькими степенями ты отстоишь отъ него, сколькими и я!“ Слова многозначительныя! Въ то время, когда Мстиславичи боролись съ новыми понятіями, явившимися на сѣверѣ, когда такъ геройски отстаивали родовыя отношенія между старшимъ княземъ и младшими, — въ то самое время, съ другой стороны, они должны были вести борьбу съ княземъ, для котораго уже Мстиславичи являются нововводителями, нарушителями стараго порядка вещей, съ княземъ, который стоитъ нетолько за родовыя отношенія между В. княземъ и младшими князьями, но напоминаетъ объ единствѣ всего потомства Ярославова, ратуетъ за общность владѣнія всею Русскою землею, тогда какъ Мстиславичи хотятъ удержать Кіевъ навсегда за собою. Такимъ образомъ въ одно и то же время, въ разныхъ концахъ Руси идетъ борьба за три разные порядка вещей, которыхъ представителями являются линіи Ярославова потомства. Ольговичи бьются за нераз-

дѣльность цѣлаго рода Ярославова: мы всѣ внуки одного дѣда, говорятъ они. Мстиславичи хотятъ исключить Ольговичей изъ старшинства и владѣнія Кіевомъ, но хотятъ поддержать родственныя отношенія между старшими и младшими въ Мономаховичахъ: не хотимъ слушаться тебя, говорятъ они Андрею, потому что ты обходишься съ нами не какъ съ князьями, но какъ съ подручниками. Наконецъ Юрьевичи стараются замѣнить родственныя отношенія государственными, смотрятъ на младшихъ князей не какъ на младшихъ братьевъ, но какъ на подчиненныхъ правителей: вы не слушаетесь меня, такъ ступайте вонъ изъ Русской земли, говоритъ Андрей Ростиславичамъ. Побѣда, какъ мы видѣли, осталась на сторонѣ послѣднихъ, но они, воспротивившись насильственнымъ поступкамъ Андрея, остались однако вѣрны своимъ понятіямъ и продолжали смотрѣть на Боголюбскаго, какъ на старшаго въ родѣ Мономаха" (стр. 229—231).

Послѣ Андрея, такъ энергически проводившаго типъ самовластца, на сѣверо-востокѣ произошли междоусобія на основаніи уже упадавшихъ родовыхъ отношеній. Дяди опять одержали верхъ надъ племянниками, по старинному родовому представленію о старшинствѣ, что̀ между прочимъ убѣдительно доказываетъ, до какой степени новыя начала были поддерживаемы личностью князей, а не условіями, которыя они встрѣтили въ сѣверо-восточной Россіи. Но вскорѣ на владимірскій престолъ сѣлъ Всеволодъ III, съ замыслами Андрея, но гораздо его хитрѣе, дальновиднѣе и осторожнѣе. „Всеволодъ III, —говоритъ г. Соловьевъ,—показалъ, что намѣренъ быть, подобно брату, старѣйшимъ, то-есть, по новымъ сѣвернымъ понятіямъ, сильнѣйшимъ княземъ, и южные князья должны были признать его старшинство, или, лучше сказать, его силу" (стр. 237). Всеволодъ уже не князь-боецъ южной, древнѣйшей Руси, а собственникъ, неохотно отдающій дѣло на рѣшеніе случая: „До сихъ поръ князь былъ по преимуществу предводитель дружины, храбрый изъ храбрыхъ. При встрѣчѣ съ непріятелемъ его мѣсто было впереди всѣхъ, слѣдовательно до сихъ поръ необыкновенная личная храбрость, отважность простого воина, необходимо требовалась отъ князя: таковы были всѣ герои-князья старой, южной Руси. Но Всеволодъ III отличался уже другимъ характеромъ: встрѣтившись съ черниговскимъ княземъ недалеко отъ Переяславля-Залѣсскаго, на берегахъ рѣки Влены, онъ выбралъ выгодное положеніе, укрѣпился станомъ и не хотѣлъ вступать въ рѣшительную битву съ южными полками, отличавшимися своею стремительностью въ нападеніяхъ. Онъ первый перестал полагаться на битвы, какъ на судъ Божій, первый началъ предпочитать осторожность въ битвахъ рѣшительности" (стр. 238 и 239). Пользуясь искусно враждами князей южной Россіи, Всеволодъ сдерживалъ междоусобія и не давалъ ни одному усилиться насчетъ другихъ. Въ его время „южная Русь наслаждалась спокойствіемъ, потому что могущество сѣвернаго князя сдерживало въ ней всѣ междоусобія. Ольговичи не смѣли трогать Мономаховичей, потому что боялись Всеволода, который, какъ Мономаховичъ, вступился бы за своихъ. Съ другой стороны, Мономаховичи южные не смѣли трогать Ольговичей, ибо вовсе не полагались на доброжелательство Всеволода, который не хотѣлъ усиливать своихъ родичей на счетъ Ольговичей, потому что такое усиленіе было для него столь же опасно, какъ и могущество Ольговичей; напротивъ, какъ видно, Всеволодъ III хотѣлъ держать оба враждующіе рода въ равновѣсіи, держать въ страхѣ одинъ посредствомъ другого, что̀ необходимо давало ему самому важное передъ ними преимущество" (стр. 242). Но когда нужно было, Всеволодъ умѣлъ ссорить князей, вооружать ихъ другъ на друга, обѣщать помощь и не давать ея. Такимъ образомъ новое стремленіе, „начатое Боголюбскимъ, стремленіе утвердиться на сѣверѣ, пріобрѣсть силу и посредствомъ ея измѣнить родовыя отношенія въ государственныя, неуклонно преслѣдуется братомъ его Всеволодомъ, что видно изъ поведенія его касательно Новгорода, Рязани, князей южныхъ, съ которыми онъ избѣгаетъ столкновенія въ чистомъ полѣ, зная ихъ неодолимую храбрость и слабость въ битвахъ сѣвернаго народонаселенія, не окрѣпшаго въ усобицахъ, и однако умѣетъ заставить южныхъ князей признаться, что они не могутъ обойтись безъ него. Представленіе о старшинствѣ всѣхъ дядей надъ племянниками, повидимому, торжествуетъ, ибо старшинство держитъ самый младшій сынъ четвертаго изъ Мономаховичей; но этотъ старшій живетъ на сѣверѣ, гдѣ господство понятія о собственности ведетъ неминуемо къ торжеству представленія о старшинствѣ старшаго племянника надъ всѣми дядями, что̀ показалъ разительно поступокъ Всеволода, который, какъ собственникъ и самовластецъ, отнимаетъ старшинство у старшаго сына и отдаетъ его младшему; этотъ младшій съ другими младшими

братьями идутъ противъ правъ старшихъ, основываясь на своей силѣ; распоряженіе отца—собственника, имѣвшаго слѣдовательно право располагать своею собственностью, и сила—вотъ права младшихъ Всеволодовичей: „перемоги насъ, говорятъ они старшему брату, и тебѣ вся земля!“ Итакъ, теперь, вслѣдствіе понятія объ отдѣльной собственности, является понятіе о правѣ силы безъ уваженія къ старымъ родовымъ обычаямъ. Отсюда уже тотчасъ же является недовѣрчивость младшихъ къ старшимъ, ибо они знаютъ, что старшій сильнѣе ихъ, знаютъ притомъ, что сила богатаго собственника заставляетъ его увеличивать эту собственность на счетъ слабѣйшихъ, и потому младшіе, при первомъ подозрительномъ движеніи старшаго, вооружаются, заключаютъ союзъ, чтобъ отразить силу силою“ (стр. 258—260).

По смерти Всеволода родовые счеты князей, замиравшіе на время при каждомъ даровитомъ и умномъ князѣ и уступавшіе дѣйствительной силѣ, возникли снова. Но кругъ ихъ дѣйствія стѣснился. Вотчинное начало, которое уже на югѣ сильно высказывалось подлѣ родового, въ сѣверо-восточной Руси узаконилось совершенно и скоро вытѣснило родовое начало. Здѣсь легко принялось „старшинство сына отъ перваго брата надъ дядьми, именно вслѣдствіе того, что на сѣверѣ удѣлы (здѣсь это слово имѣетъ свое настоящее значеніе) неотъемлемы, даются на всю жизнь и въ потомство; изъ Константиновичей, Василько былъ посаженъ въ Ростовѣ, Всеволодъ въ Ярославлѣ, Владиміръ въ Угличѣ, они такъ и остаются навсегда, и тѣ же самые столы передаютъ дѣтямъ своимъ“. Вскорѣ „понятіе собственности—отдѣльности владѣній такъ утвердилось на сѣверѣ, что удѣлъ, за неимѣніемъ сыновей, переходитъ къ дочери покойнаго князя“ (стр. 285). „Одинъ только стольный городъ велико-княжескій еще переходитъ къ старшему въ родѣ, но и это скоро прекращается“ (стр. 262). Вмѣстѣ съ тѣмъ завѣщаніе смѣняетъ прежніе ряды старшихъ съ младшими, потому что „на сѣверѣ родовой собственности не знали, знали только собственность частную, и каждый князь, какъ частный собственникъ, отдѣленный отъ рода, имѣлъ право завѣщать свою собственность, кому хотѣлъ“ (стр. 289). Оттого и право сильнаго преобладаетъ надъ родовыми отношеніями. При такомъ „разрушеніи родственной связи, при постоянномъ стремленіи каждаго В. князя усилить, во чтобъ то ни стало, собственное княжество, жребій усилиться предъ прочими княжествами и стать чрезъ это сосредоточивающимъ пунктомъ Руси выпалъ сперва Твери; но слабохарактерность Ярослава Тверскаго и соперничество Василія воспрепятствовали усиленію Твери; Василій Костромской едва получилъ в. княжескую область, какъ началъ дѣйствовать точно такимъ же образомъ, какой охуждалъ въ братѣ, подобно ему привелъ татаръ на вольныхъ людей, тогда такъ прежде заступался за послѣднихъ и отклонилъ отъ нихъ татарское нашествіе; но кратковременное пятилѣтнее правленіе не позволило ему усилить Костромское княжество, и очередь перешла къ Переяславлю Залѣсскому, котораго князь Дмитрій Александровичъ получилъ старшинство съ областью В. княжества Владимірскаго, по всѣмъ правамъ. Но противъ него вооружился меньшой братъ его, Андрей Городецкій—вопреки всѣмъ правамъ“ (стр. 272 и 273). Такъ „всѣ прежнія понятія о правѣ старшинства исчезли; в. князья показали, что они добиваются не старшинства, но силы. Каждый князь, получивъ область в. княжества Владимірскаго, старается увеличить свою собственность, упрочить силу въ своей семьѣ, насчетъ другихъ князей, другихъ княжествъ. Но мы знаемъ, что и въ прежнее время младшіе князья какъ скоро видѣли, что старшій разрозниваетъ свои интересы съ интересами рода, то возставали противъ него и каждый заботился о себѣ. Теперь же, когда преобладаніе собственности, отдѣльности владѣнія заставляло каждаго в. князя неминуемо заботиться только о самомъ себѣ, теперь всѣ остальные князья не могли уже болѣе довѣрять родственной связи, должны были также заботиться о самихъ себѣ, всѣми средствами должны были стараться пріобрѣсть силу, потому что имъ оставалось на выборъ: быть жертвою сильнѣйшаго, или другихъ сдѣлать жертвами своей силы. Вотъ почему мы видимъ теперь возстанія князей на великаго съ попраніемъ всѣхъ старинныхъ правъ, всѣхъ родовыхъ отношеній“ (стр. 274 и 275). Когда такимъ образомъ интересы чисто территоріальные, владѣльческіе, смѣнили прежніе родовые и родственные, и „бояре, члены старшей дружины князя, теперь двора, усѣвшись вмѣстѣ съ княземъ въ одномъ владѣніи, пріобрѣли отъ этой осѣдлости болѣе важности, значенія; но вмѣстѣ

съ усиленіемъ своего значенія бояре получили отъ осѣдлости постоянные интересы; ихъ судьба теперь тѣсно соединена съ судьбою извѣстнаго княжества. Прежніе бояре если интриговали, то съ цѣлью не быть вытѣсненными отъ пришлой дружины; теперь бояре хотятъ усиленія своего князя, своего княжества насчетъ другихъ, ибо ясно видятъ, что при уничтоженіи равенства между князьями должно уничтожиться и равенство между боярами ихъ, что если князья изъ равныхъ родичей станутъ подручниками в. князя, то ясно, что и бояре ихъ должны занять второстепенное мѣсто предъ боярами сильнѣйшаго князя" (стр. 276). Въ этомъ порядкѣ вещей, установившемся въ Россіи во времена монгольскаго ига, татары играли ту же самую роль, какую прежде половцы; „князь, желая воевать противъ другого, идетъ въ Орду, какъ прежде на снемъ къ Половцамъ, и нанимаетъ у Татаръ войско" (Ibid). Обыкновенно такія войска нанимались князьями въ помощь противъ великаго князя владимірскаго, ибо къ нему видна постоянная недовѣрчивость князей; „каждый князь и каждое княжество безпокойно стерегутъ движенія другихъ князей, и порознь, или вмѣстѣ съ другими, стараются предупредить движеніе противника, ибо дѣло идетъ о томъ: быть государемъ всей Русской земли, или слугою этого государя; при такомъ вопросѣ нельзя было разбирать правъ и средствъ: каждый пользовался первымъ удобнымъ случаемъ, первымъ попавшимся средствомъ, чтобъ выиграть шагъ впередъ при достиженіи одной общей цѣли. Въ такой борьбѣ каждый изъ князей имѣлъ право на своей сторонѣ—право самоохраненія, и кто бы изъ нихъ не осилилъ—Московскій или Переяславскій, Городецкій или Тверской, слѣдствіе было одно и то же—соединеніе и могущество Руси" (стр. 281). „Въ отдѣльныхъ княжествахъ событія обнаруживали тѣ же самыя современныя стремленія, стремленія усиливаться на счетъ другихъ, пріобрѣтать собственность, съ совершеннымъ презрѣніемъ прежнихъ родственныхъ отношеній" (стр. 281). Россія распадалась болѣе и болѣе. Живя въ постоянной враждѣ, составляя между собою союзы противъ сильнаго, и потому опаснаго, князья иногда съѣзжались для полюбовнаго окончанія споровъ; но эти княжескіе съѣзды „нельзя смѣшивать съ прежними съѣздами родственниковъ: теперь князья являлись не какъ братья, но какъ отдѣльные независимые владѣльцы; старшаго, отца между ними не было больше" (стр. 286).

Въ то время, какъ въ сѣверо-восточной Руси владѣльческіе интересы князей, сначала робко высказывавшіеся подъ родовыми формами, наконецъ выступили на первый планъ и измѣнили нашъ политическій бытъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и самый характеръ между-княжескихъ отношеній, въ юго-западной Руси, въ Галицкомъ княжествѣ, внутренній бытъ тоже существенно измѣнился. Здѣсь образовалась сильная аристократія, которой появленіе г. Соловьевъ объясняетъ такимъ образомъ:

„На Руси дружинники, благодаря безпрерывному переходу князей изъ одной области въ другую, не могли нигдѣ основаться въ качествѣ постоянныхъ землевладѣльцевъ, нигдѣ не могли пріобрѣсть аристократическаго характера, съ особымъ сословнымъ интересомъ, и потому въ отношеніяхъ между князьями бояре не могли играть важной роли; если они появляются на сцену, то не какъ лица независимыя, дѣйствующія въ смыслѣ своего сословнаго интереса, но всегда только какъ побочные дѣятели при князѣ; такъ, напримѣръ, бояре являются постоянными совѣтниками, неразлучными сопутниками князя, но здѣсь они дѣйствуютъ постоянно въ интересѣ князя и никогда въ интересѣ сословномъ; если бояринъ, перейдя отъ одного князя къ другому, поссоритъ ихъ, то чрезъ это онъ имѣетъ вліяніе на событіе, однако и здѣсь опять этотъ бояринъ дѣйствуетъ въ личномъ интересѣ, а не въ сословномъ. Не такъ было въ Галичѣ: эта страна, ставши владѣніемъ Ростиславичей, князей, исключенныхъ изъ старшинства въ родѣ Ярослава I, равно какъ изъ владѣнія остальною родовою собственностью, поэтому самому не перемѣняла князей своихъ, съ другой стороны не дробилась на мельчайшія волости въ родѣ Ростиславичей, ибо Владимірку удалось избавиться отъ всѣхъ родичей и стать единовластителемъ въ Галичѣ, которое единовластіе продолжалось и при единственномъ сынѣ его Ярославѣ. Такимъ образомъ, когда остальная Русь представляла зрѣлище безпрерывнаго движенія и перехода, въ княжествѣ Галицкомъ не было никакого движенія, никакого перемѣщенія князей, вслѣдствіе чего и боярамъ княжескимъ была возможность установиться въ странѣ, получить значеніе постоянныхъ землевладѣльцевъ, пріобрѣсть великое вліяніе на дѣла страны; вотъ почему галицкіе бояре имѣютъ другой характеръ, чѣмъ бояре въ остальной Руси; касательно различія между обоими можно выразиться такъ: бояре въ остальной Руси были бояре князей, бояре галицкіе были бояре княжества. Такимъ образомъ на двухъ концахъ — сѣверо-западномъ и юго-западномъ, въ Новгородѣ и Галичѣ, обнаруживаются въ формахъ быта отмѣны противъ быта въ остальной Руси, а именно, въ Новгородѣ, вслѣдствіе безпрерывной смѣны князей, усиливается народовластіе, тогда какъ въ Галичѣ,

вслѣдствіе осѣдлости, неподвижности князей, усиливается боярство, при чемъ, разумѣется, сосѣдство Венгріи и Польши не могло остаться безъ вліянія" (стр. 242—244).

Таковы выводы, къ которымъ приходитъ авторъ относительно второй эпохи между-княжескихъ отношеній. Читатели сами видятъ, какъ интересны его изысканія. Принявъ, по нашему мнѣнію, ложную точку отправленія, гипотезу о новыхъ городахъ, г. Соловьевъ, несмотря на то, остался вѣренъ фактамъ и превосходно характеризовалъ различіе этой новой эпохи съ предыдущей. Поэтому-то, видя въ политической исторіи сѣверо-восточной Руси прямое, естественное развитіе порядка вещей, установившагося на югѣ, мы все-таки понимаемъ ее совершенно одинаково съ авторомъ и въ каждой чертѣ, такъ художественно имъ обрисованной, видимъ подтвержденіе нашей мысли.

Есть однако въ этомъ отдѣлѣ взгляды, которыхъ мы не можемъ раздѣлять съ г. Соловьевымъ. Съ перваго разу наше разногласіе можетъ показаться незначительнымъ, но оно становится рѣзкимъ въ послѣдствіяхъ и выводахъ. Мы говоримъ о мнѣніяхъ автора о боярствѣ, аристократическомъ элементѣ въ южной, сѣверо-восточной, сѣверо-западной и юго-западной Руси, въ кіевскомъ, галицкомъ и владимірскомъ княженіяхъ и въ Новгородѣ. Здѣсь и тамъ г. Соловьевъ характеризуетъ его различно и открываетъ важныя особенности. Намъ кажется, что онъ не совсѣмъ правъ: боярству въ разныхъ частяхъ тогдашней Россіи едва ли можно придать особенное значеніе. Вездѣ оно существовало, вездѣ играло большую роль, пока не утвердился какой-нибудь государственный порядокъ; вездѣ между боярствомъ и князьями, рано или поздно, возникала вражда, которой послѣднимъ результатомъ была всегда побѣда князя и утвержденіе его власти. Въ началѣ такъ называемаго періода удѣловъ кто выгонялъ и призывалъ князей во всей Россіи? Андрей не любилъ бояръ; это видно изъ того, что онъ ихъ изгналъ изъ своихъ владѣній и погибъ жертвою боярскаго заговора. Не иначе дѣйствовали Іоаннъ III и IV: всѣ высшія должности, присутствіе въ судахъ принадлежало обыкновенно высшимъ сословіямъ; это преобладаніе въ Новгородѣ боярства видно всего болѣе изъ распоряженій Іоанна III, послѣ покоренія этого города: его гнѣвъ палъ преимущественно на бояръ, а не на простой народъ. Такимъ образомъ нѣтъ никакой надобности создавать особенную теорію для объясненія кровавыхъ галичскихъ происшествій, ни прибѣгать ко вліяніямъ Венгріи и Польши. То, что было въ Галичѣ, было и вездѣ, да и могло-ли быть иначе въ полу-восточныхъ общинахъ древней Руси? Бояре могли имѣть свои интересы, которые привязывали ихъ къ князю или ставили съ нимъ въ противоположность; но боярскаго сословія мы нигдѣ не видимъ, также мало въ Галичѣ, какъ въ Москвѣ и Новгородѣ, потому что сословія въ государственномъ значеніи не существовали въ древней Руси. Увлекаясь кажущимися, вовсе не существенными признаками различій, г. Соловьевъ затемняетъ единство древней русской исторіи—единство типа, который такъ ясно выдается впередъ во всѣхъ явленіяхъ нашей общественной и частной жизни.

Третій отдѣлъ обнимаетъ исторію княжескихъ отношеній отъ Іоанна Калиты до Іоанна III. Главную роль въ этотъ періодъ времени играетъ родъ князей московскихъ, который успѣлъ потомственно удержать въ своихъ рукахъ велико-княжеское достоинство и съ его помощью до того расширилъ и увеличилъ свои отчинныя владѣнія, что наконецъ они обняли почти всю Россію. Предыдущая исторія съ Андрея Боголюбскаго выработала начало, что княжескія владѣнія—частная собственность князей, которую они могутъ, по гражданскому праву, отказывать не только сыновьямъ, но и дочерямъ; вотчина смѣнила родовое владѣніе. Это начало развиваютъ и утверждаютъ московскіе князья, какъ общую государственную форму. Дмитрій Донской въ завѣщаніи своемъ первый полагаетъ основаніе другому, болѣе прочному государственному порядку, установившемуся при послѣднихъ государяхъ Рюрикова дома. Власть великаго князя, передъ монгольскимъ игомъ утратившая всякое значеніе, возстановленная татарами въ значеніи власти ханскаго прикащика и превосходно утилизированная московскими князьями въ пользу московскаго княженія, слилась съ властью государя и владѣльца московской отчины и исчезла въ ней.

Изложенію постепеннаго хода этихъ измѣненій предшествуетъ въ книгѣ г. Соловьева особенная глава. Судя по заглавію, она должна бы содержать въ себѣ такое же

изслѣдованіе началъ, опредѣлявшихъ междукняжескія отношенія, какое находимъ въ первой главѣ перваго отдѣла. Но этого нѣтъ: первая глава перваго отдѣла говоритъ о внутреннемъ устройствѣ и управленіи княжескихъ удѣловъ, о взаимныхъ обязанностяхъ князей по владѣніямъ и т. д.,—словомъ, это подробное и добросовѣстное возстановленіе тогдашней администраціи и нѣкоторыхъ сторонъ юридическаго быта, на основаніи духовныхъ завѣщаній и договорныхъ грамотъ князей. Чѣмъ опредѣлялись княжескія отношенія теперь и чѣмъ они отличались отъ прежнихъ, обусловленныхъ родовымъ началомъ, объ этомъ не находимъ ни слова въ первой главѣ; это недостатокъ въ общемъ составѣ сочиненія. Тѣмъ не менѣе глава эта превосходна. Она разрѣшаетъ многіе вопросы, оставшіеся до сихъ поръ безъ отвѣта, на другіе предлагаетъ новыя рѣшенія, если и не всегда вполнѣ удовлетворительныя, то во всякомъ случаѣ интересныя; наконецъ, какъ живая связная картина одной стороны быта этого времени, она представляетъ несомнѣнныя достоинства, какія рѣдко встрѣчаемъ соединенными въ большей части теперешнихъ изслѣдованій по части русской исторіи. Къ числу новыхъ остроумныхъ объясненій должно отнести толкованіе словъ: *числяки*, *численные* люди. „Численными людьми они назывались потому, что подлежали числу, то есть поголовной переписи для платежа дани; дань въ это время, несмотря на монгольскую перепись, взималась не съ души, но съ капитала, съ приравненіемъ всѣхъ промысловъ къ сохѣ; тѣ же люди, которыхъ занятія не были приравнены къ сохѣ, подлежали поголовной подати, числу" (стр. 320).

Ордынцы. По мнѣнію г. Соловьева, подъ ними разумѣлись плѣнники, выкупленные князьями изъ Орды (стр. 820), и вотъ чѣмъ онъ это доказываетъ. Въ договорахъ между князьями часто встрѣчается положеніе: „а что наши Ордынцы и дѣлюи, а тымъ знати своя служба, какъ было при нашихъ отцѣхъ, а земель ихъ не купити". А въ договорѣ Симеона съ братьями читаемъ: „а которые люди по нашимъ волостямъ выманы ныи... воины... намъ къ себѣ не примати; а которыхъ людей Отецъ нашъ К. В. вымалъ изъ... (пробѣлъ, находящійся тутъ, г. Соловьевъ дополняетъ словами: изъ Орды) въ службу, тѣ такъ и знаютъ свою службу, въ которую кто уряженъ, а намъ ихъ къ собѣ не примати". Намъ кажется это толкованіе произвольнымъ; въ пробѣлъ можно вставить многое, совершенно измѣняющее смыслъ словъ, и нѣтъ никакой возможности даже приблизительно возстановить текстъ. Но положимъ, что приведенныя два мѣста говорятъ объ одномъ и томъ же (хотя это и требуетъ еще доказательствъ), мы все-таки будемъ въ затрудненіи: послѣднее изъ нихъ можетъ относиться и къ ордынцамъ, и дѣлюямъ, а по мнѣнію автора, оба имѣютъ различное значеніе. Наконецъ намъ кажется это толкованіе и потому невѣроятнымъ, что о выкупѣ въ обоихъ мѣстахъ не говорится ни слова, да сверхъ того избавленные отъ плѣна, какъ видно изъ лѣтописей, возвращались обыкновенно на родину, а не служили князьямъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ и могли служить. Во всякомъ случаѣ, если мнѣніе автора впослѣдствіи и оправдается новыми доказательствами, то теперь, покуда, оно не можетъ считаться несомнѣнно справедливымъ. Что подъ дѣлюями разумѣлись „дѣловые мастеровые люди", тоже ничѣмъ не доказано; дѣловые люди встрѣчаются въ древнихъ актахъ подъ этимъ названіемъ, и нѣтъ основанія считать ихъ и дѣлюевъ за одно и то же.

Подъ *введеннымъ бояриномъ* г. Соловьевъ разумѣетъ такого, „котораго князь вводилъ во владѣніе извѣстнымъ городомъ, извѣстною областью", и доказываетъ это тѣмъ, что „Логгинъ Михайловичъ Кикинъ былъ у В. К. Димитрія Ивановича бояринъ введенный и горододержавецъ; держалъ городы Волокъ и Торжокъ безъ отнимки". Но и путники держали города; слѣдовательно, это не доказательство. Авторъ тѣмъ опровергаетъ мнѣніе г. Валуева, будто введенный бояринъ значило „введенный въ общій родовой распорядокъ государства",—что еслибъ введенный имѣло это значеніе, сынъ введеннаго не назывался бы введеннымъ, тогда какъ факты говорятъ противное. Но и здѣсь г. Соловьевъ не правъ: если вводилась боярская семья въ составъ служебныхъ родовъ, то не одинъ ея глава вводился, а всѣ ея члены, такъ что когда, напримѣръ, отецъ становился выше такого-то и ниже другого,—и сынъ его долженъ былъ занять соотвѣтствующее ему мѣсто въ служебной аристократіи; благодаря изслѣдованіямъ г. Валуева, мы знаемъ, что и возвышеніе, и пониженіе одного члена рода

передъ другими въ общемъ служебномъ распорядкѣ влекло за собою такое же повышеніе или пониженіе всѣхъ прочихъ членовъ того же рода; то же должно было быть и въ отношеніи къ введеннымъ, слѣдовательно названіе и отца, и сына введенными ничего не доказываетъ. Вотъ еслибъ это названіе давалось отдаленнымъ потомкамъ—правнуку, праправнуку введеннаго, и мы бы знали притомъ, что этотъ служебный родъ постоянно служилъ въ одномъ княжествѣ, мы бы согласились съ г. Соловьевымъ; ибо едва-ли бояринъ могъ пріѣхать на службу съ правнуками, а сына онъ могъ привезти съ собою, и даже совершеннолѣтняго, способнаго служить, который поэтому вмѣстѣ съ нимъ могъ стать введеннымъ. Слѣдовательно, объясненіе г. Соловьева покамѣстъ гипотетическое; оно очень возможно, но требуетъ доказательствъ.—Выраженіе „знать Орду“ г. Соловьевъ объясняетъ такъ: „удѣльные князья должны были давать ему (великому князю) со всѣхъ удѣловъ дань, которую онъ и отвозилъ въ Орду“ (стр. 326). Едва-ли такъ. Слово *знать* имѣетъ болѣе широкій смыслъ и значитъ вообще имѣть сношеніе, для чего бы то ни было. Московскіе великіе князья имѣли тысячу причинъ желать, чтобъ никто изъ князей, кромѣ ихъ, не имѣлъ сношеній съ Ордою.—Слово *ямъ* превосходно объяснено въ смыслѣ побора (отъ *емлю, имать*) (стр. 327). Любопытно было бы опредѣлить различіе яма отъ дани, съ которою онъ обыкновенно вмѣстѣ упоминается.

Затѣмъ начинается разсказъ между-княжескихъ отношеній до Іоанна III. Не останавливаясь надъ частностями, мы замѣтимъ одно главное, существенное въ выводахъ г. Соловьева.

„Иванъ Калита Московскій (говоритъ авторъ) продолжаетъ поведеніе брата своего Юрія, т.-е. будучи проникнутъ господствовавшею въ то время мыслью—усилить во что бы то ни стало свое княжество насчетъ другихъ, онъ примышляетъ къ своему владѣнію земли, дѣлаетъ это съ меньшимъ насиліемъ, но не съ меньшею пользою и прочностью. Кто пріобрѣтаетъ, тотъ дорожитъ своимъ пріобрѣтеніемъ и не рискуетъ имъ; такой характеръ бережливаго хозяина, который трепещетъ за свою собственность, за свои пріобрѣтенія, и потому избѣгаетъ мѣръ рѣшительныхъ, былъ необходимъ въ нашихъ князьяхъ вслѣдствіе новаго порядка вещей, именно вслѣдствіе понятія о собственности, вслѣдствіе того, что всѣ сѣверные князья были собственниками; отсюда этотъ хозяйственный характеръ, господствующая мысль о пріобрѣтеніи и сбереженіи, избѣжаніе рѣшительныхъ мѣръ, которыя отличаютъ большинство сѣверныхъ князей и преимущественно князей Московскихъ, отъ Даніила до Іоанна III, послѣдняго князя-хозяина и перваго Государя. Разумѣется, что такой хозяйственный характеръ сѣверныхъ князей лишенъ той прелести, того блеска и благородства, которыми отличался характеръ князей южныхъ, героевъ, предводителей дружинъ, которые не сбирали себѣ ни золота, ни серебра, но все отдавали дружинѣ—и расплодили Русскую землю. Точно наши Русскіе князья своею отвагою, своею благодѣтельною дѣятельностью расплодили Русскую землю, намѣтили границы ея Европейской государственной области, неутомимо пробѣгая ея пустынныя пространства, строя города, прокладывая пути чрезъ лѣса и болота, населяя степи, соединяя расточенное народонаселеніе: но здѣсь и оканчивается ихъ благодѣтельная дѣятельность, ибо прочности, крѣпости, всему этому они дать не могли по своему характеру; для этого необходимъ былъ хозяйственный характеръ Сѣверныхъ князей-собственниковъ. Южные князья до конца удержали прежній характеръ, и южная Россія вѣками бѣдствій должна была поплатиться за это и спаслась единственно съ помощью сѣверной Руси, собранной и сплоченной умнымъ хозяйствомъ князей своихъ“.

При Иванѣ Калитѣ совершилось важное событіе въ исторіи Москвы и всей Россіи, которое имѣло рѣшительное вліяніе на дальнѣйшее усиленіе московскаго княжества и роль, которую оно потомъ играло: мы говоримъ о перемѣщеніи митрополіи въ Москву.

„Торжество Москвы было безспорно, но еще прежде Иванъ постарался упрочить это торжество. Въ 1299 году митрополитъ Максимъ оставилъ опустошенный Кіевъ, гдѣ не могъ найти безопасности, и перешелъ на жительство во Владиміръ. Послѣдній городъ былъ столицею великихъ, или сильнѣйшихъ князей только по имени, каждый изъ нихъ жилъ въ своемъ наслѣдственномъ городѣ; однако, пребываніе митрополита во Владимірѣ, при тогдашнемъ значеніи и дѣятельности духовенства, сообщало этому городу видъ столицы болѣе, чѣмъ преданіе и обычай. Послѣ этого ясно, какъ важно было для какого-нибудь города, стремившагося къ первенству, чтобъ митрополитъ утвердилъ въ немъ свое пребываніе: это необходимо давало ему видъ столицы всея Руси, ибо единство послѣдней поддерживалось въ это время единымъ митрополитомъ: мало того, способствовало его возростанію и обогащенію, ибо туда со всѣхъ сторонъ стекались лица, имѣвшія нужду до митрополита, какъ въ средоточіе церковнаго управленія; наконецъ митрополитъ необходимо долженъ былъ дѣйствовать постоянно въ пользу того князя, въ городѣ котораго имѣлъ пребываніе. Калита умѣлъ пріобрѣсть расположеніе св. митрополита Петра, такъ что этотъ святитель живалъ въ Москвѣ больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, умеръ и погребенъ въ ней. Гробъ св. мужа былъ для Москвы столь же драгоцѣненъ, какъ и пребываніе живаго святителя; выборъ Петра казался внушеніемъ Божіимъ: разнеслось пророчество его о будущемъ величіи Москвы, и новый

митрополитъ Ѳеогностъ уже не хотѣлъ оставить гроба и дома чудотворцева; другіе князья хорошо видѣли важныя послѣдствія этого явленія и негодовали, но помочь уже было нельзя" (стр. 335 и 336).

„Князья хорошо понимали, къ чему поведетъ усиленіе одного княжества на счетъ другихъ, при исчезновеніи родовыхъ отношеній, и потому старались препятствовать этому усиленію, составляя союзы противъ сильнѣйшаго. Что предугадывали они, то и случилось: Московскій князь, ставши силенъ и безъ соперника, спѣшилъ воспользоваться этою силою, чтобъ примыслить сколько можно болѣе къ своей собственности. Начало княженія Калиты было, по выраженію лѣтописца, началомъ насилія для другихъ княжествъ, гдѣ Московскій собственникъ распоряжался своевольно" (стр. 343).

„Впрочемъ насилій со стороны Москвы не могло не быть, ибо не могло быть добровольнаго, тихаго подчиненія старыхъ, независимыхъ княжествъ одному изъ самыхъ младшихъ городовъ" (стр. 344).

„По смерти Калиты всѣ Русскіе князья отправились въ Орду; Ханъ объявилъ Симеона Московскаго в. княземъ Владимірскимъ; благодаря усиленію Москвы это уже былъ теперь пустой титулъ, но чего опасались князья еще со временъ Мстислава Храбраго, то исполнилось, — они перестали быть родичами, и стали подручниками: „и всѣ князи Русскіе подъ руцѣ его даны". Мы видѣли, что съ уничтоженіемъ родоваго единства, всѣ старшіе князья отдѣльныхъ родовъ необходимо принимаютъ титулъ великихъ, который именно и означалъ только старшаго въ извѣстномъ родѣ; Симеонъ князь Московскій и Владимірскій, взявъ подъ свои руки всѣхъ другихъ князей великихъ, называетъ уже себя в. княземъ всея Руси, и такимъ образомъ отдѣляетъ родовыя понятія отъ государственныхъ, оставляетъ другимъ князьямъ названіе великихъ, но себѣ беретъ титулъ начальника не рода княжескаго, но всей Русской земли, государства. И прежніе сильные духомъ в. князья повелѣвали младшими, которые должны были ѣздить подлѣ ихъ стремени и приходить по первому зову, но тогда они повиновались какъ дѣти отцу; теперь в. князь Симеонъ требуетъ безусловнаго повиновенія, но требуетъ какъ государь, и тяжко было для князей подобное повиновеніе; они прозвали Симеона Гордымъ. Есть извѣстіе, что Симеонъ, созывая князей для извѣстныхъ цѣлей своихъ, напоминалъ имъ, что Русь была только тогда сильна и славна, когда князья безпрекословно повиновались старшему, и что теперь только такимъ же безпрекословнымъ повиновеніемъ ему, Симеону, они могутъ надѣяться освобожденія отъ татарскаго ига; но князья знали разницу между прежними и настоящими отношеніями, знали къ чему поведетъ такая покорность. Говорятъ, что Симеонъ и личнымъ характеромъ своимъ былъ способенъ возбудить почтеніе, умѣлъ остеречься отъ того гнуснаго порока, который былъ тогда общимъ, отъ пьянства, и не терпѣлъ его въ другихъ: ненавидѣлъ крамолу и неправду, и строго наказывалъ за нихъ; онъ умѣлъ пріобрѣсть уваженіе и тѣмъ, что довольный богатымъ наслѣдствомъ, не собиралъ всякими средствами имѣнія, но расточалъ его на выкупъ плѣнныхъ; мало того, Симеонъ хотѣлъ показать князьямъ, что они могли только выиграть, признавъ себя его подручниками, такъ, напримѣръ, исходатайствовалъ въ Ордѣ для разореннаго Тверскаго княженія свободу не платить дани монголамъ" (стр. 347—349).

Договоръ Симеона съ братьями, дошедшій до насъ, характеризуетъ, по мнѣнію г. Соловьева, новый порядокъ вещей, утвердившійся въ Россіи въ это время.

„Теперь,—говоритъ онъ,—когда родовая связь рушилась, являются договоры даже между родными братьями,—знакъ, что они уже не смотрятъ болѣе на себя какъ на братьевъ, уже не вѣрятъ родственному союзу, видятъ другъ въ другѣ отдѣльныхъ владѣльцевъ. Насъ не обманутъ здѣсь выраженія изъ міра прошедшаго: такъ въ началѣ договора младшіе братья обѣщаются чтить Симеона „во отцево мѣсто". Младшіе родичи постоянно требуютъ поддержанія прежнихъ родовыхъ отношеній; мы увидимъ, что они будутъ требовать этого до самаго пресѣченія Рюриковой династіи; но уже то одно обстоятельство, что они заключаютъ договоръ со старшимъ, показываетъ тщету ихъ требованій. Прежде князья не иначе называли другъ друга, какъ братъ, отецъ, сынъ: въ нашемъ договорѣ младшіе братья, обѣщая, что будутъ имѣть Симеона во отцево мѣсто, не смѣютъ однако, или не хотятъ, или, скажу болѣе, не умѣютъ назвать его: отче, но—Господине, князь великій! Младшіе братья болѣе всего толкуютъ о собственности, о своемъ участкѣ, чтобы старшій не обидѣлъ, чего не отнялъ у нихъ; такъ же: „кто изъ насъ что примыслилъ или прикупилъ, или кто по семь что кто прикупить или примыслить чужое (къ) своимъ волостемъ, и того блюсти, а не обидити". Каждый слѣдовательно предоставляетъ себѣ право дѣйствовать отдѣльно, прикупать и примышлять собственно для себя, къ своему участку" (стр. 351—352).

Раздоры князей, частыя войны между ними производили великое броженіе въ тогдашней Россіи:

„Когда князья начинаютъ ссориться, люди стремятся вонъ изъ ихъ области; когда мирятся, приходятъ снова, кочуютъ изъ одного княжества въ другое; ясно, какія огромныя толпы людей бездомныхъ должны были образоваться въ это время, которые привыкли къ жизни кочевой, къ бездомовью, ко внѣ-общественному положенію; отсюда усиленіе казачества. Ясно также, что при этихъ безпрерывныхъ насиліяхъ, и отъ своихъ и отъ чужихъ, народъ отвыкалъ отъ собственности, отъ удобствъ жизни, скрывалъ имущество, становился самъ скрытнымъ и дикимъ; женщина, спасаясь отъ оскорбленія, запиралась въ отдаленные покои, не выходила изъ дому не по восточному, не по греческому обычаю, но единственно вслѣдствіе необходимости скрыться отъ оскорбленій; женщины дичали, запертыя въ теремахъ, мужчины дичали вслѣдствіе ихъ отсутствія, — и между тѣмъ такъ сильна общественная связь, въ основаніи которой лежало христіанство, что, несмотря на всѣ препятствія, общество не распалось, но претерпѣло

до конца, и спаслось. Даже въ самыхъ бѣдствіяхъ, описанныхъ нами, которыя принуждали граждапъ къ безпрестаннымъ переселеніямъ, были свои выгоды для общества; эти переселенія, эти движенія уничтожали мѣстныя, областныя народности, уничтожали враждебныя отношенія между жителями разныхъ княжествъ; вотъ одна изъ причинъ, почему разныя княжества такъ легко примкнули къ московскому, почему сопротивленіе было только со стороны князей, никогда со стороны народонаселенія" (стр. 353–354).

Съ этими разсужденіями автора мы не можемъ согласиться, и сколько все предыдущее вѣрно и основательно, столько послѣднее невѣрно и неправдоподобно. Авторъ видитъ причину усиленія казачества, порчи народной нравственности, задичалости тогдашнихъ русскихъ въ княжескихъ междоусобіяхъ; не знаемъ, почему именно усобицы XIV вѣка имѣютъ въ его глазахъ это значеніе: съ половины XI вѣка онѣ не прекращались, и едва-ли не были гораздо чаще и страшнѣе, опустошительнѣе прежде, чѣмъ впослѣдствіи, ибо, по словамъ самого же г. Соловьева, „рѣдко на сѣверѣ князья вступаютъ въ битвы другъ съ другомъ; обыкновенно сошедшись, они заключаютъ миръ и расходятся безъ битвы" (стр. 278). Нисколько не отрицая неблагопріятныхъ послѣдствій междоусобныхъ войнъ, мы думаемъ только, что ими однѣми нѣтъ никакой возможности объяснить ту порчу народной нравственности, которую мы замѣчаемъ въ московскій періодъ нашей исторіи; ибо еслибъ войны были тому причиной, давнымъ давно, за долго до XIV вѣка, мы бы уже никуда не годились. Очевидно, г. Соловьевъ въ этомъ случаѣ слишкомъ поверхностно взглянулъ на предметъ, и, видя явленіе, хотѣлъ объяснить его фактами, которые были у него ближе всего подъ руками.

Еще неправильнѣе кажется намъ объясненіе затворничества, теремной жизни — единственно необходимостью скрыться отъ оскорбленій. Какія женщины могли подвергнуться оскорбленіямъ во время усобицъ?—Женщины простого званія; а мы видимъ, что затворничество женщинъ развилось не въ низшихъ, а именно въ высшихъ слояхъ общества. Сверхъ того, какъ объяснить, что оно преимущественно развилось въ періодъ московскаго государства, когда усобицы кончились, и внутренняя тишина, не достававшая Россіи цѣлые шесть вѣковъ, наконецъ водворилась; ибо, какъ нарочно, до московскаго государства мы видимъ, что женщины управляютъ областями, княжатъ, принимаютъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ общественныхъ, а съ московскимъ государствомъ это прекращается. Устраняя греческое и восточное вліяніе на общественное положеніе женщины въ древней Россіи, авторъ желалъ найти болѣе естественное объясненіе замѣчательнаго факта затворничества и теремной жизни; но его объясненіе весьма неудачно, потому что исходной точкой служатъ ему современныя понятія объ отношеніяхъ мужчинъ и женщинъ, —понятія совершенно неприложимыя къ нашему древнему быту. Что авторъ, впрочемъ вездѣ вѣрный исторической истинѣ, здѣсь взглянулъ глазами XIX вѣка — доказательствомъ служитъ слѣдующая фраза: „женщины дичали, запертыя въ теремахъ, мущины дичали вслѣдствіе ихъ отсутствія". Если судить по нашему теперешнему простому народу, который, какъ извѣстно, сохраняетъ еще живую печать древней Руси, общество женщинъ въ XIV и XV вѣкахъ едва-ли много содѣйствовало умягченію нравовъ мужчинъ; у турецкихъ славянъ мы и теперь видимъ то же самое. Любопытно было бы знать доводы г. Соловьева, заставившіе его высказать такую новую, оригинальную и неправдоподобную мысль.

Также нельзя согласиться съ мнѣніемъ автора, будто сильная общественная связь спасла Россію отъ распаденія во время усобицъ, будто безпрестанная передвижка жителей, вслѣдствіе этихъ усобицъ, была одною изъ причинъ, почему разныя княжества такъ легко примкнули къ московскому, и сопротивленіе было только со стороны князей, а не народонаселенія. Во-первыхъ, гдѣ раздѣлена земля на совершенно отдѣльныя вотчины, тамъ трудно искать общественной связи, которая бы обнимала цѣлый народъ. Общественная связь — начало, для развитія котораго необходимо стеченіе многихъ благопріятствующихъ условій въ народной жизни, а ихъ именно и не имѣла древняя Россія. Въ ней не было сословій, не было матеріальныхъ интересовъ, создающихъ общественную связь; указъ объ *асамблеяхъ* и способы ихъ введенія даютъ вѣрное мѣрило для нашей древней общественности; мѣстничество тоже указываетъ на разлагающія, разъединяющія начала, присущія древней Руси. Мы думаемъ, что вовсе не для чего такъ далеко отыскивать причины явленій, чрезвычайно простыхъ и понятныхъ съ перваго взгляда. Каждый

князь примышлялъ себѣ владѣнія и старался увеличить елико-возможно. Московскіе князья были умнѣе, искуснѣе, счастливѣе другихъ, и они мало-по-малу прибрали къ рукамъ всю Россію; сначала виды ихъ были, кажется, очень недалеки и не выходили за черту пріобрѣтенія имѣній; потомъ уже возникла мысль о государствѣ, желаніе упрочить, утвердить его. Многія обстоятельства имъ въ этомъ благопріятствовали, но въ числѣ ихъ мы никакъ не видимъ сильной общественной связи; скорѣе можно сказать наоборотъ, что распри, ссоры, взаимныя ненависти и вражды князей и ихъ слугъ помогли московскимъ князьямъ въ этомъ дѣлѣ. Такъ какъ въ это время вотчинное начало совершенно утвердилось, то этимъ и объясняется, почему сопротивленіе Москвѣ шло отъ князей; гдѣ это начало не успѣло утвердиться, тамъ мы видимъ сопротивленіе и со стороны народонаселенія. Такъ въ Новгородѣ; даже и Псковъ, миролюбивый и уклончивый передъ Москвою, горько плакался, когда потерялъ послѣднюю тѣнь независимости. Не знаемъ, почему авторъ, который вездѣ такъ здраво понимаетъ вещи, такъ прямо и просто смотритъ на событія, здѣсь счелъ нужнымъ отступить отъ своего плана и прибѣгнулъ къ такимъ неестественнымъ, не историческимъ объясненіямъ. Наконецъ г. Соловьевъ говоритъ еще, что переселенія, - слѣдствіе усобицъ — „уничтожили мѣстныя, областныя народности, уничтожили враждебныя отношенія между жителями разныхъ княжествъ". Это едва-ли справедливо, ибо самъ же г. Соловьевъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ:

„Дурно отзываются обыкновенно москвитяне о новгородцахъ и рязанцахъ; въ свою очередь новгородцы и рязанцы не щадятъ москвитянъ, что обличаетъ долговременную вражду между ними, т.-е. вражду между старою и новою Русью. Любопытно при этомъ, что новгородцы и рязанцы отзываются дурно о храбрости москвитянъ; и въ самомъ дѣлѣ, народонаселеніе старыхъ русскихъ областей имѣло право дѣлать подобные упреки народонаселенію новыхъ. Періодъ старой Руси можно назвать геройскимъ періодомъ въ исторіи нашего народа; князья были одинъ другого храбрѣе, дружины были похожи на князей, и шумъ оружія не умолкалъ; но во всѣхъ этихъ дивныхъ подвигахъ храбрости новая сѣверная Русь не принимала участія, и когда вступала въ борьбу съ Русью старою, южною, то мы видѣли, на чьей сторонѣ оставалась побѣда; стоитъ только вспомнить борьбу Андрея со Мстиславомъ, Липецкій бой, осторожность Всеволода III, съ какою онъ избѣгалъ битвы съ южными полками, осторожность, которую легко можно было принять за робость. Отсюда понятно, почему новгородцы и рязанцы упрекаютъ москвитянъ въ трусости, а москвитяне съ своей стороны упрекаютъ новгородцевъ и рязанцевъ въ противоположной крайности, именно въ гордости и дерзости. Новгородцы говорятъ о москвитянахъ, что они небывальцы въ битвахъ, и что бѣгутъ, еще не видя непріятеля; москвитяне расточаютъ новгородцамъ названія суровыхъ, непокорныхъ, упрямыхъ, непостоянныхъ, свирѣпыхъ крамольниковъ и т. п. Точно то же видимъ и въ отношеніи къ рязанцамъ; по свидѣтельству лѣтописи, рязанскіе воины говорили другъ другу, идя на москвитянъ: „не нужно брать намъ ни доспѣховъ, ни щитовъ, никакого другого оружія, — возьмемъ только веревки вязать москвитянъ, которые такъ слабы и робки". Московскій лѣтописецъ поблагодарилъ ихъ за такое мнѣніе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „рязанцы жъ люди сурови, свирѣпи, высокоумни, гордии, чаятельнии, вознесшись умомъ и возгордѣвшись величаніемъ, и помыслиша въ высокоумни своемъ полоумныя и безумныя людища, аки чудища" (стр. 390—391).

Эту любопытную и во многихъ мѣстахъ вѣрную замѣтку мы находимъ въ обозрѣніи княженія Дмитрія Донского; слѣдовательно, она относится къ тому же времени, къ которому отнесено и благодѣтельное послѣдствіе княжескихъ усобицъ.

Въ четвертой главѣ этого отдѣла, посвященной времени Іоанна Іоанновича, находимъ разсказъ объ убійствѣ московскаго тысяцкаго Алексѣя Петровича; это одно изъ самыхъ замѣчательныхъ событій Іоаннова княженія.

„Мы уже имѣли случай говорить—пишетъ г. Соловьевъ—что всѣдствіе осѣдлости князей бояре должны были пріобрѣсть большее значеніе въ княжествѣ; по той же самой причинѣ и тысяцкій, какъ членъ княжеской дружины, какъ бояринъ, пріобрѣлъ важное значеніе на сѣверо-востокѣ. Теперь при осѣдлости князей и переходѣ княжества отъ отца къ сыну, тысяцкій получилъ возможность отправлять свою важную должность при нѣсколькихъ князьяхъ сряду безъ смѣны, слѣдовательно, будучи посредникомъ между княземъ и городовымъ народонаселеніемъ, имѣлъ возможность пріучить народъ къ себѣ, пріобрѣсть расположеніе не только для себя, но и для потомства своего, почему князья назначали въ тысяцкіе сына умершаго чиновника, для удовольствія народнаго; отсюда наслѣдственность должности въ одномъ домѣ. Ясно, что такая сила могла быть опасна прежде всего другимъ боярамъ, которыхъ вліяніе стѣснялось вліяніемъ тысяцкаго, а потомъ могла быть опасна и самой власти княжеской: отсюда интересъ бояръ, равно какъ интересъ самого князя требовалъ уничтоженія сана тысяцкаго. Въ описываемое нами время должность московскаго тысяцкаго отправлялъ знаменитый бояринъ Алексѣй Петровичъ, гордый народнымъ къ себѣ расположеніемъ; онъ поднялъ крамолу противъ Симеона Гордаго, но былъ изгнанъ и лишенъ своихъ волостей; всѣ три брата—Симеонъ, Иванъ

и Андрей поклялись не принимать въ свою службу мятежнаго боярина, и несмотря на то, онъ является тысяцкимъ при в. князѣ Иванѣ. Зимою, 3 февраля 1357 г., рано во время заутрень, тѣло Алексѣя Петровича было найдено на площади со всѣми признаками насильственной смерти. Никто не видалъ, какъ совершилось убійство, но слухъ шелъ, что бояре собирали на тысяцкаго тайный совѣтъ и ковали ковы, и погибъ онъ отъ своихъ товарищей, общею всѣхъ думою, какъ погибъ Андрей Боголюбскій отъ Кучковичей. Сильный мятежъ всталъ въ народѣ, озлобленномъ гибелью любимаго сановника, и большіе московскіе бояре должны были отъѣхать въ Рязань съ женами и дѣтьми" (стр. 359—362).

Прочитавъ это мѣсто, можно подумать, что у насъ въ древней Руси была потребность въ посредствующихъ органахъ, чтобы держать въ равновѣсіи двѣ враждующія крайности,— что эти органы имѣли опредѣленное общественное положеніе, которое одни поддерживали, а другіе старались подорвать. Считая такое воззрѣніе совершенно ошибочнымъ, бросающимъ ложный свѣтъ на нашъ древній внутренній бытъ, мы тщательно прочли всѣ цитаты, подведенныя авторомъ, справлялись съ лѣтописями—и окончательно убѣдились, что все сказанное г. Соловьевымъ о значеніи тысяцкихъ въ древней Россіи — блистательная гипотеза, превосходно изложенная, но не подкрѣпленная ни однимъ доказательствомъ, ни однимъ историческимъ соображеніемъ. Изъ всего разсказа вѣрно только описаніе убійства тысяцкаго, и то за исключеніемъ двухъ фразъ, очевидно внушенныхъ увлеченіемъ, столько естественнымъ при развитіи любимой мысли. Г. Соловьевъ говоритъ, что тысяцкій Алексѣй Петровичъ былъ гордъ „народнымъ къ себѣ расположеніемъ", и что когда онъ былъ убитъ, сильный мятежъ всталъ „въ народѣ, озлобленномъ гибелью любимаго сановника"; ни того, ни другого нѣтъ въ лѣтописяхъ. Вообще вопросъ о тысяцкихъ еще очень теменъ; весьма вѣроятно, что они были предводителями войскъ, и кажется однозначительны съ воеводами; но какую роль играли внѣ войны,— вотъ чего мы покуда не знаемъ; въ нихъ много загадочнаго по скудости извѣстій; но судя потому, какъ просто были рѣшены многіе вопросы о внутреннемъ бытѣ древней Руси, мы имѣемъ нѣкоторое право заключать, что точно также рѣшится и этотъ съ открытіемъ новыхъ данныхъ; во всякомъ случаѣ онъ рѣшится безъ помощи остроумной гипотезы г. Соловьева, слишкомъ сложной, юридической для того времени.

Княженіе Іоанна Іоанновича не представляетъ впрочемъ ничего особенно замѣчательнаго. Гораздо важнѣе княженіе Дмитрія Іоанновича Донского. Переходя къ нему, г. Соловьевъ бросаетъ бѣглый взглядъ на междукняжескія отношенія въ южной Руси и посвящаетъ имъ особую (пятую) главу. Здѣсь являются дѣйствующими на первомъ планѣ Галичъ и Литва. И тамъ, и здѣсь происходило совершенно то же, что̀ и въ сѣверо-восточной Руси: въ политической сферѣ утверждается начало собственности вмѣсто родовыхъ отношеній; князья не члены рода, а вотчинники, располагающіе своими владѣніями въ пользу дѣтей, думающіе только о пріобрѣтеніи возможно большихъ имуществъ. Родъ литовскихъ князей играетъ здѣсь ту же роль, какую и московскіе князья на сѣверо-востокѣ Россіи.

„Онъ (Гедиминъ) заставилъ всѣхъ князей юго-западной Руси, потомковъ св. Владиміра, признать свое первенство точно такъ, какъ прежде они признавали сѣвернаго князя Владимірскаго, и князья литовскіе рода Гедиминова исполнили, въ отношеніи къ юго-западной Руси, только то, что̀ начали Юрьевичи Владимірскіе, т.-е., сначала заставили южныхъ князей признать свое первенство, заставили признаться, что они не могутъ быть безъ нихъ; потомъ, мало-по-малу, привели ихъ въ подручническія отношенія и, наконецъ, сдѣлали вполнѣ служебными; однимъ словомъ, родъ Гедимина, относительно юго-западной Руси, играетъ точно такую же роль, какую родъ князей Московскихъ играетъ относительно сѣверо-восточной: Литва собираетъ юго-западную Русь точно такъ, какъ Москва собираетъ сѣверо-восточную... Они (Гедиминовичи) видѣли, что для сохраненія пріобрѣтеннаго могущества необходимо постоянное сосредоточиваніе власти въ рукахъ одного, и потому всегда сильнѣйшій изъ нихъ гналъ, истреблялъ братьевъ". (стр. 371 и 372).

Вмѣсто того, чтобъ объяснять эти измѣненія, совершенно одинаковыя въ двухъ половинахъ древней Руси, естественнымъ ходомъ развитія нашего внутренняго быта, г. Соловьевъ опять прибѣгаетъ къ постороннимъ причинамъ: въ сѣверо-восточной Руси, какъ мы видимъ, онъ создалъ систему новыхъ городовъ; въ юго-западной надо было найти что-нибудь другое, и онъ, разумѣется, находитъ—иностранное вліяніе и нерусское происхожденіе рода литовскихъ князей.

„Даніилу стоило тяжкаго труда утвердиться въ Галичѣ; онъ былъ его завоевателемъ, мало того, онъ былъ возобновителемъ, творцомъ своего княжества, слѣдовательно болѣе, чѣмъ отецъ Романъ, имѣлъ Даніилъ право смотрѣть на Галичъ, какъ

на свою собственность, и не дѣлиться ею ни съ кѣмъ; при этомъ не должно опускать изъ виду, что Галичъ и Волынь входятъ въ самыя тѣсныя сношенія съ западными государствами; Даніилъ ходилъ на западъ, въ Богемію, такъ далеко, какъ никто еще изъ его предшественниковъ; Даніилъ хотѣлъ пріобрѣсть сыну своему герцогство Австрійское посредствомъ брака на сестрѣ послѣдняго герцога; наконецъ, Даніилъ принялъ новый чуждый древней Руси титулъ короля (rex); ясно, что при такихъ отношеніяхъ древне-русскія родовыя понятія должны были исчезнуть въ Галичѣ, и король Даніилъ не могъ смотрѣть глазами старинныхъ князей русскихъ, но смотрѣлъ на право наслѣдства, какъ смотрѣли на него короли сосѣдніе; народонаселеніе галицкое также не могло смотрѣть иначе; бояре давно приняли характеръ чуждый, что̀ доказываетъ быстрое ихъ ополяченіе; городское же народонаселеніе состояло преимущественно изъ нѣмцевъ, жидовъ и армянъ, толпами стекавшихся въ богатую область. Такимъ образомъ, тѣ же самыя понятія о собственности, о преемствѣ отъ отца къ сыну, о правѣ завѣщанія, которыя явились въ сѣверо-восточной Руси изнутри, развились изъ ея собственнаго организма, въ Галичѣ были занесены извнѣ, но привились и утвердились необходимо вслѣдствіе обстоятельствъ историческихъ" (стр. 368 и 366). „Какъ здѣсь (въ юго-западной Руси), такъ и тамъ (въ сѣверо-восточной) родовый бытъ, господство родовыхъ отношеній между князьями рушится—здѣсь вслѣдствіе преобладанія новыхъ городовъ и проникшаго оттуда понятія объ отдѣльной собственности, тамъ вслѣдствіе того, что въ челѣ князей рода св. Владиміра сталъ чуждый родъ Гедиминовъ, стремившійся къ пріобрѣтенію могущества, къ увеличенію своей собственности на счетъ другихъ владѣтельныхъ родовъ, и это же самое стремленіе не позволило Гедиминовичамъ утвердить русскихъ родовыхъ отношеній и другъ къ другу... Сюда нужно прибавить еще могущественное вліяніе государственныхъ идей Запада, съ которымъ литовскіе владѣльцы съ самаго начала вошли въ тѣсную связь" (стр. 372).

Вотъ какъ одна ошибка влечетъ за собой другую! Еслибъ г. Соловьевъ не ввѣрился такъ гипотезѣ о новыхъ городахъ въ сѣверо-восточной Руси, и постепенныя внутреннія измѣненія, происходившія у насъ, старался объяснить изъ условій общихъ всей Россіи, всему славянскому міру, изъ родового начала, которое онъ такъ превосходно изслѣдовалъ въ отношеніи къ князьямъ,—онъ увидалъ бы, съ одной стороны, невозможность тѣхъ рѣзкихъ различій въ древней Руси, которыя лежатъ въ основаніи его системы старыхъ и новыхъ городовъ, съ другой—онъ не приписалъ бы внѣшнимъ вліяніямъ такого рѣшительнаго значенія въ до-Петровской Руси. Отрицать это вліяніе нельзя, но перецѣнивать не должно. Покуда патріархальные элементы сильны въ народѣ, заимствуется одно внѣшнее, обыкновенно долго остающееся безъ всякихъ послѣдствій для внутренняго быта. Такъ было у насъ и вездѣ. Авторъ знаетъ, какъ нѣмецкіе славяне потеряли свою національность: нѣмецкія колоніи, во множествѣ селившіяся въ славянскихъ земляхъ, довершили дѣло завоеванія. Но какимъ образомъ внутренній бытъ Галича и Литвы могъ существенно измѣниться вслѣдствіе внѣшнихъ вліяній въ XIV вѣкѣ, вотъ чего мы себѣ никакъ не можемъ представить. Да и зачѣмъ представлять? Мы видѣли, что внутренній бытъ сѣверо-восточной Руси естественно, необходимо развился изъ быта древнихъ русско-славянскихъ племенъ. Если между-княжескія отношенія и въ юго-западной Руси имѣли такое же развитіе, не понимаемъ, почему и ихъ не объяснить такимъ же образомъ: оно и проще, и ближе.

Переходимъ ко времени Донского.

При немъ безпрерывно возрастающее господство московскихъ князей обнаруживается въ новыхъ, небывалыхъ явленіяхъ: „обиженные князья требуютъ помощи и посредничества у князя московскаго". Слѣдуя образу дѣйствій, котораго держался еще Всеволодъ и который лежалъ въ духѣ и обстоятельствахъ времени, „Москва не хочетъ усиливать одного князя насчетъ другого" и „старалась раздробленіемъ соперничествующихъ княжествъ обезсиливать ихъ". Вслѣдствіе этого, отношенія между великимъ княземъ и остальными князьями совершенно измѣнились. Это ясно видно изъ отношеній Донского къ двоюродному брату, Владиміру Андреевичу Храброму. Послѣдній обязуется служить Димитрію безъ ослушанія, а Дмитрій обязуется *кормить* Владиміра *по службѣ*. „Владиміръ обязывается не искать подъ Димитріемъ удѣла Симеонова: этимъ утверждается новый обычай, что выморочный удѣлъ поступаетъ прямо къ в. князю, безъ раздѣла съ родичами" (стр. 396). „Несмотря на допущеніе перехода бояръ отъ в. князя къ удѣльному, и наоборотъ, старшій братъ уже дѣлаетъ попытку распространить свое вліяніе на бояръ младшаго" (ibid). Не довольный старшими боярами Владиміра, Дмитрій „велѣлъ схватить" ихъ „и развести розно по городамъ, гдѣ держалъ подъ крѣпкою стражею, подъ надзоромъ жестокихъ приставниковъ" (стр. 398). „Великій князь выговариваетъ себѣ право казнить бояръ брата своего, если они ослушаются идти на службу,

требуемую государственною пользою; мало того, в. князь выговариваетъ себѣ право назначать изъ бояръ брата способнѣйшихъ къ извѣстной службѣ: важный шагъ на поприщѣ государственнаго развитія! Теперь не цѣлый родъ владѣетъ землею, но одно лицо, одинъ в. князь всея Руси; этотъ в. князь, принимая на себя одного отвѣтственность въ управленіи государствомъ, долженъ по этому самому заботиться и о средствахъ къ лучшему достиженію государственныхъ цѣлей, долженъ имѣть вліяніе на выборъ людей, назначаемыхъ къ достиженію этихъ цѣлей" (стр. 397). „Владиміръ обязуется не искать московской отчины Димитріевой и в. княженія Владимірскаго не только подъ Димитріемъ, но и подъ дѣтьми его". „Димитрій называетъ себя уже не старшимъ братомъ, но отцомъ Владиміра, старшій сынъ великаго князя Василій называется старшимъ братомъ Владиміра, второй сынъ Юрій просто братомъ, то-есть, равнымъ, а меньшіе сыновья младшими братьями" (стр. 397 и 399). „Прежде каждый родичъ считалъ себя въ правѣ получить отъ старшаго извѣстную часть родовой собственности; теперь онъ бьетъ челомъ чрезъ митрополита в. князю, какъ полновластному господину, о милости, и тотъ жалуетъ ему просимое" (Ibid).

Главными дѣятелями этого новаго порядка вещей, орудіями усиленія московскихъ князей насчетъ всѣхъ другихъ являются *бояре и духовенство.* „Бояре, умные отцовскіе слуги, которые дѣду нашему и отцу добра хотѣли, по выраженію Симеона Гордаго,—бояре дѣйствуютъ за князя" (стр. 379); „интересы московскаго княжества, интересы рода Калиты были тѣсно связаны съ интересами бояръ московскихъ: привыкнувъ быть боярами велико-княжескими, они не хотѣли принять роль второстепенную; съ другой стороны, наслѣдственные слуги дяди и отца Димитріева, они не хотѣли переѣзжать къ новому в. князю, въ Нижній или Тверь, гдѣ не могли играть первостепенной роли, вытѣснить изъ благосклонности князя дѣдовскихъ бояръ его" (стр. 402); „но бояре дѣйствуютъ тайно, чрезъ князя; кто же явно дѣйствуетъ за Москву, кто является вездѣ на первомъ планѣ? Это духовенство, митрополитъ, который живетъ въ Москвѣ. Митрополитъ посылаетъ св. пустынника Сергія къ нижегородскому князю съ приказомъ явиться въ Москву на судъ, и когда тотъ отказывается, Сергій затворяетъ всѣ церкви въ Нижнемъ. Такъ и въ спорѣ князей тверскихъ митрополитъ приказалъ разсудить соперниковъ тверскому епископу Василію, и тотъ оправдалъ племянника, сына старшаго брата предъ дядьми, по обычаю новому" (стр. 379). (Въ этомъ превосходномъ мѣстѣ мы не понимаемъ различенія Москвы и князя).

„Московскій князь, привыкшій съ малолѣтства не уважать ханскихъ ярлыковъ, не только считалъ возможною войну оборонительную, но и наступательную" (стр. 385). Въ Куликовской битвѣ „обнаружился исполинскій шагъ впередъ, какой сдѣлало русское общество на пути государственномъ; тогда-то открылось все превосходство новаго порядка вещей, вся заслуга Москвы. По слову московскаго князя сонмъ служебныхъ князей явился, каждый князь съ своими полками; на Калкѣ котора между родичами сгубила войско и Русь; на Дону, гдѣ Димитрій встрѣтилъ Мамая, никто изъ князей не смѣлъ котороваться въ присутствіи великаго, и монголы были разбиты" (стр. 388).

Подобно княженію и завѣщаніе Димитрія Донского служитъ новымъ, живымъ свидѣтельствомъ того порядка вещей, который наступалъ тогда въ сѣверо-восточной Россіи. „Московскій князь благословляетъ старшаго своего сына Василья в. княженіемъ Владимірскимъ, которое зоветъ своею отчиною. Донской уже не боится совмѣстниковъ для своего сына, ни изъ Твери, ни изъ Суздаля; онъ увѣренъ и въ согласіи Хана, потому что въ случаѣ отказа Московскій князь такъ силенъ, что можетъ обойтись и безъ Хана, а въ случаѣ согласія такъ богатъ, что благодарность его будетъ гораздо цѣннѣе, чѣмъ благодарность какого-нибудь другаго князя" (стр. 405), Въ своей отчинѣ, „то-есть, въ городѣ Москвѣ и въ станахъ, къ ней принадлежавшихъ, Донской владѣлъ двумя жребіями, жребіемъ отца своего Ивана и дяди Симеона, третьимъ жребіемъ владѣлъ Владиміръ Андреевичъ; онъ остался за нимъ и теперь. Изъ двухъ своихъ жребіевъ в. князь половину отдаетъ старшему сыну Василью, на старшій путь, другая половина раздѣлена на три части между остальными сыновьями: изъ этого видно, какъ усилена собственность старшаго" (стр. 405, 406).

...„Усиливъ старшаго сына не въ примѣръ предъ прочими областью в. княженія, областью уже теперь вѣрною, переходившею какъ отчина въ по-

томство послѣдняго, Донской счелъ справедливымъ ограничить нѣсколько обогащеніе старшаго въ пользу младшихъ и потому уступилъ, повидимому, прежнимъ родовымъ понятіямъ, а именно, въ случаѣ смерти старшаго сына Василія бездѣтнымъ, владѣніе его, т.-е. московская часть, вмѣстѣ съ в. княженіемъ, переходили къ старшему по немъ, а удѣлъ послѣдняго, какъ праздный, дѣлился снова между братьями, слѣдовательно здѣсь поступлено вопреки неотчуждаемости разъ полученной собственности, и князь Юрій, получивъ удѣлъ старшаго брата, долженъ былъ отказаться отъ своего наслѣдственнаго удѣла, который подвергался дробленію; равно Донской завѣщалъ, что если кто умретъ изъ младшихъ сыновей бездѣтнымъ, то выморочный удѣлъ также дѣлится между оставшимися въ живыхъ братьями. Но здѣсь, какъ уже сказано, только видимая уступка прежнимъ родовымъ понятіямъ; всѣ братья имѣютъ право на выморочный удѣлъ, но это право ограничено произволомъ княгини-матери: „а вы дѣти мои слушайте своее матери; что кому дастъ, то тому и есть". Слѣдовательно, здѣсь мы видимъ уступку не прежнимъ родовымъ понятіямъ, но уступку произволу собственника, что совершенно несогласно съ прежними понятіями. В. князь, какъ собственникъ, передаетъ свое право располагать своею собственностью по произволу женѣ; выморочный удѣлъ не раздѣляется прямо между всѣми сыновьями, но отдается въ распоряженіе княгинѣ-матери, распоряженіе, совершенно произвольное" (стр. 406, 407).

Характеръ княженія Василія Дмитріевича слишкомъ извѣстенъ. Главный интересъ этого княженія сосредоточивается въ отношеніяхъ сѣверо-восточной Руси къ Литвѣ, которыхъ орудіями были бояре. Теперь, какъ при Димитріи, бояре играютъ весьма важную роль; но прежнее ихъ поколѣніе смѣняется новымъ, болѣе рѣшительнымъ, болѣе открыто-дѣйствующимъ. Бояре каждаго княжества старались „усилить его насчетъ другихъ; когда эта попытка удалась только боярамъ московскимъ, то бояре остальныхъ княжествъ, видя невозможность бороться съ Москвою, видя, что рано или поздно ихъ княжества должны подчиниться Москвѣ, спѣшили соблюсти собственныя выгоды и даже увеличить ихъ оставленіемъ своихъ несчастныхъ князей и переходомъ въ службу князя московскаго: это не считалось измѣною, потому что удерживалось еще старое право бояръ свободно переходить отъ одного князя къ другому" (стр. 410).

„Бояре Донского, которыхъ главною заботою были дѣла Ордынскія и которые были напуганы нашествіемъ Туктамыша, не могли перемѣнить господствующаго направленія своей дѣятельности, не могли стать въ уровень съ настоящими потребностями, и потому, не понимая всей опасности отношеній Литовскихъ, всей опасности, которая грозила съ запада, отвлекали вниманіе в. князя отъ замысловъ Витовта и обращали его преимущественно на дѣла Орды, совѣтуя, какъ старики, мѣры осторожныя въ отношеніи къ послѣдней; но бояре молодые, въ челѣ которыхъ стоялъ Иванъ Ѳедоровичъ Кошка, уразумѣли, что отношенія Литовскія должны играть главную роль, что Москва должна напречь всѣ силы для сопротивленія замысламъ Витовтовымъ, тогда какъ опасность отъ издыхающей Орды, въ сравненіи съ послѣдними, разумѣется, была ничтожна. Вотъ почему Василій сначала, когда руководился совѣтами стараго Кошки, не полагалъ никакой преграды замысламъ Витовтовымъ и позволилъ ему овладѣть Смоленскомъ; но послѣ, когда получилъ вліяніе молодой Иванъ Кошка, то в. князь какъ бы пробудился отъ прежняго бездѣйствія и сильными, рѣшительными мѣрами заставляетъ Витовта отложить свои замыслы касательно примысловъ въ Московской Руси" (стр. 421, 422).

Политическая жизнь и смыслъ болѣе и болѣе сосредоточивались въ высшихъ слояхъ общества. Народъ разсуждалъ по старому, и вовсе не въ новыхъ интересахъ московской Руси.

„Въ 1408 году Свидригайло отъѣхалъ въ Москву; съ нимъ вмѣстѣ отъѣхалъ черниговскій епископъ, шесть князей и цѣлая толпа бояръ южной Руси; Василій не зналъ, чѣмъ изъявить свое радушіе этому драгоцѣнному союзнику; онъ далъ ему на кормленіе Владиміръ, со всѣми волостьми, Переяславль, Юрьевъ, Волокъ Ламскій, Ржевъ, половину Коломны. Такая щедрость сильно оскорбила московскій народъ. Народъ не понималъ смысла великой борьбы, которую велъ Василій съ Витовтомъ; ему гораздо опаснѣе казались татары и, видя союзъ своего князя съ Ордою противъ Витовта, народъ съ ужасомъ думалъ, что татары нарочно ссорятъ зятя съ тестемъ, дабы воспользоваться ихъ междоусобіемъ" (стр. 417, 418).

Послѣднія княжескія усобицы были при Василіи Темномъ; „но онѣ всего лучше показали невозможность возвращенія старины, уяснивъ для народа, что настоящее его положеніе гораздо выше прежняго" (463 стр.). „Уже давно жители Руси отвыкли отъ княжескихъ переходовъ изъ одной области въ другую, давно уже князья сидѣли въ одномъ удѣлѣ постоянно съ боярами своими, и потому интересы князя и дружины его были тѣсно связаны съ интересами княжества съ интересами остальнаго народонаселенія; вотъ почему граждане уже давно отвыкли отъ грабительства чуждыхъ бояръ и отроковъ, какъ-то было въ древней Руси. ."

„Москвитяне, которые жаловались на Василія Васильевича за то, что онъ обременяетъ ихъ налогами для уплаты выкупа въ Казань, увидали, что

при Шемякѣ, князѣ чуждомъ и приведшемъ чуждую дружину, положеніе ихъ не улучшилось: *Шемякинъ судъ* остался для потомства выраженіемъ суда несправедливаго, точно такого, какимъ былъ для древнихъ кіевлянъ судъ Ольговичей, для владимірцевъ судъ Ростиславичей. Но если кіевляне и владимірцы не могли снести управленія Ольговичей и Ростиславичей въ то время, когда переходъ князей былъ освященъ обычаемъ, то ясно, что москвитяне не могли стерпѣть Шемякина суда въ то время, когда уже они привыкли къ другому обычаю" (стр. 462 и 463).

Вотъ почему начатое при прежнихъ московскихъ великихъ князьяхъ, несмотря на смутное время, продолжало развиваться въ томъ же направленіи: уже при Темномъ „и послѣ в. князья стараются перемѣнять владѣнія князей удѣльныхъ, дабы послѣдніе, постоянно пребывая въ одномъ удѣлѣ, не могли пріучить жителей его къ себѣ, пріобрѣсть ихъ любовь" (Стр. 447). Даже тѣ удѣльные князья, которые пребыли вѣрными Темному, остаются младшими братьями, клянутся держать и сына Васильева в. княземъ вмѣсто отца, по приказу в. князя садиться на коня безъ ослушанія, и хотя князья „выговариваютъ себѣ право примысла, но это право безполезное, ибо у нихъ отняты средства къ примышленію: в. князь обязываетъ ихъ, чтобъ они не принимали служебныхъ князей съ вотчинами; не прикупать волостей въ чужихъ княжествахъ они также обязались договорами; оставалось одно средство для примысла—завоеванія у иноплеменниковъ, но для этого удѣльные князья были слишкомъ слабы. Одинъ только в. князь московскій имѣлъ право и возможность дѣлать примыслы" (Стр. 465). „Митрополитъ Іона ясно высказываетъ въ письмѣ къ смоленскому епископу, „что родовыхъ отношеній между князьями болѣе не существуетъ, что князья удѣльные не суть братья великому, но подданные!" (стр. 476). „Василій Ярославичъ Боровскій обязуется и съ дѣтьми своими считать старшимъ не только в. князя Василія и старшаго сына его Ивана, но и всѣхъ младшихъ сыновей, и послѣднихъ держать такъ честно и грозно, какъ самого в. князя" (Стр. 479). При Темномъ „упоминаются въ первый разъ князья — бояре московскіе" (Стр. 480 пр. I.). Разумѣется, удѣльные князья ненавидѣли московскаго великаго князя. Нѣкоторые изъ нихъ „въ изгнаніи, лишенные почти всякой надежды, мечтали о в. княженіи; ихъ договоръ служитъ самымъ лучшимъ оправданіемъ насильственныхъ мѣръ в. князя: еслибъ онъ не предпринялъ этихъ мѣръ, то ихъ предприняли бы противъ него; сынъ боровскаго князя говоритъ можайскому: „и дастъ Богъ не по нашимъ грѣхомъ, князя великаго побіемъ или сгонимъ, а дастъ Богъ, господине, достанешь в. княженья." Изгнаніе и убіеніе грозило в. князю отъ князей удѣльныхъ, которые готовы были на всякую мѣру, ибо предвидѣли скорое изгнаніе или убійство отъ сильнѣйшаго" (Стр. 481). „Съ другой стороны, вольный переходъ бояръ и дворянъ вообще также содѣйствовалъ къ усиленію московскаго княжества; боярину гораздо лестнѣе было служить сильнѣйшему, то есть в. князю, чѣмъ удѣльному, и потому онъ съ охотою переходилъ къ первому, тѣмъ болѣе, что отчины его оставались за нимъ, тогда какъ на переходъ отъ в. князя къ удѣльному бояринъ могъ рѣшиться только въ случаѣ крайности, ибо не смотря на взаимное обязательство, сильнѣйшій князь всегда имѣлъ болѣе возможности отомстить невѣрному боярину захваченіемъ, или даже притѣсненіемъ его отчины... Сильнѣйшіе князья или великіе нарочно тѣснили бояръ удѣльныхъ, чтобъ они переходили къ нимъ въ службу" (Стр. 467). „Русское духовенство, въ лицѣ своего представителя, митрополита... содѣйствовало утвержденію единовластія, ибо одно духовенство въ это время могло сознательно смотрѣть и вполнѣ оцѣнить стремленіе московскихъ князей. Проникнутое понятіями о власти царской, власти, получаемой отъ Бога, и независящей ни отъ кого и ни отъ чего, духовенство по этому самому должно было находиться постоянно во враждебномъ положеніи со старымъ порядкомъ вещей, съ родовыми отношеніями, и когда московскіе князья начали стремиться къ единовластію, то ихъ стремленія совершенно совпали съ стремленіями духовенства; можно сказать, что вмѣстѣ съ мечомъ свѣтскимъ, велико-княжескимъ, противъ удѣльныхъ князей постоянно былъ направленъ мечъ духовный" (стр. 458). „Это духовенство представляло единое цѣлое; нѣтъ духовенства областного, рязанскаго, тверскаго, московскаго, есть только духовенство всероссійское, чуждое постоянно всякихъ областныхъ интересовъ: такъ Іона, епископъ рязанскій, ревностно поддерживаетъ государственныя стремленія московскаго князя, и московскій князь не медлитъ дать свое согласіе на возведеніе этого епископа въ санъ митрополита, зная, что рязанскій владыка не

принесетъ въ Москву областныхъ рязанскихъ стремленій; исключеніемъ здѣсь является одинъ только архіепископъ новгородскій, преслѣдующій постоянно интересы своего города, и оттого мы замѣчаемъ нерасположеніе митрополита къ архіепископамъ новгородскимъ, ибо митрополитъ требуетъ, чтобъ духовенство было выше всѣхъ областныхъ, частныхъ интересовъ".

Не раздѣляя вполнѣ мнѣнія автора о цѣляхъ и стремленіяхъ тогдашняго духовенства и на основаніи послѣдующихъ событій находя ихъ нѣсколько идеализированными, мы тѣмъ не менѣе совершенно согласны съ нимъ въ фактахъ, событіяхъ, которыя были результатомъ цѣлей. Дѣйствуя мечомъ духовнымъ, духовенство отлучало строптивыхъ удѣльныхъ князей отъ церкви, предавало проклятію; понятно, какъ такія мѣры должны были упрочивать порядокъ вещей, созданный московскими великими князьями За то тогдашнее общественное мнѣніе мало и худо понимало ходъ исторіи. Оно было живымъ, но уже запоздалымъ отголоскомъ прежняго, пережитаго, и потому странно, несовременно, непрактически отзывалось о новыхъ событіяхъ:

„Съ в. княземъ выѣхали изъ Орды многіе князья татарскіе со многими людьми, и прежде Василій охотно принималъ татарскихъ князей въ службу, и давалъ имъ кормленія, — средство превосходное противопоставлять варварамъ варваровъ же, заставляя ихъ биться за гражданственность, средство, которое Россія должна была употреблять вслѣдствіе самаго своего географическаго положенія. Мы, разумѣется, можемъ только хвалить Василія за употребленіе этого средства, но современники думали не такъ: мы видѣли, какъ они роптали на отца Васильева за то, что онъ давалъ Литовскимъ князьямъ богатыя кормленія; еще болѣе возбудили ихъ негодованіе подобные поступки Василія съ татарами, ибо въ нихъ не могла погаснуть страшная ненависть къ этимъ врагамъ, которые тогда не оставляли еще притязанія на господство надъ Русью, т.-е. на безнаказанное насиліе надъ ея жителями, и когда къ тому еще огромныя подати наложены были на народъ, чтобы достать деньги для окупа, то негодованіе на в. князя обнаружилось въ самыхъ стѣнахъ Москвы" (стр. 453).

Распустили слухъ, „будто в. князь обѣщалъ отдать хану (казанскому) все московское княжество, а самъ удовольствоваться Тверью" (стр. 454), и этому слуху повѣрили! Обвинительные пункты, за что ослѣпили Темнаго, между прочимъ были: „Почто еси татаръ привелъ на русьскую землю и городы подавалъ еси имъ и волости въ кормленіе; а татаръ и языкъ ихъ паче мѣры любишь, а христіанъ безъ милости томишь, и злато и сребро татарамъ даешь". Оно не могло быть впрочемъ иначе; по необходимому, логическому закону развитія нашей древней исторіи, вся жизнь сосредоточилась наконецъ въ государственной, политической сферѣ, и во главѣ ея были московскіе великіе князья. Общество далеко отстало отъ этого движенія и догоняло его задними числами; съ Петра Великаго разстояніе между той и другой жизнью можно считать вѣками: важное обстоятельство, бросающее свѣтъ на множество явленій въ нашей исторіи, надъ которыми мы тщетно ломаемъ себѣ голову и которыя большею частью объясняемъ такъ странно.

При Василіи Темномъ мысль о нераздѣльности государства совершенно созрѣла, быть можетъ, и даже вѣроятно, подъ вліяніемъ тревожныхъ событій его княженія. „Дабы предотвратить всѣ споры касательно великокняжескаго наслѣдства, Василій еще при жизни назвалъ сына своего Ивана в. княземъ и началъ писать имя его подлѣ своего въ грамотахъ". Соединивъ въ „одно всѣ удѣлы московскаго княжества, кромѣ верейскаго, Василій снова далъ удѣлы меньшимъ сыновьямъ; но эти удѣлы были ничтожны въ сравненіи съ огромнымъ участкомъ старшаго сына в. князя Ивана. Въ завѣщаніи Василья въ первый разъ область великаго княжества владимірскаго смѣшивается съ областями княжества московскаго" (стр. 500). Вмѣстѣ съ тѣмъ „завѣщатель приказываетъ меньшимъ сыновьямъ слушаться старшаго брата какъ отца, а послѣднему держать младшихъ въ братствѣ, безъ обиды; но эти обычныя и неопредѣленныя выраженія не могли ни къ чему обязать ни старшаго, ни младшихъ; теперь нужны были точнѣйшія опредѣленія правъ и обязанностей, и старшему дана была полная возможность опредѣлить ихъ въ свою пользу" (стр. 501, 502).

То же самое, въ отношеніи къ удѣльнымъ князьямъ, происходило въ Литвѣ; „въ описываемое время" всѣ Рюриковичи, „которые остались въ юго-западной, старой Руси, уже вошли въ служебныя и подданническія отношенія къ Гедиминовичамъ" (496 и 497 стр.).

Четвертый, послѣдній отдѣлъ книги г. Соловьева есть верхъ торжества историческаго таланта автора. Еслибъ мы хотѣли вполнѣ подѣлиться съ читателями всѣмъ тѣмъ, что есть замѣчательнаго въ этой превосходной

части разбираемаго изслѣдованія, пришлось бы переписать ее цѣликомъ. Въ цѣлой книгѣ, такъ мастерски написанной, художественность изложенія нигдѣ не достигаетъ такой высоты, какъ здѣсь. Образъ Іоанна III и въ немъ цѣлая эпоха, цѣлый XV вѣкъ русской исторіи возсозданъ впервые въ тѣхъ размѣрахъ, съ тѣми чертами, какіе ему свойственны. Каждая строка дышетъ историческою истиною; оправданіе, или, лучше сказать, объясненіе дѣйствій и характера Іоанна IV, написанное на основаніи положительныхъ данныхъ, есть подвигъ и заслуга, едва ли имѣющіе себѣ равныхъ въ теперешней русской исторической литературѣ. Стѣсненные предѣлами журнальной критической статьи, за которые мы и безъ того выходили поневолѣ слишкомъ часто, мы позволимъ себѣ сдѣлать еще нѣсколько выписокъ, съ трудомъ и сожалѣніемъ ограничиваясь самымъ необходимымъ и характеристичнымъ.

„До сихъ поръ" — говоритъ авторъ, описывая княженіе Іоанна III — „главною заботою Московскихъ князей было собираніе Русской земли, примыслы, прибытки; изъ князей-вождей дружины Сѣверные князья, преимущественно Московскіе, стали князьями собственниками, хозяевами; но эти князья, которые кланялись въ Ордѣ не только Хану, но и вельможамъ его, отъ которыхъ родичи еще требовали родственнаго, равнаго обхожденія, эти князья не были еще окружены тѣмъ величіемъ, которымъ были окружены другіе монархи Европы, какъ преемники цезарей, какъ помазанники свыше. У насъ, несмотря на стремленія духовенства, в. князю трудно было получить царственное значеніе именно вслѣдствіе родового быта, такъ долго господствовавшаго и затруднявшаго развитіе идей государственныхъ. Чтобы церкви успѣть въ своемъ стремленіи сообщить в. князю царственное величіе, нужна была помощь извнѣ, и какъ на западѣ на помощь церкви пришли преданія имперіи, такъ точно и у насъ на Руси эти преданія имперіи принесены къ Московскому двору Софіею Палеологъ. Изслѣдуйте движенія, перемѣны, имѣвшія мѣсто при Иванѣ III, и вы увидите, что все движется, измѣняетъ форму для принятія какихъ-то новыхъ, неизвѣстныхъ идей, византійская царевна хочетъ быть царицею: для этого ей нуженъ дворъ по образцу Византійскаго, и этотъ дворъ является при Иванѣ III; но прежде всего царевнѣ нужно гдѣ жить, и въ этой бѣдной Москвѣ, наполненной лачужками, являются дворцы, соборы, тронныя палаты, для построенія которыхъ вызываются иностранные художники, а для этого заводятся связи съ иностранными государствами; наши послы отправляются къ западнымъ дворамъ, просятъ прислать художниковъ своему государю; императоръ и короли хотятъ воспользоваться этимъ случаемъ для достиженія своихъ цѣлей, предлагаютъ союзы, крестовые походы, браки; Московскій князь не прочь ни отъ чего, но хитрый правнукъ Калиты преслѣдуетъ во всемъ ближайшую цѣль, не заходитъ далеко, не обязывается никакими обѣщаніями: онъ не спускаетъ глазъ съ Орды, Литвы и Польши, для чего пересылается съ Императоромъ, и вмѣстѣ ищетъ дружбы Султана. Вотъ слѣдствія появленія Греческой царевны въ Москвѣ для распространенія нашихъ иностранныхъ сношеній; но гораздо важнѣе были перемѣны внутреннія, подъ ея вліяніемъ произведенныя. Никто лучше смѣтливаго Іоанна III не могъ воспринять тѣхъ идей, которыя принесла Софія: вотъ почему онъ такъ легко является грознымъ государемъ на Московскомъ, велико-княжескомъ столѣ; онъ первый получилъ названіе грознаго, потому что первый явился для двора и народа Монархомъ, требующимъ безпрекословнаго повиновенія, и строго карающимъ за ослушаніе, первый возвысился до царственной, недосягаемой высоты, передъ которою бояринъ, князь, потомокъ Рюрика и Гедимина должны были благоговѣйно преклониться наравнѣ съ послѣднимъ изъ подданныхъ. Такая перемѣна въ характерѣ в. князя не могла не возбудить сильнаго негодованія въ толпѣ князей и бояръ. Иванъ III посягнулъ на важнѣйшее изъ правъ, право отъѣзда, и по первому мановенію грознаго Самодержца, головы крамольныхъ князей и бояръ лежали на плахѣ; отсюда та страшная ненависть князей и бояръ къ новому порядку вещей, начавшемуся съ Ивана III, отсюда та страшная ненависть ихъ къ виновницѣ этой новизны, В. К. Софьѣ. Для доказательства сказаннаго раскроемъ Курбскаго, адвоката старины и правъ князей и бояръ..." (стр. 529—531).

„Кромѣ Курбскаго, мы имѣемъ еще другой боярскій отзывъ о новомъ порядкѣ вещей, принесенномъ Софьею. Уже въ княженіе сына ея Василія, бояринъ Берсень такъ говорилъ Максиму Греку: „А какъ пришли сюда Грекове, ино и земля наша замѣшалася; а дотолѣ земля наша Русская жила въ тишинѣ и въ миру. Какъ пришла сюды мати В. князя княгини Софье съ вашими греки, такъ наша земля замѣшалася, и пришли нестроенія великія какъ и у васъ во Царѣ-городѣ при вашихъ царѣхъ". На слова Максима, „Господине, мати В. князя В. княгини Софья съ обѣ стороны была роду великого, по отцѣ царскій родъ Царегородскихъ, а по матери великаго Дуксуса Ферарійскаго Италѣйскіе страны", Берсень отвѣчалъ: Господине, какова ни была, а къ нашему нестроенью пришла, — которая земля переставливаетъ обычьи свои, и та земля не долго стоитъ, а здѣсь у насъ старые обычаи В. К. перемѣнилъ, ино на насъ котораго добра чаяти?" Въ чемъ же, по мнѣнію боярина, состояла эта перестановка обычаевъ? Вотъ въ чемъ: „Лутче старыхъ обычаевъ держатися, и людей жаловати, и старыхъ почитати; а нынѣ деи государь нашъ запершися самъ третей у постели всякія дѣла дѣлаетъ". Итакъ перестановка обычаевъ состояла въ томъ, что В. князь отстранилъ вліяніе бояръ, началъ думать особо свою думу, и теперь уже бояре не могли сказать ему: „о собѣ еси, княже, замыслилъ; а неѣдемъ по тебѣ, мы того невѣдали", потому что московскіе князья, „желая крови братій своихъ, несытства ради своего", изгубили родичей, овладѣли ихъ удѣлами, и боярамъ некуда было болѣе отъ-

ѣхать. Не одни недовольные князья и бояре оставили намъ свидѣтельства о великомъ вліяніи Софьи на перестановку обычаевъ въ Русской землѣ; есть другія свидѣтельства болѣе безпристрастныя: Геберштейнъ, бывшій въ Москвѣ въ княженіе сына Софьи, говоритъ о ней: это была женщина необыкновенно хитрая, по ея внушенію В. князь сдѣлалъ многое". И наши лѣтописцы подтверждаютъ это, говоря, напримѣръ, что Софьѣ принадлежитъ окончательный разрывъ съ Ордою при Иванѣ III" (стр. 533 - 535).

Отношенія къ удѣльнымъ князьямъ, къ Литвѣ — изложены превосходно. Разсказъ такъ живъ, что, читая, переносишься въ эпоху описываемыхъ событій.

Княженіе Василья Ивановича—интермедія между великими Іоаннами—было хотя и неблистательнымъ, но тѣмъ не менѣе послѣдовательнымъ переходомъ отъ гонителя удѣльныхъ князей къ истребителю ихъ подъ личиной московскихъ бояръ.

„Василій не могъ заслужить любви бояръ и потомковъ владѣтельныхъ князей, потому что, по словамъ Геберштейна, совершилъ то, что отецъ его началъ, и явился монархомъ" (стр. 587).

„Но у бояръ, и вообще у всѣхъ дружинниковъ и слугъ вольныхъ противъ жестокости в. князя оставалось важное право, право отъѣзда къ другимъ князьямъ; въ сѣверо-восточной Руси исчезли независимые князья; отъ братьевъ в. князя нельзя было ожидать покровительства отъѣхавшему изъ Москвы боярину; оставался одинъ отъѣздъ въ литовскую Русь, къ в. князю Литовско-Русскому, и недовольные дружинники стремятся туда. Для прекращенія этого явленія изъ стараго, родового быта, Московскіе государи придумываютъ средство, а именно берутъ съ подозрительныхъ бояръ присягу не отъѣзжать отъ нихъ: со времени Ивана III, перваго государя въ Москвѣ, перваго князя, который возсталъ противъ отъѣзда боярскаго, появляются эти клятвенныя записи; онѣ умножаются при сынѣ его Василіѣ, еще болѣе ихъ при внукѣ его, Иванѣ Грозномъ,— признакъ постоянно усиливавшейся борьбы между двумя правами: правами государя на вѣчную покорность подданнаго и обветшавшимъ правомъ дружинника перемѣнять вождя, переходить изъ одной дружины въ другую, правомъ, которое такъ долго поддерживалось родовыми отношеніями княжескими, и теперь долженствовавшимъ исчезнуть вслѣдствіе смѣны ихъ отношеніями государственными" (стр. 588 и 589).

„Но Московскіе государи, начиная съ Ивана III, не довольствовались порукой духовенства и грамотами: они требовали ручательства болѣе вещественнаго, и потому заставляли другихъ бояръ и дворянъ ручаться за провинившагося боярина, что онъ не отъѣдетъ, а въ случаѣ отъѣзда поручившійся долженъ былъ внести князю извѣстную сумму денегъ; такъ по князѣ Холмскомъ поручился И. Н. Воронцовъ, что онъ въ случаѣ его отъѣзда внесетъ 250 рублей" (стр. 591, 592).

Послѣдняя глава (третья) посвящена Ивану Грозному: подобно первой главѣ третьяго отдѣла, она, строго говоря, лишняя въ этомъ сочиненіи. Удѣльныхъ князей не было при Іоаннѣ, стало быть при немъ и не могло быть въ Россіи между-княжескихъ отношеній, главнаго предмета изслѣдованія (ибо какъ называть удѣльными нѣсколькихъ князей, лишенныхъ владѣльческихъ правъ?). Борьба Іоанна съ князьями—подданными, боярами, принадлежитъ не сюда. Какъ характеристика этого царя—глава неполна, потому что не обнимаетъ всѣхъ сторонъ его удивительной, необыкновенной личности. Несмотря на это, очеркъ характера Грознаго и его отношеній къ вельможамъ—такое капитальное пріобрѣтеніе русской исторической литературы, что отступленіе отъ плана и системы кажется передъ нимъ маловажнымъ, незначительнымъ. Не то, чтобы мы были во всемъ и совершенно согласны съ мнѣніемъ автора объ Іоаннѣ IV: иное мы понимаемъ иначе, другое намъ кажется преувеличеннымъ, идеализированнымъ: со всѣмъ тѣмъ мы еще ничего не читали объ Іоаннѣ, что бы насъ такъ глубоко удовлетворило, какъ послѣднія сто страницъ его книги.

„Мы достигли въ нашей исторіи"—говоритъ г. Соловьевъ въ началѣ главы — „того времени, когда оба порядка вещей, родовой и государственный, дали другъ другу послѣднюю отчаянную битву, которою знаменуется царствованіе Грознаго. Господство родовыхъ отношеній между князьями имѣло, какъ необходимо слѣдуетъ ожидать, могущественное вліяніе на весь общественный составъ Руси, имѣло могущественное вліяніе на бытъ городовъ, на положеніе дружины: когда, слѣдовательно, отношенія между князьями начали смѣняться государственными, то эта смѣна должна была отозваться во всемъ общественномъ организмѣ, должна была повлечь измѣненія и въ бытѣ городовъ, и въ положеніи дружины, двора. Отсюда ясно, что в. князя въ своихъ государственныхъ стремленіяхъ должны были встрѣтить сопротивленіе не со стороны однихъ князей-родичей, но со стороны всего того, что получило свое бытіе или, по крайней мѣрѣ, поддерживалось родовыми княжескими отношеніями. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ возможность вольнаго, безнаказаннаго перехода отъ одного князя къ другому, существовавшая для городовъ, для членовъ дружины, для людей изъ остального даже народонаселенія при господствѣ родовыхъ княжескихъ отношеній, и прекращавшаяся при смѣненіи ихъ государственными. Эту-то возможность перехода, являвшуюся для нѣкоторыхъ въ видѣ права (напримѣръ для дружинниковъ и вообще слугъ вольныхъ), для другихъ въ видѣ освященнаго обычая, старины (напримѣръ для старыхъ городовъ), старое общество

поддерживало всѣми силами противъ государственныхъ стремленій Московскихъ в. князей, которые справедливо видѣли въ ней несообразность, беззаконіе, измѣну. Вотъ смыслъ борьбы, начавшейся давно въ Сѣверной Руси, но обнаружившейся съ большею силою при Иванѣ III, и дошедшей до крайности при внукѣ его Иванѣ IV. Если справедливо, что, какъ говорятъ, Иванъ IV былъ помѣшанъ на измѣнѣ, то вмѣстѣ съ этимъ должно допустить, что старое общество было помѣшано па переходѣ, или отъѣздѣ. Изъ вышесказаннаго ясно, какъ несправедливо видѣть въ строгихъ мѣрахъ Грознаго исключительное противоборство какимъ-то аристократическимъ, боярскимъ стремленіямъ; факты противорѣчатъ этому; Иванъ IV вооружался не противъ однихъ бояръ, ибо не одни бояре были заражены закорнѣлою болѣзнью стараго русскаго общества — страстью къ переходу или отъѣзду" (стр. 596 и 597).

Изъ этихъ словъ видно, какъ вѣрно авторъ смотритъ на значеніе Іоанна въ русской исторіи. Въ нихъ, конечно, проглядываетъ нѣкоторое пристрастіе въ пользу московскихъ князей и Іоанна Грознаго. Г. Соловьевъ находитъ, что великіе князья „справедливо видѣли несообразность, беззаконіе, измѣну" въ возможности перехода; онъ говоритъ, что „старое общество было помѣшано на переходѣ или отъѣздѣ". Едва-ли можно утверждать это съ юридической точки зрѣнія. Намъ кажется, что авторъ здѣсь какъ-будто нѣсколько измѣнилъ строго-историческому воззрѣнію. Но мы не станемъ его винить за это; напротивъ, такое пристрастіе, такое отклоненіе отъ исключительно-историческаго пониманія обнаруживаетъ въ г. Соловьевѣ живой взглядъ, живое сочувствіе къ событіямъ и лицамъ, безъ котораго конечно можно писать хорошія историческія изслѣдованія, но нельзя быть историкомъ. Сверхъ того, пристрастіе или увлеченіе г. Соловьева въ пользу Іоанна IV въ настоящее время кажется намъ даже заслугой. Съ тѣхъ поръ, какъ появилась исторія Карамзина, всѣ привыкли смотрѣть на Іоанна IV, какъ на властителя, алкавшаго крови и жертвъ безъ смысла и причины. Конечно благородное чувство водило перомъ Карамзина, когда онъ писалъ IX томъ исторіи Государства Россійскаго; какъ историческое явленіе, его взглядъ имѣетъ огромную, неизмѣримую важность. Но возвышенныхъ чувствъ, какъ извѣстно, еще недостаточно, чтобы быть хорошимъ историкомъ; сверхъ того, судъ съ нравственной точки зрѣнія рѣдко бываетъ вѣренъ и справедливъ: онъ можетъ быть важенъ для извѣстной эпохи, какъ выраженіе ея понятій, какъ средство ихъ распространенія подъ исторической оболочкой; но какъ судъ не-историческій, принимаемый однако за чистыя деньги, онъ вноситъ величайшія недоразумѣнія въ исторію, представляетъ ее въ ложномъ свѣтѣ и своимъ авторитетомъ надолго затемняетъ прямой взглядъ на прошедшія и будущія историческія судьбы народа. Съ этимъ зломъ едва-ли можно сравнить какія-либо другія; ибо что̀ можетъ быть важнѣе въ народной жизни прямого, естественнаго, ничѣмъ не отуманеннаго самосознанія? Іоаннъ IV есть цѣлая эпоха русской исторіи, полное и вѣрное выраженіе нравственной физіономіи народа въ данное время. Не нравится это историческое лицо,—ищите причинъ въ цѣлой народной жизни, предшествовавшей и современной ему; Карамзинъ, какъ мы сказали, изъ очень похвальныхъ побужденій, поставилъ Іоанна особнякомъ: никакой связи между имъ и эпохой, кромѣ непонятной въ такомъ даровитомъ человѣкѣ жажды зла, разрушенія. Во второй половинѣ царствованія Іоаннъ выходитъ у исторіографа бичомъ Божіимъ, разслабившимъ и унизившимъ Россію; послѣдняя—невинной страдалицей, смиренно принимавшей кару, ниспосланную на нее съ небесъ. Изъ этого мы, разумѣется, составляемъ себѣ о Россіи самое выгодное понятіе, льстящее нашей народной гордости. Отчего же, спрашивается, вся наша дальнѣйшая исторія шла по началамъ, высказаннымъ впервые Іоанномъ IV? Отчего всѣ наши преобразованія носили тотъ же характеръ, что̀ и при немъ, смягчаясь только въ формахъ, по мѣрѣ успѣховъ цивилизаціи? Что-нибудь изъ двухъ надо признать: или Іоаннъ былъ вполнѣ народнымъ дѣятелемъ въ Россіи, слѣдовательно кромѣ сторонъ, выставленныхъ выпукло Карамзинымъ, имѣлъ и другія, которыя связывали Грознаго самымъ тѣснымъ образомъ съ временемъ и народомъ, посреди котораго онъ дѣйствовалъ,—или надо отвергнуть всю русскую исторію, извѣстную намъ, и сочинить или предположить гдѣ-то тамъ, за всѣмъ тѣмъ, что̀ мы знаемъ и видимъ изъ историческихъ данныхъ о современной Россіи, другую, гадательную, никому неизвѣстную и небывалую, какъ дѣлаютъ нѣкоторые. Съ легкой руки Карамзина Іоаннъ сталъ извѣстенъ какъ страшное исключеніе изъ русской исторіи. Несправедливость такого односторонняго приговора не могла не

броситься въ глаза, когда наша старина сдѣлалась болѣе извѣстна и доступна для всѣхъ, и это вызвало другую крайность, безусловное поклоненіе Іоанну, безусловное его восхваленіе. Она имѣетъ, безпорно свою слабую, даже дурную сторону; но нельзя не сознаться, что теперь, когда рѣчь идетъ еще только о возстановленіи несомнѣнныхъ заслугъ и достоинствъ Іоанна въ глазахъ всѣхъ, въ противоположность неумолимому и неосновательному охужденію этого даровитѣйшаго и умнѣйшаго изъ древнихъ русскихъ царей,—особенное предрасположеніе въ его пользу понятно, какъ реакція, и конечно найдетъ полное свое оправданіе передъ лицомъ даже самыхъ безпристрастныхъ судей. Таковъ ходъ развитія человѣческихъ сужденій и понятій: не вдругъ достается истина; умъ начинаетъ съ крайности и изъ одной переходитъ въ другую, пока не отыщетъ разумной середины или снимающей ихъ мѣры.

Въ настоящее время изъ двухъ крайностей послѣдняя, въ пользу Іоанна, кажется намъ ближе къ истинѣ, потому что искореняетъ въ новыхъ поколѣніяхъ предразсудокъ, успѣвшій пустить корни, и раскрываетъ тѣ стороны Іоаннова царствованія и характера, которыя, къ сожалѣнію, слишкомъ долго оставались въ тѣни, почти незамѣченными. Въ этомъ мы видимъ новый успѣхъ народнаго самосознанія, путь къ болѣе дѣйствительной, вѣрной оцѣнкѣ насъ самихъ, и потому не можемъ не радоваться.

„Иванъ III и сынъ его Василій имѣли одинакій характеръ, отличавшій болѣе или менѣе всѣхъ князей Московскихъ, ихъ предшественниковъ: главныя черты этого характера—разсудительность, разсчетливость, преобладаніе головы надъ сердцемъ; прямые наслѣдники Калиты, Иванъ III и сынъ его Василій не увлекались никогда чувствомъ. Совершенно иная была природа Ивана IV: это былъ безспорно самый даровитый государь, какого только намъ представляетъ русская исторія до Петра В., самая блестящая личность изъ всѣхъ Рюриковичей; но съ необыкновенною ясностью взгляда, ловкостью въ рѣчахъ и поступкахъ, качествами, полученными въ наслѣдство отъ предковъ, въ Иванѣ было развито въ высшей степени другое, противоположное начало, женственное,—чувство: сколько Иванъ былъ уменъ и проницателенъ, столько же былъ страстенъ, воспріимчивъ, раздражителенъ, способенъ увлекаться, доходить до крайности. Можно легко угадать, какой характеръ долженствовала принять борьба такого государя съ неисцѣлимымъ зломъ старинныхъ притязаній. Притомъ Иванъ III и сынъ его Василій не были еще такъ далеки отъ стараго порядка вещей, смотрѣли на него еще исторически, и потому въ борьбѣ своей съ нимъ были необходимо хладнокровнѣе и умѣреннѣе; но Иванъ IV былъ уже третій государь на престолѣ Московскомъ, въ этомъ смыслѣ порфирородный, рожденный и воспитанный уже монархомъ. Напитанный въ дѣтствѣ высокими понятіями о власти государя, онъ еще болѣе укрѣпилъ эти понятія своею обширною начитанностью, изученіемъ священной, церковной, Римской Исторіи; онъ хотѣлъ быть тѣмъ же на московскомъ престолѣ, чѣмъ Давидъ и Соломонъ были на іерусалимскомъ, Августъ, Константинъ и Θеодосій на римскомъ. Иванъ IV сталъ первымъ царемъ не потому только, что первый принялъ царскій титулъ, но потому, что первый сознаъ вполнѣ все значеніе царской власти, первый составилъ себѣ ея теорію, тогда какъ отецъ и дѣдъ его усиливали свою власть только практически. И вотъ Иванъ IV, который хочетъ вести свое происхожденіе отъ Августа Кесаря (и точно ведетъ его, только духовно, а не естественно), Иванъ IV съ глубокимъ убѣжденіемъ о святости, неприкосновенности своихъ правъ, окруженъ толпою князей и дружинниковъ, которые толкуютъ о происхожденіи своемъ отъ князей Ярославскихъ, Суздальскихъ, Смоленскихъ, о томъ, что государь не долженъ ничего дѣлать безъ совѣта со старшими членами дружины, какъ водилось прежде, о правѣ безнаказаннаго отъѣзда. Но этого мало; оскорбленный такими противогосударственными притязаніями, какъ государь, Иванъ IV былъ глубоко оскорбленъ лично, какъ человѣкъ, недостойными поступками окружавшихъ его во время дѣтства, и потомъ трижды еще оскорбленъ въ своей довѣренности и въ своихъ чувствахъ, какъ отецъ и какъ мужъ. Вотъ почему въ борьбѣ своей со старыми притязаніями, Иванъ IV не только преслѣдуетъ противогосударственныя стремленія, какъ государь, но вмѣстѣ преслѣдуетъ враговъ своихъ, какъ человѣкъ, лично оскорбленный. Наконецъ для такого государя, какъ Иванъ IV, съ природою въ высшей степени воспріимчивою и страстною, нужно было самое осторожное, глубоко-обдуманное воспитаніе, надобно было допускать до него только одни благія впечатлѣнія,—и вмѣсто того отъ ранняго дѣтства его окружали только самыми недостойными сценами, и какъ бы нарочно раздражали самымъ безумнымъ образомъ. Что же были за причины подобнаго воспитанія? Мы знаемъ, что Дмитрій Донской, сынъ его и внукъ вступили на велико-княжескій престолъ въ ранней молодости, когда еще не могли управлять сами, и между тѣмъ, въ началѣ ихъ княженій, мы вовсе не видимъ тѣхъ оскорбительныхъ явленій, которыя имѣли мѣсто во время малолѣтства Ивана IV: напротивъ, мы видимъ необыкновенно умное, дружное и дѣятельное управленіе бояръ для блага князя и княжества; откуда же происходитъ такая разница? При Донскомъ, сынѣ и внукѣ его, интересы князя и бояръ были тѣсно соединены; ни князь, ни бояре не обнаруживали еще противоположныхъ стремленій; бояре московскіе дружно отстаивали права своего князя и княжества противъ притязаній другихъ князей, потому что этого требовали ихъ собственныя выгоды. Но со временъ Ивана III интересы великаго князя и бояръ разрознились: князь началъ руководствоваться идеями государствен-

ными, бояре выставили свои, несовмѣстимыя съ этими идеями притязанія. По смерти Василія Ивановича опекуншею малолѣтняго сына его Ивана оставалась жена его Елена, уже ненавистная боярамъ; она не отступала отъ поведенія своего мужа, слѣдовательно не уменьшила этой ненависти. Не могши управлять одна, Елена ввѣрилась извѣстному лицу изъ бояръ же, и такимъ образомъ внесла этимъ предпочтеніемъ раздѣленіе между послѣдними; отсюда ненависть къ любимцу, стараніе свергнуть его какими бы то ни было средствами, партіи между боярами, борьба между партіями. Наконецъ еще одно важное различіе: при Донскомъ и его преемникахъ между московскими боярами не было князей, ни Рюрикова, ни Гедиминова рода; во время малолѣтства Ивана IV они наполняли дворъ, куда принесли свои притязанія и свою ненависть къ московскимъ государямъ, лишившимъ ихъ удѣловъ, сведшимъ ихъ со степени независимыхъ владѣльцевъ на степень слугъ своихъ" (стр. 597—601).

„По смерти матери Иванъ былъ совершенно предоставленъ самому себѣ касательно умственнаго и нравственнаго развитія. Пытливый умъ ребенка требовалъ пищи: онъ жадно схватилъ все, что могли предложить ему вѣкъ и общество; масса свѣдѣній была не велика, дѣлать выбора было не изъ чего, молодой князь взялъ все, прочелъ все, что могъ достать прочесть; слѣдовательно въ дѣлѣ умственномъ Иванъ могъ еще обойтись безъ руководителя. Но не такъ было въ дѣлѣ нравственномъ; среди эгоистическихъ стремленій партій, царственный младенецъ былъ предоставленъ въ руководство одному собственному эгоизму; Иванъ съ ранней юности былъ окруженъ людьми, которые, въ своихъ стремленіяхъ, не обращали на него никакого вниманія, безпрерывно оскорбляли его: отсюда Иванъ необходимо долженъ былъ привыкнуть—имѣя въ виду только собственные интересы, не обращать вниманія на интересы другихъ, не уважать человѣческаго достоинства, не уважать жизни человѣка; если онъ, какъ началъ себя помнить, не встрѣчалъ ни откуда не только сочувствія, даже вниманія, то какъ хотѣть, чтобъ онъ сочувствовалъ другимъ, обращалъ вниманіе на другихъ? Пренебрегали развитіемъ хорошихъ склонностей ребенка, подавленіемъ дурныхъ, оставляли его предаваться чувственнымъ, животнымъ стремленіямъ, потворствовали ему, хвалили за то, за что надобно было порицать, и въ то же время, когда дѣло доходило до личныхъ интересовъ боярскихъ, молодого князя оскорбляли въ самыхъ лучшихъ, самыхъ святыхъ его интересахъ, именно въ привязанности къ людямъ, оскорбляли вдвойнѣ, оскорбляли какъ государя, потому что не слушали его приказаній, оскорбляли какъ человѣка, потому что не слушали его просьбъ, не обращали вниманія на его слезы: отъ этого сочетанія потворствъ, ласкательствъ и оскорбленій, которымъ безпрерывно подвергался Иванъ, въ немъ развились два чувства: презрѣніе къ рабамъ-ласкателямъ и ненависть ко врагамъ, ненависть къ строптивымъ вельможамъ, беззаконно похитившимъ его права, и ненависть личная за личныя оскорбленія" (стр. 620, 621).

„Ужаснымъ потворствомъ раздражительная, воспріимчивая природа Ивана была пріучена къ чувственнымъ наслажденіямъ; эта привычка въ лѣтахъ зрѣлыхъ повела къ разврату и къ той страшной внутренней борьбѣ, которая происходила въ душѣ царя, вполнѣ сознавшаго паденіе свое въ нравственномъ отношеніи. Въ адвокатскихъ письмахъ своихъ къ Курбскому онъ еще старается оправдать это паденіе; но предъ лицомъ религіи, которой требованія онъ зналъ лучше другихъ, онъ не смѣлъ оправдываться, и въ отчаяніи обнаруживалъ страшныя язвы души своей. Человѣкъ привыкъ видѣть въ тѣлѣ своемъ и его страстяхъ начало внѣшнее и враждебное: отсюда стремленіе подавлять тѣлесныя страсти тѣлесными же, внѣшними подвигами благочестія, отсюда пристрастіе Грознаго къ этимъ подвигамъ; но тѣло очищается чистотою душевною, и тѣлесныя страсти умолкаютъ тогда, когда душа исполнена высокихъ помысловъ, а душа Грознаго постоянно волновалась гнѣвомъ, подозрѣніемъ, презрѣніемъ: при такомъ состояніи души успѣшная борьба его съ испорченною въ дѣтствѣ тѣлесною природою была не возможна. Къ безстыднымъ ласкателямъ, жившимъ на счетъ его слабостей, къ этимъ Вяземскимъ и Грязнымъ царь не могъ не питать презрѣнія; но въ то же самое время онъ не могъ равнодушно сносить не только гласнаго укора, но даже грустнаго молчанія людей, оскорбленныхъ его поведеніемъ, потому что въ этомъ онъ видѣлъ посягновеніе на свои права, которыя отстаивалъ отъ притязаній старины; онъ не могъ отдѣлить укора на безнравственность человѣка отъ возстанія на власть царя, потому что бояринъ, укорившій его, не былъ чистъ отъ старинныхъ притязаній, и укоръ, слѣдствіе благороднаго негодованія, доброжелательства къ царю, казался послѣднему дерзостью дружинника, который думалъ, что царь не могъ ничего дѣлать безъ его совѣта; бояринъ выразилъ свое неудовольствіе, а единственное право дружинниковъ, за которое они стояли такъ упорно, было — при первомъ неудовольствіи отъѣзжать: вотъ почему Грозный, какъ скоро встрѣчалъ недовольное лицо боярина, уже видѣлъ въ немъ человѣка, замыслившаго отъѣздъ, и спѣшилъ предупредить измѣнника" (стр. 623, 624).

Къ этимъ словамъ трудно что-нибудь прибавить. Идеализація конечно есть; есть даже фразы и разсужденія далеко не вѣрныя; но видно, что путь, которымъ идетъ г. Соловьевъ, разсуждая объ Іоаннѣ,— единственно ведущій къ правильному обсужденію Грознаго и его времени. Истина лежитъ въ его словахъ и проступаетъ на каждомъ шагу.

Рѣчь, произнесенная Іоанномъ митрополиту и народу на лобномъ мѣстѣ, вызвана была, по мнѣнію автора, желаніемъ Грознаго прервать союзъ народа съ боярами.

„Скоро послѣ вѣнчанія на царство Иванъ женился на дочери покойнаго окольничаго Романа Юрьевича Захарьина; царю было тогда семнадцать лѣтъ. Самыми приближенными къ нему особами были дяди его Глинскіе, и потомъ новые родствен-

ники по женѣ, Романовы: имъ только могъ довѣрять вполнѣ царь по единству интересовъ; вотъ почему обѣ эти фамиліи возбудили противъ себя ненависть остальныхъ бояръ. Къ несчастію старые и новые родственники, Глинскіе и Романовы, соперничали между собою, а съ другой стороны Глинскіе успѣли раздражить и народъ, потворствуя насиліямъ слугъ своихъ. Вслѣдствіе этого, въ 1548 году, бояре, ненавидѣвшіе Глинскихъ и не могшіе теперь свергнуть ихъ ни насиліемъ, ибо не имѣли болѣе силы, ни посредствомъ царя, ибо тотъ не довѣрялъ имъ, воспользовались страшнымъ пожаромъ для возмущенія народа противъ Глинскихъ: Юрій Глинскій былъ умерщвленъ разъяренною чернью, которая бросилась-было и въ село Воробьево, гдѣ жилъ тогда царь, съ требованіемъ выдачи другихъ Глинскихъ, но была разогнана строгими мѣрами, принятыми Грознымъ".

„До сихъ поръ Иванъ былъ занятъ только отношеніями къ боярамъ; но теперь бояре вздумали осоюзиться съ народомъ, употребить народъ для достиженія своихъ цѣлей: Царь увидалъ опасность и хотѣлъ прервать этотъ союзъ. Послѣ похода на Казань, продолжать который помѣшала ему оттепель, Иванъ, въ 1549 году, велѣлъ „собрати свое государство изъ городовъ всякаго чину".

Превосходно разобраны отношенія Іоанна къ Сильвестру, — по Карамзину, чудесныя, необыкновенныя.

„Не одного Адашева взыскалъ царь ради помощи душѣ своей: сильную помощь этой растерзанной душѣ оказалъ въ началѣ Сильвестръ, священникъ Благовѣщенскаго дворцоваго собора, родомъ Новгородецъ. По своему званію священника дворцовой церкви, Сильвестръ безпрестанно былъ на глазахъ у Ивана, а замѣчательная личность этого человѣка, рѣзко выдававшаяся изъ толпы людей, занятыхъ одними мелкими интересами и крамолами, не могла не обратить на него вниманія государя. Что вліяніе Сильвестра началось давно, доказательствомъ служитъ извѣстіе, что по мысли его было освобождено изъ темницы семейство князя Андрея Старицкаго, а это освобожденіе имѣло мѣсто еще въ 1541 году. Чѣмъ болѣе выросталъ Иванъ и приходилъ въ сознаніе своего положенія, тѣмъ болѣе прилѣплялся къ Сильвестру, и усиливалось вліяніе послѣдняго на дѣла. Странно было бы представлять себѣ Сильвестра какимъ-то загадочнымъ сверхъестественнымъ существомъ, явившимся въ первый разъ предъ царя во время большого московскаго пожара и такъ напугавшимъ воображеніе Ивана, что тотъ подчинился его вліянію. Не надобно также упускать изъ виду разстояній времени, протекшаго отъ одного событія до другаго: такъ, напримѣръ, если мы помѣстимъ тотчасъ за пожаромъ и появленіемъ Сильвестра созваніе выборныхъ и рѣчь царя на лобномъ мѣстѣ (тогда какъ пожаръ былъ въ 1547 году, а созваніе выборныхъ имѣло мѣсто въ 1549), то этимъ сокращеніемъ времени скроемъ естественное, постепенное развитіе умственныхъ и нравственныхъ силъ царя: чего онъ не могъ сознать вполнѣ и совершить въ 17 лѣтъ, то онъ сознаетъ и совершаетъ въ 19, — это ясно! Но при этомъ ясно также, что поступки Ивана были слѣдствіемъ его естественнаго, самостоятельнаго развитія, а не совершались подъ исключительно-чуждымъ вліяніемъ. Сильвестръ и Адашевъ были давно въ глазахъ царя, но не имѣли большого вліянія на дѣла, потому что самъ царь еще не имѣлъ его; съ возрастаніемъ же Ивана возростало вліяніе этихъ двухъ людей, которыхъ онъ взыскалъ на помощь душѣ своей, по его собственному выраженію. Нравственное вліяніе обоихъ, и Сильвестра, и Адашева, на царя, нравственная помощь отъ нихъ душѣ его безспорна; сильная религіозность Ивана давала особенно Сильвестру большую власть надъ нимъ по самому сану его: въ дѣлахъ, касающихся религіи и нравственности Иванъ слушался Сильвестра, какъ добрый христіанинъ слушается духовнаго отца, достойнаго служителя алтаря. Привыкнувъ совѣтоваться и слушаться Сильвестра въ дѣлахъ религіозныхъ и нравственныхъ, питая къ нему довѣренность неограниченную, царь не могъ не совѣтоваться съ нимъ и въ дѣлахъ политическихъ: но здѣсь-то и начало борьбы между царемъ и Сильвестромъ. Сильвестръ относительно ясности политическаго взгляда былъ несравненно ниже Ивана; но, привыкши требовать исполненія своихъ религіозныхъ и нравственныхъ совѣтовъ отъ него, какъ отъ частнаго человѣка, Сильвестръ требовалъ исполненія и своихъ политическихъ совѣтовъ, тогда какъ царь не могъ своихъ свѣтлыхъ государственныхъ мыслей принести въ жертву уваженію своему къ Сильвестру: отсюда тягость, которую началъ чувствовать государь отъ несправедливыхъ притязаній Сильвестра; напримѣръ, Иванъ первый зачалъ въ себѣ великую мысль, что Россія можетъ утвердить свое могущество и не бояться Востока только тогда, когда усвоитъ себѣ плоды европейской цивилизаціи, для чего необходимо непосредственное сношеніе съ Европою, которому неодолимую преграду поставлялъ Ливонскій орденъ, не пускавшій въ Россію ученыхъ и художниковъ изъ справедливаго опасенія ея могущества; отсюда твердое намѣреніе царя покорить Ливонію. Противъ этого намѣренія возстала вся дума и особенно Сильвестръ: они совѣтовали царю завоевать Крымъ, что необходимо должно было повлечь къ борьбѣ съ Турціею, предъ которой трепетала еще вся Европа, и противъ которой у тогдашняго Московскаго государства, разумѣется, не было никакихъ средствъ къ сопротивленію; Иванъ понималъ всю безразсудность этого совѣта и отвергъ его, преслѣдуя войну Ливонскую. Какъ же поступилъ Сильвестръ въ этомъ случаѣ? Онъ не постыдился говорить царю, что болѣзнь его, его жены и дѣтей есть Божіе наказаніе за то, что онъ не слушается его совѣтовъ. Такъ употреблялъ во зло Сильвестръ довѣренность Ивана! Мало того: онъ употреблялъ во зло глубокое религіозное чувство царя, позволивъ себѣ обмануть его какими-то ложными видѣніями. Кто изучалъ сколько-нибудь душу человѣческую, тотъ знаетъ, что всѣ возможныя оскорбленія прощаются гораздо легче, чѣмъ обманъ, потому что при послѣднемъ оскорбитель разсчитываетъ на слабоуміе оскорбляемаго, а такой разсчетъ простить трудно!.. Наконецъ неблагоразуміе Сильвестра и его стороны нанесло самый тяжкій ударъ сердцу царя. Въ 1553 году Иванъ опасно занемогъ: ему предложили сдѣлать духовную и взять клятву въ вѣрности сыну своему,

младенцу Димитрію, съ кн. Владиміра Андреевича Старицкаго и бояръ. Но тутъ-то обнаружились съ одной стороны притязанія родичей, князей удѣльныхъ, съ другой — притязанія бояръ; двоюродный братъ царскій, Владиміръ Андреевичъ не замедлилъ выставить свои права на престолъ по смерти Ивана, мимо племянника Димитрія, вопреки новому обычаю престолонаслѣдія, за который такъ стояли всѣ московскіе князья. Что удѣльный князь выставилъ устарѣлое право, тутъ нѣтъ еще ничего удивительнаго: есть преданія, есть понятія, отъ которыхъ нельзя освободиться, которыя родятся съ нами и умираютъ съ нами вмѣстѣ: такъ удѣльныя преданія вымерли только съ послѣднимъ удѣльнымъ княземъ; но удивительно только то, что Сильвестръ сталъ на сторонѣ старыхъ притязаній, на сторонѣ удѣльнаго князя, руководствуясь мелкимъ духомъ партій. Сильвестръ, пользуясь неограниченною довѣренностью царя въ выборѣ людей, необходимо, еслибъ даже и не хотѣлъ того, долженъ былъ составить при дворѣ и во всѣхъ частяхъ управленія многочисленную и сильную партію людей, которые, будучи обязаны ему своимъ возвышеніемъ, своими должностями, раздѣляли съ нимъ одни стремленія; такъ изъ дошедшихъ до насъ актовъ извѣстно, что царь, избирая какого-нибудь сановника, посылалъ Сильвестра поговорить съ нимъ, извѣдать его умъ и нравы. Ясно, что довѣренность царя къ Сильвестру раздѣляли всѣ сторонники послѣдняго. Вліяніе этой партіи могло встрѣтить препятствіе только въ одномъ близкомъ къ царю семействѣ Романовыхъ: отсюда ненависть Сильвестровыхъ сторонниковъ къ царицѣ Анастасіи и ея родственникамъ,— ненависть, которая, разумѣется, не могла не вызвать и со стороны Романовыхъ подобнаго же чувства. Сторонники Сильвестра сравнивали Анастасію съ Евдокіею, женою византійскаго императора Аркадія, гонительницею Златоуста, разумѣя подъ Златоустымъ Сильвестра; Курбскій называетъ Романовыхъ клеветниками и нечестивыми губителями всего Русскаго царства. И вотъ въ случаѣ смерти царя и во время малолѣтства сына его, правительницею будетъ Анастасія, которая, разумѣется, дастъ большое вліяніе своимъ братьямъ, и сторонники Сильвестра объявляютъ рѣшительно, что они не хотятъ повиноваться Романовымъ, и потому признаютъ наслѣдникомъ престола Владиміра Андреевича“ (стр. 633—640).

„Но всѣ эти крамолы остались тщетными: царь выздоровѣлъ. Онъ всталъ съ постели здоровый тѣломъ, но жестоко больной душою, жестоко оскорбленный, какъ государь, сопротивленіемъ бояръ государственному уставу престолонаслѣдія, оскорбленный какъ отецъ, какъ мужъ, наконецъ какъ человѣкъ, обманувшійся въ чувствахъ людей, которыхъ считалъ къ себѣ близкими, къ которымъ питалъ полную довѣренность. Оправившись отъ болѣзни, царь, по обѣщанію, отправился на богомолье въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь; но при этомъ у него была еще другая цѣль. Еще начиная съ княженія Ивана III, монахи Іосифова Волоцкаго монастыря играютъ важную роль въ дѣлахъ московскаго двора. Св. Іосифъ Волоцкій прославился своею борьбою съ жидовскою Схаріевою ересью, начавшеюся при Иванѣ III въ Новгородѣ, перешедшею оттуда въ Москву и утвердившеюся при дворѣ: отсюда дѣло этой ереси совпадаетъ съ придворными перемѣнами, имѣвшими мѣсто въ княженіе Ивана III. Великая Княгиня Елена, вдова Ивана молодаго и мать Димитрія принадлежали къ Схаріевой ереси; но за Елену стояли бояре, Курбскій называетъ ее святою; пока Елена и ея партія были въ силѣ, до тѣхъ поръ была въ силѣ и ересь: еретикъ Зосима, Симоновскій архимандритъ, сталъ митрополитомъ; увѣщаній Іосифа Волоцкаго не слушали; съ открытыми еретиками въ Новгородѣ обошлись милостиво. Паденіе Елены и ея партіи были знакомъ къ преслѣдованію ертиковъ и торжеству Іосифа; слѣдовательно, послѣдній, борясь противъ ереси, долженъ былъ вмѣстѣ бороться противъ Елены и ея партіи, т.-е. партіи боярской, и съ тѣмъ вмѣстѣ необходимо былъ на сторонѣ Софьи и ея сына Василія. Отсюда ненависть бояръ къ монахамъ Іосифова Волоцкаго монастыря, которые постоянно находятся на сторонѣ Василія въ борьбѣ его съ боярами; вотъ почему Курбскій называетъ этихъ монаховъ или Осифлянъ, по его выраженію, подобными въ злости в. князю Василію, скорыми помощниками его, и во всѣхъ злыхъ потаковниками и подражателями. Игуменъ Іосифова монастыря, Даніилъ, былъ возведенъ при Василіи въ санъ митрополита; другой монахъ того же монастыря, Вассіанъ Топорковъ, сдѣланъ епископомъ Коломенскимъ; оба, вѣрные преданію своего монастыря, стояли на сторонѣ Василія въ борьбѣ его съ древними притязаніями, и оба потому были ненавидимы боярами. Курбскій называетъ Даніила прегордымъ и лютымъ; Берсень говорилъ объ немъ: „Язъ того не вѣдаю, есть ли митрополитъ на Москвѣ: учительна слова отъ него нѣтъ никотораго, а не печалуется ни о комъ; а прежніе святители сидѣли на своихъ мѣстахъ въ манатьяхъ и печаловались Государю о всѣхъ людехъ“. Но этотъ упрекъ Берсеня митрополиту Даніилу въ томъ, что онъ пренебрегалъ своею обязанностью печаловаться у государя за опальныхъ бояръ, несправедливъ: до насъ дошло 6 записей боярскихъ, въ которыхъ Даніилъ является печальникомъ за провинившихся бояръ и своимъ ручательствомъ освобождаетъ ихъ отъ опалы. Какъ бы то ни было, по смерти Василія и Елены бояре воспользовались своимъ торжествомъ, чтобы свергнуть Даніила и Вассіана, но послѣдній пересилилъ боярщину, и въ описываемое нами время находился въ Пѣсношскомъ монастырѣ: къ нему-то, къ этому ненавистнику бояръ, спѣшилъ Иванъ. Партія Сильвестра предвидѣла всю опасность для себя отъ этого свиданія и спѣшила воспрепятствовать ему. Въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ жилъ тогда знаменитый Максимъ Грекъ, врагъ Даніила и Вассіана, заточенный при Василіи за сопротивленіе разводу съ Соломоніею, освобожденный при Иванѣ стараніемъ Сильвестровой стороны, которая теперь употребляетъ его средствомъ для отклоненія царя отъ поѣздки, т.-е. отъ свиданія съ Вассіаномъ. Когда царь, по пути, заѣхалъ въ Троицкій монастырь и зашелъ къ Максиму, тотъ началъ уговаривать его отложить дальнѣйшую поѣздку; Максимъ говорилъ Ивану, что вмѣсто путешествія онъ долженъ озаботиться вдовами и сиротами воиновъ, падшихъ подъ Казанью; совѣтъ былъ прекрасенъ, но царь

не могъ понять, почему исполненіе обѣта съѣздить въ Кирилловъ монастырь можетъ помѣшать ему озаботиться семействами убитыхъ подъ Казанью воиновъ,— почему одно было несовмѣстно съ другимъ? „Если ты меня не послушаешь, грозилъ ему Максимъ, если позабудешь осиротѣлыя семейства и поѣдешь съ упрямствомъ, то сынъ твой не возвратится живой съ дороги". Такая настойчивость могла только возбудить или усилить уже возбужденныя подозрѣнія Ивана, и онъ отправился на свиданіе съ Вассіаномъ. Сторонники Сильвестра, сопровождавшіе царя, замѣтили, какъ Вассіанъ шепталъ что-то царю на ухо, знали, что совѣтъ его не можетъ быть для нихъ благопріятенъ, и съ ужасомъ видѣли, что царь изъявилъ за него Вассіану живѣйшую благодарность; Курбскій пишетъ, будто Вассіанъ сказалъ царю: „Если хочешь быть самодержцемъ, то не держи себѣ совѣтника мудрѣйшаго". Разумѣется, это одна только догадка бояръ, потому что если кто шепчетъ на ухо, то вѣрно не съ намѣреніемъ, чтобъ другіе это слышали. Смерть царицы Анастасіи, послѣдовавшая въ 1560 году, повела къ окончательному разрыву между царемъ и Сильвестровою партіею. Самое естественное чувство послѣ потери любимаго человѣка — это усиленная привязанность къ тому, что любилъ покойный, и усиленная вражда къ тому, чего не любилъ; но Иванъ зналъ вражду, существовавшую между Анастасіею и Сильвестровою стороною; враги послѣдней не замедлили дать знать царю, что смерть Анастасіи была чрезвычайно выгодна для враговъ ея; Иванъ помнилъ, что мать его была отравлена, и не могъ не заразиться подозрѣніемъ, особенно въ то ужасное время; кто, подобно Курбскому, съ такою щедростью расточаетъ другимъ обвиненія въ отравѣ, тотъ не долженъ жаловаться, что его и друзей его подозрѣвали въ томъ же!" (стр. 645—650).

Взглядъ г. Соловьева на отношенія Іоанна къ Курбскому чрезвычайно оригиналенъ: въ нихъ авторъ видитъ выраженіе борьбы стараго порядка вещей съ новымъ:

„Всего любопытнѣе для насъ переписка отъѣхавшаго боярина, кн. Андрея Курбскаго, съ царемъ. Въ письмахъ своихъ къ Ивану, равно какъ въ исторіи его царствованія, Курбскій вполнѣ обнаруживаетъ старинныя притязанія дружинниковъ, и преимущественно потомковъ князей-родичей; съ своей стороны, въ отвѣтныхъ письмахъ царь высказываетъ свои понятія о царской власти, свою теорію объ ней. Въ этой драгоцѣнной перепискѣ передъ нами говорятъ старая и новая Русь, Русь съ родовымъ бытомъ и Русь съ бытомъ государственнымъ говорятъ въ лицѣ своихъ представителей—Курбскаго, отъѣзжаго боярина, потомка Ярославскихъ князей, и Ивана, В. К. Московскаго, перваго царя. Такимъ образомъ вмѣсто сухой, мертвой лѣтописи, гдѣ лѣтописецъ очень часто опускаетъ самое важное для насъ, въ сочиненіяхъ Курбскаго и особенно въ его перепискѣ съ царемъ мы имѣемъ живую, страстную рѣчь двоихъ борцовъ, двоихъ представителей противоположныхъ стремленій; вмѣсто лѣтописца, который такъ часто скрадываетъ причины явленій, Курбскій и царь высказываютъ намъ свои задушевныя мысли, свои чувства, руководившія ихъ поступками, раскрываютъ тайныя пружины борьбы. Разумѣется, безпристрастія въ исторіи Курбскаго и въ перепискѣ его съ царемъ искать нельзя: оба—и царь, и Курбскій суть не иное что, какъ адвокаты своего дѣла; рѣчь ихъ страстна, они щедры на сильные эпитеты, щедры на неумѣренную брань чужимъ, на неумѣренную похвалу своимъ. Мы упоминали уже о старинныхъ притязаніяхъ дружинниковъ, вынесенныхъ ими изъ древней Руси, о притязаніяхъ на обычай совѣта и права отъѣзда. Адвокатъ этихъ дружинныхъ притязаній, Курбскій ясно высказываетъ ихъ въ своихъ сочиненіяхъ" (стр. 655 и 656).

„Оба не безпристрастны, оба преувеличиваютъ, оба противорѣчатъ самимъ себѣ. Надобно вѣрить однимъ несомнѣннымъ фактамъ, а эти факты показываютъ: во 1), что Иванъ былъ не трусъ (хотя личная храбрость въ государѣ не есть еще важное достоинство, часто даже недостатокъ), и что его вовсе не нужно было вести въ походъ какъ плѣнника, и удерживать отъ бѣгства хотяща нехотяща (какъ говоритъ Курбскій). Этотъ же самый Иванъ взялъ Полоцкъ, когда уже при немъ не было людей, могущихъ вести его какъ плѣнника; правда, послѣ Иванъ не водилъ самъ полки въ походъ и удалялся при первомъ извѣстіи о приближеніи непріятеля: но это было уже тогда, когда воеводы начали признаваться въ записяхъ, что они наводили враговъ на Русскую землю; во 2), что когда Сильвестръ владѣлъ полною довѣренностью царя, и тогда послѣдній не былъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ Сильвестра и его сторонниковъ, но всегда сохранялъ полную свободу слѣдовать и не слѣдовать совѣтамъ этой стороны, и когда слѣдовалъ, то съ яснымъ сознаніемъ ихъ пользы, и слѣдовательно все добро, сдѣланное Сильвестромъ и его стороною, принадлежитъ царю, который сознательно, съ полною свободою принималъ добрые совѣты и отвергалъ безразсудные. Я уже упоминалъ о войнѣ Ливонской, которую Иванъ предпринялъ противъ желанія Сильвестровой стороны, хотѣвшей покоренія Крыма; но вотъ еще другіе примѣры: послѣ взятія Казани, говоритъ Курбскій, всѣ мудрые и разумные, т.-е. Курбскій съ товарищи, совѣтовали царю остаться еще нѣсколько времени въ Казани, дабы совершенно окончить покореніе страны, но царь совѣта мудрыхъ воеводъ своихъ не послушалъ; послушалъ же совѣта шурей своихъ (т.-е. Романовыхъ). Это ясно показываетъ, что Иванъ имѣлъ полную свободу поступать по совѣту тѣхъ или другихъ, не находясь подъ исключительнымъ вліяніемъ какой-нибудь стороны. Потомъ, когда въ 1555 году царь выступилъ противъ крымскаго Хана и пришла къ нему вѣсть, что одно русское ополченіе уже разбито Ханомъ, то многіе совѣтовали ему возвратиться, но храбрые настаивали на томъ, чтобъ встрѣтить Татаръ, и царь склонился на совѣтъ послѣднихъ, т.-е. на совѣтъ сторонниковъ Сильвестра, потому что когда Курбскій хвалитъ, то хвалитъ своихъ; при чемъ надобно замѣтить, что это событіе имѣло мѣсто уже послѣ болѣзни царя, когда онъ потерялъ расположеніе къ сторонѣ Сильвестра.

Такимъ образомъ мы видимъ, что Иванъ въ

одномъ случаѣ дѣйствуетъ по совѣту однихъ, въ другомъ — другихъ, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ слѣдуетъ независимо своей мысли, выдерживая борьбу съ близорукими совѣтниками. Но намъ не нужно много распространяться объ этомъ предметѣ: никакое подыскиваніе подъ слова Ивана, съ цѣлью отнять у него славу великаго государственнаго дѣятеля и приписать ее совѣтникамъ его, никакое подыскиваніе такого рода не можетъ устоять противъ свидѣтельствъ современниковъ и людей, близкихъ къ нимъ, иностранцевъ и Русскихъ, которые всѣ единогласно величаютъ великій умъ царя, его неутомимую дѣятельность, его правосудіе" (стр. 677—678).

Разборъ переписки Іоанна съ Курбскимъ исполненъ интереса: вездѣ приведены мѣста, живо характеризующія борьбу, которой оба противники были представителями. Авторъ на каждомъ шагу слѣдитъ за тѣмъ и другимъ, читаетъ между строками переписки ихъ тайныя побужденія, страсти, волнующія обоихъ, искажающія подъ ихъ перомъ событія и ихъ истинный смыслъ. Это раскрытіе внутренняго психологическаго процесса двухъ противниковъ сдѣлано съ удивительнымъ знаніемъ дѣла, талантомъ, живымъ интересомъ къ предмету. Въ г. Соловьевѣ Іоаннъ IV нашелъ достойнаго адвоката передъ нашимъ временемъ, которое глубже привыкло смотрѣть на исторію, произносить болѣе строгіе и болѣе осторожные, осмотрительные приговоры; раздѣляя съ авторомъ большую часть его мнѣній о великомъ предшественникѣ и образцѣ Петра въ дѣлѣ преобразованій, мы не умѣемъ иначе выразить впечатлѣніе, произведенное на насъ его остроумной, превосходной критикой переписки.

Ужасно было состояніе Іоанна въ самый разгаръ борьбы его съ старымъ порядкомъ вещей. Онъ былъ вовлеченъ въ нее вполнѣ, всѣми силами души, всѣмъ существомъ. Для него въ ней рѣшался не вопросъ о какомъ-нибудь отвлеченномъ началѣ, которое можно и отложить на время или и совсѣмъ оставить, а вопросъ о жизни и смерти, столько же общій, государственный, сколько и личный, касающійся непосредственно самого царя. Судя Іоанна, не должно этого забывать ни на минуту. Мы видимъ теперь только дѣло, результатъ историческаго развитія, движущее начало: намъ легко съ важностью судить дѣйствіе и отдѣлять дѣло отъ лица, но въ жизни, въ историческомъ явленіи, они смѣшиваются безпрестанно; тѣмъ болѣе должны были смѣшиваться въ московскомъ царствѣ XVI вѣка, при совершенномъ отсутствіи сколько-нибудь выработаннаго и сознательнаго общественнаго быта. Іоаннъ былъ живымъ носителемъ новой идеи, которая была тогда на очереди въ древней Руси по внутреннему, естественному порядку развитія. Отстаивая ее, онъ отстаивалъ себя. Въ 1572 году, какъ видно изъ его духовнаго завѣщанія, составленнаго въ это время, онъ „былъ вполнѣ убѣжденъ, что самъ онъ и его семейство непрочны на Московскомъ престолѣ, считалъ себя изгнанникомъ, а государство въ военномъ положеніи, до тѣхъ поръ, пока онъ съ своею опричиною не истребитъ враждебныя начала и не утвердится снова на престолѣ; при этомъ онъ не предвидѣлъ еще близкаго конца борьбѣ и въ духовной дѣлаетъ наставленія сыновьямъ, какъ они должны жить до ея окончанія" (стр. 687 и 688).

Въ этомъ наказѣ наше вниманіе обращаетъ, во-первыхъ, желаніе царя, чтобы дѣти его не раздѣлялись до тѣхъ поръ, пока старшій изъ нихъ, Иванъ, не сломитъ всѣхъ крамолъ и не утвердится на престолѣ; ибо, въ противномъ случаѣ, удѣльный князь будетъ самымъ вѣрнымъ орудіемъ въ рукахъ недовольныхъ. Во-вторыхъ въ своемъ завѣщаніи Грозный не довольствуется уже, подобно предшественникамъ, однимъ неопредѣленнымъ приказомъ младшему сыну держать старшаго въ отца мѣсто; онъ опредѣляетъ, въ чемъ должно состоять это сыновнее повиновеніе: младшій долженъ быть въ волѣ старшаго до крови и до смерти, ни въ чемъ не прекословить, а въ случаѣ обиды отъ старшаго, не смѣть поднимать противъ него оружіе; этимъ приказомъ Грозный уничтожаетъ de jure междоусобія въ царскомъ семействѣ, ставитъ младшаго брата въ совершенно подданническія отношенія къ старшему; теперь уже младшіе братья не смѣютъ сказать старшему, подобно древнимъ Ольговичамъ: Ты намъ братъ старшій, аже ты не даси, о намъ самѣмъ о собѣ поискати. Однимъ словомъ, этимъ приказомъ Грозный дорушиваетъ родовой бытъ, родовыя отношенія между князьями" (стр. 692).

Такова книга г. Соловьева. Кто безпристрастно прочтетъ ее или хоть выписки, нами сдѣланныя, тотъ, конечно, не скажетъ, что мы воздали ей незаслуженныя похвалы. Посреди отсталыхъ теорій, скучныхъ и вдобавокъ весьма часто безплодныхъ, ни къ чему не ведущихъ изысканій, она рѣзко выдается, какъ чрезвычайно рѣдкое и въ высшей сте-

пени отрадное исключеніе. Читатели видѣли, что мы во многомъ не согласны съ авторомъ; въ его изложеніи встрѣчаемъ натяжки, неестественные выводы, не вполнѣ удовлетворительное пониманіе среды, въ которой совершалась наша исторія, и потому событія и лица не всегда правильно освѣщены; во всей книгѣ замѣтна какая-то идеализація фактовъ, перенесеніе ихъ въ сферу высшую той, въ которой они на самомъ дѣлѣ совершались; оттого разсказъ не довольно простъ и отзывается фразой, бѣгущей на помощь къ недѣйствительности воззрѣнія; но нельзя не сказать, къ чести г. Соловьева, что всѣ эти недостатки гораздо менѣе чувствительны во второй половинѣ его труда, чѣмъ въ первой, а въ послѣднемъ отдѣлѣ едва замѣтны при самомъ внимательномъ чтеніи. Отъ главы до главы авторъ видимо растетъ, идетъ впередъ, воззрѣніе его становится глубже и проще,—признаки силы и долговѣчности таланта. Такіе задатки даютъ намъ право ожидать еще бо́льшаго въ будущемъ отъ г. Соловьева. Безъ сомнѣнія, наши ожиданія сбудутся.

(Современникъ, 1847—48).

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. Сергѣя Соловьева. Томъ первый. *Москва. 1851.*

Уже давно, года два назадъ, носились слухи, что профессоръ Соловьевъ пишетъ исторію Россіи. Они, очень понятно, возбудили живой интересъ и въ читающей публикѣ, и между знатоками предмета: г. Соловьевъ не даромъ пользуется извѣстностью, какъ ученый и профессоръ. Его историческіе труды доказываютъ хорошее знакомство съ источниками, неутомимое трудолюбіе и образованный взглядъ на предметъ, столько близкій каждому русскому. Неудивительно, что отъ такого ученаго и писателя всѣ ожидали замѣчательнаго сочиненія. Вопросъ, подъ силу ли автору трудъ, въ отношеніи къ г. Соловьеву, не могъ имѣть смысла; но въ то же время имена изслѣдователей, предшественниковъ г. Соловьева, множество частныхъ розысканій, вышедшихъ изъ-подъ пера первоклассныхъ ученыхъ, богатство и разнообразіе матеріаловъ, обнародованныхъ особенно въ послѣднее время, благодаря просвѣщенной ревности нашего правительства и усиліямъ частныхъ лицъ,—все это налагало на новаго историка Россіи такой трудъ, такія обязанности, такую ученую отвѣтственность, что можно было опасаться и за огромный талантъ; во всякомъ случаѣ, никакой талантъ не могъ казаться выше задачи. Сказать что-нибудь новое, даже только свести разумнымъ и ученымъ образомъ сдѣланное доселѣ по русской исторіи—одинъ такой трудъ самъ по себѣ—достойный предметъ самаго ученаго и самаго талантливаго историка.

Наконецъ первый томъ „Исторіи Россіи" лежитъ передъ нами. О планѣ и объемѣ этого сочиненія мы пока не можемъ сказать ничего. Авторъ—конечно, по какимъ-нибудь своимъ соображеніямъ — оставилъ многочисленныхъ своихъ читателей въ полномъ невѣдѣніи о томъ и другомъ. Непосредственно послѣ заглавнаго листа слѣдуетъ предисловіе, изъ котораго мы узнаемъ только общій взглядъ г. Соловьева на внутренній ходъ событій русской исторіи до нашего времени. Взглядъ этотъ, изложенный въ видѣ какъ бы программы или мотивированнаго оглавленія цѣлаго сочиненія, занимаетъ всего восемь страничекъ или полъ-листа крупной печати. Затѣмъ г. Соловьевъ прямо переходитъ къ обзору географическихъ и этнографическихъ условій русской исторіи, а потомъ говоритъ о призваніи варяговъ-Руси и первыхъ князьяхъ, объ Ольгѣ, Святославѣ и такъ далѣе, до кончины Ярослава I-го. Нигдѣ не видимъ, съ какою мыслью авторъ приступилъ къ своему труду, въ какое отношеніе ставитъ его къ предшествующимъ сочиненіямъ и изслѣдованіямъ по русской исторіи. Такое совершенное молчаніе имѣетъ, конечно, свою выгодную сторону для сочинителя, повидимому не обязывая его ни къ чему; но въ замѣнъ того, оно открываетъ широкое поле для требованій: каждый считаетъ себя вправѣ находить, что авторъ не понялъ своей задачи, указывать на неполноты и излишества, спрашивать, почему нѣтъ въ книгѣ того и другого, смотря по тому, какъ самъ понимаетъ дѣло. При отсутствіи мѣрила и точки зрѣнія, высказанныхъ самимъ авторомъ, трудно рѣшить, въ какой мѣрѣ эти требованія справедливы или неосновательны и придирчивы.

Многіе, напримѣръ, требуютъ, чтобы всякій новый трудъ былъ заключительнымъ звеномъ всѣхъ другихъ трудовъ по той же части, появившихся прежде. Кто въ правѣ считать такое требованіе преувеличеннымъ или неумѣстнымъ, когда самъ авторъ своимъ молчаніемъ даетъ каждому право требовать все, что ему угодно? Итакъ, для обсужденія новаго сочиненія г. Соловьева остается только разсмотрѣть его книгу, опредѣлить, къ какому разряду историческихъ сочиненій она относится и въ какой мѣрѣ соотвѣтствуетъ современному состоянію науки и требованіямъ русской исторіографіи.

Первый, вышедшій теперь томъ „Исторіи Россіи", какъ мы уже сказали, обнимаетъ собою весь ея первый, такъ называемый, варяжскій или норманскій періодъ до смерти Ярослава I-го и, по характеру своему, принадлежитъ къ разряду прагматическихъ сочиненій. Авторъ подробно разсказываетъ событія даннаго времени, объясняетъ ихъ причины, послѣдствія и тѣ бытовыя и другія условія, при которыхъ začалась и развивалась русская исторія. Согласно съ этимъ, первый томъ „Исторіи Россіи" отличается отсутствіемъ всякой полемики. Онъ представляетъ первую эпоху русской исторіи, какъ ее знаетъ и понимаетъ г. Соловьевъ. Опровергать и разбирать чужія мнѣнія, какъ о всей, такъ называемой, варяжской эпохѣ, такъ и о разныхъ предметахъ, къ ней относящихся, повидимому, лежало внѣ его задачи. Даже во множествѣ примѣчаній, которыми снабженъ первый томъ „Исторіи Россіи" (около 450-ти), рѣдко-рѣдко гдѣ встрѣтимъ опроверженіе мнѣній прежнихъ или современныхъ изслѣдователей, да и эти рѣдкія исключенія авторъ допускаетъ въ свою книгу какъ-будто нехотя, когда уже нельзя безъ того обойтись.

Какъ прагматическое сочиненіе, новая книга г. Соловьева, безспорно, принадлежитъ къ числу лучшихъ историческихъ трудовъ, появившихся въ послѣднее время. Если хотите, содержаніе ея не ново. Первая глава—„Природа русской государственной области и ея вліяніе на исторію"—была уже напечатана въ нашемъ журналѣ въ прошломъ году; третья: „Славяне и другія племена, вошедшія въ составъ русскаго государства; ихъ бытъ и судьба до половины IX вѣка"—тоже извѣстна уже отчасти, и въ другомъ видѣ, изъ статьи, помѣщенной въ „Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи" г. Калачова, подъ заглавіемъ: „Очеркъ нравовъ, обычаевъ и религіи славянъ, преимущественно восточныхъ, во времена языческія"; наконецъ, главы пятая, шестая и седьмая знакомы намъ тоже отчасти изъ двухъ извѣстныхъ диссертацій г. Соловьева объ исторіи Новгорода и объ отношеніяхъ князей Рюрикова рода. Но недостатокъ новизны въ общемъ нимало не уменьшаетъ ученой заслуги г. Соловьева. Книга его достойнымъ образомъ представляетъ въ нашей исторической литературѣ направленіе, данное въ послѣднее время изученію русской исторіи: и если мы встрѣчаемъ въ ней уже извѣстное изъ прежнихъ сочиненій того же автора, то, въ замѣнъ, найдемъ очень много весьма удачныхъ частныхъ замѣчаній, впервые являющихся въ печати и объясняющихъ не одно темное мѣсто въ страницахъ нашей первоначальной исторіи. Указывать здѣсь на эти замѣчанія и выписывать ихъ считаемъ излишнимъ. Каждый невольно самъ остановится на нихъ, читая внимательно книгу. На насъ лежитъ обязанность упомянуть о нихъ и отдать имъ должную справедливость. Прибавимъ, что г. Соловьевъ обладаетъ счастливымъ талантомъ группировать и подбирать факты, отчего, встрѣчая въ его книгѣ уже извѣстное и много разъ объясненное, какъ будто понимаешь его яснѣе, лучше; оно дѣлается гораздо очевиднѣе, чѣмъ представлялось прежде. Это свойство изложенія дѣлаетъ книгу г. Соловьева весьма интересною.

Чтобъ оцѣнить въ мѣру все достоинство перваго тома „Исторіи Россіи" г. Соловьева, не надо забывать, что эпоха, которая излагается въ этомъ томѣ,—едва-ли не самый неблагодарный предметъ въ цѣлой русской исторіи. Изслѣдователю государствованія двухъ Іоанновъ, III и IV, Бориса Годунова, смутнаго времени, первыхъ царей изъ дома Романовыхъ, Петра Великаго и послѣдующихъ царствованій открывается обширное, неразработанное или мало разработанное поле. Передъ нимъ великіе характеры и великія событія; источниковъ множество: есть надъ чѣмъ потрудиться, есть гдѣ развернуть свои силы, есть надъ чѣмъ выказать талантъ, блеснуть богатствомъ и глубиною мыслей. Самый предметъ невольно овладѣваетъ писателемъ, такъ сказать подымаетъ его. Но варяжскій или норманнскій періодъ русской

исторіи и время, которое ему предшествовало, представляють совсѣмъ другое. Источники извѣстны на перечетъ; нѣтъ въ нихъ ни одного слова, которое бы не было критически объясняемо лучшими изслѣдователями нашей исторіи. Надобно къ этому прибавить, что съ тѣхъ поръ, какъ варяжская эпоха русской исторіи стала предметомъ ученой обработки, до тридцатыхъ годовъ XIX вѣка, на ней одной почти исключительно сосредоточивались всѣ ученые споры о русской исторіи. Нельзя было записать свое имя въ число изслѣдователей, не испытавъ своихъ силъ на этомъ предметѣ. Такимъ образомъ ученые споры и изслѣдованія этой первой эпохи были единственной школой и пробнымъ камнемъ для молодыхъ ученыхъ. Такъ продолжалось безъ малаго сто лѣтъ. Въ наше время новому дѣлателю на томъ же поприщѣ по необходимости выпадаетъ незавидная доля. Какъ бы онъ ни былъ ученъ, добросовѣстенъ, какъ бы ни былъ глубокъ и оригиналенъ его взглядъ на исторію,—ему здѣсь почти нечего дѣлать: непремѣнно придется повторить сказанное съ нѣкоторыми развѣ варіяціями.

Къ этой неблагодарности предмета, вслѣдствіе его обработанности, должно прибавить еще его крайнюю сухость. Чтò представляютъ намъ данныя, относящіяся къ норманской эпохѣ? Одно хронологическое собраніе голыхъ историческихъ датъ, которыхъ общій смыслъ открывается только послѣ самаго упорнаго изученія; кромѣ того, до насъ дошло отъ того времени, но въ позднѣйшей редакціи, нѣсколько народныхъ преданій, конечно, характеристическихъ для времени и не лишенныхъ поэзіи, но все же преданій, а не историческихъ фактовъ. Этими преданіями можно воспользоваться для опредѣленія отчасти духа эпохи, ея нравовъ и понятій, но не болѣе. Такимъ образомъ въ эпоху, обнимающую цѣлые два вѣка, изъ-подъ общаго уровня, проведеннаго надъ нею сухимъ разсказомъ, яснѣе выступаютъ два-три лица, да нѣсколько обычаевъ—и только. Все остальное такъ сглажено, что самые важные вопросы должны оставаться нерѣшенными.

Несмотря на всѣ эти неблагопріятныя условія, первый томъ „Исторіи Россіи“ имѣетъ важныя преимущества передъ лучшими сочиненіями въ томъ же родѣ прежняго, хотя и недавняго времени. Можно не соглашаться съ г. Соловьевымъ, но нельзя не признать, что его сочиненіе свидѣтельствуетъ о глубокомъ знаніи автора, его правильномъ историческомъ взглядѣ и методѣ и знакомствѣ съ исторической критикой въ ея современномъ значеніи. Вотъ почему первый томъ „Исторіи Россіи“—безспорно, историческое сочиненіе въ полномъ значеніи слова. Этого нельзя въ той же мѣрѣ сказать, напримѣръ, о первомъ томѣ „Исторіи русскаго народа“. Сочиненіе г. Полеваго было какъ бы вызвано отсутствіемъ исторической критики въ „Исторіи Государства Россійскаго“. Авторъ очевидно хотѣлъ написать критическую исторію Россіи. Одно посвященіе Нибуру доказываетъ это намѣреніе. У г. Полеваго вездѣ на первомъ планѣ общіе историческіе взгляды, бывшіе въ ходу между учеными въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія. Эти взгляды онъ старался приложить къ русской исторіи, и нельзя сказать, чтобъ опытъ въ отношеніи къ варяжской эпохѣ былъ совершенно неудаченъ. Г. Полевой отвергъ общія разсужденія Карамзина, показалъ непримѣнимость ихъ къ первой эпохѣ нашей исторіи и на каждой почти страницѣ указываетъ на необходимость болѣе историческаго и критическаго обсужденія событій. Это несомнѣнное достоинство перваго тома „Исторіи русскаго народа“ и немаловажная заслуга г. Полеваго. Но справедливость требуетъ сказать, что исполненіе задуманной имъ исторіи Россіи не соотвѣтствовало требованіямъ, которыя онъ самъ же выставилъ. Г. Полевой какъ будто не совладалъ съ предметомъ съ матеріальной стороны. Взглядъ его слишкомъ общъ, и потому нерѣдко поверхностенъ; общія положенія иногда отзываются фразами и общими мѣстами. Оттого частная критика данныхъ слишкомъ легка и неудовлетворительна. Это и было, вѣроятно, главной причиной, почему „Исторія русскаго народа“ скоро была забыта. Но значеніе ея въ русской исторической литературѣ тѣмъ не менѣе ощутительно. Она была выраженіемъ болѣе серьезнаго историко-критическаго направленія, которое въ то время, впервые послѣ Шлецера и Круга, начало снова обнаруживаться.

„Исторія Государства Россійскаго“, вышедшая въ 1816 году, „Исторія русскаго народа“, появившаяся въ 1830 году, и „Исторія Россіи“, изданная въ 1851 году, представляютъ собою ступени постепеннаго раз-

витія и возмужанія нашего историческаго сознанія и смысла. Ни Карамзинъ, ни Полевой, ни Соловьевъ не создали науки вновь. Каждый изъ нихъ былъ приготовленъ предшествующими трудами, каждый только высказалъ взглядъ и мнѣніе своихъ современниковъ о русской исторіи, какъ они выражались и выражаются въ лучшихъ сочиненіяхъ и умахъ. Съ этой точки зрѣнія мы не безъ нѣкоторой гордости можемъ сказать, что въ тридцать пять лѣтъ, протекшихъ съ перваго появленія „Исторіи“ Карамзина, и даже въ тѣ двадцать лѣтъ, которыя прошли съ изданія „Исторіи русскаго народа“, мы замѣтно подвинулись впередъ. „Исторія Россіи“ есть зрѣлый и сознательный ученый историческій трудъ, а не шаткій опытъ. Всѣ историческія явленія разсматриваются здѣсь съ ихъ внутренней стороны во взаимной связи и раскрываются послѣдовательно, по ихъ внутренней преемственности; бытовая сторона обращаетъ на себя, какъ и слѣдуетъ, гораздо большее вниманіе автора, чѣмъ внѣшнія событія. Наконецъ взглядъ гораздо серьезнѣе, пріемы строже.

Вотъ общая оцѣнка разбираемой нами книги, какъ мы ее понимаемъ. Она произвела на насъ самое утѣшительное впечатлѣніе, какъ живое, несомнѣнное доказательство преуспѣянія русской исторической литературы и ея быстрыхъ успѣховъ въ такое короткое время.

Но, при большихъ и существенныхъ достоинствахъ, первый томъ „Исторіи Россіи“ г. Соловьева имѣетъ свои недостатки. Они столько же замѣтны въ основной мысли труда, сколько и въ самомъ ея исполненіи. Какъ мы уже выше сказали, это сочиненіе исключительно прагматическое. Спрашивается: удовлетворяетъ ли современнымъ требованіямъ науки одно прагматическое изложеніе перваго періода русской исторіи? Мы думаемъ, что нѣтъ, и потому совершенное отсутствіе критической стороны въ первомъ томѣ „Исторіи Россіи“ считаемъ за существенный недостатокъ этого сочиненія. Большое и до сихъ поръ продолжающееся разногласіе мнѣній обо всемъ, относящемся къ варяжской эпохѣ, въ особенности же скудость, отрывочность и спорность источниковъ, наконецъ, предшествовавшая почти исключительно критическая разработка этой эпохи,—все заранѣе обусловливало по преимуществу критическій характеръ новаго историческаго труда объ этомъ предметѣ. Онъ, какъ позднѣйшій, долженъ былъ представить окончательный результатъ прежнихъ трудовъ; а возможно ли это въ сочиненіи исключительно прагматическомъ? Очевидно, нѣтъ. Мы, напримѣръ, согласны съ авторомъ, что варяги-Русь были скандинаво-германскаго происхожденія; но убѣдятся ли въ этомъ изъ перваго тома „Исторіи Россіи“ всѣ тѣ, которые считаютъ ихъ прибалтійскими славянами, пруссами и т. д.? Едва-ли. Въ разбираемой нами книгѣ едва сдѣланъ только намекъ на то, что нѣкоторые выводятъ варяговъ-Русь изъ Помераніи. Вообще весь вопросъ о варягахъ-Руси г. Соловьевъ рѣшаетъ на четырехъ страницахъ (82—86), тогда какъ о немъ написаны десятки томовъ, если собрать и отпечатать вмѣстѣ все, что̀ появилось съ Байера до нашего времени. Далѣе, авторъ, по нашему мнѣнію, тоже правъ, признавая подлинность договоровъ нашихъ первыхъ князей съ греками, подлинность „Русской Правды“, даже неизвѣстныхъ намъ доселѣ Ярославовыхъ грамотъ,—правъ, конечно, съ важными оговорками относительно редакціи нѣкоторыхъ изъ этихъ памятниковъ и кой-какихъ подробностей ихъ составленія и значенія. Но что̀ скажутъ тѣ, которые отвергаютъ ихъ подлинность? Будутъ ли они удовлетворены тѣмъ, что въ книгѣ г. Соловьева не только не упоминается о ихъ доводахъ, но даже едва есть намеки на самыя сомнѣнія? Что̀ бы сказалъ Каченовскій и его непосредственные послѣдователи, не встрѣчая не только ни слова о своихъ нѣкогда знаменитыхъ отрицаніяхъ достовѣрности источниковъ древнѣйшей русской исторіи, но даже вообще ни слова о самихъ источникахъ, кромѣ однѣхъ ссылокъ? Послѣ жаркихъ и продолжительныхъ преній объ этомъ предметѣ, наполнявшихъ нѣкогда страницы нашихъ журналовъ и составлявшихъ любимую и обыкновенную тему литературныхъ и не-литературныхъ, письменныхъ и изустныхъ споровъ, слѣдовало бы хоть по крайней мѣрѣ упомянуть о сомнѣніяхъ и ихъ неосновательности. Вообще странно видѣть въ наше время книгу о первомъ періодѣ русской исторіи, съ ссылками на источники, которые были предметомъ самыхъ разнообразныхъ толковъ и изслѣдованій, и не найти въ ней даже перечня. Г. Соловьевъ ссылается, при изложеніи варяжскаго періода, на извѣстія арабскихъ писателей, „Степенную книгу“, „Ни-

конову лѣтопись“, на отрывки „Іоакимовой лѣтописи“, помѣщенной въ „Исторіи“ Татищева, и даже на „Исторію“ Татищева. Имѣлъ ли г. Соловьевъ право такъ поступать въ ученомъ сочиненіи, зная, что исчисленные выше источники составлены позже и нѣкоторыми изслѣдователями не признаются за авторитетъ для событій варяжской эпохи? Если же, по его мнѣнію, эти источники заслуживаютъ полнаго довѣрія, то не слѣдовало ли заявить и доказать это мнѣніе? Каждый, конечно, въ правѣ требовать этого отъ ученаго автора „Исторіи Россіи“. Возьмемъ ли статью о нашей древней торговлѣ — и въ ней тотъ же недостатокъ: совершенное молчаніе о цѣлой литературѣ по этому въ высшей степени важному предмету. Судя по книгѣ г. Соловьева, можно бы подумать, что, кромѣ г. Савельева, никто и не касался вопроса о нашей древней торговлѣ. Примѣровъ подобныхъ умолчаній можно найти много въ первомъ томѣ „Исторіи Россіи“. Оставляя въ сторонѣ менѣе важныя, какъ, напримѣръ, о литературѣ по спорному вопросу о Тмуторокани, укажемъ въ заключеніе на одну неполноту, которая невольно поразитъ всякаго читателя, даже самаго нетребовательнаго: въ первомъ томѣ „Исторіи Россіи“ ни слова не сказано о прежнихъ писателяхъ по русской исторіи. Кто трудился надъ нею до г. Соловьева, какія ихъ сочиненія, какія достоинства и недостатки этихъ сочиненій,—обо всемъ этомъ мы не найдемъ даже упоминанія, даже простого перечня именъ и книгъ! Не странно ли это? Не значитъ ли это добровольно лишить свой трудъ ученаго основанія и авторитета и отдать на жертву именно тѣмъ воззрѣніямъ, которыя всѣхъ слабѣе и не признаются наукой; другими словами: не значитъ ли это сдѣлать дѣло только вполовину? Нельзя не пожалѣть, что г. Соловьевъ допустилъ такую существенную неполноту въ своемъ новомъ сочиненіи, тѣмъ болѣе, что ученому автору легко было избѣжать этого упрека: критическія статьи могли быть весьма удобно отнесены къ концу книги, въ видѣ особыхъ приложеній, или даже найти мѣсто въ примѣчаніяхъ, безъ малѣйшихъ перемѣнъ въ самомъ текстѣ.

Все это относится къ первому тому „Исторіи Россіи“ вообще. Перейдемъ теперь къ частнымъ замѣчаніямъ.

Первая глава,—о природѣ русской государственной области и ея вліяніи на исторію,— весьма замѣчательна. Сколько намъ извѣстно, еще никто до г. Соловьева не разсматривалъ отношенія территоріи Россіи къ ея первоначальной исторіи съ той точки, которую принялъ г. Соловьевъ. Есть намеки на нее, но нигдѣ нѣтъ такого полнаго, подробнаго развитія основной мысли. Эта мысль, въ короткихъ словахъ, заключается въ слѣдующемъ: Европейская Россія представляетъ огромную равнину, чѣмъ ужъ заранѣе обусловливались ея политическое единство и почти одинаковый образъ жизни ея обитателей. Съ юго-востока эта равнина открыта и соприкасается съ степями Средней Азіи. Черезъ эти ворота, въ продолженіе тысячелѣтій, проникали кочевые народы и оставались въ теперешней южной Россіи, или продвигались далѣе въ Европу. Пока Россія не образовалась въ государство и вся обширная равнина не соединилась подъ одной властью, кочевники, степные народы, не переставали тревожить насъ съ юга. По равнинѣ тянутся системы рѣкъ, которыя почти переплетаются между собою и покрываютъ ее какъ бы водною сѣтью. Рѣки играютъ важную роль въ нашей исторіи: по нимъ разселялись племена; онѣ обусловили особенную важность нѣкоторыхъ областей и городовъ передъ другими. По четыремъ главнымъ рѣчнымъ системамъ Россія раздѣлялась въ древности на четыре главныя части: озерную область — Новгородскую, западно-двинскую — Полоцкую, днѣпровскую — собственно Русскую и верхне-волжскую — Ростовскую. Первая и послѣдняя изъ этихъ областей находились почти на двухъ оконечностяхъ великаго воднаго пути „изъ Варягъ въ Греки“, который соединялъ сѣверо-западную Европу съ юго-восточною и Азіею. Новгородская область есть озерная. Главный узелъ ея — озеро Ильмень; оттого рѣчною системою Ильменя и другихъ сосѣднихъ озеръ, Чудскаго и Псковскаго, очерчивается и Новгородская область; только на востокѣ жители Новгородской области перешли эти естественныя границы. Болотистая и неплодородная почва, при обиліи водяныхъ сообщеній и близости къ сѣверному концу пути изъ „Варягъ въ Греки“, должны были вызвать промышленную дѣятельность въ жителяхъ этой области; съ другой стороны, то обстоятельство, что эта область получала хлѣбъ изъ низовыхъ земель, опредѣлило ея зависимость отъ восточной Россіи. По за-

падно-двинской рѣчной системѣ лежали области Полоцкая, Торопецкая и Минская, образовавшія особенныя княжества. Изъ нихъ Торопецкое княжество находилось въ серединѣ между четырьмя рѣчными областями и потому посредничало между ними; Минское, лежавшее уже въ Днѣпровской области, было предметомъ постоянныхъ споровъ между полоцкими и русскими князьями; Полоцкое, при неплодородной почвѣ и удобствахъ сообщенія съ моремъ посредствомъ Двины, рано стало промышленнымъ и торговымъ. Юго-западныя области, собственная Русь, лежали по рѣчной системѣ Днѣпра. Каждая изъ нихъ образовалась особою системою рѣкъ или притоковъ Днѣпра: такъ Владиміро-Волынское княжество принадлежало по западному Бугу къ системѣ Вислинской, то есть къ Польшѣ, а притоками Припети—къ Днѣпровской; Галицкое было расположено по системѣ Вислинской и Днѣстровской; Черниговское по Деснѣ и ея притокамъ, Курское по Сейму и т. д. Княжество Смоленское, лежавшее въ верховьяхъ Днѣпра, находилось поэтому въ тѣсной связи съ Кіевомъ; но съ другой стороны его срединное положеніе между областью Волги, Днѣпра и Двины опредѣлило важное значеніе этого княжества въ періодъ удѣловъ и въ распряхъ между Литвою и Московскимъ государствомъ, наконецъ опредѣлило и торговый, промышленный характеръ его жителей. Въ области верхней Волги лежалъ Ростовъ. Его ранняя тѣсная связь съ Новгородомъ и Чудью объясняется тѣмъ, что Бѣлоозеро соединяется Шексною, Волгою и Которостью съ озеромъ Неро, на которомъ стоитъ Ростовъ. Собственно же область Волги есть область Московскаго государства. Волжскою системою указано было распространеніе Московскаго государства внизъ до Каспійскаго моря, по Камской системѣ и близко къ ней подходящимъ сибирскимъ рѣкамъ—на востокъ въ Сибирь; близость Москвы-рѣки къ верховьямъ Днѣпра опредѣлила ея распространеніе въ юго-западную Русь. Такимъ образомъ географическое положеніе княжествъ на разныхъ системахъ рѣкъ опредѣлило величину ихъ территоріи, роль ихъ въ русской исторіи и занятія ихъ обитателей. Такъ какъ система Волжская — самая обширная изъ всѣхъ рѣчныхъ системъ Европейской Россіи и находится въ болѣе или менѣе тѣсной связи со всѣми другими рѣчными системами—Днѣпровской, Двинской и Озерной, то и Московское государство должно было быть больше всѣхъ другихъ княжествъ и распространить на нихъ свое владычество.

Вотъ въ чемъ заключается взглядъ г. Соловьева на роль территоріи Россіи въ опредѣленіи ея первоначальной исторіи. Мы думаемъ, что исходная, основная мысль этого взгляда не подлежитъ сомнѣнію; но въ развитіи ея авторъ, кажется, увлекся слишкомъ далеко. Что первое разселеніе славянскихъ племенъ въ Россіи большею частью происходило по рѣкамъ — это очевидно: воспоминаніе объ этомъ сохранилось еще во времена Нестора, который рѣками опредѣляетъ жилища нашихъ племенъ. Выгодное положеніе на рѣчныхъ торговыхъ путяхъ, при относительной скудости почвы, дѣйствительно рано должно было превратить нѣкоторыя поселенія въ торговые пункты, съ большимъ населеніемъ и относительно бо̀льшею образованностью. Эти поселенія могли поэтому рано сдѣлаться средоточіемъ окольнаго населенія и племени, посреди котораго возникли; такъ образовались области, которыхъ границы опредѣлялись этнографически; а какъ племена разселились по областямъ рѣкъ, то границами этихъ областей дѣйствительно могли служить рѣчныя урочища, волоки и водораздѣлы. Наконецъ, мы охотно допускаемъ, что географическія условія продолжали могущественно дѣйствовать и послѣ, когда появилась исторія въ собственномъ смыслѣ, и природные элементы этнографическій и географическій должны были мало-по-малу уступить первенство политическому элементу — видамъ и разсчетамъ князей, ихъ личнымъ достоинствамъ и доблести, притязаніямъ сосѣднихъ племенъ и государствъ и т. д. Но приписывать географическимъ условіямъ главную роль въ опредѣленіи всей русской исторіи до позднѣйшаго времени, ими объяснить важнѣйшія ея событія, важнѣйшія отношенія ея съ сосѣдними государствами— это, какъ мы думаемъ, значитъ идти слишкомъ далеко. Исторія всѣхъ европейскихъ племенъ и народовъ, призванныхъ къ всемірно-исторической дѣятельности, опровергаетъ подобныя крайности. Всѣ эти народы сначала находились подъ исключительнымъ опредѣленіемъ природныхъ условій, подчинялись имъ; но, при дальнѣйшемъ ходѣ исторіи, эти условія, въ свою очередь, подчинялись дѣятельности и вліянію людей. Государства и народы съ теченіемъ времени опре-

дѣляютъ свою территорію не столько естественными границами, сколько политическими видами и потребностями; то, чего внутри территоріи не дала природа, замѣняется и вознаграждается искусственными средствами. Сколько примѣровъ, что страны, прежде необитаемыя, покрылись потомъ цвѣтущими поселеніями; гдѣ сперва не было никакого сообщенія, проведены удобные искусственные пути! Сколько примѣровъ, что государства владѣютъ территоріею, не состоящею съ ними ни въ какой естественной, географической связи! Если все это несомнѣнно въ отношеніи къ другимъ европейскимъ государствамъ, то нѣтъ никакого основанія отрицать это и въ отношеніи къ Россіи. Объяснить одними географическими условіями ходъ образованія русскаго государства, политическое преобладаніе сѣверо-восточной Руси надъ юго-западною, важную роль торопецкихъ и смоленскихъ князей въ періодъ удѣловъ и т. д., невозможно, не дѣлая очевидныхъ натяжекъ, не насилуя историческихъ фактовъ. Чтобъ доказать это, разсмотримъ подробно первую главу „Исторіи Россіи“, и отмѣтимъ въ ней тѣ мѣста, которыя, по нашему мнѣнію, содержатъ въ себѣ ошибочные выводы изъ главной мысли, въ сущности весьма основательной и вѣрной.

Уже первая страница представляетъ неправильныя заключенія о вліяніи природы европейской территоріи Россіи на нашу исторію. Вотъ они:

„За долго до начала нашего лѣтосчисленія знаменитый грекъ, котораго зовутъ отцомъ Исторіи, посѣтилъ сѣверныя берега Чернаго моря; вѣрнымъ взглядомъ взглянулъ онъ на страну, на племена, въ ней жившія, и записалъ въ своей безсмертной книгѣ, что племена эти ведутъ образъ жизни, какой указала имъ природа страны. Прошло много вѣковъ, нѣсколько разъ племена смѣнялись одни другими, образовалось могущественное государство;— но явленіе, замѣченное Геродотомъ, остается по прежнему въ силѣ; ходъ событій постоянно подчиняется природнымъ условіямъ“ (стр. 1).

Справедливо ли это?

На стр. 28 г. Соловьевъ такъ описываетъ племена, жившія въ южной Россіи во времена Геродота:

„По Днѣпру—на западъ до самаго Днѣстра, на востокъ—очень на короткое разстояніе отъ берега, живетъ народонаселеніе земледѣльческое, или, по крайней мѣрѣ, переходное, которое, хотя еще и не отстало отъ своихъ степныхъ обычаевъ, и не привыкло къ хлѣбу, однако сѣетъ его, какъ предметъ выгодной торговли; такимъ образомъ щедрая природа странъ приднѣпровскихъ необходимо приводила кочевника къ осѣдлости, или по крайней мѣрѣ заставляла его работать на осѣдлаго, европейскаго человѣка; но на довольно близкое разстояніе отъ восточнаго берега Днѣпра уже начинались жилища чистыхъ кочевниковъ, простираясь до Дона и далѣе за эту рѣку; чистые кочевники господствуютъ надъ всею страною до самаго Днѣстра и Дуная на западъ, а за ними далѣе къ востоку, за Дономъ живутъ въ голыхъ степяхъ другіе кочевники, болѣе свирѣпые, которые грозятъ новымъ нашествіемъ при-Днѣпровью. Такимъ образомъ восточное, степное народонаселеніе господствуетъ безпрепятственно; Европа не высылаетъ ему соперниковъ; ни съ сѣвера, ни съ юга, ни съ запада не обнаруживается никакого движенія, грозитъ движеніе съ одного востока и въ тѣхъ же самыхъ формахъ—кочевники смѣнятся кочевниками“ (стр. 28 и 29).

Изъ этого мѣста видно, что природа не навсегда осуждала южную Россію быть кочевьемъ для выходцевъ изъ средней Азіи: здѣсь, около Днѣпра, были и во времена Геродота осѣдлые жители и земледѣльцы. Конечно, природа страны давала возможность обработывать поля, иначе не было бы никакой возможности возникнуть земледѣлію. Что именно побудило къ земледѣлію — другой вопросъ, на который отвѣтъ находимъ на стр. 33.

„Между скиѳами были купцы, были и земледѣльцы, какъ мы видѣли; для насъ очень важно извѣстіе, что скиѳы позволяли каждому селиться на своихъ земляхъ и заниматься земледѣліемъ подъ условіемъ дани; такъ поступали всегда кочевники, которымъ не было дѣла до быта подвластныхъ имъ племенъ, лишь бы послѣдніе исправно платили дань; это же извѣстіе объясняетъ намъ приведенное извѣстіе Геродота о скиѳахъ, которые сѣяли хлѣбъ не для собственнаго употребленія, а на продажу: вѣроятно, они продавали хлѣбъ, чтобы заплатить дань господствующему племени“ (стр. 33).

Всѣ эти мѣста приводятъ къ такому заключенію: во времена Геродота кочевники южной Россіи, вслѣдствіе разныхъ причинъ, добровольно или по принужденію, обращались къ осѣдлой жизни и земледѣлію; слѣдовательно образъ ихъ жизни не опредѣлялся одною природою страны, но и происхожденіемъ ихъ, и привычками, которыя они приносили изъ своего первоначальнаго отечества. Этотъ образъ жизни мѣстами измѣнился, мѣстами остался прежній, независимо отъ страны и почвы. Наконецъ, когда Россійская имперія, окрѣпнувъ, уничтожила гнѣздо кочевниковъ въ Крыму и заперла дорогу

степнымъ народамъ изъ средней Азіи; когда европейское народонаселеніе Россіи, по мѣрѣ расширенія нашихъ государственныхъ границъ, подвигалось все далѣе и далѣе на югъ, заселило огромныя степныя пространства южной Россіи, тогда кочевая жизнь въ этой ея части кончилась и уступила мѣсто земледѣлію. Какое же основаніе имѣлъ г. Соловьевъ утверждать, что во времена Геродота племена, кочевавшія около Чернаго моря, вели образъ жизни, какой указала имъ природа страны: вѣдь съ тѣхъ поръ природа ея не перемѣнилась?

Далѣе, какое основаніе имѣлъ авторъ сказать, что послѣ многихъ вѣковъ ходъ событій продолжаетъ постоянно подчиняться природнымъ условіямъ? Теперь югъ Россіи, промышленный по приморскимъ окраинамъ, уже не кочевой, а земледѣльческій. Когда же, спрашивается, ходъ событій подчинялся природнымъ условіямъ страны: тогда, при Геродотѣ, когда на югѣ кочевали степные варвары, или теперь, когда въ немъ живутъ мирные земледѣльцы? Очевидно, г. Соловьевъ съ самаго начала увлекся своею мыслью Онъ приписалъ слишкомъ много однимъ физическимъ условіямъ исторіи и слишкомъ мало условіямъ политическимъ и историческимъ. Это увлеченіе особенно замѣтно въ выводахъ о значеніи рѣкъ: въ нихъ авторъ видитъ не одни пути сообщенія, даже не однѣ рамы для разселенія племенъ и образованія областей и княжествъ, но какой-то неотразимый законъ, вслѣдствіе котораго русская исторія должна была неизбѣжно принять такое направленіе, а не другое, Россія — распространяться въ ту, а не въ другую сторону, Москва, а не другой городъ—стать средоточіемъ государства.

„Днѣпръ, въ историческомъ отношеніи, раздѣлялъ судьбу другихъ рѣкъ русскихъ; его устье хотя съ незапамятныхъ поръ покрывалось русскими лодками, однако собственно не находилось въ русскихъ владѣніяхъ до временъ Екатерины II-й, потому что русская государственная область распространилась естественнымъ образомъ изнутри, изъ ядра своего, внизъ по рѣкамъ, до естественныхъ предѣловъ своихъ, т.-е. до устьевъ этихъ рѣкъ, берущихъ начало въ ея сердцѣ, а это сердце—Великая Россія, Московское государство, справедливо называемое страною источниковъ: отсюда берутъ свое начало всѣ тѣ большія рѣки, внизъ по которымъ распространялась государственная область“ (стр. 13 и 14).

Кіевское княженіе находилось, конечно, ближе къ устью Днѣпра, чѣмъ московское. Отчего бы, кажется, при благопріятныхъ условіяхъ, не распространить ему своего владычества до Чернаго моря? Вѣдь сидѣли же угличи и тиверцы по Днѣстру до Дуная и моря, а можетъ быть, и далѣе—отъ Дуная на востокъ за Днѣпръ (стр. 46); мы знаемъ изъ лѣтописи, что Олегъ побѣдилъ тиверцевъ (стр. 105), Свѣнельдъ — угличей (стр. 117). Но всѣ эти завоеванія не послужили ни къ чему. Не потому ли, подумаетъ читатель, что Кіевское княженіе, вслѣдствіе разныхъ историческихъ причинъ, ослабѣло и не могло удержать за собой завоеваній и первыхъ князей? Нѣтъ, русской государственной области надлежало непремѣнно распространяться естественнымъ образомъ изнутри, изъ своего ядра, внизъ по рѣкамъ, до естественныхъ своихъ предѣловъ, то-есть до устьевъ этихъ рѣкъ. Кіевъ стоитъ на перепутьи; какъ же было ему овладѣть устьемъ Днѣпра, когда его истоки въ сердцѣ Россіи, а это сердце—московская область? Она страна источниковъ; сама природа приготовила ее именно для того, чтобъ стать государственнымъ зерномъ для Россіи. Но какъ же это такъ?

„Изъ положенія Торопецкаго княжества, лежащаго въ срединѣ между озерною (Новгородскою), Двинскою (Полоцкою), Днѣпровскою (южно-русскою) и Волжскою (Ростовскою или Суздальскою) областями, уясняется вамъ положеніе князей Торопецкихъ, знаменитыхъ Мстиславовъ, ихъ значеніе, какъ посредниковъ между Новгородомъ, южною Русью и князьями Суздальскими; посредствомъ Торопца Новгородъ поддерживалъ связь свою съ южною Русью, изъ Торопца получилъ защиту отъ притѣсненій князей Суздальскихъ“ (стр. 11).

Почему же Торопецъ не сдѣлался средоточіемъ русскаго государства? Его положеніе такъ удобно: на всѣ стороны открытъ путь по рѣкамъ.

„Смоленскъ находился въ области Кривичей, которые сѣли на верховьяхъ рѣкъ Волги, Днѣпра и Двины; изъ этого положенія легко видѣть важное значеніе Смоленской области, находившейся между тремя главными частями Руси—между областью Волги, Днѣпра и Двины, т.-е. между Великою, Малою и Бѣлою Россіею; держа ключи ко всѣмъ этимъ областямъ, Смоленскіе князья держатъ Новгородъ въ зависимости отъ южной Руси, стерегутъ Днѣпровье отъ притязаній сѣверныхъ князей, принимаютъ самое дѣятельное участіе въ распряхъ послѣднихъ съ южными; являются главными дѣятелями въ исторіи юго-западной Руси (съ тѣхъ поръ, какъ Волынскіе князья обращаютъ все свое вниманіе на западъ), борются съ Волынью и Галичемъ за Кіевъ, и во время этой борьбы крѣпко держатся связи съ сѣверомъ, съ Новгородомъ

Волжскою областью. Изъ положенія Смоленской области понятно, почему Смоленскъ служилъ постоянно поводомъ къ спору между сѣверо-восточною, или Московскою, и юго-западною, или Литовскою Русью, почему ни Московское, ни Литовское (Польское), правительство не могли успокоиться, не имѣя въ своихъ рукахъ Смоленска“ (стр. 15 и 16).

Вотъ еще княжество, которое весьма бы хорошо могло объединить всѣ части обширной Россіи. Географическое положеніе самое выгодное: здѣсь тоже сходятся истоки всѣхъ важнѣйшихъ рѣкъ. Отчего жъ Смоленскъ не сталъ сердцемъ Россіи, государственнымъ зерномъ? А вотъ отчего:

„Историческое дѣленіе русской государственной области на части условливается отдѣльными рѣчными системами; ясно, что величина каждой части будетъ соотвѣтствовать величинѣ своей рѣчной области; чѣмъ область Волги больше области всѣхъ другихъ рѣкъ, тѣмъ область Московскаго государства должна быть больше всѣхъ остальныхъ частей Россіи, а естественно меньшимъ частямъ примыкать къ большей; отсюда понятно, почему и Новгородская озерная область, и Бѣлая, и Малая Русь примкнули къ Московскому государству. Итакъ цѣлая область Волги есть преимущественно область Московскаго государства, и Ростовская область будетъ только областью верхней Волги. Прослѣдимъ же теперь распространеніе Русской государственной области по Волжской системѣ, и переходъ Ростовской области въ область Великаго княжества Владимірскаго, и послѣдней—въ область Московскаго государства. Ростовъ былъ городомъ племенъ, и, если принимать извѣстіе лѣтописца, былъ одинокъ въ цѣлой обширной области, получившей отъ него свое названіе. Мы видимъ, что одною изъ главныхъ сторонъ дѣятельности нашихъ князей было построеніе городовъ. Это построеніе носитъ слѣды разсчета, преднамѣреннаго стремленія, что видно изъ положенія новыхъ городовъ и изъ разстоянія ихъ одного отъ другаго. Ярославль построенъ на важномъ пунктѣ, при устьѣ Которости въ Волгу, которая посредствомъ этого притока соединяется съ Ростовскимъ озеромъ. Потомъ мы видимъ стремленіе внизъ по Волгѣ; города строятся при главныхъ изгибахъ рѣки, при устьяхъ значительныхъ ея притоковъ; такъ построена Кострома при поворотѣ Волги на югъ, при впаденіи въ нее Костромы, Юрьевецъ-Поволжскій при слѣдующемъ большомъ колѣнѣ, при поворотѣ Волги на югъ, при впаденіи въ нее Унжи; наконецъ Нижній-Новгородъ при впаденіи Оки въ Волгу. Здѣсь на время остановилось естественное стремленіе сѣверныхъ князей внизъ по Волгѣ, къ предѣламъ Азіи“ (стр. 17 и 18).

„Кромѣ стремленія внизъ по Волгѣ, у сѣверныхъ князей было еще другое стремленіе, болѣе важное, именно, стремленіе на югъ, для соединенія съ юго-западною Русью, гдѣ находилась главная сцена дѣйствія. Мы назвали это стремленіе болѣе важнымъ, потому что хотя у князей это было только стремленіе къ югу, для соединенія съ Днѣпровскою Русью, однако на самомъ дѣлѣ это выходило исканіе центра, около котораго Русскія области могли сосредоточиться. Стремленіе князей къ югу усматривается въ перенесеніи стола княжескаго изъ Ростова въ Суздаль; первый князь, который долженъ былъ остаться на долго въ Ростовской области, Юрій Владиміровичъ Долгорукій, живетъ уже не въ Ростовѣ, а въ Суздалѣ, городѣ южнѣйшемъ. Каково же положеніе этого города, и какъ вообще должно было совершиться это движеніе на югъ? И здѣсь, какъ вездѣ въ нашей древней исторіи, водный путь имѣетъ важное значеніе. Самая ближайшая отъ Которости и отъ Ростовскаго озера рѣка къ югу есть Нерль, которая сама есть притокъ Клязьмы; такимъ образомъ, если слѣдовать рѣчнымъ путемъ, то послѣ Ростова южнѣе будетъ Суздаль на Нерли, потомъ южнѣе Суздаля является Владиміръ, уже на самой Клязьмѣ; такъ и сѣверные князья переносили свои столы—изъ Ростова въ Суздаль, изъ Суздаля во Владиміръ. Здѣсь, въ послѣднемъ городѣ, столъ велико-княжескій утвердился на долго, потому что сѣверные князья, достигнувъ этого пункта, презрѣли южною Русью, и все вниманіе обратили на востокъ, начали стремиться, по указанію природы, внизъ по рѣкамъ—Клязьмою къ Окѣ, и Окою къ Волгѣ. Положеніе Владиміра было очень выгодно для того времени, когда, послѣ нашествія монголовъ, восточныя отношенія играли важную роль; Владиміръ лежитъ на Клязьмѣ, которая впадаетъ въ Оку тамъ, гдѣ эта рѣка принадлежитъ востоку. Здѣсь природа, съ своей стороны, предлагаетъ также объясненіе, почему Владимірскіе князья, устремивъ все свое вниманіе на дѣла сѣверо-востока, такъ охладѣли къ югу; такое охлажденіе особенно замѣчается въ дѣятельности Юрія II Всеволодовича. Изъ этого уже видно, что Владиміръ не могъ быть сосредоточивающимъ пунктомъ для Русскихъ областей; положеніе его одностороннее; рѣка, на которой лежитъ онъ, стремится къ Финскому сѣверо-востоку. Средоточіе было найдено вслѣдствіе опять того же стремленія къ югу, которымъ особенно отличался Юрій Долгорукій. Мы видѣли рѣчной путь отъ Ростова къ югу; но этотъ путь велъ не прямо къ югу, а къ юго-востоку, тогда какъ для отысканія центра Русскихъ областей нужно было уклониться къ юго-западу, что и сдѣлалъ Юрій Долгорукій, построившій на юго-западъ отъ Ростова, по пути въ Днѣпровскую Русь, города Переяславль-Залѣсскій и Москву. Москва и была именно искомымъ пунктомъ; это обозначилось тотчасъ же въ исторіи; въ первой разъ Москва упоминается въ 1147 году, по случаю свиданія Долгорукаго съ Святославомъ Сѣверскимъ. Москва лежитъ на рѣкѣ того же имени, которая течетъ между Волгою, Окою и Верхнимъ Днѣпромъ. Москва-рѣка впадаетъ въ Оку, такъ же какъ и Клязьма, съ тѣмъ, однако, различіемъ, что Клязьма впадаетъ въ Оку тамъ, гдѣ она принадлежала Финскому сѣверо-востоку, тогда какъ Москва впадаетъ именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ Ока, обращаясь къ востоку, передавала Москвѣ обязанность служить соединеніемъ для сѣверныхъ и южныхъ русскихъ областей. Сосредоточивающій пунктъ долженствовалъ быть мѣстомъ соединенія сѣвера съ югомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ носить характеръ сѣверный, потому что на сѣверѣ нахо-

дились крѣпкія государственныя основы, которыхъ не было въ области собственной Оки, въ землѣ вятичей, въ странѣ переходной, безъ опредѣленнаго характера, впрочемъ, издавна примыкавшей къ южной Руси и потому болѣе на нее похожей. Замѣтимъ также, что Москва находилась прямо въ срединѣ между двумя племенами, изъ которыхъ главнымъ образомъ составилось народонаселеніе русское, между племенемъ славянскимъ и финскимъ.

„Что касается природы московскаго центральнаго пространства, то оно представляетъ обширную открытую равнину, съ умѣреннымъ климатомъ; эта равнина не вездѣ равно плодородна, и въ самыхъ плодородныхъ мѣстахъ уступаетъ южнымъ пространствамъ Имперіи; но зато она почти вездѣ способна къ обработыванію, слѣдовательно вездѣ поддерживаетъ дѣятельность, энергію человѣка, побуждаетъ къ труду и вознаграждаетъ за него; а извѣстно, какъ подобныя природныя обстоятельства благопріятствуютъ основанію и развитію гражданскихъ обществъ. Было сказано, что эта область не вездѣ одинаково плодородна; сѣверная часть менѣе плодородна, чѣмъ южная; это природное обстоятельство также очень важно, условливая первоначальную промышленность какъ главное занятіе для южнаго народонаселенія, и промышленность производящую—для сѣвернаго, дополняя слѣдовательно одну часть кругою, дѣлая ихъ необходимыми другъ для друга“ (стр. 19—21).

Наконецъ:

„Мы видѣли, что распространеніе русскихъ владѣній слѣдовало теченію рѣкъ. Во-первыхъ, оно шло озерною новгородскою системою, потомъ системою Двины и Днѣпра къ югу или западу, и въ то же время, съ другой стороны, шло путемъ Бѣлозерскимъ, по Шекснѣ, и далѣе къ югу, по системѣ Мологи, къ Волгѣ, потомъ Волгою, и на югъ отъ этой рѣки къ Окѣ. На встрѣчу этому движенію отъ сѣвера, которое, какъ видно, не шло далѣе Москвы, мы замѣчаемъ движеніе съ юга, по Деснѣ—притоку Днѣпра, и Окѣ—притоку Волги. Такимъ образомъ первоначальное распространеніе преимущественно шло по огромной дугѣ, образуемой Волгою къ сѣверу, до впаденія въ нее Оки, и Днѣпромъ къ югу; потомъ распространеніе происходило въ серединѣ дуги, съ сѣвера, отъ Волги, и ему навстрѣчу съ юга, отъ Днѣпра, причемъ оба противоположныя движенія сходились въ области Москвырѣки, гдѣ образовался государственный центръ. Теченіе Оки отъ истоковъ ея до устья Москвырѣки, и потомъ вмѣстѣ съ теченіемъ послѣдней имѣло важное историческое значеніе, потому что служило посредствующею водною нитью между сѣверною и южною Русью“ (стр. 22).

Итакъ вотъ ключъ къ рѣшенію вопроса, почему не Торопецъ, не Смоленскъ, не Владиміръ, а именно Москва стала средоточіемъ Россіи. Во-первыхъ, волжская, то-есть московская область—самая большая; во-вторыхъ, Москва лежитъ по пути въ Днѣпровскую Русь, на юго-западъ отъ Ростова. Немножко дальше на востокъ—и всѣ силы и дѣятельность новаго государства устремились бы на финскій сѣверо востокъ. Примѣръ есть на-лицо: владимірскіе князья устремили же все свое вниманіе на сѣверо-востокъ и охладѣли къ югу? Напротивъ, Москва стоитъ на томъ именно мѣстѣ, гдѣ Ока, обращаясь къ востоку, передаетъ ей (то-есть Москвѣ) обязанность служить соединеніемъ между сѣверными и южными русскими областями. По этому своему географическому положенію, Москва есть пунктъ соединенія между сѣверомъ и югомъ, однако съ характеромъ сѣвернымъ, что именно и было нужно, потому что на сѣверѣ находились крѣпкія государственныя основы. Въ-третьихъ, Москва находилась въ самой серединѣ между двумя главными племенами русскаго государства—славянами и финнами. Въ-четвертыхъ, московское центральное пространство какъ бы воспроизводитъ собою въ маломъ видѣ сѣверную и южную Россію: сѣверная часть этого пространства менѣе плодородна, чѣмъ южная. Слѣдовательно, здѣсь первоначальная промышленность южная и производящая сѣверная столкнулись и имѣли всю возможность убѣдиться, какъ обѣ необходимы другъ для друга. Наконецъ, въ пятыхъ, распространеніе русскихъ владѣній, происходившее по дугѣ, образуемой Волгою до Оки къ сѣверу и Днѣпромъ къ югу, и потомъ въ серединѣ этой дуги съ сѣвера отъ Волги и съ юга отъ Днѣпра, на встрѣчу другъ другу, сходились въ области Москвы рѣки. Вотъ пять причинъ, почему Москва была искомымъ центромъ русскихъ областей. „Это (говоритъ г. Соловьевъ) обозначилось тотчасъ же въ исторіи“. Москва построена Юріемъ Долгорукимъ въ 1147 году, по случаю свиданія Долгорукаго съ Святославомъ Сѣверскимъ. Изъ этихъ словъ слѣдуетъ, что само собою разумѣется, уже въ половинѣ XII вѣка въ Россіи сознавали всю важность географическаго положенія и будущую великую роль Москвы; лѣтописецъ упомянулъ о ней, конечно не случайно, не по поводу встрѣчи двухъ князей, а въ предвидѣніи ея послѣдующаго призванія въ исторіи Россіи.

Можно ли назвать всѣ эти доводы убѣдительными? Разрѣшаютъ ли они важный историческій вопросъ, почему вся Россія соединилась въ одно цѣлое въ московскомъ государствѣ? Едва-ли. Обширность волжской системы безспорна; но на ней было построено много городовъ, и мы не видимъ основанія присвоить всю ея систему именно Москвѣ,

а не по-волжскимъ городамъ: Твери, Рязани, Ярославу, Костромѣ, Ростову, или другимъ городамъ, расположеннымъ по Окѣ и прочимъ важнѣйшимъ волжскимъ притокамъ. Средиземное положеніе Москвы, конечно, очень выгодное, какъ центральный пунктъ для всей Россіи, еще не доказываетъ, что столицѣ московскаго государства преимущественно принадлежитъ, или должна принадлежать цѣлая волжская система; Нижній Новгородъ могъ бы скорѣе предъявить на это свои права и съ гораздо бо̀льшимъ основаніемъ. Потомъ, мы не понимаемъ хорошенько, что̀ хотѣлъ сказать авторъ словами: „Москва впадаетъ именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ Ока, обращаясь къ востоку, передавала Москвѣ обязанность служить соединеніемъ для сѣверныхъ и южныхъ русскихъ областей“. Ока дѣйствительно течетъ съ этого мѣста на востокъ; но далеко ли? Ужъ на границѣ егорьевскаго и зарайскаго уѣздовъ она довольно круто поворачиваетъ на юго-востокъ, въ зарайскій уѣздъ, и затѣмъ, въ томъ же юго-восточномъ направленіи, протекаетъ по рязанскому уѣзду; въ спасскомъ, при впаденіи въ нее рѣки Пары, снова поворачиваетъ на сѣверо-востокъ, и въ этомъ направленіи, за исключеніемъ значительнаго изгиба въ касимовскомъ и елатомскомъ уѣздахъ, течетъ до самаго впаденія въ Волгу. Но еслибъ Ока даже на всемъ своемъ протяженіи текла на востокъ, то спрашивается: какимъ образомъ могла бы она передать Москвѣ обязанность соединить сѣверныя и южныя русскія области? Эти области гораздо прямѣе, непосредственнѣе соединяются великимъ воднымъ путемъ по Днѣпру, чѣмъ Окою. Далѣе, если положеніе Владиміра на Клязьмѣ устремило все вниманіе владимірскихъ князей на финскій сѣверо-востокъ, то почему Москва не устремила туда же вниманіе московскихъ князей? И Клязьма и Москва—притоки Оки. Если только потому, что Москва западнѣе, чѣмъ Владиміръ, то положеніе Орла, Калуги, Тулы, Твери столько же выгодно: и они западнѣе чѣмъ Владиміръ. Наконецъ, авторъ говоритъ, что Москва лежитъ на самой серединѣ между славянами и финнами. Но такъ ли это?

Въ первомъ томѣ „Исторіи Россіи“ сказано о жилищахъ финновъ слѣдующее:

„Въ половинѣ IX вѣка южныя границы Финскаго племени съ Славянскимъ можно положить въ область Москвы-рѣки, гдѣ Финны должны были сталкиваться съ Славянскимъ племенемъ Вятичей: селенія послѣднихъ мы имѣемъ право продолжить до рѣки Лопасни, потому что, какъ видно, всѣ Вятичи принадлежали къ Черниговскому княжеству, а городъ Лопасня былъ пограничнымъ городомъ этого княжества съ Суздальскимъ. Селенія Вятичей должны были уже соприкасаться съ селеніями Финскихъ племенъ, потому что въ Бронницкомъ уѣздѣ Московской губерніи находимъ рѣку Мерскую или Нерскую, которая именемъ своимъ ясно показываетъ, что протекала чрезъ старинную землю Мери“ (стр. 73).

На стр. 23 Рязань названа „Славяно-Русской колоніей въ чуждомъ тогда для нея *мірѣ Финскомъ*“. Владиміръ, какъ мы видѣли, не могъ быть сосредоточивающимъ пунктомъ для русскихъ областей, потому что Клязьма стремится къ финскому сѣверо-востоку. Изъ всего этого слѣдуетъ вотъ что: Бронницкій уѣздъ, по крайней мѣрѣ отчасти, былъ населенъ финнами; Рязань находилась въ финской землѣ; Владиміръ, если не былъ построенъ на финской землѣ, то, по крайней мѣрѣ, смотрѣлъ на финскій сѣверо-востокъ. Спрашивается: какъ же Москва могла быть пограничною областью между славянами и финнами? Она, очевидно, стояла на землѣ финской и по крайней мѣрѣ была такою же славяно-русскою колоніей между финнами, какъ и Рязань, даже если все теченіе Лопасни находилось въ области вятичей. Этимъ, между прочимъ, опровергается и многозначительность сѣвернаго характера Москвы. Еслибъ она соединяла сѣверныхъ славянъ съ южными—другое дѣло; но она, очевидно, соединяла сѣверныхъ финновъ съ южными руссами; а присутствіе крѣпкихъ государственныхъ основъ между финнами весьма сомнительно, по крайней мѣрѣ нисколько не доказывается изъ русской исторіи.

Всѣ эти усилія объяснить важное историческое значеніе Москвы однимъ ея географическимъ положеніемъ доказываютъ, какъ авторъ увлекся своею основною мыслью. Москва, даже если она построена не ранѣе 1147 года, въ теченіе около полутораста лѣтъ была самымъ небольшимъ и незначительнымъ княжествомъ. Даніилъ Александровичъ, въ 1302 году, первый увеличилъ его объемъ, получивъ по завѣщанію Переяславль-Залѣсскій; Георгій Даніиловичъ вскорѣ послѣ того (въ 1303 и 1307 годахъ) пріобрѣлъ Коломну и Можайскъ. Г. Соловьевъ говоритъ:

„Область Москвы-рѣки была первоначальною областью Московскаго княжества, и въ первой дѣятельности Московскихъ князей мы замѣчаемъ стремленіе получить въ свою власть все теченіе

рѣки. Верховье и устье ея находились въ чужихъ рукахъ; слѣдовательно, область Московскаго княжества была заперта съ двухъ концовъ: верховье рѣки находилось во власти князей Можайскихъ-Смоленскихъ, устье во власти князей Рязанскихъ; здѣсь ихъ былъ городъ Коломна. Отсюда понятно, почему первыми завоеваніями Москвы были Можайскъ и Коломна: Князь Юрій Даниловичъ, только овладѣвъ этими двумя городами, могъ считать свою область вполнѣ самостоятельною" (стр. 21—22).

Но къ чему могли служить эти пріобрѣтенія въ отношеніи къ рѣкѣ? Какъ могъ Юрій Даниловичъ считать свою область вполнѣ самостоятельной, когда въ его владѣніи находились истоки и устье Москвы рѣки, да та ея часть, которая протекала по Московскому княженію, а пространства между Можайскою и Московскою областями, также между послѣднею и Коломенскою, оставались въ чужомъ владѣніи? Ничто не уполномочиваетъ насъ думать, что эти промежуточныя пространства принадлежали московскимъ князьямъ прежде Іоанна Калиты. Только послѣдній начинаетъ ужъ явнымъ образомъ округлять московскія владѣнія и, какъ кажется, бо̀льшею частью покупкой. Однако и у него были купленныя села въ Новгородѣ, Владимірѣ, Юрьевѣ и Бѣжецкомъ-Верхѣ, да, судя по завѣщанію Димитрія Донского, онъ пріобрѣлъ также куплей Галичъ, Угличъ и Бѣлоозеро. Какого воднаго пути онъ придерживался, чтобы достигнуть до этихъ владѣній? Какая система рѣкъ понуждала его дѣлать эти отчасти отдаленныя, отчасти разбросанныя, несплошныя пріобрѣтенія? Нѣтъ, Москва стала политическимъ средоточіемъ Россіи не вслѣдствіе географическаго своего положенія, не вслѣдствіе теченія рѣкъ, а вслѣдствіе особенно счастливыхъ историческихъ условій и вслѣдствіе ума и дѣятельности ея князей, такъ удачно названныхъ г. Соловьевымъ собирателями русской земли. Теряя изъ вида историческіе элементы, подчиняя такъ безусловно дѣятельность лицъ и племенъ условіямъ географическимъ, авторъ обличаетъ неправильную точку зрѣнія на историческое развитіе, лишаетъ исторію по преимуществу ей принадлежащаго значенія дѣятельности человѣка. Мы убѣждены, что самъ г. Соловьевъ понимаетъ исторію иначе, и односторонности его воззрѣній, весьма ясныя въ первой главѣ, охотно приписываемъ увлеченію любимой мыслью. Къ числу такихъ же увлеченій должно отнести еще и слѣдующія мѣста:

„Несмотря на то, что юго-западная Русь, преимущественно Кіевская область, была главною сценою древней нашей исторіи, пограничность ея, близость къ полю, или степи, жилищу дикихъ народовъ, дѣлали ее неспособною стать государственнымъ зерномъ для Россіи, для чего именно природа приготовила Московскую область; отсюда Кіевская область (Русь въ самомъ тѣсномъ смыслѣ) вначалѣ и послѣ носитъ характеръ пограничнаго военнаго поселенія, остается страною Казаковъ до полнаго государственнаго развитія, начавшагося съ сѣверной Руси, въ странѣ источниковъ.

„Но если, по причинамъ естественнымъ, юго-западная Русь не могла стать государственнымъ ядромъ, то природа же страны объясняетъ намъ, почему она была главною сценою дѣйствія въ начальной нашей исторіи: области древнихъ княжествъ Кіевскаго, Волынскаго, Переяславскаго и собственно Черниговскаго составляютъ самую благословенную часть областей Русскихъ относительно климата и качества почвы" (стр. 14).

Не гораздо ли проще объяснить первоначальное сосредоточеніе исторіи Россіи въ юго-западной Руси тѣмъ, что варяжская дружина, издавна ходившая по Днѣпру въ Константинополь служить, торговать и воевать,—что эта дружина хотѣла быть ближе къ Греціи? Не естественнѣе ли объяснить дальнѣйшій ходъ русской исторіи системою удѣловъ, усиленіемъ Владимірскаго, а потомъ Московскаго княженія, которое, въ свою очередь, имѣло свои причины? Словомъ, не лучше ли, въ отношеніи къ этимъ вопросамъ, ближайшее, естественнѣйшее, простѣйшее объясненіе, чѣмъ далекое, запутанное и невѣроятное?

„Область Западной Двины, или область Полоцкая имѣла такую же участь, какъ и озерная область Новгородская: Славянское племя заняло начало и средину теченія Двины, но не успѣло, при медленномъ движеніи своемъ, достигнуть ея устья, береговъ моря, около котораго оставались еще туземцы, хотя подчиненные Русскимъ князьямъ, но не подчинившіеся Славяно-русской народности. Особность Полоцкаго, или Двинскаго княжества, его слабость вслѣдствіе этой особности и усобицъ были причиною того, что въ XII вѣкѣ отъ морскихъ береговъ, съ устья Двины, начинается наступательное движеніе Нѣмцевъ, предъ которыми Полочане должны были отступать все далѣе и далѣе внутрь страны. Потомъ Полоцкое княжество подчинилось династіи князей Литовскихъ, и черезъ нихъ соединилось съ Польшею; Московское государство, сосредоточивъ сѣверо-восточныя Русскія области, усилившись, начало стремиться, по естественному направленію, къ морю, ибо въ области Московскаго государства находились истоки Двины. Іоаннъ IV, стремясь черезъ покореніе Ливоніи къ морю, взялъ и Полоцкъ; но Баторій отнялъ у него и Ливонію и Полоцкъ, вслѣдствіе чего почти все теченіе Двины стало находиться въ области одного государства. Но чрезъ нѣс-

колько времени Шведы отняли у Поляковъ устье Двины, и область этой рѣки явилась въ затруднительномъ, неестественномъ положеніи, подѣленною между тремя государствами. Петръ Великій отнялъ низовье Двины у Шведовъ, вслѣдствіе чего положеніе Двинской области стало еще затруднительнѣе, потому что верховье и устье находились въ области одного государства, а средина въ области другого. При Екатеринѣ II-й Двинская область была выведена изъ этого неестественнаго положенія" (стр. 9 и 10).

Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, политическое распространеніе государства смѣшано съ этнографическимъ разселеніемъ племенъ; политическіе виды и цѣли подчинены требованіямъ мѣстности, географіи. Но справедливо ли это? Не полочане отступали передъ нѣмцами внутрь страны, а владѣнія Полоцкаго княжества были отчасти завоеваны нѣмцами; между тѣмъ и другимъ большая разница. Московское государство стало стремиться къ морю не по „естественному" направленію, а по политическимъ видамъ. Намъ нужно было непремѣнно имѣть пунктъ на Балтійскомъ морѣ, и пріобрѣтеніе такого пункта составляло цѣль стремленій русскихъ государей съ того самаго времени, какъ Россія сложилась въ значительное политическое тѣло и почувствовала свои силы. Выраженіе „неестественное положеніе рѣки" странно, именно потому, что представляетъ дѣло въ превратномъ видѣ. Не можетъ быть вопроса о томъ, пріятно и естественно ли рѣкѣ быть подѣленной такъ, а не иначе между двумя или тремя государствами: рѣчь можетъ быть только о томъ, выгодно ли такое раздѣленіе одному или всѣмъ этимъ государствамъ, или невыгодно; а эти вопросы рѣшаютъ не только завоеваніемъ всей рѣчной системы однимъ государствомъ, но и договорами сосѣднихъ державъ. Нѣманъ, Висла, Днѣстръ, Дунай, Эльба, Везеръ, Рейнъ, Дуэро, Тахо, Гвадіана, то-есть почти всѣ важнѣйшія рѣки въ Европѣ находятся въ такомъ же точно положеніи, въ какомъ были прежде Днѣпръ и Западная Двина; однако это не мѣшаетъ торговлѣ и судоходству по этимъ рѣкамъ.

„Извѣстно, что вездѣ, при своихъ столкновеніяхъ, Славяне занимали возвышенныя, сухія и хлѣбородныя пространства; Финны же—низменныя, болотистыя" (стр. 8).

И въ другомъ мѣстѣ.

„Финнъ на нѣмецкомъ языкѣ означаетъ жителя болотной, влажной низменности; то же означаютъ и финскія названія разныхъ племенъ, напримѣръ, Емь и Ямь (Häm) значитъ *мокрый, водяной*; Весь объясняется изъ финскаго Vesi—вода. И теперь финскія имена мѣстностей встрѣчаются преимущественно на болотистыхъ пространствахъ. Нашъ лѣтописецъ указываетъ намъ финскія племена преимущественно около озеръ" (стр. 73).

Очевидная натяжка, происшедшая отъ желанія опредѣлить мѣстностью, географическими условіями, явленія вполнѣ историческія. Съ чего было финну любить преимущественно болота и сырыя мѣста? Этимологическое производство нѣсколькихъ названій финскихъ племенъ, если оно и достовѣрно, или правдоподобно, ничего не доказываетъ: по болотистой и низменной мѣстности эти племена такъ и назывались. За то, сколько мѣстностей, вовсе не болотистыхъ и не низменныхъ, до сихъ поръ населены финскими племенами; таковы губерніи Нижегородская, Казанская, Симбирская, Пензенская, Тамбовская и другія. Слѣдовательно, изъ того, что на сѣверѣ есть различіе между мѣстами, занимаемыми славянами и финнами, нельзя еще выводить общаго правила для всей Россіи. Съ другой стороны, очень понятно, что гдѣ удобной, плодородной земли было мало, тамъ эту землю заняли русскіе и вытѣснили съ нея финновъ въ болота; иначе и не могло быть при столкновеніяхъ племени сильнѣйшаго съ слабѣйшимъ; только нельзя же отсюда выводить какую-нибудь черту народнаго характера русскихъ и финновъ.

Вотъ нѣсколько замѣчаній на первую главу „Исторіи Россіи". Вторая глава изслѣдуетъ бытъ и судьбу народовъ, населявшихъ нынѣшнюю русскую государственную область, до явственнаго появленія въ ней племенъ славянскихъ. Въ этой главѣ г. Соловьевъ разсматриваетъ извѣстія грековъ и римлянъ о теперешней Россіи и ея обитателяхъ. Такъ какъ содержаніе ея не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ русской исторіи, то, не останавливаясь на ней, мы перейдемъ прямо къ третьей главѣ, посвященной обозрѣнію славянъ и другихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ русскаго государства, также ихъ быта и судьбы до половины IX вѣка. Эта глава содержитъ менѣе, чѣмъ сколько обѣщаетъ заглавіе. По заглавію, читатель будетъ ожидать полнаго обозрѣнія всѣхъ тѣхъ племенъ, которыя входятъ теперь въ составъ имперіи; но вмѣсто того, онъ найдетъ очеркъ однихъ народовъ, упоминаемыхъ у Нестора. Какъ бы то ни было, но въ третьей

главѣ сперва говорится о племенахъ славянскихъ, потомъ объ остальныхъ и, въ заключеніе, о варягахъ-Руси. Еще прежде, при разборѣ перваго тома „Архива“ г. Калачова, мы имѣли случай отдать должную справедливость взгляду г. Соловьева на древнѣйшій бытъ русскихъ славянъ, и объясненіямъ нѣкоторыхъ особенностей этого быта, не встрѣчающихся у другихъ европейскихъ племенъ, и потому не всегда правильно понимаемыхъ европейскими учеными. Въ то же время мы находили, что въ изложеніи языческихъ вѣрованій допущено много гипотезъ, съ которыми нельзя вполнѣ согласиться. Этотъ отзывъ, несмотря на новую редакцію той же статьи въ первомъ томѣ „Исторіи Россіи“ и на нѣкоторыя сдѣланныя въ ней перемѣны, можетъ быть повторенъ и теперь. Бытъ славянскихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ Россіи, обрисованъ удовлетворительно; но очеркъ языческихъ вѣрованій намъ показался слабѣе, именно потому, что въ немъ весьма много произвольнаго, гипотетическаго. Рановременность прагматическаго изложенія перваго періода русской исторіи ни въ чемъ такъ не замѣтна, какъ именно въ изображеніи языческой религіи русскихъ славянъ. Она, какъ извѣстно, еще очень недавно стала предметомъ дѣятельнаго и самостоятельнаго изслѣдованія. Покуда, въ ней все шатко, неопредѣленно, и потому прагматическое изложеніе къ ней вовсе нейдетъ.

Въ самомъ началѣ третьей главы г. Соловьевъ, основываясь преимущественно на Несторовой лѣтописи, разсматриваетъ извѣстія о первоначальныхъ жилищахъ славянъ и ихъ разселеніи. Обойдя безъ разрѣшенія важный вопросъ — кто были Волхи, нашедшіе на Дунайскихъ славянъ, авторъ „Исторіи Россіи“, изъ соображенія трехъ мѣстъ Несторовой лѣтописи, выводитъ слѣдующее:

„Если принимать буквально извѣстіе лѣтописца, то выйдетъ, что Славянское народонаселеніе двигалось по западной сторонѣ Днѣпра на сѣверъ, и потомъ спускалось на югъ по восточной сторонѣ этой рѣки. О другихъ племенахъ - Дулебахъ, Бужанахъ, Угличахъ и Тиверцахъ, Радимичахъ и Вятичахъ лѣтописецъ сначала не упоминаетъ ни въ первомъ, ни во второмъ извѣстіи: изъ этого умолчанія имѣемъ право заключить, что означенныя племена явились на востокѣ не вслѣдствіе извѣстнаго толчка отъ Волховъ, и не имѣютъ связи съ перечисленными выше племенами, а явились особо“ (стр. 43).

Не знаемъ, въ какой мѣрѣ г. Соловьевъ правъ, дѣлая подобный выводъ о порядкѣ разселенія племенъ и о томъ, что племена, не исчисленныя въ первомъ и второмъ извѣстіи, явились въ Россіи особо. Начальный лѣтописецъ могъ перечислять племена, принявъ за основаніе ихъ жилища сначала по западной, а потомъ по восточной сторонѣ Днѣпра; при этомъ исчисленіи онъ весьма легко могъ упустить нѣкоторыя племена и потомъ назвать ихъ особо. Конечно, въ отношеніи къ радимичамъ и вятичамъ такое предположеніе менѣе вѣроятно, потому что лѣтописецъ прямо говоритъ, что они пришли отъ ляховъ, и ихъ переселеніе дѣйствительно могло совершиться позднѣе; что же касается до дулебовъ, бужанъ, угличей и тиверцевъ, то наше предположеніе если не болѣе, то по крайней мѣрѣ столько же вѣроятно, какъ и предположеніе г. Соловьева.

Кромѣ этого вывода, который намъ кажется недостаточно доказаннымъ, въ обозрѣніи славянскихъ племенъ и ихъ разселенія въ Россіи мы встрѣтили еще слѣдующія мнѣнія и замѣтки, съ которыми едва ли можно согласиться.

На стр. 45 г. Соловьевъ говоритъ:

„Во всѣхъ названіяхъ племенъ мы замѣчаемъ, что они происходятъ или отъ мѣстъ, или отъ именъ родоначальниковъ, или называются собственнымъ существительнымъ, какъ напримѣръ, Дулѣбы; одни только жители Новгорода и окрестныхъ мѣстъ „прозвашась своимъ именемъ“, какъ говоритъ лѣтописецъ, славянами. Эта странность можетъ объясниться тѣмъ, что славяне ильменскіе, будучи позднѣйшими выселенцами отъ кривичей, не успѣли пріобрѣсти еще для себя видового названія въ отличіе отъ соплеменниковъ, и удерживали названіе родовое въ отличіе отъ чужеплеменниковъ — финновъ, которыми были окружены“ (стр. 45).

Когда именно произошло разселеніе славянскихъ племенъ въ Россіи—сказать очень трудно. По всѣмъ вѣроятіямъ, оно имѣло мѣсто гораздо прежде того времени, когда писалъ нашъ лѣтописецъ. Вотъ почему мы думаемъ, что г. Соловьевъ не вполнѣ правъ, принимая, безъ всякой критики, видовое названіе славянъ за родовое испоконъ вѣка. Во-первыхъ, какъ родовое названіе, оно и до сихъ поръ не есть народное, а книжное, литературное, и могло быть усвоено всѣмъ славянамъ по одному какому-нибудь племени, которое именно называлось славянами. Такъ думаютъ многіе; напримѣръ г. Савельевъ-Ростиславичъ говоритъ, что Іорнандъ разумѣлъ подъ славянами однихъ только словенцевъ и словаковъ, а не всѣ славянскія пле-

мена, и что, слѣдовательно, нѣтъ никакого основанія распространять то, что онъ говоритъ о славянахъ, на всѣ племена, извѣстныя намъ теперь подъ этимъ названіемъ. Ближайшимъ, сосѣднимъ съ греками и римлянами славянскимъ племенемъ были словаки и словенцы; по ихъ племенному названію прозваны всѣ славянскія племена, а потомъ отъ грековъ и римлянъ это составленное родовое названіе перешло къ арабскимъ и франкскимъ лѣтописцамъ (Слав. Сборникъ, стр. 86 и 87). Правъ ли г. Савельевъ или нѣтъ—другой вопросъ; но весьма замѣчательно, что названіе славянъ, какъ родовое, неизвѣстно и до сихъ поръ самимъ славянскимъ племенамъ, изъ чего мы и заключаемъ, что оно никогда такимъ и не было. Положимъ, однако, что мы ошибаемся. Если есть ошибочное мнѣніе, его слѣдуетъ сперва опровергнуть и потомъ уже дѣлать выводы; но г. Соловьевъ прямо прибѣгаетъ къ самому невѣроятному изъ всѣхъ возможныхъ предположеній, чтобъ объяснить, почему новгородцы удержали названіе славянъ. Во-первыхъ, приписываемая новгородцамъ методичность въ отличеніи себя названіемъ отъ соплеменниковъ вовсе несвойственна времени; полоцкіе кривичи, разселившіеся на значительномъ пространствѣ, сохранили же одно общее названіе: отчего же не могли удержать его и кривичи новгородскіе? Далѣе, если послѣдніе были позднѣйшими выселенцами, тѣмъ менѣе могли они сохранить воспоминаніе объ общемъ родовомъ названіи и даже присвоить его себѣ исключительно.

На стр. 46 г. Соловьевъ говоритъ:

„Указанія лѣтописца на многочисленность тиверцовъ и угличей, на ихъ упорное сопротивленіе русскимъ князьямъ, на ихъ жилища отъ Днѣстра, или даже отъ Дуная до самаго Днѣпра, и, можетъ быть, дальше на востокъ, *не оставляютъ никакого сомнѣнія*, что это тѣ самыя племена, которыя Прокопію и Іорнанду были извѣстны подъ именемъ Антовъ“.

Что касается до Іорнанда—можетъ быть; но очень трудно согласить извѣстіе Прокопія о жилищахъ Антовъ съ мѣстомъ изъ нашей начальной лѣтописи о поселеніяхъ угличей и тиверцевъ. По свидѣтельству Прокопія, безчисленные народы Антовъ жили дальше къ сѣверу отъ Азовскаго моря, а ближе, на берегахъ этого моря, жили Утургуры; по лѣтописи же, угличи и тиверцы сидѣли по Черному морю, по берегамъ Днѣстра и Днѣпра. Во всякомъ случаѣ, извѣстіе Прокопія о „безчисленныхъ“ народахъ Антовъ не можетъ относиться къ однимъ угличамъ и тиверцамъ.

Съ 46-й страницы по 64-ю г. Соловьевъ разсматриваетъ внутренній бытъ русскихъ славянъ. Это, какъ мы сказали, лучшая часть главы и читается съ большимъ удовольствіемъ. Мы позволимъ себѣ только обратить вниманіе автора на слѣдующія мѣста, которыя намъ показались спорными. На страницѣ 54-ой г. Соловьевъ говоритъ:

„Одни писатели называютъ славянъ не-лукавыми, другіе вѣроломными: это противорѣчіе объясняется извѣстіемъ, что между славянами господствовали постоянно различныя мнѣнія: ни въ чемъ они не были между собою согласны; если одни въ чемъ-нибудь согласятся, то другіе тотчасъ же нарушаютъ ихъ рѣшеніе, потому что всѣ питаютъ другъ къ другу вражду, и ни одинъ не хочетъ повиноваться другому. Такое поведеніе проистекало естественно изъ разрозненности, особности быта по родамъ, изъ отсутствія сознанія объ общемъ интересѣ внѣ интереса родового“.

Намъ кажется, что и отсутствіе лукавства и вѣроломство не имѣютъ ничего общаго съ различіемъ мнѣній и отсутствіемъ согласія между славянами: одно другимъ не объясняется. Г. Соловьевъ съ большимъ правомъ могъ бы распространить и на эти, повидимому, противорѣчащія извѣстія, замѣчаніе, сдѣланное имъ нѣсколько строкъ выше, по поводу такихъ же разнорѣчивыхъ показаній о добротѣ и въ то же время жестокости и свирѣпости первоначальныхъ славянъ: „такъ часто бываетъ у людей и цѣлыхъ народовъ, добрыхъ по природѣ, но предоставленныхъ влеченіямъ одной природы“. Въ патріархальномъ обществѣ, не просвѣщенномъ христіанствомъ, и котораго всѣ религіозныя вѣрованія ограничиваются однимъ поклоненіемъ явленіямъ и силамъ видимой природы, иначе и быть не могло: въ такомъ быту противорѣчія легко уживаются одно возлѣ другого.

О гостепріимствѣ славянъ авторъ выражается такъ:

„Всѣ писатели единогласно превозносятъ гостепріимство славянъ, ихъ ласковость къ иностранцамъ, которыхъ усердно провожали изъ одного мѣста въ другое; и если случится, что странникъ претерпитъ какую-нибудь бѣду по нерадѣнію своего хозяина, то сосѣдъ послѣдняго вооружается противъ него, почитая священнымъ долгомъ отмстить за странника; о сѣверо-западныхъ славянахъ разсказываютъ, что у нихъ считалось позволеннымъ украсть для угощенія“ (стр. 55).

Это странное извѣстіе о позволительности самой кражи для угощенія странника г. Соловьевъ объясняетъ такъ:

„Славянинъ считалъ позволеннымъ украсть для угощенія странника, потому что этимъ угощеніемъ онъ возвышалъ славу цѣлаго рода, цѣлаго селенія, которое потому и снисходительно смотрѣло на кражу: это было угощеніе на счетъ цѣлаго рода“ (стр. 56).

Но какъ будто самъ недовольный этимъ объясненіемъ, прибавляетъ въ примѣчаніи къ приведенному мѣсту:

„Гельмольдъ, который оставилъ намъ это извѣстіе (ibid. I, cap. LXXXII), смотритъ на это, какъ на кражу; но очень вѣроятно, что въ селеніи славянскомъ, часто состоявшемъ изъ одного рода, вовсе не видѣли здѣсь кражи, ибо каждый родичъ считалъ себя въ правѣ угостить странника, на общій счетъ цѣлаго рода“.

Свидѣтельство, дѣйствительно, очень странное. Ошибся ли Гельмольдъ, принимая за кражу приносъ того, чего недоставало для угощенія, изъ чужого дома, или его извѣстіе должно принимать буквально — трудно рѣшить. И то и другое какъ-то невѣроятно. Но во всякомъ случаѣ, объясненіе г. Соловьева весьма неправдоподобно, потому что не соотвѣтствуетъ нравамъ и духу времени. Смотрѣть снисходительно на кражу и вмѣстѣ съ тѣмъ знать, что это кража, признавать ее за кражу,— это слишкомъ утончено, искусственно для первобытнаго общества. Месть сосѣдей хозяину, у котораго въ домѣ гость потерпѣлъ бѣду, явно показываетъ, что рѣчь идетъ не о членахъ одного рода; ибо, по мнѣнію самого же г. Соловьева, члены одного рода не могли мстить другъ другу (примѣч. 236). Такимъ образомъ предположеніе, что угощеніе покраденнымъ происходило насчетъ цѣлаго рода, едва ли можно допустить. Мы думаемъ, что это мѣсто покуда, до отысканія новаго свидѣтельства и аналогическихъ данныхъ, останется необъяснимымъ. Такихъ странныхъ извѣстій очень много, и едва ли не осторожнѣе оставить ихъ безъ объясненія, чѣмъ натягивать ихъ смыслъ.

На стр. 56 г. Соловьевъ входитъ въ подробное разсмотрѣніе и объясненіе тоже весьма загадочнаго свидѣтельства императора Маврикія о положеніи плѣнныхъ у славянъ.

„Писатели хвалятъ обхожденіе Славянъ съ плѣнными, которымъ оставлена жизнь; говорятъ, что у Славянъ плѣнные не рабствовали цѣлый вѣкъ, какъ у другихъ народовъ, но что назначенъ извѣстный срокъ, по прошествіи котораго они вольны или возвратиться къ своимъ, давши окупъ, или остаться жить между Славянами, въ качествѣ людей вольныхъ и друзей. Здѣсь должно замѣтить, что желаніе имѣть рабовъ и удерживать ихъ какъ можно долѣе въ этомъ состояніи, бываетъ сильно, во-первыхъ, у народовъ, у которыхъ хозяйственныя и общественныя отправленія сложны, роскошь развита; во-вторыхъ, рабы нужны народамъ, хотя и дикимъ, но воинственнымъ, которые считаютъ занятіе войною и ея подобіемъ, охотою за звѣрями, единственно приличнымъ для свободнаго человѣка, а всѣ хлопоты домашнія слагаютъ на женщинъ и рабовъ; наконецъ, какъ ко всякому явленію, такъ и къ явленію рабства посреди себя народъ долженъ привыкнуть, для этого народъ долженъ быть или образованъ и пріобрѣтать рабовъ посредствомъ купли, или воинственепъ и пріобрѣтать ихъ какъ добычу, или долженъ быть завоевателемъ въ странѣ, которой прежніе жители обратились въ рабовъ. Но Славяне жили подъ самыми простыми формами быта, быта родового, ихъ хозяйственныя отправленія были не трудны и не сложны, въ одеждѣ, въ жилищахъ господствовало отсутствіе всякой роскоши; при всемъ томъ и при постоянной борьбѣ съ своими и съ чужими, при постоянной готовности покинуть свое мѣстопребываніе и спасаться отъ врага, рабы могли только затруднять Славянское семейство, а потому и не имѣли большой цѣнности. Потомъ извѣстно, что воинственность не была господствующею чертою Славянскаго народнаго характера, и что Славяне вовсе не гнушались земледѣльческими занятіями. У народа, въ простотѣ родового быта живущаго, рабъ не имѣетъ слишкомъ большаго различія отъ членовъ семьи; онъ бываетъ также младшимъ членомъ ея, малымъ, юнымъ; степень его повиновенія и обязанностей ко главѣ семьи одинакова со степенью повиновенія и обязанностей младшихъ членовъ къ родоначальнику“ (стр. 56—57).

Все сказанное о положеніи рабовъ у славянъ весьма справедливо и дѣльно. Но приводить въ числѣ причинъ, что рабы не имѣли большой цѣны, потому что мѣшали славянскому семейству спасаться, въ случаѣ нужды, бѣгствомъ,—странно! Да и почему знать, были ли рабы у славянъ дороги или нѣтъ? Ихъ вывозили во множествѣ на продажу въ Итиль и въ Константинополь. Изъ этого скорѣе можно заключить, что они были дороги. Что касается до невоинственности славянъ, то и это тоже было различно, смотря по племени и мѣсту, гдѣ оно жило. Самъ же г. Соловьевъ, на стр. 48, приписываетъ воинственный характеръ померанскимъ славянамъ. Намъ кажется, что свидѣтельство Маврикія гораздо проще и естественнѣе объясняется патріархальнымъ характеромъ славянскихъ племенъ и отсутствіемъ между ними гражданственности и развитого поня-

тія о правѣ собственности. По этимъ причинамъ плѣнные и рабы становились у нихъ младшими членами семьи и находились въ одинаковомъ съ ними положеніи.

Нѣсколько ниже г. Соловьевъ дѣлаетъ очень много дѣльныхъ замѣчаній о способѣ заключенія браковъ у русскихъ славянъ, о различіи браковъ городскихъ и сельскихъ, и выводитъ извѣстныя намъ по лѣтописи и обрядамъ формы заключенія браковъ изъ древнѣйшаго быта нашихъ предковъ. Мѣстами, однако, и здѣсь встрѣчаемъ довольно спорныя объясненія. Такъ, наприм., о похищеніи невѣстъ читаемъ слѣдующее:

„Похищеніе могло имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, когда дѣвушка была изъ чужого рода, изъ чужого села. Здѣсь похищеніе не было слѣдствіемъ одной враждебности родовъ, потому что если члены разныхъ родовъ сходились вмѣстѣ на одни игрища (по всей вѣроятности, религіозныя), то нельзя предполагать между ними вражды; здѣсь, кромѣ вражды, похищеніе должно было произойти оттого, что каждый родъ берегъ дѣвушку для себя, для своихъ членовъ, и не хотѣлъ уступить ее чужеродцамъ, и если члену одного рода понравилась на игрищѣ дѣвушка изъ чужого рода, то, чтобъ имѣть ее женою, ему необходимо было ее похитить. Это похищеніе естественно производило вражду между родами: родъ, оскорбленный похищеніемъ, можетъ одолѣть родъ похитителя и требовать удовлетворенія, вознагражденія“ (стр. 58).

„Это вознагражденіе не могло быть малое, потому что число женщинъ не могло быть велико: вспомнимъ, что у Славянъ было въ обычаѣ многоженство; вспомнимъ также и другой обычай, по которому жены слѣдовали въ могилу за мужьями; обычай же многоженства и недостатокъ въ женщинахъ необходимо умножали случаи похищенія“ (стр. 58—59).

„Вѣно, или плата за невѣсту была въ тѣсной связи съ похищеніемъ: если дѣвушка, сговорясь на игрищѣ съ чужаниномъ, убѣгала съ нимъ въ чужой родъ, то тѣмъ самымъ разумѣется, разрывала всякую связь съ покинутымъ ею родомъ, не имѣла права надѣяться что-нибудь получить отъ него, и прежніе родичи заботились только о томъ, чтобъ получить за нее плату, чтобъ она не пропала для рода даромъ; но если дѣвушка оставляла родъ съ согласія его, съ согласія старшины, отца, то ясно, что послѣдній обязанъ былъ заботиться о ея благосостояніи, какъ о благосостояніи каждаго другого члена рода, обязанъ былъ надѣлить ее всѣмъ нужнымъ, вслѣдствіе чего вѣно, прежняя цѣна за выводъ дѣвушки изъ рода у нѣкоторыхъ Славянскихъ племенъ потеряла свое значеніе: вѣно вмѣстѣ съ приданымъ начало обращаться въ собственность жены“ (стр. 60).

Все сказанное о послѣдствіяхъ похищенія невѣсты и брака съ согласія ея родителей совершенно справедливо. Но мы не понимаемъ, какимъ образомъ могъ г. Соловьевъ смѣшать обыкновенные увозы и похищенія невѣстъ, которые, какъ можно заключить по нѣкоторымъ свадебнымъ обрядамъ, производились иногда нападеніемъ, открытою силою, съ увозами или похищеніями, происходившими на игрищахъ — религіозныхъ языческихъ празднествахъ? Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, что жители сосѣднихъ селеній, зная навѣрное, что на игрищахъ непремѣнно произойдутъ похищенія невѣстъ, и негодуя на такія похищенія, несмотря на то, все-таки съѣзжались на нихъ и привозили своихъ дочерей? Что-нибудь изъ двухъ: или наученные опытомъ, они должны были не пускать ихъ на игрища, или не враждовать за увозы. Намъ кажется, что послѣднее вѣроятнѣе, и вотъ почему увозы на игрищахъ, какъ ихъ намъ описываетъ лѣтопись, очевидно были символическимъ дѣйствіемъ, обрядомъ, а не похищеніемъ въ настоящемъ смыслѣ слова. Религіозный характеръ игрищъ доказываетъ это несомнѣнно. Что въ основаніи такой формы заключенія браковъ лежало похищеніе, это вѣроятно. Во времена лѣтописца уже было иначе. Но обрядъ, какой бы онъ ни выражалъ первоначальный фактъ, допускаетъ и предварительное условіе, и приданое, и брачные подарки, однимъ словомъ всѣ принадлежности брака, заключаемаго по сговору.

Наконецъ, нельзя пропустить безъ вниманія слѣдующаго мѣста:

„Было вѣрованіе, что мужчина легче достигаетъ блаженства въ будущей жизни, если переходитъ туда въ сопровожденіи женщины. Впрочемъ, справедливо замѣчаютъ, что этотъ обычай не былъ вкорененъ между Славянами“ (стр. 61).

„По свидѣтельству Массуди (Fr. Ibn Fosz., 317) если умиралъ холостой Славянинъ, то его женили послѣ смерти, и жены его спѣшили обречь себя на сожженіе, чтобы души ихъ могли войти въ рай.— Мы должны, кажется, принимать это извѣстіе обратно, т. е. что мужчина нуждался въ женской душѣ для входа въ рай: иначе, для чего было женить мертвеца? Дѣвушка могла выйти за другого и войти въ рай вмѣстѣ съ послѣднимъ“ (прим. 68).

Авторъ смѣшиваетъ здѣсь извѣстія о славянахъ съ извѣстіями о руссахъ. Если, по его мнѣнію (впрочемъ, нигдѣ прямо невысказанному), арабскія извѣстія о руссахъ должны быть относимы къ славянамъ, то мы не видимъ причины, почему на стр. 56 г. Соловьевъ говоритъ, что у славянъ „въ

одеждѣ, въ жилищахъ, господствовало отсутствіе всякой роскоши"; когда по арабскимъ извѣстіямъ (стр. 250), нитки бисера, особенно зеленаго цвѣта, составляли любимое ожерелье русскихъ женщинъ, такъ что мужья ихъ *разорялись*, платя нерѣдко по диргему (отъ 15 до 20 коп. сер.) за каждую бисеринку. Такое неопредѣленное пользованіе источниками заставляетъ насъ снова пожалѣть, что въ первомъ томѣ „Исторіи Россіи" мы не находимъ исчисленія и оцѣнки тѣхъ изъ нихъ, которые относятся къ варяжскому періоду. Въ критическомъ обозрѣніи ихъ ученый авторъ, конечно, изложилъ бы намъ свое мнѣніе о томъ, въ какой мѣрѣ вѣроятны или достовѣрны свѣдѣнія, сообщаемыя о Россіи и русскихъ арабами, и почему въ одномъ случаѣ, ихъ извѣстія могутъ служить источникомъ для изученія славянскаго быта, а въ другомъ—не могутъ. Независимо отъ этого, намъ кажется, что г. Соловьевъ какъ-то слишкомъ отвлеченно и далеко объясняетъ слѣдованіе женъ за мужьями въ могилу. Женщины также мало нуждались въ мужьяхъ для входа въ рай, какъ мужья въ женахъ; да и не объ этомъ шла рѣчь. Загробная жизнь представлялась грубымъ язычникамъ какъ продолженіе здѣшней, со всѣми ея принадлежностями. Оттого съ умершимъ хоронили его женъ, рабовъ, любимаго коня, оружіе и т. д. Несамостоятельность женщины въ то время была причиной тому, что жена могла считать самоубійство послѣ смерти мужа обязанностью и добровольно прекращать свою жизнь. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, мы сильно сомнѣваемся, чтобъ этотъ варварскій обычай могъ быть распространенъ между славянами, по крайней мѣрѣ тѣми, которые, вслѣдствіе разныхъ историческихъ и мѣстныхъ условій, долго оставались погруженными въ чисто-патріархальный бытъ. Обычай этотъ предполагаетъ уже опредѣлившіяся языческія вѣрованія, нѣчто большее непосредственнаго поклоненія явленіямъ, предметамъ и силамъ природы. У племенъ воинственныхъ, конечно, онъ могъ образоваться и развиться скорѣе, чѣмъ у чисто земледѣльческихъ.

За разсмотрѣніемъ древняго быта русскихъ славянъ, слѣдуетъ изложеніе ихъ языческой религіи (стр. 64 — 72). Основной взглядъ г. Соловьева на этотъ предметъ весьма вѣренъ. „Религія восточныхъ славянъ" (говоритъ авторъ) „соотвѣтствовала ихъ быту: она состояла въ поклоненіи физическимъ божествамъ, явленіямъ природы и душамъ усопшихъ, родовымъ, домашнимъ геніямъ; слѣдовъ героическаго элемента, такъ сильно развивающаго антропоморфизмъ, мы не замѣчаемъ у нашихъ славянъ: знакъ, что между ними не образовались завоевательныя дружины подъ начальствомъ вождей-героевъ, и что переселенія ихъ совершались въ родовой, дружинной формѣ" (стр. 64). Все это весьма справедливо. Но въ самомъ изложеніи этихъ вѣрованій есть, какъ намъ кажется, много произвольныхъ, недоказанныхъ и невѣроятныхъ предположеній.

На стр. 65 г. Соловьевъ говоритъ: „Имѣемъ право думать, что Перунъ у языческихъ Славянъ носилъ еще другое названіе Сварога". Въ примѣчаніи къ этому мѣсту (74-мъ) находимъ доказательства: по-санскритски Сварга имѣетъ смыслъ пребыванія на небѣ и хожденія по небу. Можетъ быть и такъ; но что жъ изъ этого? Далѣе приводится мѣсто изъ Ипатьевскаго списка, изъ котораго видимъ, между прочимъ, что Ѳеостъ, Ефестъ, Вулканъ, египетскій Фтасъ есть славянскій Сварогъ: „царствующу сему Феостѣ въ Египтѣ, во время царства его, спадоша клещѣ съ небесѣ, нача ковати оружье". Г. Соловьевъ замѣчаетъ по этому поводу: „Ефестъ есть богъ молніи, ковачь небеснаго, божественнаго оружія... но богъ молніи, богъ оружія есть Перунъ". И затѣмъ ужъ нѣтъ другого названія Перуну, какъ „Сварогъ-Перунъ". Такое отождествленіе Перуна съ Сварогомъ, потому только, что Сварогъ то же, что Гефестъ, а Гефестъ богъ молніи и Перунъ богъ молніи—неосторожно. Ни Гефестъ, ни Вулканъ, никогда не были богами молніи; этого не видно ни въ одномъ изъ ихъ многочисленныхъ аттрибутовъ. Въ доказательство ссылаемся на учебникъ греческой и римской миѳологіи Гефтера (Die Religion der Griechen und Römer etc., 2-е изд. Brandenburg. 1848. О Гефестѣ стр. 283 и слѣд., о Вулканѣ стр. 493—495). Гефестъ прежде всего—богъ литейнаго и кузнечнаго дѣла; потомъ онъ сталъ богомъ огня; но это значеніе его есть второстепенное, производное. Вулканъ былъ собственно богомъ огня, какъ силы или элемента вреднаго и враждебнаго человѣку: Вулканъ сдерживалъ, обуздывалъ эту силу. Позднѣе, въ эпоху синкретизма языческихъ вѣрованій, на Вулкана перенесены были представленія о Гефестѣ. Итакъ, всѣ выводы о

тожествѣ Перуна и Сварога рушатся сами собою. Напрасно старается г. Соловьевъ указать на связь Перуна съ оружіемъ, показать, что Перунъ въ народномъ воображеніи представлялся богомъ-воителемъ. Перунъ могъ, дѣйствительно, получить воинственный характеръ у воинственныхъ племенъ, въ первоначальномъ своемъ значеніи бога молніи; но этимъ нисколько не доказывается его тожество съ Гефестомъ или Сварогомъ. Каждый изъ этихъ боговъ имѣлъ къ оружію различныя отношенія, которыя никакъ не должно смѣшивать. Изъ такого ошибочнаго положенія, конечно, должны быть ошибочны и выводы. Г. Соловьевъ говоритъ (стр. 65): „Верховное божество Сварогъ-Перунъ порождало двухъ сыновей, двухъ Сварожичей: солнце и огонь". Послѣ сказаннаго ясно, что если они были сыновьями Сварога, то это еще не значитъ, что ихъ можно считать и за дѣтей Перуна.

За такимъ началомъ слѣдуетъ цѣлый рядъ весьма произвольныхъ положеній, обязанныхъ происхожденіемъ своимъ только желанію г. Соловьева привесть языческія вѣрованія, несистематическія вездѣ и у всѣхъ народовъ, даже у грековъ и римлянъ, въ систему и стройное цѣлое.

„Поклоненіе солнцу, какъ видно, было сильно распространено между Славянами; въ Словѣ о Полку Игоревѣ русскіе называются внуками Дажбога; если такъ, то къ нему имѣемъ право относить извѣстныя воззванія въ нашихъ пѣсняхъ: Дидъ (дѣдъ) Ладо; послѣднее названіе, означающее свѣтъ, красоту, миръ, любовь, радость, всего приличнѣе можетъ относиться къ солнцу; другой припѣвъ: Люль, Лель означаетъ также дѣда. Кромѣ названія Ладо и Дажбога, къ солнцу же не безъ основанія относятъ имена Хорса, Сура или Тура, Волоса" (стр. 65).

На произвольность этихъ выводовъ мы уже имѣли случай указать при разборѣ „Архива" г. Калачова [1]). Такъ какъ авторъ не прибавилъ къ нимъ ничего новаго, не подкрѣпилъ ихъ доказательствами, то мы не считаемъ нужнымъ вновь повторять уже сказанное и остаемся при своемъ прежнемъ мнѣніи.

Не болѣе доказательно и правдоподобно, что Ладо и Лада, будто бы означающіе солнце и луну,—небесная чета, бывшая первообразомъ супруговъ, которые поэтому и назывались Ладомъ и Ладой (примѣч. 76); что солнце считалось отцомъ народа (примѣч. 77); что употребительное въ нѣкоторыхъ мѣстахъ названія Коляды, Таусень, Авсень, есть измѣненное *Ясень*, также по всѣмъ вѣроятностямъ имя солнца (стр. 66); что масляница — языческій *весенній* праздникъ, который „имѣлъ мѣсто въ началѣ весны, но какъ это время приходится въ Великій постъ, то, по принятіи христіанства, празднованіе ея перенесено на конецъ Рождественскаго мясоѣда и отчасти на Свѣтлое Воскресенье" (тамъ же); что пѣніе колядокъ въ сѣверныхъ областяхъ Россіи во время масляницы указываетъ на отношеніе масляницы къ зимнему празднику солнца (примѣч. 83); что праздникъ Ивана Купалы относится къ стихійнымъ божествамъ (стр. 66); что въ древности праздникъ Ярилы „по всѣмъ вѣроятностямъ" совпадалъ съ праздникомъ Купалы (стр. 67). Если въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ солнце иногда и называется мужемъ, мѣсяцъ—женой, а звѣзды—ихъ малыми дѣтками, то можно ли изъ одного этого выводить, что они, то-есть солнце и мѣсяцъ, считались небесной четой, первообразомъ супруговъ? Мы, напротивъ, думаемъ, что солнце и мѣсяцъ названы супругами потому, что на нихъ перенесены людскія семейныя отношенія, и что это названіе ихъ мужемъ и женой было даже не вѣрованіемъ, а эпическимъ выраженіемъ, не болѣе. Кто же изъ насъ правъ? Оба предположенія пока не доказаны; а если они не могутъ быть доказаны, то всегда благоразумнѣе не дѣлать ихъ вовсе. Это, во всякомъ случаѣ, вѣрнѣй, чѣмъ останавливаться на личныхъ мнѣніяхъ въ предметѣ неизвѣстномъ и не изслѣдованномъ. Но г. Соловьевъ не всегда такъ разсуждаетъ. Желаніе объяснить все до послѣдняго слова, до послѣдней буквы, часто заставляетъ его прибѣгать къ догадкамъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ не имѣютъ никакого основанія. Такъ и въ приведенныхъ нами положеніяхъ. Изъ чего, кромѣ эпическаго выраженія, видно, что солнце считалось отцомъ народа? Въ Словѣ о полку Игоревомъ оно является дѣдомъ. Сравните съ другими подобными выраженіями: мать-сыра земля, мать зеленая дубравушка;—неужели и здѣсь ихъ должно принимать буквально? Это только способъ выраженія, эпическій оборотъ. На чемъ основано мнѣніе, что масляница праздновалась прежде въ другіе сроки, чѣмъ теперь, и что она раздробилась потомъ на двѣ части? Она могла имѣть и, конечно, имѣла постоянный срокъ во время язычества; но о перенесеніи ея на другое время, о раз-

[1]) См. ниже, во II-мъ отдѣлѣ.

дробленіи ея, мы не имѣемъ рѣшительно никакого права дѣлать предположенія при тѣхъ данныхъ, которыя до сихъ поръ извѣстны. На чемъ, далѣе, основана вѣроятность догадки, что праздникъ Ярилы совпадалъ, въ эпоху язычества, съ праздникомъ Купалы? Игрище Ярилы справляется въ разныхъ мѣстностяхъ различно и въ разное время, и нѣтъ ни малѣйшаго повода думать, что одинъ изъ этихъ сроковъ былъ древній, а другіе — новые, измѣненные. На стр. 66 г. Соловьевъ, основываясь на изслѣдованіяхъ профессора Срезневскаго, доказываетъ, что святки, и теперь называемыя въ простомъ народѣ колядой, были временемъ жертвоприношеній, потому что слово *колдовать* (очевидно, одно и то же съ словомъ колядовать) до сихъ поръ въ хорутанскомъ нарѣчіи значитъ приносить жертву. Это весьма справедливо. Но имѣлъ ли авторъ малѣйшее право и поводъ выводить какое-то особенное отношеніе между святками и масляницею изъ того только, что колядскія пѣсни поются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ оба эти праздника? Коляда, по своему этимологическому значенію, есть терминъ общій, а не спеціальный; онъ могъ сохраниться для однихъ праздниковъ, а для другихъ исчезнуть. У насъ до сихъ поръ нѣсколько народныхъ праздниковъ носятъ названіе *субботъ*, *субботокъ*, очевидно, состоящее въ связи съ названіемъ *шабашъ*. Неужели по одному этому всѣ такіе праздники находятся въ связи между собою, и между ними непремѣнно было прежде извѣстное отношеніе? Далѣе, наши простонародные праздники, сохранившіе на себѣ замѣтный отпечатокъ язычества, до сихъ поръ, при тщательномъ изученіи, не даютъ ни малѣйшаго права заключать, что они происходили въ честь какого-нибудь божества. Олицетворенія, играющія роль при нѣкоторыхъ изъ нихъ, всегда, постоянно, изображаютъ самый праздникъ, Купало, Масляницу и т. д. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что въ отношеніи къ временамъ года, веснѣ и зимѣ, существуютъ довольно живо сохранившіяся воспоминанія о ихъ значеніи во времена язычества: зима—смерть; ее выносятъ изъ села, топятъ въ рѣкѣ. Такое же опредѣленное значеніе имѣютъ другія олицетворенія, напримѣръ Ярилы. Но олицетворенія Купалы, Масляницы, не представляютъ ничего подобнаго. Они изображаютъ праздникъ, не болѣе, и именно по этому, очень вѣроятно, позднѣйшаго происхожденія. Какое же право имѣлъ авторъ такъ рѣшительно относить праздникъ Купалы къ тому или другому стихійному божеству? Гдѣ для этого данныя? Въ дополненіяхъ къ первому тому „Исторіи Россіи“ г. Соловьевъ, разбирая споръ, возникшій между нами и г. Аѳанасьевымъ, по поводу статьи: „Вѣдунъ и Вѣдьма“, замѣчаетъ: „г. Кавелинъ, справедливо вооружаясь противъ нѣкоторыхъ произвольныхъ предположеній г. Аѳанасьева, вмѣстѣ съ тѣмъ перегнулъ дугу въ противоположную сторону“ (стр. 11). Это дѣйствительно можетъ быть и такъ; самому трудно судить объ этомъ, потому что въ дѣлѣ славяно-русской миѳологіи личный взглядъ до сихъ поръ еще не имѣетъ объективной повѣрки: факты такъ еще шатки, такъ неразработаны. Но г. Соловьевъ согласится, что для перегибанія дуги въ сторону противоположную всѣмъ другимъ изслѣдователямъ мы имѣли болѣе чѣмъ достаточное основаніе: они, и въ томъ числѣ самъ г. Соловьевъ, гнули ее въ свою сторону такъ, что наконецъ натяжка стала очевидна для всѣхъ и каждаго. Въ наше время славяно-русская миѳологія, какъ она выходитъ изъ-подъ пера изслѣдователей,—не исторія, а вымыселъ, да притомъ вымыселъ почти не напоминающій исторію. Гипотезы, которыми завалена эта миѳологія, не опираются на совокупности миѳологическихъ данныхъ, сохранившихся отъ временъ язычества, а на миѳологическихъ системахъ европейскихъ ученыхъ. Труды послѣднихъ, достойные высокаго уваженія въ отношеніи къ греческой и римской миѳологіямъ, оставляютъ еще многаго желать въ отношеніи къ славянскому язычеству. А между тѣмъ, какъ нарочно, воззрѣнія этихъ-то ученыхъ, выработавшіяся подъ вліяніемъ классическаго язычества, переносятся въ наши языческія вѣрованія, иными сознательно, другими безсознательно, потому только, что ужъ однажды сложилось извѣстное представленіе о язычествѣ, и это представленіе считается за несомнѣнную истину, за общее начало, равно присущее во всѣхъ языческихъ религіяхъ. Вотъ противъ чего мы всего болѣе вооружались въ статьѣ о „Вѣдунѣ и Вѣдьмѣ“. Отвѣтъ г. Аѳанасьева удивилъ насъ, но не убѣдилъ. Можетъ быть, еще представится когда-нибудь случай поговорить подробнѣе о русской миѳологіи и объ отвѣтѣ г. Аѳанасьева. Теперь возвратимся къ изслѣдованіямъ г. Соловьева.

На стр. 68 авторъ переходитъ къ изложенію вѣрованій славянъ въ геніевъ и души умершихъ. Намъ показался и этотъ отдѣлъ его миѳологическихъ изслѣдованій очень слабымъ и преисполненнымъ гипотезами. Вотъ подлинныя слова г. Соловьева:

„Разсмотрѣвъ поклоненія стихійнымъ божествамъ, теперь обратимся къ другой половинѣ Славянской миѳологіи, именно къ поклоненію геніямъ и душамъ усопшихъ. При вѣрѣ въ загробную жизнь, естественно было придти къ тому мнѣнію, что душа умершаго родоначальника и по смерти блюдетъ за благосостояніемъ рода; отсюда происхожденіе духовъ покровителей для цѣлаго рода и каждаго родича- *рода и рожаницъ.* Что подъ именемъ рода разумѣлась душа умершаго родоначальника, доказываетъ, во-первыхъ, связь рода съ упыремъ, а во-вторыхъ, извѣстіе, что подъ именемъ рода послѣ разумѣли духъ, привидѣніе, которымъ стращали дѣтей; характеръ же привидѣнія обыкновенно принимаютъ души умершихъ, и божества тѣсно съ ними связанныя. Въ значеніи рода божества-покровителя является щуръ. дѣдъ, прадѣдъ, что ясно изъ употребительнаго *пращуръ*; щуръ предполагаетъ форму *чуръ*, подъ которымъ именемъ собственно и извѣстно божество, охраняющее родъ, домъ. Это божество призывается и теперь безсознательно въ опасностяхъ, особенно, когда простолюдинъ думаетъ, что онъ подверженъ злобѣ духовъ: „Чуръ меня! Чуръ меня!“ говоритъ онъ тогда. Можно положить, что Чуръ и Родъ одно и то же; можно думать также, что съ упадкомъ родового быта и съ усиленіемъ христіанства насчетъ язычества, Чуръ, или родъ перешелъ въ Домового.

„Младенчествующій народъ не могъ понимать духовнаго существованія за гробомъ, и представлялъ души праотцевъ доступными для всѣхъ ощущеній этого бѣлаго свѣта; думали, что зима есть время ночи, мрака для душъ усопшихъ; но какъ скоро весна начинаетъ смѣнять зиму, то прекращается и ночной путь для душъ, которыя поднимаются къ небесному свѣту, возстаютъ къ новой жизни. Это мнѣніе естественно проистекало изъ поклоненія природнымъ божествамъ, солнцу, лунѣ и проч., которыхъ вліяніе должно было простираться на весь міръ, видимый и невидимый. Въ первый праздникъ новорожденнаго солнца, въ первую зимнюю коляду, мертвые уже вставали изъ гробовъ и устрашали живыхъ: отсюда и теперь время святокъ считается временемъ странствованія духовъ. Масляница, весенній праздникъ солнца, есть вмѣстѣ и поминовенная недѣля, на что прямо указываетъ употребленіе блиновъ, поминовеннаго кушанья. Съ древней Масляницы, т. е. съ начала весны, живые здороваются съ усопшими, посѣщаютъ ихъ могилы, и праздникъ *Красной Горки* соединяется съ *Радуницею*, праздникомъ свѣта, солнца для умершихъ; думаютъ, что души покойниковъ встаютъ тогда, во время поминовенія изъ темницъ (гробовъ), и раздѣляютъ поминовенную пищу вмѣстѣ съ принесшими.

„Въ непосредственной связи съ вѣрованіемъ, что весною души умершихъ встаютъ для наслажденія новою жизнью природы, находится праздникъ русалокъ или русальная недѣля. Русалки вовсе не суть рѣчныя или какія бы то ни было нимфы; имя ихъ не происходитъ отъ русла, но отъ русый (свѣтлый, ясный); русалки суть не иное что, какъ души умершихъ, выходящія весною насладиться оживленною природою. Народъ теперь вѣритъ, что русалки суть души младенцевъ, умершихъ безъ крещенія, но когда всѣ Славяне умирали безъ крещенія, то души ихъ всѣхъ должны были становиться русалками? Русалки появляются съ Страстнаго четверга (когда встарину, по Стоглаву, по-рану солому палили и *кликали мертвыхъ*), какъ только покроются луга весенней водою, распустятся вербы. Если онѣ и представляются прекрасными, то всегда однако носятъ на себѣ отпечатокъ безжизненности, блѣдности. Огни, выходящіе изъ могилъ, суть огни русалокъ; онѣ бѣгаютъ по полямъ приговаривая: „Бухъ! бухъ! соломенный духъ. Меня мати породила, некрещену положила“. Русалки до Троицына дня живутъ въ водахъ, на берега выходятъ только поиграть. У всѣхъ языческихъ народовъ путь водный считался проводникомъ въ подземное царство и изъ него назадъ; поэтому и русалки являются изъ воды, живутъ сперва въ рѣкахъ и показываются при колодцахъ. Съ Троицына дня до Петрова поста русалки живутъ на землѣ, въ лѣсахъ, на деревьяхъ, любимомъ пребываніи душъ по смерти. Русальныя игры суть игры въ честь мертвыхъ, на что указываетъ переряживаніе, маски,—обрядъ, который не у однихъ Славянъ былъ необходимъ при праздникѣ тѣнямъ умершихъ: человѣку свойственно представлять себѣ мертвеца чѣмъ-то страшнымъ, безобразнымъ, свойственно думать, что особенно души злыхъ людей превращаются въ страшныя безобразныя существа для того, чтобъ пугать и дѣлать зло живымъ. Отсюда естественный переходъ къ вѣрованію въ переселеніе душъ и въ оборотней; если душа по смерти можетъ принимать различные образы, то, силою чародѣйства, она можетъ на время оставлять тѣло и принимать ту или другую форму. Есть извѣстіе, что у Чеховъ на перекресткахъ совершались игрища въ честь мертвыхъ съ переряживаніемъ. Это извѣстіе объясняется обычаемъ нашихъ восточныхъ Славянъ, которые, по лѣтописи, ставили сосуды съ прахомъ мертвецовъ на распутіяхъ, перекресткахъ; отсюда до сихъ поръ въ народѣ суевѣрный страхъ передъ перекрестками; мнѣніе, что здѣсь собирается нечистая сила.

„У Русскихъ Славянъ главнымъ праздникомъ русалокъ былъ Семикъ, великъ день русалокъ; въ это время, при концѣ весны совершались проводы послѣднихъ. Конецъ русальной недѣли, Троицынъ день, былъ окончательнымъ праздникомъ русалокъ: въ этотъ день русалки уже падаютъ съ деревьевъ, перестаетъ для нихъ пора весеннихъ наслажденій. Въ первый понедѣльникъ Петрова поста бывало въ нѣкоторыхъ мѣстахъ игрище — провожанье русалокъ въ могилы. Въ тѣсной связи съ русалками находятся водяные дѣдушки, лѣшіе, кикиморы и проч. Мертвецы были извѣстны еще подъ именемъ *Навья*, и представлялись въ видѣ существъ малорослыхъ, карликовъ (людки)“ (стр. 68, 69 и 70).

Объ этихъ мнѣніяхъ г. Соловьева мы также имѣли случай говорить довольно подробно въ разборѣ „Архива“ г. Калачова. Сколько помнится, г. Афанасьевъ нашелъ доводы наши противъ тожества домового съ душами умершихъ предковъ если не совершенно убѣдительными, то по крайней мѣрѣ заслуживающими вниманія. Г. Соловьевъ, какъ видно, судилъ объ этомъ иначе; статья его объ этой отрасли вѣрованій русскихъ славянъ осталась безъ всякихъ измѣненій. Какъ читатель самъ можетъ удостовѣриться, родъ и рожаница, извѣстные доселѣ только по имени, точно такъ же произведены въ званіе духовъ-покровителей для цѣлаго рода и каждаго родича, и въ должность душъ умершихъ родоначальниковъ; точно такъ же является, и съ тѣмъ же значеніемъ, *щуръ* — извѣстный только изъ составного слова пращуръ, и чуръ, извѣстный изъ одного только зачуранья; выводъ, разумѣется, тотъ же, именно, что *чуръ и родъ* одно и тоже, и что съ упадкомъ родового быта и съ усиленіемъ христіанства чуръ перешелъ въ домового. Все это, по словамъ г. Соловьева, и „естественно“ и „ясно“ и „можно положить“ и „можно думать“. Но убѣдительно ли это—вотъ вопросъ. Все, что говорится о вѣрованіи въ души умершихъ предковъ, какъ духовъ-покровителей, къ сожалѣнію, совершенно бездоказательно. Тѣнь доказательства—но только тѣнь, никакъ не болѣе — представляетъ разсужденіе, почему подъ именемъ рода должно разумѣть душу умершаго родоначальника. Мы называемъ доводы г. Соловьева въ этомъ мѣстѣ тѣнью доказательствъ, потому что никто, конечно, не увидитъ никакой связи между родомъ и упыремъ изъ свидѣтельства одного сборника Кириллова монастыря: „Словѣне ти начаша требы класти роду и рожаницамъ, прежде Перуна бога ихъ, а переже того клали требу упиремъ и берегинямъ“; то-есть славяне прежде приносили жертвы роду и рожаницамъ, а потомъ упырямъ и берегинямъ. Какая тутъ связь? Да и что жъ бы изъ нея слѣдовало, еслибъ она и дѣйствительно была? Упырь—просто мертвецъ, а не предокъ, не родоначальникъ, даже не родственникъ. Потомъ: родомъ стращали дѣтей. Стало быть, говоритъ г. Соловьевъ, родъ былъ духъ, привидѣніе. Да кто жъ это сказалъ, изъ чего это видно? Ну, а привидѣніе, продожаетъ г. Соловьевъ,—стало быть, умершій родоначальникъ, или предокъ, потому что характеръ привидѣній принимаютъ души умершихъ и божества, съ ними тѣсно связанныя. Любопытный рядъ посылокъ, которыя и сами въ себѣ не вѣрны, да и между собой ничѣмъ не связаны. Слова текста вотъ какія: „дѣти бѣгаютъ рода“. Ну, что жъ? Они бѣгаютъ лѣшаго, банника, водяного: и это все души родоначальниковъ, привидѣнія, тѣни умершихъ? „Употребленіе единственнаго „родъ“ и множественнаго рожаницы, говоритъ г. Соловьевъ въ 90 примѣчаніи, можетъ объясниться представленіемъ языческой семьи, гдѣ одинъ отецъ окруженъ многими женами; при одномъ отцѣ (родѣ) было много матерей (рожаницъ)“. Положимъ, что это совершенно справедливо. Да вѣдь говоря — предки, мы разумѣемъ не одного умершаго дѣда, или прадѣда, положимъ со всѣми бабушками, но всѣхъ и прадѣдовъ, и прапрадѣдовъ, и пращуровъ и т. д. Отчего жъ всѣ они являются однимъ лицомъ, а предки женскаго рода—каждая въ своемъ? Это странно!

„Изъ этого (приведеннаго нами выше) извѣстія (говоритъ въ томъ же примѣчаніи г. Соловьевъ) видимъ, что поклоненіе роду и рожаницамъ смѣнило поклоненіе упырямъ и берегинямъ; перемѣнилось названіе, значеніе осталось одно и то же; упырь соотвѣтствуетъ роду, берегиня — рожаницѣ; но извѣстно, что упырь есть мертвецъ“. Что упырь —мертвецъ, конечно, очень хорошо извѣстно. Но кто же сказалъ, что упырь соотвѣтствуетъ роду, берегиня—рожаницѣ? Изъ какихъ свидѣтельствъ это видно? Въ сборникѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, послѣ выписанныхъ нами словъ, читаемъ слѣдующее: „По святѣмъ крещеньи Перуна отринуша, а по Хорса (читаетъ г. Соловьевъ) бога яшась, но і ноне по украінамъ молятся ему проклятому богу Перуну и Хорсу (опять читаетъ г. Соловьевъ): і мокоши і вилу і то творят отаі“. Разсуждая по примѣру г. Соловьева, мы имѣли бы право сдѣлать такой выводъ: Перунъ соотвѣтствуетъ упырю, Хорсъ (если г. Соловьевъ не ошибся, читая такъ) берегинѣ: перемѣнилось названіе, значеніе осталось одно. Что жъ? Всѣ назвали бы такой выводъ страннымъ, а почему? Потому что мы знаемъ, что́ значитъ упырь, Перунъ и Хорсъ. Но ужели выводъ г. Соловьева можетъ быть названъ вѣрнымъ потому только, что мы совершенно ничего не знаемъ о значеніи рода и рожаницы; не знаемъ даже, относятся ли они къ языческимъ вѣрованіямъ русскихъ или другихъ славянъ?

Однако г. Соловьевъ, не колеблясь, переноситъ ихъ въ міръ языческихъ воззрѣній славяно-руссовъ, и съ опредѣленнымъ значеніемъ, котораго они не имѣютъ. Не странно ли это? Святовидъ, Марзана, Дзивонна были божествами славянъ, но не русскихъ славянъ. Развѣ мы имѣемъ право включить ихъ въ число славяно-русскихъ божествъ? Конечно нѣтъ! Это правило относится и ко всѣмъ другимъ вѣрованіямъ. Отчего же, въ отношеніи къ однимъ мы заключаемъ такъ, въ отношеніи къ другимъ—иначе?

Г. Соловьевъ говоритъ, что чуръ или родъ перешли въ домового. Мы представили свои возраженія противъ этого мнѣнія въ разборѣ мнѣній гг. Афанасьева и Буслаева, при разсмотрѣніи „Архива“ г. Калачова, и отсылаемъ къ нимъ читателей Замѣтимъ здѣсь только, что новое доказательство мнимой связи между домовымъ и душою умершаго предка, приводимое г. Соловьевымъ въ примѣчаніи 92, вовсе не доказательство. Авторъ говоритъ: „домовой, въ видѣ *бадняка*, является у южныхъ славянъ въ домъ вечеромъ 24 декабря, когда, въ первый праздникъ новорожденнаго солнца, мертвые уже вставали изъ гробовъ.“

Наконецъ, что же собственно значитъ родъ, если это не одно названіе, лишенное для насъ всякаго значенія? Г. Соловьевъ приводитъ самъ извѣстіе, почерпнутое изъ изслѣдованій профессора Срезневскаго, что, по вѣрованіямъ хорутанъ, всякій человѣкъ, какъ только родится, получаетъ въ небѣ свою звѣзду, а на землѣ свою рожаницу. Надѣемся, что здѣсь, по крайней мѣрѣ, рожаница не имѣетъ значенія души умершаго предка? У насъ говорится: такъ ему, видно, на роду написано. И тутъ ни малѣйшаго намека на умершихъ предковъ. У Гримма въ 28 главѣ „Германской миѳологіи“ въ статьѣ „о судьбѣ и счастьи“ собрано множество данныхъ, которыми смыслъ этихъ выраженій и вѣрованій поясняется; напримѣръ: qualem *Nascentia* attulit, talis erit, то-есть какого создастъ рожаница, таковъ будетъ. Въ Гаутрекссагѣ есть разсказъ, какъ Гроссгарсграни, то-есть Одинъ велѣлъ судьямъ присудить судьбу Сторкадру, своему воспитаннику. Одинъ и Торъ поперемѣнно высказывали, что̀ они ему назначали, и ихъ слова большею частью начинались такъ: ich *schaffe* ihm, слово въ слово—„я создаю, сотворяю ему“. У насъ и теперь говорится: создай, сотвори ему то-то. Итакъ, если на основаніи этихъ шаткихъ данныхъ можно построить что-нибудь, то, конечно, родъ означалъ судьбу, предназначеніе, участь, „таланъ“ человѣка, по выраженію нашихъ пѣсенъ, а не душу усопшаго предка. Эта-то судьба и могла быть олицетворена, и ее могли бояться дѣти какъ духа.

Дальнѣйшее изложеніе вѣрованій въ души умершихъ удовлетворительнѣе. Странно только одно: какимъ образомъ г. Соловьевъ не напалъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о язычествѣ славянъ на вопросъ: въ какомъ же отношеніи находились между собою повѣрья о душахъ умершихъ, покровителяхъ дома, благодѣтельныхъ существахъ, и повѣрьяхъ о враждебности этихъ душъ къ человѣку, страхъ къ нимъ? Съ мертвыми здороваются ихъ родственники, совѣтуются, вызываютъ ихъ весной на землю, приготовляютъ для нихъ столы въ своихъ жилищахъ и на могилахъ, и ихъ же боятся, ими же пугаютъ дѣтей? Г. Соловьевъ, къ сожалѣнію, не вникъ въ различіе просто умершихъ и упырей и русалокъ. Разсужденіе, что человѣку свойственно представлять себѣ мертвеца страшнымъ, безобразнымъ, не рѣшаетъ вопроса, потому что множество повѣрій доказываютъ противное. Поэтому, соглашаясь съ авторомъ вполнѣ, что русалки—скорѣе души умершихъ, чѣмъ рѣчныя нимфы, мы не можемъ согласиться, что онѣ просто „души умершихъ, выходящія весною насладиться оживленною природою“. Весьма замѣчательно, что чрезъ всѣ наши повѣрья тянется очень выдержанное различіе между обыкновенными покойниками, выходящими на лѣто изъ могилъ, и русалками. Повѣрья о тѣхъ и другихъ идутъ чрезъ все лѣто рядомъ, не смѣшиваясь. Приведемъ здѣсь въ доказательство одинъ фактъ, болѣе другихъ рѣзкій. „Въ народѣ (говоритъ г. Сахаровъ), существуетъ странное понятіе о покойникахъ, будто они, вспоминая о старой своей жизни, бродятъ въ Семицкую недѣлю по кладбищамъ безъ пристанища. Добродушныя старушки, изъ жалости, приходятъ бесѣдовать во вторникъ на ихъ могилы и справляютъ по нихъ задушные поминки. По ихъ предположеніямъ, покойники, довольные такимъ угощеніемъ, уже не выходятъ изъ могилъ. Забытые покойники часто вступаютъ въ ссоры и драки съ русалками, а русалки за всѣ обиды мстятъ уже живымъ. Подобное же понятіе существуетъ объ удавленникахъ и утопленныхъ. Поселяне тульской губерніи

выходятъ и на могилы для поминокъ" (Сказ. Русск. Народа, Т. II., Русск. Народ. Годовщ. стр. 83 и 84). Такимъ образомъ, доказавъ, какъ мы думаемъ очень убѣдительно, что русалокъ нельзя относить къ разряду стихійныхъ геніевъ, или олицетвореній, г. Соловьевъ не опредѣлилъ, что же онѣ были именно, и въ чемъ заключалось безспорное различіе ихъ отъ прочихъ душъ умершихъ?—Почему г. Соловьевъ ставитъ водяныхъ дѣдушекъ и лѣшихъ въ тѣсную связь съ русалками—мы не знаемъ. Съ кикиморами они дѣйствительно имѣютъ связь, и повидимому довольно близкую, если только повѣрья о кикиморахъ не измѣнились подъ вліяніемъ позднѣйшихъ понятій; но водяные и лѣшіе—стихійные, природные геніи: что могли они имѣть общаго съ русалками, душами умершихъ?

Къ этимъ главнымъ замѣчаніямъ прибавимъ еще слѣдующія. Г. Соловьевъ (примѣчаніе 95) находитъ, что корень слова *Радуницы* есть *рад*, что значитъ свѣтъ, radius. Но эта этимологія далека. Не ближе ли производить это слово отъ слова „радоваться"? Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *радуница* называется *радованицею*. При живомъ вѣрованіи въ возвращеніе мертвыхъ весною на землю, это время и должно было быть временемъ радости. Вспомнимъ, какъ родные покойниковъ до сихъ поръ еще въ Бѣлоруссіи призываютъ ихъ къ себѣ „хлѣба и соли откушать". — Въ примѣчаніи 103 г. Соловьевъ, недовольный и безъ того весьма убѣдительными доказательствами, что масляница была также праздникомъ въ честь мертвыхъ, ссылается еще на связь ея съ Семикомъ. Смѣемъ увѣрить его, что эта связь позднѣйшаго происхожденія, и ничего не доказываетъ; она образовалась изъ того, что масляница справляется за семь недѣль до Пасхи, а Семикъ въ седьмую недѣлю по Пасхѣ.—Въ примѣчаніи 90 г. Соловьевъ, на основаніи приведеннаго нами выше мѣста изъ сборника Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, найденнаго г. Шевыревымъ, утверждаетъ, что „треба, покормъ, жертва, преимущественно назначались для душъ умершихъ людей, и что отъ обычая покорма упырямъ и берегинямъ уже перешли къ жертвѣ Перуну". Но это совершенно произвольный выводъ: жертвоприношенія, требы, покормы появились, когда предметы языческаго поклоненія были олицетворены и имъ приписаны человѣческіе аттрибуты. Весну встрѣчаютъ у насъ до сихъ поръ съ пирогомъ; къ звѣздамъ дѣвушки обращаются тоже съ пирогомъ. Однимъ словомъ, покормъ относится ко всѣмъ олицетвореннымъ и обожаемымъ предметамъ; не видно никакого преимущества надъ ними душъ умершихъ; да его и не могло быть. — Въ томъ же примѣчаніи, на основаніи того же свидѣтельства, г. Соловьевъ выводитъ, что „когда, вслѣдствіе распространенія христіанства, поклоненіе Перуну должно было прекратиться, то поклоненіе Хорсу (солнцу) долго еще оставалось въ силѣ, потому что дѣятельность этого божества ближе къ человѣку, чаще проявляется: Перунъ когда-то ударитъ, а солнце видимо каждый день; всѣ главные праздники были тѣсно связаны съ поклоненіемъ солнцу, и потому долго не могли отстать отъ него". Въ этомъ толкованіи нельзя не замѣтить желанія объяснить все, даже тѣ факты, которые намъ едва знакомы; другого, объективнаго значенія оно не имѣетъ, потому что слишкомъ предположительно, легко, и даже нѣсколько наивно. Куда, напримѣръ, будетъ оно годиться, если г. Соловьевъ не такъ прочелъ слово Хорсъ? Вся система его должна неминуемо рушиться. Въ примѣчаніи 103 читаемъ, что „битье въ ладоши есть *обычай* русалокъ". Почему же такъ? Битье въ ладони есть выраженіе радости и является во всѣхъ нашихъ народныхъ свадебныхъ и другихъ праздникахъ.— На стр. 70 и въ примѣчаніи 106 мы встрѣчаемъ мысль, основанную на изслѣдованіяхъ г. Буслаева, будто бы мертвецовъ представляли себѣ въ видѣ карликовъ. Это очень могло быть; только подобное представленіе нисколько не относится къ вѣрованіямъ русскихъ славянъ, потому что у нихъ мы не находимъ ни малѣйшихъ слѣдовъ этихъ вѣрованій. Наконецъ, въ примѣчаніи 109 встрѣчаемъ странную мысль, противорѣчащую даннымъ всѣхъ языческихъ религій, будто бы „доброе или бѣлое волшебство проистекаетъ изъ существа женщины, тогда какъ чернокнижіе, по своему характеру, есть мужское". Стоитъ вспомнить о нашихъ колдуньяхъ, вѣдьмахъ, бабѣ-ягѣ, чаровницахъ, отравительницахъ старинныхъ сказаній и пѣсенъ, чтобъ убѣдиться, какъ неосновательно подобное заключеніе.

Послѣ этого, по возможности сжатаго разбора статьи о языческихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ русскихъ славянъ, мы, конечно, вправѣ повторить сужденіе о ней, высказан-

ное съ самаго начала: статья эта весьма слаба. Въ новомъ историческомъ трудѣ г. Соловьева, написанномъ съ несомнѣннымъ знаніемъ дѣла и тщательностью, недостатки ея выказываются еще рѣзче. Кромѣ прагматическаго изложенія, причина недостатковъ ея та, что г. Соловьевъ слишкомъ увлекается частностями, мелкими фактами, и не уяснилъ для самого себя общую точку зрѣнія на язычество русскихъ славянъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что даже при теперешней, весьма недостаточной ученой обработкѣ этого предмета, статья о немъ могла быть гораздо удовлетворительнѣе. Г. Соловьевъ имѣетъ очень странное понятіе о развитіи языческихъ вѣрованій. Такъ, на стр. 71, онъ говоритъ: „Главными исказителями первоначальной религіи народа являются всегда и вездѣ жрецы и художники; вотъ почему у нашихъ восточныхъ Славянъ, у которыхъ не было класса жрецовъ и не былъ распространенъ обычай изображать божества въ кумирахъ, религія сохранилась въ гораздо большей простотѣ, чѣмъ у западныхъ Славянъ, у которыхъ городская жизнь и сильное чуждое вліяніе повели и къ образованію жреческаго класса, и къ распространенію храмовъ и кумировъ". Мысль не только странная, но и вполнѣ невѣрная! Кто не знаетъ, что изображеніе боговъ въ кумирахъ не есть обычай, существующій у одного народа, и не существующій у другого, но эпоха въ развитіи языческихъ вѣрованій, которая, рано или поздно, наступаетъ у всѣхъ языческихъ народовъ, если только какія-нибудь историческія причины насильственно не прервутъ этого развитія? Кто не знаетъ, что жрецы и художники являются у язычниковъ не произвольно, а когда предварительное развитіе языческихъ вѣрованій сдѣлаетъ ихъ возможными. И тѣ, и другіе — органическое явленіе въ исторіи язычества, такое же какъ храмы и кумиры. Послѣ приведенныхъ словъ, не станемъ останавливаться на мысли, будто бы первоначально жертва назначалась для душъ умершихъ, и будто бы обычай приносить жертвы подъ деревьями потому и произошелъ, что души умершихъ обитали въ лѣсахъ, на деревьяхъ; эти воззрѣнія мы уже видѣли выше: имъ подало поводъ приведенное мѣсто изъ Кирилло-Бѣлозерскаго сборника, и они не встрѣчаются въ первой редакціи этой статьи въ „Архивѣ" г. Калачова. Легко рѣшаетъ авторъ самые важные вопросы въ исторіи языческихъ религій, по неопредѣленности общаго взгляда.

Остальная часть второй главы (начиная съ 72 страницы), посвящена обозрѣнію другихъ, не славянскихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ Россіи. Здѣсь прежде всего вниманіе наше останавливаетъ опроверженіе мнѣнія, по которому германскіе скандинавы не могли быть призваны на княженіе въ тогдашнюю Россію (стр. 85). Этимъ глава эта поставляется въ тѣсную связь съ слѣдующей четвертой главой о призваніи варяговъ-Руси и о состояніи европейскихъ народовъ, преимущественно славянскихъ, въ эпоху призванія. По близости предмета, мы разсмотримъ ихъ вмѣстѣ.

Призваніе варяговъ-Руси соединенными славянскими и финскими племенами остается до сихъ поръ камнемъ преткновенія для исторической критики. Три слѣдующіе трудные вопроса представляетъ это событіе: во-первыхъ, какимъ образомъ, въ такое отдаленное время, при сравнительно низшей степени образованія, племена разнаго происхожденія, жившія въ добавокъ не смѣшанно на одной территоріи, но по сосѣдству другъ отъ друга, могли соединиться между собою и напасть на разумную, достойную всякаго уваженія мысль — установить у себя одну общую власть? Намъ извѣстно изъ лѣтописи, что славянскія племена, вошедшія въ составъ тогдашней Россіи, даже воевали между собою, и что политическое соединеніе ихъ произошло посредствомъ варяговъ-Руси: а здѣсь соединяются племена, чуждыя другъ другу. Во вторыхъ, лѣтопись говоритъ намъ ясно, что въ 859 году, варяги брали изъ-за моря дань на Чуди, Славянахъ, Мери и всѣхъ Кривичахъ (или по нѣкоторымъ спискамъ на Веси и Кривичахъ); въ 860, 861, 862 годахъ, туземцы изгнали варяговъ за море, не дали имъ дани и сами стали владѣть у себя; но потомъ, вслѣдствіе междоусобій, обратились съ просьбою княжить у нихъ и судить по праву—къ кому же? Къ иноземцамъ, которыхъ они сами же изгнали. Какъ объяснить это явленіе? Нѣкоторые думаютъ, что соединенныя племена обратились съ просьбою не къ тѣмъ варягамъ, которые брали съ нихъ дань, а къ другимъ. Можетъ быть. Но все же варяги—иноземцы? Какъ же это сдѣлалось? Наконецъ, въ третьихъ, не удивительный ли, не безпримѣрный ли въ исторіи фактъ, что наши предки и финны, въ IX

вѣкѣ, сознаются, что сами собою не могутъ устроить у себя порядка и отправляются къ иноплеменникамъ, въ чужую страну, просить помочь имъ выйти изъ этого затруднительнаго положенія, утвердить у нихъ судъ и правду? Такое единодушное признаніе собственнаго безсилія въ народахъ, изъ которыхъ образовалась могущественнѣйшая держава въ мірѣ, доказавшая и доказывающая на дѣлѣ прочность своихъ государственныхъ основъ, въ самомъ дѣлѣ непостижимо, особенно въ такое отдаленное время.

Карамзинъ въ первомъ томѣ своей исторіи пытался объяснить призваніе варяговъ; но это объясненіе скоро оказалось неудовлетворительнымъ, и теперь оставлено. Г. Полевой схватилъ одно общее значеніе этого факта въ русской исторіи. „Гораздо прежде 859 г. (говоритъ онъ) Варяги являлись на берегахъ Финскаго залива, налагали дани, встрѣчали сопротивленіе, были изгоняемы, и около 862 г. только рѣшительно укрѣпились въ земляхъ Чуди, Мери, Веси и Ильмери, срубивъ деревянные свои городки, или крѣпости, подлѣ чудскихъ и славянскихъ селеній, на озерахъ Чудскомъ, Ладожскомъ и Бѣломъ. Тогда кончилась независимость окрестныхъ финскихъ и славянскихъ народовъ. Смерть братьевъ Рюрика предала въ его волю Бѣлоозерскій и Чудскій городки сихъ двухъ князей. Онъ отправилъ своихъ правителей въ бывшія мѣста пребыванія братьевъ, и самъ перешелъ къ Ильменю, гдѣ Новый городъ, имъ срубленный, сдѣлался главнымъ мѣстомъ его пребыванія. Сбылось то, что̀ дѣлали Варяги въ другихъ мѣстахъ. Новые пришельцы съ береговъ скандинавскихъ начали собираться въ притоны варяжскіе. Одни селились въ городкахъ Рюриковыхъ; другіе шли далѣе. Рюрикъ сталъ богатымъ владѣтелемъ, укрѣпился дружиною, и здѣсь положено было начало перваго Русскаго княжества“. (Исторія Русскаго Народа, т. I, по 2-му изд. стр. 55). Объясняя такимъ образомъ прибытіе варяговъ-Руси на княженіе къ сѣвернымъ племенамъ, г. Полевой совершенно опустилъ изъ виду разсказъ лѣтописца о призваніи, и даже не объясняетъ, почему оставилъ его въ сторонѣ. Можно догадываться, что г. Полевой не считалъ этотъ разсказъ правдоподобнымъ, или онъ не казался ему заслуживающимъ особеннаго вниманія. Но тогда ему слѣдовало бы по крайней мѣрѣ объяснить, какъ могло образоваться преданіе о призваніи. Г. Полевой не сдѣлалъ и этого. Такимъ образомъ авторъ „Исторіи русскаго народа“ рѣшилъ важный вопросъ о началѣ русскаго государства только вполовину и не совсѣмъ удовлетворительно; новые вопросы, рождающіеся изъ его рѣшенія, оставлены имъ безъ отвѣта.

Г. Соловьевъ разсматриваетъ предметъ совершенно иначе, чѣмъ его предшественники. Его взглядъ прямо противоположенъ взгляду г. Полеваго. Для послѣдняго вся историческая важность событія заключается, какъ мы видѣли, въ окончательномъ утвержденіи варяжскаго владычества въ Россіи; для г. Соловьева, напротивъ, національность варяговъ — вопросъ второстепенный, неважный.

„Кромѣ Грековъ новорожденная Русь находится въ тѣсной связи, въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ другимъ европейскимъ народомъ, съ Норманнами: отъ нихъ пришли первые князья. Норманны составляли главнымъ образомъ первоначальную дружину, безпрестанно являлись при дворѣ нашихъ князей, какъ наемники участвовали почти во всѣхъ походахъ,—каково же было ихъ вліяніе? Оказывается, что оно было незначительно. Норманны не были господствующимъ племенемъ, они только служили князьямъ туземныхъ племенъ; многіе служили только временно; тѣ же, которые оставались въ Руси навсегда, по своей численной незначительности, быстро сливались съ туземцами, тѣмъ болѣе, что въ своемъ народномъ бытѣ не находили препятствій къ этому сліянію. Такимъ образомъ при началѣ Русскаго общества не можетъ быть рѣчи *о господствѣ* Норманновъ, о норманскомъ періодѣ“ (предисл. стр. VI).

Въ другихъ мѣстахъ книги та же мысль выражена еще яснѣе. Такъ въ 162-мъ примѣчаніи, опровергая взглядъ г. Погодина на это событіе, г. Соловьевъ говоритъ: „Г. Погодинъ видитъ въ событіи только приходъ норманновъ въ нашу славянскую землю; но здѣсь дѣло не въ норманнахъ, не въ народности пришлецовъ, но въ характерѣ, съ какимъ они пришли“. Въ самомъ концѣ перваго тома читаемъ слѣдующее: „Если вліяніе норманской народности было незначительно, если, по признанію самыхъ сильныхъ защитниковъ норманства, вліяніе варяговъ было болѣе наружное, если такое наружное вліяніе могли одинаково оказать и дружины славянъ поморскихъ, столько же храбрыя и предпріимчивыя, какъ и дружины скандинавскія, то ясно, что вопросъ о національности варяговъ-Руси теряетъ свою важность въ нашей исторіи“ (стр. 279).

Но въ той мѣрѣ, какъ варяжскій элементъ

теряетъ свою значительность въ русской исторіи подъ перомъ г. Соловьева, фактъ призванія получаетъ въ его книгѣ большее значеніе. Оно, по его мнѣнію, есть органическое явленіе въ исторіи племенъ, изъ которыхъ образовалось наше государство, фактъ всероссійскій, какъ выражается авторъ. Эта мысль выражена весьма опредѣлительно во многихъ мѣстахъ книги. Приведемъ здѣсь только нѣкоторыя, наиболѣе замѣчательныя.

„При изображеніи нравовъ и обычаевъ Славянъ вообще, замѣчено уже было, что родовой бытъ условливалъ между ними вражду, на которую такъ прямо указываютъ писатели иностранные, знавшіе Славянъ; нашъ лѣтописецъ подтверждаетъ ихъ показанія: какъ скоро, говоритъ онъ, племена начали владѣть сами собою, то не стало у нихъ правды, т.-е., безпристрастнаго рѣшенія споровъ; не было у нихъ устава, который бы всѣ согласились исполнять, не было власти, которая бы принудила ослушниковъ къ исполненію принятаго устава. При столкновеніяхъ между родами, при общихъ дѣлахъ, рѣшителями споровъ долженствовали быть старшины родовъ. Но могли ли они рѣшать споры безпристрастно? Каждый старшина былъ представителемъ своего рода, блюстителемъ его выгодъ; при враждебныхъ столкновеніяхъ между членами родовъ, каждый старшина обязанъ былъ не выдавать своего родича; кто будетъ посредникомъ въ распрѣ между старшинами? Разумѣется, для ея рѣшенія родъ долженъ встать на родъ, и сила должна утвердить право. И торія племени и города, которые имѣли такое важное значеніе въ описываемыхъ событіяхъ, исторія Славянъ Ильменскихъ, Новгорода Великаго, представляетъ лучшее доказательство сказанному. Съ теченіемъ времени родовыя отношенія здѣсь исчезли; но пять концовъ съ своими старостами напоминали о пяти родахъ, изъ которыхъ могло составиться первоначальное народонаселеніе, и вражда между концами заступила мѣсто родовой вражды; какъ прежде возставалъ родъ на родъ, такъ послѣ возставалъ конецъ на конецъ, остальные брали сторону того или другаго, а иногда оставались спокойными зрителями борьбы. Роды, столкнувшіеся на одномъ мѣстѣ и потому самому стремившіеся къ жизни гражданской, къ опредѣленію отношеній между собою, должны были искать силы, которая внесла бы къ нимъ миръ, нарядъ, должны были искать правительства, которое было бы чуждо родовыхъ отношеній, посредника въ спорахъ безпристрастнаго, однимъ словомъ *третьяго судью*, а такимъ могъ быть только князь изъ чужаго рода. Установленіе наряда, нарушеннаго усобицами родовъ, было главною, единственною цѣлью призванія князей; на нее лѣтописецъ прямо и ясно указываетъ, не упоминая ни о какихъ другихъ побужденіяхъ, и это указаніе лѣтописца совершенно согласно со всѣми обстоятельствами, такъ что мы не имѣемъ никакого права дѣлать свои предположенія. Но кромѣ прямого и яснаго свидѣтельства лѣтописца, призваніе князей, какъ нельзя лучше, объясняется рядомъ подобныхъ явленій въ послѣдующей исторіи Новгорода. Лѣтописецъ начальный говоритъ, что варяги были изгнаны, и потомъ снова призваны; лѣтописцы позднѣйшіе говорятъ, что какъ скоро одинъ князь былъ изгоняемъ или самъ удалялся изъ Новгорода, то граждане послѣдняго немедленно посылали за другимъ: они не терпѣли жить безъ князя, по выраженію лѣтописца; есть извѣстіе, что одинъ изъ великихъ князей хотѣлъ наказать новгородцевъ тѣмъ, что долго не посылалъ къ нимъ князя. У внука Рюрикова новгородцы просятъ князя, и, въ случаѣ отказа, грозятъ найти другого. Вотъ что сказали они однажды сыну великаго князя Ростислава Мстиславича: „Не хотимъ тебя, мы призвали твоего отца для установленія наряда, а онъ вмѣсто того усилилъ безпокойства“. Сравнимъ теперь это свидѣтельство съ извѣстіемъ о призваніи первыхъ князей, и увидимъ, что цѣль призванія одна и та же въ обоихъ случаяхъ: князь призывается для установленія наряда внутренняго, какъ судья, миротворецъ“ (стр. 88 и 89).

„Какое значеніе имѣетъ призваніе Рюрика въ нашей исторіи? Призваніе первыхъ князей имѣетъ великое значеніе въ нашей исторіи, есть событіе всероссійское, и съ него справедливо начинаютъ русскую исторію. Главное, начальное явленіе въ основаніи государства,—это соединеніе разрозненныхъ племенъ чрезъ появленіе среди нихъ сосредоточивающаго начала, власти. Сѣверныя племена, славянскія и финскія соединились и призвали къ себѣ это сосредоточивающее начало, эту власть. Здѣсь, въ сосредоточеніи нѣсколькихъ сѣверныхъ племенъ положено начало сосредоточенію и всѣхъ остальныхъ племенъ; потому что призванное начало пользуется силою первыхъ сосредоточившихся племенъ, чтобъ посредствомъ ихъ сосредоточивать и другія: соединенныя впервые силы начинаютъ дѣйствовать“ (стр. 90 и 91).

„Лѣтописецъ прямо даетъ знать, что нѣсколько отдѣльныхъ родовъ, поселившись вмѣстѣ, не имѣли возможности жить общею жизнью вслѣдствіе усобицъ; нужно было постороннее начало, которое условило бы возможность связи между ними, возможность жить вмѣстѣ; племена знали по опыту, что миръ возможенъ только тогда, когда всѣ живущіе вмѣстѣ составляютъ одинъ родъ съ однимъ общимъ родоначальникомъ: и вотъ они хотятъ возстановить это прежнее единство, хотятъ, чтобы всѣ роды соединились подъ однимъ общимъ старшиною, княземъ, который ко всѣмъ родамъ былъ бы одинаковъ, чего можно было достичь только тогда, когда этотъ старшина, князь, не принадлежалъ ни къ одному роду, былъ изъ чужого рода. Они призвали князя, не имѣя возможности съ этимъ именемъ соединять какое-либо другое, новое значеніе, кромѣ значенія родоначальника, старшаго въ родѣ“ (стр. 210).

Такимъ образомъ призваніе варяжскихъ князей было органическимъ явленіемъ родового быта. Когда роды не могли поладить между собою, не хотѣли уступить другъ другу, явилась необходимость избрать, для прекращенія происходившихъ оттого смутъ и междоусобій, посредника, миротворца, третья-

го судью: а такимъ могъ быть только князь, непричастный усобицамъ, слѣдовательно, равно безпристрастный ко всѣмъ враждовавшимъ между собою. Это — основная мысль г. Соловьева. Почему она преобладаетъ въ его книгѣ, почему призваніе является у г. Соловьева на первомъ планѣ — объяснить не трудно. Въ послѣднее время изслѣдователи русской исторіи обратили все вниманіе на внутреннее значеніе историческихъ событій; внѣшняя ихъ сторона, такъ усердно обработываемая прежде, поставлена теперь на второмъ планѣ. При этомъ направленіи, взглядъ на начало русской исторіи долженъ былъ измѣниться. Возможность призванія варяговъ, бытовое его значеніе, какъ и весьма естественно, стали казаться важнѣе, чѣмъ вопросъ о національности варяговъ. Мало этого: изслѣдованіе органическаго, постепеннаго развитія русской исторіи и отсутствія въ ней явныхъ слѣдовъ глубокаго чуждаго вліянія, должны были привести къ мысли, что были варяги германо-скандинавы, или славяне—все равно. Какого бы они ни были племени, варяги не оставили послѣ себя слѣдовъ; слѣдовательно, вопросъ о ихъ національности — дѣло историческаго любопытства, не болѣе. Г. Соловьевъ является представителемъ этого взгляда въ нашей исторической литературѣ и, надо отдать ему справедливость, представителемъ весьма полнымъ и послѣдовательнымъ. Онъ не только подробно излагаетъ свой взглядъ, но старается разрѣшить и всѣ сомнѣнія, дѣлающія событіе невѣроятнымъ, или по крайней мѣрѣ, весьма страннымъ. Какъ могли соединиться между собою финны и славяне? Какъ могла имъ прійти мысль призвать князей изъ племени враждебнаго и чуждаго по происхожденію? Эти вопросы г. Соловьевъ рѣшаетъ такимъ образомъ:

„Нѣкоторые хотѣли и хотятъ дать мѣсто предположенію, что князья Варяго-Русскіе и дружина ихъ была происхожденія Славянскаго, и указываютъ преимущественно на Поморье (Померанію), какъ на мѣсто, откуда могъ быть вызванъ Рюрикъ съ братьями; но для чего нужно подобное предположеніе въ наукѣ? Существуютъ ли въ нашей древней исторіи такія явленія, которыхъ никакъ нельзя объяснить безъ него? Такихъ явленій мы не видимъ. Скажутъ: Славяне должны были обратиться къ своимъ же славянамъ, не могли призывать чужихъ,—но имѣетъ ли право историкъ настоящія понятія о національности приписывать предкамъ нашимъ IX-го вѣка? Мы видимъ, что племена германское и славянское, чѣмъ ближе къ языческой древности, тѣмъ сходнѣе между собою въ понятіяхъ религіозныхъ, нравахъ, обычаяхъ; исторія не провела еще между ними рѣзкихъ разграничивающихъ линій, ихъ національности еще не выработались, а потому не могло быть и сильныхъ національныхъ отвращеній. Послѣдующая наша исторія объясняетъ какъ нельзя лучше призваніе Варяжскихъ князей; послѣ новгородцы и псковитяне охотно принимаютъ къ себѣ на столы князей литовскихъ; да и вообще въ нашихъ предкахъ мы не замѣчаемъ вовсе національной нетерпимости: нѣмецъ, ляхъ, татаринъ, бурятъ становились полноправными членами русскаго общества, если только принимали христіанство по ученію Православной церкви: это была единственная основа національнаго различія, за которую наши предки держались крѣпко; но въ половинѣ IX-го вѣка ея не существовало; поклонникъ Тора такъ легко становился поклонникомъ Перуна, потому что различіе было только въ названіяхъ. Съ другой стороны, съ варягами скандинавскими у нашихъ сѣверныхъ славянъ была связь издавна, издавна были они знакомы другъ съ другомъ. Наконецъ, если бы новгородцы и кривичи по нашимъ настоящимъ понятіямъ непремѣнно хотѣли имѣть своимъ княземъ славянина, то не надобно забывать, что въ союзѣ съ ними были племена финскія, у которыхъ не могло быть этого желанія" (стр. 84—85).

„Обратимъ теперь вниманіе на нѣкоторыя другія обстоятельства, встрѣчающіяся въ лѣтописи при разсказѣ о призваніи князей. Первое обстоятельство—это соединеніе племенъ славянскихъ и финскихъ: что произвело этотъ союзъ? Безъ всякаго сомнѣнія, означенныя племена были приведены въ связь съ завоеваніемъ варяжскимъ, какъ впослѣдствіи остальныя разрозненныя славянскія племена были приведены въ связь съ князьями изъ дома Рюрикова. Это тѣсная связь между Чудью, Весью, славянами ильменскими и кривичами выразилась въ дружномъ изгнаніи варяговъ, и потомъ въ призваніи князей" (стр. 89).

Вотъ взглядъ г. Соловьева. Нельзя назвать этотъ взглядъ совершенно новымъ; но въ „Исторіи Россіи" онъ въ первые высказанъ весьма подробно, отчетливо и со всѣми своими необходимыми послѣдствіями. Намъ кажется, что имъ долженъ заключиться длинный рядъ различныхъ рѣшеній вопроса о призваніи варяговъ. Придумать еще новое на основаніи тѣхъ данныхъ, которыми теперь располагаетъ наука, едва-ли возможно.

Отдавая г. Соловьеву всю должную справедливость, мы не можемъ назвать его изслѣдованіе объ этомъ предметѣ вполнѣ удовлетворительнымъ. Кромѣ разныхъ обстоятельствъ, которыми, по начальной лѣтописи, сопровождалось призваніе и которыя очень трудно объяснить, оно не имѣетъ связи ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ. Это какъ бы вставка, отсутствіе которой не измѣняетъ естественнаго хода первоначальной

русской исторіи. Каждому изъ нашихъ читателей извѣстно, что, начиная съ VI вѣка, особенно въ IX, X и XI вѣкахъ, норманскія дружины, подъ предводительствомъ храбрыхъ морскихъ королей, объѣздили почти всю Европу, проникая далеко внутрь странъ черезъ устья рѣкъ. Въ IX вѣкѣ они открываютъ Фароерскіе острова, Исландію, Гебридскіе острова и первые между европейцами — Америку: такъ далеко простирались ихъ странствія. Славянскія земли оботритовъ (въ Мекленбургѣ и Помераніи), Нидерланды, Бельгія, Франція, Англія, Испанія, южная Италія, Эпиросъ, острова Цикладскіе, Критъ, и даже Кипръ испытали ихъ набѣги и опустошенія. Предпринимая такія отдаленныя экспедиціи, норманны не могли оставить въ покоѣ ближайшіе къ нимъ берега Балтійскаго моря. По устьямъ рѣкъ и сѣти водныхъ путей, которыми покрыта теперешняя Россія, они рано должны проникнуть внутрь страны, и далѣе до Каспійскаго, Азовскаго и Чернаго морей. Такъ какъ здѣсь въ IX вѣкѣ не было государства, некому было сдѣлать имъ отпоръ, то нѣтъ ничего невѣроятнаго, что они безпрепятственно ходили по этимъ воднымъ путямъ. Извѣстія, относящіяся къ нашей древнѣйшей исторіи, подтверждаютъ справедливость этихъ заключеній, которыя легко было вывести a priori, зная только норманновъ и географію Россіи. Изъ нашей лѣтописи видно, что варяги владѣли сѣверными племенами. Съ котораго времени—лѣтописецъ не знаетъ; ему извѣстно только, что въ 859 году варяги уже брали съ нихъ дань; но описаніе воднаго пути изъ варягъ въ греки и названія днѣпровскихъ пороговъ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что владычество варяговъ въ Россіи началось съиздавна; иначе путь этотъ не назывался бы такъ, и въ нѣсколько лѣтъ не могли быть усвоены днѣпровскими порогами, рядомъ съ славянскими, особыя скандинаво-германскія названія. Въ теченіе трехъ лѣтъ, непосредственно слѣдующихъ послѣ перваго извѣстія о владычествѣ варяговъ въ сѣверной Россіи (въ 860, 861 и 862 годахъ), варяги были изгнаны, призваны Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ; двое изъ нихъ скончались, и Рюрикъ остался единовластителемъ надъ сѣверными племенами.

Послѣ призванія, дѣятельность варяговъ въ Россіи была точно такая же, какъ и вездѣ, куда только они являлись; тотчасъ же, по прибытіи, они начинаютъ воевать всюду, облагаютъ данью сосѣднія племена, предпринимаютъ отдаленные походы въ Византію, на берега Чернаго, Азовскаго и Каспійскаго морей, и до временъ Владиміра не могутъ утвердиться на одномъ мѣстѣ: Олегъ изъ Новгорода переходитъ въ Кіевъ; Святославъ задумываетъ двинуться еще далѣе на югъ; ему хочется утвердиться съ дружиною въ Болгаріи; въ Кіевѣ ему не сидится. Только со временъ Владиміра прекращается эта безпокойная дѣятельность; но при немъ варяжскіе пришлецы и дружинники начинаютъ уже ослабѣвать въ Россіи. Самъ великій князь Владиміръ уже смотритъ на нихъ съ недовѣрчивостью. При Ярославѣ, въ XI вѣкѣ, дѣятельность ихъ въ Россіи совершенно прекращается, какъ и въ остальной Европѣ.

Добровольно ли подчинялись этимъ завоевателямъ племена, обитавшія въ Россіи, или они были завоеваны? Есть примѣры и добровольнаго подданства, и примѣры покоренія, и нельзя сказать, чтобъ то или другое являлось преобладающимъ, характеристическимъ въ русской исторіи; племена, соглашавшіяся платить дань, не подвергались принужденію и, можетъ быть, какъ показываютъ нѣкоторые примѣры, платили дань меньше; тѣ, которыя не соглашались, были къ тому принуждаемы силою. Таковъ характеръ распространенія владѣній первыхъ русскихъ князей. До призванія, варяги берутъ дань съ сѣверныхъ племенъ; послѣ призванія, въ продолженіе всей норманской эпохи, они являются не мирными правителями, но воинственными дружинниками, даже въ самомъ Новгородѣ. Такимъ образомъ посольство и призваніе представляются въ нашей древнѣйшей исторіи событіемъ эпизодическимъ, одинокимъ, безъ связи съ тѣмъ, что было до него, и съ тѣмъ, что происходило послѣ. Въ пользу этого мнѣнія говоритъ весьма полновѣсный въ настоящемъ вопросѣ авторитетъ г. Погодина. Всѣ знаютъ, какое важное значеніе онъ придавалъ различію призванія и завоеванія въ нашей исторіи; на немъ онъ основывалъ существенное различіе въ судьбахъ Россіи и остальной Европы. Но когда одинъ рецензентъ „Изслѣдованій, замѣчаній и лекцій“ опровергалъ важность этого различія фактами варяжскаго періода, то самъ г. Погодинъ нашелъ доводы столь убѣдительными, что въ „Москвитянинѣ“, печатно, почти согласился съ рецензентомъ

словами: „можетъ-быть онъ и правъ“. Мы потому придаемъ этому особенную важность, что лучшая часть историко-критическихъ изслѣдованій г. Погодина, безспорно, принадлежитъ варяжскому періоду, для котораго онъ много сдѣлалъ; сверхъ того, г. Погодинъ, какъ испытали многіе изъ его рецензентовъ и критиковъ, неохотно отступаетъ отъ своихъ ученыхъ выводовъ, даже когда они явно ошибочны.

Послѣ всего сказаннаго, имѣетъ ли въ нашей исторіи особенную важность фактъ призванія? Мы позволимъ себѣ въ этомъ усомниться. Варяги владѣли у насъ и прежде призванія, и послѣ. Общій ходъ событій былъ таковъ, что они, во всякомъ случаѣ, должны были утвердиться въ Россіи и, утвердившись, дѣйствовали сообразно съ своимъ характеромъ, достаточно извѣстнымъ изъ ихъ походовъ въ другія страны. Слѣдовательно, образъ прибытія ихъ къ намъ нисколько не измѣняетъ сущности дѣла. Поэтому, далѣе, есть нѣкоторое основаніе усомниться и въ самой дѣйствительности этого событія. Кромѣ приведенныхъ нами выше вопросовъ, которые не могутъ быть разрѣшены безъ натяжекъ и невѣроятныхъ предположеній, подлинность его неправдоподобна по слѣдующему соображенію. По лѣтописи, какъ мы видѣли, изгнаніе варяговъ, междоусобія внутри племенъ, ихъ соглашеніе призвать князей, прибытіе князей, двухлѣтнее владычество Синеуса и Трувора и кончина ихъ, наконецъ, соединеніе ихъ владѣній подъ властью Рюрика,—все это совершилось въ три года; выключимъ изъ нихъ два года княженія Синеуса и Трувора, и на долю изгнанія, внутреннихъ усобицъ, посольства и прибытія Рюрика, Синеуса и Трувора придется только одинъ годъ. Вѣроятно ли, чтобы все это могло совершиться въ такой короткій промежутокъ времени? Такимъ образомъ, разсказъ лѣтописца едва-ли можетъ быть признанъ за несомнѣнный историческій фактъ. Онъ или преданіе, какихъ мы много встрѣчаемъ въ лѣтописи, или, можетъ быть, что конечно менѣе вѣроятно, соображеніе лѣтописца въ объясненіе событія, для котораго не было историческихъ данныхъ. Изгнаніе варяговъ и послѣдующее ихъ водвореніе, ничѣмъ не связанныя между собою, должны были заставить предположить между ними посредствующее событіе, и такимъ является призваніе. Почему именно оно, а не какое-нибудь другое—объясняется обстоятельствами, къ которыхъ мы находились во времена лѣтописца. Г. Соловьевъ приводитъ изъ нашей послѣдующей исторіи нѣсколько примѣровъ призванія князей; къ нимъ можно прибавить еще много другихъ, и не изъ однихъ новгородскихъ лѣтописей. Распри и несогласія были явленіемъ обычнымъ во времена начальнаго лѣтописца; на нихъ указываютъ слѣдующія многозначительныя слова, подъ 1067 годомъ: „Придоша иноплеменьници на Русьску землю, Половьци мнози, Изяславъ же, и Святославъ, и Всеволодъ изидоша противу имъ на Льто; и бывши нощи, подъидоша противу собѣ, грѣхъ же ради нашихъ попусти Богъ на ны поганыя, и побѣгоша Руськыи князи, побѣдиши Половци. Наводитъ бо Богъ по гнѣву своему иноплеменьникы на землю, и тако сокрушенымъ имъ въспомянутся къ Богу; усобная же рать бываєть отъ соблажненья дьяволя. Богъ бо не хощетъ зла человѣкомъ, но блага; а дьяволъ радуется злому убійству и кровипролитью, подвизая свары и зависти, братоненавидѣнье, клеветы. Земли же согрѣшивши которѣй любо, казнитъ Богъ смертью, ли гладомъ, ли наведеньемъ поганыхъ, ли ведромъ, ли гусеницею, ли инѣми казньми“, и т. д. Вспомнимъ притомъ, что варяги въ XI вѣкѣ, когда писалъ лѣтописецъ, давно уже обрусѣли, а княжескій родъ Рюриковъ еще раньше; вспомнимъ, что, по причинамъ, лежавшимъ въ самихъ варягахъ, у насъ не было раздѣленія земель между пришельцами; вспомнимъ, наконецъ, какъ любимъ былъ княжескій родъ, помимо членовъ котораго, до самаго его прекращенія, не былъ избранъ ни одинъ князь, даже въ то время, когда Россія была раздѣлена на части, совершенно независимыя другъ отъ друга. Все это, какъ намъ кажется, можетъ объяснить, какимъ образомъ сложилось преданіе о призваніи князей, или какъ пришелъ къ такому объясненію событій начальный лѣтописецъ.

По крайней мѣрѣ то несомнѣнно, что вся обстановка и подробности призванія вполнѣ соотвѣтствуютъ понятіямъ или представленіямъ позднѣйшимъ, которыя могли быть перенесены на первоначальную исторію.

Впрочемъ, мы нисколько не настаиваемъ на этомъ объясненіи происхожденія преданія, тѣмъ менѣе на сомнѣніи въ подлинности событія. Не въ этомъ собственно дѣло. Вся

сила въ томъ, что событіе это, если оно и дѣйствительно было, далеко не такъ важно по своему значенію и послѣдствіямъ, какъ думаетъ г. Соловьевъ. Читая его выводы, можно подумать, что въ призваніи весь смыслъ послѣдующей русской исторіи; будь завоеваніе, было бы совсѣмъ другое. Но мы видѣли, что призваніе не состоитъ въ органической связи ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ. Прибавимъ къ этому, что еслибъ насъ завоевали франки или лонгобарды, дѣйствительно русская исторія, можетъ быть, и приняла бы другой характеръ, но германскіе скандинавы, сами не знавшіе феодализма, не могли оставить по себѣ феодальныхъ учрежденій въ Россіи; князья управляли своими мужами, ярлями, и какъ только тѣ и другіе обрусѣли, всѣ слѣды бывшаго когда-то владычества иноземной дружины должны были исчезнуть. Вотъ почему вся полемика г. Соловьева противъ г. Погодина, противъ вліянія варяговъ и норманскаго періода не выдерживаетъ критики. Объясненіе нѣсколькихъ словъ, которыя до сихъ поръ считались германо-скандинавскаго происхожденія, другими славянскими нарѣчіями такъ же мало убѣдительно, какъ остроумныя соображенія о томъ, что варяжскіе дружинники служили нашимъ князьямъ, и что туземныя племена принимали дѣятельное участіе въ княжескихъ походахъ. Первые наши князья были норманны, и ихъ утвержденіе въ Россіи, какъ бы оно ни произошло, чрезвычайно важно потому именно, что съ ними появляются на нашей почвѣ первые зачатки государственной жизни, которыхъ мы до того времени не видимъ. Это начало было ново на русской почвѣ; его представляли варяги, связавшіе тогдашнюю Россію въ одно цѣлое. Когда они переродились и обрусѣли, оно приняло новую форму, приспособилось, такъ сказать, къ патріархальнымъ элементамъ, составлявшимъ основу древней русской жизни, но тѣмъ не менѣе сохранилось. Вотъ чѣмъ опредѣляется важное существенное значеніе варяговъ въ нашей исторіи, ихъ вліяніе на дальнѣйшій ея ходъ, а не сомнительнымъ усвоеніемъ русскому языку какихъ нибудь двухъ десятковъ иностранныхъ словъ и еще болѣе сомнительными учрежденіями, или слѣдами въ обычаяхъ и нравахъ. Около полутораста лѣтъ не славяне и не финны, а варяги играли въ нашей исторіи первую главную роль. Этого г. Соловьевъ, конечно, не можетъ отрицать; а допустивъ, онъ поневолѣ долженъ будетъ согласиться съ г. Погодинымъ, который, конечно, вдался въ крайность, но въ крайность болѣе поучительную, болѣе близкую къ истинѣ, чѣмъ мнѣніе г. Соловьева. Въ основаніи преувеличеній г. Погодина относительно норманскаго періода лежитъ дѣйствительный фактъ; въ основаніи ошибокъ г. Соловьева—одностороннее воззрѣніе. Г. Соловьевъ смѣшалъ, какъ намъ кажется, двѣ вещи, совершенно разныя, исторію законодательства съ политической исторіей въ обширномъ смыслѣ слова. Въ исторіи русскаго законодательства на долю варяговъ дѣйствительно приходится немногое. Вліяніе ихъ на внутренній, гражданскій бытъ нашихъ племенъ было очень незначительно; то, что считалось еще недавно варяжскимъ, теперь признано за наше, славянское, національное. Слѣдовательно, въ исторіи учрежденій, обычаевъ, нравовъ того времени, о варягахъ почти ничего не приходится сказать. Но въ политической исторіи—совсѣмъ другое дѣло; для нея юридическая точка зрѣнія слишкомъ тѣсна. Въ политической исторіи должны быть приняты въ соображеніе явленія, которыя лежатъ внѣ юридическаго быта, и къ числу ихъ несомнѣнно принадлежитъ роль, которую играли у насъ варяги; нельзя ею пренебречь безнаказанно, разсуждая о древнѣйшей русской исторіи. Г. Соловьевъ, чтобъ доказать незначительность варяжскаго вліянія, пользуется всѣмъ, чѣмъ только можно воспользоваться: отличаетъ вліяніе народа отъ вліянія народности, силится доказать, что варяги не составляли у насъ господствующаго народонаселенія относительно славянъ, что они не могли приходить въ Русь съ женами, и если оставались навсегда въ Россіи, женились на славянкахъ; что варяги не стояли выше славянъ на ступеняхъ общественной жизни; что ихъ языческій бытъ имѣлъ близкое сходство съ древнимъ языческимъ бытомъ славянъ; наконецъ, когда нужно, г. Соловьевъ искусно возражаетъ фактами изъ послѣднихъ годовъ варяжскаго періода, то есть, когда варяги уже сильно обрусѣли (стр. 275—279 и прим. 437). Но все это не затемняетъ истины, и слова г. Погодина, приведенныя въ первомъ томѣ „Исторіи Россіи“, не смотря на ловкіе комментаріи ея автора, остаются въ сущности лучшимъ, что только

было доселѣ сказано о значеніи и характерѣ варяжскаго періода.

Слѣдующія затѣмъ главы, пятая, шестая и седьмая, содержатъ подробное изложеніе политической исторіи Россіи отъ Рюрика до кончины Ярослава I, а послѣдняя, восьмая, посвящена обозрѣнію нашего внутренняго быта въ такъ называемый варяжскій періодъ. Вообще говоря, эта часть сочиненія лучше первой. Она читается съ большимъ интересомъ и содержитъ много новыхъ мыслей, хорошо изложенныхъ и живо обрисовывающихъ общую историческую картину; есть и новыя, весьма удачныя, соображенія. Къ сожалѣнію, общее, выгодное впечатлѣніе этихъ главъ мѣстами ослабляется недоказанными положеніями, натяжками, желаніемъ взглянуть на предметъ съ новой точки зрѣнія, желаніемъ объяснить необъяснимое, или и безъ того весьма ясное, наконецъ, очевидными увлеченіями любимою мыслью, которая въ основаніи своемъ вѣрна, но нерѣдко искажается въ ближайшихъ примѣненіяхъ. Такъ какъ новый трудъ г. Соловьева составляетъ капитальное явленіе въ нашей исторической литературѣ и читается всѣми съ довѣріемъ, то мы вмѣняемъ себѣ въ обязанность отмѣтить здѣсь, въ послѣдовательномъ порядкѣ, тѣ мѣста, въ которыхъ указанные недостатки выставляются всего рѣзче. Авторъ на насъ за это, конечно, не посѣтуетъ и, можетъ быть, воспользуется нѣкоторыми замѣчаніями при новомъ изданіи разбираемой книги.

По поводу дани, взимаемой козарами съ полянъ и другихъ южныхъ племенъ „по бѣлѣ и вѣверицѣ отъ дыма“, авторъ входитъ въ подробное объясненіе юридическаго значенія слова *дымъ*. *Дымъ*, какъ всѣмъ извѣстно, значитъ здѣсь обитаемое жилище. „Былъ обычай (говоритъ г. Соловьевъ), для наказанія или вынужденія чего-нибудь, разламывать печь, и такимъ образомъ дѣлать домъ неудобнымъ къ обитанію; отсюда важность печи, очага въ домѣ“. Но отсюда ли? Кто не знаетъ, что печь, очагъ очень важны въ домѣ, хотя бы ихъ и не разламывали для наказанія или вынужденія чего-либо. Затѣмъ слѣдуютъ такіе выводы: *домъ* и *дымъ* одного происхожденія, ибо означаютъ возвышеніе, нѣчто возвышающееся; отсюда и *дума*—мысль и *дума*—гордость; *дума*— нашъ древній государственный совѣтъ—означала верхъ. Въ этихъ филологическихъ изысканіяхъ много произвольнаго и излишняго. Объяснять слово *дума*—совѣтъ—не прямымъ его значеніемъ странно. Выраженіе нашихъ пѣсенъ „думу или думушку думати“ ясно показываетъ, какъ это слово получило значеніе совѣта.

На стр. 93 читаемъ, что „народы германскаго племени оставили формы родоваго быта прежде, вслѣдствіе переселенія на римскую почву, гдѣ они приняли идеи и формы государственныя, а Славяне, оставаясь на востокѣ, въ уединеніи отъ древняго историческаго міра, оставались и при прежнихъ первоначальныхъ формахъ быта“. Это положеніе и объясненіе его крайне спорны. Не всѣ народы германскаго племени переселились на римскую почву, не всѣ оставили формы родоваго быта; славяне, и вмѣстѣ съ другими народами, и одни, не разъ вторгались въ римскую имперію и селились на почвѣ древняго міра, однако сохранили формы родоваго быта. Итакъ приведенное нами разсужденіе поверхностно и не разрѣшаетъ вопроса.

На стр. 95, Ростиславу Моравскому приписываются глубокомысленные политическіе виды:

„Князь Моравскій долженъ былъ понимать, что для независимаго состоянія славянскаго государства прежде всего была необходима независимая славянская церковь, что съ нѣмецкимъ духовенствомъ нельзя было и думать о народной и государственной независимости славянъ, что съ латинскимъ богослуженіемъ христіанство не могло принести пользы народу, который понималъ новую вѣру только со внѣшней, обрядовой стороны, и, разумѣется, не могъ не чуждаться ея. Вотъ почему князь Моравскій долженъ былъ обратиться къ Византійскому двору, который могъ прислать въ Моравію славянскихъ проповѣдниковъ, учившихъ на славянскомъ языкѣ, могшихъ устроить славянское богослуженіе и основать независимую славянскую церковь; близкій и недавній примѣръ Болгаріи долженъ былъ указать Моравскому князю на этотъ путь; со стороны Византіи нечего было опасаться притязаній, подобныхъ нѣмецкимъ; она была слишкомъ слаба для этого,—и вотъ Ростиславъ посылаетъ въ Константинополь къ императору Михаилу съ просьбою о славянскихъ учителяхъ, и въ Моравіи являются знаменитые братья—Кириллъ и Меѳодій, доканчиваютъ здѣсь переводъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ и распространяютъ славянское богослуженіе въ Моравіи и Панноніи“ (стр. 95).

Не лучше ли было бы, при совершенной неизвѣстности о планахъ Ростислава, просто разсказать какъ дѣло было, безъ всякихъ предположеній. Такія же объясненія встрѣчаемъ и на стр. 100. Рѣчь идетъ о

томъ, что Аскольдъ и Диръ не только не могли, но и не имѣли въ виду утвердиться въ Кіевѣ:

„Владѣніе, основанное варяжскими выходцами въ Кіевѣ, не могло имѣть надлежащей прочности, ибо основано было сбродною шайкою искателей приключеній, которые могли храбро драться съ сосѣдями, могли сдѣлать набѣгъ на берега Имперіи, но не могли, по своимъ средствамъ, да и не имѣли въ виду основать какой-нибудь прочный порядокъ вещей среди племенъ, жившихъ по великому водному пути. Это могли сдѣлать только сѣверные князья, имѣвшіе для того достаточную матеріальную силу и привязанные къ странѣ правительственными отношеніями къ племенамъ, ихъ призвавшимъ“ (стр. 100).

Здѣсь что ни слово, то гипотеза, что ни выводъ, то произвольное предположеніе. Кто знаетъ, что̀ имѣли и чего не имѣли въ виду варяжскіе выходцы? А что они были довольно сильны, видно изъ преданія объ убіеніи Аскольда и Дира Олегомъ. Къ чему всѣ эти натяжки, чтобъ объяснить чего нельзя объснить, а только можно разсказать?

Далѣе, на стр. 101 читаемъ, что Олегъ „какъ старшій въ родѣ, а не какъ опекунъ малолѣтняго князя, получилъ всю власть отъ Рюрика“. Лѣтопись повѣствуетъ такъ: „умершю Рюрикови, предасть княженіе свое Олгови, отъ рода ему суща, въдавъ ему сынъ свой на руцѣ Игоря, бысть бо дѣтескъ вельми“. О старшинствѣ Олега въ родѣ ни слова. Много было толкованій этого мѣста, но они не привели пока ни къ какому положительному результату. Отчего же объ нихъ не упомянуто? Мнѣніе, высказанное г. Соловьевымъ, лишь одно изъ многихъ. Но чѣмъ же оно лучше, удовлетворительнѣе другихъ?

Вслѣдъ за этимъ мнѣніемъ мы встрѣчаемъ, по поводу похода Олега на югъ, весьма странное разсужденіе о томъ, что варяги до Олега не имѣли даже желанія утвердиться на водномъ пути изъ Балтійскаго моря въ Черное. Читатели не повѣрятъ намъ. Вотъ подлинныя слова:

„Варягамъ давно былъ извѣстенъ великій водный путь изъ Балтійскаго моря въ Черное, давно ходили они по немъ, но ходили малыми дружинами, не имѣли ни желанія, ни средствъ утвердиться на этомъ пути, смотрѣли на него, какъ на путь только, имѣя въ виду другую цѣль. Но вотъ на сѣверномъ концѣ этого пути изъ нѣсколькихъ племенъ составляется владѣніе, скрѣпленное единствомъ власти; повинуясь общему историческому закону, новорожденное владѣніе, вслѣдствіе сосредоточенія своихъ силъ чрезъ единство власти, стремится употребить въ дѣло эти силы, подчинить своему вліянію другія общества, другія племена, менѣе сильныя“ (стр. 101).

Такимъ образомъ, походъ Олега на югъ былъ дѣломъ государственнымъ, а не дружиннымъ. Въ семнадцать лѣтъ юное государство успѣло возмужать, окрѣпнуть и уже питать честолюбивые планы расширенія государственныхъ границъ. Вѣроятно ли все это?

„Князь сѣвернаго владѣнія выступаетъ въ походъ; но это не вождь одной варяжской шайки, дружины; въ его рукахъ силы всѣхъ сѣверныхъ племенъ; онъ идетъ по обычному варяжскому пути, но идетъ не съ цѣлью одного грабежа, но для того только, чтобъ пробраться въ Византію; пользуясь своею силою, онъ подчиняетъ себѣ всѣ, встрѣчающіяся ему на пути, племена, закрѣпляетъ себѣ навсегда всѣ находящіеся на немъ мѣста, города; его походъ представляетъ распространеніе одного владѣнія насчетъ другихъ, владѣнія сильнаго насчетъ слабѣйшихъ. Сила сѣвернаго князя основывается на его правительственныхъ отношеніяхъ къ сѣвернымъ племенамъ, соединившимся и призвавшимъ власть; отсюда видна вся важность призванія, вся важность тѣхъ отношеній, которыя утвердились на сѣверѣ между варяжскими князьями и призвавшими племенами“ (стр. 101).

Всего страннѣе въ этихъ выводахъ то, что они высказываются такъ положительно, какъ будто бы это были несомнѣнные историческіе факты, засвидѣтельствованные достовѣрными современными памятниками. Мало того: ими же, этими выводами, доказывается важность другого событія, котораго достовѣрность сама еще нуждается въ доказательствахъ.

„Понятно въ смыслѣ преданія, что Олегъ не встрѣтилъ сопротивленія отъ дружины прежнихъ владѣльцевъ Кіева: эта дружина и при благопріятныхъ обстоятельствахъ была бы не въ состояніи помѣряться съ войсками Олега, тѣмъ болѣе, когда такъ мало ея возвратилось изъ несчастнаго похода греческаго; часть ея могла пристать къ Олегу, недовольные могли уйти въ Грецію. Понятно также, почему Олегъ остался въ Кіевѣ; кромѣ пріятности климата, красивости мѣстоположенія и богатства страны, сравнительно съ сѣверомъ, тому могли способствовать другія обстоятельства; Кіевъ, какъ уже было замѣчено, находится тамъ, гдѣ Днѣпръ, принявъ самые большіе притоки справа и слѣва, Припеть и Десну, поворачиваетъ на востокъ, въ степи, жилище кочевыхъ народовъ. Здѣсь, слѣдовательно, должна была утвердиться главная защита, главный острогъ новаго владѣнія со стороны степей; здѣсь же, при началѣ степей, должно было быть, и, вѣроятно, было прежде сборное мѣсто для русскихъ лодокъ, отправлявшихся въ Черное море. Такимъ образомъ два конца великаго воднаго пути, на сѣверѣ со стороны Ладожскаго озера и на югѣ со

стороны степей, соединились въ одномъ владѣніи. Отсюда видна вся важность этого пути въ нашей исторіи; по его берегамъ образовалась первоначальная русская государственная область, отсюда же понятна постоянная, тѣсная связь между Новгородомъ и Кіевомъ, какую мы видимъ впослѣдствіи: понятно, почему Новгородъ всегда принадлежалъ только старшему князю, великому князю Кіевскому" (стр. 103).

Въ убіеніи Аскольда и Дира хитростью, а не открытою силою, мы видимъ совсѣмъ другое, именно опасенія отпора и сопротивленія. Во всякомъ случаѣ, заключеніе о слабости и малочисленности кіевской дружины—одно предположеніе, которое тѣмъ менѣе вѣроятно, что разсказъ лѣтописи о занятіи Кіева похожъ на преданіе, а не на исторію. Объясненіе, почему Олегъ остался въ Кіевѣ, и мимоходное замѣчаніе о важности воднаго пути изъ Балтійскаго моря въ Черное—тоже не убѣдительны, потому что произвольны. Тѣ, которые вмѣстѣ съ г. Погодинымъ видятъ въ событіяхъ перваго періода русской исторіи дѣятельность одной поселившейся у насъ варяжской дружины, понимаютъ важность воднаго пути совершенно иначе: они, не безъ основанія, говорятъ, что не государственныя соображенія, не пріятность климата, не красивость мѣстоположенія, не проблематическое богатство страны привлекли Олега къ Кіеву, а желаніе быть ближе къ Константинополю—цѣли походовъ, военныхъ и торговыхъ. Итакъ взглядъ на утвержденіе варяжской дружины въ Кіевѣ зависитъ отъ взгляда на варяжскую эпоху; положительныхъ данныхъ нѣтъ. При такихъ условіяхъ надлежало, не вдаваясь въ объясненія, разсказать какъ что́ было. Наконецъ, всего страннѣе и неправдоподобнѣе объясненіе связи Кіева съ Новгородомъ. Эта связь, во-первыхъ, совсѣмъ не была такъ постоянна, какъ утверждаетъ г. Соловьевъ. Уже съ XI вѣка начинаются въ Новгородѣ призванія князей. Если во весь варяжскій періодъ и даже въ началѣ періода удѣловъ не было ничего подобнаго, такъ это потому, что вся тогдашняя Россія почти безпрерывно находилась подъ властью одного князя. Какъ скоро единство ея исчезло, исчезло и политическое единство страны. Княжества отдѣлились другъ отъ друга и мало-по-малу образовали самостоятельныя владѣнія; въ числѣ ихъ былъ и Новгородъ. Такимъ образомъ не географическія условія, а историческія создали и поддерживали связь Новгорода съ Кіевомъ; какъ только они исчезли, исчезла и связь.

На стр. 103 и 104 г. Соловьевъ старается привести въ систему дѣйствія и распоряженія Олега. Этотъ князь сначала строитъ города, острожки въ Украйнѣ, для утвержденія своей власти и для защиты отъ кочевниковъ. Потомъ „нужно было опредѣлить отношенія къ старымъ областямъ, къ племенамъ, жившимъ на сѣверномъ концѣ воднаго пути, что было необходимо вслѣдствіе новаго поселенія на югѣ; главная форма, въ которой выражались отношенія этихъ племенъ къ князю, была дань, и вотъ Олегъ уставилъ дани славянамъ (ильменскимъ), кривичамъ и Мери" (стр. 104).

Желаніе систематизировать здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, вредитъ достоинству разсказа. Лѣтопись говоритъ просто: „Се же Олегъ нача городы ставити, и устави дани славѣномъ, кривичемъ и Мери": ни слова о томъ, что города ставились въ Украйнѣ; ни слова о значеніи дани, которою были обложены славяне и другія племена. Но подъ перомъ г. Соловьева все разрослось и получило другой, болѣе важный видъ. Авторъ „Исторіи Россіи" знаетъ, гдѣ Олегъ ставилъ города; ему подробно извѣстно, зачѣмъ Олегъ уставлялъ дани у славянъ, кривичей и Мери, и что именно значила дань. Изъ его разсказа нельзя не подумать, что Олегъ, строя крѣпостцы, уставляя дани, былъ слѣпымъ орудіемъ высшей необходимости, которая неудержно влекла его исполнить свой законъ. Такой историческій пріемъ неправиленъ и не достигаетъ своей цѣли, то-есть не убѣждаетъ, а, напротивъ, внушаетъ недовѣріе, особливо если повторяется слишкомъ часто. Каждый читатель хочетъ знать взглядъ писателя; но прежде всего онъ хочетъ знать факты, безъ примѣси, какъ они были. Противъ этого г. Соловьевъ грѣшитъ и здѣсь и въ другихъ мѣстахъ своей книги.

На стр. 106 читаемъ, что послы Олега вытребовали отъ византійскаго императора уклады на русскіе города, потому что въ этихъ городахъ сидѣли Олеговы мужи. „Они (говоритъ авторъ) оставались дома хранить нарядъ въ землѣ, удерживать племена въ покоѣ, и потому не могли быть лишены участія въ добычѣ". Но въ лѣтописи сказано только: „по тѣмъ бо городамъ сѣдяху князья подъ Ольгомъ суще". Были они мужи Олеговы, или самостоятельные владѣльцы, хо-

дили въ походъ, или не ходили,—объ этомъ ничего неизвѣстно, потому что мужи и князья не одно и то же, а выраженіе „сѣдяху“ совсѣмъ не значитъ, что они сидѣли по городамъ во время похода; оно показываетъ, что они вообще жили, находились въ городахъ. Такія толкованія можно ли признать за фактъ, за исторію?

Далѣе, объясняя, почему Олегъ былъ названъ *вѣщимъ*, г. Соловьевъ (на стр. 110) замѣчаетъ, между прочимъ, что этотъ князь ловкими переговорами подчинилъ себѣ безъ всякихъ насилій племена, жившія на восточной сторонѣ Днѣпра. Ловкими переговорами? Какіе ловкіе переговоры велъ Олегъ? И съ какими племенами? Лѣтопись разсказываетъ о сношеніяхъ Олега съ племенами, жившими на востокъ отъ Днѣпра такимъ образомъ: „Иде Олегъ на Сѣверяне, и побѣди Сѣверяны и възложи нанѣ дань легъку, и не дастъ имъ Козаромъ дани платити, рекъ: азъ имъ противенъ, а вамъ нечему“. Итакъ переговоры съ сѣверянами не могутъ быть названы ловкими. Напротивъ, они очень просты. Далѣе: „Посла Олегъ къ Радимичемъ, рька: „кому дань даете?“ они же рѣша: „Козаромъ“. И рече имъ Олегъ: „не дайте Козаромъ, но мнѣ дайте“, и въдаша Ольгови по щьлягу, якоже Козаромъ даху“. Этими двумя извѣстіями ограничиваются всѣ переговоры Олега съ племенами, жившими на востокъ отъ Днѣпра. Гдѣ-же и какія были тѣ ловкіе переговоры, о которыхъ говоритъ г. Соловьевъ? Ихъ очевидно не было. А между тѣмъ это выраженіе должно опредѣлять извѣстную черту характера Олега.

Далѣе на стр. 117, описывая характеръ Игоря, г. Соловьевъ называетъ его, будто-бы на основаніи „занесенныхъ въ лѣтопись преданій“, княземъ недѣятельнымъ, вождемъ не отважнымъ. „Онъ (Игорь) не ходитъ за данью къ прежде-подчиненнымъ уже племенамъ, не покоряетъ новыхъ; дружина его робка и бѣдна, подобно ему“. Такъ отзывается объ Игорѣ г. Соловьевъ; а между тѣмъ самъ же, страницей выше, разсказываетъ несчастный походъ этого князя за данью къ древлянамъ, окончившійся его смертью. Походъ этотъ не исключаетъ возможности другихъ подобныхъ; и если они не упоминаются въ лѣтописи, то это еще не значитъ, что ихъ и не было; молчаніе доказываетъ только, что во время этихъ походовъ не случилось ничего особенно замѣчательнаго. Слова лѣтописца не оставляютъ въ этомъ никакого сомнѣнія; ибо вслѣдъ за разсказомъ о присягѣ Игоря, по заключеніи договора съ греками, онъ говоритъ: „Игорь же нача княжити въ Кіевѣ, миръ имѣя ко всѣмъ странамъ. И приспѣ осень, нача мыслити на Деревляны, хотя примыслити большую дань“. Изъ этихъ словъ видно, что Игорь началъ собираться на осеннее полюдье, а они были дѣломъ обыкновеннымъ, какъ извѣстно изъ нашихъ и иностранныхъ свидѣтельствъ. Затѣмъ лѣтописецъ продолжаетъ: „Въ лѣто 6453 (945). Въ се же лѣто рекоша дружина Игореви: „отроци Свѣнельжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази: поиди, княже, съ нами въ дань, да и ты добудеши и мы“. Послуша ихъ Игорь, иде въ Дерева въ дань, и примышляше къ первой дани, насиляше имъ и мужи его“. Потомъ разсказъ идетъ, какъ онъ переданъ у г. Соловьева. Ясно, что по просьбѣ дружины Игорь отправился къ древлянамъ за данью въ другой разъ: „примышляше къ первой дани“: наконецъ, онъ отправилъ дружину и „съ маломъ дружины“ опять воротился „походить еще“. Послѣ этого спрашивается, изъ чего заключилъ г. Соловьевъ, что Игорь былъ князь робкій? Взять съ одного и того же племени двойную дань и потомъ отправиться къ нему за данью же въ третій разъ, въ малой дружинѣ, и притомъ къ племени, покоренному не болѣе какъ лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, уже при Олегѣ, — да это подвигъ, свидѣтельствующій скорѣй о необдуманной храбрости и отвагѣ, чѣмъ о робости.

Въ примѣчаніи 256, г. Соловьевъ опровергаетъ извѣстіе лѣтописца, что Владиміръ велѣлъ „рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, идѣже стояху кумири“. „Одинъ только примѣръ построенія на холму Перуновомъ, говоритъ авторъ, показываетъ, что здѣсь только и была построена церковь на мѣстѣ кумировъ, ибо ясно, что лѣтописецъ не знаетъ другихъ мѣстъ въ Кіевѣ, гдѣ еще стояли кумиры“. Но возраженіе неосновательно. Лѣтописецъ совсѣмъ не говоритъ, что Владиміръ велѣлъ ставить церкви на мѣстѣ кумировъ въ одномъ Кіевѣ. Онъ не опредѣляетъ города, къ которому относилось распоряженіе великаго князя. Если въ Кіевѣ кумиры стояли въ одномъ мѣстѣ, то, разумѣется, лѣтописецъ и не могъ говорить о двухъ церквахъ.

Что дѣлалось въ этомъ отношеніи въ другихъ городахъ, мы не знаемъ, и слѣдова-

тельно не имѣемъ права отвергать извѣстіе лѣтописи, тѣмъ болѣе, что оно само по себѣ очень вѣроятно и согласно съ обстоятельствами времени: всѣ просвѣтители язычниковъ поступали точно такъ, какъ поступилъ по лѣтописи св. Владиміръ.

На стр. 125, г. Соловьевъ говоритъ о „полюдьи“ и замѣчаетъ: „Обычай полюдья сохранился и послѣ: при тогдашнемъ состояніи общества, это былъ для князя единственный способъ исполнять свои обязанности относительно народонаселенія, именно судъ и расправу“. Разсуждая такимъ образомъ, авторъ показываетъ ошибочное воззрѣніе на древнее значеніе суда. И въ это время и долго послѣ, судъ не былъ обязанностью, но правомъ, и правомъ весьма выгоднымъ по финансовому характеру нашего древняго судопроизводства. „А судья за нимъ (истцомъ) идетъ, своего прибытка смотритъ“, сказано въ одной грамотѣ XV вѣка. Тотъ же характеръ имѣло судопроизводство и по „Русской Правдѣ“, и по двумъ „Судебникамъ“, и по всѣмъ уставнымъ и суднымъ грамотамъ до Уложенія. Оттого право суда давалось какъ награда и какъ привилегія, а изъятіе изъ подсудности было постоянной, непремѣнной статьей всѣхъ жалованныхъ грамотъ духовенству и монастырямъ.

На той же страницѣ г. Соловьевъ говоритъ, что обязанность племенъ содержать князя и дружину во время полюдья называлась „кажется“ оброкомъ. Это едва ли такъ. Судя по нѣкоторымъ *оброчнымъ* грамотамъ XVI вѣка, подъ *оброкомъ* разумѣлись вообще всѣ сборы, пошлины и повинности, которыя платились общиной. Въ „Русской Правдѣ“ слово *оброкъ* не встрѣчается, но говорится объ *урокахъ*; здѣсь это слово имѣетъ тоже очень обширное значеніе: всякая закономъ опредѣленная плата и пошлина называется *урокомъ*. Поэтому *урокомъ* названъ и поклонъ вирный, и плата мостьникамъ, городникамъ, и плата за судъ, за присягу и т. д. Такимъ образомъ „оброкъ“ или „урокъ“ значили: законное опредѣленіе или постановленіе, касавшееся величины какой бы ни было платы или повинности. Въ болѣе тѣсномъ значеніи это слово, сколько намъ извѣстно, не встрѣчается.

На стр. 133 находимъ очень странное объясненіе словъ Святослава о Переяславцѣ: „то есть середа въ землѣ моей“. Авторъ спрашиваетъ: какимъ образомъ Переяславецъ могъ быть серединою земли Святославовой, и отвѣчаетъ:

„Это выраженіе можетъ быть объяснено двоякимъ образомъ: 1) Переяславецъ въ землѣ моей есть срединное мѣсто, потому что туда изо всѣхъ странъ свозится все доброе; Переяславецъ слѣдовательно названъ серединою не относительно положенія своего среди владѣній Святослава, но какъ средоточіе торговли. 2) Второе объясненіе намъ кажется легче: Святославъ своею землею считалъ только одну Болгарію, пріобрѣтенную имъ самимъ; Русскую же землю считалъ, по понятіямъ того времени, владѣніемъ общимъ, родовымъ. Святославъ спѣшилъ окончить свое княженіе на Руси; онъ посадилъ старшаго сына Ярополка въ Кіевѣ, другого, Олега, въ землѣ Древлянской“, и т. д. (стр. 133).

Итакъ Болгарія должна была стать „собиной“, то-есть отдѣльной собственностью Святослава? Любопытно! Къ сожалѣнію, ни прежде, ни послѣ мы не встрѣчаемъ ни одного примѣра, чтобы князь, завоевавъ область, не думалъ присоединить ее къ прочимъ, а составлялъ изъ нея для себя особенное владѣніе: ни Рюрикъ, ни Олегъ, ни Владиміръ, ни Ярославъ такъ не поступали, потому что это было совершенно противно духу и характеру времени. То, что пріобрѣтали князья, они пріобрѣтали для своихъ наслѣдниковъ и потомковъ, какъ говоритъ Ярославъ своимъ сыновьямъ: „аще ли будете ненавидно живуще... погубите землю отецъ своихъ и дѣдъ своихъ, иже налѣзоша трудомъ своимъ великимъ“. Неужели одинъ Святославъ составлялъ исключеніе изъ этого общаго правила? Не думаемъ. Скорѣй г. Соловьевъ слишкомъ увлекся мыслью, вѣрною въ основаніи, но неудачно примѣненной. Это же неудачное примѣненіе заставило его сказать въ противность всѣмъ даннымъ, что Святославъ будто бы спѣшилъ окончить свое княженіе на Руси. Если ему было „не любо жить въ Кіевѣ“, то изъ этого еще никакъ не слѣдуетъ, чтобъ онъ отказывался отъ Россіи. Вѣдь и Олегу не любо было жить въ Новгородѣ, однако онъ отъ него не отказался? Раздача областей сыновьямъ или, правильнѣе, разсылка ихъ по городамъ, была и при Владимірѣ и при Ярославѣ, и нимало не доказываетъ того, что хотѣлъ доказать г. Соловьевъ; слова Ольги къ Святославу: „ты видишь, что я больна, куда же хочешь отъ меня идти! Похоронивши меня, иди куда хочешь“, опять ничего не доказываютъ. Ольга удерживала Святослава въ Кіевѣ до своей кончины, а Святославу хотѣлось ско-

рѣи въ Переяславецъ. Самыя слова Святослава къ дружинѣ, приведенныя г. Соловьевымъ на стр. 137 и 138, показываютъ, что онъ и не думалъ оканчивать своего княженія въ Руси; напротивъ, онъ уговариваетъ дружину заключить миръ съ царемъ и обнадеживаетъ ее тѣмъ, что если царь перестанетъ платить дань по условію, то, собравши побольше войска, онъ опять пойдетъ съ нею на Византію. Наконецъ, въ лѣтописи начало княженія Ярополка отнесено къ 973 году, а Святославъ погибъ къ 972 году; три года, протекшіе съ кончины Ольги, присчитываются къ княженію Святослава, а не Ярополка. Какъ бы могло это случиться, еслибъ Святославъ ушелъ изъ Россіи совсѣмъ и навсегда? Очевидно, г. Соловьевъ слишкомъ увлекся, и это увлеченіе заставило его броситься въ лабиринтъ предположеній и натяжекъ для объясненія того, что само по себѣ очень ясно и просто.

„Это преданіе (о возвращеніи и погибели Святослава), какъ оно занесено въ лѣтопись, требуетъ нѣкоторыхъ поясненій. Здѣсь прежде всего представляется вопросъ: почему Святославъ, который такъ мало былъ способенъ къ страху, испугался Печенѣговъ и возвратился назадъ зимовать въ Бѣлобережье; если испугался въ первый разъ, то какую надежду имѣлъ къ безпрепятственному возвращенію послѣ, весною; почему онъ могъ думать, что Печенѣги не будутъ сторожить его и въ это время; наконецъ, если испугался Печенѣговъ, то почему не принялъ совѣта Свѣнельдова, который указывалъ ему обходный путь степью? Другой вопросъ: какимъ образомъ спасся Свѣнельдъ? Во-первыхъ, мы знаемъ, какимъ безчестіемъ покрывался дружинникъ, оставившій своего вождя въ битвѣ, пережившій его и отдавшій тѣло его на поруганіе врагамъ; этому безчестію наиболѣе подвергались самые храбрѣйшіе, т.-е. самые приближенные къ вождю, князю; а кто былъ ближе Свѣнельда къ Святославу? Дружина обѣщала Святославу, что гдѣ ляжетъ его голова, тамъ и они всѣ головы свои сложатъ; дружина, не знавшая страха среди многочисленныхъ полчищъ греческихъ, дрогнула передъ Печенѣгами? и неужели Свѣнельдъ не постыдился бѣжать съ поля, не захотѣлъ лечь съ своимъ княземъ? Во-вторыхъ, какимъ образомъ онъ могъ спастись? Мы знаемъ, какъ затруднительны бывали переходы русскихъ черезъ пороги, когда они принуждены бывали тащить на себѣ лодки и обороняться отъ враговъ, и при такой малочисленности Святославовой дружины трудно, чтобы главный по князѣ вождь могъ спастись отъ тучи облегавшихъ варваровъ. Для рѣшенія этихъ вопросовъ мы должны обратить вниманіе на характеръ и положеніе Святослава, какъ они выставлены въ преданіи. Святославъ завоевалъ Болгарію, и остался тамъ жить; вызванный оттуда вѣстью объ опасности своего семейства, нехотя поѣхалъ въ Русь; здѣсь едва дождался смерти матери, отдалъ волости сыновьямъ и отправился навсегда въ Болгарію, *свою* страну. Но теперь онъ принужденъ снова ее оставить и возвратиться въ Русь, отъ которой уже отрекся, гдѣ уже княжили его сыновья; въ какомъ отношеніи онъ находился къ нимъ, особенно къ старшему, Ярополку, сидѣвшему въ Кіевѣ? Во всякомъ случаѣ, ему необходимо было лишить послѣдняго данной ему власти, и занять его мѣсто; притомъ, какъ должны были смотрѣть на него кіевляне, которые и прежде упрекали его за то, что онъ отрекся отъ Руси? Теперь онъ потерялъ ту страну, для которой пренебрегъ Русью, и пришелъ бѣглецомъ въ родную землю. Естественно, что такое положеніе должно было быть для Святослава нестерпимо; не удивительно, что ему не хотѣлось возвратиться въ Кіевъ, и онъ остался зимовать въ Бѣлобережьѣ, пославъ Свѣнельда степью въ Русь, чтобъ тотъ привелъ ему оттуда побольше дружины, съ которою можно было бы снова выступить противъ болгаръ и грековъ, что онъ именно и обѣщалъ сдѣлать передъ отъѣздомъ изъ Болгаріи. Но Свѣнельдъ волею или неволею мѣшкалъ на Руси, а голодъ не позволялъ Святославу медлить болѣе въ Бѣлобережьѣ; идти въ обходъ степью было нельзя; кони были всѣ съѣдены, по необходимости должно было плыть Днѣпромъ чрезъ пороги, гдѣ ждали Печенѣги. Что Святославъ самъ отправилъ Свѣнельда степью въ Кіевъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ Іоакимова лѣтопись“ (стр. 140 и 141).

Трудно опровергать здѣсь г. Соловьева: все имъ сказанное такъ неестественно, столько выставлено имъ вовсе ненужныхъ вопросовъ, затрудненій и сомнѣній. Самыя ссылки на факты здѣсь невѣрны. Святославъ передъ отъѣздомъ изъ Болгаріи вовсе не обѣщалъ снова выступить въ походъ противъ болгаръ и грековъ; напротивъ, онъ прямо говоритъ: царь согласился давать намъ дань, будемъ и тѣмъ довольны; а если онъ не станетъ платить дани, то опять пойдемъ на Царьградъ изъ Руси. Какое же тутъ обѣщаніе? Оно условное.

На стр. 144 находимъ двѣ неудачныя попытки объяснить историческія событія, которыя отчасти сами по себѣ ясны, отчасти же не могутъ быть объяснены по недостатку данныхъ.

„Наступательное движеніе Владиміра противъ Ярополка было необходимо: Владиміръ не могъ надѣяться, чтобы старшій братъ спокойно снесъ изгнаніе своихъ намѣстниковъ изъ Новгорода; Владиміру нужно было предупредить его, тѣмъ болѣе, что у него теперь были наемные варяги, а Ярополкъ не собрался съ силами; варяговъ надобно было употребить въ дѣло, отпустить ихъ ни съ чѣмъ было невыгодно и опасно, оставить ихъ у себя въ Новгородѣ было еще невыгоднѣе и опаснѣе; отпустивши ихъ, дожидаться, пока Ярополкъ, собравши всѣ силы юга, двинется противъ Новгорода,—было безразсудно“.

„Прежде начатія борьбы, обоимъ братьямъ было важно пріобрѣсти себѣ союзника во владѣтелѣ Полоцкомъ: въ это время въ Полоцкѣ сидѣлъ какой-то Рогволодъ. Дочь этого Рогволода, Рогнѣда, была сговорена за Ярополка. Владиміръ, чтобъ склонить Полоцкаго державца на свою сторону, чтобъ показать, что послѣдній ничего не потеряетъ, если Кіевскій князь будетъ низложенъ, послалъ и отъ себя свататься также за дочь Рогволодову“ (стр. 144).

Въ пользу всѣхъ этихъ соображеній нѣтъ фактовъ. Зачѣмъ же было вводить ихъ? Они ничего не объясняютъ и не убѣдительны. Жаль, что такія мѣста встрѣчаются довольно часто въ книгѣ г. Соловьева и вредятъ ея существеннымъ и базспорнымъ достоинствамъ.

На стр. 180, по поводу населенія великимъ княземъ Владиміромъ Бѣлгорода на Днѣпрѣ, г. Соловьевъ задаетъ себѣ вопросъ: „Какъ происходило это населеніе и переселеніе?“—и отвѣчаетъ такимъ образомъ:

„Вѣроятнѣе всего жители привлекались на новыя мѣста особенными льготами; лучшіе, т.-е. самые удалые, которымъ скучно было сидѣть дома безъ свойственнаго имъ занятія, разумѣется, привлекались на границу, кромѣ льготъ, еще надеждою безпрестанной борьбы; кромѣ того, жителямъ бѣднаго сѣвера лестно было переселиться на житье въ благословенныя страны украинскія“ (стр. 180).

Признаемся, намъ кажется этотъ способъ населенія и переселенія самымъ невѣроятнымъ для временъ Владиміра. Лѣтопись говоритъ: „много людей свелъ въ него“ (т.-е. въ Бѣлгородъ). Выраженіе *свелъ* точно опредѣляетъ, какъ происходило переселеніе: великій князь приказывалъ переселяться — и переселялись. Привлеченіе переселенцевъ льготами—позднѣйшее явленіе и, какъ можно догадываться, возникло подъ вліяніемъ удѣльной системы и духовенства. Перезывались если не исключительно, то всего чаще жители другихъ княженій; чтобы побудить ихъ оставить свое пепелище и водвориться на новомъ мѣстѣ, для этого нужны были льготы. Вслѣдствіе благочестія князей и ихъ усердія къ церкви, такія льготы всего чаще давались переселенцамъ на земли, принадлежавшія монастырямъ и духовенству. Что во времена Владиміра удальцы находили свой разсчетъ переселяться, что жители бѣднаго сѣвера льстились Украйной—ни изъ чего не видно; напротивъ, продолжающаяся и до сихъ поръ привязанность къ землѣ, на которой жили отцы и дѣды, дѣлаетъ послѣднее предположеніе очень невѣроятнымъ.

Въ характеристикѣ Владиміра, на той же 180 страницѣ, мы встрѣчаемъ, между прочимъ, слѣдующую странную мысль: „Онъ (В. К. Владиміръ) пользуется опытомъ отцовскимъ, совѣтомъ старика дяди, и отказывается отъ завоеванія народовъ далекихъ, сильныхъ своею гражданственностью“. Трудно догадаться, что здѣсь намекъ на народное преданіе о походѣ Владиміра на Болгары, записанное въ лѣтописи такимъ образомъ: „иде (въ 985 году) Володимеръ на болгаръ съ Добрыною съ уемъ своимъ въ лодьяхъ, а Торъки берегомъ приведе на конихъ, и побѣди болгары. Рече Добрына Володимеру: съглядахъ колодникъ, оже суть вси въ сапозѣхъ: симъ дани намъ не даяти, поидемъ искать лапотниковъ“. Что́ бы ни значило это темное преданіе, во всякомъ случаѣ оно совсѣмъ не свидѣтельствуетъ о благоразумной умѣренности князя, о которой говоритъ г. Соловьевъ. Дѣло очень простое: В. К. Владиміру говоритъ дядя: болгары ходятъ въ сапогахъ; съ этихъ намъ дани не взять, пойдемъ-ка лучше поищемъ лапотниковъ. Владиміръ согласился; необходимость заставила его быть благоразумнымъ. Больше изъ этого разсказа ничего не слѣдуетъ.

Разсуждая о Владимірѣ, г. Соловьевъ долженъ былъ коснуться пѣсенъ и сказокъ о его пирахъ и богатыряхъ, которыя до сихъ поръ сохранились въ устахъ народа. Извѣстно, что первое историческое лицо нашихъ пѣсенъ и сказокъ есть В. К. Владиміръ: объ Олегѣ, Игорѣ, Святославѣ народъ не помнитъ.

Г. Соловьеву непремѣнно хочется объяснить, почему это такъ, и вотъ онъ заводитъ рѣчь издалека:

„Время Владиміра было благопріятно для богатырства: дружина не уходила съ княземъ въ далекія страны искать славы и добычи; при Святославѣ, напримѣръ, трудно было выказаться богатырямъ, и внести свои подвиги въ народную память, потому что князь былъ въ челѣ дружины, и былъ самъ богатырь изъ богатырей, дружинники были только похожи на него; притомъ подвиги ихъ совершались въ далекихъ странахъ: если и были пѣвцы въ дружинѣ при князьяхъ, то пѣсни ихъ мало могли найти сочувствія въ народѣ, для котораго ихъ содержаніе было чуждо. Но при Владимірѣ другое дѣло: дружина была храбрая, дѣла ей было много. шла безпрестанная борьба съ варварами, и эта борьба происходила на глазахъ русскаго народа, и шла за самые близкіе его интересы; отраженіе печенѣговъ, поимка какого-нибудь страшнаго разбойника была для него поважнѣе блистательныхъ подвиговъ Святослава въ Болгаріи; при томъ же самъ князь Владиміръ не былъ богатыремъ изъ богатырей, отсюда

богатырство дружинниковъ выказывалось рѣзче, отдѣльныя предпріятія часто поручались мужамъ изъ дружины княжеской, которые такимъ образомъ могли выказаться" (стр. 182—183).

То, что здѣсь говорится о Владимірѣ, можетъ быть сказано и объ Игорѣ и объ Ярославѣ. Разсужденія г. Соловьева въ примѣненіи именно къ Владиміру совершенно произвольны. Ну, что, еслибъ вдругъ, въ какомъ-нибудь старинномъ манускриптѣ, нашлась хоть одна пѣсня объ Олегѣ и его богатыряхъ? Вѣдь это дѣло не невозможное. Найдены же были, уже въ XIX вѣкѣ, такъ называемыя пѣсни Кирши Данилова, и Слово о полку Игоревѣ? Что сталось бы тогда со всѣми выводами г. Соловьева, изъ которыхъ должно слѣдовать какъ дважды два—четыре, что народъ могъ воспѣвать только богатырей временъ В. К. Владиміра, но никакъ не богатырей Игоревыхъ, Святославовыхъ, Олеговыхъ? Обстоятельства, давшія, по его словамъ, развиться богатырству въ княженіе Владиміра, развѣ не относятся, и въ той же мѣрѣ, и къ другимъ княженіямъ? Если ужъ никакъ нельзя обойтись безъ объясненія, почему именно княженіе Владиміра и его богатыри составляютъ предметъ нашихъ древнѣйшихъ народныхъ историческихъ пѣсенъ и сказокъ, то взглядъ г. Погодина на норманскій періодъ объясняетъ дѣло гораздо проще и вѣроятнѣе. До Владиміра князья и ихъ дружина все еще сохраняютъ варяжскій характеръ и типъ; они составляетъ дружину, отдѣльную отъ народа. В. К. Владиміръ—первый народный князь. Въ его время дружина частью сама ославянилась, частью приняла въ свои ряды дружинниковъ родомъ славянъ. Къ этому присоединилось, что при В. К. Владимірѣ мы приняли христіанство, которое должно было окончательно уничтожить прежнее различіе пришлой дружины и туземнаго народонаселенія. Такимъ образомъ въ памяти и жизни народа Владиміръ и его сподвижники должны были оставить продолжительный, глубокій слѣдъ, а личный характеръ князя, его щедрость, его пиры, его широкій размахъ, который такъ нравится славянину, сдѣлали его первымъ и любимымъ лицомъ народныхъ пѣсенъ и сказокъ.

На стр. 184 — 186, разсказу о событіяхъ послѣ кончины Владиміра г. Соловьевъ предпосылаетъ подробное изслѣдованіе старшинства между сыновьями этого князя. Многія замѣчанія и выводы автора остроумны и не лишены вѣроятія; но мы думаемъ, что это изслѣдованіе вообще едва-ли можетъ привести къ какимъ-нибудь положительнымъ результатамъ, разумѣется, безъ помощи какихъ-нибудь новыхъ источниковъ. Владиміръ имѣлъ дѣтей не отъ одного брака, а отъ нѣсколькихъ, а притомъ многіе изъ его сыновей родились до принятія имъ христіанства, слѣдовательно, когда онъ пребывалъ въ полигаміи. Какъ изслѣдовать, который изъ его сыновей былъ старше, который моложе? Порядокъ ихъ старшинства не можетъ быть опредѣленъ ни старшинствомъ брака, ни тѣмъ, что братья родились отъ одной матери. Кромѣ этого основного недостатка цѣлаго изслѣдованія, мы замѣтили въ немъ и нѣкоторые частные. На стр. 185 г. Соловьевъ говоритъ: „Второго сына Адели, Станислава, этотъ же лѣтописецъ (Іоакимъ), равно какъ и нѣкоторые другіе, отсылаетъ въ Смоленскъ, а Судислава во Псковъ"; ниже, на той же страницѣ, читаемъ: „Несмотря на это молчаніе древнѣйшихъ дошедшихъ до насъ списковъ лѣтописи о первоначальныхъ волостяхъ Бориса и Глѣба, равно какъ всеобщее молчаніе о волостяхъ Станислава, Судислава и Позвизда" и т. д. Это противорѣчіе. Далѣе, на стр. 186, г. Соловьевъ приписываетъ Владиміру намѣреніе передать кіевскій старшій престолъ Борису, на томъ только основаніи, что Владиміръ любилъ Бориса болѣе другихъ сыновей и держалъ его при себѣ; но изъ этого, кромѣ простого предпочтенія, едва-ли можно что-нибудь вывести. Наконецъ, въ томъ же изслѣдованіи, на стр. 186, встрѣчаемъ странное объясненіе, почему великій князь Владиміръ не роздалъ своимъ сыновьямъ владѣній, на востокъ отъ Днѣпра,—ни Чернигова, ни Переяславля. „Это явленіе, говоритъ г. Соловьевъ, можетъ объясниться только пустынностью страны, составившей впослѣдствіи княжества Черниговское и Переяславское". Но самъ же г. Соловьевъ говоритъ (на стр. 200), что Мстиславъ, помирившись съ братомъ своимъ Ярославомъ, „взялъ себѣ восточную сторону, съ главнымъ столомъ въ Черниговѣ". Первая разсылка сыновей Владиміра въ области была, по лѣтописи, въ 988 году, а Ярославъ заключилъ миръ съ Мстиславомъ и раздѣлилъ съ нимъ Россію въ 1025 году; слѣдовательно, всего прошло съ разсылки тридцать лѣтъ. Вѣроятно ли, что въ такое короткое время восточная сторона Днѣпра заселилась, бывши до

того времени пустынной. Притомъ въ Черниговѣ и Переяславлѣ уже во времена Олега сидѣли подручные ему князья. Если они тамъ были, могли сидѣть и сыновья Владиміра. Очевидно, гипотеза г. Соловьева не разрѣшаетъ затрудненія.

Въ разсказѣ о кончинѣ великаго князя Владиміра, на 187 стр., г. Соловьевъ говоритъ: „Когда въ городѣ узнали объ этомъ (то-есть о кончинѣ великаго князя), то безчисленное множество народа сошлось въ церковь, и начали плакать по немъ—*знатные*, какъ по заступникѣ земли своей, убогіе какъ о заступникѣ и кормителѣ своемъ". Въ лѣтописи это изложено такъ: „Се же увѣдѣвъше людье, безъ числа снидошася и плакашася по немъ, *боляре* акы заступника ихъ земли, убозіи акы заступника и кормителя". Въ 291 примѣчаніи г. Соловьевъ такимъ образомъ объясняетъ замѣну слова *боляре* словомъ *знатные*; „здѣсь ясно, что они (боляре) противополагаются убогимъ, и потому означаютъ вообще *неубогихъ*, богатыхъ и знатныхъ". Но это объясненіе невполнѣ удовлетворительно, и потому правильность замѣны одного слова другимъ остается сомнительной. Приведенное мѣсто очень важно для нашей внутренней исторіи. Въ немъ съ перваго взгляда дѣйствительно какъ будто „болярин" противополагается „убогому". Но все будетъ зависѣть отъ толкованія словъ: „акы заступника земли". Если принять это выраженіе въ общемъ смыслѣ, то-есть, что великій князь Владиміръ защищалъ Русскую землю отъ враговъ, то г. Соловьевъ правъ; только будетъ ли вѣрно такое объясненіе? Не содержатъ ли въ себѣ приведенныя слова намекъ на то, что бояре были землевладѣльцы и что князь, какъ судья и блюститель внутренняго мира, защищалъ и охранялъ ихъ владѣнія? Безъ новыхъ данныхъ вопросъ этотъ рѣшить трудно. Поэтому-то мы думаемъ, что было бы осторожнѣе переводить приведенныя слова лѣтописи буквально, не измѣняя въ нихъ ничего.

Къ числу неудачныхъ объясненій, попадающихся въ книгѣ г. Соловьева, принадлежитъ, между прочимъ, и разсужденіе объ избіеніи новгородцевъ Ярославомъ передъ походомъ его противъ Святополка. Лѣтопись разсказываетъ дѣло такъ: „Ярославу же невѣдущю отьнѣ смерти, варязи бяху мнози у Ярослава, и насилье творяху новгородцемъ и женамъ ихъ. Вставше новгородци, избиша варягы во дворѣ Поромони, и разгнѣвася Ярославъ, и шедъ на Рокомъ, сѣде въ дворѣ; пославъ къ новгородцемъ, рѣче: уже мнѣ сихъ не крѣсити. И позва къ собѣ нарочитыѣ мужи, иже бяху изсѣкли варягы, обольстивъ и исѣче. Въ ту же нощь приде ему вѣсть изъ Кыева отъ сестры его Передъславы: со отець ти умерлъ, а Святополкъ сѣдитъ ти Кыевѣ, убивъ Бориса, а на Глѣба посла; а блюдися его повелику. Се слышавъ, печаленъ бысть о отци и о дружинѣ; заутра же собравъ избытокъ новгородець, Ярославъ рече: о люба моя дружина, юже вчера избихъ, а нынѣ быша надобѣ. И утре слезъ, и рече имъ на вѣчи: отець мой умерлъ, а Святополкъ сѣдить Кыевѣ, избивая братію свою. И рѣша новгородци: аще, княже, братья наша исѣчена суть, можемъ по тобѣ бороти". Этотъ простой разсказъ г. Соловьевъ поясняетъ такимъ образомъ:

„Причину такого рѣшенія новгородцевъ объяснить легко. Предпріятіе Ярослава противъ Владиміра было въ выгодѣ новгородцевъ, освобождавшихся отъ платежа дани въ Кіевъ: отказаться помочь Ярославу, принудить его къ бѣгству, значило возобновить прежнія отношенія къ Кіеву, принять опять посадника Кіевскаго князя, простого мужа, чего очень не любили города, а между тѣмъ Ярославъ, если убѣжитъ, то можетъ возвратиться съ варягами, какъ Владиміръ прежде, и уже конечно не будетъ благосклоненъ къ гражданамъ, выгнавшимъ его отъ себя, тогда какъ, въ случаѣ побѣды Ярослава надъ Святополкомъ, они были въ правѣ ожидать, что Ярославъ не заставитъ ихъ платить дани въ Кіевъ, уже потому, что самъ прежде отказался платить ее. Что же касается до поступка Ярослава съ убійцами варяговъ, то мы должны смотрѣть на его слѣдствія по отношеніямъ и понятіямъ того времени; изъ лѣтописнаго разсказа мы видимъ уже всю неопредѣленность этихъ отношеній; новгородцы ссорятся съ варягами: дѣло доходитъ до драки, въ которой граждане бьютъ варяговъ; князь хитростью зазываетъ къ себѣ виновниковъ убійства и бьетъ ихъ въ свою очередь. Въ понятіяхъ новгородцевъ слѣдовательно все это было очень естественно, и потому трудно было имъ за это много сердиться; у насъ нѣтъ никакого основанія принимать убійство варяговъ за дѣло цѣлаго города, это была частная ссора и схватка, на что указываетъ опредѣленіе мѣста—дворъ Парамоновъ; число жертвъ мести Ярославовой явно преувеличено, трудно было обманомъ зазвать такое количество людей, еще труднѣе перерѣзать ихъ безъ сопротивленія въ оградѣ княжескаго двора; мы видимъ, что не всѣ знатные новгородцы были перерѣзаны, остались бояре и старосты, которые послѣ собираютъ деньги для найма варяговъ. Отвѣчали на вѣчѣ тѣ, которые остались въ живыхъ, тѣ, которые не участвовали въ убійствѣ варяговъ, а тѣ, которые не участвовали въ убійствѣ варяговъ, были по этому самому равнодушны къ дѣлу. По-

ступокъ Ярослава былъ совершенно въ понятіяхъ того времени: князь долженъ былъ какимъ бы то ни было способомъ схватить убійцъ варяжскихъ и отдать ихъ на месть варягамъ, родственникамъ убитыхъ. Итакъ, если это было частное дѣло и обыкновенное, то цѣлому городу не для чего было много обращать на него вниманія; Ярославъ жалѣетъ не о томъ, что перебилъ новгородцевъ, но о томъ только, что этимъ убійствомъ отнялъ у себя воиновъ, которые въ настоящихъ обстоятельствахъ были ему очень нужны, и новгородцы отвѣчаютъ въ этомъ же смыслѣ: „хотя наши братья и перебиты, но у насъ все еще достаточно народа, чтобъ биться за тебя". И этотъ отвѣтъ можетъ также служить объясненіемъ дѣлу: откажись новгородцы сражаться за Ярослава, онъ принужденъ былъ бы призвать новыя толпы варяговъ, слѣдовательно новгородцы должны были подвергнуться новымъ непріятностямъ со стороны послѣднихъ, и потому они предпочитаютъ уже сами идти съ Ярославомъ на Святополка. Сюда должно прибавить, что поведеніе Святополка также не могло возбудить къ нему расположенія въ гражданахъ; съ Ярославомъ легко было помириться: новгородцы разсердились на варяговъ и побили ихъ, Ярославъ имѣлъ полное право разсердиться на новгородцевъ за это и перебить ихъ—дѣло обоюдное; но трудно было доброжелательствовать князю, который началъ свое правленіе убійствомъ родныхъ братьевъ. Впрочемъ, это мѣсто лѣтописи нуждается еще въ другомъ объясненіи: почему Ярославъ такъ испугался слѣдствій своего поступка съ новгородцами? для чего такъ жалѣлъ объ избитіи дружины? вѣдь она была нужна ему и прежде, ибо онъ готовился къ войнѣ съ отцомъ; для чего же онъ не подумалъ объ этомъ прежде убіенія новгородцевъ? Дѣло объясняется тѣмъ, что Ярославъ зналъ о медленныхъ сборахъ Владиміра, о его болѣзни, которая мѣшала ему спѣшить походомъ, могъ надѣяться на борьбу Святополка съ Борисомъ, которая на долго оставила бы его въ покоѣ. Но теперь дѣла перемѣнились: Владиміръ умеръ, Святополкъ началъ княжить, убилъ Бориса, послалъ убить Глѣба, хочетъ бить всѣхъ братьевъ, подобно сосѣднимъ государямъ; опасность слѣдовательно наступила страшная для Ярослава: сестра писала: берегись; оставаться въ бездѣйствіи значило жить въ безпрестанномъ страхѣ отъ убійцъ, нужно было или бѣжать за море, или выступать немедленно противъ Святополка, предупредить его; однимъ словомъ поступить по примѣру отца своего Владиміра" (стр. 192, 193, 194).

Въ приведенномъ объясненіи такъ много искусственности и натяжекъ, что дѣлаетъ самое событіе еще непонятнѣе. Изъ чего, напримѣръ, видно, что избіеніе варяговъ новгородцами, новгородцевъ Ярославомъ,—было дѣло частное, на которое цѣлому городу нечего было обращать вниманія? Изъ лѣтописи слѣдуетъ совсѣмъ противное. Далѣе, откуда слѣдуетъ, что новгородцы, оставшіеся въ живыхъ, были равнодушны къ насильственной смерти ихъ согражданъ? Такъ же неудачны предположенія, почему Ярославъ жалѣлъ объ избіеніи дружины, и неудачны именно потому, что не просты. Дѣйствительно, все это событіе объясняется какъ нельзя лучше и характеромъ нашихъ предковъ, и духомъ времени, и обстоятельствами, безъ всякихъ дальнѣйшихъ предположеній. Ярославъ княжилъ въ Новгородѣ около тридцати лѣтъ, именно 28 лѣтъ. Въ примѣчаніи 297 г. Соловьевъ отвергаетъ извѣстіе лѣтописи: „и бѣ тогда (въ 1016 году) Ярославъ Новѣгородѣ лѣтъ 28", потому что Ярославъ смѣнилъ въ Новгородѣ Вышеслава, а Вышеславъ, по Татищеву, умеръ въ 1010 году. Но можно ли отвергать лѣтопись по показаніямъ Татищева, когда онъ не ссылается на источники? Въ лѣтописи замѣна Вышеслава Ярославомъ въ Новгородѣ разсказана подъ 188 годомъ, и произошла въ томъ же году, какъ видно изъ приведеннаго выше мѣста. Достоинства Ярослава несомнѣнны; весьма понятно, что новгородцы его любили. Быть можетъ, новгородцы имѣли и особенныя причины любить Ярослава: отказъ его платить 3,000 гривенъ могъ быть сдѣланъ по ихъ желанію и въ ихъ пользу. Вдругъ, по поводу варяговъ, между новгородцами и Ярославомъ произошла ссора. Что бы изъ нея могло выйти—неизвѣстно; но во время этой ссоры возникла опасность для князя со стороны; всѣ дѣла въ Руси, съ кончиною Владиміра, приняли другой видъ. Въ эту критическую минуту домашняя ссора, происшедшая случайно и по обоюдной винѣ, была забыта. Что можетъ быть естественнѣе? Надъ чѣмъ тутъ затрудняться? Чѣмъ ближе будемъ толковать лѣтописный разсказъ, тѣмъ онъ становится понятнѣй.

На стр. 207 г. Соловьевъ говоритъ, и очень положительно, хотя безъ всякихъ доказательствъ, что Ярославъ далъ новгородцамъ „финансовую льготную грамоту, на которую они ссылаются впослѣдствіи, при столкновеніяхъ съ князьями". Всѣмъ извѣстно, что вопросъ о Ярославовыхъ грамотахъ, на которыя ссылаются новгородцы въ своихъ договорахъ съ князьями, былъ предметомъ длинныхъ изслѣдованій и споровъ и, по недостатку данныхъ, не рѣшенъ и до сихъ поръ. Одни думаютъ, что подъ Ярославовыми грамотами должно разумѣть „Русскую Правду"; другіе отвергаютъ это мнѣніе и утверждаютъ, что грамоты Ярославовы могли быть только льготныя, а не судебныя. Не знаемъ,

почему авторъ „Исторіи Россіи" не обратилъ вниманія на эту спорность вопроса, и рѣшаетъ его такъ легко. Мы думаемъ, что слѣдовало выразиться осторожнѣе и, хоть въ примѣчаніи, въ нѣсколькихъ словахъ разсказать въ чемъ споръ, кто писалъ объ Ярославовыхъ грамотахъ и какія есть объ нихъ мнѣнія.

На стр. 208 невольно останавливаетъ насъ оборотъ рѣчи, который встрѣчается въ первомъ томѣ „Исторіи Россіи" довольно часто и, признаемся, производитъ несовсѣмъ пріятное впечатлѣніе. Дѣло вотъ въ чемъ: по извѣстіямъ лѣтописи, христіанство начало распространяться въ Россіи при Ярославѣ. Онъ этому значительно способствовалъ, потому что былъ князь очень набожный и, по тогдашнему, весьма грамотный. Такъ бы и слѣдовало объ этомъ отозваться въ историческомъ сочиненіи. Но г. Соловьевъ предпочелъ труднѣйшій, менѣе простой и обычный путь. Онъ считаетъ нужнымъ пояснить дѣло, разсказать его иначе.

„Уже при Владимірѣ (говоритъ г. Соловьевъ) греческое духовенство единственнымъ средствомъ распространенія и утвержденія христіанства считало грамотность, ученіе книгамъ: сынъ Владиміра самъ читалъ книги, самъ былъ утвержденнымъ христіаниномъ, и потому, разумѣется, въ его княженіе христіанство и грамотность должны были распространяться. И точно, по свидѣтельству лѣтописи, христіанство начало преимущественно распространяться при Ярославѣ".

Къ чему этотъ выводъ, повидимому строго логическій, но въ сущности дѣла только натянутый? Такой методъ изложенія историческихъ фактовъ давно оставленъ, потому что представляетъ большія требованія, когда нѣтъ никакихъ средствъ ихъ выполнить. Внутренняя связь событій есть въ общемъ, а не въ частностяхъ. Въ постепенномъ распространеніи и утвержденіи христіанства въ древней Россіи есть внутренняя послѣдовательность, которую можно прослѣдить исторически. Но какъ доказать à priori, что оно должно было распространяться при Ярославѣ? Этого нельзя доказать, точно такъ же, какъ нельзя доказать à priori силлогизмомъ, почему Славяно-Греко-Латинская Академія заведена въ Москвѣ при Θеодорѣ Алексѣевичѣ, а не при Алексѣѣ Михайловичѣ, почему Ярославъ скончался въ 1054 году, а не годомъ раньше или позже, почему Ломоносовъ написалъ первую свою оду въ 1739 году.

На стр. 211 г. Соловьевъ отвергаетъ долговременное существованіе прежнихъ славянскихъ князей и переходъ ихъ въ бояре съ земскимъ значеніемъ. Тѣ, которые такъ думаютъ, забываютъ, по мнѣнію г. Соловьева, что

„Родовой бытъ славянскихъ племенъ сохранился при своихъ первоначальныхъ формахъ, не переходя въ бытъ клановъ, гдѣ старшинство было уже наслѣдственно въ одной линіи, переходило отъ отца къ сыну, тогда какъ у нашихъ славянъ князь долженствовалъ быть старшимъ въ цѣломъ родѣ, всѣ линіи рода были равны относительно старшинства, каждый членъ каждой линіи могъ быть старшимъ въ цѣломъ родѣ, смотря по своему физическому старшинству: слѣдовательно, одна какая-нибудь линія не могла выдвинуться впередъ передъ другими, какъ скоро родовая связь между ними рушилась; ни одна линія не могла получить большого значенія по своему богатству, потому что при родовой связи имѣніе было общее; какъ же скоро эта связь рушилась, то имущество раздѣлялось поровну между равными въ правахъ своихъ линіями: ясно, слѣдовательно, что боярскіе роды не могли произойти отъ прежнихъ славянскихъ старшинъ, родоначальниковъ, по не-наслѣдственности этого званія; если старшина рода переходилъ въ дружину княжескую, то онъ сохранялъ свое родовое значеніе только при жизни, сынъ его не наслѣдовалъ этого значенія, оно переходило къ какому-нибудь четвероюродному дядѣ его, и если онъ выдѣлялся изъ рода, то доля имущества его была равна долѣ каждаго другого родича. Вотъ почему славянскіе князья исчезаютъ съ приходомъ князей варяжскихъ; нельзя искать ихъ и въ боярахъ по той же самой причинѣ, т.-е. потому, что достоинство старшинъ у славянъ не было наслѣдственнымъ въ одной родовой линіи. Отсюда объясняется и то явленіе, что въ слѣдующемъ періодѣ мы увидимъ непосредственныя отношенія князей къ городскому народонаселенію, къ общинѣ".

Противъ этихъ выводовъ можно сказать многое. Во-первыхъ, авторъ очевидно не можетъ возражать противъ предположеній иначе, какъ тоже предположеніями: долго ли существовали прежніе славянскіе князья или нѣтъ —мы не знаемъ; перешли ли славянскіе старшины въ бояре съ земскимъ значеніемъ или не перешли — тоже неизвѣстно. Какъ же объ этомъ спорить: для состязанія нѣтъ почвы. Во-вторыхъ, на бывшихъ когда-то наслѣдственныхъ славянскихъ князей въ Россіи указываетъ одно мѣсто: въ лѣтописи: „и по сихъ братьи (то-есть Кія, Щека и Хорива) держати почаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ". Стало быть, могли быть и при родовомъ устройствѣ случаи, когда одинъ родъ возвышался надъ другими и удерживалъ за собою власть наслѣдственно. Скажемъ болѣе: въ патріархальномъ, родовомъ быту это та-

кое же обыкновенное, нормальное явленіе, какъ и избираемые старшины. Древнѣйшая исторія славянскихъ племенъ представляетъ этому самыя убѣдительныя доказательства. У однихъ изъ этихъ племенъ старшины избирались, у другихъ власть ихъ передавалась наслѣдственно. Такъ какъ строго-опредѣленнаго юридическаго устройства не было, то естественно, что все зависѣло отъ личности старшинъ и ихъ отношеній къ племенамъ. Такимъ образомъ у одного и того же племени наслѣдственное старшинство могло потомъ замѣниться избирательнымъ и, наоборотъ, избирательное смѣниться наслѣдственнымъ. На это тоже есть много примѣровъ; вообще большая ошибка искать точныхъ и постоянныхъ опредѣленій тамъ, гдѣ юридическія отношенія почти не существуютъ.

На стр. 215 и слѣд., г. Соловьевъ старается опредѣлить отношенія, въ какихъ находилась варяжская дружина къ нашимъ князьямъ и къ тогдашней Россіи. Вопросъ этотъ— одинъ изъ самыхъ любопытныхъ въ первоначальной русской исторіи и заслуживаетъ внимательнаго изученія; отъ его рѣшенія зависитъ правильный взглядъ на варяжскій или норманскій періодъ. Главный результатъ, къ которому приходитъ г. Соловьевъ въ своемъ изслѣдованіи, состоитъ въ томъ, что дружинники у насъ не дѣлили землю съ княземъ, потому что находились къ нему въ служебныхъ отношеніяхъ: варяжскіе мужи, намѣстники, посадники по городамъ были правители, а не владѣльцы. Если князья и могли раздавать имъ земли, то остается еще вопросъ: выгодно ли имъ было пріобрѣтать ихъ? Конечно, имъ было выгоднѣе ходить съ княземъ за добычей къ непокореннымъ народамъ и за данью къ племенамъ подвластнымъ, однимъ словомъ, получать содержаніе непосредственно отъ князя.

Все это, конечно, очень могло быть, и до извѣстной степени даже вѣроятно было въ концѣ варяжской эпохи, когда родъ Рюриковъ обрусѣлъ и сталъ чуждъ варягамъ и другимъ дружинникамъ, приходившимъ изъ-за моря. Но было ли такъ же и въ началѣ этой эпохи — очень трудно рѣшить. Туръ и Рогволодъ какъ будто указываютъ, что между пришельцами варягами были и владѣльцы. Самъ г. Соловьевъ (стр. 114) затрудняется сказать, въ какихъ отношеніяхъ находился Рогволодъ къ правнукамъ Рюрика. Кто были свѣтлые князья, сидѣвшіе по городамъ и бывшіе подъ рукою Олега и Игоря,—также нельзя опредѣлить: если они посылали отъ себя пословъ, если на ихъ долю приходилась часть добычи, можно ли считать ихъ только княжескими слугами или мужами, получавшими содержаніе непосредственно отъ князей? Г. Соловьевъ (стр. 107) видитъ въ нихъ родичей Рюриковыхъ. Но гдѣ этому доказательства? Самъ же онъ говоритъ (примѣч. 194), что въ договорахъ нашихъ князей съ греками названія „князь“ и „бояринъ“ употребляются, безъ различія, одно вмѣсто другого, и списки договоровъ также смѣшиваютъ оба названія. Какое же основаніе видѣть въ этихъ князьяхъ Рюриковыхъ родичей? Дѣлежъ добычи и дани между княземъ и дружиной не свидѣтельствуетъ ли объ отношеніяхъ неслужебныхъ? Впослѣдствіи, конечно, значеніе этого дѣлежа могло измѣниться,—не споримъ; но начало происхожденія его нельзя искать въ служебныхъ отношеніяхъ. Вообще намъ кажется, что г. Соловьевъ смотритъ на варяговъ, бывшихъ въ Россіи, нѣсколько односторонне. Онъ повидимому предполагаетъ, что они составляли одну дружину, одно цѣлое. Но это едва ли было такъ, особливо вначалѣ. Варяги приходили въ Россію въ разное время, останавливались и селились въ нѣкоторыхъ городахъ независимо отъ князей Рюрикова дома, и могли такимъ образомъ основать не одно, а нѣсколько владѣній въ нашемъ отечествѣ. Мы и до сихъ поръ не знаемъ, были ли призванные князья первые владѣтели, или и до нихъ были у насъ другіе? Всѣ ли такіе владѣтели исчезли съ изгнаніемъ варяговъ, или нѣкоторые остались? Кромѣ приведенныхъ примѣровъ Тура и Рогволода, можно указать на Аскольда и Дира. Въ отношеніи къ такимъ владѣтелямъ, взглядъ г. Соловьева непримѣнимъ. Они, кажется, были довольно независимы отъ Рюрика и его преемниковъ, хотя могли вмѣстѣ съ ними участвовать въ большихъ походахъ и другихъ военныхъ предпріятіяхъ. Разумѣется, непосредственная прислуга и свита князей находилась, съ самаго начала, въ большей зависимости отъ князей, хотя и въ отношеніи къ ней эпитетъ „служебная“ можетъ быть несовсѣмъ точенъ.

На стр. 219, г. Соловьевъ говоритъ, что „мужи княжіе, жившіе по городамъ, занимавшіе тамъ разныя должности, въ отличіе отъ бояръ, жившихъ при князѣ въ стольномъ его городѣ, назывались уменьшительнымъ—болярцы“. Сколько мы припоминаемъ,

о болярцахъ упоминается въ лѣтописи только одинъ разъ, именно въ разсказѣ о томъ, какъ къ Вышегородскимъ болярцамъ обратился Святополкъ по кончинѣ Владиміра; но въ этомъ мѣстѣ ни слова не сказано, что̀ они такое были и чѣмъ занимались; слѣдовательно, объясненіе ихъ значенія бездоказательно и произвольно. Если г. Соловьевъ считалъ совершенно необходимымъ разслѣдовать, что такое были болярцы, не знаемъ, почему онъ не воспользовался указаніями Ярославова Церковнаго Устава, въ которомъ говорится о боярахъ великихъ, среднихъ и меньшихъ. Здѣсь онъ бы тоже не нашелъ ближайшаго опредѣленія этихъ разрядовъ; но, по крайней мѣрѣ, могъ бы сослаться на параллельное мѣсто.

На стр. 224, г. Соловьевъ возвращается къ своей любимой мысли, встрѣчающейся много разъ въ его новомъ сочиненіи, — къ мысли, что сѣверное народонаселеніе Россіи, въ описываемый періодъ, было храбрѣе, мужественнѣе, заключало въ себѣ болѣе государственныхъ элементовъ, чѣмъ южное. Факты, вообще, какъ-будто подтверждаютъ эту мысль: побѣда всегда почти была на сторонѣ тѣхъ, за кого сражались сѣверные жители. Такъ, по крайней мѣрѣ, было до кончины Ярослава. Но вотъ затрудненіе: Мстиславъ побѣдилъ брата своего Ярослава съ помощью сѣверянъ, а Ярославъ привелъ съ собой варяговъ. Какъ объяснить это событіе, противорѣчащее общему взгляду? Г. Соловьевъ не затрудняется нисколько. Онъ даетъ этому дѣлу такой оборотъ: „южно-русское, кіевское народонаселеніе не дало побѣды Святополку при Любечѣ; но сѣверское народонаселеніе, тѣ лучшіе мужи, которыхъ Владиміръ перевелъ съ сѣвера и поселилъ въ пограничныхъ городкахъ, дало торжество Мстиславу надъ варягами Ярослава, выдержавши натискъ послѣднихъ“. Это объясненіе было бы совершенно удовлетворительно, еслибъ въ лѣтописи былъ хоть малѣйшій намекъ на то, что въ рядахъ сѣверянъ сражались противъ Ярослава и эти лучшіе мужи, или что они склонили побѣду на сторону Мстислава; но такого намека нѣтъ, и мы считаемъ себя вправѣ спросить г. Соловьева, почему онъ знаетъ, что лучшіе мужи доставили побѣду, а не сѣверяне, о которыхъ говоритъ лѣтописецъ?

На стр. 230 авторъ говоритъ объ изгояхъ. Въ послѣднее время изслѣдованіе г. Калачова объ этомъ предметѣ, помѣщенное въ „Архивѣ“, подало поводъ къ живому спору. Вопросъ остался нерѣшеннымъ, по недостатку данныхъ; но онъ былъ обслѣдованъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, и всѣ заключенія, которыя можно было извлечь изъ наличныхъ свидѣтельствъ объ изгояхъ, сдѣланы. Мы думаемъ, что слѣдовало бы упомянуть о томъ, какъ наши ученые объясняютъ загадочныя извѣстія объ изгояхъ и ихъ происхожденіи. Но г. Соловьевъ не ссылается ни на статью г. Калачова, ни на сдѣланныя ему возраженія.

На той же страницѣ г. Соловьевъ изслѣдуетъ судебную власть князя. По мнѣнію его, Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ были призваны для прекращенія междоусобій. Стало быть, главное назначеніе князя было—судить и разбирать споры и тяжбы. Отсюда авторъ, разумѣется, выводитъ, что между родами „бывали случаи мирнаго разбирательства и соглашенія, и эти случаи служили примѣромъ; но эти случаи, какъ видно (sic), были довольно рѣдки; большею же частью столкновенія оканчивались враждебно, востаніемъ рода на родъ, что̀ и повело къ мысли о необходимости третьяго судьи“. Такова нить мыслей. Но изъ чего заключаетъ г. Соловьевъ, что случаи мирнаго разбирательства были рѣдки? Откуда это видно? Послѣ этого можно, пожалуй, утверждать, что, напримѣръ, у новгородцевъ и въ позднѣйшее время почти вовсе не было суда; ибо нельзя указать на страну въ древней Россіи, гдѣ бы усобицы были чаще. Тѣмъ не менѣе судебные уставы свидѣтельствуютъ, что у новгородцевъ, независимо отъ княжескаго суда, былъ судъ посадника, судъ тысяцкаго, вѣчевой судъ. Да и можно ли такъ утвердительно говорить, что распри и усобицы происходили непремѣнно по поводу дѣлъ судебныхъ? Развѣ не было и не могло быть тысячи другихъ причинъ? А если не одни судебныя дѣла были причиной внутреннихъ раздоровъ, то почему бы случаи мирнаго разбирательства и соглашенія могли быть рѣдки? Вѣдь объ этомъ мы ничего не знаемъ.

На стр. 231 — 234, авторъ излагаетъ систему виръ по Русской Правдѣ. Это изложеніе представляетъ нѣкоторыя неточности и ошибочные выводы, на которые мы считаемъ нужнымъ обратить вниманіе. Такъ, на стр. 231, въ одномъ мѣстѣ говорится, что вира платилась князю, въ другомъ она разсматривается какъ вознагражденіе обществу.

Которое изъ этихъ объясненій вѣрно? Каждое имѣло въ нашей исторической литературѣ своихъ защитниковъ.—На слѣдующей страницѣ г. Соловьевъ объясняетъ значеніе и происхожденіе дикой виры такимъ образомъ:

„Подлѣ родовой мести существовала также общественная пеня въ томъ случаѣ, когда не будетъ мстителя; но если при послѣднемъ обстоятельствѣ убійство будетъ совершено, и убійца скроется, то правительство чрезъ это лишается виры; для предотвращенія такого лишенія въ означенномъ случаѣ вира платилась цѣлымъ округомъ, *вервью*, гдѣ совершено убійство; такая вира называлась *общею* или *дикою* вирою. Вервь не платила въ томъ случаѣ, когда находили въ ней только кости, свидѣтельствовавшія о давности преступленія; не платила также за мертвеца, о которомъ никто не зналъ. Это установленіе *дикой виры* встрѣчаемъ мы и въ другихъ новорожденныхъ обществахъ, въ которыхъ правительственный организмъ еще не зрѣлъ; при такомъ состояніи общества, полицейскія обязанности обыкновенно поручаются отдѣльнымъ округамъ, которые и отвѣчаютъ за всякій безпорядокъ, въ нихъ случившійся. Подъ *дикою вирою* разумѣлось также общее поручительство, по которому всѣ или нѣкоторые жители верви обязывались, въ случаѣ, если одинъ изъ нихъ совершитъ убійство, помогать ему въ платежѣ виры. Существовалъ ли обычай дикой виры въ описываемое время, или явился позднѣе? Обязанность верви схватить и представить убійцу, или платить за него виру въ случаѣ, если не отыщутъ его, безспорно явилась вмѣстѣ съ опредѣленіемъ о вирахъ; труднѣе рѣшить, когда явился обычай дикой виры въ видѣ сотоварищества для вспоможенія убійцѣ платить виру; если этотъ обычай имѣлъ мѣсто въ описываемое время, то долженъ былъ особенно усилиться послѣ Ярослава, когда месть была окончательно замѣнена вирами. Правда различаетъ разбойничество, когда человѣкъ убилъ другого безъ всякой вражды, отъ убійства по враждѣ, въ пылу ссоры, драки. Дикая вира относительно разбойника не могла имѣть мѣста; за разбойника люди не платили, но отдавали его съ женою и дѣтьми, князю на *потокъ* (изгнаніе), домъ его отдавался на разграбленіе" (стр. 232 и 233).

Этотъ взглядъ на дикую виру не совсѣмъ вѣренъ. По словамъ автора, происхожденіе ея должно искать въ томъ, что въ обществахъ, которыхъ правительственный организмъ не зрѣлъ, полицейскія обязанности, отвѣтственность за тишину и порядокъ возлагаются на отдѣльные округи. Вполнѣ признавая справедливость факта, мы думаемъ, однако, что причина его лежитъ глубже, именно въ первоначальномъ значеніи міровъ. Міры представляли въ древности общественныя единицы, замкнутыя въ себѣ, которыя сообща владѣли, сообща отвѣчали за себя передъ другими, сообща платили. Въ ихъ внутренній бытъ никто не входилъ; они судились и управлялись сами собою. Въ древнѣйшей русской исторіи это значеніе міровъ было, конечно, еще замѣтнѣе, чѣмъ впослѣдствіи. Такимъ образомъ, дикая вира не была собственно установленіемъ или законодательною мѣрою, но образовалась сама собою, изъ внутренняго быта и характера міровъ.

Что касается до случаевъ, когда платилась дикая вира, то и ихъ г. Соловьевъ опредѣлилъ тоже не совсѣмъ правильно. По его мнѣнію, дикая вира платится цѣлымъ округомъ или вервью, когда убійство будетъ совершено надъ лицомъ, за котораго нѣтъ мстителя, а убійца скроется. Но Русская Правда говоритъ объ этомъ иначе. Въ ея краткихъ спискахъ, включенныхъ въ Новгородскія Лѣтописи древнѣйшаго состава, и не безъ основанія почитаемыхъ за древнѣйшія, статья о дикой вирѣ изложена такъ: „А иже убьютъ огнищанина въ разбои или убіица не ищуть (съищутъ), то вирное платити въ ней же вири голова начнеть лежати". Такимъ образомъ, первоначальная дикая вира взыскивалась въ такомъ только случаѣ, когда убитъ огнищанинъ разбоемъ, и убійца его не будетъ сысканъ. Впослѣдствіи положеніе это расширилось, какъ видно изъ пространныхъ списковъ: дикую виру стали взимать не за одно убійство разбоемъ огнищанъ, но вообще за всякое такое убійство кого бы то ни было. Что послѣднее положеніе было позднѣйшимъ распространеніемъ перваго, очевидно изъ редакціи пространныхъ списковъ Русской Правды. Въ этихъ спискахъ назначеніе величины дикой виры за княжа мужа отнесено къ концу статьи и затѣмъ прибавлено, что за людина должно взыскивать по 40 гривенъ: приставка ясна. Независимо отъ того, не знаемъ, позднѣе или въ то же время, дикую виру стали, кажется, платить за всѣ убійства безъ различія, притомъ хотя бы убійца находился въ округѣ или въ міру и былъ извѣстенъ. Очень трудно объяснить, какъ это сдѣлалось, тѣмъ болѣе, что въ спискахъ, изъ которыхъ это видно, прямо сказано, что за разбойниковъ не платятъ виры, но выдаютъ ихъ на потокъ и разграбленіе; отмѣна ли мести за убійство уравняла разные его виды между собою установленіемъ денежнаго окупа за всѣ безъ различія, или мірамъ предоставлялось право заплатить виру за убійство или выдать разбойника, — какъ бы то ни было,

но, на основаніи „Русской Правды“, несомнѣнно, что бывали случаи, когда округъ платилъ виру даже если преступникъ былъ налицо, и даже когда онъ убилъ кого нибудь не разбоемъ, но явно, въ ссорѣ или на пиру. Одна статья „Русской Правды“ подробно опредѣляетъ, въ какой мѣрѣ участвуетъ въ уплатѣ дикой виры самъ преступникъ. Однако такая раскладка виры на округъ или міръ тоже не была, повидимому, общимъ правиломъ, потому что въ другой статьѣ Русской же Правды прямо сказано, что кто не участвуетъ въ уплатѣ дикой виры за того и люди не платятъ, а онъ платитъ самъ. Чѣмъ опредѣлялись эти исключенія: добровольно самимъ міряниномъ, жителемъ верви, или тѣмъ, что онъ принадлежалъ къ особливому отъ остальныхъ ея жителей званію и не былъ въ общинѣ—трудно сказать, по недостатку данныхъ. Наконецъ, округъ освобождался отъ обязанности платить виру, когда убитый былъ совершенно неизвѣстенъ. Это положеніе, странное съ перваго взгляда, можетъ быть объяснено только историческимъ происхожденіемъ виръ. Въ началѣ онѣ были выкупомъ за убійство, замѣною мести. Поэтому не было положено виры за неизвѣстнаго человѣка, такъ какъ за него некому было мстить, а слѣдовательно и не откого было откупаться.

Таковы положенія Русской Правды о дикой вирѣ. Намъ кажется, что г. Соловьевъ не довольно подробно вникнулъ въ ихъ содержаніе; иначе онъ не увидалъ бы двухъ дикихъ виръ вмѣсто одной, и не сказалъ бы, что округъ не платилъ виры когда въ немъ находили кости, потому что кости свидѣтельствовали о давности преступленія. Эти и выше нами указанныя неправильныя объясненія дикой виры находятся въ тѣсной связи съ другимъ общимъ недостаткомъ изложенія нашего внутренняго быта по Русской Правдѣ: г. Соловьевъ нигдѣ не говоритъ о составленіи этого памятника. На стр. 209 читаемъ, что Ярославъ „любилъ церковные уставы, былъ знакомъ съ ними: неудивительно, что къ его времени относится и первый писаный уставъ гражданскій, такъ называемая „Русская Правда“. На стр. 231 такое же мимоходное указаніе на Русскую Правду: „Если главное значеніе князя (говоритъ г. Соловьевъ) было значеніе судьи, разбирателя дѣлъ, исправителя кривдъ, то одною изъ главныхъ заботъ его былъ уставъ земскій, о которомъ онъ думалъ съ дружиною, старцами городскими, а послѣ принятія христіанства съ епископами, — и вотъ Ярославу первому приписывается подобный писанный уставъ, подъ именемъ Русской Правды. Названіе Русской Правды получилъ этотъ уставъ, какъ видно (?), для отличія отъ уставовъ греческихъ, которые, по принятіи христіанства, имѣли такое сильное вліяніе на юридическій быть Руси“. Затѣмъ авторъ отсылаетъ читателя къ изслѣдованіямъ Русской Правды г. Калачова (прим. 373), и въ цѣломъ первомъ томѣ „Исторіи Россіи“ мы не встрѣчаемъ уже ни слова болѣе объ этомъ памятникѣ. Конечно, настоящая обработка Русской Правды весьма неудовлетворительна; но и ею г. Соловьевъ воспользовался далеко не вполнѣ. Онъ безразлично ссылается на ея древніе и новые списки и позднѣйшія положенія вводитъ въ обозрѣніе нашего внутренняго быта до половины XI вѣка, тогда какъ изслѣдованія если и не доказали окончательно, то по крайней мѣрѣ сдѣлали весьма вѣроятнымъ раздѣленіе Правды на три редакціи, изъ которой одна принадлежитъ времени Ярослава, другая — его сыновей, а третья относится къ эпохѣ еще позднѣйшей. Объ этомъ раздѣленіи г. Соловьевъ даже не упомянулъ. Въ первомъ томѣ „Исторіи Россіи“ подробно говорится о наслѣдствѣ, опекѣ, о холопяхъ, о наймитахъ и другихъ предметахъ, которые опредѣлены однѣми пространными, очевидно позднѣйшими редакціями Правды. Нѣкоторыя изъ этихъ статей изложены тоже неправильно. Такъ, напримѣръ, на стр. 237 и 238, г. Соловьевъ подробно, хотя и нѣсколько натянуто объясняетъ, почему наслѣдство не переходило въ боковыя линіи. По его мнѣнію, въ Русской Правдѣ здѣсь идетъ рѣчь о родичахъ, выдѣлившихся изъ рода. Но изъ чего же это видно? Послѣ смерда, говоритъ г. Соловьевъ, имѣніе переходитъ къ князю, потому что князь замѣнилъ для смерда родоначальника. Но и это очень бездоказательно. Почему же, спросимъ мы, наслѣдовалъ сынъ смерда, а не князь, если у смерда были сыновья? Какъ объяснить эту аномалію? Далѣе г. Соловьевъ думаетъ, что имѣніе дружинника (въ Русской Правдѣ говорится о боярахъ и дружинѣ; но, по нѣкоторымъ спискамъ, эта статья относится и къ людинамъ) переходило къ его дѣтямъ, сыновьямъ или дочерямъ, но не къ князю, потому что дружинникъ не принадлежалъ

къ общинѣ, былъ вольный, временной слуга князя. Изъ всѣхъ этихъ объясненій должно заключить, что г. Соловьевъ считаетъ положенія Русской Правды о наслѣдствѣ національными, туземными, вылившимися изъ положенія вещей въ данный періодъ времени. Не странно ли послѣ этого встрѣтить нѣсколько ниже, именно на стр. 260, слѣдующее замѣчаніе: „справедливо замѣчаютъ также, что статьи объ опекѣ и наслѣдствѣ, находящіяся въ Русской Правдѣ, большею частью заимствованы изъ греко-римскаго законодательства, перешедшаго въ наше мірское законодательство посредствомъ духовенства". Какъ это мнѣніе само по себѣ ни справедливо, но оно рѣшительно противорѣчитъ сказанному выше.— О разныхъ княжескихъ слугахъ и судебныхъ чиновникахъ, приводившихъ въ исполненіе приговоръ, производившихъ слѣдствіе, взимавшихъ пошлины, сказано (стр. 239) слишкомъ мало, а нѣкоторые даже и вовсе не упомянуты, напримѣръ, „пасынки". Мы думаемъ, что этотъ предметъ заслуживалъ подробнаго разсмотрѣнія; для него же, притомъ, кое-какія предварительныя работы уже сдѣланы.

Излагая нравы и обычаи эпохи, г. Соловьевъ замѣчаетъ, между прочимъ (стр. 246), что „южные жители смѣялись надъ пристрастіемъ сѣверныхъ къ банямъ", и ссылается на извѣстный лѣтописный разсказъ о славянскихъ баняхъ (Лавр. лѣт., стр. 4). Мы, признаемся, не видимъ въ разсказѣ насмѣшки. Скорѣе можно открыть въ немъ желаніе представить себѣ удивленіе иностранца при видѣ нѣкоторыхъ нашихъ обычаевъ, ему дотолѣ совершенно неизвѣстныхъ, стать на его точку зрѣнія. Если въ разсказѣ и есть иронія, то иронія весьма добродушная надъ иностранцами, не понимавшими нашихъ обычаевъ, а вовсе не надъ сѣверными жителями и не надъ банями.

Вотъ что̀ мы нашли нужнымъ сказать вообще и въ частности о новомъ сочиненіи г. Соловьева, составляющемъ начало предпринятаго имъ обширнаго историческаго труда. Еслибъ мы захотѣли также подробно отмѣтить всѣ достоинства перваго тома „Исторіи Россіи", какъ обозначили его недостатки, наше обозрѣніе, и безъ того слишкомъ длинное, увеличилось бы въ объемѣ втрое или вчетверо. Позволяемъ себѣ думать, что это было бы совершенно безполезно. Мы знаемъ, что новая книга г. Соловьева читается много и со вниманіемъ. Всѣ ея хорошія стороны принесутъ свой плодъ и не замедлятъ отозваться въ нашей исторической литературѣ. Желать ей успѣха, расточать ей похвалы, было бы совершенно неумѣстно: ни г. Соловьевъ, ни его трудъ, въ этомъ нисколько не нуждаются. Задача добросовѣстной критики, при разборѣ такого значительнаго историческаго труда, состояла, какъ мы думаемъ, только въ спокойномъ, безпристрастномъ указаніи на недостатки, которые, при ученомъ авторитетѣ писателя, при всѣми признанномъ достоинствѣ его сочиненій, могутъ укоренить или ошибочныя, или, по крайней мѣрѣ, неточныя понятія о предметѣ. Эту задачу мы и старались выполнить по мѣрѣ силъ, останавливаясь болѣе всего на недостаткахъ очевидныхъ, на положеніяхъ или явно ошибочныхъ, или по крайней мѣрѣ спорныхъ и недоказанныхъ, и устраняя всѣ требованія, которыхъ, при настоящихъ средствахъ науки, еще невозможно выполнить. Въ этомъ смыслѣ появившіеся доселѣ отзывы о первомъ томѣ „Исторіи Россіи" намъ показались отчасти слишкомъ строгими, отчасти не довольно спокойными и безпристрастными. Новый трудъ г. Соловьева, какъ бы мы ни стали судить его, во всякомъ случаѣ заслуживаетъ и благодарности, и благорасположенія. За подобное требованіе, конечно, никто не упрекнетъ насъ въ пристрастіи къ г. Соловьеву, ни въ преувеличеніи его ученыхъ заслугъ: это самое меньшее, что̀ можно объ немъ сказать, на что̀ онъ пріобрѣлъ неоспоримое право.

Въ заключеніе отмѣтимъ нѣкоторыя неточности и обмолвки, попадающіяся въ разбираемой нами книгѣ. На стр. 100 сказано: „и прежде болѣе воинственные Древляне и Угличи обижали болѣе покойныхъ Полянъ". Въ ссылкѣ (прим. 171) приведено мѣсто изъ лѣтописи о томъ, что поляне были обижаемы древлянами „инѣми околними": объ угличахъ ни слова. На стр 102 сказано, что Олегъ сажаетъ своего мужа въ Смоленскѣ „разумѣется не одного, а съ дружиною, достаточною для удержанія за собою владѣнія". Но въ лѣтописи (прим. 174) о дружинѣ не говорится ни слова. На стр. 125 авторъ говоритъ: „во времена лѣтописца показывали ея (В. К. Ольги) сани во Псковѣ, по Днѣпру и по Деснѣ перевѣсища или перевозы". *Но перевѣсище* не значитъ *перевозъ. Перевѣсъ* означаетъ или мѣсто, гдѣ охотились за птицами, или сѣть, которой ихъ ловили. Въ Русской

Правдѣ читаемъ: „Аже кто подотнетъ вервь въ перевѣсѣ“—„Аже кто украдетъ въ чьемъ перевѣсѣ ястребъ или соколъ“ (въ нѣкоторыхъ спискахъ прибавлено: песъ). На стр. 24 читаемъ: „Первое общенародное вѣче мы видимъ въ Новгородѣ, когда князю Ярославу нужно было объявить гражданамъ о смерти Владиміра и поведеніи Святополка“. Оборотъ неправиленъ и подаетъ поводъ думать, будто бы, по мнѣнію г. Соловьева, это вѣче было первое; авторъ, разумѣется, хотѣлъ сказать, что въ первый разъ упоминается такое вѣче. Стр. 261: „Духовенство... преслѣдовало преступленія, которыя унижаютъ человѣка, приравниваютъ его къ звѣрю“, а въ выноскѣ (примѣч. 418) прибавлено: „такъ, напримѣръ, если онъ кусается“. Въ подлинникѣ, изъ котораго взято это извѣстіе, именно въ уставѣ Ярославовомъ, сказано: „аже мужа два бьеться, одинъ другаго укусить или одереть“. Тутъ дѣло изложено полнѣе, и потому понятнѣе. На стр. 120, въ разсказѣ о мести Ольги, выраженіе лѣтописи: „лязите въ лодьи величающеся“ переведено такъ: „разлягтесь тамъ (въ лодкѣ) съ важностью“. Переводъ неудаченъ. Неудачны также слѣдующія мѣста: „Ярославъ не заслужилъ такой *пріятной* памяти въ народѣ“ (стр. 207). „Какъ женщина, Ольга была способнѣе ко внутреннему распорядку, хозяйственной дѣятельности; какъ женщина, она была способнѣе къ принятію христіанства“ (стр. 125). Это фраза. „Когда рѣка раздѣляла враждебныя войска, и ни одно изъ нихъ не хотѣло первое переправиться, то употреблялись поддразниванья“ (стр. 225): какъ будто былъ уставъ или обычай поддразнивать въ такихъ обстоятельствахъ; какъ будто это не случайность, повторившаяся всего два раза въ 250 лѣтъ. Къ числу странныхъ положеній относится и то, будто бы есть для экзегезиса правило, и даже извѣстное, что „труднѣйшее чтеніе предпочитается легчайшему“. Объ этомъ г. Соловьевъ говоритъ два раза, именно на стр. 90 и въ прим. 231. Такое правило развѣ на то только годится, чтобъ безъ нужды распложать комментаріи. Спора нѣтъ, не слѣдуетъ легкомысленно отвергать чтеніе, когда оно не вдругъ поддается толкованію; но поставить правиломъ—изъ двухъ или многихъ чтеній непремѣнно выбирать самое непонятное—это, какъ хотите, крайности ученыхъ комментаторовъ, а не дѣло.

(Отеч. Записки, 1851, кн. 12).

О КНИГѢ Г. ЧИЧЕРИНА.

Областныя учрежденія Россіи въ XVII-мъ вѣкѣ. Соч. Б. Чичерина. *Москва. 1856.*

Книга г. Чичерина служитъ самой утѣшительной повѣркой тому, какими быстрыми шагами подвигается у насъ впередъ изученіе нашего внутренняго быта и созрѣваетъ наше народное самосознаніе. Давно ли, кажется, весь интересъ ученыхъ изслѣдованій и преній по русской исторіи, сосредоточивался около вопросовъ внѣшней, политической исторіи, или по большей мѣрѣ простирался не далѣе критики источниковъ? Около половины минувшаго тридцатилѣтія наши древнія внутреннія учрежденія и юридическіе обычаи стали сильно занимать умы; но какъ? Болѣе по сравненію съ внутреннимъ бытомъ другихъ европейскихъ народовъ и съ сильнымъ перевѣсомъ теоретическихъ взглядовъ надъ дѣйствительнымъ историческимъ изученіемъ. Всѣ живо еще помнятъ это время нашей исторической литературы, время броженія, иногда слишкомъ смѣлыхъ, иногда же черезъ-чуръ робкихъ и очень часто неудачныхъ примѣненій готовыхъ историческихъ взглядовъ къ полуизвѣстнымъ фактамъ, время блужданія въ какомъ-то туманѣ, въ которомъ едва виднѣлись кой-какія твердыя руководительныя точки. И это время незрѣлыхъ начинаній, которыя

еще такъ недавно вызывали противъ себя столько основательныхъ и неосновательныхъ возраженій, миновалю. Изъ области полутеоретическихъ, полу-историческихъ мечтаній мы очевидно выходимъ въ область чисто-исторической дѣятельности. Сравнительное обозрѣніе вызвало самостоятельный трудъ, придало высокій интересъ тому, что ускользало отъ вниманія, потому что было къ намъ слишкомъ близко. Съ неотразимою послѣдовательностью мы проходимъ, въ нашей умственной жизни и развитіи народнаго сознанія, тотъ же самый путь, по которому, полтора вѣка назадъ, совершалось наше политическое развитіе: тогда вліяніе Европы вызвало къ жизни наши политическія силы и создало государство; теперь вліяніе европейской науки возбудило въ насъ самосознаніе и обратило къ серьезному изученію самихъ себя.

Сочиненіе г. Чичерина невольно навело насъ на эти размышленія. Оно дышетъ тою трезвостью историческаго изученія, которая громко свидѣтельствуетъ о зрѣлости мысли. Это не апотеоза нашего прошедшаго, плохо скрывающая отсутствіе критики основныхъ началъ; это не поверхностное, мимолетное обозрѣніе, подводящее историческія явленія подъ какое-то внѣшнее односторонно-примѣняемое мѣрило, — нѣтъ, это историческое, ученое изслѣдованіе, передающее читателю предметъ во всей его подробности, со всѣми животрепещущими оттѣнками эпохи. Каждый, прочитавъ книгу, самъ можетъ судить, правъ ли г. Чичеринъ, или нѣтъ, потому что всѣ факты у него передъ глазами. Въ этомъ отношеніи добросовѣстность автора выше всякихъ похвалъ и служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ того, съ какимъ уваженіемъ онъ смотритъ на предметъ своего изслѣдованія. Книга г. Чичерина— единственный полный трудъ по этой части, такъ что невозможно отнынѣ говорить объ областныхъ учрежденіяхъ Россіи въ XVII-мъ вѣкѣ, не изучивъ напередъ этого замѣчательнаго историческаго труда. Особенную цѣну придаетъ сочиненію г. Чичерина, кромѣ указанныхъ достоинствъ, еще и самый предметъ его изслѣдованія. Управленіе центральное и мѣстное состоитъ въ неразрывной связи со всѣми сторонами внутренней жизни государства и народа: уставъ сословный, части духовная, военная, гражданская, финансовая, полицейская, судопроизводство,—словомъ, все имѣетъ отношеніе къ управленію и находится въ нѣкоторомъ смыслѣ подъ его вліяніемъ. Вслѣдствіе этого, говоря объ областныхъ учрежденіяхъ, г. Чичеринъ долженъ былъ коснуться всѣхъ сторонъ нашего внутренняго быта въ XVII-мъ вѣкѣ, что расширяетъ предметъ его сочиненія далеко за предѣлы, обозначаемые заглавіемъ.

Важность и необработанность предмета, а также новость многихъ результатовъ, выводимыхъ г. Чичеринымъ, налагаютъ на насъ обязанность дать возможно-полный отчетъ о его книгѣ. Мы постараемся исполнить это, придерживаясь какъ можно ближе къ подлиннику, большею частью собственными словами автора, въ убѣжденіи, что высокій интересъ изслѣдованія оправдаетъ обиліе выписокъ.

Первоначальный бытъ нашихъ славянъ былъ патріархальный, основанный на естественныхъ, кровныхъ отношеніяхъ; но, при столкновеніи съ чуждыми племенами, онъ сталъ клониться къ упадку; родовая связь рушилась, личность выступила на первый планъ съ своею частною волею и частными притязаніями, и вслѣдствіе этого сложился порядокъ вещей, основанный на господствѣ личности и ея частныхъ правъ.

Варяги и принесенное ими дружинное начало, противоположное родовому порядку дѣлъ, ускорили разложеніе послѣдняго. Князья стали къ русско-славянскимъ племенамъ въ отношенія начальниковъ дружины къ жителямъ завоеванныхъ земель, получили право суда и право на взиманіе дани, и эти права оставляли за собою или уступали своимъ товарищамъ и членамъ дружины.

Частныя, личныя цѣли преобладали въ этомъ порядкѣ управленія. Судъ и дань разсматривались единственно какъ источники дохода и обогащенія дружинниковъ.

Когда князья усѣлись въ своихъ владѣніяхъ, стали вотчинниками, порядокъ управленія остался тотъ же. Доходы жаловались въ кормленіе княжескимъ слугамъ, отдавались на откупъ, или сбирались хозяйственнымъ образомъ княжескими прикащиками или сотскими и старостами городскихъ общинъ и сельскихъ волостей; ибо община вотчинной Руси, лишенная собственнаго суда, имѣла одно призваніе: уплачивать подати и отправлять повинности въ пользу землевладѣльца.

Судъ, составлявшій единственную общественную потребность того времени, можетъ служить лучшимъ доказательствомъ, до какой степени частные, личные интересы господствовали исключительно.

Судъ въ удѣльный періодъ вотчинной Руси имѣлъ характеръ не общественной должности, а частной собственности. Въ этомъ значеніи онъ дѣлился между князьями, дробился между ними и между кормленщиками на участки, на года, передавался по частному праву въ кормленіе, не въ видѣ общественной должности, а въ видѣ жалованья, подарка, и служилъ источникомъ дохода. Такой порядокъ суда былъ неминуемымъ послѣдствіемъ господства частнаго права въ общественной жизни, — а бытъ, основанный на частномъ правѣ, составляетъ одно изъ существенныхъ явленій въ исторіи человѣчества. Когда разрушается первоначальный общественный союзъ, основанный на кровныхъ началахъ, тогда временно пропадаетъ сознаніе объ обществѣ, какъ о единомъ, нераздѣльномъ цѣломъ; личности распадаются врознь и водворяется господство частнаго права, которое своими темными сторонами ведетъ къ установленію государственнаго порядка и составляетъ залогъ будущей его прочности.

Иной характеръ имѣлъ судъ и управленіе въ другой формѣ общественной жизни средневѣковой Руси — въ вольной общинѣ, какою является Новгородъ Здѣсь судъ равно распространялся на всѣхъ безъ изъятія, „на боярина, на житьего и молодшаго человѣка“, не дѣлился, не отчуждался, не отдавался въ кормленіе и на откупъ, а имѣлъ значеніе общественной должности. Устройство этой должности совершенно опредѣлялось характеромъ новгородскаго быта. Договорная община не имѣетъ въ себѣ крѣпкихъ жизненныхъ началъ и прочныхъ учрежденій, какъ община, основанная на естественныхъ, родовыхъ отношеніяхъ, или какъ община, проникнутая началомъ государственнымъ. Тамъ, гдѣ въ основаніи всего общественнаго устройства лежитъ личная воля и согласіе каждаго, неминуемы раздоры, борьба партій, господство силы. Поэтому договорная община, не будучи въ состояніи управляться сама собою, иногда призываетъ себѣ посредника извнѣ; но самое подчиненіе этому посреднику, основанное опять же на договорѣ и согласіи каждаго гражданина, не имѣетъ обязательной силы для всѣхъ; при всякомъ случаѣ можетъ быть воззваніе къ самимъ гражданамъ,—и вслѣдствіе того, новые раздоры, новыя кровопролитія. Таковъ былъ характеръ суда въ Новгородѣ. Верховнымъ судьею былъ призванный извнѣ посредникъ —князь, котораго власть всякій разъ утверждалась договоромъ. Но каждый гражданинъ, по каждому частному иску, могъ созывать народное вѣче и предлагать ему свое дѣло на рѣшеніе. Если на вѣчѣ было согласіе, то оно само тотчасъ исполняло свой приговоръ; если же согласія не было, происходила драка, и дѣло рѣшалось силою. Притомъ, такъ какъ вѣче было не собраніемъ, созываемымъ въ установленныхъ законныхъ формахъ, а случайною сходкою гражданъ, то могло быть въ одно время нѣсколько разныхъ вѣчъ; обиженный созывалъ одно, обвиненный—другое, и споръ опять рѣшался кровопролитіемъ. Преступленія не могли быть разсматриваемы здѣсь какъ доходныя дѣйствія, изъ которыхъ судья извлекалъ прибытокъ; преступникъ нарушалъ общественный миръ и за это подвергался изверженію изъ общиннаго союза: имущество его предавалось разграбленію, а самъ онъ выдавался князю на *потокъ* или изгнаніе. Но иногда само вѣче, схвативъ преступниковъ, бросало ихъ въ Волховъ, — чистая форма мести. Въ гражданскихъ дѣлахъ, напротивъ, судъ имѣлъ характеръ чисто-посредническій. Судьи, избираемые своими тяжущимися, ясно указываютъ на третейскій судъ.

Частное право, лежавшее въ основаніи средневѣкового быта вотчинной Руси, не могло основать прочныхъ общественныхъ учрежденій. Возникши изъ развитія личности, созданный имъ бытъ разрушается анархическимъ дѣйствіемъ собственныхъ началъ и ведетъ къ необходимости новыхъ формъ, основанныхъ на противоположномъ началѣ— на началѣ общественномъ.

Эта новая форма общественной жизни — государство. Строители его, московскіе государи, начали водворять государственное начало, постепенно прекращая слишкомъ большое обособленіе личностей и образуя союзы, которые могли бы служить орудіями государственной власти. Они не разрушали и не передѣлывали на новый ладъ элементовъ средневѣковой жизни, но только укрѣпили ихъ, заставивъ подчиниться общественной

власти. Бояре и слуги обязаны были службою и стали писаться холопами; крестьяне и городскіе жители были укрѣплены къ своимъ жилищамъ; каждый долженъ былъ служить государству, тянуть тягло на своемъ мѣстѣ. Такимъ образомъ на всѣ сословія возложены были общія для каждаго изъ нихъ обязанности, которыя дали имъ сословное единство и изъ собранія лицъ превратили ихъ въ государственные союзы. Такимъ образомъ все должно было служить государственнымъ цѣлямъ, и учрежденія того времени составляютъ обширную систему повинностей, которая господствовала до самыхъ временъ Екатерины II-й.

Эти же начала выразились и въ развитіи областного управленія. Кормленія были несовмѣстимы съ государственнымъ порядкомъ, потому что общество не можетъ отчуждать свои права въ частныя руки. Поэтому московскіе государи всячески старались ограничить власть намѣстниковъ и волостелей, передавали права ихъ другимъ органамъ управленія и наконецъ совершенно уничтожили систему кормленій.

Важнѣйшимъ ограниченіемъ власти намѣстниковъ и волостелей было введеніе въ судъ старостъ и цѣловальниковъ, учрежденныхъ при Иванѣ Грозномъ вмѣсто „добрыхъ людей“, которые были не что иное, какъ свидѣтели при судѣ и, кажется, не были выборные. Но въ царствованіе же Грознаго старосты и цѣловальники получили большое значеніе. Послуживъ сначала, подобно добрымъ людямъ, обезпеченіемъ противъ намѣстниковъ и волостелей, они потомъ, мало-помалу, сосредоточили въ своихъ рукахъ судебно-полицейскую отрасль суда, самое право суда гражданскаго и уголовнаго и наконецъ всякіе сборы: таможенные, кабацкіе, съ рыбныхъ ловель и т. п. Такимъ образомъ общинное начало получило значительное участіе въ земскомъ управленіи, что̀ было явленіемъ новымъ, созданіемъ московскихъ царей. Сознавая новыя потребности, стремясь къ водворенію общественнаго порядка, государство нуждалось въ органахъ управленія. Намѣстники и волостели не могли быть для него орудіями; собственною дѣятельностью государство также не могло удовлетворить общественнымъ потребностямъ, потому что у него было еще слишкомъ мало матеріальныхъ средствъ; государственный организмъ, созидаясь мало-по-малу, былъ еще въ такомъ хаотическомъ состояніи, при которомъ правильная дѣятельность и контроль были невозможны. Оставалось одно: искать обезпеченія въ отвѣтственности частныхъ лицъ и общинъ, возложивъ на нихъ всѣ обязанности общественнаго управленія. Этотъ порядокъ породилъ систему поручительства и выборное начало. Такимъ образомъ дѣятельность общинъ была вызвана государственнымъ началомъ не какъ право самостоятельнаго управленія внутренними дѣлами общины, а какъ общественная повинность для удовлетворенія государственныхъ потребностей. Когда же государство мало-по-малу окрѣпло въ самомъ себѣ, средства его умножились и учрежденія его начали развиваться въ стройное цѣлое, система повинностей стала замѣняться собственною дѣятельностью государства, и вмѣстѣ съ тѣмъ элементъ общинный былъ постепенно вытѣсненъ элементомъ приказнымъ. Для распоряженій со стороны государства необходимы были особливые органы управленія — дьяки и городовые прикащики, которые завѣдывали государственными дѣлами — распорядительными, помѣстными, финансовыми, даже отчасти судебными.

Эти три элемента областного управленія — кормленщики, общины и приказные люди — существовали рядомъ и находились другъ къ другу въ различныхъ отношеніяхъ. Въ иныхъ мѣстахъ судъ предоставленъ былъ кормленщикамъ, въ другихъ мѣстахъ ихъ вовсе не было; нѣкоторыя общины имѣли полное право суда и управленія, въ другихъ выборные люди состояли подъ распоряженіемъ приказныхъ людей. Съ бо́льшимъ развитіемъ государственнаго начала эти правительственные органы оказались недостаточными; кормленія вовсе были несогласны съ новымъ порядкомъ вещей; общинное управленіе слишкомъ разрознено было и слишкомъ мало подлежало вліянію центральной власти; приказные люди, лишенные военной власти, не имѣли достаточныхъ средствъ для управленія. Явилась потребность такой власти, которая, вооруженная достаточною силою и сосредоточивая въ себѣ все высшее управленіе земскими дѣлами, была бы представителемъ правительства въ областяхъ. Такою властью были воеводы. Сначала они назначались въ города только на время войны; но въ смутное время, въ началѣ XVII-го вѣка, когда войны и мятежи распространя-

лись по всей землѣ и всюду необходимо было присутствіе военной силы, воеводы появились почти во всѣхъ городахъ и, со временъ Михаила Ѳедоровича, составили общее учрежденіе для всей Россіи. Съ этимъ вмѣстѣ другіе органы управленія должны были измѣниться. Приказные люди превратились въ товарищей воеводъ, или въ ихъ подчиненныхъ; только тамъ, гдѣ не было воеводъ, они продолжали самостоятельно управлять земскими дѣлами. Намѣстники и волостели, мало-по-малу вытѣсняемые воеводами, наконецъ совершенно исчезли и со временъ Михаила Ѳедоровича болѣе не встрѣчаются. Судебная власть ихъ перешла къ воеводамъ, но ужъ совершенно въ другомъ видѣ: воевода не сбиралъ кормовъ съ подсудныхъ ему жителей, не взыскивалъ виръ, не извлекалъ дохода изъ суда и преступныхъ дѣйствій, не управлялъ посредствомъ своихъ слугъ и холоповъ, подлежалъ отчетности и отвѣтственности. Намѣстникъ завѣдывалъ дѣлами на себя, воевода—на царя. Намѣстникъ былъ кормленщикъ, воевода — правитель. Общинное начало также было стѣснено воеводами. Судъ выборныхъ старостъ ограничивался слишкомъ тѣсными предѣлами и не могъ удовлетворять всѣмъ потребностямъ. Ѣздить въ Москву по всякому дѣлу, возникавшему между жителями различныхъ общинъ или округовъ, было неудобно: нуженъ былъ областной судья, и судъ отъ выборныхъ общины перешелъ къ воеводамъ, которые притомъ имѣли ужъ судебную власть, переданную имъ отъ намѣстниковъ. Послѣ 1613 года цѣловальники были отмѣнены, и воеводы стали судить одни. Въ слѣдующій періодъ, въ вѣдомство воеводъ перешли губныя дѣла. Такимъ образомъ, съ развитіемъ государства, дѣятельность общинъ стѣснялась и уступала мѣсто дѣятельности правительственной. Со всѣмъ тѣмъ, въ періодъ времени отъ Михаила Ѳедоровича до Петра Великаго, выборные отъ общинъ имѣли еще значительное участіе въ земскихъ дѣлахъ, такъ что съ уничтоженіемъ кормленій оставались два элемента, общинный и правительственный, которые раздѣляли между собою областное управленіе. Выборное начало существовало для тѣхъ дѣлъ, которыя возлагались на общины какъ повинность; правительственное начало или приказное—для тѣхъ, которыя завѣдывались собственною дѣятельностью государства.

Таково происхожденіе и значеніе началъ, лежавшихъ въ основаніи нашего областного управленія въ XVII-мъ вѣкѣ. Областныя учрежденія были организованы соотвѣтственно съ этими началами.

На первомъ планѣ стоятъ въ это время воеводы и воеводское управленіе. Воеводы съ товарищами завѣдывали одними и тѣми же дѣлами. Но какъ воеводы были большею частью безграмотны и не умѣли считать, то письмоводство и счетоводство всегда зависѣли отъ дьяковъ и подъячихъ, и на нихъ лежала отвѣтственность въ приходѣ и расходѣ денежной казны и всякихъ запасовъ. Такимъ образомъ, кромѣ нѣкоторыхъ дѣлъ, не было ни юридическаго опредѣленія отношеній, ни точнаго разграниченія вѣдомствъ; все рѣшалось частными и временными потребностями и личными отношеніями правителей; если они не могли ужиться, ихъ смѣняли или наказывали; понятія о различіи коллегіальной формы управленія и бюрократической въ московскомъ государствѣ еще не было: оттого въ однихъ и тѣхъ же дѣлахъ управленіе поручалось одному лицу, если дѣлъ было мало, а если ихъ было много, ему давались помощники или товарищи.

Что касается предметовъ вѣдомства воеводъ, то кругъ ихъ былъ весьма обширенъ и обнималъ почти всѣ дѣла мѣстнаго управленія: дѣла иностранныя, военныя, разрядныя, помѣстныя, судныя, полицейскія, финансовыя и даже нѣкоторыя дѣла по духовному управленію. Впрочемъ, замѣтить должно, что многимъ воеводамъ предоставлялись только дѣла судебныя и полицейскія; иностранныя завѣдывались только пограничными воеводами; финансовыя предоставлялись иногда другимъ лицамъ; военныя существовали только тамъ, гдѣ были укрѣпленія и войско.

Власть воеводъ была весьма различна; каждый предметъ ихъ вѣдомства опредѣлялся разнообразными постановленіями; не было почти ни одного общаго правила, которое бы не подвергалось многочисленнымъ исключеніямъ. Все опредѣлялось частными, часто случайными обстоятельствами, измѣнявшими даже власть воеводъ одного и того же города. Каждый наказъ опредѣлялъ, и то несовсѣмъ точнымъ образомъ, власть отдѣльныхъ воеводъ для каждаго рода дѣлъ, и это рѣшалось всегда временными удобствами, безъ общихъ плановъ и соображеній, безъ всякаго сравненія съ другими городами.

Къ этому разнообразію власти присоединялась ея неопредѣленность. Воеводѣ давался наказъ; но ему дозволялось отступать отъ него, если онъ оказывался неудобнымъ; ему предписывалось поступать „какъ пригоже, по своему разсмотрѣнію и крайнему разумѣнію, какъ Богъ вразумитъ", и предоставлялось принимать всѣ мѣры, которыя могли вести къ приращенію казны. Поэтому воеводы пользовались такими правами, которыя въ развитомъ государствѣ могутъ принадлежать только центральной власти: они вводили новые откупа, установляли новые способы управленія. Только въ производствѣ расходовъ воеводы всегда подвергались строгимъ ограниченіямъ. Самыя сношенія съ центральною властью были часто чрезвычайно неопредѣленны: воеводамъ предписывалось вообще „писать обо всемъ почасту", или писать „о великихъ дѣлахъ", или „о дѣлахъ, которыхъ зачѣмъ вершить будетъ немочно", безъ означенія самыхъ дѣлъ. Съ другой стороны, тѣ дѣла, которыя собственно принадлежали вѣдомству областныхъ правителей, нерѣдко производились въ центральныхъ учрежденіяхъ. Вообще, не было точнаго понятія о различіи центральной власти отъ областной; вѣдомства ихъ смѣшивались, вслѣдствіе чего тѣ приказы, которые были центральными учрежденіями для всей Россіи, были вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстными учрежденіями для Москвы. Притомъ же и самое подчиненіе областныхъ правителей московскимъ приказамъ было чрезвычайно запутано.

Въ дѣлопроизводствѣ не было ни закономъ установленнаго порядка, ни общихъ письменныхъ формъ для бумагъ и отчетовъ, ни постоянныхъ сроковъ для производства дѣлъ и переписки съ высшими властями. Все опредѣлялось обычаемъ и удобствомъ; немного было законныхъ постановленій, да и тѣ опредѣляли не общій порядокъ, а частные случаи, въ особенности, гдѣ дѣло касалось до казеннаго интереса. Большая противъ прежняго сложность управленія и потребность контроля дѣлали необходимымъ большее и большее введеніе письменности въ дѣлопроизводство; но государство, дѣйствуя отрывочно и частными мѣрами, не сознавая еще общихъ административныхъ правилъ, не могло ввести систематическаго порядка и искать въ неизмѣнныхъ формахъ облегченія надзора и обезпеченія въ исполненіи законовъ. Только въ концѣ XVII-го вѣка начали принимать нѣкоторыя мѣры для введенія большаго порядка въ дѣлопроизводство, но все это было отрывочно, и только при Петрѣ Великомъ установлена была правильная система.

Хотя отчетность наиболѣе обращала на себя вниманіе правительства, потому что здѣсь преобладалъ казенный интересъ, но и въ ней господствовали тотъ же безпорядокъ, какъ и вездѣ, то же разнообразіе требованій, тѣ же частныя предписанія; кромѣ того, отчетность имѣла почти исключительно финансовую цѣль; о прочихъ дѣлахъ не было постояннаго ежегоднаго отчета, но воеводы дѣлали свои донесенія въ формѣ частныхъ отписокъ, для которыхъ не было назначено сроковъ. Вслѣдствіе этого они о многихъ дѣлахъ могли даже вовсе не писать, и контроль былъ невозможенъ, потому что не было записныхъ книгъ, не было формъ, стѣсняющихъ произволъ. Самые отчеты не всегда присылались исправно.

Понятно, что при такомъ порядкѣ возможны были злоупотребленія всякаго рода. Для предупрежденія ихъ правительство прибѣгало къ различнымъ средствамъ, ограничивая права воеводъ и тѣмъ уменьшая возможность произвольныхъ поступковъ. Тѣмъ не менѣе отсутствіе правильнаго разграниченія вѣдомствъ давало имъ слишкомъ много простора, а запутанность управленія, великость предоставленной имъ власти, недостатокъ юридическихъ формъ и строгаго контроля со стороны центральнаго правительства, открывали имъ возможность наживаться и всячески притѣснять жителей управляемой области, такъ что многіе жалѣли о прежнемъ времени, когда не было воеводъ, а управляли губные старосты, и земскіе люди судились собственнымъ судомъ. Дѣйствительно, введеніе воеводъ совершенно измѣнило систему, установленную Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ. При этой системѣ дьяки, находившіеся въ большихъ городахъ, не имѣя въ рукахъ военной силы, далеко не имѣли и той власти, какою пользовались воеводы; губные старосты, завѣдывавшіе всѣми дѣлами, были выборные, и земское начало играло значительную роль въ управленіи. Съ повсемѣстнымъ введеніемъ воеводъ, все это измѣнилось; правительственный элементъ получилъ въ областномъ правленіи такую силу, передъ которой земскія власти должны были исчезнуть; дѣятельность послѣднихъ

мало-по-малу переходила къ первымъ, а неправильное разграниченіе властей еще болѣе способствовало вмѣшательству воеводъ во всѣ возможныя дѣла. А между тѣмъ введеніе воеводъ было важнымъ шагомъ впередъ въ системѣ областныхъ учрежденій. Вмѣсто управленія разрозненнаго, разсѣяннаго по множеству разнородныхъ центровъ, вводится управленіе единое, государственное, каждый уѣздъ собирается въ одно цѣлое, и каждый центръ управленія становится въ извѣстное отношеніе подчиненія центральной власти. Государство находитъ себѣ, наконецъ, приличныхъ органовъ въ областяхъ, и образовательная его дѣятельность становится возможною.

Что касается воеводъ приписныхъ городовъ, то какъ власть ихъ, такъ и отношенія къ главнымъ воеводамъ и къ московскимъ приказамъ были чрезвычайно неопредѣленны и разнообразны. Казалось бы, воеводы главныхъ городовъ должны были быть посредствующими членами между пригородами и центральною властью, но на дѣлѣ было не такъ. Въ московскомъ государствѣ не было понятія о систематическомъ устройствѣ управленія, о точномъ разграниченіи властей и объ установленіи правильныхъ отношеній между правительственными мѣстами и лицами. Поэтому всѣ эти отношенія перепутывались: подчиненные воеводы непосредственно относились къ высшей власти; царскія грамоты посылались то къ тѣмъ, то къ другимъ, и во всемъ этомъ не было никакого правила, никакого порядка: все опредѣлялось случаемъ, удобствомъ или произволомъ. Съ другой стороны, воеводы приписныхъ городовъ, будучи назначены самимъ государемъ и управляя отдѣльнымъ уѣздомъ, были совершенно самостоятельными правителями, которые только въ распоряженіяхъ, превышавшихъ власть ихъ, требовали разрѣшенія высшихъ начальниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣла приписныхъ округовъ завѣдывались иногда непосредственно главными воеводами, что̀ совершенно уничтожало самостоятельность подчиненныхъ. Къ этому присоединилась неопредѣленность подчиненія: наказы и грамоты опредѣляли только отдѣльные случаи зависимости, которые почему либо бросались въ глаза; остальное же предоставлялось усмотрѣнію самихъ воеводъ. Оттого зависимость была и отрывочна, и разнообразна: воевода, который, по извѣстному роду дѣлъ, былъ гораздо болѣе ограниченъ въ своихъ правахъ, нежели другіе, въ другихъ дѣлахъ имѣлъ, напротивъ, гораздо бо́льшую власть. Общихъ соображеній, общей системы не было; и если приписаніе малыхъ городовъ къ бо́льшимъ было шагомъ къ правильному устройству областнаго управленія, то, съ другой стороны, этою мѣрою установлялись новыя отношенія, въ которыхъ господствовали тотъ же распорядокъ и та же неопредѣленность, какъ и въ цѣломъ, такъ что управленіе дѣлалось чрезъ это сложнѣе и запутаннѣе.

Въ зависимости отъ воеводъ находились различныя должности, раздѣлявшіяся на приказныя и выборныя. Это различіе основано было на различіи сословій и ихъ служебныхъ обязанностей. Средневѣковыя сословія, основанныя на частномъ правѣ, не составляли союзовъ, которыхъ члены имѣли бы одинакія права; союзный духъ не былъ въ характерѣ русскаго народа, и вмѣсто правъ, принадлежащихъ вмѣстѣ цѣлому разряду лицъ, исторически выработались права, принадлежа́вшія каждому отдѣльному лицу въ его родственной сферѣ. Единство, какъ сказано выше, придали сословіямъ московскіе государи, наложивъ на нихъ обязанности въ пользу государства. Въ этомъ отношеніи служилое сословіе рѣзко отдѣлилось отъ прочихъ; каждый членъ его обязанъ былъ всю жизнь свою служить отечеству и всегда долженъ былъ находиться въ готовности идти на службу по первому востребованію; за это онъ получалъ отъ царя денежное и хлѣбное жалованье и помѣстья. Если такимъ образомъ каждый изъ нихъ обязанъ былъ всегда нести службу, то опредѣленіе къ должности зависѣло уже отъ усмотрѣнія правительства: почему служба служилыхъ людей преимущественно была приказная. Напротивъ, сословія торговое и крестьянское были тяглыя, обязанныя не только службою, но и въ особенности податьми и повинностями. Служба составляла только часть ихъ обязанностей, вслѣдствіе чего они не несли ея постоянно, а отправляли по очереди, на основаніи извѣстныхъ правилъ, которыя могли видоизмѣняться до безконечности. Рѣшеніе вопроса: кто долженъ былъ служить и кто оставался свободнымъ отъ службы, предоставлено было имъ самимъ, вслѣдствіе чего служба ихъ была выборная. Такимъ образомъ различіе выборной службы отъ приказной основывалось не на правахъ выбирающихъ лицъ, а на различіи служеб-

ныхъ обязанностей сословій. Впрочемъ, такъ какъ въ московскомъ государствѣ не было точныхъ юридическихъ опредѣленій, то нерѣдко приказныя должности смѣшивались съ выборными; въ однѣ и тѣ же должности назначались то приказные люди, то выборные; несмотря на то, что въ томъ и въ другомъ случаѣ отвѣтственность была совершенно различная.

Къ числу приказныхъ должностей, зависѣвшихъ отъ воеводъ, относились письменные головы, городовые приказчики и городничіе, осадные головы, засѣчные головы и прикащики, стрѣлецкіе, казачьи, пушкарскіе, объѣзжіе и житничіе головы, ямскіе, становые и слободскіе приказчики, слободчики, острожные прикащики и прикащики при соленыхъ озерахъ. Большая часть исчисленныхъ должностей были только временными порученіями, которыя давались по усмотрѣнію тѣмъ или другимъ лицамъ; другія, будучи постоянными, были только мѣстными учрежденіями, установленными безъ всякаго систематическаго порядка и безъ всякаго соображенія съ цѣлымъ. Поэтому всѣ эти должности отрывочны и не вяжутся между собою; поэтому также, съ одной стороны, одно и то же дѣло находилось въ вѣдомствѣ разныхъ лицъ, съ другой стороны— самыя разнородныя дѣла соединялись въ однѣхъ рукахъ. Не было понятія о систематическомъ раздѣленіи должностей по поручаемымъ дѣламъ; минутная потребность опредѣляла кругъ дѣятельности извѣстнаго лица, и въ этотъ кругъ могли входить предметы, не имѣщіе никакой связи между собою. Самый порядокъ назначенія и подчиненія не былъ строго опредѣленъ; воеводы были центромъ областнаго управленія, но имъ подчинялись лица, назначаемыя прямо изъ Москвы, и болѣе или менѣе отъ нихъ независимыя. Это еще болѣе осложняло и безъ того запутанное управленіе и ослабляло власть воеводъ совершенно случайнымъ и безпорядочнымъ образомъ. Указъ 1679 года, которымъ упразднены эти должности, былъ поэтому важнымъ шагомъ впередъ. Вообще, государство не развилось еще въ стройное тѣло; должности не составляли еще іерархическаго, систематически устроеннаго организма, по которому двигались бы должностныя лица; все еще опредѣлялось частною, временною потребностью, которая не возводилась къ общему сознанію. Къ этому присоединялся и самый характеръ государственной службы: служащіе были не должностныя лица, а люди, обязанные служить и не имѣвшіе никакой опредѣленной должности. Каждый служилый человѣкъ могъ занимать всякое мѣсто; не было различія между военными и гражданскими должностями, не было законныхъ правилъ для порядка службы, или же единственными правилами были законы мѣстничества, которые опредѣлялись не государственными потребностями, а частными правами. Каждый обязанъ былъ служить и всегда находился въ распоряженіи воеводы, который, по усмотрѣнію, давалъ ему то или другое порученіе, опредѣлялъ его къ той или другой должности, по исправленіи которой онъ возвращался въ прежнее состояніе. Это неминуемо должно было сообщить временный характеръ должностямъ. Всѣ равно несли обязанности: поэтому и тяжесть должна была падать равно на всѣхъ, и тяжелыя должности должны были исправляться поочередно то тѣми, то другими. Съ другой стороны, и доходныя должности должны были переходить изъ рукъ въ руки, потому что каждый ждалъ своей очереди. Потому отчасти и самыя воеводскія должности давались на такіе короткіе сроки. Наконецъ, ко всему этому присоединялось и то, что каждый человѣкъ, будучи вмѣстѣ военнымъ, могъ быть ежеминутно оторванъ отъ должности по требованію царской службы. Все это сообщало должностямъ временной характеръ, который онѣ сохранили во все продолженіе XVII-го вѣка. Только Петръ Великій устроилъ общую служебную обязанность сообразно съ потребностями государства, опредѣливъ каждаго служащаго къ извѣстной должности и установивъ правила служебнаго порядка, что̀ сдѣлало возможною и систематическую организацію должностей.

То же самое было въ выборныхъ или вѣрныхъ должностяхъ: служба выборныхъ была очередная, почему и должности поручались имъ временныя; а если дѣло требовало постояннаго исправленія, то должностныя лица мѣнялись ежегодно.

Служебныя выборныя, или „вѣрныя“ обязанности падали на посадскихъ людей, на уѣздныхъ крестьянъ и на служилыхъ людей, которые занимались торговыми промыслами, и потому уравнивались съ посадскими. Послѣдніе несли вѣрную службу преимущественно предъ прочими, потому что къ этому обязывало ихъ самое сословное ихъ значеніе.

Такъ они служили городовыя службы и отъѣзжія: послѣднія были гораздо тяжеле другихъ и могли быть возлагаемы только на зажиточныхъ людей; они же избирались въ головы, которыхъ служба тоже считалась болѣе тяжелою; наконецъ, имъ же поручались всѣ торговыя дѣла, напримѣръ, продажа царскихъ товаровъ, покупка хлѣба и проч. Крестьяне же выбирались только въ мѣстныя службы и въ цѣловальники, а не въ головы.

Внутри каждой общины и каждой корпораціи служебныя очереди опредѣлялись самими членами, слѣдовательно уравненіе производилось не закономъ, а мѣстными и временными постановленіями; законъ же даже нарушалъ ихъ иногда, требуя, чтобы выбраны были люди, годные къ государеву дѣлу, несмотря на очереди. Но между отдѣльными общинами уравненія не было никакого; не было законныхъ правилъ, опредѣляющихъ, какую службу должно нести каждое лицо: все зависѣло отъ количества лицъ, несущихъ служебную обязанность въ извѣстной мѣстности, или въ извѣстной корпораціи, отъ ихъ имущества и отъ числа требуемыхъ выборныхъ. Въ интересахъ каждаго сословнаго союза было, чтобъ служебныя обязанности распредѣлялись на возможно большое число лицъ; поэтому московскіе гости и торговые люди гостиной и суконной сотенъ часто просили о пополненіи числа ихъ изъ другихъ сотенъ и слободъ. Но, съ другой стороны, и черныя сотни и слободы, жалуясь на бѣдность и на тяжесть службы, просили царя, чтобъ онъ велѣлъ брать у нихъ торговыхъ людей въ гостиную и суконную сотни. Это было столкновеніе противоположныхъ интересовъ, въ которомъ каждое сословіе хотѣло облегчить себѣ бремя насчетъ другихъ. Хотя приписаніе къ высшему разряду доставляло большую почесть, но вмѣстѣ съ тѣмъ и служба была тяжеле, такъ что нерѣдко торговые люди избѣгали этого и укрывались, какъ римскіе куріалы, отъ почетныхъ должностей. Для соглашенія этихъ интересовъ и для уравненія службъ сословныхъ разрядовъ наряжались иногда особенныя коммисіи; но, разумѣется, такое уравненіе возможно было только между жителями одного и того же города; разные же города должны были остаться при неравенствѣ служебныхъ обязанностей.

Головъ и цѣловальниковъ всегда предписывалось выбирать изъ лучшихъ и среднихъ статей; худшіе же люди, т.-е. самые бѣдные, не могли нести службы, потому что не были въ состояніи содержать себя безъ промысловъ. Нѣкоторыя должности бывали, впрочемъ, такого рода, что цѣловальники могли извлечь изъ нихъ выгоды; но этимъ пользовались богатые люди, чтобъ удержать эти должности за собою, такъ что иногда онѣ принимали даже характеръ наслѣдственности; обыкновенно же тяжесть службы заставляла каждаго избѣгать ее по возможности, и бѣдные люди жаловались иногда на то, что они неправильно выбраны.

Для уменьшенія тяжести, выборные получали иногда подмогу отъ избирателей; но это отнюдь не было общимъ правиломъ, и обыкновенно очередная служба считалась такою обязанностью, при которой слѣдовало нести и всѣ издержки. Иногда выборные получали подмогу единственно на казенные расходы, которые иначе пали бы на самихъ цѣловальниковъ. Такъ какъ отчужденіе отъ торговъ и промысловъ безъ всякаго вознагражденія было чрезвычайно обременительно для жителей, то они предпочитали иногда нанимать цѣловальниковъ по добровольному соглашенію. Въ такомъ случаѣ дѣлалась съ нанимаемымъ лицомъ рядная запись, и цѣловальникъ получалъ наемныя деньги.

Въ головы и цѣловальники нужно было избирать богатыхъ людей и для того еще, чтобъ, въ случаѣ убытка, причиненнаго казнѣ ихъ умысломъ или оплошностью, они могли всегда отвѣчать своимъ имуществомъ. Впрочемъ, если имущество ихъ оказывалось недостаточнымъ, то убытокъ взыскивался съ избирателей. Это было обязательное поручительство, въ которомъ государство искало обезпеченія противъ потерь и которое дѣлало служебную обязанность вдвойнѣ тяжелою.

Служба головъ и цѣловальниковъ называлась вѣрною, потому что выборные приводились къ присягѣ, или къ вѣрѣ, по тогдашнему выраженію. Выборы производились по требованію воеводъ; всякій разъ, какъ нужны были головы и цѣловальники, воевода предписывалъ сдѣлать выборъ, смотрѣлъ, чтобъ выбраны были люди достойные и надежные, получалъ выборные списки, приводилъ выборныхъ къ присягѣ, а иногда давалъ имъ наказы. Большею частью выборы производились всѣми жителями, но иногда выбирали земскіе старосты съ цѣловальниками, иногда же воеводы сами назначали

людей, „кого въ такое дѣло станетъ", въ особенности, если дѣло требовало довѣрія. Такимъ образомъ, выборная служба смѣшивалась съ приказною.

Число требуемыхъ цѣловальниковъ иногда означалось въ царскихъ грамотахъ, большею частью неопредѣленнымъ образомъ; но обыкновенно воеводѣ предписывалось велѣть выбрать „сколько человѣкъ пригоже".

Время выборовъ также не опредѣлялось; въ постоянныя должности головы и цѣловальники выбирались обыкновенно предъ началомъ новаго года, т.-е. 1-го сентября; но всякій разъ, какъ являлось новое требованіе, предписывалось произвести новые выборы.

Если цѣловальникъ оказывался ненадежнымъ, воевода смѣнялъ его и требовалъ новаго. Понятно, что при этомъ было обширное поле для злоупотребленій: воевода могъ всячески притѣснять жителей, потому что въ этомъ отношеніи власть его была довольно неопредѣленна, и онъ никому не давалъ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Жителямъ оставалось только жаловаться на притѣсненія.

Трудно исчислить должности, въ которыя выбирались головы и цѣловальники; вообще имъ поручались всѣ дѣла, гдѣ нужна была какая-нибудь счетность, но, кромѣ того, и множество другихъ. Иногда къ извѣстному дѣлу назначались головы съ цѣловальниками, иногда одни цѣловальники, иногда цѣловальники ставились подъ начальство приказныхъ людей. Одну и ту же подать, напримѣръ, ясакъ или выдѣльный хлѣбъ, сбирали, по усмотрѣнію воеводы или по царскому распоряженію, то выборные сборщики, то приказные люди. Иногда воеводѣ просто предписывалось послать для сбора, „кого пригоже". Здѣсь имѣлись въ виду только частныя соображенія, удобство, довѣріе и т. п.; общія же соображенія, какъ-то: служебныя обязанности сословій, совершенно различная отвѣтственность тѣхъ и другихъ, не принимались даже въ разсчетъ. Изъ пошлинъ, сбору головъ и цѣловальниковъ подлежали главнымъ образомъ таможенныя и кабацкія. Для сбора десятинной пошлины посылались обыкновенно цѣловальники, для надзора за добываніемъ соли —служилые люди съ цѣловальниками, для сбора пошлинъ и оброковъ съ рыбныхъ ловель—то служилые люди, то цѣловальники, для сбора пролубнаго—цѣловальники, для сбора пошлинъ съ мытовъ и перевозовъ—служилые люди съ цѣловальниками, или одни цѣловальники. Казенное добываніе соли производилось соляными головами и цѣловальниками; казенные металлическіе заводы управлялись служилыми людьми или выборными головами и цѣловальниками; продажа казенныхъ товаровъ поручалась посылаемымъ изъ Москвы или назначаемымъ изъ мѣстныхъ жителей торговымъ людямъ, которымъ на помощь выбирались на мѣстѣ цѣловальники. Выборные головы съ цѣловальниками или служилые люди съ цѣловальниками были при казенныхъ виноградныхъ и тутовыхъ садахъ, при шелковыхъ заводахъ и при казенномъ промыслѣ мареною. Кромѣ того, были цѣловальники при покупкѣ казенныхъ хлѣбныхъ запасовъ, при денежномъ дѣлѣ, у казенныхъ мельницъ, у житницъ, у дѣловаго двора, у пороховой и свинцовой казны, при молотьбѣ хлѣба въ дворцовыхъ имѣніяхъ. Отвозъ въ Москву собранныхъ денегъ поручался также или тѣмъ цѣловальникамъ, которые ихъ сбирали, или особымъ цѣловальникамъ, или служилымъ людямъ. Для устройства новыхъ мѣръ выбирались особые цѣловальники. Кромѣ того, были цѣловальники подъ начальствомъ служилыхъ людей при разныхъ дѣлахъ, гдѣ требовалось счетоводство, какъ-то: при городовомъ дѣлѣ, при мостовомъ дѣлѣ, при постройкахъ. Для измѣренія и чищенія дорогъ посылались служилые люди съ цѣловальниками. Встрѣчается даже цѣловальникъ, посланный для правежа денегъ по частному взысканію, что̀ обыкновенно дѣлалось приставами. Наконецъ, кромѣ цѣловальниковъ, мѣстные жители ставили сторожей и тому подобныхъ низшихъ служителей.

Цѣловальникамъ, точно такъ же, какъ и приказнымъ людямъ, поручались иногда разнородныя дѣла; такъ, напримѣръ, въ 1622 году, цѣловальникамъ, посланнымъ изъ Перми для сбора десятинной пошлины съ товаровъ, порублевой съ пріѣзжихъ иноземцевъ, пошерстной съ продаваемыхъ лошадей и оброчныхъ денегъ съ наемно-рабочихъ, велѣно было вмѣстѣ съ тѣмъ судить тяжбы между торговыми людьми и остяками.

Не всѣ эти лица подчинялись воеводамъ; присылаемые изъ Москвы были обыкновенно болѣе или менѣе отъ нихъ независимы; другихъ же воевода могъ наказывать и смѣнять по усмотрѣнію.

Особенность въ этомъ отношеніи представляетъ таможенное и питейное управленіе того времени, которое также ввѣрялось головамъ и цѣловальникамъ — таможеннымъ и кабацкимъ. Это была повинность низшихъ сословій, служба, которую служило преимущественно купечество, но также и крестьяне и даже нѣкоторые разряды служилыхъ людей. По существу своему, эта служба была нѣчто среднее между службою приказною и земскою; но какъ повинность, за которую отвѣтственность лежала на земскихъ людяхъ, она должна была находиться въ зависимости отъ земскихъ властей. Тѣмъ не менѣе до послѣдней четверти XVII-го вѣка земскія власти были совершенно устранены отъ участія въ управленіи, и это былъ одинъ изъ главныхъ недостатковъ таможенныхъ и кабацкихъ учрежденій того времени. Къ этому присоединилось то отсутствіе правильности и порядка, которое проявлялось во всѣхъ установленіяхъ. Вѣрные сборщики управляли то одною таможнею или кабакомъ, то частью уѣзда, то цѣлымъ уѣздомъ, то нѣсколькими городами. Отношенія головъ къ цѣловальникамъ были разнообразны и неопредѣленны; отношенія ихъ къ воеводамъ были еще запутаннѣе: вѣдомство ихъ не было строго разграничено, и тѣ же предметы завѣдывались то тѣми, то другими, при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ; зависимость головъ отъ воеводъ была то болѣе, то менѣе, и вслѣдствіе того, самая власть ихъ была различна. Единство управленія нарушалось также смѣшеніемъ вѣрныхъ сборовъ съ откупными; въ одномъ и томъ же округѣ одни сборы отдавались на вѣру, другіе на откупъ. Наконецъ, оно нарушалось и подчиненіемъ сборовъ различнымъ приказамъ. Указы 1673, 1677 и 1681 годовъ во многомъ улучшили устройство управленія: они устранили вліяніе воеводъ, подчинили управленіе земскимъ властямъ, установили извѣстный порядокъ въ выборахъ сословій, уничтожили откупное содержаніе и подчинили государственное управленіе одному Приказу Большой Казны. Однакожъ, многое оставалось недоконченнымъ: по тогдашнему обыкновенію, общія постановленія безпрестанно нарушались, сборы отдавались на откупъ, воеводы продолжали имѣть значительное и разнообразное участіе въ управленіи; самые указы не предоставили сборовъ исключительному вѣдомству купечества, а требовали исправленія служебной повинности и отъ крестьянъ и служилыхъ людей, которые были совершенно къ этому неспособны; головы продолжали присылаться изъ другихъ городовъ, что́ совершенно уничтожало вліяніе земскихъ людей, которые могли отвѣтствовать только за собственныхъ мѣстныхъ выборныхъ; наконецъ, самые округи оставались въ прежнемъ видѣ. Словомъ, сдѣланъ былъ важный шагъ впередъ; но систематической, правильной организаціи еще не было. Это было совершено Петромъ Великимъ, который въ 1699 году учредилъ по всей России земскихъ бурмистровъ и подчинилъ имъ таможенныхъ и кабацкихъ бурмистровъ, устранивъ совершенно вліяніе воеводъ на вѣрные сборы.

Другое начало лежитъ въ основаніи учрежденія губныхъ старостъ и цѣловальниковъ. Таможенные и кабацкіе головы и цѣловальники, равно какъ и прочіе цѣловальники, были вѣрные сборщики и служители, избранные по служебной обязанности низшихъ сословій для управленія казенными дѣлами; напротивъ, губные старосты и цѣловальники были земскою властью. Въ самомъ ихъ названіи видно уже различіе: тѣ были *головы*, главные сборщики, эти были *старосты*, старшіе надъ земскими людьми, ибо только земскіе начальники назывались старостами.

Губные старосты были земскою властью по своему происхожденію. Въ XVI-мъ вѣкѣ общины чувствовали потребность въ истребленіи воровъ и разбойниковъ и просили царя позволить имъ самимъ преслѣдовать и казнить ихъ. Царь давалъ имъ такое дозволеніе въ губныхъ грамотахъ; это было одно изъ началъ земскаго управленія, установленнаго Иваномъ IV-мъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ возникшее государство сознавало такое право общинъ, какъ собственную потребность и собственную обязанность; оно видѣло въ губномъ управленіи не общинное дѣло, а государственное, и только по недостатку собственныхъ средствъ, при маломъ развитіи государственнаго организма, возлагало это дѣло на общины. Поэтому правительство не могло довольствоваться пожалованіемъ губныхъ грамотъ отдѣльнымъ общинамъ, а сдѣлало губное управленіе повсемѣстнымъ учрежденіемъ для всей Россіи. Всюду поимка и казнь воровъ и разбойниковъ возложены были на общины, какъ обязанность, и устроены были губныя повин-

ности. Государство признало за собою право требовать отъ земскихъ людей строгаго исполненія этихъ обязанностей, возложило на нихъ тяжкую отвѣтственность и поставило губное управленіе подъ надзоръ центральной власти, подчинивъ его Разбойному Приказу. Мало того: въ губныхъ старостахъ правительство видѣло собственныхъ органовъ, называло ихъ приказными людьми и поручало имъ все областное управленіе, какъ и другимъ приказнымъ людямъ. Эта смѣсь приказнаго начала съ земскимъ, или, скорѣе, это превращеніе земской власти въ приказную, было причиною того, что губные старосты удержались до временъ Петра Великаго, тогда какъ другое чисто земское учрежденіе Ивана IV-го, именно, судъ земскихъ старостъ и цѣловальниковъ, исчезло въ началѣ XVII-го вѣка. Государство вводило въ управленіе земское начало настолько, насколько оно могло служить для него орудіемъ, и насколько повинности земскихъ людей облегчали собственную его дѣятельность. Никогда оно на губное управленіе не смотрѣло какъ на право земскихъ людей, и доказательствомъ этому служитъ то, что всякій разъ, какъ оно находило это болѣе удобнымъ, оно поручало губныя дѣла другимъ властямъ, назначеннымъ отъ правительства.

Учрежденіе губныхъ старостъ было далеко не повсемѣстнымъ. Во многихъ городахъ губными дѣлами управляли воеводы, или посылаемые отъ правительства сыщики. Въ одномъ и томъ же городѣ губныя дѣла находились въ вѣдомствѣ то губныхъ старостъ, то сыщиковъ, то воеводъ. Въ 1627 году велѣно было всюду ввести губныхъ старостъ, а сыщиковъ не посылать; но этотъ указъ былъ болѣе временною мѣрою, нежели постояннымъ постановленіемъ, и въ Уложеніи велѣно было воеводамъ вѣдать губныя дѣла тамъ, гдѣ нѣтъ губныхъ старостъ. Въ 1669 году губныя дѣла всюду отданы были въ вѣдомство сыщиковъ, которымъ губные старосты были подчинены, а въ 1679 году и сыщики, и губные старосты уничтожены, и всѣ дѣла ихъ возложены на воеводъ. Въ 1683 году опять стали посылать сыщиковъ, а въ 1684 возстановлены были губные старосты, которые окончательно уничтожены въ 1702 году.

Земское по происхожденію, губное управленіе вмѣстѣ съ тѣмъ представляло въ себѣ смѣшеніе элементовъ приказнаго и вѣрнаго. Съ теченіемъ времени земскій элементъ совершенно даже ослабѣлъ, и слѣды его остались только въ томъ, что въ выборѣ губнаго старосты участвовали всѣ сословія. Начала вѣрное и приказное сдѣлались преобладающими. Первое выражалось во всемъ управленіи, за исключеніемъ самой должности губныхъ старостъ: общины отвѣчали государству за всѣхъ живущихъ въ нихъ людей; на нихъ возложена была обязанность указывать преступниковъ, объявлять о нихъ, преслѣдовать и ловить ихъ, караулить ихъ, съ отвѣтственностью за побѣгъ; они ставили низшихъ служителей къ губному дѣлу и отвѣчали за причиненные ими убытки; они наконецъ, исправляли множество натуральныхъ и денежныхъ повинностей. Вся матеріальная часть лежала на нихъ; самое же управленіе поручалось или воеводамъ, или сыщикамъ, или губнымъ старостамъ, которые были тѣ же приказные люди. Приказный ихъ характеръ выражался въ безсрочности ихъ должности, въ томъ, что на нихъ возлагались всякія приказныя дѣла, въ томъ, наконецъ, что должность эту могли занимать только дворяне и дѣти боярскія, которые всегда назначались въ приказные люди. Это преобладаніе началъ приказнаго и вѣрнаго въ губномъ управленіи приспособляло его къ новымъ потребностямъ, возникшимъ съ развитіемъ правительственнаго начала въ областныхъ учрежденіяхъ, и было причиною того, что оно сохранилось гораздо долѣе судебныхъ старостъ и цѣловальниковъ, несмотря на то, что, по своему характеру, принадлежало къ предыдущему періоду. Губное управленіе возникло въ то время, когда крестьяне и посадскіе люди не были еще укрѣплены къ мѣстамъ, когда еще не опредѣлились обязанности сословій и особенные роды службы для каждаго изъ нихъ. Оно было смѣшеніемъ всѣхъ началъ управленія, и сдѣлалось аномаліею, когда стали разграничивать роды службы и способы управленія и подводить учрежденія подъ тотъ или другой разрядъ. Въ московскомъ государствѣ сдѣлалось уже яснымъ, что сошные люди должны нести повинности и вѣрную службу, а служилое сословіе—службу приказную. Поэтому выборъ губныхъ старостъ сдѣлался странностью, особенно при большемъ и большемъ преобладаніи въ немъ приказнаго характера. Не было ничего естественнѣе и сообразнѣе съ осталь-

нымъ порядкомъ управленія, какъ поручить эту должность приказному человѣку, назначенному, какъ и всѣ прочіе, правительствомъ. Но въ московскомъ государствѣ не было систематическаго взгляда на управленіе, не было еще и точнаго разграниченія сословныхъ обязанностей. Поэтому все ограничивалось попытками и частными мѣрами, и окончательное уничтоженіе губныхъ старостъ послѣдовало не ранѣе царствованія Петра Великаго.

Органами собственно-земскаго, мірскаго начала были въ XVII-мъ вѣкѣ земскіе старосты и цѣловальники. Они были выборные, такъ же какъ и вѣрные головы и цѣловальники; но основаніе выбора было совершенно другое; послѣдніе ставились жителями къ государеву дѣлу: это была государственная повинность и служба, отправлявшаяся по очереди; земскія власти, напротивъ, выбирались для управленія земскими дѣлами, и выборъ ихъ составлялъ скорѣе право общинъ, нежели обязанность.

До преобразованія Ивана Грознаго, земскими начальниками были сотскіе, десятскіе и старосты, которыхъ должность состояла въ сборѣ и уплатѣ податей и въ завѣдываніи повинностями, отправляемыми въ пользу князя. Иванъ IV-й, который хотѣлъ сдѣлать общины органами государственной власти, во многихъ мѣстахъ уничтожилъ намѣстниковъ и волостелей, и предоставилъ судебную, финансовую и отчасти полицейскую власть выборнымъ земскимъ начальникамъ, получившимъ названіе излюбленныхъ головъ или старостъ, данныхъ старостъ и цѣловальниковъ, наконецъ земскимъ судеекъ. Тамъ же, гдѣ оставались намѣстники и волостели, въ судѣ у нихъ сидѣли мѣстные старосты и цѣловальники. Въ XVII-мъ вѣкѣ учрежденія Ивана IV-го почти вездѣ были уничтожены; земскіе выборные были устранены отъ участія въ судѣ воеводъ и приказныхъ людей, а судейки оставались въ нѣкоторыхъ волостяхъ, какъ слѣды прежняго быта и какъ исключеніе изъ общаго порядка. Но и въ обыкновенномъ земскомъ управленіи учрежденія Ивана Грознаго не остались безъ слѣда: къ прежнимъ сотскимъ и старостамъ почти вездѣ присоединились цѣловальники, хотя безъ участія въ судѣ, но съ большею опредѣленностью власти, нежели прежде. Имъ предоставлена была въ особенности раскладка податей, которая прежде производилась всѣмъ міромъ; они же раздавали пустыя земли, что прежде также совершалось мірскимъ приговоромъ. Государство, развивая свой организмъ, касалось и земскихъ дѣлъ, опредѣляло земскія отношенія; но, разумѣется, эта сторона управленія менѣе всего подлежала его вліянію. Оно возлагало на общины извѣстныя обязанности, потому что собственной его дѣятельности не доставало для управленія, и мало вмѣшивалось въ способъ исполненія этихъ обязанностей, вслѣдствіе чего земское управленіе представляетъ менѣе всего законныхъ формъ, менѣе всего порядка и наиболѣе неопредѣленности и запутанности.

Земскіе старосты и цѣловальники находились въ посадахъ или городахъ, въ станахъ, волостяхъ и погостахъ. Въ Москвѣ, гдѣ общее городовое управленіе сосредоточивалось въ рукахъ государственныхъ приказовъ, сотскіе и старосты были въ отдѣльныхъ сотняхъ и слободахъ.

Земскіе старосты и цѣловальники могли выбираться одними черными посадскими и уѣздными людьми. Это объясняется составомъ земскихъ общинъ.

Въ городахъ и уѣздахъ земля раздѣлялась на бѣлую, черную и дворцовую. Бѣлая земля была собственностью вотчинниковъ, служилыхъ людей, духовенства, монастырей, гостей и иностранныхъ купцовъ; черная была собственностью государя и находилась въ потомственномъ владѣніи посадскихъ людей и крестьянъ, которые несли съ нея подати и повинности, сохраняя, впрочемъ, право свободнаго распоряженія. Поэтому черная земля могла быть отчуждена и въ руки бѣломѣстцевъ, которые, однако, продолжали нести съ нея податныя обязанности, если только не освобождались отъ этого особенными жалованными грамотами. Дворцовая земля была также собственностью государя, но приписана была ко дворцу и управлялась обыкновенно хозяйственнымъ образомъ, какъ вотчина, хотя жалованныя грамоты могли предоставлять и дворцовымъ селамъ самостоятельное управленіе; ими завѣдывали дворцовые приказщики, которымъ въ посадахъ и волостяхъ подчинены были старосты и цѣловальники. Точно такъ же и бѣлыя земли управлялись на вотчинномъ правѣ, не входя въ составъ земскихъ общинъ. Между тѣмъ бѣлыя земли были перемѣшаны съ черными; въ одномъ и томъ же посадѣ, въ одномъ стану или волости, были и черныя и бѣлыя земли, но

однѣ только черныя имѣли земскихъ старостъ и цѣловальниковъ. Тяглый человѣкъ, покинувшій тягло и вступившій въ услуженіе къ частному человѣку или къ духовному лицу, тѣмъ самымъ дѣлался независимымъ отъ земскихъ властей, хотя бы онъ оставался въ томъ самомъ городѣ или въ томъ самомъ посадѣ, гдѣ жилъ прежде. Такимъ образомъ община въ древней Россіи была поземельная или владѣльческая и составлялась изъ людей, жившихъ на землѣ, которая принадлежала извѣстному землевладѣльцу. Различіе между черными землями и дворцовыми состояло въ томъ, что послѣднія находились въ непосредственномъ хозяйственномъ распоряженіи государя, тогда какъ съ первыхъ онъ получалъ только подати и повинности, что называлось царскимъ тягломъ. До укрѣпленія сословій, на дворцовыя земли садились крестьяне и посадскіе люди по добровольному соглашенію съ землевладѣльцемъ, тогда какъ черныя свободно отчуждались потомственными ихъ владѣльцами; но послѣ укрѣпленія, различіе ихъ должно было сгладиться, и дѣйствительно, большая часть черныхъ земель мало-по-малу слилась съ дворцовыми. Кромѣ того, съ укрѣпленіемъ крестьянъ и посадскихъ людей, къ поземельному характеру общины присоединился и сословный; община состояла уже изъ извѣстныхъ тяглыхъ лицъ, прикрѣпленныхъ къ извѣстному мѣсту и владѣвшихъ тяглыми землями. Но этими землями могли владѣть и посторонція лица, не прикрѣпленныя къ мѣсту и принадлежавшія къ другимъ сословіямъ. Прежде этого они несли тягло, какъ всѣ свободныя лица, поселенныя на тяглыхъ земляхъ; теперь же долженъ былъ возникнуть вопросъ о ихъ отношеніи къ тяглой общинѣ, и дѣйствительно этотъ вопросъ, возникшій въ особенности съ половины XVII-го вѣка, повелъ ко множеству узаконеній, часто противорѣчившихъ другъ другу и безпрерывно нарушаемыхъ, что продолжалось до Петра Великаго, когда общины получили уже чисто сословный характеръ.

Выборы земскихъ старостъ и цѣловальниковъ иногда совершались подъ надзоромъ правительства; но, кажется, это дѣлалось только въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ были посланные отъ государства прикащики. Воеводамъ же ни въ грамотахъ, ни въ наказахъ не предписывалось наблюдать за земскими выборами, брать выборные списки и приводить избранныхъ къ присягѣ, тогда какъ въ отношеніи къ вѣрнымъ сборщикамъ эти предписанія встрѣчаются очень часто. Причина такого различія понятна: вѣрные сборщики выбирались къ государеву дѣлу, и для правительства было чрезвычайно важно, чтобъ они были люди надежные; до земскихъ же властей государству не было дѣла, потому что законодательная его дѣятельность не развилась еще въ систему, обнимающую собою весь государственный организмъ, но всегда возбуждалась потребностями центральной власти, или просьбами жителей, а устройство земскихъ властей подъ вліяніемъ правительства въ настоящее время не было въ интересахъ ни той, ни другой стороны. Въ XVII вѣкѣ онѣ снова заняли низшее мѣсто въ областномъ управленіи и получили опять значеніе чисто земское, тогда какъ по началамъ системы Ивана IV, земскіе судьи, старосты и цѣловальники управляли не только общинными, но и государственными дѣлами, и поэтому и утверждались правительствомъ.

Названіе цѣловальниковъ показываетъ, что они приводились къ присягѣ; это совершалось на мѣстѣ, въ присутствіи земскихъ людей. Срокъ, на который они и старосты выбирались, былъ всегда годовой. И вѣрные сборщики также оставались въ должности обыкновенно только годъ, но основаніе было совершенно другое: вѣрные выборные несли очередную службу, которая б..ла для нихъ тягостна и въ которой они искали облегченія частыми перемѣнами; въ земскомъ управленіи, напротивъ, частыя перемѣны нужны были для обезпеченія земскихъ людей, которыхъ довѣріе могло бы быть употреблено во зло, еслибъ выборные оставались на мѣстѣ слишкомъ долго; наконецъ, въ губномъ управленіи, гдѣ въ сильной степени развито было начало приказное, губные старосты выбирались на безсрочное время, а прочіе служители часто оставались по нѣскольку лѣтъ безъ перемѣны. Годовой срокъ земской службы былъ тѣмъ болѣе необходимъ, что прежде истеченія срока земскіе старосты не могли быть смѣняемы земскими людьми, какъ видно изъ того, что послѣдніе жаловались иногда на ихъ злоупотребленія.

Кромѣ старостъ и цѣловальниковъ, во многихъ мѣстахъ выбирались еще земскіе дьяки; но нельзя сказать, существовали ли они повсемѣстно. Иногда дьяки назначались въ земскую избу воеводами; но такъ какъ они въ

этомъ случаѣ позволяли себѣ многія притѣсненія, то земскіе люди жаловались на это и выпрашивали себѣ грамоты, по которымъ право выбирать дьяковъ предоставлялось имъ самимъ.

Предметы вѣдомства земскихъ старостъ и цѣловальниковъ, до послѣдней четверти XVII вѣка, были: владѣніе общинною землею, записка въ тягло, раскладка и сборъ податей, отправленіе повинностей, производство мірскихъ выборовъ и мѣстная полиція. Главнымъ, можно сказать, почти единственнымъ предметомъ ихъ вѣдомства были, изъ нихъ, уплата податей и отправленіе повинностей и службъ въ пользу государства, т.-е. дѣла финансовыя; другихъ мірскихъ дѣлъ вовсе не было, и самая раздача земель и записаніе въ тягло имѣли значеніе только въ отношеніи къ государственнымъ обязанностямъ земскихъ людей. Изъ этого ясно, что общины не были самостоятельными союзами, имѣвшими собственныя дѣла, а имѣли чисто государственное значеніе; государство возлагало на мѣстныхъ жителей извѣстныя обязанности, и такъ какъ для ихъ исполненія нужны были мѣстныя земскія власти, то оно возлагало свои требованія на отдѣльные посады, волости, станы, погосты и частныя имѣнія, въ которыхъ существовали эти власти. Но всякая другая податная единица могла одинаковымъ образомъ служить для государственныхъ цѣлей, такъ что, вмѣсто общинъ, податями окладывались иногда отдѣльныя сохи, части уѣзда и даже цѣлые уѣзды. Все это зависѣло отъ удобства, и не было рѣчи о самостоятельности общинъ и о ихъ правахъ.

Этотъ государственный характеръ общинъ выражался въ совершенномъ безразличіи государственныхъ дѣлъ и общинныхъ. Общинная земля была вмѣстѣ и государственная, или, скорѣе, государева, и нисколько не отличалась отъ прочихъ государственныхъ земель. Поэтому и раздача ея только случайнымъ образомъ могла быть дѣломъ общиннымъ и такъ же часто была дѣломъ правительственнымъ. Вообще всѣ общинныя дѣла равнымъ образомъ могли находиться въ вѣдомствѣ земскихъ властей и въ вѣдомствѣ приказныхъ людей; каждая повинность могла или возлагаться на земскихъ людей, или находиться въ распоряженіи воеводъ. Вслѣдствіе этого смѣшенія дѣлъ, не было точнаго разграниченія между приказною властью и земскою; воеводы вступались во всѣ земскія дѣла, распоряжались всѣмъ, употребляли земскихъ старостъ и цѣловальниковъ, какъ подчиненныхъ имъ служителей, и уничтожали всякую самостоятельность земскаго управленія. Если они иногда устранялись отъ участія въ мірскихъ дѣлахъ, то это было слѣдствіемъ или особенныхъ, частныхъ соображеній правительства, или грамотъ и льготъ, предоставленныхъ земскимъ людямъ отдѣльныхъ общинъ и округовъ. Общія же разграниченія вѣдомства послѣдовали уже въ послѣдней четверти XVII вѣка.

Дѣлопроизводство земскихъ избъ вовсе не опредѣлялось закономъ. Сношенія земскихъ старостъ и цѣловальниковъ были также безпорядочны, какъ и сношенія прочихъ правителей: предписанія они получали то чрезъ воеводъ, то прямо посредствомъ царскихъ грамотъ, то въ видѣ памятей изъ приказовъ. Точно такъ же и отписки свои они посылали то къ воеводамъ, то прямо въ Москву. Отчетность ихъ оставалась совершенно неопредѣленною, равно какъ и отвѣтственность предъ земскими людьми: государству они отвѣчали за сбираемыя подати и нерѣдко ставились на правежъ въ случаѣ недоимокъ; но отчеты, которые они давали земскимъ людямъ, и отвѣтственность ихъ предъ послѣдними, были весьма недостаточны, какъ видно изъ жалобъ земскихъ людей на злоупотребленія земскихъ старостъ.

Къ этому надобно прибавить, что воеводамъ иногда предписывалось оберегать земскихъ людей отъ ихъ насилій и притѣсненій.

Исключеніе изъ этого порядка земскаго управленія московскаго государства составляли общины, сохранившія учрежденія Ивана Грознаго. Здѣсь также было совершенное безразличіе государственныхъ дѣлъ и общинныхъ; но между тѣмъ какъ въ первыхъ оно вело къ вмѣшательству приказной власти во всѣ дѣла, здѣсь, напротивъ, приказныя власти были устранены отъ всякаго въ нихъ участія, и всѣ государственныя дѣла были предоставлены вѣдомству земскихъ властей.

Съ половины XVII-го вѣка, общинный бытъ подвергается измѣненіямъ, которыя вытекаютъ изъ новыхъ государственныхъ началъ, установляющихъ различіе сословій, ихъ правъ и обязанностей. Когда крестьяне и посадскіе люди были укрѣплены къ мѣстамъ своего пребыванія и тѣмъ получили сословное значеніе, тогда начало обозначаться различіе между ними. Занятія городскихъ жителей состоятъ

въ промышленности и торговлѣ, которыя зависятъ единственно отъ личной дѣятельности каждаго лица и непремѣнно требуютъ бо́льшей или меньшей свободы въ дѣйствіяхъ. Напротивъ, занятія сельскихъ жителей состоятъ въ обработкѣ земли, и главнымъ лицомъ является здѣсь землевладѣлецъ, если крестьяне обработываютъ землю, не составляющую ихъ собственности. Это различіе обусловливало и различіе обязанностей того и другого сословія; главныя обязанности сельскихъ жителей относились къ землевладѣльцу, котораго землю они обработывали, тогда какъ для городскихъ жителей владѣніе землею было дѣломъ второстепеннымъ; существенныя ихъ обязанности относились къ государству, которое поэтому особенно покровительствовало промышленности и торговлѣ, а это невозможно безъ предоставленія городскимъ жителямъ нѣкоторой свободы. Отсюда произошелъ и различный характеръ городовъ и селъ. Вообще городъ преимущественно способенъ къ образованію свободной общины, тогда какъ сельская община, живущая не на собственной землѣ, стремится перейдти во владѣльческую. Поэтому въ Россіи XVII-го вѣка, гдѣ не было различія между государственною землею, государевою и общинною, черныя волости, послѣ укрѣпленія крестьянъ, неминуемо должны были слиться съ дворцовыми, а дворцовые города и слободы, вслѣдствіе государственнаго значенія городовъ, должны были выйдти изъ дворцоваго вѣдомства. Прежній чисто-поземельный характеръ общинъ, оставшійся отъ средневѣковой жизни, вслѣдствіе новаго развитія государства, превратился въ сословный.

Это стремленіе къ обособленію сословій подвергалось, однако, исключеніямъ. Въ московскомъ государствѣ не было систематическаго воззрѣнія на управленіе и сословія: все вытекало изъ мѣстныхъ и случайныхъ потребностей, а потому не могло быть и систематическаго отдѣленія городскихъ общинъ отъ сельскихъ. Въ средней Россіи, гдѣ владѣльческіе элементы были чрезвычайно развиты и гдѣ сельскія общины находились подъ близкимъ вліяніемъ государства, само собою произошло сліяніе черныхъ волостей съ дворцовыми. Но не такъ было на сѣверѣ, гдѣ владѣльческихъ элементовъ было мало, гдѣ, поэтому, древнія волости удержались въ своемъ первоначальномъ объемѣ, и отдаленность центральной власти способствовала сохраненію прежней ихъ самостоятельности. Въ сѣверные уѣзды, которые назывались уѣздами поморскихъ городовъ, не проникли даже законы объ укрѣпленіи крестьянъ, и доселѣ половники вологодской губерніи сохранились, какъ остатки древнихъ крестьянъ, переходившихъ съ мѣста на мѣсто. Эта отдаленность сѣверныхъ уѣздовъ, препятствовавшая вліянію центральной власти и вторженію владѣльческихъ элементовъ, не допустила и смѣшенія черныхъ волостей съ дворцовыми имѣніями, а сохранила самостоятельность общинъ. Уѣзды поморскихъ городовъ составили, поэтому, особенное явленіе въ московскомъ государствѣ, и общины ихъ, какъ свободныя, уравнивались въ учрежденіяхъ не съ прочими селами, а съ городами.

Стремленіе къ устройству и обособленію городскихъ общинъ выразилось въ первый разъ въ указѣ 1648 года, подтвержденномъ въ Уложеніи. Этимъ указомъ частныя имѣнія, лежавшія около городовъ, были отобраны и присоединены къ тяглымъ землямъ, а владѣльцы вознаграждены изъ другихъ земель. Кромѣ того, владѣніе тяглыми участками и производство городовыхъ промысловъ предоставлены были исключительно тяглымъ посадскимъ людямъ. Этимъ городская земля была округлена и отдѣлена отъ другихъ; жители же получили опредѣленныя сословныя права. Далѣе, Новоторговымъ уставомъ 1667 года, купцы, во всемъ, что относилось до ихъ поѣздокъ, изъяты были изъ вѣдомства воеводъ и подчинены таможеннымъ головамъ, которые были выборные посадскіе люди. Эта мѣра была принята для поощренія торговли и для огражденія торгующихъ отъ притѣсненій. Съ этою же цѣлью была высказана мысль о подчиненіи торговыхъ людей единому приказу, мысль, которая однакожъ осталась пока безъ осуществленія. Но важнѣйшимъ шагомъ для отдѣленія городовъ отъ селъ и для устройства самостоятельныхъ городскихъ общинъ былъ указъ 1681 года о введеніи новой стрѣлецкой подати. Она была наложена на тяглые города, на дворцовые города и слободы, на уѣзды поморскихъ городовъ и на олонецкій уѣздъ; всѣ же владѣльческіе крестьяне, помѣщичьи, церковные, дворцовые и бывшіе черные были, въ замѣнъ этого, обложены ямскими и полоняничными деньгами. Сборъ новой стрѣлецкой подати предоставленъ былъ исключительно земскимъ старостамъ и цѣловальни-

камъ, а для раскладки выбирались въ посадахъ и въ каждой волости особые выборные люди. Даже отсылка денегъ въ Москву предоставлена была земскимъ властямъ, а воеводамъ запрещено было вступаться въ эти дѣла. Однакожъ, и здѣсь бывали исключенія: иногда царскія грамоты о сборѣ денегъ посылались къ воеводамъ, которые давали предписанія земскимъ властямъ, получали собранныя деньги и отсылали ихъ въ Москву. Но это подавало поводъ къ злоупотребленіямъ, вслѣдствіе чего, въ 1689, 1695, 1697 и 1698 годахъ, воеводы были совершенно устранены отъ участія въ сборѣ подати, запрещено было посылать къ нимъ о томъ грамоты, а велѣно посылать памяти прямо къ земскимъ старостамъ, которые должны были сами править деньги на ослушникахъ, безъ всякаго вмѣшательства воеводъ, и собранныя деньги отсылать прямо отъ себя въ Москву.

Это былъ важный шагъ для разграниченія вѣдомства земскихъ властей и приказныхъ, ибо эта подать замѣнила собою многія другія и сдѣлалась важнѣйшимъ налогомъ тяглыхъ земскихъ людей. Въ связи съ этимъ находились и указы, предоставившіе земскимъ властямъ и всѣмъ посадскимъ людямъ надзоръ за таможенными и кабацкими головами. Самые выборы въ таможенные и кабацкіе головы и цѣловальники указомъ 1681 года возложены на посадскихъ людей, и только за недостаткомъ ихъ велѣно было выбирать изъ служилыхъ людей, а за недостаткомъ послѣднихъ — изъ дворцовыхъ и монастырскихъ крестьянъ. То былъ второй шагъ къ разграниченію вѣдомства земскихъ властей и воеводъ и къ предоставленію большей самостоятельности городскимъ общинамъ, а вмѣстѣ съ ними и сельскимъ общинамъ сѣверныхъ уѣздовъ. Но полное и систематическое устройство земскаго управленія принадлежитъ уже Петру Великому, который въ 1699 году всѣ города съ поморскими уѣздами отдалъ въ вѣдомство земскихъ бурмистровъ. Имъ предоставлены были общинный судъ и вѣдѣніе всѣхъ дѣлъ, безъ всякаго вмѣшательства воеводъ, а они, въ свою очередь, подчинены были выборнымъ бурмистрамъ, составлявшимъ Московскую Ратушу. Уѣзды поморскихъ городовъ были еще сравнены съ городами: это былъ остатокъ прежняго порядка. Но съ учрежденіемъ магистратовъ, города были совершенно отдѣлены отъ уѣздовъ и составили сословныя общины, управлявшія дѣлами, которыя предоставлены вѣдомству ихъ сословій. Это былъ окончательный результатъ того развитія земскихъ учрежденій, которому начало было положено Иваномъ Грознымъ,—результатъ, естественно вытекавшій изъ постепеннаго водворенія гражданскаго строенія въ московской Россіи.

Такимъ образомъ, начала приказное, вѣрное и земское лежали въ основаніи трехъ господствующихъ системъ управленія. Губныя учрежденія были смѣшеніемъ всѣхъ трехъ; они возникли по недостатку сознанія въ ихъ различіи и должны были пасть съ болѣе точнымъ разграниченіемъ правительственныхъ началъ. Такое разграниченіе является уже въ концѣ XVII-го вѣка и служитъ признакомъ развитія государственнаго порядка. До того времени всѣ три системы смѣшивались и перепутывались между собою; различныя начала существовали, но безсознательнымъ образомъ, безъ возведенія ихъ къ общимъ государственнымъ соображеніямъ, такъ что каждая правительственная власть неправильнымъ образомъ вступалась въ область другихъ, и не было строгаго опредѣленія ихъ взаимныхъ отношеній. Приказныя власти имѣли самое разнообразное вліяніе на вѣрные сборы и вступались во всѣ земскія дѣла; вѣрные сборщики находились къ тѣмъ и другимъ въ различныхъ отношеніяхъ и завѣдывали иногда какъ приказными, такъ и земскими дѣлами; земскія власти, наконецъ, на которыхъ лежала наибольшая отвѣтственность, лишены были почти всякой власти и всюду стѣснены были въ своихъ дѣйствіяхъ. Необходимо было точнѣе опредѣлить кругъ дѣятельности каждой и дать имъ болѣе правильную организацію. Начало этому положено было Ѳедоромъ Алексѣевичемъ; но систематическое устройство учрежденій было введено уже Петромъ Великимъ. Губное управленіе было уничтожено, какъ несогласное съ новымъ порядкомъ; вѣрные сборщики подчинены земскимъ властямъ, такъ что выборныя власти образовали самостоятельное управленіе, совершенно отдѣльное отъ приказнаго. Земское начало получило такимъ образомъ большее значеніе, нежели прежде, но вмѣстѣ съ тѣмъ облеклось въ сословный характеръ, который, вслѣдствіе новаго устройства элементовъ государственной жизни, замѣнилъ собою прежній, поземельный.

Все это совершилось уже въ концѣ XVII-го

вѣка; преобразованія Ѳедора Алексѣевича были первымъ шагомъ къ преобразованіямъ Петра Великаго. До того времени приказныя власти завѣдывали судомъ, полиціею, военными дѣлами и большею частью финансоваго управленія. Вѣрные сборщики завѣдывали казенными сборами, а земскія власти—мѣстными повинностями и службами, отправляемыми въ пользу государства. Всѣ эти предметы вѣдомства имѣли характеръ чисто-государственный; собственно мѣстныхъ, земскихъ дѣлъ вовсе не было. Устройство мѣстныхъ союзовъ, съ ихъ правами, съ мѣстными дѣлами и учрежденіями, относится уже ко временамъ Екатерины II. Въ ея царствованіе существеннымъ началомъ управленія сдѣлалось народное благо, тогда какъ прежде главною цѣлью была государственная польза. Государство было исходною точкою всего общественнаго развитія Россіи съ XV-го вѣка. Возникнувъ на развалинахъ средневѣковыхъ учрежденій, оно нашло вокругъ себя чистое поле: не было мелкихъ союзовъ, крѣпкихъ и замкнутыхъ; отдѣльныя личности, бродящія съ мѣста на мѣсто и занятыя исключительно своими частными интересами, однѣ противостояли новому общественному союзу. Главною задачею сдѣлалось устройство государства, которое организовалось сверху, а не снизу; нужно было устроить общій союзъ, а частные должны были служить ему орудіемъ. Поэтому на всѣхъ учрежденіяхъ лежалъ государственный характеръ; и такъ какъ прежде всего нужны были государству матеріальныя средства, то и задача управленія была преимущественно финансовая. Этимъ XVII-й вѣкъ отличается отъ XVIII-го, въ которомъ цѣлью управленія сдѣлались также промышленность и образованіе, хотя и эти отрасли дѣятельности первоначально развивались въ видахъ государственной пользы.

Средства новаго государства были, однакожъ, ничтожны; ему недоставало людей,—и оно сдѣлало государственную службу повинностью сословій; ему недоставало денегъ,—и оно учредило множество мѣстныхъ повинностей въ пользу государства; ему недоставало, наконецъ, и административныхъ средствъ,—и оно восполняло ихъ отвѣтственностью подданныхъ. Такимъ образомъ, надзоръ за мѣстными правителями былъ почти невозможенъ; поэтому отвѣтственность за сборы возложена была какъ на мѣстныхъ жителей, которые обязаны были выбирать вѣрныхъ сборщиковъ, такъ и на самихъ сборщиковъ и правителей, которые отвѣчали за успѣхъ своимъ лицомъ и имуществомъ. Точно такъ же и богатство отдѣльныхъ лицъ мало подлежало вліянію государства, которое не имѣло средствъ ни узнать количество имущества подданныхъ, ни удержать ихъ на мѣстахъ, ни даже принудить ихъ къ уплатѣ податей; поэтому уплата была возложена на цѣлыя общины, которыя отвѣчали за всѣхъ членовъ и сами уже взыскивали съ нихъ деньги. Эта система повинностей проникала такимъ образомъ во всѣ отношенія; земскіе люди несли службы, отправляли повинности, отвѣчали за сборы, отвѣчали даже за поведеніе всѣхъ живущихъ посреди нихъ подозрительныхъ людей, хотя не имѣли на нихъ никакого вліянія.

Ничтожность государственныхъ средствъ, незначительное вліяніе центральной власти на областное управленіе дѣлали необходимымъ усиленіе власти воеводъ. Поэтому всякаго рода дѣла сосредоточивались въ ихъ рукахъ, къ чему, съ другой стороны, вели младенческое состояніе правительственныхъ учрежденій и самая запутанность администраціи.

Эти три черты областного управленія: государственный характеръ учрежденій, система повинностей и соединеніе всѣхъ дѣлъ въ рукахъ воеводъ, характеризуютъ всю эпоху, простирающуюся отъ возникновенія государства въ XV-мъ вѣкѣ до временъ Екатерины II-й; только начальство надъ постоянными войсками отнято было у воеводъ при Петрѣ. Но московское государство имѣло свои особенности, которыя рѣзко отличаютъ его отъ Петровскихъ временъ.

Петръ Великій, не вводя никакихъ новыхъ началъ въ областное управленіе, только привелъ въ порядокъ существующее. Попытка его установить правильное раздѣленіе областного управленія, которое прежде того все сосредоточивалось въ рукахъ воеводъ, была преждевременна и потому не удалась. Послѣ его смерти воеводы попрежнему соединили всю власть въ своихъ рукахъ, но управленіе получило уже правильную организацію. Результатомъ преобразованія было, слѣдственно, систематическое устройство управленія. Этимъ опредѣляется его значеніе, которое прямо вытекало изъ потребностей того времени и изъ характера государственныхъ учрежденій XVII-го вѣка. Такимъ образомъ, преобразова-

нія Петра Великаго составляютъ третью эпоху въ развитіи областныхъ учрежденій московскаго государства; въ XVI-мъ вѣкѣ установлены были общественныя повинности и устроено основанное на нихъ земское начало; въ XVII-мъ вѣкѣ развито было правительственное начало; въ XVIII-мъ вѣкѣ весь государственный организмъ получилъ правильное, систематическое устройство.

Таковы главнѣйшія воззрѣнія г. Чичерина на развитіе и составъ нашихъ областныхъ учрежденій въ XVII-мъ вѣкѣ,—воззрѣнія, основанныя на самомъ тщательномъ, подробномъ и добросовѣстномъ изученіи многочисленныхъ источниковъ, относящихся къ этой эпохѣ. Мы бы не кончили, еслибъ захотѣли передать всѣ отдѣльныя замѣтки и мысли, внушенныя автору глубокимъ знаніемъ дѣла и разсѣянныя почти на каждой страницѣ разбираемаго нами достойнаго всякаго уваженія ученаго труда. Того, кто бы захотѣлъ глубже вникнуть въ предметъ и узнать его со всѣми оттѣнками, мы отсылаемъ къ самой книгѣ, чтеніе которой не замѣнятъ и болѣе длинныя выписки.

За самыми немногими и незначительными исключеніями, мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣнія ученаго автора въ томъ, что касается собственно до избранной имъ эпохи; но едва ли можно согласиться съ нимъ безусловно во многомъ относительно нашего историческаго развитія, предшествующаго XVII-му вѣку: также и значеніе различныхъ фактовъ, относящихся къ нашей областной администраціи XVII-го вѣка, мы объяснили бы нѣсколько иначе, потому именно, что иначе смотримъ на предыдущее развитіе.

Сущность взгляда г. Чичерина приводится къ слѣдующимъ главнымъ положеніямъ: у племенъ, образовавшихъ русское государство, былъ первоначально родовой, кровный бытъ; но онъ разрушился, и личное начало заступило мѣсто семейно-общиннаго. Выраженіемъ этого личнаго начала было необузданное господство частнаго права и произвола, наполняющее нашу внутреннюю исторію и составляющее основу нашего быта до образованія московскаго государства. Съ наступленіемъ третьяго періода нашего развитія, государство беретъ верхъ надъ исключительно личнымъ началомъ. Сперва, не имѣя возможности собственными средствами достигать своей цѣлей, оно какъ бы возлагаетъ исполненіе ихъ на народъ. Здѣсь, по мнѣнію г. Чичерина, лежитъ источникъ общиннаго и выборнаго начала древней Россіи. Но лишь только государство сложилось и почувствовало свои силы, правительственная дѣятельность общинъ замѣнилась дѣятельностью непосредственныхъ органовъ государственной власти—приказныхъ людей и вскорѣ потомъ воеводъ. Въ то же время, преслѣдуя свои цѣли, государство старалось дать хоть какую-нибудь прочность и постоянство безпрестанно колеблющимся и бродящимъ общественнымъ элементамъ, и для этого укрѣпило ихъ, возложивъ на нихъ, по недостатку собственныхъ средствъ, множество личныхъ служебъ и обязанностей всякаго рода въ свою пользу. Такъ образовались сословія, имѣвшія сначала государственное назначеніе, обязанныя, каждое, различнаго рода повинностями въ пользу государства и лишь въ царствованіе императрицы Екатерины II-й утратившія служебное значеніе. Подъ вліяніемъ этого служебнаго начала, или системы повинностей, города выдѣлились изъ селъ, и жители ихъ образовали особое сословіе. Но собственно общинное начало осталось неразвитымъ и бездѣятельнымъ. Оттого выборныя и приказныя власти смѣшивались между собою, кругъ дѣйствій тѣхъ и другихъ нимало не былъ разграниченъ, и областное—правильнѣе, мѣстное—управленіе представляло во всѣхъ отношеніяхъ совершенный хаосъ, пока преобразованія Петра Великаго не внесли нѣкоторую систему и порядокъ въ эту неурядицу.

Чтобы найтись въ этомъ сплетеніи множества разнороднѣйшихъ явленій и фактовъ, разберемъ ихъ на группы: анализъ непремѣнно выведетъ насъ на прямую дорогу.

Прежде всего надобно замѣтить, что такъ называемая авторомъ система повинностей, то-есть требованіе со стороны государства, отъ всѣхъ сословій, различнаго рода службъ и работъ, едва ли можетъ быть признана за историческое начало, и едва ли было бы правильно характеризовать этой системой одну какую-нибудь эпоху нашего государственнаго и общественнаго быта. Требованіе личныхъ работъ и службъ—явленіе общее всѣмъ народамъ, которые въ экономическомъ отношеніи стоятъ на очень низкой ступени. Существованіе этихъ служебъ и работъ въ значеніи повинностей предполагаетъ, что въ народѣ не утвердились еще понятія о преимуществѣ наемнаго и договорнаго труда передъ обязательнымъ и даровымъ, что трудъ

не имѣетъ цѣны, другими словами, что промыслы почти не существуютъ, а деньги—великая рѣдкость; что правительство еще не разсчитало, что для него самого во всѣхъ отношеніяхъ выгоднѣе требовать, вмѣсто личной службы, взноса денегъ, и на эти деньги нанимать и заказывать по вольнымъ цѣнамъ все, что нужно. Система повинностей—не историческое начало, а просто неразсчетъ. Притомъ же, эта система (если только она заслуживаетъ такого названія) существуетъ у насъ испоконъ-вѣка, тянется чрезъ весь удѣльный періодъ въ видѣ обязанностей народа къ намѣстникамъ и другимъ княжескимъ чиновникамъ, и продолжается отчасти до нашего времени, все болѣе и болѣе уступая мѣсто системѣ податей и пошлинъ. Какое же можетъ быть справедливое основаніе заключать повинности въ пользу государства въ одну какую-нибудь эпоху, точно какъ-будто ихъ не существовало ни прежде, ни послѣ? Итакъ, дѣло состоитъ, если мы не ошибаемся, не въ томъ, когда именно появилось у насъ начало повинностей и когда оно кончилось,—оно и теперь не исчезло,—а въ томъ собственно, что государственная власть, возникшая въ Москвѣ подъ формами исторически-установившагося владѣльческаго типа, долго не совлекала съ себя этого типа, долго жила подъ старою формою, хотя это и было во многихъ отношеніяхъ очень неудобно. Восторжествовавъ надъ другимм элементами, претендовавшими на политическое значеніе и роль, о чемъ мы скажемъ тотчасъ же, государство, въ качествѣ домовладыки, обрекло ихъ себѣ на служеніе по тогдашнему, то-есть обложило разными личными повинностями или обязанностями. Чрезъ это означенные элементы стали сословіями, обязанными службою государству.

Точно также и хаотическое состояніе администраціи въ древней Россіи должно отнести къ числу явленій, общихъ всѣмъ необразованнымъ и неразвитымъ народамъ. Введеніе, въ замѣнъ безпорядка, систематическаго, стройнаго управленія, безспорно, есть шагъ впередъ, особенно важный по своимъ практическимъ результатамъ; но оно не можетъ служить характеристическимъ признакомъ цѣлой эпохи въ развитіи народной и государственной жизни. Значеніе преобразованій Петра Великаго, конечно, весьма глубоко; но совершившаяся при немъ систематизація областныхъ учрежденій и управленія, при всей несомнѣнной ея пользѣ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названа эпохою въ историческомъ развитіи составныхъ стихій Россіи. Это такой же успѣхъ, какъ смягченіе нравовъ, распространеніе просвѣщенія, умноженіе народнаго богатства и проч.,—успѣхъ, встрѣчаемый у всѣхъ народовъ, идущихъ впередъ, какъ бы ни были различны ихъ историческія судьбы. И здѣсь, какъ и въ предыдущемъ, дѣло, сколько мы понимаемъ, не во внѣшнихъ признакахъ и послѣдствіяхъ явленій, одинаковыхъ у всѣхъ народовъ, а въ тѣхъ особенностяхъ, которыя породили самыя явленія. Служебный характеръ всѣхъ сословій въ отношеніи къ государству—вотъ эта особенность. Сначала господство послѣдняго было далекое, какъ-будто вытекало изъ международныхъ отношеній. Какъ варяжскіе князья требовали отъ подвластныхъ имъ племенъ только дани и покорности, предоставляя собственному ихъ усмотрѣнію ихъ внутреннія дѣла, такъ и государство относилось первоначально къ сословіямъ: не входя во внутреннее устройство ихъ, оно довольствовалось службами и повинностями, которыя они отправляли въ его пользу. Но на этомъ далекомъ господствѣ государства и подданствѣ сословій дѣло не могло остановиться. По служебному характеру сословій, государство мало-по-малу должно было все глубже входить въ подробности внутренняго быта сословій, опредѣлять не только ихъ отношенія между собою, но и отношенія членовъ каждаго сословія другъ къ другу. Такъ какъ при этомъ государство не имѣло еще, да и не могло имѣть никакихъ общихъ, руководительныхъ началъ, и потому установляло тотъ или другой порядокъ по внушенію и подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ, нерѣдко случайныхъ причинъ, то отсюда возникъ въ администраціи невыразимый хаосъ, который можно было привести въ нѣкоторый порядокъ не иначе, какъ распредѣленіемъ всѣхъ предметовъ управленія по какой-нибудь готовой и выработанной системѣ. Это и сдѣлалъ Петръ Великій, оказавъ тѣмъ Россіи одну изъ тѣхъ услугъ, которыя, рано или поздно, оказываются всѣмъ народамъ съ болѣе или менѣе развитою государственностью.

Снявъ такимъ образомъ внѣшнюю оболочку, заслоняющую отъ насъ сокрытое дѣйствіе историческихъ началъ и обобщающую вопросъ въ ущербъ яснаго пониманія особен-

ностей, обратимся теперь исключительно къ послѣднимъ, ибо на ихъ почвѣ выростаетъ, а слѣдовательно ими и опредѣляется и объясняется общее.

Какъ мы уже замѣтили, главная особенность нашего древняго общественнаго быта въ XVII вѣкѣ есть служебный характеръ всѣхъ сословій, ихъ, если можно такъ выразиться, исключительно повинностное значеніе и соотвѣтствующій этому преимущественно приказный, бюрократическій характеръ мѣстнаго управленія. Два могущественные элемента европейской общественности — общины, сословія и корпораціи,—у насъ существовали въ XVII вѣкѣ только по имени и не играли никакой роли. Этотъ фактъ поразителенъ! Глазъ, присмотрѣвшійся къ европейской исторіи, складъ ума, образовавшійся вслѣдствіе пристальнаго изученія условій европейской жизни, остаются въ недоумѣніи передъ этой совсѣмъ особенной комбинаціей общественныхъ элементовъ. Г. Чичеринъ старается объяснить это загадочное явленіе, и вотъ на чемъ мы расходимся съ нимъ въ мнѣніяхъ: онъ полагаетъ, что сословія и общинное начало обязаны своимъ происхожденіемъ государству; мы же, напротивъ, думаемъ, что призраки сословій и общинъ XVII вѣка суть обветшалые и стертые остатки когда-то живыхъ историческихъ элементовъ и началъ, игравшихъ большую или меньшую роль, слѣдъ историческихъ типовъ, происхожденіе которыхъ теряется въ глубокой древности.

Возьмемъ различные разряды собственно такъ называемаго служилаго класса, обязаннаго военной, приказной и придворной службой. Классъ этотъ сложился изъ бывшихъ дружинниковъ, личной княжеской прислуги и грамотѣевъ, употреблявшихся по письменнымъ дѣламъ, которыми, по общей безграмотности, могли заправлять лишь немногіе. Положимъ, что послѣдніе два элемента служилаго класса суть позднѣйшаго происхожденія и сложились подъ вліяніемъ государственнаго начала. А дружинники? Они существовали съ незапамятныхъ временъ, и чѣмъ далѣе назадъ, тѣмъ были самостоятельнѣе, независимѣе отъ князей. Безъ дружины князь ничего не могъ дѣлать; бывало, что дружина и не соглашалась съ мнѣніемъ князя и настаивала на своемъ; а въ нѣкоторыхъ княжествахъ, какъ, напримѣръ, въ Галицкомъ, изъ дружины развилась сильная аристократія — правильнѣе, олигархія, зачатки которой находимъ и въ московскомъ государствѣ. Вельможество и боярство непремѣнно предполагаютъ зачатки сословнаго элемента и безъ него немыслимы. Въ какой степени было сильно и развито сословное начало—это другой вопросъ, о которомъ рѣчь впереди. Пока достаточно указать на присутствіе въ древней русской жизни, до образованія государства, зародышей сословнаго начала. Этихъ зародышей отрицать, кажется, невозможно.

Отвергая сословное начало въ до-государственной Руси, г. Чичеринъ разсматриваетъ власть намѣстниковъ съ точки зрѣнія частнаго права, и на этомъ основываетъ свое воззрѣніе на весь послѣдующій ходъ развитія нашихъ учрежденій. Но первая посылка едва-ли справедлива. Съ точки зрѣнія Ивана III и Ивана IV, намѣстники, конечно, владѣли своими кормленіями по частному праву, потому что въ это время государство стало предъявлять свои требованія, и представителями политическихъ элементовъ и жизни стали исключительно московскіе великіе князья и цари; но до того времени намѣстники были какъ бы самостоятельные владѣтели, пользовавшіеся почти княжескими правами, за исключеніемъ развѣ одного лишь права вступать въ дипломатическія сношенія. Они имѣли свою печать, свою дружину, свое управленіе; въ предѣлахъ ихъ владѣній всѣ доходы, сборы и повинности платились имъ и отправлялись въ ихъ пользу, или кому они прикажутъ; очевидно, власть намѣстниковъ въ этомъ ея значеніи имѣла государственное, а не частное значеніе. Чѣмъ дальше мы будемъ восходить назадъ, тѣмъ это предположеніе будетъ оправдываться болѣе и болѣе. Въ началѣ такъ-называемаго періода удѣловъ княжескіе намѣстники и посадники, получавшіе въ кормленіе области, были еще независимѣе, чѣмъ намѣстники послѣдующаго времени, потому что члены тогдашнихъ княжескихъ дружинъ еще не становились къ своему князю въ отношенія подданства; а свѣтлые князья, а бояре и мужи, бывшіе подъ рукою варяжскихъ великихъ князей и посылавшіе своихъ пословъ къ грекамъ вмѣстѣ съ послами Олега и Игоря—прототипы послѣдующихъ посадниковъ и намѣстниковъ, были чуть-чуть не самостоятельные владѣтели, чуть-чуть не союзники великихъ князей, имѣвшіе съ ними

одинакія права. Послѣ Ивана IV намѣстники исчезаютъ, но типъ сохраняется, вырождаясь все болѣе и болѣе. Мѣсто ихъ заступаютъ владѣльцы помѣстій. Съ воцареніемъ новой династіи, вельможи и знатные люди, принимавшіе дѣятельное участіе при установленіи новаго порядка дѣлъ, воспользовались щедростью юнаго правительства и получили множество владѣній на помѣстномъ правѣ. Помѣстья были для нихъ не столько средствомъ нести службу, какъ для низшихъ служебныхъ разрядовъ, сколько замѣною владѣній и отчасти владѣтельныхъ правъ, которыми они пользовались въ качествѣ намѣстниковъ. Но характеръ и значеніе владѣній существенно перемѣнились: владѣнія эти потеряли полу-политическій и государственный характеръ и сдѣлались частными. Сначала они, кажется, изъяты были совершенно отъ всякихъ повинностей и обязанностей въ пользу государства, потому что владѣльцы ихъ несли службу; но впослѣдствіи и это отличіе ихъ мало-по-малу стало исчезать, и владѣнія начали постепенно подводиться подъ общую систему управленія, податей и повинностей.

Точно также и типъ вотчинника, получившій впослѣдствіи чисто гражданскій характеръ, сначала имѣлъ тоже государственное и политическое значеніе. Въ этомъ легко убѣдиться, прослѣдивъ отношенія князей между собою, начинающіяся братскими, родственными связями удѣльныхъ князей съ великими и кончившіяся отношеніями самаго строгаго подданства. А княжескія владѣнія, съ ихъ державными правами, имѣли въ своемъ основаніи вотчинный типъ, который не только удержался во владѣніяхъ служебныхъ князей, но и весьма долго держался во внѣшнихъ формахъ московскаго государства.

Обратимся теперь къ общинному началу. Постепенное вырожденіе общиннаго типа представляетъ явленіе совершенно аналогическое съ трансформаціей типа намѣстника и вотчинника. До самаго образованія московскаго государства общины даютъ несомнѣнные признаки государственной жизни. Вездѣ онѣ призываютъ, выбираютъ и мѣняютъ князей; вездѣ дѣятельность ихъ проторгается сквозь сѣть дружинъ, которыми подернута древняя Россія и заслонена внутренняя исторія народа; а гдѣ обстоятельства хоть сколько-нибудь благопріятствовали, тамъ онѣ тотчасъ же пріобрѣтали политическую самостоятельность. Весь сѣверъ и весь югъ Россіи были покрыты такими самостоятельными общинами. Только съ усиленіемъ московскаго государства общины понемногу перестаютъ играть политическую роль. Но даетъ ли это намъ право утверждать, что и въ общественной жизни не осталось слѣдовъ общиннаго духа? Съ этимъ никакъ нельзя согласиться. Историческіе типы не умираютъ скоропостижно, а угасаютъ постепенно, проходя чрезъ цѣлый рядъ перерожденій. Еще въ началѣ XVII вѣка, во время самозванцевъ, смутъ и вторженія иноплеменниковъ, общины обнаружили несомнѣнные признаки жизни: онѣ совѣщались о тогдашнемъ положеніи и событіяхъ, сносились между собою грамотами и старались общими силами спастись отъ угрожавшей со всѣхъ сторонъ гибели. Мининъ былъ результатомъ этой спасительной и патріотической дѣятельности общинъ въ началѣ XVII вѣка; въ лицѣ его и князя Пожарскаго подали другъ другу руку два элемента, которые до того времени нерѣдко враждебно сталкивались между собою и, кажется, вызвали бурю, потрясшую Россію въ самыхъ ея основаніяхъ; теперь же оба совокупными силами возсоздаютъ разрушенную власть какъ бы для того, чтобъ затѣмъ окончательно отказаться отъ всякой политической дѣятельности. Послѣ 1612 года государственная роль общинъ совершенно оканчивается.

Спрашивается: можно ли послѣ всего сказаннаго предположить, что мысль Ивана Грознаго призвать общины къ участію въ мѣстномъ управленіи явилась точно будто deus ex machina, безъ всякаго отношенія къ предыдущему? Возможно ли, чтобъ выборное начало, безъ котораго общинная жизнь немыслима, было совершенно неизвѣстно у насъ дотолѣ и было созданіемъ московскихъ государей? Чѣмъ больше вдумываешься въ эту мысль, тѣмъ она кажется невѣроятнѣе и невозможнѣе. Если мы не имѣемъ прямыхъ указаній на то, что на намѣстничьемъ и волостелинскомъ судѣ изстари были цѣловальники или присяжные, то изъ этого никакъ еще нельзя заключить, чтобъ они въ самомъ дѣлѣ не присутствовали въ этихъ судахъ, тѣмъ болѣе, что Судебникъ 1550 года прямо предписываетъ: „въ которыхъ волостѣхъ *напередъ сего* старостъ и цаловальни-

ковъ *не* было, и нынѣ въ тѣхъ во всѣхъ волостѣхъ быти старостамъ и цаловальникомъ" (ст. 68). Учрежденіе старостъ и цѣловальниковъ, безъ всякой натяжки, можно услѣдить и ранѣе. Въ Судебникѣ 1497 года упоминаются старосты и „лучшіе люди"; тѣ же лучшіе люди, только съ прибавкою „цаловальника", встрѣчаются и въ Судебникѣ 1550 года. Значеніе ихъ совершенно одинаково; только права лучшихъ людей цѣловальниковъ по Судебнику 1550 года расширены. Какое же право имѣемъ мы заключить отсюда, что лучшіе люди, упоминаемые въ первомъ Судебникѣ, не были выборные, а цѣловальники временъ Грознаго были выборные? Явное дѣло, что это учрежденіе при Грозномъ не было нововведеніемъ, а существовало гораздо ранѣе его. Вступивъ въ борьбу съ вельможествомъ и олигархическимъ боярствомъ, царь Иванъ Васильевичъ опирался на общины, представлявшія элементъ, противоположный большимъ людямъ московскаго государства, и потому расширилъ, точнѣе опредѣлилъ права ихъ выборныхъ представителей, сдѣлалъ этихъ выборныхъ учрежденіемъ повсемѣстнымъ, но не создалъ этого учрежденія вновь.

Послѣ Грознаго общины утратили государственное значеніе. Во время смутъ онѣ, какъ мы уже сказали, въ послѣдній разъ заявили свое политическое существованіе. Но это была ихъ лебединая пѣсня. Послѣ 1612 года онѣ распались на свои составныя части. Служилые люди, духовенство, посадскіе и крестьяне образовали особыя сословія—чины, по древней нашей терминологіи, которые, въ свою очередь, подраздѣлились на множество мелкихъ союзовъ и званій. Представителями общиннаго начала остались лишь два самые низшіе класса, которые потому только и сохранили слабые слѣды общинной жизни, что въ нихъ удержалось отправленіе повинностей, службъ и работъ сообща, за круговымъ поручительствомъ, какъ было, когда племена, а затѣмъ общины находились въ подданствѣ; удержалось сожительство на однихъ мѣстахъ, и потому невольно, даже безсознательно, удерживались привычки старины. Обложеніе каждаго званія особыми, ему свойственными, повинностями и службами въ пользу государства окончательно создало у насъ сословія и разрушило общинное единство, потому что каждый общественный разрядъ получилъ свое особенное назначеніе и чрезъ это, весьма естественно, окончательно отдѣлился отъ прочихъ, не имѣя съ ними ничего общаго, кромѣ самыхъ поверхностныхъ соприкосновеній.

Такимъ образомъ, безспорно, что государство принимало у насъ очень дѣятельное участіе въ образованіи сословій. Оно приложило печать къ разложенію общинъ на ихъ составныя стихіи; оно закрѣпило званія въ ихъ раздѣльности и исключительности. Но созидателемъ сословій оно не было, точно такъ же, какъ не оно образовало общины при Иванѣ IV-мъ. Элементы, данные для того и другого, были уже налицо, готовы, и государство только воспользовалось ими для своихъ цѣлей.

Съ появленіемъ сословій, общинный духъ перешелъ въ нихъ и здѣсь поддерживался, утративъ только политическое и государственное значеніе и принявъ, въ замѣнъ того, гражданскій характеръ. Весьма естественно, что при этомъ въ сословіяхъ, обложенныхъ тягломъ, гдѣ условія общиннаго быта сохранились хотя отчасти, удержались и различныя формы и учрежденія этого быта; напротивъ, въ служилыхъ разрядахъ, гдѣ люди далеко не такъ тѣсно были связаны между собою общими обязанностями и отвѣтственностью, гдѣ службы и повинности отправлялись лично, а не сообща, общинныя установленія стали прививаться лишь впослѣдствіи времени, и дѣйствительно были результатомъ организующей дѣятельности государства.

Дальнѣйшее развитіе нашего внутренняго быта было послѣдовательнымъ выводомъ изъ этихъ данныхъ. По мѣрѣ того, какъ государственное начало, совлекая съ себя устарѣлыя, несвойственныя ему формы частнаго быта, болѣе и болѣе обобщалось и принимало видъ, усвоенный ему въ Европѣ, сталъ постепенно исчезать и служебный характеръ сословій, вытекавшій изъ владѣльческаго, вотчиннаго типа. Сначала дворянство, потомъ и городскія сословія уволены отъ обязательной службы, а за ними и государственные крестьяне — отъ царскаго тягла лицомъ и натурой. Въ параллель съ этимъ постепенно совершалась и внутренняя организація сословій. Началась она съ половины XVII-го вѣка устройствомъ городскихъ классовъ, которое продолжалось при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, Петрѣ Великомъ, Екатеринѣ II-й и далѣе до нашего времени; позже го-

родскихъ классовъ стали устраиваться служилые классы, которые получили прочную организацію при Петрѣ III-мъ и Екатеринѣ II-й; наконецъ, при императорѣ Николаѣ организовано сословіе государственныхъ крестьянъ. Въ этомъ постепенномъ устройствѣ сословій совершалось детальное развитіе, по частямъ, общиннаго начала. По мѣрѣ того, какъ служебный характеръ сословій исчезалъ, должно было мало-по-малу исчезнуть ихъ взаимное отчужденіе, разрозненность и искусственная замкнутость, а вмѣстѣ съ тѣмъ начаться снова взаимное тяготѣніе другъ къ другу различныхъ общественныхъ интересовъ, представляемыхъ различными сословіями, безъ смѣшенія ихъ подъ однимъ внѣшнимъ, искусственнымъ, безразличнымъ уровнемъ. Центръ взаимнаго тяготѣнія сословій и есть общинное единство.

Г. Чичеринъ опровергаетъ существованіе въ Россіи XVII вѣка общиннаго начала тѣмъ, что воеводы вмѣшивались во всѣ общинныя дѣла безъ изъятія, и что общее владѣніе землею, которое почитается отличительною чертою русской и вообще славянской общины, въ это время тоже не существовало, а создалось лишь впослѣдствіи, какъ необходимый результатъ обращенія ея въ крѣпостную и тяглую. На основаніи того, что̀ сказано нами выше, съ первымъ доводомъ можно согласиться, не дѣлая, однако, никакихъ заключеній о несуществованіи будто бы общиннаго начала въ древней Россіи вообще. Что же касается второго возраженія противъ общинъ, то оно не относится прямо къ областному управленію, которое насъ теперь занимаетъ, и потому мы оставимъ его пока въ сторонѣ, чтобъ не отвлечься отъ главнаго вопроса. Впрочемъ, мы надѣемся вскорѣ возвратиться къ этому предмету. Читатели, конечно, припомнятъ, что между гг. Чичеринымъ и Бѣляевымъ идетъ теперь сложный и весьма интересный споръ объ общинномъ владѣніи въ древней Россіи. Такъ какъ вопросъ объ общинахъ имѣетъ для русской исторіи особенную важность, то мы дадимъ объ этомъ спорѣ подробный отчетъ, и тогда уже разберемъ какъ значеніе общиннаго владѣнія, такъ и вообще все то, что г. Чичеринъ говоритъ въ разсматриваемомъ нами сочиненіи объ общинахъ XVII-го вѣка.

Сводя все сказанное выше въ общіе итоги, мы найдемъ, что и представители общиннаго начала—общины,—и представители начала личнаго — дружинники, намѣстники и кормленщики,—имѣли въ древней Россіи самостоятельность и политическое значеніе; но это значеніе ихъ современемъ утратилось, и они вдвинуты въ условія частнаго гражданскаго быта. Этотъ, по своему значенію и послѣдствіямъ, безконечно важный поворотъ въ нашей внутренней исторіи совершился московскими великими князьями и царями, представлявшими собою начало государственнаго и политическаго единства Россіи. Олигархическіе зачатки и плодъ ихъ—анархія, разрозненность независимыхъ общинъ и необходимый этого результатъ — распаденіе народа и страны на части, — эти два опаснѣйшіе спутника политической жизни славянъ, побѣждены великорусскимъ племенемъ. Изъ этого удивительнаго и, къ сожалѣнію, такъ еще мало изслѣдованнаго племени, которое одно между всѣми славянскими племенами одарено государственнымъ смысломъ и организующимъ геніемъ, возникла громадная сила, овладѣвшая хаосомъ, остановившая процессъ разложенія и сохранившая единство народа. Неимовѣрностью этой силы можно измѣрить степень разлагающей, обособляющей силы въ славянскомъ племени. Дружинники и общины, главные дѣятели раздробленія и разрозненности, не могли быть орудіемъ единенія. Оно и совершилось помимо нихъ. Опричина, выразившая стремленіе государства выгородиться изъ всѣхъ элементовъ нашей древней общественности, приказное начало, призвавшее къ государственной дѣятельности, помимо всѣхъ составныхъ стихій тогдашней Руси, людей темныхъ, стоявшихъ внѣ общинъ и сословій, показываютъ, какъ мало третейская власть, объединившая Россію, имѣла общаго со всѣми прочими тогдашними началами нашей жизни, какъ она стояла особнякомъ отъ нихъ, послушная только великому своему призванію подавить внутреннюю борьбу и разорванность и сохранить политическое единство. Была минута — въ началѣ XVII-го вѣка, — когда броженіе и вражда общественныхъ стихій, достигнувъ высшей степени, одолѣли государство и, вырвавшись на просторъ, истощались въ безплодной и разрушительной борьбѣ. Казалось, все погибло. Но здравый политическій смыслъ великорусскаго племени спасъ русскій корабль отъ этой конечной невзгоды. Зиждительный геній этого племени овладѣлъ разнузданными общественными

элементами и снова свелъ ихъ къ единству, подчинивъ еще болѣе сильной государственной власти, чѣмъ прежде.

Послѣ политическихъ бурь и смятеній московское государство долго не могло успокоиться. Наученная опытомъ, напуганная недавними событіями, государственная власть стала бдительнѣе и осторожнѣе. Этимъ объясняется замѣщеніе въ областномъ управленіи дьяковъ и приказныхъ воеводами, властей гражданскихъ военными, что совершилось послѣ 1612 года. Въ началѣ XVII-го вѣка, правительство походило на военный станъ, расположенный въ взволнованной странѣ; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что всѣ власти были тогда соединены въ рукахъ воеводъ и что вліяніе ихъ на крестьянскія и посадскія общины—призракъ старинныхъ общинъ—было почти безграничное. Но какъ только волненіе утихло и государственное начало было упрочено, внутреннее развитіе снова началось. Мѣстное управленіе, оставаясь военнымъ по названію, болѣе и болѣе стало принимать гражданскій характеръ. Разныя отрасли администраціи начали постепенно отдѣляться отъ воеводъ и поручаться завѣдыванію другихъ должностныхъ лицъ и учрежденій.

Предметъ близко касается вопроса о централизаціи. О ней авторъ говоритъ (на стр. 257 и 258) слѣдующее:

„Понятія о раздѣленіи вѣдомства тогда (т.-е. въ XVII вѣкѣ) еще вовсе не было. Оно является уже при болѣе развитомъ управленіи, вмѣстѣ съ потребностью дать самостоятельное устройство каждой части и уничтожить злоупотребленія, которыя неизбѣжны при сосредоточеніи всѣхъ властей въ однѣхъ рукахъ. У насъ раздѣленіе управленія послѣ неудачной попытки Петра Великаго, который, впрочемъ, окончательно отдѣлилъ военную власть отъ гражданской, было осуществлено уже Екатериною II. Въ Московскомъ же государствѣ, недавно возникшемъ и едва начинающемъ организоваться, господствовала нераздѣльность вѣдомства. Такое государство не заботится о самостоятельномъ устройствѣ частей, а имѣетъ только въ виду общее устройство управленія; оно ищетъ силы, ищетъ орудія, которое могло бы наилучшимъ образомъ приводить въ дѣйствіе правительственныя распоряженія. Кромѣ того, при отсутствіи сильной центральной власти, при недостаткѣ административныхъ средствъ, необходимо централизировать управленіе въ областяхъ, соединивши всѣ отрасли въ однѣхъ рукахъ; это одно можетъ дать ему достаточную силу. Раздѣленіе управленія неминуемо ведетъ къ общей централизаціи; раздробленное въ частяхъ должно быть строго и формально подчинено единому центру. Но централизація возможна только при чрезвычайно правильномъ и развитомъ устройствѣ управленія; теченіе дѣлъ должно точно и безпрепятственно идти отъ центра къ окружности и наоборотъ. Въ возникающемъ государствѣ, которое содержитъ въ себѣ разнородныя и разнохарактерныя учрежденія, централизація невозможна; поэтому тамъ должна существовать нераздѣльность вѣдомства въ областномъ управленіи. Это періодъ, за которымъ слѣдуетъ раздѣленіе вѣдомства и наконецъ централизація“.

Устранивъ совершенно вопросъ о централизаціи политической, которая представляетъ собою государственное единство и есть непремѣнное и необходимое условіе государственной жизни, безъ котораго послѣдняя немыслима, остановимся на централизаціи административной. Говоря о ней, мы также должны различать предметы общей государственной важности, относящіеся къ цѣлому государственному организму, напримѣръ, законодательство, внѣшнія сношенія, военныя силы, государственные финансы, отъ предметовъ чисто-мѣстнаго интереса, не имѣющихъ никакого отношенія къ общей государственной жизни, каковы: мѣстные финансы, текущія административныя и распорядительныя дѣла по всѣмъ отраслямъ мѣстнаго управленія, имѣющія только мѣстное значеніе; судъ, полиція. Сосредоточеніе дѣлъ перваго рода въ центральномъ государственномъ управленіи такъ же естественно и необходимо, какъ то, что нервы движенія и чувствованія сходятся къ головному мозгу, органу мысли и воли. Поэтому мы не станемъ далѣе распространяться объ этомъ предметѣ, а обратимся къ централизаціи дѣлъ чисто-мѣстныхъ. Эти дѣла могутъ быть стянуты въ центральныя государственныя учрежденія, или сцентрализованы на мѣстахъ, и тутъ получать окончательное рѣшеніе. Но централизація управленія производится не однимъ перенесеніемъ дѣлъ въ тѣ или другія правительственныя учрежденія; та же цѣль достигается и извѣстнымъ устройствомъ административныхъ органовъ. Бюрократическій или коллегіальный составъ правительственныхъ учрежденій, назначеніе чиновниковъ отъ короны или по выборамъ, степень отвѣтственности выборныхъ чиновниковъ предъ избирателями и правительствомъ, — вотъ условія, различная комбинація которыхъ усиливаетъ или ослабляетъ административную централизацію и безъ перенесенія дѣлъ изъ однѣхъ инстанцій въ другія, даже безъ сосредоточенія ихъ

въ одномъ какомъ-нибудь учрежденіи, центральномъ или мѣстномъ.

Г. Чичеринъ, очевидно, тоже говоритъ объ одной административной централизаціи и притомъ только о нѣкоторыхъ ея видахъ. Смыслъ приведеннаго нами мѣста изъ книги, если не ошибаемся, тотъ, что соединеніе всѣхъ отраслей мѣстнаго управленія въ рукахъ одной бюрократической власти, съ успѣхами государственной жизни, должно уступить мѣсто распредѣленію его между нѣсколькими правительственными органами, а съ тѣмъ вмѣстѣ централизація его необходимо переносится въ центральныя государственныя учрежденія. Но исторія представляетъ неопровержимые факты въ доказательство, что этотъ взглядъ не обнимаетъ всѣхъ сторонъ вопроса, и потому едва ли можетъ быть признанъ за послѣднее слово теоріи и науки. Передъ нами Франція, издавна представляющая осуществленіе теоріи централизаціи, какъ ее разумѣетъ авторъ; передъ нами и Германія, въ особенности же Англія, гдѣ, наоборотъ, недостатокъ или даже отсутствіе централизаціи составляетъ отличительную черту всей системы управленія. Вотъ два различныя воззрѣнія на одинъ и тотъ же предметъ, подтверждаемыя всѣмъ авторитетомъ долговременнаго практическаго примѣненія. Которому изъ нихъ отдать преимущество? Конечно, англійская система стѣснительна для центральной власти, потворствуетъ своеобычности различныхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается общество или государство, дѣлаетъ всякій успѣхъ, всякое развитіе непомѣрно тугимъ и медленнымъ, поставляя его въ зависимость отъ самой медленной вещи въ мірѣ—отъ постепеннаго перерожденія народныхъ обычаевъ, понятій и нравовъ. Но поборники англійской системы упрекаютъ систему французскую въ томъ, что, вслѣдствіе ея, центральная власть обременяется безчисленными, въ общемъ государственномъ смыслѣ мелочными и незначительными дѣлами; что ея вниманіе развлекается пестротою подробностей, заключающихъ въ себѣ предметы и вопросы важные и существенные, которые должны были бы занимать ее исключительно; что притомъ и рѣшеніе дѣлъ мѣстнаго интереса чрезъ это тоже не выигрываетъ, ибо, восходя до министерствъ и даже до законодательнаго собранія, такія дѣла теряются въ круговоротѣ безконечнаго числа другихъ подобныхъ имъ дѣлъ и потому не могутъ имѣть въ глазахъ производителей и депутатовъ той важности, которую имѣютъ въ средѣ, гдѣ возникли; притомъ же дѣла поступаютъ въ министерства и въ законодательныя собранія въ большей части случаевъ неполныя, потому что невозможно передать на бумагѣ всю ихъ животрепещущую обстановку и подробности, которыя извѣстны всѣмъ и каждому на мѣстахъ, но по необходимости остаются малоизвѣстными для центральныхъ учрежденій, или, по крайней мѣрѣ, доходятъ до нихъ невполнѣ, нерѣдко даже въ искаженномъ видѣ. Всѣ эти принадлежности французской административной системы, по мнѣнію защитниковъ англійской теоріи, суть неизбѣжные спутники открытой вражды общественныхъ элементовъ во Франціи—вражды, которая и породила тамъ чрезмѣрную административную централизацію. Уже по одному этому французская система не можетъ служить основаніемъ для административной теоріи; ибо это значило бы больной организмъ представлять образцомъ и примѣромъ для здороваго. Внутренняя разорванность французскаго общества, не обращавшая на себя сначала никакого вниманія, легкомысленно пренебреженная въ то время, когда государственная власть имѣла всю необходимую силу для радикальнаго лѣченія этого страшнаго общественнаго недуга, быстро развилась и одолѣла самую власть, поставя ее тѣмъ въ искусственное и ложное положеніе. Цѣлый рядъ насильственныхъ переворотовъ во Франціи, въ теченіе какихъ-нибудь шестидесяти лѣтъ, безпрестанно вооружалъ тамъ и народъ, и правительство, и водворилъ наконецъ военный порядокъ вмѣсто гражданскаго; чтобъ остановить междоусобіе и спасти общество отъ разрушенія, правительство должно было обратиться тамъ въ диктатуру, управленіе—преобразоваться въ осадное положеніе. Частое повтореніе припадковъ этой горестной болѣзни не заставляетъ ли опасаться, что она обратится въ хроническую? Въ послѣднемъ случаѣ мѣры предупредительной полиціи должны будутъ однажды навсегда заступить мѣсто обыкновеннаго уголовнаго и полицейскаго порядка, потому что правительство не можетъ не сдѣлаться подозрительнымъ, должно будетъ ежеминутно быть на чеку, вѣчно на-готовѣ; предоставить ежедневную общественную жизнь ея свободному теченію сдѣлается рѣшительно невозможнымъ, ибо безъ вооруженнаго посредничества власти внутрен-

няя междоусобная война ежеминутно готова будетъ возгорѣться. Оттого-то во Франціи правительство по необходимости стягиваетъ всѣ жизненные соки народа подъ свой непосредственный надзоръ, въ Парижъ. Оконечности этого политическаго тѣла, вслѣдствіе того, замираютъ. Парижъ давно уже—вся Франція. Но отъ такого ненормальнаго, неестественнаго распредѣленія жизненныхъ силъ, опасность, вмѣсто того, чтобъ уменьшиться, только увеличивается; ибо парализія частей этого политическаго тѣла лишаетъ ихъ силы противостоять новымъ припадкамъ болѣзни. Теперь Парижъ возводитъ и низводитъ съ французскаго престола династіи, объявляетъ поперемѣнно республику, имперію, конституціонную монархію, потомъ опять республику и опять имперію, и департаменты безпрекословно подчиняются всѣмъ этимъ быстрымъ метаморфозамъ правительства, какъ будто шла рѣчь о смѣнѣ префекта или мэра. Гдѣ же гарантіи и оплотъ противъ такой шаткости власти, противъ нечаянностей и случайностей переворотовъ, объясненіе которыхъ иногда придется искать въ однѣхъ лишь особенностяхъ и потребностяхъ парижскаго народонаселенія? Въ развитіи мѣстной общественной жизни. Въ тѣсномъ кругу мѣстной общественности, въ этомъ микрокосмѣ государства, воспитывается любовь къ отечеству и общественный духъ, слагается общественное мнѣніе, вырабатываются характеры, пріобрѣтается благодатный навыкъ къ завѣдыванію общественными дѣлами и интересами. Изъ этой школы, тѣсной по объему, но широкой по значенію и вліянію, выходятъ потомъ на службу государству, иногда и на сцену всемірной исторіи, великіе государственные дѣятели, честь, слава и украшеніе своей страны. Гдѣ нѣтъ мѣстной общественности, тамъ нѣтъ и такой школы.

Безъ сомнѣнія, административную централизацію производятъ, по крайней мѣрѣ поддерживаютъ также чрезмѣрная разрозненность сословій, запутанность ихъ взаимныхъ отношеній и т. п. Въ такихъ случаяхъ невозможность организовать, съ такими элементами, правильную мѣстную администрацію, и основанное на этомъ справедливое опасеніе злоупотребленій со стороны ничѣмъ необузданной бюрократіи, заставляютъ иногда центральное правительство взять мѣстное управленіе, со всѣми его подробностями, подъ свой непосредственный надзоръ и, не довѣряя мѣстной администраціи, по возможности стѣснить объемъ ея власти. Но и въ этомъ случаѣ, какъ и въ приведенномъ выше, къ сосредоточенію дѣлъ мѣстнаго интереса въ центральныхъ учрежденіяхъ приводятъ особенныя, временныя условія, которыя нельзя возводить въ норму и полагать въ основаніе административной теоріи.

Въ заключеніе всѣхъ этихъ разсужденій, спѣшимъ сдѣлать одну оговорку: мы не поборники соединенія всѣхъ отраслей мѣстнаго управленія въ рукахъ одной какой-нибудь исполнительной власти;—эта система уже оказалась неудобною на практикѣ; но тотъ же опытъ доказалъ, что отсутствіе единства въ области администраціи также неудобно и вредно, и потому, избѣгая одного зла, ненадобно возводить въ теорію другое. Притомъ, вредныя стороны мѣстной централизаціи управленія могутъ быть уничтожены, или по крайней мѣрѣ ослаблены, извѣстнымъ устройствомъ центральныхъ мѣстныхъ учрежденій.

Мы не считаемъ себя въ правѣ окончить разборъ сочиненія г. Чичерина, не выписавъ еще здѣсь блистательно проведенной авторомъ параллели между средневѣковымъ развитіемъ западно-европейскихъ народовъ и нашимъ. Это сравненіе, исполненное глубокихъ взглядовъ, остроумныхъ сближеній и замѣтокъ, читатели, безъ сомнѣнія, прочтутъ съ особеннымъ интересомъ и удовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что оно существенно дополняетъ взглядъ достойнаго молодаго ученаго на наши историческія судьбы и законы нашего развитія.

Показавъ основныя начала судоустройства въ Россіи до реформъ Ивана Грознаго, о чемъ уже было сказано выше, г. Чичеринъ говоритъ:

„На Западѣ судъ имѣлъ тотъ же характеръ: русской вотчинной системѣ соотвѣтствовала тамъ система феодальная; ленное право было также правомъ собственности, которое князь, на основаніи частнаго договора, передавалъ въ потомственное владѣніе своимъ слугамъ и вассаламъ. Въ числѣ этихъ ленныхъ правъ было и право суда. Князь (король, герцогъ, императоръ) былъ верховнымъ собственникомъ суда, и эту собственность онъ отдавалъ въ ленное владѣніе графамъ и другимъ вассаламъ, которые, въ свою очередь, передавали ее своимъ слугамъ. Этотъ частный характеръ суда отражался на всѣхъ судебныхъ учрежденіяхъ. На Западѣ существовали въ средніе вѣка тѣ же судебныя пошлины, то же право на преступленія (Blutbann), то же отсутствіе апелляціи, тѣ же изъятія

и привилегіи, какъ и въ древней Россіи; но въ судебномъ устройствѣ той и другой страны были, однакожъ, два важныя различія: 1) кормленіе было почти всегда временнымъ, ленное владѣніе, напротивъ, всегда потомственнымъ. Причина этого различія лежала въ особенностяхъ народнаго духа того времени: на Западѣ, какъ дворянинъ, такъ и крестьянинъ заключали съ своими господами договоры постоянные, вступали въ прочные, потомственные союзы; на Руси, напротивъ, бояре, слуги и крестьяне никогда не вступали въ прочные, потомственные союзы, а сохраняя личную независимость, заключали только временные договоры, которые разрывались при первомъ удобномъ случаѣ. Поэтому они не могли пріобрѣсти въ собственность предоставляемыхъ имъ княземъ вотчинныхъ правъ, а получали ихъ только во временное владѣніе. 2) Это преобладаніе союзнаго начала на Западѣ произвело и другое явленіе, котораго не было въ вотчинной Руси—участіе въ судѣ цѣловальниковъ. По древне-германскому праву, приговоръ произносился общиною, или ея представителями; судья только держалъ судъ и исполнялъ приговоръ. Эта древняя форма суда сохранилась и при разрушеніи общиннаго устройства, но приняла другой характеръ: вмѣсто представителей общины, каждый вассалъ частнымъ договоромъ съ господиномъ обязывался сидѣть у него въ судѣ. Вассалы одного разряда и другіе свободные слуги, будучи въ потомственномъ союзѣ съ господиномъ, составляли мелкую сословную корпорацію, которой каждый членъ судился равными себѣ вассалами и слугами; господинъ, владѣлецъ суда, только держалъ судъ, приговоръ же произносили равные (pares). Напротивъ, въ вотчинной Россіи, гдѣ лицо не примыкало къ прочнымъ мелкимъ союзамъ, а сохраняло себя въ своей отдѣльности и независимости, не могло быть цѣловальниковъ въ судѣ; каждый слуга заключалъ съ господиномъ только временный договоръ, съ прочими слугами онъ вовсе не былъ въ союзѣ. Такимъ образомъ, между тѣмъ, какъ на Руси право суда было чистою собственностью, на Западѣ оно было правомъ собственности, видоизмѣненнымъ участіемъ союзнаго начала. Съ другой стороны, и въ средневѣковыхъ городскихъ общинахъ на Западѣ мы находимъ тѣ же черты, которыя встрѣчаются въ судебномъ устройствѣ Новгорода: въ XIII-мъ вѣкѣ въ итальянскихъ городахъ было общимъ правиломъ призывать изъ чужого города третейскаго судью, подеста, съ которымъ община всякій разъ заключала договоръ. Въ западныхъ городахъ, такъ же какъ и въ Новгородѣ, встрѣчается участіе въ судѣ самой общины, особенно если отвѣтчикъ не хотѣлъ идти на судъ къ установленнымъ властямъ; въ судѣ постоянно засѣдаютъ цѣловальники; преступленія считаются нарушеніемъ договора, и часто наказываются потокомъ и разграбленіемъ, послѣднее нерѣдко самою общиною. Но вообще городовыя учрежденія на Западѣ представляютъ гораздо болѣе разнообразія, вслѣдствіе многочисленности вольныхъ городовъ, и гораздо болѣе юридической опредѣленности, нежели въ Новгородѣ. Послѣдняя черта опять выражаетъ большую крѣпость союзнаго начала: чѣмъ болѣе развита общественность, тѣмъ опредѣленнѣе юридическій бытъ; напротивъ, гдѣ общественныя явленія предоставлены случайности, тамъ личная воля каждаго гражданина имѣетъ гораздо болѣе простора.

„Изложенныя начала судебнаго устройства отражаютъ въ себѣ характеръ всей общественной жизни среднихъ вѣковъ; славянскій міръ и западный, при поверхностномъ различіи явленій, представляютъ глубокое тождество основныхъ началъ своего быта. И здѣсь, и тамъ все средневѣковое гражданское общество зиждется на началахъ частнаго права; собственность и свободный договоръ лежитъ въ основаніи всѣхъ учрежденій и составляютъ двѣ господствующія формы гражданской жизни: первая, какъ система вотчинная и феодальная; вторая, какъ вольная община. Но при этомъ тождествѣ основныхъ началъ общественной жизни, есть, однакожъ, и различіе, состоящее въ томъ, что на Западѣ преобладали мелкіе союзы, а на Руси каждая отдѣльная личность обособлялась въ своей частной сферѣ.

„Въ этомъ мы еще болѣе убѣдимся, бросивши бѣглый взглядъ на средневѣковыя учрежденія, западныя и русскія. И здѣсь и тамъ верховная власть, за исключеніемъ вольныхъ городовъ, принадлежитъ вотчиннику, землевладѣльцу, какъ бы онъ ни назывался—князь, король, герцогъ и т. п. Право собственности, начало частнаго права, лежитъ слѣдственно въ основаніи всего общественнаго устройства, и до сихъ поръ еще въ Англіи, сохранившей черты средневѣковаго быта, король считается собственникомъ всей земли. Основанная на частномъ правѣ, верховная власть передается также по частному праву, но здѣсь является различіе между западными государствами и Русью: тамъ земля передается обыкновенно въ наслѣдство по праву майоратства, и младшій братъ получаетъ участокъ, какъ вассалъ старшаго; здѣсь земля дѣлится между всѣми сыновьями. Въ этомъ опять видно преобладаніе союзнаго начала на Западѣ: живущіе на землѣ люди составляютъ союзъ, который не дѣлится, не дробится, но цѣликомъ переходитъ въ руки новаго владѣльца. Майоратъ есть измѣненіе частнаго права въ пользу союза, тогда какъ дѣленіе земли на части выражаетъ чистое господство частнаго права. Надобно прибавить, что право майоратства существовало не при одномъ изслѣдованіи верховной власти, но проникло во всѣ вотчинные союзы, которые составляли феодальное общество.

„Отношенія князя къ слугамъ опредѣлялись и здѣсь, и тамъ свободнымъ договоромъ. У насъ существовало правило: „а боярамъ и слугамъ вольнымъ воля“. На Западѣ рыцарь дѣлался вассаломъ своего господина черезъ то, что онъ получалъ отъ него извѣстный участокъ земли, который обусловливалъ и служебныя его обязанности, или дѣлался владѣльцемъ извѣстной должности, которая опредѣляла его отношенія къ господину. Но здѣсь является опять чрезвычайно важное различіе, то, можетъ быть, которое болѣе всего опредѣлило различіе историческаго развитія западныхъ государствъ и Россіи. Феодальный владѣлецъ вступалъ въ прочный наслѣдственный союзъ съ своимъ господиномъ, тогда какъ бояре и слуги заключали съ князьями временные, случайные договоры, и при малѣйшемъ неудовольствіи, тотчасъ отъѣзжали къ другимъ. Это имѣло неисчислимыя послѣдствія: феодальный владѣлецъ сдѣлался осѣдлымъ, получилъ преимуще-

ственное значеніе землевладѣльца, укрѣпился на своей землѣ, построилъ себѣ замокъ, сталъ во главѣ постояннаго мелкаго союза своихъ собственныхъ вассаловъ и слугъ, и такимъ образомъ устроилъ на своихъ владѣніяхъ маленькое общество, которое давало ему силу и возможность стоять за свою самостоятельность. Напротивъ того, бояре и слуги, переходя съ мѣста на мѣсто, не могли получить значенія землевладѣльцевъ, не могли укрѣпиться на своей землѣ и стать во главѣ прочнаго владѣльческаго союза. Они оставались при своемъ личномъ обособленіи, болѣе всего дорожили личною свободою и существеннымъ своимъ правомъ считали право отъѣзда, которое давало имъ возможность пользоваться этою свободою. За это право они стояли, когда образовалось московское государство, за это казнилъ ихъ Иванъ Васильевичъ Грозный, но, разумѣется, борьба съ отдѣльными лицами не могла быть такъ упорна, какъ борьба западныхъ королей съ феодальными владѣльцами, которые во главѣ своихъ феодальныхъ союзовъ стояли за независимость свою отъ господина, землею котораго они владѣли.

„Точно такъ же, какъ бояре и слуги, крестьяне переходили у насъ съ мѣста на мѣсто и вступали съ поземельными владѣльцами въ договоры временные. Черезъ это они сохраняли свою личную независимость, но отношеніе ихъ къ землѣ имѣло менѣе прочности, и союзъ владѣльческой общины не могъ быть такъ крѣпокъ, какъ онъ былъ на Западѣ, гдѣ отношенія крестьянъ къ владѣльцу были всегда наслѣдственныя. Эта наслѣдственность превращала даже поземельную зависимость въ личную (Hörigkeit). Крестьянинъ дѣлался крѣпкимъ землѣ, и право собственности переходило черезъ землю и на самое лицо, до такой степени, что поселенный на чужой землѣ въ продолженіе года со днемъ дѣлался его крѣпостнымъ, такъ же, какъ и у насъ дѣлался холопомъ принявшій на себя должность сельскаго тіуна или сельскаго ключника. Эта прочность владѣльческихъ отношеній давала крѣпость общинному владѣльческому союзу: крестьяне подчинялись своему особенному дворовому праву (Hofrecht), и каждая вотчина имѣла свой дворовый судъ (Hofgericht), гдѣ предсѣдательствовалъ землевладѣлецъ, или слуга, а засѣдали обыкновенно цѣловальники изъ крестьянъ. У насъ были также вотчинные суды, но это право даровалось вотчинникамъ, какъ особенная милость князя; иначе крестьяне подлежали общему суду княжескихъ кормленщиковъ. Такія жалованныя грамоты давались преимущественно духовенству, и гораздо рѣже боярамъ и слугамъ, которые, переходя съ мѣста на мѣсто, менѣе дорожили своимъ поземельнымъ значеніемъ. Отъ этой неосѣдлости землевладѣльцевъ и крестьянъ владѣльческій элементъ, связывающій общину, былъ гораздо слабѣе, нежели на Западѣ. Тогда какъ баронъ, сильный своимъ поземельнымъ значеніемъ, старался округлить и обособить свои владѣнія, русскій помѣщикъ или вотчинникъ искалъ только независимости своего собственнаго лица и менѣе дорожилъ землею; поэтому онъ менѣе старался о распространеніи своихъ владѣній, и многія земли могли оставаться въ сторонѣ отъ вліянія владѣльческихъ элементовъ. Это были такъ называемыя черныя земли, которыя принадлежали князю, но не управлялись на вотчинномъ правѣ, а только платили князю извѣстныя подати и несли въ его пользу извѣстныя повинности. Здѣсь общинная связь была еще слабѣе, нежели на другихъ земляхъ; каждый владѣлъ своимъ участкомъ совершенно независимо отъ другихъ, и единственное значеніе общины заключалось въ уплатѣ податей и въ отправленіи повинностей, которыя, при отсутствіи владѣльческаго управленія, возлагались не на каждаго отдѣльно, но на всѣхъ вмѣстѣ. Подобныя сельскія общины, ушедшія отъ вліянія владѣльческихъ элементовъ, были, какъ исключеніе, и на Западѣ въ нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантонахъ; но здѣсь онѣ имѣли гораздо болѣе крѣпости, нежели на Руси: общины имѣли здѣсь свои земли, принадлежавшія имъ въ собственность, свои дѣла, своихъ правителей, свой судъ; онѣ составляли замкнутые, самостоятельные союзы, и нѣкоторыя получили даже державныя права: словомъ, это были общины совершенно свободныя, основанныя на взаимномъ договорѣ ихъ членовъ.

„Свободныя общины составляли вторую форму общественной жизни среднихъ вѣковъ, но, по существу своему, эта форма принадлежала болѣе городовой общинѣ, нежели сельской. Въ городахъ люди соединяются на болѣе тѣсномъ пространствѣ, нежели въ селахъ, что способствуетъ союзному духу; кромѣ того, городскія стѣны доставляютъ жителямъ возможность защищать свою независимость, что гораздо труднѣе въ открытыхъ селеніяхъ. Но какъ русская владѣльческая община была слабѣе, нежели западная, отъ неосѣдлости господъ и крестьянъ и отъ меньшаго вліянія связывающаго общину владѣльческаго элемента, такъ и свободная или договорная община была слабѣе отъ меньшаго развитія союзнаго духа. Весь Западъ былъ усѣянъ договорными общинами, которыя всѣ въ большей или меньшей степени отстаивали свою самостоятельность; въ Россіи же, напротивъ, договорныя общины находились только, какъ исключеніе, на границахъ государства, въ Новгородѣ и Псковѣ. Въ остальной Россіи городовыя общины, игравшія нѣкоторую роль въ началѣ удѣльнаго періода, были остатками патріархальнаго быта, которые съ усиленіемъ вотчинной власти князей совершенно потеряли свое значеніе, и если является кой-гдѣ договорное начало, то въ такихъ слабыхъ зачаткахъ, что оно не могло имѣть никакого дальнѣйшаго развитія. На Западѣ города составляли замкнутыя общины, дававшія членамъ права гражданства; они имѣли свое право, свои постоянныя учрежденія, которыя дѣйствовали на основаніи законныхъ положеній; почти имѣли свои самостоятельныя власти, такъ что призваніе правителей извнѣ, показывающее низшую ступень городового быта, является какъ исключеніе, при упадкѣ городовой жизни въ Италіи. Въ Новгородѣ, напротивъ, это было постояннымъ правиломъ; городовое право вовсе не существовало; право гражданства было понятіе неизвѣстное; постоянныя юридическія правила распространялись на немногіе случаи, а большею частью все совершалось на основаніи временныхъ постановленій, принятыхъ случайнымъ образомъ, нерѣдко послѣ кровопролитныхъ дракъ. Наконецъ, западные города заключали внутри себя множество мелкихъ союзовъ, цеховъ, корпорацій,

которые всѣ имѣли свое устройство, свои уставы, свои власти. Въ русскихъ городахъ, напротивъ, встрѣчаются корпораціи въ весьма слабыхъ зачаткахъ; были цѣлыя слободы, заселенныя людьми, занимающимися однимъ ремесломъ, какъ и теперь есть подобныя сословія: но онѣ не имѣли никакого юридическаго устройства и никогда не составляли корпоративныхъ союзовъ.

„Союзный духъ, образовавшій на Западѣ феодальные и общинные союзы, имѣлъ значительное вліяніе и на образованіе сословій. Средневѣковыя сословія основаны были на томъ положеніи, что права каждаго лица зависятъ отъ его частной жизни, отъ его занятій, и передаются наслѣдственно, какъ частная собственность. Этимъ они отличаются отъ сословій новаго времени, которыя имѣютъ уже государственное значеніе и получили, каждое, извѣстныя обязанности въ отношеніи къ государству. На западѣ лица, имѣвшія извѣстныя занятія, находились вмѣстѣ съ тѣмъ въ постоянномъ союзѣ между собою; рыцари соединялись одними обязанностями въ отношеніи къ господину, горожане—общиннымъ городскимъ союзомъ, крестьяне—отношеніями къ землевладѣльцу. Отсюда произошло то, что цѣлые разряды лицъ получили одинакія права, и сословія составили замкнутые союзы, вступленіе въ которые могло совершаться только на основаніи законныхъ правилъ То же самое начало существовало и на Руси; были служилые люди, посадскіе и крестьяне, но безпрерывные ихъ переходы съ мѣста на мѣсто препятствовали образованію сословныхъ союзовъ. Вмѣсто того сословное право распредѣлилось по отдѣльнымъ личностямъ и выразилось въ мѣстничествѣ: каждое отдѣльное лицо имѣло наслѣдственное право на извѣстное положеніе въ обществѣ, и этимъ оно не только не входило въ союзъ съ другими, а напротивъ, становилось въ противоположеніе ко всѣмъ лицамъ того же разряда и отстаивало свои права отдѣльно отъ другихъ. Законныхъ правилъ для поступленія въ сословіе не было; но если низшій уравнивался съ высшимъ, послѣдній считалъ себя обезчещеннымъ и начиналъ тяжбу. Понятіе о чести, тѣсно связанное съ сословнымъ значеніемъ лица, было такимъ образомъ не сословнымъ, какъ на Западѣ, а чисто личное; каждое лицо имѣло свою особенную честь, опредѣленную его частными родственными и общественными отношеніями и совершенно отличную отъ чести другихъ того же разряда. Мѣстничество было крайнимъ и самымъ яркимъ выраженіемъ личности, которая преобладала въ Россіи, между тѣмъ, какъ на Западѣ господствовалъ союзный духъ, хотя и здѣсь, и тамъ общественная жизнь была основана на однихъ началахъ частнаго права, въ основаніи которыхъ лежитъ понятіе о личности съ ея особенной, частной сферой.

„Это различіе опредѣлило и различіе историческаго хода при образованіи государства. Оно почти въ одно время возникаетъ, на востокѣ и на западѣ, на развалинахъ средневѣковыхъ учрежденій. Однако бытъ измѣняется не вдругъ; въ законахъ и въ жизни долго еще сохраняются начала частнаго права, и только медленнымъ процессомъ развитія государство, освобождаясь отъ нихъ, образуетъ изъ себя правильный организмъ, проникнутый однимъ общественнымъ началомъ. При возникновеніи государства, средневѣковые элементы противопоставили ему свои старыя притязанія и вступили въ борьбу съ новымъ порядкомъ вещей. Это явленіе было какъ въ Россіи, такъ и на западѣ, но западные феодальные владѣльцы и города, образуя крѣпкіе союзы, могли бороться открытою силою, тогда какъ бояре и слуги, безсильные въ своемъ обособленіи, могли противопоставить государственному порядку только отъѣзды, крамолы и свои личныя притязанія. Западные государи стремились къ уничтоженію слишкомъ большой самостоятельности мелкихъ союзовъ; московскіе государи, напротивъ того, должны были прекратить слишкомъ большое обособленіе личностей и образовать союзы, которые могли бы служить орудіями государственной власти. То, что на Западѣ образовалось само собою вслѣдствіе господства союзнаго духа, то у насъ учреждено правительствомъ, на основаніи государственныхъ потребностей.

„Создавши государственное единство, московскіе государи не стали разрушать и передѣлывать на новый ладъ элементы средневѣковой жизни; они только укрѣпили ихъ, заставивъ ихъ подчиниться общественной власти“ (стр. 25—36).

Сближеніе явленій русской и западно-европейской исторіи не только остроумное, но и очень вѣрное! Основныя начала нашей и европейской жизни какъ нельзя лучше схвачены въ ихъ отвлеченной рѣзкости. Но намъ кажется, что въ разсужденіяхъ автора не достаетъ одного и весьма важнаго—заключенія. Дѣйствительно, союзное начало у насъ развито крайне слабо, а въ Европѣ, напротивъ, весьма сильно. Тамъ государство должно было привести это начало въ границы, а у насъ, наоборотъ, развивать. Но какой смыслъ этого противорѣчиваго явленія? Неужели онъ сводится къ количественному рѣшенію, и немножко больше, немножко меньше и заключаетъ въ себѣ весь смыслъ задачи? Вотъ чего мы никакъ допустить не можемъ! Г. Чичеринъ нѣсколько разъ возвращается, и весьма правильно, къ той мысли, что въ Европѣ все дѣлалось снизу, а у насъ сверху, указываетъ на другія явленія, столь же рѣзко выказывающія противоположный ходъ европейской и нашей исторіи. Пунктъ, гдѣ онѣ пересѣкаются и какъ бы совпадаютъ, само собою разумѣется, есть; есть оттого и большое внѣшнее, наружное сходство между ними; но какъ точки отправленія разныя, то, при всемъ видимомъ сходствѣ между нашимъ и европейскимъ развитіемъ есть существенное различіе. Обнаружить это различіе, скрываемое обманчивой одинаковостью внѣшней оболочки, также необходимо, какъ показать сходство, потому что безъ того нѣтъ вывода, недостаетъ полной картины.

Г. Чичеринъ находитъ, что въ наши такъ называемые средніе вѣка (примемъ на вѣру, что они дѣйствительно средніе; названіе тутъ не при чемъ) главнымъ дѣйствующимъ началомъ была личность, потому что лицо является одинокимъ дѣятелемъ, внѣ всякаго союза. О началѣ личности когда-то, лѣтъ десять тому назадъ, было много говорено и писано, и тогда личность разумѣлась совсѣмъ не въ томъ значеніи, какое придаетъ ей теперь г. Чичеринъ: тогда подъ личностью разумѣлась та сила, энергія, воля человѣка, которая сама создаетъ свою судьбу, творитъ исторію, есть властелинъ своей дѣятельности, исполнена сознанія своихъ правъ, своего могущества, своего творческаго величія. Въ этомъ смыслѣ разумѣлось, что начало личности лежитъ въ основаніи европейской исторіи; ибо крѣпость и сила союзнаго духа, который составляетъ ея отличительную черту, очевидно зависятъ отъ степени личной воли и дѣятельности. Назвать же началомъ личности фактъ обособленія бездѣятельнаго, пассивнаго лица, не опредѣляющаго ничего, а напротивъ, опредѣляемаго другою силою—едва-ли было бы правильно. Впрочемъ, о словахъ мы спорить не станемъ, только бы условиться въ понятіяхъ. Называя движущее начало нашей древней исторіи началомъ личности, г. Чичеринъ очевидно хочетъ этимъ выразить, что у насъ лицо стояло особнякомъ, отдѣльно, не принадлежа ни къ крѣпкому кровному, ни къ прочному гражданскому союзу. Но какое значеніе этого факта? Кажется, то, что условія кровнаго быта уже не опредѣляли человѣка, а формы гражданскаго союза еще не создались; другими словами, личность не была еще довольно развита, чтобъ создать гражданственность. Изъ этого слѣдуетъ, что нельзя сопоставлять и сравнивать бытъ Европы въ средніе вѣка и нашъ бытъ ему современный, потому что они, очевидно, стоятъ на различныхъ ступеняхъ. Мы такъ мало еще выработались въ то время изъ кровнаго, родственнаго элемента, что князья въ спорахъ между собою ссылались на степени родства, какъ на кодексъ своихъ взаимныхъ отношеній; о твердомъ гражданскомъ уставѣ еще не было и рѣчи; а германскія племена, завоевавшія римскую имперію, пришли дружинами, слѣдовательно, съ началомъ личности, уже до того закалившимся въ войнахъ, что общинное начало было у нихъ совсѣмъ разрушено, и поселились на римской почвѣ, обладавшей развитою гражданственностью. У насъ, въ разсматриваемую эпоху, дремота въ патріархальномъ безразличіи едва кончилась, но еще ничто не успѣло опредѣлить характера и направленія человѣка, и личность является въ ея отрицательномъ, пассивномъ, а не въ положительномъ и дѣятельномъ значеніи; въ Европѣ же, въ это время о патріархальныхъ элементахъ и помину не было; ихъ отыскала и замѣтила лишь наука, да и то недавно, съ величайшими усиліями, при помощи труднѣйшихъ археологическихъ операцій; гражданскіе же элементы, поддерживаемые всѣмъ авторитетомъ классическаго міра и давности, представляли въ Европѣ для личности готовую и неизбѣжную форму. Что лучше и что хуже—это другой вопросъ; но нельзя, кажется, отрицать, что тутъ есть разница не въ количествѣ, а въ качествѣ,—разница, которая дѣлаетъ невозможнымъ сравненіе средневѣковой Европы съ современной ей Россіей, какъ нельзя ставить на одну доску ребенка съ юношей.

Воздерживаемся отъ всѣхъ дальнѣйшихъ выводовъ до другого раза, а въ заключеніе сдѣлаемъ еще нѣсколько частныхъ замѣчаній на книгу г. Чичерина.

На стр. 12 и 20, авторъ говоритъ, что когда, въ теченіе удѣльнаго періода, встрѣчалось затруднительное дѣло, и судья не могъ самъ его рѣшить, то онъ докладывалъ его *кому хотѣлъ.* Послѣднее выраженіе, какъ намъ кажется, нельзя подтвердить историческими свидѣтельствами. Обязанность судьи испрашивать разрѣшенія въ случаѣ сомнѣнія могла быть опредѣлена недостаточно, темно, и оставлять большой произволъ судьѣ; но чтобъ было предоставлено на его волю спрашивать разрѣшенія у того или другаго лица—въ этомъ мы сомнѣваемся.

На стр. 23—25 авторъ слишкомъ строго и едва-ли справедливо отзывается о внутреннемъ бытѣ Новгорода. (Мы не приведемъ здѣсь этого мѣста, потому что оно изложено нами выше, почти цѣликомъ). Волненія, неурядицы и кровопролитія новгородскія много разъ были предметомъ заслуженныхъ порицаній. Новгородъ болѣлъ и умеръ политически, вслѣдствіе недостатка твердаго государственнаго устройства, — вотъ главное; эту судьбу, и по той же самой причинѣ, раздѣлили съ нимъ и всѣ славянскія племена, кромѣ одного великорусскаго. Что же касается гражданскихъ учрежденій и суда, то,

сколько можно судить по дошедшимъ до насъ памятникамъ, они были въ Новгородѣ гораздо выше московскихъ, и очень можетъ быть, что реформы въ судопроизводствѣ, сдѣланныя Грознымъ, не чужды новгородскаго вліянія. Отрицать существованіе въ Новгородѣ правильныхъ гражданскихъ учрежденій, основываясь на лѣтописныхъ свидѣтельствахъ о происходившихъ въ этой муниципіи неурядицахъ и междоусобіяхъ, едва-ли можно, потому что лѣтописи говорятъ только о событіяхъ чрезвычайныхъ, выходившихъ изъ обыкновеннаго порядка; а ежедневное, будничное теченіе внутренней жизни Новгорода, которое могло бы рѣшить вопросъ, не занесено въ лѣтописи и до насъ дошло только въ несвязныхъ отрывкахъ.

Мы вошли въ подробный разборъ сочиненія г. Чичерина, потому что оно не только въ литературной и ученой лѣтописи нынѣшняго года, но и вообще въ нашей историко-юридической литературѣ достойно занять одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. Не раздѣляя нѣкоторыхъ воззрѣній ученаго автора, мы по всей справедливости не можемъ, однако, отказать ему въ глубокомъ уваженіи и сочувствіи. Его обширное изслѣдованіе (почти 600 страницъ въ большую осьмушку) свидѣтельствуетъ о замѣчательномъ историческомъ и критическомъ его талантѣ, большой начитанности и, что рѣдко встрѣчается въ соединеніи съ талантомъ—о большомъ трудолюбіи и терпѣніи, безъ которыхъ было бы невозможно такъ тщательно свести въ одно стройное цѣлое множество памятниковъ нашей областной администраціи XVII вѣка, разрозненныхъ, однообразныхъ и утомительныхъ безконечными повтореніями. Отъ души желаемъ нашей исторической литературѣ побольше такихъ сочиненій.

Г. Чичеринъ посвятилъ свой трудъ памяти любимаго своего наставника, покойнаго профессора Грановскаго. Это лучшій вѣнокъ на могилѣ того, кто какъ-будто для того только и былъ рожденъ, чтобы руководить молодыя университетскія поколѣнія въ стезяхъ истины и добродѣтели.

(Отеч. Записки, 1856, кн. 12).

КРАТКІЙ ВЗГЛЯДЪ НА РУССКУЮ ИСТОРІЮ.

Чтеніе въ профессорскомъ клубѣ въ Боннѣ (1863—1864) [1]).

Колыбель ея—западно-русскія племена—малороссійское и бѣлорусское. На югѣ: Кіевъ, Галиція, Козачина; на сѣверѣ: Полоцкъ, Смоленскъ, Псковъ и въ особенности Новгородъ. Эти племена не могли образовать государства и подпадали подъ власть и вліяніе Литвы, Польши, Московіи. Въ нихъ вырабатывался, рано или поздно, аристократическій элементъ, которымъ тяготились массы, и недоставало сильной центральной власти.

Русское государство основано великорусскимъ племенемъ (теперь оно составляетъ отъ 35 до 40 милліоновъ). Возникаетъ лишь въ XII вѣкѣ выселками изъ бѣлорусскаго и малороссійскаго племени въ страны на востокъ, заселенныя финскими племенами. Новгородцы колонизировали сѣверъ—Двинскую область, Вологду, Вятку, Пермь, съ юга потянулись колоніи въ Рязань, Владиміръ, Москву. Новгородскія поселенія были, кажется, главнымъ образомъ — торговыя; княжескія, судя по послѣдующему времени, по преимуществу — военныя, при участіи, однако, церкви и свободнаго движенія русскаго племени. Заселеніе азіатской и европейской Россіи русскимъ племенемъ продолжается безпрерывно и до сихъ поръ и

[1]) Программа: освобожденіе крестьянъ als Anknüpfungspunkt. Цѣль—пояснить это событіе исторически.

составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ, господствующихъ интересовъ внутренней исторіи.

Какъ образовалось великорусское племя, отличное отъ малороссійскаго и бѣлорусскаго, сказать трудно. Можетъ быть, отличія зависятъ отъ другихъ географическихъ условій (евреи въ Сибири); но болѣе чѣмъ вѣроятно, что финскій элементъ примѣшанъ въ этомъ племени къ русско-славянскому, что доказывается: 1) тѣмъ, что прежде тутъ жили финскія племена; 2) мѣстными названіями и финскими словами въ великорусскомъ діалектѣ; 3) особенно постепеннымъ обрусеніемъ финскихъ племенъ; это совершается теперь, на нашихъ глазахъ, и не могло не быть прежде, съиздавна.

Въ древнѣйшія времена замѣтно яркое различіе великорусскаго племени отъ западно-русскихъ. Послѣднія смотрѣли на первое свысока, съ презрѣніемъ. Въ немъ нѣтъ почти индивидуальнаго начала, нѣтъ поэтическаго характера, личной храбрости, удальства, рыцарства; дѣйствуетъ массами, не пускается на рискованное дѣло, выжидаетъ, страшно выдержанно. Князья на этой почвѣ перерождаются: изъ переселяющихся изъ области въ область и воюющихъ становятся осѣдлыми и уже въ XII вѣкѣ мечтаютъ о единодержавіи. Андрей Боголюбскій и Всеволодъ напоминаютъ послѣдующихъ московскихъ царей.

Нашествіе татаръ остановило на двѣсти лѣтъ развитіе великорусскаго племени; но, наконецъ, и съ татарами оно справилось. Московскіе князья начали понемногу дѣло освобожденія. Умѣли подольститься къ ханамъ (Иванъ Даніиловичъ), прикинуться ихъ вѣрнѣйшими слугами и такъ искусно вели дѣла, что ханы имъ повѣрили, предоставили старшинство надъ всѣми прочими и сдѣлали ихъ главными сборщиками податей. Князья московскіе умѣли съ необыкновеннымъ искусствомъ воспользоваться этимъ положеніемъ: ордынскія подати употребляли на подкупы въ Ордѣ и на покупку себѣ владѣній; клеветали на своихъ соперниковъ ханамъ, какъ на мятежниковъ, выпрашивали себѣ, для ихъ усмиренія, татарскую помощь и стали мало-по-малу всесильны въ Россіи. Окрѣпнувши, они сняли маску, заговорили другимъ языкомъ съ Ордой и къ концу XV вѣка окончательно сбросили иго Орды.

Итакъ, государство образовано великорусскимъ элементомъ—единственнымъ между славянскими племенами, съумѣвшимъ основать прочное государство.

Историческій типъ, который легъ въ основаніе этого новаго государственнаго тѣла, есть типъ des Guts- und Hausherrn. Въ этой чистотѣ и послѣдовательности онъ нигдѣ и никогда не былъ проведенъ въ исторіи. Къ нему, правда, примѣшались смутныя воспоминанія западно-русскаго развитія, татарскаго господства, византійскіе элементы, польско-аристократическія черты: но всѣ эти элементы играли очень второстепенную роль и остались на поверхности. Корень и сущность историческаго типа государства—Guts- und Hausherr. Онъ развивался неудержимо и совершенно выработался въ мельчайшихъ подробностяхъ въ XVII вѣкѣ.

Главныя черты этого типа:

1) Дружина свободная обратилась въ дворъ и дворню. Слуга—высшій титулъ и награда. Названіе холопъ (Knecht) стало общимъ для всѣхъ служащихъ московскому царю, не исключая высшихъ сановниковъ. Писались полу-именами, въ унизительномъ смыслѣ. Получали сперва области и города, потомъ земли въ кормленіе. Это была милость (жалованье). Совершенно и безусловно зависѣли отъ царя, какъ принадлежащая ему собственность (аристократическія стремленія, занесенныя изъ Польши, рушились на этой почвѣ). Анекдотъ о кн. Вяземскомъ и его отношеніяхъ къ Ивану Грозному.

2) Массы народа назывались, въ отношеніи къ царю, сиротами. Этимъ выражалось, что царь былъ ихъ защитникъ, опекунъ, оберегатель отъ сильныхъ людей, своихъ дворовыхъ.

3) Царь былъ государь—безусловный господинъ и наслѣдственный владѣлецъ земель. Такъ какъ другого типа государственности не было, то онъ дѣлилъ всѣ свои владѣнія между женою и дѣтьми, какъ частныя лица. Это продолжалось даже тогда, когда появилась надежда и увѣренность освободиться отъ монгольскаго ига. Лишь съ Дмитрія Донского (конецъ XIV в.) младшіе князья стали получать меньшія части противъ старшаго. Эти части все уменьшались и уменьшались и съ XVII в. ихъ вовсе перестали давать.

4) Въ XVII вѣкѣ строго проведено начало обязанности всѣхъ и каждаго нести въ пользу

государства личную службу, натуральную повинность. Вытекая изъ начала рабства, эта обязанность простиралась на всю жизнь и на все потомство. Необходимое раздѣленіе занятій родило общественные разряды, наслѣдственные; начало рабства выразилось въ томъ, что они были приписаны къ землѣ или къ вѣдомству, учрежденію, заведенію. Примѣры: служащее дворянство, составлявшее многіе разряды, было расписано по городамъ и областямъ; горожане — тоже: крестьяне—по деревнямъ и селамъ; стрѣльцы — къ Москвѣ и городамъ; казаки, даже артиллеристы и наборщики. Вообще, какъ только требовались люди для какого-нибудь дѣла, — они приписывались съ женами и дѣтьми къ вѣдомству и отправляли дѣло до изнеможенія силъ или до смерти и наслѣдственно и сначала безвозмездно. Въ XVIII и даже XIX вѣкѣ, до нашего времени, это начало, переставши быть всеобщимъ, какъ прежде, удержалось въ большихъ размѣрахъ: солдатъ, поступая на службу, совершенно вырывался изъ среды своей и наслѣдственно переходилъ навсегда въ военное вѣдомство, составляя особое званіе; казенныя и многія частныя фабрики (поссесіонныя) имѣли своихъ приписныхъ людей, мастеровыхъ и крестьянъ, которые работали наслѣдственно на фабрику, то же продолжалось съ печатниками московскаго университета; солевозы, лашманы, казаки etc. Въ XVII вѣкѣ, какъ сказано, всѣ служили лицомъ или отправляли натуральныя повинности—хлѣбомъ, припасами, напр., рыбою, птицами и проч. Нужны были мастеровые,— каменщики, плотники, ремесленники, — ихъ собирали со всего государства и посылали куда нужно. Оригинальна была служба купцовъ. Въ XVII вѣкѣ продажа водки была регаліей и существовали внутреннія и внѣшнія таможни; кромѣ того, казна получала изъ Сибири подать отъ инородцевъ мѣхами и торговала ими. Всѣ эти вѣтви финансоваго управленія завѣдывались московскими купцами, которыхъ посылали съ этою цѣлью въ города. Мѣха сдавались имъ по оцѣнкѣ, и они должны были ихъ продать, на свой страхъ, не ниже оцѣнки. Сборы кабацкіе и таможенные должны были быть не меньше положеннаго. Эта служба была разорительна. Отъ нея бѣгали, и чѣмъ меньше становилось купцовъ, тѣмъ чаще приходилось служить. Они жаловались. И вотъ выбираютъ богатѣйшихъ купцовъ изъ городовъ и переселяютъ ихъ въ Москву, чтобъ облегчить московское купечество. За заслуги давалось званіе гостя, которое такимъ образомъ изъ торговаго занятія обратилось въ чиновническое отличіе.

Этотъ типъ удержался въ строгой послѣдовательности до XVIII вѣка, несмотря на византійскія и польскія вліянія, которыя оставались на поверхности и не проникали въ глубину жизни. Типъ des Haus- und Gutsherrn повторялся отъ царя до послѣдняго подданнаго. Въ этомъ отношеніи бытъ представлялъ удивительное единство. Всѣ и все было крѣпостное, обязанное нести службу или отправлять работу до смерти и наслѣдственно. Да и служба едва, едва спеціализировалась; въ концѣ концовъ, въ силу крѣпостного права, можно было заставить каждаго дѣлать все, что угодно, отправлять всякаго рода работу.

Такимъ образомъ индивидуальность не имѣла простора; начала личности не было вовсе. То, что составляетъ основаніе всего европейскаго развитія, что опредѣлило европейскую жизнь,—именно этого у насъ не было.

Такой бытъ, конечно, объясняется исторически. Другого не могло быть, и при данныхъ обстоятельствахъ онъ былъ полезенъ и благодѣтеленъ, потому что помогъ образоваться и установиться политическому тѣлу. Никакое другое славянское государство не устояло, даже при блестящей постановкѣ обстоятельствъ; всѣ пали отъ чрезмѣрнаго развитія аристократіи и слабости центральной власти. Очевидно, что въ этомъ племени государство могло образоваться и упрочиться только подъ условіемъ сильной центральной власти, и при данныхъ обстоятельствахъ она не могла образоваться иначе, какъ по указанному типу.

Но, признавъ это, надо сказать, что индивидуальность въ этихъ условіяхъ задыхалась. Если мы—европейскій народъ и способны къ развитію, то и у насъ должно было обнаружиться стремленіе индивидуальности высвободиться изъ-подъ давящаго ее гнета; индивидуальность есть почва всякой свободы и всякаго развитія; безъ нея немыслимъ человѣческій бытъ. И вотъ, въ концѣ XVII вѣка у насъ начинается броженіе, которое предвѣщало появленіе этого начала. Явилось оно къ намъ изъ Европы

и въ европейской формѣ (князь Хворостининъ).

Крѣпостное начало проникаетъ до XVIII в. весь нашъ частный и публичный бытъ. Это основаніе всего. Есть и другіе элементы: воспоминаніе западно-русскаго происхожденія (вѣчи и соборы), аристократическое начало (западно-русское княжеское и польское) и византійское (въ быту церковномъ и во внѣшнихъ аттрибутахъ власти съ Іоанна III); но всѣ эти элементы остались на поверхности и не проникли въ глубь (соборы прекратились къ концу XVII вѣка, аристократическія стремленія подавлены Иваномъ IV и династіей Романовыхъ, церковь тоже приведена въ должныя границы при Иванѣ IV и Алексѣемъ Михайловичемъ въ борьбѣ съ Никономъ). Безличность быта не была навязана, наложена насильственно. Она была въ правахъ большинства. Масса свободныхъ шла въ кабалу. Взглядъ на наказанія: женъ (по Олеарію, пѣснямъ и пословицамъ), крестьянъ и солдатъ (анекдоты и видѣнное). Странно, но не позорно и естественно.

Но жизнь есть только извѣстное опредѣленіе данныхъ элементовъ. Всѣ они, самые противоположные, всегда, во всякую данную минуту налицо. Начало личности было и у насъ изстари и рвалось на свободу. Бѣглецы, разбойники, казаки, какъ другая сторона медали. Дикая, безграничная, необузданная воля, воспѣтая въ особомъ отдѣлѣ народной литературы. Дѣлами о разбойникахъ завалены архивы. Стенька Разинъ, казаки (Ермакъ Тимоѳеевичъ, покоритель Сибири). Эти проявленія индивидуальности идутъ въ параллель съ крѣпостнымъ началомъ, соотвѣтствуютъ ему и доказываютъ неспособность индивидуальности создать гражданскій бытъ; этимъ объясняютъ крѣпостное начало.

Въ сложившемся такимъ образомъ быту личное начало могло быть вызвано, пробуждено къ нравственному, духовному развитію только извнѣ и только начиная съ высшихъ слоевъ, потому что внутри, въ частной и гражданской жизни, не было для этого элементовъ.

Это пробужденіе выразилось, въ началѣ XVIII вѣка, въ Петрѣ Великомъ.

Петръ — первая свободная великорусская личность, со всѣми ея характеристическими чертами: практичностью, смѣлостью, широтою, и со всѣми недостатками, обусловленными тою средою и тѣми обстоятельствами, при которыхъ она появилась. Въ обществѣ, построенномъ на крѣпостномъ началѣ, личность могла заявить себя не иначе, какъ съ большою ненавистью къ порядку дѣлъ, который ее давилъ, со всею необузданностью и гнѣвомъ угнетенной силы, рвущейся на просторъ, съ пристрастіемъ къ цивилизованной Европѣ, гдѣ личность служитъ основаніемъ общественнаго быта и права, свобода ея признана и освящена. Далѣе, личность могла выступить только со всею неопытностью, мечтательностью, пренебреженіемъ къ дѣйствительности, какъ является всякое новое начало, вѣрующее только въ себя и въ свою силу. Всѣ эти черты мы находимъ въ Петрѣ: онъ съ ненавистью смотритъ на старину и окружающее его, всѣ его предубѣжденія въ пользу европейскаго просвѣщенія. Съ неудержимой, ужасающей силой и вѣрой въ свой идеалъ, онъ пересоздаетъ весь нашъ бытъ отъ азбуки до синода, отъ бороды до платья, отъ ассамблеи до сената. Никакія препятствія его не останавливаютъ. Во всѣхъ его дѣйствіяхъ лежитъ въ основаніи убѣжденіе, что нѣтъ ничего невозможнаго, что можно все пересоздать сразу, и онъ спѣшитъ сдѣлать въ свое царствованіе то, что въ обыкновенномъ порядкѣ историческаго развитія есть дѣло вѣковъ и поколѣній. Только передъ смертью онъ понялъ, что человѣкъ слабое твореніе. Своему дѣлу, своей мысли Петръ посвятилъ себя вполнѣ, безгранично, съ полнымъ самопожертвованіемъ. Его искренность и самоотверженіе такъ же велики, какъ его дѣла. Онъ высказываетъ начало, что его наслѣдникомъ долженъ быть тотъ, кто наслѣдуетъ ему по духу, а не по плоти. Онъ страшный, неумолимый деспотъ, но не во имя своего лица, а во имя принципа, и потому деспотизмъ его просвѣтленъ идеею и не оскорбляетъ. Поставя начало, онъ самъ первый ему слѣдуетъ: учится, работаетъ, выслуживается до чиновъ за дѣйствительныя заслуги и выигранныя сраженія. Передъ цивилизаціей чувствуетъ себя варваромъ, стыдится (случай въ собраніи въ Голландіи. Съ гордостью говоритъ дочерямъ, что не получилъ образованія съ дѣтства). Во всемъ этомъ Петръ—новое, небывалое, чрезвычайное явленіе въ русской исторіи. Онъ—цѣлая революція, и какъ всякая революція—болѣе программа для будущаго, которую пришлось вы-

полнить по слѣдующему времени. Но было бы ошибочно думать, что Петръ — какая-то случайность въ русской исторіи. Можно доказать положительными данными, что всѣ его преобразованія, не исключая ни одного, были постепенно подготовлены предшествующимъ временемъ и развитіемъ; всѣ вопросы рѣшены имъ въ томъ духѣ, въ какомъ они поставлены предшествующей исторіей, только рѣшены рѣзко, круто, быстро. Петръ—фокусъ, въ которомъ они внезапно сосредоточились и ярко разрѣшились. Оттого онъ сталъ на грани между двумя періодами русской исторіи и заслонилъ собою прошедшее. Онъ выразилъ собою стремленіе прогрессивнаго меньшинства, которое тяготилось бытомъ тогдашняго времени, и стоялъ въ его главѣ. Называть его измѣнникомъ родинѣ за пристрастіе къ иностранному, упрекать и ненавидѣть его за то, что онъ былъ деспотъ, отыскивать въ немъ пятна, съ точки зрѣнія гуманности,—смѣшно и жалко. Это судить его съ точки зрѣнія, подъ которую онъ не можетъ подходить. Петръ—варваръ, и не могъ быть другимъ, но великій человѣкъ, нашъ герой и полубогъ, наша надежда и знаменіе русскаго народа. Страна, создавшая такого человѣка, не можетъ не имѣть будущности. Эта мысль служила намъ утѣшеніемъ въ самыя тяжкія, безотрадныя минуты и, исцѣляя наши душевныя язвы, заставляла умолкать отчаяніе, какъ мѣдный змій въ пустынѣ. Съ Петромъ Великимъ начало личной свободы было поставлено въ Россіи, какъ программа, какъ требованіе, которое должно было постепенно осуществиться въ дѣйствительности. Задача была необыкновенно трудна. Надобно было провести ее очень искусно, не подвергая опасности выигранное государственное начало, идя постепенно сверху внизъ, отъ высшихъ слоевъ русскаго общества къ низшимъ. Эту задачу разрѣшаютъ, въ нашемъ внутреннемъ быту, XVIII и первая половина XIX вѣка. Теперь она разрѣшена вполнѣ, и постепенное ея развитіе для насъ очень ясно и крайне интересно. Бросимъ бѣглый взглядъ на то, какъ это сдѣлалось.

Первая личность—Петръ Великій наноситъ сильнѣйшій ударъ исторически образовавшимся общественнымъ разрядамъ и ставитъ идею государства, которому всѣ и каждый должны служить. Самъ онъ первый подаетъ этому примѣръ. Упраздняетъ форму des Haus- und Gutsherrn и замѣняетъ ее европейскими государственными формами.

Дворянство. Петръ разрушаетъ дворянство какъ исключительную служебную касту, имѣющую служебныя привилегіи. При Аннѣ Ивановнѣ прекращается обязанность дворянъ служить вѣчно, до смерти. Положенъ 25-ти лѣтній срокъ. Петръ III и потомъ Екатерина II освобождаютъ дворянство вовсе отъ обязанности служить, отъ тѣлеснаго наказанія, отъ лишенія правъ личныхъ и имущественныхъ безъ суда; предоставлено право свободно жить въ Россіи и за границей. Образованы дворянскія корпораціи, съ выборными представителями, съ нѣкоторою долею самоуправленія, съ правомъ ходатайствовать передъ правительствомъ о своихъ пользахъ и нуждахъ.

Городское сословіе, въ высшихъ своихъ разрядахъ, именно купечество, получило тѣ же самыя почти права. Низшее городское населеніе (мѣщане и ремесленники) получило ихъ только отчасти, въ гораздо меньшей степени. Но съ 1846 года положено начало, при организаціи управленія С.-Петербурга, самоуправленію городовъ, посредствомъ выборныхъ отъ всѣхъ городскихъ обывателей. Въ нынѣшнее царствованіе это распространено на Москву и Одессу. Есть проектъ сдѣлать то же самое для другихъ городовъ.

Въ 1832 или 1833 году художники, ученые, образованные люди всѣхъ классовъ и разрядовъ освобождены отъ подушной подати и тѣлеснаго наказанія. Долго торговавшіе купцы получили наслѣдственное право не платить подушной и не подвергаться тѣлесному наказанію.

Тѣ же права получило, мало-по-малу, и бѣлое *духовенство* съ семействами, которое у насъ до сихъ поръ образуетъ особое сословіе.

Начиная съ Александра I, подымается вопросъ о такомъ же постепенномъ освобожденіи низшихъ городскихъ и *сельскихъ* классовъ. Еще Екатерина II запретила свободнымъ добровольно записываться въ крѣпость. Но она ввела крѣпостное право въ Малороссіи и роздала множество населенныхъ имѣній, съ людьми, въ частную собственность. Только съ Александра I совершенно и навсегда прекратилось въ Россіи обращеніе людей въ частную собственность, и крѣпостные государства рѣзко отличены отъ

крѣпостныхъ дворянства (другіе классы, имѣвшіе тоже право владѣть крѣпостными, лишились постепенно этого права). Освобожденіе тѣхъ и другихъ идетъ параллельно, не перерываясь, до нашего времени.

Низшіе городскіе и сельскіе классы получаютъ при Александрѣ I право пріобрѣтать недвижимую собственность, поступать въ высшія учебныя заведенія (крестьяне—переходить въ городскіе классы), и, получивъ дипломъ, всѣ права высшихъ классовъ, освобожденныхъ уже прежде. При Николаѣ водворяется принципъ, что крѣпостные крестьяне государства—свободные люди; сельскія общества образуютъ особыя общины, подъ управленіемъ выборныхъ; множество натуральныхъ повинностей, по владѣнію казенной землей, отмѣняется и замѣняется денежными; многіе разряды крестьянъ освобождены отъ тѣлеснаго наказанія. Юридически ихъ бытъ установленъ и права признаны. Допущенъ свободный переходъ изъ городовъ въ села, изъ селъ въ города, подъ извѣстными условіями (какія?). Но надъ свободными крестьянами тяготѣетъ правительственная опека и произволъ чиновниковъ. Кромѣ того, по прежнему остается еще наслѣдственное званіе солдатъ; рекрутъ, солдатъ—все еще рабъ государства и употребляется въ фабричныхъ и заводскихъ работахъ, обращается въ разныя не-военныя должности, и солдатское званіе продолжаетъ быть наслѣдственнымъ. Равнымъ образомъ, удерживаются еще очень многіе разряды крестьянъ и мастеровыхъ, приписанныхъ къ фабрикамъ, вѣдомствамъ, заведеніямъ, наслѣдственно, съ обязанностью почти безплатной и почти безсрочной работы. Они и солдаты были свободны только по имени. Въ нынѣшнее царствованіе совершается (отчасти уже совершилось) совершенное ихъ освобожденіе. Всѣ приписные къ вѣдомствамъ освобождены отъ обязательной работы. Солдаты перестали быть наслѣдственнымъ званіемъ, сроки ихъ службы сокращены на 10 лѣтъ (вмѣсто 25 — 15) и употребленіе солдатъ въ другія должности, кромѣ военной, если не совсѣмъ еще отмѣнено, то значительно сокращено. Тѣлесныя наказанія—по суду. Самое важное то, что опека чиновниковъ снимается. Для удѣльныхъ крестьянъ это уже сдѣлано, для государственныхъ должно сдѣлаться на дняхъ. Крестьянскія общества получаютъ право выкупить занимаемыя ими казенныя земли и чрезъ это обратиться въ свободныя общины. Идетъ рѣчь объ отмѣнѣ подушной подати (для низшихъ городскихъ сословій это уже сдѣлано). Кнутъ отмѣненъ. Тѣлесныя наказанія только по суду. Число вовсе освобожденныхъ отъ тѣлесныхъ наказаній чрезвычайно расширено. Женщины освобождены отъ нихъ вовсе. Уничтоженіе крѣпостнаго права дворянства, совершившееся въ наше время, подготовлено тоже непрерывнымъ рядомъ постепенныхъ ограничительныхъ мѣръ, которыя начались съ первыхъ годовъ царствованія Александра I, значительно усилены и умножены при Николаѣ, который все свое царствованіе мечталъ объ освобожденіи крѣпостныхъ дворянства, но не справился съ этимъ дѣломъ. Теперь это совершилось. Главныя основанія: 1) дворовые освобождены безвозмездно; 2) крестьяне получили всѣ гражданскія права, наравнѣ съ прочими свободными, и образуютъ общины, съ выборными и съ большою долею самоуправленія; 3) удержали за собою большую часть господскихъ земель, которыя обработывали при крѣпостномъ правѣ на себя, по извѣстной оцѣнкѣ, и за нее или работаютъ, или платятъ оброкъ, опредѣленный закономъ,—то или другое по своему усмотрѣнію. 4) По соглашенію или по одностороннему желанію господина, надѣлъ можетъ обратиться въ полную собственность крестьянъ, за сумму, опредѣленную заранѣе закономъ, при чемъ государство выдаетъ сумму частью деньгами, частью облигаціями, и платитъ на нихъ проценты, а крестьяне платятъ государству эти проценты и погашеніе (разсрочка погашенія на 49 лѣтъ). Въ 9-ти западныхъ губерніяхъ въ 1863 году введенъ обязательный выкупъ, по причинамъ политическимъ. На этомъ основаніи, изъ 10 милліоновъ мужескаго пола душъ уже теперь можно считать половину свободными собственниками. На остальныхъ, кромѣ полученія оброка или права требовать работы (и то безъ принудительныхъ мѣръ отъ себя, а лишь черезъ посредника), помѣщики не имѣютъ никакихъ правъ, никакого юридическаго вліянія.

Выводы. 1) Прекращеніе частнаго крѣпостного права не есть у насъ особнякомъ стоящая разумная политическая и соціальная мѣра, какою была вездѣ въ Европѣ, а была заключительнымъ, послѣднимъ явле-

ніемъ въ ряду цѣлаго историческаго нашего движенія въ теченіе XVIII и XIX вѣка, котораго существенный смыслъ—водвореніе на нашей почвѣ личнаго начала, нравственной почвы и условія развитія и упраздненія историческаго типа, подъ которымъ сложилось русское государство. Процессъ начался сверху и шелъ постепенно внизъ, въ массы, пока не совершился вполнѣ въ наше время.

2) Отмѣна частнаго крѣпостного права сопровождалась и отмѣною государственнаго крѣпостного права относительно сельскихъ массъ; а сельскія массы составляютъ у насъ болѣе $^{5}/_{6}$ населенія, за исключеніемъ всѣхъ другихъ классовъ и даже солдатъ и низшаго городского населенія. Мы—мужицкое царство. Оттого освобожденіе сельскихъ массъ у насъ безъ сравненія важнѣе, чѣмъ было въ Европѣ, гдѣ самостоятельно развились, имѣли свою жизнь, свою блистательную исторію—церковь, дворянство, средніе классы, монархическая власть, а крестьянство не составляло, какъ у насъ, всего, или почти всего, какъ опредѣляющій элементъ внутренней жизни. У насъ всѣ другіе общественные элементы развились поздно, слабо, несамостоятельно. Они были плохой копіей съ превосходныхъ образцовъ. Сельская масса была у насъ издавна и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе опредѣляющимъ началомъ, камертономъ внутренней жизни, хотя и безсознательно, пассивно. Ею опредѣляется весь строй русской исторіи, хотя она нигдѣ до сихъ поръ не выступала впередъ, на первый планъ, какъ планета Нептунъ производила пертурбаціи въ движеніи небесныхъ свѣтилъ, хотя до недавняго времени о ней ничего не знали.

3) Наше движеніе историческое — совершенно обратное съ европейскимъ. Послѣднее началось съ блистательнаго развитія индивидуальнаго начала, которое болѣе и болѣе вставлялось, вдвигалось въ условія государственнаго быта; у насъ исторія началась съ совершеннаго отсутствія личнаго начала, которое мало-по-малу пробудилось и подъ вліяніемъ европейской цивилизаціи начало развиваться. Конечно, должно наступить, рано или поздно, время, когда оба развитія пересѣкутся въ одной точкѣ и тѣмъ выравняются. Но теперь это глубокое различіе задатковъ развитія, общихъ предположеній, есть одна изъ главнѣйшихъ причинъ, что мы другъ друга мало понимаемъ. Образованныхъ русскихъ находятъ въ Европѣ чрезмѣрно радикальными, забывая, что это крайность индивидуальнаго принципа, который именно у насъ и развивается теперь. Мы не можемъ относиться ко всему нашему иначе, какъ отрицательно. У насъ же просвѣщенные люди находятъ европейскій бытъ узкимъ, не довольно широкимъ, слишкомъ обусловленнымъ историческими преданіями, и, конечно, мы не правы, потому что мы смотримъ съ точки зрѣнія еще не опредѣлившейся, не жившей, только проснувшейся индивидуальности, которая потому и не видитъ еще ясно, что опредѣлиться она можетъ только въ исторической формѣ и ни въ какой другой, и что ей предстоитъ у насъ то же самое со временемъ. Это главный источникъ всѣхъ недоразумѣній и взаимнаго отчужденія.

4) Не только въ Европѣ, но въ особенности мы сами теперь относимся очень отрицательно къ нашей исторіи, видимъ въ ней только дикость, только варварство, находимъ, что мы тысячу лѣтъ спали, не сдѣлавъ рѣшительно ничего, что въ нашемъ прошедшемъ нѣтъ человѣческаго смысла, что наша исторія не европейская, а азіятская—глубочайшая неподвижность. Справедливо ли это? Я не думаю. Наша исторія длится съ появленія великорусскаго элемента, который ее опредѣляетъ и до сихъ поръ (отъ 35 до 40 милл. на населеніе въ 70 милл.), слѣдовательно съ XII вѣка, и продолжается не 1000 лѣтъ, а 700. Случайное призваніе князей варяжскихъ сѣверными племенами, исчезающее въ общемъ ходѣ исторіи по внѣшнимъ, случайнымъ причинамъ, считается началомъ русской исторіи. Въ эти 700 лѣтъ мы успѣли, по возможности, колонизировать огромное пространство, образовать огромное государство. Не имѣя предшественниковъ на своей почвѣ, которые бы передали намъ по наслѣдству, фактомъ, какую-нибудь цивилизацію, учась всему у другихъ изъ книгъ, по слуху, по впечатлѣніямъ немногихъ путешественниковъ, по немногимъ заходившимъ къ намъ отголоскамъ Европы, большею частью, особливо сначала представляемой у насъ не лучшими ея представителями, мы осуждены были жить своимъ умомъ, должны были вобрать въ себя множество элементовъ, которые нельзя считать принадлежащими къ аристократіи человѣческаго рода; вынесли въ самомъ началѣ двухсотлѣтнее иго монго-

ловъ. Несмотря на всѣ эти неблагопріятствующія условія, страшно замедлявшія развитіе, мы успѣли выработать кой-какіе зачатки гражданскаго общежитія, гдѣ ихъ прежде вовсе не было: успѣли сбросить историческую форму безличности, которая на насъ тяготѣла. Выработавши почву, возможность нравственнаго развитія въ свободной личности, мы начинаемъ внутреннюю жизнь, внутреннее развитіе, не имѣя строго разграниченныхъ сословій, не имѣя за собой преданій сильной аристократіи, сильной и самостоятельной церкви съ свѣтскою властью, съ огромнымъ землевладѣльческимъ сельскимъ населеніемъ, котораго соціальное положеніе и привычки дѣлаютъ насъ надолго, если не навсегда, обезпеченными противъ самыхъ страшныхъ изъ всѣхъ волненій,— волненій народныхъ массъ противъ высшихъ, образованныхъ, владѣющихъ классовъ. Нельзя сказать, чтобы при тѣхъ условіяхъ, съ которыхъ мы начали, всего этого не было достаточно для 700-лѣтней дѣятельности!

Дальнѣйшій ходъ нашей исторіи и внутренняго развитія есть тайна для насъ самихъ. Почва приготовлена. Что̀ на ней выростетъ, что̀ она принесетъ въ сокровищницу всемірной исторіи—это покажетъ будущее. Вѣрно то, что на нашихъ глазахъ второй періодъ русской исторіи окончился, исчерпанъ совсѣмъ, и для насъ начинается другое время, другая жизнь. Вѣрно также, что мы развивались, страдали, боролись, работали въ прошедшемъ, и въ этомъ крестномъ, терновомъ пути развитія—залогъ нашего будущаго.

Европѣ готовится сюрпризъ видѣть въ мнимыхъ ордахъ — способное къ развитію спокойное племя.

(Русская Старина, 1887, кн. 4).

МЫСЛИ И ЗАМѢТКИ О РУССКОЙ ИСТОРІИ.

С. Соловьева, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Т. 13, 14, 15. *М. 1864—66.*

Н. Устрялова, Исторія Петра Великаго. *Спб. 1858—63.*

Съ каждымъ десятилѣтіемъ, а въ послѣднее время чуть ли не съ каждымъ годомъ, русская исторія выигрываетъ въ интересѣ, значеніи и важности. Мы начинаемъ серьезно сожалѣть, что знаемъ ее слишкомъ поверхностно и мало. Такія же сожалѣнія слышатся теперь нерѣдко и отъ европейскихъ историковъ и ученыхъ.

Когда-то исторія привлекала какъ любопытная сказка о старинѣ. Быль могла тогда безнаказанно перемѣшиваться въ ней съ небылицей. Исторія въ этомъ видѣ тѣшила воображеніе и подстрекала интересъ повѣстью о прошлыхъ временахъ и отдаленныхъ предкахъ.

Послѣ исторія стала поученіемъ и справкой. Что̀ и какъ происходило прежде, служило указаніемъ и совѣтомъ въ практической дѣятельности. Исторія обратилась въ архивъ старыхъ политическихъ и государственныхъ дѣлъ, въ томъ числѣ и неоконченныхъ.

Напослѣдокъ, исторія дѣлается источникомъ и зеркаломъ народнаго самосознанія. На перепутьи двухъ періодовъ, въ межеумочное время, когда ходъ народной жизни оставляетъ привычное вѣковое русло и ищетъ новыхъ путей, колеблясь между нѣсколькими, наивная справка съ дѣяніями предковъ не можетъ уже вразумить на счетъ того, что̀ и какъ дѣлать, да и нѣтъ уже больше того яснаго настроенія души, и того досуга, какіе

необходимы, чтобы восхищаться полу-волшебной сказкой, художественнымъ сочетаніемъ исторической правды съ выдумкой. Торная дорога кончилась; предстоитъ идти цѣликомъ, наугадъ, ощупью, и тогда-то наступаетъ время глубокаго раздумья. Народная мысль разрѣшается въ цѣлый рядъ вопросовъ, догадокъ и предположеній, посреди которыхъ мало-помалу и созрѣваетъ народное самосознаніе, единственный вѣрный руководитель на этой ступени развитія.

Но трудно и тяжко дается самосознаніе. Сначала исторія допрашивается подробно, но пристрастно, судьями, у которыхъ рѣшеніе готово заранѣе. Вопросы предлагаются ей нарочно такъ, чтобы получить желанный отвѣтъ. Такіе отвѣты—еще не исторія, не истина; по нимъ узнается не то, что было, а то, чего домогался, что хотѣлъ видѣть историкъ. Только впослѣдствіи, возмужавшее и окрѣпшее народное самосознаніе приходитъ къ правдѣ въ исторіи и вступаетъ на твердый путь въ практической жизни.

Русская исторія прошла всѣ эти фазисы, кромѣ самаго послѣдняго. Она являлась и сказаніемъ и поученіемъ. Событія и главные дѣятели разсматривались въ ней съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія; однако и до сихъ поръ наше народное самосознаніе еще не установилось. Кто скажетъ, что мы себя знаемъ и понимаемъ? Съ каждымъ новымъ шагомъ впередъ, мы, напротивъ того, по знаменитому слову Сократа, убѣждаемся болѣе и болѣе, что почти совсѣмъ себя не знаемъ. Наша мысль не въ соотвѣтствіи съ нашей вѣрой въ самихъ себя, въ нашу народную мощь, въ предстоящія намъ великія судьбы; наши взгляды на русскую исторію, наша оцѣнка историческихъ событій и дѣятелей Россіи оказываются, одни за другими, дѣтскимъ лепетомъ незрѣлой и нетвердой мысли, и забываются также легко, какъ возникаютъ. При кажущемся мирномъ и спокойномъ, отчасти даже сонномъ, строѣ нашей жизни, какой-то быстрый водоворотъ кружитъ нашу мысль, унося, одну за другой, всѣ слабыя попытки кристаллизировать наше народное самосознаніе въ сколько нибудь опредѣленныя формы.

Умственное наше безсиліе никогда, можетъ быть, не чувствовалось такъ глубоко, какъ теперь. Россія, безъ малаго за двѣсти лѣтъ круто двинутая на новый путь, теперь снова и такъ же круто, хотя и въ иныхъ формахъ, поворачиваетъ въ другую колею. Цѣлый кругъ понятій и взглядовъ, нажитый въ минувшіе два вѣка, измѣняется. Точно будто поднимается завѣса и передъ глазами открываются новыя перспективы, которыхъ мы до тѣхъ поръ и не подозрѣвали. Примкнувъ къ семьѣ романскихъ и германскихъ народовъ, мы твердо увѣрились, что намъ предстоитъ и двигаться въ кругѣ идей и направленій, выработанныхъ ихъ жизнью и трудами; а на повѣрку оказывается, что общаго у насъ съ этими народами одни только свойственныя всѣмъ людямъ стремленія и задачи, все же остальное—вовсе не похоже на европейское, и мы, можетъ быть, болѣе чѣмъ когда-либо предоставлены собственнымъ средствамъ и усиліямъ. Теряя наглядный образецъ, созерцаніемъ котораго лѣниво себя убаюкивали, мы теперь невольно начинаемъ спрашивать самихъ себя: что́ же мы такое, что насъ такими сдѣлало, и куда мы идемъ? Эти вопросы поднимаются у насъ теперь со всѣхъ сторонъ; во всемъ, что у насъ ни думается, ни дѣлается, видны попытки отвѣчать на эти вопросы. Въ литературѣ и искусствѣ одинаково слышится задача понять себя, уяснить себѣ смыслъ и значеніе нашего историческаго существованія.

Посреди этой заботы, на первый планъ естественно выдвигается изученіе русской исторіи. Событія и лица, казавшіяся намъ до сихъ поръ извѣстными и переизвѣстными, подвергаются новому изслѣдованію, возсоздаются въ искусствѣ, переработываются въ ученыхъ трудахъ. Изъ лаконическаго лѣтописнаго сказанія, изъ сухого свидѣтельства оффиціальнаго документа мы стараемся вызвать оживлявшій ихъ духъ, усиливаемся воскресить прошедшее во всей его животрепещущей правдѣ. Мы начинаемъ чувствовать, что происшествія, рѣшавшія судьбы русскаго народа, что лица, игравшія большую роль въ самыя знаменательныя эпохи нашей исторіи, подернуты какимъ-то туманомъ, не имѣютъ ярко очерченнаго образа, и вотъ, всѣ старанія направлены къ тому, чтобъ разогнать этотъ туманъ, сорвать таинственный покровъ. Въ какой степени удачны эти усилія—другой вопросъ; несомнѣнно только, что работа, вызванная новымъ оборотомъ нашей исторіи, идетъ впередъ, и, оглянувшись недалеко назадъ, нельзя не замѣтить, что уже произошла нѣкоторая перемѣна въ нашихъ взглядахъ на прошедшее,—вѣрный признакъ,

что народное самосознаніе зрѣетъ, что время его наступаетъ.

Петръ Великій и его эпоха не могли быть обойдены или остаться незамѣченными при такомъ усиленномъ общемъ нашемъ стремленіи къ самосознанію. Не понявъ Петра, нельзя понять Россіи: онъ много для нея сдѣлалъ; его глубоко любили и глубоко ненавидѣли современники и потомки; слѣды его неизгладимы въ русской исторіи; но для вѣрной оцѣнки Петра Великаго наше время едва ли не самое благопріятное. Мы всѣми путями порываемся выдти изъ того періода русской исторіи—періода заимствованій у Европы—который онъ собою открылъ и началъ. У его подножія еще идетъ горячій споръ объ историческомъ наслѣдствѣ, которое онъ по себѣ оставилъ. Къ Ивану Грозному, къ эпохѣ Самозванцевъ, къ Алексѣю Михайловичу мы относимся спокойно и объективно: все это уже давно прошло, забыто, и мы почему-то наивно воображаемъ, что интересы и вопросы тѣхъ временъ давно исчезли безъ слѣда. Но Петръ какъ будто еще живъ и находится между нами. Мы до сихъ поръ продолжаемъ относиться къ нему какъ современники, любимъ его или не любимъ, превозносимъ выше небесъ или умаляемъ его заслуги; но число его поклонниковъ рѣдѣетъ, а число порицателей растетъ, по мѣрѣ того, какъ мы выходимъ изъ поставленныхъ имъ условій нашей народной жизни, и пока новый нашъ историческій путь не обозначится вполнѣ, мы все будемъ колебаться между старой и новой Россіей, видѣть въ совершающемся то возвратъ къ до-петровской старинѣ, то продолженіе его реформы. Много, много еще пройдетъ времени, пока для Петра наступитъ спокойный, безпристрастный, нелицепріятный судъ, который будетъ вмѣстѣ и разрѣшеніемъ вопроса о томъ, что мы такое и куда идемъ.

По какой-то счастливой случайности, профессоръ Соловьевъ окончилъ древнюю русскую исторію и перешелъ къ эпохѣ преобразованія именно въ то время, когда рядъ новыхъ коренныхъ законоположеній, пересоздающихъ внутренній строй петровской Россіи, возбуждаетъ особенный интересъ къ дѣлу и эпохѣ Петра, и невольно ставитъ вопросъ: была ли его реформа благомъ для Россіи или ошибкой геніальнаго государя? Новый трудъ профессора Соловьева составляетъ продолженіе его „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ". До сихъ поръ вышло только три тома, изъ которыхъ собственно два посвящены исторіи царствованія Петра; послѣдній томъ оканчивается полтавской битвой. Судя по этому, надо полагать, что исторія Петра займетъ еще по крайней мѣрѣ три тома. Какъ въ прежнемъ своемъ сочиненіи, такъ и въ новомъ, достойный ученый держится на строго исторической почвѣ. Трудъ его не апологія и памфлетъ, а добросовѣстный фактическій разсказъ, перерываемый лишь изрѣдка взглядами и сужденіями самого автора. Къ свѣдѣніямъ, взятымъ изъ напечатанныхъ источниковъ, профессоръ Соловьевъ прибавляетъ множество новыхъ, почерпнутыхъ изъ архивовъ, что возвышаетъ ученое достоинство его замѣчательнаго труда. О высокомъ интересѣ новаго сочиненія профессора Соловьева нечего говорить; исторія Петра Великаго не можетъ не быть интересна въ высшей степени; но авторъ умѣлъ придать своей книгѣ особенную занимательность послѣдовательнымъ и яснымъ разсказомъ, искуснымъ расположеніемъ частей, отличной группировкой характеристическихъ подробностей. Рельефный матеріалъ, надъ которымъ онъ трудился, конечно, облегчалъ ему работу; но ему принадлежитъ несомнѣнная заслуга, что онъ съумѣлъ имъ прекрасно воспользоваться.

Другое сочиненіе, посвященное Петру Великому, принадлежитъ академику Устрялову. Оно, можно сказать, только начато. Въ 1858 году вышли три первые тома, содержащіе исторію Петра только до 1700 года, т.-е. собственно до начала реформъ. Въ слѣдующемъ 1859 году изданъ особо шестой томъ, содержащій исторію царевича Алексѣя Петровича и слѣдственное дѣло о немъ; наконецъ, въ 1863 году вышелъ четвертый томъ (въ двухъ частяхъ), въ которомъ разсказъ доведенъ до конца 1706 года. Изъ этого видно, въ какихъ обширныхъ размѣрахъ задуманъ этотъ ученый трудъ. Книга профессора Устрялова богата критическими изслѣдованіями и драгоцѣннѣйшими матеріалами, изъ которыхъ много чрезвычайно любопытныхъ открыты ученымъ авторомъ и напечатаны впервые. Всякій, кому дорого имя Петра, дорога Россія, конечно, отъ всей души пожелаетъ, чтобъ авторъ выполнилъ свою программу до конца, въ томъ же объемѣ и съ тою же подробностью, какъ началъ.

Изъ числа сочиненій по русской исторіи, появившихся въ послѣдніе годы, исторіи царствованія Петра Великаго Соловьева и

Устрялова — самыя крупныя и замѣчательныя. Всѣ безъ сомнѣнія уже знакомы съ ними, слѣдовательно передавать вкратцѣ ихъ содержаніе нѣтъ надобности, тѣмъ болѣе, что, какъ бы тщательно ни было составлено изъ нихъ извлеченіе, оно не можетъ замѣнить подлинниковъ, исполненныхъ животрепещущаго интереса.

Сообщая множество неизвѣстныхъ доселѣ фактовъ, выставляя происшествія и лица въ новомъ свѣтѣ, оба историка значительно подвинули впередъ разрѣшеніе существенныхъ вопросовъ не одной петровской эпохи, но и всей русской исторіи. До сихъ поръ, мы не умѣли связать между собою двухъ ея періодовъ, раздѣленныхъ Петромъ Великимъ, и не могли объяснить себѣ, какимъ образомъ родилась и выросла на древней русской почвѣ личность, подобная Петру. На петровскій періодъ русской исторіи мы смотрѣли какъ на что-то совершенно новое, не имѣющее ничего общаго съ предъидущимъ временемъ; въ самомъ Петрѣ напрасно старались мы отыскать черты, родственныя съ прежними дѣятелями Россіи. Намъ представлялось, что у насъ въ эпоху Петра, словно въ волшебной сказкѣ или на сценѣ, страна, люди, нравы, понятія вдругъ исчезли безъ слѣда и смѣнились новыми.

Кромѣ насъ нѣтъ народа въ мірѣ, который бы такъ странно понималъ свое прошедшее и настоящее. Ни одинъ народъ не разрывается, въ своемъ сознаніи, на двѣ половины, совсѣмъ другъ другу чуждыя и ничѣмъ не связанныя. Подобно намъ, всѣ европейскіе народы переживали въ своей исторіи крутые перевороты, иногда по нѣскольку разъ; однако ни одинъ изъ нихъ не смотритъ на себя какъ на какіе-то два различные народа. Реформація, французская революція, существенно, коренно измѣнили старый бытъ и создали новый; но ни до-революціонная Франція, ни до-реформаціонная Германія, не отдѣлены въ глазахъ французовъ и нѣмцевъ такой непроходимой бездной отъ теперешняго ихъ быта, какъ отдѣлена, по нашимъ понятіямъ, древняя Россія отъ новой, петровской. Норманское завоеваніе было не только переворотомъ въ цѣломъ бытѣ Англіи, но даже внесло въ нее чуждые элементы, чужую національность; однако, несмотря на то, англичанинъ сознаетъ свою солидарность и связь съ Англіей до-норманскаго періода. Одни мы, русскіе, лишены до сихъ поръ единаго народнаго сознанія. Теоретически, отвлеченно, мы понимаемъ, что преобразованная Россія и самъ Петръ не съ неба къ намъ упали; что было же что нибудь и прежде; что какъ нибудь Петръ и его реформа были подготовлены; знаемъ мы, что никакого завоеванія у насъ въ концѣ XVII вѣка не было, что страна и народъ теперь тѣ же самые, что и до Петра. Но все это представляется намъ какъ-то сухо, отвлеченно, книжно, мертво, входитъ въ нашу голову какъ-то холодно и безучастно, точно результатъ математической выкладки, выводъ изъ ряда посылокъ и умозаключеній. Въ непосредственномъ, живомъ сознаніи мы все продолжаемъ какъ-то двоиться, и эта половинчатость лежитъ тяжелымъ камнемъ на всемъ нашемъ нравственномъ существѣ и дѣятельности.

Въ этомъ удивительномъ психологическомъ фактѣ есть глубокій смыслъ. Раздвоенные въ народномъ сознаніи, мы не можемъ высвободиться изъ вопіющаго противорѣчія между нашимъ взглядомъ на самихъ себя и постепеннымъ, величавымъ ходомъ нашей исторіи. Событія идутъ у насъ какъ-то своимъ чередомъ, точно какъ будто помимо нашей воли и пониманія. Мы сильны инстинктами, неясными стремленіями, непосредственнымъ чувствомъ, и слабы разумѣніемъ; наша мысль не умѣетъ какъ-то совладать съ фактами и осилить нашу умственную разладицу.

Гдѣ источникъ этой умственной немощи? Онъ глубоко скрытъ въ вѣковой привычкѣ смотрѣть на себя чужими глазами, сквозь чужія очки. Толстый слой предразсудковъ, въ которыхъ мы не отдаемъ себѣ отчета, присутствія котораго даже не подозрѣваемъ, мѣшаетъ намъ понимать себя правильнымъ образомъ. Думать и учиться мы стали поздно, гораздо позднѣе другихъ народовъ. Это дало намъ возможность пользоваться, безъ большихъ усилій, тѣмъ, до чего другіе народы дошли тяжкимъ трудомъ и горькимъ опытомъ. Но зато мы не привыкли думать, и, принимая чужія мысли за свои, не выходимъ изъ духовнаго малолѣтства. Оттого, нашъ собственный опытъ остается не продуманнымъ, и жизнь наша есть стихійная, неосмысленная. Наши взгляды, убѣжденія выведены нами не изъ насъ самихъ и не изъ нашей исторіи, а приняты цѣликомъ отъ другихъ народовъ. Оттого мы и не умѣемъ связать прошедшаго съ настоящимъ, и все,

что̀ ни говоримъ, ни думаемъ, такъ безплодно, въ такомъ вопіющемъ разладѣ съ совершающимися фактами и съ ходомъ нашей исторіи.

Наша умственная апатія и безсиліе также стары, какъ мы сами. Напрасно будемъ мы утѣшать себя мыслью, что они ведутъ свое начало отъ реформы Петра Великаго. Съ тѣхъ поръ, какъ мы себя помнимъ, наша мысль всегда была въ плѣну, находилась въ вѣчной кабалѣ, что не мѣшало фактамъ и событіямъ идти своимъ чередомъ, на основаніи указаній практики и потребностей. Правда, практическая наша жизнь и дѣятельность тоже часто, и даже очень часто, руководились посторонними элементами, вслѣдствіе нашего умственнаго рабства; но въ этой сферѣ чуждыя примѣси скоро давали себя чувствовать такъ сильно, что приходилось, волей-неволей, отъ нихъ отказываться и слушаться одного здраваго смысла и народныхъ инстинктовъ. Но въ области мысли и пониманія мы испоконъ-вѣка были покорными слугами другихъ, и наша жизнь шла своей дорогой, а голова—своей.

Сперва мы подпали подъ умственную опеку византійцевъ и оставались подъ ней чрезвычайно долго. Греки наводняли нашу страну, торговали въ ней, брали съ насъ дань. Старинные архивы константинопольскихъ патріарховъ, еслибъ они сохранились, повѣдали бы намъ любопытныя вещи и показали бы, какъ выгодна была для тогдашнихъ фанаріотовъ русская епархія. Мы не любили грековъ и считали ихъ хитрецами. Толстой, посланникъ нашъ въ Турціи при Петрѣ Великомъ, отзывается о нихъ почти тѣми же словами, какъ и старинныя наши лѣтописи. Князья, подобные Ярославу I, люди практическіе, нетерпѣливо сносили господство грековъ и пытались замѣнить присылаемыхъ къ намъ изъ Греціи митрополитовъ своими ставленниками изъ русскихъ. Несмотря на эти попытки, полное, духовное владычество надъ нами грековъ продолжалось. Мы жили по греческимъ законамъ, питались греческой письменностью, наслаждались греческимъ искусствомъ и художниками, ѣздили въ Грецію, какъ позднѣе въ Парижъ. Это умственное господство надъ нами грековъ продолжалось чрезвычайно долго. Слѣды его тянутся, постепенно слабѣя, вплоть до Петра Великаго.

Съ Ивана III, московскаго великаго князя, начинается мало-по-малу умственное наше порабощеніе литовско польскому владычеству. Весьма замѣчательно, что и это духовное иго, подобно греческому, развивается въ обратномъ отношеніи къ политической силѣ и значенію владычествующаго элемента. Чѣмъ сильнѣе становится московское государство въ отношеніи къ Литвѣ и Польшѣ, тѣмъ сильнѣе литовско-польская нравственная власть надъ нами. Высшей своей точки она достигаетъ въ XVII вѣкѣ и затѣмъ постепенно ослабѣваетъ, но еще очень замѣтна даже въ царствованіе Екатерины II. Подобно грекамъ, литовцы и поляки стремились къ намъ толпами и пытались внести свои порядки даже въ нашъ государственный строй; но это имъ окончательно не удалось. Иванъ III, Иванъ Грозный, Борисъ Годуновъ, Өедоръ Никитичъ Романовъ, царь Алексѣй Михайловичъ были люди практическіе и отразили этотъ напоръ въ государственной сферѣ; но въ общественной жизни, въ литературѣ, въ нравахъ и одеждѣ, во всей области умственнаго развитія, мы приняли новое духовное ярмо безпрекословно, несли его также покорно, какъ прежде греческое.

Почти въ одно время съ литовско-польскимъ элементомъ, именно при Иванѣ III, начинаютъ водворяться у насъ элементы западно-европейскіе. Они усиливаются при Иванѣ IV, играютъ уже большую роль при Алексѣѣ Михайловичѣ, еще большую при Петрѣ Великомъ, и господствуютъ почти безгранично при Аннѣ Ивановнѣ. Со вступленіемъ на престолъ императрицы Елизаветы произошелъ переломъ, и съ тѣхъ поръ началась чрезвычайно медленная убыль этого новаго господства, что̀ продолжается и до сихъ поръ. Въ теченіе этого длиннаго умственнаго и нравственнаго служенія третьему господину, которое еще не кончилось, повторилось, точь въ точь, тоже, что̀ было прежде. Въ государственной и политической сферѣ мы, сравнительно, скоро очнулись и стали на свои ноги. Ни Петръ, ни Екатерина II, въ самый разгаръ вторженія въ Россію иностранныхъ элементовъ и иностранцевъ, не жертвовали имъ русскими интересами, и вполнѣ самостоятельно представляли государство; но во всѣхъ другихъ сторонахъ русской жизни, начиная отъ покроя платья и оканчивая взглядами и убѣжденіями, иностранные элементы владычествовали у насъ безгранично, и мы являли собою все, что̀

есть оскорбительнаго и отталкивающаго въ добровольной духовной кабалѣ. Чѣмъ сильнѣе и значительнѣе мы становились въ государственномъ и политическомъ смыслѣ, тѣмъ угодливѣе и раболѣпнѣе дѣлались передъ иностранцами въ умственномъ и нравственномъ смыслѣ. Въ царствованіе императора Александра I, невиданный политическій блескъ и слава идутъ рука объ руку съ небывалымъ у насъ до тѣхъ поръ духовнымъ закрѣпощеніемъ иностранному игу.

Въ утѣшеніе себя мы обыкновенно говоримъ, что были до сихъ поръ „въ наукѣ" у другихъ народовъ. Но это не совсѣмъ точно. Работая умственно разнымъ господамъ поочередно, мы въ дѣйствительности мало чему научились. Когда было намъ учиться: мы только идолопоклонничали! Учиться, значитъ узнавать и брать въ толкъ; это предполагаетъ извѣстную самостоятельность, а мы лишь повторяли чужія рѣчи, переводя ихъ на нашъ языкъ. Дѣйствительное серьезное ученіе можетъ начаться развѣ только теперь, когда мы стали догадываться, и то пока еще очень смутно, что пора наконецъ выдти изъ духовной кабалы, пора подумать хорошенько надъ тѣмъ, что мы твердимъ съ чужихъ словъ. Еслибъ мы учились серьезно и сознательно, развѣ были бы возможны наша теперешняя умственная и нравственная скудость, наше слабоуміе, невѣжество, вѣтренность, безалаберность и всяческое малолѣтство? Европейскіе народы тоже учились другъ у друга и теперь учатся безпрестанно; но находимъ ли у нихъ что нибудь подобное тому духовному самоотреченію, которому мы предавались то въ пользу грековъ, то въ пользу Литвы и поляковъ, то въ пользу западныхъ европейцовъ? Нѣтъ, нигдѣ ничего подобнаго не бывало; по одному этому мы уже можемъ судить, какъ далеко ушло наше развитіе.

Теперь мы вступаемъ въ новый періодъ исторической жизни. Четвертый актъ самоотреченія для насъ больше невозможенъ; хотѣлось бы вѣрить, что онъ сдѣлался невозможнымъ, потому что мы стали зрѣлѣе; во всякомъ случаѣ и идолопоклонничать болѣе не передъ кѣмъ. Внутренній нашъ бытъ перестраивается кореннымъ образомъ, по указаніямъ потребностей и нуждъ, не имѣющимъ ничего общаго съ нашей умственной несостоятельностью. Теперь должна, кажется, наступить пора плодотворнаго ученія и труда, пора серьезной провѣрки нашихъ взглядовъ и стремленій. Когда эта пора дѣйствительно наступитъ, мы должны будемъ, волей-неволей, глубоко вглядѣться въ смыслъ нашей исторіи, сличить наши историческія воззрѣнія съ живою лѣтописью, съ тѣмъ, что мы теперь, во всѣхъ общественныхъ слояхъ и элементахъ. Много неожиданностей предстоитъ намъ на этомъ пути! Мы воображаемъ, что знаемъ и понимаемъ ходъ нашей прошедшей жизни; придется отказаться отъ этого заблужденія: придется убѣдиться, что мы задаемъ русской жизни, въ прошедшемъ и настоящемъ, вопросы, которыхъ она не ставила и не ставитъ, придаемъ ей краски, которыхъ она не имѣетъ, представляемъ себѣ событія и лица совсѣмъ не такъ, какъ они были въ дѣйствительности,—все отъ того, что живемъ чужими мыслями, видимъ себя сквозь чужія очки. Въ нашей духовной природѣ, отъ нашей умственной бездѣятельности, образовался, незамѣтно для насъ самихъ, наростъ, который долженъ быть открытъ и разрѣшится только вслѣдствіе серьезной умственной работы и сознательнаго ученія. Уже теперь, благодаря трудамъ, подобнымъ исторіи профессора Соловьева и академика Устрялова, начинаютъ разоблачаться многіе предвзятые взгляды и историческіе миражи, результатъ старыхъ и новыхъ предразсудковъ, не провѣренныхъ мыслью и работой. Если мы не видимъ связи между древней и новой Россіей, не понимаемъ, какъ могла личность, подобная Петру, явиться въ исходѣ московскаго періода русской исторіи, то очевидно, что въ нашихъ историческихъ знаніяхъ долженъ быть большой пробѣлъ; видимо, что мы или не такъ смотримъ на Петра и его дѣло, или не такъ понимаемъ старую Россію, какъ слѣдуетъ, или, наконецъ, и наша оцѣнка московской Руси и Петра и его преобразованія невѣрна. Простой здравый смыслъ приводитъ къ этому заключенію; ибо какъ бы ни была велика и могуча личность Петра, какъ бы отрицательно ни относилось его преобразованіе ко всему старому,—все же онъ родился въ томъ обществѣ, которое преобразовалъ, былъ дитя своего времени и обстоятельствъ, и въ этомъ смыслѣ какъ онъ, такъ и его дѣло должны же были находиться въ органической связи съ той средой, изъ которой возникли и къ которой относились. Припомнимъ, что дѣло

Петра пережило его и живетъ до сихъ поръ; было ли бы это возможно безъ органической связи нашего прошедшаго съ настоящимъ? А отсюда слѣдуетъ, что въ насъ, въ нашемъ незнаніи или ошибочныхъ взглядахъ, должна скрываться причина, почему мы ее не видимъ и не понимаемъ.

Историческія изслѣдованія оправдываютъ эти выводы вполнѣ. Какъ только начали нѣсколько вникать во внутренній бытъ Россіи XVII вѣка и въ тогдашнее положеніе дѣлъ, тотчасъ же и оказалось, что тогдашній страшный хаосъ и безурядица должны были разрѣшиться такъ или иначе. Исчезло представленіе объ идеальномъ состояніи, которое Петръ будто бы Богъ вѣсть почему и зачѣмъ переломалъ на иностранный ладъ. Вообще, по мѣрѣ того какъ разрабатывалась русская исторія, идеалы оттѣснялись все болѣе и болѣе въ ту сѣдую старину, объ которой мы ничего не знаемъ и узнать не можемъ. Съ другой стороны, ближайшее знакомство съ Петромъ и его дѣлами снимаетъ съ него тяжкое обвиненіе въ платонической любви къ иностранцамъ, въ какомъ-то чудовищномъ, небываломъ планѣ вынуть у своего народа живую душу и вдохнуть въ него чужую. Освобожденный отъ риторическихъ прикрасъ и ѳиміама похвальныхъ рѣчей и лести, Петръ является передъ нами живымъ человѣкомъ, съ ошибками и удивительными дѣлами, съ недостатками и чертами генія, съ пороками и великими добродѣтелями. Сдѣлавшись изъ миѳа историческимъ лицомъ, Петръ выигрываетъ въ размѣрахъ и величіи. Голая историческая истина о немъ поражаетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ вымыселъ, именно потому, что походитъ больше на сказку, чѣмъ на правду,— такъ она необыкновенна!

Несмотря однако на множество прекрасныхъ работъ и изслѣдованій по русской исторіи, на обнародованные, въ огромномъ числѣ, новые источники, она все еще также мало извѣстна и понятна, какъ и сама Россія. Въ русской исторіи поставлено множество вопросовъ, но пока все еще не хватаетъ силъ и средствъ разрѣшить ихъ: недостаетъ необходимѣйшихъ подготовительныхъ работъ. Кое-гдѣ открываются просвѣты; точнѣе опредѣляются нѣкоторыя задачи; рождаются догадки, болѣе или менѣе правдоподобныя, которыя и служатъ пока жалкой замѣной дознанной исторической нити, связующей, повидимому, безсвязные факты и эпохи. Все это только чаяніе будущихъ историческихъ трудовъ, черновыя замѣтки для программы будущей русской исторіи.

Въ какомъ же видѣ представляется, на основаніи скудныхъ указаній, общій ходъ русской исторіи? Гдѣ ея главные узлы? Какое значеніе важнѣйшихъ ея эпохъ и событій? На эти вопросы приходится уже теперь отвѣчать нѣсколько иначе, чѣмъ думалось еще недавно.

I.

Четыре года тому назадъ, праздновалось тысячелѣтіе нашего государственнаго существованія. Боже! сколько мы расточали остроумія, сколько глумились надъ собою по этому поводу! Тысячу лѣтъ прожили—такъ разсуждали мы—и чего достигли? Самыя неотложныя потребности гражданскаго общежитія и благоустройства еще удовлетворяются кое-какъ въ двухъ-трехъ центрахъ громаднаго нашего царства, а внѣ ихъ какъ будто вовсе не существуютъ. Сколько же столѣтій нужно намъ прожить еще, чтобъ стать хоть тѣмъ, чѣмъ была Европа въ XVIII вѣкѣ? А она между тѣмъ будетъ идти впередъ не по днямъ, а по часамъ.

Разсуждая такъ, мы сравниваемъ свое настоящее не съ своимъ же прошедшимъ, а съ постороннимъ образцомъ, который у насъ подъ глазами. Вотъ наша общая, всегдашняя ошибка зрѣнія, которая перепутываетъ всѣ наши понятія.

Представимъ себѣ колониста, который въ дикой глуши, раздѣленной огромными пространствами отъ жилыхъ и промышленныхъ центровъ, впервые заведетъ хозяйство. Какъ бы хорошо онъ ни повелъ свое дѣло, сколько бы ни создалъ удобствъ для своей ежедневной жизни, всѣ его успѣхи не выдержатъ никакого сравненія съ обстановкой городского и даже пригороднаго жителя, и мы, чтобы справедливо оцѣнить его труды и усилія, должны будемъ сравнивать бытъ, созданный въ глуши, не съ лучшими образцами въ мірѣ, а съ тѣми условіями и обстановкой, посреди которыхъ бросила его судьба, и на перекоръ которымъ онъ съумѣлъ-таки заложить основанія устроенной и образованной жизни. Мы именно такіе колонисты. Судя о томъ, что мы сдѣлали,

не по тому, что̀ вообще можетъ человѣкъ сдѣлать хорошаго на свѣтѣ, а по тому, что̀ мы могли сдѣлать при данныхъ обстоятельствахъ, мы были бы справедливѣе къ нашимъ предкамъ, а главное, почерпнули бы въ изученіи нашего прошедшаго силы на новый трудъ, тогда какъ теперь мы растрачиваемъ ихъ на безплодное и дешевое остроумничаніе. Вникая глубже въ дѣло, нельзя не изумляться, сколько мы успѣли передѣлать въ такое сравнительно короткое время! Невольно приходишь къ мысли, что мы не только не лѣнились, а напротивъ, работали безъ устали. Чтобы достигнуть того, чего мы достигли въ прожитые нами вѣка, нужны были чрезвычайныя, нечеловѣческія усилія.

Начнемъ съ того, что мы прожили не тысячу лѣтъ, а гораздо меньше. Раскроемъ первую нашу лѣтопись, которая писана во всякомъ случаѣ, не позже XI вѣка. Составитель ея знаетъ малороссіянъ и перечисляетъ разныя отрасли этой вѣтви русскаго племени; называетъ сѣверо-западныя отрасли того же племени: кривичей (бѣлоруссовъ) и славянъ, упоминаетъ еще радимичей и вятичей, происшедшихъ отъ ляховъ; но замѣчательно, что великоруссовъ онъ вовсе не знаетъ. На востокъ отъ западныхъ русскихъ племенъ, гдѣ теперь живутъ великоруссы, обитаютъ, по лѣтописи, финскія племена, частью существующія и теперь, частью уже исчезнувшія. Гдѣ же были тогда великоруссы? Объ нихъ въ перечисленіи племенъ, жившихъ въ теперешней Россіи, не упоминается ни слова. Еслибъ они существовали уже въ то время, когда составитель лѣтописи писалъ свои этнографическія замѣтки, то навѣрное онъ зналъ бы эту отрасль русскаго народа и упомянулъ бы объ ней. Изъ его совершеннаго молчанія слѣдуетъ заключить, что въ то время этой, теперь самой многочисленной и по исторической роли самой значительной вѣтви русскаго племени, еще не существовало. Съ другой стороны, мы знаемъ, что колонизація финскаго востока началась съ XII вѣка. Такимъ образомъ, мы имѣемъ все основаніе предполагать, что великоруссы образовались въ особую вѣтвь не ранѣе XI вѣка. Съ того времени они успѣли сложиться въ сильное государство, занять и обрусить огромную территорію. Только на великорусской почвѣ прочно и крѣпко зародилось русское государство; только здѣсь мощные его ростки пробивались безпрестанно, пока имъ не удалось пустить глубокихъ корней въ Москвѣ. Въ Андреѣ Боголюбскомъ и Всеволодѣ, въ князьяхъ тверскихъ и рязанскихъ, слышатся зачатки государственности, осуществившіеся трудами и умѣніемъ московскихъ единовластителей, при благопріятныхъ обстоятельствахъ и въ единственно возможной тогда формѣ. Пока русская исторія не ступила на великорусскую почву, этой настойчивой, органической потребности объединиться въ государство не замѣтно, по крайней мѣрѣ въ такой степени. Разные народы приходятъ къ западно-русскимъ племенамъ, завоевываютъ ихъ и берутъ съ нихъ дань, господствуютъ надъ ними и потомъ исчезаютъ, или смѣняются другими господами. Варяжская дружина была не первая и не послѣдняя, придавшая западной Россіи извнѣ характеръ государства. Передъ варягами тоже дѣлали обры (авары) и хозары, послѣ нихъ литовцы и поляки. Лишь только внѣшніе властители сливались съ туземцами, какъ напр., варяги и литовцы, государство расползалось и страна становилась добычей новыхъ завоевателей или пришельцевъ.

Исконная несамостоятельность западной Россіи, неспособность ея образовать единое сильное государство, рѣзко выдвигаетъ впередъ характеристическую особенность Великороссіи, которой главнѣйшая жизненная задача какъ будто исключительно въ томъ только и состояла, чтобы создать и упрочить государство. Этой цѣли она приносила и приноситъ въ жертву лучшія свои силы. Глубокій смыслъ такого стремленія великоруссовъ заключается въ томъ, что Россія есть единственное свободное славянское государство.

Спрашивается: что же такое великоруссы? Откуда взялись они, когда до XI или XII вѣка они не существовали? Откуда взялся у нихъ этотъ удивительный смыслъ къ государству,—удивительный тѣмъ болѣе, что его, въ этой степени, не оказалось ни у одного изъ прочихъ славянскихъ народовъ?

Эти вопросы—основные, первые, не только въ русской исторіи, но и въ исторіи всего славянскаго племени. Къ сожалѣнію, они-то именно и разработаны всего слабѣе. Пока, мы должны довольствоваться однѣми догадками, по нѣкоторымъ намекамъ и отрывочнымъ указаніямъ.

Восточная отрасль русскаго племени обра-

зовалась частью изъ переселенцевъ изъ Малороссіи и сѣверо-западнаго края на финской землѣ, частью изъ обрусѣлыхъ финновъ. Русскіе переселенцы, подъ вліяніемъ новыхъ условій, на новой почвѣ, получили иной характеръ, отличный отъ первоначальнаго корня, отъ котораго отдѣлились; съ другой стороны, обрусѣвшія финскія племена внесли новую кровь, новые физіологическіе элементы въ младшую вѣтвь русскаго племени. Эта вѣтвь давно отличается отъ своихъ родичей замѣтными, выдающимися нравственными и физическими чертами, и слѣд. давно уже успѣла образоваться и получить свою особую физіономію. Къ тому времени, когда начало слагаться московское государство, процессъ ея образованія уже вполнѣ совершился, новая племенная отрасль сложилась вполнѣ. Съ тѣхъ поръ, она только окрѣпла, политически объединилась, разселялась далѣе и далѣе, и поглощала финскія племена, что безостановочно продолжается и до сихъ поръ. Такимъ образомъ, въ какихъ нибудь три, четыре вѣка, возникло новое зерно для исторической жизни, завязался новый историческій узелъ, и притомъ такъ крѣпко и прочно, что, несмотря на всѣ невзгоды, онъ разросся, въ слѣдующіе три, четыре вѣка, въ одно изъ сильнѣйшихъ государствъ въ мірѣ. Не медленности этого движенія надобно удивляться; напротивъ, изумительна крѣпость и мощь этого зародыша, который развивался и развивается такъ быстро. Говоря объ исторіи другихъ государствъ, существующихъ многія столѣтія, мы имѣемъ въ виду, иногда не отдавая себѣ яснаго отчета, исторію государственнаго существованія племени или народа уже сложившагося, имѣвшаго уже предъ тѣмъ опредѣленную физіономію; но исторія русскаго государства есть вмѣстѣ исторія возникновенія и образованія цѣлой отрасли русскаго племени, которая составляетъ главное его зерно. Между тѣмъ и другимъ есть громадная, неизмѣримая разница!

Въ образованіи великорусской вѣтви, ея разселеніи и обрусѣніи финновъ состоитъ интимная, внутренняя исторія русскаго народа, оставшаяся доселѣ какъ-то въ тѣни, почти забытая; а между тѣмъ, въ ней-то именно и лежитъ ключъ ко всему ходу русской исторіи. Изучая ея пеструю внѣшнюю оболочку, мы постоянно, до позднѣйшаго времени, теряли изъ виду внутренній, господствующій въ ней фактъ, и конечно отъ того мало ее понимали.

На исторію постепеннаго разселенія великоруссовъ и постепеннаго обрусѣнія финновъ стали очень еще недавно обращать серьезное вниманіе. О древнѣйшемъ ея періодѣ письменныя свидѣтельства крайне скудны; для московской эпохи они уже гораздо обильнѣе; а за послѣднія полтораста, двѣсти лѣтъ ее можно прослѣдить по документамъ, съ величайшей подробностью,—была бы только охота рыться въ архивахъ. Но самымъ важнымъ и любопытнымъ временемъ является именно начало колонизаціи и обрусѣнія финновъ, когда великорусская вѣтвь стала слагаться. Разъяснить, какъ это совершилось, можетъ только пристальное сравнительное изученіе нѣмыхъ памятниковъ старины, русскихъ и финскихъ,—названій живыхъ урочищъ, языка, областныхъ нарѣчій и этнографіи, а за это дѣло едва-едва у насъ только принимаются, и то еще очень вяло. Соображая скудныя письменныя извѣстія съ позднѣйшимъ движеніемъ колонизаціи въ Россіи, видно, какъ замѣтилъ проф. Соловьевъ, что разселеніе направлялось, главнымъ образомъ, на востокъ, и происходило, повидимому, самыми различными путями и способами. Съ одной стороны, поселенія двигались изъ Новгорода, по сѣверу теперешней Великороссіи, къ Уралу; съ другой, заселялись внутреннія наши губерніи изъ Малороссіи. Какъ только завязались первые узлы или центры русскаго населенія въ этихъ странахъ, тотчасъ же стали выходить отъ нихъ новые поселки въ различныхъ направленіяхъ и самымъ различнымъ образомъ. Вольными дружинами заселялся, повидимому, преимущественно сѣверъ, изъ Новгорода. Весьма замѣчательно, что сѣверное населеніе и до сихъ поръ удерживаетъ своеобразный характеръ, напоминающій ихъ новгородское происхожденіе; въ гражданскомъ и общественномъ быту оно замѣтно выше, развитѣе. Князья, съ своей стороны, тоже выводили колоніи; впослѣдствіи, государственная колонизація получила правильный ходъ и громадные размѣры. Въ края, заселенные инородцами или подверженные вторженіямъ кочевниковъ, русское населеніе продвигалось подъ прикрытіемъ ряда крѣпостей, которыя отодвигались все дальше и дальше; въ другихъ мѣстахъ, какъ напр., въ Сибири въ XVII вѣкѣ, правительство заселяло край добровольными поселенцами, которые привлекались туда разными льготами. При помощи такихъ же льготъ заводила новыя поселенія и церковь,

въ особенности монастыри. Могущественнымъ двигателемъ колонизаціи была также помѣстная система, особливо съ тѣхъ поръ, какъ стали даваться въ помѣстья незаселенныя земли (дикія поля); такимъ же двигателемъ явилось впослѣдствіи крѣпостное право, при помощи котораго, еще въ недавнее время, заселились Заволжская степь и Оренбургская губернія. Наконецъ, припомнимъ, что въ очень раннія времена, люди, изъ самыхъ различныхъ побужденій, оставляли общество и основывали новыя поселенія, вдали отъ человѣческихъ обиталищъ. Съ одной стороны, благочестивые отшельники уходили въ пустыни и глушь лѣсовъ, чтобы безъ помѣхи предаваться молитвѣ и созерцательной жизни: такъ возникли пустыни, скиты, обители и монастыри, сдѣлавшіеся впослѣдствіи центрами болѣе или менѣе многочисленнаго населенія. Съ другой стороны, все тяготившееся тогдашнимъ общественнымъ строемъ, повинностями, службами и притѣсненіями, все искавшее простора и разгула, бѣжало въ степь и основало независимыя казацкія общества. Бѣглыми людьми и крѣпостными, еще не очень давно, заселялись Новороссія и Кавказъ.

Совокупными дѣйствіями всѣхъ этихъ видовъ, колонизація Россіи подвигалась быстро. Пустыри и степи обращались въ заселенныя мѣста. Когда нибудь, точныя изслѣдованія возстановятъ этотъ процессъ постепеннаго распространенія русскаго племени по огромной территоріи, и это, конечно, будетъ одна изъ замѣчательнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ страницъ русской внутренней исторіи.

Столько же интересна исторія постепеннаго поглощенія финскихъ племенъ русскимъ. Если не ошибаемся, покойный Сенковскій первый обратилъ вниманіе на этотъ знаменательный фактъ. Наблюденіе это такъ поразило его, что великоруссы представились ему чуть ли не славянскимъ прививкомъ на финскомъ корнѣ. Въ наше время Духинскій подхватилъ этотъ намекъ и обратилъ его въ орудіе цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ наукой и исторической истиной. Для достиженія этихъ цѣлей, ему очень хочется доказать, что великоруссы не славяне, а монголы, туранцы. Г. Духинскій не заслуживаетъ чести опроверженія. Доказывать, что мы не по указу Петра или Екатерины называемся русскими, а были ими съ тѣхъ поръ, какъ себя помнимъ на великорусской почвѣ—значило бы унижать науку. Еслибъ даже фразистая замѣтка Сенковскаго была полной исторической истиной,—еслибъ великоруссы дѣйствительно были не что иное, какъ обрусѣвшіе финны, то и тогда ославянившійся инородческій элементъ, утратившій свой языкъ и самое воспоминаніе о своей первоначальной народности, слѣдовало бы причислить къ славянамъ; теперешніе жители саксонскаго королевства и нѣмецкаго поморья считаются же нѣмцами, хотя они, въ значительной степени, — онѣмеченные славяне; жители теперешней Греціи считаются же греками, не смотря на то, что въ нихъ много славянской примѣси; жители Ломбардіи — итальянцами, хотя они, собственно говоря, смѣсь нѣмцевъ (лангобардовъ) съ туземными жителями. А мысль Сенковскаго, вдобавокъ, не есть историческая истина. Мы знаемъ несомнѣнно, что финскія племена обрусѣваютъ; но смѣшивались ли западно-русскіе переселенцы съ туземцами, или вытѣсняли ихъ и занимали ихъ мѣста,—этого мы не знаемъ. Если судить по позднѣйшему времени, то послѣднее гораздо вѣроятнѣе. Припущенники есть и теперь еще въ Башкиріи; многіе думаютъ, что еслибъ постепенное мирное вторженіе русскихъ въ Башкирію не было остановлено административными распоряженіями, то русскій элементъ значительно бы ослабилъ башкирскій въ мѣстахъ теперешнихъ поселеній этого народа. Въ оренбургской губерніи много деревень съ чувашскими названіями, изъ которыхъ природные обитатели — чуваши — были совсѣмъ вытѣснены русскими припущенниками, когда послѣдніе усилились въ числѣ. Такимъ образомъ, мы не имѣемъ права утверждать положительно, что великоруссы—смѣсь финновъ съ западно-русскими поселенцами. Вѣрно только, какъ сказано выше, что массы финновъ обрусѣли, и что обрусѣніе ихъ продолжается и до сихъ поръ. Тамбовская и пензенская губерніи — обрусѣвшая мордва: это обличаетъ наружный видъ тамошнихъ крестьянъ и географическія названія. Вотяки (старинная водь) въ вятской губерніи русѣютъ на нашихъ глазахъ; тоже замѣтно на петербургской губерніи, гдѣ, по словамъ окрестныхъ чухонцевъ, еще около пятидесятыхъ годовъ, въ нѣкоторыхъ чухонскихъ деревняхъ женщины и дѣти совсѣмъ не понимали по-русски, а теперь и понимаютъ и говорятъ. Любопытныя свѣдѣнія о постепенномъ обрусѣніи чухонцевъ петербургской губерніи собраны покойнымъ профессоромъ С. Кутор-

гои, во время его геологическихъ изслѣдованій здѣшней губерніи. Знакомые съ приволжскимъ краемъ (бывшей Низовской землей) сообщаютъ наблюденія, сходныя, въ главныхъ чертахъ, съ свѣдѣніями покойнаго Куторги; тамъ еще до сихъ поръ можно, не справляясь съ историческими свидѣтельствами, видѣть на мѣстахъ старинное распредѣленіе финскихъ племенъ и направленіе русской колонизаціи, можно отличить прежнее мѣстожительство двухъ вѣтвей мордовскаго племени—эрзы и мокши, съ ихъ столицами, Арзамасомъ и Моршанскомъ. Этнографическія изслѣдованія тверской губерніи, по всей вѣроятности, повели бы къ любопытнымъ результатамъ относительно стариннаго распредѣленія сѣверныхъ финскихъ племенъ. Къ сожалѣнію, мы пока очень равнодушны къ такого рода историческимъ вопросамъ, а между тѣмъ финскія племена неудержимо обрусѣваютъ, и слѣды стариннаго быта изглаживаются безвозвратно и безслѣдно. По тому, что происходитъ теперь у насъ подъ глазами, чрезвычайно трудно составить себѣ понятіе о томъ, что и какъ дѣлалось въ началѣ колонизаціи, въ губерніяхъ, теперь совершенно русскихъ — московской, владимірской, костромской, ярославской. Считать ли большинство жителей этихъ губерній обрусѣвшими финнами, или русскими поселенцами, преимущественно изъ Малороссіи,—вотъ вопросъ чрезвычайно важный, но который, можетъ быть, навсегда останется неразрѣшеннымъ, по недостатку данныхъ; тогда какъ одно лишь разъясненіе этого вопроса можетъ вести къ правильному разрѣшенію другого, несравненно важнѣйшаго вопроса: опредѣляются ли отличія великоруссовъ отъ западнорусскихъ племенъ другой обстановкой жизни на новой почвѣ, въ теченіе вѣковъ,—или же постепеннымъ смѣшеніемъ поселенцевъ съ финскими элементами. И то и другое предположеніе имѣетъ своихъ защитниковъ, но ни одно изъ нихъ не подкрѣплено пока серьезными и точными научными изслѣдованіями. Профессоръ С. Куторга указываетъ въ свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ имъ географическому обществу, на много словъ, повидимому заимствованныхъ великорусскимъ нарѣчіемъ изъ финскаго языка, такъ какъ они только въ финскомъ языкѣ объясняются этимологически. Приведенныя имъ слова относятся къ земледѣлію и домашнему быту, изъ чего можно предполагать, что, съ этой стороны, русское племя подчинялось вліянію финновъ и позаимствовало отъ нихъ понятія и привычки, которыхъ оно не имѣло, или которыя были, по крайней мѣрѣ, менѣе развиты и вкоренены у нихъ, чѣмъ у финскихъ племенъ. Но такой важный и рѣшительный выводъ очевидно не можетъ быть принятъ въ науку и возведенъ въ исторически-достовѣрный фактъ на основаніи бѣглыхъ путевыхъ замѣтокъ, собранныхъ въ одной губерніи. Только подробное изученіе великорусскаго нарѣчія сравнительно съ другими русскими и славянскими языками, и въ то же время съ финскими, можетъ окончательно рѣшить этотъ вопросъ, около котораго, повторяемъ, сосредоточенъ весь интересъ древнѣйшей исторіи Великороссіи. Къ сожалѣнію, сколько мы знаемъ, на такого рода труды пока только указывается; никто, кажется, за нихъ еще не принимался, по крайней мѣрѣ они вовсе неизвѣстны.

Отъ этнографическихъ элементовъ обратимся теперь къ культурѣ великоруссовъ.

Всѣмъ извѣстно, какое огромное, рѣшительное вліяніе имѣетъ на развитіе и историческія судьбы государства степень культуры, которую приносятъ съ собою переселенцы, образующіе въ новой странѣ господствующій элементъ. Живой примѣръ тому представляютъ древнія греческія колоніи, а въ настоящее время англійскія поселенія, раскинувшіяся почти по всему земному шару.

Спрашивается: какую степень культуры принесли съ собою въ Великороссію переселенцы изъ западной Россіи? Вопросъ этотъ тоже вовсе не изслѣдованъ, даже едва затронутъ. Почти ничего не подготовлено для его изслѣдованія, и мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что значительные научные предразсудки и предубѣжденія существенно мѣшаютъ и долго еще будутъ мѣшать правильному его поставленію, безъ чего успѣшная его разработка невозможна.

Одна изъ существенныхъ, коренныхъ ошибокъ, затемняющихъ дѣло, состоитъ, кажется, въ томъ, что, изслѣдуя древнѣйшій бытъ славянъ, мы безразлично сводимъ въ общіе результаты находимое у разныхъ славянскихъ народовъ; вслѣдствіе этого, въ нашемъ представленіи слагается одинъ общій типъ, одинъ общій уровень древнѣйшей славянской культуры, и этотъ-то типъ мы затѣмъ невольно и безсознательно одинаково

приписываемъ всѣмъ славянскимъ народамъ, стоявшимъ, повидимому, на различной ступени развитія. Этимъ мы лишаемъ себя возможности ясно и отчетливо различать то, что въ дѣйствительности могло быть весьма различно.

Колонизація Великороссіи изъ западной Россіи началась, какъ мы сказали, повидимому, въ XI или въ XII вѣкѣ, слѣдовательно, спустя какихъ нибудь полтора или два вѣка послѣ принятія христіанства при Владимірѣ. Это великое событіе было дѣломъ князя и меньшинства народа и шло, какъ всѣ великія реформы у славянъ, сверху внизъ; массы народа были погружены въ язычество; а исторія всѣхъ народовъ показываетъ, какъ медленно народныя вѣрованія переживаются въ массахъ и какъ туго водворялось въ нихъ христіанство, даже послѣ того, какъ оно было признано за господствующую вѣру. Цѣлые вѣка проходили, пока христіанство проникало въ ежедневный бытъ, внѣдрялось въ народные обычаи, нравы и убѣжденія. Мы знаемъ также изъ исторіи, что церковь, для достиженія этого результата, не только энергически боролась съ языческими представленіями, но мудро и осторожно щадила языческіе предразсудки, исподоволь замѣняя ихъ христіанскими образами и цѣлымъ рядомъ такихъ благоразумныхъ снисхожденій переводя мало-помалу языческія вѣрованія въ христіанскія, пока наконецъ первыя вовсе не изглаживались и исчезали передъ новымъ ученіемъ и истинами. На встрѣчу этимъ усиліямъ шло естественное стремленіе новообращенныхъ, — приспособить новое вѣроученіе къ своимъ укоренившимся представленіямъ, понять и усвоить его себѣ въ формахъ извѣстныхъ и обычныхъ. Такимъ образомъ, языческія представленія долго выражались и отчасти развивались подъ христіанскими формами, пока наконецъ духъ христіанства не упразднилъ языческое міросозерцаніе въ самомъ его основаніи.

Полутораста или двухсотъ лѣтъ, прошедшихъ со времени крещенія Руси при Владимірѣ до вѣроятнаго начала колонизаціи Великороссіи, было слишкомъ недостаточно, для совершеннаго перерожденія русскихъ язычниковъ. Культура не могла не быть тогда все еще по преимуществу языческой.

Какова могла быть степень этой культуры? При изслѣдованіи этого вопроса, ученые, намъ кажется, впадаютъ тоже въ важную ошибку, которая едва ли не есть главная причина безуспѣшности и безрезультатности всѣхъ поисковъ въ этой области, и безъ того чрезвычайно запутанной и темной. Чтобы дорыться до первоначальныхъ нашихъ языческихъ представленій и вѣрованій, нужно проникнуть сквозь тѣ формы, въ которыя они облеклись подъ вліяніемъ новыхъ вѣрованій. Уже это одно, само по себѣ, чрезвычайно трудно, потому что, облекаясь въ новыя формы, язычество значительно измѣняется въ самомъ существѣ, о которомъ мы имѣемъ лишь самыя отрывочныя историческія свидѣтельства. Посреди такой сбивчивой и необыкновенно тонкой работы, воображеніе невольно разыгрывается. Стертыя и однообразныя черты, до которыхъ мы доискались, насъ не удовлетворяютъ; мы охотно приписываемъ скудость и блѣдность того, что нашли, дѣйствію времени, силѣ разрушающихъ вліяній, и дополняемъ недостающее по нашему мнѣнію — цвѣтами нашей собственной фантазіи, воображаемъ, что за тѣмъ, что до насъ дошло, скрывается цѣлая развитая, полная система языческой миѳологіи и міросозерцанія, которыя впослѣдствіи утратились. Гриммъ открывалъ, по болѣе развитымъ и опредѣлившимся остаткамъ скандинавской миѳологіи, слѣды исчезнувшихъ такихъ же вѣрованій у остальныхъ германскихъ народовъ. Быть можетъ, этотъ методъ не вполнѣ вѣренъ и въ примѣненіи къ германской миѳологіи; въ скандинавской миѳологіи могли полнѣе и отчетливѣе развиться, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, зародыши миѳологіи, которые у прочихъ германскихъ народовъ, при другихъ условіяхъ, не успѣли опредѣлиться и дошли до насъ въ этомъ начальномъ своемъ видѣ. Мы обращаемся съ данными славянской миѳологіи гораздо произвольнѣе и дурно подражаемъ Гримму. Смѣшивая миѳологическія данныя, собранныя у разныхъ славянскихъ народовъ, мы едва замѣчаемъ, что, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, русскій Олимпъ едва началъ слагаться около временъ Владиміра, и вѣроятно потому не удержался въ народной памяти. Въ западной Россіи припоминается еще Перунъ въ названіяхъ урочищъ и въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ; у бѣлоруссовъ сохранилось воспоминаніе о Волосѣ или Велесѣ, передѣланномъ въ Власія, какъ Святовидъ у сѣвер-

ныхъ славянъ преобразился въ святого Вита. Прочіе боги, которымъ, по лѣтописи, поклонялись въ западной Руси, не удержались въ народной памяти и занесены, кажется, отъ другихъ, славянскихъ и даже неславянскихъ народовъ. Вѣроятно поэтому они и исчезли безъ слѣда. Перунъ былъ богъ грома и молніи, Волосъ—богъ скота. Вотъ все, что мы объ нихъ знаемъ. Бѣднѣе миѳологію трудно себѣ представить. Намъ скажутъ: это потому, что памятники недостаточны, что христіанство тщательно истребляло слѣды язычества. Но въ западной Европѣ языческія воспоминанія удержались же въ народѣ, несмотря ни на что; у насъ литовцы и мордва до сихъ поръ сохранили, съ гораздо большей ясностью и опредѣленностью, древнія миѳологическія представленія, чѣмъ русскія племена. Сравнительно позднее водвореніе между этими народами христіанства не опровергаетъ этого вывода: успѣли же сохраниться въ народной памяти западно-русскихъ племенъ Перунъ и Волосъ; если остальные языческіе боги исчезли, то это ничему другому приписать нельзя, какъ тому, что они либо только начали слагаться въ то время, когда были застигнуты христіанствомъ, либо заимствованы отъ другихъ народовъ не задолго до крещенія Руси при Владимірѣ.

Очень замѣчательно, что великоруссы не сохранили ни малѣйшаго воспоминанія о Перунѣ; есть только слѣды Волоса. Всѣ мѣстныя названія, всѣ обороты рѣчи, въ которыхъ поминается о Перунѣ, встрѣчаются теперь исключительно только у малороссіянъ и бѣлоруссовъ. Это подтверждаетъ, что колонизація Великороссіи началась уже послѣ принятія христіанства, когда воспоминаніе о языческихъ богахъ стало слабѣть. Волосъ удержался, можетъ быть, единственно потому, что былъ пріуроченъ къ православному календарю.

Миѳологическія божества являются у язычниковъ какъ плодъ уже извѣстнаго развитія. Характеръ божествъ, значеніе ихъ, большая или меньшая опредѣленность ихъ формы въ народныхъ понятіяхъ, даютъ мѣрило степени этого развитія. Судя по такимъ признакамъ, мы можемъ безошибочно заключить, что у русскихъ славянъ развитіе въ эпоху язычества стояло на весьма низкой ступени.

Впрочемъ, миѳологія еще не вполнѣ исчерпываетъ языческое міросозерцаніе. Неопредѣленность ея формъ доказываетъ только, что оно не успѣло сложиться въ ученіе, не перешло въ сознаніе. Замѣтимъ также, что богатая миѳологія предполагаетъ, между прочимъ, большую силу и живость фантазіи, которою одарены не всѣ народы, по крайней мѣрѣ не всѣ въ равной степени. Особенная осторожность необходима въ выводахъ и заключеніяхъ, когда рѣчь идетъ о славянахъ—племени, котораго развитіе, по всѣмъ видимостямъ, еще впереди, и призваніе въ исторіи еще не обозначилось. Поэтому, не дѣлая никакихъ окончательныхъ заключеній о томъ, почему слабые, едва намѣченные зачатки западно-русской миѳологіи совсѣмъ исчезаютъ на великорусской почвѣ, постараемся опредѣлить міросозерцаніе великоруссовъ въ ту отдаленную эпоху, когда эта отрасль русскаго племени начала складываться.

Было время, когда этотъ вопросъ живо интересовалъ насъ. Обильные матеріалы для его изученія представляютъ бытовые народные памятники,—пѣсни, сказки, обряды, праздники, повѣрья, примѣты и проч. Какъ ни мало разработанъ этотъ матеріалъ, но общія и главныя черты древнѣйшаго міросозерцанія великоруссовъ выступаютъ изъ него очень ясно и выпукло. Насъ всегда поражалъ первобытный, непосредственный реализмъ, которымъ дышатъ эти остатки старины. Иносказаніе, символизмъ играютъ въ нихъ самую незамѣтную роль; антропоморфизмъ является въ очень слабыхъ, первичныхъ намекахъ и формахъ; первобытные, грубые факты, которые можно предполагать въ основаніи роскошно развившейся греческой миѳологіи и даже въ основѣ менѣе блестящей и поэтической миѳологіи германской, у великоруссовъ являются во всей своей первоначальной непосредственности. Мы думаемъ, что, въ этомъ смыслѣ, изслѣдованіе великорусскихъ языческихъ представленій было бы необходимымъ и лучшимъ введеніемъ къ греческой и германской миѳологіи, какъ картина міросозерцанія, которое и у грековъ и нѣмцевъ предшествовало миѳологическому періоду, но впослѣдствіи было ими, мало-по-малу, забыто и сохранилось только въ немногихъ, слабыхъ, едва понятныхъ намекахъ ихъ миѳологій. Ключь къ этому первобытному міросозерцанію лежитъ въ нашихъ народныхъ повѣрьяхъ и

праздникахъ, пріуроченныхъ къ днямъ и временамъ года. Разсматривая ихъ, мы найдемъ, что въ основаніи ихъ лежитъ первобытное, непосредственное поклоненіе предметамъ, явленіямъ и силамъ природы, при самыхъ слабыхъ зачаткахъ олицетворенія, послужившихъ у другихъ народовъ исходной точкой для дальнѣйшяго миѳологическаго развитія. На этой ступени культуры, человѣкъ подчиняется силамъ и явленіямъ природы вполнѣ, безусловно, безгранично. Каждый шагъ, каждое движеніе его, дома и внѣ дома, обставлены обрядами, точное соблюденіе которыхъ предохраняетъ отъ зла и напастей; никакое дѣйствіе, даже самое незначительное, не можетъ быть предпринято безъ соблюденія такого предохранительнаго и спасительнаго обряда. Вся жизнь, отъ колыбели до гробовой доски, совершается, такимъ образомъ, посреди непрерывныхъ обрядностей и ритуаловъ, и свободной инціативѣ человѣка не оставлено ни малѣйшаго простора. Къ этому главному, основному элементу древнѣйшаго языческаго міросозерцанія великоруссовъ, присоединяется поклоненіе умершимъ, которое переплетается съ поклоненіемъ силамъ и явленіямъ природы, поставлено въ зависимость отъ него и пріурочено ко временамъ года. Нельзя однако не замѣтить, что древнѣйшее поклоненіе предкамъ далеко неясно: чрезвычайно трудно различить въ дошедшихъ до насъ фактахъ первоначальную основу отъ позднѣйшихъ западно-русскихъ и вообще славянскихъ вліяній, а также отъ христіанскихъ представленій.

Народные бытовые памятники западно-русскаго населенія далеко не имѣютъ такого первобытнаго, непосредственно-реальнаго характера. Въ нихъ фантазія играетъ гораздо большую роль. Въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ обрядовыхъ пѣсняхъ встрѣчаются поэтическія олицетворенія силъ и явленій природы, пріуроченныя къ именамъ святыхъ. Вообще, у западно-русскаго народа отношеніе къ природѣ болѣе поэтическое и болѣе свободное; нѣтъ того поглощенія человѣка обрядомъ, какъ у великоруссовъ. Послѣдніе ограждаютъ себя имъ на каждомъ шагу отъ зловредныхъ вліяній и силъ; у малороссовъ и бѣлоруссовъ обрядъ и ритуалъ не имѣютъ этого заклинательнаго значенія чаръ; они улетучились въ преданіе и поэтическое дѣйствіе, не лишенное изящной торжественности, украшающей важныя минуты и событія жизни, возвышающей ихъ надъ прозаическимъ теченіемъ ежедневности.

Откуда взялось это поразительное различіе, которое теперь, мало-по-малу, сглаживается, но еще лѣтъ двадцать, тридцать тому назадъ бросалось въ глаза? Произошло ли оно вслѣдствіе вліянія финской примѣси, или вслѣдствіе внѣшнихъ условій и обстановки западно-русскихъ колоній въ новой родинѣ? Разрѣшеніе этихъ вопросовъ пролило бы яркій свѣтъ на начало и процессъ образованія великорусской вѣтви. Замѣчательно, что въ бывшихъ новгородскихъ колоніяхъ обрядовая сторона народной жизни имѣетъ, кажется, болѣе свѣтлый и поэтическій характеръ; но въ то же время, нельзя сказать, чтобъ у однихъ завѣдомо обрусѣвшихъ финновъ замѣчался тотъ характеръ обрядности, который мы выше приписали великоруссамъ. При теперешнемъ состояніи русской этнографіи, вопросъ такой существенной важности не разрѣшимъ, и для разныхъ предположеній открывается широкое поле. Одно только можно, кажется, вывести съ нѣкоторою вѣроятностью: выселенцы въ Великороссію изъ западной Руси,—смѣшались ли они съ туземцами-финнами или нѣтъ,—переродились въ новой родинѣ. Характеръ ихъ міросозерцанія, ихъ обрядовъ и повѣрій указываетъ на какой-то перерывъ во внутренней жизни русскаго племени, который можно объяснять и чуждой примѣсью, и суровой, не гостепріимной страной, въ которой они поселились. Такого перерыва не было у западно-руссовъ, оставшихся на старыхъ мѣстахъ, продолжавшихъ развиваться на томъ же корню, подъ болѣе благопріятными географическими и климатическими условіями.

Отсутствію культуры въ міросозерцаніи древнѣйшихъ великоруссовъ отвѣчало отсутствіе ея въ ихъ соціальномъ быту. Прямыми источниками для его изученія служатъ опять народные праздники, обычаи, нравы, пословицы; вспомогательнымъ—вся наша исторія до Петра. Ни въ чемъ, можетъ быть, привычка наша перемѣшивать разные обычаи и нравы и выводить изъ этого пестраго матеріала общіе выводы не оказала намъ такой плохой услуги, какъ въ пониманіи русской исторіи. Наклонность и способность славянскаго племени, въ томъ числѣ и русскихъ, къ общинной и артельной жизни, не подле-

жить сомнѣнію. Въ минуты великихъ общественныхъ бѣдствій и радостей, при всѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ и событіяхъ, эта сторона славянскаго характера всегда выступаетъ у насъ на первый планъ весьма ярко. Другое дѣло—ежедневная, будничная жизнь. Основная черта народнаго характера будетъ стремиться выразиться и въ ней; но въ какой степени она проникнетъ собою подробности частнаго и общественнаго обыденнаго быта и въ какихъ именно формахъ выразится, — это уже зависитъ отъ историческаго возраста народа, отъ условій его развитія, отъ тысячи разныхъ обстоятельствъ, въ которыя поставлена народная жизнь. Обстоятельства могутъ задержать, подавить, исказить народный характеръ, и наоборотъ, могутъ способствовать его правильному раскрытію. Какъ въ жизни частнаго человѣка, такъ и въ жизни народа, могутъ выдаваться цѣлыя эпохи, когда основной фондъ его характера какъ будто совсѣмъ исчезаетъ, а на самомъ дѣлѣ только дремлетъ и впослѣдствіи снова выступаетъ наружу. Потому-то большая ошибка—задаваться какимъ-нибудь, хотя бы неоспоримымъ, несомнѣннымъ народнымъ свойствомъ и дѣлать изъ этого посылку, что оно непремѣнно выражалось въ каждую эпоху жизни народа, даже когда нѣтъ на это никакихъ историческихъ указаній, или когда данныя противорѣчатъ такому выводу; большая ошибка — смѣшивать бытъ разныхъ вѣтвей одного и того же народа, и извѣстныя черты, встрѣчаемыя у одной изъ нихъ, переносить на другія.

Въ жизни западной Россіи, уже въ отдаленную эпоху, замѣтно большое движеніе; есть городскія общины, есть какіе-то зачатки феодальныхъ отношеній, есть намеки на аристократическіе элементы. Очень рано появляется дѣлежъ наслѣдства—признакъ развитія начала личности. Такимъ образомъ, въ западно-русскомъ населеніи, общественный бытъ и отношенія представляютъ, въ началѣ исторіи, нѣкоторое разнообразіе и сложность. Слѣды этого сохранились до сихъ поръ въ тамошней семьѣ и общинѣ, особливо въ Малороссіи, чему, конечно, значительно способствовала и послѣдующая исторія.

Совсѣмъ другое находимъ въ Великороссіи. Съ тѣхъ поръ, что здѣсь образовалась особая вѣтвь русскаго племени, ни котораго изъ названныхъ выше общественныхъ элементовъ мы въ ней не встрѣчаемъ. Въ основѣ всѣхъ частныхъ и общественныхъ отношеній лежитъ одинъ прототипъ, изъ котораго все выводится, — именно, дворъ или домъ, съ домоначальникомъ во главѣ, съ подчиненными его полной власти чадами и домочадцами. Это, если можно такъ выразиться, древнѣйшая, первобытная и простѣйшая ячейка осѣдлаго общежитія. Этотъ начальный общественный типъ играетъ большую или меньшую роль во всѣхъ мало развитыхъ обществахъ; но нигдѣ онъ не получилъ такого преобладающаго значенія, нигдѣ не удержался въ такой степени на первомъ планѣ во всѣхъ соціальныхъ, частныхъ и публичныхъ отношеніяхъ, какъ у великоруссовъ. Въ крестьянскомъ быту онъ, еще въ очень недавнее время, живо сохранялся въ первоначальномъ видѣ, когда общество и государство уже приняли другія формы. Не говоря о внутреннемъ устройствѣ крестьянской семьи и семейныхъ отношеній, личныхъ и по имуществу, припомнимъ значеніе очага въ народныхъ повѣрьяхъ; безчисленное множество примѣтъ, относящихся къ избѣ, печи, угольямъ; особенные, полу-языческіе обряды, сопровождающіе основаніе новой усадьбы и переходъ въ новую избу, причемъ горящіе уголья играютъ такую важную роль.

Такимъ образомъ, зачатки великорусскаго элемента, лежащаго въ основаніи Московскаго государства и Россійской Имперіи, были, повидимому, вотъ какіе: въ XI или XII вѣкѣ, переселенцы двинулись, разными путями, изъ западной Россіи, на востокъ, въ финскія земли. Они не принесли съ собой никакой культуры, ни умственной, ни гражданской. Въ новой родинѣ, печальной и суровой, они не нашли ни образованныхъ народовъ, ни даже остатковъ прежде бывшей культуры. Туземцы, финскія племена, разбросанные на огромномъ пространствѣ нынѣшней Великороссіи, подпали постепенно подъ власть и вліяніе переселенцевъ и, можетъ быть, смѣшались съ ними, всего вѣроятнѣе стали постепенно обрусѣвать, и такимъ образомъ внесли новую кровь, новые элементы въ русское начало, принесенное колонистами съ запада. Подъ вліяніемъ новой почвы, новой обстановки и притока финской крови, сложилась постепенно новая вѣтвь русскаго племени. По мѣрѣ того, какъ она вырабатывалась и получала свою особую физіономію, подготовлялись элементы для новой государственной формаціи, рѣзко от-

личавшейся, подобно своей основѣ, отъ всего, виданнаго дотолѣ. На характерѣ великоруссовъ отразилась исторія ихъ происхожденія и постепеннаго образованія; а характеръ этотъ, въ свою очередь, опредѣлилъ особенности гражданскаго и государственнаго строя, который образовался у этого удивительнаго народа. Переселенецъ сталъ на новой почвѣ колонизаторомъ, и распространился постепенно по громадной территоріи. Въ вѣковыхъ трудахъ разселенія образовалась та подвижность, то умѣніе найтись въ трудныхъ обстоятельствахъ, тотъ практическій тактъ въ сношеніяхъ съ инородцами, которыми такъ отличается великороссіянинъ передъ своими соплеменниками. Преобладаніемъ, въ новомъ отечествѣ, надъ всѣми другими племенами объясняется то чувство превосходства надъ инородцами, которое великоруссы глубоко носятъ въ своей душѣ, хотя и не всегда выказываютъ. Не принеся съ собою изъ родины никакой культуры и не найдя ея на новой почвѣ, переселенецъ, посреди тяжкихъ условій, въ которыя былъ поставленъ въ не-гостепріимномъ климатѣ и въ дикой странѣ, долгое время осужденъ былъ оставаться при грубыхъ умственныхъ и соціальныхъ зачаткахъ первобытнаго человѣка. Трудная, упорная борьба съ природой-мачихой, поглощая всѣ силы, не оставляла ему досуга для высшихъ помысловъ, развила, рядомъ съ суевѣрнымъ фатализмомъ, признакомъ гнетущей внѣшней обстановки, какой-то грубый реализмъ и надолго помѣшала образоваться въ немъ той идеальной сдержкѣ, которая даетъ человѣку точку опоры противъ окружающаго, противъ измѣнчивости обстоятельствъ и случайностей, какъ бы влагаетъ въ него центръ тяжести, поддерживающій равновѣсіе посреди бурь житейскаго моря и въ то же время служащій складалищемъ опытности и воспоминаній накопленнаго жизнью умственнаго запаса. Не безъ основанія ставятъ великоруссамъ въ упрекъ большую плутоватость, отсутствіе предусмотрительности, жизнь со дня на день; замѣчаютъ съ изумленіемъ, что у этого народа какъ будто нѣтъ исторической памяти, что величайшія событія и эпохи его исторіи какъ будто пронеслись надъ его головой незамѣтно, не оставя почти никакихъ слѣдовъ въ народныхъ воспоминаніяхъ. Какъ ни различны между собою всѣ эти черты, но онѣ сводятся къ тому же первобытному, непосредственному реализму, котораго источникъ скрывается не въ прирожденныхъ свойствахъ великоруссовъ, а въ полномъ отсутствіи культуры русскихъ массъ, выселившихся первоначально изъ западной Россіи, въ совершенномъ отсутствіи культуры на почвѣ, на которую они пришли, и въ тѣхъ внѣшнихъ условіяхъ, въ которыя они были здѣсь поставлены, въ томъ трудѣ, на который были здѣсь обречены въ теченіе столѣтій.

Для полноты этой характеристики великорусскаго элемента необходимо коснуться еще двухъ его особенностей, которыя объясняются сказаннымъ выше и безъ него остаются совершенно непонятными.

Западно-русскіе переселенцы были уже христіанами, когда перешли въ новую родину, и перенесли на финскую почву церковь восточнаго исповѣданія, со всѣми ея учрежденіями. Несмотря на то, что языческое міросозерцаніе упорно держалось между колонистами, даже до позднѣйшаго времени, названіе христіанина стало отличительнымъ ихъ признакомъ посреди язычниковъ-туземцевъ и надолго замѣнило сознаніе народности. Русскій и православный, въ народномъ понятіи, одно и то же; православный, хотя бы и не-русскій по происхожденію, все-таки считается русскимъ; природный русскій, но не православной вѣры, не признается за русскаго. И такъ, въ Великороссіи христіанская вѣра восточнаго исповѣданія стала народнымъ знаменемъ, заступала мѣсто народности. Этимъ объясняется огромное политическое значеніе православія въ Великороссіи; въ западной Россіи оно получило его впослѣдствіи, подъ вліяніемъ борьбы съ римскимъ католичествомъ. Хотя такимъ образомъ оно играетъ великую роль въ цѣломъ русскомъ племени, однако характеръ его, на западѣ и востокѣ, былъ весьма различенъ, на что, какъ намъ кажется, не обращено еще должнаго вниманія. Въ XVII вѣкѣ, малороссіяне укоряли москалей за чрезмѣрный формализмъ въ дѣлахъ вѣры, за то, что внѣшняя сторона поставлена у нихъ на первомъ планѣ и производитъ непримиримыя вражды и пагубные раздоры между братьями и христіанами. Не разъ слышались, послѣ того, съ разныхъ сторонъ, подобные же укоры, но уже православной вѣрѣ, свидѣтельствующіе о полномъ непониманіи дѣла. Обобщая упреки и относя ихъ къ

исповѣданію, теряютъ изъ виду народъ. Христіанство принимается внѣшнимъ или внутреннимъ образомъ, смотря по степени культуры; въ ней, а не въ православіи, должно искать причины различнаго характера, который оно долго имѣло въ восточной и западной Россіи. Пока языческое міросозерцаніе не было вполнѣ отжито великороссіянами, до тѣхъ поръ они не были въ состояніи усвоивать духовное содержаніе христіанства и останавливались преимущественно на его внѣшней, обрядовой сторонѣ, приноровляя христіанское ученіе и истины къ своимъ полу-языческимъ представленіямъ и вѣрованіямъ. Задержанные въ своемъ развитіи на новой почвѣ, западно-русскіе поселенцы естественно гораздо позднѣе стали доступны внутренней, духовной сторонѣ православія, чѣмъ ихъ братья, въ первоначальной родинѣ. Флетчеръ, бывшій въ Москвѣ въ концѣ XVI вѣка, прямо называетъ насъ язычниками. Весьма знаменательно, что туземныя ереси и расколы появляются въ Великороссіи не прежде XVII вѣка, и еще въ XVIII вѣкѣ вращаются около однихъ внѣшнихъ, обрядовыхъ и богослужебныхъ предметовъ, глубоко погружены въ церковный формализмъ. Предшествовавшія имъ ереси и секты частью занесены къ намъ, повидимому, изъ Византіи, частью, кажется, съ запада, или,—что, можетъ быть, вѣроятнѣе,—образовались въ областяхъ (преимущественно въ Псковѣ), принадлежащихъ, по своему происхожденію и степени культуры, къ западнорусскимъ группамъ. Въ западной Россіи, развитіе продолжалось на томъ же корню, на которомъ началось, и потому культура была сравнительно выше; вотъ почему и православіе воспринималось здѣсь болѣе и болѣе духовно, что и дало западной Россіи силу бороться съ римскимъ католичествомъ духовнымъ оружіемъ. Въ Великороссіи, православіе, соотвѣтственно ея степени культуры, получило характеръ государственнаго и политическаго учрежденія, подъ покровомъ котораго окрѣпло и выработалось національное сознаніе. Не понимая этого, нельзя понять русской исторіи. А между тѣмъ, еще не такъ давно, люди высокаго образованія, извращая вопросъ, думали, что православіе, отдѣливъ насъ отъ остальнаго образованнаго европейскаго міра, задержало наше развитіе и было главной, если не единственной причиной нашей видимой отсталости въ культурѣ отъ прочихъ народовъ. На самомъ же дѣлѣ оказывается, что мы сильно отстали въ культурѣ отъ Европы потому, что жизнь Великороссіи началась съ азбуки, съ самой первой ступени осѣдлаго быта, едва-ли ранѣе XII вѣка, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ какихъ когда либо находился другой народъ. Не православіе заражено формализмомъ, а мы восприняли его преимущественно съ формальной, внѣшней, обрядовой стороны, потому что, по степени развитія, были неспособны подняться до внутренняго, духовнаго содержанія христіанства. И при всемъ томъ, православіе оказало Россіи неисчислимыя услуги. Благодаря ему, мы сохранили сознаніе національнаго единства и не сдѣлались добычей другихъ христіанскихъ народовъ, опередившихъ насъ въ образованности. Православіе дало возможность, въ тиши и уединеніи, сложиться и окрѣпнуть славянскому зародышу, заброшенному въ дебри и пустыни, на край свѣта; оно хранило его и оберегало, до тѣхъ поръ, пока изъ этого слабаго зачатка образовалось могучее политическое тѣло, которому не страшны стали внѣшнія борьбы и бури. Будь мы съ самаго начала колонизаціи римскими католиками, или сдѣлайся ими вскорѣ послѣ водворенія на новой почвѣ, мы были бы роковымъ образомъ втянуты въ кругъ западно-европейскаго развитія, которое, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, дѣйствовало разлагающимъ образомъ на всѣ славянскія племена, которыхъ коснулось. Послѣдняго термина этой посылки мы не знаемъ: онъ еще впереди. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что славянскія племена не могутъ развиваться, не усвоивши себѣ плодовъ высшей, европейской культуры; но вопросъ вовсе не въ этомъ, а въ томъ, когда, на какой ступени развитія, они могутъ принимать въ себя европейскій элементъ, не теряя своей политической и народной самостоятельности; на это исторія отвѣчаетъ очень категорически, примѣромъ Россіи и прочихъ славянскихъ государствъ и народовъ.

Другое характеристическое явленіе русской жизни, получившее свой особый оттѣнокъ въ Великороссіи, есть склонность къ молодечеству, къ разгулу, къ безграничной свободѣ, — удаль, не знающая ни цѣли, ни предѣла. Профессоръ Соловьевъ очень мѣтко и вѣрно указалъ на огромную роль, кото-

рую эта черта играетъ въ нашей исторіи. Она создала казачество; она наводнила страну разбойничьими шайками; она производила страшные взрывы, потрясавшіе государство, и выступаетъ во всѣхъ нашихъ внутреннихъ смутахъ. Черту эту нельзя объяснить ни административнымъ гнетомъ, ни склонностью къ переходамъ и бродячей жизни, ни частыми разореніями, отучавшими народъ отъ осѣдлости, ни крѣпостнымъ правомъ; всѣ эти обстоятельства, конечно, вызывали наружу указанную черту характера, можетъ быть, усиливали ее, но намъ не объясняютъ, почему она въ насъ есть, почему принимаетъ у насъ такія невиданныя и небывалыя формы. Одинъ изъ ея элементовъ, безспорно, — большія силы, ищущія простора и дѣятельности и не находившія ихъ въ ежедневной житейской обстановкѣ. Но такія же громадныя силы чувствуются и въ сѣверо-американцѣ. Отчего же онѣ проявляются у него иначе, — въ гражданской дѣятельности, трудѣ, промышленной предпріимчивости? Поэтому-то мы и думаемъ, что долженъ быть еще другой элементъ, которымъ эта черта нашего характера вполнѣ объясняется. Разгадки опять-таки должно искать въ отсутствіи культуры, къ чему мы безпрестанно должны возвращаться, объясняя многія особенности нашей исторіи и быта. Молодечество, безграничная удаль, разгулъ, стремленіе къ безграничной свободѣ, которая манитъ человѣка изъ гражданской обстановки въ поля и лѣса, на приволье, есть лишь оборотная сторона той внѣшней обрядности, того предохранительнаго и спасительнаго ритуала, которымъ человѣкъ безъ культуры обставляетъ каждый свой шагъ, изъ боязни, чтобъ ему не приключилось какой бѣды. Имъ не руководитъ внутреннее сознаніе, полагающее границы дѣятельности и указывающее способы какъ дѣйствовать; его извнѣ какъ бы опутываетъ обрядъ и обычай, которому онъ подчиняется слѣпо, по привычкѣ, или изъ боязни его нарушить. Натура не особенно сильная сдерживается этой внѣшней уздой; но сила съ ней не уживается; она разрываетъ гнетущія ее внѣшнія оковы и, не умѣряемая внутреннимъ содержаніемъ, истощается въ безграничномъ и безпредметномъ разгулѣ. Глубоко проходитъ эта черта чрезъ всю русскую жизнь; безпрестанно отзывается она въ ней. Послушайте разсказы о томъ, какъ кутитъ наемный рекрутъ-охотникъ до окончательнаго поступленія на службу! Кто не знаетъ и не видитъ своими глазами, какъ человѣкъ, долго жившій порядочно и честно, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, сбивается съ толку и дѣлается никуда негоднымъ. Сколько у насъ людей, проведя жизнь, чуть-чуть не до старости, за какимъ нибудь дѣломъ, вдругъ, безъ всякой причины, бросаютъ его и начинаютъ фантазировать, въ ущербъ своей дѣятельности и матеріальному положенію. Сколько можно привести другихъ подобныхъ примѣровъ изъ самыхъ различныхъ слоевъ нашего общества и самыхъ разнородныхъ положеній и профессій! Струна казачества въ насъ еще не совсѣмъ заглохла и все еще звучитъ, отъ времени до времени. Въ образованныхъ слояхъ нашего общества, внѣшній формализмъ съ одной стороны, удаль и разгулъ — съ другой, переносятся въ сферу мысли и духовной дѣятельности. Нравственная пустота, сила безъ внутренняго центра тяжести, — вотъ элементы нашего умственнаго казачества. Такъ долго переживаются первобытныя черты, такъ трудно пополняется пробѣлъ духовной, внутренней стороны, завѣщанный отдаленными вѣками.

II.

Указываютъ, какъ на особенность и странность русской исторіи, что въ XI и даже въ XII вѣкѣ мы стояли, по образованію, выше современныхъ европейскихъ народовъ; но съ тѣхъ поръ, они развивались далѣе, а у насъ культура почему-то начала падать. Причины этого явленія приписываютъ нашествію монголовъ и татарскому игу. Но значеніе ига сильно преувеличивается. Другіе иронически замѣчаютъ, что не будь у насъ татарскаго владычества, не было бы и московскаго государства. Которое же изъ этихъ двухъ мнѣній справедливо? Было ли татарское иго для насъ зломъ, или благомъ? Нѣтъ сомнѣнія, что татарское владычество было горестнымъ, тяжелымъ и несчастнымъ эпизодомъ русской исторіи; оно насъ разорило, унизило, сдавило, замедлило, пожалуй, наше развитіе, легло тяжкимъ бременемъ на наши плечи; но напрасно станемъ мы отыскивать слѣдовъ органическаго вліянія дикихъ кочевниковъ на нашу жизнь. Нѣсколько словъ, позаимствованныхъ русскими у татаръ, также

мало доказываютъ такое вліяніе, какъ турецкія слова, вошедшія въ сербское нарѣчіе,—вліяніе на сербовъ турецкаго элемента. Учрежденій у татаръ мы никакихъ не заимствовали, да и трудно было ихъ заимствовать у побѣдителей и господъ, которые правили нами издалека. Словомъ, намъ неизвѣстно ни одного явленія русской жизни, которое бы мы вынуждены были приписать органическому вліянію на нее татарщины, и не объяснялось бы собственнымъ, внутреннимъ развитіемъ западно-русскихъ поселенцевъ на новой почвѣ. Что московское государство сложилось, благодаря татарамъ,—объ этомъ смѣшно и говорить. Стремленіе къ объединенію Великороссіи появилось очень скоро послѣ начала колонизаціи и безпрестанно проявлялось, подъ самыми различными формами; московскіе князья только воспользовались татарскимъ игомъ, для достиженія той же цѣли, которую имѣли и другіе князья, ихъ предки и современники; а между умѣніемъ воспользоваться обстоятельствами, умѣніемъ, при ихъ помощи, провести планъ, и фактами или условіями, опредѣляющими развитіе исторической жизни, есть огромная разница, которою можно пренебречь остроумія ради, но которую нельзя оставить безъ вниманія, при серьезномъ разрѣшеніи историческаго вопроса.

Причина кажущагося попятнаго движенія нашей культуры лежитъ не въ татарскомъ игѣ, а гораздо глубже. Чтобы выяснить ее, необходимо хорошенько условиться въ томъ, о чемъ мы хотимъ говорить. Въ Малороссіи, въ сѣверо-западной Россіи, культура нисколько не понизилась. Въ первой, вѣчевое и дружинное начàла продолжали развиваться по прежнему; создалась сильная аристократія, съ которой боролись князья. Южно-русскія лѣтописи исполнены высокаго драматическаго интереса, указывающаго на дѣятельную, умственную и нравственную жизнь тамошняго населенія. Такою же полною жизнью продолжала жить и сѣверо-западная Россія, къ которой принадлежала не одна Бѣлоруссія, т.-е. кривичи, но и славяне—новгородцы и псковитяне, признаваемые и Шафарикомъ за особую группу. Здѣсь развилась преимущественно муниципальная жизнь, промышленная и торговая дѣятельность, и муниципіи этого края продолжали сильно и быстро развиваться; никакого упадка культуры незамѣтно; напротивъ, видно постепенное ея усиленіе. Быстрое обрусѣніе литовцевъ, покорившихъ западную Россію, тоже говоритъ въ пользу тамошней культуры. Наконецъ, живой интересъ къ вопросамъ вѣры и церкви, религіозныя борьбы, въ особенности съ римскимъ католичествомъ, вызвавшія большое умственное движеніе, создавшія школы и цѣлую духовную литературу, не доказываютъ упадка культуры, а напротивъ, подтверждаютъ, что она пустила здѣсь корни.

И такъ, говорить объ упадкѣ образованности можно только, имѣя въ виду одну Великороссію. Но будетъ ли точно это выраженіе? Основываясь на томъ, что сказано выше, мы думаемъ, что нѣтъ; что культуры здѣсь вовсе не было, и потому упасть она не могла. Насъ вводитъ въ заблужденіе то простое обстоятельство, что, въ самомъ началѣ колонизаціи Великороссіи съ запада, переселенцы принесли съ собою живыя воспоминанія о родинѣ; въ княжескомъ родѣ и высшихъ слояхъ населенія, сначала, поддерживались съ нею связи; очень возможно, что новыя выселенія освѣжали эти воспоминанія, точно такъ же, какъ и частыя перемѣщенія князей и дружинниковъ изъ западной Россіи въ восточную, и обратно. Такимъ образомъ, сначала происходилъ естественный обмѣнъ между западной и восточной Россіей, что и поддерживало, нѣкоторое время, западно-русскій строй жизни на новой почвѣ. Оттого-то мы сперва не видимъ рѣзкаго перехода отъ западной Россіи къ восточной; въ послѣдней, сначала какъ будто происходитъ то же самое, что въ первой; видны тѣ же интересы, тѣ же учрежденія, тѣ же дружины и города съ ихъ вѣчами, та же оживленная жизнь. Но когда связи между обѣими половинами русскаго міра, по немногу, ослабѣваютъ и прекращаются, жизнь Великороссіи, не обновляемая болѣе новыми переселенцами и выходцами изъ западной Россіи, перестаетъ искусственно поддерживаться на одинаковой высотѣ съ послѣдней и приходитъ, мало-по-малу, въ естественный уровень съ тѣми элементами, которые сложились на мѣстѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, оживленное движеніе, характеристическіе образы, поэтическія черты, свидѣтельствующія о томъ, что довольно развитая индивидуальность лежитъ въ основѣ общественности, мало-по-малу блѣднѣютъ и замираютъ. Лѣтописи становятся сухи и прозрачны, превращаются въ календарь событій; личность дѣятелей стирается за голыми фактами, точно будто за-

медлился пульсъ общественной жизни. Другого, конечно, и не могло быть, когда первоначальные элементы жизни Великороссіи, которые мы характеризовали выше, мало-помалу начали вступать въ свои права. Грубѣйшій, первобытный реализмъ слагающагося народа, при полномъ отсутствіи благопріятствующихъ культурныхъ условій, постепенно сталъ выдвигаться изъ-подъ временнаго наплыва западно-русской жизни. Слѣдовательно, мнимый упадокъ культуры состоялъ только въ томъ, что дѣйствительная основа жизни Великороссіи стала проступать наружу, изъ-подъ обманчиваго, наноснаго, чуждаго покрова.

Въ высокой степени любопытно и поучительно прослѣдить въ исторіи Великороссіи постепенное развитіе тѣхъ зачатковъ, на которые мы указали выше. Одинъ и тотъ же матеріалъ, — русское племя, — поставленный только въ разныя условія, даетъ на западѣ и востокѣ Россіи совершенно различные результаты, вырабатывается въ различныя формы, подъ которыми лишь съ трудомъ можно разглядѣть общее всѣмъ имъ основаніе. Интересъ такого изслѣдованія перестаетъ быть мѣстнымъ, русскимъ, и становится всемірно-историческимъ, когда вспомнимъ, что внутреннимъ ходомъ великорусской жизни поставленъ и разрѣшенъ вопросъ государственнаго существованія, а слѣдовательно, политической независимости и самобытности славянскаго элемента. Исторія показываетъ, что для этого недостаточно было одного ума, личной доблести, талантовъ, въ которыхъ никогда не было недостатка у славянъ: нуженъ былъ цѣлый строй жизни, который выдержалъ бы въ суровой дисциплинѣ мягкій, расплывчатый, впечатлительный, женственный славянскій элементъ, до эпохи его исторической возмужалости. Въ Великороссіи онъ отрѣшился отъ остального образованнаго міра и вліяній высшей культуры, и долженъ былъ самъ въ себѣ искать условій государственной жизни, соотвѣтствовавшихъ его историческому возрасту. Онъ и нашелъ ихъ. Изъ своей уединенной, своеобразной и тяжелой жизни онъ вынесъ то, чего прочіе славянскіе народы напрасно искали другими путями.

Постараемся теперь показать, въ общихъ чертахъ, какое вліяніе имѣлъ обрисованный выше характеръ зачатковъ великорусской жизни на все наше послѣдующее развитіе. Культурныя условія этихъ зачатковъ отзываются, какъ основный тонъ, въ цѣломъ ходѣ нашего образованія и гражданскаго быта, даже до настоящаго времени.

Мы сказали выше, что православіе замѣнило намъ вначалѣ сознаніе народности. Отсюда тогдашній государственный и политическій характеръ нашей церкви. Сперва одна она и представляла наше народное единство; церковное единеніе задолго предшествовало государственному, и въ теченіе столѣтій подготовляло его. Переѣзды митрополитовъ изъ Кіева во Владиміръ, а отсюда въ Москву, были столько же государственными, сколько церковными событіями, даже болѣе государственными, чѣмъ церковными. Алексѣй митрополитъ навлекаетъ на себя сѣтованія патріарха за то, что держитъ сторону московскаго князя, въ распряхъ его съ удѣльными. Церковь стоитъ во главѣ народныхъ войнъ противъ татаръ, благословляетъ на подвигъ Дмитрія Донского, склоняетъ колеблющагося Ивана III. Во всѣхъ важнѣйшихъ политическихъ событіяхъ, рѣшавшихъ судьбу нарождающагося государства, церковь играетъ первую роль; она его вскормила, выходила и передала на руки свѣтской государственной власти, когда процессъ образованія политическаго тѣла уже совершился. Не понимая этого высокаго призванія въ судьбахъ Великороссіи,—призванія, опредѣлявшагося составными стихіями послѣдней, — нельзя понять характера нашей церкви въ древнѣйшую эпоху великорусской исторіи.

Также значительна была и образовательная роль церкви. Если мы ее недостаточно цѣнимъ, то единственно потому, что не беремъ въ разсчетъ среды, на которую ей приходилось дѣйствовать. Изукрашая старинный нашъ бытъ вымыслами или просто не думая объ немъ вовсе, мы бы хотѣли видѣть въ тогдашней дѣятельности нашей церкви бóльшее развитіе нравственныхъ, духовныхъ элементовъ, большее обращеніе къ уму и сердцу людей. Но разсмотрите внимательно памятники: они разрѣшаютъ всѣ неудомѣнія. Церкви приходилось бороться не со злою волей, или развращеннымъ умомъ, а съ грубѣйшими языческими нравами, съ дикими предразсудками, съ первобытнымъ реализмомъ, при которомъ люди приближались къ звѣрямъ и безсловеснымъ. Борьба эта продолжается чрезъ всю древнюю исторію, мѣстами и до сихъ поръ. Встрѣчаются и теперь кое-гдѣ, въ захолустьяхъ, примѣры невообразимой дикости нравовъ. Имѣя дѣло съ такой средой, церковь

должна была вооружиться не проповѣдью, не поученіемъ, а внѣшней дисциплиной, чтобъ сперва, хоть наружно, приблизить этихъ людей къ образу и подобію Божію. Знакомый хоть сколько-нибудь съ теперешними нравами и обычаями нашего народа не станетъ отрицать, что они еще очень грубы и суевѣрны. Что же было въ древнія времена, и каково было вѣдаться съ ними? Церковь и дѣлала, что могла, прибѣгая къ единственно возможнымъ тогда и самымъ дѣйствительнымъ средствамъ. Прибавимъ къ этому, что личный составъ ея обновлялся, подъ конецъ, большею частью изъ туземцевъ; слѣдовательно, въ нее, по необходимости, вторгались тѣ же самые элементы, которые она призвана была воспитывать.

Вообще, ходъ нашего образованія, и духовнаго, и свѣтскаго, вслѣдствіе всей совокупности условій, при которыхъ возникла жизнь Великороссіи, былъ очень своеобразенъ. Развитіе культуры было чисто внѣшнее; вмѣсто самодѣятельности, видимъ пассивное воспринятіе чужого; меньшинство является проводникомъ этого чужого въ нашу жизнь, и потому весь культурный процессъ идетъ сверху внизъ, изъ вершинъ общества въ народныя массы. Припомнимъ, что переселенцы изъ западной Россіи явились въ Великороссію безъ всякой культуры, и слѣдовательно, безъ зачатковъ духовнаго развитія; что новая ихъ родина была точно такая же, и не внесла непосредственно въ ихъ жизнь никакихъ образовательныхъ элементовъ; что затѣмъ и послѣ, въ продолженіе всей нашей исторіи, односложность нашего быта никогда не нарушалась притокомъ въ нашъ народный составъ чужого племени, или наплывомъ завоевателей; что, наконецъ, въ теченіе столѣтій, всѣ силы Великороссіи были обращены на грубый матеріальный трудъ заселенія дикой страны, между дикими племенами и при самыхъ враждебныхъ человѣку природныхъ условіяхъ. Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, на цѣлые вѣка сдѣлали невозможнымъ развитіе великорусской вѣтви изъ самой себя. Ее не воспитывала среда, въ которой она жила; нравственная и умственная сторона въ ней дремала. Единственнымъ путемъ культуры Великороссіи, — путемъ окольнымъ и чрезвычайно длиннымъ,—было постепенное, такъ сказать, всасываніе въ себя образовательныхъ элементовъ извнѣ, изъ другихъ странъ, болѣе образованныхъ. Наша подражательность, обезьянничанье, наша падкость къ новому и чужому, наша способность принимать всевозможные виды и образы, ставятъ намъ въ укоръ; но такая воспріимчивость и впечатлительность, выработанная въ насъ, правда, до виртуозности, доказываютъ только отсутствіе въ насъ всякаго содержанія и сильную потребность наполнить эту пустоту единственнымъ способомъ, который оставался, —впитываніемъ, вдыханіемъ въ себя образовательныхъ элементовъ извнѣ. Эти внѣшнія вліянія чрезвычайно медленно осѣдали въ народѣ и продолжали жадно восприниматься отовсюду, до тѣхъ поръ, пока почва не напиталась ими и не народилась для самостоятельнаго, нравственнаго и духовнаго развитія.

Отсюда множество явленій въ нашей жизни, на которыя мы теперь горько жалуемся, потому что время ихъ проходитъ. Внѣшній характеръ образованія, раздвоенность общества, отчужденіе высшихъ слоевъ народа отъ низшихъ и высокомѣрное отношеніе первыхъ къ послѣднимъ, посягательство незамѣтнаго меньшинства на обычаи и нравы большинства народа,—все это обусловливалось стремленіемъ грубой среды къ культурѣ. Намъ не нравятся теперь формы, въ которыхъ оно выразилось; но онѣ были такія, а не другія, именно потому, что такова была среда. Иной ходъ образованія, иныя формы стремленія къ нему, для нея были невозможны.

Отсюда же и другая особенность развитія нашей культуры, на которой нельзя не остановиться,—такъ она поразительна. Попытки меньшинства водворить въ большинствѣ внѣшнія формы образованности, заимствованныя отъ другихъ народовъ, не имѣли и не могли имѣть между собой никакой органической связи, потому что вытекали не изъ хода внутренней жизни, а опредѣлялись внѣшними матеріалами, которые случайно попадались подъ руки и, слѣдовательно, тоже не могли имѣть между собою никакой внутренней связи. Преобразованія на греческій ладъ при Иванѣ III, польскія и литовскія вліянія въ XVII вѣкѣ, западно-европейскія вліянія въ XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣка представляютъ этому обильные примѣры. Нерѣдко страшныя силы поглощаются въ такихъ попыткахъ безслѣдно, цѣлыя направленія вдругъ возникаютъ и вдругъ исчезаютъ. Существованіе у насъ литературнаго памятника, книги, произведеній искусства, на русскомъ языкѣ и съ кажущейся русской обста-

новкой, не даетъ еще права заключать, что это продуктъ народной жизни, не доказываетъ, что мысль и направленіе, которыя въ нихъ выражаются, нашли въ странѣ сочувствіе, привились, были распространены; такіе памятники очень часто оказываются передѣлками или переводами съ иностранныхъ образцовъ, дѣломъ прихоти, вкуса, мысли небольшихъ кружковъ, даже отдѣльныхъ личностей; кругъ дѣйствія и вліянія этихъ памятниковъ и произведеній ограничивается, нерѣдко, небольшимъ числомъ любителей, въ лучшемъ случаѣ извѣстнымъ слоемъ общества, составляющимъ незамѣтное меньшинство. Потому-то, разработывая исторію нашей культуры, мы ходимъ на почвѣ весьма шаткой, не представляющей ничего органическаго. Между несомнѣннымъ фактомъ и средой, въ которой онъ оказывается, не существуетъ не обходимой, непосредственной связи, и потому не можетъ быть сдѣлано безошибочно посылки отъ перваго къ послѣдней Изложите, напримѣръ, весь ходъ русской литературы, отъ начала до конца; разберите и объясните подробно всѣ ея памятники,—и вы все-таки не будете имѣть исторіи развитія русской мысли въ литературѣ: отбросьте наплывной матеріалъ, и въ результатѣ останется, кромѣ природнаго таланта, отрицательное отношеніе къ средѣ и развитіе языка, выработка самостоятельной формы для выраженія будущей самостоятельной мысли. То же и во всемъ остальномъ.

Обратимся теперь къ гражданскому и государственному быту Великороссіи: онъ точно также представляетъ своеобразное развитіе зачатковъ, принесенныхъ сюда переселенцами съ запада, поставленныхъ въ условія, о которыхъ мы уже говорили выше.

Первобытный, начальный типъ осѣдлаго общежитія, — домъ или дворъ, — лежитъ въ основѣ великорусской общественности до самого Петра Великаго. Гдѣ было завоеваніе, или хоть добровольное призваніе чужеземцевъ, тамъ въ жизнь вносится дружинный элементъ, изъ котораго впослѣдствіи развивается аристократія или олигархія. Гдѣ раннія поселенія становятся центрами торговли и промышленности, тамъ развивается, современемъ, муниципальная жизнь, и поселенія обращаются въ государства, на подобіе древнихъ и средневѣковыхъ городскихъ республикъ, съ городскимъ патриціатомъ и чернью. Но гдѣ ни того ни другого нѣтъ, гдѣ народъ слагается изъ самыхъ первобытныхъ элементовъ, не имѣетъ никакой культуры и не находитъ въ странѣ высшей образованности, которая могла бы имѣть на него непосредственное, ежедневное вліяніе, тамъ формы общежитія могутъ быть только развитіемъ дома или двора, этой первичной соціальной ячейки, общей всѣмъ осѣдлымъ народамъ въ мірѣ. Если никакія внѣшнія обстоятельства не помѣшаютъ ея естественному развитію, напримѣръ, если народъ не обратится въ военную дружину и не получитъ, вслѣдствіе того, военнаго характера и устройства, то типъ дома или двора, мало-по-малу, непремѣнно разростается и опредѣлитъ характеръ всей гражданской и государственной жизни.

Такъ и случилось въ Великороссіи. Едва ли есть другая страна въ мірѣ, которая представляла бы такое полное, безпримѣсное и послѣдовательное развитіе типа двора или дома, отъ первыхъ его зачатковъ до высшей ступени; едва ли гдѣ этотъ типъ такъ выносился и вызрѣлъ, какъ въ Великороссіи. У малороссіянъ, въ составныхъ элементахъ общества находимъ присутствіе дружиннаго начала; у сѣверо-западныхъ отраслей русскаго народа, муниципальный элементъ рано началъ играть важную роль. Ничего подобнаго нѣтъ въ Великороссіи, съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь сложилась особая вѣтвь русскаго племени.

Эта характеристическая особенность великорусскаго быта имѣетъ неизмѣримую важность. Ею объясняется безпримѣрная его своеобразность. Благодаря ей, древній бытъ Великороссіи представляетъ небывалую соціальную формацію, которая не можетъ быть обойдена во всемірной исторіи, заносящей на свои страницы всевозможные типы человѣческихъ обществъ; что же касается русской исторіи, то въ ней шагу нельзя ступить, не возвращаясь безпрестанно къ особенностямъ соціальнаго развитія Великороссіи; здѣсь ключъ къ правильному пониманію глубокихъ общественныхъ различій между древней западной и восточной Русью и различныхъ политическихъ судебъ обѣихъ половинъ одного народа, въ теченіе столѣтій; здѣсь, наконецъ, разгадка множества явленій нашего быта, нашего прошедшаго и настоящаго, всего нашего народнаго характера.

Домъ или дворъ, какъ мы уже сказали выше, представляетъ человѣческое общество, поселенное на извѣстномъ мѣстѣ, состоящее

изъ членовъ семьи и домочадцевъ и подчиненное власти одного господина, домоначальника. Въ этой соціальной единицѣ заключаются, какъ въ зародышѣ, зачатки всѣхъ послѣдующихъ общественныхъ отношеній: и семья, и рабство, и гражданское общество, и государство.

Развитіе древняго великорусскаго общества и государства, дѣйствительно, представляетъ выдѣленіе и самостоятельное развитіе этихъ зачатковъ. Сначала домъ или дворъ оставался, какъ еще недавно у нашихъ крестьянъ, постоянной единицей, къ которой все пріурочивалось. Отдѣлившійся членъ семьи переставалъ принадлежать къ этой единицѣ и не имѣлъ въ ней никакой доли; только наличные члены дома принадлежали къ нему и участвовали въ немъ. На этой ступени развитія, связи личныя и опредѣляемыя мѣстомъ жительства не различаются. Такъ у нашихъ крестьянъ: сынъ отдѣлившійся отъ семьи, переселившійся въ другое мѣсто, или отданный въ солдаты, и дочь, выданная замужъ,— отрѣзанные ломти, не имѣющіе части въ семейномъ имуществѣ, которое скорѣй принадлежитъ дому, двору, чѣмъ главѣ семейства. Развитіе этой первичной формы общежитія выражается сначала въ томъ, что личныя связи перестаютъ совпадать съ сожительствомъ въ одномъ дворѣ или домѣ и получаютъ самостоятельное значеніе. Съ тѣмъ вмѣстѣ, выдвигается на первый планъ союзъ семьи и родства, независимо отъ мѣста поселенія, причемъ общее достояніе двора или дома обращается, мало-по малу, въ личное имущество главы семейства или родоначальника, и послѣ его смерти дѣлится между членами того семейства или рода. Вслѣдъ за тѣмъ, и союзъ свойства получаетъ значеніе и становится основаніемъ прочныхъ личныхъ связей; дочь, выданная замужъ, уже перестаетъ быть оторваннымъ и чуждымъ членомъ семьи: укрѣпленіе личныхъ связей, основанныхъ на родствѣ, дѣлаетъ безразличнымъ, гдѣ она живетъ,—между своими или чужими. По личнымъ связямъ и чужіе дѣлаются своими. Рабы обращаются въ имущество, предметъ гражданскихъ сдѣлокъ.

На этихъ-то простѣйшихъ основаніяхъ построена общественность древней Великороссіи. И частный и государственный бытъ ими проникнуты. Политическая организація удѣльныхъ княжествъ,—если только къ нимъ идетъ это выраженіе, — приводится къ тѣмъ же основаніямъ, по мѣрѣ того, какъ забываются западно-русскія формы, занесенныя во время колонизаціи. Княжеская дружина преобразуется въ княжескій дворъ, который состоитъ изъ князя, членовъ его семьи и дворянъ, слугъ княжихъ. Княжество принадлежитъ князю, есть его наслѣдственный удѣлъ; князь —дѣдичъ и отчичъ княженія. Типъ этотъ лежитъ и въ основаніи московскаго государства: онъ только раздвинулся, принялъ громадные размѣры. Точно такъ же, какъ прежде князь, такъ и теперь московскій государь есть отчичъ и дѣдичъ московскаго государства. Царскій домъ или дворъ состоитъ изъ членовъ царскаго семейства. Слуги царя или холопи окружаютъ его, нисходя по степенямъ, отъ высшихъ, приближенныхъ, до низшихъ. Прибавляется только къ прежнимъ составнымъ элементамъ двора или дома — народъ, „сироты царскія“, т.-е. состоящіе подъ защитой, охраной и попеченіемъ государя.

Собственно говоря, переходъ отъ удѣльной системы къ государственному единству былъ возвращеніемъ, въ государственной сферѣ, къ первоначальному типу двора или дома. Во время удѣловъ княжества обратились въ имущество князей, которое они дѣлили между членами своего семейства, покупали, продавали. Съ Дмитрія Донского начинаетъ вырабатываться ясное представленіе о государственномъ единствѣ и о единствѣ государственной власти, вслѣдствіе чего часть, достававшаяся великому князю, становится все больше, а части прочихъ князей все меньше. Съ Ивана III, всѣ владѣнія переходятъ въ руки одного государя, а остальнымъ князьямъ достаются ничтожные удѣлы. И такъ, можно сказать, что съ этого времени, въ государственной жизни Великороссіи, начальный типъ дома или двора возстановляется во всей своей первоначальной чистотѣ и остается господствующимъ до Петра Великаго. Если это не вдругъ бросается въ глаза, то причины слѣдуетъ искать въ томъ, что внѣшнія наслоенія, разныя, заимствованныя извнѣ, формы, заслоняютъ отъ насъ дѣйствительную сущность дѣла. Западно-русское представленіе о великомъ князѣ усвоено и Великороссіею; оно занесено сюда переселенцами. Но какъ же различно оно здѣсь и тамъ! Западно-русскій великій князь есть старшій изъ князей, глава княжескаго рода; въ Великороссіи онъ перерождается въ территоріальнаго владѣльца. Великое княженіе, изъ власти, становится

областью. При помощи великаго княженія, старшій, великій князь дѣлается матеріально сильнѣе прочихъ князей, и это, мало-по-малу, ведетъ къ объединенію всей Великороссіи, подъ властью велико-княжескаго двора или дома. Иванъ III усвоиваетъ туземному, великорусскому типу внѣшнія формы византійской царской власти. Такимъ образомъ, западно-русская форма замѣнилась иною, греческой; но самый типъ власти, въ сущности, остался тотъ же самый, какимъ былъ и вытекалъ изъ самыхъ основъ великорусской жизни.

Тотъ же самый типъ лежитъ и въ основаніи крѣпостного права, которое было лишь однимъ изъ его выраженій. Въ XIX вѣкѣ, крѣпостное право, подъ вліяніемъ европейскихъ экономическихъ воззрѣній и замѣтно усилившагося промышленнаго развитія, начало мѣстами вырождаться въ отталкивающую, возмутительную эксплуатацію людей изъ барыша; юридическое право на человѣка стало обращать его въ капиталъ, изъ котораго можно и должно, прежде всего, извлекать наибольшій процентъ. Крѣпостное право начало-было, такимъ образомъ, обращаться въ рабство, что и ускорило его паденіе. Но въ древней Россіи оно не имѣло этого характера. Оно было только властью, иногда жестокой и суровой, вслѣдствіе грубости тогдашнихъ нравовъ, но не правомъ собственности на человѣка. Крѣпостное право не исключало попечительности о людяхъ, справедливости въ обращеніи съ ними, правильнаго, не слишкомъ тяжелаго опредѣленія ихъ обязанностей и повинностей. Такъ называемыя патріархальныя отношенія между владѣльцами и ихъ крѣпостными вытекали изъ того, что основаніемъ крѣпостного права служилъ начальный типъ великорусскаго общественнаго быта, — домъ или дворъ. Такой характеръ сохранило у насъ крѣпостное право, у большинства владѣльцевъ, даже до позднѣйшаго времени, не успѣвъ получить ни строго юридическаго, ни строго экономическаго характера, какъ напримѣръ въ Польшѣ и западныхъ губерніяхъ.

Говоря о крѣпостномъ правѣ, мы теперь представляемъ себѣ только извѣстныя отношенія частнаго права, упраздненныя на нашихъ глазахъ, и едва подозрѣваемъ, что они были запоздалымъ остаткомъ цѣлаго общественнаго строя, который встарину господствовалъ исключительно въ нашемъ государственномъ и частномъ быту. Княжескіе слуги имѣли сначала вольный переходъ отъ князя къ князю; когда утвердилось московское единодержавіе, такіе переходы запрещались и наказывались, какъ преступленіе. Точно также и крестьяне сначала вольно переходили отъ владѣльца къ владѣльцу, а потомъ такіе выходы прекращены. Въ XVII вѣкѣ, строго разграничены между собою разные разряды, „чины", отправлявшіе царскую службу и тягло, съ запрещеніемъ перехода изъ одного разряда въ другой, подъ страхомъ наказанія. Самые, по природѣ своей, свободные промыслы, какъ напр., торговля, подведены подъ то же самое начало; московскіе купцы обращены на царскую службу и образовали особый служебный разрядъ, къ которому приписывались, принудительно, торговцы и посадскіе другихъ городовъ, смотря по потребностямъ царской службы, и изъ котораго не было добровольнаго выхода въ другіе разряды. Мало-по-малу, это начало распространено на всѣ виды царской службы: пушкари и печатники, мастера и рабочіе разнаго рода, приписаны наслѣдственно, каждый къ своему вѣдомству, безъ права перехода къ другому занятію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, каждый приписанный къ княжеству, частному владѣнію, служебному разряду и вѣдомству, поступалъ подъ полную ихъ власть, судъ и управленіе. Слѣды этого порядка дѣлъ удержались до позднѣйшаго времени, и окончательно отмѣнены лишь въ нынѣшнее царствованіе; сохранились они теперь, и то отчасти только, въ сословіи бѣлаго духовенства. Такое стремленіе каждаго землевладѣнія, каждаго вѣдомства, каждаго особаго управленія, замкнуться въ особую единицу, составить особое цѣлое, съ полною властью надъ принадлежащими къ нему лицами, характеризуетъ великорусскій бытъ въ теченіе всего московскаго періода, и получило полное развитіе, въ малѣйшихъ подробностяхъ гражданской и государственной жизни, въ XVII вѣкѣ. Слѣдовательно, крѣпостное начало было, въ то же время, можно сказать, основаніемъ всей нашей общественности, а это начало прямо вытекало изъ первообраза великорусскаго быта,—двора или дома. Потому-то оно и было въ нравахъ. Чадамъ и домочадцамъ, состоящимъ подъ властью господина, по догдашней терминологіи „государя", казалось очень естественнымъ состоять подъ его „наказаніемъ" (т.-е. и наставленіемъ и исправительнымъ взысканіемъ). Эпитетъ „грозный" выражалъ хвалу, по крайней мѣрѣ

одобреніе, а никакъ не порицаніе. Не наставлять, не руководить подвластныхъ, не взыскивать съ нихъ, когда они того заслуживали, считалось, въ глазахъ самихъ подвластныхъ, предосудительнымъ признакомъ равнодушія, невниманія. Разсказъ Олеарія о русской женѣ иностранца, которая плакала о томъ, что мужъ никогда не билъ ее,—есть каррикатура, но не злостная выдумка; въ основаніи этого разсказа лежитъ правда, которую ни Олеарій, ни передававшій этотъ случай, не поняли, потому что она лежала совершенно внѣ круга ихъ понятій. Еще на нашей памяти, простолюдинъ, послѣ наказанія, благодарилъ за то, что его учили уму-разуму. Въ старыя времена, это было у насъ повсемѣстно дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. Факты такого рода—а ихъ можно привести множество — чрезвычайно характеристичны. Они доказываютъ, что древняя великорусская общественность, построенная, снизу до верху, на началѣ двора или дома и проникнутая вытекавшимъ изъ него крѣпостнымъ правомъ, была въ народныхъ нравахъ и убѣжденіяхъ, поддерживалась не насиліемъ, а сознаніемъ. Теперь намъ становится трудно вдуматься въ этотъ строй жизни, потому что мы изъ него выросли; но въ народныхъ массахъ онъ еще живъ, во взглядѣ на вещи, въ привычкахъ, пословицахъ и преданіяхъ, и пройдетъ еще много, много времени, пока онъ совсѣмъ забудется. Подчиненный власти считалъ себя, въ древней Великороссіи, не рабомъ, не предметомъ промышленной эксплуатаціи, а несовершеннолѣтнимъ, неразумнымъ, малосвѣдущимъ, темнымъ человѣкомъ, котораго надо учить, наставлять, вразумлять и направлять. Оттого и наказаніе считалось мѣрою исправленія, а не дѣломъ каприза, своеволія и жестокости. Такой взглядъ образовался, какъ сказано, по той причинѣ, что крѣпостное право возникло изъ домашней власти и развилось по ея образцу; потому-то именно оно и не было ни строго юридическимъ, ни экономическимъ явленіемъ. Одно глубокое непониманіе дѣла можетъ переносить на этотъ складъ жизни юридическія понятія и измѣрять его послѣдними. Постепенная отмѣна крѣпостныхъ отношеній, составляющая существенный смыслъ нашего внутренняго развитія въ XVIII и XIX вѣкѣ и завершившаяся въ 1861 году, дѣйствительно, а не въ переносномъ смыслѣ, обозначаетъ ступени нашего гражданскаго роста и перехода отъ несовершеннолѣтія къ возмужалости. Многіе удивляются, почему великорусскій крестьянинъ, несмотря на крѣпостную зависимость въ теченіе, безъ малаго, трехъ вѣковъ, нисколько не походилъ на раба. Особенно это поражало иностранцевъ. Но кто вникъ въ характеръ и внутренній смыслъ крѣпостныхъ отношеній, тотъ найдетъ это явленіе очень понятнымъ и естественнымъ.

При изслѣдованіи своеобразнаго быта старинной Великороссіи, самъ собою представляется слѣдующій вопросъ: какъ согласить съ этимъ строемъ жизни, основаннымъ на крѣпостномъ правѣ, общинный бытъ массы великорусскаго населенія, его несомнѣнную способность и привычку къ общинной и артельной жизни? Вопросъ этотъ—одинъ изъ труднѣйшихъ, въ особенности потому, что, кажется, никогда еще не былъ правильно поставленъ. У всѣхъ славянскихъ племенъ есть природное расположеніе къ общинной жизни; это фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Но какъ оформилась въ исторіи эта общая всѣмъ имъ черта,—это другой вопросъ, котораго никакъ не слѣдуетъ смѣшивать съ первымъ. Между тѣмъ, говоря объ общинномъ бытѣ русскаго народа, мы обыкновенно не различаемъ природной способности, предрасположенія, отъ организаціи, отъ опредѣленной и установившейся формы отношеній, и потому, при обсужденіи этого вопроса, никакъ не можемъ придти къ точнымъ, положительнымъ результатамъ. Живя вмѣстѣ, имѣя общія дѣла, общія занятія, общіе интересы, люди естественно образуютъ группу, цѣлое общество, особливо при живости характера, общительности и большомъ добродушіи, которыми мы отличаемся. Но всего этого еще мало, чтобы признать существованіе у насъ общиннаго быта. Такой бытъ предполагаетъ общественное устройство и извѣстный способъ веденія общественныхъ дѣлъ, перешедшій въ обычаи и нравы. Есть ли у насъ общинный бытъ въ этомъ смыслѣ или нѣтъ,—сказать очень трудно. Рядомъ съ фактами, несомнѣнно доказывающими его существованіе въ однѣхъ мѣстностяхъ, приводятся данныя изъ другихъ мѣстностей, доказывающія совершенно противное; нерѣдко такіе противорѣчащіе факты встрѣчаются въ одной и той же мѣстности, и даже не на большомъ разстояніи другъ отъ друга; еще чаще можно замѣтить, что въ одномъ и томъ же обществѣ есть очень развитыя и

твердо установившіяся общинныя учрежденія по одной какой нибудь сторонѣ общественной жизни, и полное ихъ отсутствіе—по другой. Послѣднее, можно сказать, фактъ, почти повсемѣстный въ Великороссіи. То же противорѣчіе видимъ и въ пословицахъ, выражающихъ народный взглядъ на общину. Есть пословица: „міръ—великое дѣло"; но есть и другая: „міръ силенъ, какъ волна, и глупъ, какъ свинья". Рядомъ съ пословицей: „дружка объ дружкѣ, Богъ обо всѣхъ",—есть тоже пословица: „моя изба съ краю, ничего не знаю". Всего подробнѣе и точнѣе развиты въ цѣломъ народѣ обычаи, относящіеся къ общественной раскладкѣ всякого рода повинностей, податей, сборовъ, натурой и деньгами, а также къ раздѣлу полей и угодій; всѣ другіе общинные обычаи далеко не такъ повсемѣстны, какъ эти. Изъ всего этого можно, кажется, заключить, что природная наша способность къ общинной жизни, которой никто не отрицаетъ, находится еще въ развитіи и успѣла принять опредѣленныя обычныя формы въ тѣхъ только случаяхъ, когда обстоятельства тому благопріятствовали; но едва-ли можно положительно утверждать, что общинный бытъ у насъ уже существуетъ, что онъ уже теперь представляетъ нѣчто развитое, прочно установившееся и выработанное во всѣхъ частяхъ и повсемѣстно.

Правильному разрѣшенію вопроса объ общинномъ бытѣ Великороссіи мѣшаетъ также, какъ намъ кажется, еще и то, что мы въ этомъ отношеніи не достаточно различаемъ разныя эпохи русской исторіи, а это, въ свою очередь, существенно вредитъ правильности нашихъ историческихъ воззрѣній. О внутреннемъ бытѣ великорусскихъ крестьянскихъ и городскихъ обществъ мы имѣемъ, до царствованія Ивана Грознаго, одни только скудныя извѣстія, относящіяся, почти исключительно, лишь къ податямъ, повинностямъ и раскладкамъ. Изъ этихъ свѣдѣній, видно, что волости были обременены налогами, что судъ принадлежалъ не имъ, а кормленщикамъ или частнымъ владѣльцамъ. Необыкновенныя усилія употреблялъ Иванъ III, чтобъ обуздать произволъ намѣстниковъ и волостелей. Иванъ IV, въ изданномъ имъ Судебникѣ, усилилъ мѣры, принятыя въ этомъ отношеніи Иваномъ III, и даже намѣревался отмѣнить вовсе мѣстныхъ царскихъ правителей, а судъ и полицію передать самимъ обществамъ. Во всемъ этомъ трудно усмотрѣть слѣды сколько нибудь установившейся общинной жизни въ Великороссіи; наоборотъ, изъ этихъ указаній, повидимому, слѣдуетъ, что сельское и городское населеніе жило вполнѣ подъ частнымъ правомъ, или подъ произволомъ княжескихъ слугъ и кормленщиковъ, типъ власти которыхъ былъ тотъ же, что и частныхъ владѣльцевъ. Не надо также забывать, что въ то время еще существовалъ свободный переходъ съ одного мѣста на другое, что на частныхъ земляхъ люди жили по договорамъ съ владѣльцами, и что такіе договоры заключались послѣдними не съ цѣлымъ обществомъ, а съ отдѣльными лицами. При такомъ порядкѣ дѣлъ, едва-ли могла существовать выработанная, самостоятельная жизнь городскихъ и сельскихъ общинъ. Такимъ образомъ, до XVII вѣка, мы не имѣемъ никакихъ извѣстій объ общинной жизни великорусскаго народа, а тѣ свѣдѣнія, которыя дошли до насъ, дѣлаютъ существованіе прочнаго общиннаго быта невѣроятнымъ, и говорятъ скорѣй противъ него, чѣмъ въ его пользу. Въ XVII вѣкѣ, крѣпостное право было въ полномъ цвѣту; оно опредѣляло всю общественную и государственную жизнь, во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ; слѣдовательно, въ теченіе этого вѣка, менѣе чѣмъ когда-либо прежде, могъ существовать самостоятельный бытъ общинъ; но весьма вѣроятно, что въ этомъ вѣкѣ онъ началъ, мало-по-малу, слагаться, и именно подъ вліяніемъ крѣпостного начала. Первый его узелъ завязанъ, какъ кажется, налогами, повинностями, вообще тягломъ, которое сельчане и горожане должны были тянуть въ пользу казны. Ей было удобнѣе, проще и вѣрнѣе имѣть дѣло не съ отдѣльными лицами, а съ цѣлымъ городомъ, сотней, слободой, волостью, деревней,—словомъ, съ обществомъ; вслѣдствіе этого, на общество легла обязанность раскладывать подати, повинности и службы. Это должно было сплотить между собою лица, принадлежащія постоянно и наслѣдственно къ одному податному, тягловому обществу, должно было связать ихъ однимъ общимъ дѣломъ, и создать юридическія общинныя, податныя единицы, съ выборными представителями во главѣ. Въ такомъ, кажется, видѣ стала, мало-по-малу, осуществляться великая мысль Грознаго, брошенная имъ едва-ли не въ разгарѣ крова-

вой борьбы съ олигархами. За ту же мысль, позднѣе, снова ухватился Петръ Великій, но также безуспѣшно: общинный бытъ тогда не успѣлъ еще выработаться. Много дѣлалось попытокъ въ томъ же смыслѣ и впослѣдствіи, но и онѣ остались безъ результата, пока наконецъ уже въ наше время со всѣхъ сельскихъ обществъ не было снято бремя административной опеки, чѣмъ и положено дѣйствительное основаніе къ развитію сельскаго общиннаго быта.—Въ крестьянствѣ, жившемъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ и впослѣдствіи закрѣпощенномъ за ними, общинное начало появилось едва-ли ранѣе XVII вѣка, и вотъ почему: когда существовала помѣстная система, огромное большинство помѣщиковъ и вотчинниковъ (послѣднихъ, кажется, было очень немного) жили въ своихъ имѣніяхъ и хозяйничали сами, или чрезъ своихъ приказчиковъ и ключниковъ; издѣльное хозяйство, по условіямъ тогдашняго быта, было повсемѣстно; казенныхъ и общественныхъ повинностей и тягостей помѣщичьи и вотчинные крестьяне не несли; въ имѣніяхъ, принадлежавшихъ духовному вѣдомству, а также и тѣмъ изъ придворныхъ чиновъ, которые, по обязанностямъ службы, не могли жить въ своихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ, вѣроятно тоже существовало издѣлье и приказчичье управленіе; слѣдовательно, общинный бытъ могъ начать вырабатываться въ дворянскихъ населенныхъ имѣніяхъ лишь въ XVIII вѣкѣ, когда крѣпостные, приписанные къ этимъ имѣніямъ, были привлечены къ участію въ государственныхъ и земскихъ повинностяхъ, податяхъ и службахъ, и когда издѣлье отчасти замѣнилъ оброкъ натурою или деньгами.

Все сказанное нами выше объ общинахъ и общинномъ бытѣ, пока, разумѣется, не болѣе, какъ однѣ догадки и предположенія. Профессоръ Чичеринъ первый указалъ на податное, финансовое, тягловое происхожденіе нашихъ городскихъ и казенныхъ сельскихъ общинъ. Онѣ и доселѣ глубоко запечатлѣны этимъ характеромъ. Что въ ихъ бытѣ принадлежитъ генію славянскаго племени и что́ исторіи и особеннымъ обстоятельствамъ, посреди которыхъ они развились,—покажетъ будущее; но въ прошедшемъ великорусскаго племени онѣ едва-ли имѣли то значеніе, которое имъ нѣкоторые приписываютъ; по крайней мѣрѣ, нашъ древній общинный бытъ ничѣмъ не заявилъ себя въ ежедневной, будничной жизни, не оставилъ по себѣ слѣда, что было бы непремѣнно, еслибъ онъ развился и игралъ какую нибудь роль въ народной жизни. Другое видимъ мы въ Малороссіи и въ сѣверо-западной Россіи, начиная съ отдаленной эпохи; можетъ быть, именно это обстоятельство и вводитъ насъ въ заблужденіе относительно великорусской старины: не различая въ прошедшемъ восточную Россію отъ западной, мы безпрестанно впадаемъ въ ошибки. Въ Великороссіи, общинное начало, какъ мы сказали выше, есть, кажется, сравнительно, явленіе новое; оно развивается и ему видимо предстоитъ будущность въ нашихъ судьбахъ. Городовыя положенія С.-Петербурга, Москвы и Одессы, земскія и крестьянскія сельскія учрежденія указываютъ на вѣроятный исходъ изъ старинной великорусской крѣпостной организаціи, упраздненной въ теченіе XVIII и первой половины XIX вѣка. Но пока это только зародыши будущаго, а не зрѣлый плодъ прошедшаго.

Къ тому же результату приводятъ и другія соображенія. Въ общественномъ строѣ древняго великорусскаго общества не было мѣста для общиннаго быта. Вся организація Великороссіи, въ XVII вѣкѣ, представляется въ такомъ видѣ: въ частномъ быту,—полновластный глава семейства и дома, и господинъ надъ холопами; въ общественномъ, — значительная часть сельскаго населенія подвластна частнымъ владѣльцамъ и духовенству; весь остальной народъ раздѣленъ на наслѣдственные „чины“ или разряды, пріуроченные къ извѣстнымъ надобностямъ царской службы, и находится въ такой же подчиненности своему разряду, какъ помѣщичьи и вотчинные крестьяне своему владѣльцу; въ администраціи—воеводы и разные царскіе слуги, съ такою же точно властью надъ подчиненными имъ городами (ставшими, съ Алексѣя Михайловича, исключительно царскими) и сельскимъ населеніемъ; все государство представляетъ колоссальный домъ или дворъ, подвластный московскому царю, который завѣдываетъ имъ посредствомъ своихъ слугъ. Посреди такой организаціи, куда вставить общинное устройство и бытъ? Подвластные одному владѣльцу или одному чиновнику люди могли жить вмѣстѣ, могли вмѣстѣ, общими силами, тянуть тягло; но образовать органическое общежитіе они не

могли: весь складъ этого общественнаго строя исключаетъ общину. Тѣ, которые предполагаютъ и отыскиваютъ въ древней Великороссіи установившійся и развитый общинный бытъ, не достаточно, какъ мы думаемъ, вникаютъ въ историческое призваніе великорусскаго элемента среди другихъ вѣтвей русскаго народа и славянскаго племени. Глубокій смыслъ московскихъ государственныхъ и общественныхъ порядковъ тотъ, что въ нихъ осуществилось государство, въ формахъ, вполнѣ доступныхъ и понятныхъ великорусскому народу. Какъ былъ устроенъ частный бытъ, точно также было устроено и все государственное зданіе. Домашняя дисциплина послужила образцомъ для дисциплины общественной и государственной. Въ царской власти, сложившейся по типу власти домовладыки, русскому народу представилась, въ идеальномъ, преображенномъ видѣ, та же самая власть, которую онъ коротко зналъ изъ ежедневнаго быта, съ которой жилъ и умиралъ. Царь, по представленіямъ великорусскаго народа, есть воплощеніе государства. Чтобы проникнуть во внутренній смыслъ этого типа, неизвѣстнаго или забытаго у другихъ народовъ, нужно глубоко всмотрѣться въ основаніе великорусскаго быта. Русскій царь, по народнымъ понятіямъ, не начальникъ войска, не избранникъ народа, не глава государства, или представитель административной власти, даже не сентиментальный Landesvater или bon père du peuple, хотя въ двухъ послѣднихъ типахъ и есть кое-что, напоминающее великорусскій идеалъ царя. Царь есть само государство,—идеальное, благотворное, но вмѣстѣ и грозное его выраженіе; онъ превыше всѣхъ поставленъ внѣ всякихъ сомнѣній и споровъ, и потому неприкосновененъ; потому же онъ и безпристрастенъ ко всѣмъ; всѣ передъ нимъ равны, хотя и неравны между собою. Царь долженъ быть безгрѣшенъ; если народу плохо, виноватъ не онъ, а его слуги; если царское велѣніе тяжело для народа,—значитъ, царя ввели въ заблужденіе; самъ собою онъ не можетъ ничего захотѣть дурного для народа. Девизъ царя: „не боюсь смерти, боюсь грѣха,“ и горе народу, когда согрѣшитъ царь, потому что, если „народъ согрѣшитъ — царь замолитъ, а царь согрѣшитъ — народъ не замолитъ.“ Совершенно понятно недоумѣніе западныхъ европейцевъ передъ такимъ типомъ государственной власти, ключъ къ которому у нихъ потерянъ. Не зная, что она собою выражаетъ, они были бы готовы подвести ее подъ извѣстный шаблонъ восточныхъ деспотій, еслибъ царская власть не была въ Россіи дѣятельнымъ органомъ развитія и прогресса въ европейскомъ смыслѣ. Въ чемъ же тайна этой всемогущей власти? Какимъ чудомъ она одна остается неподвижной и несокрушимой въ русской жизни, въ теченіе столѣтій, несмотря на внутреннія потрясенія и внѣшнія замѣшательства, и когда все вокругъ нея, по ея же иниціативѣ, движется и измѣняется? Это становится понятнымъ только при глубокомъ изученіи внутренняго смысла исторіи Великороссіи. Установленіе ея государственнаго единства, а слѣдовательно и политическаго бытія, совпадаетъ съ судьбами царской власти: вмѣстѣ они появились, окрѣпли, бѣдствовали и спасались отъ бѣдъ. Въ самыя трудныя и тяжкія времена, когда приходилось чуть ли не съизнова начинать политическое существованіе, великорусскій народъ, прежде всего, принимался за возстановленіе царской власти, обезпечивалъ ее себѣ и дѣлилъ съ царемъ радости и горе. Народъ и царская власть сжились у насъ, какъ Англія съ своимъ парламентомъ; оба учрежденія глубоко національны. Въ этой способности создать себѣ идеалъ государства въ формахъ народныхъ, и потому доступныхъ и понятныхъ каждому, отъ мала до велика,—въ умѣньѣ поддерживать и сохранять, какъ зеницу ока, царскую власть, въ которой этотъ идеалъ выразился, несмотря ни на какія обстоятельства, чрезъ всю исторію,—и заключается значеніе Великороссіи посреди другихъ славянскихъ племенъ и народовъ. У всѣхъ славянъ зачатки быта были одни и тѣ же; но вслѣдствіе разныхъ историческихъ условій, въ ихъ жизнь вторглись чуждые элементы, прежде чѣмъ она успѣла сложиться въ государственную форму, отвѣчавшую ихъ народнымъ понятіямъ и историческому возрасту; или же ихъ естественный ростъ, а съ нимъ и равновѣсіе составныхъ общественныхъ стихій, были нарушены. Оттого прочіе славяне и потеряли свою политическую самостоятельность; но въ массахъ народныхъ сохранялся утраченный въ дѣйствительной жизни идеалъ государства и государственной власти. Онъ тянулъ весь русскій народъ къ Великороссіи; онъ покорилъ Москвѣ Новгородъ и Псковъ, присое-

динилъ къ ней Малороссію, какъ въ наше время влечетъ къ намъ народныя массы въ западномъ краѣ и въ самомъ царствѣ Польскомъ. Этого не понимаютъ въ Европѣ и отрицаютъ самый фактъ, стараясь объяснить рядомъ случайностей и минутныхъ обстоятельствъ органическія явленія русской жизни.

Народный характеръ царской власти и великое ея значеніе въ судьбахъ русскаго племени проливаютъ яркій свѣтъ на нѣкоторые эпизоды великорусской исторіи и объясняютъ ихъ иначе, чѣмъ мы привыкли смотрѣть на нихъ до сихъ поръ. Слѣдившіе за успѣхами критической разработки русской исторіи знаютъ, какъ измѣнился въ послѣднее время взглядъ на Ивана Грознаго. Увлекшись самыми честными побужденіями, Карамзинъ не понялъ и ошибочно истолковалъ борьбу Грознаго съ вельможествомъ. Послѣ Карамзина старались, въ особенности профессоръ Соловьевъ, исправить эту ошибку, и отчасти въ томъ успѣли. Говоримъ „отчасти“, потому что выяснена, пока, только психологическая сторона дѣйствій и побужденій Грознаго: объективная, предметная сторона вопроса остается, по прежнему, очень загадочною. Вдумываясь въ ходъ великорусской исторіи, невольно останавливаешься передъ рядомъ событій, начиная съ Ивана Грознаго и оканчивая царствованіемъ Михаила Ѳеодоровича. Чувствуется, что за этотъ промежутокъ времени обычная ея нить какъ будто порвана и теряется; что-то необыкновенное начинается при Грозномъ; затѣмъ, крайне натянутое положеніе послѣ его смерти, при его сынѣ, собственно говоря, при Годуновѣ; послѣ того,—страшныя смуты, посреди которыхъ чуть чуть не погибаетъ государство; его спасаютъ сверхъестественныя усилія всего народа; избраніе Михаила Ѳеодоровича Романова полагаетъ конецъ разгрому, но отголоски и послѣдствія его отзываются долго послѣ, почти чрезъ все царствованіе Михаила. Съ Алексѣя Михайловича все опять возвращается въ обычную колею, и несмотря на то, что его время совсѣмъ не то, что прежнее, до кровавыхъ расправъ Ивана, видишь однако, что оно есть естественное его продолженіе, что нормальный ходъ великорусской жизни возстановленъ и обратился на старое свое русло. Такимъ образомъ, періодъ времени отъ Ивана IV до царя Алексѣя Михайловича составляетъ одно цѣлое, до сихъ поръ мало разъясненное въ главныхъ своихъ основаніяхъ и пружинахъ. Сравнительно очень богатая литература объ этомъ періодѣ обыкновенно ограничивается промежуткомъ времени между избраніемъ Бориса Годунова и Михаила Ѳедоровича. Съ точки зрѣнія внѣшнихъ событій это совершенно правильно. Но такъ ли, по внутреннему смыслу событій? Мы не думаемъ. Буря подготовлялась издалека и раскаты ея слышались долго послѣ. Повторяемъ, намъ этотъ эпизодъ является какой-то удивительной, загадочной вставкой въ русскую исторію, и чѣмъ больше уясняются факты, тѣмъ онъ становится, на нашъ взглядъ, темнѣй и непонятнѣй. Сблизьте съ эпохой смутъ фигуру Грознаго,—и она предстанетъ передъ вами въ трагическомъ величіи. Значитъ, однако, не одна кровожадность и подозрительность заставляли его лить потоки крови! Онъ чуялъ бѣду и боролся съ ней до истощенія силъ. Прочтите его завѣщаніе, писанное въ половинѣ царствованія: оно исполнено мрачныхъ предчувствій, которыя оправдались послѣдующими событіями. Грозный впервые формулируетъ царскую власть какъ принципъ, возводитъ ее къ единственно доступному ему, по тому времени, идеалу византійскаго императорства; но и это кажется ему недостаточнымъ: онъ производитъ себя отъ Августа Цезаря, какъ будто для того, чтобъ придать больше авторитета, прочности и силы своей власти. Откуда эти заботы? Неужели Грозному нужно было оправдывать царскую власть чужеземными идеалами и иностраннымъ происхожденіемъ передъ народомъ, который молилъ его возвратиться изъ Александровской слободы въ Москву? Не наступи, вскорѣ послѣ смерти Грознаго, смутное время, мы были бы готовы приписать всю заботу, гнѣвъ, тревогу, опасенія царя его тиранскимъ наклонностямъ; но въ виду послѣдующихъ событій такой приговоръ былъ бы наивенъ и опрометчивъ. Жестокости и казни Грознаго—дѣло тогдашняго времени, нравовъ, положимъ даже личнаго характера; но сводить ихъ на одни психологическія побужденія, имѣя передъ глазами цѣлый періодъ внутреннихъ смутъ и потрясеній, невозможно. Должны были быть глубокія объективныя причины, вызывавшія Грознаго на страшныя дѣла. Причины эти были, повидимому, слѣдующія. Со времени Ивана III, въ составъ московскаго государства вошла значительная часть

тогдашней западной Россіи, — Новгородъ, Псковъ, города и княжества литовскія. Съ тѣмъ вмѣстѣ долженъ былъ произойти оттуда значительный притокъ въ Великороссію элементовъ, чуждыхъ ея общественному складу, не дававшихъ въ западной Россіи сложиться государству, и столько же враждебныхъ къ нему въ Великороссіи. Эти элементы вошли, главнымъ образомъ, въ составъ царскихъ служебныхъ чиновъ, и, усилившись новыми литовскими и польскими выходцами изъ-за границы, получили, въ царствованіе Грознаго, большое вліяніе. Вспомнимъ роль Глинскихъ, стоявшихъ во главѣ правленія; Бѣльскаго, потомка Гедимина, соискателя литовскаго престола; къ той же категоріи принадлежалъ и знаменитый Курбскій. Къ этимъ элементамъ могли присоединиться старинные великорусскіе удѣльные князья, лишенные владѣній и обратившіеся въ слугъ московскихъ государей; въ то время, московская знать едва ли меньше сочувствовала польскимъ и литовскимъ порядкамъ, чѣмъ впослѣдствіи шведскимъ, французскимъ и англійскимъ. Въ попыткахъ всѣхъ этихъ элементовъ измѣнить, по своему идеалу, государственный строй Великороссіи, внести въ него западно-русскія начала, и слѣдуетъ, какъ намъ кажется, искать ключа къ явленіямъ и событіямъ этой замѣчательной эпохи. Въ лицѣ Грознаго, великорусское государство вступило въ борьбу съ западно-русскими и польскими государственными элементами, вошедшими въ составъ московскаго государства. Что это не одна догадка, доказываютъ обстоятельства избранія на престолъ Шуйскаго и, если вѣрить Котошихину и псковской лѣтописи,—самого Михаила Ѳедоровича. Флетчеру, черпавшему свои свѣдѣнія, повидимому, въ той средѣ, которая сочувствовала литовскимъ и польскимъ порядкамъ, предсказывали предстоявшій переворотъ. Разсказъ этого иностранца особенно любопытенъ, какъ отголосокъ партій, игравшихъ потомъ большую роль въ событіяхъ смутнаго времени.

Мы не станемъ развивать далѣе нашу мысль, боясь выдти изъ предѣловъ очерка. Позволимъ себѣ только замѣтить, что разработка исторіи Ивана Грознаго, собственно говоря, едва только еще начинается. До сихъ поръ даже не опредѣлено критически достоинство тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ почерпаются свѣдѣнія объ этой эпохѣ; а безъ такой предварительной работы нельзя и приниматься за подобный трудъ. Страсти и происки, разъигравшіеся впослѣдствіи, зачинались уже при Грозномъ и встрѣтились съ нимъ лицомъ къ лицу. Оттого такъ разнорѣчивы сказанія и отзывы о немъ. Чтобъ узнать правду, нужно отличать голосъ враждебныхъ ему элементовъ отъ голоса великорусскаго народа; въ свидѣтельствахъ иностранцевъ, — ихъ хроническое непониманіе нашихъ внутреннихъ дѣлъ отъ народныхъ сказаній и сужденій, внушенныхъ ихъ личными расчетами, или записанныхъ со словъ той или другой изъ тогдашнихъ партій. Какъ бы мы ни смотрѣли на Ивана Грознаго, царствованіе его, конечно, одно изъ замѣчательнѣйшихъ въ русской исторіи; а мы, даже до сихъ поръ, все больше обращаемъ вниманіе на психологическій характеръ его жестокостей, какъ будто въ нихъ вся сущность дѣла. Не то же ли это самое, что судить о послѣдней американской войнѣ по однимъ ея ужасамъ, о царствованіи Петра — по розыскамъ и казнямъ, о нашемъ призваніи въ Польшѣ и западномъ краѣ—по судьбѣ враждебнаго намъ элемента? Смотрѣть такъ на исторію, значитъ заранѣе отказаться отъ пониманія величайшихъ историческихъ эпохъ и событій. Ни въ чемъ наше умственное несовершеннолѣтіе не высказывается такъ осязательно, какъ въ томъ, что мы не только не понимаемъ, но почти не знаемъ царствованія Ивана IV, и даже мало имъ интересуемся, воображая, что, и не изучивъ его, можно понимать русскую исторію; а между тѣмъ, эпоха Грознаго, по своему значенію во внутреннемъ развитіи Великороссіи, есть преддверіе къ эпохѣ Петра и имѣетъ съ ней глубочайшую связь.

Намъ остается еще, въ заключеніе, сказать нѣсколько словъ о частномъ бытѣ и нравахъ Великороссіи. Они тоже опредѣлялись, и въ общемъ, и во всѣхъ подробностяхъ, указанными выше зачатками, лежавшими въ основаніи внутренней ея жизни. Пассивное воспринятіе чужой культуры, безъ собственной производительности; по преимуществу дисциплинарная роль церкви и первобытныя формы государства, — все это свидѣтельствуетъ о первоначальной, грубѣйшей непосредственности людей, о крайне слабомъ развитіи въ нихъ духовнаго, нравственнаго элемента, который немыслимъ тамъ, гдѣ индивидуальное развитіе еще не начиналось.

Это и отражается на частномъ бытѣ и нравахъ, которые описываются самыми мрачными красками въ туземныхъ источникахъ и въ сказаніяхъ иностранцевъ. Величайшая невоздержность, всякаго рода вѣроломство, обманъ, насиліе, воровство, частые грабежи и разбои, шаткость во всемъ, своекорыстіе, плутовство во всѣхъ возможныхъ видахъ,— вотъ въ чемъ, на разные лады и съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія, упрекается великорусскій людъ всѣхъ общественныхъ разрядовъ и положеній. Тѣ же упреки, съ небольшими варіаціями, слышатся и до сихъ поръ. Странно было бы считать эти пороки русскаго общества прирожденными, и на этомъ основаніи отчаяваться въ возможности ихъ искорененія. Мы страдали и страдаемъ нравственной и духовной неразвитостью; наши пороки — признакъ грубаго, недозрѣлаго, но не старческаго, перезрѣвшаго общества. Его здоровыя силы выражаются въ томъ, что, чувствуя свою несостоятельность, оно крѣпко держится за свой государственный строй, обезпечивающій его политическую цѣлость и независимость. Приписывать первобытнымъ формамъ государственнаго порядка Великороссіи состояніе тогдашняго общества, значитъ извращать вопросъ и видѣть въ слѣдствіи—причину, а въ причинѣ—слѣдствіе. Общество, развивающееся правильно, всегда будетъ имѣть и соотвѣтствующія его историческому возрасту государственныя формы; слѣдовательно, вся сила во внутреннемъ развитіи; оно должно стоять на первомъ планѣ и въ историческомъ изслѣдованіи и въ практической дѣятельности.

Въ этомъ смыслѣ можно также сказать, что частный бытъ и нравы древней Великороссіи представляютъ оборотную сторону быта церковнаго, государственнаго, и культуры, служатъ имъ поясненіемъ и подтвержденіемъ. Это видно во всемъ, на что ни взглянемъ.

Откуда взялась, напримѣръ, затворническая, тюремная жизнь великорусскихъ женщинъ высшаго сословія въ XVII вѣкѣ? Не понимая ея связи съ коренными основами великорусской жизни, мы или остаемся въ недоумѣніи передъ этимъ явленіемъ, или приписываемъ его вліянію татарщины. Но оно прямо вытекаетъ изъ основныхъ условій великорусскаго быта. Стоитъ вдуматься въ нашъ народный взглядъ на женщину вообще и жену въ особенности, — взглядъ, выразившійся въ пословицахъ, пѣсняхъ и свадебныхъ обрядахъ,—чтобъ увидѣть ясно, что теремная жизнь женщинъ есть лишь его практическое примѣненіе. Она потому только развилась въ однихъ высшихъ слояхъ стариннаго нашего общества, что прочіе, по своимъ достаткамъ и образу жизни, не могли точно также устроить свой семейный бытъ. Аналогическое явленіе представляетъ почти повсемѣстное единоженство массы бѣднаго магометанскаго народонаселенія, несмотря на дозволеніе Корана имѣть нѣсколько женъ. Только высшіе классы стариннаго московскаго общества могли осуществить идеалъ домашней жизни, который носился передъ цѣлымъ народомъ и обусловливался его основными соціальными элементами.

Возьмемъ другую поразительную черту,— еще весьма недавнюю безличность великорусской массы, отсутствіе, въ огромномъ большинствѣ, ясно опредѣленнаго индивидуальнаго характера, индивидуальной обособленности И теперь еще, когда эта черта замѣтно сглаживается, она все еще очень замѣтна. Русская народная масса превосходна во всѣхъ отношеніяхъ; а выдѣлится изъ нея человѣкъ, — рѣдко, очень рѣдко, найдешь въ немъ тѣ качества, которыми не налюбуешься въ цѣломъ народѣ. Еще въ началѣ нынѣшняго вѣка, безличность нашихъ народныхъ массъ поражала и изумляла не только иностранцевъ, но даже малороссіянъ, у которыхъ, напротивъ, индивидуальность сильно развита, вслѣдствіе ихъ исторіи и сравнительно высшей степени культуры. Намъ удавалось слышать отъ малороссіянъ, бывавшихъ въ молодости въ Великороссіи и возвратившихся сюда спустя лѣтъ двадцать, что они были удивлены, при вторичномъ пріѣздѣ, перемѣной, замѣченной ими въ простомъ народѣ: по ихъ отзывамъ, прежнее однообразіе и неподвижность физіономіи, прежнее совершенное отсутствіе индивидуальнаго характера, значительно сгладились. Тотъ же фактъ подтверждается усилившимися, особенно въ послѣднее время, раздѣлами крестьянскихъ семействъ. Это явленіе, конечно, объясняется разными другими обстоятельствами и новыми условіями крестьянскаго быта; но ими одними объяснить этого явленія нельзя, потому что оно между самими крестьянами встрѣчаетъ много возраженій, — явный признакъ, что не одна

внѣшняя обстановка побуждаетъ сельскій людъ къ семейнымъ раздѣламъ.

Но не однѣ народныя русскія массы безличны. Безличностью и безхарактерностью дышетъ домашняя и общественная жизнь, умственная и всякая дѣятельность, даже образованныхъ слоевъ нашего общества. Живя долго за границей, въ Европѣ, гдѣ индивидуальность опредѣлилась такъ рѣзко и такъ характерно, пріучаешься легко отличать русскихъ, по какой-то неопредѣленности во всемъ, — въ наружности, въ движеніяхъ, въ разговорѣ и въ самыхъ взглядахъ на вещи.

Остановимся еще на одной чертѣ. Въ Великороссіи не было, да и не могло быть другой общественности, кромѣ, такъ сказать, домашней и семейной, или родственной. Ее мы и находимъ здѣсь, въ старину, въ полномъ развитіи. Домъ и дворъ, разросшійся, пустившій отпрыски и вѣтви, — вотъ единственный центръ нашей старинной общественности. Народные обычаи и праздники —живые ея свидѣтели; еще недавніе нравы и обычаи образованныхъ классовъ великорусскаго общества доказываютъ то же самое, несмотря на указъ объ ассамблеяхъ. Только великія событія и бѣдствія вызывали тогдашнихъ людей къ совокупной общественной дѣятельности; проходили эти минуты, вступала ежедневная жизнь въ свои права, — и опять старинное русское общество распадалось на свои замкнутые домашніе кружки. Сожительство на однихъ мѣстахъ, многоразличныя точки соприкосновенія между людьми, лишь крайне медленно подготовляли общественную гражданскую жизнь. А между тѣмъ, изъ всѣхъ славянскихъ племенъ, ни одно не одарено такими сильными государственными и политическими инстинктами, какъ великоруссы; ни одно не являло ихъ такъ блистательно, чрезъ длинный рядъ счастливыхъ и тяжелыхъ дней. Это кажущееся противорѣчіе объясняется, какъ нельзя лучше, начальными формами нашего быта, изъ которыхъ мы и до сихъ поръ еще не выработались и не выработаемся, повидимому, весьма долго. Много, и съ разныхъ точекъ зрѣнія, обсуждался у насъ вопросъ о взяточничествѣ, всосавшемся въ нашу плоть и кровь. Тысячи причинъ, и очень основательныхъ, приводятся въ объясненіе, почему оно явилось и чѣмъ поддерживается; но разсуждая объ этой проказѣ, не обращаютъ, кажется, должнаго вниманія на очень любопытный фактъ, что большинство отъявленныхъ взяточниковъ и казнокрадовъ—лучшіе отцы семействъ, образцовые супруги, истинные благодѣтели своихъ родственниковъ, вѣрные и надежные друзья, вообще люди добрые и благотворительные. Чтожъ это показываетъ? Очевидно, всѣ ихъ хорошія стороны сосредоточены только въ домашнемъ, семейномъ быту; только интересы семейные и домашніе составляютъ для нихъ серьезное дѣло; все, что внѣ этого круга, — государство и общество, — являются, въ ихъ глазахъ, чѣмъ-то постороннимъ, внѣшнимъ, чужимъ, до котораго имъ нѣтъ дѣла; до этого рода интересовъ они еще не поднялись; другими словами, въ ихъ сознаніи и ежедневныхъ привычкахъ не выработалась, рядомъ съ домашнимъ бытомъ, среда государства и общества, менѣе непосредственная, болѣе духовная, связующая людей и опредѣляющая ихъ дѣятельность невидимымъ, но оттого не менѣе реальнымъ началомъ общественной пользы и блага. Если вглядѣться глубже въ нашу жизнь, то окажется, что не одни взяточники выражаютъ собою этотъ видъ неразвитости русскаго общества.

III.

Внутренній бытъ Россіи, въ томъ видѣ, какъ онъ сложился въ XVII вѣкѣ, представлялъ округленное и законченное цѣлое. Московское государство было азіатской монархіей, въ полномъ смыслѣ слова. Односложная формація осуждала его на совершенную неподвижность, впредь до покоренія другимъ народомъ, или до внутренняго распаденія, вслѣдствіе собственной дряхлости. Остановись мы на этой точкѣ и не иди далѣе, — трудно было бы сказать, что выиграла Великороссія передъ западной Россіей и прочими славянами, покоренными чужеземному игу или принявшими исподоволь нравы и языкъ другихъ народовъ, болѣе образованныхъ. Самостоятельность на манеръ персидской или китайской едва ли чѣмъ лучше несамостоятельнаго участія въ жизни другихъ народовъ, которые играютъ роль во всемірной исторіи и общемъ ходѣ культуры.

Но къ концу XVII в. замѣчается въ московскомъ царствѣ броженіе, какого въ немъ

прежде не бывало. Прежнія смуты были вызваны столкновеніемъ, внутри государства, туземныхъ элементовъ съ чуждыми, внесенными извнѣ въ его составъ. Волненія и неустройства, предшествовавшія Петру Великому, были совсѣмъ другого рода. Они свидѣтельствовали о разслабленіи связей, которыми до тѣхъ поръ крѣпко держалось все общество. Появляется хаосъ въ головахъ и въ дѣйствительности. Никто не знаетъ какъ приняться за исправленіе непорядковъ, которые все усиливаются и вырождаются въ бунты, грозящіе опасностью даже цѣлости и единству государственной власти. Видимо, внутреннія, органическія причины колеблютъ государство. И вотъ, посреди этой неурядицы, является Петръ, съ необыкновенной энергіей и жестокостью подавляетъ смуты, преобразуетъ, внѣшнимъ образомъ, всѣ формы быта и придаетъ странѣ наружный видъ европейской монархіи того времени.

Еслибъ реформа остановилась со смертью Петра Великаго, то не могло бы оставаться сомнѣнія въ томъ, что московское государство принадлежитъ къ азіатской, а не европейской группѣ. Мало ли было броженій и великихъ государей на Востокѣ! Единичныя явленія, сами по себѣ, ничего не значатъ и подтверждаютъ, а не опровергаютъ, общее правило. Внѣшній характеръ петровскаго преобразованія служилъ бы, въ такомъ случаѣ, новымъ доказательствомъ, что мы азіатскій народъ. Но въ томъ-то и сила, что дѣло Петра не умерло послѣ него на русской почвѣ; напротивъ того, оно, несмотря на крайне неблагопріятныя обстоятельства, пустило корни и продолжалось почти полтора вѣка, вплоть до нашего времени. Вмѣсто того, чтобъ ослабить Россію, реформа вызвала къ дѣятельности дремавшія въ ней громадныя силы и развила ихъ въ невиданныхъ размѣрахъ. Вотъ почему, нельзя не признать реформы Петра органическимъ явленіемъ великорусской жизни,—явленіемъ, которое, по своей своеобразности и необычайности, требуетъ самаго внимательнаго разсмотрѣнія. Зная судьбы преобразованія въ Россіи, мы не вправѣ говорить свысока, съ пренебреженіемъ, о полу-восточномъ характерѣ броженія, которое предшествовало эпохѣ Петра, о крутомъ, насильственномъ, внѣшнемъ характерѣ его реформы: все это имѣетъ свое значеніе и свой опредѣленный смыслъ, есть характеристика приготовленія и обстановки событій, которымъ нѣтъ подобныхъ въ исторіи.

Спрашивается: какія внутреннія, органическія причины вызвали переворотъ? Чтобъ правильно разрѣшить этотъ вопросъ, постараемся уяснить себѣ, чѣмъ собственно отличаются направленіе и характеръ нашей внутренней жизни до Петра и послѣ Петра? Что представляетъ она въ этомъ отношеніи новаго въ послѣдніе полтора вѣка, сравнительно съ тѣмъ, что было до реформы?

Перемѣна, если въ нее вдуматься хорошенько, поразительна. Наша жизнь усложнилась новымъ факторомъ; въ нее внесенъ европейскій идеалъ, во имя котораго меньшинство русскихъ людей стало расходиться съ окружающей дѣйствительностью, относиться къ ней отрицательно, иногда враждебно, и во всякомъ случаѣ критически и свободно. Каковъ бы ни былъ этотъ идеалъ, но онъ представляетъ новую силу, введенную въ нашу жизнь со времени Петра Великаго. Съ тѣхъ поръ, въ ней выступаетъ на первый планъ личная иниціатива, индивидуальность выдается впередъ изъ народной массы, въ которой она стушевывалась. Древняя русская исторія, по своей простотѣ и правильному развитію, принадлежитъ какъ бы къ области естественной исторіи. Мысль не забѣгаетъ впередъ событій; ее вызываетъ необходимый ходъ вещей; человѣкъ только слѣдуетъ за нимъ, отражаетъ его на себѣ, становится его орудіемъ. Поэтому, нѣтъ и разлада между дѣйствительностью и мыслью, нѣтъ внутреннихъ противорѣчій въ человѣкѣ и обществѣ: все однообразно, односложно, и просто. Подумаешь, что не люди дѣлаютъ исторію, а она дѣлается сама собою, безъ всякаго участія человѣка, по своимъ органическимъ, внутреннимъ, непреложнымъ законамъ; человѣка какъ будто нѣтъ вовсе, а дѣйствуютъ одни элементы и силы природы, движимые собственнымъ естествомъ.

Все это измѣнилось съ преобразованіемъ Петра. Точно въ жизнь вошелъ новый дѣятель, призванный всюду и во всемъ произвести разладъ. Въ русскомъ народѣ, односложномъ по своему составу, по складу жизни, по единству соціальнаго типа, выдѣляется цѣлая среда,—образованный классъ, — которая живетъ чужою жизнью, принимаетъ чужіе нравы, мѣняетъ свой языкъ на чужой,

прилѣпляется къ идеаламъ, взглядамъ, требованіямъ, выработаннымъ чужою жизнью. Въ древней Россіи, человѣкъ, отрѣшившійся отъ своего быта, бѣжалъ изъ него вонъ, на просторъ; никакого опредѣленнаго образа гражданскаго и государственнаго существованія онъ не умѣлъ и не могъ противопоставить тому быту, который отрицалъ, и потому мѣнялъ его на лѣса и степи, гдѣ не было никакого устроеннаго человѣческаго общества. Теперь среда, выдѣлившаяся изъ народа, остается посреди его, отрицаетъ установившійся народный бытъ не во имя какой-то безграничной, несуществующей нигдѣ свободы и разгула, а во имя идеала другого, высшаго, лучшаго быта и стремится водворить его въ народной жизни, передѣлать ее по этому идеалу, пересоздать, согласно съ нимъ, обычаи и нравы. Еслибъ такая среда была внесена въ русскую жизнь откуда-нибудь извнѣ, представляла чуждый намъ этнографическій и историческій элементъ, то у нея былъ бы одинъ такой идеалъ; но преобразующая среда возникла у насъ, между нами, и нами же пополнялась; русская голова и русская душа приняла чужіе идеалы, во имя которыхъ передѣлывался нашъ внутренній строй, и потому было множество различныхъ идеаловъ, смотря по времени, по обстоятельствамъ, обстановкѣ и тысячѣ случайнымъ условіямъ дѣйствовавшихъ лицъ. Отсюда разладъ во всемъ. Бытъ перестроивался не всегда согласно съ его внутренними требованіями, идеалъ осуществлялся, не всегда отвѣчая условіямъ дѣйствительности. Естественный, нормальный ходъ жизни былъ нарушенъ: мысль то опережала ее, то отъ нея отставала; дѣйствительныя потребности то оставлялись безъ вниманія, потому что не подходили подъ идеалъ, то удовлетворялись не такъ, какъ бы слѣдовало, потому что на нихъ смотрѣли не прямо, а сквозь предвзятую мысль. Появилось множество неестественныхъ сочетаній, причудливыхъ комбинацій въ мысли и въ самыхъ фактахъ; создалась искусственная жизнь, искусственная дѣйствительность, которая, въ свою очередь, вызывала искусственную мысль. Мало-по-малу, призраки перемѣшались съ дѣйствительностью, иллюзіи — съ трезвой мыслью. Возникъ, посреди дѣйствительной жизни, цѣлый міръ фантазій и миражей, и различить ихъ между собою не было силъ. Смѣсь ихъ опутывала человѣка и не выпускала изъ своего заколдованнаго круга. Заманчивая и обстоятельная ткань, въ которой ложь вплеталась въ правду, истина въ вымыселъ, ослѣпляла умственное зрѣніе, лишала его даже способности замѣчать между ними разницу.

Теперь эта удивительная эпоха, похожая на арабскую сказку, приходитъ къ концу. На это указываютъ несомнѣнные признаки. Пристрастіе къ иностранному и чужому видимо смѣняется, въ образованныхъ слояхъ нашего общества, охлажденіемъ къ Европѣ, даже не всегда справедливымъ предубѣжденіемъ противъ европейскаго; національное чувство ростетъ быстро; идеалы и идеальное направленіе въ рѣшительномъ пренебреженіи, даже больше, чѣмъ бы слѣдовало; мысль становится трезвѣе, получаетъ практическій складъ, обращается къ практическимъ интересамъ; стараются, какъ бы нарочно, окоротить ея полетъ и держаться исключительно въ кругу ближайшихъ, фактическихъ условій дѣйствительности: въ этомъ тоже замѣтна своего рода крайность, съуживающая горизонтъ зрѣнія. Такая перемѣна въ направленіи запечатлѣна духомъ реакціи противъ прежняго; но это обстоятельство именно и доказываетъ, что эпоха, начатая Петромъ Великимъ, уходитъ въ прошедшее.

Что̀ выражала она собою? Возрастъ или степень развитія, черезъ которую проходитъ, въ той или другой формѣ, каждый человѣкъ и каждый народъ. Въ жизни человѣка это называется юностью; въ жизни народовъ — героическимъ періодомъ. Главной движущей пружиной этого возраста является пробудившаяся умственная и нравственная дѣятельность, которая становится самостоятельнымъ органомъ въ судьбахъ человѣка и народа. На первыхъ порахъ, этотъ новый двигатель преисполненъ сознаніемъ своего всемогущества и неудержимо стремится подчинить себѣ все, даже самую природу и ея неизмѣнные законы. Отсюда, въ эту пору жизни, необыкновенное развитіе силъ, рвущихся проявиться наружу, упразднить дѣйствительность какъ она есть и передѣлать ее на другой ладъ, не соображаясь съ тѣмъ, возможно ли это, допускаютъ ли это законы природы. Ясное пониманіе свойства этой силы, ея призванія и назначенія, ея предѣловъ и отношеній къ дѣйствительному міру, наступаетъ позднѣе, и тогда она вступаетъ въ гармоническое сочетаніе съ дѣйствительностью, которой не можетъ побѣдить,—изъ разрушительнаго, от-

рицательнаго элемента становится зиждительнымъ условіемъ осмысленной и правильно развивающейся жизни.

Нашъ героическій вѣкъ опредѣлился особенными обстоятельствами и условіями, въ которыхъ мы находились къ концу XVII вѣка. Если онъ намъ кажется не такимъ привлекательнымъ, какъ бы мы того ожидали отъ героическаго возраста, то это не его вина, а наша: мы стоимъ къ нему слишкомъ близко, теряемся въ деталяхъ и упускаемъ изъ виду цѣлое. Это просто ошибка зрѣнія. Еслибъ мы знали сухую, прозаическую истину о героическомъ періодѣ Греціи, и притомъ съ такою ужасающею подробностью, какъ знаемъ теперь даже Петра, — Богъ знаетъ, показался ли бы намъ этотъ періодъ такимъ поэтическимъ, какимъ мы его себѣ воображаемъ сквозь легенды и сказанія, въ которыхъ онъ до насъ дошелъ. Отступите подальше и взгляните въ перспективѣ на Петра, на Екатерину II, на Александра I-го, – развѣ это не фигуры героевъ и полубоговъ древности? Съ точки зрѣнія науки и исторической истины, такая близость къ героическому періоду имѣетъ свою очень выгодную сторону: по нашей исторіи мы можемъ прослѣдить, почти шагъ за шагомъ, какъ приготовлялся этотъ періодъ, какіе были его составные элементы, какъ онъ родился изъ нѣдръ старинной русской жизни. Формы его даны прошедшимъ и имъ объясняются, точно также какъ онѣ, въ свою очередь, бросаютъ свѣтъ на предшествовавшій періодъ.

Мы сказали выше, что московское государство, къ концу XVII вѣка, находилось въ ненормальномъ состояніи. Это отлично обрисовано профессоромъ Соловьевымъ, въ первой главѣ тринадцатаго тома его исторіи. Передъ нами картина разложенія съ одной стороны, а съ другой—слышится громкій протестъ противъ внутреннихъ нестроеній, исканіе выхода изъ растущихъ замѣшательствъ. Скрытая, но главная причина болѣзненнаго состоянія общества заключалась въ томъ, что простыя, первобытныя формы, которыми опредѣлялся старинный великорусскій бытъ, оказывались уже недостаточными для возникавшей, болѣе сложной общественности. Начальная соціальная ячейка, дворъ или домъ, и развившееся изъ нея крѣпостное право становились узки и тѣсны для сравительно болѣе зрѣлаго государственнаго и гражданскаго быта. Къ московскому государству уже не шли формы вотчины и дѣдины, къ московскому государю—формы домоначальника, отчича и дѣдича: это чувствовали уже Иванъ III и еще болѣе Иванъ Грозный; точно такъ же Ординъ-Нащокинъ, Одоевскій, Голицыны, Матвѣевъ не походили на холопей, а Посошковъ, Исаевъ, —на царскихъ сиротъ Страшныя, вопіющія злоупотребленія доказывали недостаточность системы управленія, основанной на крѣпостномъ правѣ. Въ обществѣ стала появляться потребность образованія,—признакъ, что духовная жизнь пробуждалась, если не въ цѣлой массѣ народа, то въ нѣкоторой, лучшей ея части. Словомъ все, на что ни взглянемъ, къ чему ни обратимся, показываетъ, что общество и государство уже переросли старыя формы; противорѣчіе между ними и назрѣвающимъ содержаніемъ и было главной причиной внутреннихъ неустройствъ и броженія.

Какой выходъ предстоялъ древней Россіи изъ такого положенія?

Мы не раздѣляемъ фаталистическихъ взглядовъ на исторію и вовсе не думаемъ, чтобъ можно было, какъ говаривалось прежде на философскомъ жаргонѣ, „конструировать“ Петра Великаго,—доказывать, что онъ необходимо долженъ былъ явиться и не могъ не явиться. Такого рода роковой необходимости мы не видимъ ни въ судьбахъ отдѣльнаго лица, ни въ судьбахъ народовъ. Есть въ складѣ и развитіи каждаго организма извѣстныя основныя черты и направленія, которыя съ нимъ рождаются и сопровождаютъ его до могилы: это типическія свойства, которыя могутъ быть исковерканы, обезображены, но не истреблены; они будутъ отзываться и въ своемъ искаженномъ видѣ, въ разныхъ ненормальныхъ явленіяхъ. Есть, далѣе, извѣстныя состоянія или положенія, обусловливаемыя извѣстной ступенью развитія, извѣстными обстоятельствами и обстановкой. Они—сложный продуктъ типическихъ свойствъ, степени развитія, наконецъ внѣшнихъ условій и случайностей, подъ вліяніемъ которыхъ организмъ живетъ. Такія положенія, сами по себѣ, переходчивы и потому могутъ измѣняться кореннымъ образомъ, но не сразу, а постепенно, исподволь. Они-то и представляютъ ближайшую, непосредственную, живую среду внѣшней исторіи и внѣшнихъ событій. Въ ней возникаютъ явленія самаго разнообразнаго свойства, органическія и случайныя; на нее дѣйствуютъ самыя разнообразныя внѣшнія вліянія, временныя и постоянныя. Глядя на

причудливую и пеструю игру безчисленныхъ сочетаній, которыя, вслѣдствіе того, появляются и исчезаютъ въ этой средѣ, какъ въ калейдоскопѣ, мы не можемъ предсказать, какое именно обстоятельство, событіе или случайность измѣнятъ данное положеніе; но если глубоко его знаемъ и хорошо понимаемъ, то можемъ, не дожидаясь совершившихся фактовъ, заранѣе приблизительно опредѣлить, какое будетъ общее направленіе и характеръ предстоящихъ измѣненій, потому что оба указываются положеніемъ и средой, на которую событія и случайности дѣйствуютъ. И такъ, можно, не будучи пророкомъ, предугадывать вообще склонъ, теченіе жизни; изучая историческую эпоху, можно точно также указывать на общія черты, опредѣлившія дальнѣйшій ея ходъ; но никакой обыкновенный человѣческій умъ не въ состояніи предсказать дѣятелей, обстоятельства и событія. Когда историкъ пробуетъ „конструировать“ лица и обстоятельства, онъ только себя и другихъ вводитъ въ заблужденіе, потому что исторія не есть раскрытіе алгебраической формулы.

Попробуемъ примѣнить эти мысли къ нашей эпохѣ преобразованія, а для того забудемъ на минуту, что былъ Петръ Великій, и ограничимся однимъ тѣмъ, что знаемъ о московскомъ государствѣ, и, на основаніи только этихъ свѣдѣній, попытаемся опредѣлить, каковъ могъ быть характеръ и направленіе предстоявшаго ему выхода изъ того положенія, въ какомъ оно находилось въ концѣ XVII вѣка.

При разрѣшеніи этого вопроса, намъ естественно представятся вотъ какія соображенія:

Въ обществахъ съ сложнымъ внутреннимъ составомъ образуются слои, которые, подъ вліяніемъ вѣковой борьбы между собою, смыкаются въ корпораціи, сословія, и вырабатываютъ, каждое, свой идеалъ общественности. Эти идеалы,—взглядъ корпораціи или сословія на то, какъ должно быть устроено общество съ точки зрѣнія того сословія или той корпораціи. Каждая усиливается оспорить у другой власть и вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ и провести свой идеалъ, свои взгляды. Такимъ образомъ, общество сложнаго состава вырабатываетъ идеалъ новаго порядка дѣлъ изъ себя. Когда существующій порядокъ, построенный по идеалу одной корпораціи, оказывается недостаточнымъ и неудовлетворительнымъ, на смѣну его, изнутри того же самого общества, является другой, выработанный другой корпораціей. Въ какой степени онъ удовлетворяетъ требованіямъ всѣхъ составныхъ элементовъ общества и пользамъ цѣлаго государства, — это другой вопросъ; но довольно, что идеалъ уже готовъ и что онъ родился въ самомъ обществѣ.

Возьмемъ теперь государство съ односложнымъ составомъ, какимъ было московское. Литовско-польскіе элементы, внесенные въ него, начиная съ Ивана III, имѣли свой идеалъ и пытались водворить его у насъ; но эти элементы истреблены, частью при Грозномъ, частью во время послѣдующихъ смутъ; къ концу XVII вѣка, они совсѣмъ исчезли. Затѣмъ, какъ и прежде, весь внутренній бытъ московскаго государства былъ, въ XVII вѣкѣ, сверху до низу, построенъ по одному типу или идеалу. Не изъ чего было образоваться корпораціямъ, сословіямъ, съ особыми стремленіями; ничего подобнаго и не было, а были разряды или „чины“ царской службы, правда, отдѣленные другъ отъ друга, но не имѣвшіе внутренней замкнутости и организаціи; оттого, не было между ними никакой борьбы и они не имѣли своихъ корпоративныхъ идеаловъ. Отсюда слѣдуетъ, что когда, въ такомъ обществѣ, вѣковой историческій типъ отживаетъ свое время, ему нельзя замѣнить его другимъ идеаломъ, взятымъ изъ нѣдръ собственной жизни, а придется, по необходимости, искать его внѣ себя, у другихъ народовъ.

Далѣе: потребность въ идеалѣ, взятомъ изъ чужой жизни, почувствуютъ сперва только тѣ слои и стороны общества, которыя, вслѣдствіе разныхъ причинъ, важныхъ или неважныхъ, постоянныхъ или мимолетныхъ и случайныхъ, практически натолкнутся на неудовлетворительность существующаго и необходимость замѣнить его новымъ, чужимъ. Такимъ образомъ, потребность преобразованія всего сильнѣе будетъ чувствоваться, на первыхъ порахъ, меньшинствомъ высшихъ слоевъ общества и въ правительственныхъ сферахъ, которыя болѣе доступны вліянію чужихъ странъ, ближе видятъ и лучше понимаютъ практическій ходъ государственныхъ и административныхъ дѣлъ, чѣмъ остальная масса народа. И такъ, преобразованіе пойдетъ неизбѣжно сверху внизъ, а не снизу вверхъ.

Въ обществѣ неразвитомъ, безъ культуры, съ одними природными наклонностями и инстинктами и внѣшней дисциплиной, чужой идеалъ будетъ представляться со стороны

внѣшнихъ его формъ и обстановки, да и вводиться онъ будетъ внѣшнимъ образомъ. Чѣмъ меньше развитія и культуры въ народѣ, тѣмъ онъ полнѣе, безотчетнѣе подчинится вліянію чужого идеала, приметъ его за образецъ себѣ во всемъ.

Когда разъ чужой идеалъ будетъ внесенъ въ жизнь народа, въ ней произойдетъ внутренній разладъ: явится партія нововводителей и партія приверженцевъ стараго порядка. Иностранный образецъ послужитъ такой же закваской для внутренняго развитія односложнаго общества, какою у другихъ народовъ служитъ присутствіе въ ихъ составѣ нѣскольких разнородныхъ элементовъ. Около борьбы между защитниками новаго и стараго сгруппируются умственныя силы страны; эта борьба сдѣлается центромъ и двигателемъ духовнаго развитія; обѣ стороны должны будутъ все подробнѣе, глубже и точнѣе опредѣлять свои взгляды и программы, выяснять свои идеалы. Чѣмъ дальше, тѣмъ эта борьба будетъ становиться шире, обнимать бо́льшій кругъ интересовъ, распространится на всѣ стороны жизни. Внутренняя борьба поведетъ къ болѣе точному опредѣленію и усиленію государственнаго единства и центральной власти.

Чужой идеалъ мы могли взять, въ концѣ XVII вѣка, только изъ западной Европы. Это указывалось и внутренними признаками, и внѣшними обстоятельствами. Уже съ Ивана III, правительство стало обращаться къ Европѣ за художниками, медиками, войскомъ, мастерами всякаго рода. Нѣкоторые заѣзжіе европейцы попали въ большое довѣріе къ царю Ивану Васильевичу. Число европейскихъ выходцевъ къ намъ все увеличивалось, и при Алексѣѣ Михайловичѣ они считались въ Москвѣ тысячами. Сношенія съ европейскими государствами, начавшіяся тоже съ Ивана III, познакомили высшіе слои тогдашняго нашего общества съ европейскимъ бытомъ и нравами въ самой Европѣ, на мѣстахъ. Съ Остзейскимъ краемъ, принадлежавшимъ тогда Швеціи, мы находились въ непосредственномъ сосѣдствѣ. Вслѣдствіе всего этого, вліяніе Европы на высшіе слои московскаго общества становились, въ XVII вѣкѣ, замѣтнымъ. Князю Хворостинину, еще при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, стало скучно въ Москвѣ и онъ собирался бѣжать въ Италію, а если можно и дальше; дьякъ Котошихинъ, оевропеившійся русскій, бѣжалъ въ Швецію. Въ книгѣ профессора Соловьева собраны любопытные факты о вліяніи европейскихъ нравовъ и обычаевъ на лучшихъ русскихъ людей передъ эпохой преобразованія. И такъ, путь къ заимствованіямъ изъ Европы былъ уже проложенъ до Петра. Да и откуда же было намъ заимствовать, какъ не оттуда? Византійская имперія уже не существовала; изъ Польши намъ мало что приходилось тогда занимать; притомъ же, тамошніе государственные порядки, приведшіе ее къ упадку, не представляли образца, достойнаго подражанія: весь нашъ государственный и общественный строй былъ совершенно противоположенъ польскому, и къ концу XVII вѣка итоги сводились въ нашу пользу, а не въ пользу поляковъ. Только Европа, съ ея внутреннимъ благоустройствомъ и высокой культурой, могла быть для насъ предметомъ удивленія и служить образцомъ, достойнымъ подражанія.

И такъ, по состоянію московскаго государства въ концѣ XVII вѣка, можно было предугадывать, что если ему только предстоитъ обновиться, то такое обновленіе можетъ произойти развѣ вслѣдствіе внѣшнихъ вліяній, всего вѣроятнѣе изъ Европы; что вліяніе ея должно начаться съ высшихъ слоевъ и правительственныхъ сферъ, чрезъ которыя и будетъ проникать въ народъ; что по низкой степени культуры въ московскомъ государствѣ, вліяніе на него Европы будетъ сперва, конечно, только наружное, вызовется практической потребностью лучшихъ формъ жизни и быта, и уже потомъ, впослѣдствіи, пробудитъ къ самостоятельной дѣятельности живыя силы страны и народа.

Все это можно было предвидѣть и предсказать заранѣе. Такъ и смотрѣли иностранцы, не только въ XVII, а даже еще въ XVI вѣкѣ. Но никто въ мірѣ не могъ предвидѣть и предсказать, что преобразователемъ будетъ прирожденный царь, и что этотъ царь будетъ, вдобавокъ, необыкновенный, великій человѣкъ. Ходу и направленію внутренней жизни Россіи, намѣченному всей нашей исторіей и развитіемъ, онъ придалъ еще свой личный характеръ, наложилъ на нихъ свою печать. Вотъ именно въ этомъ, какъ намъ кажется, и лежитъ источникъ глубокихъ недоразумѣній при всѣхъ сужденіяхъ о Петрѣ Великомъ и эпохѣ преобразованія. Не различая того, что опредѣлялось обстоятельствами, отъ личнаго дѣйствія Петра, мы, смотря по взгляду

на вещи, или считаемъ его творцомъ и создателемъ Россіи, какъ будто до него она вовсе не существовала, или, наоборотъ, видимъ въ преобразованіи горестный результатъ его геніальнаго произвола, неестественный и горькій плодъ его самовластія, не имѣющій ничего общаго съ предыдущимъ ходомъ нашей внутренней жизни. Въ сущности, оба взгляда очень сходны между собою; ни тотъ, ни другой не признаетъ никакого самостоятельнаго значенія древней Россіи; оба полагаютъ всю силу, весь смыслъ и успѣхъ преобразованія въ одной личности Петра. Очень понятно, отчего это произошло. Петръ Великій, какъ вѣрно замѣтилъ г. Погодинъ, заслонилъ отъ насъ своей огромной фигурой древнюю Россію. Новое направленіе русской жизни слилось въ нашемъ представленіи съ именемъ Петра, какъ будто въ немъ воплотилось. Видя его вездѣ на первомъ планѣ, неизмѣримо выше всѣхъ сподвижниковъ, главнымъ орудіемъ преобразованія, душой новаго дѣла, мы приписываемъ одной его личной дѣятельности то, что̀ только въ его лицѣ выразилось ярко, выпукло, геніально. Когда новое направленіе проводится неограниченнымъ государемъ и такимъ необыкновеннымъ, какимъ былъ Петръ, невольно забывается естественный ходъ вещей, который подготовилъ его подвигъ и сдѣлалъ событіе неизбѣжнымъ въ той или другой формѣ. Все это очень понятная и естественная ошибка зрѣнія, оптическій обманъ; но нельзя на такой ошибкѣ строить историческую теорію, которая спутываетъ всѣ понятія и дѣлаетъ правильную оцѣнку предыдущей и послѣдующей исторіи рѣшительно невозможною.

Петръ Великій и его эпоха есть начало нашего героическаго вѣка. Не прошло еще и двухъ столѣтій, а величавый, удивительный образъ его сталъ уже облекаться въ миѳическое сказаніе. Не будь у насъ подъ руками несомнѣнныхъ историческихъ свидѣтельствъ, нельзя было бы повѣрить, что̀ передъ нами живое лицо, а не сказочный богатырь. Даже достовѣрная повѣсть о его ранней молодости дышетъ легендой и миѳомъ. Онъ готовится къ своему подвигу, по мѣткому выраженію профессора Соловьева, не въ старой Россіи, а подлѣ нея, внѣ обычной тогда обстановки царственныхъ дѣтей, между потѣшными, и въ Нѣмецкой слободѣ. Обстоятельства его какъ будто нарочно для того выростили вдали отъ двора, чтобы поставить въ совершенную независимость отъ той среды и нравовъ, которыя онъ призванъ былъ преобразовать. Около него, съ юности, составляется особая атмосфера, чуждая остальному. Грозный тоже уѣзжаетъ на время изъ Москвы въ Александровскую слободу, но снова возвращается въ центръ старинной русской жизни; Петръ съ дѣтства чуждъ Москвѣ, хотя и находится въ ней, а потомъ оставляетъ ее совсѣмъ, бываетъ въ ней наѣздомъ, изрѣдка, и живетъ въ Петербургѣ, который самъ построилъ на новомъ мѣстѣ. Какая быль больше похожа на сказку?

Петръ Великій, съ головы до ногъ, великорусская натура, великорусская душа. Удивительная живость, подвижность, смѣтливость; складъ ума практическій, безъ всякой тѣни мечтательности, резонерства, отвлеченности и фразы; находчивость въ бѣдѣ; рядомъ съ тѣмъ, неразборчивость въ средствахъ, для достиженія практическихъ цѣлей; безграничный разгулъ, отсутствіе во всемъ мѣры,— и въ трудѣ, и въ страстяхъ, и въ печали. Кто не узнаетъ въ этихъ чертахъ близкую и родную намъ природу великорусса? Но въ какихъ громадныхъ, ужасающихъ размѣрахъ она въ немъ высказалась! Несмотря ни на какія свидѣтельства, все какъ-то не вѣрится и до сихъ поръ, чтобъ въ самомъ дѣлѣ могъ жить на свѣтѣ такой человѣкъ! Разъ почуявши свое дѣло, свое призваніе,—а до этого онъ дошелъ не черезъ книгу или раздумье, а практикой, опытомъ, — Петръ отдался ему всей душой, всѣмъ помысломъ, безъ колебаній и оглядки, на всю жизнь. Труженикъ, въ благороднѣйшемъ смыслѣ слова, онъ не зналъ устали и только передъ смертью догадался, „коль слабое твореніе есть человѣкъ". Невозможнаго для него не было; все казалось ему возможнымъ, чего онъ хотѣлъ, а хотѣлъ онъ, ни больше ни меньше, какъ пересоздать московское царство въ европейскую монархію, съ европейскимъ государственнымъ устройствомъ, администраціей, науками, искусствами, промышленностью, ремеслами, торговлею, сухопутными и морскими силами, даже съ европейской общественностью, нравами и формами, — и разсчитывалъ выполненіе этого плана не на сотни лѣтъ, а на свой вѣкъ, желалъ самъ насладиться плодами своего „насажденія".

Съ этой стороны, Петръ Великій есть полнѣйшій представитель своей эпохи и ея

преобразовательныхъ стремленій. Формы, въ которыхъ они осуществились, принадлежатъ безраздѣльно времени, въ которое онъ жилъ; Петру принадлежитъ необычайная сила, энергія, съ которой велось дѣло, страстность, если можно такъ выразиться, темпераментъ реформы.

О преобразованіяхъ на заграничный ладъ думали и до Петра; кое-что уже было сдѣлано въ этомъ направленіи; но никогда еще, до него, преобразованіе не было возводимо въ принципъ: никто до него не проникался такъ всецѣло идеаломъ европейскаго государства и быта; а тѣ, которые проникались имъ, не выдерживали сравненія идеала съ дѣйствительностью, не думали съ нею бороться, чтобъ передѣлать ее, и покидали страну. Петръ внесъ этотъ идеалъ въ русскую жизнь, вступилъ во имя его въ борьбу съ тогдашней дѣйствительностью. Въ этомъ смыслѣ, онъ довершилъ старое время и началъ новое. Разрывъ между стремленіями и дѣйствительностью былъ имъ доведенъ до послѣднихъ предѣловъ, но стремленія получили цѣль, имъ придана сила и власть, цѣли подчинена жизнь и ея условія.

Въ отрицательномъ взглядѣ Петра Великаго на старинный бытъ и нравы, иные подозрѣваютъ нелюбовь его къ Россіи. Но такой упрекъ относится къ разряду тѣхъ странныхъ, удивительныхъ недоразумѣній, которыми преисполнены наши сужденія объ этой эпохѣ. Петръ любилъ Россію по идеалу, который о ней составилъ, различалъ въ ней ту, какою ее засталъ, отъ той, какою желалъ видѣть, и старался приблизить ее къ этому идеальному образу. Можно не одобрять его взгляда,—это другой вопросъ; но какъ подозрѣвать его въ нелюбви къ Россіи, когда онъ посвятилъ всѣ свои силы, весь свой трудъ, всю свою жизнь на то, чтобъ она стала, какой ей слѣдовало быть по его убѣжденію? Нельзя работать неустанно, всю жизнь, безъ вѣры въ дѣло, безъ любви къ нему. Петръ такъ трудился, потому что вѣрилъ въ способность русскаго народа преобразиться въ идеальный образъ, который передъ нимъ носился. Прочтите гнѣвныя его письма къ царевичу Алексѣю Петровичу. О чемъ вся забота? О томъ, чтобъ сохранить „насажденіе и уже нѣкоторое и возращенное“ его „бѣдными и прочихъ истинныхъ сыновъ россійскихъ равноревностныхъ трудами.“ Въ чемъ главный упрекъ царевичу? Въ томъ, что царевичъ не помогаетъ ему „въ такихъ его несносныхъ печалѣхъ и трудахъ“. „Ты,“ пишетъ Петръ царевичу, „ненавидишь дѣлъ моихъ, которыя я, для людей народа своего, не жалѣя здоровья своего, дѣлаю и конечно по мнѣ разорителемъ оныхъ будешь.“ Требуя отъ сына исправленія, царь, въ первомъ письмѣ, грозитъ ему лишеніемъ наслѣдства. „И не мни себѣ,“ прибавляетъ Петръ, „что одинъ ты у меня сынъ и что я сіе только въ устрастку пишу: во истину (Богу извольшу) исполню, ибо я за мое отечество и люди живота своего не жалѣлъ и не жалѣю, то како могу тебя непотребнаго пожалѣть? Лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный“. Во второмъ письмѣ, царь опять требуетъ отъ сына, чтобъ онъ измѣнился, или пошелъ въ монахи, „ибо безъ сего“, прибавляетъ онъ, „духъ мой спокоенъ быть не можетъ, а особливо, что нынѣ мало здоровъ сталъ.“ Во всемъ этотъ страшномъ, неслыханномъ дѣлѣ, Петръ, сколько можно судить по тому, что мы теперь знаемъ, былъ, кажется, обманутъ. Тайная интрига, веденная очень искусно, вооружила его противъ сына, который, повидимому, не былъ умышленнымъ врагомъ отца, а человѣкомъ неспособнымъ и посредственнымъ. Розыскъ и пытка не обнаружили заговора, а только недовольство. Если свѣдѣнія, которыя дошли до насъ, полны, то мучительная смерть царевича Алексѣя лежитъ на душѣ Петра Великаго. Однако, чѣмъ можно было довести Петра до такой крайности?—только внушая ему мысль, что дѣло его попадетъ, послѣ его смерти, въ недостойныя руки и погибнетъ. Изъ-за одной этой мысли, Петръ Великій забываетъ все, даже династическіе интересы, казнитъ сына и провозглашаетъ начало, что царь имѣетъ право назначить по себѣ преемника по духу, а не по плоти, не стѣсняясь потомствомъ. Какъ государственное учрежденіе, этотъ законъ не выдерживаетъ критики и не пережилъ Петра, но онъ вполнѣ характеризуетъ его личность и взглядъ: все для дѣла, все для государства и Россіи, все должно преклоняться передъ ними, служить только имъ, а не лицу, не личнымъ интересамъ. Самъ онъ служилъ имъ наряду съ другими. Оттого, какая простота въ жизни, въ обращеніи, въ перепискѣ! Ошибки свои,—а кто жъ не ошибается,—Петръ признаетъ, даже въ печат-

ныхъ указахъ, проситъ извиненія въ письмахъ. Дѣло прежде всего, а лицо — даже самъ Петръ—послѣ.

Мысль о коренномъ преобразованіи Россіи по европейскому образцу созрѣла въ Петрѣ Великомъ, повидимому, не вдругъ, а постепенно. Какъ человѣкъ въ высокой степени практическій, Петръ приведенъ былъ къ тому наблюденіями, опытомъ и нуждой. Къ его времени, мы уже вдвигались въ кругъ европейскихъ государствъ и принимали все большее участіе въ общихъ дѣлахъ Европы. Сама сила вещей вынуждала насъ облечься въ европейскія формы. Давнишняя наша потребность пріобрѣсти Остзейскій край вовлекла насъ въ войну съ Швеціей, а это настоятельно потребовало преобразованія войска по европейскому образцу и созданія флота; эти реформы, въ свою очередь, вызывали нововведенія и перемѣны во внутреннемъ бытѣ. Такъ, мало-помалу, идеалъ европейской монархіи слился у Петра Великаго съ мыслью о потребностяхъ, нуждахъ и пользахъ Россіи, которыя стояли у него на первомъ планѣ. Полезное, по его мнѣнію, вводилось, несмотря ни на какія препятствія. Что оно не нравилось, еще не доказывало, что оно нехорошо. Мало ли что̀, замѣчаетъ онъ въ одномъ указѣ, принималось по принужденію, за что̀ потомъ благодарили и что̀ уже принесло плодъ? Вотъ чѣмъ объясняется принудительный характеръ преобразованія Оно было по необходимости внѣшнее, вводилось съ страстью, возведено въ правительственную систему и излагалось не въ назиданіяхъ и книгахъ, а въ законахъ и правительственныхъ распоряженіяхъ. Какой же могло оно имѣть характеръ, кромѣ принудительнаго? Какъ человѣкъ безгранично убѣжденный въ своемъ дѣлѣ и нетерпѣливый, Петръ дѣйствовалъ круто и жестоко. Одаренный страшной нравственной силой и энергіей, онъ не понималъ слабости, не допускалъ никакихъ уступокъ и сдѣлокъ съ обновляемой средой. Мысль о постепенности внутренняго развитія, о переходныхъ мѣрахъ, была ему вовсе чужда, да и не по тогдашнему времени. Слишкомъ полвѣка спустя послѣ него, во Франціи, точно такъ же, мало заботились о постепенномъ переходѣ отъ стараго къ новому.

Учреждая въ Россіи новые порядки, Петръ выписывалъ изъ-за границы иностранцевъ, давалъ имъ мѣста въ службѣ, водился съ ними, ласкалъ ихъ Что могло быть естественнѣе? Они тогда лучше насъ знали дѣло, и потому Петръ употреблялъ ихъ. Но отсюда упрекъ, будто бы онъ предпочиталъ иностранцевъ русскимъ. Какія же на это доказательства? Никакихъ, ни малѣйшихъ. Напротивъ, иностранцы жалуются на Петра Великаго, что онъ ихъ дурно расчитываетъ, не исполняетъ заключенныхъ съ ними условій, старается, при первомъ благовидномъ предлогѣ, отъ нихъ отдѣлаться. Онъ вызываетъ изъ Европы фабрикантовъ, заводчиковъ, мастеровъ, и одно изъ первыхъ съ ними условій, – обучить тому мастерству, фабричному или заводскому дѣлу, русскихъ. За исполненіемъ этого условія строго смотрѣлъ царь и не исполнявшихъ удалялъ изъ Россіи. Въ коллегіяхъ и присутственныхъ мѣстахъ опредѣлялись чиновниками иностранцы и русскіе,—въ равномъ числѣ; первые должны были обучать послѣднихъ европейскимъ административнымъ порядкамъ, и за то получали больше жалованья. Что не пристрастіе именно къ нѣмцамъ или голландцамъ руководило въ этомъ случаѣ Петра, доказывается тѣмъ, что онъ старался, съ тою же цѣлью, вербовать въ службу преимущественно „шрейберовъ цесарской службы", австрійскихъ славянъ, знающихъ новое дѣло, а между тѣмъ говорящихъ на родныхъ намъ языкахъ. На высшихъ военныхъ и административныхъ постахъ, кромѣ Лефорта, не встрѣчаемъ при Петрѣ ни одного иностранца,—всѣ до послѣдняго русскіе. Зная иностранные языки, Петръ писалъ и переписывался почти всегда по-русски.

Другой упрекъ Петру, и самый распространенный, заключается въ томъ, что онъ будто бы нарушилъ преданіе, разорвалъ русскую исторію и русскую жизнь на двѣ, другъ другу чуждыя и даже враждебныя половины; будто бы, благодаря Петру, мы утратили чувство народности и оттого блуждаемъ теперь, не зная откуда и куда идемъ.

Это обвиненіе относится, разумѣется, къ тому, что Петръ Великій привилъ къ нашей жизни идеалъ европейской монархіи и быта. Но вглядимся въ дѣло поглубже,—не принадлежитъ ли и этотъ упрекъ къ числу странныхъ недоразумѣній?

Мы уже сказали, что стремленіе къ Европѣ и практическая необходимость подражать ей, заимствовать отъ нея, появились

въ московскомъ государствѣ за долго до Петра и замѣтно усилились передъ началомъ преобразованія. Значитъ, была уже въ русской жизни наклонность въ эту сторону. Стало быть, Петръ Великій не создалъ направленія, за которое его обвиняютъ; онъ лишь его усилилъ, возвелъ въ систему. Не только онъ не нарушилъ традиціи, а напротивъ, слѣдовалъ преданію московскихъ государей съ Ивана III и особенно съ Ивана Грознаго.

Не должно также забывать слѣдующаго, очень важнаго, обстоятельства. Говоря, что Петръ Великій насильственно привилъ русскому народу чужой идеалъ, мы, собственно говоря, сильно преувеличиваемъ. Не только огромное большинство народа осталось совершенно чуждымъ и враждебнымъ этому идеалу, но даже въ высшихъ слояхъ русскаго общества очень, очень немногіе пристали къ нему съ убѣжденіемъ. Борьба между привитымъ чужимъ и своимъ началась, если хотите, даже до Петра; при немъ она стала ярче, продолжалась и послѣ него, продолжается даже и теперь, измѣнивъ только свои формы. Слѣдовательно, никакъ нельзя утверждать, что Петръ убилъ въ насъ чувство народности, лишилъ насъ связи съ прошедшимъ: онъ только внесъ, правильнѣе сказать, только усилилъ элементъ броженія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и развитія въ нашей односложной жизни. Съ его времени яснѣе выступила впередъ внутренняя борьба, которая, въ другихъ формахъ, по другимъ поводамъ, происходитъ у всѣхъ народовъ, играющихъ роль въ исторіи. Гдѣ нѣтъ такой борьбы, тамъ нѣтъ жизни и развитія. Она необходима, чтобъ выяснить народное самосознаніе, вызвать къ дѣятельности народныя силы. Если у насъ возникла теперь потребность отдать себѣ отчетъ въ самихъ себѣ, понять себя, то это благодаря преобразованію, которое началось еще до Петра. И такъ, дѣло реформы не было нарушеніемъ нормальнаго хода нашей жизни, а напротивъ, естественнымъ, необходимымъ ея продолженіемъ.

Наконецъ, насъ смущаетъ внѣшній, принудительный характеръ петровской реформы, и изъ него мы выводимъ, что еслибъ Петръ не вздумалъ такъ круто и насильственно вносить въ нашу жизнь чуждыхъ элементовъ, то они бы вовсе въ нее и не вошли. Но во-первыхъ, европейскіе элементы появились въ Россіи уже до Петра: а потомъ, — взглянемъ поближе, куда приведутъ насъ подобныя разсужденія. Если мы могли обойтись безъ европейской закваски, то значитъ, въ ней не было никакой надобности; стало быть, старинная русская жизнь имѣла уже въ себѣ всѣ необходимыя условія и задатки для дальнѣйшаго, самостоятельнаго развитія. Какимъ же чудомъ одинъ человѣкъ, хотя бы и необыкновенный, геніальный, могъ, всего въ какихъ-нибудь четверть вѣка, сдвинуть цѣлый русскій народъ съ его прямого пути, отклонить его отъ естественнаго, самостоятельнаго развитія, на цѣлые полтораста лѣтъ? Дѣлая упрекъ Петру Великому, мы этимъ какъ будто хотимъ возвысить значеніе древней Россіи, а на самомъ дѣлѣ только вторимъ тѣмъ, которые называютъ Петра творцомъ новой, низводимъ старую Русь на степень историческаго матеріала, до такой степени мягкаго и несамобытнаго, что геніальный человѣкъ могъ вылѣпить изъ него, что̀ ему было угодно. Мы думаемъ, что для объясненія внѣшняго и насильственнаго характера петровской реформы нѣтъ никакой необходимости прибѣгать къ предположеніямъ, изъ которыхъ совсѣмъ не то слѣдуетъ, что они должны доказать. Дѣло, какъ мы сказали выше, объясняется гораздо проще. Въ концѣ XVII вѣка, потребность преобразованія сильно чувствовалась въ Россіи. По односложности нашей жизни и по степени нашего развитія въ XVII вѣкѣ, мы были способны только къ внѣшнему, а не къ внутреннему преобразованію; а всякое внѣшнее дѣйствіе есть, по необходимости, принудительное, насильственное; болѣе или менѣе, —это уже зависитъ отъ обстоятельствъ, характера дѣятелей, времени и нравовъ народа и тому подобныхъ условій. Петръ, по своему личному характеру, провелъ реформу сильно, стремительно, жестоко и сурово. Не будемъ же терять изъ виду самого дѣла, изъ-за его случайной обстановки.

Наконецъ, разсуждая о реформѣ и ея послѣдствіяхъ, мы опускаемъ изъ виду, что все образованное меньшинство русскаго общества бросилось въ „прорубленное Петромъ Великимъ окно въ Европу“ и протѣснялось туда наперерывъ, неудержимо, съ удивительной энергіей, до нашего времени. Будь направленіе, данное Петромъ нашей жизни, неестественнымъ, оно бы и кончилось съ его смертью, тѣмъ болѣе, что большинств

современниковъ смотрѣли подозрительно и враждебно на его нововведенія, а ближайшіе преемники его власти не имѣли ни его генія, ни его силы, ни его взглядовъ. И что же мы видимъ? Несмотря ни на что, образованное русское меньшинство, съ небывалымъ самоотреченіемъ, бросается на встрѣчу европейскому вліянію и идетъ по этому пути гораздо далѣе Петра Великаго, до отступничества отъ всего родного, до забвенія родины и самаго языка. Неужели можно приписать такое теченіе мыслей, такое направленіе меньшинства русскаго общества, въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній, одной подражательности, угодливости, суетности, легкомыслію, или случайности, обратившейся потомъ въ дурную привычку? Безспорно, все это играло большую роль, точно такъ же, какъ и во всякомъ другомъ историческомъ явленіи, рядомъ съ хорошими, участвуютъ и дурныя стороны человѣческой природы. Но вѣдь мы знаемъ, что не одни льстецы и пустые люди шли у насъ по этому пути. Въ сравнительно малочисленномъ слоѣ русскаго общества, который безраздѣльно отдался европейскому вліянію, было много людей талантливыхъ, умовъ глубокихъ и свѣтлыхъ, людей горячо любившихъ родину, искренно искавшихъ правды. Эти люди, отрѣшавшіеся отъ Россіи нерѣдко до забвенія русскаго языка, честно, съ убѣжденіемъ, служили ей мечомъ и перомъ, честно умирали въ битвахъ за ея независимость и достоинство. Такихъ людей было не мало, и мы ихъ еще помнимъ. Они доказываютъ своими дѣлами и жизнью, что реформа на европейскій ладъ при Петрѣ не была случайностью или прихотью, а отвѣчала извѣстной, живой потребности, и потому не была нарушеніемъ естественнаго теченія русской жизни. Намъ теперь она кажется такою потому, что отжила свой вѣкъ. Но прошедшаго нельзя мѣрить настоящимъ. Всему есть свое время и своя мѣрка.

Отъ этихъ общихъ соображеній обратимся къ ближайшимъ, осязательнымъ, практическимъ. Возьмемъ внѣшніе и внутренніе вопросы, которые поднялъ и разрѣшилъ Петръ, и посмотримъ, отклонилъ ли онъ хоть одинъ изъ нихъ отъ его естественнаго, правильнаго теченія, нарушилъ ли онъ, въ этомъ отношеніи, традицію? Самое внимательное изученіе коренныхъ русскихъ вопросовъ того времени докажетъ совершенно противное: мы увидимъ, что всѣ они разрѣшены Петромъ Великимъ въ томъ самомъ смыслѣ и направленіи, въ какомъ ставились передъ преобразованіемъ. Приведемъ въ подтвержденіе нѣсколько примѣровъ.

Говорятъ, Петръ приложилъ послѣднюю печать къ закрѣпощенію народа. Мы не знаемъ, и даже не можемъ догадаться, на чемъ основанъ этотъ упрекъ? Не на томъ ли, что при немъ помѣстный и холопій приказы слиты въ одинъ? Но прослѣдите внимательно законы XVII вѣка: къ концу его, помѣстные крестьяне стали такими же крѣпостными, какъ вотчинные; права владѣльцевъ на крестьянъ ничѣмъ также не отличались въ это время отъ правъ на холопей. Но допустимъ, что Петръ дѣйствительно сдѣлалъ новый, окончательный шагъ къ слитію этихъ различныхъ разрядовъ несвободныхъ людей въ одинъ: развѣ можно сказать, что онъ разорвалъ преданіе? Подобная мѣра, въ то время, когда все было подведено подъ форму крѣпостного права, не можетъ, ни въ какомъ случаѣ, назваться нововведеніемъ, противнымъ духу старинныхъ учрежденій.

Находятъ, что смѣшеніе помѣстнаго права съ вотчиннымъ показываетъ грубое незнаніе нашего стариннаго юридическаго быта. Но мы хотѣли бы, чтобъ намъ показали, чѣмъ, въ исходѣ XVII вѣка, помѣстья отличались отъ вотчинъ? Такого различія не существовало уже до Петра. Оно удерживалось только по имени.

Назовутъ, можетъ быть, нововведеніемъ, противнымъ духу старины, табель о рангахъ, учрежденіе и устройство сената? Но стоитъ только прослѣдить исторію мѣстничества и постепеннаго упраздненія его, начиная съ Ивана III, чтобъ убѣдиться, что замѣщеніе мѣстъ по годности къ службѣ, а не по роду, было задачею, къ разрѣшенію которой московскіе государи стремились постоянно. Петръ и разрѣшилъ ее въ этомъ смыслѣ.

Преобразованія Петра по духовному вѣдомству были довершеніемъ начатаго при Иванѣ III, особенно при Иванѣ IV, и послѣдующихъ мѣръ, принятыхъ въ теченіе XVII вѣка. Сдѣланное Петромъ по этой части представляетъ весьма послѣдовательное развитіе задуманнаго за долго до него и оконченнаго его преемниками.

Какъ мы уже видѣли, не Петръ сталъ впервые приглашать на службу иностранцевъ; за долго до него начали это дѣлать московскіе государи, уже со временъ Ивана III.

Первое начало регулярнаго войска положено Иваномъ IV, въ учрежденіи стрѣльцовъ. Сообразно съ общимъ характеромъ древней Россіи, они изъ войска обратились въ общественный и вмѣстѣ служебный разрядъ, жили семьями въ особыхъ слободахъ и торговали, отправляя военную службу какъ повинность, подобно казакамъ. Около нихъ возникли новые виды регулярныхъ войскъ, сперва иноземныхъ, потомъ, по образцу ихъ, и русскихъ. Петръ только преобразовалъ эти войска, замѣнивъ ими всѣ бывшіе дотолѣ различные ихъ роды.

Называютъ нововведеніемъ татарскимъ и ненавистнымъ установленіе, при Петрѣ, подушной подати; считаютъ эту мѣру шагомъ назадъ, сравнительно съ старинной, когда существовало посошное тягло, или подать, опредѣлявшаяся по количеству и качеству земли. Но послушайте, что говорятъ современники; посмотрите, на что народъ жалуется безпрестанно и горько, въ теченіе всего XVII вѣка: его тяготитъ именно раскладка повинностей по землѣ. Земли были обмѣрены, Богъ-знаетъ, какъ. Вслѣдствіе тяжкихъ податей, люди, крестьяне и посадскіе, разбѣгались, а съ оставшихся, часто очень немногихъ числомъ, правили что слѣдовало на основаніи посошной раскладки. При такихъ обстоятельствахъ, введеніе подушнаго налога было благодѣяніемъ, разрѣшеніемъ вопроса, поставленнаго стариной, и притомъ разрѣшеніемъ самымъ разумнымъ въ то время, когда не земля, а рабочая сила имѣла цѣну.

Коллегіальное устройство тоже не было нововведеніемъ. Зародыши его находимъ уже въ устройствѣ приказовъ.

Судъ по формѣ, установленный Петромъ, былъ не что иное, какъ организованный, опредѣленный закономъ старинный судъ судебныхъ приказовъ. Жалобы на безчисленныя, вопіющія дѣла московскихъ судовъ XVII вѣка вызвали не коренное ихъ преобразованіе, а болѣе точное опредѣленіе судебнаго порядка, при чемъ, по возможности, предусмотрѣны и устранены важнѣйшія и обычныя въ то время злоупотребленія. Не вина Петра, что послѣ него—и мы до сихъ поръ не знаемъ, когда именно и какъ — старинный словесный судъ замѣнился письменнымъ.

Важнѣйшее дѣло и забота всего царствованія Петра, — завоеваніе и упроченіе за Россіею балтійскаго побережья,— было задумано не имъ, а задолго до него, еще Иваномъ Грознымъ.

Можно привести много другихъ примѣровъ въ доказательство, что и во внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлахъ, Петръ Великій продолжалъ начатое его предмѣстниками, шелъ по пути, указанному всей нашей исторіей. Перерыва въ ней никакого при немъ не произошло; только всѣ старинныя, вѣковыя задачи сошлись въ это царствованіе какъ въ одинъ фокусъ, и сильно двинуты къ развязкѣ; дѣло столѣтій сжато и втиснуто въ какіе-нибудь четверть вѣка. Повторяемъ, насъ вводитъ въ заблужденіе темпераментъ преобразованія, оригинальная, своеобразная форма, приданная ей необыкновенной личностью Петра. Вотъ, какъ намъ кажется, существенная и единственная причина всѣхъ нашихъ недоразумѣній.

Говоря это, мы далеки отъ мысли оправдывать каждое дѣйствіе Петра Великаго, каждую принятую имъ мѣру. Во многомъ, онъ, разумѣется, ошибался; многое изъ того, что онъ ввелъ, оказалось несостоятельнымъ еще при его жизни, или послѣ него; за то, другое пережило вѣка́ и стоитъ до сихъ поръ твердо; многое изъ задуманнаго имъ еще не осуществилось; къ иному, пришедшему въ упадокъ и забытому, можетъ быть, придется еще воротиться. Но дѣло вовсе не въ томъ. Существенная сторона вопроса о Петрѣ Великомъ и его эпохѣ заключается не въ критическомъ разборѣ его плановъ и ихъ выполненія, не въ оцѣнкѣ практическаго достоинства его законовъ и распоряженій, а въ опредѣленіи мѣста, занимаемаго Петровской реформой въ нашемъ историческомъ развитіи. Мы старались показать, что она есть органическое продолженіе старины, вытекла изъ нея необходимо и естественно, и представляется намъ какимъ-то скачкомъ потому только, что вводилась у насъ однимъ изъ величайшихъ дѣятелей исторіи, который, своею необыкновенною личностью и дѣлами, затмилъ обыденный ходъ нашей исторической жизни. Возстановить потерянное въ сознаніи преемство внутренняго нашего развитія, указать

органическую связь тамъ, гдѣ теперь представляются какъ будто порванные концы исторической нити, — вотъ теперь главная, первая задача русской исторіи. Разрѣшить ее необходимо, не только въ видахъ удовлетворенія исторической любознательности, а для того, чтобъ внести хоть сколько нибудь свѣта и порядка въ нашу мысль, блуждающую въ невѣроятномъ хаосѣ и тьмѣ. Всѣ наши недоразумѣнія, если ихъ разобрать хорошенько, сводятся—мы глубоко въ этомъ убѣждены—къ тѣмъ, которыя скопились около Петра Великаго и его эпохи; а они, повторяемъ, произошли отъ смѣшенія дѣла реформы съ личностью Петра. Преобразованіе, по ходу древней русской жизни, было неизбѣжно, неотвратимо. Не явись Петра, оно приняло бы, вѣроятно, какія-нибудь другі формы, но все-таки, рано или поздно, непремѣнно бы совершилось. Петръ далъ только преобразованію извѣстный видъ, форму, темпераментъ, опредѣлилъ ея ходъ на послѣдующія времена.

Петръ Великій принялъ титулъ императора и окружилъ царскую власть внѣшней обстановкой европейскихъ монархій. Этимъ обозначалось окончательное вступленіе Россіи въ политическую и международную систему Европы. Въ общемъ ходѣ нашей исторіи и преобразованія, эти нововведенія разумѣлись сами собою.

Гораздо важнѣе было новое значеніе, которое Петръ Великій придалъ царской власти внутри государства. Мы замѣтили выше, что съ Алексѣя Михайловича наше внутреннее развитіе, отклоненное отъ своего естественнаго хода приливомъ польско-литовскихъ элементовъ, снова возстановилось. Съ тѣхъ поръ, царская власть является вполнѣ такою же, какой была при Иванѣ III, при Васильѣ Ивановичѣ, при Грозномъ и Годуновѣ, и какая сложилась въ представленіяхъ великорусскаго народа. Петръ Великій только возводитъ ее въ государственный принципъ, въ идею, освобождаетъ отъ исторически сложившихся и уже обветшавшихъ формъ, которыя напоминали давно отжитый въ государственной сферѣ типъ домоначальника. Принципъ этотъ онъ проводитъ по всѣмъ ступенямъ государственной іерархіи.

Нѣкоторые считаютъ Петра Великаго основателемъ самодержавной власти въ Россіи. Но это ошибка. Самодержавіе родилось съ Великороссіей. Андрей Боголюбскій былъ такой же самодержецъ, какъ Всеволодъ Большое-Гнѣздо, какъ московскіе великіе князья и цари до смутной эпохи. Въ этомъ отношеніи, какъ и всегда, ошибка происходитъ отъ того. что дѣло не различается отъ лица, у котораго оно въ рукахъ, которое его представляетъ и ведетъ. Петръ Великій выражаетъ начало старинной царской власти гораздо рѣзче, опредѣленнѣе и сознательнѣе, чѣмъ всѣ его предшественники (исключая впрочемъ Ивана Грознаго), потому только, что онъ не только царь, но и преобразователь, что въ его лицѣ выразилась и сосредоточилась реформа, что онъ былъ ея двигателемъ и орудіемъ. Борьба необходимо опредѣляетъ точнымъ образомъ принципы, приводитъ къ ясному ихъ сознанію. Иванъ III высказываетъ новгородцамъ опредѣлительно и точно, чего требуетъ отъ нихъ московскій великій князь, въ чемъ сущность его власти; Василій Ивановичъ,—псковичамъ; царь Иванъ Васильевичъ Грозный формулируетъ свою власть въ борьбѣ съ литовско-польской олигархіей; точно такъ же и Петръ Великій, въ борьбѣ съ старинными государственными и общественными порядками въ Россіи, которые началъ преобразовывать, только выражаетъ съ совершенною опредѣленностью существо царской власти, которая испоконъ вѣка принадлежала русскимъ государямъ.

Но, не создавая самодержавія, Петръ придалъ ему своею дѣятельностью, своею личностью, своею жизнью, новый характеръ, и въ этомъ смыслѣ опредѣлилъ весь послѣдующій ходъ нашей исторіи. Преобразованіе, какъ мы сказали выше, возведено имъ въ правительственную систему и вошло съ его времени въ число атрибутовъ верховной власти, вполнѣ согласно съ глубочайшими инстинктами русскаго народа. Служа государству и государственнымъ пользамъ преданнѣе, неутомимѣе, безкорыстнѣе, вѣрнѣе послѣдняго изъ своихъ подданныхъ, Петръ, своими „несносными печалями“ и великими дѣлами, вписалъ на вѣки въ нашъ государственный уставъ, что власть есть трудъ, подвигъ, служба Россіи, прежде всѣхъ и больше всѣхъ. Это былъ его завѣтъ и благословеніе потомству, пережившія его арміи и флоты, его „викторіи“ и учрежденія, его

слабости и ошибки. Оттого, послѣ Петра, мѣнялись правительственныя системы, направленія, взгляды, темпераменты, а власть осталась непоколебимой чрезъ весь послѣдующій, тяжелый періодъ нашей исторіи. Преобразованіе и служеніе русскому государству и русскому народу осталось ея знаменемъ и до нашихъ дней, когда, повидимому, довершается дѣло Петра, прикладывается послѣдній камень къ его зданію и начинается новый періодъ нашего историческаго существованія.

Что Петръ своимъ лицомъ и своею жизнью укрѣпилъ царскую власть, начавшую было передъ нимъ колебаться, поднялъ ее и придалъ высокое нравственное и народное значеніе,—въ этомъ его величайшая, безсмертная заслуга передъ Россіей. Наступала пора глубокаго внутренняго перерожденія, когда сильная центральная власть есть для народа вопросъ существованія. Ей предстояло у насъ не только представлять съ достоинствомъ Россію, при внутреннихъ смутахъ, при борьбѣ враждебныхъ другъ другу направленій, при олигархическихъ стремленіяхъ, при революціонныхъ движеніяхъ въ Европѣ, подымавшихъ противъ насъ внѣшнія бури,—но, что̀ было несравненно труднѣе, ей, по цѣлому ходу нашей исторіи, выпадала на долю крайне трудная задача,—продолжать, въ то же самое время, начатое Петромъ Великимъ дѣло внутренняго нашего преобразованія.

Новый періодъ нашей исторіи мы понимаемъ, если возможно, еще менѣе, чѣмъ отношеніе Петра Великаго и его эпохи къ древней Россіи. Европейскія формы, въ которыя снаружи облеклась наша жизнь, спутываютъ всѣ наши мысли и заслоняютъ отъ насъ дѣйствительность; а она между тѣмъ идетъ своимъ чередомъ, рѣшая одну за другой задачи, поставленныя всей нашей исторіей, и которыхъ истиннаго смысла мы не умѣемъ себѣ объяснить.

Реформа Петра была, какъ мы видѣли, внѣшняя. Онъ перемѣнилъ однѣ лишь наружныя формы нашего внутренняго быта и замѣнилъ ихъ иностранными, что, разумѣется, не могло переродить насъ въ европейцевъ. Эти реформы были только новымъ условіемъ нашей жизни, подъ вліяніемъ котораго она стала исподоволь развиваться далѣе.

Ходъ этого развитія представляетъ высокій, животрепещущій интересъ. На поверхности русскаго общества замѣчается, послѣ Петра, полная безурядица: тысячи стремленій и направленій, проникнутыхъ европейскими задачами и интересами, страхами и надеждами, и не имѣющихъ прямой связи ни съ народною жизнью, ни между собою. Рядомъ съ ними, и въ пестромъ съ ними смѣшеніи, живутъ старинные взгляды, понятія, привычки и предразсудки, плодъ вѣковой жизни и опытовъ. Тѣ и другіе борятся между собою, но часто уживаются мирно въ одномъ лицѣ. Хаосъ совершенный, приводящій въ отчаяніе, въ которомъ ничего нельзя разобрать.

А между тѣмъ, подъ этой разнохарактерной оболочкой, совершается дѣло исторіи, медленно, въ правильной постепенности. Старинныхъ разрядовъ, служебныхъ и общественныхъ, Петръ едва коснулся и завѣщалъ ихъ новому времени. Никакой внутренней организаціи онъ не могъ имъ дать, потому что она не дается, а вырабатывается самою жизнью. На почвѣ „чиновъ", въ старинномъ смыслѣ слова, и крѣпостного права, исключавшихъ всякую тѣнь органической общественной жизни, нельзя было основать ничего прочнаго. Всякія попытки придать правильный строй нашей общественности, при такой почвѣ, не могли вести ни къ чему. Петръ мѣнялъ нѣсколько разъ учрежденіе городовъ и провинцій,—и все по напрасну. Тѣ же заботы продолжаются и послѣ него, при его преемникахъ, и тоже не приводятъ ни къ какимъ существеннымъ, положительнымъ результатамъ.

Такъ продолжается до половины XVIII вѣка. Съ этого времени начинается, съ одной стороны, постепенное упраздненіе крѣпостного начала, съ другой,—видны попытки организовать нашъ внутренній бытъ.

Постепенное упраздненіе крѣпостного права и дарованіе гражданскихъ правъ русскому народу совершались, какъ и все движеніе нашей жизни, сверху внизъ, начиная съ высшихъ слоевъ общества и оканчивая низшими, и шло, не прерываясь, до нашего времени. Сперва получили гражданскія права дворянство, духовенство и купечество, потомъ разнородные средніе слои общества, за тѣмъ казенные крестьяне, наконецъ помѣщичьи. Снятіе административной опеки съ государственныхъ крестьянъ, которые, при императорѣ Александрѣ I, были свободными только по

имени, и лишь въ послѣдующее царствованіе получили гражданскія права, заключаетъ нынѣ собою этотъ рядъ преобразованій старинной русской жизни.

Несравненно труднѣе было замѣнить прежній крѣпостной строй правильной организаціей, тѣмъ болѣе, что отмѣна крѣпостного права совершилась не вдругъ, — а отлагать вопросъ внутренняго устройства, впередь до окончательнаго уничтоженія крѣпостныхъ отношеній, было невозможно.

Петръ III и Екатерина II вводятъ сословную организацію, которую, въ примѣненіи къ городамъ, началъ вводить еще Петръ Великій. Старинные служебные разряды преобразованы въ европейскія сословія, старинныя городскія тягловыя общества—въ замкнутыя европейскія муниципіи. Но сословія и городскія корпораціи, выросшія на исторической почвѣ, совершенно различной отъ нашей, не могли у насъ приняться. Наши старинные служебные разряды или чины и тягловыя общества, плодъ нашего односложнаго государственнаго и народнаго состава, не имѣли ничего общаго съ европейскими сословіями и корпораціями, выработавшимися вслѣдствіе долгой внутренней борьбы разнородныхъ составныхъ стихій европейскихъ государствъ. Подъ вліяніемъ новыхъ условій государственнаго быта, бывшіе разряды или чины только разомкнулись, и нѣкоторые изъ нихъ освобождены отъ обязательной службы; множество разрядовъ, старыхъ и новыхъ, съ наслѣдственнымъ служебнымъ характеромъ, продолжали существовать подлѣ сословій, отчасти въ ихъ составѣ, подъ именемъ „званій,“ и отмѣнены окончательно лишь въ нынѣшнее царствованіе. Что касается тягловыхъ городскихъ обществъ, то старинная ихъ замкнутость, вытекавшая изъ условій ихъ крѣпостного и служебнаго быта въ XVII вѣкѣ, упразднена цѣлымъ рядомъ постановленій, изданныхъ въ царствованіе Александра I и Николая. Къ нимъ тоже не привилось европейское начало городскихъ корпорацій.

За сословной организаціей, по мѣрѣ распространенія гражданскихъ правъ на всѣ состоянія и званія, появляется общинное, земское устройство. Начало его введено въ наше законодательство въ минувшее царствованіе съ образованіемъ обществъ государственныхъ крестьянъ и съ изданіемъ новаго с.-петербургскаго городского устройства; но обширное примѣненіе получило оно лишь въ нынѣшнее царствованіе. Теперь общинное устройство узаконено во всѣхъ безъ изъятія крестьянскихъ обществахъ, а изъ городовъ распространено на Москву и Одессу. Введеніемъ земскихъ учрежденій оно сдѣлало важный шагъ впередъ, обнимая теперь уѣзды и губерніи, и въ завѣдываніи мѣстными дѣлами, мѣстными интересами, отчасти замѣнило сословное устройство.

Такимъ образомъ, Петровская эпоха была, во всѣхъ отношеніяхъ, приготовленіемъ, при помощи европейскихъ вліяній, къ самостоятельной и сознательной народной жизни. Участіе европейскаго элемента въ нашемъ быту было нужно не для однихъ практическихъ цѣлей, но и для нашего внутренняго развитія. Люди и народы приходятъ къ самосознанію черезъ сравненіе себя съ другими, и чѣмъ предметъ для сравненія лучше, краше, развитѣй, совершеннѣй, тѣмъ полнѣй и глубже человѣкъ и народъ вникаютъ въ самихъ себя, открываютъ въ себѣ неизвѣстныя имъ самимъ, дремлющія въ бездѣйствіи силы. Такому періоду жизни соотвѣтствуетъ пробужденіе и развитіе индивидуальности и выработка формъ для предстоящей дѣятельности. Самостоятельная русская мысль и жизнь, которыя должны наполнить эти готовыя, но пока еще лишенныя содержанія формы, далеко впереди. Образованный слой русскаго общества, за очень рѣдкими исключеніями, продолжаетъ, по старому, питаться чужими мыслями, дѣйствовать по чужимъ образцамъ. Мы до сихъ поръ едва догадываемся, что наши взгляды, —выводы изъ чужой жизни, и добродушно принимаемъ ихъ за результатъ самостоятельнаго нашего развитія. Вотъ гдѣ источникъ нашихъ внутреннихъ противорѣчій и разладицы. Не понимая себя и среды, къ которой принадлежимъ, мы блуждаемъ въ потемкахъ, ходимъ ощупью, куда и какъ случится. Наша умственная и нравственная жизнь, не имѣя еще пока корней у себя дома, не имѣетъ, по тому же самому, и никакого центра тяжести, и носится въ воздухѣ; при всемъ блескѣ нашихъ природныхъ способностей, она холодна, безплодна и мертва. Она согрѣется, оживетъ и сдѣлается плодотворной только съ той минуты, когда опустится изъ неопредѣленной шири на русскую почву, прильнетъ къ ней, и будетъ изъ нея питаться. Уравновѣсить ум-

ственныя и нравственныя силы съ дѣйствительностью, соединить въ одно гармоническое цѣлое мысль и жизнь можетъ отнынѣ одно только глубокое изученіе самихъ себя въ настоящемъ и прошедшемъ. Другихъ путей нѣтъ и быть не можетъ.

(Вѣстникъ Европы, 1866, кн. 2).

Отвѣтъ И. В. Бѣляеву [1]).

Въ № 59, отъ 15 марта, газеты „Москва" за нынѣшній (1867) годъ, помѣщено возраженіе покойнаго И. В. Бѣляева на одно предположеніе, высказанное въ статьѣ моей: „Мысли и замѣтки о русской исторіи", напечатанной во второй книжкѣ „Вѣстника Европы" за 1866 годъ.

Отвѣчать умершему дѣло крайне щекотливое и неловкое, когда рѣчь идетъ о личныхъ вопросахъ. Но замѣчаніе г. Бѣляева ограничивается исключительно научнымъ вопросомъ и притомъ однимъ изъ важнѣйшихъ, основныхъ въ русской исторіи. Вотъ почему я позволю себѣ отвѣчать. Выраженныя имъ сомнѣнія имѣютъ свою цѣну, независимо отъ личности автора, и составляютъ общее достояніе науки и критики.

Г. Бѣляевъ считаетъ существеннымъ просмотромъ, что я отношу начало великорусскаго племени къ XI или XII вѣку. Это, по его мнѣнію, слишкомъ позднее время. Въ доказательство гораздо болѣе ранняго существованія этого племени г. Бѣляевъ приводитъ то обстоятельство, что Рюрикъ раздавалъ своимъ мужамъ Полоцкъ и Ростовъ, „конечно видя уже, что эти города въ тѣсной между собою связи". Далѣе, Олегъ во время похода на Константинополь бралъ уклады и на сѣверные города, Полоцкъ и Ростовъ, потому что тамъ сидѣли князья „суще подъ Ольгомъ"; Владиміръ отдалъ Ростовъ сперва Ярославу, а потомъ Борису. „Все это,—говоритъ г. Бѣляевъ,—ясно доказываетъ, что Ростовъ гораздо раньше XII вѣка жилъ общею жизнью и съ Полоцкомъ и съ югомъ".

Къ тому же, ни западъ, ни югъ древней Россіи не могли, по мнѣнію г. Бѣляева, внести въ Великороссію ничего, чего бы она не имѣла или не могла имѣть. Уклады городамъ и мужамъ Олеговымъ изъ Царьграда послѣ похода развѣ не могутъ указывать на связь сѣверныхъ государственныхъ лицъ и владѣній съ государственными лицами и владѣніями юга? Въ XII вѣкѣ новыхъ началъ въ Великороссіи не видно, видны только новыя формы. Тоже замѣтно и еще ранѣе, именно въ XI вѣкѣ. Въ доказательство г. Бѣляевъ приводитъ извѣстный разсказъ о мѣрахъ, принятыхъ Яномъ на Бѣлѣозерѣ противъ волхвовъ. Каждая частность, каждая черта этого разсказа представляетъ обломки юридическаго быта нашей сѣверной великой Руси, очевидно уже не новаго въ XI вѣкѣ. „Народъ, города, земли, — такъ заключаетъ свою статью г. Бѣляевъ,—имѣющіе свои государственные центры въ княжествахъ или „властяхъ" на югѣ и на сѣверѣ, — все это такъ ярко, ясно, какъ и послѣ, во время какого нибудь Липецкаго боя, гдѣ уже русскій юридическій бытъ и городовыя отношенія между русскими землями подъ властью князей Рюрикова дома стоятъ и на сѣверѣ, какъ и на югѣ, внѣ всякаго сомнѣнія".

Возраженія г. Бѣляева очевидно основаны на недоразумѣніи. Государственнаго единства русскаго сѣвера и юга, востока и запада,—если только можетъ быть рѣчь о государственномъ единствѣ въ варяжскую эпоху нашей исторіи, — я никогда не отрицалъ. Рюрика призывали русскія племена вмѣстѣ съ финскими; стало быть, они были въ союзѣ, въ тѣсной связи между собою еще до Рюрика. Но изъ этого никакъ еще не слѣдуетъ, что между тѣми и другими существо-

[1]) Статья не была въ печати и осталась въ рукописи незаконченною.

вала и этнографическая связь, чтобъ Весь и Меря были русскія, славянскія племена. Финмаркенъ тоже находился въ государственномъ единствѣ съ Швеціей, до присоединенія къ Россіи; Ломбардія—съ Австріей: Ирландія и теперь состоитъ въ такомъ единствѣ съ Англіей, и такъ далѣе; а племенной ихъ составъ—разный.

Точно также не опровергаетъ меня и то, что князья, бывшіе подъ властью Олега, какъ впослѣдствіи князья Рюрикова рода, тяготѣли къ одному центру на сѣверѣ, востокѣ и югѣ Россіи, и что юридическіе обычаи и порядки во всемъ русскомъ населеніи, на всемъ пространствѣ Россіи, въ XI и XII вѣкѣ, были совершенно одинаковы. Такъ же одинаковы были, безъ сомнѣнія, вначалѣ юридическіе обычаи и порядки англійскихъ колонистовъ въ Америкѣ съ англичанами, оставшимися на родинѣ, греческихъ выходцевъ, поселившихся въ Испаніи, Франціи, на берегахъ Чернаго моря, — съ жителями метрополій. Но развѣ это обстоятельство можетъ служить доказательствомъ тому, что страны, заселенныя пришельцами и выходцами, были по коренному этнографическому своему составу одинаковы съ землями, откуда вышли къ нимъ колонисты? Конечно, г. Бѣляевъ не сталъ бы этого утверждать. Современная одинаковость юридическихъ обычаевъ и порядковъ нѣмцевъ въ Германіи и въ прибалтійскомъ краѣ, шведовъ въ Швеціи и Финляндіи, поляковъ въ Польшѣ и въ западномъ краѣ, французовъ во Франціи и Алжирѣ,—никакъ не доказываетъ, что метрополія и колонія сплошь заселены однимъ и тѣмъ же племенемъ. Въ древнѣйшія времена нашей исторіи варяги господствовали одинаково надъ русскими и не русскими племенами въ теперешней Россіи. Территорія, бывшая подъ властью варяговъ, досталась русскимъ князьямъ Рюрикова рода. Это значительно способствовало распространенію русскаго племени по всей теперешней Россіи, хотя разумѣется и были многія благопріятствовавшія обстоятельства. Такъ или иначе, но русское племя проникло къ инородцамъ подъ видомъ господства и завоеваній или подъ видомъ колоній. Власть и верхніе слои были поэтому русскіе и они-то мѣшаютъ намъ нерѣдко разглядѣть подъ ними инородческую основу, особливо въ началѣ, когда колонисты сохраняютъ еще живыя связи и воспоминанія о своей родинѣ и тянутъ къ ней, ничѣмъ не отличаясь отъ населенія, изъ среды котораго они вышли. Но проходятъ годы, смѣняются поколѣнія, колонисты обживаются на новыхъ мѣстахъ водворенія, пускаютъ, такъ сказать, корни, и подъ вліяніемъ мѣстнаго населенія и вообще новой обстановки получаютъ свой особенный характеръ, отличный отъ той отрасли, отъ которой они отдѣлились.

Такъ, кажется, слѣдуетъ объяснить и рожденіе великорусской вѣтви, которая видимо моложе другихъ отраслей русскаго племени.

Но когда она стала слагаться въ теперешній свой видъ и какія именно вліянія опредѣлили отличительныя ея черты отъ другихъ отраслей русскаго племени,—вотъ вопросы, на которые можно отвѣчать, при теперешнемъ состояніи науки, только гадательно. Нимало не претендуя на непогрѣшимость моихъ предположеній, называя ихъ прямо гипотезами, я позволилъ себѣ выразить мысль, что великорусская вѣтвь сложилась въ промежутокъ времени между XI и XV вѣкомъ, по слѣдующимъ соображеніямъ: Несторова лѣтопись могла быть писана не позже XI вѣка, а въ ней на мѣстахъ теперешнихъ великорусскихъ поселеній называются финскія племена. Въ XV вѣкѣ московское государство является уже сложившимся государственнымъ тѣломъ. Ни покойный г. Бѣляевъ, и никто изъ мыслящихъ людей не станетъ утверждать, вмѣстѣ съ польскими публицистами, что московское государство сочинилось случайно, благодаря ловкости, хитрости и лукавству князей, благодаря насилію и разнымъ случайностямъ. Такое крѣпкое и прочное политическое тѣло, съ формами безпримѣрными въ исторіи, не могло возникнуть, не имѣя мощной народной подкладки; а съ другой стороны, постепенное образованіе новаго политическаго тѣла съ своеобразными формами служитъ внѣшнимъ признакомъ, что народъ, посреди котораго завязался этотъ узелъ, уже опредѣлился и созрѣлъ для гражданственности и самостоятельнаго бытія, получилъ свою извѣстную физіономію. Эти общія соображенія и заставляютъ предполагать, что великорусская вѣтвь возникла вѣроятно въ промежутокъ времени между XI и XV вѣками. Охотно сознаюсь, что данныя, на которыхъ основана эта гипотеза, очень шатки. Въ лѣтопись Нестора занесены и преданія и факты, которыхъ лѣтописецъ былъ очевидцемъ, и за-

писки, даже документы, разныхъ эпохъ. Къ которому именно времени относится включенное въ эту лѣтопись этнографическое обозрѣніе—неизвѣстно, слѣдовательно и начало колонизаціи финскаго сѣверо-востока русскимъ племенемъ остается сомнительнымъ и спорнымъ. Точно также трудно обозначить и крайній предѣлъ времени, когда великорусская вѣтвь сложилась въ особенный, самостоятельный народный организмъ. Мнѣ справедливо могутъ замѣтить, что если принимать образованіе московскаго государства за внѣшній признакъ роста великорусской вѣтви, то можно съ одинаковымъ правомъ остановиться на XIV, какъ и на XV вѣкѣ. Противъ такихъ и подобныхъ имъ возраженій конечно трудно спорить, потому что критической русской исторіи нѣтъ, и она, собственно говоря, едва только начинается, да и то очень вяло и слабо. Пушкинъ слишкомъ поспѣшно произнесъ свой приговоръ о Карамзинѣ. Собственно русскаго историка еще нѣтъ, русская исторія еще впереди. Пока этнологія Россіи находится въ теперешнемъ младенческомъ своемъ состояніи, пока не разработаны филологически языки народовъ, обитавшихъ и обитающихъ въ Россіи, до тѣхъ поръ русской исторіи въ настоящемъ смыслѣ слова нѣтъ и быть не можетъ.

Но поднятый г. Бѣляевымъ вопросъ имѣетъ еще другую сторону, которой чрезвычайную важность оцѣнитъ всякій, мало мальски знакомый съ древней русской исторіей. Въ возраженіяхъ его только повидимому идетъ рѣчь о времени образованія великорусской отрасли. Задушевная его мысль, если не ошибаемся, та, что различіе великорусской вѣтви отъ другихъ отраслей русскаго племени совсѣмъ не такъ важно, какъ мы его себѣ представляемъ, что оно въ отдаленную старину даже вовсе не существовало и появилось лишь впослѣдствіи подъ вліяніемъ различной исторической судьбы, постигшей разныя вѣтви русскаго племени. Въ замѣчаніяхъ г. Бѣляева, который въ этомъ случаѣ является вѣрнымъ отголоскомъ общепринятыхъ мнѣній, просвѣчиваетъ недовѣріе къ различенію древняго русскаго населенія на рѣзко обозначенныя группы. Этимъ различеніемъ такъ злоупотребляли въ послѣднее время поляки и французы, что оно невольно кажется какимъ-то предумышленнымъ посягательствомъ на органическое единство и цѣлость русскаго племени.

Подобное предубѣжденіе, котораго побудительныя причины оцѣнитъ всякій истинно русскій, составляетъ въ наукѣ камень преткновенія. Не отрицать историческій фактъ, а освѣтить его правильно, согласно съ истиной,—вотъ лучшее средство разсѣять чудовищную и постыдную ложь, которой придали авторитетъ своего имени ученыя знаменитости Франціи, въ виду разныхъ насущныхъ цѣлей. Научному разврату можно съ успѣхомъ противопоставить только научную правду, и къ этому пора приступить, отбросивъ всякія соображенія, внушенныя хотя бы самыми почтенными побужденіями.

Мы охотно воображаемъ, что теперешняя сплошная, почти во всѣхъ частяхъ однообразная, русская масса была такою отъ вѣка; что тѣ незначительныя отличія, которыя замѣчаемъ, привились къ ней извнѣ и на памяти исторіи, а въ старину ихъ вовсе не было, что на сѣверѣ и югѣ, на западѣ и востокѣ, съ незапамятныхъ временъ жили одни и тѣ же русскіе съ одними и тѣми же нравами и обычаями, и государственное единство цѣлаго племени, разселеннаго по огромной территоріи, только мѣняло, смотря по обстоятельствамъ, свои центры, переносилось съ сѣвера на югъ, съ юга на сѣверо-востокъ, а тамъ опять на сѣверъ, чтобы окончательно пустить корни гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, пожалуй поюжнѣе Кіева. Вотъ съ этою-то мыслью, подразумѣваемой въ статьѣ г. Бѣляева, мнѣ кажется, никакъ нельзя согласиться. Всѣ славянскія племена вышли изъ одного гнѣзда; слѣдовательно было время, когда они ничѣмъ между собою не разнились. Но это время лежитъ за предѣлами исторіи. То же надо сказать и о русскомъ племени. Разныя его вѣтви вышли изъ одного корня; стало быть, можно представить себѣ время, когда они ничѣмъ между собою не отличались. Но было ли это въ извѣстную намъ историческую эпоху или раньше—объ этомъ свѣдѣній нѣтъ. Что кривичи и Ильменскіе славяне были выселенцами съ юга, которые лишь впослѣдствіи получили свою особливую физіономію, это очень правдоподобно. Можно идти дальше и съ большою вѣроятностью предполагать, что и тѣ и другіе водворились, какъ послѣ великоруссы, на финской почвѣ и, подобно имъ, отчасти смѣшались съ финскими старожилами. На эту мысль наводитъ слѣдующее: сколько я могъ замѣтить, вездѣ, гдѣ русскіе поселились ме-

жду финскими племенами, встрѣчается замѣна звука *ч* звукомъ *ц* и, наоборотъ, звука *ц* звукомъ *ч*. А такія замѣны находимъ у кривичей (теперешнихъ бѣлоруссовъ) и у новгородскихъ славянъ. Но все это если и такъ было, то происходило въ доисторическія времена, и смѣшивать этого съ позднѣйшими событіями никакъ не слѣдуетъ; иначе факты и образы, различенные въ дѣйствительности, будутъ въ представленіи нашемъ сливаться, въ ущербъ исторической истины и правильнаго взгляда на ходъ нашей бытовой исторіи. Очень можетъ быть, что и новгородцы, и смольняне, и полочане сѣли на финской почвѣ и подверглись до нѣкоторой степени ея вліянію; очень можетъ быть, что и они обрусили мѣстныя финскія племена, какъ впослѣдствіи великоруссы. Но вправѣ ли мы выводить отсюда, что, стало быть, между великоруссами—или, какъ насъ не безъ злорадства называютъ, московитами—и бѣлоруссами и Ильменскими славянами нѣтъ и не было никакой разницы? Процессъ ихъ историческаго образованія могъ быть совершенно одинаковъ, но онъ совершился на разстояніи многихъ вѣковъ, и одно это обстоятельство ставитъ между тѣми и другими рѣзкую грань, потому что между тѣмъ обстановка значительно измѣнилась. На памяти исторіи, кривичи и сѣверные славяне уже сложились, устроились и обозначились съ своими особенностями, когда дальнѣйшая колонизація на востокъ полагала основаніе новой вѣтви русскаго племени, предназначенной играть въ исторіи цѣлаго славянскаго міра громадную роль. Можетъ быть, г. Бѣляевъ и правъ, относя начало этой колонизаціи къ болѣе отдаленному времени; но, во первыхъ, едва-ли можно сомнѣваться, что особенно сильное развитіе она получила не ранѣе XII вѣка, а во-вторыхъ – не въ томъ главная сила,—уловить первые зачатки поселеній, что при нашихъ научныхъ средствахъ едва-ли возможно, а въ томъ, что эти поселенія дали начало особой вѣтви русскаго племени, сравнительно новой, и что обстоятельства, при которыхъ она образовалась, придали ей особенный характеръ, существенно различный отъ старшихъ отраслей русскаго народа...

II.

РЕЦЕНЗІИ И ЗАМѢТКИ.

Син(м)бирскій Сборникъ.

Историческая часть. Томъ I. Москва. 1845.

Подъ этимъ названіемъ вышла въ Москвѣ первая часть сборника матеріаловъ для исторіи и внутренняго быта древней, до-Петровской Россіи. Изъ предисловія видно, что одинъ изъ любителей русской старины, посѣтившій въ 1837 году Симбирскъ, подалъ издателямъ „Сборника", гг. Языковымъ, Хомякову и Валуеву, мысль разобрать архивы дворянъ симбирской губерніи. Многіе изъ послѣднихъ охотно на это согласились, и одинъ поверхностный пересмотръ нѣкоторыхъ частныхъ архивовъ заставилъ издателей рѣшиться собрать важнѣйшіе изъ открытыхъ въ нихъ документовъ и напечатать ихъ подъ названіемъ „Симбирскаго сборника". Впослѣдствіи, предпріятіе расширилось. Редакторы пріобрѣли много важныхъ рукописей. Другіе, большею частью тоже жители или уроженцы симбирской губерніи, предложили имъ свои архивы и бумаги, въ томъ числѣ г. Тургеневъ, извѣстный собиратель актовъ, относящихся къ русской исторіи въ государственныхъ архивахъ Европы. Извѣстные знатоки русскихъ древностей, А. Д. Чертковъ, И. М. Снегиревъ и князь М. А. Оболенскій, начальникъ архива иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, предложили редакторамъ свое содѣйствіе и открыли имъ богатыя библіотеки, находящіяся въ ихъ распоряженіи. Словомъ, съ накопленіемъ матеріаловъ въ рукахъ редакторовъ, первоначальная мысль и самый планъ „Сборника" должны были измѣниться. Изъ сборника однихъ актовъ и документовъ, хранящихся въ нѣкоторыхъ частныхъ архивахъ симбирской губерніи, какимъ онъ долженъ былъ быть по первоначальному намѣренію редакторовъ, онъ обратился въ сборникъ всякаго рода важныхъ и интересныхъ документовъ по древней русской исторіи, которые только достались въ руки издателей, и потому по всей справедливости могъ бы носить болѣе общее заглавіе, какъ напримѣръ: „Сборникъ матеріаловъ для древней русской исторіи", или другое. Но редакторы, потому ли, что они сами симбиряне, или потому, что первая мысль объ изданіи сборника родилась вслѣдствіе разбора нѣкоторыхъ частныхъ архивовъ симбирской губерніи, или по другимъ какимъ либо основаніямъ,—оставили за нимъ названіе „Симбирскаго сборника" и посвятили его памяти Н. М. Карамзина, какъ извѣстно, уроженца симбирской губерніи.

Изъ короткаго перечня однихъ главнѣйшихъ матеріаловъ видно, что въ рукахъ редакторовъ находятся рукописи и документы, весьма любопытные и важные для древней русской исторіи; такъ, напримѣръ, нѣсколько сказаній о важнѣйшихъ событіяхъ древней Руси: о взятіи Астрахани, объ Азовскомъ осадномъ сидѣніи, о царствованіи Бориса Годунова, о Дмитріѣ Самозванцѣ, о стрѣлецкихъ бунтахъ, о публичныхъ богословскихъ спорахъ старообрядцевъ съ патріархомъ Іоакимомъ; нѣсколько хронографовъ; восемь списковъ казанскаго лѣтописца, краткое описаніе Малороссіи съ XI по XVIII вѣкъ; отписки городовъ между собою во время междуцарствія,—важное собраніе актовъ, служащихъ дополненіемъ къ другому собранію ихъ, помѣщенному во второмъ томѣ „Историческихъ актовъ", изданныхъ Археографической коммиссіею; сошное письмо, и т. д. Изъ документовъ, относящихся къ ис-

торіи новой Россіи—письма Петра Великаго къ Азовскому губернатору И. А. Толстому и адмиралтействъ-совѣтнику А. В. Кикину. Наконецъ, въ составъ того же собранія входитъ до восьмисотъ юридическихъ актовъ, большею частью относящихся къ XVII вѣку. Они служатъ поясненіемъ внутренняго управленія и быта Россіи въ эту эпоху, и будутъ тоже отпечатаны въ сборникѣ.

Всѣ эти и другіе матеріалы издатели раздѣлили слѣдующимъ образомъ: на *историческіе* въ тѣсномъ смыслѣ; *юридическіе*, относящіеся къ законодательству и управленію; *бытовые*, объясняющіе домашнюю жизнь, нравы и обычаи древней Россіи; *мѣстные*—касающіеся собственно до симбирской и сосѣднихъ съ нею губерній. Въ видѣ особеннаго отдѣла, или дополненія къ „Сборнику“, должны быть изданы документы и матеріалы, сообщенные г. Тургеневымъ, подъ названіемъ „бумагъ Тургеневскихъ“. Они не распредѣлены по другимъ отдѣламъ, къ которымъ могли и должны бы относиться, по желанію самого г. Тургенева. Наконецъ въ составъ „Сборника“ предположено ввести и народныя пѣсни, и древніе стихи, собранные издателями, если замедлится изданіе богатаго собранія народныхъ пѣсенъ, принадлежащаго П. В. Кирѣевскому.

Первый вышедшій теперь томъ „Сборника“ посвященъ историческому отдѣлу матеріаловъ. Въ него вошли: „Разрядная книга“, обнимающая разряды отъ 1559 до 1602 года; „Родословная роспись рода Кикиныхъ“ и приложенные къ ней наказы и грамоты воеводѣ И. Ѳ. и стольнику В. П. Кикинымъ; наконецъ, собраніе отписокъ или донесеній кіевскаго воеводы князя Ю. П. Трубецкаго съ товарищи къ царю Алексію Михайловичу за 1673—1674 годъ, подъ названіемъ „малороссійскихъ дѣлъ“. Изъ этого видно, что въ первый томъ „Сборника“ далеко не вошли всѣ историческіе матеріалы, находящіеся въ распоряженіи редакторовъ, а за этимъ выйдетъ еще нѣсколько томовъ, относящихся къ тому же историческому отдѣлу.

Разрядною книгою начинается сборникъ. Что значили разряды—всѣмъ извѣстно. При назначеніи чиновниковъ или служилыхъ людей въ военную или гражданскую или придворную службу, дѣлалась роспись или распорядокъ, кто и какое именно мѣсто долженъ былъ занимать. Такія росписи, или распорядки, назывались *разрядами* (отъ *разрядить*). Важная роль, которую играло въ древней Россіи родовое старшинство, придавала разрядамъ двоякое значеніе. Они не только были запиской извѣстнаго рода административныхъ распоряженій правительства, и, слѣдственно, документомъ чисто-историческимъ, но, вмѣстѣ съ *родословцами*, или *родословными росписями*, служили въ до-Петровской Россіи документомъ, на которомъ основывались мѣстничавшіеся въ спорахъ о старшинствѣ родовомъ и служебномъ. Поэтому вѣроятно, что списковъ разрядныхъ книгъ въ древней Россіи было множество. Но когда царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ рѣшился искоренить навсегда мѣстническіе споры (въ 1682 году), всѣ разрядныя книги и мѣстническія дѣла были сожжены, и всѣмъ вмѣнено въ обязанность прислать въ разрядный приказъ такія дѣла и книги, подъ страхомъ „тяжкаго церковнаго запрещенія и государскаго гнѣва“. Съ того времени разрядныя книги стали рѣдки, потому что практическое значеніе свое онѣ утратили, а историческими памятниками мы никогда очень не дорожили. Между тѣмъ, важность разрядныхъ книгъ для исторіи древней Россіи неоспорима. Не говоря уже о служебномъ и придворномъ распорядкѣ, который въ нихъ всегда обозначался съ точностью, въ нихъ записывались или, правильнѣе, обозначались всѣ мѣстническіе споры, и нерѣдко вносились слово въ слово царскія рѣшенія по мѣстническимъ дѣламъ. Такимъ образомъ разрядныя книги становятся однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ для изученія исторіи нашего древняго дворянства, службы и мѣстничества—этого страннаго, до сихъ поръ не совсѣмъ разгаданнаго явленія, исключительно принадлежащаго русской жизни и русской исторіи. Къ сожалѣнію, этотъ источникъ еще мало обработанъ. Своднаго изданія разрядныхъ книгъ мы не имѣемъ, хотя едва-ли можно будетъ впослѣдствіи обойтись безъ него. Первый издалъ разрядныя книги временъ Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича Миллеръ въ 1769 году, подъ названіемъ „Повседневныхъ записокъ“. Онѣ обнимаютъ періодъ времени отъ 1632 до 1655 года. По остроумному замѣчанію одного изъ редакторовъ „Симбирскаго сборника“, такое заглавіе дано разряднымъ книгамъ вѣроятно потому, что время ихъ изданія было еще слишкомъ близко ко времени уничтоженія

мѣстничества: ибо мы знаемъ, что, несмотря на соборное дѣяніе Өедора Алексѣевича, мѣстничество жило въ обычаѣ долго и послѣ него, и даже при Петрѣ Великомъ, въ 1719 году, еще мѣстничались между собою члены коллегій. Самое „росписаніе какъ кому за кѣмъ въ губерніи слѣдовать въ торжественныя собранія“, составляющее послѣднюю статью „Учрежденія для управленія губерній“, изданнаго въ 1775 году, можетъ-быть, было отголоскомъ прежнихъ временъ. Потомъ напечатаны были разрядныя книги уже подъ собственнымъ ихъ названіемъ въ „Древней Россійской Вивліоөикѣ“ Новикова, въ XIII и XIV томахъ. Онѣ простираются отъ 1556 до 1574 и отъ 1576 до 1586 (въ „Симбирскомъ сборникѣ“ ошибкою напечатано до 1786). Вотъ и все, исключая отрывковъ изъ разрядныхъ книгъ, разбросанныхъ въ примѣчаніяхъ къ „Исторіи государства Россійскаго“ Карамзина, у Щербатова, и въ другихъ сочиненіяхъ и сборникахъ матеріаловъ для русской исторіи. Такимъ образомъ редакторы „Симбирскаго сборника“ оказали важную услугу для изучающихъ русскія древности изданіемъ разрядной книги. Оно — третье изъ напечатанныхъ, которыя мы имѣемъ. Во-первыхъ, она важна какъ варіантъ къ Новиковскимъ, для тѣхъ же годовъ, и, сверхъ того, заключаетъ въ себѣ множество новыхъ мѣстническихъ случаевъ и интересныхъ царскихъ грамотъ по счетнымъ дѣламъ, которыхъ почти нѣтъ въ Новиковскихъ разрядахъ. Во-вторыхъ, она заключаетъ въ себѣ 12 лишнихъ, которыя еще ни разу не были вполнѣ отпечатаны, и въ этомъ отношеніи разрядная „Симбирскаго сборника“ представляетъ новый матеріалъ для изученія службы и мѣстничества древней Россіи.

Во введеніи къ разрядной (заключающемъ въ себѣ 174 страницы) представлено сравненіе ея съ Новиковскими разрядами и подробная библіографія по мѣстничеству, службѣ и исторіи дворянства въ древней Россіи. Эта библіографическая статья составлена чрезвычайно тщательно. Всѣ напечатанные доселѣ источники по этимъ предметамъ, хотя въ отрывкахъ, всѣ сочиненія исчислены и указаны съ необыкновенною, рѣдкою у насъ добросовѣстностью. Смѣло можно сказать, что подобной библіографіи мы не имѣемъ еще ни по одной части русской исторіи: оттого, между прочимъ, и идетъ изученіе ея такъ медленно, результаты, вообще говоря, такъ ничтожны, такъ неокончательны; мы не знаемъ, что́ имѣемъ и что̀ недостаетъ намъ еще. Впрочемъ, одинъ пропускъ, и довольно важный, замѣтили мы въ исчисленіи источниковъ по мѣстничеству; не упомянуто сочиненіе Котошихина: „Россія въ царствованіе Алексія Михайловича“. Это вѣроятно сдѣлалось по недосмотру, потому что на это сочиненіе находимъ частыя ссылки во „введеніи“. Всю остальную, самую большую часть „введенія“ (отъ 31 стр. до 174, всего 113 страницъ) наполняетъ комментарій на разрядную, помѣщенную въ „Сборникѣ“. Въ немъ разобраны подробно всѣ мѣстническіе случаи, которые въ ней встрѣчаются.—Подъ скромнымъ названіемъ разбора или толкованій, эта часть „введенія“ заключаетъ въ себѣ, конечно, не въ стройной системѣ, а въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ и замѣткахъ, полную картину мѣстничества, черезъ всѣ періоды его развитія. Кто сколько-нибудь занимался древней русской исторіей, тому извѣстно, что мѣстничество представляетъ въ ней такое явленіе, къ которому, прямо или косвенно, примыкаютъ почти всѣ прочія. Вмѣстѣ съ нимъ разрушено и упразднено было начало жизни и быта древней Руси, изъ котораго оно развилось, и котораго было послѣднимъ, если можно такъ выразиться, юридическимъ представителемъ. Это придаетъ мѣстничеству чрезвычайно-важное значеніе. Между тѣмъ, оно-то именно и было очень мало разработано. Вслѣдствіе похвальной манеры заниматься до-варяжскимъ и варяжскимъ періодами нашей исторіи, мы болѣе нежели подробно и обстоятельно знаемъ бытъ Россіи IX и X вѣка, очень мало—въ послѣдующее время, и чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ менѣе,— такъ что, напримѣръ, для исторіи законодательства со временъ реформы Петра Великаго мы не имѣемъ ни одного, даже плохого учебника, тогда какъ изъ сочиненій по „Русской Правдѣ“ можно составить небольшую, а изъ сочиненій о происхожденіи варяговъ-Руси—очень порядочную библіотеку. О мѣстничествѣ написаны были всего три небольшія статьи: г. Карецкимъ въ „Вѣстникѣ Европы“, г. Ивановымъ и г. Погодинымъ въ „Русскомъ историческомъ сборникѣ“. Особенной важности онѣ не представляютъ, ограничиваясь однимъ поверхностнымъ указаніемъ на начало и ходъ мѣстничества.

Замѣчательно, что г. Ивановъ, первый положившій твердое историческое основаніе изученію мѣстничества открытіемъ и собраніемъ множества такъ называемыхъ *счетныхъ* или мѣстническихъ дѣлъ, дотолѣ почти неизвѣстныхъ, — что именно онъ смотритъ на мѣстничество совершенно не-исторически, называя его гибельнымъ предразсудкомъ. Такимъ, дѣйствительно, было мѣстничество въ послѣдній періодъ своего существованія, что́, однако, вовсе не мѣшаетъ ему имѣть важное историческое значеніе. Истина въ наукѣ давно избитая, но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ у насъ не совсѣмъ старая, что всякое сколько нибудь замѣчательное историческое явленіе должно быть разсматриваемо сперва съ исторической точки, должна быть понята его временная необходимость и важность, а потомъ уже обсуждено съ той высшей точки, которую необходимо приноситъ съ собою время и высшая степень развитія. Въ отдѣльности взятыя, обѣ точки зрѣнія равно односторонни и ложны: первая заставляетъ цѣнить фактъ слишкомъ высоко, болѣе, нежели чего онъ стоитъ; вторая — часто мѣшаетъ цѣнить его въ мѣру. Сочинитель комментаріевъ на разрядную (г. Валуевъ) пополнилъ своими изслѣдованіями важный пробѣлъ въ нашей исторической литературѣ. Не ограничиваясь изданными доселѣ источниками мѣстничества, разсѣянными во множествѣ книгъ, онъ изучилъ, какъ видно, очень подробно рукописныя разрядныя, хранящіяся въ московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ, сличалъ ихъ съ своей разрядной и дошелъ до множества совершенно новыхъ, въ высокой степени интересныхъ результатовъ относительно мѣстничества. Важнѣйшіе въ немъ вопросы разрѣшены съ рѣдкимъ знаніемъ дѣла и добросовѣстностью. Каждое положеніе подтверждено ссылками на источники и выписками изъ нихъ. Вообще эта статья — трудъ ученый, дѣльный и основательный, если не вполнѣ исчерпавшій предметъ, то по крайней мѣрѣ мало оставившій будущимъ изслѣдователямъ сказать совершенно новаго. Жаль только, что сочинитель ограничился объясненіемъ одной своей разрядной. Если спеціальное назначеніе изслѣдованій чрезъ это перешло бы свои границы, то въ замѣнъ выиграла бы наука. Впрочемъ, мы надѣемся, что этотъ недостатокъ будетъ современемъ восполненъ. Во многихъ мѣстахъ „введенія" и наконецъ въ выноскѣ, на послѣдней страницѣ, авторъ обѣщаетъ впослѣдствіи издать отдѣльное сочиненіе объ историческомъ развитіи мѣстничества, его системѣ и общихъ началахъ. Судя по образчику, который представляютъ изслѣдованія, помѣщенныя въ „Сборникѣ", мы въ правѣ ожидать очень многаго. Языкъ толкованій вообще не хорошъ, мѣстами даже дуренъ и неправиленъ. Въ нѣкоторыхъ періодахъ трудно вчитаться въ смыслъ: до того они длинны, запутаны, обременены вставочными предложеніями и вводными фразами. Конечно, этотъ недостатокъ оправдывается отчасти новостью, многосложностью и запутанностью самаго предмета (какъ и замѣчаетъ самъ авторъ),— формою комментарія, которую угодно было ему придать своимъ изслѣдованіямъ, отчасти и тѣмъ, что конечно эта статья не назначалась для большинства читающей публики; однакожъ мы надѣемся, что почтенный авторъ воспользуется этимъ замѣчаніемъ при будущихъ ученыхъ работахъ своихъ.

Вотъ что́ мы считали нужнымъ сказать здѣсь касательно изслѣдованій г. Валуева о мѣстничествѣ. Предметъ ихъ такъ важенъ и изложенъ такъ основательно, что мы намѣрены помѣстить объ нихъ особенную статью, въ которой представимъ выводы автора и наше мнѣніе о мѣстничествѣ.

Вторую часть „Симбирскаго сборника" составляютъ, какъ мы уже сказали, акты и документы, относящіеся къ роду Кикиныхъ, а именно: выписки изъ боярскихъ книгъ о помѣстныхъ окладахъ и чинахъ ихъ предковъ, родословная роспись, поданная Кикиными въ разрядный приказъ, и наконецъ двадцать-восемь грамотъ и наказовъ, приложенные къ родословной въ видѣ доказательствъ. Всѣ эти документы вошли въ составъ справки, взятой въ архивѣ бывшаго разряднаго приказа въ 1788 году отставнымъ секундъ-майоромъ Андреемъ Ивановичемъ Кикинымъ и въ этомъ видѣ отпечатаны, безъ малѣйшихъ измѣненій. Не представляя особенной важности въ юридическомъ отношеніи, вопреки мнѣнію редактора, написавшаго къ нимъ небольшое предисловіе, эти документы заключаютъ въ себѣ интересныя историческія указанія на отношенія московскихъ государей и правительства къ Малороссіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Сюда относятся, въ третьемъ отдѣлѣ, справки, грамоты и наказы подъ NN 12 — 16,

18—21, 24, 26, 27. Всѣ эти грамоты и наказы (послѣднихъ числомъ десять) даны стольнику Василью Петровичу Кикину, котораго царь, въ разныя времена, посылалъ съ порученіями въ кіевскій полкъ, нѣсколько разъ къ гетману Богдану Хмѣльницкому въ обозъ къ запорожскому войску, къ гетману запорожскаго войска Ивану Выговскому, къ кошевому атаману запорожскаго войска Ивану Брюховецкому и другимъ. Не лишены также интереса родословная роспись Кикиныхъ, служащая матеріаломъ для исторіи русскаго дворянства и службы въ московскую эпоху, и два наказа воеводѣ Ивану Ѳедоровичу Кикину о бытіи на государевой службѣ воеводою въ Крапивнѣ (N 7) и Козловѣ (N 10). Послѣдніе два наказа служатъ дополненіемъ къ наказамъ городовымъ воеводамъ, помѣщеннымъ въ изданіяхъ Археографической комиссіи, и заключаютъ въ себѣ любопытныя указанія объ устройствѣ и управленіи русскихъ городовъ въ половинѣ XVII вѣка. Этимъ бумагамъ изъ архива Кикиныхъ предпослано небольшое предисловіе, составленное очень отчетливо и добросовѣстно. Въ немъ изложено вкратцѣ содержаніе бумагъ, указаны тѣ изъ нихъ, которыя представляютъ особенную важность, даже обращено вниманіе на отдѣльныя слова и выраженія, новыя или почему либо замѣчательныя. Со всѣми замѣтками автора, относящимися къ быту древней Россіи, нельзя однако согласиться. Подробный разборъ ихъ здѣсь былъ бы неумѣстенъ. О тѣхъ изъ нихъ, которыя прямо или косвенно относятся къ мѣстничеству, мы скажемъ въ критическомъ разборѣ „введенія“ къ разрядной книгѣ. „Собраніе отписокъ или донесеній кіевскаго воеводы, князя Юрія Петровича Трубецкаго къ царю Алексію Михайловичу за 1673—1674 годъ“ заключаетъ первый томъ „Симбирскаго сборника“. Это собраніе носитъ общее названіе „малороссійскихъ дѣлъ“ — не вымышленное редакторами, а найденное ими въ подлинной рукописной книгѣ, заключающей въ себѣ отписки, и очевидно современное имъ. Почему придано имъ это названіе— трудно опредѣлить: можетъ быть, потому, что отписки эти посылались въ малороссійскій приказъ, или потому, что они имѣли предметомъ почти исключительно одни дѣла Малороссіи, или наконецъ, потому, что они посылались изъ Кіева, принадлежавшаго къ Малороссіи.—Не останавливаясь надъ объясненіемъ названія, перейдемъ къ обзору самаго содержанія этихъ отписокъ. Ихъ всего 198; относятся онѣ, какъ мы сказали, къ 1673 — 1674 году, по тогдашнему лѣтосчисленію съ сентября мѣсяца. По содержанію, языку и времени, въ которое онѣ писаны, онѣ очень любопытны, и если не составляютъ сами по себѣ важнаго источника, то, какъ источникъ вспомогательный, необходимы для изучающаго исторію Малороссіи въ эту эпоху. Важность и цѣну этого собранія уменьшаетъ то, что въ немъ нѣтъ царскихъ грамотъ въ отвѣтъ на эти отписки, или на которыя онѣ служили отвѣтомъ. Предметъ ихъ составляютъ вообще: содержаніе и комплектованіе войскъ въ Кіевѣ, нѣкоторыя отдѣльныя административныя, полицейскія и частью финансовыя распоряженія; главное— вѣсти о происшествіяхъ въ сопредѣльныхъ съ кіевскою областью земляхъ - Малороссіи, Польшѣ, Турціи, землѣ Волошской и друг., добываемыя посредствомъ распросовъ туземцевъ и иностранцевъ, пріѣзжавшихъ въ Кіевъ; наконецъ дипломатическія сношенія. Къ большей части этихъ отписокъ приложены „разспросныя рѣчи“ или показанія, челобитныя стрѣльцовъ, казаковъ и пр. и письма. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ очень любопытны и важны; ибо въ числѣ ихъ мы находимъ письма короннаго гетмана Яна Собѣсскаго (польскаго короля Яна III), князя Дмитрія Вишневецкаго, литовскаго гетмана Паца, королевскаго гетмана Михаила Ханенко, царскаго гетмана Ивана Самойловича, чигиринскаго митрополита Іосифа Тукальскаго, гетмана Петра Дорошенко, князя Михаила Радзивила, турецкаго султана и другихъ. Особенно интересны эти письма и отписки по времени, къ которому онѣ относятся. Незадолго передъ 1673 годомъ, въ Малороссіи, присоединившейся къ Россіи, избранъ былъ гетманомъ генеральный судья Иванъ Самойловичъ, преемникъ Демьяна Многогрѣшнаго. Въ сѣверозападной части ея, королевскимъ гетманомъ былъ Михаилъ Ханенко, а въ югозападной Петръ Дорошенко. Кіевъ, по Андруссовскому договору, принадлежалъ уже Россіи. Въ продолженіе 1673 года возникла война между Польшею и Турціею. Турки были разбиты на-голову при Хотинѣ Яномъ Собѣсскимъ, который послѣ этой побѣды былъ избранъ въ короли польскіе. Въ Малороссіи, въ томъ же году, совершилось важное событіе: западная Украйна или

Малороссія присоединилась къ Россіи. Ханенко отказался отъ гетманства, и на его мѣсто былъ избранъ Самойловичъ. Только Дорошенко держался съ помощью татаръ, крымцевъ и турокъ. И такъ, эта эпоха была для Малороссіи рѣшительная.—Языкъ отписокъ различенъ. Однѣ, а именно писанныя Кикинымъ, Трубецкимъ, и заключающія въ себѣ распросныя рѣчи и челобитныя служилыхъ людей, писаны на великороссійскомъ нарѣчіи того времени; другія—на южнорусскомъ, а наконецъ третьи—на чисто польскомъ языкѣ, только русскими буквами. Къ грамотамъ и письмамъ этого послѣдняго разряда приложены переводы для облегченія читателей. Какъ къ двумъ первымъ отдѣламъ „Сборника", такъ и къ собранію отписокъ, присоединено небольшое объяснительное предисловіе, которое, неизвѣстно почему, издатели называютъ введеніемъ. Оно составлено такъ же добросовѣстно и такъ же отчетливо, какъ и предыдущія, такъ же неправильно названныя введеніями. Все особенно замѣчательное въ отпискахъ указано. Имъ составлено подробное оглавленіе, причемъ принята въ соображеніе подлинная роспись, приложенная къ рукописной книгѣ отписокъ, и подробно означено, какихъ актовъ и документовъ не достаетъ, и наоборотъ, какіе не показаны въ рукописномъ оглавленіи. Далѣе, довольно подробно изложены историческія событія въ Малороссіи за 1673 — 1674 годы по Бантышъ-Каменскому и Маркевичу, для облегченія читателей, мало знакомыхъ съ исторіею того края. Въ этомъ предисловіи, какъ и въ предъидущемъ, встрѣчаются замѣчанія, относящіяся вообще къ исторіи и быту Россіи и другихъ славянскихъ племенъ; нѣкоторыя изъ нихъ очень странны и поражаютъ своею натянутостью. Выписываемъ одно изъ нихъ, на страницѣ 21-й, изъ „введенія къ малороссійскимъ дѣламъ":

„Особенно же замѣчательно и важно не только въ отношеніи языка, но какъ фактъ историческій то, что польскіе начальники переписывались съ русскимъ воеводой и намѣстникомъ на чистомъ польскомъ языкѣ, только русскими буквами; слѣдовательно, русскій воевода и его подчиненные безъ всякаго затрудненія понимали Поляковъ на ихъ собственномъ языкѣ. Служила же препятствіемъ одна латинская азбука, а не самый языкъ, и раздѣляли два племя (?) въ сношеніяхъ политическихъ и общественныхъ больше исповѣданіе, церковь латинская, которая принесла съ собой и латинскую азбуку, а не рѣчь. Конечно Русскій уже тогда могъ, если и не вполнѣ, понимать Поляка въ быстрой разговорной рѣчи, но та же самая рѣчь, написанная на бумагѣ и его азбукой, несмотря на всю разность произношенія и другія отличія, была для него совершенно понятна, и онъ легко и самоучкой могъ ее разумѣть и на нее отвѣчать. Любопытно было бы знать, что̀ заставляло польскихъ чиновниковъ на такую уступчивость съ ихъ стороны, и еще любопытнѣе, отвѣчали ли Русскіе своимъ соплеменникамъ такою же славянскою взаимностію?"

А вотъ и другое, въ томъ же родѣ, на той же страницѣ:

„Сверхъ того, между польскими грамотами встрѣчаются и такія, которыя писаны мѣшанымъ языкомъ польскимъ съ латинскимъ, бывшимъ въ то время въ общемъ ходу въ Польшѣ и уже тогда предвѣщавшимъ близкій упадокъ языка и словесности. Стоитъ только въ нашихъ грамотахъ переписать латинскія слова латинскими буквами, и тогда мы получимъ ту же варварскую латынь, съ примѣсью народнаго элемента, которую писала до самаго конца XVII столѣтія вся западная Европа. Наши соплеменники Поляки лишь довели то же самое до его крайней нелѣпости, и тѣмъ только можетъ-быть спасли насъ отъ полнаго воспроизведенія тѣхъ же явленій въ нашей словесности и общежитіи. Какъ и во столькомъ другомъ, они намъ передали уроки опытности, купленной ими дорогою цѣною, и которая намъ достается даромъ, —остается только воспользоваться".

Прочитавъ эти строки, подумаешь, право, что общіе законы развитія не существовали и не существуютъ для славянскихъ племенъ! Великороссіянинъ не вдругъ понимаетъ малороссіянина, а въ царствованіе Алексѣя Михайловича русскій легко понималъ поляка! Да и съ чего взялъ сочинитель предисловія, что польскіе начальники переписывались съ Трубецкимъ на польскомъ языкѣ, только русскими буквами? Не надобно забывать, что въ отпискахъ мы имѣемъ копіи съ подлинныхъ актовъ, посланныхъ въ Москву, составленныя подьячими въ канцеляріи или избѣ кіевскаго воеводы. Допустивъ такое предположеніе, я не вижу никакой причины, почему не предположить, напримѣръ, что татарскіе князьки, дававшіе по себѣ шертныя записи московскимъ государямъ, знали по-русски такъ же хорошо, какъ дьяки, потому что записи эти писаны на чисто великороссійскомъ нарѣчіи. Богъ знаетъ, чего еще нельзя предположить такимъ образомъ! Наводненіе польскаго языка латинскими словами есть фактъ, повторившійся подъ другими формами у всѣхъ народовъ, которыхъ исторія представляетъ

развитіе, прогрессивное движеніе, а не китайскую неподвижность. Намъ нечего въ этомъ отношеніи пользоваться чужою опытностью, ибо мы успѣли уже воспользоваться своею, пріобрѣтенною въ періодѣ реформы. Да и вообще можно ли, и въ какой степени можно воспользоваться, чужою опытностью, не пройдя чрезъ свою?—вопросъ еще далеко не разрѣшенный...

Скажемъ, наконецъ, нѣсколько словъ о „Сборникѣ" вообще. Изданіе хорошо, даже красиво. Мѣстами встрѣчаются, однако, опечатки. Да не сочтутъ издатели пустою придирчивостью, что мы указываемъ на нихъ. Мы нисколько не хотимъ придать имъ важности, которой онѣ вовсе не имѣютъ, но не можемъ не пожелать, чтобъ ихъ не было въ слѣдующихъ томахъ „Сборника", потому что въ текстѣ источниковъ онѣ не должны встрѣчаться. Образцомъ и доказательствомъ могутъ служить изданія Археографической коммиссіи. — По заглавному листу „Сборника" тотчасъ видно, что издатели не только по дѣлу, но и по духу антикваріи. Этотъ листъ отпечатанъ славянскими буквами, первая строка—красная. „Синбирскій", вмѣсто „симбирскій", поставлено не по ошибкѣ. Редакторы входятъ, въ предисловіи, въ подробныя разсужденія о томъ, почему они пишутъ такъ, а не иначе. *М* вмѣсто *н* по ихъ мнѣнію—нововведеніе подъ вліяніемъ французскаго языка, и потому отвергнуто... Послѣ заглавія находимъ мы, на томъ же заглавномъ листѣ, преплохое лубочное изображеніе русскаго города XVII вѣка, и подъ нимъ славянскими же буквами: „градъ Синбирскъ славный и похвальный врастояніи отъ Москвый чрезъ володимеръ џи верстъ". Подлинникъ этой неизящной виньетки сообщенъ нашимъ извѣстнымъ археологомъ И. М. Снегиревымъ. Наконецъ слово „Москва" опять отпечатано красными чернилами, и по лѣвую руку отъ него стоитъ годъ отъ созданія міра, а по правую—годъ отъ Рождества Христова,—оба славянскими и арабскими цифрами. Страсть къ славянской нумераціи въ издателяхъ такъ велика, что всѣ введенія перенумерованы славянскими литерами. Въ этомъ предпочтеніи древне-славянскаго, или пожалуй древне-русскаго, теперешнему гражданскому шрифту и нумераціи, нельзя не замѣтить увлеченія; ибо если разсматривать его какъ дѣло вкуса, то оно не выдержитъ критики; особеннаго удобства для читателей старое лѣтосчисленіе и нумерація славянскими буквами тоже не представляютъ. Если же эта особенность выражаетъ чисто-антикварное направленіе издателей, то да будетъ позволено намъ высказать о немъ искренно свое мнѣніе. Время такого направленія не только для всей Европы, но и для насъ, уже давно миновало. Его смѣнило направленіе историческое или, правильнѣе, философско-историческое, которое отыскиваетъ и находитъ единство и послѣдовательность развитія въ разнообразнѣйшихъ событіяхъ, отдаленнѣйшихъ между собою эпохахъ, и въ прошедшемъ разглядываетъ настоящее, а въ настоящемъ прошедшее. Время противоположностей въ наукѣ миновало безвозвратно. Поэтому стремленіе стать исключительно на точку зрѣнія такого-то періода или эпохи исторіи и воззвать къ жизни извѣстное время со всѣми его чисто-историческими, временными явленіями и случайностями, кажется намъ несправедливымъ и ложнымъ. Прошедшее, проведенное сквозь критику послѣдующей эпохи, сохраняется для него въ послѣднихъ окончательныхъ результатахъ, а не во всей непосредственности животрепещущаго быта. Въ этой формѣ оно безсознательно присуще въ жизни, сознательно—въ наукѣ, въ видѣ логической формулы. Всякое другое существованіе прошедшаго—невозможно; попытки возвратить его безплодны, неосуществимы и безполезны.

Всякія похвалы такому предпріятію, какъ „Симбирскій сборникъ", мы считаемъ излишними и неумѣстными. Дѣло громко говоритъ само за себя. Мысль издавать напечатанные доселѣ важнѣйшіе матеріалы древней русской исторіи заслуживаетъ полную благодарность. Отъ всей души желаемъ издателямъ совершеннаго успѣха въ ихъ полезномъ предпріятіи. Надѣемся, что слѣдующіе томы „Сборника" не замедлятъ появленіемъ въ свѣтъ: перечень матеріаловъ, находящихся въ рукахъ у издателей, заставляетъ насъ ожидать выхода этихъ томовъ съ нетерпѣніемъ.

(Отеч. Записки, 1845, кн. 7).

Сборникъ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Россіи и народахъ ей единовѣрныхъ и единоплеменныхъ.

Т. I. Изд. Д. В(алуева). Москва. 1845.

..Она сложена въ новѣйшее время; въ ней есть *какая-то восточная безсмыслица*, имѣющая свое поэтическое достоинство.

А. Пушкинъ.

Мысль издавать историческія и статистическія свѣдѣнія о Россіи и народахъ, соединенныхъ съ нею единствомъ національности и религіи,—прекрасна и заслуживаетъ полное одобреніе. Въ нашей литературѣ, теперь уже довольно богатой свѣдѣніями о Россіи, но скудной извѣстіями о ея единовѣрцахъ и единоплеменникахъ, такая попытка соединить и, такъ сказать, сопоставить тѣ и другія,—чуть ли не первая. Какъ важно для объясненія русской исторіи, особливо древней, сравненіе ея съ исторіею другихъ славянскихъ народовъ,—для нашей церковной исторіи сравненіе ея съ исторіею другихъ церквей восточныхъ—всѣмъ извѣстно, и объ этомъ мы не станемъ долѣе распространяться. Не рано ли у насъ такое предпріятіе?—хотѣли мы было спросить: оно не можетъ разсчитывать на большинство читающихъ, ибо предполагаетъ обширную ученую публику... Но объ этомъ трудно спорить. Издатель, вѣроятно, имѣлъ цѣлью распространить въ нашей публикѣ вкусъ къ подобнаго рода чтеніямъ, и столько же научить, сколько возбудить интересъ. Во всякомъ случаѣ, это его дѣло. Наше—оцѣнить предпріятіе по мысли и по исполненію.

Итакъ, повторяемъ, мысль и нова, и прекрасна. Но въ какомъ направленіи, въ какомъ духѣ составленъ сборникъ? Въ наше время, какъ всѣмъ извѣстно, фактъ самъ по себѣ ничего не значитъ. Все его значеніе въ мысли, которою онъ освѣщенъ. Мы утратили пластическій, художественный смыслъ древнихъ, которые на все смотрѣли такъ, какъ оно есть. Сознательно и безсознательно, признавая или не признавая владычества мысли и разума, всѣ приступаютъ къ фактамъ съ различными взглядами, съ противоположными теоріями, и потому придаютъ однимъ и тѣмъ же фактамъ самыя разнообразныя значенія. Оттого, отъ направленія все зависитъ, а въ нашей еще молодой литературѣ направленіе вновь выходящей книги—великое дѣло! Въ обществахъ зрѣлыхъ направленіе сразу находитъ повѣрку въ наукѣ, въ большихъ фактическихъ свѣдѣніяхъ публики. Не успѣло оно явиться, какъ оно уже обсужено, обсмотрѣно со всѣхъ сторонъ и опредѣлено его значеніе. Но въ обществѣ, гдѣ воображеніе развито еще на счетъ разсудка, гдѣ свѣдѣнія бѣдны, какъ бѣдна сумма извѣстныхъ истинъ, нажитыхъ опытомъ долгой и богатой жизни, въ такомъ обществѣ направленіе—все. У насъ, напримѣръ, оно больше самыхъ фактовъ воспитываетъ юныя поколѣнія и приготовляетъ будущее. Ошибка фактическая можетъ быть исправлена; но ложный взглядъ, ложное направленіе ростутъ какъ гидра...

Все это потому пришло намъ въ голову, когда мы открыли „Сборникъ", что съ недавняго времени въ нашей литературѣ начали раздаваться странные голоса... Съ восторгомъ превознося все славянское, особливо древнее, возвѣщая несуществующую славянскую науку, многіе съ большимъ или меньшимъ предубѣжденіемъ отзываются обо всемъ европейскомъ. Блестящая исторія Европы, ея великое настоящее, ея высокая цивилизація, ея наука, созданная вѣками,—для нихъ какъ будто не существуютъ. Опираясь на никому неизвѣстное будущее, и съ торжествомъ указывая на фактически неизвѣстное и по результатамъ бѣдное прошедшее славянскаго міра, они произносятъ тяжкій приговоръ романо-германскимъ народамъ и всѣми возможными средствами хотѣли бы предохранить славянскій міръ отъ всякаго прикосновенія съ Западомъ... Для всякаго, кто поприслушался къ этимъ мнѣніямъ и, несмотря на то, сохранилъ способность прямо смотрѣть на

вещи, дѣло само по себѣ ясно и не допускаетъ двухъ толкованій: что̀ станется съ европейскими народами и ихъ цивилизаціей, это по крайней мѣрѣ неизвѣстно. Другой науки, кромѣ той, которая развита и выработана въ Европѣ, доселѣ не имѣется. А такъ какъ у славянскаго міра нѣтъ покуда такой науки, то естественно, что онъ довольствуется тѣмъ, что приготовили его западные собратья. Если славянское племя даровито и призвано къ всемірно-историческому дѣйствованію, оно, развившись, возмужавъ, усвоитъ себѣ эту науку, придастъ ей свой національный отпечатокъ, можетъ быть, поведетъ ее дальше и выведетъ на болѣе широкую дорогу, какъ сдѣлалъ новый міръ съ древней греко-римской наукой. Все это можетъ быть; но покуда этого нѣтъ, покуда мы и неопытны и юны. Геній, оригинальность, дѣйствованіе на пользу человѣчества не призываются нареканіями на другихъ и непомѣрнымъ самомнѣніемъ: они даются. Настанетъ время, обозначится духовная физіономія славянскаго племени, и такъ какъ оно въ самомъ дѣлѣ заключаетъ въ себѣ великія нравственныя силы, онѣ скажутся,—за это нечего бояться. И скажутся онѣ не въ разсужденіяхъ о томъ, какое племя лучше, и какъ бы этакъ сдѣлаться великимъ и создать новую науку, и какъ такъ погибнутъ другія племена: онѣ прямо и просто обнаружатся въ самомъ дѣйствованіи, какъ обнаруживается все великое. Можно даже предположить съ достовѣрностью, что когда это сбудется, тогда не будетъ въ славянахъ ни самохвальства, ни ненависти къ другимъ народамъ, потому что все истинно-великое и сильное блаженно въ себѣ, преисполнено любовью, и стремится все пріобщить къ своей любви и своему блаженству.

Такъ думаетъ всякій здравомыслящій и безпристрастный человѣкъ. Тѣмъ не менѣе странныя мнѣнія, о которыхъ мы сейчасъ говорили, высказываются въ книгахъ, журналахъ, брошюрахъ, газетахъ, и находятъ послѣдователей. Читая заглавіе разбираемой нами книги, хотя въ немъ нѣтъ ничего особеннаго, кромѣ славяно-церковнаго шрифта, которымъ отпечатано слово „Сборникъ", мы какъ-то почти невольно подумали: не составленъ ли онъ подъ вліяніемъ такихъ предубѣжденій? Внимательное чтеніе отчасти оправдало, отчасти опровергло нашу мысль, и оставило по себѣ такое же неопредѣленное впечатлѣніе, какое производитъ, хоть напримѣръ, славянскій міръ, если о немъ хоть сколько-нибудь подумать. Оттого мы считаемъ себя обязанными представить читателямъ нѣсколько подробный обзоръ всѣхъ статей, содержащихся въ „Сборникѣ".

Вышедшій томъ дѣлится на двѣ части. Имъ предпосланы предисловіе и введеніе. Какъ опредѣляющія направленіе сборника, они должны быть разсмотрѣны прежде всего.

Предисловіе составлено издателемъ „Сборника", покойнымъ г. Валуевымъ. Смерть похитила его въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ. Съ юношескимъ, благороднымъ самоотверженіемъ, онъ весь отдался наукѣ, и безпрерывныя занятія ускорили его преждевременную кончину. Г. Валуевъ умеръ очень-очень молодъ, когда силы, не уравновѣшенныя опытомъ и строгою дѣйствительностью, бьютъ сильнымъ ключомъ, ища себѣ удовлетворенія; когда дѣйствительное и возможное, настоящее и будущее, сливаются въ одномъ радужномъ цвѣтѣ, и самодовольное воображеніе чаруетъ человѣка, обманываетъ его, раскрашивая мечту красками существенности. Какъ многіе, и онъ не былъ чуждъ нѣкоторыхъ „странныхъ" мыслей и предубѣжденій. Но его благородная, любящая натура, положительный складъ его ума рѣзко имъ противорѣчили и не давали имъ развиться до послѣднихъ выводовъ въ его головѣ и сердцѣ. Въ послѣдніе годы, онъ посвятилъ себя исключительно однимъ положительнымъ розысканіямъ, и немногія изслѣдованія, имъ оставленныя, показываютъ, что̀ потеряла въ немъ наука. Мы уже говорили въ прошломъ году о его изслѣдованіяхъ о мѣстничествѣ. Другого подобнаго труда по части русской исторіи мы не знаемъ. Съ рѣдкой добросовѣстностью онъ высказалъ въ этой статьѣ результаты, прямо противорѣчившіе его общему взгляду. Да, онъ не игралъ исторической истиной, не шутилъ ею, какъ нѣкоторые! Другіе труды его, изъ которыхъ отрывки помѣщены въ „Сборникѣ" (о нихъ мы скажемъ ниже), обнаруживаютъ огромную начитанность и показываютъ, что онъ въ занятіяхъ своихъ все болѣе и болѣе становился положительнымъ. А это добрый знакъ!.. Читатели извинятъ насъ за это отступленіе. Оно было необходимо для поясненія предисловія къ „Сборнику".

Это предисловіе написано за годъ до кончины автора. Въ немъ, въ этомъ предисловіи, благородный, добросовѣстный, но отчасти ложно-предубѣжденный авторъ высказался

всѣми своими сторонами. Основная мысль его вотъ какая: зданіе русскаго государства, основанное Петромъ Великимъ въ началѣ XVIII вѣка, со славою и блескомъ завершено въ первой четверти настоящаго столѣтія. Въ этомъ колоссальномъ подвигѣ сосредоточились всѣ силы русской жизни; оттого и всѣ выраженія ея, во всѣхъ отрасляхъ, отъ него получили характеръ. Государство создавалось и создалось по европейскому типу; вмѣстѣ съ тѣмъ Россія начала усвоивать себѣ все европейское—науку, нравы, бытъ, вообще цивилизацію. Это заимствованіе было для нея благодѣтельно, необходимо для возбужденія ея нравственныхъ силъ. Самыя условія, при которыхъ оно совершилось, были для насъ очень благопріятны, потому что оно было добровольное и, слѣдовательно, удобоотрицаемое въ своихъ крайностяхъ (другое представляютъ германцы, водворившіеся на римской почвѣ). Въ наше время настаетъ для русской жизни новая эпоха. Отъ заимствованій извнѣ мы начинаемъ обращаться на самихъ себя. Появленіе, при содѣйствіи Россіи, нѣсколькихъ православныхъ государствъ въ Европѣ, устройство внутренняго быта и постепенное возвращеніе къ національности — вотъ явленія, въ которыхъ обнаруживается это новое направленіе русской жизни. Съ одной стороны, возникновеніе Греціи, какъ самостоятельнаго государства; появленіе трехъ православныхъ княжествъ: Сербіи, Молдавіи и Валахіи, соединеніе армянъ восточнаго исповѣданія въ одну область, возсоединеніе уніи съ православною церковью, проповѣдь евангелія язычникамъ, живущимъ въ отдаленнѣйшихъ краяхъ Россіи, заведеніе православныхъ школъ на востокѣ; съ другой—составленіе свода законовъ, изданіе полнаго ихъ собранія, полюбовное размежеваніе чрезполосныхъ владѣній, изданіе источниковъ нашей исторіи и „Вооруженія русскихъ войскъ“, возсоздавшаго наглядно, пластически, древнюю Русь; возвращеніе архитектуры свѣтской и церковной къ древнерусскому и византійскому стилямъ, постепенное введеніе русскаго языка въ высшихъ слояхъ общества, которые было забыли его; наконецъ, появленіе національныхъ русскихъ поэтовъ въ лицѣ Пушкина и Гоголя,—вотъ событія, которыя г. Валуевъ привѣтствуетъ какъ зачатки обновленія Россіи и выступленія ея на новое поприще дѣятельности. Только наука, по его мнѣнію, не послѣдовала общему движенію, особенно наука исторіи. Ея великое призваніе — познакомить слои общества, воспитанные подъ исключительнымъ вліяніемъ запада, съ тѣми, которыхъ почти не коснулась реформа Петра Великаго; познакомить Россію съ ея единовѣрцами и единоплеменниками, разбросанными по всему свѣту, и тѣмъ дать ей возможность узнать самое себя. Только подъ условіемъ такого знанія возможно въ Россіи появленіе самостоятельной, національной, исторической науки, которая разрѣшитъ намъ вопросъ о томъ, что̀ мы такое, къ чему призваны, и освѣтитъ новымъ свѣтомъ исторію западно-европейскихъ народовъ, имъ самимъ не столько понятную, какъ постороннему, безпристрастному наблюдателю. Всѣ эти причины и побудили г. Валуева издавать „Сборникъ“.

Вотъ въ немногихъ словахъ основная мысль и цѣль издателя. Мысль сама по себѣ не нова, но выражена оригинально. Каждый, разумѣется, въ правѣ судить о ней какъ ему угодно, особенно потому, что она беретъ главные свои аргументы изъ будущаго, никому неизвѣстнаго. Что до насъ касается, мы не гадаемъ о будущемъ. Думаемъ и увѣрены, что наше знакомство съ бытомъ и исторіею нашихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ очень хорошо, для насъ очень полезно, какъ и всякое знаніе. А что выйдетъ изъ этого знакомства въ будущемъ—мы, право, не знаемъ.

Но зачѣмъ же, во имя будущаго, возводить напраслины на западный міръ и науку? А такихъ напраслинъ мы, къ сожалѣнію, не одну находимъ въ предисловіи. На страницѣ 2 й авторъ говоритъ, что Россіи было необходимо познакомиться съ просвѣщеннымъ европейскимъ міромъ, а въ выноскѣ прибавляетъ:

„Мы понимаемъ здѣсь просвѣщеніе въ томъ общемъ, неопредѣленномъ значеніи, которое обыкновенно даютъ ему. Если же понимать подъ просвѣщеніемъ не одни вещественныя улучшенія въ быту человѣка, усовершенствованія науки, художествъ и видимое благоустройство общества, а то совокупное умственное и нравственное движеніе, которое должно соединять народы въ единство братолюбивой жизни и осуществлять въ обществѣ чистую мысль христіанства, во сколько она осуществима въ человѣкѣ, — то во всякомъ случаѣ еще останется подъ сомнѣніемъ, кого съ большею справедливостью можно назвать просвѣщенною— Россію ли XV и XVI вѣка, или ей современную католическую и протестантскую Европу?“

Разомъ двѣ напраслины! Во-первыхъ, неправда, что „вещественныя улучшенія въ быту человѣка, усовершенствованія науки,

художествъ и благоустройства общества" шли въ Европѣ своей дорогой, а нравственное и духовное развитіе — своей. Во вторыхъ, неправда, что въ XV и XVI вѣкѣ Европа была ни чуть не лучше, а можетъ-быть и хуже, современной ей Россіи. Развѣ науки, художества, общественный бытъ — кривлянья паяца? Въ нихъ выражаетъ народъ глубочайшія задушевныя вѣрованія свои, мысли, стремленія; онъ въ нихъ живетъ; это плоть и кровь его. Науки, художества и общественный бытъ имѣли въ Европѣ своихъ подвижниковъ, которые цѣною жизни и страданій покупали каждый ими сдѣланный шагъ впередъ. Эти люди, конечно, не разыгрывали роли, когда шли на позорную смерть или на костры инквизиціи! Страну, въ которой любовь къ истинѣ такъ выражалась, мы думаемъ, нельзя упрекнуть въ недостаткѣ умственнаго и нравственнаго развитія... Странно, задумывая создавать свою науку и свое художество, смотрѣть на европейскую науку, на европейское художество, какъ на ремесло или фиглярство! Скажите, что онѣ васъ не вполнѣ удовлетворяютъ, — это еще можно понять! Но если вы имъ не сочувствуете—тѣмъ хуже для васъ. Какъ же, не имѣя къ другимъ народамъ симпатіи, вы толкуете о всемірно-историческомъ дѣйствованіи? Только такой взглядъ на отношеніе науки, общественности и художества къ духовному и нравственному развитію могъ сдѣлать возможнымъ сравненіе между Европою и Россіею XV и XVI вѣка! Народъ, создавшій свою благоустроенную общественность, свою науку, свое художество, не могъ быть ни дикаремъ, ни варваромъ!

Въ другомъ мѣстѣ (стр. 12), говоря о томъ, какъ сильно дѣйствуетъ на насъ западный міръ, и какъ бѣдна передъ нимъ наша жизнь и наше прошедшее, авторъ опять взводитъ напраслины на европейскую науку:

„Ибо чего проситъ прежде всего большинство людей, называющихъ себя просвѣщенными и пріобрѣтшихъ право презирать и учить своихъ непросвѣщенныхъ братьевъ, какъ не громкихъ словъ и именъ, блеска и мишуры жизни, наполняющихъ ту пустоту существованія, которая составляетъ неотъемлемую принадлежность просвѣщеннаго большинства; и чего требуетъ оно отъ самой жизни, какъ не наслажденія всѣмъ умственнымъ, нравственнымъ и вещественнымъ комфортомъ, который изготовляется для него услужливымъ просвѣщеніемъ? Но, къ сожалѣнію, нерѣдко и лучшіе умы, — чего они ищутъ въ этой наукѣ, искусствѣ и самомъ просвѣщеніи, которому служатъ? Часто, если и безсознательно, они ищутъ того же комфорта, усыпленія мысли и силъ души въ ограниченности той или другой системы или рутины,— удовлетворенія всѣмъ новымъ изысканнымъ требованіямъ просвѣщеннаго существованія и его нравственнаго сибаритства... И наконецъ не было ли такое развитіе всесторонняго комфорта, удовлетворяющаго всѣмъ потребностямъ человѣка, основною задачею всего западнаго просвѣщенія и всей жизни западнаго человѣчества? Таковы, по крайней мѣрѣ, его собственные, если и не совсѣмъ сознанные выводы и новыя стремленія жизни, которыя уже не видятъ иной задачи для человѣчества, кромѣ обобщенія того же комфорта".

А въ выноскѣ прибавляетъ:

„Такъ католицизмъ, дающій готовое разрѣшеніе на всѣ потребности христіанской души и совѣсти, въ живомъ представителѣ духовной истины на землѣ, и протестантизмъ, дающій право каждой личности на саморазрѣшеніе всѣхъ требованій своей совѣсти и духовнаго убѣжденія, не суть ли это, въ извѣстномъ смыслѣ, два видоизмѣненія одной общей религіи нравственной безтревожности? (комфорта).—Ту же задачу, не разрѣшенную въ области вѣры, беретъ на себя систематизмъ въ наукѣ, формализмъ въ обществѣ, мода въ гостиной и т. д."

Итакъ, болѣе или менѣе утонченный матеріализмъ, нравственное и умственное усыпленіе или равнодушіе,—вотъ цѣль просвѣщеннаго общества, даже лучшихъ умовъ, вотъ основная задача западнаго человѣчества и европейскаго просвѣщенія! Признаться, этого мы покуда не знали! Но чего жъ вы хотите, если художество и общественность —только выдумки празднаго воображенія, а наука—китайская формалистика?.. Однако, мы хотѣли бы знать, отчего комфортъ и стремленіе къ наслажденію употреблены какъ слова почти неприличныя? Мы думаемъ, что наслажденіе — цѣль всего живущаго. Иной наслаждается молитвою и постомъ, другой—исполненіемъ долга, третій—наукой, четвертый — искусствомъ, пятый — побѣдой надъ низкими страстями, шестой—самими лишеніями. Все наслаждается и все стремится насладиться. Сама природа, вся ея разнообразная жизнь, есть непрерывный пиръ, непрерывное наслажденіе. Можетъ-быть, автору не нравится исключительно-утилитарное направленіе нашего времени? Но отчего жъ не видѣть въ немъ реакціи противъ, можетъ-быть, слишкомъ исключительно-спиритуальнаго направленія, которое ему предшествовало? Всему свое: свое тѣлу, свое духу.

Всѣ эти неправды внушены автору воображеніемъ, которому онъ далъ полный просторъ. Сердце въ нихъ не участвовало; мы представимъ на это неопровержимыя доказательства, а покуда, скрѣпя сердце, послѣдуемъ за нимъ въ его выводахъ.

Онъ отправляется отъ мысли, что рано или поздно непремѣнно должна создаться въ Россіи самостоятельная русская наука, которая освѣтитъ намъ наше прошедшее и будущее и даже броситъ совершенно новый свѣтъ на событія европейской исторіи. О характерѣ этой будущей науки авторъ нигдѣ прямо не высказывается; но изъ того, что онъ безпрестанно и во всѣхъ отношеніяхъ противополагаетъ Европу Россіи и славянскому міру,—изъ общаго тона предисловія можно думать, что, по его мнѣнію, эта русская наука должна быть противоположна европейской. Впрочемъ, авторъ чрезвычайно остороженъ. Онъ былъ такъ добросовѣстенъ, такъ образованъ, что не могъ говорить рѣшительно въ дѣлѣ столько темномъ! Онъ какъ будто колеблется... Нетерпѣніе скорѣе видѣть осуществленіе своихъ любимыхъ надеждъ томило его, и вотъ онъ видитъ, что время созданія этой науки уже наступаетъ, что появляется заря золотого будущаго,—и потомъ онъ опять становится робкимъ передъ голосомъ дѣйствительности: онъ понимаетъ эту науку только какъ возможную или только какъ имѣющую быть. Погружаясь въ будущее, онъ тяготится настоящимъ отношеніемъ европейскаго міра къ славянскому; ему кажется, что западная наука заслоняетъ насъ; возвращаясь къ взгляду болѣе практическому, болѣе дѣйствительному, онъ чувствуетъ, какъ благодѣтельно и необходимо было для Россіи вліяніе Европы, онъ примиряется съ реформою Петра. Оба направленія—дѣйствительное и недѣйствительное, вытекающее изъ исторіи и опирающееся на надежду, высказались въ предисловіи въ странномъ смѣшеніи, непримиренныя, несоглашенныя между собою. Оттого, рядомъ съ мыслью вѣрной мы находимъ мысли рѣшительно ложныя; часто въ одной фразѣ уживаются выраженія двухъ совершенно разнородныхъ порядковъ мыслей. Мы не станемъ вдаваться въ подробный разборъ всѣхъ мѣстъ, въ которыхъ выразились оба направленія, потому что это завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Ограничимся обзоромъ однихъ самыхъ рѣзкихъ и выскажемъ добросовѣстно наше мнѣніе и о предполагаемой славянской или русской наукѣ, и о нашемъ отношеніи къ европейскому міру.

До Петра Великаго, не было у насъ ни науки, ни искусства. Мы были заключены въ ложномъ, очарованномъ кругу восточныхъ привычекъ и обычаевъ... Чудныя предсказанія о великомъ царѣ, который все пересоздастъ и все переставитъ, сопровождавшія рожденіе великаго преобразователя, показываютъ, какъ настроены были умы, какія тревожныя ожиданія наполняли всѣхъ. Явился Петръ Великій. Хотя-нехотя мы стали усвоивать себѣ европейскую науку, художества, общественность,—все то, что мы теперь называемъ общимъ именемъ цивилизаціи. Чѣмъ далѣе, тѣмъ эти заимствованія шли быстрѣе и быстрѣе, обхватывая собою всю необозримую Русь. Нуженъ былъ толчокъ: скоро побужденія стали не нужны. Мы сдѣлались подражателями, поклонниками, учениками Европы. Въ этой совершенной преданности, въ этой горячности было много юношески-благороднаго; если хотите, было и много смѣшного. То и другое совершенно выражало нашу нравственную, духовную юность. Но мы хорошо сдѣлали, что такъ ею воспользовались. Скажемъ безпристрастно: самоотверженіе, съ которымъ мы принялись учиться и образовываться, отсутствіе ложнаго самолюбія, которое мы обнаружили, отбрасывая свои національные и историческіе предразсудки и строго судя самихъ себя, много говорятъ въ нашу пользу. Эпохѣ русской жизни съ Петра Великаго уже по одному этому принадлежатъ лучшія страницы русской исторіи. Впрочемъ, съ самаго начала реформы, обозначившей новое направленіе нашей жизни, и до нашего времени, были люди, которые, идя по пути, указанному Петромъ Великимъ, сохранили оригинальность ума и взгляда; были также такіе, которые только слабо прикрывали свои привычки и понятія наружнымъ лоскомъ европейской образованности. Вездѣ всякихъ довольно бываетъ.

Наконецъ, около нашего времени, этотъ жаръ, эта дѣятельность мало-по-малу начали остывать и истощаться. Несравненно болѣе, ближе, основательнѣе знакомясь съ Европой и всѣмъ европейскимъ, нежели прежде, мы перестали безусловно всему удивляться, всему вѣрить на слово, какъ сначала. Дурно поймутъ насъ тѣ, которые подумаютъ, что

ближайшее знакомство съ Европой было тому причиной, что мы разочаровались въ полутора-вѣковой дѣятельности. Ежедневный фактъ, совершающійся у насъ передъ глазами, разительно опровергаетъ тѣхъ, которые такъ думаютъ. Никогда европейское просвѣщеніе не разливалось такими широкими струями по всей Руси, какъ въ наше время; никогда сношенія наши съ Европой не были такъ дѣятельны; никогда столько европейскихъ идей и свѣдѣній — результатовъ европейской науки,—не вращалось въ Россіи. Просто, мы возмужали и пришли къ тому возрасту, когда и человѣкъ, и народъ начинаютъ отдавать отчетъ себѣ въ томъ, чтѝ сдѣлалъ и дѣлаетъ. Оттого мы стали строже и къ себѣ, и къ другимъ; стали пытливѣе и недовѣрчивѣе. Словомъ, наступило время разсудка анализа, критики. Этотъ поворотъ въ нашей жизни начался полнымъ отрицаніемъ, сомнѣніемъ во всемъ, даже въ нашихъ юношескихъ силахъ, и очень немногіе поняли настоящій смыслъ этого явленія. Въ литературѣ, въ отдѣльныхъ мнѣніяхъ послышалась тогда (хоть это было и очень недавно) та странная, пестрая разноголосица, то смѣшеніе языковъ, которыя наполнили собою послѣднее десятилѣтіе и которыхъ замирающіе отзвуки слышатся еще и до сихъ поръ. Большинство не вынесло общаго скепсиса, овладѣвшаго всѣмъ и всѣми. Оно испугалось той видимой пустоты, которую въ немъ оставляло скептическое направленіе времени, и отъ общаго кораблекрушенія преданій, готовыхъ убѣжденій, непередуманныхъ вѣрованій каждый спасался куда могъ. Отъ дѣйствительности кто бѣжалъ въ прошедшее и на немъ успокоивался, разумѣется, подкрасивъ его по своему крайнему разумѣнію; кто бѣжалъ въ будущее и въ него перенесъ все то, чего не доставало въ настоящемъ. Самое незначительное число осталось при настоящемъ, смотрѣло на него прямо и старалось разгадать его разумныя требованія. И оно было право, потому что осталось вѣрнымъ дѣйствительности.

Скептическое направленіе — необходимый результатъ отжитаго прошедшаго, необходимый прологъ къ зарождающемуся будущему,—произвело на насъ благодѣтельное дѣйствіе. Недавно еще высказывалось оно рѣзко, отвлеченно, а теперь мы можемъ уже отчасти провидѣть его результаты сквозь хламъ и соръ, которымъ еще завалена наша литература. Такъ мы быстро идемъ впередъ! Оно, какъ медицинскіе яды, съѣло, сожгло въ насъ гнилые соки и очистило кровь. Когда ложныя понятія, взгляды, стремленія, чувства—вся эта формалистика недавняго прошедшаго, въ которомъ оно силилось увѣковѣчиться,—мало-по-малу были расшатаны и разрушены, туманъ исчезъ изъ головы, и прежнія аксіомы сдѣлались по крайней мѣрѣ теоремами,—чтѝ оставалось дѣлать? Отбросить всѣ нелѣпые и узенькіе взгляды, всѣ изношенныя чувствійца, служившія теперь лишь для пріятнаго, но совершенно безполезнаго препровожденія времени; отказаться отъ предубѣжденій, предрасположеній къ прошедшему и будущему, и серьезно приняться за дѣло, ища одной истины и ничего больше. Такъ и начинаетъ у насъ быть. Посмотрите, какъ во всемъ замѣтно это новое направленіе! Теперь ужъ нѣтъ у насъ такихъ помѣщиковъ, которые прирейнское или бельгійское хозяйство цѣликомъ вводили бы въ своихъ псковскихъ или вологодскихъ помѣстьяхъ; нѣтъ художниковъ, которые только рабски передавали бы произведенія европейскихъ искусствъ; нѣтъ профессоровъ, которые бы слово въ слово читали по заграничнымъ курсамъ. Обращаясь въ особенности къ наукѣ и преподаванію, мы видимъ, что историческое изученіе начинаетъ у насъ вытѣснять догматико-схоластическое, привносившее готовые взгляды въ науку, и, слѣдовательно, непремѣнно предразсудки и предубѣжденія.

Изъ всего сказаннаго мы заключаемъ вотъ чтó: безусловное заимствованіе европейской цивилизаціи и ученическое отношеніе къ западному міру, характеризующія эпоху русской исторіи отъ Петра до первой четверти XIX вѣка, было, конечно, не случайное, а необходимое, когда они такъ долго поглощали наши силы безъ всякой внѣшней необходимости. Россія вошла въ число европейскихъ государствъ, тѣсно соединила съ ними свою судьбу, и кажется, ей нечего стыдиться этого новаго братства. Какъ бы то ни было, исторія скрѣпляетъ его болѣе и болѣе. Узелъ, однажды завязанный, стягивается все крѣпче, и ужъ его теперь ничѣмъ не развязать. Что мы начинаемъ становиться какъ-то повозмужалѣе; начинаемъ выходить изъ-подъ безусловнаго авторитета европейской цивилизаціи, что есть у насъ

какое-то еще не опредѣлившееся стремленіе къ самостоятельности—это добрый признакъ, показывающій нашу способность къ развитію. А если мы захотимъ говорить о нашемъ дальнѣйшемъ развитіи просто, безъ затѣй, мы должны будемъ къ каждому слову прибавлять: можетъ быть, весьма вѣроятно, и т. п. Поэтому мы не можемъ ничего заключать ни о будущей самобытной русской наукѣ, ни о противоположномъ или какомъ бы то ни было отношеніи ея къ европейской. Все это будутъ фразы и фразы. Будетъ съ насъ покуда, если мы выучимся добросовѣстно заниматься наукой, какая есть, если обогатимъ себя основательными знаніями по источникамъ, а не изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, и мало-по-малу пріучимся прямо, безъ предразсудковъ, смотрѣть на вещи. Одного этого дѣла станетъ съ насъ на долго. А тамъ... посмотримъ, что̀ будетъ.

Не такъ понималъ вещи авторъ предисловія. Съ юношескимъ жаромъ онъ вѣрилъ въ будущее, созданное его воображеніемъ. Вотъ нѣсколько мѣстъ изъ предисловія, въ которыхъ онъ высказалъ свои убѣжденія о нашихъ національныхъ, самобытныхъ элементахъ и ихъ отношеніи къ европейской наукѣ и западному міру. Говоря о западѣ, авторъ разсуждаетъ такъ:

„Своими опытами жизни и даже своими заблужденіями онъ не менѣе принесъ въ общее достояніе человѣчества и служилъ ему, чѣмъ сколько служили христіанству, высшему и конечному единству всего человѣческаго, другіе народы и земли своимъ страдательнымъ и робкимъ бездѣйствіемъ, —которое, можетъ-быть, одно дѣлало возможнымъ въ недозрѣвшемъ духовно человѣкѣ сохраненіе въ чистотѣ его духовнаго завѣта“ (стр. 3).

Здѣсь прямой намёкъ на славянскій міръ. Оправданіе нехорошо! Страдательнымъ и робкимъ бездѣйствіемъ нельзя служить истинѣ; тѣмъ менѣе можетъ оно сохранять въ чистотѣ завѣтъ въ духовно-недозрѣвшемъ человѣкѣ; ибо незрѣлость производитъ недѣятельность и робость, а недѣятельность и робость поддерживаютъ незрѣлость. Тутъ круговая порука, изъ которой мы въ правѣ только заключить, что славянскій міръ еще слишкомъ молодъ, слишкомъ юнъ,—больше ровно ничего. А какіе его духовные дары—этого изъ его робости и бездѣйствія нельзя заключать. Далѣе, авторъ говоритъ (стр. 11):

„Не мудрено впрочемъ, если западный міръ часто убиваетъ въ насъ нашу собственную самодѣятельность, повергая въ незаконную дремоту всѣ лучшія созидающія силы души, и невольно заслоняя передъ нами тотъ внутренній міръ мысли, образовъ и убѣжденій, который нераздѣленъ съ духовною личностью каждаго народа.—Едва сознанный или только угадываемый робкою наукою, бѣдный художествомъ слова, нищій дарами искусства, онъ не можетъ не исчезать и не теряться передъ яркими красками, въ которыя облеченъ міръ западный; онъ остался доселѣ чуждъ всему, что бы облекло его въ ту красоту образовъ, дало его явленіямъ ту осязательность, передъ которыми только и можетъ преклоняться большинство; и потому мудрено ли, если для этого большинства онъ не можетъ не исчезать передъ обаяніемъ, которое разливаетъ вокругъ себя міръ западный,—передъ могуществомъ его воспоминаній, изъ которыхъ каждое уже облечено въ краснорѣчивую рамку романса или драмы, величіемъ и гордостью его громкаго многовѣковаго прошедшаго,—всѣмъ блескомъ и соблазномъ его настоящей кипучей и волнующейся жизни... И такъ прекрасны всѣ наши первыя молодыя мечты о немъ, такъ онъ гордо увѣнчанъ передъ нами всѣми красотами поэзіи, природы и искусства—и такъ бѣдна и скудна передъ нами наша жизнь и даже наше прошедшее, слишкомъ строгое и однообразное, чтобы быть увлекательнымъ, и слишкомъ простое, чтобы быть доступнымъ для многихъ, что наше увлеченіе понятно и извинительно даже тамъ, гдѣ оно переходитъ, повидимому, за должныя границы“.

О томъ, убиваетъ ли въ насъ западный міръ наши нравственныя силы или нѣтъ, мы скажемъ послѣ. Теперь нѣсколько словъ о нашемъ „внутреннемъ мірѣ мысли, образовъ и убѣжденій“, его простотѣ и однообразіи. Странная вещь! Въ ежедневномъ быту, встрѣчая человѣка однообразнаго, который никогда и ни въ чемъ не выражаетъ ни своихъ чувствъ, ни своихъ мыслей, мы говоримъ: что за несносный, скучный человѣкъ!—отворачиваемся отъ него и забываемъ, что онъ существуетъ. Встрѣчая такого же однообразнаго, но вдобавокъ страшнаго говоруна, который твердитъ намъ чужія мысли и чувства, мы бѣжимъ отъ него какъ отъ чумы, и ужъ никогда не придетъ намъ въ голову, что въ немъ есть хоть что-нибудь оригинальное, самобытное, но обольщенное и задавленное чужимъ добромъ. Наконецъ, встрѣчая точно такихъ же, но еще очень молодыхъ людей, мы ихъ судимъ снисходительно,—конечно, не потому, что ихъ безграничное молчаніе, или несносный говоръ намъ нравится: единственно потому, что эти очень молодые люди могутъ развиться и сдѣлаться людьми порядочными, умными и оригинальными. Такова житейская, простая, очень здравая логика, и съ ней

никто не споритъ, такъ она очевидно вѣрна. Только что мы начинаемъ судить о народахъ и государствахъ,—глядь, у насъ ужъ совсѣмъ другая логика! А казалось бы—дважды-два вездѣ и всегда четыре. Если нашъ „внутренній міръ“ выражаетъ только „робкая наука“, которая „едва сознаетъ или только угадываетъ его“; если онъ и „бѣденъ художествомъ слова и нищъ дарами искусства“, чтожъ прикажете намъ съ нимъ дѣлать?—Имъ восхищаться, наслаждаться — нельзя.Но автору хотѣлось заставить насъ полюбить его... Такой внутренній міръ долженъ быть или крайне бѣденъ, или еще очень неразвитъ. Будь онъ богатъ или зрѣлъ, онъ непремѣнно въ чемъ бы нибудь да выразился: въ наукѣ, въ искусствѣ, въ практической жизни, словомъ, въ чемъ-нибудь.

Что значатъ слова: „слишкомъ строгое и однообразное, чтобъ быть увлекательнымъ, и слишкомъ простое, чтобъ быть доступнымъ для многихъ?“ Строгая и однообразная внѣшность тогда велика, когда она есть выраженіе и условіе глубокаго сознательнаго содержанія. Иначе она просто скучна и несносна. Простота не есть необходимая спутница строгости и однообразія; мы часто видимъ ее и въ разнообразіи. Глубина содержанія придаетъ ей цѣну. Безъ него она не добродѣтель...

По поводу изданія „Вооруженія русскихъ войскъ“ авторъ замѣчаетъ (стр. 14):

„Эта книга впервые облекла для насъ въ образы и лица нашу забытую старину; мы узнали, по крайней мѣрѣ, въ чемъ ходили наши предки, какой видъ имѣли наши древніе города и села, и то уже много для перваго начала. Теперь только начинаетъ быть возможнымъ для поэта романъ или драма изъ нашей древней жизни, — живописцу картина, ваятелю статуя.

„Еслибы средніе вѣка не оставили по себѣ столько живыхъ слѣдовъ и гордыхъ памятниковъ прошедшаго, которые на каждомъ шагу воскрешаютъ его для западнаго человѣка, едва ли бы былъ возможенъ романъ Вальтеръ-Скотта, или Фаустъ Гёте. Мы не были такъ счастливы, какъ Западъ; отъ нашего прошедшаго уцѣлѣли одни немногіе остатки, разбросанные по всему безграничному пространству Россіи. Въ томъ, разумѣется, столько же виноваты мы, сколько отцы наши и дѣды, но болѣе всего виновато то неуваженіе и невниманіе къ своей исторической жизни, которое вообще замѣтно вездѣ, гдѣ жизнь народная еще преобладаетъ надъ жизнью государственной“.

Со всѣмъ этимъ нельзя согласиться. Что „Вооруженіе русскихъ войскъ“—изданіе чрезвычайно важное для древней русской исторіи, и въ особенности для русской археологіи, это совершенно безспорно, и никто, конечно, въ этомъ не сомнѣвается. Но можетъ ли оно служить матеріаломъ для русскаго народнаго романа, для русской народной драмы?—это другой вопросъ. Для того и другого нужны прежде всего лица, характеры, нужна жизнь съ глубокими нравственными интересами, съ всемірными вопросами, въ какой бы формѣ они ни являлись... На западѣ лицо, человѣкъ, съ самаго начала на первомъ планѣ. Оттого средне-вѣковая жизнь и оставила послѣ себя столько живыхъ воспоминаній, столько гордыхъ памятниковъ. И оттого эти воспоминія такъ живы, эти памятники такъ горды, что на нихъ неизгладимая печать творческаго генія человѣка. Создай ихъ человѣкъ, подавленный природой и непосредственностью всякаго рода, тогда они стали бы ниже всякой былинки, ниже червяка, вышедшаго изъ рукъ природы. Но еслибъ эти памятники западной жизни и исчезли отъ времени, отъ случайныхъ причинъ, — жизнь, ихъ создавшая, сохранилась бы и безъ того въ цѣломъ послѣдующемъ бытѣ европейскаго человѣчества. Оттого неправъ авторъ, когда онъ говоритъ, что только эти памятники, эти воспоминанія сдѣлали возможными романы Вальтеръ-Скотта и „Фауста“ Гёте. Ихъ сдѣлала возможными средне-вѣковая жизнь Европы. Для романа и драмы мало одной формы, нужно содержаніе, а его нельзя выдумать и навязать прошедшему... На счетъ причинъ, почему не многое уцѣлѣло отъ нашего прошедшаго (хоть это и не совсѣмъ справедливо), мы готовы согласиться съ авторомъ; только выразились бы иначе... Только то для человѣка и народа дорого, что онъ сознательно создавалъ и дѣлалъ, и дѣйствительно, только то и имѣетъ цѣну, въ чемъ высказался мыслящій и чувствующій человѣкъ или народъ. Предшествующее его состояніе только по отношенію къ этой эпохѣ интересно и любопытно знать, но не болѣе, какъ любопытно. Еслибъ не было Петра и теперешней Россіи, еслибъ въ глубинѣ нашего сердца не было какого-то чаянія великаго будущаго, котораго, впрочемъ, нельзя вполнѣ предугадывать, то вся древняя русская исторія не имѣла бы того интереса, какой мы въ ней находимъ.

Въ этихъ и другихъ мѣстахъ авторъ не прямо выразилъ свою задушевную мысль, что славянскій міръ ни чуть не бѣднѣе, даже богаче западнаго, только онъ не признанъ,

потому что не высказался, не выразилъ во внѣ сокровищъ, которыя въ немъ скрываются. Мысль, какъ мы показали, очевидно ложная, не историческая; но она опредѣлила и взглядъ автора на отношеніе этихъ двухъ міровъ. Онъ считаетъ ихъ противоположными; онъ непрямо высказываетъ, что между ними не можетъ быть полнаго сочувствія, братства; что міръ западный неблагопріятно дѣйствуетъ на насъ и подавляетъ наши нравственныя силы. Вотъ въ доказательство нѣсколько мѣстъ:

„Мы должны помнить, что такое даровое богатство (то есть западная наука, нами усвоенная), ничѣмъ не купленное, развѣ *утратами изъ своей внутренней жизни*,—непрочно;—что это просвѣщеніе, хотя и привитое къ намъ, не могло перейти въ кровь и соки самой жизни и передать ей своего прошедшаго, своихъ вѣрованій и надеждъ, въ которыхъ вся его сила и живое могущество. Оно привито къ намъ, но пока остается въ насъ какимъ-то междоумкомъ, — чѣмъ-то совершенно чуждымъ и внѣшнимъ всему нашему остальному существованію, какимъ-то тепличнымъ растеніемъ, оторваннымъ отъ своего корня и родимой почвы, и потому лишеннымъ всѣхъ своихъ живыхъ соковъ и повидимому *не обѣщающимъ никакого живого плода*“ (стр. 3 и 4).

„Развѣ не такъ же простодушно убѣждены мы, что другихъ путей для мысли, науки или жизни болѣе нѣтъ и быть не можетъ и не должно; и что намъ, за одно съ послѣдующими поколѣніями Запада, остается и возможно только продолжать или оканчивать имъ начатое? Но окончить свое дѣло и привести свое просвѣщеніе къ его послѣднимъ общественнымъ и умственнымъ итогамъ можетъ только самъ Западъ, *довершая назначенный имъ кругъ жизни*. Мы же, раздѣленные съ нимъ всѣмъ нашимъ прошедшимъ и всѣмъ, что есть въ насъ своего и живого, продолжать его дѣла не можемъ; да и Западъ въ помощникахъ и продолжателяхъ себѣ не нуждается, и мы, непризванные и непрошенные дѣлатели въ дѣлѣ чужомъ,—въ немъ только лишніе!

„Уже время подумать и о томъ, чтобъ намъ самимъ и изъ себя выработывать внутреннія начала своей нравственной и умственной жизни, принявъ на себя и всю отвѣтственность въ ней, умѣя дать въ ней отчетъ себѣ и другимъ — и связать ее съ своимъ народнымъ прошедшимъ и будущимъ;—а не довольствоваться, — въ пустотѣ своей внутренней жизни,—одними убѣжденіями, взятыми на прокатъ, вмѣстѣ съ послѣдней модой изъ Парижа, или системой изъ Германіи,—посылками безъ вывода или выводами безъ данныхъ, изъ силлогизма, прожитаго или переживаемаго другимъ міромъ... Если же не предвидимъ для себя въ будущемъ ничего, кромѣ тщетной задачи связать себя со всею полнотою западной жизни; не имѣемъ другой надежды, кромѣ повышенія изъ учениковъ его въ его подмастерья или работники; то заранѣе обрекаемъ себя на всегдашнюю посредственность и умственное несовершеннолѣтіе передъ Западомъ, — который самъ же первый осудитъ и презрительно осмѣетъ всѣ наши непрошенныя жертвы и подвиги и тощіе плоды напрасно растраченной жизни“.

„Напрасно думаютъ, что можетъ быть перенесенъ съ одной почвы на другую весь внутренній міръ человѣка. Переносятся однѣ формулы его и наглядные выводы, но уже лишенные всѣхъ зачатковъ внутренней жизни. Такъ созрѣлый плодъ, который, повидимому, уже окончилъ свою растительность, падаетъ сѣменемъ на родную почву и выростаетъ въ новое дерево, и тотъ же плодъ, перевезенный на заморскій рынокъ, служитъ только прихоти немногихъ и дорогимъ аристократическимъ лакомствомъ“.

Этихъ выписокъ, кажется, достаточно, чтобы показать, какъ авторъ смотрѣлъ на отношеніе европейскаго и славянскаго міра. Силлогизмъ простой: между ними нѣтъ ровно ничего общаго. Сближеніе ихъ только наружное. Каждый изъ нихъ эгоистически развиваетъ свою жизнь, и славянскій міръ, братаясь съ западнымъ, долженъ быть себѣ на умѣ: попользоваться отъ него всѣмъ, чѣмъ можетъ, что̀ ему нужно и полезно, а потомъ разстаться и идти своей дорогой, какъ шелъ прежде, до Петра. Въ періодѣ реформы онъ слишкомъ увлекся, слишкомъ отдался своему влеченію ко всему западному: впередъ ему нужно быть осторожнѣе и стараться сколько возможно исправить свою ошибку.

Странная мысль! Особенно странная въ наше время, когда всѣ народы стремятся сблизиться и узнать другъ друга; когда сама исторія иногда невольно соединяетъ теперь ихъ жизнь въ одну общую судьбу, приготовляя къ союзу въ любви и истинѣ. Требованіе самостоятельности, самодѣятельности, самомышленія — очень справедливо и разумно. Покуда человѣкъ или народъ самъ не передумаетъ того, чему онъ выучился, что̀ онъ заимствовалъ,—все это ему не впрокъ, для него не существуетъ, или существуетъ какъ пустая фраза, безсмысленный звукъ. Слѣдовательно, все дѣло въ усвоеніи, въ глубокомъ сознаніи какъ чужого, заимствованнаго, такъ и своего собственнаго; ибо какъ постороннее не принадлежитъ намъ, пока мы имъ не овладѣли, такъ и свое, непередуманное, несознанное, не существуетъ для насъ. Но какъ заключать отсюда о необходимости особливой русской или славянской науки, противоположной европейской наукѣ? Цѣль науки—истина, а истина одна. Поэтому не можетъ быть двухъ наукъ, какъ не можетъ быть двухъ истинъ. Въ наше время науки

самыя разнородныя, не имѣющія повидимому ничего общаго, начинаютъ мало-по-малу сближаться, узнавать и признавать другъ друга, сливаться въ главныхъ своихъ основаніяхъ, и понимать себя какъ отрасли одной науки. Всякій знаетъ, какъ много всѣ онѣ выиграли чрезъ это взаимное сближеніе, какъ онѣ начали дополняться и объясняться одна другою, сколько ошибокъ исправлено, сколько ложныхъ взглядовъ устранено, какой просторъ открылся для мысли. Такъ же должно понимать и развитіе наукъ у различныхъ народовъ. Наука Греціи, Рима, Франціи, Англіи, Германіи—не различныя науки, враждебныя между собою, или по крайней мѣрѣ не имѣющія ничего общаго: онѣ только различные способы пониманія и выраженія одной и той же истины, и потому связаны необходимымъ единствомъ. Каждый народъ смотритъ на одну и ту же истину съ своей, ему свойственной точки зрѣнія. Чѣмъ больше такихъ различныхъ точекъ зрѣнія, такихъ различныхъ способовъ пониманія, — тѣмъ лучше, тѣмъ полнѣе, многостороннѣе открывается истина. Оттого—посмотрите: теперь каждый народъ образованный, или стремящійся къ образованію, учится у всѣхъ другихъ, старается познакомиться съ результатами ихъ наблюденій, съ ихъ точкой зрѣнія, - словомъ, съ ихъ наукой, чтобы самому смотрѣть безпристрастнѣе, глубже и шире понимать истину. Такая замѣна національной исключительности, ложнаго самолюбія и самонадѣянности братскимъ общеніемъ, въ дѣлѣ науки уже принесла и ежедневно приноситъ обильные плоды. Кто ихъ исчислитъ? И наука и народы, отложившіе ложную спѣсь, много выиграли. Непосредственному чувству русскаго человѣка была доступна эта истина. Изъ ежедневнаго опыта, изъ практической жизни онъ тотчасъ понялъ, что „умъ хорошъ, а два лучше“. А мы теперь думаемъ, какъ бы намъ жить, да жить однимъ умомъ!..

Если авторъ предисловія признавалъ возможность исключительно славянской или русской науки, противоположной наукѣ европейской,—мудрено ли, что ему показалось, будто западный міръ убиваетъ нашу самодѣятельность. Допустивъ одно, можно допустить и другое. Примите на одну минуту, что есть особенная, исключительно нѣмецкая наука, особенная, исключительно китайская: вы, во-первыхъ, дойдете до результата, что нѣтъ никакой науки, какъ способа пониманія одной истины; а потомъ единство міра и человѣческаго рода для васъ утратится; народы и племена распадутся въ вашихъ глазахъ на отдѣльныя массы, ни чѣмъ не связанныя между собою, кромѣ случая, или какого-то необъяснимаго, страннаго, Богъ знаетъ почему и зачѣмъ существующаго, инстинкта. Тогда-то вы получите право не шутя спросить: зачѣмъ нѣмецкій инстинктъ сталъ вліять на славянскій? Можетъ-быть, онъ подавляетъ его! Помилуйте, помилуйте! Да развѣ наука, чья бы она ни была, не есть прежде всего взглядъ человѣка на истину? Не предубѣжденіе ли не умѣть въ нѣмцѣ, французѣ, англичанинѣ, видѣть человѣка? Что западная наука убьетъ въ насъ исключительно національный взглядъ—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія... Но подавить въ насъ нравственныя и духовныя силы, нашу самодѣятельность, наше самомышленіе? Такъ не дѣйствуетъ никогда истина, въ какой бы формѣ она ни явилась. Напротивъ, она вездѣ и всегда развиваетъ умъ, возбуждаетъ къ дѣятельности дремлющія силы, а не губитъ ихъ. Намъ, можетъ быть, приведутъ въ примѣръ учениковъ, которые какъ будто подавлены умомъ и знаніями своего учителя, такъ что они стали тупыми и глупыми,—и, если мы не ошибаемся, это хотѣлъ сказать авторъ, говоря, что западный міръ убиваетъ въ насъ самостоятельность и оригинальность. Но тутъ что-нибудь изъ двухъ: или ученикъ бездарный,—и въ такомъ случаѣ отсутствіе всякаго ученія и учителя не спасло бы его отъ умственнаго и нравственнаго ничтожества; или онъ даровитъ и уменъ, — тогда непремѣнно, рано или поздно, онъ освободится изъ-подъ нравственнаго авторитета своего учителя, сдѣлается оригинальнымъ и самостоятельнымъ. Это вовсе не значитъ, что онъ будетъ думать и говорить прямо противоположно съ своимъ учителемъ, или непремѣнно слово въ слово то же, что учитель. Онъ только будетъ говорить и думать свое, а не чужое. Иное онъ дополнитъ, другое измѣнитъ, третье докажетъ новыми доводами. Сравненіе учителя и его бывшаго ученика покажетъ, что между ними тѣсная, необходимая, внутренняя связь; что послѣдній продолжалъ дѣло перваго, какъ бы ни были, повидимому, различны ихъ взгляды и понятія. А покуда этотъ умный и даровитый ученикъ не сдѣлался оригинальнымъ и самобытнымъ, — просто значитъ,

что онъ еще молодъ, что его нравственныя силы еще не окрѣпли, что ему не съ чего подняться. Если это такъ,—прежде времени не совѣтуйте ему, чтобъ онъ сталъ самобытнымъ, что ему нечего повторять слова и мысли учителя. Вы его испортите. Съ вашихъ совѣтовъ онъ станетъ думать о себѣ Богъ знаетъ что, и, пожалуй, сдѣлается хвастливымъ мальчикомъ съ безплодными претензіями на оригинальность. Это будетъ человѣкъ погибшій для науки и истины.

Впрочемъ, comparaison n'est pas raison. Цѣлый народъ не такъ-то скоро собьешь съ толку, какъ отдѣльное лицо, особенно русскій народъ, одаренный большимъ практическимъ смысломъ. Ложный совѣтъ своротитъ съ прямого пути нѣсколько людей, и то не очень талантливыхъ. Они станутъ мечтать о какой то несуществующей славянской или русской оригинальной наукѣ; одни, учась и занимаясь, дойдутъ до нелѣпыхъ выводовъ; другіе не станутъ ничему учиться, и тѣмъ больше будетъ ихъ заносчивость, ихъ претензіи. И тѣ и другіе сдѣлаются смѣшны и странны. Мимо ихъ пройдетъ не равнодушное, но безпристрастное большинство; еще немного времени,—и ихъ совершенно забудутъ. Тѣмъ все и кончится. Останется въ немногихъ сожалѣніе, что эти люди могли бы быть относительно полезны и пропали какъ пустоцвѣтъ...

Если мы однажды пріобщились къ жизни Европы, и нашей полутора-вѣковой исторіей со временъ Петра, и искреннимъ сочувствіемъ ко всему европейскому, даже до пожертвованія исключительною національностью—нечего и думать объ эгоистической отдѣльности, равнодушіи. Съ реформы Петра Великаго все у насъ съ Европой—общее, и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе; ея силлогизмы, ея стремленія стали нашими; ея дѣло — нашимъ дѣломъ, ея наука — нашей наукой. Вспомнимъ, что не одни мѣстные, частные, исключительно-историческіе интересы Европы мы перенесли на свою почву. Подъ европейской формой мы усвоили и усвоиваемъ себѣ человѣческое, равно близкое и родное всѣмъ племенамъ: истина старая, которая, къ сожалѣнію, слишкомъ часто остается у насъ въ тѣни. Отрицаніе исключительно-національнаго европейскаго, заимствованнаго нами, конечно, придетъ со временемъ; будемъ надѣяться;—но прежде всего предоставимъ это исторіи. Не достигнувъ полной самостоятельности въ мышленіи, въ дѣйствованіи, мы далеко не въ состояніи опредѣлить, что̀ изъ принимаемаго нами съ запада—обще-человѣческое, и что̀ исключительно-историческое, принадлежащее одной Европѣ. Съ послѣднимъ мы стали бы теперь отрицать и первое. Многое заставляетъ насъ такъ думать...

Вотъ все, что̀ мы считали нужнымъ сказать о предисловіи. Можетъ-быть, насъ упрекнутъ за то, что мы разбирали его такъ подробно. Мы съ своей стороны думаемъ, что всякое добросовѣстное убѣжденіе имѣетъ право на внимательную оцѣнку, и чѣмъ оно ошибочнѣе, тѣмъ бо̀льшее имѣетъ право на такую оцѣнку.

Мнѣнія, высказанныя авторомъ, были благородны, хотя и ложны. Слова его согрѣты искреннею любовью къ истинѣ и наукѣ. Несмотря на односторонность взгляда, онъ умѣлъ сохранить себя чистымъ отъ грѣха нетерпимости къ противоположнымъ мнѣніямъ, понималъ ихъ важность, и чувствовалъ все обаяніе западнаго міра. Нѣсколько послѣднихъ выписокъ изъ предисловія докажутъ это:

„Учителю же и просвѣтителю нашему (то есть Западу) мы обязаны многимъ, и не можемъ не быть благодарны ему за все, что онъ за насъ выработалъ, пережилъ и перестрадалъ, и что досталось намъ даромъ, безъ труда, безъ пота и крови,—за добро и зло, истину и ложь, которыя онъ вынесъ изъ своего долгаго трудового вѣка На Западѣ впервые были подняты и пробуждены всѣ вопросы науки и жизни къ міровой дѣятельности, и во всемъ живомъ многообразіи ихъ развивавшейся и ими развиваемой личности; у западнаго человѣка достало мужества, чтобъ не остановиться ни передъ однимъ вопросомъ, и не испугаться ни одной крайности умственнаго или нравственнаго міра. И потому обвинять ли его въ этихъ крайностяхъ? Онѣ были лишь неизбѣжными спутниками его духовной отваги и страстной дѣятельности“ (стр. 3).

„Такой взглядъ во многомъ, можетъ-быть вовсе не раздѣляемъ многими изъ участниковъ въ изданіи, какъ въ томъ можно убѣдиться изъ многихъ статей, помѣщенныхъ въ первомъ томѣ,—а потому не должно быть смѣшиваемо одно съ другимъ. Всякій взглядъ и всякое представленіе фактовъ могутъ быть болѣе или менѣе ошибочны, но факты остаются тѣ же, какъ бы ни было одностороннее ихъ представленіе (если только оно добросовѣстно); и самое заблужденіе, если не прямо, то противодѣйствіемъ, которое оно вызвало или вызоветъ, одинаково выработываетъ то истинное воззрѣніе или ту истину, которая должна окончательно утвердиться въ наукѣ и сдѣлаться ея *общимъ мѣстомъ*. Ошибаться можемъ и мы, болѣе или ме-

нѣе, такъ же какъ и другіе; всякое воззрѣніе вырабатывается окончательно только временемъ и только временемъ освобождается отъ всего личнаго и случайнаго.—Но только наука и добросовѣстное изученіе ея во всѣхъ ея многостороннихъ направленіяхъ и во всей односторонности каждаго изъ нихъ можетъ окончательно разоблачить вопросы отъ всего ихъ случайнаго и навсегда утвердить на незыблемой почвѣ. Для такой же послѣдней задачи и цѣли всякой науки и всякаго знанія одинаково служитъ и всякое заблужденіе и даже не рѣдко болѣе, чѣмъ недозрѣлая, недодуманная или недосказанная истина" (стр. 20).

Языкъ предисловія хорошъ, мѣстами превосходенъ.

Затѣмъ слѣдуетъ введеніе, или „статья вмѣсто введенія" г. А. Хомякова. Опредѣлить ея содержаніе трудно. Это очеркъ послѣднихъ судебъ древняго міра, начала новаго и разселенія племенъ, преимущественно славянскихъ. Кой-гдѣ указаны важнѣйшія событія въ исторіи послѣднихъ, кромѣ Россіи, — все въ самыхъ краткихъ чертахъ. Впрочемъ, дѣло вовсе не въ содержаніи. Какъ издатель принялъ такую статью въ „Сборникъ", почти исключительно посвященный славянамъ, и напечаталъ вмѣсто введенія, которое, какъ всѣмъ извѣстно, должно быть выраженіемъ духа и направленія цѣлой книги, мы понять не можемъ! Тутъ, вѣроятно, какое нибудь недоразумѣніе между издателемъ и авторомъ.

Статью открываетъ игра историческими фактами и несомнѣнными историческими истинами, словомъ, игра въ исторію; заключаетъ—иронія надъ всѣмъ славянскимъ міромъ, его прошедшимъ и будущимъ. Сначала, ничего не подозрѣвая, мы хотѣли-было добросовѣстно разбирать статью; но уже на второй страницѣ натолкнулись на слѣдующее мѣсто:

„Налётъ Великихъ Гунновъ перемѣнилъ направленіе движенія Германскаго. Кто бы ни были эти воинственные выходцы при-Волжья—послѣдствіе ихъ налёту (а) ясно. Удары Аттилы были направлены болѣе на область Германскую, чѣмъ на Римъ. Византію онъ оставилъ въ совершенномъ покоѣ, и Западная Имперія кажется навлекла его гнѣвъ только тѣмъ, что подала помощь и убѣжище Германцамъ. Ослабленные и испуганные Готѳы, Бургундцы, Свевы, Аланы бросились всѣ на Западъ. Даже послѣ смерти великаго завоевателя они не смѣли или не могли возвратиться къ странамъ восточнымъ, откуда налетѣла на нихъ Гунская буря, и поселились навсегда въ новопокоренныхъ ими областяхъ".

Это насъ нѣсколько смутило. Мы было хотѣли сказать: вотъ взглядъ совершенно новый на движеніе народовъ въ V столѣтіи! Мы знали Аттилу великимъ завоевателемъ, губителемъ государствъ и народовъ, которому подобные являются только въ исторіи монгольскаго племени; г. Хомяковъ показываетъ его съ другой, доселѣ незамѣченной стороны. Его Аттила—глубокомысленный политикъ, предвидящій будущія событія,—оскорбленія, которыя славянамъ суждено было вынести отъ германцевъ. Вотъ объясненіе всей дѣятельности, всѣхъ походовъ гуннскаго царя. Признаемся откровенно, такія мысли не могли бы придти въ голову настоящему историку, привыкшему вѣрить только свидѣтельству источниковъ. О планахъ, приписанныхъ Аттилѣ и его враждѣ къ германскому міру, нѣтъ ни одного слова ни въ одномъ современномъ источникѣ. Тѣмъ болѣе славы г. Хомякову: тамъ, гдѣ умолчалъ скромный голосъ науки, поднялъ онъ свой голосъ. Силою поэтическаго прозрѣнія, онъ угадалъ не только сокровенный смыслъ событій, доселѣ являвшихся намъ въ другомъ видѣ, но даже тайныя мысли Аттилы. Онъ знаетъ, чѣмъ именно навлекла на себя его гнѣвъ западная имперія: она подала помощь и убѣжище германцамъ—ясное дѣло! Но охватывая своимъ взглядомъ массы событій, г. Хомяковъ, разумѣется, не всегда обращаетъ вниманіе на подробности. Ему позволительно пренебрегать той математической строгостью которая, по его же прекрасному выраженію, хотя и „составляетъ лучшую отраду въ жизни ученыхъ мужей", однако „не совершенно необходима для человѣческаго просвѣщенія". Обреченные на трудъ болѣе скромный, мы позволяемъ себѣ указать на нѣкоторыя мелочи, не замѣченныя авторомъ. Во первыхъ, Аттила не оставлялъ Византіи въ совершенномъ покоѣ. Онъ опустошалъ ее ежегодными набѣгами до самаго вступленія на византійскій престолъ императора Маркіана: гунны обратили въ безлюдную степь земли, лежащія между Дунаемъ и Балканомъ. Византійцы рѣдко прибѣгали къ открытому сопротивленію, откупались отъ большой бѣды данью, а иногда прибѣгали и къ худшимъ средствамъ, какъ напримѣръ, къ отравѣ. Ѳеодосій II покушался на жизнь Аттилы. Ссылаемся на признаніе самихъ византійскихъ писателей, въ особенности на ритора Приска, который ѣздилъ съ извиненіями къ царю гунновъ.

Во-вторыхъ, въ числѣ „испуганныхъ“ и загнанныхъ Аттилою на западъ германскихъ племенъ, г. Хомяковъ называетъ бургундовъ, которые жили около Рейна, когда о гуннахъ еще не было и слуха, — и алановъ, которые, по всей вѣроятности, были славяне. Въ третьихъ, г. Хомяковъ говоритъ, что германцы, отброшенные Аттилою на западъ, не смѣли или не могли возвратиться на родину даже по смерти завоевателя. Не смѣли? Врядъ ли такъ! Германскія племена, ост-готы и гепиды, наиболѣе содѣйствовали къ паденію гуннскаго царства. А другихъ, испуганныхъ Аттилою германцевъ, которыхъ онъ загналъ въ Галлію, Испанію и Италію, лучшія страны юго-западной Европы, еще богатыя остатками римской цивилизаціи, вѣроятно, не слишкомъ манила назадъ болотистая и лѣсная родина...

Все это мы было хотѣли сказать г. Хомякову, какъ вдругъ насъ озарила яркая мысль... Мы поняли, что дались въ обманъ, и невольно покраснѣли. Потомъ мы ужъ съ наслажденіемъ прочитали слѣдующія строки:

(На стр. 3). „Семьи, болѣе удаленныя отъ римскихъ предѣловъ, сохранили съ большей чистотой семейное начало и характеръ человѣческій. Таковы въ особенности Саксонцы, которыхъ впрочемъ ни по языку, ни по обычаямъ, ни по религіи не должно считать за чистыхъ Германцевъ. Къ несчастію, именно тѣ семьи, которыя были покорены римской власти, которыя утратили уже многое изъ своей народности и первобытныхъ достоинствъ въ наемной службѣ чужеземцу, въ наслажденіяхъ развратнаго и роскошнаго Рима... заняли первое мѣсто въ жизни западной Европы Покоривъ Галлію, Франки, удержанные съ юга Готѳами, а послѣ того непобѣдимою силою Аравитянъ, опрокинулись снова на востокъ... Германія исказилась возвратомъ въ ея нѣдра уже искаженной стихіи германской...

„Норманны, бездомные, безсемейные и бездушные, передъ судомъ людей, безпристрастно оцѣнивающимъ животное мужество и животную доблесть, Норманны разрушили старую Англію и перенесли въ нее весь гнусный развратъ и весь безчеловѣчный бытъ, которому научились они во Франціи, и которому Франки учили всю Европу“.

Что за забавная—игра въ исторію! Факты въ ней, какъ стеклышки въ калейдоскопѣ, стоятъ кверху ногами, а что-то выходитъ! Разумѣется, никто не дастъ статьи г. Хомякова прочитать молодому человѣку, который вовсе незнакомъ съ исторіей, потому что послѣ ему бы и въ жизнь не выучиться исторіи. А прочитать ее такъ, знаете ли, для курьеза, пріятно! Кто не знаетъ, что вся новая образованность Европы вышла изъ соединенія римскаго, или, въ болѣе обширномъ смыслѣ, античнаго съ началомъ германскимъ? Кто не знаетъ, какую роль играли при этомъ соединеніи франки? Они были главнымъ изъ племенъ германскихъ. Они отстояли для западной Европы полученное ими въ наслѣдіе отъ Рима христіанство и образованность противъ двоякаго натиска язычества и ислама. Г. Хомякову тотчасъ представилось: а что̀ выйдетъ, если франковъ выдать и развратными и развратившими Германію? Я-чай, многіе посмѣются? И точно, смѣшно до слезъ! Франкъ Карлъ Мартеллъ побѣдою 732 года удержалъ вторженіе ислама въ Европу, а г. Хомяковъ тотчасъ выворотилъ этотъ фактъ на изнанку, и говоритъ, что арабы удержали вторженіе франковъ въ южную Европу... Франкъ Карлъ Великій, покореніемъ саксовъ положилъ конецъ политическому значенію язычества въ Европѣ, а г. Хомяковъ хулитъ и Римъ, изъ котораго взято христіанство франками, и франковъ, которые утвердили его въ Европѣ. Фактъ, дознанный совокупными розысканіями всѣхъ знаменитѣйшихъ историковъ и филологовъ, что саксы—коренное германское племя, которое только жило въ сосѣдствѣ съ славянами; а г. Хомяковъ, продолжая игру въ исторію, говоритъ, что саксонское племя мѣшаное... Что̀ это за милая игра, право! Исландскія саги и стройныя государства, основанныя норманнами, даютъ намъ высокое поэтическое понятіе объ этихъ завоевателяхъ, этихъ странствователяхъ по морямъ, а г. Хомяковъ представляетъ ихъ животными... да, животными, людьми бездушными, съ животнымъ мужествомъ и животною доблестью!..

Дивная игра въ исторію! Знаете что̀, читатель? Когда, послѣ жирнаго обѣда, или въ другое время, вы будете чувствовать себя неспособнымъ ни къ чему дѣльному и серьезному, возьмите нѣсколько бумажекъ, ровно обрѣзанныхъ, и напишите на каждой имя какого нибудь историческаго лица, названіе мѣста, города, рѣки или области; какой-нибудь глаголъ, напр.: развратилъ, побѣдилъ, внесъ, налетѣлъ, опрокинулъ; прибавьте: дикій бытъ, какое-нибудь прилагательное, наприм., гнусный, развратный, бездомный, бездушный. Перемѣшайте потомъ все это хорошенько и выньте наугадъ. Будутъ

выходить уморительныя вещи, наприм., что Александръ Великій на Мысѣ Доброй Надежды дрался съ эскимосцами, или что гунны загнали бургундовъ на западъ Европы,—какъ вышло у г. Хомякова. Вотъ вамъ и весь секретъ игры въ исторію! Она очень смѣшна, и потому содѣйствуетъ пищеваренію, прогоняетъ сплинъ; вдобавокъ она даетъ незамѣтно пройти времени, котораго нельзя порядочно употребить. Чудная игра!

Въ ироніи надъ славянами г. Хомяковъ превзошелъ самого себя. Посмотришь спроста, г. Хомяковъ, кажется, хвалитъ славянъ до-нельзя, а послѣ, глядь, все насмѣшки, да еще какія! Въ томъ-то вся и сила. Чтó въ самомъ дѣлѣ за иронія, которая съ-оника бросается въ глаза?... Сначала, г. Хомяковъ такъ и разсыпается въ похвалахъ славянамъ. И „не выселялись-то они въ чужую область“, а все дома сидѣли; и „не развращали они своей внутренней жизни соблазнительнымъ преступленіемъ завоеваній“, и общины-то ихъ были „безъискусственны“ и пр. и пр... А какія похвалы! Все насмѣшки и неправды. Сказано, напр., что у славянъ процвѣтало земледѣліе и торговля, а не сказано, и умышленно, что венды-поморяне были страшные разбойники и въ этомъ не уступали бездушнымъ норманнамъ. Разумѣется, игра не имѣетъ никакого историческаго достоинства: вся сила ея—въ ироніи. Но такъ какъ это не всякій съ разу пойметъ, а иной, пожалуй, приметъ статью и за чистыя деньги, то г. Хомяковъ спохватился, правда во-время, и чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе иронизируетъ, такъ что и не очень догадливый и тотъ догадается. Тамъ похвалитъ славянъ за то, что ихъ обманывали и угнетали; здѣсь скажетъ, что всякій встрѣчный-поперечный употреблялъ ихъ, какъ „орудіе своихъ завоеваній“. Въ другомъ мѣстѣ, они, кроткіе и миролюбивые, рѣжутся у него между собою мало что за себя, за другихъ; на 5-й страницѣ онъ похвалилъ ихъ, да и сказалъ, будто ненарокомъ, что, принадлежа къ восточной церкви, западные славяне не замѣчали различія ея съ католической; на страницѣ 7-й опять похвалилъ, и опять мимоходомъ замѣтилъ, что одинъ изъ дружныхъ братьевъ славянской семьи „выговорилъ себѣ“ у чужеземца Тевтона „право безнаказанно губить своихъ братьевъ“. Одинъ серьёзный и добросовѣстный, но, какъ видно, недальній человѣкъ замѣтилъ намъ, что, по словамъ г. Хомякова, „Германія при св. Генрихѣ съ трепетомъ ожидала своего паденія“ отъ побѣдъ славянъ; а откуда это извѣстіе, Богъ-вѣсть! Насъ досада взяла при этомъ замѣчаніи. Какъ, кажется, не понять, что весь интересъ не въ исторической истинѣ, а въ ироніи? Человѣкъ дочитался до конца статьи, и не могъ этого замѣтить!

Въ заключеніи, г. Хомяковъ изъ ироническаго, смѣющагося тона, вдругъ переходитъ въ высоко-комическій. Онъ становится возвышеннымъ сатирикомъ. Вотъ чтó онъ говоритъ:

„Быть можетъ, Провидѣніе, не благословившее праведныхъ подвиговъ земли Вендской, спасло стихію славянскую отъ искаженья. Завоеватели области Германской,—Славяне повторили бы въ исторіи міра тѣ же самыя явленья, которыя сопровождали торжество Тевтоновъ надъ Римомъ и исказили въ нихъ начало человѣческое“.

„Долго страдавшій, но окончательно спасенный въ роковой борьбѣ, болѣе или менѣе искаженный чуждою примѣсью, но нигдѣ незаклеймённый наслѣдственно печатью преступленья и неправеднаго стяжанья, славянскій міръ хранитъ для человѣчества если не зародышъ, то возможность обновленья“.

Какая насмѣшка надъ внутренними силами славянскаго племени! Какая иронія въ словахъ: „если не зародышъ, то возможность обновленья“. На все будущее славянъ ими брошенъ мрачный свѣтъ! Кто не знаетъ, что гдѣ нѣтъ зародыша, тамъ нѣтъ и возможности?... Талантъ автора несомнѣненъ. Особенно пріятно было намъ видѣть, что г. Хомяковъ принадлежитъ къ тому малому избранному числу русскихъ писателей, которыхъ удачные опыты заставляютъ идти впередъ, развиваться. Мы съ большимъ удовольствіемъ прочли первый историческій трудъ г. Хомякова—„Царствованіе Ѳеодора Іоанновича;“ второй — „Двѣнадцать лѣтъ царствованія Іоанна Грознаго“ несравненно выше. Третій, который мы разбирали,—верхъ совершенства...

Слѣдующія за тѣмъ статьи „Сборника“ могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: однѣ изъ нихъ чисто ученыя, чуждыя всякихъ умствованій и разглагольствованій, и просто разсказывающія намъ факты и выводы изъ нихъ. Другія проводятъ направленіе и наполнены „взглядами...“ Первыми

цѣль и назначеніе „Сборника“ достигаются вполнѣ. Онѣ даютъ положительныя свѣдѣнія о предметахъ мало извѣстныхъ, и потому заслуживаютъ большого вниманія и благодарности. Достоинство ихъ, разумѣется, неодинаково, что̀, однако, не мѣшаетъ всѣмъ имъ быть очень интересными, особливо для занимающихся славянскимъ міромъ и славянами. Вотъ эти статьи:

„Юридическій бытъ Силезіи и Лужицъ и введеніе въ эти земли нѣмецкихъ колонистовъ“. Статья, составленная по книгѣ Цшоппе и Штенцеля г. К. Кавелинымъ. Послѣ очень короткаго очерка національно-славянскаго юридическаго быта въ Силезіи и Лужицахъ (Лаузицѣ), разсказаны причины введенія сюда нѣмецкихъ колонистовъ и представлены права и устройство нѣмецкихъ общинъ.

„Исторія древняго наслѣдственнаго права (по закону) у славянъ“. Превосходное сочиненіе г. Г. Губе, удостоенное преміи юридическимъ факультетомъ варшавскаго университета, съ дополненіемъ, составленнымъ переводчикомъ этого сочиненія на нѣмецкій языкъ.

„Объ опекѣ и наслѣдствѣ по Русской Правдѣ“ г. А. Попова. Факты, относящіеся къ наслѣдованію и опекѣ въ эпоху Русской Правды такъ исчерпаны, что трудно сказать о нихъ что-нибудь новое. Нужно бы сравнить ихъ съ древними постановленіями прочихъ славянъ и подробно изучить наслѣдованіе и опеку въ русскихъ княжескихъ владѣтельныхъ родахъ. Для перваго кое-что сдѣлано авторомъ; для второго—ничего.

„О земледѣліи, промышленности и вообще богатствахъ Польши въ XV и XVII вѣкѣ“. Статья, составленная по книгѣ Суровецкаго. Въ ней говорится о цвѣтущемъ состояніи земледѣлія, городовъ и торговли въ Польшѣ, и причинахъ ихъ упадка. Авторъ долженъ былъ съ тѣмъ вмѣстѣ коснуться юридическаго быта Польши. И то и другое очень любопытно.

„Волинъ, Іомсбургъ и Винета“. Историческое изслѣдованіе г. Т. Грановскаго, профессора исторіи среднихъ вѣковъ при московскомъ университетѣ. Ученое, превосходно написанное разсужденіе о городахъ или поселеніяхъ на островѣ Волинѣ, которые слились въ преданіяхъ въ одинъ баснословный славянскій городъ Винету. Изслѣдователь доказываетъ въ своемъ сочиненіи, что Волинъ—вендское поселеніе, Іомсбургъ—крѣпость, основанная норманнами близъ Волина; Винета—городъ, никогда не существовавшій. Это разсужденіе писано г. Грановскимъ на степень магистра, и въ минувшемъ году, на публичномъ диспутѣ, подало поводъ къ жаркимъ преніямъ...

„Извлеченіе изъ письма Рабби Хисдай Бэнъ Ицкахъ къ царю Хозарскому“, переведенное съ еврейскаго г. К. Коссовичемъ. Не понимаемъ, какъ оно попало въ „Сборникъ“; въ немъ нѣтъ ничего о славянахъ. Развѣ только упоминается о руссахъ и болгарахъ, да и то такъ, что изъ этого извѣстія ничего нельзя вывести.

„О лубочныхъ картинахъ русскаго народа“, нашего извѣстнаго достопочтеннаго археолога И. М. Снегирева. Сначала, эта статья была напечатана въ „Москвитянинѣ“ и заслужила лестные отзывы знаменитаго Я. Гримма. Послѣ, сочинитель передѣлалъ ее вновь, дополнилъ многими любопытными подробностями, и въ этомъ видѣ вошла она въ составъ „Сборника“. Мы прочли ее съ большимъ наслажденіемъ. Авторъ служитъ русской исторіи не словомъ, а дѣломъ. Нигдѣ онъ не хвалитъ, нигдѣ не бранитъ, а только разсказываетъ любопытнѣйшія вещи, которыя достались ему не даромъ, требовали большихъ усилій и предполагаютъ близкое знакомство съ бытомъ простого народа. Сколько ума, остроты, ироніи въ русскомъ человѣкѣ! Какъ онъ уменъ и даровитъ отъ природы! Жаль, что „странные“ взгляды мѣшаютъ покойно и вдоволь имъ насладиться.

„О значеніи слова „черный“ въ древнемъ русскомъ языкѣ и преимущественно о черномъ борѣ Новгородскомъ“. Эта статья принадлежитъ г. С. Соловьеву, профессору русской исторіи при московскомъ университетѣ,—тому самому, съ которымъ мы уже имѣли случай весьма пріятнымъ образомъ познакомиться при разборѣ его сочиненія объ отношеніи Новгорода къ великимъ князьямъ. Статья дѣльная, прекрасная во всѣхъ отношеніяхъ. Начитанный и добросовѣстный авторъ доказываетъ, что слово „черный“, равно какъ и „дикій“, значило у насъ прежде: общій, неопредѣленный, остальной, прочій, къ извѣстному разряду лицъ или вещей не принадлежащій, ничей. Ex contrario „бѣлый“ означало: опредѣленный, ясный, кому-либо принадлежащій. Толкованіе, какъ намъ ка-

жется, поразительно вѣрное. Множество технических словъ въ нашей древней терминологіи, особенно юридической, объясняется имъ какъ нельзя лучше, напр., слово „обѣлить“, которое встрѣчается въ различныхъ смыслахъ, повидимому противорѣчащихъ другъ другу. То же безпристрастіе, то же чисто историческое направленіе, которое замѣтили мы въ диссертаціи, нашли и здѣсь. Два примѣчанія, означенныя звѣздочками, составляютъ исключеніе. Но они принадлежатъ не автору, а издателю.

„Христіанство въ Абиссиніи“. Статья 1. Авторъ ея—покойный издатель „Сборника“, г. Валуевъ. Послѣ краткаго введенія, въ которомъ доказывается, что кельты принадлежали первоначально къ восточной, а не римской церкви, и что первые ихъ просвѣтители были восточные проповѣдники, авторъ переходитъ къ главному предмету статьи и доказываетъ, что Абиссинія до XIII вѣка принадлежала къ православной восточной церкви. Въ то время, эта страна оффиціально приняла коптское исповѣданіе, оставаясь на дѣлѣ православною, и ужъ съ паденіемъ Византійской имперіи начала распространяться въ Абиссиніи католическая религія.

Несмотря на то, что въ этой статьѣ высказываются мѣстами историческія пристрастія и ненависти автора, она обнаруживаетъ огромную начитанность и страсть къ своему дѣлу. Мы можемъ сообщить за достовѣрное, что покойный г. Валуевъ ничего не щадилъ для узнанія всего, что̀ было писано по этому предмету, и даже все время пребыванія своего за границей, когда здоровье уже требовало отъ него иныхъ заботъ, исключительно посвятилъ на собираніе матеріаловъ для большого сочиненія, изъ котораго только небольшой отрывокъ помѣщенъ въ „Сборникѣ“. Мы не станемъ разсуждать о томъ, хорошо ли авторъ употребилъ свои силы. Но нельзя не пожалѣть о потерѣ человѣка, который умѣлъ такъ вполнѣ, такъ безгранично жертвовать собою для любимой мысли. Мало у насъ такихъ людей!

Всю вторую часть „Сборника“ наполняетъ сочиненіе извѣстнаго А. Рейца (бывшаго профессора Дерптскаго университета): „О политическомъ устройствѣ и правахъ прибрежныхъ острововъ и городовъ Далмаціи въ средніе вѣка“. Здѣсь подробно говорится какъ о политическомъ, такъ и объ административномъ устройствѣ городовъ и острововъ Далмаціи, о финансахъ, сословіяхъ, гражданскомъ и уголовномъ правѣ.

Прочія статьи „Сборника“, здѣсь не упомянутыя, принадлежатъ всѣ, болѣе или менѣе, къ числу такихъ, въ которыхъ проводится извѣстное направленіе, извѣстная мысль, и которыя, слѣдовательно, по принятому нами раздѣленію, относятся ко второй категоріи. Издатель говоритъ въ предисловіи, что въ первомъ томѣ „Сборника“ много статей, которыхъ направленіе несогласно съ взглядомъ, имъ высказаннымъ. Послѣ внимательнаго чтенія, мы не нашли ни одной такой статьи. Всѣ, въ которыхъ только высказано какое-нибудь направленіе, гласятъ то же, что и предисловіе. Питая глубокое уваженіе ко всякому положительному, добросовѣстному фактическому изслѣдованію, каковъ бы ни былъ его предметъ, каковы бы ни были его результаты, мы страхъ какъ не любимъ статей и сочиненій, написанныхъ съ задними мыслями,—статей, въ которыхъ ложные, ничѣмъ недоказанные, изношенные взгляды прячутся за факты, часто уродуя ихъ. А потому, хоть это и скучненько, разсмотримъ статьи „Сборника“, написанныя „съ направленіемъ, со взглядами“. Къ счастію, ихъ только четыре. Вотъ онѣ по порядку:

„Города нѣмецкіе и славянскіе“. Статья издателя. Она составляетъ объясненіе и дополненіе статьи о юридическомъ бытѣ Силезіи и Лужицъ, выбранной г. Кавелинымъ изъ сочиненія Штенцеля и Цшоппе. Несогласный съ мнѣніемъ германскихъ ученыхъ, что нѣмецкія колоніи принесли въ славянскія земли улучшенное земледѣліе, ремесла и искусства, вмѣстѣ съ лучшимъ общественнымъ устройствомъ и городовымъ правомъ, издатель излагаетъ свое собственное. Онъ думаетъ, что общинное устройство, безъ различія городовъ отъ селъ, было искони въ славянскомъ племени, устройство несравненно высшее германскаго, безъ монополій, кастъ, цеховъ и гильдій; что, напротивъ, у германцевъ, преданныхъ одной войнѣ, община была сначала неизвѣстна; первымъ типомъ для ихъ городового устройства послужили римскія муниципіи, и уже потомъ развился у нихъ общинный бытъ, не ранѣе XII и XIII вѣка. Какъ же объяснить фактъ колонизаціи нѣмцевъ въ славянскихъ земляхъ? Г. Валуевъ объясняетъ это особенностью исторической судьбы лехитскаго племени. Оно, по географическому своему положенію, вызвано было

на постоянную борьбу съ иноземцами и воспитало въ себѣ, конечно по необходимости, дружинное начало, совершенно несвойственное миролюбивымъ славянамъ. Это именно и развратило славянъ-лехитовъ. Дружинникъ давилъ своего собрата поселянина всѣми силами. Низшіе классы или были истреблены, или такъ раздавлены, что стали ни къ чему не способны. Общинное начало исчезло. Тогда нужно было прибѣгнуть къ нѣмецкимъ колонистамъ.

О такихъ серьезныхъ вопросахъ, какъ общинное и дружинное начало, затронутыхъ авторомъ и рѣшенныхъ неправильно, трудно говорить въ нѣсколькихъ словахъ: нужны цѣлыя сочиненія. Впрочемъ, для всякаго, кто только просто, безъ увлеченія смотритъ на вещи, всѣ аргументы г. Валуева ровно ничего не доказываютъ. Противъ фактовъ трудно спорить! У славянъ были общины, да изчезли, даже тамъ, гдѣ жизнь развивалась безъ чуждаго вліянія, какъ, наприм., у насъ въ Россіи; у германцевъ не было вовсе общинъ,—но онѣ оставались и процвѣтали, достигнувъ до высокаго, даже политическаго значенія. Германецъ вынесъ дружинное устройство, а славяне не вынесли его. Выведемъ ли изъ этого заключенія въ пользу славянъ и противъ германцевъ? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. Изъ всѣхъ славянъ одни только русскіе умѣли создать государство, и вынесли его. Можно ли вмѣнить всѣмъ прочимъ славянскимъ племенамъ въ достоинство, что имъ было чуждо государственное начало? Опять нѣтъ. Вмѣсто того, чтобъ спорить противъ исторіи, или досадовать на нее, и за неудачи, несчастія славянъ несправедливо порочить германцевъ, не гораздо ли лучше было бы стараться вникнуть и понять глубоко-знаменательный смыслъ всѣхъ этихъ историческихъ явленій? Только тогда и принесутъ плоды наши историческія розысканія, когда мы перестанемъ отрицать факты, а примемся безпристрастно объяснять ихъ глубокія, органическія причины...

„Розысканія Клёдена о славянахъ, въ нынѣшней (Браниборской) Бранденбургской области". Эта статья открывается слѣдующимъ четверостишіемъ:

Иноземецъ, иновѣрецъ,
Насъ разрознилъ, разлучилъ;
Тѣхъ *обезъязычилъ* (?!) Нѣмецъ,
Этихъ Турокъ разгромилъ.

Кому принадлежитъ этотъ блистательный стихотворный отрывокъ—не знаемъ. Скромный авторъ скрылъ свое имя. Къ чему стоитъ здѣсь это четверостишіе—для того ли, чтобъ напередъ возбудить читателя къ благоговѣйному чувству, или это оглавленіе статьи,—мы тоже не знаемъ. Послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ понять таинственное назначеніе дивныхъ стиховъ, мы отложили попеченіе...

Затѣмъ статья. Послѣ такого вступленія вы думаете, что и ни вѣсть какія истины открыты, какіе вопросы рѣшены? Ни чуть не бывало! Мы находимъ, что на мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь Берлинъ, было, когда-то прежде, значительное славянское поселеніе; что Бранденбургская марка не только не была безлюдной пустыней до поселенія въ ней нѣмцевъ, но была наполнена вендами-славянами, даже была населеннѣе, нежели теперь. Все это приправлено разными и разными похвалами вендамъ и выходками противъ германцевъ. И въ томъ и въ другомъ много правды, много и неправды. Изъ того, что славяне были отличные земледѣльцы, что земля ихъ, сама-по-себѣ неплодородная, сдѣлалась почти земнымъ раемъ отъ ихъ трудовъ, авторъ выводитъ, что славяне были сначала просвѣщеннѣе германцевъ. Какъ одно съ другимъ клеится, право не знаемъ. Въ заключеніе онъ говоритъ:

„Таковъ голосъ истины, который подаетъ намъ современная нѣмецкая наука въ ея безкорыстныхъ и честныхъ труженикахъ. А мы современники этой науки и потомки или родные братья этихъ Вендовъ, язычниковъ (которыхъ нельзя не признать *просвѣщенными* въ сравненіи съ современнымъ ему варваромъ Нѣмцемъ, хотя и наслѣдникомъ римскаго христіанства и просвѣщенія), доселѣ продолжаемъ съ первыми нашими понятіями объ исторіи, только что не краснѣть за варварство своихъ предковъ и свое славянское происхожденіе—безотчетно преклоняясь передъ исконнымъ просвѣщеніемъ Германца и его исконнымъ превосходствомъ надъ нами" (стр. 246).

Стоило ли изъ всего этого расточать столько хулы, предпосылать плохое четверостишіе, столько взводить напраслинъ на германцевъ, заподозривая ихъ превосходство надъ тогдашними славянами, несмотря на способность послѣднихъ къ земледѣлію и всѣ ихъ патріархальныя добродѣтели? Статья составлена, какъ кажется, самимъ издателемъ.

„Славянское и православное населеніе Австріи. Статья I. Статистическое обозрѣніе движенія двухъ народонаселеній, нѣмецкаго и славянскаго, въ Германіи и преимуще-

ственно въ Австріи“. Намъ мало удавалось читать статей, такъ превосходно, написанныхъ. Къ несчастію, тонъ и направленіе ея такъ же пристрастны, какъ и первой. Послѣ общаго взгляда на значеніе Австріи въ средѣ европейскихъ государствъ,—взгляда вѣрнаго и мастерски-написаннаго, — авторъ опредѣляетъ статистическими цифрами отношеніе славянъ и не-славянъ въ Германіи, преимущественно въ Австріи. По этому случаю онъ говоритъ вообще объ отношеніяхъ германцевъ къ славянамъ въ прежнія времена, о томъ, какъ первые угнетали послѣднихъ и почти не считали ихъ за людей. Разумѣется, дѣло при этомъ не обошлось безъ замѣчаній, очень непріятныхъ для нѣмцевъ и очень лестныхъ для славянъ. Потомъ авторъ переходитъ къ настоящему времени. Тутъ, прежде всего страдаютъ нѣмецкіе статистики; за дѣло или безвинно—не умѣемъ сказать, только страдаютъ. Сочинитель статистическими данными доказываетъ, что въ Австріи конечно половина, если не болѣе половины народонаселенія—славянская; что нравственность славянъ гораздо чище; наконецъ, что славянское народонаселеніе возрастаетъ въ несравненно большей прогрессіи, чѣмъ нѣмецкое. Авторъ заключаетъ статью слѣдующими словами (стр. 257):

„Какъ бы то ни было, эти числа во всякомъ случаѣ многозначительны, особливо возрастающее число умершихъ къ новорожденнымъ въ нѣмецкомъ населеніи Австріи. Мысль невольно наводится на замѣчаніе Буэ объ Европейской Турціи: „Если бы не новые переселенцы изъ Азіи“,—говоритъ онъ,—„можно было бы съ математическою точностью опредѣлить то время, когда долженъ вымереть послѣдній турокъ въ Турціи.“

Здѣсь нельзя не замѣтить важной ошибки. Буэ говоритъ такъ о европейской Турціи, потому что въ ней турецкое народонаселеніе дѣйствительно уменьшается ежегодно. Въ Австріи же, по крайней мѣрѣ покуда, неславянское народонаселеніе увеличивается, только не въ одной прогрессіи съ славянскимъ. Разница большая!

Мы не можемъ отказать читателямъ и себѣ въ удовольствіи привести здѣсь нѣсколько строкъ изъ этой статьи,—такъ онѣ хороши. Рѣчь идетъ о Петрѣ Великомъ.

„На великомъ далекомъ Сѣверѣ, мужала и крѣпла Россія, внезапно облеклась въ грозный образъ Петра, могуществомъ воли и мысли покорившаго Россію, наперекоръ своему народу и всему прошедшему славянской семьи,—понятію государства, во всей его исключительной строгости. Петръ понялъ (тѣмъ если и не сознательнымъ пониманіемъ, которое дано бываетъ великимъ дѣятелямъ исторіи), что лишь такимъ полнымъ торжествомъ государственнаго начала могъ его народъ навсегда упрочить за собою то вещественное могущество, и то мѣсто среди другихъ народовъ, которыя были необходимы для спокойнаго и свободнаго развитія его внутреннихъ духовныхъ силъ;—и вмѣстѣ навсегда упрочить будущность всей великой семьи, которой дотолѣ всюду и во всѣ вѣка окончательно доставались на долю одни страданья, униженье и рабство. Онъ заковалъ старую привольную Русь въ строгое и тяжелое зданіе государства и новая государственная Россія взошла грозною тучею на небосклонъ Европы“ (стр. 254).

Мысль исторически чрезвычайно вѣрная и удивительно художественно выраженная! Только сравненіе Россіи съ грозною тучею намъ не понравилось...

Вотъ какими мыслями издатель (ибо ему принадлежитъ эта статья) выкупалъ свои пристрастія и предубѣжденія! Поэтому-то мы такъ и уважаемъ его, имѣли право многаго отъ него ожидать, и искренно сожалѣемъ о его потерѣ. Такихъ мыслей много разсѣяно въ его статьяхъ, помѣщенныхъ въ „Сборникѣ“.

Наконецъ, переходимъ къ послѣдней статьѣ, написанной въ томъ же духѣ, какъ и двѣ первыя. Заглавіе курьезно: „Историческая наука славянскаго міра въ послѣднее пятилѣтіе“. Статья 1.

Еслибъ нѣмецъ издалъ книгу и на первомъ ея листѣ написалъ: Историческая наука германскаго міра, — мы бы очень удивились. Что́ такое историческая наука? Мы знаемъ историческія науки, которыя такъ называются въ отличіе отъ другихъ. Исторической науки мы не знаемъ. Впрочемъ, у насъ такія вещи ни по чемъ съ рукъ сходятъ. Что́-жъ бы, вы думали, скрывается подъ такимъ великолѣпнымъ заглавіемъ? Перечень книгъ о славянахъ, преимущественно ихъ исторіи въ послѣднее пятилѣтіе. И только?—Только! Къ заглавіямъ книгъ приложены коротенькія рецензіи, и въ нихъ-то попадаются презабавныя вещи. Особенно странны показались намъ двѣ рецензіи,—обѣ, какъ нарочно, подписаны одинакими буквами В. и П... хоть мы и ручаемся, что не одинъ и тотъ же рецензентъ писалъ ихъ. Одинъ изъ г-дъ В. П., какъ удостовѣряетъ насъ издатель въ выноскѣ, русскій путешественникъ по славянскимъ землямъ (вѣроятно, изъ отзейскихъ губерній). Другой—на-

вѣрно какой-нибудь западный славянинъ. Мы сейчасъ докажемъ это. Одинъ нѣмецкій ученый, Гефтеръ, издалъ въ 1843 году неважную книжку подъ громкимъ заглавіемъ: „Der Weltkampf der Deutschen und Slawen seit dem sechsten Jahrhundert“ (Міровая борьба германцевъ съ славянами съ VI столѣтія). Въ этой книжкѣ онъ филистерски выхваляетъ нѣмцевъ насчетъ славянъ, что́ съ нѣмецкой точки зрѣнія такъ же нехорошо и ограниченно, какъ съ русской выхвалять славянъ насчетъ нѣмцевъ. Между прочимъ о славянахъ онъ говоритъ вотъ что (стр. 264 и 265):

„Весьма сложна природа славянина, удивительная смѣсь добродѣтели и порока, достоинствъ и недостатковъ. Отъ природы онъ флегматикъ, любитъ покой и отдыхъ, довольствуется малымъ, не думаетъ о будущемъ, о сбереженіи своего достатка, объ улучшеніи своего состоянія, объ украшеніи своего быта. И себя и своихъ онъ спокойно оставляетъ въ нуждѣ и бѣдности. Онъ добродушенъ, привѣтливъ, набоженъ, гостепріименъ, веселъ, любитъ особенно музыку, пѣніе, поэзію, къ которой имѣетъ необыкновенный даръ; съ другой стороны часто легкомысленъ, безразсуденъ, вспыльчивъ, упрямъ, сварливъ, жаждетъ брани и распри даже съ ближними, и въ своей запальчивости способенъ на всякое насиліе, всякое мщеніе, всякую жестокость... иногда онъ является услужливъ и вѣжливъ ко всякому, отъ кого можетъ ожидать что либо.. При всей своей скромности онъ съ жадностью смотритъ на чуждое достояніе, не только своихъ земляковъ и соплеменниковъ, но и чужестранцевъ Онъ склоненъ къ корысти... гордый своею народностью, онъ презираетъ чужбину и твердо стоитъ за свое. Онъ любитъ свой народъ и своихъ соплеменниковъ, и всѣмъ сердцемъ ненавидитъ того, кто его побѣдитъ и надъ нимъ властвуетъ; любитъ свой языкъ; знать не хочетъ о томъ, которымъ говорятъ его побѣдители, любитъ свои нравы и обычаи, свою вѣру, и презираетъ чужія нерѣдко до крайности... Потому и распря между славянами есть старая распря, и не умѣритъ ее просвѣщеніе новѣйшихъ временъ. Идетъ ли дѣло о правахъ его отчизны, онъ жертвуетъ достояніемъ и жизнью, онъ мужественъ и смѣлъ. Но вездѣ ему мѣшаетъ его любовь покоя и бездѣйствія; онъ не имѣетъ постоянной твердой воли, его горячность,—вспышка зажженной соломы. Откроются ли ему какіе виды на корысть и прибыль, онъ готовъ тотчасъ измѣнить своему, отдаетъ себя легко во власть другого... Онъ не пользуется своими способностями, не развиваетъ ихъ изъ себя; для этого ему нужны побужденія извнѣ, примѣры другихъ и нужда. Ко всему этому присоединяется преданность пьянству, мертвящему духовныя и тѣлесныя силы, препятствующему успѣхамъ, труду, благу, просвѣщенію, разрушающему порядокъ домашней и общественной жизни!“

А рецензентъ прибавляетъ: „Какая удивительная характеристика! И какая смѣсь противорѣчій, которыхъ выставлять нечего,—такъ они очевидны“.

По нашему мнѣнію, эта характеристика не такъ плоха, какъ кажется рецензенту. Мода характеризовать народы эпитетами скупой, умный, храбрый и проч., теперь уже прошла. Во всемірно-исторической дѣятельности народовъ, въ ихъ цѣлостномъ умственномъ и нравственномъ развитіи рѣзко обозначаются тѣ преобладающія отличительныя черты, которыя составляютъ главную основу, зерно ихъ національнаго характера. Отъ того съ одной стороны характеристика народовъ стала проще, по однимъ необходимымъ, а не случайнымъ признакамъ; съ другой—черты ея стали не такъ рѣзки, непосредственны, зато глубже и многостороннѣе; тѣ, которыми опредѣляются достоинства и недостатки частнаго человѣка, въ приложеніи къ народамъ должны получить совершенно иной, нерѣдко противоположный смыслъ, одухотвориться. Все это такъ въ отношеніи къ народамъ, которые заняли уже извѣстное мѣсто въ исторіи человѣчества, которые развились и высказались вполнѣ. Но что прикажете сказать о народахъ, которые живутъ еще до-историческою жизнью или только выступаютъ на сцену? Опредѣленнаго умственнаго и нравственнаго направленія они еще не успѣли высказать,—и остается, характеризуя ихъ, брать черты изъ ихъ домашней и ежедневной жизни. Въ этомъ виноваты народы, а не тотъ, кто ихъ описываетъ, или, лучше сказать, никто не виноватъ. Такъ описывалъ Тацитъ германцевъ, такъ теперь германецъ описываетъ какого-нибудь босняка и черногорца. Поэтому, не мудрено, если въ описаніи послѣдняго вы, между прекрасными чертами, найдете и дурныя черты. Всякій человѣкъ и всякій народъ есть смѣсь добра и зла, пока просвѣщеніе не освободитъ его отъ непосредственности, давая точку опоры противъ врожденныхъ и привычныхъ пороковъ, средства и побужденія развивать добродѣтели. Продолжая нашу мысль, мы скажемъ, что характеристика славянъ Гефтера—самая лучшая и безпристрастная, какую иностранецъ могъ только сдѣлать, руководясь наглядкой,—а больше ему нечѣмъ было руководиться. Хорошимъ сторонамъ славянина отдана должная справедливость: замѣчена необыкновенная способность его къ музыкѣ, пѣнію, поэзіи,—важная черта для нашего будущаго

развитія, о которой много можно было бы сказать, еслибъ ужъ не было говорено такъ много... Что касается до дурныхъ сторонъ, то и онѣ вѣрны. Большая часть изъ помянутыхъ дурныхъ сторонъ не принадлежитъ славянской натурѣ, — въ этомъ нѣтъ почти никакого сомнѣнія, и Гефтеръ неправъ, говоря, что просвѣщеніе новѣйшихъ временъ не умѣритъ распрей между славянами. Но не дурно при этомъ замѣтить, что и многія изъ такъ называемыхъ добродѣтелей славянъ должны необходимо измѣниться со временемъ, и мы не думаемъ, что въ этомъ именно будетъ состоять темная сторона нашего просвѣщенія. Наконецъ, рецензента поражаютъ противорѣчія въ характеристикѣ? Но народъ, еще не развитый, самъ по-себѣ исполненъ противорѣчій; случайное перемѣшано въ немъ съ необходимымъ, такъ что и различить нельзя. Какъ у всякаго народа, еще очень юнаго, у насъ не выработаны ни воля, ни сознаніе. Оттого внѣшнее и случайное дѣйствуетъ на насъ чрезвычайно сильно, и въ томъ, что̀ мы дѣлаемъ, мы не всегда узнаемъ себя и принадлежимъ себѣ. Между тѣмъ, объективно, эти дѣйствія, противорѣчащія нашей природѣ, существуютъ. Никто не можетъ отрицать ихъ. Вотъ откуда неизбѣжныя противорѣчія въ характеристикѣ славянъ, даже для насъ самихъ, не только для иностранца.

Впрочемъ, это еще ничего. Славянъ каждый въ правѣ понимать какъ ему угодно: Гефтеръ по своему, г. В. П. по своему. Но вотъ что очень хорошо: одинъ ограниченный нѣмецъ, истинный филистеръ, Коль, преважно доказываетъ превосходство нѣмцевъ надъ славянами тѣмъ, что они, т.-е., разумѣется, нѣмцы, никогда не терпѣли никакого пораженія. Г-нъ В. П., недовольный характеристикой славянъ Гефтера, вспоминаетъ пошлую фразу Коля, и такъ опровергаетъ ее: „Никогда“, говоритъ онъ, „не были германцы поражаемы, когда въ продолженіе четырехъ вѣковъ они боролись съ разслабленнымъ, давно уже убитымъ Римомъ; ни въ то время, когда Гунны съ огнемъ и мечемъ прошли всю Германію; ни тогда, когда мадьяры опустошили ее отъ среднихъ береговъ Дуная до верховьевъ Леха, ни въ то время, когда Собѣскій спасалъ Вѣну отъ турковъ; ни во время грозы наполеоновской, когда ихъ столько разъ спасала Россія, — никогда они не были побѣждены“.

Ясно, что, какъ мы сказали, г. В. П., рецензентъ этой статьи,—западный или германскій славянинъ. Будь онъ русскій — онъ бы только посмѣялся надъ Колемъ. Наши воинскія доблести такъ очевидно доказаны, такъ единогласно признаны всѣми первоклассными судьями въ военномъ дѣлѣ, что намъ, право, не для чего спорить за нашу военную репутацію, особливо по первому слову какого-нибудь нѣмецкаго писателя, который не понимаетъ дѣла. Но въ западномъ славянинѣ такая запальчивость понятна: ея объясненіе въ исторіи...

Другая рецензія, написанная тоже г. В. П., но не западнымъ славяниномъ, а русскимъ изъ отзейскихъ губерній путешественникомъ по славянскимъ землямъ, тоже очень замѣчательна. Ее вызвала книга, вышедшая въ Лейпцигѣ въ 1833 году, подъ заглавіемъ: „Slawen, Russen und Germanen“ (Славяне, русскіе и германцы). Языкъ этой рецензіи немного страненъ, такъ что какъ ни читай— ничего не поймешь. Мы читали и разъ, и два, и три — и все-таки ничего не поняли. Наконецъ, мы хотѣли было кое-что выписать изъ нея, для примѣра—и не могли. Нужно было выписывать все, а все такъ длинно, такъ длинно, такъ скучно! Мы и оставили. Жаль человѣка, о книгѣ котораго можно писать такія рецензіи, и еще въ видѣ писемъ!

- - -

Когда мы окончили разборъ и закрыли книгу, нами овладѣла невыразимая грусть. Во-первыхъ, намъ тяжело было думать объ издателѣ, который отдался весь своимъ—скажемъ безпристрастно—безплоднымъ убѣжденіямъ. Онъ писалъ кровью; въ его перо по каплямъ сочилась его молодая, драгоцѣнная жизнь. Что-жъ вызвало его на такое самопожертвованіе? Великія идея? Нѣтъ! Желаніе поправить историческую ошибку, доказать превосходство давно исчезнувшаго и забытаго венда надъ германцемъ. Можно ли было на такіе вопросы расточить столько силъ? Стоятъ ли они человѣческой жизни?.. Грустно стоять у гроба еще не давно цвѣтущаго юноши, исполненнаго силъ и стремленій, умнаго, благороднаго, образованнаго, и думать: вотъ на что истратилась эта жизнь!—Потомъ, намъ прискорбно было думать и о книгѣ съ такимъ направленіемъ. Сама по себѣ она очень полезна, — кто объ этомъ споритъ? Но зачѣмъ въ ней столько

предубѣжденій противъ европейскаго міра и западной науки, столько пристрастій къ славянскому? Напиши ее нѣмецкій славянинъ въ Германіи—мы могли бы по крайней мѣрѣ извинить, если не оправдать автора. . . . . Въ самомъ началѣ своего историческаго поприща, германцы приняли въ себя просвѣщеніе всего древняго міра. Потомъ климатическія условія.. На западѣ и югѣ Европы человѣкъ не могъ не развиваться шире и быстрѣе, чѣмъ на востокѣ. Долго ли это превосходство останется за Европой? На этотъ вопросъ отвѣчать трудно. Мы имѣемъ многія основанія думать, по крайней мѣрѣ надѣяться, что не долго; но до сихъ поръ нельзя ничего сказать утвердительно. Исторія рѣшитъ.

Намъ, русскимъ, все это гораздо яснѣе представляется, чѣмъ прочимъ славянамъ: послѣдніе, по своему положенію, не могутъ прямо смотрѣть на историческія событія. Мы между всѣми славянами-любимцы судьбы. Наше политическое положеніе, единственное въ славянскомъ мірѣ, ставитъ насъ выше національныхъ предубѣжденій. Способность, общую всѣмъ славянамъ, быть безпристрастными къ самимъ себѣ, мы доказали всей нашей жизнью со временъ Петра: исторія дала намъ возможность быть совершенно безпристрастными къ другимъ. Славяне никогда не чуждались иностранцевъ... Все кажется, должно поставить насъ лицомъ къ лицу съ истиной, особенно въ исторіи. И что же? Въ 1845 году является у насъ книга, изданная русскимъ, и проникнутая чувствами германскихъ славянъ, съ примѣсью разныхъ другихъ предубѣжденій. И во имя чего же? Во имя историческихъ ошибокъ, умышленныхъ и неумышленныхъ?..

Мы далеки отъ мысли, что историческіе вопросы о славянскомъ мірѣ, поднятые въ наше время,—не важны. Мы имъ сочувствуемъ всѣмъ сердцемъ... и кто можетъ отказать имъ въ сочувствіи, когда въ наше время, въ лицѣ славянскаго племени, выступаетъ новый дѣятель на сцену всемірной исторіи; когда оно готовится къ разумной, сознательной жизни. Мы только глубоко убѣждены, что пристрастіе не можетъ вести къ разрѣшенію этихъ историческихъ вопросовъ. Передъ нами времена давно минувшія, событія вполнѣ оконченныя. Вражда, которою они сопровождались, должна сдѣлаться предметомъ исторіи, а не вдохновенія современныхъ изслѣдователей. Наука, какъ нелицепріятный судья, какъ художникъ, должна возсоздать передъ нами этотъ отжившій міръ во всей его животрепещущей непосредственности; приговоръ ея долженъ состоять въ уразумѣніи, въ приведеніи къ сознанію органическихъ причинъ великихъ историческихъ событій, какъ судьба необходимыхъ, неизбѣжныхъ въ сущности, случайныхъ лишь по внѣшней обстановкѣ. Порочить племена—ниже ея задачи. Историческій фактъ, многіе вѣка повторяющійся подъ различными формами, не можетъ быть случайнымъ. Этимъ охлаждается, умѣряется всякая раздражительность, потому что только случайное невыносимо.

Правда, давнишняя вражда между германцами и западными славянами, основанная на глубокомъ національномъ различіи и воспитанная долгими непріязненными столкновеніями, перешла и въ науку и должна была исказить историческую истину. И тѣ и другіе не были великодушны и справедливы другъ къ другу, но ихъ нельзя обвинять въ этомъ. Германцы были дики и грубы; національное различіе съ славянами, не сглаженное союзомъ разноплеменныхъ народовъ и образованіемъ, мѣшало имъ понимать и уважать славянъ. Славяне западные не могли прежде имѣть того глубокаго сознанія своего достоинства, которое одно дѣлаетъ насъ безпристрастными къ побѣдителю. Теперь, когда народныя пристрастія начинаютъ замирать передъ голосомъ истины, передъ уваженіемъ къ человѣку, несмотря на народъ и племя, наука не можетъ и не должна оставаться запоздалымъ органомъ прошедшаго. Ей предстоитъ трудная, но великая задача снять съ событій покрывало, сотканное вѣками изъ предразсудковъ. Она должна быть совершенно безпристрастна и осторожна въ своихъ выводахъ. Въ западной германо-славянской Европѣ застарѣлыя предубѣжденія еще и до сихъ поръ замедляютъ появленіе такой науки, хотя и тамъ съ обѣихъ сторонъ раздался уже не одинъ благородный, безпристрастный, примирительный голосъ. Мы, русскіе, чуждые пристрастія, посторонніе свидѣтели чужой вражды, призваны довершить начатое немногими, возсоздать прошедшее въ его настоящемъ свѣтѣ, не дружа никому. Въ самомъ дѣйствованіи, въ практической жизни, раздражительность и мелкія страсти въ наше время все болѣе и болѣе уступаютъ мѣсто

холодной разсудительности, или возвышеннымъ страстямъ, которыхъ источникъ—безграничная любовь къ истинѣ, безграничное уваженіе къ человѣческому достоинству: тѣмъ болѣе мы въ правѣ требовать спокойствія и безпристрастія отъ историка и русскаго: передъ нимъ факты уже совершившіеся, надъ которыми сама судьба произнесла судъ свой!

Кто упрекнетъ насъ за эти слова въ равнодушіи къ прочимъ славянамъ, тотъ поступитъ несправедливо. Все связываетъ насъ съ славянами. Какъ болѣе счастливые между ними, мы должны содѣйствовать ихъ развитію, подать имъ руку помощи въ ихъ стремленіи къ образованію. Книга о славянахъ, выходящая въ наше время въ Россіи съ противоположнымъ направленіемъ, доказываетъ только, что каждый по своему понимаетъ еще у насъ роль, которую судьба указала намъ въ исторіи славянскаго племени. Но люди не предубѣжденные, которые не знаютъ, какъ и откуда взялось у насъ на Руси такое направленіе, съ перваго взгляда станутъ смотрѣть недовѣрчиво на книгу. Кого жъ въ самомъ дѣлѣ можно теперь увѣрить, что славяне были просвѣщеннѣе германцевъ, и что европейская наука никуда не годится? Отъ книги недовѣріе перейдетъ незамѣтно на самый предметъ. Вмѣсто того, чтобъ возбудить любовь и участіе къ славянамъ, такое направленіе возбудитъ къ нимъ еще большее систематическое равнодушіе... Въ глазахъ образованныхъ русскихъ, мало знакомыхъ съ славянскимъ міромъ, дѣло славянъ проиграно, если болѣе безпристрастный взглядъ, если иныя историческія изслѣдованія не освѣтятъ у насъ новымъ свѣтомъ славянскаго вопроса, который имѣетъ столько неотъемлемыхъ правъ на вниманіе и сочувствіе. А до тѣхъ поръ, страницы журналовъ по необходимости будутъ наполнять пустые споры, безплодная логомахія объ истинахъ, давно всѣмъ и каждому извѣстныхъ...

Отъ души желаемъ полнаго успѣха „Сборнику" и полнаго неуспѣха его направленію.

(Отеч. Записки, 1846. кн. 7).

Взглядъ на русскую литературу по части русской исторіи

за 1846 годъ.

Въ минувшемъ году, русская историческая литература продолжала двигаться въ томъ же направленіи, которое яснѣе и яснѣе стало въ ней обозначаться въ послѣднее время. Подобно другимъ явленіямъ, отражая современную дѣйствительность, она представляетъ какое-то переходное состояніе. Видно, что прежніе источники творчества, созиданія, изсякли; но въ то же время очень замѣтно, что въ глубинѣ современной жизни зарождается новое историческое сознаніе, ищущее формы и выраженія. Еще слабое, неустановившееся, оно высказывается робко и нерѣшительно: какъ младенецъ, оно требуетъ пищи, которая бы возрастила его, дала возможность опредѣлиться и войти въ силу. Такой пищей служатъ ему историческія данныя; подъ ихъ авторитетомъ оно развивается, чтобы потомъ надъ ними же произнести свой судъ.

Этими характеристическими чертами переходнаго времени объясняются два преобладающія явленія въ теперешней русской исторической литературѣ,—явленія, которыя бросаются въ глаза,—такъ они рѣзко выдаются впередъ. Съ одной стороны полемика, страсть къ историческимъ теоріямъ, смѣлыя гипотезы почти исчезли; ихъ мы уже не находимъ въ новыхъ книгахъ по части русской исторіи. Скажемъ болѣе: наша историко-литературная дѣятельность весьма слаба; замѣчательныхъ историческихъ сочиненій вышло въ прошедшемъ году очень немного, да и въ тѣхъ, которыя вышли, предметъ обыкновенно излагается чисто фактически. Но зато, съ другой стороны, изданіе и приведеніе въ

извѣстность источниковъ и всякихъ историческихъ матеріаловъ идетъ успѣшно. По всему видно, что на это обращены всѣ силы, на этомъ сосредоточено все вниманіе. Самая историческая литература, какъ мы уже замѣтили, находится подъ сильнымъ вліяніемъ этого исключительно-фактическаго направленія. Понимая всю его недостаточность, мы однако не можемъ не сказать, что оно очень отрадно и утѣшительно, особливо, если посмотрѣть на него въ связи съ предыдущимъ направленіемъ нашей историко-литературной дѣятельности. Теперешнее видимое безсиліе уразумѣть фактъ, склоненіе мысли подъ авторитетъ историческаго даннаго, фактическій скептицизмъ, если позволено такъ выразиться,—находятъ полное свое оправданіе въ предшествовавшемъ необузданномъ разгулѣ фактическихъ представленій, которыя считались за историческія воззрѣнія, и въ отрывочности, скудости дѣйствительныхъ фактическихъ знаній. Прежде было легче написать книгу по части русской исторіи, потому что меньше требовалось; легче было создать взглядъ, теорію, потому что поле было, повидимому, шире, но на самомъ дѣлѣ пустѣе, безплоднѣе. По мѣрѣ того, какъ раздвигался и раздвигается кругъ историческихъ данныхъ, долженъ былъ стѣсняться просторъ для вымысловъ, имѣвшихъ видъ историческихъ теорій; неумышленный обманъ, невольное самообольщеніе, должны были исчезнуть передъ строгой дѣйствительностью. Въ этомъ смыслѣ мы видимъ въ теперешнемъ сухомъ, прозаическомъ направленіи нашей исторической литературы большой и необходимый шагъ впередъ и благіе задатки для ея послѣдующаго развитія. Мы переживаемъ великій фактъ отрезвленія мысли; онъ очень важенъ, а за будущее нечего опасаться.

Въ отношеніи къ собиранію и изданію источниковъ русской исторіи, первое и самое почетное мѣсто безспорно принадлежитъ Археографической коммиссіи. Правда, что только при большихъ средствахъ и оффиціальномъ значеніи коммиссіи, можно предпринимать и совершать огромные труды, каковы ея изданія; но нельзя зато не сказать, что эти изданія превосходны и удовлетворяютъ всѣмъ главнымъ требованіямъ, тѣмъ болѣе у насъ, гдѣ наука исторіи еще въ зародышѣ. На труды коммиссіи было сдѣлано, въ разное время, въ разныхъ книгахъ и журналахъ, нѣсколько замѣчаній, отчасти справедливыхъ и дѣльныхъ, отчасти несправедливыхъ; мы могли бы прибавить къ нимъ нѣсколько словъ и отъ себя, но считаемъ это неумѣстнымъ въ бѣгломъ обзорѣ годичной литературы, и потому отлагаемъ до какого-нибудь другого, болѣе благопріятнаго, случая. Въ нынѣшнемъ году Археографическая коммиссія издала „Лаврентьевскую" и „Троицкую" лѣтописи, составляющія первый томъ полнаго собранія русскихъ лѣтописей, предпринятаго ею по Высочайшему повелѣнію; въ концѣ приложены источники и параллельныя мѣста Несторовой лѣтописи, заимствованныя изъ хронографа Георгія Амартола, софійскаго харатейнаго Номоканона, харатейнаго Паремейника и печерскаго Патерика. Это первое полное изданіе Лаврентьевской и Троицкой лѣтописей и первое изданіе древнѣйшаго текста Несторова временника по всѣмъ доселѣ извѣстнымъ спискамъ. Кромѣ того, коммиссія издала два тома „дополненій къ историческимъ актамъ" и первый томъ „актовъ, относящихся къ исторіи западной Россіи". Дополненія заключаютъ въ себѣ много любопытнаго и новаго, но собраніе актовъ западной Россіи еще важнѣе. Оно открываетъ новую сторону древняго русскаго быта, которая до сихъ поръ была доступна только для однихъ записныхъ ученыхъ и археологовъ. (Извѣстно, что предпринятое ученымъ протоіереемъ Григоровичемъ собраніе западно-русскихъ грамотъ, къ сожалѣнію, давно уже остановилось на первомъ томѣ, а Бѣлорусскій Архивъ— былъ единственнымъ собраніемъ такого рода, до изданія коммисіи). Не говоря уже о непосредственной важности этого собранія, для узнанія исторіи и внутренняго быта В. К. Литовскаго, оно представляетъ много данныхъ и для объясненія нашей старины. Такъ вездѣ и всегда было: изъ различныхъ племенъ, которыя составляютъ народъ, одни непремѣнно сохраняютъ извѣстныя черты народнаго характера живѣе, цѣльнѣе; у другихъ онѣ болѣе сглажены; оттого бытъ и исторія народа не могутъ быть поняты какъ должно, безъ сравнительнаго изученія исторіи и быта всѣхъ важнѣйшихъ его племенъ.

Послѣ изданій коммиссіи особеннаго вниманія заслуживаютъ труды Московскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ. Въ нынѣшнемъ году оно было чрезвычайно дѣятельно. Въ февралѣ мѣсяцѣ, прекративъ

изданіе Русскаго Историческаго Сборника, котораго съ 1837 года выходило по книгѣ въ годъ, и то не очень исправно, Общество опредѣлило издавать ежемѣсячно труды своихъ сочленовъ подъ названіемъ „Чтеній“. До сихъ поръ эти „Чтенія“ выходили очень аккуратно, въ дни засѣданій общества, и заключаютъ въ себѣ много новаго и чрезвычайно любопытнаго. Замѣчательными оригинальными статьями „Чтенія“ не богаты, да и тѣ больше представляются систематическими сборниками фактовъ, чѣмъ изслѣдованіями въ настоящемъ значеніи слова. Зато отдѣлъ историческихъ матеріаловъ превосходенъ. Изданіе Георгія Кониcскаго, лѣтописи самовидца о войнахъ Богдана Хмѣльницкаго, перевода Коллинса о Россіи временъ Алексѣя Михайловича, сдѣлаетъ нынѣшній годъ надолго памятнымъ въ лѣтописяхъ Общества. Изданіе источниковъ малороссійской исторіи есть несомнѣнная заслуга; мы не усомнимся поставить ее на ряду съ заслугой, которую оказала Археологическая коммиссія изданіемъ западно-русскихъ актовъ,—и по тѣмъ же причинамъ: чѣмъ больше мы узнаемъ о нашихъ соплеменникахъ, особенно ближайщихъ, о ихъ исторіи и внутреннемъ бытѣ, тѣмъ горизонтъ шире, тѣмъ объемистѣе вырабатывается историческое воззрѣніе. Въ этомъ смыслѣ мы не можемъ не обратить вниманія на стремленіе Общества ввести въ кругъ своихъ занятій и исторію другихъ славянскихъ племенъ, состоящихъ съ нами въ болѣе отдаленномъ сродствѣ, чѣмъ западная и малая Россіи. Съ особеннымъ удовольствіемъ прочли мы въ „Чтеніяхъ“ прекрасную статью Палацкаго, о древнѣйшихъ земскихъ учрежденіяхъ сербовъ и чеховъ. Не менѣе пріятно было встрѣтить на страницахъ „Чтеній“ и „Винодольскій законъ“, къ сожалѣнію напечатанный безъ перевода и потому недоступный для большинства читающихъ. Въ короткомъ очеркѣ трудовъ по части исторіи въ теченіе года, мы по необходимости ограничиваемся указаніемъ только на то, что́ намъ показалось особенно важнымъ; но и кромѣ этого есть не одна статья въ „Чтеніяхъ“, заслуживающая полнаго вниманія: такъ, напримѣръ, устройство полевой и станичной службы въ древней Руси,—статья г. Бѣляева, составленная по вновь открытымъ источникамъ, напечатаннымъ здѣсь въ первый разъ; его же статья о лѣтосчисленіи въ древней Руси; превосходная диссертація г. Соловьева объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ, перепечатанная въ Чтеніяхъ съ нѣкоторыми измѣненіями и съ прибавленіемъ, въ концѣ, свода всѣхъ договорныхъ грамотъ Новгорода съ князьями; сводный текстъ всѣхъ доселѣ изданныхъ губныхъ грамотъ, составленный весьма тщательно студентомъ московскаго университета г. Ерлыковымъ и т. д. Такимъ усиленіемъ своей дѣятельности Общество безспорно многимъ обязано новому своему секретарю, г. Бодянскому; ибо съ его избранія произошли тѣ преобразованія въ изданіяхъ Общества, о которыхъ мы говорили; сверхъ того, изъ каждой книжки „Чтеній“ видно, что г. Бодянскій своими трудами принимаетъ дѣятельное участіе въ изданіяхъ Общества; лучшая часть „Чтеній“—отдѣлъ матеріаловъ — принадлежитъ ему.

Наконецъ, Общество издало также двѣ замѣчательныя книги: одну г. Спасскаго—критически обслѣдованный и по нѣсколькимъ спискамъ приготовленный текстъ „Книги Большому Чертежу“; этотъ важный источникъ нашей исторіи, въ особенности географіи XVI и XVII вѣковъ, обработанъ и изданъ весьма тщательно и добросовѣстно; другую—г. Бѣляева—о русскомъ войскѣ, преимущественно въ XVII вѣкѣ; она представляетъ первую попытку изложить предметъ вполнѣ фактически, на основаніи источниковъ, а не въ бѣгломъ обзорѣ. Нельзя здѣсь къ слову не замѣтить, что нѣкоторые рецензенты были къ ней несправедливы, и, обративъ все вниманіе на частныя ошибки, потеряли изъ виду ея достоинства и хорошія стороны.

Наконецъ, важное явленіе въ нашей исторической литературѣ за прошлый годъ составляютъ такъ называемые „Кіевскіе акты“. Временной коммиссіей, учрежденной при кіевскомъ военномъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ для разбора древнихъ актовъ, изданъ цѣлый томъ любопытныхъ документовъ; особенно замѣчательны изъ нихъ тѣ, которые относятся къ исторіи Кіевскаго Братства и объясняютъ отношенія между землевладѣльцами и поселянами. Изданіе весьма тщательно; акты, писанные по польски, снабжены переводомъ; въ концѣ ихъ находимъ рисунки старинныхъ вещей, отысканныхъ и хранящихся въ томъ краѣ.

Труды частныхъ лицъ въ отношеніи къ обработкѣ источниковъ очень немногочислен-

ны; но этотъ недостатокъ выкупается основательностью, дѣльностью. Въ работахъ, предпринимаемыхъ частными людьми, какъ и въ изданіяхъ обществъ и правительства, весьма замѣтно стремленіе подвести окончательные итоги подъ прежніе труды и привести ихъ въ извѣстность и оцѣнить. Не такъ быстръ ходъ впередъ, какъ переработка сдѣланнаго прежде, кое-какъ, на удачу, во всякомъ случаѣ безъ общей мысли, порядка и системы. Это возвращеніе на себя очень важно; будучи, повидимому, повтореніемъ одного и того же, оно на самомъ дѣлѣ есть приготовленіе основы для новаго зданія. Вообще, добросовѣстность, основательность, замѣтныя въ историческихъ трудахъ послѣдняго времени, показываютъ, что наше авось, которое мы, по странному заблужденію, долго считали за достоинство, начинаетъ изчезать. Это хорошій признакъ...

Изъ частныхъ трудовъ надъ источниками упомянемъ о собраніи критически обработанныхъ источниковъ исторіи русскаго права, изданномъ экстр. проф. дерптскаго университета, Тобіеномъ [1]). Въ этомъ собраніи, кромѣ „Русской Правды" того же автора, извѣстной публикѣ еще съ 1844 года, помѣщены договоры варяговъ съ греками, Смоленска съ Ригой, Новгорода съ князьями и нѣмцами. Сходные между собою сличены и представлены въ синопсисѣ съ варьянтами и критическими обозрѣніями списковъ; сверхъ того приложены fac-simile. Трудъ этотъ болѣе замѣчателенъ по мысли, чѣмъ по выполненію: такъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ „Русской Правдѣ", въ которую вкрались у г. Тобіена многія важныя ошибки.

Гораздо важнѣе, основательнѣе и богаче результатами трудъ г. Калачова надъ „Русской Правдой", изданный въ концѣ нынѣшняго года, подъ заглавіемъ: „Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды". Здѣсь мы находимъ самое подробное исчисленіе и оцѣнку всего, что было сдѣлано доселѣ въ отношеніи къ этому памятнику: всѣ изданія указаны, всѣ мнѣнія разсмотрѣны и взвѣшены; съ особенной тщательностью составленъ обзоръ списковъ „Правды", числомъ до пятидесяти, изъ которыхъ около тридцати впервые стали извѣстны чрезъ г. Калачова. Затѣмъ слѣдуетъ превосходное изданіе самого текста „Правды" по всѣмъ пятидесяти спискамъ, съ варьянтами, въ систематическомъ порядкѣ. Наконецъ, выбраны и напечатаны всѣ статьи, подходящія къ „Русской Правдѣ" по своему содержанію и разбросанныя въ различныхъ древнихъ памятникахъ. Такимъ образомъ, всѣ предварительныя работы въ отношеніи къ этому загадочному юридическому сборнику совершены классически, превосходно г. Калачовымъ. Собственно критическая разработка не замедлитъ явиться, когда есть теперь подъ руками такіе богатые, отлично приготовленные матеріалы, и мы можемъ уже провидѣть время, когда столько важный и неизбѣжный вопросъ о происхожденіи и значеніи „Правды" въ исторіи нашего законодательства разрѣшится окончательно. Незадолго до выхода въ свѣтъ этой замѣчательной работы изданы были г. Калачовымъ четыре главныхъ основныхъ текста „Правды" особливо, съ словаремъ, fac-simile и сравнительной таблицей статей. Назначеніе этого изданія было по преимуществу учебное.

Къ числу лучшихъ пріобрѣтеній русской исторической литературы за минувшій годъ принадлежитъ также книга покойнаго академика Аделунга: „Критико-библіографическое обозрѣніе путешествій въ Россію до 1700 года", изданная его сыномъ. Въ ней мы находимъ перечисленіе всѣхъ путешествовавшихъ въ Россію съ древнѣйшихъ временъ и оставившихъ описанія нашего отечества, съ самыми подробными библіографическими свѣдѣніями объ этихъ описаніяхъ. Знатоки говорятъ, что въ ней есть нѣкоторые пропуски и недосмотры; тѣмъ не менѣе появленіе этой книги чрезвычайно важно. Она привела въ извѣстность одинъ изъ богатѣйшихъ источниковъ нашей исторіи, особливо нашего внутренняго быта. Изъ предисловія видно, что покойный ученый, кромѣ этого указателя, задумывалъ еще напечатать собраніе неизданныхъ иностранныхъ извѣстій о древней Россіи и подробный указатель вообще всего того, что̀ иностранцы писали о нашемъ отечествѣ, до начала XVIII вѣка. Изъ этого видно, что Аделунгъ особенно трудился надъ иностранными источниками русской старины и пополнилъ бы весьма чувствительный промежутокъ въ нашей исторической литературѣ, еслибъ смерть не помѣшала ему привести въ исполненіе

[1]) Книга Тобіена напечатана еще въ 1845 году, но сдѣлалась извѣстной не ранѣе 1846 года. Потому мы и включили ее въ это обозрѣніе.

начатыя работы. Это очень жаль, тѣмъ болѣе, что едва ли скоро сыщется достойный продолжатель его трудовъ. Какое-то несправедливое предубѣжденіе противъ извѣстій иностранцевъ, ведущее свое начало изъ до-Петровской Руси и не сломленное даже полуторастолѣтней реформой, оставляетъ весьма богатый источникъ нашей исторіи въ тѣни; мы по преданію вѣримъ еще, что они писали объ насъ пристрастно, съ ненавистью, и что ихъ извѣстія никуда не годятся. Въ практической жизни, держась уже другихъ началъ и разубѣдившись во многомъ, мы продолжаемъ по привычкѣ твердить старое въ наукѣ. По вѣчнымъ законамъ историческаго развитія, фактъ и у насъ предупредилъ сознаніе, и оно до сихъ поръ представляетъ какой-то складочный магазинъ, гдѣ мы хранимъ всякій хламъ, ни на что̀ уже негодный въ обыкновенномъ быту. Спору нѣтъ, что многое иностранцы не такъ поняли и передали ошибочно; у нихъ мы встрѣчаемъ промахи, отчасти умышленныя неправды, ложныя извѣстія, для которыхъ можно найти много объясненій. Но все это очень обыкновенная принадлежность разсказовъ иностранцевъ, которые не долго жили въ описываемой ими странѣ, или, по различнымъ обстоятельствамъ, не могли быть совершенно безпристрастны; въ этомъ смыслѣ тѣ, которые были у насъ, не хуже писали о Россіи, чѣмъ другіе путешественники о другихъ земляхъ; однако, никто не смотритъ съ такимъ предубѣжденіемъ на ихъ отзывы, какъ мы. Замѣтьте также, что больше всего заподозрѣны извѣстія иностранцевъ о нашемъ внутреннемъ бытѣ; но именно они-то, какъ нарочно, болѣе другихъ носятъ на себѣ печать истины и достовѣрности. Чѣмъ ближе мы знакомимся съ туземными источниками, чѣмъ пристальнѣе вникаемъ въ старинные обычаи, доселѣ еще сохранившіеся въ простомъ народѣ, тѣмъ вѣрнѣе и справедливѣе представляются намъ иностранныя извѣстія, отвергаемыя какъ умышленныя нелѣпицы. Мы могли бы представить много разительныхъ примѣровъ на выдержку, но здѣсь не мѣсто.

Вотъ сколько сдѣлано въ минувшемъ году въ отношеніи къ источникамъ русской исторіи. Множество издано впервые; множество издано вновь, потому что прежнія изданія оказались неудовлетворительными. Совершено нѣсколько первоначальныхъ критическихъ работъ надъ важнѣйшими памятниками старины; самое поле русской исторіи расширилось принятіемъ въ ея составъ исторіи западной и Малой Россіи; словомъ, всѣ источники затронуты, все, что̀ можетъ дать ключъ къ нашей старинѣ, болѣе и болѣе приводится въ извѣстность и дѣлается общедоступнымъ; наконецъ, самая иностранная литература о Россіи начинаетъ получать въ наукѣ право гражданства и находитъ у насъ добросовѣстныхъ и ученыхъ дѣлателей.

Собственно историческая литература (разумѣя подъ этимъ названіемъ сочиненія по русской исторіи) сравнительно бѣдна. Укажемъ на продолженіе замѣчательной книги Бутурлина: „Исторія смутнаго времени"; въ минувшемъ году вышелъ третій томъ ея; далѣе на книгу Полевого: „Обозрѣніе русской исторіи до единодержавія Петра Великаго", и на сочиненіе Вейдемейера: „Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи во второй половинѣ XVIII столѣтія". Но особенно важными, какъ по своему внутреннему достоинству, такъ и по другимъ причинамъ, кажутся намъ: „Историческій сборникъ" Валуева, „Исторія христіанства въ Россіи" архимандрита Макарія, и „Изслѣдованія" г. Погодина. Скажемъ нѣсколько словъ о каждомъ изъ этихъ сочиненій.

„Историческій и статистическій сборникъ" покойнаго Валуева, по своему направленію, цѣли и основной мысли, есть явленіе, составляющее эпоху въ исторической русской литературѣ. Еслибы нашлись ближайшіе продолжатели этого предпріятія—что очень сомнительно,—оно малу-по-малу привело бы, наконецъ, къ весьма важнымъ результатамъ; ибо мысль сблизить различные славянскіе народы и племена, привести ихъ ко взаимному уразумѣнію, къ сознанію ихъ національнаго единства, есть, безспорно, одно изъ лучшихъ, благороднѣйшихъ и отраднѣйшихъ современныхъ явленій; такая мысль не оставалась бы безъ отзыва и у насъ; рано или поздно, она нашла бы сочувствіе. Г. Валуевъ началъ издавать сборникъ съ цѣлью познакомить Россію со всѣми сторонами прошедшей и теперешней жизни прочихъ славянъ. Къ сожалѣнію онъ не хотѣлъ или не умѣлъ возвыситься до историческаго безпристрастія, главнаго и необходимаго условія для осуществленія такой цѣли; онъ привнесъ къ исполненію задачи важные предразсудки, историческія и національныя предубѣжденія и какую-то исключительность, рѣзко противорѣ-

чащія основной его мысли и разрушающія ее въ самомъ основаніи. Они-то привели издателя къ страннымъ, неестественнымъ воззрѣніямъ, къ превратной оцѣнкѣ прошедшихъ и современныхъ историческихъ явленій. А задуманъ планъ широко, и первое его выполненіе, за исключеніемъ замѣченныхъ недостатковъ, подавало большія надежды въ будущемъ. Теперь это предріятіе, вѣроятно, рушится; издателя ужъ нѣтъ въ живыхъ, и когда-то найдется другой, который станетъ преслѣдовать эту цѣль такъ же ревностно, такъ же неутомимо. Если мы ошибаемся, тѣмъ лучше.

„Исторія христіанства въ Россіи до В. К. Владиміра", составленная архимандритомъ Макаріемъ, есть образцовая, классическая книга по этой части. Мы, съ своей стороны, не рѣшаемся разбирать ее и произнести о ней какое-либо сужденіе. Мы даже убѣждены, что у насъ очень немного такихъ людей, которые въ знаніи предмета могли бы стать въ уровень съ ученымъ авторомъ и быть его достойными критиками. Изумительная начитанность, огромныя свѣдѣнія невольно поражаютъ читателя на каждой страницѣ. Очень замѣчательно, что многія изъ нашихъ лѣтописныхъ сказаній о распространеніи и принятіи у насъ христіанской вѣры, заподозрѣнныя критикой и отнесенныя къ числу легендъ, оправдываются авторомъ и доказываются или прямыми историческими свидѣтельствами, или весьма основательными и остроумными соображеніями.

„Изслѣдованія" г. Погодина о древнѣйшемъ періодѣ русской исторіи изданы Московскимъ Обществомъ исторіи и древностей, въ трехъ толстыхъ томахъ. Собственно говоря, эти „Изслѣдованія" не есть новое явленіе въ русской исторической литературѣ. Первый и второй томы составлены изъ статей и сочиненій, большею частью уже давно извѣстныхъ публикѣ; нѣкоторыя изъ нихъ измѣнены, но многія перепечатаны безъ всякихъ поправокъ; такія же статьи находимъ и въ третьемъ томѣ, въ которомъ, однако, гораздо болѣе новаго, чѣмъ въ двухъ первыхъ. Сочиненіе г. Погодина не оправдало нетерпѣливаго ожиданія многихъ. Мы въ немъ нашли большею частью одно старое, всѣмъ уже давно извѣстное и теперь столько же сомнительное, подлежащее переработкѣ, какъ оно прежде, въ свое время, было и ново и занимательно. Гораздо интереснѣе и свѣжѣе другихъ третій томъ; здѣсь попадаются прекрасныя статьи, прекрасныя отдѣльныя мѣста, но въ цѣломъ и ими мы не довольны. Любимой мысли о скандинаво-германскомъ происхожденіи варяговъ все принесено въ жертву, даже такія данныя, о которыхъ никто не споритъ, ни самъ г. Погодинъ. Оттого книга исполнена историческихъ парадоксовъ, очевидныхъ натяжекъ, важныхъ промаховъ и рѣзкихъ противорѣчій. Общія воззрѣнія и взгляды странны, причудливы... Но что всего непріятнѣе дѣйствуетъ на читателя, это тонъ полемики, особливо противъ Каченовскаго и такъ называемой скептической школы. Вообще говоря, книга г. Погодина была въ прошедшемъ году представителемъ старой исторической литературы между молодыми ея подростками. Еслибъ она вышла лѣтъ десять или двадцать раньше, она заняла бы первое мѣсто,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; теперь она анахронизмъ, только напомнившій собою былое время.

Вотъ, кажется, всѣ особенно замѣчательныя явленія нашей исторической литературы за прошлый годъ; кромѣ того, въ журналахъ и сборникахъ помѣщались по временамъ статьи и матеріалы по русской исторіи; такъ мы съ большимъ удовольствіемъ прочли въ „Московскомъ сборникѣ" статью г. Соловьева: „О родовыхъ отношеніяхъ между князьями древней Руси"; въ „Отечественныхъ Запискахъ" — „Матеріалы для исторіи Петра Великаго", „О торговлѣ волжскихъ болгаръ", г. Савельева. Впрочемъ, сравнительно, такихъ статей было въ минувшемъ году меньше противъ прежняго.

Какіе результаты выведемъ мы изъ этого обозрѣнія? Они показаны уже отчасти въ началѣ. Очевидно, мы мало-по-малу сосредоточиваемся, запасаемся силами, какъ бы приготовляясь къ серьезной, трудной работѣ. Покуда это еще высказывается отрицательно. Сравнивши нашу прежнюю историко-литературную дѣятельность съ теперешней, мы найдемъ, что послѣдняя, по количеству книгъ и статей, почти ничтожна. Но именно этотъ фактъ мы и считаемъ чрезвычайно важнымъ. Теперь больше людей, занимающихся русской исторіей; масса знающихъ много увеличилась, потому что извѣстное прежде однимъ знатокамъ и записнымъ археологамъ стало общедоступнымъ. Если теперь пишутъ меньше, то это, конечно, не потому, что

меньше свѣдущихъ людей. Нѣтъ, вопросы стали глубже, требованія возвысились, а вмѣстѣ и неудовлетвореніе сильнѣе стало чувствоваться. Мы видимъ, читая прежнія историческія изслѣдованія, что и писатели и публика обыкновенно довольствовались самыми поверхностными рѣшеніями историческихъ задачъ, которыми теперь не убѣдишь никого, даже и тѣхъ, которые занимаются русской исторіей слегка, не говоря уже, что о многихъ вопросахъ, теперь общихъ для всѣхъ, прежде не было и помину. Отъ этого то, первый выходъ нашей исторической литературы изъ прежняго, полу-младенческаго состоянія и обнаружился въ какой-то слабости, безжизненности, безцвѣтной дѣятельности. Вопросы прибывали вновь, разрѣшеніе прежнихъ болѣе и болѣе оказывалось неудовлетворительнымъ, а приступить къ новому недоставало ни средствъ, ни силъ, потому что не было еще твердаго, постояннаго, выработаннаго сознанія. Такъ продолжается до сихъ поръ и, вѣроятно, продолжится еще долго. Мы увидимъ множество прекрасныхъ, классическихъ пріуготовительныхъ трудовъ, драгоцѣнныхъ собраній источниковъ, много важныхъ открытій для исторіи; но эпоха творчества, созиданія, едва-ли скоро наступитъ въ нашей исторической литературѣ. Она необходимо есть актъ сознанія, самоуразумѣнія народа; когда мы поймемъ себя, тогда явится у насъ и исторія; а это условіе есть одно изъ самыхъ трудныхъ, самыхъ тяжело дающихся. Вспомнимъ только то странное положеніе, въ которое мы до сихъ поръ были поставлены, отчасти и теперь еще находимся: намъ извѣстны всѣ современные европейскіе вопросы; извѣстно, какъ и почему они явились, какъ развивались и на чемъ стоятъ теперь; и въ то же время, вопросы, самые обыкновенные, простые, давно уже разрѣшенные у образованныхъ народовъ, если они только къ намъ относятся и къ нашему быту, приводятъ насъ въ величайшее затрудненіе: мы не умѣемъ ихъ поставить, не умѣемъ даже за нихъ взяться; всего чаще они остаются почти незамѣченными, по крайней мѣрѣ не обращаютъ на себя того пристальнаго, серьезнаго, выдержаннаго вниманія, которое необходимо для ихъ разрѣшенія. Что это значитъ? То, что мы все еще болѣе пользуемся чужими трудами, чѣмъ своими силами, что, повидимому, богатые опытностью, мы на самомъ дѣлѣ еще очень мало жили и дѣйствовали самостоятельно: ссылаемся на всѣхъ, кто съ нами не согласенъ, за которыми, конечно, огромное большинство. Во всемъ этомъ мы видимъ непреложный законъ историческаго развитія! Какъ бы ни была благопріятна, даже блистательна обстановка человѣка или народа, жизнь все-таки возьметъ свое, не сдѣлаетъ ни одного прыжка, не выброситъ ни одного звена изъ своей цѣпи. Окружите мальчика самыми счастливыми условіями для его развитія, все-таки онъ не сдѣлается вдругъ совершеннолѣтнимъ человѣкомъ; жизнь его можно ускорить, но постепенность ея невозможно нарушить. Оттого часто подъ блестящей оболочкой скрывается бѣдное содержаніе, подъ видимымъ умственнымъ пресыщеніемъ — неразвитость, нравственное малолѣтство. Въ такое положеніе поставила исторія многія славянскія племена, въ томъ числѣ и насъ. Этимъ объясняется, почему у насъ нѣтъ еще своей исторической литературы: мы не умѣемъ даже посмотрѣть на себя какъ должно.

Впрочемъ, періодъ самосознанія уже начинаетъ наступать. Это видно во всемъ; конечно, покуда еще болѣе въ ежедневномъ быту, нежели въ литературныхъ и другихъ явленіяхъ, все еще выражающихъ предпочтительно старое, за которое и авторитетъ давности и большинство мнѣній. Когда мышленіе станетъ, наконецъ, и для насъ дѣйствительною потребностью, а не средствомъ пріятно провести время или пускать пыль въ глаза, какъ теперь по большей части,—наша историческая литература необходимо измѣнитъ свое направленіе. Изъ пріуготовительной по преимуществу, она перейдетъ въ критическую. Вѣкъ изученія оффиціальной, торжественной, праздничной стороны нашей исторіи кончился; теперь должно наступить время изученія нашей будничной, закулисной, домашней жизни съ тѣхъ поръ, какъ мы себя знаемъ и насъ знаютъ. Эта нелицевая сторона нашей исторіи, тѣ дѣйствія, въ которыхъ мы не церемонились и были тѣмъ, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ были, всего яснѣе покажутъ намъ, что́ мы такое? стали теперь хуже или лучше противъ прежняго? идемъ ли впередъ или назадъ? какъ и отчего происходили въ насъ перемѣны, надъ которыми мы недоумѣваемъ? Словомъ, потребность самосознанія приведетъ насъ естественно, логически, къ изученію нашего

внутренняго быта предпочтительно передъ внѣшнимъ, исторіи цивилизаціи — передъ политической исторіей. Задатки есть. Мнѣніе образованныхъ людей уже склоняется въ эту сторону; неестественныя краски, поддѣльный лоскъ, наведенные на нашу исторію, начинаютъ сходить, и истина разоблачаться.

(Современникъ, 1847, кн. I).

Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при московскомъ университетѣ. №№ 5, 6, 7, 8 и 9.

Москва. 1847.

Пятая книжка „Чтеній", какъ и всѣ предыдущія, представляетъ много замѣчательнаго и любопытнаго. Въ ней, подобно прежнимъ, матеріалы, вообще говоря, интереснѣе оригинальныхъ статей, по преобладающему антикварному или археологическому направленію занятій общества. Хорошо ли это направленіе или дурно,—здѣсь разбирать не мѣсто; сверхъ того, мы думаемъ, что всякая дѣятельность въ своемъ родѣ хороша, если достигаетъ цѣли. Замѣтимъ только, что вслѣдствіе такого направленія мы въ „Чтеніяхъ" мало встрѣчаемъ статей собственно историческаго или историко-юридическаго содержанія: лучшія изъ нихъ относятся къ древностямъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Большую часть книги занимаютъ матеріалы для исторіи казаковъ. Ихъ обнародованіе есть истинная заслуга, за которую нельзя довольно благодарить Общество и его неутомимаго секретаря, г. Бодянскаго. Къ числу ихъ относятся начало лѣтописнаго повѣствованія о Малой Россіи Ригельмана, сочинителя Исторіи донскихъ казаковъ, помѣщенной въ предыдущихъ книжкахъ Чтеній (3-й и 4-й), историческій отрывокъ о происшествіяхъ въ Пинскѣ во время первой войны казаковъ противъ Польши, — войны, которая окончилась выгоднымъ для нихъ Зборовскимъ миромъ (1648); наконецъ, двѣ статьи извѣстнаго Миллера о запорожцахъ и малороссійскомъ народѣ. Ригельманъ не историкъ, не особенно талантливый писатель, но добросовѣстный и трудолюбивый человѣкъ, тщательно собиравшій все, что относилось къ предмету, о которомъ онъ писалъ. Его сочиненіе, составленное первоначально въ 1778 году и окончательно обработанное въ 1785—6 годахъ, раздѣлено на четыре части и шесть книгъ. Первая книга содержитъ въ себѣ исторію Малороссіи и тамошнихъ казаковъ до организаціи малороссійскаго казачьяго войска при Стефанѣ Баторіи. Стараясь объяснить происхожденіе казачества, Ригельманъ собралъ всѣ извѣстія, какія могъ, письменныя и изустныя: это придаетъ большую цѣну первой главѣ его сочиненія, несмотря на то, что онъ самъ не воспользовался своими матеріалами и не вывелъ изъ нихъ окончательныхъ результатовъ. Этому нечего удивляться, когда еще и въ наше время, при теперешнихъ средствахъ науки, вопросъ о происхожденіи казаковъ такъ запутанъ и теменъ; что же было лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ? Какъ видно, и между казаками были самыя разнорѣчащія сказанія о ихъ происхожденіи. Иные производили себя отъ козаръ, другіе изъ Польши, отъ роксолановъ, черкесовъ, половцевъ и русскихъ. Всѣ эти извѣстія могутъ быть до извѣстной степени справедливы, если мы обратимъ вниманіе на то, что казаки составляли военное братство, наполнявшееся людьми всякаго происхожденія и званія; въ казаки, особенно сначала, принимались всѣ безъ различія; нельзя также не брать въ разсчетъ, что въ отдаленныя времена, къ которымъ восходитъ начало казачества, названія народовъ были слишкомъ общи, и по отсутствію точныхъ географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній, распространялись на

народы, до того разноплеменные, что можетъ быть, дальнѣйшія изслѣдованія на основаніи этихъ, повидимому противорѣчащихъ, указаній и докажутъ единство происхожденія казаковъ, развѣ только съ незначительною примѣсью посторонних элементовъ. Языкъ, вѣра, сильно говорятъ въ пользу мнѣнія, что казаки—выходцы изъ Россіи; такъ думаетъ и Ригельманъ. Вспомнимъ, что Константинъ Багрянородный зналъ въ козарской землѣ Лебедію, состоявшую подъ управленіемъ воеводъ; вспомнимъ, что издавна, и теперь еще на сѣверѣ Россіи, казаками называютъ батраковъ, наемныхъ работниковъ, людей, не имѣющихъ своего земляного участка. Также было извѣстно и названіе атамановъ; что роксалане были славяне—очень вѣроятно; можетъ-быть, современемъ и самое имя Черкасы объяснится проще, нежели черкесской колоніей. Какъ бы то ни было, очень замѣчательно, что казаки, живо сознававшіе свою свободу и независимость, въ этомъ смыслѣ толковали и свое происхожденіе. Разсказавъ, отъ кого производятъ себя казаки, Ригельманъ прибавляетъ: „Прочіе же отъ древнихъ нѣкакихъ вольныхъ людей, кои якобы не принадлежали ни къ какому владѣнію, и потому мнятъ о себѣ всѣ, будто бъ они навсегда право имѣютъ въ вольности, и ни подъ чьимъ точнымъ владѣніемъ, какъ только подъ защитою тѣхъ областей, къ которымъ они прикосновенны, состоятъ. И для того не почитаютъ себя чтобъ они были изъ Русскихъ людей, или чьи бывшіе подданные“ (стр. 3). У насъ даже съ словомъ „казакъ“ издавна соединялось понятіе о вольности. Еще и теперь сохранилась поговорка „вольный казакъ“, въ смыслѣ человѣка, который можетъ дѣлать что̀ ему угодно, идти на всѣ четыре стороны. Слѣдующія двѣ главы первой книги заключаютъ въ себѣ плохо соглашенныя между собою выписки изъ разныхъ источниковъ о древнѣйшихъ народахъ, обитавшихъ на томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи жили малороссійскіе казаки—славянахъ и козарахъ; исторія самихъ казаковъ начинается съ четвертой главы. Ригельманъ узнаетъ ихъ подъ именемъ Касоговъ (?), о которыхъ упоминаетъ императоръ Константинъ Багрянородный, подъ 948 годомъ, и потомъ наши лѣтописи. Въ періодъ княжескихъ междоусобій за старшинство, къ казакамъ обращались изгнанные и недовольные князья и съ ихъ помощью защищали свои права. Ригельманъ, какъ всѣ писатели того времени, смотритъ на событія отдаленной древности съ современной точки зрѣнія. Разсказывая, какъ край, гдѣ потомъ жили казаки, переходилъ попеременно въ руки татаръ, русскихъ и литовцевъ, онъ никогда не забываетъ прибавить, что и казаки становились подданными то тѣхъ, то другихъ. Но это едва-ли такъ было. Судьба тогдашней южной Россіи не могла имѣть такого вліянія на казаковъ, жившихъ отдѣльно по берегамъ Днѣпра и на его островахъ гораздо ниже Кіева. Они и прежде и послѣ оставались независимыми, служили кому хотѣли, а всего больше ходили на добычу, часто мѣняя враговъ и друзей. Не ранѣе обращенія кіевскаго княженія въ воеводство при Казимірѣ IV (1471) и переименованія его въ Украйну стало утверждаться постоянное сближеніе между казаками и этой пограничной областью Польши. Только съ этихъ поръ казаки начали играть важную роль въ исторіи Польши, служа ей оплотомъ противъ турковъ и крымцевъ.

Въ началѣ XVI вѣка появляется между ними первый гетманъ Дашкевичъ. При немъ Сигизмундъ первый, понявъ всю важность этого военнаго братства для Литвы и Польши, далъ имъ для поселенія земли въ кіевскомъ и брацлавскомъ воеводствахъ и распространилъ на нихъ тѣ привилегіи, которыя Казиміръ IV далъ русскимъ княжествамъ, принадлежавшимъ Литвѣ. Это привязало казаковъ къ Польшѣ, но не сдѣлало ихъ ея подданными въ теперешнемъ значеніи слова, какъ видно изъ описанія внутренняго быта запорожцевъ:

„Вольно служащіе казаки“, говоритъ Ригельманъ: „начали имѣть тамъ (на Днѣпрѣ) ниже пороговъ свой кошъ, то-есть станъ, и вели житье свое весьма суровое: они голодъ, жажду и всякую нужду, какъ равно зной, слякоть, дождь и все воздушное премѣненіе безъ роптанія сносили. Пищу имѣли жидкое тѣсто квасное, иногда мало вареное, и тѣмъ себя насыщали и довольны были; а когда случалось съ рыбою, что̀ называли щербою, то за наилучшее кушанье поставляли. Жительство ихъ было въ коливахъ, то есть въ шалашахъ и куреняхъ; по величинѣ оныхъ въ нихъ и число людей находилось, какъ-то: отъ 50 до 100 и болѣе; всѣмъ пища была выше объявленная, одинакая. Они имѣли надъ собою одного главнаго Кошеваго Атамана, и въ каждомъ куренѣ по одному изъ старшихъ казаковъ Куренному Атаману жъ, и такихъ, которые бы въ воинскихъ дѣлахъ искусны, какъ равно и кошевой были, тѣхъ почитали и повиновались имъ

такъ, какъ вышнимъ начальникамъ своимъ. Но и старѣйшинамъ ихъ жить съ опаствомъ съ ними было должно: ежели бъ кто чѣмъ нибудь оскорбилъ ихъ напрасно, тотчасъ предавали поносной смерти, или скинуть, по состоянію вины, съ начальства. Воровство и блудъ не терпѣли, и еслибъ кто хотя мало, какъ-то путо, или платъ у нихъ укралъ, повѣшенъ тотъ на деревѣ будетъ... Число оныхъ казаковъ (запорожскихъ) никто исчислить не могъ, да и сами подлиннаго числа знать не могли, но только и знали, что сколько ихъ конныхъ, столько и пѣшихъ къ дѣлу быть должно, ибо сколько въ околичныхъ мѣстахъ людей находиться будетъ, столько и казаковъ у себя считали. Къ собранію жъ силъ ихъ только бы повѣстку сдѣлать, чтобъ въ поиски собирались, то тотчасъ сколько потребно, воинство собиралось; не было нужды съ трудностію собирать, такъ какъ въ иныхъ войскахъ бываетъ, и не имѣлось надобности великаго найму обѣщать: лишь бы только старшій слово сказалъ, тотчасъ войска, какъ травы будетъ; какъ въ одно время, на вопросъ Турецкому Султану, когда желалъ вѣдать количество силъ ихъ, отвѣчали, что у насъ-де людей что лоза, то казакъ, а гдѣ кракъ или байракъ, то по сту и по двѣсти казаковъ тамо, и всѣ тѣ на войнѣ храбры, и при томъ приписали, что казаки богатство вельми маютъ (имѣютъ), хитрость и храбрость довольно знаютъ" (стр. 17 и 18).

Очевидно, что у казаковъ не могло тогда быть и понятія о подданствѣ, государствѣ, гражданствѣ, администраціи: они еще не доросли до этихъ понятій. Но несмотря на всю первобытную до-историческую дикость, этотъ бытъ имѣетъ свою особенную невыразимую прелесть. Казачество—это поэзія русско-славянскаго міра. Да и гдѣ было ей развиться, какъ не тамъ, куда каждый, недовольный своимъ положеніемъ, бѣжалъ пожить на просторѣ, и гдѣ, не стѣсняемый ничѣмъ, онъ могъ, по своему, развить и извѣдать всѣ свои силы? Кто ни былъ „живъ человѣкъ" въ древней Руси, тотъ пробирался на югъ и шелъ въ казаки; на мѣстѣ ему негдѣ было развернуться, подъ тяжкими условіями и формами едва лишь возникавшаго московскаго государства. Казачество представляетъ намъ русскаго славянина, каковъ онъ былъ тогда въ глубинѣ своей души, внѣ всякихъ гражданскихъ и общественныхъ опредѣленій, наложенныхъ на него въ его отчизнѣ. Оттого, при воинственномъ характерѣ казацкаго братства, при роли, которую играетъ въ немъ личность, стоящая здѣсь на первомъ планѣ, это братство насквозь проникнуто патріархальными элементами: та же наивность, та же сила обычая и отсутствіе закона, та же отечески безграничная власть главнаго начальника, умѣряемая страхомъ низложенія и привычками, которыя всѣ чтутъ свято. Казачество—патріархальный бытъ, приспособленный къ военнымъ цѣлямъ. Этого мы не должны забывать, если хотимъ объяснить себѣ странно поражающія особенности казачества и послѣдующій его упадокъ.

Окончательное устройство получило украинское казацкое войско при Стефанѣ Баторіи, одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ польскихъ королей, который понималъ, какъ важны для Польши казаки, составлявшіе крѣпкій оплотъ противъ хищныхъ сосѣдей. Вдобавокъ къ прежнимъ казакамъ онъ прибралъ изъ всей Украйны еще десять тысячъ, устроилъ ихъ въ войско, велѣлъ самимъ изъ своей среды избрать гетмана, и далъ ему знамя, бунчукъ, булаву и печать, установилъ войсковаго старшину, обознаго, судью, писаря, есаула, хорунжаго, полковниковъ, сотниковъ и атамановъ, „далъ хетману полную власть, чтобъ суды, расправы и наказанія дѣлать, также въ чины и начальники по войску своему производить", — далъ большія земли, городъ Трентемировъ, и уволилъ отъ платежа акцизовъ и податей. Эти и другія привилегіи, дарованныя Баторіемъ и утвержденныя грамотою, положили основаніе силѣ и цвѣтущему состоянію казацкаго малороссійскаго войска. Къ несчастію, преемники Стефана не были такъ дальновидны, какъ онъ: они начали притѣснять братство, и этимъ навлекли на Польшу большія несчастія.

Вслѣдъ за кончиной Баторія, при Сигизмундѣ III, начались уже притѣсненія казаковъ. Поляки боялись, чтобъ казацкое войско, усилившись, не сдѣлалось опаснымъ для Польши. Оттого рано начали посылать къ казакамъ подсмотрщиковъ и стараться объ уничтоженіи ихъ самостоятельности. Къ этому присоединилась еще католическая пропаганда; казаки выходили изъ терпѣнія и нѣсколько разъ вооружались и нападали на Польшу, при гетманахъ Косинскомъ и Наливайкѣ. Такъ продолжалось за все царствованіе Сигизмунда. Были неоднократныя жалобы, но ничто не помогало, а между тѣмъ притѣснительныя мѣры умножались. Видя, что все это происходило вслѣдствіе внушенія польской аристократіи, казаки обратились къ самому королю; Владиславъ, преемникъ Сигизмунда, которому они жаловались немедленно по вступленіи его на престолъ, подтвердилъ ихъ привилегіи и произнесъ при этомъ слѣдующія многознамена-

тельныя слова: „Нынѣ, по сей привилегіи, по прежнему можете себѣ гетмана поставить и при своихъ правахъ и вольностяхъ крѣпко стоять, не отдавая себя по онымъ панамъ въ попраніе, защищаясь онымъ и прежними правами. А есть ли паны польскіе, или дозорцы, тѣхъ привилегіевъ не послушаютъ, то имѣете мушкетъ и при боку саблю: оными можете защищать свои, отъ Поляковъ повреждаемыя права и вольности". Слова эти проливаютъ яркій свѣтъ на состояніе Польши уже въ XVII вѣкѣ. Короли уже тогда не могли защищать своихъ подданныхъ и предоставляли имъ самимъ возстановлять свои права оружіемъ. Позднѣе эти же слова повторилъ Владиславъ письменно черкасскому полковнику Барабашу. Въ 1639 году, коронный хорунжій Конецпольскій выстроилъ крѣпость въ урочищѣ Кайдакъ, чтобъ еще больше прибрать въ руки казаковъ. Пріѣхавши туда съ Хмѣльницкимъ и казаками, Конецпольскій спросилъ: „Угодна ли вамъ, казакамъ, сія крѣпость, и довольно ли крѣпка для васъ будетъ?" На это Хмѣльницкій отвѣчалъ по-латыни: „Еще нѣтъ того, чтобы, что людьми сдѣлано, разрушено быть не могло".—„Конецпольскій съ удивленіемъ слушалъ такой отвѣтъ", прибавляетъ Ригельманъ.

Возростающія угнетенія, несмотря на жалованныя грамоты королей, частыя жалобы, выселенія и возмущенія войска, довели его, наконецъ, до отчаянія. Оно встало подъ предводительствомъ Зиновія, или Богдана Хмѣльницкаго, и начало съ поляками войны за свою свободу. Объ этихъ войнахъ различно повѣствуютъ обѣ стороны, поляки и малороссіяне. Желая выяснить истину, добросовѣстный Ригельманъ предлагаетъ въ своей исторіи разсказы и тѣхъ и другихъ. Сначала помѣщенъ у него переводъ описанія первыхъ двухъ войнъ казаковъ съ Польшей Шевалье, секретаря французскаго посольства при польскомъ дворѣ. Онъ написалъ свою книгу на французскомъ языкѣ и издалъ ее въ Парижѣ, въ 1653 году. Источниками служили документы и разсказы поляковъ. Сочиненіе Шевалье занимаетъ всю вторую книгу, начиная съ четырнадцатой главы, и интересно во многихъ отношеніяхъ. Первая война, какъ извѣстно, окончилась очень выгодно для казаковъ, въ 1649 году, Зборовскимъ трактатомъ, въ силу котораго всѣ привилегіи казаковъ были возстановлены. Вторая, судя по разсказу Шевалье, была вызвана неумѣстными притязаніями и нарушеніемъ договора со стороны малороссійскаго войска и окончилась съ ущербомъ для казаковъ Бѣлоцерковскимъ миромъ, въ 1651 году. Въ своей исторіи войнъ Шевалье разсказываетъ многія подробности, чрезвычайно живо характеризующія и эпоху, и дѣйствователей. Мы укажемъ на нѣкоторыя Зборовскій трактатъ, какъ мы сказали, былъ заключенъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ для казаковъ, и это было тѣмъ важнѣе, что поляки недобровольно согласились на нихъ, а послѣ побѣды, одержанной Хмѣльницкимъ. Стало быть, предписывали условія казаки. Между тѣмъ, въ числѣ договорныхъ пунктовъ было помѣщено: „что Хмѣльницкій, казацкій гетманъ, долженъ просить у Его Величества прощенія, на колѣняхъ стоя". Это была какъ бы уступка оффиціальной сторонѣ дѣла, потому что казаки находились въ зависимости отъ Польши и были мятежники, а не непріятели въ обыкновенномъ смыслѣ. Хмѣльницкій выполнилъ это условіе съ наивною добросовѣстностью. По словамъ Шевалье, онъ „пришелъ предъ короля и, ставъ на колѣни, говорилъ съ плачемъ великую рѣчь, съ засвидѣтельствованіемъ преданности своей, изъясняясь, что онъ всегда желалъ предстать предъ лицо Его Величества и оказать самымъ опытомъ услуги свои Его Величеству и республикѣ, болѣе нежели продолжать войну къ дальшему кровопролитію; но когда судьба такъ ужъ опредѣлила, то нынѣ приступаетъ онъ съ покорностью, прося милости и прощенія за свои преступленія, увѣряя Его Величество наградить то будущими своими добрыми поступками". Вотъ черта—чисто славянская! Передъ окончаніемъ второй войны, когда дѣла казаковъ были далеко не такъ блистательны, „Хмѣльницкій съ главными своими старшинами прибылъ въ польскій лагерь и, ставъ передъ Великимъ Хетманомъ Потоцкимъ, просилъ прощенія съ униженіемъ и со слезами, которыя онъ пріобыкъ проливать, когда нужда и обстоятельства того требовали, свидѣтельствуя при томъ всевозможное почтеніе князю Радзивилу и прочимъ магнатамъ". Такъ говоритъ Шевалье, но онъ не правъ и судитъ какъ иностранецъ. Мы убѣждены, что Хмѣльницкій и въ томъ и въ другомъ случаѣ плакалъ искренно. Таковы мы:—мы хитры и наивны, добродушны и въ высокой степени

воспріимчивы. Лежитъ ли это въ нашей натурѣ, или въ нашемъ историческомъ возрастѣ—пока трудно рѣшить, но дѣло въ томъ, что мы и до сихъ поръ еще мало измѣнились. Если Хмѣльницкій плакалъ нарочно, при послѣднемъ трактатѣ, то что же, спрашивается, вызывало его слезы, при заключеніи Зборовскаго мира? Развѣ онъ не могъ выполнить договорную статью формально, внѣшне, съ гордостью и ироніей, къ которымъ побѣда давала ему право? Наконецъ, еслибъ онъ хотѣлъ, неужели бы онъ не могъ обойти этой статьи? Нѣтъ! онъ защищалъ свои права и въ то же время не считалъ нисколько унизительнымъ испрашивать прощенія и милости у своего притѣснителя, котораго онъ побѣдилъ. Въ его головѣ и то и другое какъ-то странно мирилось—тѣмъ миромъ, изъ котораго видно, что борьба еще и не начиналась. Это точка зрѣнія—патріархальная, съ которой разныя стороны предмета никогда не представляются во всей ихъ рѣзкости, односторонней опредѣленности. Также чрезвычайно характеричны у Шевалье хитрости Хмѣльницкаго передъ окончаніемъ второй войны, которыми онъ протягивалъ время въ переговорахъ съ поляками, поджидая помощи отъ татаръ. Эти переговоры велъ онъ очень искусно: дѣлалъ предложенія, и когда поляки на нихъ соглашались, ввертывалъ другія, противорѣчившія имъ; потомъ опять подавался на уступки.

Но обстоятельства ему не благопріятствовали. Татары не пришли, и онъ, наконецъ, долженъ былъ согласиться на невыгодный миръ.

Непонятно, почему Польша совершенно не истребила казаковъ послѣ второй войны, когда они были на голову разбиты и вынуждены принять тягостныя условія? Братство было слишкомъ воинственно, слишкомъ любило свою вольность, слишкомъ было привязано къ своимъ обычаямъ и вѣрѣ, чтобъ могло разсчитывать на продолжительную его покорность государство, проникнутое страстью пропаганды и политическими опасеніями со стороны самихъ казаковъ. Шевалье говоритъ: „Его величество, по милосердію своему, не желалъ онаго бунтующагося народа допустить погибнуть отъ меча, чтобъ чрезъ то не истребить главной королевства своего провинціи и чрезъ то не привесть бы въ разореніе безчисленное шляхетство и большихъ господъ, которые, имѣя тамо великія свои дачи, лишилися бы всѣхъ своихъ изъ тамошнихъ добръ доходовъ, есть ли бы земли ихъ остались безъ народа; а есть ли бъ крестьянъ переселить въ Польшу на тѣ мѣста, которыя суть еще впустѣ, то бы всѣхъ ихъ никакимъ образомъ помѣстить тамо не можно было, и сіе-то есть истинная причина, которая, какъ тогда, такъ и въ другихъ случаяхъ, препятствовала всегда къ истребленію до основанія казаковъ, а инако были бъ они давно истреблены“ (стр. 90). Здѣсь мы видимъ, какъ много вѣсили въ дѣлахъ Польши интересы тамошней аристократіи; своимъ частнымъ разсчетамъ она была готова жертвовать дѣйствительными или мнимыми выгодами государства. А власть была у нея въ рукахъ. Оттого не могло устоять и королевство, которое, какъ всѣ славянскія державы, имѣло въ своей основѣ патріархальные элементы. Именно поэтому ему была нужна, для сохраненія политической самостоятельности, сильная, внѣшними узами связующая власть, а ея не было. Ослабленіе королевской власти въ Польшѣ было причиной и признакомъ ея упадка, ибо кромѣ нея ей нечѣмъ было тогда держаться. Опуская другія любопытныя подробности этихъ войнъ, напр., уловки Хмѣльницкаго для склоненія на свою сторону турецкаго султана и господаря молдавскаго, приведемъ разсказъ, какимъ необыкновеннымъ мужествомъ горсть казаковъ защищалась противъ цѣлаго польскаго войска.

„Триста человѣкъ, собравшись на одномъ мѣстѣ въ уголокъ табора своего, мужественно защищали себя противъ великаго числа наступающихъ, которые отъ всѣхъ сторонъ чрезвычайно утѣсняли ихъ, и для увѣренія о себѣ въ нещаденіи живота своего (который имъ даровать обѣщаемо было) и всего дражайшаго въ жизни, вынимали изъ кармановъ своихъ и поясовъ все, что ни было золота и серебра, бросали въ воду, а наконецъ, когда болѣе великому числу войска противиться не въ состояніи были, то всѣ побиты одинъ за другимъ остались; однако притомъ каждый за себя особливо мужественно стоялъ, какъ то одинъ изъ нихъ еще оставался въ живыхъ, защищалъ себя черезъ цѣлые три часа противъ всего польскаго войска храбро. Сіе случилось такимъ образомъ: въ томъ болотѣ было небольшое судно, за которое когда онъ забрался, то былъ такъ смѣлъ, что весь польской огонь выдержалъ мужественно, да и самъ палилъ изъ своего ружья до тѣхъ поръ, покамѣстъ ему доставало пороху, а наконецъ, по недостатку того, отбивался косою, которою всѣхъ наступающихъ на него прогонялъ отъ себя. Одинъ изъ великороссійскихъ солдатъ наступилъ на него съ таковымъ же оружіемъ, однакожъ ничего ему учинить не могъ, хотя и усиливался много, и еслибъ

вскорѣ отъ него не отскочилъ, то бы, безъ сумнѣнія, остался пополамъ разсѣченъ. Что нѣкоторый шляхтичъ изъ владѣнія Чехановскаго, да нѣмецкой солдатъ, усмотрѣвъ, бросились прямо въ воду по шею, и когда начали съ нимъ имѣть битву, то, хотя тотъ казакъ и былъ уже четырнадцатью пулями раненъ, однако крѣпко и мужественно стоялъ еще, въ великое всей польской арміи и самого Его Величества короля удивленіе; ибо въ присутствіи Королевскомъ оная брань продолжалась, и король не могъ довольно надивиться храбрости его, приказалъ объявить ему въ голосъ, что Его Величество жалуетъ ему жизнь, есть ли только онъ отдастся самъ въ руки, на что отвѣтствовалъ онъ весьма гордо, сказавъ, что жить болѣе не старается и умереть желаетъ, какъ истинной воинъ. Вслѣдъ сего другіе изъ иноземцевъ, подскочивъ къ прежнимъ на помощь, закололи его до смерти копьями“ (стр. 88 и 89).

И тѣ же самые люди, которые такъ геройски умѣли сражаться и стоять за свою вольность, могли просить прощенія у польскихъ королей, на колѣняхъ, со слезами, въ томъ, что страданія превзошли мѣру ихъ терпѣнія. Вотъ гдѣ скрывается причина тѣхъ внезапныхъ переворотовъ, которые такъ часто постигали славянъ; ибо всѣ добродѣтели, какъ бы онѣ ни были велики, безъ прочной государственной и гражданской администраціи, безъ развитого общественнаго смысла, ничего не значатъ.

Движеніе, происходившее въ Малороссіи, сообщилось и русскому населенію Литвы. Гоненія за вѣру и здѣсь тоже возбудили неудовольствіе и ропотъ; нуженъ былъ поводъ, чтобы вспыхнулъ бунтъ, — и онъ не замедлилъ явиться. Шевалье разсказываетъ о демонстраціяхъ казаковъ въ литовскихъ провинціяхъ во вторую войну и о сочувствіи, которое украинцы нашли между тамошними жителями, „потому болѣе, что народъ того княжества довольно сходственъ былъ съ нравами и вѣрою Малороссіянамъ“. Историческій отрывокъ о бунтѣ города Пинска и его усмиреніи въ 1648 году доказываетъ, что такія же демонстраціи были и во время первой войны. Францисканецъ Доминикъ Холевскій былъ страшно замученъ запорожцами, которыхъ впустили въ городъ тамошніе мѣщане, принявшіе сторону казаковъ, немедленно послѣ ихъ появленія въ Литвѣ. Подобныя сцены происходили и въ другихъ городахъ Литвы, принадлежавшихъ къ восточной церкви.

Послѣднія двѣ статьи о казакахъ, какъ мы видѣли, написаны исторіографомъ Миллеромъ и помѣщены въ „смѣси“ съ двумя приложеніями. Особенно интересна изъ нихъ первая. Это записка о запорожцахъ, составленная, какъ кажется, по порученію графа Н. И. Панина; поводомъ служила просьба, поданная этими казаками императрицѣ, что они будто бы стѣснены въ своихъ владѣніяхъ постройкой днѣпровской линіи и крѣпостей и имъ оттого питаться нечѣмъ; по крайней мѣрѣ такъ можно заключить изъ одного отрывка ихъ просьбы, помѣщеннаго въ „Разсужденіи“. Миллеръ старается доказать, что они жалуются неосновательно, и доказываетъ это бѣглымъ очеркомъ исторіи и подробнымъ разборомъ универсала, или грамоты, данной гетманомъ Б. Хмѣльницкимъ. Нельзя не сказать, что при всѣхъ своихъ достоинствахъ и заслугахъ, Миллеръ былъ посредственный историкъ; на древнихъ казаковъ и ихъ бытъ онъ смотрѣлъ съ государственной точки зрѣнія и потому не понималъ ихъ, не понималъ ихъ исторіи и не такъ толковалъ документы, на которыхъ они основывали свои права. Ничто не производитъ такого непріятнаго впечатлѣнія, какъ близорукія, книжныя, узко-юридическія разглагольствованія объ историческомъ предметѣ, подлежащемъ совершенно другому мѣрилу: это мы испытали, читая записку Миллера. Что онъ говорилъ—не одни слова, безъ всякаго практическаго примѣненія; записка должна была представить данныя для разрѣшенія юридическаго вопроса; тѣмъ рѣзче выдается въ ней отсутствіе настоящаго историческаго смысла.

„Разсужденіе о запорожцахъ“ не велико. Оно начинается краткой, но довольно вѣрной характеристикой казаковъ.

„Запорожцами въ старину назывались всѣ малороссійскіе казаки вообще, потому что за порогами такъ называемой *Сѣчи* учрежденіе ихъ начало свое имѣло. Родъ ихъ житія, по коему они (выключая нѣкоторыя, подъ ихъ защитою состоящія селенія) женъ не держатъ, землю не пашутъ, питаются отъ скотоводства, звѣриной ловли и рыбнаго промысла, а въ старину больше въ добычахъ, отъ сосѣдственныхъ народовъ получаемыхъ, упражнялись. Обычаи ихъ къ праздности и къ пьянству склонные; пренебреженіе торговъ, кромѣ для своихъ житейскихъ надобностей; необузданная вольность; пріемъ всякаго у нихъ взброду людей всѣхъ языковъ, всѣхъ вѣръ, токмо чтобъ у нихъ будучи, внѣшняя должность грекороссійскаго закона наблюдалась; допущеніе такихъ въ свое сообщество безъ всякаго письменнаго свидѣтельства, не разбирая ихъ достоинствъ, или пороковъ, тако жъ и позволяя всякому отлучиться когда и куды хощетъ; неимѣніе письменныхъ законовъ, коихъ имѣть и

не желаютъ, опасаясь умаленія ихъ вольностямъ, и словомъ, лишеніе всѣхъ гражданскихъ порядковъ, кромѣ одного безпрекословнаго послушанія вышнимъ, особливо же ихъ Атаману Кошевому, коего сами избираютъ и отрѣшаютъ по ихъ произволенію. Сіи обстоятельства не могутъ никому благосклоннаго о Запорожцахъ подать мнѣнія, потому что ихъ обычай всякому, на здравомъ разумѣ и на истинныхъ правилахъ основанному гражданскому обществу, противоборствуетъ“ (стр. 58 и 59).

Когда образовалось малороссійское казачье войско на основаніи привилегій и грамотъ, данныхъ польскими королями, ихъ образъ жизни измѣнился, но запорожцы сохранили прежніе правы, не принимали въ свое товарищество кромѣ холостыхъ и вдовыхъ и плохо повиновались гетману. Совершенно отдѣлились они отъ малороссійскихъ казаковъ уже въ 1654 году, послѣ вступленія Богдана Хмѣльницкаго въ подданство московскихъ царей, которые всѣмъ казакамъ подтвердили ихъ привилегіи. Разсказавши это, Миллеръ входитъ въ разборъ правъ запорожскихъ казаковъ на земли, занятыя ими послѣ 1654 года. Онъ очень неудовлетворителенъ. „Что надлежитъ до земель запорожскихъ“, говоритъ онъ: „то не могло жалованье королевское простираться далѣе, какъ доколѣ самыя польскія границы простирались. По восточной сторонѣ рѣки Днѣпра, ниже рѣкъ *Орла* и *Самары*, никакихъ отъ Польши селеній не было. Вся оная страна татарами обладаема была; тако же и нельзя сказать, чтобъ владѣніе запорожское по западной сторонѣ рѣки Днѣпра далеко внутрь земли простиралось. Паче по самымъ королевскимъ привилегіямъ заключить должно, что казакамъ, яко до обороны границъ опредѣленнымъ, не позволено было жить, какъ по одному Днѣпровскому берегу“ (стр. 59). Неудовлетворителенъ этотъ разборъ потому, что, конечно, польскіе короли не препятствовали казакамъ забирать сколько можно земли у татаръ: также не видно, почему бы они непремѣнно ограничили ихъ однимъ днѣпровскимъ берегомъ; изъ того, что они были поселены для защиты границъ, этого не слѣдуетъ; скорѣй можно думать, что расширеніе границъ имъ было пріятно. Взявши однажды такія шаткія основанія для рѣшенія историческаго вопроса, Миллеръ отстаиваетъ свою мысль самыми отчаянными доказательствами: когда была населена Елисаветская провинція (1754 г.), „имъ довольно мѣстъ край Днѣпровскаго берега и отъ Елисаветской провинціи подъ полдень оставлено, гдѣ бъ они отъ рыбной и отъ звѣриной ловли пропитаніе себѣ имѣть могли“. Что это за доказательство? Запорожцы не спорили объ опредѣленіи, сдѣланномъ еще въ силу бѣлградскаго мира, построить днѣпровскую линію, не спорили противъ установленія границы между Турціей и Россіей отъ Буга до Днѣпра. Ну, что жъ изъ этого? Прежде не спорили, а потомъ стали спорить. Какъ участники Мазепиной измѣны, они должны бы лишиться всѣхъ привилегій, данныхъ имъ Польшей: опять нейдетъ къ дѣлу. Въ 1735 году казаки опять возвратились въ Россію и поселились на Сѣчѣ (они выселились на урочище Алешки, близъ Кинбурна, въ 1708 г.), и „населили, кромѣ Сѣчи, въ Старомъ и Новомъ Кодакѣ и на рѣкѣ Самарѣ, слободы, съ позволеніемъ ли, или безъ позволенія—неизвѣстно, съ великою противъ прежнихъ своихъ обычаевъ отмѣною, потому что жители, хотя запорожскими казаками числятся, живутъ съ женами и съ дѣтьми и отправляютъ земледѣльство. Въ Старомъ Кодакѣ жили запорожцы еще при Богданѣ Хмѣльницкомъ, но яко отводные отъ Сѣчи сторожи, попеременно. Нынѣшніе ихъ селитьбы совсѣмъ въ другомъ намѣреніи учинены, а именно, чтобъ съ нихъ получать доходы, чтобъ хлѣбомъ имъ питаться, когда съ другихъ мѣстъ привозу не будетъ, чтобъ имѣть новыхъ поселенцевъ, яко подданныхъ, почти какъ помѣщикъ владѣетъ своими деревнями. Хорошо, что пришлыхъ къ нимъ женатыхъ людей съ семьями не отвергли; что селили тѣхъ особыми слободами, коимъ въ Сѣчѣ жить по ихъ обычаямъ не позволялось; что позволили имъ прилѣжать къ земледѣльству, яко нужнѣйшему промыслу, на коемъ всѣ благоустроенныя селенія основаться должны; что называли ихъ Козаками, потому что сіе имя въ тамошнихъ странахъ даетъ нѣкоторое преимущество и почтеніе; но хвалить не можно, есть ли запорожцы чинили такія новыя учрежденія собою, безъ спросу у высшихъ Правленій на то повелѣнія; есть ли не смотрѣли на качества людей, нѣтъ ли въ томъ числѣ и бѣглыхъ изъ Россіи; есть ли не велѣно имъ учинить имянные списки для сообщенія въ высшія правительства; есть ли не дозволяли имъ сообщаться съ другими, около тѣхъ мѣстъ уже учрежденными, земледѣльцами, чѣмъ новопришлые люди, не могущіе знать подробно

о тамошнемъ домостроительствѣ, лишаются всего полезнаго и необходимо потребнаго имъ наставленія. Не прилично, кажется, такимъ селеніямъ состоять подъ вѣдомствомъ запорожцевъ“ (стр. 61). Удивительно, право, какъ могъ историкъ такъ не исторически изслѣдовать вопросъ: неужели все казачество, даже вся русская исторія до Петра ни разу не навела его на мысль, что вопросъ о правѣ никогда не поставлялся у насъ такъ рѣзко, опредѣлительно, — что все рѣшалъ одинъ фактъ, и что мы вовсе не были пріучены къ строго административному порядку вещей, къ государственному быту? Вотъ что́ значитъ отсутствіе общаго взгляда на предметъ, взгляда, противъ котораго, впрочемъ, и теперь еще вооружаются столькіе. Самъ же Миллеръ говоритъ, что „едва понятно, сколь далеко запорожцы въ послѣднюю турецкую войну по восточной странѣ отъ рѣки Днѣпра разгулялися; особливо съ того времени, какъ отъ Крымскихъ татаръ ничего опасаться уже не имѣли. Куды запорожскій казакъ ни пришелъ, то запорожская земля; не поставили себѣ границы, кромѣ у Дона“ (стр. 61). Таковы были ихъ понятія и, дѣйствуя, положимъ, неправильно, они могли дѣйствовать очень добросовѣстно. Нашъ простой народъ и теперь еще точно такой же. Очень многіе крестьяне предобродушно вѣрятъ, что они принадлежатъ помѣщику, а земля, на которой они сидятъ, — имъ, и трудно ихъ разувѣрить. Разбирайте эту мысль юридически: они судятъ противозаконно, а собственно они добросовѣстные невѣжды.

Но всего неудовлетворительнѣе разборъ копіи съ универсала, даннаго запорожцамъ Хмѣльницкимъ. Миллеръ находитъ въ немъ вставки, и тутъ судитъ такъ же неосновательно, какъ разбиралъ права запорожцевъ на земли. Въ грамотѣ Стефана Баторія, помѣщенной въ универсалѣ Хмѣльницкаго, утверждено за казаками владѣніе: „въ ширь отъ Днѣпра на степь доколѣ тѣхъ мѣстечекъ, селъ и хуторовъ земли издавна находились“, а ниже, кромѣ того, городъ Самара, „и вверхъ рѣки Буга по рѣку Симону, отъ Самарскихъ же земель чрезъ степь до самой рѣки Дону“. Миллеръ доказываетъ, что при Баторіи и послѣ эти земли принадлежали татарамъ,—слѣдовательно, онъ не могъ ими жаловать. Точно какъ будто тогда въ степяхъ были тѣ же строго опредѣленныя пограничныя линіи, какъ теперь. Кто не знаетъ, что еще въ царствованіе императрицы Екатерины въ степныхъ русскихъ губерніяхъ, саратовской и другихъ, были открыты русскія селенія, о существованіи которыхъ оффиціально уже было извѣстно. И кто жъ были сосѣди? Крымцы и казаки! Городъ Самаръ, по мнѣнію Миллера, не существовалъ при Хмѣльницкомъ, и это мнѣніе онъ основываетъ на томъ только, что о Самарѣ не упоминается въ памятникахъ! Въ концѣ универсала Хмѣльницкій подтверждаетъ запорожскимъ казакамъ всѣ отъ королей польскихъ данныя привилегіи, „по врученной ему отъ Бога и отъ всего казацкаго войска власти“, и дозволяетъ имъ владѣть своими землями „ненарушимо во вѣки“. Комментарій на эти слова — верхъ отсутствія историческаго смысла.

„Такъ бы писалъ Хмѣльницкій, естьли бъ онъ былъ самъ Государь, а не подданный Царскому Величеству Гетманъ. Не умножаются ли такими выраженіями сумнительства о подлинности сего Универсала? Отъ умнаго человѣка, каковъ былъ Хмѣльницкій, чаять не можно, чтобъ онъ себя превозносилъ. Естьли онъ подлинно такъ писалъ, и запорожцы такое его дерзновеніе одобряютъ, то сіе имъ не въ пользу. Къ тому жъ, чѣмъ кто самъ не владѣетъ, можетъ ли онъ тѣмъ жаловать другого? Сіе о степяхъ отъ Днѣпра къ востоку и по Бугу до Синюхи безспорно. Естьли бы Хмѣльницкій хотѣлъ дозволить запорожцамъ владѣть городами, мѣстечками, селами, коими Король Стефанъ пожаловалъ казаковъ вообще, и которые Малороссійскими казаками уже были заняты, сіе было бы внутреннюю между ими войну зажечь, и въ самомъ дѣлѣ безъ пользы“ (стр. 64).

Тутъ что ни слово, то промахъ и значительный. Не забудемте, что Миллеръ толкуетъ не договоръ между двумя германскими владѣтелями, или Карѳагена съ Римомъ, а жалованную грамоту казацкаго гетмана половины XVII вѣка! Почему Хмѣльницкій не могъ себя такъ титуловать; почему онъ не могъ дать запорожцамъ земель, положимъ, которыми они не владѣли, но которыя были въ сосѣдствѣ и принадлежали татарамъ; почему онъ, самовластный господинъ, не могъ дать запорожцамъ земель, принадлежавшихъ другимъ казакамъ, не возбудивъ между тѣми и другими междоусобій,—этого мы истинно объяснить не можемъ изъ нашего и казацкаго быта XVII вѣка, а только развѣ изъ теперешнихъ международныхъ и государственныхъ отношеній, съ которыми, какъ видно, Миллеръ

былъ коротко знакомъ—гораздо короче, чѣмъ съ духомъ нашей старины. Изъ приложеннаго къ этому разсужденію письма П. В. Бакунина къ Миллеру видно, что записка не удовлетворила графа Панина. Онъ потребовалъ отъ исторіографа доказательствъ, почему онъ сомнѣвается въ существованіи подлинника того универсала, копію съ котораго представили запорожцы. Доводы, приведенные въ разсужденіи, вѣроятно его не убѣдили. Миллеръ отвѣчалъ на это письмо коротко, предположеніями и отзывами запорожцевъ. Наконецъ, копія съ универсала, отпечатаннаго въ самомъ концѣ, послѣ имени, показываетъ, что Миллеръ вовсе не такъ прочиталъ и понялъ то мѣсто, которое онъ считалъ позднѣйшей вставкой. Разумѣется, вопросъ о запорожскихъ земляхъ былъ чисто государственный; до права трудно было въ немъ добраться; онъ и рѣшенъ давнымъ давно съ государственной точки зрѣнія. Мы такъ подробно разбирали мнѣніе Миллера потому только, что онъ вдвойнѣ былъ не правъ — и неправильно толкуя факты и вводя въ толкованіе государственныя пользы, соображенія, вовсе не идущія къ дѣлу при исторической, а тѣмъ болѣе юридической оцѣнкѣ. Вторая статья Миллера: „Краткая выписка о Малороссійскомъ народѣ и Запорожцахъ“. Въ ней нѣтъ ничего особенно любопытнаго, кромѣ нѣкоторыхъ извѣстій, относящихся къ исторіи запорожцевъ въ XVIII вѣкѣ. Точка зрѣнія государственная, а не историческая.

Перейдемъ теперь къ другимъ статьямъ пятой книжки „Чтеній“.

Первая по порядку, помѣщенная въ отдѣлѣ изслѣдованій, есть статья дѣйствительнаго члена общества, г. Бѣляева: „о Несторовой лѣтописи“. Это—обозрѣніе лѣтописи по новому ея изданію, сдѣланному археографической коммиссіей въ прошедшемъ году, съ примѣчаніями автора. Вообще говоря, статья имѣетъ нѣкоторыя достоинства: въ ней есть замѣтки новыя и оригинальныя, видѣнъ живой взглядъ на эпоху, описываемую лѣтописцемъ; но всѣ эти достоинства теряютъ болѣе половины своей цѣны, оттого, что авторъ не доказываетъ своихъ гипотезъ, и какъ бы требуетъ, чтобъ читатели приняли ихъ на вѣру. Въ предметѣ, который толкованъ и перетолкованъ до-нельзя, такое изложеніе не можетъ быть допущено. Лѣтопись Нестора уже имѣетъ хотя и отрывочную, но тѣмъ не менѣе богатую литературу. Новый взглядъ на нее, новое объясненіе отдѣльныхъ ея мѣстъ, не можетъ получить права гражданства въ наукѣ, пока прежнія объясненія не будутъ разобраны и опровергнуты. Это первое. Потомъ—положимъ, что автору не хотѣлось этого дѣлать: ему вздумалось представить свои выводы и догадки просто, не облекая ихъ въ ученую форму—и въ этомъ онъ воленъ; но въ такомъ случаѣ мы не понимаемъ, зачѣмъ онъ не ограничился однимъ разборомъ тѣхъ мѣстъ, которыхъ смыслъ представился ему въ новомъ свѣтѣ, и перемѣшалъ старыя, всѣмъ давно уже извѣстныя и переизвѣстныя толкованія и взгляды съ своими новыми? Изъ длинной статьи, растянутой на 72 страницы, нужно по зернушку выклевывать оригинальныя замѣтки автора, да и то большею частью ничѣмъ не доказанныя. Съ какою цѣлью авторъ такъ поступилъ, для чего онъ такъ написалъ статью, предназначенную въ сборникъ ученыхъ изысканій,— мы не знаемъ. Конечно, *нѣкоторымъ* „любителямъ русской исторіи, наканунѣ дня, посвященнаго празднованію памяти Нестора, лѣтописца русскаго, всего ближе бесѣдовать о самомъ Несторѣ“. Но вѣдь не всѣ же проникнуты такою симпатіею къ его личности, что имъ пріятно слушать или читать о немъ даже старое, давнымъ давно сказанное и извѣстное; кому это нравится — тѣ могутъ сговориться на особенную бесѣду, или даже отпраздновать память лѣтописца по церковному чину. Общее достояніе, то, что́ возбудитъ единогласный, общій интересъ всѣхъ знатоковъ и диллетантовъ русской исторіи—это новое, сказанное объ Несторовой лѣтописи, а такого мы, къ сожалѣнію, находимъ очень немного въ статьѣ г. Бѣляева. Разберемъ ее поподробнѣе.

Почти въ началѣ (стр. 5) г. Бѣляевъ видитъ у Нестора указаніе на двѣ эпохи разселенія славянъ съ Дуная въ теперешнихъ ихъ жилищахъ: до и послѣ нашествія кельтовъ (Волоховъ). Дѣйствительно, слова Нестора подаютъ поводъ къ такому объясненію. Жаль только, что г. Бѣляевъ одними его словами и ограничился, а не подвергнулъ это мѣсто критическому разбору и сличенію съ другими извѣстіями, безъ чего его объясненіе и остается одной гипотезой—не болѣе. Тамъ же авторъ открываетъ

въ лѣтописи третью эпоху разселенія,—„вскорѣ послѣ второго, вслѣдствіе того же движенія кельтическихъ народовъ“, но и это ничѣмъ не доказано. Этотъ третій слой племенъ поселился въ Россіи, изъ нихъ образовались княженія: Кіевское, Новгородское, Черниговское, Галицкое и Полоцкое, игравшія важную роль во время удѣловъ. „Различіе этихъ коренныхъ племенъ, говоритъ авторъ, если не было одною изъ причинъ раздѣленія древней Руси, то почти утвердительно можно сказать, что имъ преимущественно такъ долго поддерживалась удѣльная система“. Такое важное предположеніе, которое, еслибъ было доказано, измѣнило бы во многомъ теперешній взглядъ на удѣлы, не подтверждено ни однимъ выводомъ, хоть бы мимоходомъ. А авторъ самъ знаетъ, сколько данныхъ противъ него! Какъ же высказывать его такъ? Несторъ говоритъ: „держати почаша родъ ихъ княженіе въ Поляхъ, въ Деревяхъ свое... а Словѣни свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ иже Полочане. Отъ нихъ же Кривичи иже сѣдятъ на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, ихъ же градъ есть Смоленскъ; туда бо сѣдятъ Кривичи, тоже Сѣверъ отъ нихъ“; а авторъ замѣчаетъ: „здѣсь мы видимъ не только какія отдѣльныя владѣнія образовались у нашихъ Славянъ, но даже и границы каждаго владѣнія“. Спрашиваемъ всѣхъ, такъ ли это? На стр. 12, г. Бѣляевъ говоритъ, что „кажется, Москва съ намѣреніемъ, изъ политическихъ видовъ, постаралась истребить“ начало новгородскихъ лѣтописей. Это предположеніе само по себѣ такъ важно, такъ характеризовало бы Москву XV и послѣдующихъ вѣковъ, что ему должно бы, по крайней мѣрѣ, придать хоть тѣнь правдоподобности, если ужъ нѣтъ доказательствъ; но этого не сдѣлано.

Утрата начала новгородскихъ лѣтописей открываетъ широкое поле гипотезамъ автора, при объясненіи скудныхъ словъ Нестора о призваніи варяговъ. Призывали Чудь, славяне и кривичи. Рюрикъ сѣлъ въ Ладогѣ, городѣ славянъ; Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, у Веси; Труворъ въ Изборскѣ у кривичей. Кромѣ того, по смерти братьевъ Рюрикъ роздалъ мужамъ Ростовъ, городъ Мери, Муромъ — Муромы, Полоцкъ — кривичей. Такимъ образомъ, выходитъ странное: Русь владѣетъ народами, ее не приглашавшими[1]), и вмѣстѣ съ тѣмъ не поселяется у нѣкоторыхъ изъ приглбшавшихъ ее, а именно, у Чуди, которая, по всему видно, составляла особливое финское племя. Изъ всѣхъ возможныхъ разрѣшеній сомнѣнія г. Бѣляевъ избираетъ самое невѣроятное и прямо противорѣчащее лѣтописи: онъ говоритъ, что приглашали одни новгородцы, „которые частью завоеваніями, частью торговыми связями привели въ зависимость отъ себя весь сѣверо-западный край нынѣшняго русскаго государства“. Въ послѣднемъ можетъ быть большая доля правды, но какъ же отвергать факты? Продолжая далѣе, авторъ этой гипотезой объясняетъ и всѣ прочія „соприкосновенныя обстоятельства“; но на дѣлѣ выходятъ натяжки, очень неправдоподобныя и несообразныя со временемъ.

„Лѣтопись“, говоритъ онъ, „не упоминаетъ въ числѣ приглашателей Весь (что еще очень сомнительно, какъ мы сказали), Муромy, между-тѣмъ, какъ пришельцы Русь поселились въ ихъ племенахъ. Это значитъ, что племена сіи были въ полной зависимости отъ Новгорода, и, какъ совершенно безгласныя, должны были безпрекословно слушать своихъ повелителей, которые отъ нихъ даже не требовали согласія на свои распоряженія. Напротивъ того, Чудь, Словѣне, Кривичи, хотя и зависѣли отъ Новгородцевъ, но пользовались нѣкоторыми правами самостоятельности, и потому Новгородъ, хотя для виду, долженъ былъ дѣйствовать съ ними по общему согласію, но тѣмъ не менѣе вся эта страна принадлежала Новгороду; и лѣтописецъ поступилъ правильно, сказавши: и отъ тѣхъ прозвася Русская земля Новугородьци. Далѣе, русскіе князья заняли не всѣ города Кривичей, потому что не все племя Кривичей зависѣло отъ Новгорода, да и Новгородцы можетъ быть нѣкоторые Кривскіе города оставили за собою; то же должно сказать и въ отношеніи къ Чуди. Города, перечисленные лѣтописцемъ, въ которыхъ поселились русскіе князья и ихъ мужи, именно были только тѣ города, которые Новгородцы дали пришельцамъ въ кормленье, какъ это дѣлалось и въ послѣдующей исторіи Новгорода“ (стр. 13).

Можно ли такъ слегка отдѣлывать вопросы, уже нѣсколько разъ серьёзно обслѣдованные съ разныхъ сторонъ? На стр. 13, въ отвѣтъ на вопросъ, зачѣмъ новгородцы пригласили къ себѣ чужеземныхъ

[1]) Это не относится къ *Веси*, которые, по мнѣнію нѣкоторыхъ, были въ числѣ призывавшихъ. Такое мнѣніе имѣетъ основаніе въ самой лѣтописи, и именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о призваніи. Г. Бѣляевъ не правъ, отрицая его наотрѣзъ безъ доказательствъ.

князей, г. Бѣляевъ опять сыплетъ гипотезами, отчасти уже сказанными, отчасти новыми, но вообще слишкомъ спорными, чтобъ можно было въ наше время повторить ихъ такъ же смѣло и доказательно, какъ прежде. Значеніе князя новгородскаго во время призванія объясняется изъ значенія этого князя въ XIII и послѣдующихъ вѣкахъ. Но на какомъ основаніи? Потрудился ли, по крайней мѣрѣ, авторъ доказать намъ хоть сколько-нибудь, что устройство новгородское не измѣнилось въ главныхъ своихъ основаніяхъ со времени призванія? А вѣдь безъ этого какъ же проводить аналогію! Изъ власти судьи, примирителя, посредника въ распряхъ, которую вручили племена призваннымъ князьямъ, г. Бѣляевъ старается вывести и званіе предводителя войскъ, какимъ часто являлся князь въ Новгородѣ. Но выводъ неудовлетворителенъ, выходитъ натяжка, ибо часто посадники начальствовали на войнѣ, а не князья. Да и какъ не пришло автору на мысль, что если новгородцы не могли сами между собой уладиться, если имъ князь былъ совершенно необходимъ,—не могло быть и рѣчи о правильномъ опредѣленіи его власти и разграниченіи ея съ властью вѣча и народныхъ представителей? Этотъ простой выводъ a priori доказывается и всѣми свидѣтельствами. Можно ли послѣ этого строить гипотезы, стоитъ ли ломать себѣ голову, чтобъ объяснить странныя явленія въ бытѣ, который не имѣлъ въ себѣ ничего юридически прочнаго, опредѣленнаго? Чтó дѣйствительно стóитъ труда — это объяснить, почему бытъ былъ такъ непроченъ и шатокъ. Далѣе, на стр. 16, мы опять находимъ у автора натянутое объясненіе, почему послѣ Рюрика получилъ княженіе Олегъ, а не малолѣтній его сынъ Игорь: „вѣроятно потому“, говоритъ г. Бѣляевъ, „что новгородцы требовали себѣ взрослаго князя, чтò доказываетъ и послѣдующая исторія, изъ которой видно, что они почти всегда старались удалять малолѣтныхъ князей, неспособныхъ къ личному посредничеству въ народныхъ распряхъ“. Но это нисколько не вѣроятно, ибо, какъ нарочно, любимый новгородскій князь, Мстиславъ Владиміровичъ Великій, началъ у нихъ княжить будучи двѣнадцати лѣтъ отъ роду (онъ родился въ 1076, а пріѣхалъ княжить въ Новгородъ въ 1088 году). Новгородцы говорятъ о немъ, что они сами его *вскормили*. Объяснить это событіе тогдашними понятіями объ опекѣ, какъ дѣлаетъ потомъ авторъ, можетъ быть, самъ заподозривъ невѣроятность своего перваго объясненія,—другое дѣло; тутъ мы съ нимъ спорить не будемъ.

Чѣмъ далѣе, тѣмъ такихъ произвольныхъ, ни на чемъ не основанныхъ предположеній болѣе и болѣе; нѣтъ почти страницы, на которой бы ихъ не встрѣчалось по нѣскольку; какъ это ни утомительно, но мы укажемъ на всѣ, которыя успѣли замѣтить.

Вслѣдъ за невѣроятнымъ предположеніемъ, которое мы разобрали, встрѣчаемъ другое. Олегъ повелъ съ собою на югъ варяговъ и войско изъ народовъ, которыми владѣлъ еще Рюрикъ. Изъ этого г. Бѣляевъ выводитъ, „что Олегъ пошелъ отъ новгородцевъ безъ ссоры“, иначе онъ ушелъ бы съ одними варягами. Мы этого, признаемся, никакъ не видимъ. Онъ могъ быть недоволенъ новгородцами и ихъ вольнымъ духомъ и потому уйти отъ нихъ, выведя, однако, съ собой войско, составленное изъ нихъ и прочихъ тамошнихъ племенъ; преданіе о Вадимѣ показываетъ, что призванные князья умѣли прибрать къ рукамъ и не одну судебную власть. Потомъ авторъ спрашиваетъ: Кіевъ не былъ ли цѣлью похода Олегова еще въ Новгородѣ.

„Сопутствіе Олега славянъ, кривичей, мери и другихъ новгородскихъ данниковъ или союзниковъ *дозволяетъ думать*, что новгородцы сами повели Олега на этотъ походъ, предполагая извлечь торговыя выгоды изъ занятія Кіева, лежавшаго на пути въ Константинополь. Точно такъ же они поступали и послѣ: такъ для нихъ Глѣбъ Святославичъ воевалъ въ Заволочьѣ, другіе князья на прибрежьѣ Балтійскаго моря и по Волгѣ. Или скорѣе всего, новгородское вѣче рѣшило послать Олега съ войскомъ только для покоренія остальныхъ кривскихъ городовъ, не признававшихъ еще власти Новгорода. Олегъ же, покоривши кривскіе города, Смоленскъ и Любечъ, убѣдилъ войско сопутствовать ему въ походѣ внизъ по Днѣпру до Кіева. Завладѣвши же удачно Кіевомъ, онъ измѣнилъ новгородскимъ видамъ и рѣшился остаться въ завоеванномъ городѣ, зная хорошо различіе между княземъ правящимъ на условіяхъ и между государемъ самодержавнымъ. Впрочемъ, измѣняя новгородскимъ видамъ, онъ, очевидно, съумѣлъ не разорвать связей съ Новгородомъ, ибо при немъ остались новгородскіе славяне наравнѣ съ варягами: бѣша у него варязи, словѣни и прочіи, прозвашася Русью. Самая хитрость, употребленная Олегомъ противъ Аскольда и Дира, показываетъ, что онъ, не вступая съ ними въ открытый бой, хотѣлъ усилить себя ихъ варяжскою дружиною. И подозрительно, не

было ли у него какой либо тайной связи съ этою дружиною до умерщвленія кіевскихъ князей; иначе мудрено допустить, чтобы она равнодушно отказала отъ мести за измѣнническое умерщвленіе своихъ предводителей" (стр. 17).

Все это очень остроумно, но гдѣ же доказательства? Чѣмъ докажетъ авторъ, что князья воевали въ Заволочьѣ и другихъ мѣстахъ для новгородцевъ, а не для себя? Это фантазіи, отъ которыхъ, право, пора бы намъ наконецъ отказаться. Два, три факта темныхъ, отрывочныхъ есть,—и мы на нихъ строимъ цѣлую теорію, наполняемъ самый отдаленный періодъ нашей исторіи такими рѣдкостями, такими чудесами, что не понимаешь, зачѣмъ же послѣ того мы прожили еще тысячу лѣтъ? Если такое благоустройство царствовало у насъ при Рюрикѣ и до Рюрика, отчего же мы бьемся изъ-за него теперь и такъ медленно успѣваемъ? Нѣтъ, этого благоустройства не было. Мы были препорядочные дикари. Наши изслѣдователи, наши историки вводятъ насъ ежеминутно въ обманъ, дорисовывая невозможными чертами картину древней Руси, которой отличительный признакъ есть стертость, отсутствіе опредѣленныхъ чертъ. Кажется, бездѣлица сдѣлать предположеніе. Почему жъ не сдѣлать? Сдѣлаешь—и выйдетъ, что отъ исторической истины, отъ дѣйствительности мы ушли Богъ знаетъ куда, сочинили небывалое, перенесли *самихъ себя* за тысячу лѣтъ, и поневолѣ удивляемся, какъ мы уже тогда были и умны и развиты. Что это такое!—Непосредственно за такимъ толкованіемъ слѣдуетъ другое, столько же произвольное. Олегъ строитъ города около Днѣпра, а Рюрикъ не строилъ на сѣверѣ Россіи, — слѣд., народъ ему не дозволялъ. Позднѣйшія лѣтописи говорятъ, что и онъ строилъ, но правда ли это или нѣтъ, до насъ теперь не касается. Это историческія изысканія! Олегъ уставилъ на сѣверѣ дани — именно у тѣхъ племенъ, которыя были уступлены князьями въ кормленіе, а не у другихъ, напримѣръ, не у новгородцевъ, которые, однако, платили дань Владиміру и при Олегѣ варягамъ 300 гривенъ „миръ дѣля". Боже мой! Сколько объясненій было писано объ этой послѣдней платѣ, а г. Бѣляевъ, и не упоминая о нихъ, порѣшаетъ вопросъ нѣсколькими словами, да еще такъ, какъ давно уже рѣшать перестали, ибо его мнѣніе, послѣ объясненій г. Погодина, Рейца, не выдерживаетъ и легкой критики. Такъ же недурно слѣдующее: Бѣлоозеро не упоминается въ числѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ были установлены Олегомъ дани, а между тѣмъ оно было во владѣніи призванныхъ князей, и слѣд., должно бы, кажется, принадлежать Олегу. Авторъ не затрудняется нисколько въ объясненіи этого мѣста. „Бѣлоозеро", говоритъ онъ, „уступленное Рюрику, новгородцы отняли у Олега, или, можетъ быть, замѣнили его другимъ какимъ городомъ у кривичей или Мери". Это невольно напоминаетъ намъ догадки одного ученаго изслѣдователя русской исторіи, который точно такъ же обращался съ фактами, да наконецъ и увидалъ въ нихъ то, чего, кромѣ его, никто не увидалъ и не увидитъ. — Далѣе въ исчисленіи городовъ, на которые греки должны были давать уклады, Несторъ не называетъ Новгорода, а г. Бѣляевъ изъ этого выводитъ, что „*очевидно* Новгородъ въ это время уже не составлялъ одного государства съ Олеговой Русью, хотя и платилъ 300 гривенъ и принималъ Олеговыхъ посадниковъ". Тутъ выводъ такъ же произволенъ, какъ и фактъ, что Олегъ, посылалъ въ Новгородъ посадниковъ, чего не видно нигдѣ. Потомъ мы и не знаемъ, какъ представляетъ себѣ авторъ подданство въ то время?—Въ характеристическомъ преданіи, сохранившемся у Нестора о шелковыхъ и холстинныхъ парусахъ руссовъ и славянъ, которое такъ живо передаетъ намъ различіе между пришельцами и туземцами и ихъ взаимныя отношенія, г. Бѣляевъ умѣлъ открыть не варяговъ и славянъ, а славянъ, подданныхъ Олега, и славянъ ильменскихъ. Положимъ, мы ошибаемся; по крайней мѣрѣ мы ошибаемся съ другими. Если авторъ несогласенъ съ этимъ объясненіемъ, почему онъ его не опровергаетъ? Договоръ, заключенный Олегомъ, представляетъ ему тоже обильную пищу для гипотезъ— новыхъ, но, къ сожалѣнію, недоказанныхъ. Г. Бѣляевъ заключаетъ изъ него, что Олегъ жилъ въ Кіевѣ „не на стоянкѣ, не на зимнихъ квартирахъ, а въ столицѣ особаго самостоятельнаго государства, имѣвшаго опредѣленныя границы и составлявшаго его любимую собственность (?), о которой онъ заботился, какъ хорошій хозяинъ, или, вѣрнѣе, какъ попечительный государь". Какъ онъ дошелъ до этого заключенія, понять не можемъ. Иначе, продолжаетъ авторъ, изъ чего ему такъ хлопотать о торговлѣ? Видно, авторъ не читалъ даже „изслѣдованій" г. По-

година, гдѣ, какъ дважды два четыре, доказано, что Русь-варяги сами торговали, въ томъ числѣ и князья. Стало быть, имъ не нужно было быть „хорошими хозяевами, или, вѣрнѣе, попечительными государями", чтобъ заботиться о торговлѣ. Наконецъ, онъ видитъ въ договорѣ доказательство, что славянская грамота Кирилла и Меѳодія была уже при Олегѣ извѣстна въ Кіевѣ. Если это видно, то, конечно, не изъ договора, заключеннаго въ Константинополѣ. Объ Игорѣ мы находимъ опять гипотезу: „вообще, кажется, народное преданіе не любило Игоря, и всѣ его подвиги, о которыхъ свидѣтельствуютъ арабскія лѣтописи, передало любимцу своему Святославу, сыну мудрой Ольги, который на самомъ дѣлѣ только ходилъ по слѣдамъ, проложеннымъ при его отцѣ". Можетъ быть такъ, а можетъ быть и нѣтъ. Исторія молчитъ, и мы не станемъ говорить. Объ Ольгѣ то же, что̀ и объ Олегѣ: она не дѣлала никакихъ распоряженій въ Новгородѣ, а только на Мстѣ и Лугѣ, слѣд., не имѣла на Новгородъ и прочія его области никакихъ правъ. Что это за выводъ, и какъ одно слѣдуетъ изъ другого?

О Святославѣ мы видимъ у г. Бѣляева много вѣрныхъ замѣчаній. Во-первыхъ, оченъ удачно защищенъ разсказъ о нападеніи печенѣговъ на Кіевъ противъ скептическихъ возраженій другихъ изслѣдователей. Но что особенно замѣчательно и любопытно — это сличеніе повѣствованія Льва Дьякона и Нестора о походѣ Святослава въ Болгарію. До сихъ поръ думали, что они другъ другу противорѣчатъ: г. Бѣляевъ доказываетъ противное. Онъ находитъ, что разсказъ Нестора ближе къ истинѣ, критически разбираетъ нѣкоторыя мѣста изъ описанія Льва Дьякона и находитъ ихъ сомнительными, наконецъ открываетъ у Нестора пропускъ, вѣроятно допущенный писцами, отчего какъ будто и выходитъ безсмыслица въ разсказѣ лѣтописца. До какой степени все это вѣрно, предоставляемъ судить тѣмъ, которые занимались особенно этой эпохой и этими событіями. Во всякомъ случаѣ, мысль и попытка нова; въ ея пользу говоритъ уже то, что оба разсказа имѣютъ предметомъ одно событіе, и если они разнорѣчатъ, то кто-нибудь изъ повѣствующихъ или отчасти, или вполнѣ неправъ.

Послѣ этихъ нѣсколькихъ страницъ, которыя читаются съ удовольствіемъ, мы встрѣчаемся опять съ одной изъ тѣхъ странныхъ гипотезъ, которыми кишитъ разсужденіе г. Бѣляева. „Владиміра выпросили Новгородцы, которымъ надоѣло жить подъ управленіемъ княжескихъ намѣстниковъ". А кто-жъ это вамъ сказалъ, что надоѣло? Почему вы знаете, что намѣстники тамъ были? Гдѣ данныя? Вотъ этакъ-то бросимъ мы словечко тамъ, словечко здѣсь—и выходитъ ужъ не древняя русская исторія, а Богъ знаетъ что! За этими досказами каждаго отъ себя о темномъ событіи и не узнаешь лѣтописной основы. Такъ же не дурно доказывается мнѣніе, что „Ярополкъ и Олегъ владѣли цѣлою при-Днѣпровскою и при-Окскою страною, а не однимъ Кіевомъ или древлянскою землею". Авторъ пренаивно спрашиваетъ: въ противномъ случаѣ, кому-жъ бы достались Переяславль и Черниговъ, богатые торговые города, упоминаемые въ Игоревомъ договорѣ, уже производившіе торговлю съ Византіею? Сверхъ того, сколько городовъ было построено Олегомъ, а также куда бы дѣвать Смоленскъ и Любечъ, если ихъ не раздѣлить между Ярополкомъ и Олегомъ?" Странный способъ доказывать! Авторъ говоритъ, что такъ было послѣ Ярослава. Но какія же данныя имѣетъ онъ, чтобъ заключать, что такъ было и при Святославѣ? По его мнѣнію, можетъ быть, Святославъ тоже хотѣлъ причислить Новгородъ къ Кіеву, но новгородцы не согласились и выпросили себѣ особливаго князя? Но мы не можемъ допустить такого предположенія, такой догадки. Дайте намъ доказательства, почему вы въ правѣ такъ заключить, — и мы васъ выслушаемъ и подумаемъ. Послѣ такихъ-то догадокъ, ничѣмъ не вызванныхъ, авторъ говоритъ: „Святославовъ раздѣлъ былъ *рѣшительно* образцомъ для Ярослава". Заключеніе слишкомъ важное, чтобъ его можно было высказывать такъ рѣшительно безъ доказательствъ. Авторъ знаетъ, что есть и другія мнѣнія, которыя даютъ совершенно другую точку зрѣнія. Судя по тому, какое мнѣніе будетъ принято, весь первый періодъ русской исторіи получаетъ совершенно иной видъ. Слѣдовательно, такъ легко говорить нельзя. По мнѣнію г. Бѣляева, Ярополкъ не былъ князь, равный своимъ братьямъ, а великій, — иначе Несторъ сказалъ бы, что по смерти Святослава начали княжить всѣ они, а онъ говоритъ это только о Ярополкѣ. Между тѣмъ, самъ же авторъ сказалъ, что Несторъ былъ лѣтописецъ кіевскій; очень естественно, что онъ ни слова не упомянулъ о

другихъ князьяхъ. Да и можно ли вообще изъ такого сомнительнаго, шаткаго даннаго развивать цѣлый взглядъ? Описаніе Ярополкова княженія—верхъ усилій такого рода. Въ борьбѣ этого князя съ своими братьями г. Бѣляевъ видитъ первообразъ всѣхъ послѣдующихъ княжескихъ усобицъ — мнѣніе, слишкомъ несогласное съ общимъ взглядомъ на эту борьбу, чтобы можно было его поставить, не приведя доказательствъ. Потомъ проведена параллель между Ярополкомъ и Изяславомъ, параллель, въ которой мы видимъ историческую фразу, какъ есть риторическія фразы, лишенныя дѣйствительнаго содержанія и смысла. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть произвольнѣе и случайнѣе этого сближенія? Оба, говоритъ авторъ, одинаковы по характеру; „оба люди довольно слабые для того, чтобы быть верховными правителями государства, раздѣленнаго между самовластными князьями“. (Послѣднее показываетъ, что авторъ имѣетъ превратное понятіе о началѣ такъ называемаго періода удѣловъ). Отношенія Ярополка къ Олегу авторъ сравниваетъ съ отношеніями Изяслава къ Всеславу полоцкому; и тѣ и другія обнаруживаютъ самолюбіе великихъ князей; Владиміръ играетъ одинакую роль съ Борисомъ Вячеславичемъ. Но Владиміръ, скажете вы, сталъ наконецъ великимъ княземъ, а Борисъ Вячеславичъ убитъ? Въ глазахъ г. Бѣляева, и это не мѣшаетъ параллели. Это, говоритъ, „оттого, что Владиміръ остался одинъ и велъ войну не открытымъ боемъ, а измѣною“. Разнясь въ подробностяхъ, событія сходны въ главномъ—въ стремленіи великихъ князей стѣснить удѣльныхъ, и въ томъ, что послѣдніе искали защиты у иноземцевъ. Но сколько послѣднее вѣрно, столько первое, въ примѣненіи къ этому времени, предположительно и ни на чемъ не основано. Настроивъ свои мысли такимъ образомъ, авторъ въ убійствѣ сына Свѣнельдова Олегомъ видитъ уже не простое событіе, какъ оно разсказано у лѣтописца, а выраженіе вражды между князьями. Ярополкъ согласился на то, чтобы Свѣнельдичъ охотился во владѣніяхъ брата; ему нуженъ былъ предлогъ поссориться съ Олегомъ; еслибъ ему не хотѣлось поссориться, онъ не сталъ бы мстить за Свѣнельдича, потому что Олегъ имѣлъ право безнаказанно его убить за нарушеніе его правъ. То-то же и есть! Хотѣлось такъ посмотрѣть, и увидалось, чего не видно. Не понимаемъ послѣ этого, отчего же г. Бѣляевъ не сдался на критическій разборъ Несторова разсказа объ осадѣ Кіева печенѣгами? Въ обоихъ можно усомниться, коли захотѣть,—оба можно найти совершенно удовлетворительными, не нашептывая ничего на ухо лѣтописцу.

За этимъ мы опять встрѣчаемъ въ статьѣ г. Бѣляева очень дѣльную замѣтку. Онъ говоритъ, что когда Владиміръ возвратился изъ-за моря съ варягами новгородцы не вступились въ его дѣла съ Ярополкомъ: „имъ нѣтъ нужды до княжескихъ усобицъ, поддерживаемыхъ только княжними дружинами и наемными пришельцами; точно такъ же вели себя въ началѣ удѣльнаго періода жители другихъ городовъ, Кіева, Чернигова и проч.“. Это вообще и справедливо и основательно. Чѣмъ же объясняетъ авторъ безучастіе общинъ? Какъ бы вы думали? Тѣмъ, что народъ удѣльной системы „не признавалъ и не сочувствовалъ ей, какъ идеѣ чужеземной, пришлой, а не родной, и первоначально даже *старался уклоняться* отъ всякаго участія въ княжескихъ усобицахъ“. Помилуйте! Можно ли такъ объяснять цѣлыя эпохи народной жизни! Скажите лучше, что государственная сфера, даже въ той дѣтской, первоначальной формѣ, въ какой она у насъ явилась, не была по плечу этому народу въ то время. Онъ объ ней не зналъ, какъ не знаетъ ребенокъ того, что̀ вокругъ него совершается. Русскій народъ до сихъ поръ ничего ни признавалъ, ни не признавалъ; тѣмъ болѣе тогда. И что это за своевольное обращеніе съ фактами! Народъ не принималъ участія въ княжескихъ усобицахъ? Хорошо. Какъ же это Владиміръ „присоединяетъ къ своей варяжской дружинѣ покоренныя Новгороду племена Славянъ (а новгородцы были славяне, стало-быть, они были покорны сами себѣ? Это такъ), Кривичей и Чуди, вѣроятно по условію съ Новгородцами, и идетъ на Полоцкъ“. Не очевидно ли, что каждая строка лѣтописи сама по себѣ вдохновляла автора, а на цѣлую лѣтопись онъ не обратилъ вниманія. Иначе нельзя было бы такъ рѣзко противорѣчить себѣ на десяти строкахъ.—Владиміръ просилъ руки Рогнѣды, чтобъ имѣть союзника; послѣ отказа завоевываетъ владѣніе Рогволода и женится на Рогнѣдѣ, чтобы быть обезпечену съ тылу на походѣ противъ Ярополка. Гдѣ же доказательства? Война была предпринята Владиміромъ противъ Ярополка „въ защиту удѣльныхъ правъ

противъ великокняжескихъ насилій". Скажите *князей, а не правъ*—и мы не станемъ спорить; между тѣмъ и другимъ огромная разница. Мысль, будто бы въ Россіи съ самаго начала были удѣлы и государственность, дала автору ложную точку зрѣнія на весь предметъ. „Власть удѣльныхъ князей, говоритъ онъ, и власть великаго князя была въ постоянной борьбѣ въ продолженіе всей русской исторіи до самаго уничтоженія удѣловъ Москвою. Великіе князья очень рано поняли, что удѣльная система, поддерживаемая только своею норманскою законностью и пришлыми княжескими дружинами, не съ большими усиліями могла быть уничтожена... таковое направленіе великокняжеской власти, согласное съ мѣстными обстоятельствами, натурально вызывало энергическое противоборство со стороны удѣльныхъ князей, доходившее до жестокости. А потому всѣ усилія удѣльныхъ князей, терзавшія наше отечество, и которыя такъ были порицаемы нашими позднѣйшими лѣтописцами (отнюдь не Несторомъ), не понимавшими дѣла, въ сущности своей были мѣрами законными". Эти слова служатъ самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ, какъ авторъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на то, что уже было говорено и писано о періодѣ удѣловъ; иначе онъ не высказалъ бы такъ рѣзко мнѣніе, давно уже переставшее быть аксіомой въ нашей исторической литературѣ. Тутъ все спорно—и то, что въ продолженіе *всей* русской исторіи власть великаго князя была въ борьбѣ съ властью удѣльныхъ князей, и то, что удѣльная система поддерживалась одною *норманскою* законностью, когда преобладающіе въ ней элементы были туземные, славянскіе, и то, что удѣльная система могла бызь уничтожена *не съ большими* усиліями, когда она, несмотря на эти усилія, просуществовала четыре вѣка слишкомъ. Вотъ какъ пишетъ г. Бѣляевъ! И всѣ эти мнѣнія, похожія больше на софизмы, чѣмъ на правдоподобныя догадки, для чего введены въ статью? Чтобъ доказать, что нельзя упрекать Владиміра ни въ звѣрствѣ, ни въ жестокости! Да кто жъ давно не оправдалъ всѣхъ ихъ и безъ всякихъ насилій исторіи? Въ послѣдствіи времени, когда роды князей размножились и права на великокняжеское достоинство смѣшались съ родовыми отношеніями, порядокъ дѣлъ, въ сущности оставаясь тотъ же, нѣсколько измѣнился въ своихъ частностяхъ". Рѣшительное непониманіе между-княжескихъ отношеній! Когда же, г. Бѣляевъ, они смѣшались и какъ? Неужели вы думаете, что эти отношенія такъ взяли себѣ да и смѣшались? А если вы такъ не думаете, отчего жъ такъ неосторожно говорите объ историческихъ явленіяхъ, какъ будто бы они съ неба свалились? Въ разборѣ Владиміровыхъ походовъ опять странности. Противъ камскихъ болгаръ Владиміръ идетъ съ Добрыней, новгородскимъ посадникомъ. Авторъ прибавляетъ: „чего мы не замѣчали въ прежнихъ походахъ кіевскихъ князей", и потомъ продолжаетъ: „Не въ защиту ли новгородской торговли Владиміръ предпринималъ этотъ походъ? Вообще, послѣдующая исторія Новгорода ясно доказываетъ, что Новгородцы не охотники были воевать изъ чужихъ выгодъ". Характеристическія слова лѣтописи, вложенныя въ уста Добрынѣ: „всѣ они въ сапогахъ (т.-е. болгары), эти дани намъ не дадутъ, пойдемъ искать лапотниковъ"—г. Бѣляевъ объясняетъ тѣмъ, что Добрыня изъ видовъ торговли хотѣлъ отклонить Владиміра отъ войны съ болгарами. Какъ, спросимъ мы автора, мы прежде не видали, чтобъ новгородцы ходили съ князьями въ походы? А кого жъ разумѣетъ лѣтописецъ подъ славянами, когда упоминаетъ ихъ въ числѣ прочихъ племенъ? Сколько разъ вы сами говорите въ вашемъ разсужденіи, что князья уговаривали новгородцевъ идти съ собой, а иныхъ, какъ, напр., Олега, новгородцы сами посылали. Что жъ это за постоянное увлеченіе любимою мыслью, минутно рождаемой тѣмъ мѣстомъ, которое толкуется, и что это за полное забвеніе сказаннаго за нѣсколько страницъ? А если неправда, что новгородцы прежде не хаживали въ походы съ князьями, то и гипотеза о томъ, что они склонили Владиміра воевать съ болгарами изъ торговыхъ видовъ—сущая фантазія. Мы и здѣсь скажемъ, что́ говорили прежде, много разъ: можетъ быть такъ, а можетъ быть и нѣтъ. Не имѣя данныхъ, имѣемъ ли мы право хитростно создавать фактъ, на который нѣтъ никакихъ указаній? А это дѣлаетъ авторъ безпрестанно. Повѣствованіе о крещеніи Россіи и Владиміра разобрано очень остроумно. Г. Бѣляевъ думаетъ, не безъ основанія, что крещеніе Руси Несторъ разсказалъ по живому преданію, хотя мы и не знаемъ, на какомъ основаніи онъ считаетъ Іеремію современникомъ Нестору.

Что же касается до крещенія Владиміра, оно заимствовано изъ византійскихъ письменныхъ извѣстій. Взглядъ на всѣ обстоятельства, сопровождавшія наше обращеніе къ христіанству, очень оригиналенъ и имѣетъ за себя много данныхъ.

„То же должно сказать о посольствѣ разныхъ народовъ съ предложеніями вѣръ, объ отправленіи Владиміровыхъ пословъ для испытанія, кто лучше служитъ къ Богу, а также о проповѣди греческаго философа и о катихизисѣ, данномъ Владиміру въ Корсуни. Все это описаніе носитъ на себѣ печать обдуманнаго письменнаго сочиненія, а не живой рѣчи; подробности, здѣсь помѣщенныя, явно принадлежатъ книгамъ, а не разговору; народное преданіе ихъ не могло знать; здѣсь все направлено къ одной цѣли, чтобы унизить другія вѣры передъ греческою; вопросы Владиміра и отвѣты проповѣдниковъ рѣшительно писаны греческимъ христіаниномъ, Византійцемъ. Относительно проповѣди греческаго философа и катихизиса, даннаго Владиміру, рѣшительно можно сказать, что они еще въ Несторово время, должно быть, ходили въ рукописяхъ, и не по нимъ ли дѣлали оглашенія народу корсунскіе и византійскіе миссіонеры; ибо здѣсь сокращенно представлена вся библейская исторія и сводъ всѣхъ пророчествъ о Христѣ, а также искусно совмѣщены всѣ догматы православнаго вѣроисповѣданія и всѣ вселенскіе соборы, именно, все то, что нужно миссіонерамъ при оглашеніяхъ, или проповѣдяхъ къ обращаемому народу Называть все это позднѣйшими вставками, или даже сочиненіемъ самого Нестора, значитъ явно идти противъ всѣхъ законовъ логики и исторіи; ибо, во-первыхъ, описанные здѣсь предметы, позднѣе на Руси описывались въ другомъ видѣ, чему свидѣтельствомъ служатъ многія русскія рукописи XIV, XV, XVI и XVII вѣковъ; во-вторыхъ, особенно въ катихизисѣ, изложена самая жаркая полемика противъ ересей, которую могъ написать только Византіецъ X вѣка, живо помнившій, чего стоила Церкви жестокая и продолжительная борьба съ еретиками; въ-третьихъ, здѣсь есть много мѣстъ, которыхъ никто не могъ написать даже во время Нестора, и тѣмъ болѣе послѣ него, напримѣръ, обличая развратную жизнь западнаго духовенства, катихизисъ говоритъ: „Взмутиша Италію всю, сѣюще ученье свое разно: ови бо попове единою женою оженѣвся, служатъ, а друзіи до седмые жены поимаюче служатъ“. А извѣстно изъ церковной исторіи, что въ XII вѣкѣ, когда жилъ Несторъ, западное духовенство уже давно все было безбрачнымъ; ибо еще буллою папы Григорія VII-го всѣ женатые священники и клирики отрѣшены отъ своихъ должностей. Слѣдовательно, о женатыхъ попахъ въ Италіи можно было говорить только въ X вѣкѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ первой половинѣ XI-го, но отнюдь не въ XII-мъ“ (стр. 39).

Въ концѣ жизнеописанія Владимірова въ Несторовой лѣтописи помѣщенъ панегирикъ этому князю. Г. Бѣляевъ выводитъ изъ него, что онъ былъ написанъ, когда Владиміръ не былъ еще причисленъ къ лику святыхъ, и это очень правдоподобно.

Послѣ этихъ интересныхъ замѣтокъ, которыя являются какими-то оазисами между натяжками и фантазіями, г. Бѣляевъ опять возвращается къ своей обычной манерѣ. Владиміръ не назначилъ Кіева никому изъ князей: „слѣдовательно, право на великокняжеское достоинство, соединенное съ кіевскимъ владѣніемъ, не имѣло нужды въ особомъ назначеніи и безспорно принадлежало старшему въ родѣ“. Но откуда же это слѣдуетъ? Очень спорно, какъ и когда и для чего разослалъ Владиміръ своихъ сыновей по разнымъ областямъ, а г. Бѣляевъ строитъ цѣлую гипотезу на томъ только, что Владиміръ не назначилъ никого въ Кіевъ, и ссылается на слова Бориса: не подыму рукъ на старшаго брата, онъ будетъ мнѣ отцомъ,—слова, которыя совсѣмъ не доказываютъ, что Святополку приходился Кіевъ. Междоусобія Святополка съ братьями авторъ объясняетъ родовою местью—что очень похоже на дѣло, и борьбою великокняжеской власти съ удѣльною властью—что на дѣло совершенно непохоже, потому что для этого нѣтъ данныхъ ни въ предыдущемъ, ни въ ближайшемъ послѣдующемъ. Святополкъ могъ хотѣть уничтожить удѣльныхъ князей—это понятно, но почему авторъ видитъ тутъ выраженіе борьбы двухъ властей—не понимаемъ. Такъ же странно разсужденіе о взятіи Новгорода Брячиславомъ полоцкимъ. Оно кажется подозрительнымъ г. Бѣляеву, потому что въ новгородской лѣтописи объ этомъ не говорится. Дѣйствительно, это молчаніе наводитъ нѣкоторую тѣнь сомнѣнія на это событіе (которое, впрочемъ, само по себѣ и не особенно важно). Но авторъ этимъ не удовольствовался. Онъ выводитъ отсюда вотъ что: „не изъ однихъ ли видовъ властолюбія воевалъ Ярославъ съ Брячиславомъ? Несторъ же, зная, что война была въ краяхъ новгородскихъ, назвалъ ее преслѣдованіемъ за разграбленіе Новгорода; въ противномъ случаѣ мудрено допустить, чтобы Ярославъ довольствовался однимъ отнятіемъ добычи, и не наказалъ Брячислава примѣрно за явное оскорбленіе великокняжеской власти, и притомъ не такъ-то легко повѣрить, чтобы новгородцы, недавно еще помогавшіе Ярославу противъ сильнаго Святополка, не справились сами съ какимъ-нибудь Брячиславомъ и допустили его занять Новгородъ; да и почему самъ Брячиславъ,

занявши Новгородъ, не оставилъ его за собою? Неужели какой нибудь Полоцкъ былъ лучше богатаго и сильнаго Новгорода". Истинно государственныя и политическія соображенія! Видите ли: Ярославъ чуть-чуть не теперешній король, столько же щекотливый, ревнивый къ своей власти. Брячиславъ не могъ взять Новгорода, а Всеславъ могъ, какъ признается самъ авторъ на 51 страницѣ своего разсужденія; Андрей Боголюбскій взялъ Кіевъ и отдалъ его своему брату, а Брячиславъ не могъ оставить Новгорода и возвратиться въ Полоцкъ. Что сказать на все это? Изъ того, что походы Ярослава были преимущественно направлены къ западу, авторъ выводитъ, что „*очевидно...* при Ярославѣ Русь спѣшила вдвинуться въ Европу и покорить всѣ полудикія племена, отдѣлявшія ее отъ образованныхъ европейскихъ государствъ; изъ видовъ сближенія съ Европою Ярославъ воевалъ съ полудикими племенами даже и не для себя". Образованныя европейскія государства въ XI вѣкѣ! И объ этомъ хлопочетъ юная Русь, доведшая страсть къ идеѣ до того, что покоряла племена для другихъ!

Въ замѣчаніяхъ на завѣщаніе Ярослава много справедливаго и много ложнаго. Особенно справедливо то, что оно „указываетъ на ослабленіе закона старѣйшинства и соединенной съ нимъ удѣльной системы; иначе же Ярославу не зачѣмъ было повторять этотъ законъ въ особомъ завѣщаніи, еслибы онъ не замѣчалъ его ослабленія". Мысль вѣрная, объясняющая, почему Ярославъ возводитъ начало рода на степень политической системы. Но дальнѣйшія толкованія во многомъ произвольны. Порученіе великому князю наблюдать за неприкосновенностью удѣловъ не могло быть внушено Ярославу желаніемъ удержать его отъ стѣсненія удѣльныхъ князей. Будь это такъ, Ярославъ не далъ бы великому князю отеческой, т.-е. по тогдашнему очень большой власти надъ прочими. Если онъ и его отецъ Владиміръ сами на себѣ испытали своеволіе великихъ князей, тѣмъ менѣе захотѣлъ бы онъ подвергнуть тому же своихъ сыновей. А что онъ, „утверждая завѣщаніемъ неприкосновенность удѣловъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, молча дозволялъ удѣльнымъ князьямъ соединиться противъ великаго князя, еслибы онъ рѣшился посягнуть на какой либо удѣлъ"—это совершенно несправедливо и ни на чемъ не основано. Этотъ выводъ сдѣлали на фактѣ сами князья; но онъ былъ признакомъ разложенія кровныхъ, родовыхъ отношеній, которыя силился утвердить и упрочить Ярославъ.

Идя отъ ложнаго взгляда на отношенія между князьями послѣ Ярослава, авторъ натянуто истолковалъ выступленіе Ростислава изъ Тмутоककани, когда подошелъ къ ней Святославъ, отецъ Глѣба, выгнаннаго Ростиславомъ. Оно было только слѣдствіемъ уваженія племянника къ дядѣ,—уваженія, котораго первый не могъ имѣть къ своему младшему двоюродному брату; а г. Бѣляевъ вводитъ въ объясненіе начало территоріальное, вовсе не у мѣста, ибо о немъ не было тогда и рѣчи.— За тѣмъ, преслѣдуя свою мысль о борьбѣ великокняжеской власти съ властью удѣльныхъ князей, авторъ видитъ эту борьбу и тамъ, гдѣ данныя хранятъ о ней глубокое молчаніе: въ войнѣ Изяслава со Всеславомъ, въ томъ, что князья, разбитые половцами на Альтѣ, бѣжали двое въ Кіевъ, а Святославъ въ Черниговъ, въ томъ, что изгнанный Изяславъ бѣжалъ не къ удѣльнымъ князьямъ, а къ королю польскому. Все это однѣ догадки, которыхъ ничѣмъ доказать нельзя, и которыя, именно потому, не имѣютъ въ нашихъ глазахъ никакой цѣны.—Старая, еще карамзинская, присказка о переводѣ кіевскаго торга на гору—будто это сдѣлалъ Изяславъ „изъ опасенія вторичнаго возмущенія" кіевлянъ, повторена и у г. Бѣляева, несмотря на то, что лѣтопись не говоритъ объ этомъ ни слова. — На той же 53 страницѣ встрѣчаемъ противорѣчіе съ прежнимъ. Разсказавъ событія Изяславова княженія включительно до его возвращенія изъ перваго бѣгства, авторъ говоритъ: „Итакъ Ярославовъ завѣтъ и коренной исконный законъ старѣйшинства нарушены: младшіе приказываютъ старшему —и онъ исполняетъ ихъ требованія; на Руси болѣе нѣтъ верховнаго главы; каждый удѣлъ есть уже самостоятельное, отдѣльное, независимое государство; и только законъ родства и почтеніе къ гробамъ предковъ, похороненныхъ въ Кіевѣ, поддерживаютъ какую-то слабую связь между князьями". А выше, на стр. 43, мы находимъ вотъ что́: „по тогдашнему образу мыслей (XI вѣка) князь, получившій удѣлъ, становился уже лицомъ самостоятельнымъ, и удѣлъ его, отдѣленный старшимъ княземъ отъ своего, болѣе уже не́ принадлежалъ старшему князю и никогда не могъ быть возвращенъ къ нему безъ нарушенія права". Одного сличенія этихъ двухъ мѣстъ

совершенно достаточно, чтобъ убѣдить насъ, какъ твердъ, дѣленъ взглядъ автора на время удѣловъ!

Рядомъ съ этимъ г. Бѣляевъ оказалъ значительную услугу русской исторіи, обративъ вниманіе на одинъ фактъ, доселѣ какъ-то мало понятый, а между тѣмъ, замѣчательный,—именно, на занятіе Святославомъ Бѣлоозера и Новгорода, которые прежде никогда не принадлежали черниговскимъ князьямъ.—Вообще усиленіе Святославова рода и упадокъ его, когда Всеволодъ вступилъ на великокняжескій престолъ, очерчены очень живо. „Завѣтъ Ярослава", говоритъ авторъ, „которымъ онъ думалъ поддержать на долго законъ старѣйшинства, не просуществовалъ и одной четверти вѣка; въ продолженіе трикратнаго княженія Изяслава все Ярославово исчезло, и только старый законъ старѣйшинства остался влачить дни свои, но уже не для себя, а для прикрытія новыхъ идей, къ которымъ еще не привыкли люди". Какъ ни вѣрно это замѣчаніе, но мы позволимъ себѣ замѣтить автору, что никто не прикрывалъ себя старыми формами; онѣ падали, но еще не упали совершенно, и тѣ князья, которые выступали изъ прежняго порядка вещей, сами не ясно сознавали свои новыя стремленія. Такъ вездѣ и всегда было; такъ было и у насъ. Это еще добросовѣстное лицемѣрство, которое не удовлетворяется старымъ, но не знаетъ еще новаго, и идетъ къ нему ощупью. На стр. 56 мы находимъ совершенно новый взглядъ на Всеволода. До сихъ поръ онъ былъ какъ-то не замѣченъ. Г. Бѣляевъ называетъ его „хитрѣйшимъ изъ сыновей Ярославовыхъ", „осторожнѣйшимъ изъ братьевъ", который умѣлъ противъ обоихъ сражаться, ни съ однимъ не поссориться и незамѣтно усилить свой родъ такъ, что по смерти Изяслава онъ сдѣлался самымъ могущественнымъ княземъ, и черезъ 15 лѣтъ владѣлъ чуть ли не всею Россіею. Убійство Романа и отвезеніе Олега половцами въ Константинополь, по мнѣнію г. Бѣляева, было тоже дѣломъ хитраго Всеволода. Въ пользу этого мнѣнія, въ самомъ дѣлѣ, говоритъ усиленіе рода Всеволодовичей. Только трудно рѣшить, было ли такъ вслѣдствіе усилій родоначальника, или это сдѣлалось само собою, вслѣдствіе того, что Всеволодъ былъ однимъ изъ старшихъ князей. Какъ бы то ни было, но усиленіе Всеволодова рода надъ всѣми другими давно уже замѣчено, и на это есть данныя; а на то, чтобъ это было дѣломъ самого Всеволода, его дальновидной, осторожной и хитрой политики,—ничто не указываетъ. Далѣе находимъ мы критику одного извѣстія лѣтописи, но совершенно произвольную, ни на чемъ не основанную. Богъ знаетъ, отчего пришло г. Бѣляеву на мысль въ немъ усомниться. Лѣтопись говоритъ: Ярополкъ хотѣлъ идти на Всеволода, послушавъ злыхъ совѣтниковъ. А авторъ говоритъ: это невѣроятно, „ибо нигдѣ нѣтъ и помину о приготовленіи этого князя къ войнѣ"; конечно, онъ не могъ одинъ стоять противъ Всеволода, а у него союзниковъ не было и т. д. Вотъ что̀ называется сомнѣваться ни съ того, ни съ сего! „Гораздо естественнѣе", продолжаетъ г. Бѣляевъ, „согласиться, что властолюбивый и хитрый Всеволодъ тѣснилъ Ярополка, и послалъ Мономаха только потому, что племянникъ, можетъ быть, осмѣлился въ переговорахъ отстаивать права удѣльнаго князя; на это указываетъ и выходъ Ярополка въ Кіевъ за годъ передъ его мнимымъ возмущеніемъ". Ну, не правда ли, что русская исторія теперь представляетъ широкую арену для самаго необузданнаго произвола? Вздумалось одно приписать этой исторіи—и приписываютъ; вздумалось въ одномъ усомниться—и сомнѣваются; захочется то-то отвергнуть — и отвергаютъ. Фактъ ничего не значитъ, и на мѣстѣ его царитъ фантазія самая безграничная, какую только можно себѣ представить. Возмутился ли Ярополкъ, или нѣтъ, самъ по себѣ этотъ вопросъ такъ неваженъ, что надъ нимъ нечего долго останавливаться; но произвольные пріемы, съ которыми приступаютъ къ фактамъ, по истинѣ ужасны и производятъ грустное впечатлѣніе. Вызовъ Ярополка въ Кіевъ! Прочтите лѣтопись, она говоритъ просто: „Въ лѣто 6592 (1084) приходи Ярополкъ ко Всеволоду на Великъ день". Гдѣ жъ *вызовъ*?—Далѣе тоже самое: „Ростиславичи, захватившіе себѣ удѣлы, очевидно, противъ воли Великаго князя... зная, что, не усиливая своихъ удѣловъ, не могутъ существовать безопасно въ сосѣдствѣ съ сильнымъ Всеволодовымъ родомъ, они, при помощи Половцевъ, удачно воевали съ сосѣдями ляхами и на ихъ счетъ увеличивали свои удѣлы". Да какое же право имѣете вы, г. Бѣляевъ, дѣлать этотъ выводъ, когда источники на это не указываютъ, даже мимоходомъ, даже вскользь? Въ исповѣди Василька я вижу совсѣмъ противное. Что жъ это будетъ, если мы всѣ станемъ такъ тол-

ковать факты, не справляясь съ источниками? Есть ли хоть какая нибудь возможность такъ толковать?—Затѣмъ слѣдуетъ взглядъ на половецкія войны, очень вѣрный и основательный. Авторъ видитъ въ нихъ въ это время дѣло младшихъ удѣльныхъ князей, которые съ помощью половцевъ отстаивали свои права противъ Всеволода, великаго князя и его рода, — и видитъ это въ томъ, что князья другихъ родовъ не участвовали въ войнахъ съ половцами, а послѣдніе никогда не нападали на ихъ владѣнія. Но потомъ мы опять встрѣчаемъ совершенно произвольное предположеніе, что „Мономахъ, по смерти отца, нашелся вынужденнымъ уступить великокняжескій престолъ старшему изъ всѣхъ князей, Святополку". Почему же авторъ думаетъ, что Владиміръ былъ вынужденъ, а не добровольно это сдѣлалъ,—Владиміръ, который былъ идеаломъ тогдашнихъ князей, котораго такъ любили? Слова лѣтописи: Владиміръ началъ размышлять, говоря: если сяду на престолъ отца моего, то долженъ буду воевать съ Святополкомъ, потому что престолъ этотъ достался отъ его отца,—вовсе не доказываютъ мнѣнія автора; изъ нихъ только видно, что Владиміръ раздумывалъ, чье право лучше на Кіевъ. Такъ подъ перомъ г. Бѣляева факты совершенно измѣняютъ свой смыслъ! — На стр. 59—60 онъ говоритъ о панегирикѣ лѣтописца Всеволоду, и по этому поводу сравниваетъ послѣдняго съ Изяславомъ. Выпишемъ это мѣсто. Оно любопытно во многихъ отношеніяхъ:

„Бѣ же Изяславъ мужъ взоромъ красенъ и тѣломъ великъ, незлобивъ нравомъ, криваго ненавидя, любя правду; не бѣ въ немъ льсти, но простъ мужъ умомъ, не вздая зла за зло". А вотъ и Всеволодъ: „Сій бо благовѣрный князь Всеволодъ бѣ издѣтьска боголюбивъ, любя правду, набдя убогія, въздая честь Епископомъ и презвитеромъ, излихаже любяше черноризци, подаяше требованье имъ; бѣ же и самъ въздержася отъ пьянства и отъ похоти". Какая разница между братьями: одинъ красивый, величественный, откровенный, простой, добродушный и, кажется, веселый въ жизни; по крайней мѣрѣ лѣтописецъ не выставляетъ воздержности въ числѣ его достоинствъ; другой же богомольный, видимо внимательный къ убогимъ, искательный передъ духовенствомъ, которое имѣло большое вліяніе на народъ, строгій къ самому себѣ въ отношеніи къ воздержанію и чистотѣ нравовъ, слѣдовательно, человѣкъ осторожный, скрытный, но отнюдь не откровенный и не добродушный. Это чуть не Ольгердъ XI вѣка; его, кажется, нельзя было застать въ расплохъ: онъ всегда ловко умѣлъ пользоваться обстоятельствами; ему далеко уступали въ политическомъ умѣ всѣ, окружавшіе его современники; но зато, какъ въ правителѣ народа, въ немъ не доставало многаго. Слишкомъ занятый княжескою политикою, онъ, кажется, вовсе забылъ о народѣ; при немъ тіуны грабили и продавали гражданъ, а онъ не думалъ за нихъ вступиться и народъ очевидно не любилъ его, и не проронилъ слезинки на его похоронахъ, которые вотъ какъ описываетъ Несторъ: „преставися тихо и кротко. Володимеръ же плакася съ Ростиславомъ братомъ своимъ, спрятаста тѣло его, и собрашася Епископи и игумени, и черноризьцы, и попове, и бояре, и простіи людье вземше тѣло его, со обычными пѣснми положиша и въ Святѣй Софьи". Какъ все чинно и холодно! Гдѣ же любовь народная? Какое сравненіе съ похоронами Изяслава, гдѣ, за плачемъ и воплемъ народнымъ, не было слышно церковнаго пѣнія: „и не бѣ лзѣ слышати пѣнья во плачи, велицѣ вопли, плака бо ся по немъ весь Кіевъ" (стр. 59 и 60).

Прочитавши похвалы лѣтописи и тому и другому князю, всякій скажетъ: оба въ своемъ родѣ, по тогдашнему, были хороши. Что Изяславъ былъ веселый въ жизни— никто не скажетъ, потому что изъ молчанія лѣтописи этого извлечь нельзя. Но такъ же никто не скажетъ, что Всеволодъ былъ искателенъ передъ духовенствомъ, потому что этого лѣтопись не говоритъ; такъ же никто не увидитъ, что Всеволодъ былъ человѣкъ осторожный, скрытный, но отнюдь не откровенный и не добродушный, чуть-чуть не Олгердъ XI вѣка. Что онъ былъ дурной правитель, изъ лѣтописи тоже не видно, ибо она говоритъ, что онъ любилъ правду; она говоритъ также, что ему было много огорченій отъ племянниковъ; при огорченіяхъ поднялись и болѣзни, а ко всему этому приспѣвала старость. Тогда начались хищничества и неправды правителей, о которыхъ онъ не зналъ въ болѣзняхъ своихъ. Гдѣ жъ тутъ мѣсто объясненію, что Всеволодъ, „слишкомъ занятый княжескою политикою, вовсе кажется забывалъ объ народѣ?" Народъ могъ его не любить, положимъ (какъ ни трудно заключить объ этомъ изъ того, что въ лѣтописи не упоминается о плачѣ народа), но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобъ онъ былъ таковъ, какимъ описываетъ его г. Бѣляевъ. И тутъ вымыселъ, и тутъ фантазія заступаетъ мѣсто дѣйствительныхъ представленій, основанныхъ на положительныхъ или, по крайней мѣрѣ, вѣроятныхъ историческихъ данныхъ. Пропуская описаніе княжескихъ междоусобій, въ которомъ тоже безпрестанно встрѣчаемъ ввертки, основанныя не на источникахъ, а на одныхъ не-

доказанныхъ предположеніяхъ,—перейдемъ къ описанію любечскаго съѣзда князей. О томъ, что съѣздъ не былъ въ Кіевѣ, авторъ говоритъ: „Это намекаетъ, что удѣльные князья или не довѣряли Святополку и Мономаху, или не хотѣли унизиться передъ великимъ княземъ, и считали его почти равнымъ себѣ, каковымъ кажется и былъ Святополкъ". Недовѣрчивость понятна; но этотъ счетъ съ великимъ княземъ, послѣ Всеволода и передъ Мономахомъ, въ концѣ XI вѣка,—кажется чистой фантазіей. По крайней мѣрѣ, нѣтъ данныхъ для этой мысли. Постановленія съѣзда разсказаны неправильно. „На любечскомъ съѣздѣ", говоритъ г. Бѣляевъ: „послѣ долгихъ споровъ (о которыхъ ни слова въ лѣтописи), рѣшились возстановить раздѣлъ Ярославовъ и каждому роду возвратить свою отчину... со всѣми областями, причисленными къ этимъ удѣламъ еще Ярославомъ". Послѣдняго тоже нѣтъ въ постановленіи съѣзда, сообщенномъ намъ лѣтописью, но прибавлено, что города, розданные Всеволодомъ, остаются за тѣми князьями, которые ихъ получили, и названы трое: Давидъ и двое Ростиславичей. Но какое дѣло автору до того, что̀ говоритъ лѣтопись; ему понравилась мысль, что любечскій съѣздъ долженъ былъ возстановить Ярославову систему, и онъ продолжаетъ: „но кажется, возстановленіе Ярославовой системы было только на словахъ"... „кажется, Мономахъ о Ярославовой системѣ вовсе не думалъ"... „Если бы Мономахъ думалъ вполнѣ возстановить Ярославову систему, то ему всего лучше было" сдѣлать то-то и то-то. Приписать съѣзду цѣль, которой онъ не имѣлъ, да и варьировать на тему, зачѣмъ отъ этой цѣли отступили, и какъ неправильно сдѣлали, что отступили,—вотъ верхъ фантастическаго направленія изслѣдованій! Результатомъ съѣзда, по словамъ г. Бѣляева, было то, что Мономахъ привязалъ къ себѣ Святославичей. Но было ли это замышлено Владиміромъ, или это вышло само собою, вотъ чего нельзя рѣшить, тогда какъ именно это одно и можетъ дать намъ вѣрный взглядъ на характеръ и замѣчательную личность Мономаха. Г. Бѣляевъ склоняется на первое предположеніе, но онъ не правъ, ибо для этого нѣтъ доказательствъ.

На 65 стр. и слѣдующей, авторъ входитъ въ подробныя изслѣдованія того мѣста Несторовой лѣтописи, въ которомъ разсказываются событія трехлѣтней междоусобной войны, вспыхнувшей послѣ княжескаго съѣзда въ Любечѣ. Онъ утверждаетъ, что все это описаніе, начиная отъ словъ: „и приде Святополкъ съ Давыдомъ Кіеву, и ради быша людье вси" (стр. 109 по изд. Арх. Коммис.), до словъ: „но даша ему Дорогобужъ, въ немъ же и умре; а Святополкъ перея Володимерь, и посади въ немъ сына своего Ярослава" (стр. 116, тамъ же) — позднѣйшая вставка, не принадлежащая къ первоначальному тексту Нестора. Это доказываетъ г. Бѣляевъ безпорядкомъ въ разсказѣ происшествій, отсутствіемъ хронологіи, наконецъ, языкомъ этой вставки, рѣзко отличающимся отъ Несторова. Выходитъ, что собственно въ лѣтописи нѣтъ перерыва; краткія повторенія происшествій внесены только для того, чтобы дополнить промежутокъ, оставленный переписчикомъ, который весь разсказъ событій за три года вмѣстилъ подъ однимъ годомъ, и переходя опять къ Несторову повѣствованію, долженъ былъ подъ двумя недостающими годами выставить сокращенное повтореніе событій, уже разсказанныхъ прежде. Что на этомъ перерывѣ не прекращается лѣтопись—доказывается продолженіемъ, написаннымъ совершенно въ одномъ духѣ съ предыдущимъ разсказомъ, до вставки. Судить о томъ, до какой степени г. Бѣляевъ правъ, мы не рѣшаемся, и предоставляемъ это филологамъ и спеціалистамъ по этой части. Замѣтимъ только, что различныя мнѣнія о Несторовой лѣтописи до такой степени размножились, такъ они разнообразны и часто такъ причудливы, что давно бы пора свести ихъ, сличить между собою, провѣрить данныя, на которыхъ они основываются; словомъ, подвести полный ученый итогъ подъ тѣмъ, что уже сдѣлано, и уже потомъ твердо идти впередъ. А то мы все строимъ и строимъ, такъ что почва изчезла подъ ногами, и карточные домики получили право гражданства между великолѣпными зданіями. На стр. 69 произволъ толкованій различныхъ мѣстъ лѣтописи опять невольно поражаетъ читателя: почти рядомъ стоятъ слова, противорѣчащія другъ другу. Святополкъ, великій князь кіевскій, поймалъ измѣннически Ярослава Ярополковича и посадилъ его въ тюрьму. Г. Бѣляевъ говоритъ: „Это событіе замѣчательно потому, что служитъ прямымъ свидѣтельствомъ

высшей власти родоначальника, или старшаго въ родѣ, которому младшіе должны были повиноваться, какъ главѣ своего рода: другіе же не имѣли права вступиться въ родовыя расправы: Ярославъ былъ пойманъ обманомъ и засаженъ въ темницу, и ни одинъ князь не вступился за него, конечно не потому, чтобы Святополкъ былъ сильнѣе всѣхъ, но единственно изъ уваженія къ родовому праву". Теперь просимъ сравнить съ этими словами то, что сказано нѣсколько строкъ выше. „Изъ Несторова разсказа... видно, что на обоихъ съѣздахъ Мономахъ дѣйствовалъ одинаково съ великимъ княземъ и, какъ главный представитель всѣхъ удѣльныхъ князей, рѣшалъ судьбу войны и мира, даже иногда явно противъ великокняжескихъ убѣжденій; прочіе же князья безпрекословно слѣдовали его распоряженіямъ, такъ что онъ, не бывши великимъ княземъ нарицательно, нравственно былъ главою всей Руси и въ одно и то же время опорою великокняжеской власти и защитникомъ удѣльнаго права". Если Владиміръ былъ „главнымъ представителемъ всѣхъ удѣльныхъ князей", и они „безпрекословно слѣдовали его распоряженіямъ", какимъ бы образомъ онъ не имѣлъ права „вступаться въ родовыя расправы?" Если онъ былъ „защитникомъ удѣльнаго права", какимъ образомъ онъ не вмѣшался въ это дѣло? Ясно, что авторъ писалъ всегда подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ отдѣльнаго мѣста; иначе онъ не могъ бы такъ себѣ противорѣчить. Эта манера, къ несчастію, сильно вкоренившаяся въ нашихъ изслѣдователяхъ, и есть причина, почему такъ мало дѣльнаго сказано у насъ о періодѣ удѣловъ, и почему факты обросли непроницаемой корой самыхъ неестественныхъ толкованій. Вы объяснили себѣ одинъ фактъ; глядь—рядомъ другой, который ему противорѣчитъ. Забывши первое толкованіе, вы пріискиваете ближайшее. Изъ цѣлаго выходитъ нѣчто несвязное, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ исполненное смысла въ частяхъ, что и не знаешь, какъ найтись въ этомъ лѣсу. Начни кто-нибудь смотрѣть проще, пусть смететъ весь этотъ хламъ очень умныхъ, но ни къ чему не ведущихъ толкованій или, лучше сказать, *прибавленій* къ лѣтописи и источникамъ, и посмотрите тогда, какъ, во-первыхъ, сократятся величественные размѣры нашей отдаленной старины, и какъ всѣ послѣдующія событія окажутся простыми и естественными. Но теперь мы ходимъ въ какомъ-то чаду, изъ-за котораго не можемъ ничего разглядѣть; это умственное опьяненіе, при которомъ голова создаетъ исторію, а не факты.

Вотъ вся статья г. Бѣляева. Просимъ извиненія у читателей за утомленіе, которое произвелъ на нихъ нашъ разборъ. Мы сами страшно утомились, слѣдя шагъ за шагъ за авторомъ, но нечего было дѣлать. Видѣть такія явленія въ нашей исторической литературѣ, такое печальное продолженіе цѣлой вереницы старыхъ—очень непріятно, потому что они только затемняютъ дѣло, увеличивая число невѣроятныхъ гипотезъ, невозможныхъ и ни на чемъ не основанныхъ предположеній. Тѣмъ непріятнѣе намъ думать, что такую статью написалъ г. Бѣляевъ, который другими своими статьями пріобрѣлъ полное право на признательность и уваженіе всѣхъ занимающихся русской исторіей.

Вторая статья „о Галиціи и Лодомеріи" (въ отдѣлѣ иностранныхъ матеріаловъ) принадлежитъ извѣстному датскому историку Суму и переведена на русскій языкъ протоіереемъ Сабининымъ. Статья очень ученая, хотя и съ ошибками, но до такой степени сухая, безрезультатная, что врядъ ли у кого нибудь достанетъ терпѣнія прочесть ее. Это не разсужденіе, а компиляція изъ источниковъ.

Третья статья—„Троицкіе походы" (въ смѣси), сочиненіе г. Забѣлина. Мы съ особеннымъ удовольствіемъ читали ее и прежде въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" въ прошедшемъ году, и съ новымъ удовольствіемъ перечитали теперь. Въ этомъ изданіи она, кажется, не подверглась значительнымъ измѣненіямъ, хотя, по свидѣтельству автора, сдѣланы поправки и значительныя дополненія въ концѣ, въ видѣ приложеній. *Походами* назывались въ до-Петровской Руси путешествія, предпринимаемыя царями или царскимъ дворомъ въ монастыри, обители, пустыни для богомолья. Г. Забѣлинъ описалъ одинъ изъ такихъ походовъ въ Сергіеву Троицкую Лавру. Его методъ изложенія чрезвычайно простъ, и именно поэтому необыкновенно увлекателенъ, живописенъ. Онъ разсказываетъ походъ хронологически, начиная съ первыхъ приготовленій до возвращенія въ Москву. Надъ каждымъ словомъ,

обычаемъ или обрядомъ, теперь непонятнымъ, онъ останавливается и объясняетъ его современными актами и памятниками. Какъ всѣ разсказы такого рода, эти описанія живо характеризуютъ эпоху и людей до реформы; старая Русь какъ будто оживаетъ передъ вашими глазами, и многое непонятное черезъ такое наглядное изученіе дѣлается вдругъ понятнымъ. Мы высоко цѣнимъ статью г. Забѣлина и рекомендуемъ ее прочитать всѣмъ любителямъ русской старины, особенно ревностнымъ ея защитникамъ. Это одно изъ лучшихъ дополненій къ картинѣ, изображенной Кошихинымъ, и впечатлѣніе ея не менѣе тягостно. Церемоніальность, китаизмъ всей этой жизни, приправленный какой-то непонятной наивностью и добродушіемъ, или, правильнѣе, благодушіемъ, проступаютъ въ каждой чертѣ яркими красками. Такъ и чувствуешь, читая ее, что живешь въ то время.

Наконецъ, въ смѣси же, находимъ статью покойнаго Венелина: „Окружные жители Балтійскаго моря". Это продолженіе ученаго труда, котораго начало помѣщено въ 4-й книжкѣ; но тамъ шла рѣчь объ Леттахъ, а здѣсь о славянахъ. По спокойствію тона, по ловкости и удачности пріемовъ, это едва ли не одно изъ лучшихъ сочиненій Венелина. Не знаемъ, когда статья написана, но ея зрѣлость, отсутствіе выходокъ въ пользу славянъ и противъ нѣмцевъ, серьёзный ученый взглядъ на вещи, — все заставляетъ думать, что она относится къ числу его послѣднихъ произведеній. Мы видимъ здѣсь Венелина какъ бы почившаго на лаврахъ, достигшаго цѣли, какъ бы уже совершившаго свой подвигъ. Нельзя не сказать здѣсь къ слову, что этотъ замѣчательный человѣкъ до сихъ поръ не оцѣненъ еще, какъ должно. Онъ одинъ изъ первыхъ у насъ началъ отыскивать слѣды погибшихъ или переродившихся славянскихъ племенъ и снимать ложный покровъ, которымъ славяне были заслонены въ исторіи. Правда, многое онъ преувеличилъ, много внесъ парадоксовъ въ исторію; но не забудемъ, что у насъ Венелинъ первый пошелъ по этому пути, со всѣмъ энтузіазмомъ пылкаго и односторонняго человѣка. Онъ не принадлежалъ къ теоретикамъ-славянофиламъ, самой безплодной, безрезультатной отрасли этого направленія,—а къ историкамъ, и оказалъ услугу уже тѣмъ, что поднялъ вопросъ, оживилъ изслѣдованія. Такъ же несправедливо было бы называть его отцомъ теперешняго славянофильскаго направленія, какъ смѣшивать между собою двѣ стороны, которыя въ немъ слились и рѣдко кѣмъ отдѣляются, а однако, вытекли изъ разныхъ источниковъ: мы разумѣемъ стороны собственно историческую и философскую. Первая, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, принесетъ свои обильные плоды, когда историческіе славянскіе вопросы будутъ обработаны, какъ слѣдуетъ. Исторія славянскихъ племенъ, какъ можно предвидѣть уже теперь, послужитъ важнымъ дополненіемъ къ европейской исторіи и объяснитъ въ ней многое, что доселѣ мало обращало вниманія европейскихъ историковъ, потому только, что не было преобладающимъ въ жизни европейскихъ народовъ и рано заслонено другимъ. Вторая, теоретическая или философская сторона славянофильскаго направленія есть эфемерное произведеніе нашего переходнаго времени и пройдетъ вмѣстѣ съ нимъ. Въ статьѣ о прибалтійскихъ славянахъ, Венелинъ географически возстановляетъ древнюю прибалтійскую Славонію, теперь онѣмечившуюся, которая простиралась на западъ за Эльбу (Лабу). По нѣкоторымъ замѣткамъ на латинскомъ языкѣ видно, что въ „Чтеніяхъ" напечатана черновая рукопись этого сочиненія, которую авторъ намѣренъ былъ еще обработывать. Такъ на стр. 88 сказано: Adjicienda quaedam de Rugis, Runis et Ranis. Странно, какъ подумаешь что теперь такая статья легко можетъ пройти незамѣченною, или ее прочитаютъ одни дилletанты и знатоки дѣла, а лѣтъ двадцать тому назадъ она возбудила бы жаркіе толки, сильную полемику, которая отозвалась бы во всей читающей публикѣ. По такимъ только сближеніямъ можно замѣтить, какъ мы быстро движемся впередъ. Вопросы, когда-то первостепенные, теперь утратили это значеніе и сошли со сцены. Они не умерли, но кругъ ихъ стѣснился, уступивъ мѣсто другимъ интересамъ. Теперь настаетъ то время, когда недавніе еще дѣятели, бывшіе предметомъ ненависти или неумѣренныхъ похвалъ, будутъ оцѣнены безъ предубѣжденія и пристрастія. Между ними, конечно, Венелинъ займетъ не послѣднее мѣсто.

Остальную часть книжки наполняютъ: дополненіе къ статьѣ преосвященнаго Филарета о Кириллѣ и Меѳодіи. Здѣсь разрѣшается вопросъ, какія шестьдесятъ „уставныхъ книгъ" были переведены Меѳодіемъ съ

греческаго языка на славянскій. Ученый авторъ статьи доказываетъ, основываясь на Дамаскинѣ, что эти книги были каноническія, а не апокрифическія. Далѣе—опись книгъ, поступившихъ въ 1676 году въ патріархальную ризную казну изъ Воскресенскаго монастыря и Иверскаго подворья. Эта опись современная и сообщена Обществу членомъ его, г. Ундольскимъ. Въ библіографическомъ отношеніи она, во всякомъ случаѣ, интересна. Видно, что въ библіотекѣ, составленной патріархомъ Никономъ, были книги греческія, греко-латинскія, польскія и славянскія, и въ томъ числѣ, кромѣ книгъ духовнаго содержанія, классики, большею частью греческіе. Наконецъ, два акта, сообщенные соревнователемъ Общества, г. Борисовымъ изъ Шуи, и извѣстіе объ усыпальницѣ (мѣстѣ погребенія) рода Собакиныхъ, которые были въ свойствѣ съ Іоанномъ Грознымъ.

Шестая и седьмая книжки „Чтеній“ содержатъ въ себѣ много любопытнаго для исторіи казачества Великороссіи и другихъ славянскихъ земель.

Исторія Малороссіи и казачества обогатилась продолженіемъ лѣтописнаго повѣствованія о Малой Россіи генералъ-майора Ригельмана и разными матеріалами, заимствованными изъ портфелей Миллера. „Повѣствованіе“ Ригельмана доведено до 3-й части. Въ шестой книжкѣ помѣщена третья книга этого сочиненія, въ которой авторъ разсказываетъ войны малороссійскихъ казаковъ съ Польшей, по малороссійскимъ источникамъ, вступленіе Хмѣльницкаго съ украинскими казаками въ подданство Россіи и дальнѣйшую исторію Малороссіи до смерти Хмельницкаго и принятія Виговскимъ гетманскаго званія. Въ седьмой книжкѣ напечатана четвертая книга „Повѣствованія“, обнимающая событія при Виговскомъ, Юріи Хмѣльницкомъ и Брановецкомъ, до избранія въ гетманы Демьяна Многогрѣшнаго. Объ этой части сочиненія Ригельмана должно сказать то же, что и о первой. Оно имѣетъ свои достоинства, особливо какъ собраніе матеріаловъ. Многіе весьма любопытные акты отпечатаны здѣсь цѣликомъ, что̀, конечно, весьма важно. Но Ригельманъ не историкъ, онъ даже не имѣетъ историческаго смысла. Все его вниманіе сосредоточено на описаніи походовъ и военныхъ дѣйствій; внутреннія измѣненія въ тогдашней Малороссіи онъ только разсказываетъ, не задавая себѣ даже вопроса, какъ они происходили и по какимъ причинамъ. Оттого глубина тогдашней жизни Украйны, которую Конисскій освѣщаетъ иногда нѣсколькими рѣзкими, характеристическими чертами,—для Ригельмана закрыта; самыя противорѣчащія событія разсказаны у него въ хронологическомъ порядкѣ, съ невозмутимымъ спокойствіемъ, и подведены подъ одинъ полуоффиціальный тонъ, искажающій ихъ настоящій смыслъ. Изъ всего этого должно заключить, что Ригельманъ назначалъ свое сочиненіе для печати; иначе трудно объяснить умолчаніе происшествій, которыхъ не могъ не знать человѣкъ, такъ хорошо знакомый съ Малороссіей и ея исторіей.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ матеріалы для исторіи Малороссіи и Запорожья, напечатанные въ шестой книжкѣ „Чтеній“ изъ портфелей Миллера. Между ними первое мѣсто занимаетъ „Исторія о козакахъ запорожскихъ“, составленная, по мнѣнію г. Бодянскаго, тоже Ригельманомъ. Это сочиненіе, какъ исторія, неважно и наполнено баснями, но оно содержитъ въ себѣ драгоцѣнныя извѣстія о внутреннемъ бытѣ Запорожья, которыми, можетъ быть и не изъ этого источника, такъ геніально воспользовался Гоголь въ „Тарасѣ Бульбѣ“. Въ послѣднее время, какъ сначала всѣ казаки, запорожцы не знали брака, даже не пускали женщинъ въ свои жилища. Войско комплектовалось дѣтьми, которыхъ тамошніе казаки тайно увозили изъ Малороссіи и обучали казачеству,—добровольными пришельцами отовсюду, дезертирами: потому „между онымъ запорожскимъ войскомъ“ находилось „многихъ націй христіанскихъ народу“. Никто не зналъ его числа: каждый приходилъ, *казаковалъ* сколько хотѣлъ и оставался или уходилъ назадъ,—ихъ не записывали. Часто бывало, что казаки отлучались изъ Сѣчи для промысловъ или добычи года на два, на три, а иногда пропадали безъ вѣсти. Одни „старые и добрые“ казаки, люди зажиточные, отлучаясь въ Малороссію или Польшу, брали паспорты отъ кошеваго; но это не мѣшало имъ оставаться навсегда тамъ, куда они отъѣзжали. Подобно всѣмъ первоначальнымъ вольнымъ общинамъ, запорожцы имѣли своихъ подданныхъ, самарскихъ казаковъ, съ которыми обращались жестоко; отсюда возстанія, кровопролитія и разореніе Сѣчи. Политическая зависимость не обуздывала запорожцевъ. Отдавшись въ

подданство крымскому хану, они часто нападали на крымцевъ, грабили ихъ, убивали и угоняли цѣлые табуны лошадей и скота. За это они отплачивались большими деньгами или, если заплатить было нечѣмъ, а войско не хотѣло внести извѣстной суммы,—виноватый выдавался татарамъ головою. Отъ времени до времени ханы присылали въ Сѣчу своихъ чиновниковъ, которые пріѣзжали съ большой свитой, никогда не менѣе 200 человѣкъ, и сколько бы времени они ни оставались, казаки содержали ихъ на свой счетъ, а при отъѣздѣ подносили имъ дары.

Разсказъ о внутреннемъ бытѣ Запорожья чрезвычайно интересенъ. Оно состояло подъ начальствомъ войсковаго *старшины*, кошеваго атамана, и войсковыхъ: судьи, писаря и есаула,—и дѣлилось на курени, управляемые *куренными атаманами*. Всѣ дѣла, особенно важныя или чрезвычайныя, рѣшались общими собраніями войска, которыя назывались *радами и сходками*. Рады были обыкновенныя и чрезвычайныя. Первыя созывались 1-го января, въ день Покрова, храмовой праздникъ Запорожья, и на праздникъ Пасхи. Послѣднія двѣ рады не имѣли другихъ занятій, кромѣ избранія войскового старшины, и потому не собирались, когда въ этомъ не было нужды. Но январьскую раду держали непремѣнно. На ней, кромѣ избранія старшины, происходилъ раздѣлъ по жеребьямъ между куренями всѣхъ рѣкъ, состоявшихъ во владѣніи войска. Этотъ предметъ былъ потому особенно важенъ, что рыболовство съ военными походами составляло главный предметъ занятій войска. Казаки куреня, которому досталась въ участокъ извѣстная рѣка или часть ея, не имѣли права ловить рыбу въ чужомъ участкѣ. Такимъ образомъ, онъ ежегодно переходилъ отъ одного куреня къ другому, какъ въ Великороссіи земляные участки дѣлились и отчасти теперь дѣлятся между крестьянами. Созывъ рады походилъ на сборъ войска. Посереди замка, у церкви, есаулъ водружалъ знамя, довбышъ или политаврщикъ билъ сборъ, и народъ сходился. Выборъ старшины производился въ отсутствіи атамановъ и знатныхъ казаковъ, которые могли надѣяться на избраніе; въ немъ участвовало одно „самое грубое простонародье". Согласившись въ выборѣ, оно отправляло посланцовъ къ избираемому.

„Пойдутъ человѣкъ десять или и болѣе, самыхъ грубыхъ пьяницъ, въ курень тотъ, гдѣ онъ живетъ (избираемый Кошевой), и будутъ просить его, дабы онъ принялъ такую на себя честь; и ежели онъ добровольно не пойдетъ, то его по два человѣка ведутъ подъ руки, а двое или трое сзади пихаютъ и въ шею толкаютъ, и ругательно бранятъ: „иди, ск. с.! намъ бо тебе треба, ты нашъ батько; будь паномъ!" А иному хотя не весьма охотно, однако принужденъ иттить, и какъ придутъ въ Раду... то и палицу (знакъ власти Кошеваго) ему въ руки давать будутъ, токмо тотъ новоизбранный ихъ Кошевой, по ихъ древнему обыкновенію, не принимаетъ палицы въ руки два раза... Нѣкоторые изъ онаго народа старые казаки землею, ежели же въ ту пору случится быть дождю, или какому ненастью, то и грязью его голову мажутъ".

Если казаки, напротивъ, были довольны прежними старшинами, то говорили имъ: „Вы наши паны добрые; треба вамъ надъ нами пановать". Такъ, даже въ этомъ высшемъ братствѣ, управляемомъ выборными, власть имѣла какой-то патріархальный характеръ, и правитель, котораго участь зависѣла отъ братства, былъ, пока управлялъ, отцомъ-господиномъ.

Чрезвычайныя рады для низложенія старшины созывались самимъ народомъ, но точно такимъ же порядкомъ, посредствомъ барабаннаго боя. Если казаки „сбрасывали" старшину за неисправность, то говорили: „онибо (т.-е. старшина), негодныя дѣти, войсковаго хлѣба наѣлись". Но случалось, что курени, раздѣлявшіеся на вышніе и нижніе, не соглашались между собою въ низложеніи и выборѣ старшины.

„И зато у нихъ между собою сдѣлается ссора и драка; и какъ въ драку вступятъ, то старшина вся уйдетъ изъ Рады по куренямъ, и въ то время драка бываетъ между ими великая, гдѣ и смертно другъ друга убиваютъ; и какъ весьма раззадорятся, то не токмо людей, но сильная сторона у немощной стороны курени ломаютъ и прочія имъ великія обиды и раззоренія чинятъ, и которая сторона пересилитъ или переспоритъ, то съ той стороны Кошеваго и прочую старшину выбираютъ, или по прежнему старыхъ поставляютъ".

„Также когда о походѣ или о разъѣздахъ Рада случится, то превеликой крикъ отъ нихъ бываетъ, пока согласятся. Тутъ же упоминаютъ, яко бы жалованье Ея Императорскаго Величества присылается большое, а старшина себѣ таитъ, и тогда Кошевой и прочая старшина много говорить не смѣетъ, хотя что и говорятъ, токмо не съ грубостію, опасаяся, дабы съ старшинства ихъ не скинули и не убили. А иногда во оныхъ Радахъ бываетъ, что Кошеваго, или прочую старшину скидываютъ, и когда оныя Рады ни собираются, то завсегда съ великимъ крикомъ и грубостію производятъ".

Вообще рады были до того неправильны, что авторъ, разсказавъ, какъ нѣкоторыя про-

исходили, прибавляетъ: „прочіе же рады бываютъ у нихъ, такожъ и выборъ Кошеваго и прочей старшины, разнымъ образомъ, что аккуратно здѣ и показать не можно“.

Сходки имѣли въ Запорожьѣ особенное, техническое значеніе. Такъ назывались малые совѣты, въ противоположность большимъ, въ которыхъ, какъ мы видѣли, все войско принимаетъ участіе. Сходки собирались у куреня, гдѣ жилъ кошевой, въ присутствіи всѣхъ атамановъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было посовѣтоваться о походахъ, разъѣздахъ или какомъ-нибудь другомъ дѣлѣ; а старшина и атаманы не считали нужнымъ созывать раду. Часто бывало, что сходки кончались ничѣмъ, и совѣты начальниковъ оставались безъ дѣйствія.

Бывшіе однажды старшиной, т.-е. кошевыми,—судьей, писаремъ, есауломъ или атаманомъ, даже по смѣнѣ, сдѣлавшись опять простыми рядовыми казаками, пользовались уваженіемъ и отличіемъ въ цѣломъ войскѣ; при погребеніи въ честь ихъ давали одинъ выстрѣлъ изъ пушки, а изъ ружей стрѣляли больше, чѣмъ по простыхъ казакахъ.

Каждый курень имѣлъ своего особливаго (куренного) атамана. Власть его была велика: онъ имѣлъ на своихъ рукахъ деньги и платье своихъ куренныхъ казаковъ, могъ бить ихъ и уважался, какъ отецъ. Его приказанія больше значили для казаковъ, чѣмъ повелѣнія войсковаго старшины. Но этой властью пользовался атаманъ, пока казаки были имъ довольны, а когда нѣтъ,—они его „скидывали“ и избирали другого, непремѣнно изъ казаковъ того же куреня, и никому не было до этого дѣла, никто не имѣлъ права вмѣшиваться въ такія перемѣны.

Какъ во всѣхъ русскихъ православныхъ общинахъ и владѣніяхъ, духовенство не имѣло въ Запорожьѣ никакой власти. Изъ межигорскаго кіевскаго монастыря присылались въ Сѣчу ежегодно по два священника и по два дьякона, которые повиновались старшинѣ и состояли подъ его приказаніями; „и прочіе жъ казаки предъ ними почтеніе имѣютъ, а другіе, грубые, болѣе досаждаютъ, нежели почитаютъ“. Если войско было недовольно присланными священниками или дьяконами, оно отправляло ихъ назадъ и оставляло у себя прежняго. Духовенство содержалось службами и требами. Какъ во всей Россіи, и въ Запорожьѣ казаки, умирая, отказывали значительныя имѣнія церкви, межигорскому монастырю и духовенству. Для пѣвчихъ была устроена въ Сѣчѣ школа. Всѣхъ пѣвчихъ было до тридцати человѣкъ; они имѣли одинакое устройство съ казачьимъ войскомъ, двухъ атамановъ—одного надъ большими, другого надъ малыми пѣвчими, и этихъ атамановъ пѣвчіе смѣняли и выбирали изъ своей среды такъ же произвольно, какъ курени своихъ куренныхъ.

Старшины въ частной жизни ничѣмъ не отличались отъ прочихъ казаковъ; они жили въ своихъ куреняхъ и ѣли вмѣстѣ съ куренными казаками за однимъ столомъ. Впрочемъ, они пользовались извѣстными доходами, можетъ быть, въ видѣ вознагражденія за промыслы, которыми не могли заниматься, будучи въ должности; по крайней мѣрѣ, кажется, что жалованье, въ теперешнемъ смыслѣ слова, не было извѣстно запорожцамъ. Эти доходы состояли въ опредѣленномъ сборѣ съ разныхъ товаровъ, привозимыхъ въ Сѣчу изъ Малороссіи, Польши и Крыма; казаки, покупавшіе и продававшіе вино, давали извѣстную его часть (которая называлась *поставнымъ* виномъ) старшинѣ и куренному атаману; потомъ старшинѣ отдавались такъ называемыя „приблудныя лошади“ (т.-е. забредшія въ Сѣчу), если хозяинъ ихъ не являлся въ продолженіе трехъ дней. Выкупъ за казака, прикованнаго за воровство къ позорному столбу, поступалъ тоже старшинѣ. Далѣе, каждая жалоба сопровождалась „нѣкоторымъ малымъ процентомъ“. Возвращаясь съ промысла съ богатой добычей, казаки обыкновенно дарили сколько-нибудь старшинѣ; это не было обязанностью, но обычаемъ. Кромѣ того, старшины получали подарки отъ шинкарей, продавцовъ браги, мясниковъ, калачниковъ, и поклонное или *ралецъ* въ день Рождества Христова. Наконецъ, правительство давало имъ по тогдашнему большое жалованье и предоставляло перевозъ черезъ Днѣпръ, съ котораго они собирали на себя пошлины. Куренные атаманы имѣли почти такіе же доходы, да кромѣ того, отдавали въ наемъ шинкарямъ и мелкимъ торговцамъ лавки и избы на базарѣ; имъ принадлежали также сборъ съ котловъ (винокуренныхъ) и деньги за отдачу въ наемъ кубовъ (въ описаніи сказано *дубовъ*; кажется, это опечатка). Но зато на атаманахъ лежала тяжелая обязанность содержать цѣлый курень въ исправности, во всѣхъ отношеніяхъ.

Запорожскіе казаки проживали въ куре-

няхъ—„форштатѣ“ или въ отъѣзжихъ промыслахъ. Куренные жили общиной и ѣли за однимъ столомъ, изготовленнымъ на куренныя деньги. Занимавшіеся торговлей или ремеслами въ городѣ помѣщались въ особыхъ домахъ. Замѣтивъ оплошность или безсиліе въ татарахъ, полякахъ, казаки собирались большой партіей, дѣлали набѣгъ и возвращались въ Сѣчу дѣлить добычу между участниками похода.

„И по раздѣлѣ бываетъ у нихъ великое веселіе, и многіе дни гуляютъ, пьютъ, ходятъ по улицамъ, кричатъ, объявляя свою храбрость, и за ними носятъ въ ведрахъ и котлахъ вареное съ медомъ и холодное хлѣбное вино, а по ихъ названію горѣлку, пиво и медъ, и притомъ за ними ходятъ преогромная музыка и школьники съ пѣніемъ; и ежели кто съ ними встрѣтится, то всѣхъ подчиваютъ, и просятъ на горѣлку и на прочее питіе; а ежели кто не будетъ пить, то бранятъ ругательно, хотя его и не знаютъ, какой бы онъ человѣкъ ни былъ, однако подчиваютъ, и въ такомъ своемъ веселіи и гуляніи чрезъ немногіе дни, удивленія достойно, какъ они прогуливаютъ великую сумму денегъ, и нетокмо что полученную добычь, но и старое что имѣютъ въ забыкомъ своемъ пьянствѣ пропиваютъ и входятъ оттого въ великіе долги, платя такъ за напитки, такъ и музыкантамъ и пѣвчимъ“.

Не одно нажитое грабежами, но и торговлей прогуливалось такимъ образомъ. Торговцы, мастеровые получали большой барышъ, потому что перепродавали товаръ необыкновено дорого; но впрокъ это не шло: барышъ уходилъ на вино и веселье. Вообще казаки не знали налагаемыхъ посильныхъ работъ, „но всегда находятся въ гуляньи и въ своемъ неспокойномъ пьянствѣ, въ чемъ и жизнь свою до конца такъ провождаютъ“. При этомъ образѣ жизни, запорожцы, разумѣется, были страшно безпечны, не остерегались нисколько отъ непріятелей и потому часто подвергались грабежамъ со стороны татаръ, премудро разсуждая, „что и они у татаръ такожде могутъ завсегда свои реванжи сыскивать“.

Запорожцы управлялись обычаями, и то не записанными; писанныхъ законовъ у нихъ не было. Судъ производился войсковымъ старшиной. Главнымъ преступленіемъ считалось, если казакъ убьетъ казака. За это „убійцу живого кладутъ подъ гробъ убіеннаго, и обоихъ землею засыпаютъ“. Но хорошихъ казаковъ войско освобождало отъ этого наказанія и присуждало къ другому. За воровство между казаками виновнаго привязывали на площади къ позорному столбу и держали здѣсь до уплаты цѣны покраденнаго, и во всякомъ случаѣ не менѣе трехъ дней. За большое и нѣсколько разъ повторенное воровство вѣшали. Разсказъ о томъ, какъ поступали съ выставленнымъ къ столбу, такъ оригиналенъ, что мы не можемъ не выписать его здѣсь отъ слова до слова:

„Во время его (виноватаго) стоянія ходятъ мимо его множество козаковъ: иные проходятъ мимо его, ничего ему не учиня, а другіе напився пьяны, приходя къ нему, немилостиво его бьютъ и всячески его ругаютъ; а иные приходятъ къ нему по обычайнымъ своимъ пьянствамъ съ горѣлкою и колачами, и поятъ его и колачи ему даютъ, а иные и деньги; и хотя тому пить уже не въ охоту, однакожь онъ принужденъ пить, понеже пьяницы кричатъ ему: „пый, ск. с. злодѣю! Якъ не будешь пыть, то будемъ ск. с. быть“. И какъ оный напьется, то оные пьяницы скажутъ: „дай же мы, брате, трохы тебе побьемъ“ и хотя онъ проситъ у нихъ милости токмо оные пьяницы ему говорятъ: „А за щожъ, ск. с., горѣлкою тебе поили? Якъ тебе поить, то треба и быть“, и часто случается, что чрезъ сутки онаго злодѣя убьютъ до смерти. А инымъ такимъ злодѣямъ, привязаннымъ у столба, бываетъ, по счастью ихъ, что никто ихъ ни чѣмъ не оскорбитъ, но еще получатъ себѣ нѣкоторыя деньги отъ пьяницъ“.

За противоестественныя преступленія привязывали къ столбу и убивали до смерти, а имѣніе конфисковали на войско. Наконецъ, если торговцы продавали свои товары слишкомъ дорого или не по установленной цѣнѣ, старшина и атаманъ дозволяли ихъ грабить, и грабежъ, разумѣется, оканчивался совершеннымъ истребленіемъ всего имущества несчастнаго купца.

Вотъ каковъ былъ внутренній бытъ запорожскаго войска еще въ XVIII вѣкѣ. Главныя черты казачества давно и всѣмъ извѣстны и собственно мало новаго въ этой картинѣ, такъ мастерски очерченной авторомъ: „Описанія о Запорожскихъ козакахъ“. Несмотря на то, мы сочли необходимымъ возобновить эти черты въ памяти читателей теперь, когда для изученія русской исторіи очевидно наступаетъ новый періодъ, такъ существенно различный отъ прежняго. Что при первомъ взглядѣ невольно поражаютъ въ описаніи — это удивительное сходство внутренняго устройства у казаковъ съ устройствомъ нашихъ древнихъ вольныхъ общинъ, особливо Новгорода: народныя собранія, рады и вѣча происходили, здѣсь и тамъ, одинаково; у новгородцевъ были тоже подданные, и въ такихъ же отношеніяхъ къ владѣтельной общинѣ: то же отношеніе духовен-

ства къ свѣтской власти, та же выдача головою князю; та же выборная старшина, отвѣтственная передъ общиной, носившая на себѣ живые слѣды патріархальнаго происхожденія и которую міръ „кормилъ своимъ хлѣбомъ"; наконецъ, то же уваженіе къ лицамъ, занимавшимъ прежде высшія мѣста, то же разграбленіе имущества виноватыхъ. Сходство можно провести далѣе, даже въ подробностяхъ. Вся разница происходила только вслѣдствіе различнаго назначенія казачества и сѣверныхъ вольныхъ общинъ: первое было, такъ сказать, приспособлено къ войнѣ, и потому носило военный характеръ; послѣдніе были вполнѣ осѣдлые и занимались мирными промыслами. Къ этому и сводятся особенности, отличавшія однѣ общины отъ другихъ: у казаковъ безобразіе, почти полное отсутствіе промышленности, лагерный образъ жизни, военное управленіе и военныя рады, чего не было въ Новгородѣ; наоборотъ, въ Новгородѣ болѣе опредѣленная система управленія, частная собственность, торговля и и промышленность, замѣтное преобладаніе территоріальнаго начала надъ личнымъ, чего не замѣчаемъ у казаковъ въ ихъ первобытномъ состояніи. Но начало, основаніе, изъ которыхъ развились оба устройства, одни и тѣ же, такъ что, не играя словами, не дѣлая натяжекъ, можно сказать, что сѣверныя общины были казацкія братства, только не имѣющія военнаго характера, а казаки— сѣверныя общины, поставленныя въ необходимость вѣчно нападать и защищаться. И тѣ и другія выросли изъ чисто племенного, на однихъ кровныхъ, родственныхъ связяхъ основаннаго быта и были проникнуты его началами, ими держались. Оттого и въ тѣхъ и другихъ чрезвычайно слабое развитіе юридическаго, правомѣрнаго элемента, котораго послѣдняя цѣль—неприкосновенность лица, полное, хотя и внѣшнее огражденіе его противъ насилія. Произволъ царилъ въ этихъ общинахъ и братствахъ. Онѣ были свободны, но въ нихъ никто не былъ свободенъ и безопасенъ. Какъ въ первоначальныхъ родахъ, сердечное единодушіе безпрестанно смѣнялось въ нихъ кровавыми междоусобіями, которыя были тѣмъ ожесточеннѣе и тѣмъ гибельнѣе, что страсти ничѣмъ не сдерживались. Устройство не представляло ничего твердаго, постояннаго, признаваемаго всѣми или, по крайней мѣрѣ, большинствомъ; власть является или неограниченной, или слишкомъ неопредѣленной, чтобъ противъ нея было хоть какое-нибудь обезпеченіе; но въ сущности она крайне непрочна; самый любимый начальникъ, полновластный сегодня, не могъ поручиться, что завтра его не лишатъ всего, даже жизни, безъ вины, по одной клеветѣ или капризу. Чѣмъ болѣе мы будемъ вникать въ нашъ древній бытъ, какимъ онъ въ самомъ дѣлѣ былъ, не внося отъ себя опредѣленій и началъ, развившихся на другой почвѣ и имѣвшихъ съ нимъ одно внѣшнее, ничего не значащее сходство, тѣмъ эта племенная, патріархальная основа нашихъ древнихъ вольныхъ общинъ и братствъ будетъ выказываться яснѣе и яснѣе. И тогда мы увидимъ, что не одна сила и хитрость московскихъ и петербургскихъ дипломатовъ сломила ихъ, а вмѣстѣ и ихъ собственная несостоятельность, окончательное, естественное и необходимое разложеніе племенного элемента, которымъ они только и держались. Но пока мы будемъ цѣликомъ прикладывать къ русской исторіи общіе законы историческаго развитія, не обсудивъ хорошенько, возможно ли это, доработалась ли наша жизнь до той точки, съ которой такое примѣненіе естественно и законно, мы все будемъ вздыхать по прошедшемъ, видѣть въ его исчезновеніи и отрицаніи преступный произволъ, жалкое, гибельное отступничество, и вмѣсто уразумѣнія нашего развитія, будемъ только декламировать пустыя, безсмысленныя фразы. По странному противорѣчію такъ поступаютъ у насъ тѣ, которые всего болѣе вооружаются противъ науки, пустыхъ теорій и отвлеченнаго логическаго мышленія.

Въ числѣ „разныхъ матеріаловъ, до исторіи запорожской касающихся" и помѣщенныхъ въ той же шестой книжкѣ „Чтеній", въ смѣси, мы находимъ: списокъ разнымъ бумагамъ и документамъ, относящимся къ исторіи Малороссіи 1657—1689 года, то-есть со времени присоединенія ея къ Россіи до избранія гетмана Мазепы; географическія отмѣтки о Запорожьѣ; разныя историческія примѣчанія о Малороссіи; замѣтку о запорожцахъ, ихъ образѣ жизни и характерѣ, вѣроятно принадлежащую самому Миллеру. Въ ней мало новаго. Между прочимъ, запорожцы характеризованы здѣсь, какъ народъ, „который не распложается самъ собою... приплодъ свой получаетъ отъ другихъ, который во всякія 30 лѣтъ почти исчезаетъ и дѣлается новымъ; который свое время въ гу-

ляньѣ и пьянствѣ препровождаетъ, который пренебрегаетъ первоначальный законъ Божій, что должно человѣку питаться отъ трудовъ рукъ своихъ, который, земледѣльчество презирая, едва дозволяетъ, что нѣкоторые изъ своего общества, коихъ и почитаютъ не прямыми своими братьями, но яко бы своими подданными, во ономъ упражняться могутъ". Затѣмъ слѣдуютъ разныя выписки и акты: записка о правѣ малороссійскихъ гетмановъ имѣть сношенія съ иностранными державами. Изъ сличенія статей, данныхъ разнымъ гетманамъ, видно какъ это право, предоставленное Богдану Хмѣльницкому, мало по-малу смѣшалось при его преемникахъ и наконецъ исчезло; далѣе находимъ замѣчательный указъ 1684 года о построеніи крѣпости на рѣкѣ Самарѣ, не менѣе любопытныя статьи 1732 года о неподвижныхъ имѣніяхъ въ Малороссіи, изъ которыхъ видно между прочимъ, что уже тогда извѣстна или введена была въ Малороссію десятилѣтняя давность, гораздо позднѣе принятая въ наше законодательство; потомъ слѣдуютъ выписки о земляхъ, назначенныхъ въ южной Россіи къ поселенію сербовъ, македонянъ, болгаръ и волоховъ; о числѣ городовъ, церквей въ Заднѣпровьѣ и т. д.; указъ 1752 года объ отмѣнѣ пошлинъ съ съѣстныхъ припасовъ, привозимыхъ изъ Польши къ новопоселеннымъ за Днѣпромъ иностраннымъ выходцамъ; указъ того же года о выдачѣ запорожцамъ годового жалованья по прежнему въ Москвѣ или Петербургѣ (онъ интересенъ во многихъ отношеніяхъ); потомъ росписаніе жалованья запорожскому войску и чиновъ малороссійскаго казачьяго, наконецъ, письмо малороссійскаго гетмана, графа Разумовскаго, къ канцлеру графу Бестужеву-Рюмину, 1754 года, о томъ, что индукта и эвекта (ввозныя и вывозныя пошлины), составлявшія доходъ гетмана, неправильно уничтожены и замѣнены тарифными государственными пошлинами. Къ письму приложена записка, въ которой это подробно доказывается прежними войсковыми привилегіями.

Къ этому же отдѣлу должно отнести и небольшую статью г. Максимовича „о Лаврской Могилинской школѣ". Не составляя цѣльнаго разсужденія, она дополняетъ наши свѣдѣнія о Петрѣ Могилѣ и его времени нѣкоторыми новыми любопытными фактами. До сихъ поръ думали, что Лаврская школа была только задумана Могилой, но не состоялась. Г. Максимовичъ, на основаніи рѣдкой книги „Евхаристіонъ албо Вдячность", доказываетъ противное, и нельзя съ нимъ не согласиться, потому что „Евхаристіонъ" состоитъ изъ поздравительныхъ стихотвореній, поднесенныхъ Могилѣ учениками Лаврской школы въ день Свѣтлаго Воскресенія. Самые стихи любопытны уже потому, что написаны сто лѣтъ прежде сатиръ Кантемира и сорокъ лѣтъ до Симеона Полоцкаго, а объ нихъ до сихъ поръ не упоминалось въ исторіи русской литературы. Наконецъ, извѣстный доселѣ списокъ сочиненій Петра Могилы дополненъ г. Максимовичемъ еще „Словомъ духовнымъ на бракосочетаніе Якуша Радзивила", напечатаннымъ въ Кіевопечерской Лаврѣ, въ 1645 году, на польскомъ языкѣ.

По части русской церковной исторіи мы находимъ въ „Чтеніяхъ" двѣ оригинальныя статьи и матеріалы. Въ шестой книжкѣ напечатана статья г. Соловьева: „Взглядъ на состояніе духовенства въ древней Руси до половины XIII вѣка". Какъ все, что выходитъ изъ плодовитаго пера г. Соловьева, эта статья отличается несомнѣнными достоинствами и обнаруживаетъ замѣчательный историческій талантъ автора. Очеркъ состоянія нашей церкви и духовенства въ означенное время написанъ превосходно, съ большимъ знаніемъ дѣла, добросовѣстностью и вѣрнымъ пониманіемъ фактовъ; но со всѣмъ, что̀ говоритъ г. Соловьевъ, мы не можемъ согласиться. На 1 стр. читаемъ: „при такомъ разрозненномъ родовомъ быту этихъ племенъ (славяно-русскихъ), въ какомъ представляетъ намъ ихъ отечественный лѣтописецъ, общественное богослуженіе не могло развиться, а слѣдовательно не могло образоваться и жреческое сословіе: ясно, что при означенной формѣ быта богослуженіе должно было замѣниться частнымъ, родовымъ, при чемъ родоначальникъ былъ вмѣстѣ и священникомъ". Послѣднее теперь почти достовѣрно; но едва-ли правильно объясненіе, почему у насъ не было жреческаго сословія. Наши древніе роды, конечно, жили разрозненно, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что не было общественнаго богослуженія. Вѣдь были же у насъ вѣча, общественныя собранія для рѣшенія общихъ дѣлъ;—если было одно, почему же не могло быть и другого? Изслѣдованія Ходаковскаго, какъ они ни кажутся теперь смѣлы и странны, потому что ихъ никто еще не разъяснилъ, указываютъ на живые слѣды общественнаго богослуженія у

древнихъ славянъ. Да и какъ же могло быть иначе? Если были боги, и оно было. На той же страницѣ: „лѣтописецъ, говоря объ языческихъ обычаяхъ древнихъ славянъ, нисколько не упоминаетъ о жрецахъ, которые должны были явиться уже въ послѣднее время, при большемъ развитіи общественнаго быта въ городахъ; но и тутъ они являются съ характеромъ гадателей, кудесниковъ, волхвовъ, съ которымъ остаются и послѣ введенія христіанства“. Во-первыхъ гадатели, кудесники, волхвы не были жрецы, какъ доказалъ уже, и весьма основательно, Рейцъ въ своей исторіи русскаго законодательства. Это тогдашніе мудрецы и философы. Потомъ: если у насъ сначала не было жрецовъ, то впослѣдствіи имъ трудно было появиться, потому что обстоятельства не благопріятствовали; князья, подобно древнимъ родоначальникамъ, удержали за собою званіе верховныхъ жрецовъ, какъ видно изъ разсказа о принесеніи Владиміромъ человѣческой жертвы богамъ. Такимъ образомъ, жрецовъ не было у насъ ни прежде, ни послѣ, и сомнительное развитіе общественнаго быта въ городахъ не имѣло въ этомъ отношеніи никакого дѣйствія. На стр. 3, авторъ приводитъ слова лѣтописи: „и нача (Владиміръ) ставити по градамъ церкви и попы и люди на крещенье приводити по всѣмъ градамъ и селамъ“ – и говоритъ, что здѣсь разумѣются „города и села, ближайшіе Кіеву“. Но почему же такъ? Есть извѣстіе, что уже при Владимірѣ введена христіанская вѣра въ Новгородѣ, и оно не было еще никѣмъ опровергнуто. Далѣе, тамъ же, г. Соловьевъ говоритъ, что въ лѣтописи упоминается о первыхъ училищахъ при Владимірѣ. Нейманъ подробно разобралъ это мѣсто и до очевидности доказалъ, что въ немъ нѣтъ и рѣчи о школахъ. Доводы его такъ убѣдительны, что мы не понимаемъ, почему авторъ не принялъ ихъ въ соображеніе. Кромѣ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ, впрочемъ незначительныхъ недосмотровъ, статья превосходна. Обратимъ особенное вниманіе читателей на остроумное объясненіе разсказа лѣтописи о Ѳеодорцѣ, ростовскомъ епископѣ, жившемъ при Андреѣ Боголюбскомъ. Лѣтопись представляетъ Ѳеодорца извергомъ, совершившимъ неслыханныя злодѣйства въ Ростовѣ; Андрей отправилъ его къ кіевскому митрополиту Константину, который казнилъ его жестоко. Г. Соловьевъ догадывается, что все повѣствованіе— оффиціальный современный актъ, внесенный въ лѣтопись съ нѣкоторыми измѣненіями, и, основываясь на намекахъ и недоговоренныхъ фразахъ, въ немъ заключающихся, думаетъ, что Ѳеодорецъ, подобно Андрею Боголюбскому, хотѣлъ отложиться отъ кіевской митрополіи и стать въ непосредственную зависимость отъ константинопольскаго патріарха, за что и былъ ненавидимъ, оклеветанъ и строго казненъ главою русской церкви. Подобныя попытки отложиться отъ митрополіи, даже епископіи, такъ часто повторялись въ разныхъ концахъ Россіи, что это объясненіе очень вѣроятно и возможно, тѣмъ болѣе, что актъ дѣйствительно подаетъ къ нему не одинъ поводъ.

Въ седьмой книжкѣ помѣщена другая статья по русской церковной исторіи, подъ заглавіемъ: „о богослуженіи русской церкви до монгольскаго времени“. Авторъ ея—епископъ рижскій Филаретъ, уже извѣстный своими сочиненіями. Новый трудъ ученаго епископа обнаруживаетъ обширную начитанность, глубокое знаніе, и есть, безспорно, прекрасное и полезное явленіе въ нашей историко-церковной литературѣ. Но догматическое направленіе преобладаетъ въ немъ надъ историческимъ; авторъ обратилъ особенное вниманіе на объясненіе высокаго смысла таинствъ и церковныхъ обрядовъ, освященныхъ восточною церковью и принятыхъ въ нашей. Но борьба русской церкви съ язычествомъ и постепенное вытѣсненіе его церковной дисциплиной, водвореніе въ насъ христіанскихъ понятій, словомъ, исторія нашего духовнаго и нравственнаго просвѣщенія, составляющая часть исторіи цивилизаціи въ Россіи, оставлена ученымъ авторомъ въ тѣни. Такимъ образомъ, разсматриваемый нами трудъ—скорѣе отрывокъ изъ исторіи греко-восточной церкви въ Россіи, чѣмъ глава изъ исторіи русской церкви, этого, безспорно, важнѣйшаго образовательнаго элемента въ нашемъ древнемъ быту. Послѣдняя ожидаетъ еще дѣлателей.

Матеріалы для исторіи русской церкви и духовенства, помѣщенные въ седьмой книжкѣ, любопытны въ высокой степени. Во-первыхъ, напечатано „преніе“ митрополита Даніила съ Максимомъ Грекомъ, — драгоцѣнный актъ (списокъ съ суднаго списка), проливающій новый свѣтъ на это знаменитое слѣдственное дѣло XVI вѣка. „Преніе“ не что иное, какъ соборное дѣяніе по дѣлу

Максима, вопросы, предложенные на соборѣ ему и другимъ лицамъ, замѣшаннымъ въ его дѣлѣ, и ихъ отвѣты. До сихъ поръ было много страннаго и загадочнаго въ этомъ процессѣ, какой-то мракъ лежалъ на немъ; и въ самомъ дѣлѣ, извѣстными доселѣ, большею частью невѣроятными обвиненіями, взводимыми на Максима, нельзя было объяснить его слишкомъ тридцатилѣтнее заточеніе и страданіе, послѣ той отличной довѣренности, которою онъ пользовался при дворѣ. Напечатанное теперь соборное дѣяніе даетъ ключъ къ этой загадкѣ. Какъ видно, Максимъ не любилъ и не уважалъ великаго князя Василія Ивановича и дурно объ немъ отзывался; онъ осуждалъ такъ же образъ жизни, богатство и нравы тогдашняго нашего духовенства. „Да ты же", говорилъ митрополитъ на соборѣ Максиму: „святыя Божія Соборныя и Апостольскія церкви и монастыри укоряеши и хулиши, что они стяжаніе, и люди и доходы и села имѣютъ... да ты же Максимъ, святыхъ чюдотворцевъ Петра, и Алексѣя, и Іоны, Митрополитовъ всеа Руссіи, и преподобныхъ чюдотворцевъ Сергія, и Варлама, и Кирила, и Пафнотія, и Макарія, укоряеши и хулиши, а говоришь такъ: занеже они держали городы, и волости, и села, и люди, и судили, и пошлины, и оброки, и дани имали, и многое богатство имѣли, и по имъ нелзѣ быти чюдотворцомъ". Такъ же говорилъ онъ Михайлѣ Медоварцову, про митрополита и владыкъ: „а что они и знаютъ? имъ надобе пиры и села, и скакати и смѣяти съ воры". Но главная, существенная причина осужденія и преслѣдованій Максима заключалась, кажется, въ томъ, что онъ обличалъ князя и епископовъ въ постановленіи митрополитовъ безъ патріаршаго рукоположенія и благословенія: „Великому Князю и Митрополиту", говорилъ Максимъ, „кличютъ многолѣтіе и еретиковъ проклинаютъ, занеже творятъ не по писанію, ни по правиламъ, а митрополитъ поставляется своими епископы на Москвѣ, а не въ Царѣградѣ отъ патріарха". На соборѣ спросилъ Максима Досиѳей: „говорилъ еси многимъ людемъ, что здѣсь на Москвѣ Митрополитъ поставляется своими епископы Русскими безъ благословенія Патріарха Цареградскаго, а все то за гордость не пріемлютъ Патріаршескаго благословенія, ставятся собою самочинно и безчинно". Максимъ отвѣчалъ, что „пыталъ онъ, начемъ не ставятца Митрополиты Русскіе по прежнему и по старому обычаю у Патріарха Цареградскаго? И сказалъ ему, что Патріархъ Цареградскій далъ благословенную грамоту Русскимъ Митрополитомъ поставлятися имъ волно своими Епископы на Руси, и онъ много тое грамоты пыталъ, и до сѣхъ мѣстъ не видалъ ея; и онъ молвитъ: коли здѣсь у нихъ грамоты нѣтъ Патріарха Цареградскаго, и они въ гордости не ставятца по прежнему и по старому уставу побычаю, отъ Патріарха Цареградскаго, то есть мнѣ тѣмъ плачемъ Іеримінномъ, егда плакашеся на рѣцѣ Вавилонстѣй, плакавшеся ни покаянія имѣша, ни прощенія грѣховъ получиша". Такое отступленіе отъ уставовъ Максимъ называлъ еретичествомъ. Эти слова освѣщаютъ новымъ свѣтомъ дѣло святогорскаго инока. Кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ исторіей нашей церкви, тотъ знаетъ, что вопросъ объ ея отношеніи къ константинопольскому патріарху, поднятый очень рано, еще при Ярославѣ, въ XV и XVI вѣкахъ сталъ однимъ изъ важныхъ, деликатныхъ и трудныхъ вопросовъ времени. Съ самаго начала наша церковь находилась въ политической зависимости отъ свѣтской власти князей; но тѣ изъ нихъ, которые были сильнѣе и энергичнѣе, старались упрочить и довершить эту зависимость устраненіемъ вмѣшательства восточныхъ патріарховъ въ наши церковныя дѣла. Патріархамъ это, разумѣется, было непріятно, и они не упускали случая напоминать о своихъ историческихъ правахъ и ихъ осуществлять, по возможности. Въ XV вѣкѣ, когда окончательно образовалось московское государство, великимъ князьямъ и царямъ стало удобнѣе, легче преслѣдовать эту цѣль, и они не замедлили этимъ воспользоваться, но дѣйствовали искусно, осторожно, исподоволь, боясь явно оскорбить щекотливыя историческія преданія, глубоко вкорененныя въ народѣ, и поддержаніе которыхъ такъ тѣсно было связано съ интересами духовенства. Вотъ почему упрекъ Максима и имѣлъ тогда важное политическое значеніе, и дѣло его получило государственный характеръ. По недостатку данныхъ, мы не смѣемъ положительно утверждать, что этотъ монахъ былъ агентомъ константинопольскаго патріарха въ московскомъ государствѣ; но это очень могло быть, по крайней мѣрѣ, тогдашнее русское правительство могло видѣть въ немъ орудіе

патріаршихъ замысловъ. Въ связи съ этимъ могла состоять дѣйствительная или мнимая переписка Максима съ турецкими пашами и самимъ султаномъ. Что на него смотрѣли, какъ на политическаго преступника, и старались прервать его сношенія съ другими, видно изъ того, что ему запрещено было писать и получать письма. Наконецъ, когда однажды родились противъ Максима подозрѣнія, исправленія, допущенныя или сдѣланныя имъ въ нашихъ церковныхъ книгахъ, стали источникомъ обвиненій; ошибки выросли въ злоумышленныя преступленія,— во всемъ, въ самыхъ обыкновенныхъ, естественныхъ дѣйствіяхъ и поступкахъ увидѣли преднамѣреніе и вину. На соборѣ митрополитъ спросилъ Медоварцова: „кто тебѣ велѣлъ заглаживати во Апостольскихъ дѣяніяхъ строку о вѣрѣ Господа нашего Іисуса Христа?“ Михаилъ отвѣчалъ: „мнѣ, господине, все Максимъ велѣлъ такъ чинити, а князь Васьянъ старецъ велѣлъ мнѣ его слушати, и азъ его слушалъ и писалъ, а иное заглаживалъ. А сказывалъ есми многажды старцу Васьяну Княжь Иванову сыну о томъ и Васьянъ старецъ мнѣ говорилъ: мало ли что брѣдили и писали. И азъ молвилъ: наши книги переведены съ греческихъ же книгъ, а писаны онѣ отъ Святаго Духа Святыми Апостолы и Святыми отцы. И Васьянъ старецъ говорилъ: отъ дьявола писаны, а не отъ Святаго Духа; а ты слушай мене, Васьяна, да Максима Грека, и какъ тебѣ велитъ писати или заглаживати Максимъ Грекъ, такъ учини. А здѣшнія книги всѣ лживыя, а правила здѣшнія кривила, а не правила; а до Максима есмя по тѣмъ книгамъ Бога хулили, а не славили, ни молили; а нынѣ есмя Бога познали Максимомъ и его ученіемъ“. Что могло быть естественнѣе такого изъявленія нетерпѣнія противъ возраженій, оскорблявшихъ глубокое убѣжденіе, особливо въ живомъ человѣкѣ и въ то время; а оно вмѣнено въ вину. Этого мало: Максима Грека укоряли въ богохульствѣ, волхвованіи, грубомъ еретичествѣ и Богъ знаетъ въ чемъ еще. Такія нелѣпости не заслуживали бы даже упоминанія, еслибъ они не живописали рѣзкими чертами то время, въ которое происходилъ знаменитый судъ. Легко можетъ быть, что эти обвиненія выдуманы нарочно, съ цѣлью возбудить ненависть къ Максиму даже въ тѣхъ, которые имѣли наиболѣе причинъ держать его сторону, чтобы тѣмъ прикрыть настоящую причину его преслѣдованія, придать благовидность его обвиненію. Но такъ же легко могли они быть порожденіемъ стоустой молвы и явиться вслѣдствіе недостатка того здраваго общественнаго смысла, который разомъ отличаетъ въ обвиненіяхъ вѣроятное отъ невѣроятнаго и осторожно произноситъ приговоръ противъ человѣка. Максимъ Грекъ, можетъ быть, и сдѣлалъ нѣкоторыя сомнительныя поправки въ нашихъ церковныхъ книгахъ. Этого было достаточно, чтобы самыя нелѣпыя выдумки, самые неправдоподобные разсказы находили толпы слушателей и передавались изъ устъ въ уста за достовѣрные факты. И теперь еще это повторяется ежедневно на нашихъ глазахъ, особливо въ частномъ быту, въ нѣкоторыхъ слояхъ общества. Довольно одной вины, чтобъ человѣкъ, впрочемъ очень обыкновенный, выросъ вдругъ въ общемъ мнѣніи въ изверга, въ чудовище. Между собой и преступникомъ мы не находимъ ничего общаго. Въ нашихъ глазахъ онъ существо особеннаго рода, способное на все, кромѣ обыкновеннаго, человѣческаго. Что жъ было въ XVI вѣкѣ, когда бытъ всей Россіи стоялъ не много выше теперешняго крестьянскаго? Оттого напечатанный теперь актъ вскрылъ, такъ сказать, дѣло Максима Грека, но далеко не объяснилъ его вполнѣ; да и врядъ ли оно когда-нибудь объяснится. Нельзя указать точку, гдѣ оканчивается фактъ и начинаются ложь, выдумки, преувеличенія. Это зависитъ не столько отъ недостатка фактовъ, сколько отъ характера тогдашняго судопроизводства, которое, подобно всѣмъ сторонамъ древне-русской жизни, было проникнуто патріархальными, а не юридическими элементами; задача его состояла не въ томъ, чтобъ разсудить или оправдать, а въ томъ, чтобъ вывѣдать и обвинить. Да и стоило ли слишкомъ вдаваться въ подробности изслѣдованія? Человѣкомъ, его неприкосновенностью не слишкомъ тогда дорожили. Рѣшали предубѣжденія и пристрастія.

Актъ изданъ превосходно. Ему предпослано предисловіе, написанное г. Бодянскимъ, въ которомъ тщательно описанъ документъ, показаны неправильности и особенности его правописанія и объяснены причины, почему онѣ устранены въ печатномъ текстѣ. Въ послѣднее время археологическій педантизмъ до такой степени было

усилился, что мы съ особеннымъ удовольствіемъ прочли здравое, просвѣщенное сужденіе ученаго филолога, имѣющаго авторитетъ въ этомъ дѣлѣ. „Памятникъ этотъ“, говоритъ г. Бодянскій, „печатанъ нами со всею дипломатическою точностію; отступленіе сдѣлано только въ отношеніи къ одному лишь образу писанія его, которое, ничѣмъ не отличаясь отъ обыкновеннаго въ свое время и не заключая ничего особенной важности... своей измѣнчивостью и прихотью писца только что затрудняетъ непріятнымъ образомъ чтеніе и обижаетъ глазъ нелѣпостью и чудовищностью. Строгое наблюденіе правописанія необходимо въ древнѣйшихъ памятникахъ, которые, за немногими исключеніями, всегда удивительно послѣдовательны въ ономъ, и потому, какъ представляющіе намъ осуществленіе извѣстной идеи, достойны изученія. Но, избѣгая, съ своей стороны, упрека въ произволѣ, необходимо въ такомъ случаѣ всякій разъ предлагать характеристику памятника, которая, разумѣется, по общности отличительныхъ свойствъ его, будетъ сжата, нерѣдко въ двухъ, трехъ словахъ, что̀, сравнительно съ безпрестаннымъ повтореніемъ ни къ чему не ведущихъ безсмыслицъ подлинника, составляетъ истинное благодѣяніе для читающихъ“. Этотъ методъ изданія давно уже принятъ археографической коммиссіей; но между нашими учеными и археологами онъ и теперь еще новость. Тѣмъ пріятнѣе видѣть противодѣйствіе безполезному педантизму со стороны г. Бодянскаго.

Очень важна и любопытна десятая глава завѣщанія Іосифа Волоколамскаго, напечатанная въ седьмой книжкѣ „Чтеній“. Она изображаетъ внутренній бытъ нашихъ монастырей и обителей въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка, слѣдовательно въ одну изъ самыхъ интересныхъ эпохъ русской исторіи. Изъ живой картины, яркими чертами набросанной Іосифомъ, видно, что рядомъ съ высокими образцами мистико-созерцательной, аскетической жизни, въ тогдашнихъ монастыряхъ господствовала большая грубость нравовъ, характеризующая древнюю Русь; настоятели дѣйствовали на братію не одними пастырскими увѣщаніями, но и побоями. Даже бывало, что иноки, не стерпя насилія, разбѣгались, и монастырь оставался пустымъ; въ такихъ случаяхъ князь иногда вмѣшивался, прогонялъ игумена, и тогда монахи опять возвращались въ обитель. Нравы иноковъ не отличались особенной чистотой. Уставы держались только личностью великихъ іерарховъ и послѣ нихъ упадали. Игуменовъ избирали братія. Изъ этого видно, что московскіе цари еще не участвовали тогда въ назначеніи игуменовъ, и весьма вѣроятно, что оно окончательно установилось не прежде Ивана Грознаго.—Наконецъ, здѣсь мы находимъ первое и покуда единственное извѣстіе о Саввинѣ-Тверскомъ монастырѣ. Какъ строгъ былъ блаженный Савва, настоятель этого монастыря, къ инокамъ въ отношеніи къ церковному благочинію и въ то же время снисходителенъ къ оскорбленіямъ, ему лично наносимымъ, видно изъ слѣдующаго разсказа Іосифова:

„Толико тщаніе имѣяше о паствѣ, яко же ему всегда предстояти въ дверѣхъ церковныхъ и жезлъ въ руку имѣя; и аще убо кто отъ братіи къ началу не пріиде, или прежде отпущенія исхождаше, или на пѣніи бесѣды творяще, или отъ своего мѣста на иное преходяше, никако же умолчавше, но возбраняше и запрещаше, или кто отъ пѣнія исходяше не единою, яко же ему ни малая согрѣшенія и безчинства презирати; вопреку же глаголющихъ и безчинствующихъ овогда жезломъ біяше, овогда же въ затворъ посылаше, и бяше же жестокъ, егда потреба, и милостивъ, егда подобаше, яко же напреди слово покажетъ. Сему нѣкогда наказующу брата безчинствуща и браду свою въ окно изложивша; братъ же подвигся отъ нѣкоего бѣса обѣма руками браду его ухвати и мало остави, всю же исторгъ, братія же похитиша его, и приведоша ко блаженному Саввѣ, вопрошающе его, какъ велитъ сего мстити. Онъ же рече имо: азъ убо и жезломъ бію и въ запоръ отсылаю монастырскаго ради безчинства и братнія ради обиды, своея же ради обиды не подобаетъ ми мстити, но вся терпѣти“.

Въ концѣ приложена еще небольшая выписка изъ сочиненія Іосифа, служащая любопытнымъ дополненіемъ къ исторіи Троицкаго Сергіева монастыря и вообще къ нашей церковной исторіи въ XV и XVI вѣкѣ. Изъ этой выписки видно, что Василій Васильевичъ нѣсколько монастырей, по ихъ просьбѣ, отнялъ изъ владѣнія удѣльныхъ князей и взялъ подъ свою державу. Поводомъ служили притѣсненія со стороны князей и ихъ неуваженіе къ монастырямъ, игуменамъ и инокамъ. Такъ Іосифъ разсказываетъ, что Александръ Ѳедоровичъ Ярославскій, „егда хотяше пріити на свой монастырь на каменое, повелѣваше съ собою псы въ монастырь приводити, такоже и въ трапезу, и егда самъ ядяше, тогда и псы повелѣваше кормити также (тою же?) пищею, иже самъ ядяще“. Очень рано, еще съ Василія Дмитріевича, московскіе великіе

князья и цари стали посредниками въ ссорахъ и неудовольствіяхъ по церковному управленію между духовными особами: настоятелями монастырей и митрополитами, или епархіальными начальниками.

Наконецъ, къ этому же отдѣлу должно отнести библіографическую статью, помѣщенную въ седьмой книжкѣ „Чтеній", подъ заглавіемъ: „Опись книгъ Іосифо-Волоколамскаго монастыря 1573 года". Здѣсь находимъ много выписокъ изъ рукописей этого монастыря, что придаетъ описи большую цѣну.

Перейдемъ къ другимъ историческимъ матеріаламъ и статьямъ, помѣщеннымъ въ двухъ послѣднихъ книжкахъ „Чтеній".

„О соляномъ озерѣ Halmyris", статья покойнаго Венелина. Это изслѣдованіе объ имени и роли, которую играло въ древности Рамзинское озеро, близъ Дуная. На основаніи свидѣтельства Анны Комниной и Константина Багрянороднаго, Венелинъ утверждаетъ, что озеро называлось прежде Соленымъ и доставляло соль, почему и было издавна главнымъ пунктомъ при-дунайской торговли. Это подало автору поводъ войти въ подробное и остроумное объясненіе извѣстнаго разсказа императора Константина о плаваніи русскихъ въ Царьградъ; оно занимаетъ большую половину изслѣдованія. Какъ всѣ статьи Венелина, и эта отличается оригинальностью взгляда, живостью, ясностью изложенія, но также изобилуетъ странными выходками и еще болѣе страннымъ словопроизводствомъ. Анну Комнину Венелинъ вездѣ называетъ ея высочествомъ, Анной Алексѣевной, цесаревной, и въ благодарность за ея извѣстіе, изъявляетъ готовность подойти къ ея ручкѣ на томъ свѣтѣ. Развитіе темы, что соляной камень есть камень здравія, благосостоянія и образованія человѣчества, равно какъ и этимологическое производство названій разныхъ металловъ: желѣза отъ жилы, золота отъ жолтый, серебра отъ сѣрый, олова отъ отливать,—изумительны. Какъ бы то ни было, но будущіе изслѣдователи древнѣйшей торговли около Чернаго моря непремѣнно должны будутъ обратить вниманіе на это умное, дѣльное разсужденіе.

„Примѣчанія на русскія хронологическія вычисленія XII вѣка", г. Хавскаго. Здѣсь доказывается, что январьскій годъ введенъ въ Россіи не Петромъ Великимъ съ 1700 года, какъ думали доселѣ, а вмѣстѣ съ принятіемъ христіанской вѣры,—что Несторова лѣтопись написана на сентябрьскій, а не на мартовскій годъ. Не беремся рѣшать, правъ ли авторъ или нѣтъ, и предоставляемъ это знатокамъ, спеціально изучившимъ нашу древнюю хронологію.

„Объ имени и положеніи города Винеты, иначе Юмина, Юлина, Іомсбурга",—Шафарика, пер. г. Бодянскимъ. Знаменитый славянскій ученый рѣшаетъ въ этой статьѣ одинъ изъ самыхъ запутанныхъ историческихъ вопросовъ, что̀ доказывается множествомъ сочиненій о томъ, гдѣ стоялъ этотъ городъ, существовалъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ когда-нибудь, должно ли разумѣть подъ этими различными названіями одинъ городъ или разные города? Оттого диссертація г. Грановскаго о томъ же предметѣ вызвала на диспутѣ самыя жаркія возраженія. Не позволяя себѣ произносить сужденія въ дѣлѣ, столько запутанномъ и обслѣдованномъ извѣстными учеными, мы ограничимся однимъ изложеніемъ результатовъ, выведенныхъ Шафарикомъ. По его мнѣнію, Юлинъ, Волинъ, Юмне, Юминъ, Іомсбургъ, Винета—суть различныя названія одного и того же города, бывшаго на островѣ Волинѣ и уже въ X вѣкѣ превосходившаго всѣ прочіе города славянскаго поморья народонаселеніемъ, торговлей и богатствомъ.

„Два еврейскихъ письма о Хозарскомъ царствѣ", переведенные съ подлинника г. Гартенштейномъ. Въ „Историческомъ и статистическомъ сборникѣ" покойнаго г. Валуева было помѣщено извлеченіе изъ письма рабби Хиздай бэнъ Ицхака къ хозарскому царю, переведенное на русскій языкъ г. Коссовичемъ. Въ предисловіи къ переводу, г. Коссовичъ говоритъ, что рабби Хиздай получилъ отвѣтъ, но онъ ему неизвѣстенъ. Г. Гартенштейнъ отыскалъ этотъ отвѣтъ въ одной еврейской книгѣ, и онъ-то напечатанъ въ шестой книжкѣ „Чтеній". Мы нашли въ немъ мало любопытнаго, исключая извѣстія о принятіи царемъ хозарскимъ Гюляномъ еврейской вѣры, которое во многихъ подробностяхъ сходно съ разсказомъ о принятіи христіанской вѣры Владиміромъ. Гораздо интереснѣе и богаче свѣдѣніями о хозарскомъ царствѣ второе письмо. Оно написано въ опроверженіе сомнѣній, возникшихъ между евреями насчетъ подлинности письма рабби Хиздая; но отвѣтъ хозарскаго царя признается имъ за выдумку, принадлежащую

какому-нибудь испанскому еврею. Судя по второму письму, хозары приняли еврейскую вѣру въ XI вѣкѣ. Хаканы хозарскіе управляли и судили съ совѣтомъ девяти старѣйшинъ разныхъ исповѣданій. При хаканѣ находился непремѣнно одинъ Еврей, который назывался каганомъ и жилъ въ царскомъ дворцѣ. Въ эту должность избирался знатокъ еврейскаго закона, ибо къ нему обращался хаканъ за совѣтомъ по дѣламъ судебнымъ; на прочія онъ не имѣлъ никакого вліянія. Интересныя свѣдѣнія находимъ также въ примѣчаніяхъ къ письмамъ, составленныхъ г. Гартенштейномъ.

По части матеріаловъ особеннаго вниманія заслуживаетъ продолженіе „Опыта русскаго народнаго словотолковника" г. Макарова и „Повѣсть" объ осадѣ Пскова Баторіемъ.

Предпріятіе г. Макарова, само по себѣ, заслуживаетъ полнаго одобренія. Недостатокъ въ словарѣ для словъ и выраженій, употребляемыхъ въ простомъ народѣ, весьма ощутителенъ, особливо въ наше время, когда изученіе древней русской письменности приняло широкіе размѣры,—точка зрѣнія на народную рѣчь совершенно измѣнилась и литературный языкъ, болѣе и болѣе вырабатываясь изъ тяжелыхъ искусственныхъ формъ, въ которыя по необходимости былъ на время закованъ, сталъ быстро сближаться съ народнымъ и жадно вбирать въ себя его элементы. Мы вполнѣ понимаемъ всю трудность такой работы и не поставимъ въ вину почтенному составителю словаря пропуски и неполноту. Даже о приблизительномъ совершенствѣ въ этомъ столько новомъ еще дѣлѣ теперь и мечтать нельзя. Но намъ показались странными,—и мы позволимъ себѣ замѣтить это,—произвольныя словопроизводства, сближенія и неточныя объясненія словъ, что̀ попадается довольно часто въ добросовѣстномъ и полезномъ трудѣ г. Макарова. Напримѣръ, въ словарѣ сказано, что слово *вижжать* значитъ плакать; это несправедливо; въ числѣ разныхъ объясненій слова *вольгота* находимъ, будто бы оно значитъ и поощреніе; *валяшки*, по мнѣнію г. Макарова, есть названіе коня, лошади. Это выводитъ онъ изъ того, что ямщики кричатъ иногда на лошадей: пошелъ, валяй валяшки! Но кто же не знаетъ, что валять значитъ у насъ дѣлать что-нибудь скоро, поспѣшно, а валяшки — такое же непередаваемое выраженіе, какъ спанюшки, баюшки и т. д.? Если даже и допустить, что здѣсь это слово относится къ лошадямъ, то все-таки оно прилагательное, употребленное вмѣсто существительнаго, и ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть признано за названіе лошади. Эти примѣры мы выписали на удачу, изъ нѣсколькихъ страницъ, но подобныхъ недосмотровъ очень много. Надѣемся, что начитанный, добросовѣстный авторъ не приметъ нашихъ словъ за однѣ придирки. Мы уважаемъ его прекрасный трудъ и желали бы видѣть въ немъ какъ можно менѣе произвольныхъ, отъ сочинителя зависящихъ, недостатковъ.

„Повѣсть о прихоженіи литовскаго короля Степана на великій и славный градъ Псковъ" была уже извѣстна Карамзину, который на ней основалъ свой разсказъ объ осадѣ Пскова Баторіемъ; но, если не ошибаемся, теперь она впервые является въ печати, по списку, доставленному г. Сахаровымъ. Какъ историческій матеріалъ, она имѣетъ, пожалуй, свою цѣну: вотъ все что̀ можно о ней сказать, ибо съ перваго взгляда видно, что эта повѣсть писана какимъ-нибудь монахомъ, человѣкомъ совершенно бездарнымъ, ограниченнымъ, который гнался за риторическими фразами. Одного поверхностнаго сравненія этого памятника съ нашими древними лѣтописями достаточно, чтобы убѣдиться, въ какомъ упадкѣ находилась въ XVI вѣкѣ литература нашихъ монастырей и иноковъ.

Впрочемъ, какова бы ни была „Повѣсть", нельзя не поблагодарить общество за ея изданіе. Какъ историческій памятникъ, она замѣчательна даже своею уродливостью.

Пропуская письмо покойнаго епископа пензенскаго, Иннокентія, и двѣ грамоты Алексѣя Михайловича, не представляющія ничего особенно замѣчательнаго, скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о письмѣ черногорскаго владыки П. П. Нѣгоша Московскому Обществу Исторіи и Древностей, въ которомъ онъ благодаритъ его за избраніе въ почетные члены. Это письмо любопытно во многихъ отношеніяхъ. Большая его половина—панегирикъ, славословіе Москвѣ, украшенное цвѣтами полу-восточной фантазіи:

„О сколь Москва восхищаетъ меня (восклицаетъ владыка)! Москва – священная скинія великаго народа, въ которой воспитывается завѣтъ нашего величія! Москва—колыбель Донскаго, Іоанна Великаго, Пожарскаго и Романовыхъ! Москва—мать царей,—начало величія Славянскаго! Москва столица

знати и Святый олтарь Православія и Славянства! Москва, которая великодушнымъ всесожженіемъ своимъ показала свѣту имя Славянское, непоколебимая скала, о которую величіе Запада Европы сокрушилось“ и т. д.

Утѣшительно читать эти слова. Отдѣливъ изъ нихъ то, что́ къ Москвѣ нейдетъ, и устранивъ полупоэтическіе образы, мы получимъ искреннюю, глубокую симпатію владыки къ Россіи, убѣжденіе, что въ ея рукахъ судьбы славянскаго міра. Такія чувства для насъ должны быть дороги и питаютъ нашу національную гордость, тѣмъ болѣе, что владыка воспитывался въ Россіи. Самая форма, въ которой они выразились, очень естественна, если вспомнимъ, что письмо писалъ начальникъ Черногорья: до Петра Великаго мы сами выражались точно такъ же. Но отрадное дѣйствіе этого посланія какъ-то невольно ослабляется мыслью, что многіе, особливо въ Москвѣ, истолкуютъ слова владыки буквально и извлекутъ изъ нихъ новый аргументъ въ пользу своего неисторическаго москвофильства, а это вызоветъ со стороны другихъ насмѣшки и злыя остроты противъ письма, которыхъ они ни въ какомъ отношеніи не заслуживаютъ. Таково еще у насъ, къ сожалѣнію, состояніе мнѣній: запоздалыя теоріи, органъ исчезающихъ остатковъ древней Руси, подрумяненныя съ помощью новѣйшей европейской науки, вызываютъ и поддерживаютъ крайности въ умахъ и отдаляютъ появленіе того, давно желаннаго, спокойнаго, но исполненнаго силы и энергіи безпристрастія, которое для насъ теперь есть единственно возможный путь къ прямому, здравому взгляду на вещи. Конечно, есть уже люди, настолько твердые въ реальномъ пониманіи нашего прошедшаго и настоящаго, что призраки, добросовѣстно или недобросовѣстно выдаваемые за истину, не въ силахъ ринуть ихъ въ противоположное, столько же далекое отъ нея воззрѣніе; но большинство не таково: одна ложь отбрасываетъ его къ другой лжи, и въ этомъ колебаніи, какъ ни ограничена его сфера, безплодно проходитъ время, которое можно бы употребить и полезнѣе и лучше. Всего печальнѣе то, что разномысліе вертится почти исключительно около одныхъ словъ, сведено на голословныя различія, діалектическія хитросплетенія и тонкости, которыя сдѣлали бы честь самому Горгіасу. Защитники московскихъ теорій ловятъ своихъ противниковъ на словахъ, на выраженіяхъ, и горе, если имъ попадется новичокъ, неискусившійся въ паутинѣ многосложной московской формалистики! Ничего не зная и не подозрѣвая, онъ будетъ торжественно провозглашенъ прозелитомъ московской александрійской школы, и отъ этого штемпеля ему ужъ не очиститься никакими заклинаніями. Оттого люди, извѣдавшіе и вкусившіе отъ московскихъ преній, чрезвычайно осторожны въ разговорахъ. Они хорошо знаютъ, что въ Москвѣ, какъ это ни странно, назначили себѣ въ XIX вѣкѣ мѣсто свиданія схоластики всѣхъ вѣковъ и народовъ для окончательнаго окончанія своихъ многомудрыхъ диспутовъ. Кому же, непосвященному въ эту тайну, можетъ она придти въ голову? Всякій здравомыслящій, безпристрастный человѣкъ изъ непосвященныхъ, недавно пріѣхавшій въ Москву, на вопросъ: какъ вамъ нравится письмо Нѣгоша?—не обинуясь, скажетъ, что оно ему нравится,—что оно произвело на него пріятное впечатлѣніе. Но посвященный, тоже здравомыслящій и безпристрастный, никогда такъ прямо не скажетъ: онъ слишкомъ опытенъ, чтобы неосторожно искренно обнаруживать свое мнѣніе. Сперва онъ подумаетъ, съ кѣмъ говоритъ, потомъ оглянется, нѣтъ ли вблизи такого человѣка, при которомъ нельзя высказываться спустя рукава, подъ страхомъ быть тотчасъ же причислену къ прозелитамъ московскихъ теорій. Тогда только онъ станетъ отвѣчать, но и тутъ отвѣтъ его не всегда будетъ одинаковъ: одному онъ скажетъ, что письмо ему очень нравится, другому — что оно ему вовсе не нравится, отъ третьяго сперва вывѣдаетъ, въ какомъ смыслѣ онъ его спрашиваетъ, и потомъ отвѣтитъ, сообразаясь съ человѣкомъ, мѣстностью, обстоятельствами, даже послѣдними гостиными разговорами. И при всемъ разнообразіи, даже противоположности отвѣтовъ, онъ останется вѣренъ своимъ мыслямъ, потому что вся сила, все вниманіе сосредоточены на словахъ, а не на дѣлѣ. Все это служитъ новымъ доказательствомъ, что въ исторіи нѣтъ прыжковъ, и каждый народъ непремѣнно переживаетъ всѣ ступени развитія. Мы смѣемся надъ схоластикой средневѣковой Европы, и добродушно не замѣчаемъ, что сами въ ней сидимъ по-уши. Зато этимъ, конечно немножко дорого, выкупается для насъ честь быть впослѣдствіи, когда-нибудь, представителями всемірно-историческаго развитія человѣчества.

— —

Въ восьмой книжкѣ „Чтеній" помѣщено нѣсколько важныхъ статей и матеріаловъ по части церковной исторіи и древней русской духовной литературы. Они составляютъ главное содержаніе, хотя и остальное во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманія.

Любопытна статья, подъ названіемъ „Исторія церквей Гельветическаго исповѣданія въ Литвѣ" г. Лукашевича, переведенная съ польскаго на русскій г. Хмѣльницкимъ. Въ восьмой книжкѣ помѣщено только ея начало. Авторъ—полякъ и католикъ, но это не помѣшало ему сохранить безпристрастіе и спокойный тонъ въ разсказѣ происшествій, которыми ознаменовалась въ Литвѣ борьба протестантизма и отчасти православія съ католицизмомъ; исключеній немного, по крайней мѣрѣ сколько мы видѣли до сихъ поръ. Все сочиненіе обнимаетъ исторію протестантскихъ церквей въ Литвѣ, съ ихъ водворенія до царствованія Сигизмунда Августа III; здѣсь же обозрѣніе событій доведено только до 1595. Желая вкратцѣ познакомить читателей съ содержаніемъ этой важной статьи о предметѣ вообще у насъ мало знакомомъ, мы, чтобъ не нарушить единства разсказа, поговоримъ о ней когда выйдетъ вся статья. Скажемъ теперь нѣсколько словъ о матеріалахъ для церковной исторіи и духовной литературы.

Извлеченіе изъ грамоты Паисія, ферапонтовскаго монаха, къ великому князю Василью Ивановичу о разводѣ его съ первой супругой и вступленіи во второй бракъ. Этотъ документъ изданъ по двумъ спискамъ, съ варіантами, и содержитъ въ себѣ историческій разсказъ объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ разводу Василья Ивановича и о началѣ суда надъ Максимомъ Грекомъ съ его дѣйствительными или мнимыми соумышленниками. Задумавъ развестись съ своей супругой, потому что у ней не было дѣтей, великій князь обратился за совѣтомъ къ Вассіану. Вассіанъ сказалъ ему, что если онъ разведется и вступитъ во второй бракъ, то совершитъ прелюбодѣяніе. Василій разгнѣвался, заключилъ Вассіана въ Чудовъ монастырь и черезъ нѣсколько дней, по совѣщаніи съ митрополитомъ Даніиломъ, „составилъ на него свидѣтеля", чудовскаго архимандрита Іону, который донесъ, что „во обители... государевѣ богомоліи, Максимъ Грекъ и Сава святогорцы жительствуютъ по Государеву велѣнію, сходатая имѣютъ себѣ доп(б)рописца Михаила Медоварцева, и тріе совокуплены во единомысліе, и толкуютъ книги, и изводятъ словеса по своему изволенію, и исправляютъ по своему разуму, безъ согласія и безъ повелѣнія твоего, и безъ благословенія Митрополичьяго, и безъ собора вселенскаго, и Васьянъ согласился съ ними же, и творятъ укоризну царствію твоему; а велѣлъ еси быти въ своемъ богомоліи и вобреженіи старцу Васьяну, и виницаютъ въ неподобная и мерзкая суесловія, съ ними же и Селиванъ чернецъ, единогласникъ тріехъ, сі(ы)й". Вслѣдствіе этого доноса былъ созванъ соборъ, на которомъ Вассіанъ, Максимъ Грекъ и прочіе осуждены и разосланы въ заключеніе по разнымъ монастырямъ, а дѣло о разводѣ опять поднято. Отправлена грамота къ четыремъ патріархамъ, о томъ, можно ли расторгнуть бракъ по неплодію, или нѣтъ? Патріархи отвѣчали отрицательно. Маркъ, патріархъ іерусалимскій, предсказывалъ даже, что если у великаго князя и родится сынъ, то онъ принесетъ Россіи несчастія.

„Все попраетъ, и роды... Болярьстіи, и стратигове, и племянника Лаковрича и вси... Христіяне во страсѣ и утѣсняеми будутъ; но реку презрить вся Вселенскій Соборъ, и восприиметъ подъ свою руку Келевдеріи, и будетъ грабитель чюжаго имѣнія, моль же поядаетъ ризы, а чюжаго имѣнія грабленіемъ и свое все истребитъ, и наполнится... царство страсти и печали, и будутъ въ та лѣта убиванія многа и муки величествію Саранадасійскихъ (то есть боярскихъ) родовъ, и юношъ нещадѣніе, и ово на кола, инымъ усѣченіе главы, и затоцы безъ милости, и мнози гради огнемъ попрани будутъ."

Словомъ, это предсказаніе объ Іоаннѣ Грозномъ, какимъ онъ въ самомъ дѣлѣ былъ съ одной стороны и какимъ его только и разумѣли современники, особливо духовенство, имѣвшее на то свои причины. Можетъ быть, оно-то и заставило Карамзина, которому этотъ актъ былъ извѣстенъ, усомниться въ его достовѣрности, ибо „много странныхъ выраженій и словъ вымышленныхъ, какихъ не бывало въ языкѣ нашемъ", онъ приводитъ, какъ доказательство подложности. Но едва ли сомнѣніе основательно; слова патріарха могли быть вставлены позднѣе. Это потому вѣроятно, что рукопись, съ которой напечатанъ памятникъ, отнесена издателемъ къ XVI или даже XVII вѣку (см. № 7, предисловіе къ

пренію Даніила съ Максимомъ); сверхъ того, предвѣщаніе Марка составляетъ особенный періодъ, который легко можетъ быть опущенъ, безъ нарушенія цѣлости, единства акта. Здѣсь сказано: „они же велиціи Патріарси согласистася и предложили писаніе по правиломъ святыхъ отецъ: неподобаетъ тако тебѣ, Государю, творити, понеже и мірской чади правила святыхъ отецъ запрещаютъ. Но единъ изъ четырехъ великихъ Патріарховъ восписалъ свирѣпствомъ, Марко Іерусалимскій". Затѣмъ слѣдуетъ предсказаніе, а вслѣдъ за нимъ: „вскорѣ же дойде епистолія къ Государю отъ Патріархъ" и т. д. Такимъ образомъ, болѣе чѣмъ вѣроятно, что переводчикъ или передѣлавшій посланіе, прочитавъ, что Маркъ „восписалъ свирѣпствомъ", приписалъ отъ себя, по готовому и извѣстному, пророчество объ Иванѣ Грозномъ или измѣнилъ слова патріарха. Какъ часто обезображивались такими вставками и передѣлками наши древніе акты, всего разительнѣе видно на церковныхъ уставахъ Владиміра и Ярослава; ихъ что ни списокъ, то новый текстъ, а между тѣмъ, мы знаемъ навѣрное, что они существовали, хотя ихъ подлинники или вѣрныя копіи, можетъ быть, навсегда утрачены. Какъ бы то ни было, это мѣсто очень любопытно. Оно, мимоходомъ, даетъ поводъ къ разнымъ, болѣе или менѣе вѣроятнымъ, предположеніямъ, въ объясненіе загадочнаго дѣла Максима Грека и взаимныхъ отношеній русскихъ великихъ князей къ восточнымъ патріархамъ. Если грамота была отправлена къ послѣднимъ послѣ заточенія Вассіана, Максима и другихъ, очень понятно, почему они отказали великому князю въ разводѣ. Они были имъ недовольны за своевольныя распоряженія, которыми Василій болѣе и болѣе отстранялъ отъ себя и русской церкви вліяніе восточныхъ іерарховъ. Такимъ образомъ, разбираемый нами документъ еще болѣе наводитъ на догадку, что Максимъ Грекъ дѣйствительно былъ органомъ восточныхъ патріарховъ, и что они имъ воспользовались для своихъ цѣлей. Что дѣло противъ Максима началось сперва вслѣдствіе гнѣва великаго князя на Вассіана за прямо высказанное мнѣніе о разводѣ его съ Соломоніей,—это очень вѣроятно. Но, конечно, это не была единственная причина гоненій. Соборъ раскрылъ другія, болѣе важныя и опасныя тайны.

Какъ бы то ни было, въ выписи сказано, что Василій, получивъ грамоту отъ патріарховъ, опечалился и послалъ ее къ митрополиту. Митрополитъ, прочитавъ, сказалъ слѣдующія замѣчательныя слова: „своей страны нечестива имѣетъ царя, и да блажитъ его, сего же нашего государя православнаго укоряетъ; но сыну Василей тебѣ, глаголю Великому Князю, учинити благословеніе, и возметъ на ся, и всѣмъ Вселенскимъ соборомъ благословимъ творити ему". Соображая это съ предыдущимъ и послѣдующимъ, мы думаемъ, что въ этомъ случаѣ инициатива принадлежала не митрополиту, а великому князю, который, подобно своимъ предмѣстникамъ и преемникамъ, не любилъ церемониться, когда что-нибудь лежало ему поперекъ дороги. Монахи или не понимали этого, или нарочно передѣлали и цѣлой риторической обстановкой затмили настоящій смыслъ событія. Несмотря на это утѣшеніе, предлагаемое услужливымъ митрополитомъ, Василій уѣхалъ въ Александровскую слободу, вызвалъ къ себѣ сарскаго и подольскаго епископа Досифея, обвинителя Вассіанова Іону и придумывалъ, что̀ ему дѣлать. Обстоятельство было нелегкое. Въ это время труднѣе и труднѣе становилось дѣйствовать съ восточными патріархами такъ же открыто, какъ дѣйствовали Ярославъ, Ростиславъ и другіе. Притомъ, сѣмена уже были посѣяны Максимомъ; нельзя было узнать, какіе они принесли плоды, сколько приверженцевъ нашли въ Россіи его мнѣнія. Вступить во второй бракъ по благословенію одного русскаго духовенства было опасно, а патріархи не давали благословенія. Въ это время возвратился въ Москву изъ Крыма великокняжескій посолъ Иванъ Колычевъ и привезъ съ собою ферапонтовскаго монаха Гавріила съ грамотою отъ святогорскихъ монастырей къ Василію о его разводѣ и вступленіи во второй бракъ. Начало этой грамоты есть въ „выписи", но конца, кажется, нѣтъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, думаетъ издатель этого акта, г. Бодянскій, и мы не можемъ не согласиться съ его мнѣніемъ, ибо вопросъ поставленъ, а разрѣшенія его нѣтъ. А очень жаль! Судя по началу, мы вправѣ думать, что конецъ пролилъ бы большой свѣтъ на все событіе: святогорскіе монахи берутся за вопросъ хитро, осторожно, издалека, что заставляетъ догадываться, что и они рѣшали его не въ пользу великаго князя. Можетъ быть даже,

что конецъ умышленно уничтоженъ, потому что раскрывалъ факты, обреченные вѣчной тайнѣ. Именно это предположеніе и заставляетъ насъ искренно желать, чтобы нашелся полный списокъ „выписи". При такихъ отличныхъ, неутомимыхъ археологахъ, какихъ мы теперь имѣемъ въ лицѣ гг. Калачова, Ундольскаго и др., наше желаніе, быть можетъ, и исполнится.

„Посланіе Гелладія", новгородскаго и псковскаго архіепископа, „Іоасафу, архіепископу Ростовскому и Ярославскому". Этотъ документъ доставленъ Обществу преосвященнымъ Филаретомъ, епископомъ рижскимъ, и, если не ошибаемся, теперь впервые является въ печати (къ сожалѣнію съ пропускомъ). Онъ замѣчателенъ потому, что прибавляетъ нѣсколько новыхъ данныхъ къ извѣстіямъ о такъ называемой жидовской ереси, тщательно собраннымъ и превосходно обслѣдованнымъ г. Рудневымъ [1]). Ученый изслѣдователь, котораго мы теперь назвали, весьма основательно усомнился въ томъ, что наши жидовствующіе дѣйствительно держались одной іудейской вѣры, и, подтвердивъ свое сомнѣніе полновѣсными доводами, раскрылъ въ ихъ ученіи элементъ раціонализма, справедливо заставляющій искать ихъ источника въ томъ сильномъ броженіи идей, которое предшествовало явленію Лютера. Новое, хотя и отрицательное, доказательство этому находимъ въ посланіи Гелладія. Онъ говоритъ: „и обрѣтохъ здѣсе Новгородскихъ еретиковъ, Жидовская мудрствующихъ; покрыты жъ суть онѣхъ еретикъ клятвенною укоризною, Маркіанскія глаголы и Мессаліанскія". И потомъ, еще яснѣе: „А что ни есть ересей Мессаліанскихъ, то все они мудрствуютъ, только то Жидовскимъ десятословіемъ людей прельщаютъ, яко чествующе мнятся". Итакъ очевидно, что они не были приверженцы еврейскаго закона, какъ думали не совсѣмъ просвѣщенные наши предки. Далѣе находимъ, что такъ называемые жидовствующіе не признавали клятвы или присяги, и потому безстрашно присягали, что они истинные, православные христіане; ихъ попы завтракали и пили до обѣдни; къ согрѣшеніямъ, особенно плотскимъ, послѣдніе не были строги и легко ихъ прощали.

Отношенія между Гелладіемъ и Іоасафомъ изъ этой грамоты не совсѣмъ ясны. Кажется, между ними была размолвка, и по всему видно, что послѣдній—не знаемъ почему—не хотѣлъ принять дѣятельное участіе въ обличеніи еретиковъ.

„Содержаніе посланія Іосифа Волоколамскаго къ Ивану Ивановичу" (Челяднину). Оно было извѣстно покойному митрополиту Евгенію, который указываетъ на нѣсколько его списковъ. Сравнивъ выборки, сдѣланныя изъ этого акта и напечатанныя въ „Чтеніяхъ", съ краткимъ жизнеописаніемъ Іосифа Волоколамскаго въ „Словарѣ духовныхъ писателей", мы не нашли въ первыхъ ничего новаго и замѣчательнаго. Одинъ отрывокъ былъ уже помѣщенъ въ седьмой книжкѣ „Чтеній", въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Преподобнаго Іосифа Волоколамскаго отвѣщаніе и сказаніе о святыхъ Отцѣхъ, бывшихъ въ Русстѣхъ монастырѣхъ"; мы о немъ говорили. Это изданіе мы считаемъ совершенно безполезнымъ. Оно не сообщаетъ самого акта, вполнѣ или въ отрывкахъ, что было бы очень важно, а одинъ разсказъ о немъ, въ которомъ коегдѣ вставлены изъ него подлинныя слова. Такъ какъ эти подлинныя слова не представляютъ ничего новаго, то мы и понять не можемъ, къ чему этотъ разсказъ напечатанъ. Полнаго изданія онъ не замѣнитъ, слѣдовательно, не принесетъ никакой пользы и ни въ какомъ отношеніи.

„Слово Кирилла философа на Соборъ Архистратига Михаила". Господинъ Розовъ, доставившій Обществу это слово, не безъ основанія приписываетъ его русскому митрополиту Кириллу II, за исключеніемъ очень немногихъ мѣстъ съ темными указаніями на древне-русскіе обычаи и повѣрья. Эта находка имѣетъ библіографическій интересъ, никакого другого. Съ нею лишь увеличился и безъ того кажется довольно длинный списокъ риторическихъ проповѣдей, передѣланныхъ съ греческаго на славяно-церковный языкъ, на пользу души нашихъ праотцевъ.

Кромѣ исчисленныхъ статей и актовъ, восьмая книжка „Чтеній" содержитъ въ себѣ продолженіе „Лѣтописнаго повѣствованія о Малой Россіи" Ригельмана (Часть II и III, книги 4-ю и 5-ю), до вступленія Мазепы съ

[1]) „Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ, бывшихъ въ русской Церкви со времени Владиміра Великаго, до Іоанна Грознаго. Москва, 1838 г.". Эта книга, Богъ знаетъ почему, мало извѣстна, а между тѣмъ, такихъ въ русской исторической литературѣ не насчитаешь и десяти; это вѣрно. Взглядъ на наши тогдашнія ереси и расколы обличаетъ въ авторѣ не только остроумнаго критика, но и глубокаго знатока древней Руси.

войскомъ подъ покровительство Карла XII; два акта, сообщенные соревнователемъ Общества, г. Борисовымъ—о разбоѣ на Волгѣ и Окѣ, и о набѣгѣ литовцевъ и „черкасъ" на Шартомскій монастырь (оба XVII вѣка), наконецъ, письмо объ избраніи на польскій престолъ Михаила Вишневецкаго и статью покойнаго Венелина объ исторіи. Акты г. Борисова и лѣтописное повѣствованіе не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго; но письмо и еще болѣе статья Венелина очень любопытны, и потому въ заключеніе мы займемся ими.

Въ 1669 году гетманъ Демьянъ Многогрѣшный прислалъ въ Москву переводъ съ письма, писаннаго по-польски ротмистромъ Андреемъ Рачкевичемъ изъ Варшавы къ старостѣ лоевскому, Котарскому, объ избраніи Вишневецкаго на польскій престолъ. Этотъ переводъ найденъ и доставленъ Обществу г. Бѣляевымъ. Рачкевичъ пишетъ: „Слава на неби Господеви, что счастливо, знатно по изволенію Божію... единогласно, безъ всяческихъ противныхъ рѣшеній, избрахомъ Государя". Далѣе: „невозможно изрѣщи, не точію описать, но и въ кроникахъ таковы згоды и радости дочитаются (вѣрно: дочитаться), какова нынѣ во единъ часъ учинилась всей рѣчи посполитой, згода единодушная, что безъ шуму, безъ мятежу, во удивленье и безъ разлитія крови, съ неподобныхъ дѣлъ учинились подобные, чего ни единъ не начаялся таковы згоды".

Сенаторы не хотѣли приступить къ выбору короля „для своихъ вымысловъ и прибылей, отъ которыхъ (кандитатовъ на корону) деньги поимали", и медлили, но посполитое рушенье окружило ихъ и требовало тотчасъ же приступить къ избранію. Оно происходило по воеводствамъ; каждое изъ нихъ „имѣло свои думы" особливо, и всѣ согласились избрать Михаила Вишневецкаго. Избраніе сопровождалось разными благопріятными предзнаменованіями. Когда, передъ „думами", всѣ съ колѣнопреклоненіемъ запѣли „Снійди святый Душе", трижды пролетѣла надъ ними бѣлая птица. Воеводство сендомирское только что задумало избрать Михаила, говоря, что его отецъ, воюя съ казаками, кормилъ ихъ медомъ, и, можетъ быть, и сынъ будетъ такъ же кормить,—пчелы сѣли на бунчукъ предъ Равскимъ повѣтомъ въ Калишскомъ воеводствѣ, „которой рой пчелъ собравъ поручикъ пришед(л)ъ несучи въ шлемѣ до воеводства Сендомирскаго, поздравляючи князя его милость Королемъ, сіе же знатно, яко самъ Богъ избра тя Государь, когда мы начали вспоминати князя его милость, тотчасъ тѣ пчелы сѣли предъ нашимъ воеводствомъ". Такія суевѣрія и примѣты были у насъ, въ Польшѣ, и у всѣхъ народовъ естественнымъ отводомъ противъ случайностей, которыя безъ помѣхи властвовали надъ общественной и частной жизнью; не видя въ ней разумнаго, человѣкъ долженъ былъ придать ей разумность извнѣ, потому что чистая случайность для него невыносима, противна его природѣ.

Избранный король сначала отказывался: „Началъ князь плакати, что недостоинъ азъ сего, не издѣвайтесь надо мною, слугою своимъ, ненадобны суть сіи рѣчи", но наконецъ согласился. Послѣ краткаго привѣтствія епископа кульскаго, примасъ, архіепископъ гнѣзненскій, трижды спросилъ посполитую рѣчь, согласны ли они имѣть избраннаго королемъ, и потомъ назвалъ его королемъ польскимъ. Избранный долженъ былъ присягнуть на условіяхъ („договорныхъ прибыткахъ") въ церкви св. Яна. Затѣмъ уже, черезъ шесть недѣль, должна была послѣдовать коронація.

Перейдемъ, наконецъ, къ статьѣ Венелина, подъ заглавіемъ: „Мысли объ исторіи вообще и русской въ частности". Читая эту статью, не знаешь, чему больше удивляться—яркому ли таланту писателя, живости и остроумію его взглядовъ, или той странной, часто нелѣпой формѣ, въ которой они выразились. Нѣтъ сомнѣнія, Венелинъ былъ, что называется, живой человѣкъ. Оттого онъ предугадывалъ и чуялъ многое, чего и не подозрѣвали его ближайшіе недальновидные современники. Часто попадалъ онъ такъ мѣтко въ самую сущность дѣла, затрогивалъ такіе живые вопросы въ наукѣ, что невольно спрашиваешь себя: неужели это могло быть написано въ одну изъ самыхъ безплодныхъ эпохъ исторической литературы? Но рядомъ съ проблесками необыкновеннаго таланта встрѣчаются и удивительныя вещи. Одно съ другимъ сливалось у Венелина въ какой-то странный хаосъ, въ которомъ трудно найтись, не имѣя своего опредѣленнаго, высказаннаго взгляда на предметъ. Все это очень понятно, и очень грустно, когда поразмыслишь! Судьба Венелина въ нашей исторической литературѣ во многомъ сходна съ судь-

бой Каченовскаго, какъ они, впрочемъ, ни различны между собою. Оба хватали гораздо дальше, нежели успѣли высказать и сдѣлать; оба—передовые люди, первые пошли на проломъ противъ безсмыслія, напыщенности, задушившихъ было всякое разумѣніе русской исторіи, и обоихъ осилила тупая среда, противъ которой они бились на смерть; если они не поддались ей совсѣмъ до конца, то не могли избѣжать и ея воздѣйствія, наложившаго на нихъ странную, едва понятную для насъ, печать. Такъ справедливо, что взглядъ на исторію есть актъ народнаго сознанія, за предѣлы котораго не перешагнуть никому. Такъ несомнѣнно, что нравственная атмосфера, которой дышетъ народъ, создается и перерождается долго временемъ и совокупными усиліями множества дѣятелей. Замѣчательные умы и таланты, передъ которыми теперь открыто широкое поле, очищенное отъ хлама предразсудковъ и упорной безсознательности, тогда поневолѣ должны были укладываться въ неловкую, тяжелую форму и рѣдко, мимоходомъ, могли высказаться, потому что встрѣчали на каждомъ шагу препятствія, превышавшія силы одного человѣка. Не осмѣливаемся рѣшить, ясно ли понимали Каченовскій и Венелинъ великій подвигъ, который имъ предстоялъ, но котораго они не могли совершить по времени, когда дѣйствовали, по трудностямъ, которыя встрѣтили; то несомнѣнно, что оба далеко не были поняты. Ихъ невысказанная мысль осталась прекраснымъ, глубокомысленнымъ завѣщаніемъ для грядущихъ поколѣній; но современники, ихъ собратья по дѣлу, видѣли одни писанныя слова, буквы, и разбирали ихъ съ наивной добросовѣстностью записныхъ ученыхъ: трудъ очень почтенный и полезный, даже необходимый, но не ему было оцѣнить въ мѣру Каченовскаго и Венелина. Кого увѣрите теперь, что предѣломъ ихъ историческихъ убѣжденій были подложность Несторовой лѣтописи или славянство варяговъ? Въ глаза бросается, что ихъ навели на эти мысли другія, болѣе глубокія и въ своемъ основаніи вѣрныя требованія отъ науки русской исторіи. А тогда спорили только о томъ, что они сказали, и, Боже мой, какіе горячіе были споры! Подумаешь, въ нихъ рѣшалась судьба русскаго царства! Очень понятно, что удары, которые посыпались на Каченовскаго и Венелина, должны были оглушить ихъ и отклонить ихъ дѣятельность и вниманіе въ другую сторону. Такъ и прошли они, не высказавшись. Мысли ихъ были подавлены; имъ не изъ чего было развиваться.

„Слово *Исторія* (такъ начинаетъ свою статью Венелинъ), Богъ вѣсть съ чего взятое, означаетъ *описаніе* или *изображеніе*; посему *Исторія Россіи* есть тоже, что *изображеніе Россіи*. Такимъ образомъ, напишите исторію нынѣшней Россіи тогда только, когда изобразите ее со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ ея частяхъ, представите ее на ладони. Дѣло идетъ о народѣ. Такъ 1) откройте его отличительныя черты отъ прочихъ народовъ, языкъ, имя; 2) изобразите его *устройство* (organisatio), ибо народъ, какъ цѣлое, есть тѣло органическое; организмъ этотъ есть не иное что, какъ только порядокъ; порядокъ же есть единственное условіе существованія или жизни цѣлаго. Устройство народа состоитъ изъ двоякаго порядка: а) *внѣшняго*, или формы устройства, и б) изъ *внутренняго*, или законовъ и правъ. Вотъ два условія жизни народа, какъ цѣлаго, изъ коихъ первое представляетъ намъ *органы* или орудія жизни народной, а послѣднее самую внутреннюю, *жизненную силу*. Оба рода порядка имѣютъ между собою столь тѣсную связь, что одинъ безъ другого существовать не можетъ. Изображеніе всего *перваго*, на чужомъ языкѣ, называется археологіей, археографіей. Русскаго названія этой наукѣ нѣтъ, ибо ученые, для общаго блага, до сихъ поръ думали, что понятнѣе будетъ названіе науки, вымастеренное изъ какого-либо бусурманскаго языка, чѣмъ русское, и что полезнѣе, для уразумленія онаго имени, заставить юношу коптѣть 7 лѣтъ надъ Еллинскимъ языкомъ, чѣмъ, посредствомъ Русскаго слова, дозволять ему понять то въ одну секунду. Это просто, по-Русски, можно перевести *Чинопись*, т.-е. описаніе чиновъ.

Изображеніе послѣдняго есть... *Законопись*... *Правопись*, описаніе Правъ и Законовъ, иначе, *Правовѣдѣніе*, *Законовѣдѣніе*.

Изобразивъ, подробно, внутреннее и внѣшнее устройство народа, т.-е., тѣло, какъ цѣлое, мы уже получаемъ о немъ довольно ясное понятіе.

3) Изобразите душу народа. Въ этой статьѣ изобразите: а) характеръ и нравы; б) умственныя способности: 1) всю сферу его свѣдѣній, касательно Бога, природы и самаго человѣка; 2) состояніе искусствъ и издѣлій.

4) Изобразите его, такъ сказать, *прозябаніе*: а) всѣ роды напитка, пищи имъ употребляемой, образъ приготовленія оной; б) всѣ виды, качества и формы одѣяній; в) качества и формы жилищъ; г) опишите ясно всѣ вещи, употребляемыя въ общежитіи, во-первыхъ, изъ необходимости, во-вторыхъ, изъ пользы, въ-третьихъ для удовольствія, словомъ, опишите *обзаведеніе* народа, или *питаніе*.

5) Получивъ понятіе о тѣлѣ народа или массѣ, устройствѣ оной, душѣ или духѣ оной, и образѣ питанія оной, вы начертили главныя условія, соединеніе коихъ составляетъ полную жизнь народа, совершенно аналогически съ тѣми законами или условіями, коими поддерживается жизнь самого человѣка.

Единственный признакъ сей жизни есть *движе-*

ніе, какъ въ человѣкѣ, такъ и въ народѣ. Можетъ быть, скажете, что человѣкъ можетъ жить, нѣкоторое время, безъ всякаго движенія, т.-е. что, ни чуть не двигаясь, онъ все живетъ: движеніе хотя и не ощутительно снаружи, но составныя частицы его тѣла движутся безостановочно, и тогда, когда тѣло человѣка будетъ находиться въ совершенномъ, такъ называемомъ, покоѣ, дыханіе, какъ условіе питанія тѣла, движетъ большую часть покоющагося тѣла, а пульсъ разливаетъ во всѣ уголки онаго движущіяся влаги, т.-е. питательные соки. По сему, самое *питаніе* тѣла, само по себѣ, есть вѣчное движеніе, происходящее въ столь строгомъ порядкѣ, что нельзя ему не удивляться довольно.

Конечно, подобное движеніе совсѣмъ различно отъ того, которое производитъ человѣкъ, разбудившійся отъ сна и принявшійся за работу. Разница ощутительна; посему, вообще, движеніе раздѣлить можно на: 1) движеніе *внутреннее*, или *питанія*, или *существованія*, или *порядка;* 2) движеніе *внѣшнее* или *предпріятія*.

Совершенно подобнымъ образомъ происходитъ и въ народѣ. *Внутреннее* движеніе есть: а) *Повиновенія* или *порядка*; это есть безпрерывное теченіе дѣлъ Государственныхъ, дѣлъ управленія всего цѣлаго во всѣхъ большихъ и малѣйшихъ его частяхъ; б) *Питанія*, когда всѣ частицы сего цѣлаго *гоняются* за собственнымъ своимъ пропитаніемъ. *Внѣшнее* движеніе, или *предпріятія*, суть всѣ тѣ дѣянія, которыя цѣлый народъ, или часть онаго, по волѣ цѣлаго, *предпринимаетъ* что либо и совершаетъ; эти-то предпріятія суть дѣла или дѣянія народа, почти всегда клонящіяся къ своей настоящей или будущей пользѣ, а иногда и для пользы другого, если этого требуетъ собственная выгода, точно такъ, какъ это бываетъ и съ человѣкомъ. Дѣла народа, обыкновенно, происходятъ или посредствомъ пословъ, или посредствомъ армій, или посредствомъ коммерческой компаніи, каравановъ; сюда относятся всѣ предпріятія для общаго удобренія и усовершенствованія поля наукъ, искусствъ и ремеслъ, и кое что еще, тому подобное.

Въ семъ-то послѣднемъ (внѣшнемъ движеніи) мы должны понять и изобразить степень *народной дѣятельности*, отъ которой единственно зависитъ его независимость и довольство, т.-е. счастье.

Итакъ, въ полномъ изображеніи народа, вы должны очертить и степень его дѣятельности, приведши его дѣла и сравнивъ съ дѣлами другихъ. Это весьма нужно знать; ибо эта дѣятельность не всегда находится на той же точкѣ: иногда бываетъ сильнѣе, иногда слабѣе, иногда въ томъ, а тамъ въ другомъ отношеніи. Конечно, только изъ вѣрнаго означенія разныхъ оттѣнковъ дѣятельности народа можно начертать вѣрное его жизнеописаніе, или описаніе его дѣяній.

Наконецъ, 6-е, чтобы почувствовать относительное достоинство, дѣятельность, относительное состояніе народа, должно познакомиться съ его сосѣдями; ибо нужно знать, какую роль онъ играетъ въ кругу своихъ сосѣдей. Это суть тѣ оттѣнки, которые вполнѣ освѣтятъ ваше изображеніе".

Какъ ни причудливо выразился Венелинъ, но въ основаніи онъ правъ. Онъ живо чувствовалъ, что исторія непремѣнно должна разсматривать народъ, какъ живой организмъ; иначе она не будетъ исторіей, а сборникомъ извѣстій или фактовъ, изъ которыхъ ровно ничего не слѣдуетъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ выразилъ своё требованіе еще яснѣе:

„Съ нѣкотораго времени стали требовать картинъ, или картинныхъ изображеній во всеобщей Исторіи. Это значитъ, что люди, наскучивъ безсвязностью между предметами или фактами всемірной Исторіи, пожелали видѣть въ ней какую-либо связь, или, лучше сказать, какой либо общій смыслъ. Къ несчастью, изъ частей, не имѣющихъ между собою никакой связи, нельзя составить ни смысла, ни картины. Дѣланы были, преимущественно въ Германіи, многочисленные опыты всеобщей Исторіи. Старанія писателей не стремились уже къ тому, чтобы выразить существо во всеобщей Исторіи, но взыскивали способы облегчить ея изученіе. Способы эти опять были механическіе, ибо дѣло шло только о порядкѣ, въ которомъ бы лучше представить происшествія; одни представляли въ таблицахъ, другія подраздѣляли по столѣтіямъ, третьи на періоды, эпохи и проч., смотря по ихъ умѣнію; наконецъ, иные подраздѣляли по языкамъ, вѣроисповѣданію и проч.

Вообще, нѣтъ существенной выгоды изъ синхронистическаго изложенія Исторіи всѣхъ странъ; ибо кромѣ того, что, большею частью, между событіями разныхъ странъ нѣтъ никакой связи, тѣ, которые подраздѣляютъ свою исторію на періоды, при изображеніи событій всякой страны нить ихъ разсказа постоянно возвращается съ конца къ началу періода, такъ что хронологія одного и того же періода столько разъ повторяется, сколько государствъ сочинитель предположитъ себѣ изобразить".

Все это теперь не новость; хорошій гимназистъ уже убѣжденъ въ этомъ. Но въ свое время такія мысли не всякому были по плечу. Лучшимъ доказательствомъ можетъ служить русская историческая литература, остававшаяся до послѣдняго времени чуждой подобнымъ требованіямъ, какъ будто не знала о нихъ.

Не довольствуясь критикой синхронистическаго способа изложенія исторіи, который, разумѣется, не могъ ему нравиться, Венелинъ бросаетъ, какъ медикъ, въ него медицинскія остроты:

„Возьми одинъ Томъ готовой, хорошей Исторіи всякаго государства; раздѣли, вообще, время quantum satis или ad libitum, на періоды въ 10, 20 или 50 лѣтъ; сдѣлай экстрактъ изъ каждаго перваго тома, т.-е., схвати однѣ верхушки; соедини въ одно, misce ac divide in partes aequales № столько, т.-е., смѣшай и раздѣли на столько равныхъ главъ, изъ сколькихъ томовъ дѣланы экстракты; detur, signetur, т.-е., отпусти и надпиши: *проглотить бѣдному*

ученику наизусть по одной экстрактной главѣ въ день. Къ этому присоединяется иногда изустное замѣчаніе, чтобы ученикъ, если экстрактная глава произведетъ въ немъ тошноту, сдѣлалъ изъ нея извлеченіе."

По мнѣнію автора, гораздо лучше составить для преподаванія краткія отдѣльныя исторіи народовъ. Такія исторіи онъ называетъ общими, въ противоположность пространнымъ или подробнымъ. Соединеніе общихъ исторій не есть еще то, что мы называемъ всеобщей исторіей, ибо въ такомъ случаѣ мы получили бы сумму общихъ исторій, изъ которыхъ каждая составляетъ особенное цѣлое; а всеобщая исторія должна „заключать въ себѣ событія общія если не всему человѣчеству, то по крайней мѣрѣ нѣсколькимъ странамъ или народамъ".

Во всемъ этомъ нѣтъ, если хотите, ничего новаго, особенно замѣчательнаго. Но интересны пріемы, изобличающіе сокровенную мысль и тенденціи.

Общія событія у Венелина тождественны съ общими чертами, то, что потомъ называлось идеями, принципами и наконецъ теперь историческими началами. Имъ придаетъ Венелинъ особенную важность; ихъ отыскиваніе въ исторіи есть главная задача историка. Развивая эту мысль, которая и теперь еще не получила полнаго права гражданства въ отношеніи къ русской исторіи, авторъ, мимоходомъ, дѣлаетъ остроумныя замѣтки, которыя сдѣлали бы честь любому русскому историку. Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ:

... „Историкъ только въ вѣрно изображенной общей чертѣ можетъ настоящимъ образомъ оцѣнить заслуги какого либо историческаго лица по тому или другому предмету...

„Иные изъ современныхъ писателей, взявшись судить о ходѣ просвѣщенія въ Россіи, съ гордостію указываютъ на заслуги Московскаго университета. Каковы бы ни были эти заслуги, оспоривать ихъ нельзя; однако, не должно забыть, что Московскій Университетъ долгое время не имѣлъ бы ни студентовъ, ни достаточнаго числа профессоровъ, еслибы, до учрежденія его, не процвѣтали, въ нѣкоторомъ отношеніи, Духовныя училища. Всякому извѣстно, что, до недавняго времени, дворянство не посылало дѣтей своихъ для образованія себя въ Университетѣ; ремесленное, купеческое и хлѣбопашественное сословія не могли этого дѣлать по другимъ отношеніямъ; такимъ образомъ, значительная часть студентовъ рекрутуема была въ Духовныхъ училищахъ.

„Кромѣ этого отношенія Духовныхъ училищъ къ Университету, было еще и то, что лучше всего, почти единственно, приготовлялось юношество, для Университетскаго курса, только въ духовныхъ училищахъ. Не забудемъ, что начало и первое развитіе русской литературы принадлежитъ Духовнымъ училищамъ· не забудемъ, что большая часть мужей, на ученость коихъ осмѣлится указать Русскій Историкъ, получили образованіе въ Духовныхъ училищахъ; не забудемъ, что большая часть и нынѣшнихъ заслуженныхъ, по части наукъ, мужей проистекаетъ изъ Духовныхъ училищъ; не стану упоминать о тѣхъ лицахъ, которыя унесли свои свѣдѣнія на поприще службы Государственной. И нынѣ еще свѣтская училищность не въ состояніи одна покрывать нужды Россіи, такъ что и доселѣ, преимущественно Іерархія доставляетъ вѣрныхъ служителей и Алтарю, и Престолу, и Наукамъ.

„Такимъ образомъ, начало благодѣтельнаго вліянія Іерархіи на все Государство, на весь народъ, должно быть Исторически изыскано и развито.— Если взять Сѣверную Русь XVI или XVII вѣка и сравнить съ южной Русью, принадлежавшею тогда къ Ляхо-Летто-Русской Рѣчи Посполитой, то Южную Русь видимъ на гораздо высшей степени училищности, чѣмъ Сѣверную...

„Правда, Южно-Русскія Академіи не приносили столькихъ литературныхъ плодовъ, какъ другія Европейскія, ибо Южная Русь имѣла свои домашнія непріятности и угнетенія. Несмотря на это, она имѣла достаточное число образованныхъ лицъ, и эта-то масса благотворно дѣйствовала на массу Сѣверную. Къ числу условій учености Южной Руси принадлежало изученіе Латинской литературы, общей тогда всей Европѣ. Извѣстно, до какого остервенѣнія доходило на Сѣверной Руси предубѣжденіе противъ Латинизма: все, что отзывалось Латынью, въ глазахъ народа, отзывалось ересью. По Судебнику Іоанна Васильевича, Царь, между прочимъ, обязывался Русь *оборонити отъ всѣхъ иновѣрныхъ Бесурманъ и Латинъ.* По свидѣтельству одного современника, въ царствованіе Кесаря Алексѣя Михаиловича, изо всего Сѣвернаго дворянства одинъ только бояринъ Лукіанъ Колосовъ узналъ латинскій языкъ; по этому, ему и ввѣрено было управленіе *Врачебнымъ* или *Лѣкарскимъ Приказомъ*; но по свидѣтельству того же очевидца (Рейтенфельса), это знаніе Латинскаго языка послужило къ его гибели, но не сказываетъ какъ. Нѣсколько разъ каѳедра латинскаго языка въ Заиконоспасскомъ училищѣ была закрываема и открываема...

„Изъ всѣхъ Южно-Русскихъ Академій болѣе прочихъ дѣйствовала за Сѣверъ Кіевская. Извѣстно, однако, что Кіевская Академія обязана своимъ восхожденіемъ Петру Могилѣ; изъ Могилиной школы вышли впослѣдствіи Прокоповичи, Яворскіе и Дмитріи Тупталы.

„Какъ бы то ни было, по крайней мѣрѣ исторически извѣстно, что просвѣщеніе, въ общемъ своемъ объемѣ, во многомъ вошло въ Россію силою Петра Великаго, и не изъ Западной Европы, но изъ Южной Россіи. Конечно, заслуги Петра Великаго неоспоримы; сей монархъ тѣмъ болѣе великимъ оказывается, что онъ много сдѣлалъ не только по части просвѣщенія, но и по другимъ отраслямъ народной жизни, т.-е. въ Петрѣ Великомъ сосредоточиваются эпохи не одной, но нѣсколькихъ *общихъ черть* Русской Исторіи"...

Замѣчанія Венелина объ исторіи Карамзина справедливы въ высокой степени. Онъ судитъ о ней съ одной извѣстной стороны; но такъ, что трудно что-нибудь прибавить или возражать.

„Всякій народъ можетъ имѣть столько же общихъ Исторій, сколько имѣетъ и сторонъ. Если кто пожелалъ бы почерпнуть для себя поученіе въ исторіи своего отечества, то можетъ это получить только въ полномъ изображеніи отдѣльныхъ чертъ народной жизни, а не въ пространной Хронологической Исторіи, въ которой есть *отрывки* изъ всякой отдѣльной черты, и въ коей эти отрывки разбиты по разнымъ страницамъ отрывками, принадлежащими къ другимъ общимъ чертамъ, въ которой, напримѣръ, послѣ извѣстія о интригахъ, слѣдуетъ описаніе похода безъ указанія на его послѣдствія; а тамъ возстаніе такого-то города противъ налоговъ; а тамъ постриженіе въ монахини такой-то благородной дѣвы, съ умильнымъ прибавленіемъ объ ея сердечныхъ чувствованіяхъ; а тамъ, что такой-то въ такомъ-то году запретилъ кораблямъ купцовъ такого-то народу выходить изъ гавани по поводу долговъ или контрабанды, и проч. Таковы такъ называемыя Государственныя исторіи; такова исторія Карамзина; таковы Исторіи, большею частью, и другихъ народовъ. Правда, въ такихъ Исторіяхъ собрана, накоплена въ Хронологическомъ порядкѣ, *всякая всячина* или всякаго роду *Синхронистическая смѣсь*, но въ такой смѣси вы не увидите продолженія *отрывковъ*, не найдете послѣдствій ни интригъ, ни похода; не усмотрите, какую пользу принесло запрещеніе на такіе-то товары. Въ послѣдующемъ царствованіи, вы увидите другіе отрывки, которые, однако, едва-ли согласите съ отрывками предшествующаго царствованія. О многихъ вещахъ встрѣчаются не рѣдко отрывки только черезъ 50 лѣтъ. Какое же поученіе можетъ пріобрѣсть читатель въ такой Исторіи, въ которой онъ самъ долженъ снова собирать разсѣянные, не развитые и недостаточные отрывки; въ которой самъ еще долженъ трудиться, самъ составлять для себя картину изъ отрывковъ, самъ составлять для себя нѣчто цѣлое, общее, и добиваться историческаго смыслу? Ибо только цѣлое можетъ представить полный смыслъ; только полная черта можетъ выразить физіономію: ея младость, возмужалость, дряхлость; только полная, общая черта можетъ показать возрастъ народа, объяснить, что онъ сдѣлалъ, и чего еще отъ него ожидать можно, съ какими препятствіями онъ боролся, борется и можетъ бороться; только знаніе общей черты можетъ предохранить отъ неправильныхъ мѣръ (préserver des fausses mesures).

„Превосходство *общей* Исторіи передъ *пространною*, въ учебномъ отношеніи, есть еще въ томъ, что въ общей есть единство; ибо общая преслѣдуетъ и развиваетъ, въ продолженіе всѣхъ столѣтій, одну мысль, одну черту; представляетъ ея превратности, ея судьбу; между тѣмъ какъ въ *пространной* вмѣстѣ говорится и о другихъ чертахъ народной жизни; Исторіи ихъ на всякомъ шагу пересѣкаются, перепутываются, вниманіе развлекается и на всякомъ шагу не удовлетворяется. Поелику Исторія, какъ и всякій разсказъ, не можетъ допускать болѣе одного предмета, коего судьбу должно разсказывать (въ противномъ случаѣ, если допустить два главныя лица, или предмета, тогда можно сказать, что двѣ Исторіи, два разсказа сметаны, *сложены* въ одинъ), то выходитъ, что въ Исторіи *пространной*, какъ я ее доселѣ называлъ, нѣтъ *единства*. Такую Исторію должно называть *сложною*; такова Исторія Карамзина.

„И такъ, очевидно, что Исторія Карамзина *не Исторія*, а *Временникъ*, въ коемъ собрана *всякая всячина въ Хронологическомъ порядкѣ*. Форма, по которой писалъ Карамзинъ, и писали Историки другихъ народовъ, есть также форма *Хронографовъ* (Лѣтописей) или *Временниковъ*. Такъ какъ лѣтописи не заключаютъ въ себѣ всѣхъ источниковъ, необходимыхъ для вѣрнаго изображенія общей какой-либо черты, то первые Исторіографы, при недостаткѣ достаточныхъ матеріаловъ для созданія цѣлаго, почти по необходимости принуждены были придерживаться формы *Лѣтописной*, для нихъ тѣмъ болѣе удобной, что она принимала всякаго рода факты и безъ связи, было бъ только это въ Хронологическомъ порядкѣ.

„Что же осталось дѣлать бѣдному людскому воображенію, человѣческому вниманію въ подобныхъ Исторіяхъ? Обыкновенно, біографическіе (жизнеописательные) отрывки, сценическія изображенія, безъ начала и конца, безъ причинъ и послѣдствій, наполняютъ подобныя Исторіи.“

Мы не можемъ не цѣнить высоко эти слова, когда подумаемъ, что они написаны не ближе какъ лѣтъ за десять тому назадъ,— когда вспомнимъ, что и теперь еще „школа“ видитъ въ нихъ ересь, упорно держась преданій избитой ложной колеи. Въ этихъ словахъ уже слышатся живой голосъ, живыя требованія, провозвѣстники новаго періода нашей исторической литературы, отрадные и утѣшительные, въ какой бы формѣ ни явились. Это заря, за которой неминуемо слѣдуетъ восходъ.

Девятая книжка—послѣдняя за нынѣшній 1846—1847 академическій годъ. Несмотря на ея объемъ, далеко превосходящій всѣ предшествующія книжки, мы нашли въ ней сравнительно мало любопытнаго.

Первая статья по порядку есть изслѣдованіе „о Патерикѣ Печерскомъ“ дѣйствительнаго члена Общества г. Кубарева. Оно было уже напечатано въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія (1838 г. октябрь), и какъ видно изъ подстрочнаго примѣчанія, перепечатано въ „Чтеніяхъ“ безъ измѣненій, но исправленное. Не занимавшись прежде этою отраслью нашихъ древностей, мы не осмѣливаемся произнести

мнѣнія объ ученомъ трудѣ г. Кубарева, и предоставляемъ это знатокамъ. Судя по отзывамъ, статья имѣетъ большія достоинства.

Статья Венелина „о древнихъ жилищахъ русскаго народа“ вся основана на топографическихъ и гидрографическихъ розысканіяхъ. Она намъ показалась значительно слабѣе другихъ его статей, тоже помѣщенныхъ въ „Чтеніяхъ“; вездѣ гипотезы, натяжки и самыя странныя выходки, напримѣръ: „Если найдется человѣкъ, который рѣшился бы отдѣлываться тѣмъ только, что де были Языги Метанасты, тотъ стоитъ того, чтобъ его прогнали нагайками съ каѳедры“. Или:

„Такимъ образомъ, по всему Русскому *меридіану*, человѣкъ вездѣ разсчитывалъ, куда ему слѣдуетъ двинуться; въ какую сторону спустить плоды трудовъ своихъ. Если *Тиса* и *Прутъ* указали человѣку путь, то и прочія рѣки Руси подчиняли своей власти людей своего царства (regnum hydraulicum). И такъ, если привести въ движеніе человѣчество всего Русскаго *меридіана*, то та же самая *дрогунская* (?) сила опредѣляла направленіе его движенія. Этотъ командиръ есть и былъ *Геологія* или *Землепись*; а его знамя не шелковое полотнище, а желѣзный заступъ, на которомъ золотая надпись: „*Вѣчная Русская Лѣтопись*“. Скомандуйте маршъ всему *меридіану* — вы увидите, что сперва онъ пройдетъ значительное пространство *цѣльнымъ* фрунтомъ, а послѣ разныя его бригады, напримѣръ, *Угличане*, *Тверитяне*, *Москвитяне*, *Калужане* и прочія, выступятъ изъ линіи и обходятъ центръ съ фланговъ діагонально, точно такъ же какъ и рѣки стремятся къ соединенію съ Волгою, *почти* діагонально же, и, въ пустынныхъ низовьяхъ, *фрунтовая линія* превращается въ колонну. Такъ какъ между движеніемъ человѣчества и движеніемъ водъ почти нѣтъ разницы, то можно употребить слово *воды* вмѣсто *дружины*, и сказать: такимъ образомъ всѣ воды Сѣверной Руси, отъ Казани до Астрахани, стремятся цѣльною *колонною* въ свое Каспійское *становище*.

„Такія же эволюціи по всему Русскому *меридіану* низъ Дона, Днѣпра, Дуная и Тисы; закричите *стой*, и вы увидите, какъ далеко удалились отъ центра правое и лѣвое крыло вашего боеваго строя! На картѣ увидите, что ихъ отдѣляютъ необозримыя и *ненаселимыя* степи, такъ что ваша армія разстроилась, то есть превратилась въ *отдѣльные корпуса*. Если Прокопій говоритъ, что Хвалынцы, не имѣя сообщенія съ прочими своими единоплеменниками, ведутъ иногда войны съ своими сосѣдями, Персіянами, за предѣлы своихъ владѣній, то ихъ точно можно назвать *отдѣльнымъ* Кавказскимъ корпусомъ?“

Такова вся статья: написана энергически, но мало убѣждаетъ.

Другая, того же Венелина: „о времени рожденія названій: греческое, латинское, нѣмецкое, русское или гражданское, славянское или церковное письмо“. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ ея содержаніе: обыкновенно думаютъ, что церковный алфавитъ изобрѣтенъ Кирилломъ,—но совершенно несправедливо: это алфавитъ греческій IX, X и отчасти XI-го столѣтій. Буквы необходимыя для славянскаго выговора: *ж*, *б*, *ш*, *щ*, *ч*, *ц*, *ы*, *я*, *ю*, *ъ*, и т. д. неизобрѣтены, а взяты изъ древне-славянскаго алфавита, извѣстнаго теперь подъ названіемъ глаголическаго. Около времени Цицерона римляне оставили этрусскій алфавитъ, которымъ писали не только они, но вся Европа, и приняли греческій. Въ IX, X и отчасти XI вѣкахъ этотъ алфавитъ, перейдя въ уставный, преобразовался въ угловатый, такъ называемый нѣмецкій. Послѣ того, съ XII вѣка въ Византіи и западной Европѣ уставный алфавитъ переходилъ постепенно въ полууставный, курсивъ и скоропись. У грековъ и болгаръ полууставъ и курсивъ совершенно разошлись въ формахъ, подобно латинскому и нѣмецкому, происходившимъ, какъ и два первые, отъ одного алфавита. Послѣ изобрѣтенія книгопечатанія Мануцій Альдъ, принявъ за образецъ прежній греко-римскій алфавитъ, составилъ типографическій шрифтъ, названный antiquae. Славяно-церковный тоже составленъ по образцу уставнаго греческаго; но впослѣдствіи голландцы внушили Петру Великому округлить его по образцу antiquae. Такимъ образомъ появилось у насъ различіе между церковнымъ и гражданскимъ алфавитомъ, изъ которыхъ первый соотвѣтствуетъ европейскому monachales, а второй antiquae. Изъ всего этого авторъ выводитъ, что названіе *церковныя* буквы произошло не ранѣе образованія гражданскаго шрифта при Петрѣ; *нѣмецкія* — съ того времени, когда нѣмцы почти исключительно удержали ломанный монашескій шрифтъ, отброшенный всѣми другими народами; *славянскій*—когда угловатый уставъ всей восточной церкви сталъ принимать у грековъ другой видъ, слѣдственно не прежде начала XII вѣка; *греческія*—скоропись греческая XIII, XIV и XV вѣковъ стала исключительно такъ называться съ того времени, когда Мануцій Альдъ составилъ изъ нея печатный шрифтъ (XV в.).

Остальную часть статьи наполняетъ весьма подробное опроверженіе подлинности буллъ Іоанна VIII къ велико-моравскому князю

Святополку, 880 года. Поводомъ къ опроверженію послужило выраженіе litterae-slavicae, которое по мнѣнію Венелина, появилось не ранѣе XII вѣка.

Не можемъ въ заключеніе не сообщить читателямъ оригинальнаго мнѣнія Венелина о томъ, что значитъ писать уставомъ:

„Писать уставомъ значитъ писать такъ, какъ подписался однажды подъ диктовку одинъ Козакъ: *полукружокъ* вышло С; *палку*, *опять палку и еще палку*, *сверху перекладина*, и вышло Ш, *палку и еще палку*, *въ средину перекладина* и вышло Н; *палку и еще палку*, *вверху перекладину*, и вышло П, *кружокъ* и вышло О и проч.

„Если греческій алфавитъ, съ 800 по 1100 г., прошелъ, такъ сказать, *подъ палками*, то то же самое случилось въ западной Европѣ, въ эти годы, и съ Римскимъ.“

„Объясненіе нѣкоторыхъ географическихъ названій, особенно славянскихъ, изъ языка финикійскаго, И. И. Кохомъ“; прежде всего успокоимъ читателей, которые конечно не безъ ужаса и содроганія прочли это заглавіе: г. Кохъ жилъ въ концѣ XVIII вѣка; около 1788 года онъ былъ директоромъ Учительской Педагогической гимназіи въ Петербургѣ. Эти числа спасаютъ ученую репутацію г. Коха, и издатели премудро поступили, сдѣлавъ эту біографическую отмѣтку. Статья сообщена г. Максимовичемъ. Любопытно видѣть, какъ тогда смотрѣли на исторію и понимали историческія изслѣдованія. Мы совершенно не знаемъ восточныхъ языковъ, а слѣдовательно и финикійскаго, а потому не ручаемся, что авторъ именно этимъ, а не другимъ какимъ-нибудь языкомъ объясняетъ географическія названія. Повидимому и сами издатели находились точно въ такомъ же затрудненіи; объ этомъ свидѣтельствуетъ вопросительный знакъ въ скобкахъ, поставленный подлѣ слова: *финикійскаго*. Но положимъ, что такъ: спрашивается, что выиграетъ наука, если нѣкоторыя географическія названія въ Европѣ будутъ звучать совершенно одинаково съ иными финикійскими словами? По созвучіямъ авторъ приходитъ къ курьезнымъ результатамъ. По финикійски (?) Невринъ и Вандаль значитъ одно и то же. Между прочимъ, *van dahl* значитъ бѣлая безплодная земля густого чернаго лѣса (!?). Г. Кохъ спрашиваетъ: гдѣ жъ эта бѣлая земля, гдѣ жили Невры, что одно и то же по-финикійски съ Вандалами?—и отвѣчаетъ: въ Ливоніи; *livah* по-финикійски значитъ *бѣлая*; въ Курляндіи, потому что и *char* тоже значитъ *бѣлая;* въ Бѣлоруссіи, Подляхіи, Мазуріи, Мазовіи, Помераніи, Пруссіи и т. д., потому что всѣ эти имена означаютъ то гору бѣлаго цвѣта, то пространную бѣлую землю, словомъ непремѣнно что нибудь да бѣлое. Этихъ выписокъ кажется достаточно. Боже, какъ подумаешь, сколько шаговъ мы сдѣлали впередъ со времени директорства г. Коха! Право, даже иныя статьи г. Погодина кажутся, послѣ объясненій г-на Коха, глубокомысленными философскими сочиненіями!

„Переписка о Всеславѣ Брячиславичѣ между протоіереемъ Сабининымъ и г. Бодянскимъ“. Въ изслѣдованіи о славянскихъ божествахъ Хорсѣ и Дажьбогѣ г. Бодянскій мимоходомъ замѣтилъ, что сказанное въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ о Всеславѣ Брячиславичѣ нельзя принимать буквально, что это иносказательныя поэтическія выраженія. Протоіерей Сабининъ не согласенъ съ этимъ мнѣніемъ, и предлагаетъ свое объясненіе. Такъ какъ оно довольно ново, то мы приведемъ его здѣсь цѣликомъ, тѣмъ болѣе, что и г. Бодянскій съ нимъ вполнѣ согласенъ и находитъ его прекраснымъ и мастерскимъ.

„Пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ описываетъ Всеслава такъ, какъ носилась объ немъ молва въ народѣ, т.-е. чародѣемъ, вѣдьмою, если можно такъ выразиться, мужескаго пола, а не болѣе.

„Должно думать, что Всеславъ или былъ неимовѣрно дѣятеленъ, быстръ и смѣтливъ въ своихъ предпріятіяхъ и походахъ, что такая худая молва разнеслась объ немъ, или, можетъ быть, онъ былъ оклеветанъ предъ народомъ въ чародѣйствѣ другою отраслью потомковъ Владиміра Великаго, чтобы при всеобщемъ народномъ отвращеніи отъ него не допустить его до престола великокняжескаго. Въ самыя лѣтописи занесено, что онъ былъ рожденъ матерью чрезъ волхвованіе, и отъ этого былъ чрезвычайно кровожаденъ: „сего же мати роди отъ волхвованія, матери бо родившей его, бѣ ему на главѣ знамя язвено, ямо на главѣ его; рѣкоша волсви матери его: все язвено навяжи нань, да носитъ-е до живота своего Всеславъ на себѣ; сего ради немилостивъ есть на кровопролитіе“. См. Соф. Времен. изд. П. Строева, 1, 155. См. Полн. Собр. Лѣтописей. 1—67. Могло ли быть что нибудь годное и доброе изъ Всеслава, когда онъ родился отъ волхвованія, и когда волхвы, при самомъ вступленіи его на поприще жизни, наставили мать его, какъ сыну ея вести себя въ продолженіе цѣлой жизни? Конечно нѣтъ; онъ могъ быть только чародѣемъ, волхвомъ сильнѣйшимъ, нежели волхвы, научившіе его волшебству въ самомъ началѣ жизни, потому что сила многихъ волхвовъ перешла на него. Почему пѣвецъ „Слова о Полку Игоревѣ“, вездѣ гдѣ ни говоритъ объ немъ, изображаетъ его какъ чародѣя, какъ оборотня, какъ вѣдьму мужескаго пола, и приписываетъ ему дѣйствія сверхъ-естественныя,

волшебныя? Не волшебство ли это, что Всеславъ, вскочивъ какимъ-то лютымъ звѣремъ въ полночь изъ Бѣлгорода и усѣвшись на синей мглѣ, какъ бы на коврѣ самолетѣ, очутился потомъ вдругъ у Новгорода, а утромъ, употребивъ стѣнобитныя орудія, отворилъ уже врата его и разгромилъ славу Ярославу. Не волшебство ли это, что онъ, судя людей и управляя княжескими городами въ продолженіе дня, ночью рыщетъ волкомъ, что онъ изъ Кіева, въ образѣ волка, переносится въ Тмутаракань еще до курь, т.-е. до пѣнія пѣтуховъ, и превосходитъ своею быстротою Великаго Хорса, т.-е. солнце? Замѣтимъ до курь, т.-е. до пѣнія пѣтуховъ. Почему? Потому что пѣтухъ игралъ важную ролю въ Миѳологіяхъ древняго міра и въ суевѣріяхъ народныхъ. Онъ былъ птицею солнца и служилъ символомъ его на землѣ, какъ силы, производящей и животворящей все. Онъ, раздѣляя своимъ пѣніемъ ночь на двѣ половины, останавливалъ дѣйствія царства тьмы, т.-е. всякія волшебства, всякія явленія нечистыхъ духовъ, мертвецовъ, оборотней и предвозвѣщалъ близкое появленіе свѣта, враждебнаго тьмѣ. Его пѣніе у суевѣрныхъ народовъ означало почти то же, какъ будто бы само солнце, царь свѣта и врагъ тьмы, выходило на горизонтъ. Почему Всеславъ, если бы не поспѣлъ въ Тмутаракань до пѣнія пѣтуховъ, то бы онъ не достигъ той цѣли, какую себѣ предположилъ. Всеславъ превращается въ волка, какъ въ быстрѣйшее животное: и у Скандинавовъ волки называются конями вечернихъ наѣздницъ, т.-е. вѣдьмъ. См. Рус. Истор. Сборник. IV. 83, 115. Не волшебство ли это, что Всеславъ слышитъ звонъ колоколовъ въ Кіевѣ, тогда какъ ему ранѣе обыкновенно звонятъ къ заутрени и въ Св. Софіи въ Полотскѣ, и если звонили прямо для него къ заутрени въ Полоцкѣ, то предполагалось, что онъ былъ дома: но какъ же онъ очутился въ Кіевѣ? Не иначе, безъ сомнѣнія, какъ сверхъ-естественною волшебною силою.. Что жъ изъ всего слѣдуетъ? То, что все мѣсто о Всеславѣ изъ „Слова о полку Игоревѣ“ объяснится теперь безъ всякихъ натяжекъ, и что пѣвецъ этого слова изобразилъ Всеслава такъ, какъ говорила объ немъ молва народная; а что молва народная говорила объ немъ, какъ о чародѣѣ, о томъ свидѣтельствуютъ и лѣтописи“.

Вся переписка, какъ оказалось, возникла отъ недоразумѣній; г. Бодянскій и не думалъ доказывать противное.

„Отрывокъ изъ записокъ профессора Чеботарева“ сообщенъ обществу г. Максимовичемъ. Какъ видно, это не отрывокъ изъ частныхъ записокъ, которыя обыкновенно называемъ *записками*, а изъ записныхъ лекцій покойнаго профессора. Третье отдѣленіе ихъ, напечатанное теперь, содержитъ въ себѣ вступленіе въ русскую исторію, а именно общій взглядъ на предметъ, изслѣдованіе о народахъ, жившихъ въ Россіи, и раздѣленіе русской исторіи на періоды. Чеботаревъ, сколько мы можемъ судить по „отрывку“, былъ человѣкъ трудолюбивый, знающій и умный. Не теряясь въ фантазіяхъ и ничѣмъ не подтверждаемыхъ гипотезахъ—этой язвѣ нашего времени, онъ строго придерживался положительныхъ фактовъ, и когда они ничего не говорили, онъ, какъ человѣкъ здравомыслящій, воздерживался отъ всякаго заключенія. Оттого правила исторической критики, которыя онъ изрѣдка, мимоходомъ, высказываетъ, очень бы пригодились иному и теперь. Взглядъ его и раздѣленіе на періоды (Шлецеровское: Россія рождающаяся, раздѣленная, порабощенная, побѣдоносная) разумѣется теперь ужъ никуда не годится; но мы не станемъ за это винить автора, потому что время и понятія были другія. Между прочимъ, мы узнаемъ изъ „Записокъ“, чего никогда не подозрѣвали, а именно, что г. Погодинъ составилъ свою вступительную лекцію по запискамъ покойнаго профессора.

„Писать Россійскую Исторію (такъ начинаетъ Чеботаревъ)—какое смѣлое предпріятіе! почти теряюсь въ великости оной. Писать Исторію такого Государства, которое составляетъ девятую часть всего обитаемаго земнаго шара и вдвое больше цѣлой Европы; такого государства, которое вдвое обширнѣе самаго древняго Рима, бывшаго обладателемъ цѣлаго міра;—писать Исторію такого народа, который уже болѣе девяти сотъ лѣтъ на театрѣ міра играетъ большую ролю, и который въ наши времена господствуетъ съ сѣвера на югъ отъ Ледовитаго и Балтійскаго моря до Чернаго, Каспійскаго и Байкала, а съ запада на востокъ отъ рѣки Кименя, Вислы и Днѣстра до Анадыра и Авачи, яко дальнѣйшихъ предѣловъ багряныя зари;—писать Исторію такого государства, которое подъ скипетромъ своимъ соединяетъ Славянъ, Нѣмцевъ, Финновъ, Татаръ, Самоѣдовъ, Калмыковъ, Тунгусовъ и Курильцовъ, народовъ совсѣмъ различнаго языка и различнаго происхожденія, и которое граничитъ со Шведами, Прусаками, Турками, Персами, Бухарцами, Китайцами, Японцами и Гуронами; словомъ писать Исторію Россіи, сей, такъ сказать, великой колыбели, изъ которой вышли толь многіе народы, разрушившіе въ Европѣ и вновь основавшіе многія знаменитыя государства!

„Раскройте лѣтописи всѣхъ временъ и народовъ и покажите мнѣ такую Исторію, которая бъ пространствомъ своимъ не обширнѣе, но только бъ равна была Россійской. Она не Исторія земли какой простой, но знаменитой части свѣта, она не Исторія одного какого, но множества народовъ, которые всѣ и языкомъ, и религіею или закономъ, и нравами, и происхожденіемъ своимъ различны, но завоеваніями, неисповѣдимою судьбою и счастіемъ Россовъ, соединены въ одно государство“.

Сравнивая эти слова съ вступительной лекціей г. Погодина, нельзя не быть поражену необычайнымъ сходствомъ. Въ послѣдней есть только нѣкоторыя распространенія, но они

такъ ловко подлажены къ основному взгляду, что и не видно спаекъ. Источникъ, можетъ быть, немножко слишкомъ старъ и несовременен̆ъ; но въ этомъ случаѣ г. Погодинъ поступилъ на основаніи личнаго вкуса; онъ издавна былъ поклонникомъ старины и недовѣрчиво смотрѣлъ на всякую новизну —до того недовѣрчиво, что даже, противодѣйствуя ей, не всегда разбиралъ средства. Вѣчный поклонникъ и защитникъ всякаго рода авторитетовъ, г. Погодинъ въ блестящую эпоху своей дѣятельности представлялъ въ нашей исторической литературѣ вспять-идущее направленіе, вездѣ гибельное, тѣмъ болѣе у насъ, гдѣ покуда нечего останавливать, а надо еще понукать. Чѣмъ больше, выше была его ученая репутація, тѣмъ вреднѣе его вліяніе, наложившее печать на столькихъ людей. На немъ вина, что многіе замѣчательные дѣятели по русской исторіи были забыты или несправедливо и пристрастно оцѣнены современной литературой и критикой. Ни литературу, ни критику нельзя въ этомъ винить. Могли ли онѣ поступать иначе, когда взгляды и понятія, давно отжившіе свой вѣкъ, начали выдавать публикѣ за непреложныя истины и навязывать молодежи подъ страхомъ отлученія? Къ счастію, это время проходитъ; мысль проясняется; все противное здравому смыслу видимо теряетъ авторитетъ. Теперь каждый можетъ безпристрастно судить о русскихъ писателяхъ всѣхъ вѣковъ и всякихъ направленій, не боясь явиться поддержкой и поборникомъ историческаго обскурантизма, и мы очень счастливы, что можемъ исполнить этотъ долгъ въ отношеніи къ г. Чеботареву, несмотря на разительное сходство его взглядовъ съ воззрѣніями г. Погодина.

„Суворовъ и Тугутъ“. Переводъ изъ книги Фукса: „Жизнь Суворова“. Она давно уже, но не припомнимъ въ какомъ именно году, была переведена на русскій языкъ, а отрывокъ, напечатанный теперь въ „Чтеніяхъ“, еще въ 1816 году помѣщенъ въ собраніи образцовыхъ сочиненій, въ отдѣлѣ прозы, въ 4-мъ томѣ. Слѣдовательно эта статья въ нашей литературѣ не новость. Языкъ староватъ и черезчуръ высокопаренъ.

„Разсужденіе о финнахъ, ихъ древнѣйшемъ мѣстопребываніи и происхожденіи“ Сума, переведено съ датскаго протоіереемъ Сабининымъ. Очень ученая, но крайне сухая, утомительная для чтенія статья, изслѣдующая именно тѣ вопросы, которые всего менѣе могутъ быть названы историческими въ настоящемъ значеніи слова.

Вотъ историко-литературная часть девятой книжки „Чтеній“. Остальное занимаютъ матеріалы.

„Сказаніе и повѣсть, еже содѣяся въ царствующемъ градѣ Москвѣ, и о растригѣ Гришкѣ Отрепьевѣ, и о похожденіи его“. Это сказаніе было извѣстно Карамзину, и онъ имъ воспользовался въ X и XI томахъ своей исторіи. Заслуга Общества заключается въ томъ, что оно впервые напечатало этотъ памятникъ вполнѣ, по двумъ спискамъ, которые исправнѣе Карамзинскаго.

„Преніе Даніила, Митрополита Московскаго и всея Руси съ старцемъ Вассіаномъ, 1531 года, мая 11 дня“. Это новый дополнительный актъ къ дѣлу Максима Грека и его соучастниковъ по трудамъ и бѣдственной судьбѣ. Сколько мы могли замѣтить, въ немъ мало существенно новаго въ сравненіи съ актомъ, помѣщеннымъ въ седьмой книжкѣ. Нѣкоторыя мѣста любопытны. Вотъ напримѣръ мнѣніе о такъ называемыхъ градскихъ законахъ:

„Вѣдома тебѣ велика книга: Священныя правила Апостольскыя и Отеческія, и седьми Вселенскыхъ соборъ и Помѣстныхъ, и прочихъ Святыхъ Отецъ, и отъ Градскихъ законовъ къ нимъ же приложенна и сочетана, понеже Градскіе законе Священнымъ правиломъ послѣдуетъ и кому достоитъ сего взыскати, яко взяти и рѣшати, иная къ симъ по гранемъ обрящетъ и по главамъ, яко же Святіи Отци уставили и утвердили и запечатлѣли“.

Очевидно, рѣчь идетъ о Номоканонѣ. Весьма замѣчательно, что и „градскіе законы“, сборники свѣтскихъ греческихъ постановленій, имѣли у насъ въ то время (въ XVI вѣкѣ) одинаковую силу съ церковными канонами, ибо о тѣхъ и другихъ говорится вмѣстѣ:

„И тое книгы не смѣе никто же разрѣшити или чѣмъ поколебати отъ седмаго Собора до Руского крещенія; а въ нашей Руской земли та книга больши пяти сотъ лѣтъ Соборную же церковь содръжитъ и все Православное Христіянство просвѣщаетъ и спасаетъ, отъ Святаго и равно Апостоламъ Великого Князя Владимирю и до нынѣ Царя и Великаго Князя Василія неразрушима и непоколебима была ни отъ кого“.

Послѣ этого не трудно понять, почему градскіе законы такъ сильно вліяли на наше свѣтское законодательство, что̀ особенно замѣтно въ XVII вѣкѣ.

Въ числѣ обвиненій, вообще довольно сход-

ныхъ съ тѣми, которыя возводились противъ Максима Грека, хотя вообще менѣе невѣроятныхъ и грубо-невѣжественныхъ, мы встрѣчаемъ слѣдующія:

„Отъ Святыхъ Отецъ отъ седми Соборовъ и донынѣ во священныхъ правилѣхъ Еллинская ученія небывала, а ты нынѣ во своихъ правилѣхъ Еллинскихъ мудрецовъ ученіе написалъ Орнстотеля, Омира, Филипа, Александра, Платона.

„Да ты же, де, Васьянъ, говорилъ про Чудотворцовъ: Господи! Что ся за Чудотворцы? Сказываютъ въ Колязинѣ Макаръ чудеса творитъ, а мужикъ былъ сельской. И Васьянъ отвѣчалъ: Азъ его зналъ, простой былъ человѣкъ, а будетъ ся Чудотворецъ, ино какъ вамъ любо и съ нимъ, чудотворецъ ли сей будетъ, не чудотворецъ ли".

Вообще Вассіанъ не былъ очень уклончивъ на судѣ; отвѣты его смѣлы, иные исполнены ироніи. Къ сожалѣнію, конца этого интереснаго акта недостаетъ.

„Семейные акты Иванчиныхъ-Писаревыхъ, XVII столѣтія". Большая часть изъ нихъ очень извѣстны, хотя нельзя сказать этого обо всѣхъ. Челобитныя о переписаніи изъ двороваго списка въ выборный, о назначеніи въ воеводы и объ отпускѣ съ службы, показались намъ довольно любопытными. Но примѣчанія, которыми г. Иванчинъ-Писаревъ снабдилъ въ изобиліи свои семейные акты, очень посредственны, даже весьма плохи, о чемъ мы и считаемъ нужнымъ предостеречь читателей, мало знакомыхъ съ древнерусскимъ бытомъ. Всѣ ихъ разбирать не стоитъ: мы возьмемъ два, три на выдержку.

Въ примѣчаніи къ первому акту, на стр. 4, г. Иванчинъ-Писаревъ говоритъ, между прочимъ:

„Петръ Великій указомъ 1714 года, совсѣмъ уничтожилъ *помѣстья*, то есть, пожизненныя владѣнія, обративъ ихъ въ *вотчины (отчины)*. Премудрый Монархъ усмотрѣлъ народное зло отъ *помѣстьевъ*, которыхъ не берегли владѣльцы, ибо не прочили ихъ своимъ дѣтямъ, тогда какъ ихъ *вотчины*, то-есть потомственныя владѣнія, процвѣтали. Старецъ владѣлецъ, снабжая свои вотчины на счетъ помѣстьевъ, живалъ всегда въ первыхъ, водилъ дѣтей своихъ по слободамъ, знакомилъ ихъ съ поселянами, однимъ словомъ, упрочивалъ ихъ своему потомству; а помѣстья оставались какъ бы отчужденными, не своими".

Во-первыхъ, замѣтимъ, что не Петръ Великій обратилъ помѣстья въ вотчины: это издавна приготовлялось, чему есть доказательства уже въ Уложеніи, и еще болѣе въ новоуказныхъ статьяхъ. Наконецъ, указомъ 1684 года, 21 марта (П. С. З. № 1070) установленъ совершенно одинаковый порядокъ наслѣдованія для помѣстій и вотчинъ; потомъ помѣстья велѣно продавать для удовлетворенія частныхъ кредиторовъ, до того эти государственныя земли приняли характеръ вотчинъ. Законъ о единонаслѣдіи имѣлъ совсѣмъ не то назначеніе, какое ему приписываетъ авторъ. Чтобы наши вотчины когда-нибудь процвѣтали, мы тоже не слыхали и крѣпко подозрѣваемъ, что извѣстіе такъ же справедливо, какъ и все остальное.

Взглядъ на мѣстничество очень оригиналенъ:

„Оно удумано было Іоанномъ Великимъ, дабы упрочить себѣ и своимъ преемникамъ единодержавіе, спасшее и усилившее Россію. Князья еще родственники Державнаго, обращенные въ подданныхъ, считались съ его знатнѣйшими служилыми Боярами и домогались стоять въ Государственномъ спискѣ еше выше ихъ. Это могло назваться дѣйствительно аристократіею. Іоаннъ послѣ Новгородскаго похода велѣлъ написать разряды, то-есть, означенія, какимъ полкомъ (корпусомъ или отдѣломъ арміи) кто предводительствовалъ: кто большимъ, кто полкомъ правой, кто лѣвой руки, кто передовымъ, кто сторожевымъ, и кто у кого былъ въ товарищахъ; дабы впредь считались роды по *служебнымъ* мѣстамъ ихъ предковъ, а не по знатнѣйшему княжескому *происхожденію*. Въ то же время онъ роздалъ многимъ Князьямъ крови Рюрика и Гедимина прозвища, вѣроятно, чтобы изгладить въ памяти прежнія ихъ прозванія по ихъ владѣніямъ. Этотъ способъ навѣки упрочить единодержавіе онъ, казалось, завѣщалъ своимъ преемникамъ, сыну Василію, прямо мудрому, и внуку Іоанну IV. Послѣдній такъ глубоко проникъ эту идею, что всегда готовый за строптивость или непослушаніе подданнаго (кто бы онъ ни былъ) уничтожить его, смирился предъ законами мѣстничества, и не только прощалъ, но и мирволилъ кичливо непокорнымъ приказаніямъ по этому предмету. Въ его младенчество, при нашествіи Саипъ-Гирея, Бояре и Воеводы сами объявили себя *безъ мѣстъ*; но это былъ порывъ русскаго сердца въ годину опасную для Россіи. Впослѣдствіи, и онъ, при важнѣйшихъ случаяхъ, показывалъ *быть безъ мѣстъ*, но это бывало лишь казуснымъ употребленіемъ Самодержавной власти. Послѣ того мы видѣли какъ смѣтливый Годуновъ уступилъ Мстиславскому первенство въ предводительствѣ противъ Казы-Гирея, не по княжескому происхожденію послѣдняго, а по родовому служебному старшинству. При всемъ благоговѣніи къ великому подвигу спасителя Россіи, Князя Дм. Мих. Пожарскаго, нельзя оправдать его по закону мѣстничества и чиновнаго порядка въ непокорности Князю Трубецкому. Воцарившись надъ пепелищемъ Москвы и Россіи, Царь Михаилъ Федоровичъ, внушаемый мудрыми совѣтами, сперва дяди своего Ивана Никитича Романова, а также родственнаго ему, Боярина Ѳеод. Иван. Шереметева, а потомъ и отца своего, Филарета Никитича, продолжалъ

покровительствовать мѣстничеству и среди заботъ о успокоеніи и огражденіи царства, истерзаннаго врагами, еще внималъ спорамъ Салтыковыхъ съ Пожарскими, Пожарскихъ съ Сицкими, и многихъ другихъ. Царствованіе мудраго сына его, творца Уложенія, перваго замыслителя о регулярныхъ войскахъ и флотѣ, добытеля Смоленска и Кіева, все царствованіе Алексія, и даже славный походъ его подъ Вильну были возмущаемы тяжбами по мѣстничеству, чему въ числѣ многихъ служитъ доказательствомъ и приведенная здѣсь грамота или указъ. Наслѣдовавшій ему царь Θеодоръ Алексіевичъ увидѣлъ себя слишкомъ уже озабоченнымъ разбирательствомъ этихъ тяжбъ, и по совѣту знаменитаго князя Василья Голицына велѣлъ вынесть на площадь *Мѣстническія книги* и сжечь ихъ, а *Родословныя* сохранить. Князь Василій воспользовался-было этимъ актомъ для возстановленія древняго обычая считаться по *родовому происхожденію*, а не по *родовой службѣ*. Но вдругъ явился державный гигантъ, Петръ Великій, чтобы измѣнить, переиначить, если не все, то многое, для упроченія цѣлости, величія и славы Россіи; скомандовалъ на неизвѣстномъ языкѣ, *маршъ*, и самъ *замаршировалъ*, въ глазахъ своихъ Бояръ и Князей за Лефортомъ и Гордономъ. Тутъ кончились всѣ распри по родовымъ и разряднымъ спискамъ въ отношеніи старшинства по службѣ. Но замѣтимъ, что сей царственный геній, подобно старшему брату своему, также много обѣщавшему Россіи, сохранилъ и уважилъ *родословныя*, зная, что настоящее часто нуждается въ поминахъ прошедшаго, въ этихъ двигателяхъ славныхъ дѣлъ отчизнолюбія. Многіе Государственные акты и его собственноручныя писанія утвердили важность *Родословныхъ*, то-есть, память о *дородствѣ и отчествѣ*".

Кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ статьями г. Погодина и превосходными изслѣдованіями гг. Валуева и Соловьева о мѣстничествѣ, тотъ съ перваго взгляда увидитъ, что въ приведенномъ нами мѣстѣ каждое слово — ошибка, каждое положеніе—страшный, хоть и невинный софизмъ. Ясно, что авторъ не имѣетъ о предметѣ никакого понятія. Вотъ еще драгоцѣнная замѣтка:

„Чрезмѣрная униженность въ выраженіяхъ была тогда обычною вѣжливостію. Впрочемъ, и новѣйшая Европа, даже въ XIX столѣтіи, мало измѣнилась въ письменномъ этикетѣ, напримѣръ: нынѣшній Бояринъ Генералъ отъ Инфантеріи или Дѣйств. Тайн. Совѣт., нынѣшній окольничій (Генералъ-Лейтенантъ) начинаютъ ко мнѣ свои письма: *„Милостивый государь"* и оканчиваютъ, называя себя *моимъ покорнымъ слугою*. Французы говорятъ королевѣ и прапорщицѣ *Madame*; прапорщику и брату короля *Monsieur*. У Италіянцевъ, когда они желаютъ окончить письмо почтительно, то часто замѣняютъ слова: *Umilissimo* словомъ *divotissimo*". (!)

Къ числу матеріаловъ относимъ мы также: „Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи", г. Ригельмана. Въ девятой книжкѣ „Чтеній" это сочиненіе окончено. Мнѣніе наше о немъ мы ужъ прежде высказали. Въ „прибавленіи" (глава XXXVII) находимъ описаніе запорожскихъ казаковъ, чрезвычайно сходное съ тѣмъ, которое мы разбирали въ одной изъ предыдущихъ книжекъ, такъ что, очевидно, одно изъ нихъ (кажется послѣднее) есть передѣлка другого. Заимствуемъ нѣкоторыя дополнительныя черты къ прежнему описанію.

„Между ими (Запорожскими казаками) и Черкасами (то есть, Малороссійскими казаками) никакого различія сначала не было; а не такъ какъ они особеннымъ состоящимъ войскомъ себя считали; стража при порогахъ и ниже оныхъ, по учрежденіи войска, содержана была посмѣнно, и для того установленіемъ Хетманскимъ, въ силу повелѣнія Королевскаго, нарядомъ посылалось въ то мѣсто отъ полковъ при начальникахъ подлежащее число Козаковъ, о коихъ тѣ полки какъ о своихъ людяхъ вѣдали и снабжали ихъ всѣмъ тѣмъ, что было для нихъ потребно. Сіи Козаки, по необходимости для защиты своей, на первый случай сдѣлали тамо при Днѣпрѣ засѣку и въ ней поставили шалаши великіе, назвавъ ихъ куренями, и столько числомъ, сколько тогда городовыхъ полковъ въ Украйнѣ было, и тѣми полковыми городами именовались. Они безпрекословно исполняли все на нихъ возложенное дѣло и повиновались всѣмъ какъ Хетманскимъ, такъ и полковъ своихъ повелѣніямъ, и во всемъ давали имъ отчетъ и послушаніе. А какъ необитаемыя еще вокругъ и въ близости онаго мѣста стояли и суть многіе лѣса, рѣчьки, озеро, разливы рѣчные и луга, въ коихъ какъ звѣрья, такъ и рыбы изобильно, все оное для охотнѣйшаго ихъ въ тѣхъ мѣстахъ пребыванія въ ихъ собственное употребленіе отдано было. Тогда они въ угодьяхъ оныхъ, кто гдѣ изобралъ себѣ мѣста, жить стали, и каждый, по склонности промысла своего, въ рыбѣ, звѣрѣ и меду изобильствовалъ, которыхъ своихъ корыстей большую часть пріѣзжимъ къ себѣ купцамъ продаючи, имѣлъ себѣ хлѣбъ и прочая къ житію нужная, а въ самой Сѣчи сложенною имѣли аммуницію и всякой борошенъ Козацкой; такъ же и старшина ихъ прибывала съ нѣсколькимъ всегда числомъ казаковъ. Каждый курень имѣлъ своего куреннаго атамана, вмѣсто полковника, а верховный надъ всѣми старшина назывался Кошевой, вмѣсто Хетмана, какъ бы то было сокращенная Малая Россія или намѣстная оной сила воинская. Кошевой сей со всѣмъ Запорожьемъ повиновался, какъ главнѣйшему Начальнику, Хетману Малороссійскому, и особенно каждый атаманъ съ своимъ куренемъ послушалъ городоваго, который звался именемъ полковника.

„Потомъ сіи люди ту засѣку или сѣчу свою сдѣлали на томъ же мѣстѣ замкомъ изъ зеленаго вала, обведеннаго вокругъ ихъ куреней образомъ круглымъ, безъ всякихъ оборонительныхъ пристроекъ, кромѣ воротныхъ башень, съ поставленнымъ потомъ только на ономъ валѣ палисада острогомъ, и

обведеннымъ вокругъ онаго рвомъ, единственно для прикрытія ихъ жилища. Народъ оной полагалъ тогда свое защищеніе не на укрѣпленной городъ, но на собственную свою храбрость. Впрочемъ, Сѣча во внутренности раздѣлялась, какъ уже объявлено, по числу городовыхъ полковъ, на курени, а потомъ оныхъ, когда по своевольству своему уже изъ послушанія настоящаго вышли, оказалось 40, изъ коихъ каждой состоялъ изъ одного большого и разныхъ маленькихъ домовъ, въ одномъ мѣстѣ построенныхъ, и посреди оныхъ на площади одна церковь".

Вотъ также любопытныя извѣстія объ уголовныхъ наказаніяхъ у запорожцевъ.

„Смертныя казни хотя имъ по указу, такъ равно какъ и прочимъ правительствомъ, безъ донесенія о дѣлѣ виннаго и безъ повелѣнія, чинить запрещено было, но однако же мертвили. Напередъ всего, разбойниковъ, смертоубійцъ, злодѣевъ и воровъ, по состоянію винъ ихъ, казнили смертію, вѣшали и подъ гробъ убитаго клали, и у столба убивали, что и до разрушенія ихъ ту послѣднюю кару дѣлывали, и на колъ живыхъ сажали. Для оныхъ казней они палачей и отъ древности не имѣли, а когда надобно было злодѣевъ казнить, то довбышъ, съ командою выходя за городъ, злодѣю злодѣя вѣшать, или другую обществомъ приговоренную казнь, совершать приказывалъ, и то такому, которой самъ смертной же казни подлежитъ; если жъ случился одинъ и исполнить того некому, то оставляли его въ тюремной ямѣ до того времени, доколѣ другой злодѣй же будетъ, и такъ вѣшалъ всегда новой стараго злодѣя: или если повѣсить надобно было, то посадя того на лошадь, подвозили къ дереву подъ петлю и приказывали ему оную самому на себя наложить и притянуть, а лошадь потомъ вдругъ изъ подъ него выводили, и тѣмъ того обвѣшивали. Головы жъ рубили только правительствомъ, и то измѣнникамъ".

Продолженіе „Опыта Русскаго Словотолковника" буквы Г и Д, сочиненіе г. Макарова, такъ же любопытно, какъ и начало. Многія слова и выраженія, очевидно, ведутъ свое начало изъ глубокой древности и въ теперешнемъ простонародномъ ихъ значеніи служатъ превосходнымъ комментаріемъ къ лѣтописямъ и стариннымъ памятникамъ, напримѣръ „дымъ", въ значеніи дома, „гостинецъ" въ смыслѣ большая дорога и т. д. Но нѣкоторыя слова не вполнѣ объяснены, напримѣръ, не сказано, что „гулить", „гукать", говорится въ просторѣчіи о дѣтяхъ; почему „доведь"—дамка въ шашкахъ,—малороссійское слово, мы тоже не знаемъ: въ Великороссіи оно употребляется сплошь и рядомъ: „гудѣть" никогда не значитъ течь, какъ объясняетъ г. Макаровъ, а шумѣть, и т. д.

Прочія мелкія статьи не важны. Въ концѣ книжки находимъ двадцать восемь литографированныхъ раскрашенныхъ картинъ, представляющихъ древнія мужскія и женскія одежды малороссіянъ. Въ числѣ ихъ портретъ гетмана Богдана Хмѣльницкаго. Сверхъ того двѣ карты западной европейской Россіи по прежнему ея раздѣленію на земли и губерніи. Картины и карты принадлежатъ къ сочиненію г. Ригельмана.

(Современникъ, 1847).

Памятники, издаваемые временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ.

Томъ второй. Кіевъ. 1846.

Второй томъ кіевскихъ актовъ раздѣляется, подобно первому, на три части. Первая заключаетъ въ себѣ тридцать семь актовъ, относящихся къ исторіи Кіево-богоявленскаго Братства; вторая — уставъ Сигизмунда Августа о волокахъ, или королевскихъ земляхъ, съ прибавочными статьями, и его же почтовый уставъ; третья, наконецъ,—семнадцать документовъ и актовъ, относящихся къ малороссійской исторіи. Разсмотримъ каждую изъ этихъ частей порознь.

Въ предисловіи ко второму тому кіевскихъ актовъ сказано, что немногіе изъ документовъ, относящихся къ Кіево-богоявленскому Братству, сохранились въ подлинныхъ спискахъ (?); непрерывныя войны въ XVIII в. и частые пожары, которымъ подвергался кіево-братскій монастырь, истребили боль-

шую часть рукописей. Въ 1774 г. кіевскій митрополитъ Гавріилъ Кременецкій представилъ въ св. Синодъ копіи со всѣхъ актовъ, какіе тогда были въ Кіевской Духовной Академіи. Изъ нихъ митрополитъ Евгеній составилъ сборникъ, хранящійся теперь въ библіотекѣ академіи и послужившій главнымъ источникомъ для Кіевской коммиссіи.

И только. Нельзя не сказать, что эта коротенькая отмѣтка по многимъ причинамъ слишкомъ недостаточна; мы были бы вправѣ ожидать гораздо больше отъ коммиссіи и по теперешнему состоянію русской археологіи и по важности самого предмета. Въ дѣлѣ изданія памятниковъ наше время отличается особенною тщательностью. Не говоря уже о вѣрности текста, мы обыкновенно находимъ въ теперешнихъ изданіяхъ старинныхъ актовъ отчетливый обзоръ того, что̀ уже было сдѣлано, какъ-то: подробное исчисленіе прежнихъ изданій и ихъ критическую оцѣнку, указаніе, если не на всѣ, то, по крайней мѣрѣ, на важнѣйшіе въ нихъ варіанты, библіографическія отмѣтки о сочиненіяхъ, которыми поясняются и дополняются извѣстія, содержащіяся въ издаваемыхъ памятникахъ, наконецъ историческія объясненія, необходимыя для ихъ уразумѣнія. Таковы изданія Археографической коммисіи, образцовыя въ этомъ отношеніи; таковы и многіе частные труды, напримѣръ, изданіе Русской Правды г. Калачова, Дубенскаго, и другіе. Всѣ болѣе или менѣе понимаютъ неудовлетворительность новыхъ работъ и изданій, сдѣланныхъ безъ всякаго соображенія съ прежними, ибо чрезъ это накопляется только число печатныхъ листовъ и книгъ, положимъ, очень хорошихъ, но которыхъ достоинства теряются именно вслѣдствіе ихъ разбросанности и отсутствія послѣдовательности, связи между ними; не только обыкновеннымъ читателямъ, но даже и записнымъ знатокамъ трудно бываетъ сказать, что жъ собственно выиграла наука съ этими новыми изданіями? У насъ еще въ недавнее время поступали такимъ образомъ съ древними памятниками, и какіе же были результаты? Одинъ и тотъ же актъ отпечатывался въ пяти разныхъ изданіяхъ. Каждый ученый судилъ объ немъ по тексту, который случился у него подъ руками, часто не зная, что есть и другіе. Отсюда разнорѣчія, длинные споры, которые были бы невозможны при сводномъ изданіи. А сколько актовъ напечатано вдвойнѣ, втройнѣ, по одному списку, и каждый разъ за нѣчто новое. Продолжать такъ работать надъ исторіей, не значило ли воду толочь? Цѣлые фоліанты, изданные подобнымъ образомъ, мало подвинули бы насъ впередъ въ знаніи исторіи, что̀ дѣйствительно и было. Потомъ, предметъ предмету рознь. Акты, разрѣшающіе вопросы о мѣстоположеніи какой-нибудь Тмуторокани или гробницы Мстислава Удалого, положимъ даже Ѳеофана Прокоповича, далеко не представляютъ той важности, какую документъ, относящійся къ Кіевской коллегіи, и именно поэтому послѣдній имѣетъ право на особенную внимательность издателя. Всѣ болѣе или менѣе знаютъ, что̀ такое была Кіевская коллегія и какую важную роль она играла въ исторіи нашего просвѣщенія. Возникши въ концѣ XVI вѣка, незадолго до окончательнаго образованія уніи и въ одно время съ учрежденіемъ патріаршества въ Москвѣ, эта коллегія, сначала небольшое училище при кіевской богоявленской церкви, сдѣлалась однимъ изъ главнѣйшихъ органовъ православія противъ двойныхъ нападеній Польши и неправославныхъ христіанскихъ исповѣданій. По своему положенію, вовлеченное здѣсь въ борьбу съ свѣтскою властью и въ богословскую съ западными церквами и уніей, православіе по необходимости вооружилось наукой и получило политическое значеніе. Эти обстоятельства вызвали здѣсь къ дѣятельности всѣ его силы, заставили ихъ сосредоточиться и придти къ сознанію. Весьма естественно, что чрезъ это главный о̀рганъ и центръ движенія — Кіевская коллегія стала средоточіемъ и разсадникомъ умственнаго и нравственнаго развитія для всей православной Россіи. Подобно другимъ важнымъ явленіямъ во внутренней жизни Россіи, и коллегія возникла подъ европейскимъ вліяніемъ и формами. Первые учители ея были бо̀льшею частью, воспитанники иностранныхъ университетовъ и коллегій, что и подало впослѣдствіи поводъ къ нареканіямъ ея въ неправославіи, опровергнутымъ извѣстнымъ Сильвестромъ Коссовымъ. Мало этого. По свидѣтельству митрополита Евгенія, самый распорядокъ преподаванія былъ заведенъ въ ней по примѣру іезуитскихъ коллегій. Въ концѣ XVIII вѣка, Кіевъ и Малороссія были упрочены за Россіею; православіе, не подвергаясь борьбѣ и опасностямъ, могло господ-

ствовать и распространяться свободно, подъ защитою свѣтской власти. Съ этого времени для коллегіи прекращается роль поборника и блюстителя русской церкви, но она начинаетъ играть другую, не менѣе важную. Почти до послѣдней четверти XVIII вѣка, слѣдовательно еще и послѣ основанія московскаго университета, она была центромъ тогдашняго просвѣщенія. Много замѣчательныхъ свѣтскихъ и духовныхъ писателей Россіи, государственныхъ людей, духовныхъ особъ, профессоровъ, не говоря уже о безчисленномъ множествѣ учителей, чиновниковъ гражданскихъ и военныхъ, получили образованіе въ коллегіи. Какъ центральное ученое и учебное заведеніе, она была первообразомъ для духовныхъ академій, семинарій и свѣтскихъ учебныхъ заведеній, и только въ концѣ XVIII вѣка, совершивъ свое дѣло во всѣхъ отношеніяхъ, стала утрачивать гегемонію въ духовномъ и свѣтскомъ просвѣщеніи Россіи.

Вотъ что такое была Кіевская коллегія. Очень неудивительно, что ея исторія рано обратила на себя вниманіе нашихъ археологовъ и историковъ. Уже въ Древней Россійской Вивліоѳикѣ Новикова (т. XVI, 1791 г.) находимъ небольшую статью о первоначальномъ основаніи Кіевской Академіи, привилегіяхъ и грамотахъ, данныхъ ей въ разное время. Въ приложеніяхъ къ описанію Кіево-Софійскаго собора (1825 г.) есть также „краткое свѣдѣніе о началѣ Кіевской Академіи, ея прежнихъ учрежденіяхъ, обыкновеніяхъ, порядкѣ и перемѣнахъ“. Это свѣдѣніе составлено покойнымъ митрополитомъ Евгеніемъ и очень любопытно даже теперь, послѣ выхода въ свѣтъ, въ 1843 году, обстоятельной „Исторіи Кіевской Академіи“ ученаго архимандрита (тогда іеромонаха) Макарія. Такимъ образомъ, большая часть актовъ, относящихся къ академіи, уже давно была извѣстна; о многихъ изъ нихъ мы находимъ отзывы, потому что акты служили главнымъ источникомъ внѣшней исторіи коллегіи. Нѣкоторые были даже напечатаны въ приложеніяхъ къ „Описанію Кіево-Софійскаго собора“, къ „Описанію Кіево-Печерской Лавры“ и въ первомъ томѣ „Исторіи Россійской Іерархіи“. (Вивліоѳика Новикова сообщаетъ нѣсколько актовъ въ сокращеніи).

Къ сожалѣнію, обо всемъ этомъ ничего не сказано во второмъ томѣ „Актовъ“, изданныхъ Кіевскою коммиссіею. Редакторы не взяли даже на себя труда хоть указать, по крайней мѣрѣ, на прежнія изданія. Иначе поступаетъ Археографическая коммиссія. Въ ея изданіяхъ при каждомъ актѣ непремѣнно указано, гдѣ онъ былъ уже напечатанъ, представлена краткая оцѣнка этихъ прежнихъ изданій, а внизу текста или въ концѣ тома, въ видѣ примѣчаній, приведены всѣ замѣчательнѣйшіе варіанты этихъ актовъ въ новооткрытыхъ спискахъ, съ точностью, можетъ-быть иногда даже излишнею, но зато внушающею тѣмъ большее довѣріе къ изданію; наконецъ, въ тѣхъ же примѣчаніяхъ сообщены необходимыя историческія поясненія къ документу, безъ которыхъ онъ оставался бы не совсѣмъ понятнымъ. Читатель, записной ученый или диллетантъ, можетъ соглашаться или не соглашаться съ объясненіями, находить нѣкоторыя неудовлетворительными или даже ложными, но они есть и составлены по крайнему разумѣнію. Вотъ что очень важно. Въ изданіяхъ Кіевской коммиссіи недостатокъ всего этого очень ощутителенъ. Завѣщаніе Петра Могилы, напримѣръ, разно читается въ приложеніяхъ къ „Описанію Кіево-Печерской Лавры“ и въ кіевскихъ актахъ. Въ первомъ больше полонизмовъ, и мы ни минуты не задумаемся отдать этому тексту предпочтеніе передъ изданіемъ коммиссіи, потому что за его дипломатическую вѣрность ручается полновѣсный авторитетъ митрополита Евгенія. Но, можетъ быть, коммиссія имѣла особенный списокъ? Можетъ быть, но мы не знаемъ; а предисловіе ко второму тому актовъ заставляетъ думать противное. Далѣе: въ актѣ, которымъ супруга мозырскаго маршалка жертвуетъ свое имѣніе для школъ и гостепріимнаго дома, она названа Анною Гулевичевной, тогда какъ митрополитъ Евгеній, архимандритъ Макарій и авторъ статьи, помѣщенной въ Новиковской Вивліоѳикѣ, единогласно называютъ ее Гугулевичевной. Если всѣ ошиблись, коммиссія должна бы оговориться для своего оправданія; ибо такое, повидимому маловажное, обстоятельство бросаетъ невыгодный свѣтъ на все изданіе. Потомъ: коммиссія говоритъ, что она заимствовала большую часть документовъ о Кіевской коллегіи изъ сборника митрополита Евгенія. Отчего же, спрашивается, она не отпечатала всѣ, а только нѣкоторые? Стоитъ прочесть

статью покойнаго митрополита, чтобъ убѣдиться въ этомъ. Здѣсь упоминается благословенная грамота патріарха Іереміи 1589 года, на основаніе училища при Богоявленской церкви въ Кіевѣ; купчая братства на плацъ, строеніе и семнадцать куничныхъ дворовъ инокини Параскевы Кучинской, 1621 года, и множество другихъ, которыхъ нѣтъ во второмъ томѣ кіевскихъ актовъ. Указаніе на такіе же акты, не напечатанные коммиссіей, встрѣчаемъ и въ Исторіи Кіевской Академіи архимандрита Макарія. На 43 стр. говорится о грамотѣ царя Алексѣя Михайловича, 1648 года, которою позволено тремъ или четыремъ богоявленскимъ старцамъ пріѣзжать въ московское государство для собиранія милостыни на монастырь и коллегію, по крайней мѣрѣ чрезъ пять лѣтъ, — а на стр. 37, въ примѣчаніи сказано, что копіи съ этой и другихъ грамотъ находятся въ библіотекѣ Кіево-Софійской и академической, слѣдовательно, они не могли быть неизвѣстны коммиссіи. Итакъ, она печатала акты по выбору. Это понятно; но нельзя искренно не пожалѣть, что она не объяснила, что̀ руководствовало ее при выборѣ? Кромѣ самыхъ важныхъ, убѣдительныхъ причинъ, мы не допускаемъ возможности опустить актъ, поясняющій исторію Кіевской Академіи, хотя бы онъ былъ второстепенный.

Все это показываетъ, что первая часть второго тома кіевскихъ актовъ, несмотря на важность предмета, издана далеко не надлежащимъ ученымъ образомъ, какъ мы были въ правѣ требовать и ожидать. За ней остается только то достоинство, что она обнародываетъ многіе акты, большею частью уже извѣстные, но еще нигдѣ не напечатанные. Конечно, и это хорошо, за недостаткомъ лучшаго. Скажемъ о нихъ нѣсколько словъ.

Первый актъ, запись Гугулевичевны, отнесенъ къ 1615. Это мнѣніе митрополита Гавріила. Не знаемъ, почему коммиссія не упомянула о мнѣніи ученаго Миллера, по которому вмѣсто 1615 должно читать 1613. Второй, напечатанный подъ названіемъ „Уписи Кіевскаго братства", очень замѣчателенъ, но странно написанъ. Мы находимъ въ немъ прежде другихъ подпись Петра Могилы, 1631 года, 11 марта, а потомъ, между прочими, подпись Захаріи Копистенскаго 1616 года, 4 января. Выходитъ, что Петръ Могила подписался прежде Копистенскаго, а подпись его позднѣе. Коммиссія весьма справедливо замѣчаетъ, что по свидѣтельству копіи съ этого акта (подлинника мы не имѣемъ) были подписи въ началѣ записи, и изъ этого не безъ основанія выводитъ, что тутъ оставленъ пробѣлъ, въ который впослѣдствіи внесъ свое имя и Петръ Могила. Такимъ образомъ, эта трудность разрѣшается весьма просто. Но, устранивъ ее, издатели, какъ намъ кажется, ошибочно отнесли этотъ актъ къ 1616—1631 годамъ. Рукоприкладство Копистенскаго ясно свидѣтельствуетъ, что онъ написанъ не позднѣе 1616 года. А такъ какъ константинопольскій патріархъ Тимофей второй занялъ патріаршескій престолъ съ 1613 года, то гораздо правильнѣе отнести составленіе записи къ 1613—1616 годамъ. Приписывать къ 1616 году этотъ актъ нѣтъ никакой причины; подпись Копистенскаго могла быть сдѣлана позднѣе, какъ и Петра Могилы. Братство, названное здѣсь церковнымъ, душеспасительнымъ, дружелюбнымъ соединеніемъ, началось по благословенію и повелѣнію константинопольскаго патріарха Тимофея и прочихъ трехъ патріарховъ, „къ утѣшенію и утвержденію въ благочестіи" русскаго народа православнаго исповѣданія, „къ воспитанію христіанскихъ призрѣваемыхъ учениковъ, какъ духовныхъ, для умноженія и вкорененія христіанскихъ добродѣтелей, честной иноческой жизни, для преподаванія полезныхъ наукъ и образованія дѣтей народа христіанскаго,—такъ и свѣтскихъ, для защиты вдовъ и сиротъ и вспомоществованія всякимъ обѣднѣвшимъ людямъ". Основаніемъ для Братства послужили уставы Львовскаго, Виленскаго, Могилевскаго братствъ, и церквей другихъ городовъ. Всѣ лица, изъ которыхъ оно составилось, „согласились однимъ сердцемъ и одними уставами" и цѣловали крестъ „каждый за всѣхъ, и всѣ за каждаго... для соблюденія христіанскихъ братскихъ повинностей и порядковъ".

Подъ актомъ подписались множество лицъ и въ томъ числѣ знаменитый Петръ Могила, Захарій Копистенскій, Сильвестръ Коссовъ, и другіе, но только о двухъ первыхъ мы знаемъ, когда именно. Нѣкоторые означили въ рукоприкладствѣ, чѣмъ они будутъ жертвовать братству: Даніилъ Стрыбиль обязался давать ежегодно по десяти злотыхъ и съѣстные припасы, Григорій Дегиловскій— лошадь для ѣзды или, вмѣсто того, камень

(24 фунта) воску и т. д. Вообще этотъ актъ очень любопытенъ. Онъ даетъ понятіе о тогдашнемъ религіозно-политическомъ движеніи западной Россіи, имѣвшемъ чисто славянскій характеръ. Братства, одинъ изъ главныхъ органовъ этого движенія, были такія же неюридическія общины, какъ и всѣ другія, столь многочисленныя въ древней Россіи. Онѣ имѣли много хорошихъ, но еще болѣе дурныхъ сторонъ, которыя и были главной причиной ихъ непрочности. Изъ прочихъ актовъ обратимъ вниманіе на слѣдующіе:

Три грамоты іерусалимскаго патріарха Ѳеофана были напечатаны въ I томѣ „Исторіи Россійской Іерархіи“ (1807), впрочемъ, съ значительными отмѣнами;—также и обѣщаніе Петра Могилы основать въ Кіевѣ училища — въ „Описаніи Кіево-Печерской Лавры“ № 4. Три слѣдующіе за тѣмъ акта: дворянства, духовенства и запорожскаго войска, которыми Петръ Могила признанъ опекуномъ и блюстителемъ Кіево-Богоявленской школы и опредѣлены отношенія его и его преемниковъ въ этомъ званіи къ школѣ, кажется, не совсѣмъ правильно названы у писателей Исторіи Академіи *просительными*. Этими актами утверждены только порядокъ и основанія, бывшіе прежде предметомъ переговоровъ между вписными братьями и Могилой. Завѣщаніе послѣдняго, какъ мы уже сказали, напечатано въ „Описаніи Кіево-Печерской Лавры“. Вскорѣ по смерти Могилы, Кіево-печерскій архимандритъ Іосифъ Трызна составилъ актъ, въ силу котораго, исполняя желаніе Могилы, онъ обязался оставить на три года во владѣніи Богоявленскаго Братства печерскія имѣнія Вишенки и Гнидинъ. Не знаемъ, на какомъ основаніи митрополитъ Евгеній въ статьѣ о Кіевской Академіи (стр. 213) говоритъ, что эти имѣнія были отняты у братства. Затѣмъ слѣдуетъ грамота патріарха Паисія братству, которую находимъ въ I т. „Исторіи Россійской Іерархіи“; но здѣсь на ней выставлено 23 мая, вмѣсто 23 іюля, какъ въ изданіи коммиссіи. Такое же различіе замѣчаемъ и въ другихъ актахъ. Такъ, грамота царя Алексѣя Михайловича, которой дано коллегіи право посылать въ Россію братій для собиранія подаянія, отнесена коммиссіей къ 1650, а архимандритомъ Макаріемъ къ 1649 году; универсалъ Гетмана Самойловича, дозволяющій братству сытить медъ къ извѣстнымъ праздникамъ по отмѣткѣ коммиссіи составленъ въ 1672, а по мнѣнію ученаго Макарія въ 1673 году.—Изъ двухъ жалованныхъ грамотъ Іоанна и Петра Алексѣевичей, одна, которою, между прочимъ, назначается жалованье Кіево-братскому училищу, напечатана (хотя и не вполнѣ) въ I т. „Исторіи Россійской Іерархіи“, а другая, утверждающая за братскимъ монастыремъ всѣ его прежнія владѣнія, одного года и числа съ упомянутой, если на ошибаемся, напечатана впервые и нигдѣ не упоминается. Эта грамота замѣчательна тѣмъ, что въ ней, какъ тогда было въ обыкновеніи, исчислены всѣ владѣнныя грамоты братства въ хронологическомъ порядкѣ, и такимъ образомъ, видно, какъ оно постепенно обогащалось, какъ и отъ кого пріобрѣтало недвижимыя имущества. Очень вѣроятно, что эта грамота служила для митрополита Евгенія и архимандрита Макарія источникомъ при исчисленіи разныхъ пріобрѣтеній братства въ разное время, хотя они и не упоминаютъ о ней, можетъ быть, не считая ее особенно важною.—Грамота Петра Великаго къ кіевскому митрополиту Варлааму Ясинскому, которой онъ извѣщаетъ послѣдняго объ охранительной грамотѣ, данной Кіевской Академіи 1701 года, 26 сентября, напечатана въ „Описаніи Кіево-Софійскаго собора“. Наконецъ, послѣдній актъ, указъ Императрицы Екатерины II, находимъ, хотя и не полный, въ I т. „Исторіи Россійской Іерархіи“. Всѣ прочіе, безъ исключенія, хотя и не напечатаны, однако, были извѣстны и упоминаются въ приведенныхъ нами сочиненіяхъ о Кіевской Академіи.

Вторая часть кіевскихъ актовъ содержитъ, во-первыхъ, уставъ Сигизмунда Августа (1557 г.) о королевскихъ волокахъ въ литовскомъ княжествѣ; онъ состоитъ изъ 49 артикуловъ, или статей, и, какъ показываетъ самое названіе, имѣетъ предметомъ королевскія земли [1]), а вмѣстѣ съ тѣмъ и устройство поселенныхъ на нихъ людей и крестьянъ. Этотъ уставъ принадлежитъ къ числу любопытныхъ юридическихъ памятниковъ до-Петровской Руси не только по своему главному содержанію, но и по различ-

[1]) Влока, или волока=33 моргамъ, какъ видно изъ 29 артикула устава. Этотъ уставъ былъ извѣстенъ Чацкому. (Смот. о Litewskich Polskich prawach. Варшава. 1800. Т. I, стр. 222).

нымъ мимоходнымъ указаніямъ, которыя въ немъ встрѣчаются. Первыя статьи говорятъ о различныхъ лицахъ, поселенныхъ на королевскихъ волокахъ — путныхъ боярахъ, служкахъ, бортникахъ, сѣдельныхъ конюхахъ, стрѣльцахъ, о *дверныхъ* или привратныхъ и другихъ слугахъ и осочникахъ,— слѣдовательно собственно не о крестьянахъ, а о такъ называемыхъ въ нашихъ древнихъ актахъ дворовыхъ людяхъ, надѣленныхъ королевскими землями и служащихъ за то извѣстную придворную службу. Весьма замѣчательно, что *путными боярами* у насъ назывались высшіе княжескіе слуги, а въ Литвѣ низшіе придворные служители, принадлежавшіе князю, въ собственность (купленные). Подобныя явленія очень обыкновенны въ сравнительной исторіи славянскихъ законодательствъ, по отзыву знатоковъ въ этомъ дѣлѣ.—Путные бояре получали по двѣ волоки, и либо служили придворную службу, либо платили за всѣ повинности деньгами, а не натурой. Изъ нихъ избирались служки къ каждому королевскому замку и двору съ обязанностью развозить королевскія письма къ дворамъ, денежныя подати въ казначейство и привозить слѣдствія объ обидахъ, нанесенныхъ крестьянамъ. За эту службу они получали на коня двѣ волоки, свободныя отъ повинностей. Бортники, отличавшіеся прежде отъ прочихъ крестьянъ работами, въ уставѣ обложены поземельной платой. За чрезвычайныя повинности имъ давалась льгота, по королевскому усмотрѣнію. Вообще каждый изъ этихъ придворныхъ слугъ получалъ по двѣ волоки, свободныхъ отъ повинностей во время дѣйствительной службы, а когда не служилъ, платилъ съ нихъ поземельную подать.

Затѣмъ слѣдуютъ положенія о крестьянахъ и устройствѣ и внутреннемъ управленіи крестьянскихъ обществъ, или войтовствъ. Каждое войтовство заключало въ себѣ, по статуту, около ста воловъ (слѣдовательно за основаніе устройства принято начало территоріальное), и для этого соединялись иногда по нѣскольку селъ. Войтъ, начальникъ общины, получалъ одну волоку обѣленную, т.-е. свободную отъ податей; онъ могъ взять и другую, но обязанъ былъ платить съ нея поземельную подать. Власть войта была низшая административная. Онъ *выгонялъ* крестьянъ на работу, присутствовалъ при уплатѣ ими податей, ставилъ ихъ на расправу вмѣсто *дѣтскаго*, надзиралъ надъ работами, поправлялъ границы и межи. Кромѣ того, войтъ присутствовалъ на судѣ, когда судили крестьянина; помогалъ ему въ его дѣлѣ, велъ вѣдомость королевскимъ пенямъ и наблюдалъ, чтобъ судьи не брали болѣе положеннаго; въ противномъ случаѣ онъ доносилъ ревизору. Правительство (урядъ) судило войта за всякій проступокъ, но не могло само собою лишить его званія войта: для этого нужно было согласіе ревизора, и въ такомъ случаѣ назначался другой по желанію крестьянъ. За отдачу волоки въ наемъ или утайку такой отдачи отъ ревизора со стороны *уряда* войтъ подвергался смертной казни. Какъ непосредственный начальникъ крестьянской общины и ближайшій блюститель королевскихъ интересовъ, войтъ обязанъ былъ доносить королевскому ревизору о всѣхъ неправильныхъ дѣйствіяхъ уряда, и такимъ образомъ, хотя косвенно, контролировалъ его. Кромѣ войта существовали въ селахъ *лавники*, напоминающіе нашихъ цѣловальниковъ, но болѣе подходившіе къ европейскимъ присяжнымъ, чѣмъ наши. Число ихъ не было опредѣлено и измѣнялось, смотря по величинѣ села. Вся ихъ обязанность состояла въ опредѣленіи наносимаго вреда („исходъ межи подданныхъ высъпасяхъ и въ инъшихъ речахъ огъледати“). О найденномъ они свидѣтельствовали передъ судомъ подъ присягой, и въ случаѣ ложнаго свидѣтельства подвергались смертной казни. Такимъ образомъ и лавники не были, собственно, судьями факта, какъ западные jury. Они только опредѣляли величину убытка, какъ теперь знающіе или свѣдущіе люди. У насъ присяжные не имѣли, кажется, и этого значенія, а только *сидѣли* на судѣ, судили вмѣстѣ съ судьями. Точнѣе нельзя опредѣлить ихъ обязанности, а слѣдовательно и ихъ отношенія къ судьѣ.

Города,—тѣ, которые не пользовались привилегіями и платили подати,—обложены поземельнымъ оброкомъ, большимъ или меньшимъ, смотря по качеству земли, различію пашенной и застроенной, и по частямъ города, гдѣ она находилась. Кажется, что главная цѣль изданія устава заключалась въ измѣненіи податей и повинностей въ поземельный оброкъ. По крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ городамъ сказано, что они освобождаются отъ квартирной повинности и обязанности возить королевскія письма и чиновниковъ. Въ городахъ, какъ и въ селахъ,

были войты съ такимъ же значеніемъ. Право курить вино, варить пиво и медъ принадлежало однимъ городскимъ жителямъ; но тѣ изъ нихъ, которые хотѣли пользоваться этимъ правомъ, должны были вписаться въ реестръ и платить питейную пошлину. Мясники въ городахъ также записывались въ реестръ и платили различныя пошлины, но всякій посторонній имѣлъ право привозить мясо на торгъ въ городъ въ извѣстное время года, а именно, отъ дня св. Варѳоломея до мясопустной недѣли. За привозъ недозволеннаго мяса (издохлой, бѣшеной и *вѣродоватой* скотины) назначена смертная казнь. *Коморники*, какъ видно принадлежавшіе къ городскому сословію и поступавшіе въ частную службу или работу, обложены поголовною податью. Запрещено ставить корчмы и варить пиво въ селахъ; первое могло быть дозволено только ревизоромъ или урядомъ, особливо при большой дорогѣ. Также запрещено учреждать новые торги ближе трехъ миль отъ города, чтобъ не было подрыву городскимъ торгамъ. Подати и повинности съ крестьянъ взимались отчасти деньгами, отчасти натурою, отчасти, наконецъ, состояли въ личныхъ работахъ и службѣ. Первые два вида разложены по землѣ. Съ волокъ взимался цыншъ (кажется отъ cens), поземельный оброкъ, различный по качеству земли, также извѣстное количество овса, сѣна, домашней птицы (гусей и куръ), деньги на неводъ и провіантъ. Впрочемъ, всѣ эти подати, кромѣ, разумѣется, чинша, могли быть замѣнены денежной платой, заранѣе опредѣленной закономъ. Работа требовалась отъ крестьянъ тоже съ волока, по два дни въ недѣлю, за исключеніемъ трехъ недѣль въ году. Ненужные для работы водворялись на *осадахъ* (пустопорожнихъ земляхъ), облагались поземельною податью и обязаны были только косить и убирать во-время сѣно. Въ уставѣ упоминается также о застѣнкахъ, которые, не знаемъ почему, названы подсосѣдками и тоже платили поземельный оброкъ. Огородники, владѣя землею, обязаны были служить за нее по одному дню въ недѣлю пѣшими, а жены ихъ жать и полоть только шесть дней во все лѣто. Наконецъ, крестьяне обязаны были отвозить овесъ и сѣно съ волокъ въ различныя мѣста на извѣстное разстояніе, опредѣленное уставомъ, и платить *серебщизну*, уже не съ воловъ и лошадей, какъ вѣроятно было прежде, а съ волоки. Очень любопытно положеніе о работахъ. Работа заказывалась войтомъ въ воскресенье. Кто не выходилъ, тотъ платилъ въ первый и второй разъ пеню, а въ третій—наказывался бичомъ на лавкѣ и былъ обязанъ заработать пропущенные дни. Впрочемъ, законныя причины неявки на работу принимались въ уваженіе, хотя и не освобождали крестьянъ отъ обязанности въ другой день заработать все пропущенное. Откупаться отъ работы не дозволено. Являться обязанъ былъ крестьянинъ съ восходомъ, а уходить съ закатомъ солнца. Для отдыха давалось для работающихъ со скотомъ три часа: передъ обѣдомъ, въ полдень и подвечеръ по часу; пѣшимъ столько же разъ по получасу, и то только лѣтомъ, въ длинные дни.

Хозяйственное управленіе королевскими владѣніями изложено подробно. При каждомъ замкѣ и дворѣ королевскомъ велѣно было ставить возможно большіе *фольварки* (фермы), кромѣ неудобныхъ земель; напослѣдокъ, велѣно было селить людей. Урядъ управлялъ королевскими имѣніями, надзиралъ надъ гумномъ, продавалъ хлѣбъ, наблюдалъ, чтобъ всѣ поля были засѣяны, устроивалъ хлѣбныя сушильни (овины или риги) гдѣ было нужно, имѣлъ въ своемъ завѣдываніи и управленіи скотные дворы при фольваркахъ и доходы, ими доставляемые,—также огороды, пруды и рыбные садки, которые долженъ былъ содержать въ порядкѣ,—строить мельницы, суконныя валяльни, или горно-заводскія мельницы, стараясь извлечь изъ нихъ возможно-большій доходъ; также въ ихъ управленіи находились сѣнокосы и королевскія конюшни. Такимъ образомъ, королевскія имѣнія по управленію имѣли много общаго съ нашими теперешними удѣльными помѣстьями, въ которыхъ главную роль играетъ помѣщикъ или его управитель и староста, ведущіе хозяйство. Разница состояла въ томъ, что всѣ служители, приставленные къ различнымъ частямъ сельскаго управленія, равно какъ и самъ урядъ, получали за свою службу землю или извѣстную часть ихъ дохода (третій снопъ хлѣба, пятый возъ сѣна и т. д.). Впрочемъ, весьма вѣроятно, что здѣсь подъ урядомъ разумѣются одни низшіе управители, ибо высшими бывали сенаторы и другіе высшіе королевскіе служители, управлявшіе посредствомъ своихъ слугъ и намѣстниковъ. Королевскіе ре-

визоры, присяжные и непремѣнно осѣдлые, а не бездомовые, контролировали управленіе и были блюстителями королевскихъ интересовъ и правильности администраціи, и если урядъ дѣйствовалъ не такъ, какъ должно, доносили королю. Наконецъ, особенно важныя издержки или предпріятія по сельскому управленію требовали утвержденія или дозволенія подскарбія или королевскаго казначея.

Сборъ податей производился на одномъ мѣстѣ, въ дворѣ, селѣ или городѣ. Правители не имѣли права разъѣзжать и разсылать для сбора; крестьяне вносили подати сами — каждая община при своемъ войтѣ. Причина этого запрещенія, вѣроятно, была та же, что и у насъ въ древней Россіи: сельскимъ классамъ, вѣроятно, и въ Литвѣ не было житья отъ корыстолюбія и грабительства чиновниковъ. Наблюденіе за исполненіемъ этого предписанія возложено на ревизоровъ. Крестьянина, который не платилъ по нерадѣнію, сажали въ тюрьму до уплаты, но было запрещено отбирать у нихъ вмѣсто подати воловъ и коней. Во время собиранія королевскихъ доходовъ никто не могъ править съ крестьянъ своихъ долговъ. Впрочемъ, нѣкоторыя обстоятельства — пожаръ, бѣдность и другія, — оправдывали неплатежъ повинностей. Урядъ, собравши подати и доходы, вносилъ ихъ къ подскарбію или скарбнику, получалъ квитанцію и по ней давалъ отчетъ по реестрамъ и уставамъ. Если жъ онъ въ срокъ не вносилъ денегъ и не давалъ отчета, то описывали его имѣніе, и оно поступало въ казенное управленіе, а если имѣнія было недостаточно, то задерживали его самого. Крестьянинъ и все его имущество считались королевскою собственностью, что прямо высказано въ уставѣ: „кметъ и вся его маетность наша есть". Поэтому, если онъ бѣжалъ—его возвращали; переселиться изъ войтовства онъ могъ неиначе, какъ въ королевскую же волость. Правительство давало имъ разныя льготы, дѣлало всевозможныя облегченія, старалось оградить отъ притѣсненій и несправедливостей низшихъ правителей; но во всѣхъ этихъ мѣрахъ проглядываетъ желаніе сберечь въ нихъ свою собственность, сохранить ее отъ разоренія. Только такому въ политико-экономическомъ отношеніи ложному и ошибочному взгляду на крестьянъ обязаны они какой-нибудь защитой, если дѣйствительно ею пользовались. Прочія распоряженія устава, равно какъ и дополнительныя статьи устава, входятъ въ подробности управленія королевскими имуществами и не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго.

Уставъ о подводахъ, 1558 года, 20-го іюля, содержитъ въ себѣ административныя распоряженія о почтахъ. Почтовая повинность падала на всѣ города и деревни безъ изъятія натурой или деньгами. Не знаемъ, почему допущена коммиссіей слѣдующая опечатка, неисправленная въ errata. На стр. 231 сказано: „того же 1557 года", тогда какъ уставъ, которому эта статья служитъ дополненіемъ, составленъ въ 1558 году. Въ ученыхъ изданіяхъ такіе недосмотры бываютъ очень важны.

Наконецъ, третья часть заключаетъ семнадцать актовъ, относящихся къ исторіи Малороссіи. Изъ нихъ только два уже извѣстны, если еще и не напечатаны: это универсалъ польскаго короля Яна Казимира объ утвержденіи сеймомъ зборовскаго мира 1650 года, 19-го января, и бѣлоцерковскій трактатъ, 1651 года, 28 сентября; прочіе, кажется, новые; по крайней мѣрѣ, мы не нашли о нихъ извѣстій ни у Маркевича, ни у Ригельмана. Письмо Хмѣльницкаго къ королю очень любопытно. Оно написано въ 1650 году, 20 марта, и показываетъ, что зборовскій трактатъ очень медленно и неохотно приводился въ исполненіе не только со стороны Польши, но и малороссіянами. Поляки не могли равнодушно подчиниться тягостнымъ и оскорбительнымъ для нихъ условіямъ, казаки всячески старались выгадывать больше, нежели сколько слѣдовало по договору. Хмѣльницкій въ письмѣ своемъ благодаритъ короля за зборовскій миръ, проситъ привести въ исполненіе статьи трактата, относящіяся къ религіознымъ распрямъ, „потому что паны уніаты привыкли не исполнять королевскихъ повелѣній", и возвратить соборы, церкви и имѣнія, отнятые у русскаго духовенства уніятами. При письмѣ Хмѣльницкій послалъ и войсковые реестры, прося короля „извинить... если окажется, что по статьямъ зборовскаго мира слѣдовало бы еще болѣе уменьшить число войскъ; потому что", говоритъ онъ, „мы уже и такъ имѣли большія затрудненія при опредѣленіи числа нашего войска". Видно также, что не всѣ малороссіяне были освобождены; нѣкоторые еще содержались въ темницахъ. Въ

письмѣ воеводы кіевскаго, Адама Киселя (29-го марта), разсказано состояніе Малороссіи по заключеніи зборовскаго мира. Хмѣльницкій долженъ былъ прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ, чтобъ усмирить волненіе. Чернь ни подъ какимъ видомъ не хотѣла подчиниться панамъ; исключая очень немногихъ, всѣ прибѣгали къ разнымъ уловкамъ, чтобъ отдѣлаться отъ этой зависимости. „Еслибъ я не видѣлъ", говоритъ воевода, „такой силы и готовности къ войнѣ, какая здѣсь есть, и если бы могъ видѣть союзъ Орды съ казаками расторженнымъ, а также если бы войско могло прійти сюда прежде вскрытія рѣкъ, то, какъ я всегда на сеймѣ объявлялъ наилучшимъ средствомъ, такъ и теперь не только желалъ бы, но просилъ бы униженно вашу королевскую милость... принимая во вниманіе униженіе, претерпѣваемое нами въ мирѣ, похожемъ на рабство, лучше попытаться прибѣгнуть къ оружію, нежели имѣть подданныхъ и не владѣть ими". Вотъ въ какомъ положеніи находились дѣла. Видя невозможность воевать, Кисель просилъ не приближать войскъ или, въ противномъ случаѣ, извѣстить его, чтобъ онъ и другіе владѣльцы успѣли заранѣе убраться и избѣгнуть смерти. Какъ сильно было волненіе въ простомъ народѣ въ то время противъ возвратившихся владѣльцевъ, видно и изъ другихъ актовъ, особливо изъ универсала, иданнаго Хмѣльницкимъ (20-го сентября), которымъ, постановлено, что паны, вмѣстѣ съ полковниками, имѣютъ право даже казнить смертью своихъ возмутившихся крестьянъ. Вообще акты, помѣщенные въ этомъ отдѣлѣ, очень любопытны. Особенно укажемъ на три письма Андрея Мясковскаго, галицкаго стольника, къ королю, отъ 1-го, 4-го и 26-го августа, 1651 года, письмо Виговскаго къ коронному гетману Потоцкому, и Хмѣльницкаго къ нему же. Послѣднее написано чрезвычайно искусно и свидѣтельствуетъ, какъ хитро дѣйствовалъ Хмѣльницкій.

Вотъ что́ мы считали нужнымъ сказать о второмъ томѣ кіевскихъ актовъ. Изданіе не только красиво, но даже изящно. Жаль только, что въ немъ тамъ и сямъ попадаются опечатки, даже кромѣ тѣхъ, которыя отмѣчены коммиссіей. Къ тексту актовъ, внизу страницы, приложенъ переводъ, не всегда, впрочемъ, вѣрный. Такъ, напримѣръ, въ уставѣ о волокахъ, *покутныя корчмы* переведено: „корчмы, назначенныя для содержанія преступниковъ". Невѣрность такого перевода видна, во-первыхъ, изъ самаго названія корчмы, которое имѣло то же значеніе, что́ у насъ теперь, и къ намъ, вѣроятно, перешло изъ Литвы; во вторыхъ, мѣсто, гдѣ попадается это выраженіе, ясно даетъ разумѣть, что дѣло идетъ о кабакахъ или питейныхъ домахъ, а не о чемъ-нибудь другомъ. Тамъ сказано: „корчмы покутные *кнезские*, *панские*, злаща (особливо) где не на гостинцу (большой дорогѣ)" и т. д.; и потомъ: „таковыми покутными корчмами не одно (не только) шкода его Милости Господарю але и Речы Посъполитой дорогость вжывности и изънищене убогихъ людей". Все это непримѣнимо къ корчмамъ, будто бы устроеннымъ для преступниковъ, а прямо къ кабакамъ. Наконецъ, слово *покутны*, соблазнившее переводчика, не имѣетъ здѣсь смысла, и въ рукописи, вѣроятно, ошибкой поставлено вмѣсто поконтный (pokotny), что значитъ потаенный, скрытный, никому неизвѣстный. Впрочемъ, еслибъ переводъ былъ совершенно правиленъ, мы и тогда не могли бы понять, къ чему онъ? Кіевскіе акты изданы, конечно, не для пріятнаго препровожденія времени. Ихъ будутъ читать одни занимающіеся русской исторіей, но они поймутъ текстъ и безъ перевода; прочіе не будутъ читать вовсе. А между тѣмъ, не будь перевода, книга вышла бы меньше, слѣдовательно, дешевле и, слѣдовательно, доступнѣе для большинства. Едва повѣрить можно, что два вышедшіе тома кіевскихъ актовъ стоили пятнадцать рублей серебромъ, тогда какъ четыре тома румянцовскихъ актовъ продаются за сорокъ рублей ассигнаціями, а весь Голиковъ, прежняго изданія,—шестьдесятъ, не говоря уже объ изданіяхъ Археографической коммиссіи.

Въ концѣ тома приложены снимки съ грамоты царя Алексѣя Михайловича, съ рукописи устава о волокахъ, съ печатей и подписей.

(Современникъ, 1847).

Изслѣдованія о Русской Правдѣ.

Часть I. Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды. Разсужденіе, писанное для полученія степени магистра, кандидатомъ правъ Николаемъ Калачовымъ. Москва. 1846.

Наконецъ, вышла въ свѣтъ такъ давно и съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемая любителями русскихъ древностей „Русская Правда“ г. Калачова. Надобно сказать къ чести автора, что ожиданія не были напрасны. Очень не много у насъ книгъ, которыя бы такъ стояли въ уровень съ теперешними требованіями науки, такъ добросовѣстно ихъ удовлетворяли, какъ сочиненіе г. Калачова. Конечно, оно не казисто: оно не рѣшаетъ вопросовъ объ этомъ памятникѣ, не поясняетъ ея темныхъ и непонятныхъ мѣстъ, не предлагаетъ никакихъ окончательныхъ выводовъ и заключеній объ „Русской Правдѣ“. Но кому извѣстна исторія ея литературной обработки, тотъ знаетъ, что всякая попытка отвѣчать на вопросы о „Правдѣ“, объяснить ее, при теперешнемъ состояніи ея предварительной обработки, увеличила бы собою и безъ того длинный рядъ разсужденій и изслѣдованій объ этомъ предметѣ, нисколько не подвигая дѣла впередъ. Предположеній о „Русской Правдѣ“ и ея значеніи есть множество, и самыхъ разнообразныхъ; но мы до сихъ поръ не могли произнести никакого сужденія о ихъ большей или меньшей правдоподобности, или вѣроятности, потому что они не имѣли твердой фактической почвы. Каждый изслѣдователь основывалъ свои выводы на одномъ или нѣсколькихъ спискахъ рукописныхъ, или хотя изданныхъ, но большею частью неудовлетворительно написанныхъ, вообще неподвергнутыхъ еще полной критико-филологической обработкѣ. Оттого одинъ смотрѣлъ на „Правду“ такъ, другой—иначе, судя по даннымъ, которыя у него были подъ руками. Прибавимъ къ этому, что списковъ издано было немного, не болѣе четырнадцати или пятнадцати (считая въ томъ числѣ варіанты изъ Ростовской лѣтописи, пять Болтинскихъ, которыми онъ пользовался, издавая „Правду“, и два Фроловскіе, бывшіе подъ руками у г. Тобина); всѣ прочіе, въ большомъ числѣ, извѣстны были въ рукописяхъ, и слѣдовательно, по большей части доступны для немногихъ записныхъ археологовъ и знатоковъ дѣла. Такою же неизвѣстностью была покрыта и литература по „Русской Правдѣ“, представляющая мало отдѣльныхъ сочиненій, но состоящая почти вся изъ журнальныхъ статей, брошюръ, главъ и даже мимоходныхъ замѣтокъ въ сочиненіяхъ, собственно относящихся къ другимъ предметамъ (наприм. у Розенкампфа, Карамзина, г. Погодина и т. д.). Новому изыскателю было трудно принять въ соображеніе все, что уже было сдѣлано; оттого старые вопросы опять подымались и рѣшались по старому, помимо возраженій, сдѣланныхъ на эти рѣшенія; предметы уже обсужденные подвергались новому обсужденію, которое не составляло пріобрѣтенія въ наукѣ, потому что не принимало въ разсчетъ предыдущихъ трудовъ. Словомъ, какъ факты, такъ и работы, уже совершенныя надъ ними, представляли какой-то хаосъ, въ которомъ трудно было найтись, трудно было не потеряться. Итакъ, чтобы проложить новые пути къ изученію „Правды“, чтобы сдѣлать возможнымъ разрѣшеніе вопросовъ, къ которымъ она подаетъ поводъ, или по крайней мѣрѣ опредѣленіе, какіе изъ нихъ могутъ быть разрѣшены, какіе нѣтъ, и какія средства для ихъ разрѣшенія,—для этого необходимо было, прежде всего, остановить колеблющіеся факты, сдѣлать ихъ извѣстными и доступными для всѣхъ, привести въ извѣстность литературу „Русской Правды“ до малѣйшихъ подробностей и оцѣнить предшествующіе труды изданія. Эту предварительную задачу блистательно разрѣшилъ г. Калачовъ. Надо было имѣть большое самоотверженіе, чтобы совершить трудъ, требующій много времени, работы, издержекъ, — вдобавокъ, трудъ такой тяжелый, копоткій, утомительный и невидный на первый взглядъ. Но зато теперь поле очищено, предметъ обогатился новыми дан-

ными, положена прочная основа для новыхъ изысканій о „Правдѣ“, и въ этомъ смыслѣ мы позволимъ себѣ сказать не обинуясь, что разсужденіе г. Калачова составляетъ эпоху въ нашей историко-юридической литературѣ.

Тѣсныя рамки библіографической статьи не позволяютъ намъ входить въ подробный разборъ этого замѣчательнаго сочиненія. Мы представимъ здѣсь только короткій обзоръ его содержанія и того, что оно заключаетъ въ себѣ особенно новаго и замѣчательнаго.

Прежде всего замѣтимъ, что авторъ издалъ теперь только первую часть обширнаго труда, который задуманъ имъ въ большихъ размѣрахъ. Этотъ трудъ долженъ представить полное объясненіе „Правды“, „безъ котораго“, какъ справедливо замѣчаетъ г. Калачовъ, „всѣ отдѣльныя или частныя объ ней изслѣдованія никогда не могутъ имѣть желаемаго успѣха“. Изложивъ, какъ необходимо такое объясненіе при теперешнемъ состояніи ея литературной обработки, авторъ представляетъ планъ, которому онъ намѣренъ слѣдовать. Во-первыхъ, долженъ быть, по мнѣнію автора, изданъ вполнѣ, безъ всякихъ измѣненій и по всѣмъ извѣстнымъ спискамъ, текстъ „Правды“; потомъ, объяснены филологически „какъ отдѣльныя слова, такъ равно цѣлыя выраженія и обороты рѣчи“. Въ доказательство, какъ важно такое объясненіе, авторъ приводитъ слова „изгой“ и „колбягъ“, которыхъ значеніе объясняется изъ другихъ памятниковъ. Затѣмъ должно слѣдовать юридическое объясненіе „Правды“, т.-е. полное изложеніе содержанія „Русской Правды“, и сравненіе этого содержанія съ нашими памятниками, отъ древнѣйшихъ временъ до XVII вѣка включительно, и съ древнѣйшими памятниками славянскихъ и германскихъ народовъ; черезъ это должно выясниться „какое значеніе имѣетъ вообще „Русская Правда“, во-первыхъ, какъ источникъ нашего древняго права въ разное время, а во-вторыхъ, какъ юридическій памятникъ, и потомъ, въ какомъ отношеніи находится она ко всѣмъ другимъ памятникамъ, свѣтскимъ и духовнымъ, въ системѣ русскаго законодательства до XVII вѣка включительно“. При этомъ должна быть предложена подробная критическая оцѣнка различныхъ мнѣній о „Русской Правдѣ“. На основаніи такихъ-то работъ можно уже приступить къ изданію текста „Правды“ XI вѣка, критически-очищеннаго, и переводъ „Правды“, въ томъ видѣ, какъ мы ее теперь имѣемъ. Наконецъ, говоритъ авторъ, „можно будетъ смѣло приступить къ критическимъ выводамъ касательно образа составленія Русской Правды, ея подлиннаго содержанія въ XI, XII и другихъ столѣтіяхъ, ея достоинства, какъ источника права и памятника не только отечественнаго законодательства, но и словесности; наконецъ, вообще къ тѣмъ выводамъ, которые могутъ казаться особенно важными для филолога, историка и философа“.

Выполнимъ ли весь этотъ планъ — трудно рѣшить прежде тщательной обработки „Правды“ въ историческомъ, филологическомъ и юридическомъ отношеніяхъ. Позволяемъ себѣ думать, что опредѣлить время и способы составленія каждой статьи „Правды“, объяснить вполнѣ всѣ слова и выраженія, въ особенности возстановить ея первоначальный текстъ, какъ предполагаетъ авторъ, — едва ли возможно, пока не будутъ открыты какіе-нибудь новые источники. Сверхъ того, мы знаемъ, какъ очищеніе текста всегда болѣе или менѣе предположительно. Оттого, мы болѣе склоняемся къ мысли, что послѣднія двѣ части труда могутъ быть опущены безъ ущерба для достоинства и полноты изслѣдованій.

Въ изданной первой части трудовъ надъ „Правдой“ находимъ преимущественно матеріалы для ея объясненія съ юридической стороны, которая такъ тѣсно связана съ исторіей этого законодательнаго памятника: 1) разборъ изданій и сочиненій, относящихся къ „Русской Правдѣ“; 2) критическое обозрѣніе извѣстныхъ ея списковъ съ юридической стороны; 3) систематическое изложеніе и изданіе полнаго въ юридическомъ отношеніи текста „Правды“; 4) указаніе на юридическіе памятники, находящіеся въ особенной связи съ ея содержаніемъ.

Скажемъ особо о каждомъ изъ этихъ отдѣловъ.

Первый отдѣлъ не есть собственно критическая исторія литературы „Русской Правды“ или ея изданій. Это краткій обзоръ и того и другого, съ отмѣтками и отзывами обо всемъ, что было сдѣлано до сихъ поръ, и самымъ тщательнымъ библіографическимъ указаніемъ на предшествующіе труды. Особенно въ послѣднемъ отношеніи эта статья драгоцѣнна. Изъ обозрѣнія статей и сочиненій о „Русской Правдѣ“ мы видимъ, что около тридцати изслѣдователей болѣе или менѣе занимались этимъ памятникомъ

и посвящали ему труды свои. Странно, особливо когда подумаешь, какъ плохо обработана русская исторія, въ особенности внутренняя!

Обозрѣніе списковъ „Правды“ съ юридической стороны представляетъ много чрезвычайно любопытныхъ результатовъ, отчасти выведенныхъ прежними изслѣдователями и теперь подтвержденныхъ г. Калачовымъ, отчасти совсѣмъ новыхъ. Чтобы понять всю важность и основательность этихъ результатовъ, должно напередъ замѣтить, что г. Калачовъ пользовался пятьюдесятью списками „Правды“, изъ которыхъ около тридцати имъ впервые открыты, по крайней мѣрѣ черезъ него дѣлаются общедоступными.

Всѣ списки „Правды“, по мнѣнію г. Калачова, дѣлятся на четыре фамиліи (прежде ихъ дѣлили на двѣ). Къ первой отнесены изслѣдователемъ списки древнѣйшихъ лѣтописей: Новгородской и Ростовской, или такъ-называемые краткіе списки; ко второй — списки кормчихъ такъ-называемаго кирилловскаго разряда и „Мѣрила праведнаго“— древнихъ сборниковъ, близко къ нимъ подходящихъ; къ третьей—списки позднѣйшихъ новгородскихъ (софійскихъ) временниковъ; наконецъ, къ четвертой — списки позднѣйшихъ сборниковъ отдѣльныхъ статей разнаго содержанія.

Признаки, общіе всѣмъ фамиліямъ списковъ, состоятъ въ томъ, что ни одинъ изъ послѣднихъ не есть оффиціальный документъ. Все заставляетъ думать, что „Правда“—сборникъ, составленный частными лицами и въ разное время такимъ же образомъ дополненный. Несмотря на то, „Правда“ была оффиціально признаваема источникомъ права, потому что встрѣчается въ кормчихъ и сборникахъ, признаваемыхъ за руководство въ судебныхъ дѣлахъ. Далѣе, изъ имѣющихся списковъ „Правды“ видно, что она составлена изъ законовъ великихъ князей, грамотъ, наказовъ, памятей, обычныхъ правилъ, положеній германскаго и византійскаго права, приноровленныхъ къ понятіямъ народа, мѣстныхъ постановленій, преимущественно новгородскихъ, и изъ частныхъ случаевъ или фактовъ. Наконецъ, изъ тѣхъ же списковъ видно, что разныя положенія въ „Правдѣ“ получили въ разное время силу закона: одни при Ярославѣ, другіе при его ближайшихъ преемникахъ, третьи въ XII, XIII и XIV вѣкахъ. На какомъ основаніи ученый изслѣдователь относитъ нѣкоторыя статьи именно къ двумъ послѣднимъ вѣкамъ—не видно. По всѣмъ вѣроятіямъ, сличеніе разныхъ списковъ привело его къ такимъ заключеніямъ. Если такъ—это основаніе едва ли прочно. О времени составленія статей мы только тогда можемъ заключать почти несомнѣнно, когда есть въ нихъ самихъ указаніе. Такъ въ нѣкоторыхъ прямо сказано, что онѣ принадлежатъ Ярославу, его дѣтямъ, Владиміру Мономаху. Но судить о происхожденіи статей по вѣку, къ которому относятся списки, нельзя, потому что открытіе болѣе древнихъ, въ которыхъ находятся такія же статьи, легко можетъ опровергнуть выводы. Впрочемъ, авторъ, какъ знатокъ своего дѣла, могъ имѣть и другія, болѣе основательныя причины, по которымъ онъ относилъ статьи „Правды“ къ тому или другому вѣку. Какъ бы то ни было, вѣрно то, что полный составъ списковъ „Правды“ разныхъ фамилій извѣстенъ намъ изъ рукописей не ранѣе XIII, XIV и XV вѣка. Отъ XIII и XIV вѣка до насъ дошло по одному списку второй фамиліи, а отъ XIV и XV вѣка отъ каждаго по одному списку первой, третьей и четвертой фамиліи и нѣсколько списковъ второй (слѣдовательно, вѣроятно XV вѣка, ибо о спискахъ второй фамиліи отъ XIV вѣка было уже прежде упомянуто). Списки XVI и XVII вѣка не представляютъ уже ничего новаго. Отсюда г. Калачовъ не безъ основанія заключаетъ, что въ эти два вѣка „Правда“ уже потеряла практическое значеніе и вносилась въ кормчія и сборники, какъ историческій памятникъ, не имѣвшій силы закона. Со времени изданія Уложенія и печатной кормчей, прекратилось и самое переписываніе „Правды“. Порядокъ расположенія статей во всѣхъ спискахъ имѣетъ большое сходство; близкія между собою статьи составлялись въ группы, располагались между ними, а всего чаще въ концѣ. Правильной системы не видно въ „Правдѣ“. Языкъ носитъ слѣды древности.

Таковы общіе признаки всѣхъ фамилій списковъ. Признаки, которыми они различаются, весьма разнообразны. Списки первой фамиліи отличаются особенно простотой и краткостью; статьи въ нихъ писаны безъ раздѣленій и заглавій, кромѣ какъ въ началѣ и въ серединѣ списковъ. Г. Калачовъ думаетъ, что послѣднее („Правда уставлена Руськои земли егда ся съвокупилъ“ и т. д.) не простирается на всѣ статьи, за ними слѣ-

дующія, и доказываетъ это мѣстомъ, которое это заглавіе занимаетъ въ спискахъ другихъ фамилій. Того же мнѣнія и Розенкампфъ. Впрочемъ, здѣсь г. Калачовъ выразился неясно: хотѣлъ ли онъ этимъ сказать, что въ спискахъ другихъ фамилій это заглавіе занимаетъ другое мѣсто, но одно во всѣхъ, или оно и въ нихъ встрѣчается въ разныхъ мѣстахъ? Какъ ни мелоченъ кажется этотъ вопросъ, но онъ много вѣситъ въ изслѣдованіи о „Русской Правдѣ". Дѣло въ томъ, что если это заглавіе въ разныхъ спискахъ стоитъ передъ разными статьями, — очевидно нельзя приписывать первую половину такъ называемой „Краткой Правды" Ярославу, а вторую его дѣтямъ; слѣдственно, она, подобно пространной, должна быть разсматриваема не какъ цѣлое законодательство, а какъ частный юридическій сборникъ. Будь доказано противное—предположеніе Эверса, Неймана и Тобина остается по прежнему вѣроятнымъ, по крайней мѣрѣ не опровергнутымъ. То или другое можетъ быть рѣшено не числомъ статей, послѣ которыхъ встрѣчается это заглавіе—ибо могли быть вставки—а тѣмъ, стоитъ ли оно передъ одной и той же статьей во всѣхъ спискахъ, или передъ разными.—Вообще, г. Калачовъ замѣчаетъ, что оглавленія составляютъ одно изъ важныхъ различій между фамиліями списковъ—не только первой отъ прочихъ, но и ихъ между собою. Въ этомъ отношеніи онъ согласенъ съ Розенкампфомъ, что „подробнѣйшій разборъ оглавленій можетъ привести къ нѣкоторымъ справедливымъ выводамъ касательно составленія основныхъ списковъ и ихъ системы". Въ спискахъ трехъ прочихъ фамилій „Правды" находятся тоже два заглавія. О нихъ г. Калачовъ говоритъ то же, что́ и объ оглавленіяхъ въ спискахъ первой фамиліи: они служатъ оглавленіемъ не для всѣхъ послѣдующихъ статей, а только для ближайшей, непосредственно за нимъ слѣдующей. По содержанію, первая фамилія различается отъ прочихъ полнотой, числомъ и самой редакціей статей. Это различіе не такъ замѣтно между списками трехъ послѣднихъ фамилій, отличающихся между собой болѣе всего отдѣльными статьями, которыхъ въ иныхъ вовсе нѣтъ. Такъ, списки второй фамиліи не имѣютъ дополнительныхъ статей, а въ другихъ онѣ есть; зато и въ нихъ есть прибавленія, которыхъ не достаетъ въ третьей и четвертой фамиліи. Наконецъ, списки послѣдней фамиліи отличаются отъ списковъ второй и третьей меньшею полнотою статей и предисловіемъ, переведеннымъ съ греческаго и заимствованнымъ изъ словъ Василія Великаго. По мнѣнію г. Калачова, оно не принадлежитъ первымъ составителямъ „Правды", потому что она „безъ сомнѣнія служила первоначально руководствомъ въ дѣлахъ судебныхъ только для людей свѣтскаго званія". Кромѣ того, четвертая фамилія отличается отъ прочихъ тѣмъ, что списки, къ ней принадлежащіе, представляютъ „довольно ясныя указанія на то, какимъ образомъ и изъ какихъ источниковъ былъ дополняемъ первоначальный текстъ Русской Правды въ разное время".

Послѣ такого обозрѣнія сходства и несходства между фамиліями списковъ, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію каждой изъ нихъ въ отдѣльности и рукописей, къ ней относящихся, въ которыхъ помѣщена „Правда". Мы остановимся на томъ, что́ намъ показалось особенно важнымъ.

Списковъ первой фамиліи, содержащихъ въ себѣ такъ называемую краткую „Правду", всего четыре (кромѣ дошедшихъ въ варіантахъ). Судя по грамматическимъ признакамъ, они указываютъ на текстъ позднѣйшій въ сравненіи съ списками второй фамиліи, изъ которыхъ иные относятся къ XIII, XIV и XV вѣку. Разумѣется, изъ этого нельзя еще дѣлать никакихъ рѣшительныхъ заключеній о краткой „Правдѣ", особенно о ея древности, ибо сохраненіе однихъ позднѣйшихъ ея списковъ есть случайность. Замѣтимъ, впрочемъ, что эти списки чрезвычайно сходны между собою; различія ихъ по большей части филологическія. Только четвертый списокъ имѣетъ одну лишнюю статью противъ другихъ, вставленную между 38 и 39 статьями. Все это подтверждаетъ мысль, что первая половина „Краткой Правды" дѣйствительно можетъ быть уставъ или судная грамота, данная Ярославомъ Новгороду по извѣстіямъ лѣтописей, а вторая ея половина—законодательство дѣтей Ярославовыхъ, дополняющее уставъ Ярославовъ, съ нѣсколькими прибавочными статьями въ концѣ. Въ самомъ дѣлѣ, замѣчательно, что лишняя статья въ четвертомъ спискѣ „Краткой Правды" есть пятая снизу и находится въ числѣ прибавочныхъ. На этомъ основаніи мы не вполнѣ согласны съ мнѣніемъ г. Калачова, высказаннымъ въ третьемъ текстѣ, что „Русская Правда, относительно текстовъ извѣстныхъ ея списковъ,

есть сборникъ, составленный частными лицами и въ разное время такимъ же образомъ дополненный подъ вліяніемъ различныхъ условій". Это можетъ быть болѣе или менѣе справедливо въ отношеніи къ пространной „Правдѣ", но едва ли идетъ къ краткой. По крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ ней гораздо сомнительнѣе, чѣмъ этотъ тезисъ въ примѣненіи къ „Правдѣ" XIII вѣка.

Другое наблюденіе надъ списками „Правды", которое намъ показалось особенно замѣчательнымъ, состоитъ въ томъ, что вторая половина пространной „Правды", начинающаяся уставомъ Владиміра Мономаха о процентахъ, присоединена къ первой половинѣ гораздо позже составленія первоначальнаго текста; прежде обѣ составляли нѣчто отдѣльное. Сколько мы знаемъ, это замѣчаніе едва ли было сдѣлано прежде г. Калачова и проливаетъ новый свѣтъ на „Правду". По изслѣдованіямъ г. Тобина, первая половина пространной „Правды" главнымъ образомъ состоитъ изъ статей Ярославовой „Правды" и „Правды" его дѣтей. Это переработка прежняго законодательства и очень легко могла быть дѣломъ частнаго человѣка. Напротивъ, вторая половина представляетъ положенія существенно новыя, и до сихъ поръ еще трудно рѣшить, есть ли это законодательство Владиміра Мономаха, и если да, то до котораго именно мѣста, и что̀ къ нему прибавлено потомъ. Открытіе, что обѣ половины составлялись различно и были прежде два разные памятника, потому особенно важно, что оно даетъ теперь изслѣдователямъ полное право разорвать всякую связь между обѣими половинами, разсматривать каждую особливо. Различные результаты для обѣихъ ничего не будутъ доказывать противъ правдоподобности или достовѣрности выводовъ.

Третій отдѣлъ диссертаціи г. Калачова заключаетъ въ себѣ текстъ „Русской Правды", расположенной систематически, по пятидесяти спискамъ. Это, конечно, важнѣйшая и лучшая часть книги. Съ удивительною тщательностью выбранъ текстъ изъ всѣхъ списковъ и подведены всѣ малѣйшія разночтенія. Отпечатанъ текстъ чрезвычайно красиво, особливымъ шрифтомъ, въ четырехъ главахъ, изъ которыхъ первая содержитъ въ себѣ статьи, относящіяся къ государственному праву, вторая—къ гражданскому, третья—къ уголовному праву, наконецъ, четвертая—о судопроизводствѣ. Всего статей сто сорокъ три. Въ концѣ приложены три таблицы; первая содержитъ въ себѣ исчисленіе пятидесяти списковъ „Правды", изданныхъ г. Калачовымъ. Большое число ихъ относится ко второй фамиліи, а именно, двадцать восемь. Вторая таблица представляетъ соотвѣтственность статей изданія г. Калачова съ статьями подлинныхъ списковъ. Съ помощью этой таблицы можно возстановить каждый списокъ по изданію г. Калачова. Наконецъ, третья таблица показываетъ, наоборотъ, соотвѣтственность статей списковъ съ статьями новаго изданія.

Послѣдній отдѣлъ представляетъ различныя статьи, встрѣчающіяся въ кормчихъ, сборникахъ, лѣтописяхъ, и которыя по своему содержанію или тожественны или болѣе или менѣе сходны съ статьями „Русской Правды". Изъ нихъ самая большая часть относится къ церковному законодательству и основана на каноническихъ статьяхъ или на постановленіяхъ византійскихъ императоровъ. Различныхъ памятниковъ, въ которыхъ содержатся такія статьи, г. Калачовъ насчитываетъ до девяти, а именно: извлеченіе изъ книгъ Моисеевыхъ, земледѣльческіе законы императора Юстиніана, законы императоровъ Льва и Константина, законъ гражданскій, такъ-называемый Судебникъ царя Константина, главы о послусѣхъ, уставы о церковныхъ судахъ великихъ князей Владиміра, Ярослава и Всеволода, правило законно о церковныхъ людѣхъ, и о десятинахъ, и о мѣрилѣхъ городскихъ, наконецъ, договоръ смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригой и Готландіей. Изъ нихъ, сходныхъ статей съ „Правдой" извлечено слишкомъ тридцать. Всѣ онѣ изданы съ тою же тщательностью, указаніемъ источниковъ, варіантовъ и литературы, какъ и самый текстъ „Правды". Замѣчательно, что между ними встрѣчается статья о послушествѣ, приписываемая Владиміру и вошедшая въ составъ „Правды". Она подаетъ поводъ къ различнымъ любопытнымъ выводамъ относительно составленія пространной „Правды". Статью о послушествѣ мы находимъ во второй ея половинѣ. Въ Троицкомъ спискѣ она составляетъ двѣнадцатую статью этой половины. Отсюда дѣлается вѣроятнымъ одно изъ двухъ предположеній: или что заглавіе „уставъ Володимѣръ Всеволодича" дѣйствительно не относится только къ ближайшей статьѣ о процентахъ, но есть за-

главіе цѣлаго устава, даннаго Мономахомъ, хотя, можетъ быть, и дополненнаго впослѣдствіи другими статьями, или, по крайней мѣрѣ, что въ древней Россіи вторую половину „Правды“ считали за уставъ Мономаха и ему ее приписывали. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ это важный доводъ противъ тѣхъ, которые считаютъ пространную „Правду“ частнымъ сборникомъ, а не законодательнымъ памятникомъ.

Таково новое сочиненіе г. Калачова. Это одно изъ самыхъ отрадныхъ явленій въ нашей историко-юридической литературѣ, и въ своемъ родѣ образцовое произведеніе.

(Отеч. Записки, 1847, кн. 2).

Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи,

издаваемый Николаемъ Калачовымъ. Книга первая. Москва. 1850.

Года два тому назадъ, мы слышали, что г. Калачовъ задумалъ изданіе сборника матеріаловъ и изслѣдованій по русской исторіи. Имя издателя, его знанія, его историческіе труды—заранѣе ручались за достоинство и интересъ сборника; но программа, содержаніе его не были опредѣлены; много времени прошло въ предварительныхъ обсужденіяхъ, и, понимая всю пользу и важность предпріятія, мы, признаемся, боялись, чтобъ и оно, подобно столькимъ другимъ, не остановилось на однѣхъ надеждахъ и приготовленіяхъ.

На этотъ разъ, однако, мы ошиблись—и ошиблись самымъ пріятнымъ, утѣшительнымъ образомъ. Первая вышедшая книжка „Архива“ не только разсѣяла всѣ сомнѣнія насчетъ самого предпріятія, но составомъ и достоинствомъ статей превзошла ожиданія. Сборникъ г. Калачова—капитальное пріобрѣтеніе для русской исторической литературы. Продолжая издаваться въ этомъ видѣ, онъ станетъ на ряду съ лучшими русскими изданіями, посвященными исключительно той или другой наукѣ. Вотъ почему мы думаемъ оказать услугу нашимъ читателямъ, представляя имъ, по возможности, полное и подробное обозрѣніе первой, вышедшей теперь книжки „Архива“.

„Архивъ“ г. Калачова, какъ видно изъ состава первой книжки и предисловія издателя, будетъ издаваться по обширному плану. Въ немъ можетъ найти мѣсто все, что прямо или косвенно относится къ Россіи, прошедшей и настоящей, по всѣмъ сторонамъ и отраслямъ ея быта. Каждая книжка будетъ дѣлиться на двѣ главныя части: въ составъ первой войдутъ изслѣдованія и матеріалы; вторая посвящается библіографіи. Каждая изъ этихъ половинъ, въ свою очередь, подраздѣляется на нѣсколько отдѣловъ. Первая должна заключать въ себѣ: 1) изслѣдованія и критическій разборъ памятниковъ; 2) матеріалы; 3) приготовительные труды для словаря историко-юридическаго собственныхъ именъ и техническихъ терминовъ, встрѣчающихся въ древнихъ русскихъ памятникахъ; 4) дополненія и приложенія къ отдѣльнымъ изслѣдованіямъ и изданіямъ матеріаловъ, касающихся внутренняго быта Россіи; 5) изслѣдованія и акты на иностранныхъ языкахъ по части древней исторіи русскаго права, въ переводахъ и извлеченіяхъ; наконецъ, 6) археологическія указанія, замѣтки и новости, служащія къ объясненію быта и письменности древней Россіи. Библіографическая часть должна вмѣщать въ себѣ троякаго рода указатели: 1) книгъ, вышедшихъ по части русской исторіи, статистики и права съ 1848 года, съ означеніемъ ихъ содержанія и замѣчательнѣйшихъ рецензій; 2) сочиненій, вышедшихъ по тѣмъ же предметамъ до 1848 года, начиная съ первыхъ печатныхъ книгъ въ Россіи, по отдѣламъ; 3) статей, помѣщенныхъ по тѣмъ же предметамъ въ разныхъ періодическихъ изда-

ніяхъ, такъ же съ означеніемъ содержанія. Кромѣ того, для справокъ къ каждому указателю будетъ приложенъ ключъ упоминаемыхъ въ немъ именъ и предметовъ.

О важности подобныхъ изданій мы не станемъ распространяться. Пользу ихъ оцѣнитъ всякій. Не можемъ, однако, не изъявить ученому издателю „Архива“ особенной благодарности за счастливую и, сколько мы знаемъ, новую мысль—ввести въ свое изданіе спеціальные библіографическіе указатели. При крайнемъ недостаткѣ спеціальныхъ библіографическихъ пособій, столь ощутительномъ для всѣхъ занимающихся русской исторіей, эта часть „Архива“ будетъ истиннымъ благодѣяніемъ и подвигомъ на пользу науки. Прибавимъ, что въ первой книгѣ, которая у насъ теперь подъ руками, помѣщены весьма тщательно составленные указатели книгъ, вышедшихъ въ 1848 году, и статей, помѣщенныхъ въ „Сѣверномъ Архивѣ“ за все время его изданія, съ ключами по именамъ, названіямъ и предметамъ. Надъ первымъ трудился г. Капустинъ, надъ вторымъ г. Аѳанасьевъ, уже извѣстный публикѣ своими учеными трудами и помѣстившій двѣ другія превосходныя статьи въ разбираемой нами книжкѣ „Архива“. Не меньшей благодарности заслуживаетъ мысль—посвятить особый отдѣлъ изданія матеріаламъ для техническаго древне-русскаго словаря, для котораго до сихъ поръ ничего еще не сдѣлано, хотя данныхъ разработано очень довольно. Вообще планъ изданія хорошъ и удовлетворителенъ. Нельзя однако не пожалѣть, что г. Калачовъ, коротко знакомый съ литературой по русской исторіи, особенно древней, и умѣющій оцѣнить всю важность и положительную или отрицательную пользу иностранныхъ извѣстій о древней Руси, не оставилъ для нихъ мѣста въ своей программѣ, даже въ отдѣлѣ библіографіи. Единственный указатель въ этомъ родѣ, который мы имѣемъ, составленный покойнымъ академикомъ Аделунгомъ, по отзывамъ знатоковъ—весьма недостаточенъ, а онъ имѣетъ предметомъ однихъ путешественниковъ, бывшихъ въ Россіи, оставляя въ сторонѣ всѣ прочія сочиненія и извѣстія, которыхъ такое множество. Выраженная ученымъ издателемъ „Архива“ благородная готовность принять всякое указаніе на недостатки изданія и исправить ихъ при удобномъ случаѣ—даетъ намъ право надѣяться, что обѣ половины „Архива“, въ особенности вторая, пополнятся новыми отдѣлами, за ученое достоинство и интересъ которыхъ заранѣе ручаются глубокія знанія и добросовѣстность издателя.

Содержаніе первой книжки „Архива“ совершенно соотвѣтствуетъ ожиданіямъ, возбуждаемымъ его программой, и подаетъ самыя отрадныя надежды въ будущемъ. Въ ней помѣщено всего двадцать отдѣльныхъ статей. Объемъ, предметъ и самое достоинство ихъ неодинаковы; но нѣтъ ни одной лишенной интереса, или посредственной. Каждая прибавляетъ что-нибудь новое къ извѣстнымъ доселѣ матеріаламъ или обогащаетъ науку русской исторіи болѣе или менѣе любопытными и важными выводами и взглядами; самыя гипотезы, встрѣчающіяся въ нихъ, если не всегда справедливы, то во всякомъ случаѣ поучительны, и обнаруживаютъ добросовѣстное изученіе предмета. Все вмѣстѣ, несмотря на разнообразіе содержанія и число сотрудниковъ (слишкомъ пятнадцать), представляетъ цѣлое по одинаковости тона и строго-ученому направленію, выдержанному отъ первой страницы до послѣдней. Кто хоть немного знакомъ съ безконечными спорами, наполнявшими нашу историческую литературу, того, конечно, пріятно изумитъ это совершенное отсутствіе ѣдкой и желчной полемики въ изданіи, соединившемъ труды ученыхъ и писателей различныхъ воззрѣній. Еще пріятнѣе видѣть, что нѣкоторыя статьи составлены и обработаны при непосредственномъ содѣйствіи нѣсколькихъ ученыхъ, каждымъ по своей спеціальной части.

Все это весьма утѣшительно. Кромѣ знанія дѣла и опытности редактора, оно доказываетъ, что разработка русской исторіи покидаетъ рутину, отрѣшается отъ произвольныхъ пріемовъ и начинаетъ возвышаться на степень методическаго, строгаго изученія. „Архивъ“ г. Калачова окончательно убѣждаетъ, что въ русской исторіи уже успѣли обозначиться и утвердиться нѣкоторыя общія положенія, одинаково признаваемыя всѣми, занимающимися этимъ предметомъ, несмотря на различіе ихъ мнѣній и взглядовъ. А это фактъ чрезвычайно важный; въ немъ зародышъ и задатокъ науки, возможности систематическихъ ученыхъ преній, разрѣшенія спорныхъ вопросовъ и соглашенія противорѣчащихъ взглядовъ.

По содержанію своему, всѣ статьи, напе-

чатанныя въ разныхъ отдѣлахъ сборника, могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: однѣ суть изслѣдованія, болѣе или менѣе систематическія и оконченныя, о разныхъ предметахъ русской исторіи, или же представляютъ критическую обработку разныхъ памятниковъ нашей старины; другія сообщаютъ одни матеріалы, только съ необходимыми объясненіями, но безъ изслѣдованій и ученой разработки самого содержанія. Къ послѣднему разряду относятся слѣдующія статьи: 1) „Свѣдѣнія о подлинномъ Уложеніи царя Алексѣя Михаиловича“, сообщенныя г. Забѣлинымъ. Изъ нихъ видно, что въ 1767 году, по случаю учрежденія въ Москвѣ коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія, императрица Екатерина II пожелала видѣть подлинникъ уложенія царя Алексѣя Михайловича, чтобъ узнать, кто именно скрѣпилъ его своимъ рукоприкладствомъ. Его искали въ сенатскомъ и разрядномъ архивахъ, въ синодальной типографіи и даже подъ престоломъ Успенскаго собора, гдѣ обыкновенно хранились важнѣйшіе государственные документы; но напрасно. Наконецъ, нашли его въ бывшемъ Приказѣ Большой Казны, который, вмѣстѣ съ казеннымъ приказомъ, вошелъ въ составъ Мастерской и Оружейной Палаты. Здѣсь „Уложенный столбецъ“ хранился въ желѣзномъ сундукѣ, вмѣстѣ съ печатнымъ экземпляромъ перваго изданія. 19-го апрѣля тотъ и другой были представлены государынѣ, которая повелѣла Миллеру списать рукоприкладства, находящіяся на подлинномъ спискѣ, и для сохраненія послѣдняго сдѣлать серебряный ковчегъ съ позолотою, въ которомъ онъ хранится и доселѣ въ Оружейной Палатѣ. Къ этимъ свѣдѣніямъ г. Забѣлинъ присоединилъ весьма подробное описаніе подлинника уложенія и копію съ рукоприкладствъ, изъ которой видно, что уложеніе подписали патріархъ, 2 митрополита, 3 архіепископа, 1 епископъ, 5 архимандритовъ, игуменъ, 15 бояръ, 10 окольничихъ, казначей, думный дворянинъ, печатникъ, думный дьякъ, благовѣщенскій протопопъ, духовникъ государя, 5 московскихъ дворянъ, 148 городовыхъ дворянъ, трое гостей, 12 выборныхъ отъ московскихъ сотенъ и слободъ, 89 выборныхъ посадскихъ изъ городовъ и, наконецъ, 15 выборныхъ отъ столькихъ же московскихъ стрѣлецкихъ приказовъ—всего 315 человѣкъ. Кромѣ того, здѣсь же помѣщенъ списокъ варіантовъ уложенія по печатнымъ изданіямъ 7157 (1649) и 1737 года, составленный, какъ думаетъ г. Забѣлинъ, Миллеромъ, и по значительному различію нѣкоторыхъ статей, не лишенный интереса; изъ этого списка видно, что въ „Полномъ Собраніи Законовъ“ текстъ уложенія отпечатанъ по печатному изданію 1737 года; наконецъ, тутъ же помѣщены выбранныя изъ подлиннаго уложенія указанія, находящіяся при разныхъ статьяхъ, откуда, то есть изъ какихъ источниковъ онѣ заимствованы. Такихъ отмѣтокъ и указаній всего 177; изъ нихъ видно, что 56 статей взято изъ Литовскаго Статута, 24 изъ Градскихъ Законовъ, 62 частью изъ того же уложенія, частью изъ разныхъ предшествующихъ уложеній и законовъ, 12 изъ „Стараго“ Судебника, наконецъ, 17 составлено вновь. Весьма небольшое число статей (всего пять) заимствованы частью изъ Моисеева Закона, частью изъ Стоглава, и даже Земскаго Приказа. Противъ одной статьи отмѣчено: *напомнить*; противъ двухъ другихъ указаны источники и прибавлено: *поговорить съ бояры*. Судя по языку, должно думать, что всѣ эти замѣтки современныя. Весьма было бы любопытно узнать, кѣмъ и когда сдѣланы замѣтки и почему только при нѣкоторыхъ статьяхъ, а не при всѣхъ? Если это не случайность, то разрѣшеніе предложенныхъ вопросовъ можетъ пролить большой свѣтъ на ходъ редакціи уложенія, о которомъ мы доселѣ ничего не знаемъ, и который между тѣмъ представляетъ много загадочнаго. Въ 7156 году 16 іюня происходилъ совѣтъ о составленіи уложенія, а въ 7157 году, 3 октября, оно было уже слушано и подписано. Итакъ на редакцію его было употреблено во всякомъ случаѣ не болѣе трехъ мѣсяцевъ и шестнадцати дней. Спрашивается, какъ могло быть составлено уложеніе въ такой изумительно-короткій срокъ? Не забудемъ, что оно состоитъ изъ 25 главъ и 967(8) статей. Что уложеніе „сочинено“ изъ готовыхъ матеріаловъ, вписанныхъ въ него большею частью слово въ слово, не объяснитъ дѣла, если предположимъ, что весь трудъ былъ исключительно возложенъ на редакціонную коммиссію. Одна матеріальная работа уже сама по себѣ огромна, не говоря о необходимости соглашать источники, свѣрять ихъ, располагать по извѣстному порядку, даже составлять

нѣкоторыя статьи вновь. Для разрѣшенія всѣхъ этихъ трудностей, осмѣливаемся высказать слѣдующее предположеніе, основанное на ходѣ и порядкѣ дѣлопроизводства въ древней Россіи, особенно въ приказахъ. Извѣстно, что каждый приказъ имѣлъ особую книгу, въ которую вписывались всѣ вновь выходившіе законы и постановленія, относившіеся къ кругу его вѣдомства. Оттого во многихъ законоположеніяхъ XVII вѣка мы находимъ въ концѣ повелѣніе: „тотъ государевъ указъ записать въ такомъ-то приказѣ" (П. С. З. т. I № 169), или „записать въ книгу (тамъ же №№ 212 и 221) въ такомъ-то приказѣ (тамъ же № 247) впредь для вѣдома". Нѣкоторыя изъ этихъ записныхъ или указныхъ книгъ сохранились до нашего времени и представляютъ болѣе или менѣе полныя хронологическія собранія законовъ по разнымъ отраслямъ управленія. Приказы, завѣдывавшіе нѣсколькими частями, по всѣмъ вѣроятіямъ, имѣли столько же отдѣльныхъ указныхъ книгъ, сколько было въ нихъ отдѣльныхъ управленій; такъ, по крайней мѣрѣ, заключаемъ мы изъ того, что встрѣчаются особливыя записныя книги для указовъ о помѣстьяхъ и особыя для законовъ о вотчинахъ, хотя тѣ и другія дѣла, какъ извѣстно, вѣдались въ одномъ приказѣ. Итакъ указныя книги представляли по разнымъ частямъ готовыя уложенія, съ подробными указаніями на отмѣненные и измѣненные законы, а доклады приказовъ, еще не внесенные въ Думу, заключали въ себѣ новые случаи, неразрѣшенные законодательнымъ порядкомъ, слѣдовательно, всѣ матеріалы, нужные для написанія новыхъ статей. Редакціонной коммиссіи оставалось только собрать эти указныя книги и заготовленные доклады изъ разныхъ приказовъ, выбрать текстъ законовъ, сгруппировать статьи, выбранныя изъ старыхъ законовъ съ текстомъ новыхъ, которые ихъ дополнили или измѣнили, наконецъ составить, на основаніи заготовленныхъ докладовъ, нѣсколько примѣрныхъ статей—и главная существенная часть работы была готова. Такимъ образомъ мы думаемъ, что распредѣленіе статей уложенія по главамъ сдѣлано на основаніи записныхъ книгъ, а порядокъ главъ опредѣлился старшинствомъ приказовъ, изъ записныхъ книгъ которыхъ онѣ выбраны, конечно, съ нѣкоторыми необходимыми отступленіями; по крайней мѣрѣ, очень вѣроятно, что это старшинство имѣло на расположеніе главъ большое вліяніе. Отношеніе нѣкоторыхъ главъ къ приказамъ очевидно; напримѣръ, вторая по всѣмъ вѣроятіямъ составлена изъ указныхъ книгъ Тайнаго Приказа, шестая—Посольскаго, седьмая—Большого Разряда, десятая—Судныхъ Приказовъ, одиннадцатая, шестнадцатая и семнадцатая—Помѣстнаго Приказа, двѣнадцатая—Патріаршаго Суднаго, тринадцатая—Монастырскаго, восьмнадцатая — тоже Помѣстнаго или Печатнаго, девятнадцатая—Приказа Большія Казны, двадцатая—Холопья, двадцать первая—Разбойнаго, двадцать третья—Стрѣлецкаго, двадцать четвертая—Казачьяго, двадцать пятая—Новой Четверти. Ближайшее разсмотрѣніе укажетъ, можетъ быть, приказы, соотвѣтствующіе прочимъ, здѣсь не означеннымъ главамъ. Нѣкоторыя, напримѣръ, 14-я „о крестномъ цалованіи", 15-я „о вершеныхъ дѣлахъ", 22-я „указъ, за какія вины кому чинити смертная казнь", и т. д., повидимому составлены изъ книгъ разныхъ приказовъ—на что указываетъ ихъ общее содержаніе—или собраны изъ разныхъ иностранныхъ источниковъ права, какъ свидѣтельствуютъ указанія на источники статей 22-й главы, въ которой изъ 26 статей только 6 оставлены безъ указаній. Если все сказанное выше имѣетъ за себя нѣкоторое вѣроятіе, то сдѣланныя въ подлинномъ спискѣ указанія и отмѣтки получаютъ важное значеніе и смыслъ. Не относятся ли онѣ только къ тѣмъ статьямъ, которыя не находились въ текстѣ записныхъ книгъ, и прибавлены къ нему при составленіи уложенія? Можетъ-быть, этимъ объяснится, почему при нѣкоторыхъ статьяхъ есть ссылки не только на иностранные, греческіе и литовскіе, но и на русскіе источники, и почему въ то же время нѣтъ этихъ ссылокъ при множествѣ другихъ статей, которыхъ источники положительно извѣстны. Примѣромъ можетъ служить 11-я глава уложенія „о посадскихъ людяхъ". Къ ней вовсе не сдѣлано указаній, а между тѣмъ постановленія, изъ которыхъ выписаны многія ея статьи, извѣстны, и напечатаны въ „Актахъ археографической экспедиціи" (т. IV № 32). Все это, конечно, требуетъ еще многихъ подробныхъ изслѣдованій и соображеній. Рѣшаясь высказать свое мнѣніе, мы заранѣе и смиренно признаемъ его за гипотезу, кото-

рая, можетъ, быть, и не подтвердится при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла. Теперь, покуда, она намъ кажется имѣющею нѣкоторую вѣроятность, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ.—Въ предисловіи къ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ г. Забѣлинымъ объ Уложеніи, г. Калачовъ обѣщаетъ напечатать въ „Архивѣ“ подробное указаніе извѣстныхъ намъ источниковъ уложенія, и сличеніе ихъ съ статьями послѣдняго, а въ „добавленіяхъ“ къ свѣдѣніямъ, отпечатанныхъ въ концѣ первой книжки „Архива“, помѣстилъ другія, несходныя съ первыми, указанія источниковъ уложенія, отмѣченныя въ рукописи уложенія, которая хранится въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, и принадлежащія, повидимому, Миллеру. Такимъ образомъ, благодаря гг. Забѣлину и Калачову, мы имѣемъ теперь новые, весьма важные матеріалы для ученой обработки уложенія и въ скоромъ времени увидимъ въ печати ея вожделѣнное начало.

2) „Проектъ Устава о служебномъ старшинствѣ бояръ, окольничихъ и думныхъ людей по тридцати четыремъ степенямъ, составленный при царѣ Өеодорѣ Алексѣевичѣ“. Подъ этимъ заглавіемъ кн. М. А. Оболенскій помѣстилъ въ первой книжкѣ „Архива“ чрезвычайно любопытный и замѣчательный памятникъ XVII вѣка: списокъ „думныхъ“ должностей и чиновъ по старшинству, въ которомъ они слѣдуютъ одни за другими. Всѣ „думные“ чины и должности подраздѣлены здѣсь на 34 степени; 29-я, 32-я и 34-я включаютъ даже нѣсколько должностей и чиновъ (первая девять, а послѣднія двѣ по двадцати), старшинство которыхъ опредѣляется титуломъ „намѣстника“ того или другого города. По росписи число думныхъ чиновъ должно простираться до восьмидесяти. Первыя двадцать-девять степеней занимаютъ бояре, тридцать вторую—окольничіе, послѣднюю—думные дворяне. Разныя высшія придворныя должности носятъ русскія и греческія названія, указывающія на вліяніе византійскихъ источниковъ; всѣ они описаны и эти описанія служатъ интереснымъ матеріаломъ для опредѣленія ихъ значенія. Князь Оболенскій совершенно справедливо замѣчаетъ въ предисловіи къ этому памятнику, что онъ находится въ тѣсной связи съ уничтоженіемъ мѣстничества, опредѣляя старшинство по должностямъ, а не по роду, и что онъ „является представителемъ возникшей въ это время государственной потребности—ввести въ наше отечество закономъ опредѣленную лѣстницу чиновъ, что, наконецъ, приведено было въ исполненіе Петромъ Великимъ извѣстною табелью о рангахъ“. Наконецъ, нельзя вполнѣ не согласиться съ замѣчаніемъ почтеннаго археолога, что порядокъ, въ которомъ исчисляются намѣстничества, представляетъ важное пособіе для опредѣленія взаимнаго отношенія старшинства и меньшинства между городами древней Руси, замѣченнаго еще покойнымъ Валуевымъ. Выписки изъ „намѣстническихъ книгъ“, сообщенныя въ видѣ примѣчаній къ разбираемому памятнику, содержатъ въ себѣ много драгоцѣнныхъ матеріаловъ по этому предмету для тѣхъ, кто не можетъ пользоваться этими книгами въ подлинникѣ. Но мы не можемъ безусловно согласиться съ княземъ Оболенскимъ, что обнародованный имъ памятникъ—проектъ устава, будтобы, неизвѣстно почему, не получившій силу закона. Предпосланное къ сему вступленіе, дошедшее до насъ, къ сожалѣнію, или въ искаженномъ видѣ, или безъ начала, содержитъ въ себѣ слѣдующія слова: „Сегожъ ради, мы великій государь, не восхотѣ (въ) славныхъ и дивныхъ вещей предати невѣдѣнію, указали тѣ государствъ нашихъ чины писанію предати и въ предъидущіе роды блюсти“. Изъ этихъ словъ скорѣе можно заключить, что распорядокъ чиновъ, здѣсь изложенный, былъ уже введенъ, существовалъ на фактѣ, и только записанъ для памяти для соблюденія на будущее время; слѣдовательно, мнимый уставъ и не могъ ввести новый порядокъ государственноъ службы. На этомъ основаніи его нельзя назвать и проектомъ устава, требовавшимъ утвержденія. Замѣтимъ, что дошедшій до насъ отрывокъ вступленія не имѣетъ даже формы законодательныхъ актовъ того времени. Весьма любопытно, что при Өеодорѣ же Алексѣевичѣ введено распредѣленіе на степени и въ высшее духовное управленіе, именно между архіереями; также была мысль титуловать ихъ именами городовъ, „которые въ его царской державѣ имениты суть“. Но эта мысль не приведена въ исполненіе.

3) Въ отдѣлѣ матеріаловъ для словаря историко-юридическаго и техническихъ терминовъ, напечатаны объясненія г. Ундольскаго на слова: „альманахъ“, „индиктіонъ“,

„кругъ міротворный“, „кустодія“, „матица“, „перекрой“, „пестредное ученіе“, „предрѣчіе“, „седмочисленникъ“, „форматъ“. Археологи и антикваріи найдутъ много любопытнаго въ этихъ объясненіяхъ; но мы думаемъ, что статьи о хронологическихъ терминахъ написаны не для большинства читателей, собственно и нуждающихся въ словарѣ, а для однихъ спеціалистовъ, близко знакомыхъ съ предметомъ; оттого эти статьи вышли темны и неудобопонятны; онѣ предполагаютъ уже оснавательныя познанія въ нашей древней хронологіи. Кромѣ того, полемическій тонъ статьи объ „Индиктіонѣ великомъ“ не совсѣмъ идетъ къ словарю, гдѣ читателю нужно только пояснѣе разсказать, что значитъ слово, какія есть объ немъ мнѣнія и которое изъ нихъ справедливѣе или вѣроятнѣе. При этомъ, конечно, могутъ быть ссылки на лучшія полемическія сочиненія и статьи; даже могутъ быть изложены главныя основанія, рѣшающія споръ въ пользу того или другого мнѣнія; но полемика не можетъ и не должна имѣть мѣста въ словарѣ: она только сбиваетъ съ толку.

4) „Князья Суздальскіе-Шуйскіе“, замѣтка объ ихъ происхожденіи г. Соловьева. Князья Суздальскіе-Шуйскіе, по утвердившемуся у насъ мнѣнію Карамзина, происходятъ отъ Андрея Ярославича, брата Александра Невскаго. Но въ лѣтописи есть извѣстіе, что родоначальникъ этихъ князей, Андрей Александровичъ,—сынъ Невскаго. Которая же изъ этихъ двухъ генеалогій правильнѣе? Г. Соловьевъ приводитъ доводы, говорящіе въ пользу послѣдней, и находитъ, что дѣло должно быть подвергнуто новымъ изслѣдованіямъ.

5) „Книги родословныя“. Подъ этимъ заглавіемъ напечатаны дополнительные матеріалы къ исторіи нашихъ родословныхъ книгъ, именно, два акта изъ фамильнаго архива А. Д. Черткова. Одинъ изъ нихъ — копія съ указа царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, сказаннаго стольникамъ и другимъ служилымъ людямъ о подачѣ въ разрядъ родословныхъ росписей, для „пополненія родословной книги“. Второй содержитъ въ себѣ указаніе, какіе роды изъ записанныхъ въ родословной книгѣ доставили свои поколѣнныя росписи и какіе не доставили; также показаны роды, доставившіе свои росписи, а между тѣмъ не записанные въ родословной книгѣ.

6) „Команда (военная) — артикулы“. На одномъ изъ нихъ надписано: „копія съ артикулу Мирона Баишева“, на другомъ: „артикулъ Словянъ, которые содержатца подъ протекціею венеціанскою“. Оба относятся, по мнѣнію издателя, къ концу XVII или началу XVIII вѣка, хотя и дошли до насъ въ спискѣ конца послѣдняго вѣка. По мнѣнію г. Бодянскаго, высказанному въ „добавленіяхъ“, оба писаны на языкѣ южныхъ славянъ, живущихъ по близости къ Венеціи, что́ уже видно отчасти и изъ надписи послѣдняго артикула. Особеннаго вниманія заслуживаетъ, что въ немъ упоминается „великій царь Питеръ“. Очень можетъ быть, что оба предназначались для введенія или даже употреблялись въ нашемъ войскѣ въ царствованіе Петра; ибо извѣстно, что онъ охотно принималъ и даже вербовалъ въ русскую службу славянъ, которые, будучи знакомы съ европейскими бытомъ и учрежденіями, въ то же время легче могли усвоить себѣ русскій языкъ, чѣмъ прочіе иностранцы. Одинъ изъ такихъ славянъ могъ составить эти артикулы, или сообщить уже существующіе въ славянскихъ земляхъ. Оба артикула сообщены г. Алябьевымъ и объяснены въ „добавленіяхъ“ г. Бодянскимъ.

7) „Двѣ выписки изъ лѣтописнаго сборника“, сообщенныя г. Бѣляевымъ, чрезвычайно любопытны. Одна содержитъ въ себѣ *единственное* покуда лѣтописное свидѣтельство о московскомъ соборѣ 7059 г., на которомъ сочиненъ Стоглавъ. Извѣстно, что до сихъ поръ мы не имѣли ни одного такого свидѣтельства, отчего мнѣнія ученыхъ о составленіи Стоглава были разнообразны и противорѣчащи. Теперь этотъ важный вопросъ можетъ почитаться окончательно рѣшеннымъ. Вторая выписка не менѣе интересна. Въ ней говорится, что Бориса Годунова „вси отай поношаху и не любляху“, между прочимъ потому, что „корчемницы пьянству и душегубству и блуду желатели во всѣхъ градѣхъ цѣну кабаковъ высоко вознесоша, и иныхъ законовъ чрезъ мѣру много бысть, да тѣмъ милостыню даваше (Борисъ), и церкви строяше, и смѣша клятву со благословеніемъ, и одолѣ злоба благочестію“ и пр. Г. Бѣляевъ думаетъ, что слова „и иныхъ законовъ чрезъ мѣру много бысть“, указываютъ на то, что Борисъ Годуновъ издалъ много узаконеній. Съ этимъ толкованіемъ едва-ли можно согласиться. Лѣтописецъ говоритъ, что царь пекся о благочестіи, о бѣдныхъ и нищихъ, но упрекаетъ

Бориса, что онъ извлекалъ средства для этого изъ нечистыхъ источниковъ, именно изъ возвышенныхъ корчемниками цѣнъ; слѣдующія затѣмъ слова: „и иныхъ законовъ чрезъ мѣру много бысть“ могутъ только указывать на множество другихъ существовавшихъ тогда налоговъ и поборовъ, или какихъ-нибудь стѣснительныхъ запрещеній; иначе эти слова совершенно неумѣстны и непонятны, особенно съ продолженіемъ: „да тѣмъ (т.-е. изъ этихъ источниковъ) милостыню даваше и церкви строяше“ и т. д. Лѣтописный сборникъ, изъ котораго выписаны оба отрывка, хранится въ библіотекѣ г. Погодина и, по отзывамъ г. Бѣляева, содержитъ въ себѣ много разныхъ любопытныхъ историческихъ данныхъ, которыхъ нѣтъ въ другихъ источникахъ. Надѣемся, что г. Бѣляевъ не замедлитъ сообщить и ихъ вмѣстѣ съ обѣщанными двумя окружными грамотами митрополита Макарія, написанными на основаніи Стоглава.

8) „Важный хронографъ особеннаго состава“. Въ этой статьѣ г. Забѣлинъ подробно описываетъ хронографъ, принадлежащій кн. М. А. Оболенскому. Въ этомъ хронографѣ древнѣйшей редакціи изъ всѣхъ извѣстныхъ, находится много приписокъ, которыя размѣщены въ немъ на поляхъ, вклеены на особыхъ листкахъ и внесены даже цѣлыми тетрадями. Тѣ изъ нихъ, которыя приложены къ выпискамъ изъ хронографа позднѣйшей редакціи о русскихъ событіяхъ (съ 1461 г. до избранія на царство Михаила Ѳеодоровича), заимствованы, по замѣчанію г. Забѣлина, изъ какого-нибудь доселѣ неизвѣстнаго русскаго лѣтописнаго сборника; въ „Архивѣ“ напечатаны двѣ такія приписки, именно о погибели Самозванца и Марины Мнишекъ и объ освобожденіи отъ поляковъ Москвы. Г. Забѣлинъ говоритъ, что всѣ приложенія и приписки, упомянутыя выше, „весьма любопытны и важны; изъ нихъ мы узнаемъ отношеніе редакцій хронографа, древней 1512 года, и другой, позднѣйшей, принадлежащей началу XVII столѣтія. Извѣстно, что эта послѣдняя редакція, принявъ въ основаніе первую, дополнила и распространила ее вставками и разными прибавленіями. Эти-то самыя вставки и прибавленія вошли въ описываемый хронографъ въ видѣ приписокъ“. Признаемся, мы не понимаемъ, что̀ можетъ описываемый списокъ хронографа прибавить къ нашему знанію объ отношеніи двухъ разныхъ редакцій этого рода памятниковъ, когда обѣ редакціи хорошо уже извѣстны изъ многихъ другихъ списковъ, а списокъ кн. Оболенскаго, принадлежа къ древнѣйшей редакціи, только пополненъ приписками изъ списковъ новѣйшей? Еслибъ это былъ единственный списокъ древнѣйшей редакціи—другое дѣло. Позднѣйшія приписки конца XVII вѣка не позволяютъ даже подозрѣвать въ немъ основного, первоначальнаго списка, отъ котораго ведетъ свое начало позднѣйшая редакція. Такимъ образомъ интересъ этого хронографа можетъ быть неоспоримый, и открытіе или описаніе его чрезвычайно важно, но только едва-ли для опредѣленія отношеній между двумя редакціями хронографовъ. Кромѣ приписокъ, въ хронографѣ кн. Оболенскаго помѣщены рисунки конца XVII вѣка. Одинъ гравированъ на мѣди, другой на деревѣ, прочіе рисованы тушью или красками. Самые интересные изъ нихъ—небольшіе, вырѣзанные и наклеенные на особыхъ листкахъ портреты в. к. Василія Ивановича, царя Ѳеодора Ивановича, Жикгимонта-Августа, короля польскаго, и царя Михаила Ѳеодоровича. Изъ нихъ, по замѣчанію г. Забѣлина, особенно любопытны портреты в. к. Василія и царя Ѳеодора; подобныя изображенія являются въ первый разъ, и весьма вѣроятно, что оригиналы, съ которыхъ они сняты, принадлежатъ иностранцамъ и, быть-можетъ, заимствованы изъ какого-нибудь описанія путешествія въ древнюю Москву, потому что русскому художнику того времени едва-ли бы пришло на мысль представить царя въ простой, обыкновенной одеждѣ, а не царскомъ нарядѣ. Портреты русскихъ государей отпечатаны въ „Архивѣ“ съ описаніями.

Послѣднія 9 и 10 статьи суть составленные гг. Капустинымъ и Афанасьевымъ и упомянутые нами выше библіографическіе указатели. Они обработаны, сколько мы можемъ судить, добросовѣстно и отчетливо. Жаль только, что въ указателѣ книгъ и сочиненій за 1848 годъ, подъ №№ 76—79, упомянуты вообще изданныя рѣчи и отчеты университетовъ, гимназій и т. д., а не показаны предметы рѣчей, и не выписаны ихъ заглавія. Что касается до полноты этого указателя, то въ немъ, конечно, есть пропуски; но подобныя библіографическія работы представляютъ для частнаго человѣка почти непреодолимыя трудности. Вотъ почему каждый, хоть сколько-нибудь интересующійся дѣломъ,

обязанъ по возможности содѣйствовать такимъ въ высокой степени полезнымъ и важнымъ работамъ и сообщать редакціи „Архива“ замѣченные имъ пропуски. Мы съ своей стороны укажемъ г. Капустину на слѣдующія книги и сочиненія, пропущенныя въ его „Указателѣ“.

1) Die Livländische Reimchronik des Dittlieb von Alnpeke (1296), in das Hochdeutsche übertragen und mit Anmerkungen versehen von E. Meyer. Reval. 1848.—2) (Napiersky) Chronologischer Abriss der älteren Geschichte Livlands (1165—1562) Riga. 1848.—3) Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Esth- und Kurlands, herausgegeben von der Gesellschaft für Geshichte und Alterthumskunde der russischen Ostseeprovinzen. Vierten Bandes zweites Heft. Riga. 1849. (Находятся въ Указателѣ подъ № 121, но съ неполнымъ заглавіемъ). Содержаніе: v. Busse. Kriegszüge der Novgoroder in Esthland in den Jahren 1267 und 1268, nebst dem Friedensschlusse und andern Urkunden. Ueber alte Gräber und Alterthümer in Polnisch-Livland, mit lithographischen Abbildungen. (Отмѣчена въ Указателѣ особою статьею, подъ № 51). Auszüge aus einer Sammlung Reval's Vorzeit betreffenden Nachrichten und Verordnungen, aus dem 17-ten Jahrhunderte. Zwei Hausurkunden des Fahrensbachischen Geschlechts, von 1494 und 1531. Nachträge zur Biographie des Rembert Geilsheim, eines livländischen Staatsmannes des 16-ten Jahrhunderts.—4) Das alte auf unsere Undeutschen gedichtete Liedle n, so wie über Livländisch-Deutsche Volksdichtung, Volkssprache uberhaupt. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte des älteren Livland's, von Eduard Pabst. Reval, 1848.—5) Ein Blick auf die geschichtliche Entwickelung des älteren russischen Erbrechts, bis zum Gesetzbuche des Zaren Alexei Michailowitsch. Eine zur Erlangung der Würde eines Magisters der Rechtswissenschaft, einer hochverordneten Juristenfacultät der Kaiserlichen Universität zu Dorpat vorgelegte, von derselben genehmigte und öffentlich zu vertheidigende Abhandlung, verfasst von Fedor Witte. Dorpat. 1848.

Вотъ краткій обзоръ статей „Архива“, содержащихъ одни матеріалы, или только ихъ первоначальную, приготовительную разработку. Однѣ, конечно, интереснѣе и важнѣе другихъ, но нѣтъ ни одной лишенной интереса, ни одной, которую можно бы, безъ ущерба для науки, вычеркнуть изъ изданія. Это достоинство статей столько же приноситъ честь сотрудникамъ, сколько такту и выбору ученаго издателя“, г. Калачова.

Прочія десять статей сборника, по содержанію своему, суть изслѣдованія, несмотря на то, что половина ихъ размѣщена въ третьемъ, четвертомъ и шестомъ отдѣлахъ „Архива“, не предназначенныхъ, какъ мы видѣли, для изслѣдованій. Разсмотримъ ихъ.

„Очеркъ нравовъ, обычаевъ и религіи славянъ, преимущественно восточныхъ, во времена языческія“, соч. г. Соловьева. Значеніе этой статьи опредѣляется ея заглавіемъ. Это „очеркъ“, написанный съ большимъ талантомъ, какъ все, что выходитъ изъ-подъ пера ученаго профессора, котораго труды и имя уже пользуются заслуженною извѣстностью. Настоящій трудъ г. Соловьева обнимаетъ двѣ стороны древняго языческаго быта славянъ: общественный и религіозный. Первая раскрыта превосходно и съ рѣдкимъ безпристрастіемъ. Авторъ принимаетъ за основаніе древней общественности славянъ родовой бытъ, и изъ него объясняетъ древнѣйшія туземныя и иностранныя свидѣтельства объ этомъ племени. Намъ всегда казалось, что родовое начало—единственный ключъ къ уразумѣнію внутренняго быта нашихъ предковъ въ древнія времена, единственное средство согласить извѣстія и данныя, съ перваго взгляда представляющія неразрѣшимыя, безвыходныя противорѣчія. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ прочли мы статью г. Соловьева; она самымъ удовлетворительнымъ образомъ разрѣшаетъ эти противорѣчія, объясняетъ доселѣ непонятное, темное въ древнихъ сказаніяхъ и въ весьма ясныхъ, по нашему крайнему разумѣнію, вѣрныхъ, истинныхъ чертахъ воссоздаетъ нашъ давно-прошедшій бытъ и нравы. Превосходно объяснены славянское гостепріимство, первоначальное значеніе рабства у славянъ, положеніе женщины, роль, которую бракъ игралъ въ родовомъ быту, происхожденіе „вѣна“, приданое и т. д. Здѣсь же мы встрѣчаемъ чрезвычайно любопытныя замѣчанія о языческомъ обрядѣ вѣнчанія и объясненія теперешнихъ свадебныхъ обрядовъ, очевидно сохранившихся отъ глубокой древности; о вѣчахъ, ихъ составѣ въ разныя времена и общей родовой собственности. Все это не только интересно, но поучительно и принадлежитъ къ существеннымъ пріобрѣтеніямъ русской археологіи. Только объясненія двухъ свадебныхъ обрядовъ, соблюдаемыхъ и понынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, показались намъ хотя и весьма остроумными, но нѣсколько натянутыми, и потому едва ли совершенно справедливыми. Вотъ что говоритъ авторъ:

„Похищеніе, при разрозненности родовъ, необходимо. Будучи слѣдствіемъ разрозненности и вражды, похищеніе дѣвицъ, въ свою очередь, производитъ

вражду между родами; родъ, оскорбленный похищеніемъ, можетъ одолѣть родъ похитителя и требовать удовлетворенія, вознагражденія: это самое ведетъ уже къ продажѣ дѣвицъ; похититель можетъ тотчасъ послѣ увода, не дожидаясь войны, предложить вознагражденіе. Но кромѣ этого, купля невѣстъ происходитъ, единственно, еще изъ другихъ причинъ; при разрозненности, отчужденности родовъ, долженъ необходимо развиться родовой эгоизмъ, который заставляетъ смотрѣть на женщину, съ самаго дня ея рожденія, какъ на чужую, назначенную для чужого рода; родственники содержатъ дѣвушку, кормятъ и одѣваютъ ее не для себя, для чужихъ: отсюда, естественно, что они будутъ требовать отъ рода, въ который дѣвушка переходитъ, вознагражденія за содержаніе; однимъ словомъ, происхожденіе купли невѣстъ одинаково съ происхожденіемъ позднѣйшей платы за выводъ, или выводной куницы. На это ясно указываетъ обрядъ теперешней простонародной свадьбы въ нѣкоторыхъ областяхъ русскихъ. Подлѣ невѣсты сидитъ братъ или другой какой-либо свойственникъ. Дружко спрашиваетъ его: зачѣмъ сидишь здѣсь?—Я берегу свою сестру. — „Она уже не твоя, а наша", возражаетъ дружко. — А ежели она теперь ваша, то заплати мнѣ за ея *прокормленіе*. Я одѣвалъ ее, кормилъ, поилъ. — „Что жъ ты издержалъ?" спрашиваетъ дружко.—Много! восемь бочекъ бураковъ, четыре бочки капусты, и проч. Дружко вынимаетъ изъ кармана нѣсколько мелкихъ денегъ, кладетъ на деревянную тарелку и ставитъ на ней чарку водки; потомъ подноситъ ему, но онъ не беретъ, потому что мало. Дружко склоняетъ его на уступку, но онъ не соглашается; торгъ продолжается, пока не сойдутся въ цѣнѣ. По продажѣ невѣсты, братъ ея выходитъ изъ-за стола; на его мѣсто садится князь (женихъ).

„Обычай купли могъ поддерживаться и по другимъ причинамъ: родъ, купившій дѣвушку, слѣдовательно взявшій ее въ полную собственность, лишалъ ее черезъ это всякой самостоятельности, и это давало ему ручательство въ безпрекословномъ ея повиновеніи и прочности брака; такимъ образомъ купля была выгодна для обѣихъ сторонъ. Но ясно, что такой родовой эгоизмъ долженъ былъ встрѣтить сопротивленіе въ родительской любви, которая, простираясь одинаково на сыновей и дочерей, требовала, чтобъ и послѣднія не исключались изъ наслѣдства, и, выходя изъ рода, брали свою часть, которая давала имъ возможность лучшаго существованія въ чужомъ родѣ; отсюда происхожденіе *приданаго*... Но если нѣжность родительская, при пособіи упомянутыхъ обстоятельствъ, стремилась къ уничтоженію купли дочерей и ко введенію въ обычай приданаго, то эгоизмъ рода долженъ былъ найти себѣ защитниковъ въ братьяхъ невѣсты, которыхъ интересъ страдалъ оттого, что они не только не вознаграждались за содержаніе сестры во время ея дѣвической жизни, но еще отъ ихъ родовой собственности отнималась часть для ея приданаго. Отсюда обычай приданаго долженъ былъ встрѣтить себѣ сильныхъ противниковъ въ братьяхъ невѣсты, которые, безъ вѣдома родителей, могли сдѣлать всевозможныя препятствія браку сестеръ, пользуясь особенно своею физическою, молодецкою силою; отсюда необходимость со стороны жениха и его родичей задаривать братьевъ невѣсты, чтобъ они не мѣшали дѣлу, выкупать у нихъ сестру. О помѣхѣ, которую дѣлали братья при бракахъ сестеръ, и о выкупѣ у нихъ послѣднихъ свидѣльствуютъ очень ясно простонародные наши свадебные обряды; такъ, напримѣръ: женихъ сходитъ съ лошади, а на нее садится братъ невѣстинъ, или другой какой-нибудь свойственникъ, и скачетъ по улицѣ во всю прыть. Бояре (провожатые), сѣвъ на своихъ лошадей, обращаются за нимъ въ погоню. Схвативъ его, ведутъ къ невѣстѣ и предъ нею подчуютъ виномъ; тотъ кланяется и не пьетъ. Тогда дружко выпиваетъ вмѣсто его и, наливъ другую чарку водки, подноситъ брату невѣсты; тотъ опять отказывается. Дружко спрашиваетъ: что тебѣ надобно?—„Денегъ". Дружко вынимаетъ изъ кармана нѣсколько денегъ, кладетъ на тарелку и подноситъ ему. Онъ беретъ деньги, выпиваетъ вино и слѣзаетъ съ лошади; тогда бояре бьютъ слегка по спинѣ его прутьями; онъ уходитъ отъ нихъ, потомъ возвращается и, взявъ обнаженную саблю, садится подлѣ невѣсты. Окончаніе обряда приведено выше. Кража лошади у жениха братомъ невѣсты и бѣгство его показываетъ ясно, что братъ невѣсты употреблялъ всѣ средства, чтобъ на счетъ жениха вознаградить себя за выводъ сестры изъ рода безъ продажи и даже съ приданымъ" (стр. 10—13).

Безспорно, на невѣстъ смотрѣли въ родѣ, какъ на чужихъ, и отсюда могла образоваться продажа ихъ, какъ вознагражденіе за издержки содержанія отъ рожденія до замужества. Но почему же сестру продавалъ братъ, а не отецъ? Чувство любви отцовской противилось этому, скажутъ намъ? Нѣтъ. Во многихъ нашихъ свадебныхъ обрядахъ отцы жениха и невѣсты сами бьютъ по рукамъ, послѣдній самъ передаетъ невѣсту изъ полы въ полу со всѣми обрядами обыкновенной продажи. Да и гораздо естественнѣе и легче представить себѣ, при господствѣ родового порядка, продажу невѣсты отцомъ, чѣмъ братомъ. Что жъ послѣдній могъ значить при живомъ отцѣ! Онъ былъ подчиненъ ему вполнѣ, не менѣе прочихъ. На этомъ основаніи сопротивленіе братьевъ браку сестры „безъ вѣдома родителей" и притомъ на основаніи „физической, молодецкой силы", кажется намъ въ эти отдаленныя времена совершенною невозможностью. Сынъ могъ оставить отца, завести свой домъ, жить особо,—да; но препятствовать его волѣ, въ его домѣ, хотя бы и тайно,—это просто немыслимо при родовомъ порядкѣ. Пословица, приведенная г. Соловьевымъ („тесть любитъ честь, зять любитъ взять, тёща любитъ дать, а шуринъ глаза жмуритъ, дать не хочется"), конечно, можетъ быть, и подтверждаетъ мысль, что братья не совсѣмъ любовно смотрѣли на выдачу сестрѣ приданаго, хотя—будь сказано

мимоходомъ—приданое сначала было дѣломъ не столько родительской нѣжности, сколько родовой чести, выраженіемъ желанія не уронить себя передъ родомъ жениха. Но что же могло значить, какую силу могло имѣть это недовольство братьевъ, когда такъ хотѣлъ отецъ? Ровно ничего! Наконецъ допустимъ даже, что объясненіе г. Соловьева справедливо. Что́ же значитъ, что когда братъ невѣсты, пойманный поѣзжанами на лошади жениха и задобренный деньгами, слѣзетъ съ лошади, они его бьютъ, а потомъ онъ является съ саблею подлѣ сестры и продаетъ ее? Считать вмѣстѣ съ авторомъ весь этотъ обрядъ за символическое представленіе, какъ братъ невѣсты употреблялъ всѣ средства вознаградить себя насчетъ жениха за выводъ сестры безъ продажи и даже съ приданымъ,—невозможно, и по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, въ символическій обрядъ принимаются только существенныя, необходимыя черты дѣйствительности, факта, а не случайныя. Братъ невѣсты могъ вознаградить себя тысячью различными способами: почему же въ обрядъ принято именно бѣгство на жениховомъ конѣ, а не что-нибудь другое? Странно! Еще страннѣе, что, поймавъ брата невѣсты, поѣзжане сначала съ нимъ торгуются, потомъ, когда онъ слѣзетъ, бьютъ его по спинѣ плетью, а затѣмъ онъ снова является вооруженный подлѣ сестры и торгуется съ ними. Положимъ, побои означаютъ, что поѣзжане одержали верхъ надъ братомъ невѣсты; но тогда остальная часть обряда—безсмыслица, чего никакъ нельзя допустить, по общему его составу. Онъ, очевидно живой остатокъ весьма отдаленнаго времени, очень отчетливо и ясно воспроизводитъ какой-то бытовой фактъ; но какой именно — вотъ что остается непонятнымъ, по крайней мѣрѣ для насъ, несмотря на остроумное объясненіе ученаго автора.

Вторая половина статьи г. Соловьева посвящена, какъ мы уже замѣтили, языческой религіи первобытныхъ славянъ. Она, подобно первой, написана съ талантомъ, исполнена любопытныхъ замѣтокъ, гипотезъ, наведеній и сближеній. Особенно удачнымъ и вѣрнымъ показалось намъ объясненіе значенія *русалокъ*, едва ли не въ первый разъ высказанное съ такой ясностью, и такъ убѣдительно. Но въ цѣломъ эту половину статьи мы нашли слабѣе первой. Общая картина славянскаго язычества, набросанная г. Соловьевымъ, не даетъ вполнѣ яснаго, отчетливаго представленія о предметѣ; встрѣчаются натяжки, толкованія болѣе или менѣе произвольныя, и слишкомъ смѣлыя гипотезы. Эти недостатки вполнѣ объясняются формою статьи г. Соловьева и предметомъ, которому посвящена вся вторая половина. Первоначальный общественный и домашній бытъ славянъ имѣетъ уже свою, можно сказать, богатую литературу. Много ученыхъ трудилось надъ нимъ; множество матеріаловъ, объясняющихъ этотъ бытъ, собрано и обработано съ большимъ тщаніемъ, подъ вліяніемъ самыхъ различныхъ воззрѣній. Поэтому теперь уже до нѣкоторой степени возможно представить удовлетворительное обозрѣніе этого быта въ общихъ чертахъ, и если довольно еще остается для него сдѣлать, то довольно уже сдѣлано, и сдѣлано хорошо. Славянская миѳологія находится до сихъ поръ въ совершенно иномъ положеніи. Изъ всѣхъ частей славянскихъ древностей это самая необработанная, самая заброшенная. Покуда матеріалы будутъ очищены отъ постороннихъ примѣсей, старыхъ и новыхъ, туземныхъ и иностранныхъ, сколько пройдетъ времени, а это только первая, черная работа; отъ нея до возсозданія картины нашихъ древнихъ вѣрованій предстоитъ еще длинный и тяжелый путь. Для изученія юридическаго быта славянъ, теперь есть по крайней мѣрѣ хоть нѣсколько точекъ опоры, хоть нѣсколько добытыхъ изученіемъ общихъ началъ, положеній. Въ славянской миѳологіи покуда все шатко, все неопредѣленно; это хаосъ, не только „покрытый мракомъ неизвѣстности“, но, что̀ гораздо хуже, завѣшенный покрываломъ лжи и нелѣпѣйшихъ выдумокъ, которое разорвать гораздо труднѣе, чѣмъ обработывать новый, еще нетронутый предметъ. Вотъ почему славянская миѳологія еще не укладывается въ „очеркъ“. Объ ней что̀ ни слово, то вопросъ, затрудненіе. О системѣ, цѣломъ и мечтать нельзя. Только одна мелкая, невидная и покамѣстъ неблагодарная разработка частныхъ фактовъ и возможна. Все это, конечно, не уменьшаетъ достоинствъ прекраснаго труда г. Соловьева, но только доказываетъ всю невозможность вѣрно схватить однѣ главныя черты русской миѳологіи въ сжатомъ изложеніи, на какихъ-нибудь тридцати страницахъ. Въ подтвержденіе этого мнѣнія, и чтобъ отдѣлить въ статьѣ г. Соловьева вѣроятное и истинное отъ сомнительнаго и невѣрнаго, мы считаемъ небезполезнымъ войти въ нѣкоторыя подробности.

Основываясь на Ипатьевской лѣтописи, г. Соловьевъ говоритъ, что верховными божествами языческихъ славянъ былъ *Сварогъ*, тожественный съ Перуномъ; сыновьями его были *Солнце* (Дажьбогъ, Хорсъ или Коросъ) и *Огонь*. На все это есть доказательства. Но мы никакъ не можемъ согласиться съ авторомъ, когда онъ положительно утверждаетъ, что *дидъ, ладо, лёль, люль*, суть названія солнца, на томъ только основаніи, что въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ русскіе названы „внуками“ Дажьбога, что по древлянски Igolga значитъ дѣдъ, и что *ладо* значитъ свѣтъ, красота, миръ, любовь, радость. Названія по родству показываютъ только, что славяне понимали свои отношенія къ другимъ людямъ и разнымъ языческимъ олицетвореніямъ подъ родовыми формами: такъ они понимали всѣ свои отношенія, почти безъ изъятій. Почему же *дѣдъ, лель* (хотя бы лель и значило дѣдъ) именно означали солнце, а не водяного, напримѣръ, не домового? На это нужны доказательства, а г. Соловьевъ ихъ не приводитъ. Въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ часто встрѣчаются выраженія „*мати* зеленая дубравушка“, „*мать* сыра земля“ и т. д. Домовой, водяной называются *дѣдушками*. Изъ этихъ названій можно вывести только древнее поклоненіе имъ, не болѣе. Что̀ касается до *ладо*, то, на основаніи извѣстныхъ доселѣ данныхъ, можно даже положительно утверждать, что это слово не имѣетъ никакого прямого отношенія къ поклоненію солнцу. Ладо—обыкновенный припѣвъ весеннихъ, троицкихъ, семицкихъ хороводовъ, гдѣ главными дѣйствующими лицами являются мужъ и жена, невѣста и женихъ. *Ладо*—жена, любимая дѣвушка. Все это доказываетъ, что ладо—если только когда-нибудь было у насъ божество этого имени—могло имѣть прямое отношеніе къ браку, любви, а не къ солнцу. Далѣе г. Соловьевъ говоритъ, что солнце называлось у славянъ *карачуномъ*, и какъ божество губительное, у сербовъ называется „старымъ кровникомъ“. Но, во-первыхъ, чѣмъ же доказано, что празднованіе „карачуна“ есть празднованіе солнца? Что же касается до названія *старый кровникъ*, то оно въ пѣсни о смерти Марка Кралевича, на 42-ой стихъ которой ссылается авторъ, относится не къ солнцу, а къ божеству вообще; слѣдовательно, нѣтъ никакого основанія видѣть въ этомъ эпитетѣ характеристику именно солнца, а не другого какого-нибудь божества.

Нѣсколько строкъ ниже читаемъ, что имя Ладо, языческаго божества, послѣ принятія христіанства перешло въ имя бѣса и получило дурное значеніе; въ доказательство г. Соловьевъ приводитъ выраженія: *ступай къ ладу* или ляду, *лядащій*—дрянной, слабый. Конечно, есть много примѣровъ такого превращенія языческихъ боговъ и другихъ олицетвореній, подъ вліяніемъ христіанства, въ злыхъ духовъ и дьяволовъ; но все-таки мы не знаемъ, правъ ли авторъ въ настоящемъ случаѣ. *Ладо* и теперь значитъ согласіе, единомысліе; всѣ слова, отсюда проистекающія, не противорѣчатъ этому основному смыслу. Поэтому мы, съ своей стороны, затрудняемся производить *лядъ, лядащій*, отъ *ладо*, тѣмъ болѣе, что гласныя *а* и *я* полагаютъ и теперь различіе въ смыслѣ приведенныхъ словъ; это не можетъ быть случайно именно потому, что различіе всегда и вездѣ выдержано; для насъ, по крайней мѣрѣ, очевидно, что слова *лядъ и лядащій* должны имѣть какой-нибудь другой корень.

Слѣдующее затѣмъ объясненіе значенія Стрибога и Волоса основано на прямыхъ свидѣтельствахъ; но тутъ же встрѣчаемъ весьма гадательное предположеніе, что Волосъ—божество, взятое, можетъ быть, отъ финновъ. Да и самыя сомнѣнія въ славянствѣ Волоса показались намъ весьма произвольными; авторъ сомнѣвается потому только, что всѣ прочіе, исчисляемые Несторомъ, языческіе боги—стихійные, одинъ Волосъ богъ скота. Но что̀ жъ изъ этого? Почему жъ это было невозможно?—Значеніе Симарглы и Мокоша неизвѣстны. Имя Симарглы покойный Прейсъ дѣлитъ на *сема* и *регла* и считаетъ ихъ за одно съ ассирійскими божествами сходныхъ названій. Несмотря на авторитетъ покойнаго профессора, мы, признаемся, не безъ большого недовѣрія смотримъ на филологическія сближенія тамъ, гдѣ объясняемый предметъ извѣстенъ только по имени, и то, можетъ-быть, искаженному; они оставляютъ слишкомъ много простора фантазіи, догадкамъ,—пути, на которомъ сбился не одинъ изслѣдователь. Въ отношеніи къ такимъ предметамъ нужно повременить, выждать открытія новыхъ источниковъ, или наступленія поры, когда весь предметъ такъ будетъ разработанъ, что можно, на основаніи извѣстнаго, дѣлать вѣрныя, основательныя посылки къ неизвѣстному. Оттого-то мы воздерживаемся отъ всякихъ филологи-

ческихъ операцій надъ именемъ Симарглы, которыя могли бы сдѣлать это названіе болѣе понятнымъ, и обращаемся снова къ статьѣ г. Соловьева.

За исчисленіемъ и объясненіемъ именъ боговъ, слѣдуетъ обозрѣніе языческаго богослуженія. Изъ него, говоритъ авторъ, „ясно видно, что праздники, въ древности, совершались въ честь стихійныхъ божествъ“. Замѣтимъ, что ниже авторъ говоритъ особливо о праздникахъ въ честь мертвыхъ, слѣдственно здѣсь онъ имѣетъ въ виду поклоненіе однимъ исчисленнымъ выше божествамъ. Какіе же это праздники? Г. Соловьевъ насчитываетъ только три: коляду, масляницу и Купалу, и соединенный съ послѣднимъ праздникъ Ярилы. Всѣ они, по его мнѣнію, празднованіе солнца, сперва „когда оно начнетъ брать силу, дни начинаютъ прибывать“, потомъ въ началѣ весны, и наконецъ, „когда солнце достигаетъ высшей степени своей силы и дѣятельности“.

Съ этимъ общимъ построеніемъ нашихъ языческихъ праздниковъ мы не можемъ согласиться по многимъ причинамъ. Дѣйствительно, между праздниками есть послѣдовательность и связь; но опредѣляются ли онѣ поклоненіемъ солнцу—вотъ вопросъ. Мы думаемъ, что такимъ опредѣленіемъ служило постепенное оживленіе природы послѣ зимняго поворота солнца, весною и лѣтомъ, и постепенное замираніе ея осенью и смерть зимою. Солнце, играющее первую, важнѣйшую роль въ этихъ перемѣнахъ, безспорно, было, именно по этому, однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ поклоненія; но сводить къ солнцу всѣ праздники — несогласно съ фактами, ибо въ нихъ мы легко открываемъ слѣды отдѣльнаго поклоненія разнымъ явленіямъ и силамъ природы, въ разныя времена года. Такъ празднуется время любви, воспроизводящая сила природы, созрѣваніе травъ и тысяча другихъ предметовъ. Между нѣкоторыми изъ нихъ существовала связь, единство въ понятіяхъ язычниковъ; между другими, несмотря на ихъ сродство, не было повидимому никакой связи. Въ чемъ состояла она, или почему ея не было, какое значеніе имѣла эта соединенность и эта безсвязность въ общей системѣ вѣрованій,—вотъ вопросы, которые должна рѣшить наука. Построеніе языческихъ вѣрованій на основаніи нашихъ теперешнихъ понятій такъ же ошибочно, такъ же безплодно для науки, какъ было безплодно и безрезультатно изслѣдованіе отношеній удѣльнаго періода съ точки зрѣнія европейскаго феодализма. Въ эту ошибку, какъ намъ кажется, впалъ г. Соловьевъ, излагая древнія языческія вѣрованія и празднества. Онъ видитъ одно солнцепоклоненіе въ древнемъ богослуженіи, тогда какъ совокупность богослужебныхъ языческихъ обрядовъ, напротивъ, свидѣтельствуетъ о первобытномъ, младенческомъ обожаніи цѣлой природы во всѣхъ ея проявленіяхъ. За этой основной ошибкой естественно должны развиться множество другихъ, затемняющихъ и искажающихъ предметъ. Вѣрованіямъ языческихъ славянъ подкладывается система, которой они, судя по тому, что̀ мы знаемъ, не имѣли; рождается вопросъ о чинопо̀ложеніи боговъ, до котораго славянская миѳологія не развилась, и едва-едва начинала подниматься; потомъ само собою слѣдуетъ вообще перенесеніе на славянское язычество миѳологическихъ представленій другихъ народовъ, того же взгляда, того же метода изслѣдованія. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ на этомъ пути, мы въ концѣ концовъ недоумѣвая спрашиваемъ себя: да чѣмъ же славянская миѳологія отличается отъ миѳологій всѣхъ другихъ народовъ? И справедливо! Въ хаосѣ готовыхъ, извнѣ привнесенныхъ понятій и подмѣченныхъ кой-какихъ фактовъ и началъ, произвольно сшитыхъ по даннымъ образцамъ, всякая мысль потеряется, всякій умъ станетъ въ тупикъ. Странное дѣло! Мы повторяемъ себѣ тысячу разъ, что извѣстіями о славянскихъ богахъ надо пользоваться съ величайшей осторожностью и строгой критикой; что славянскій Олимпъ — предметъ самый запутанный и трудный, да отчасти и подозрительный; мы смотримъ съ недовѣріемъ на олицетворенія въ славянской миѳологіи, замѣчая по всему складу и характеру языческихъ представленій, что славянинъ поклонялся непосредственно природѣ, и что антропоморфизмъ только сталъ показываться, когда настало христіанство. И что же? Зная все это, мы продолжаемъ сбиваться въ прежнюю колею, стараемся открыть и постигнуть генеалогію славянскихъ боговъ, стройную систему въ вѣрованіяхъ!

Желаніе привести все языческое богослуженіе славянъ къ солнцепоклоненію, естественно, вовлекло г. Соловьева въ другую важную ошибку. Онъ находитъ у насъ только три-четыре праздника, тогда какъ извѣст-

ныхъ теперь несравненно болѣе; стоитъ только заглянуть въ собранія гг. Снегирева, Терещенки, Сахарова. А сколько праздниковъ еще вовсе неизвѣстныхъ! Пишущій эти строки имѣлъ несказанное наслажденіе просматривать богатые этнографическіе матеріалы, поступившіе изъ разныхъ мѣстностей Россіи въ Императорское Географическое Общество, и удостовѣриться, что о многихъ народныхъ праздникахъ, очевидно остаткахъ глубокой старины, мы не имѣемъ до сихъ поръ никакого понятія. Огромное большинство этихъ праздниковъ не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ поклоненію солнцу. Оттого г. Соловьевъ и не говоритъ объ нихъ. Это, очевидно, слѣдствіе ошибочнаго воззрѣнія на славянскую миѳологію.

Вотъ что мы нашли нужнымъ сказать вообще противъ основного взгляда г. Соловьева на народные праздники, и противъ мысли, что послѣдніе совершались въ честь однихъ стихійныхъ божествъ. Не менѣе ошибочны, сомнительны или гадательны показались намъ и многія частности, относящіяся къ описанію праздниковъ. Авторъ находитъ „очень вѣроятнымъ" производство *коляды* отъ *ко-Ладу*, или *коло-Лада*. Но почему жъ оно вѣроятно? Это предположеніе старинное и давно брошенное, потому что неудовлетворительно. Тожество *Лада* и *Ляда* еще вопросъ; притомъ, какъ нарочно, „Ладо" не встрѣчается ни въ одной колядской пѣснѣ, а между тѣмъ слышится весьма часто въ пѣсняхъ и хороводахъ, сопровождающихъ весенніе праздники. Было ли божество *Плуга*—это еще вопросъ, и производство отъ него словъ *плюгавый*, *плюгавство*, едва ли можетъ быть принято безъ предварительныхъ изслѣдованій. Такъ же бездоказательны гипотезы, что масляница и встрѣча весны — одинъ праздникъ, отнесенный частью на конецъ рождественскаго мясопуста, частью на свѣтлое воскресенье, оттого, что приходился въ великій постъ; что праздникъ Ярилы первоначально отправлялся въ петровскомъ посту и „по всѣмъ вѣроятностямъ" совпадалъ съ праздникомъ Купалы, а впослѣдствіи тоже перенесенъ на другіе дни. Подобныя перестановки и раздробленія языческихъ праздниковъ безспорно были; доказательствомъ можетъ служить то, что всѣ они пріурочены къ христіанскому календарю. Но при неразработанности нашей миѳологіи очень трудно возстановить первоначальную ихъ хронологію. Г. Соловьевъ самъ приводитъ изъ собранія г. Сахарова примѣръ празднованія весны на пятой недѣлѣ поста въ тульской губерніи и празднованіе Ярилы, 24 іюня; одинъ такой фактъ показываетъ, съ какою осторожностью надо касаться этого темнаго предмета; ибо если сохранился праздникъ въ одной мѣстности, то невольно спрашиваешь себя, отчего не сохранился онъ въ другой? Приходишь къ мысли, что его и не было здѣсь, и когда нѣтъ положительныхъ доказательствъ противнаго, этотъ выводъ едва ли не есть во всякомъ случаѣ самый безошибочный. Замѣтимъ кстати, что масляница дѣйствительно носитъ на себѣ многіе признаки весенняго праздника; но въ то же время, и можетъ быть еще болѣе, она, какъ и святая недѣля, напоминаетъ праздники въ честь мертвыхъ. Обычай же кататься въ саняхъ по улицамъ—не только масляничный, а вмѣстѣ и святочный; слѣдовательно, невозможно пріурочивать одинъ праздникъ къ другому по одному этому признаку, какъ дѣлаетъ г. Соловьевъ.

Продолжая сближенія народныхъ праздниковъ съ поклоненіемъ солнцу, авторъ говоритъ, между прочимъ, что религіозное значеніе и „прямое отношеніе" хороводовъ къ солнцу „не подлежитъ сомнѣнію", и доказываетъ это тѣмъ, что названіе ихъ происходитъ отъ Короса или Хороса—божества солнца, и кромѣ того ихъ круговою формою. Что касается до религіознаго значенія хороводовъ, то мы вполнѣ согласны съ авторомъ; но этимологія хороводовъ, ихъ отношеніе къ солнцу, кажется намъ далеко недоказаннымъ. Такъ же произвольнымъ находимъ мы мнѣніе, будто сожженіе „бѣлаго пѣтуха" въ день Купалы относится къ солнцу; что курица, по самому своему названію (куръ, отъ коръ, корсъ, хорсъ), птица „угодная солнцу". Курица играетъ большую роль въ свадебныхъ обрядахъ; пѣтухъ приносился въ жертву домовому, зарывался въ землю при тайныхъ обрядахъ „опахиванія", и т. д. Являясь въ столь различныхъ обрядахъ и языческихъ дѣйствіяхъ, курица и пѣтухъ не могли быть исключительно посвящены солнцу; по крайней мѣрѣ, одни филологическія сближенія не могутъ рѣшить дѣла безъ предварительныхъ тщательныхъ розысканій.

Разсмотрѣвъ „поклоненіе стихійнымъ божествамъ", г. Соловьевъ переходитъ „къ другой половинѣ славянской миѳологіи, именно къ поклоненію геніямъ и душамъ усоп-

шихъ". О выводахъ и филологическихъ сближеніяхъ автора, относящихся къ этому предмету, мы скажемъ ниже, при разсмотрѣніи изслѣдованій о домовомъ, г. Аѳанасьева. Здѣсь ограничимся замѣчаніемъ, что въ обозрѣніи повѣрій объ умершихъ и праздниковъ, доселѣ соблюдаемыхъ въ честь ихъ, также встрѣчается много такого, съ чѣмъ нельзя безусловно согласиться. Авторъ говоритъ, что „радуница" до христіанства, безъ сомнѣнія, соединялась съ масляницей, что послѣднее названіе есть позднѣйшее и сближаетъ названіе „радуницы" съ латинскимъ radius, лучъ. Но на чемъ все основано? — „Вилы" южныхъ Славянъ, по его мнѣнію, одинакаго происхожденія съ „русалками". Но гдѣ жъ доказательства? Ихъ нѣтъ и на 20 стр. изслѣдованій г. Буслаева (о вліяніи христіанства на славянскій языкъ), на которыя указываетъ авторъ. Почему скандинавскіе карлики, nar, nainn, были „полнымъ олицетвореніемъ" *навіевъ*, и „духи" въ видѣ карликовъ, славянскіе *людки*, были „не что иное, какъ души умершихъ", — г. Соловьевъ тоже не объясняетъ, а созвучныя названія не рѣшаютъ дѣла. То же должно сказать объ измѣненіи малороссійскихъ „мавокъ" въ „навокъ", которыя мы съ такимъ же правомъ измѣняемъ въ „малокъ"; о словопроизводствѣ *коровая* отъ корса или хорса, названій солнца. Наконецъ, намъ кажутся слишкомъ смѣлыми, слишкомъ обобщенными заключенія, что „у восточныхъ славянъ было въ обычаѣ закланіе и приготовленіе яствы, *покормъ*, а не *сожженіе*" и, что „всего болѣе заставило уважать деревья и приносить предъ ними жертвы" вѣрованіе, будто души обитаютъ въ лѣсахъ, на деревьяхъ, „преимущественно на дубахъ"; безспорно, однако, что оба положенія вполнѣ справедливы, если только ихъ привести въ надлежащія границы.

Вотъ почти все, что намъ показалось слабымъ, недоказаннымъ или невѣрнымъ въ статьѣ г. Соловьева. Ея достоинства, имя автора и новость предмета налагали на насъ обязанность не пропустить ничего безъ вниманія. Спѣшимъ прибавить, что рядомъ съ указанными недосмотрами и неточностями, мы встрѣчаемъ во второй половинѣ статьи много превосходныхъ замѣчаній и взглядовъ. Такъ въ пѣніи коляды и собираніи приношеній авторъ справедливо видитъ остатокъ собиранія приношеній для общей жертвы. Въ игрѣ „горѣлки" подмѣчены, весьма остроумно, остатки умыкиваній „съ нею же съвѣщашеся", о которыхъ говоритъ лѣтописецъ; не знаемъ только, почему авторъ относитъ горѣлки къ празднованію Ярилы; сколько мы знаемъ, этой игры не бываетъ на праздникѣ Ярилы; такъ же неудачна этимологія горѣлокъ отъ *горящихъ* костровъ (на 24 іюня). Драгоцѣнны, по своей вѣрности, замѣтки о первобытной враждебности между собою родовъ по враждебному значенію въ теперешнихъ повѣрьяхъ „чужого" домового; о соотвѣтствіи между оживаніемъ природы и умершихъ; о сродствѣ между семикомъ и масляницею. Весьма справедливо отвергаетъ авторъ существованіе у русскихъ славянъ языческихъ храмовъ и жрецовъ, и ставитъ на ихъ мѣсто родоначальниковъ, главъ семействъ; взглядъ его на человѣческія жертвы у славянъ вѣренъ истинѣ и исполненъ безпристрастія. Есть и кромѣ того много другихъ прекрасныхъ замѣтокъ и сближеній.

Но лучшія, по нашему мнѣнію, страницы этой половины статьи принадлежатъ изслѣдованіямъ о русалкахъ; въ своемъ родѣ онѣ могутъ быть признаны образцовыми. Русалки, по мнѣнію г. Соловьева, суть души умершихъ. Эта мысль была уже высказана г. Буслаевымъ, но мимоходомъ и безъ доказательствъ. Теперь она обставлена доводами, противъ которыхъ трудно спорить. Знатоки славянскаго быта находятъ, что это изслѣдованіе неполно, потому что авторъ не воспользовался безчисленными повѣрьями о русалкахъ, распространенными между словаками. Можетъ быть; но, въ замѣнъ, г. Соловьевъ превосходно воспользовался русскими повѣрьями. Можно дополнить его изслѣдованія, но едва ли можно сказать о томъ же предметѣ что-нибудь новое. Позволимъ себѣ одно замѣчаніе: не слишкомъ ли широко опредѣлено значеніе русалокъ? Кажется, подъ ними нельзя разумѣть души всѣхъ вообще умершихъ, а только молодыхъ женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей. Приведенное въ эти границы мнѣніе г. Соловьева кажется намъ вполнѣ справедливымъ. Въ заключеніе выписываемъ общій выводъ автора о язычествѣ восточныхъ славянъ. Въ немъ есть много спорнаго, но много и справедливаго, основательнаго.

„Религія эта состояла, во-первыхъ, въ поклоненіи стихійнымъ божествамъ; во-вторыхъ, въ поклоненіи душамъ умершихъ, которое условливалось родовымъ бытомъ и изъ котораго преимущественно развилась вся славянская демонологія. Вслѣд-

ствіе также родоваго быта у восточныхъ славянъ не могло развиться общественное богослуженіе, не могло образоваться жреческое сословіе: отсюда частью объясняется то явленіе, что язычество у насъ, не имѣя ничего противопоставить христіанству, такъ легко уступило ему общественное мѣсто: но будучи религіею рода, семьи, дома, оно надолго осталось здѣсь. Если бы у насъ язычество изъ домашней религіи успѣло перейти въ общественную и пріобрѣсти всѣ учрежденія послѣдней, то безъ сомнѣнія оно гораздо долѣе вело бы явную борьбу съ христіанствомъ; но зато разъ побѣжденное, оно не могло бы оставить глубокихъ слѣдовъ; если бы христіанство имѣло дѣло съ жрецами, храмами и кумирами, то, низложивъ ихъ, оно покончило бы борьбу; язычникъ, привыкшій къ общественному богослуженію и лишенный храма и жреца, не могъ бы долго оставаться язычникомъ: еслибъ онъ вздумалъ возстановить храмъ и собрать жрецовъ, то это было бы явное сопротивленіе торжествующей религіи, которое влекло бы за собою опять явное пораженіе. Но язычникъ русскій не имѣлъ ни храма, ни жреца, и потому безъ сопротивленія допустилъ строиться новымъ для него храмамъ, съ служителями божества, оставаясь въ то же время съ прежнимъ храмомъ—домомъ, съ прежнимъ жрецомъ—отцомъ семейства, съ прежними жертвами у колодца, въ рощѣ. Трудно было бороться съ тайнымъ служеніемъ божествамъ скрываемымъ, домашнимъ" (стр. 53 и 54).

„О значеніи изгоевъ и состояніи изгойства въ древней Руси". Превосходная, образцовая статья издателя „Архива", адъюнкта московскаго университета, г. Калачова. Слово „изгой" долго было загадкой, надъ которой напрасно ломали себѣ голову изслѣдователи. Въ недавнее время, съ открытіемъ устава новгородскаго князя Всеволода-Гавріила о церковныхъ судахъ, русская исторія пріобрѣла драгоцѣнное свидѣтельство объ изгояхъ, сколько мы помнимъ впервые напечатанное въ извѣстномъ сводномъ изданіи „Русской Правды" г. Калачова. Оказалось, что изгои не были племенемъ, какъ думалъ Карамзинъ, но составляли въ древней Руси сословіе или званіе. На основаніи упомянутаго свидѣтельства и филологическихъ изслѣдованій, авторъ доказываетъ, что при чисто-родовомъ бытѣ нашихъ предковъ изгои были то же, что сироты, т.-е. лица, не принадлежащія ни къ какому родовому союзу, и потому беззащитныя, чуть-чуть не безправныя. Съ появленіемъ первыхъ зачатковъ гражданственности, стали возникать гражданскія сословія и союзы, которые, какъ дальнѣйшее развитіе родовой среды, изъ которой выросли, носили на себѣ глубокіе признаки родового патріархальнаго порядка. Въ эту вторую эпоху изгои получили уже значеніе людей, почему-либо не принадлежащихъ къ гражданскимъ общинамъ, званіямъ и союзамъ, и были такъ же беззащитны, какъ сироты. Этихъ людей, стоявшихъ внѣ патріархальнаго родового и первоначальнаго гражданскаго общежитія, приняла подъ свою защиту и покровительство церковь, почему изгои-сироты и были церковные люди. Вотъ основная мысль, развитая г. Калачовымъ съ рѣдкимъ знаніемъ и замѣчательнымъ историко-критическимъ талантомъ. По статьѣ разсѣяно много глубокихъ замѣчаній о нашемъ древнемъ бытѣ, обличающихъ въ авторѣ вѣрный и тонкій историческій тактъ. Мы съ своей стороны вполнѣ согласны съ авторомъ, и въ цѣломъ и въ бо́льшей части подробностей, и считаемъ его статью за важное, существенное пріобрѣтеніе русской исторической литературы. Это одна изъ тѣхъ монографій, какія встрѣчаются, къ сожалѣнію, очень, очень рѣдко.

„О наслѣдственности древнихъ сановъ въ періодъ времени отъ 1054 до 1240 года"—сочиненіе г. Погодина. Въ этой статьѣ авторъ собралъ лѣтописныя свидѣтельства о всѣхъ дѣйствующихъ лицахъ (кромѣ князей, духовенства и новгородцевъ) за означенный періодъ времени, и изъ соображенія этихъ свидѣтельствъ вывелъ слѣдующіе интересные результаты: 1) саны или достоинства, высшія должности, принадлежали у насъ въ древности извѣстнымъ родамъ, и передавались какъ бы по наслѣдству отъ отца къ сыну, подобно княжескому сану; по крайней мѣрѣ они принадлежали, поручались по преимуществу лицамъ изъ извѣстныхъ родовъ. Послѣднее намъ кажется вѣроятнѣе, потому что въ лѣтописяхъ попадаются, напримѣръ, выраженія: такой-то князь *вдаде* такую-то *тысячу* такому-то; 2) бояре служили бо́льшею частью у однихъ князей, то есть послѣ отцовъ дѣтямъ; впрочемъ, есть примѣры и переходовъ бояръ; 3) наконецъ множество иноплеменниковъ (изъ финновъ, половцевъ, козаръ, ляховъ, чеховъ, варяговъ, ясовъ, евреевъ, мордвы) приходили служить нашимъ князьямъ и занимали у нихъ высшія должности.—Всѣ эти результаты, конечно, не новы, но они интересны потому, что обставлены доказательствами и фактами. Вообще статья г. Погодина очень полезна, „какъ пріуготовленіе къ изслѣдованію о родословныхъ книгахъ, начало къ описанію службы русскаго дворянства въ древнѣйшее время".

„О монгольскихъ чиновникахъ на Руси,

упоминаемыхъ въ ханскихъ ярлыкахъ", г. Бѣляева. „Достовѣрность и неподложность дошедшихъ до насъ ханскихъ ярлыковъ—говоритъ авторъ — уже осязательно доказана однимъ изъ нашихъ оріенталистовъ, г. Григорьевымъ, въ его изслѣдованіи, писанномъ въ 1842 году; а потому теперь изученіе этихъ ярлыковъ будетъ не безполезно для занимающихся русскою исторіею, особенно для тѣхъ, кто имѣетъ своимъ предметомъ исторію внутренней жизни государства. Я на первый разъ беру на свою долю объясненіе разныхъ наименованій монгольскихъ чиновниковъ и правителей, упоминаемыхъ въ ярлыкахъ; впрочемъ, и эту часть не думаю рѣшать окончательно, и буду доволенъ, ежели мой посильный трудъ возбудитъ вопросъ объ этомъ предметѣ и подстрекнетъ другихъ, особенно оріенталистовъ, заняться симъ важнымъ дѣломъ". Скромный авторъ уже извѣстный своими трудами по русской исторіи, сдѣлалъ, однако, больше, чѣмъ сколько обѣщаютъ выписанныя нами строки. Онъ не столько разъяснилъ, по большей части изъ русскихъ источниковъ, значеніе разныхъ монгольскихъ чиновниковъ, упомянутыхъ въ ханскихъ ярлыкахъ, но коснулся отчасти и управленія Россіи этими нашельцами. Вообще статья весьма любопытна и представляетъ полезный и поучительный отрывокъ ученаго изслѣдованія о монгольскомъ владычествѣ въ Россіи по русскимъ источникамъ.

„Мѣрило праведное". Подъ этимъ заглавіемъ напечатано въ „Архивѣ" изслѣдованіе г. Калачова о древнихъ сборникахъ особаго состава и юридическаго содержанія. По мнѣнію автора, эти сборники дошли до насъ въ первоначальномъ ихъ видѣ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, привезены изъ Византіи; послѣднее видно изъ того, что источники этихъ сборниковъ суть или самостоятельныя произведенія греческой юридической литературы, или перешли къ намъ чрезъ посредство нашего перваго духовенства, прибывшаго изъ Греціи. Кромѣ греческихъ источниковъ эти сборники содержатъ въ себѣ и наши туземные памятники—какъ постановленія, такъ и матеріалы судебной практики. Этимъ доказывается, что греческіе юридическіе сборники, послужившіе основаніемъ для позднѣйшихъ русскихъ, дѣйствительно употреблялись въ нашемъ древнемъ судопроизводствѣ. Изъ подробнаго разсмотрѣнія различныхъ редакцій „Мѣрила праведнаго" и описанія ихъ содержанія, г. Калачовъ выводитъ, что подъ этимъ именемъ дѣйствительно извѣстны юридическіе сборники, составленные преимущественно въ руководство судьямъ и, слѣдовательно, имѣвшіе практическое значеніе; что названіе свое эти сборники получили отъ заглавія, означающаго праведный судъ; что одна ихъ часть есть введеніе, включенное сюда съ цѣлью увѣщанія и назиданія судей, и сначала могла быть самостоятельнымъ сочиненіемъ, но впослѣдствіи, какъ часть сборниковъ, сама получила названіе „Мѣрила праведнаго", и въ этомъ видѣ попадается отдѣльно, даже въ хронографахъ. — Статья г. Калачова относится къ внѣшней исторіи русскаго законодательства. Судить объ ея ученомъ достоинствѣ мы не беремся, предоставляя это спеціальнымъ знатокамъ нашей рукописной литературы.

„Дополненія и прибавленія къ II тому Сказаній русскаго народа", собранныхъ г. Сахаровымъ. Подъ скромнымъ названіемъ „дополненій" г. Буслаевъ (авторъ извѣстнаго русскому ученому міру изслѣдованія „о вліяніи христіанства на славянскій языкъ") напечаталъ въ „Архивѣ" не только основательный, дѣльный разборъ нѣкоторыхъ отдѣловъ второго тома „Сказаній" и дополненія къ нимъ изъ рукописныхъ и старопечатныхъ источниковъ, но представилъ цѣлое собраніе любопытнѣйшихъ частныхъ розысканій. Вся статья раздѣлена на двѣ половины. Одна имѣетъ предметомъ „Словари русскаго языка", другая „Русскую народную годовщину", составляющія пятую и седьмую книгу „Сказаній". Въ обозрѣніи словарей г. Буслаевъ показываетъ чрезвычайную важность этихъ памятниковъ для миѳологіи, древностей, исторіи грамотности и литературы, наконецъ, для исторіи языка и слога; подтверждаетъ каждое положеніе нѣсколькими выписками и частными изслѣдованіями, и указываетъ на значительнѣйшіе недостатки и неполноты изданія г. Сахарова. Въ разборѣ русской народной годовщины авторъ помѣстилъ дополненіе къ книгѣ г. Сахарова и нѣсколько замѣтокъ и изслѣдованій, въ доказательство, какъ важны для объясненія преданій древнѣйшія формы языка и старинные памятники литературы. Вотъ общая рамка, канва статьи. Что касается до самаго содержанія, то его трудно передать читателямъ. Какъ мы сказали, это сборъ отдѣльныхъ фактовъ, замѣтокъ, изслѣдованій, не составляющихъ цѣлаго,

но очень любопытныхъ и важныхъ для науки. Такъ мы находимъ здѣсь объясненія словъ: „наузы“, „вѣно“, разсказъ преданія объ „Аспидѣ“; замѣтки о словахъ „строка“, „ieclwab (шелкъ, шелковая матерія)“, „крьнути“, „гость, полкъ, колимагъ“, „скала“, „людъ“, „рота“, „весна“; замѣтки объ источникахъ народныхъ пѣсенъ и стиховъ, и связи съ тѣми и другими азбуковниковъ или словарей; объясненіе словъ „индрикъ“, „стратимъ“, встрѣчающихся въ Голубиной Книгѣ, „истина и правда“; изслѣдованіе о славянскихъ названіяхъ мѣсяцевъ, о домовòмъ, чурѣ и огнищѣ; замѣтки о словѣ „пестрый“, о первоначальной формѣ слова *солнце*. Кромѣ того, много дополненій, выписокъ изъ источниковъ, и по поводу ихъ разныя изслѣдованія и выводы. Трудъ г. Буслаева можетъ быть оцѣненъ только спеціалистами; онъ не предназначенъ для чтенія, и не есть литературная, а чисто-ученая статья. Въ этомъ послѣднемъ значеніи она имѣетъ свои неотъемлемыя достоинства, хотя съ нѣкоторыми выводами, именно относительно домового, мы не можемъ вполнѣ согласиться.

„Дополненія и прибавленія къ собранію русскихъ народныхъ пословицъ и притчей“, изданному И. Снегиревымъ. Статья, которой заглавіе мы выписали, принадлежитъ г. Аѳанасьеву, и содержитъ въ себѣ текстъ пословицъ (болѣе 460-ти и къ нимъ слишкомъ 60 варіантовъ), которыхъ нѣтъ въ собраніи г. Снегирева, или варіанты и дополненія къ напечатаннымъ въ этомъ собраніи, съ коротенькимъ предисловіемъ. Здѣсь авторъ между прочимъ говоритъ о важномъ историческомъ значеніи пословицъ и поговорокъ, и въ доказательство предлагаетъ опытъ возстановленія постепеннаго развитія родового быта на основаніи нѣкоторыхъ пословицъ, сохранившихся до нашего времени. Мы совершенно раздѣляемъ взглядъ г. Аѳанасьева на ходъ развитія нашего патріархальнаго, родового быта, и на измѣненія, которымъ онъ послѣдовательно подвергался; но едва-ли авторъ правъ, считая пословицы, которыя онъ приводитъ, свидѣтелями отдаленной, сѣдой старины. Тутъ есть недоразумѣніе. Родовой порядокъ, сошедши со сцены въ высшихъ сферахъ, опредѣляющихъ народную жизнь, продолжалъ существовать и развиваться въ низшихъ, въ сферѣ гражданскихъ отношеній, въ быту общинъ, міровъ, семей; и теперь еще онъ въ нихъ далеко на изгладился. Будучи, и сперва и потомъ, основанъ на однихъ и тѣхъ же началахъ, онъ долженъ былъ производить одни и тѣ же явленія въ разныхъ сторонахъ нашего юридическаго быта, несмотря на то, что, по времени, хронологически, развитіе ихъ раздѣлено вѣками. Пословицы, происхожденіе которыхъ г. Аѳанасьевъ относитъ къ незапамятнымъ временамъ русской исторіи, съ бòльшимъ основаніемъ и гораздо естественнѣе должны быть приписаны эпохѣ сравнительно позднѣйшей, которой онѣ и носятъ признаки по редакціи и самому содержанію. Въ нихъ постоянно слышится крестьянскій міръ, крестьянскій бытъ. Возможность примѣнить ихъ къ незапамятнымъ временамъ не доказываетъ ихъ древности, потому что, какъ мы сказали, тотъ и другой бытъ имѣютъ большое сходство, только развивались они въ разныхъ сферахъ.

Это вообще. Обратимся къ частностямъ. Многія пословицы объяснены правильно; въ нѣкоторыхъ остроумно подмѣченъ прежній смыслъ, который онѣ теперь утратили; но встрѣчаются и неправильныя толкованія. Такъ къ спорамъ, которые происходили на вѣчахъ и кончались такъ часто драками и побоищами, подведена пословица: „мірская слеза велика“, не имѣющая никакого отношенія къ этимъ усобицамъ. Къ этимъ же распрямъ, разрушавшимъ родовой распорядокъ, подведена пословица: „въ полѣ съѣзжаются, родомъ не считаются“; но она очевидно взята изъ позднѣйшихъ временъ мѣстничества, когда съѣзжавшимся воеводамъ приказывалось царскими указами „быти безъ мѣстъ“. Что касается до объясненія *міровъ* — замиреніями, то оно намъ кажется весьма справедливымъ; но авторъ едва ли правъ, видя въ нихъ первые зачатки вѣчей. Послѣднія, по всѣмъ вѣроятіямъ, еще древнѣйшаго происхожденія и коренятся въ семейныхъ, родовыхъ совѣтахъ. Что касается до текста пословицъ, сообщенныхъ г. Аѳанасьевымъ, то польза увѣковѣченія печатью устныхъ народныхъ памятниковъ не требуетъ доказательствъ и объясненій. Каждый подобный трудъ заслуживаетъ полной благодарности.

Въ концѣ собранія пословицъ и поговорокъ приложено составленное г. Буслаевымъ указаніе на источники, въ которыхъ встрѣчаются пословицы, вполнѣ или близко подходящія къ нѣкоторымъ (именно двадцати) изъ напечатанныхъ въ собраніи Сахарова.

„Нѣсколько словъ о примѣтахъ“, К. Кавелина. Опытъ объясненія нѣкоторыхъ примѣтъ языческими вѣрованіями.

„Дѣдушка домовой“, г. Аѳанасьева. Загадочныя и въ высшей степени любопытныя повѣрья о домовыхъ естественно должны были обратить на себя особенное вниманіе изслѣдователей русской старины. Какъ сложилось представленіе о домовомъ?—вотъ вопросъ, который задавали себѣ гг. Соловьевъ, Буслаевъ и Аѳанасьевъ, и, несмотря на видимое различіе въ точкахъ отправленія, рѣшили одинаково, по крайней мѣрѣ въ главныхъ основаніяхъ. Ихъ изслѣдованія и выводы соединены въ одной книжкѣ, и потому кстати будетъ разсмотрѣть ихъ вмѣстѣ, по поводу монографіи г. Аѳанасьева.

Г. Соловьевъ говоритъ, что у славянъ было поклоненіе геніямъ и душамъ усопшихъ; что при вѣрѣ въ загробную жизнь естественно было придти къ вѣрованію, будто душа умершаго родоначальника и по смерти остается съ своимъ родомъ, блюдетъ за его благосостояніемъ. Отсюда выводитъ онъ и происхожденіе духовъ-покровителей для цѣлаго рода и каждаго родича—*родъ* и *рожаницъ*. Далѣе, тоже въ значеніи рода, является, по мнѣнію г. Соловьева, и *щуръ*, дѣдъ, прадѣдъ, сохранившійся въ составномъ „пращуръ“; щуръ же предполагаетъ форму *чуръ*, подъ которой собственно и извѣстно божество, охраняющее родъ, домъ, и сохранившееся въ заклинаніяхъ „чуръ меня“. Оба—чуръ и родъ—одно и то же. Съ упадкомъ родового быта и съ усиленіемъ христіанства на счетъ язычества, оба перешли на *домового*.

Г. Буслаевъ видитъ въ домовомъ божество домашней жизни и родного крова, ведущее начало изъ нѣдръ простого семейнаго быта. Названіе, придаваемое домовому,—*дѣдъ*, *дѣдушка*, по мнѣнію г. Буслаева, прямо указываетъ на родовую связь обитателей дома съ невидимымъ ихъ оберегателемъ; но эту родовую связь онъ объясняетъ не тѣмъ, что домовой былъ олицетвореніемъ умершихъ предковъ, а взглядомъ язычниковъ, по которому они считали людей и самыя стихіи внуками и потомками божества. Затѣмъ авторъ разсматриваетъ сущность вѣрованій въ домового и открываетъ ее въ поклоненіи очагу; но это поклоненіе въ древнѣйшую эпоху находилось въ тѣсной связи съ погребеніемъ мертвыхъ и вѣрованіемъ въ души усопшихъ. Пепелъ и угли, какъ символъ родного крова и домоваго генія, въ глубокую древность могли имѣть въ глазахъ язычниковъ тѣмъ бо́льшее значеніе, что постоянно напоминали какъ жертву богамъ, такъ и прахъ родителей и предковъ; названіе домового дѣдомъ весьма естественно напоминало имъ не только бога-родоначальника, но и пепелъ предковъ. Наконецъ, одинакое жертвоприношеніе какъ домовому, такъ и погребаемымъ или же сожигаемымъ мертвецамъ, убѣждаетъ, по мнѣнію г. Буслаева, еще болѣе въ связи поклоненія домашнему очагу съ религіознымъ благоговѣніемъ къ пеплу отцовъ. Чуръ, божество, разграничивавшее имѣніе, тоже находилось, какъ думаетъ г. Буслаевъ, въ прямомъ отношеніи къ домовому генію и его символу, очагу съ пепломъ и углями.

Наконецъ, г. Аѳанасьевъ, составившій о домовомъ цѣлую монографію, въ главныхъ чертахъ приходитъ къ тѣмъ же результатамъ. „Вѣра въ домового“, говоритъ онъ, „тѣсно связана съ языческимъ обожаніемъ огня (небеснаго въ образѣ Дажьбога и Перуна, и земнаго — въ образѣ Сварожича) и умершихъ предковъ“. Въ подтвержденіе этого положенія авторъ приводитъ доказательства, уже изложенныя выше и новыя. Главнѣйшія изъ послѣднихъ суть слѣдующія: поклоненіе славянъ душамъ умершихъ предковъ во время язычества не подлежитъ сомнѣнію. А души умершихъ наши предки-язычники представляли себѣ въ образѣ огня; вотъ почему домовой—предсѣдатель очага, домашняго огня, слился въ вѣрованіяхъ съ дѣдушкою, представителемъ рода. Благодѣтельное значеніе обоихъ для семьи, дома, въ свою очередь помогло этому сліянію. Съ олицетвореніемъ же этихъ вѣрованій въ образѣ домоваго, на него перенесены всѣ благотворныя дѣйствія очага и качества домовитаго хозяина, какимъ былъ старшій въ родѣ.

Вотъ три мнѣнія, въ доказательство которыхъ приведены свидѣтельства древнихъ памятниковъ, теперешнія повѣрья и филологическія изслѣдованія. Несмотря на различія, всѣ они сходятся въ томъ, что домовой, будучи символомъ, олицетвореніемъ очага и домашняго быта, въ то же время соединяетъ въ себѣ представленіе объ умершихъ предкахъ, покровителяхъ и благотворителяхъ потомковъ, ихъ быта и счастія. Мы не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ и думаемъ, что одна первая половина вывода справед-

лива; что не только въ повѣрьяхъ о домовомъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ поклоненія тѣнямъ усопшихъ предковъ, но даже во всемъ, что́ мы доселѣ знаемъ, нѣтъ тѣни, намека на поклоненіе русскихъ славянъ „предкамъ въ смыслѣ пенатовъ“, невидимо пребывающихъ въ домѣ, жилищѣ потомковъ. Чтобы доказать послѣднее положеніе, обратимся къ фактамъ.

Главные доводы названныхъ нами выше изслѣдователей основаны на соображеніяхъ, выводахъ, а не на прямыхъ свидѣтельствахъ или преданіяхъ. Повѣрья и обычаи, указывающіе на поклоненіе предкамъ-пенатамъ, на связь ихъ съ повѣрьями о домовыхъ, приведены г. Соловьевымъ и Аѳанасьевымъ; но они относятся къ финской миѳологіи, а не къ русской. Это совершенное молчаніе нашихъ языческихъ преданій о такомъ важномъ предметѣ, конечно, изумительно. Столько разсказовъ и повѣрій объ упыряхъ, о томъ, какъ мертвые выходятъ на землю, входятъ въ домы своихъ родственниковъ, садятся за приготовленные имъ столы,—и ни одного повѣрья о томъ, что они остаются жить въ домахъ своихъ потомковъ. Если это вѣрованіе было, почему же именно оно не сохранилось, а другія сохранились? Но допустимъ на минуту, что эти вѣрованія, по какому-то странному случаю, дѣйствительно исчезли изъ теперешнихъ преданій. Стало быть, они были когда-нибудь, и о нихъ остались извѣстія?

Гг. Соловьевъ и Аѳанасьевъ отвѣчаютъ на этотъ вопросъ утвердительно. Они ссылаются на вѣрованія въ „рода“ и „рожаницы“. Но эти вѣрованія, во-первыхъ, не имѣютъ, повидимому, никакого отношенія къ умершимъ предкамъ; повѣрье хорутанъ это доказываетъ; по ихъ разсказамъ рожаница является вмѣстѣ съ рожденіемъ человѣка. Да сколько мы знаемъ, родъ, въ первоначальномъ смыслѣ слова, означалъ не предковъ, а потомковъ, и потому, кажется, и не могъ быть предметомъ обоготворенія. Наконецъ, положимъ даже, что родъ, рожаницы, имѣли тотъ смыслъ, который придаютъ имъ оба изслѣдователя. Чѣмъ же доказать, что подъ ними разумѣлись именно предки, оставшіеся невидимо жить въ домѣ, пенаты, а не вообще предки, которые по извѣстнымъ и еще теперь живо сохранившимся повѣрьямъ выходятъ къ своимъ роднымъ изъ могилъ только въ извѣстное, опредѣленное время? Этого нельзя вывести ни изъ одного мѣста, приведеннаго гг. Соловьевымъ и Аѳанасьевымъ. А при отсутствіи другихъ данныхъ, послѣднее толкованіе имѣетъ больше вѣроятностей въ свою пользу, чѣмъ первое. Изъ всего этого мы заключаемъ, что ни въ настоящемъ, ни въ прошедшемъ, нѣтъ повѣрій, которыя бы подтверждали мысль о существованіи въ славянской миѳологіи предковъ-пенатовъ. Разсмотримъ теперь выводы и соображенія, которыми доказывается противное въ отношеніи къ домовому.

Домовой, говорятъ гг. Буслаевъ и Соловьевъ, называется *дѣдомъ*, *дѣдушкой*, что́ указываетъ на родственныя отношенія къ жильцамъ дома. Дѣйствительно, это названіе показываетъ, что языческіе славяне сознавали свои отношенія къ божеству очага подъ родственными формами. Такъ они называютъ себя внуками Дажьбога, солнца, въ дѣйствительности не происходя отъ него. Слѣдовательно, эти эпитеты ничего не доказываютъ. „Поклоненіе домовому божеству“, говоритъ г. Буслаевъ, „въ древнѣйшую эпоху было въ тѣсной связи съ погребеніемъ мертвыхъ и вѣрованіемъ въ души усопшихъ“. Въ доказательство приводится, что въ древнѣйшія времена горы служили кладбищами и мѣстами для поклоненія богамъ; покормъ богамъ имѣетъ связь съ стравою; игры и хороводы, совершаемые на горахъ и кладбищахъ, напоминаютъ тризну. Во всѣхъ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ доводахъ развивается мысль, что поклоненія богамъ и усопшимъ предкамъ были между собою очень близки. Это конечно могло быть, и даже вѣроятно было, особенно съ того времени, какъ сталъ вырабатываться антропоморфизмъ. Но гдѣ же видно отношеніе всего этого къ поклоненію предкамъ-пенатамъ? Доказываетъ ли оно, что домовой — остатокъ поклоненій предкамъ-пенатамъ? Уголь и пепелъ, символъ родного крова, могли напомнить и жертву богамъ, и прахъ родителей, и предковъ; но это нисколько не доказываетъ гипотезы о значеніи домового.

Гораздо важнѣе и повидимому убѣдительнѣе доводъ, что какъ домовому, такъ и погребаемымъ или сожигаемымъ мертвецамъ приносились одинакія жертвы. Г. Буслаевъ приводитъ нѣсколько данныхъ въ доказательство, что пѣтухъ и кошка были обычныя жертвы на похоронахъ, и ими же чествовали домового. Г. Аѳанасьевъ открываетъ и другія, общія тѣмъ и другимъ, жертвы—масло и вино. Ближайшее разсмотрѣніе предмета показываетъ однако, что это сходство болѣе

чѣмъ сомнительно. Во-первыхъ, изъ трехъ, приведенныхъ г. Буслаевымъ примѣровъ принесенія въ жертву на похоронахъ кошки и пѣтуха, два (именно первый и послѣдній) суть очевидно умилостивительныя жертвы богамъ, а не мертвымъ. Остается одно свидѣтельство Ибнъ-Фацлана о сожженіи пѣтуха на похоронахъ. Но пѣтухъ, сколько теперь извѣстно, является въ столь различныхъ языческихъ празднествахъ, что покуда нельзя составить себѣ яснаго понятія о томъ, какую роль онъ игралъ въ русской миѳологіи. Пѣтуха, какъ извѣстно, приносили въ жертву и на праздникѣ Купалы; пѣтуха зарывали при опахиваніяхъ. Также неопредѣлимо покуда и миѳологическое значеніе кошки; изъ нея вываривалась косточка-невидимка въ лѣсу или въ полѣ, вдали отъ жилья. Что же касается до возліяній вина и масла, о которыхъ говоритъ г. Аѳанасьевъ, то стоитъ только вспомнить, что эти жертвы приносились бадняку, котораго тожество съ очагомъ или домовымъ далеко еще не доказано. Вообще замѣтимъ, что общіе, одинаковые предметы жертвоприношеній въ двухъ различныхъ обрядахъ еще не доказываютъ и не могутъ доказывать тожества обрядовъ и предметовъ поклоненія, къ которымъ они относятся. Признаки эти сами по себѣ такъ отвлеченны и общи, что нельзя рѣшать окончательно. Сверхъ того, въ нашей миѳологіи, еще неразработанной, гдѣ подобныя сходства и одинаковости нерѣдко встрѣчаются въ предметахъ очевидно различныхъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго, на однихъ этихъ признакахъ невозможно основывать такія важныя, коренныя положенія, каково тожество домового съ умершими предками.

На основаніи всего сказаннаго мы думаемъ, что домовой былъ у насъ ничѣмъ другимъ, какъ олицетвореніемъ очага, жилья, дома, потомъ и двора. На это олицетвореніе перенесены всѣ свойства и качества хозяина; домовой даже называется иногда *хозяиномъ*. По народнымъ повѣрьямъ онъ является въ образѣ домовладѣльца, хозяина, такъ что съ послѣднимъ его и не различишь. Что́ касается до *щуръ*, *чуръ* (прибавимъ отъ себя польское и малороссійское *щуръ* — крыса, и *ящуръ* — ящерица), то на нихъ трудно основать какіе-нибудь выводы, такъ какъ мы до сихъ поръ о нихъ ничего не знаемъ. Притомъ, если между этими названіями и есть какое-нибудь отношеніе, объясняемое древними языческими вѣрованіями, то оно во всякомъ случаѣ не можетъ служить къ объясненію характера домового, съ которымъ эти предметы не имѣютъ никакой непосредственной связи, вопреки положительному отзыву г. Соловьева.

Несмотря на ошибочное, по нашему мнѣнію, воззрѣніе, лежащее въ основаніи статьи г. Аѳанасьева, монографія его имѣетъ большія достоинства. Авторъ обнаружилъ въ ней замѣчательный критическій талантъ и большой смыслъ къ археологическимъ изслѣдованіямъ; статья наполнена превосходными замѣчаніями, мыслями, объясненіями, и безъ преувеличенія можетъ быть названа одной изъ лучшихъ статей „Архива“. Мы съ своей стороны прочли его изслѣдованія съ величайшимъ наслажденіемъ и рекомендуемъ ихъ всѣмъ любителямъ русской археологіи.

Всѣ разобранныя нами статьи—оригинальныя. Изъ переводныхъ, въ отдѣлѣ иностранныхъ изслѣдованій и актовъ помѣщено критическое изслѣдованіе подъ заглавіемъ: „Несторъ и Карамзинъ“, напечатанное въ вышедшихъ въ 1830 году въ Дерптѣ „Studien zur gründlichen Kenntniss der Vorzeit Russlands, mitgetheilt von. J. Ph. G. Ewers“. Имя автора неизвѣстно. Помѣщеніемъ вѣрнаго перевода этой статьи, безъ всякихъ измѣненій, г. Калачовъ оказалъ большую услугу русской исторической литературѣ, какъ по существенному критическому достоинству самой статьи, такъ и по рѣдкости книги, въ которой она напечатана. Въ предисловіи издатель представляетъ подробныя свѣдѣнія о „Studien“ и о напечатанной изъ нихъ въ „Архивѣ“ статьѣ, и въ примѣчаніяхъ, приложенныхъ въ концѣ ея, исправляетъ частныя ошибки, въ ней встрѣчающіяся, и развиваетъ, между прочимъ, въ противность мнѣнію ея автора, что ни Святославъ, ни Владиміръ не дѣлили своихъ владѣній между своими дѣтьми, а только поручали имъ въ управленіе области на томъ же основаніи, какъ намѣстникамъ и посадникамъ, и что въ первый разъ появляется сознательное раздѣленіе Россіи на княженія, хотя и подъ чисто-родовыми формами, при Ярославѣ. Замѣчаніе это, подкрѣпленное фактами, служитъ очень любопытнымъ поясненіемъ и дополненіемъ къ исторіи развитія родового начала въ древней Россіи.

Таковъ составъ и содержаніе первой книжки „Архива“. Надѣемся, что такое замѣчательное въ русской исторической литературѣ яв-

леніе, счастливо начавшее собою нынѣшній годъ, найдетъ поддержку въ читателяхъ и сотрудникахъ. Какъ мы слышали, много любопытнѣйшихъ матеріаловъ уже заготовлено и на вторую книжку. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ ея появленія.

(Отеч. Записки, 1850, кн. 5).

Изслѣдованія, относящіяся къ древней русской исторіи,

Филиппа Круга. Двѣ части. Спб. 1848.

(Forschungen in der aelteren Geschichte Russland's, von Philipp Krug).

Подъ этимъ заглавіемъ вышли въ сентябрѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года посмертныя сочиненія академика Круга, изданныя, по распоряженію академіи, адъюнктомъ ея, Э. Э. Куникомъ. Уже съ перваго десятилѣтія текущаго столѣтія Кругъ пріобрѣлъ въ ученомъ мірѣ громкую извѣстность двумя сочиненіями, которыя въ Россіи и за-границей были приняты съ единогласными похвалами. Первое, изданное въ 1805 году академіей на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Zur Münzkunde Russlands", а два года спустя и на русскомъ (Критическія разысканія о древнихъ русскихъ монетахъ. Спб. 1807), посвящено изслѣдованіямъ древнѣйшей русской исторіи въ нумизматическомъ отношеніи. Эти изслѣдованія были такъ новы, оригинальны и, кромѣ главнаго предмета, разрѣшали столько другихъ важныхъ историческихъ вопросовъ, что самъ раздражительный и не терпѣвшій противорѣчій Шлёцеръ, въ тогдашнее время первый знатокъ древней русской исторіи, и котораго Кругъ опровергалъ не только въ частностяхъ, но въ основномъ воззрѣніи на отдаленнѣйшую ея эпоху, отозвался о книгѣ и ея авторѣ съ величайшимъ уваженіемъ и призналъ его достойнымъ судьей своихъ работъ по русской исторіи. Это былъ необыкновенный успѣхъ! Такой же блистательный успѣхъ имѣло другое сочиненіе Круга, изданное академіей въ 1810 г.: „Kritischer Versuch zur Aufklärung der Byzantinischen Chronologie mit besonderer Rücksicht auf die frühere Geschichte Russlands". (Опытъ критическаго разъясненія византійской хронологіи, особенно въ отношеніи къ древнѣйшей русской исторіи) [1]). Этотъ трудъ не только окончательно утвердилъ ученый авторитетъ Круга, какъ глубокаго критика по русской исторіи, но и положилъ начало новой эпохѣ въ изученіи византійской хронологіи, имѣющей, какъ извѣстно, весьма важное значеніе для древней русской исторіи. Первые знатоки ея, Дюканжъ, Пажи, Байеръ, Риттеръ, Гиббонъ, были опровергнуты и поправлены Кругомъ. Этими поправками доказана историческая достовѣрность многихъ событій и извѣстій изъ перваго періода нашей исторіи и устранены сомнѣнія, возникшія изъ хронологическихъ несообразностей.

Такими первоклассными критическими работами вполнѣ объясняется то вниманіе и нетерпѣніе, съ которымъ всѣ любители и знатоки русской исторіи слѣдили за ученою дѣятельностью Круга и ожидали появленія новыхъ его изслѣдованій, обѣщанныхъ имъ при разныхъ случаяхъ. Но ожиданія не сбылись. Въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ Кругъ не издалъ ни одного изъ своихъ изысканій!

Въ 1844 году (4-го іюня) онъ умеръ. Вслѣдъ затѣмъ, нѣсколько дней спустя, былъ напечатанъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" хронологическій списокъ рукописныхъ статей, представленныхъ имъ въ разное время академіи съ 1806 года по самое

---

[1]) Этой книги есть два русскіе перевода: одинъ сдѣланъ Ѳедотовымъ и Левестамомъ, другой—покойнымъ Языковымъ. Кругъ не далъ согласія на изданіе этихъ переводовъ (См. въ разбираемой книгѣ стр. CCLV).

время кончины. Въ этомъ спискѣ, составленномъ по протоколамъ академіи, значится сорокъ шесть статей; первая относится къ 5 марта 1806 года, послѣдняя къ 26 апрѣля 1844 года; слѣдовательно, она представлена Кругомъ за мѣсяцъ съ небольшимъ передъ смертью. Изъ разсмотрѣнія списка открывается, что въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ до 1831 года, Кругъ представлялъ академіи ежегодно по двѣ, рѣдко по одной статьѣ, но съ 1831 года рядъ ихъ прерывается, и съ этого времени до 1844 находимъ только двѣ (1833 и 1844) въ напечатанной росписи.

Одинъ перечень извѣстныхъ трудовъ Круга снова возбудилъ живое любопытство всѣхъ, интересующихся предметомъ, и подавалъ надежды на важныя открытія въ бумагахъ покойнаго. Чтобы привести въ извѣстность ученое наслѣдство Круга, Академія наукъ, въ томъ же 1844 году, составила коммиссію изъ академиковъ Шегрена, Устрялова и адъюнкта Куника, и поручила ей представить подробный отчетъ о бумагахъ Круга, чтó и исполнено въ февралѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1845 года.

Изъ донесенія, представленнаго коммиссіей историко-филологическому классу академіи и напечатаннаго въ бюллетенѣ его (Т. II, № 18), видно, что въ бумагахъ Круга найдены ученыя статьи, частью вполнѣ обработанныя и оконченныя, частью неполныя, или только начатыя; множество замѣтокъ, набросанныхъ на клочкахъ бумаги, даже билетахъ и конвертахъ; наконецъ, примѣчанія, внесенныя въ печатные экземпляры Шлецерова Нестора и собственныхъ сочиненій автора. Ученыя статьи состоятъ въ отрывкахъ или донесеніяхъ, представленныхъ академіи Кругомъ, или въ сочиненіяхъ, читанныхъ въ академическихъ собраніяхъ. Изъ послѣднихъ—пятнадцать вполнѣ обработаны и были приготовлены къ изданію самимъ авторомъ; двадцать-одна или не окончены, или представляютъ одно начало, или извлеченія изъ источниковъ. Остальныхъ десяти не нашлось въ бумагахъ. По предположеніямъ коммиссіи, семь изъ нихъ могли войти въ составъ другихъ статей или книги о византійской хронологіи, но чтò сталось съ недостающими тремя—рѣшительно неизвѣстно [1]).

Окончательный разборъ всѣхъ этихъ рукописныхъ сочиненій и замѣтокъ и приготовленіе къ печати тѣхъ изъ нихъ, которыя почему-либо заслуживали вниманія, поручено отъ академіи г. Кунигу. Его-то двухлѣтнему труду и справедливому уваженію къ заслугамъ и памяти Круга обязаны мы прекраснымъ изданіемъ значительной части ученыхъ работъ покойнаго академика, вмѣстѣ съ подробнымъ очеркомъ его ученой, литературной и служебной дѣятельности.

Іоганнъ-Филиппъ Кругъ родился въ Галле (на Саалѣ) въ 1764 году. Около двадцати лѣтъ отъ роду вступилъ онъ въ Галльскій университетъ, гдѣ учился теологіи и философіи. По окончаніи университетскаго курса, онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ разныхъ частяхъ Пруссіи и въ 1787 году вступилъ учителемъ въ семейство маркграфа шветскаго (на Одерѣ). Съ этого времени развилась и укрѣпилась въ немъ страсть къ нумизматикѣ, обнаружившаяся еще въ дѣтствѣ. Онъ рано началъ собирать монеты и медали, но умножилъ свою коллекцію уже въ домѣ маркграфа, и потомъ тѣми, которыя достались ему по наслѣдству отъ отца. Въ 1791 г. онъ оставилъ Силезію и вступилъ въ Калишѣ учителемъ въ семейство польскаго полковника Курціуса. Въ 1794 году, когда Курціусъ, послѣ окончательнаго паденія Польши, вступилъ въ русскую службу, Кругъ, вмѣстѣ съ его семействомъ, переѣхалъ въ Россію, и съ тѣхъ поръ не оставлялъ ея ни разу.

Въ слѣдующемъ, 1795 году, судьба привела его въ Москву. Здѣсь познакомился онъ съ графиней Орловой, вдовой графа И. Г. Орлова, которая и поручила ему воспитаніе своего сына. Оно продолжалось шесть лѣтъ (до 1801 года). Въ этотъ періодъ времени окончательно опредѣлились занятія Круга, доставившія ему впослѣдствіи такую извѣстность. Онъ имѣлъ досугъ. Семейство Орловыхъ, жившее почти постоянно въ Москвѣ, или въ недалекомъ подгородномъ имѣніи, любило его. Обстоятельства, слѣдовательно, благопріятствовали ученымъ трудамъ; Кругъ посвятилъ ихъ русской нумизматикѣ.

Первымъ поводомъ къ этимъ занятіямъ послужило слѣдующее обстоятельство. Одному

---

[1]) Заглавія недостающихъ статей: 1) Erklärung aller in den Russischen Chroniken vorkommenden Namen von Sontagen, nach ihnen benannten Wochen und Heiligentagen, mit genauer Bestimmung der Zeit, in die sie fielen. 2) Ueber den dreifachen Anfang des Jahres in Russland. 3) Berichtigte Zeitangaben der Russischen Jahrbücher. Fortsetzung. Одни заглавія и имя автора заставляютъ уже сильно жалѣть, что статьи не отыскались.

изъ родственниковъ графини Орловой такъ понравился мюнц-кабинетъ Круга, состоявшій изъ иностранныхъ монетъ и медалей, что онъ предложилъ ему взять за то взамѣнъ свое довольно значительное собраніе русскихъ монетъ. Кругъ долго не могъ рѣшиться. Русскій мюнц-кабинетъ его не прельщалъ, потому что онъ не зналъ еще тогда (кажется, это было въ 1795 году) ни русскаго, ни церковно-славянскаго языка. Наконецъ промѣнъ состоялся. Этому много содѣйствовали совѣты профессора Баузе. „Особенно побудила меня“, — говоритъ самъ Кругъ—„увѣренность, что надо быть гораздо богаче меня, чтобъ продолжать какъ я началъ, и все-таки не оставалось надежды когда-нибудь довести свое собраніе до нѣкоторой полноты. Напротивъ, ограничиваясь однѣми монетами страны, которую я избралъ для постояннаго жительства, можно было надѣяться достигнуть этой полноты современемъ“.

Пріобрѣтенный русскій мюнц-кабинетъ былъ сначала мертвымъ капиталомъ для Круга. Онъ не зналъ ни слова по-русски. Монеты заставили его учиться русскому языку; но, выучившись, онъ все-таки не удовлетворилъ своего любопытства въ отношеніи къ монетамъ. Его особенно интересовали надписи на старыхъ монетахъ. Онъ просилъ объяснить ихъ, но объясненія многихъ лицъ ему показались сомнительны; онъ обратился къ ученымъ духовнымъ особамъ; ихъ отвѣты были нѣсколько удовлетворительнѣе. Наконецъ, по благому совѣту тогдашняго архимандрита Донского монастыря, Кругъ сталъ изучать библію и старыя рукописныя лѣтописи, писанныя на церковно-славянскомъ языкѣ, что привело его къ занятію древней русской исторіей. И въ этомъ ему чрезвычайно благопріятствовало пребываніе въ домѣ гр. Орловыхъ. Въ библіотекѣ покойнаго графа (погибшей вмѣстѣ со многими другими въ 1812 году) хранилось много церковно-славянскихъ и русскихъ рукописей. По нимъ и изъ сравнительнаго изученія славянской и греческой библіи выучился Кругъ церковно-славянскому языку. А между тѣмъ его собраніе русскихъ монетъ увеличивалось; онъ скупалъ ихъ безпрерывно въ Москвѣ, внутреннихъ губерніяхъ и южной Россіи, куда ѣздилъ лѣтомъ нѣсколько лѣтъ сряду вмѣстѣ съ семействомъ графини Орловой.

Успѣхи Круга были неимовѣрны. Перемѣна мѣста въ 1801 году не измѣнила его выгоднаго для ученыхъ занятій положенія, и онъ продолжалъ ихъ ревностно. Въ 1803 году онъ писалъ о себѣ: „что сперва было для меня препровожденіемъ времени и игрушкой, стало теперь серьезнымъ дѣломъ. Я скоро выучился по-русски... перечиталъ все, что имѣетъ хоть малѣйшее отношеніе къ русской нумизматикѣ; въ славянскихъ книгахъ и рукописяхъ, правда, нашелъ очень немного такого; но чрезъ это чтеніе я пріобрѣлъ немалыя познанія въ русской исторіи, такъ что теперь по спорнымъ пунктамъ уже спрашиваютъ моего мнѣнія“.

Въ продолженіе этихъ трудовъ созрѣла у Круга мысль написать сочиненіе о русской нумизматикѣ. Къ сожалѣнію, въ біографіи, изъ которой мы беремъ всѣ эти свѣдѣнія, не сказано, когда именно, или, по крайней мѣрѣ, когда впервые высказалъ Кругъ свое намѣреніе. Изучивъ всѣ значительные мюнц-кабинеты въ Москвѣ (между прочими кабинетъ гр. Мусина-Пушкина, Баузе и др.), и перечитавъ всѣ русскіе и иностранные источники русской исторіи, какіе онъ только могъ здѣсь достать, Кругъ захотѣлъ провести нѣсколько времени въ Петербургѣ. Цѣль предполагаемой поѣздки была ученая. Желая по возможности расширить и дополнить свои познанія въ русской нумизматикѣ, Кругъ хотѣлъ изслѣдовать здѣшніе мюнц-кабинеты, воспользоваться библіотекой и собрать всевозможныя свѣдѣнія о русскихъ монетахъ.

Вызовъ Баузе, который въ то время былъ въ Петербургѣ, и другія обстоятельства устроили въ 1803 году эту поѣздку. Въ Петербургѣ уже знали и цѣнили Круга. Мысль издать изслѣдованія о русской нумизматикѣ его не покидала, и въ этомъ намѣреніи сильно поддерживалъ его Баузе. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Кругъ занимался въ Эрмитажѣ и собиралъ новыя данныя для своей работы. Ему всячески помогалъ и содѣйствовалъ Келеръ, подъ исключительнымъ надзоромъ и сохраненіемъ котораго находились эрмитажная библіотека и собраніе древностей. Были и другіе цѣнители нумизматическихъ познаній Круга, особенно между академиками. Они и Келеръ старались навсегда пріобрѣсти для Россіи такой замѣчательный историческій талантъ. Въ академіи въ это время уже давно не было никого по части исторіи. Изъ немногихъ сочленовъ ея, почти исключительно математиковъ и есте-

ствоиспытателей, одинъ Шторхъ обращалъ вниманіе на русскую исторію. Но вскорѣ по вступленіи на престолъ императора Александра рѣшено было, вмѣстѣ съ другими перемѣнами въ Академіи, ввести въ кругъ ея занятій и этотъ предметъ.

Посреди ученыхъ трудовъ и усильной работы надъ задуманной русской нумизматикой, открылись Кругу, съ помощью Келера, виды на положеніе, чрезвычайно благопріятное для его занятій. Въ 1804 году Келеръ объявилъ желаніе имѣть Круга при себѣ помощникомъ по эрмитажной библіотекѣ и мюнц-кабинету, а въ слѣдующемъ году Кругъ дѣйствительно получилъ это мѣсто. „Отсюда“, говоритъ онъ: „началась для меня какъ бы новая жизнь“. Въ то же время (1804) онъ познакомился съ Шторхомъ, который предложилъ ему написать въ теченіе полугода статью о русской исторіи и искать вновь открываемаго по этой части мѣста въ академіи. Вслѣдствіе этого Кругъ представилъ Шторху рукопись своего сочиненія, подъ заглавіемъ: „Einleitung in die Münzgeschichte des Russischen Reichs. Erster Zeitraum. Vom Anfange des Staats bis auf die Regierung Wladimir's des 1-sten“ (Введеніе въ исторію нумизматики Русскаго Государства. Періодъ первый. Отъ начала государства до великокняженія Владиміра I-го). Шторхъ представилъ это сочиненіе академіи, которая въ засѣданіи 27 февраля 1805 году единогласно внесла имя Круга въ списокъ кандидатовъ-соискателей вновь открытыхъ мѣстъ. Но въ томъ же засѣданіи нѣкоторые члены, и въ главѣ ихъ математикъ Гурьевъ, воспротивились принятію Круга въ академію, на томъ основаніи, что онъ не родился въ предѣлахъ имперіи. „Русскіе академики“, говоритъ Кругъ, „стараются (и я думаю, что они правы, потому что мы въ Россіи) всѣ мѣста мало-по-малу по возможности замѣстить русскими. А такъ какъ я нѣмецъ и родился не въ Русской имперіи, напримѣръ въ Лифляндіи, даже никогда не былъ въ русской службѣ, то русскіе академики рѣшительно протестовали противъ моего назначенія“. Но они не протестовали, а только усомнились, можно ли принять Круга. Дѣйствительныя заслуги и несомнѣнныя достоинства его рѣшили дѣло въ его пользу не только въ Академіи наукъ, но и въ Россійской Академіи, которой была передана на обсужденіе его ученая работа, и въ томъ же году онъ былъ избранъ адъюнктомъ академіи по русской исторіи.

Получивъ мѣсто въ академіи, Кругъ счелъ обязанностью публично заявить свое вступленіе на ученое поприще. Намѣреніе издать полную исторію русскихъ монетъ онъ долженъ былъ оставить, потому что только небольшая часть матеріаловъ для этого сочиненія была имъ обработана и готова. Онъ рѣшился раздѣлить весь трудъ на три или четыре части, и первую изъ нихъ издалъ, не означивъ своего имени, осенью въ томъ же 1805 году. Это и была его первая ученая работа, появившаяся въ печати, о которой мы говорили выше.

Первый выпускъ нумизматическихъ изслѣдованій Круга былъ принятъ, какъ мы уже сказали, съ единогласными одобреніями. Еще въ февралѣ мѣсяцѣ, когда сочиненіе было представлено Шторхомъ на открывшійся тогда въ академіи конкурсъ, Шубертъ сказалъ о Кругѣ: „изъ него можетъ выйти второй Шлецеръ“. Рецензіи и критическія статьи, какъ въ Россіи, такъ и за границей, были не менѣе благопріятны. Профессоръ Буле, въ „Московскихъ Ученыхъ Вѣдомостяхъ“, Каченовскій въ „Вѣстникѣ Европы“, Шлихтегроль, Коцебу, Гюльманъ въ Германіи, Оберлинъ во Франціи, не говоря о другихъ, отозвались съ величайшимъ уваженіемъ и похвалами о книгѣ. Въ такомъ же смыслѣ писали къ Кругу Іоганнъ Мюллеръ и Карамзинъ.

Но всего болѣе озабочивало его мнѣніе тогдашняго корифея русской исторической критики, Августа Шлецера. Кругъ не раздѣлялъ всѣхъ мнѣній Шлецера и полемизировалъ противъ нихъ въ своемъ сочиненіи. „Сознаюсь“, говоритъ онъ, „что многія изъ моихъ объясненій самому мнѣ кажутся очень смѣлыми; но, пользуясь случаемъ, я хотѣлъ попробовать, нельзя ли защитить подлинность нѣкоторыхъ мѣстъ въ лѣтописяхъ, мѣстъ, которыя иные склонны считать подложными“. Эти слова относились къ Шлецеру. Какъ приметъ онъ полемику? Останется ли къ ней равнодушнымъ, или, какъ человѣкъ раздражительный, послѣдуетъ первому впечатлѣнію и ѣдко, желчно отзовется о первомъ трудѣ неизвѣстнаго изслѣдователя? Эти вопросы очень занимали Круга. Не нужно предполагать въ немъ непомѣрное самолюбіе, тщеславіе, или излишнее преклоненіе передъ авторитетами, чтобы

найти эту озабоченность весьма естественной и понятной. Кто знаетъ и умѣетъ цѣнить высокія заслуги Шлецера въ критической русской исторіи, кто когда-нибудь самъ выступалъ впервые съ новымъ взглядомъ — результатомъ добросовѣстныхъ трудовъ и мысли, вскормленной и взлелѣянной съ любовью — передъ судъ людей, составившихъ себѣ заслуженное имя въ наукѣ, уже много для нея сдѣлавшихъ и опытныхъ, тотъ не обвинитъ Круга. Не надо забывать, что Шлецеровъ „Опытъ русскихъ лѣтописей" (Probe russischer Annalen. 1768. Bromb. und Göttingen), по собственному его признанію, указалъ ему дорогу въ ученыхъ занятіяхъ русской исторіей; онъ часто разсказывалъ, какъ объясненія знаменитаго критика были для него поучительны и возбуждали его къ работѣ. Наконецъ, въ письмахъ къ Гаспари (въ Дерптѣ) и Якоби (въ Харьковѣ) онъ признаетъ Шлецера своимъ „единственнымъ совѣстнымъ судьей", приговору котораго, исключая, можетъ быть, мелочей, онъ подчинится безусловно и безъ апелляціи. Весьма натурально, что суда такого человѣка онъ ожидалъ не совсѣмъ равнодушно. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1805 года Кругъ писалъ къ брату: „я думаю, что строгій судъ будетъ произнесенъ надо мной въ Геттингенѣ. Я во многихъ мѣстахъ выказалъ ошибки Шлецера, правда, большей частью не называя его, но онъ это почувствуетъ и мнѣ за то отплатитъ. Впрочемъ, это ничего: я все-таки достигну своей послѣдней цѣли, научусь, и въ будущее большое сочиненіе внесу одни твердо основанныя положенія". Рецензія Буле, гдѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ проводится параллель между Шлецеромъ и Кругомъ и отдается послѣднему преимущество, смутила его. Въ началѣ 1806 года онъ писалъ въ одномъ письмѣ: „Фусъ сообщилъ мнѣ Московскія Вѣдомости; помѣщенная здѣсь рецензія вѣрно надѣлаетъ мнѣ много вреда. Параллели между Шлецеромъ и мной дерзки и непремѣнно заставятъ его выискать множество ошибокъ въ моемъ сочиненіи. Я совершенно убѣжденъ въ невозможности когда-либо соперничать съ Шлецеромъ". Даже письма І. Мюллера и Карамзина не могли успокоить Круга, что̀ видно изъ послѣдующаго письма его къ брату.

Въ концѣ ноября 1805 года Кругъ написалъ къ Шлецеру письмо и послалъ свою книгу. Отвѣтъ (въ мартѣ слѣдующаго года) самымъ пріятнымъ образомъ обманулъ его тревожныя ожиданія. Письмо во многихъ отношеніяхъ замѣчательно. Оно дѣлаетъ честь Шлецеру и опредѣляетъ значеніе книги Круга въ нашей тогдашней исторической литературѣ. „Ваше сочиненіе", писалъ Шлецеръ, „меня поразило! Со временъ Байера это первое сочиненіе о древней русской исторіи въ цѣлой Россіи, написанное не только разумно, но съ настоящей критикой и со всей необходимой начитанностью въ иностранныхъ источникахъ; и такъ, первое сочиненіе такого рода черезъ семьдесятъ слишкомъ лѣтъ! Поэтому, сами вы для меня—замѣчательное явленіе, что̀ и даетъ мнѣ смѣлость просить васъ сообщить мнѣ о себѣ ближайшія свѣдѣнія, а именно, въ Россіи ли вы родились? Какъ напали вы на изученіе древней русской исторіи? Откуда пріобрѣли вы ваши несомнѣнныя познанія и т. д. Я спрашиваю васъ не изъ пустого любопытства; можетъ быть, я буду имѣть случай сдѣлать изъ этихъ данныхъ пріятное для васъ употребленіе". Съ тѣмъ вмѣстѣ Шлецеръ обѣщалъ Кругу написать въ маѣ подробный отчетъ о его книгѣ и прислать экземпляръ рецензіи.

Эта нетерпѣливо ожидаемая Кругомъ рецензія наконецъ появилась въ октябрѣ 1806 г. въ „Геттингенскихъ ученыхъ вѣдомостяхъ" (№ 163). Выписываемъ изъ нея семое интересное.

Исчисливъ недостатки сочиненія, касающіеся формы его, а именно: неправильное заглавіе, безпорядочное изложеніе предмета, отсутствіе оглавленія, указателя и т. д., Шлецеръ переходитъ къ исчисленію достоинствъ. „Они", говоритъ Шлецеръ, „важнѣе". Настоящее заглавіе этихъ двѣнадцати листовъ было бы слѣдующее: Критическія изслѣдованія отдѣльныхъ мѣстъ Несторовой лѣтописи (мѣста о древнихъ монетахъ, конечно, составляютъ значительную часть). И эти изслѣдованія, съ тѣхъ поръ, какъ русская литература лишилась Байера (ум. 1738),—первыя въ этомъ родѣ, написанныя и напечатанныя въ самой Россіи, слѣдовательно, первыя и до сихъ поръ единственныя, спустя 67 лѣтъ. Они отличаются двумя вещами: дѣйствительной ученой (только слишкомъ часто смѣлой) критикой и основательной начитанностью въ иностранныхъ сочиненіяхъ; этихъ двухъ свойствъ, какъ извѣстно, недоставало до сихъ поръ всѣмъ безъ исключенія туземцамъ, занимавшимся своей древней

исторіей. Г. Кругъ знакомъ со многими изъ этихъ сочиненій (иностранныхъ), пользуется ими прилежно и тщательно, и большею частью приводитъ подлинныя слова источниковъ. Это не требовало извиненій, а, напротивъ, заслуживаетъ похвалы, и есть обязанность добросовѣстнаго историка тамъ, гдѣ онъ долженъ быть критикомъ".

„... Шлецеръ задалъ много дѣла г. Кругу: иногда онъ (Кругъ) бываетъ къ нему несправедливъ, но очень часто его исправляетъ, поправляетъ и дополняетъ доводами, особенно мѣткими параллелями, которыя дѣлаютъ честь его начитанности.

„На 14 стр. авторъ сознается въ намѣреніи оправдать тѣ мѣста лѣтописи, которыя иные объявляютъ за подложныя. Это, конечно, относится въ особенности къ сказкамъ, отъ которыхъ хотятъ очистить достопочтеннаго Нестора? Намѣреніе похвально, только не надо осуществлять его насильственно... О другомъ важномъ пунктѣ взгляды рецензента и автора еще различнѣе. Г. Кругъ увѣренъ, что Россія рано стояла уже на гораздо высшей степени образованности, чѣмъ многіе думаютъ, и чтобъ осуществить эту любимую мечту, онъ выводитъ изъ своихъ толкованій и произвольной выборки лѣтописныхъ мѣстъ доказательства древности, величія, могущества и образованности, гдѣ другіе, вслѣдствіе живого обзора тогдашняго положенія вещей, ничего не находятъ, кромѣ новизны, малости и дикости. Байеръ называлъ это invento calmo navem aedificare; принимать мимоходный хищническій набѣгъ за прочное завоеваніе, и даже заключать отсюда о постоянной, дружественной связи между грабителями и ограбленными — значитъ поступать подобно генеалогу, который произвелъ родоначальника одной фамиліи въ полковники на томъ основаніи, что по одному свидѣтельству этотъ родоначальникъ прибылъ въ страну во главѣ полка (въ должности барабанщика). Рецензентъ не можетъ себѣ представить, чтобы люди, жившіе до Рюрика далеко на сѣверъ влѣво и вправо за Смоленскомъ, были много лучше Каждакскихъ островитянъ и обитателей пролива Нутки, какими ихъ нашли еще недавно. Всѣ три были въ совершенно одинакомъ положеніи, раздѣлены на маленькія кучки, безъ тѣсной связи между собою, безъ сношеній съ другими, отдѣлены отъ всѣхъ образованныхъ народовъ, притомъ подъ суровымъ небомъ, гдѣ зародышъ человѣческаго развитія, лежащій и въ нихъ столько же, какъ и во всѣхъ другихъ людяхъ, никакимъ образомъ не могъ развернуться безъ чужой помощи извнѣ. Конечно, г. Кругъ не раздѣляетъ мнѣнія нѣкоторыхъ русскихъ и венгерскихъ старовѣровъ, будто позорятъ народъ, когда ему говорятъ, что предки его не были такіе же цивилизованные люди (galants hommes), какъ они теперь,—другими словами, что порочатъ человѣка высокаго ума, въ шесть футовъ ростомъ, когда говорятъ о немъ, что онъ былъ нѣкогда неразумнымъ и маленькимъ ребенкомъ? Напротивъ, какая слава озаряетъ русское государство, когда возникновеніе его представляютъ какъ орудіе Провидѣнія, предназначенное украсить обширный міръ, быть можетъ, въ продолженіе тысячелѣтій остававшійся пустыней, и мало-помалу изъ Мери, Веси и древлянъ, и т. д. сдѣлать *Русскихъ*! Но при такихъ условіяхъ образованіе и послѣ Рюрика должно было идти чрезвычайно медленно...

„...Авторъ объявляетъ, что за этой книжкой выйдутъ еще двѣ или три. Почему не шесть, почему не двѣнадцать? Жатва обильна. Пусть онъ повѣряетъ и исправляетъ Шлецера, пока Шлецеръ можетъ писать: при этомъ выиграютъ обѣ стороны, — но это не важно,—при этомъ выиграютъ истина и достоинство русской исторіи".

Эта рецензія дѣлаетъ тѣмъ болѣе чести Шлецеру, что во второмъ письмѣ къ Кругу онъ откровенно признался, что его изслѣдованія задѣли его самолюбіе.

Въ то время, какъ со всѣхъ сторонъ сыпались доказательства хорошаго впечатлѣнія, произведеннаго книгой, Кругъ усердно работалъ надъ второй частью своихъ нумизматическихъ изслѣдованій, и въ началѣ марта 1806 года представилъ академіи первый отдѣлъ своихъ изысканій о гривнѣ, подъ заглавіемъ: „Abhandlung über die Griwna. Erster Theil. Von der Griwna als Halsschmuck der alten Russen" (Разсужденіе о гривнѣ. Часть первая. О гривнѣ, шейномъ украшеніи древнихъ Руссовъ). Еще въ концѣ года Кругъ намѣревался напечатать это разсужденіе — вторую часть прежняго труда. Но другой предметъ отклонилъ его вниманіе и надолго овладѣлъ имъ. Это была русская хронологія, до того времени исполненная ошибокъ и неправильностей. Для подобной работы. Кругъ имѣлъ всѣ нужныя качества и знанія. Что

его побудило ею заняться—неизвѣстно. Вѣроятно, Шлецеръ далъ первый толчокъ своимъ письмомъ и рецензіей.

Отъ русской хронологіи Кругъ перешелъ къ византійской, но когда и какъ—тоже неизвѣстно. Въ 1810 году появилось его знаменитое сочиненіе „Kritischer Versuch zur Aufklärung der Bysantinischen Chronologie». Имъ не только исправлены и приведены въ ясность нѣсколько сотъ хронологическихъ данныхъ, дотолѣ невѣрныхъ и ошибочныхъ, но, что несравненно важнѣе—съ помощью этой повѣрки былъ пролитъ новый свѣтъ на многія историческія событія, на которыя смотрѣли неправильно, потому что хронологіей занимались слишкомъ поверхностно. Крещеніе Ольги, договоры Олега и Игоря съ Греціей, защищены такимъ образомъ навсегда отъ скептическихъ нападокъ. Первѣйшіе знатоки византійской исторіи въ Европѣ: Гееренъ, Шлоссеръ, Рюсъ, Гюльманъ, Газе, отозвались о сочиненіи Круга въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Въ такомъ же тонѣ появились и другія рецензіи. Многіе ученые воспользовались книгой въ своихъ сочиненіяхъ. Несмотря на то, результаты изслѣдованій Круга о византійской хронологіи почему-то не сдѣлались общеизвѣстными, такъ что въ послѣднія десятилѣтія вышло много книгъ въ Россіи, Германіи и Франціи по исторіи среднихъ вѣковъ вообще и по нѣкоторымъ частямъ руской и византійской государственной, церковной и юридической исторіи, въ которыхъ изысканія Круга вовсе не были приняты въ соображеніе. Не только у извѣстныхъ, но даже у знаменитыхъ писателей находимъ тому доказательства, даже до настоящаго времени. Это часто оскорбляло Круга. Ему было обидно, что книга его, которая такъ превозносилась за границей, не произвела никакого впечатлѣнія въ академіи; что онъ не получилъ за нее ни признательности, ни поощренія; что въ 1815 году онъ все еще былъ адъюнктомъ, а другіе, стоявшіе ниже его, давно его опередили; что самъ Карамзинъ недостаточно обратилъ вниманія на его изслѣдованія, и только по его указаніямъ исправилъ и дополнилъ первые томы своей исторіи, а Полевой даже и не читалъ его. „Если такъ поступаютъ люди, которыхъ я назвалъ“, пишетъ Кругъ: можно ли ожидать, чтобъ другіе, до которыхъ это такъ близко не касается, больше интересовались такими изслѣдованіями? И придетъ ли кому когда-нибудь въ голову перевести подобную книгу вполнѣ, или въ извлеченіи на русскій языкъ, хоть бы иной могъ изъ нея чему-нибудь и поучиться? Печатаютъ же: „мы не понимаемъ такой учености!“ [1]). И послѣ того вѣрь, будто такъ уже сильно желаютъ видѣть изданіе моихъ статей, которыя почти всѣ критическаго содержанія! Разумѣется, это одни слова! Конечно, изъ этого еще не выходитъ, что мои изслѣдованія напрасны; но я въ самомъ дѣлѣ думаю, что полезнѣе употреблю время, пока еще могу работать, продолжая набрасывать на бумагу результаты своихъ изысканій, чѣмъ теряя его на перебѣленіе, пополненіе промежутковъ вещами уже извѣстными и на исправленіе корректуры“.

Этимъ нѣкоторымъ образомъ объясняется, почему съ 1810 года Кругъ не издалъ ни одного большого сочиненія. Все, что имъ напечатано съ этого времени, ограничивается, кромѣ изслѣдованій Лерберга, небольшими статьями или извлеченіями, которыя онъ, по особеннымъ случаямъ, сообщилъ изъ своихъ ученыхъ работъ.

Византійская исторія продолжала занимать его и послѣ 1810 года. Еще за два года передъ тѣмъ (1808), онъ предложилъ академіи объявить всю византійскую хронологію предметомъ ученаго конкурса на академическую премію. Такъ какъ представленныя сочиненія были неудовлетворительны, то Кругъ и Лербергъ предложили возобновить эту тему и продолжить срокъ конкурса до 1815 года. Но на этотъ разъ сочиненій вовсе не представлено (по смерти Круга, академія рѣшила поощрять изученіе византійской исторіи новыми конкурсами). Впрочемъ, результаты дальнѣйшаго изученія византійцевъ, по времени и трудамъ, которые употребилъ на нихъ Кругъ, не представляютъ особенной важности. До насъ дошло нѣсколько небольшихъ разсужденій и отдѣльныхъ тамъ и сямъ разсѣянныхъ замѣтокъ; множество ихъ содержится также въ обширныхъ добавленіяхъ къ обоимъ печатнымъ сочиненіямъ; они отчасти касаются и византійской нумизматики, которою Кругъ тоже долго занимался. Однимъ изъ важнѣй-

[1]) Памекъ на „Догадки и замѣчанія“ С. Глинки, направленныя противъ Шлецера, гдѣ употреблена именно эта фраза.

шихъ результатовъ его византійскихъ изслѣдованій было открытіе, что источникомъ для Нестора служилъ Георгій Амартолъ. Впослѣдствіи, г. П. Строевъ дошелъ до того же результата другимъ путемъ. Во всякомъ случаѣ, Кругу принадлежитъ честь перваго открытія факта, столь важнаго для древней русской исторіи и объясненія Несторовой лѣтописи.

Послѣ 1810 года изслѣдованія Круга о русской исторіи относились въ особенности къ до-татарскому періоду. Мысль обработать исторію одного изъ московскихъ государей, занимавшая его еще въ 1805 году, впослѣдствіи была совершенно оставлена. Тогдашнее состояніе источниковъ и необработанность по времени первыхъ вопросовъ русской исторіи, подававшихъ поводъ къ самымъ нелѣпымъ мнѣніямъ, сосредочили все вниманіе Круга на первыхъ вѣкахъ русской исторіи. Послѣ нумизматики, хронологіи и византійской исторіи, онъ сталъ изучать вопросъ о происхожденіи варяговъ-Руси. Съ неутомимымъ трудолюбіемъ и добросовѣстностью, которыя составляли характеристическую черту Круга, изучилъ онъ не только византійскіе и русскіе источники, но и скандинавскіе, множество средневѣковыхъ латинскихъ источниковъ и впослѣдствіи даже восточные. Такимъ образомъ, онъ открылъ нѣсколько новыхъ свидѣтельствъ о происхожденіи варяго-руссовъ: но главная заслуга его заключается въ томъ, что онъ уже началъ понимать рѣзкую національную и политическую противоположность, долго существовавшую между норманскими руссами и восточными славянами. Къ сожалѣнію, этотъ результатъ оставался недоступнымъ для другихъ, потому что Кругъ медлилъ изданіемъ своихъ ученыхъ трудовъ. Нельзя себѣ представить, съ какимъ вниманіемъ и терпѣніемъ онъ изучалъ источники, входилъ въ малѣйшія подробности избраннаго предмета, захватывалъ побочные вопросы, даже такіе, которые имѣли самую отдаленную связь съ главной темой. Вотъ одинъ примѣръ, изъ многихъ: чтобы правильно объяснять мѣста изъ русскихъ лѣтописей, онъ не ограничился познаніями въ церковно-славянскомъ языкѣ, пріобрѣтенными въ Москвѣ, а употребилъ на ближайшее съ нимъ знакомство еще два года въ Петербургѣ. Средства для изученія церковно-славянскаго языка тогда были еще скудны; Кругъ рѣшился на тяжкій путь. Онъ началъ сравнивать церковно-славянскую библію (вдобавокъ по разнымъ чтеніямъ, съ ветхимъ завѣтомъ семидесяти толковниковъ и греческимъ текстомъ евангелій. Такимъ образомъ прочиталъ онъ славянскую библію четыре раза съ начала до конца, и только послѣ такой работы считалъ свои свѣдѣнія достаточными для правильнаго уразумѣнія и точной передачи подлинныхъ словъ славянскихъ лѣтописцевъ. Этотъ тяжкій трудъ не остался безплоднымъ, что̀ видно изъ обстоятельныхъ толкованій разныхъ свидѣтельствъ лѣтописи въ его статьяхъ. Кромѣ того, Кругъ могъ вполнѣ оцѣнить достоинство древнѣйшихъ списковъ, отличающихся чистотой церковно-славянской конструкціи и выраженій; не забудемъ, что изданіе Остромірова Евангелія тѣсно связано съ именемъ Круга. Число перечитанныхъ и собранныхъ имъ матеріаловъ изумительно. Довольно взглянуть на бывшія у него подъ руками изданія славянскихъ, византійскихъ, латинскихъ и исландскихъ источниковъ и отмѣтки въ нихъ, чтобы въ этомъ убѣдиться. Большую часть зрѣлаго возраста провелъ онъ въ изученіи иностранныхъ источниковъ. Работа невидная и неблагодарная въ приложеніи къ первымъ четыремъ вѣкамъ русской исторіи, мало освѣщаемымъ иностранными извѣстіями! Когда Кругъ приступилъ къ обработкѣ собранныхъ историческихъ матеріаловъ, ему уже минуло пятьдесятъ лѣтъ. Самаго трудолюбиваго ученаго недостало бы на обработку такого множества данныхъ, особенно съ той обстоятельностью, какъ это дѣлалъ Кругъ. А онъ вдобавокъ и утомился. Въ 1818 году онъ писалъ къ одному изъ своихъ друзей (кажется, Эверсу): „Къ сожалѣнію, я употребилъ слишкомъ много времени на чтеніе (источниковъ), захватилъ слишкомъ много, мои приготовленія чрезъ мѣру расширились, мнѣ бы слѣдовало ограничить собираніе матеріаловъ; иное, можетъ быть и многое, останется теперь напрасно собраннымъ и недоконченнымъ, даже и не начатымъ: недостанетъ времени и силъ обработать. Я ужъ не могу быть такъ же прилежнымъ, какъ былъ, и такъ и умру, не издавъ и десятой доли результатовъ моего чтенія". Въ двадцатыхъ годахъ Кругъ искалъ уже человѣка, который могъ бы привести въ порядокъ и издать его ученое наслѣдіе послѣ его смерти. Отъ времени до времени, онъ еще самъ принимался за разные начатые

свои труды, съ тѣмъ, чтобъ ихъ докончить; но силъ недоставало.

Въ продолженіе академической дѣятельности Кругъ покровительствовалъ и оказывалъ содѣйствіе многимъ молодымъ ученымъ, которые впослѣдствіи заняли почетное мѣсто въ русской исторической литературѣ. Вскорѣ послѣ принятія Круга въ академію, возвратился изъ Геттингена любимый ученикъ Ав. Шлецера, А. И. Тургеневъ. Кругъ всячески старался направить его на ученую дорогу и серьезно помышлялъ предложить его въ адъюнкты академіи по части русской исторіи. Но, по домашнимъ обстоятельствамъ Тургенева, это не состоялось. Тогда Кругъ обратилъ вниманіе на двухъ другихъ молодыхъ людей, которыхъ, между прочимъ, Шлецеровъ „Несторъ" пристрастилъ къ изученію русской исторіи. То были Лербергъ, дерптскій уроженецъ, и Эверсъ, прибывшій изъ Германіи и поселившійся въ Дерптѣ. Съ первымъ Кругъ былъ въ тѣсной дружбѣ, которая завязалась съ 1805 года. Въ мартѣ 1807 года, Лербергъ, по предложенію Круга, былъ избранъ въ члены академіи по русской исторіи. По смерти своего друга, Кругъ издалъ его сочиненія подъ заглавіемъ: „Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands von A. C. Lehrberg, etc. St. Petersburg. 1816. in 4". (Изслѣдованія, служащія къ объясненію древнѣйшей русской исторіи, А. К. Лерберга, и т. д. Санктпетербургъ. 1816 г.). Съ Эверсомъ Кругъ познакомился въ 1808 году, сдружился съ нимъ, и эта связь продолжалась слишкомъ двадцать лѣтъ. Въ 1808, и потомъ опять въ 1813 году, Кругъ очень желалъ ввести Эверса въ академію, но попытки его были напрасны. Тѣмъ не менѣе Кругъ успѣлъ оказать Эверсу весьма существенныя услуги: защитилъ его противъ крутыхъ нападокъ Шлецера и много содѣйствовалъ ему въ полученіи каѳедры въ Дерптскомъ университетѣ. Все это дѣлаетъ тѣмъ болѣе чести Кругу, что онъ не раздѣлялъ ученыхъ убѣжденій Эверса. Наконецъ, стараніями Круга, вступилъ въ академію Френъ, основатель наукообразнаго изученія мухаммеданскаго востока въ Россіи; г. Погодина тоже онъ замѣтилъ въ самомъ началѣ его ученолитературной дѣятельности. „Такого критическаго ума и здраваго сужденія я еще не встрѣчалъ между молодыми русскими", писалъ онъ въ 1826 году къ одному изъ друзей, прочитавъ изслѣдованія „О происхожденіи Руси", изданныя въ 1825 году. Кругъ хотѣлъ имѣть г. Погодина своимъ адъюнктомъ, въ 1826 году предложилъ въ членыкорреспонденты, а въ 1828 году въ адъюнкты академіи. Послѣднее, несмотря на единогласное избраніе, не состоялось. Такое же содѣйствіе оказывалъ Кругъ Шегрену, который, по его предложенію, былъ принятъ въ сочлены академіи; г. Устрялову, избранному, по рекомендаціи Круга, въ адъюнкты по русской исторіи въ 1837 году. Словомъ, всѣхъ замѣчательныхъ и ученыхъ молодыхъ людей, которыхъ занятія имѣли прямое или косвенное отношеніе къ русской исторіи, Кругъ поддерживалъ всѣми силами, и старался упрочить и обезпечить ихъ дальнѣйшую ученую дѣятельность. Черта характера весьма почтенная и, къ сожалѣнію, весьма рѣдкая въ ученыхъ.

Въ заключеніе очерка многообразной дѣятельности Круга на пользу русской исторіи, остается сказать нѣсколько словъ о его отношеніяхъ въ покойному канцлеру Н. П. Румянцеву. Они раскрываютъ не менѣе интересную и достойную уваженія сторону ученаго поприща Круга.

Канцлеръ познакомился съ Кругомъ въ числѣ другихъ знатоковъ и любителей русской исторіи; но ихъ сближеніе началось по смерти Лерберга, который былъ другомъ обоихъ. Съ этого времени тянется рядъ проектовъ и плановъ, задуманныхъ ими вмѣстѣ, и которыхъ цѣлью было подвигать изученіе русской исторіи. Однимъ изъ первыхъ предпріятій, внушенныхъ Румянцеву Кругомъ, было изданіе византійскихъ источниковъ русской исторіи, а именно Георгія Амартола и Льва Дьякона. По порученію канцлера, Кругъ вошелъ для того въ сношенія съ эллинистомъ Газе въ Парижѣ (1813 и 1814). Газе ужъ нѣсколько лѣтъ готовилъ изданіе Льва Дьякона; Румянцевъ вызвался взять на себя издержки. Цѣль достигнута не прежде 1819 г. Другія предпріятія, сюда относящіяся—изданіе многихъ ненапечатанныхъ византійскихъ источниковъ, поиски въ библіотекахъ Англіи и собраніяхъ рукописей въ монастыряхъ Азіи, приведеніе въ извѣстность византійскихъ рукописей въ Испаніи—все это осталось неисполненнымъ за смертью Румянцева. Только часть этихъ плановъ—изданіе Пселля и Амартола, приводится въ исполненіе теперь. Кругъ былъ душою этихъ предпріятій

и велъ по нимъ переписку съ европейскими учеными и духовными особами въ Константинополѣ и Азіи. Потомъ Румянцевъ обратилъ вниманіе на классическіе греко-римскіе памятники и описанія южной Россіи, и усердно собиралъ босфорскія медали и другіе памятники. И въ этомъ Кругъ былъ его совѣтниковъ и органомъ. Изданное по этому предмету на счетъ канцлера маловажно въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ задумалъ.

Кавказъ сдѣлался для него тоже предметомъ любопытства. Онъ хотѣлъ узнать его исторію съ помощью оріенталистовъ, а впослѣдствіи и арменистовъ. Когда утраченная въ подлинникѣ хроника Евсевія была найдена въ армянскомъ переводѣ, у него родилась надежда отыскать и другихъ не дошедшихъ до насъ классическихъ писателей въ такихъ же переводахъ.

Извѣстно, съ какою ревностью канцлеръ собиралъ и издавалъ памятники церковно-славянской литературы. О каждомъ пріобрѣтеніи такого рода онъ сообщалъ Кругу, который поддерживалъ его страсть, указывалъ на лингвистическую важность тѣхъ изъ нихъ, которые не представляли ничего особеннаго для исторіи, и обратилъ вниманіе канцлера на заграничныя церковно-славянскія рукописи, напримѣръ, парижскія. По рекомендаціи Круга, Румянцевъ поручалъ многія весьма важныя работы Востокову — напримѣръ, изданіе Остромірова Евангелія. Чрезъ Круга Румянцевъ познакомился съ Френомъ, къ которому былъ очень хорошо расположенъ. Узнавъ, что восточныя литературы могутъ многое пояснить въ древне-русской исторіи и этнографіи, Румянцевъ началъ собирать восточныя монеты и рукописи, и изъявилъ готовность напечатать ихъ цѣликомъ или въ извлеченіяхъ. Задумано собраніе восточныхъ извѣстій о норманнахъ, славянахъ, болгарахъ, козарахъ, монголахъ, татарахъ, грузинахъ и другихъ кавказскихъ народахъ. Канцлеръ хотѣлъ печатать его на свой счетъ. Вести дѣло поручено Кругу, который для этого вошелъ въ сношенія со многими оріенталистами и другими учеными. Со смертью канцлера это предпріятіе разстроилось. На деньги, посланныя Румянцевымъ къ Сенъ-Мартену для предположеннаго изданія, готовится теперь собраніе однихъ византійскихъ извѣстій.

Исторія генуэзскихъ колоній у Чернаго моря также живо интересовала канцлера. Съ нею былъ тѣсно связанъ вопросъ о древнѣйшихъ торговыхъ сношеніяхъ между Европой и Азіей черезъ Россію—сношеніяхъ, которыя опровергались нѣкоторыми учеными, между прочимъ Шлецеромъ, и существованіе которыхъ потомъ сдѣлалось несомнѣннымъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ ближе познакомились съ восточной нумизматикой. Канцлера занимала мысль составить исторію древней русской торговли. Много было сдѣлано для собранія нужныхъ свѣдѣній; но результаты не соотвѣтствовали ожиданіямъ. Изслѣдованія отношеній Ганзы къ Новгороду, Лифляндіи, Эстляндіи и т. д. были обильнѣе послѣдствіями. Къ сожалѣнію, наука не могла извлечь изъ нихъ пользы, ожиданной канцлеромъ. И во всѣхъ этихъ предпріятіяхъ Кругъ игралъ важную роль. Онъ велъ переписку съ учеными Генуи, вызвался доставить канцлеру копіи съ географическихъ картъ, составленныхъ въ средніе вѣка итальянцами; по порученію канцлера, сносился съ германскими учеными для отысканія свидѣтельствъ о древнѣйшей русской торговлѣ, и по его предложенію и выбору былъ посланъ канцлеромъ молодой ученый въ Германію, для разъясненія исторіи сношеній Ганзы съ Россіей.

Наконецъ, нельзя пройти молчаніемъ участіе Круга въ предположенномъ Румянцевымъ изданіи русскихъ лѣтописей и въ археографической экспедиціи археолога П. М. Строева.

Въ ноябрѣ 1813 года министръ народнаго просвѣщенія, Разумовскій, словесно сообщилъ Кругу, что канцлеръ подарилъ академіи 25,000 руб. асс. для изданія русскихъ лѣтописей. Вмѣстѣ съ тѣмъ министръ предложилъ Кругу принять на себя это изданіе по плану Шлецера. По этому случаю Кругъ, спустя нѣсколько времени, подалъ министру записку, гдѣ подробно изложилъ причины, по которымъ не можетъ принять на себя изданія, самый планъ его, свои предположенія о томъ, какое другое полезное употребленіе можно бы сдѣлать изъ этихъ денегъ, еслибъ изданіе лѣтописей не состоялось; наконецъ взглядъ на причины, препятствовавшія у насъ въ то время развитію историческихъ наукъ вообще и русской исторіи въ особенности. Эта записка — важный историческій документъ для исторіи русскаго просвѣщенія. Она показываетъ, какъ быстро оно у насъ идетъ и съ какой заботливостью правительство устраняетъ всѣ замѣченныя препятствія къ преуспѣянію изу-

ченія русской исторіи. Мы не имѣемъ никакого понятія о тѣхъ трудностяхъ, съ которыми должны были бороться наши ученые, какихъ-нибудь тридцать лѣтъ назадъ.

Изложивъ, какія условія долженъ совмѣщать въ себѣ издатель русскихъ лѣтописей по мысли Шлецера, Кругъ говоритъ: „Эти условія, какъ они ни необходимы, рѣдко бываютъ соединены въ одномъ лицѣ, и нужны совершенно иныя обстоятельства, чѣмъ теперешнія, чтобъ молодые русскіе рѣшились лишь попробовать пріобрѣсти хоть нѣкоторыя изъ нихъ. На мнѣ лежитъ обязанность доказать то, что я говорю, и показать, *почему* это такъ. Но чтобъ имѣть возможность это дѣлать, я позволю себѣ, какъ это ни тягостно, сказать вашему сіятельству нѣсколько подробнѣе о самомъ себѣ, потому только, что я, разумѣется, знаю лучше свое положеніе, чѣмъ другихъ". Разсказавъ свою ученую дѣятельность, изданныя сочиненія и лестные отзывы о нихъ и за границей, Кругъ продолжаетъ: „Въ Россіи же—совсѣмъ другое! Быть можетъ, скажутъ: это происходитъ оттого, что мои сочиненія написаны на иностранномъ языкѣ. Но первая моя книга уже въ 1807 году вышла въ русскомъ переводѣ; а кто ее знаетъ, и кто читаетъ?"...

Отказываясь отъ изданія лѣтописей лѣтами, разными начатыми и предположенными работами, и предлагая поручить это дѣло Эверсу и какому-нибудь ученому изъ русскихъ, Кругъ находилъ возможнымъ въ случаѣ, если изданіе лѣтописей почему-либо окажется неудобнымъ, употребить внесенныя канцлеромъ деньги на полное изданіе иностранцевъ, писавшихъ о Россіи съ XIII до конца XVII вѣка, или на изданіе Георгія Амартола.

Археологическое путешествіе Строева насчетъ академіи опредѣлено въ 1828 году. За два года передъ тѣмъ академія, по предложенію Круга, избрала гг. Строева и Погодина въ свои члены корреспонденты. Уже въ 1817 и 1818 годахъ, г. Строевъ объѣздилъ по порученію канцлера многія губерніи для изслѣдованія монастырскихъ архивовъ и библіотекъ. Въ 1823 году онъ представилъ московскому Обществу исторіи и древностей россійскихъ, какіе важные результаты можетъ имѣть путешествіе по внутренней Россіи для русской исторіи и церковно-славянской литературы. Впослѣдствіи онъ представилъ свой планъ академіи и просилъ ее сдѣлать для него возможнымъ такое путешествіе. На Круга возложено было представить объ этомъ докладъ. Кругъ вполнѣ одобрилъ проектъ г. Строева, вслѣдствіе чего академія приняла предложеніе и археографическое путешествіе, имѣвшее такія важныя послѣдствія для изученія древней Руси, состоялось. Однимъ изъ результатовъ его было собраніе драгоцѣнныхъ историко-юридическихъ актовъ, значительная часть которыхъ издана въ четырехъ томахъ археографической коммиссіей подъ названіемъ: „Акты, собранные въ архивахъ и библіотекахъ Россійской Имперіи археологическою экспедиціею".

Наконецъ, Кругу же обязана нѣкоторымъ образомъ наука образцовымъ изданіемъ „Каталога Румянцевскаго музея" Востоковымъ. Когда Румянцевскій музей поступилъ въ казенное вѣдомство, братъ покойнаго канцлера предложилъ Кругу принять на себя его завѣдываніе, но Кругъ отказался и рекомендовалъ на это мѣсто Востокова. Заслуги послѣдняго извѣстны всему русскому ученому міру, и въ жизни Круга, конечно, не послѣднюю свѣтлую точку представляетъ благородное покровительство такой ученой знаменитости.

Вотъ очеркъ ученой и служебной дѣятельности Круга на пользу русской исторіи. Его частная жизнь, его, такъ сказать, неоффиціальныя отношенія не вошли въ составъ его біографіи, изданной вмѣстѣ съ его посмертными учеными трудами. Мы думаемъ, что г. Куникъ поступилъ весьма правильно, опустивъ эту сторону жизнеописанія Круга. Не говоря уже, что домашняя, частная, субъективная жизнь Круга слишкомъ близка къ нашему времени и потому не можетъ быть передана вполнѣ и правдиво, она, какъ намъ кажется, не имѣетъ особеннаго интереса для большинства читателей, исключая тѣхъ, которые были близки къ покойному и связаны съ нимъ дружбой. Кругъ былъ по преимуществу изслѣдователь, критикъ, а не историкъ. Онъ видѣлъ въ своихъ изысканіяхъ необходимое приготовленіе къ *критической русской исторіи*, и съ любовью остановился на предварительной разработкѣ фактовъ. Вотъ почему объемъ его изслѣдованій мало-по-малу съуживался и, наконецъ, ограничился первыми четыремя вѣками русской исторіи. Оспаривать важность и необходимость критической исторіи было бы странно въ наше время.

И русская и иностранная историческія литературы слишкомъ убѣдительно доказываютъ, какое огромное значеніе она имѣетъ въ развитіи историческаго смысла и какъ, посредствомъ мелочной критики, повидимому, ничтожныхъ подробностей, открываются цѣлыя историческія эпохи и возстановляется настоящій смыслъ событій, искаженныхъ вольной и невольной ложью современныхъ и послѣдующихъ сказателей и писателей. Но, отдавая въ полной мѣрѣ должную справедливость критической разработкѣ исторіи, нельзя не согласиться, что она только половина и даже, какъ мы осмѣливаемся думать, второстепенная половина великой науки исторіи. Это ея подножіе, прочный фундаментъ, если хотите, ея внѣшняя оболочка, но еще не она сама. Разработка данныхъ—то же въ исторіи, что техническая сторона въ художествахъ, выработанный слогъ или стихъ въ изящной литературѣ. Ихъ взаимная связь и вліяніе другъ на друга не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію, но они не одно и то же. Художественная техника никогда не была доведена до той высоты, на какой теперь стоитъ,—а искусство въ упадкѣ; у насъ много людей, владѣющихъ стихомъ и прозой не хуже первоклассныхъ русскихъ поэтовъ и прозаиковъ,—а нѣтъ великихъ писателей. То же и въ исторіи. Можно съ величайшею подробностью изучить всѣ историческіе факты и не быть историкомъ. Это потому, что исторія—не собраніе данныхъ въ ихъ хронологической послѣдовательности и фактическомъ сцѣпленіи, такъ же какъ художественное произведеніе не есть одно правильное сочетаніе тѣней, красокъ, звуковъ или словъ: она живое откровеніе народнаго духа, его характера и наклонностей, достоинствъ и недостатковъ, какъ они опредѣлялись въ дѣйствительности, подъ вліяніемъ тысячи внѣшнихъ условій. Исторія въ этомъ высшемъ значеніи есть не только повѣсть о бывшемъ, но разумѣніе настоящаго, чаяніе будущаго. Это физіологія историческихъ типовъ, изученіе человѣка въ его опредѣленномъ дѣйствительномъ бытіи. Она даетъ непосредственное сознаніе народности, и потому воспитываетъ, развиваетъ, укрѣпляетъ и освѣжаетъ народный духъ. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ исторія въ первоначальной формѣ пѣсни, сказки, преданія, до ея теперешнихъ колоссальныхъ, величественныхъ размѣровъ, она вездѣ и всегда, сознательно и безсознательно, имѣла это значеніе. Правда, степень развитія, потребности времени, господство разныхъ философскихъ школъ, наконецъ, бо́льшая или меньшая даровитость писателей, нерѣдко искажали и затемняли это призваніе исторіи. Въ ней искали прямыхъ уроковъ, но она не наставница съ указкой въ рукѣ; изъ нея черпали доказательства непреложной справедливости самыхъ различныхъ мнѣній, системъ, началъ, направленій: она опровергаетъ и подтверждаетъ всѣ и потому ни одного не отстаиваетъ, ни одного не исключаетъ, какъ бы смѣясь надъ ограниченностью и узкостью людей. Ее строили по готовымъ схемамъ, любимымъ мыслямъ, дѣлали ее ареной и судьей всѣхъ литературныхъ, философскихъ и политическихъ споровъ; но она выше всего этого. Исторія не даетъ готовой формулы на вѣчные вѣки, не создаетъ опредѣленной системы, не вмѣшивается въ пренія и распри людей, не снабжаетъ кодексомъ нравственныхъ правилъ; какъ созданіе искусства, она настроиваетъ, вырабатываетъ непосредственную основу человѣческой дѣятельности, изъ которой выходятъ мысли и дѣйствія, даетъ смыслъ и тактъ, питаетъ живительными источниками нравственную природу человѣка, не стѣсняя его дѣятельности, не связывая его ума и воли. Исторія возвращаетъ мысль изъ области отвлеченностей, въ которыя она охотно вдается, стремясь безпрерывно впередъ, въ міръ дѣйствительности, уравновѣшиваетъ ея порывы съ условіями данной среды, которыми мышленіе слишкомъ часто пренебрегаетъ, въ ущербъ цѣльности, гармоничности человѣческой природы, во вредъ плодотворной и энергической дѣятельности.

Написать исторію въ этомъ высшемъ ея значеніи и критическую исторію - двѣ вещи разныя. Повторяемъ, первая не можетъ быть совершенна безъ второй, но вторая ея не замѣнитъ ни въ какомъ случаѣ. Каждая изъ нихъ идетъ, развивается своей дорогой, имѣетъ своихъ дѣятелей и поборниковъ; обѣ дополняютъ, развиваютъ другъ друга, но не сливаются. То вѣрно, что блистательная роль въ жизни и судьбѣ народовъ не предстоитъ критической исторіи: она такъ спеціальна, суха, такъ строга, что не можетъ быть предметомъ общаго благоговѣнія. Ей въ удѣлъ заслуженное уваженіе небольшого числа ученыхъ, исключительно занимающихся предметомъ. Всеобщность, нравственное дѣйствіе и вліяніе всегда будутъ принадлежать исторіи

художественно написанной, и только она можетъ быть „священной книгой народовъ“, по выраженію Карамзина. Напрасно говорятъ нѣкоторые ученые: погодите писать такую исторію; вотъ неизслѣдованный вопросъ, вотъ необъясненное событіе; ихъ нужно сперва обработать критически, и уже потомъ приняться за цѣлое. Въ живой литературѣ никогда не бываетъ и не можетъ быть такой постепенности. Никто не ждетъ другого; всѣ дѣлаютъ свое, потому что задача разная. Исторія, въ ея высшемъ, національномъ значеніи, есть складалище народныхъ вѣрованій, цвѣтъ умственнаго и нравственнаго развитія народа, его послѣднее слово въ данное время. Это нѣчто больше вѣрнаго разсказа фактовъ, и потому-то она не можетъ быть отложена до полнаго ихъ возстановленія и обработки. Въ этомъ смыслѣ принималъ исторію Карамзинъ. Критическая сторона „Исторіи Государства Россійскаго“ слаба и недостаточна. Можно ли сравнивать превосходныя изслѣдованія Круга, Шлёцера, Эверса, Лерберга, Неймана съ розысканіями Карамзина? А между тѣмъ, его „Исторія“ имѣетъ огромную извѣстность, воспитала нѣсколько поколѣній и занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ лѣтописяхъ русскаго образованія. Отчего? Конечно, не вслѣдствіе буквальной вѣрности разсказа событій, непреложности выводовъ и заключеній, тѣмъ менѣе вслѣдствіе существеннаго достоинства основного взгляда автора. Въ ученомъ и историческомъ отношеніяхъ эта книга уже перестала быть авторитетомъ; были и во время ея появленія люди, способные произнести объ ней такой же судъ. Но что̀ ставило ея выше критики, что составляетъ ея силу, дало ей великое значеніе? То, что она была первымъ и по времени довольно удачнымъ опытомъ создать народную исторію. Ея нравственная сторона неизмѣримо высока. Она дала Карамзину силы побѣдить невѣроятныя трудности, совершить трудъ, въ матеріальномъ отношеніи и теперь еще кажущійся невозможнымъ для одного лица при большихъ ученыхъ средствахъ и пособіяхъ. То же было и прежде? Отчего такъ преслѣдовалъ Ломоносовъ Миллера и Шлёцера? Оттого, что онъ предчувствовалъ животрепещущее отношеніе исторіи къ народной жизни. Откуда взялись столько же эксентрическія направленія въ изученіи русской исторіи послѣ Карамзина? Изъ того же источника. Вопросъ о происхожденіи Руси, вопросъ о древней и новой Россіи, близко принимались и принимаются къ сердцу, потому что съ ними тѣсно связывали или связываютъ національные интересы. Эта связь бываетъ болѣе или менѣе груба, смотря по времени и степени образованности; но она существовала и никогда не исчезнетъ. Въ исторіи каждая сторона народной жизни, даже не имѣющая всеобщаго значенія, требуетъ признанія и подобающаго ей мѣста именно потому, что послѣдняя—не курсъ философіи, не математическое построеніе вѣчныхъ истинъ, а художественное воспроизведеніе дѣйствительности и народнаго духа. Такое великое нравственное и общественное призваніе исторіи едва ли гдѣ-нибудь такъ ощутительно, потребность ея такъ настоятельна, какъ у насъ.

... Исторія, въ смыслѣ художественнаго воспроизведенія національной жизни, какова бы она ни была, есть одинъ изъ сильнѣйшихъ двигателей цивилизаціи, одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ вывести сознаніе изъ вѣками пробитой колеи общихъ, отвлеченныхъ воззрѣній на путь цѣльнаго, живого, органическаго развитія. Эта роль предстоитъ и русской исторіи. Возростающій къ ней интересъ ясно показываетъ, какое направленіе начинаетъ принимать наша жизнь. Исторіей обозначается и все болѣе и болѣе будетъ обозначаться развитіе нашего самосознанія, возмужаніе чувства національности, укрѣпленіе непосредственной, единственно твердой почвы дѣятельности и практическаго, простого разумѣнія.

Едва ли нужно доказывать, что, говоря о великой будущности и значеніи русской исторіи, мы разумѣемъ подъ ней не фантасмагоріи, которыя наивно выдаются нѣкоторыми за русскую старину, ибо мысль сбилась съ пути, воззрѣніе забыло и потеряло основное начало, вызвавшее его наружу, когда они схематизируются въ неподвижныя рамки и ратуютъ съ своими противниками, не разбирая средствъ. Мы вполнѣ понимаемъ, что можно смотрѣть на вещи различнымъ образомъ, и что онѣ непремѣнно такъ и представляются, имѣя тысячи сторонъ и отражаясь розно въ различныхъ умахъ; но есть способы выраженія мнѣній, которые лишаютъ послѣднія всякаго довѣрія, набрасываютъ на нихъ тѣнь лжи и обмана.

Чтобы написать національную исторію, надо необходимо принадлежать къ народу по рож-

денію и воспитанію, ибо можно вполнѣ изучить и понять геній чуждой народности, можно до извѣстной степени имъ проникнуться или подъ него поддѣлаться, но непремѣнно останется черта, болѣе или менѣе рѣзкая, которая обозначитъ безконечное различіе между копіей и подлинникомъ, какъ естественное отличается отъ искусственнаго, непосредственно-присущее отъ пріобрѣтеннаго и прививного. Какъ нельзя дать геній, талантъ, индивидуальную особенность, а только можно развить готовое и уже существующее въ зародышѣ, такъ и національный типъ, умъ, складъ, геній можно развить, а не пріобрѣсти. Правда, нѣкоторые противополагаютъ у насъ народное человѣческому, искусственное—не естественному, а патріархальному, безсознательное—разумному. Но мы говоримъ не объ этомъ хаосѣ понятій и близорукомъ непониманіи вещей. Изъ того, что для нѣкоторыхъ все разумное есть иностранное, сознательное — неестественное, еще не слѣдуетъ, чтобъ это дѣйствительно такъ было.

Возвратимся къ Кругу, біографія котораго подала намъ поводъ къ этому невольному отступленію. Ученая и служебная его дѣятельность почтенна и поучительна, принадлежитъ Россіи и составляетъ важную страницу въ исторіи русской цивилизаціи; но частная, внутренняя, невидимая сторона его развитія не имѣетъ для насъ этого интереса. Онъ былъ замѣчательный знатокъ, добросовѣстный изслѣдователь русской исторіи, но не былъ и не могъ быть у насъ историкомъ. То же должно сказать и о цѣлой, болѣе чѣмъ замѣчательной школѣ иностранныхъ ученыхъ, изучавшихъ Россію въ какихъ бы то ни было отношеніяхъ. Безъ нихъ наука не получила бы у насъ такъ скоро права гражданства, не были бы заброшены тѣ зачатки критическаго изученія насъ самихъ, которые успѣли уже пустить корни въ Россіи, даже принести плодъ. Но ихъ частная біографія есть достояніе той національности, къ которой они принадлежали. Это для насъ не то, что біографія замѣчательныхъ русскихъ. Подробности ихъ частной жизни, черты ихъ характера близки къ намъ, ибо въ нихъ выражаются наши успѣхи, степень развитія, хорошія и дурныя стороны,— словомъ, нашъ народный геній. Въ ихъ нравственной природѣ, частной жизни, сношеніяхъ, занятіяхъ, наклонностяхъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ— зародышъ и ключъ къ направленію и взглядамъ, которые они принесли съ собой въ политическую, служебную, ученую дѣятельность: внѣшнее и оффиціальное находится въ тѣснѣйшей органической связи съ внутреннимъ.

Думаемъ, что, высказавъ такое мнѣніе, мы достаточно оградили себя отъ всякаго подозрѣнія въ пристрастіи къ школѣ нѣмецкихъ ученыхъ, которые въ продолженіе прошлаго столѣтія и въ началѣ теперешняго создали науку русской исторіи и первые дали критическое, серьезное направленіе изслѣдованіямъ. Не перецѣнивая ихъ безотносительнаго достоинства, не отрицая ошибокъ и, можетъ быть, пристрастій, вкравшихся въ ихъ труды, мы однако не можемъ равнодушно вспомнить о придиркахъ, насмѣшкахъ и обвиненіяхъ, которыми ихъ окружали. Оскорбительно читать или слышать преднамѣренно-невыгодныя разсужденія объ нихъ въ наше время, когда, благодаря ихъ предварительнымъ трудамъ, и пройдя чрезъ ихъ школу, мы наконецъ сами доросли до способности и возможности идти далѣе, понимать себя яснѣе, и, слѣдовательно, имѣемъ все, что нужно для безпристрастной оцѣнки заслугъ прежнихъ дѣятелей. Ничтожныя нападки такого рода, обличающія систематическое униженіе дѣйствительныхъ достоинствъ, неподходящихъ подъ извѣстныя схемы и узкія формулы, не достигаютъ предположенной цѣли. Онѣ выказываютъ пристрастіе и слабость, несовмѣстимую съ убѣжденіемъ, ибо убѣжденіе не имѣетъ нужды въ штукахъ, знаетъ свою силу, знаетъ, что рано или поздно за нимъ побѣда, и не унижается до всякихъ средствъ, чтобъ ее упрочить. Выдумывать небылицы на Шлёцера, Миллера, Лерберга и другихъ ученыхъ, писавшихъ о русской исторіи, вмѣсто того, чтобъ обнаружить ихъ дѣйствительно слабыя стороны, — еще не значитъ оказать услугу русской исторіи, найти новый аргументъ въ пользу нашей народности, или возбудить сочувствіе и уваженіе къ образу мыслей, идущему по такому пути.

Біографія Круга представляетъ много поучительнаго для придирчивыхъ, пристрастныхъ порицателей школы, къ которой онъ принадлежалъ. Онъ живо сочувствовалъ и всячески содѣйствовалъ всѣмъ предпріятіямъ, имѣвшимъ цѣлью историческое изученіе Россіи. Многія изъ нихъ ему обязаны своимъ

началомъ, многія образовались по его совѣту и мысли. Его сужденія объ историческихъ трудахъ, появившихся въ Россіи, были всегда благосклонны, всегда поощрительны, потому что онъ принималъ къ сердцу все, что̀ дѣлалось для русской исторіи, и содѣйствіемъ надѣялся приготовить и вызвать бо̀льшее и лучшее. Наконецъ, мы видѣли, что онъ постоянно покровительствовалъ всѣмъ молодымъ русскимъ, сколько-нибудь замѣчательнымъ по своимъ историческимъ или археологическимъ знаніямъ и талантамъ. Это было почтенное лицо, достойное полнаго уваженія и благодарности русскихъ. То, что Кругъ сдѣлалъ для русской исторіи своимъ вліяніемъ, совѣтами, покровительствомъ, столько же важно, какъ и его ученые труды, быть можетъ, даже важнѣе. Приступимъ къ обозрѣнію этихъ трудовъ.

Посмертныя сочиненія Круга (объ изданныхъ при жизни его мы уже говорили; они не вошли въ разбираемую нами книгу) не могли быть напечатаны вполнѣ и въ томъ видѣ, какъ они найдены коммиссіей. Одни служатъ дополненіемъ или продолженіемъ его нумизматическихъ изслѣдованій и византійской хронологіи, и печатаніе ихъ отложено до втораго изданія этихъ сочиненій. Другія состояли въ отдѣльныхъ замѣткахъ, или первыхъ листахъ только что начатой работы. Число обработанныхъ вполнѣ, или отчасти, сравнительно меньше. Поэтому, было необходимо подробно ихъ разобрать, нѣкоторыя слить въ одно, размѣстить отдѣльныя замѣтки и матеріалы по мѣстамъ, куда они относились. До какой степени хорошо выполненъ этотъ трудъ г. Куникомъ, въ какой мѣрѣ точенъ и удовлетворителенъ сдѣланный имъ выборъ изъ сочиненій Круга, можетъ судить только тотъ, кто такъ же близко, какъ онъ, знакомъ съ бумагами покойнаго. Мы можемъ говорить только о томъ, что видимъ. Впрочемъ, тщательность изданія, подробный отчетъ о каждой статьѣ, съ указаніемъ, въ какомъ видѣ она найдена, гдѣ, какъ напечатана, или почему оставлена (CCXXV—CCLV), наконецъ, начитанность и близкое знакомство издателя съ предметомъ —все это внушаетъ большое довѣріе къ его труду и заставляетъ думать, что съ появленіемъ этой книги русская историческая литература обогатилась возможно лучшимъ изданіемъ доселѣ ненапечатанныхъ сочиненій Круга.

Сдѣлаемъ по возможности полный обзоръ этихъ сочиненій, придерживаясь порядка, въ какомъ они изданы.

1) „Wer sind die Marcomanni und Nordalbinci in den Schriften des IX und X Jahrhunderts?“ Въ этой статьѣ разрѣшается вопросъ, какіе народы должно разумѣть подъ маркоманнами и нордалбинцами, упоминаемыми въ памятникахъ IX и X вѣка? О маркоманнахъ, извѣстныхъ древнимъ, не говорится нигдѣ съ половины пятаго вѣка. Слѣдовательно, къ нимъ это названіе относиться не можетъ. Кругъ доказываетъ, что подъ маркоманнами разумѣлись въ это время скандинавы. Послѣдніе могли получить это названіе потому, во-первыхъ, что писатели среднихъ вѣковъ охотно придавали новымъ народамъ имена, извѣстныя древнимъ писателямъ, желая тѣмъ избѣгнуть варваризмовъ. Норманны, неизвѣстные древнимъ, передѣланы въ маркоманновъ, упоминаемыхъ у классическихъ римскихъ писателей, какъ Dani передѣланы въ Daci, норвежцы въ Norici, Gothi въ Geti, Russi въ Rutheni. Во-вторыхъ, имя маркомановъ могло этимологически означать жителей пограничной провинціи, потому что marca употреблялось не только въ смыслѣ границы, но и въ значеніи страны, прилежащей къ границѣ. Итакъ, это названіе шло къ норманнамъ, сопредѣльнымъ имперіи Карла Великаго. Наконецъ средневѣковые читатели могли знать, что норманны, подобно маркоманнамъ, состояли изъ разныхъ племенъ и потому такъ ихъ и назвали. Нордалбинцы, или нордалбинги—тоже названіе скандинавовъ, отъ Nord сѣверъ и Half, alf, halbe—страна, край.

2) „Ueber einen handschriftlichen Chronograph in der Bibliothek der Ermitage, als eine von den Quellen der Nikonschen Chronik in der akademischen Bibliothek. Ein Beitrag zur Kritik der Russischen Jahr-Bücher“. „Никоновская лѣтопись“, какъ извѣстно, издана отъ академіи, первая часть самимъ Шлецеромъ (1767 г.), вторая Башиловымъ (1768 г.), потомъ, спустя 18 лѣтъ, напечатаны постепенно остальныя шесть частей (1786—1792). Шлецеръ и Башиловъ строго придерживались подлинника, не измѣняя въ немъ ни буквы. А какъ текстъ былъ неисправенъ, то изданіе исполнено грубыхъ ошибокъ, затемняющихъ смыслъ лѣтописи. Кругъ открылъ въ Эрмитажной библіотекѣ хронографъ, принадлежавшій стольнику Василью Никифоро-

вичу Собакину, и котораго подлинникъ, по соображеніямъ, написанъ въ половинѣ XV вѣка. Изъ сличенія текста „Никоновской лѣтописи“ и Эрмитажнаго хронографа Кругъ выводитъ, что послѣдній былъ однимъ изъ источниковъ первой, что списокъ хронографа исправнѣе академическаго списка „Никоновской лѣтописи“ и можетъ служить къ исправленію его ошибокъ. По поводу этого сличенія Кругъ замѣчаетъ, основываясь на предисловіи хронографа, что вставки, встрѣчающіяся въ „Никоновской лѣтописи“, заимствованы не изъ византійскихъ источниковъ, а изъ древнѣйшихъ славянскихъ хроникъ, содержавшихъ въ себѣ сербскую и болгарскую исторіи и переводы изъ византійскихъ писателей. Это замѣчаніе, столько важное для исторіи составленія нашихъ лѣтописей и оправдывающееся съ каждымъ новымъ открытіемъ древнихъ славянскихъ рукописей, потому заслуживаетъ особеннаго вниманія, что сдѣлано Кругомъ еще въ 1813 году. Онъ также одинъ изъ первыхъ оцѣнилъ историческое достоинство хронографовъ. „Не только для „Никоновской лѣтописи“,—говоритъ онъ—„но и для другихъ нашихъ лѣтописей, можно ожидать важныхъ результатовъ отъ сличенія съ хронографомъ, не говоря уже о пользѣ, состоящей въ объясненіи значенія словъ и вообще въ узнаніи древности. Правда, событія, относящіяся собственно къ русской исторіи, здѣсь обыкновенно описаны коротко; но голый перечень существенныхъ обстоятельствъ умножаетъ матеріалы для критики, и сжатый разсказъ часто тѣмъ бываетъ важенъ для изслѣдователя, что даетъ ему возможность узнать невѣрныя вставки въ позднѣйшихъ компиляціяхъ и отдѣлить исторически достовѣрное отъ произвольныхъ прибавокъ, историческихъ распространеній, невѣрныхъ субъективныхъ представленій“ (стр. 110).

3) „Ueber den novgorodischen Gostomyssl“. Весьма замѣчательная и характеристическая статья, показывающая, какъ иногда произвольно обращались съ нашими лѣтописными извѣстіями даже лучшіе, добросовѣстнѣйшіе критики русской исторіи лѣтъ двадцать тому назадъ. Кругъ считаетъ извѣстіе о Гостомыслѣ за басню, которую должно вычеркнуть изъ русской исторіи. Но почему? Это подробно доказывается такимъ образомъ: въ Германіи не знали ничего о томъ, что руссы были норманны, народъ совершенно отдѣльный отъ славянъ и финновъ, и что они слились съ ними гораздо послѣ своего прибытія. Уже въ XI вѣкѣ Адамъ Бременскій, а въ XII вѣкѣ Гельмольдъ, считали Руссовъ за природныхъ славянъ. Въ самой россіи преданія о первоначальномъ различіи этихъ племенъ должны были мало-по-малу сглаживаться и наконецъ исчезнуть изъ народной памяти. Такимъ образомъ въ XV вѣкѣ не было и помина о первоначальной противоположности руссовъ и славянъ. Въ XVI вѣкѣ прибылъ въ Россію Герберштейнъ. Онъ зналъ Гельмольдову лѣтопись, по которой руссы были крайнимъ славянскимъ племенемъ на востокъ, какъ вагры—крайнимъ славянскимъ племенемъ на западъ отъ Балтійскаго моря. Онъ слышалъ или читалъ, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, Варяжское море получило свое названіе отъ Вагріи, и заключилъ отсюда, что наши варяги пришли отъ соплеменнаго намъ народа вагровъ, находя это объясненіе призванія болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ предположеніе, что славяне обратились къ совершенно-чуждому народу. Вагры, слѣдовательно, были для него синонимомъ съ варягами, Алтенбургъ, Старградъ,—отечествомъ Рюрика, который, переселившись въ Россію, назвалъ новую свою резиденцію по имени прежней (Ладога, Aldagen, Aldeygoborg), а вторую послѣ нея Новгородомъ. Все это казалось ему простымъ и естественнымъ. Но, спросятъ читатели, какое же отношеніе имѣютъ эти гипотезы Герберштейна къ Гостомыслу?—А вотъ какое. Это объясненіе льстило ложному патріотизму тогдашнихъ русскихъ. Они не могли доказать его своими историческими источниками и прибѣгли къ иностраннымъ. Въ послѣднихъ упоминается о многихъ славянскихъ князьяхъ, изъ которыхъ можно было сдѣлать выборъ. Какой-нибудь Табомыслъ, dux или regulus Obodritorum, о которомъ упоминается въ 862 году, не годился по молодости лѣтъ. Удобнѣй былъ упоминаемый въ 844 году rex Obodritorum Гостомыслъ; онъ, конечно, могъ дать ильменскимъ славянамъ совѣтъ добыть князей изъ среды своихъ сосѣдей. Разъ этотъ Гостомыслъ былъ отысканъ Герберштейномъ и указаны его отношенія къ Россіи,—не мудрено было произвести его даже въ новгородскіе князья, или, по крайней мѣрѣ, въ посадники. Другіе еще и тѣмъ не удовольствовались, а изъ франкскихъ лѣтописей выбрали двухъ другихъ оботритскихъ

князей VIII и IX вѣка и сдѣлали изъ нихъ Рюриковыхъ отца и дѣда. Но послѣдніе такъ же мало относятся къ русской исторіи, какъ и Гостомыслъ. То есть, другими словами, новгородскій Гостомыслъ выдуманъ съ легкой руки Герберштейна. Нельзя не улыбнуться, читая все это. Въ XV, XVI и XVII вѣкахъ пришествіе Руси было у насъ національнымъ вопросомъ, и поводомъ была гипотеза Герберштейна. Едва вѣрится, чтобы все это могъ написать Кругъ, ученый, столько осторожный и основательный въ своихъ изслѣдованіяхъ. Свидѣтельство о Гостомыслѣ, очевидно, не выдумано Герберштейномъ, а взято имъ изъ туземныхъ источниковъ, какъ и всѣ его историческія извѣстія. Да и нельзя понять, почему именно Гостомыслъ и тожество его имени съ названіемъ оботритскаго князя такъ смутило Круга. Оно нисколько не противорѣчитъ его превосходнымъ замѣчаніямъ о первоначальной противоположности славянъ и руссовъ, о причинахъ и ходѣ постепеннаго обрусѣнія, или, правильнѣе, славянизаціи пришельцевъ. Гостомыслъ, новгородскій старѣйшина, посадникъ, дѣйствительно могъ существовать, и память о немъ—сохраниться въ преданіяхъ, нисколько не мѣшая остальному. Нельзя доказать, что именно такъ было, какъ повѣствуютъ объ немъ позднѣйшіе письменные памятники, но рѣшительно нѣтъ никакого повода находить такое сказаніе невѣроятнымъ, или невозможнымъ. А когда нѣтъ причины отвергать извѣстіе или свидѣтельство, надо его принять. Мало ли извѣстій, ничѣмъ недоказанныхъ! Сколько историческихъ данныхъ обращено новѣйшей наукой въ миѳы, тогда какъ они преданія! Мы не ставимъ ей этого въ упрекъ, потому что весьма естественно было, открывъ новую, еще нетронутую сторону предмета, искать ее во всемъ, вездѣ, даже и тамъ, гдѣ и тѣни ея нѣтъ. Критика завела процессъ со всей исторіей, потребовала доказательствъ происхожденія и древности отъ всѣхъ данныхъ и вычеркнула изъ области исторіи тѣ изъ нихъ, которые затеряли свои генеалогическія таблицы и оффиціальные документы рожденія. Много хлама и сора выметено такимъ образомъ изъ исторіи, но много затронуто и живого, органически связаннаго съ прошедшимъ,—такого, которое дѣйствительно было, но не могло доказать своего существованія иначе, какъ самымъ фактомъ бытія. Какъ все отвлеченное, абстрактное, такъ и эта критика—теперь пала. Поняли, что абсолютный методъ обсужденія событій и историческихъ матеріаловъ невѣренъ, что данныя можно принимать или отвергать только разсматривая ихъ въ связи съ другими, а не подъ вліяніемъ прихотливыхъ сомнѣній, что наконецъ, многія изъ нихъ, особенно древнѣйшія, сохранившіяся въ преданіяхъ, не столько важны по ихъ исторической достовѣрности, сколько по колориту, характеру, который уже самъ по себѣ даетъ живое представленіе объ отдаленной эпохѣ исторіи. Отмстила ли когда-нибудь Ольга древлянамъ, какъ разсказываетъ лѣтопись, или нѣтъ, такъ ли именно призвали варяговъ соединенныя племена — это не такъ важно. Положимъ, что это сказки, преданія, даже не имѣющія исторической основы. Но онѣ лучше множества другихъ исторически-несомнѣнныхъ фактовъ живописуютъ время, въ которое сложились, и въ этомъ смыслѣ представляютъ богатый историческій матеріалъ. Разскажи Несторъ подробно имена всѣхъ древлянскихъ и иныхъ князей съ величайшею хронологическою и генеалогическою точностью, онъ не могъ бы оказать русской исторіи большей услуги, чѣмъ помѣстивъ у себя рядъ народныхъ преданій. Конечно, эти замѣчанія нейдутъ къ сказанію о Гостомыслѣ, которое само по себѣ не такъ важно. Но разобранная нами статья показываетъ тонъ, пріемы, точку отправленія прежней русской исторической критики. Сколько нелѣпостей, какъ подумаешь, написано о русской старинѣ—единственно потому только, что принимались за нее не такъ, какъ слѣдуетъ!

4) „Beweis, dass der Anfang des Russischen Staats nicht erst in das Jahr 862 könne gesetzt, sondern in das Jahr 852 müsse vorgerückt werden“. Начало русскаго государства относится къ 852, а не къ 862 году. Михаилъ, сынъ Ѳеофила, вступилъ на византійскій престолъ въ 841 — 842 году (6350), царствовалъ 25 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ; слѣдовательно, послѣдній годъ его царствованія 867, а 24-й годъ 866 отъ Р. Х., 6374 отъ сотворенія міра. Между тѣмъ, Несторъ относитъ 24-й годъ царствованія Михаила къ 875 — 876 (6384) году, т.-е. ставитъ его 10 лѣтъ позже, чѣмъ онъ въ самомъ дѣлѣ былъ. Съ этимъ связана ошибочная хронологія и всѣхъ событій русской исторіи, которыя Несторъ опредѣлилъ по годамъ Ми-

хаилова царствованія. Имя руссовъ стало извѣстно не въ 854, а въ 844; Рюрикъ съ братьями призваны не въ 862, а въ 852. Откуда взялась эта ошибка? Несторъ почерпнулъ ее изъ греческой хроники, кажется, Никифора, константинопольскаго патріарха, которому не могъ не вѣрить. Никифоръ относитъ вступленіе Михаила на престолъ къ 6360 году отъ сотворенія міра — и это послѣднее его извѣстіе; съ этимъ свидѣтельствомъ Несторъ соображалъ хронологію своей лѣтописи во все царствованіе Михаила, безпрестанно ставя событія десятью годами позже. Но хронологическія данныя, послѣ Михаилова царствованія, вѣрны въ лѣтописи. Ихъ нельзя согласить съ предыдущими, потому что переписчики и продолжатели брали хронологическія показанія изъ другихъ греческихъ хроникъ, а не изъ той, которой придерживался Несторъ, и частью изъ точности, частью по незнанію, оставили противорѣчащія показанія рядомъ одни возлѣ другихъ. Такъ Василій вступаетъ на царство въ 6376 году, а въ 6384 году все еще идетъ счетъ по годамъ Михаилова царствованія; крещеніе Болгаръ повѣствуется то подъ 7, то подъ 17 годомъ того же царствованія и т. д.

5) „Welchem Volk giebt Nestor den Namen Корлязи?“ Подъ Корлязами Несторъ разумѣлъ жителей западной франкской имперіи, которые назывались Carolinge, Carlenses, потому что потомки Карла Великаго дольше царствовали во Франціи, чѣмъ въ Германіи. Кромѣ этого находимъ въ статьѣ объясненіе и другихъ названій Несторова исчисленія народовъ. Такъ подъ Фрязи должно, по мнѣнію Круга, разумѣть восточныхъ, тевтонскихъ франковъ по сю сторону Рейна; земля волошская—Франція, Волъхва—жители Нормандіи; Галичане—сосѣди мавровъ въ Испаніи. Кругу было неизвѣстно Шафариково объясненіе имени Волоховъ. Статья составлена въ 1824 году.

6) „Ueber den Ursprung der Namen Russen und Varäger“. (Изслѣдованіе о происхожденіи имени Руссовъ и Варяговъ). Это критическій разборъ свидѣтельствъ нашихъ и иностранныхъ источниковъ объ этихъ названіяхъ, и оцѣнка разныхъ толкованій ихъ. Существенное содержаніе ея слѣдующее: Въ Бертинскихъ лѣтописяхъ, подъ 839 годомъ, уже встрѣчается имя Rhos: такъ называютъ себя чужеземцы, присланные отъ императора Ѳеофила къ Людовику Благочестивому. По его изслѣдованію, они оказались шведами; царь Гаканъ прислалъ ихъ къ Ѳеофилу для заключенія дружбы. Но кто называлъ ихъ россами? Откуда взяли это имя? Шлёцеръ думаетъ, что они принесли его съ собой отъ Чуди въ Константинополь. Но это невѣроятно. Если Чудь такъ называла ихъ, значитъ ли это, что такъ ихъ называли и всѣ народы отъ Балтійскаго до Чернаго моря? Нѣтъ, Греки тогда уже знали имя россовъ. Названіе Гаканъ не собственное имя, а титулъ, который имѣли тоже аварскіе и хозарскіе князья, болѣе извѣстные въ Константинополѣ, чѣмъ россы. Но кто же были эти россы? Норманны. Это доказывается свидѣтельствомъ Ліутпранда и другими данными, изъ которыхъ вмѣстѣ видно, что подъ названіемъ норманновъ разумѣлись народы, говорившіе по-датски (dönsk tûnga, Norraen tûnga или Norraena), то есть германскіе жители Скандинавіи. Названіе руссовъ присвоено имъ греками, названіе норманновъ — франками, такъ что во второй половинѣ IX и первой X вѣка вездѣ, гдѣ у грековъ писалось Ῥῶς, франки переводили это имя словомъ Normanni. Изъ всѣхъ изслѣдованій Кругъ выводитъ, наконецъ, что греки, а не финны начали прежде употреблять имя Россъ (Ῥῶς, ῥούσιος) и придали его норманнамъ. Несторъ нашелъ это имя въ греческой хроникѣ; такъ называютъ норманновъ византійскіе императоры въ письмахъ своихъ къ франкскимъ; такъ называетъ ихъ и Ліутпрандъ. Почему не могли назваться имъ норманны и въ 839 году (по свидѣтельству Бертинскихъ лѣтописей они называли себя Россами)? Это имя, полученное отъ грековъ, они не только удержали потомъ за собой, но назвали имъ и страну, въ которую призваны княжить; его приняли и всѣ народы, подвластные русскимъ князьямъ. Что́ же именно побудило грековъ назвать норманновъ Россами? Ліутпрандъ говоритъ, что это имя произошло отъ физическихъ свойствъ руссовъ, а Левъ Дьяконъ именно свидѣтельствуетъ, что имя Россъ употреблялось только въ просторѣчіи. У Грековъ есть прилагательное ῥούσιος, и ῥοῦς, которое очень близко къ греческимъ названіямъ россовъ. Это прилагательное, обозначающее рыжій цвѣтъ волосъ руссовъ, смѣнило прежде употребительное ξανθὸς, которое уже не встрѣчается ни разу въ сочиненіи Константина Багрянороднаго de Ceremoniis и замѣняется здѣсь словомъ ῥούσιος. Итакъ, россы получили

это названіе въ Греціи отъ красноватаго цвѣта волосъ въ 838 г., когда впервые прибыли въ Византію; отсюда это названіе распространилось далѣе, частью чрезъ самихъ норманновъ, частью изъ Византіи. Всѣ эти выводы, исключая норманскаго происхожденія руссовъ, теперь устарѣли и уже опровергнуты. Что имя руссовъ впервые дано было въ Греціи, принято норманнами и стало народнымъ—совершенно невѣроятно, да кромѣ того имѣетъ противъ себя историческія доказательства. Такъ имена народовъ и племенъ не возникаютъ! Названіе руссовъ—народное, племенное; потому и этимологическое его происхожденіе не представляетъ особенной важности.

Имя варяговъ объясняется такъ: на службѣ у римскихъ императоровъ издавна находились варвары, особенно готы, подъ названіемъ foederati. Рядомъ съ этимъ названіемъ появляется названіе φαργάνοι (fargani). Подъ ними разумѣлись, кажется, германцы, служившіе имперіи. Какое это слово? По всѣмъ вѣроятіямъ, готское, ибо служащихъ готовъ было въ Константинополѣ болѣе, чѣмъ остальныхъ варваровъ. А въ готскомъ языкѣ есть два глагола, однозвучные съ этимъ словомъ: faran—отправляться и farjan— грести. А какъ готовъ часто посылали въ море, на которомъ они дѣйствовали почти исключительно веслами, и рѣдко употребляли паруса, такъ какъ они, сверхъ того, соединяли въ одномъ лицѣ качества гребцовъ и воиновъ, подобно скандинавамъ, то очень немудрено, что они рано стали сами себя называть фарганами, то-есть скорыми, ловкими гребцами (Schnellruderer), и это названіе потомъ перешло въ письменный языкъ. Позднѣйшіе византійцы называютъ этихъ фаргановъ варангами (Βαράγγοι). Въ первый разъ, это названіе встрѣчается у Кедрена, за нимъ у Скилитца (оба жили во второй половинѣ XI вѣка), который говоритъ, что простой народъ называетъ войско (manus militaris) варангами. Это названіе тоже народное. Варанги были скандинавы, и въ старосѣверномъ языкѣ назывались Voeringiar. Но самое слово не скандинавское. Оно принесено возвращавшимися со службы изъ Греціи. Скандинавы были, какъ извѣстно, искусные гребцы. Тѣ изъ нихъ, которые служили византійскимъ императорамъ, проживали обыкновенно прежде въ Россіи, гдѣ господствующимъ языкомъ въ XI вѣкѣ былъ славянскій. А какъ названіе варанговъ появляется не ранѣе XI вѣка, то самое вѣроятное — говоритъ Кругъ—предположить, что они принесли это названіе съ собой изъ Россіи, и, слѣдовательно, этимологическаго объясненія его должно искать въ славянскомъ языкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, варяги и варанги—одно и то же слово, если вспомнимъ, что *я* произносилось прежде какъ *анъ*. Какое же слово могло служить корнемъ названію Варяги? ***Варять***. По немъ названы скандинавы, происходившіе отъ сѣверныхъ народовъ, и по великому искусству и способности къ мореплаванію названы скорыми, ловкими пловцами, варягами. Двое писателей X вѣка переводятъ это названіе (равно какъ и имя фаргановъ) словомъ Дромиты (Δρομῖται). Все это объясненіе весьма слабо и не выдерживаетъ даже поверхностной критики. Въ концѣ второго тома, г. Кунигъ напечаталъ свои изслѣдованія о томъ же предметѣ. Мы скажемъ объ этомъ въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что статья Круга, которой содержаніе мы здѣсь изложили, включаетъ три различныя монографіи, написанныя въ 1816, 1819 и 1829—30 годахъ.

7) „Ueber die Sprache der Russen im IX und X Jahrhundert". Одна изъ существенныхъ заслугъ Круга, какъ справедливо замѣтилъ въ одномъ мѣстѣ издатель его посмертныхъ сочиненій, заключается въ томъ, что онъ весьма подробно и ясно показалъ рѣзкую противоположность руссовъ и подвластныхъ имъ племенъ, продолжавшуюся около двухъ вѣковъ послѣ призванія. Теперь это уже, конечно, не новость, Г. Погодинъ, въ своихъ „Изслѣдованіяхъ, замѣчаніяхъ и лекціяхъ", развилъ эту мысль въ малѣйшихъ подробностяхъ и оттѣнилъ такъ рѣзко скандинавскій элементъ первой эпохи нашей исторіи, что дальше идти въ этомъ направленіи едва-ли есть какая-нибудь возможность; многое, что несомнѣнно принадлежитъ славянскому элементу, г. Погодинъ присвоилъ скандинавскому. Итакъ, въ этомъ отношеніи труды Круга не обогащаютъ русской исторической литературы новыми результатами. Но въ исторіи русской исторической критики такіе результаты, хотя уже и извѣстные, во всякомъ случаѣ очень замѣчательны. Въ статьѣ, которой заглавіе мы выписали, Кругъ доказываетъ противоположность руссовъ и славянъ въ отношеніи къ языку. Убѣжденный, что руссы — несомнѣнно скандинавы, Кругъ доказываетъ, что и первоначальный

русскій языкъ былъ не славянскій, а скандинавскій. Договоры съ греками, по его мнѣнію, написаны на греческомъ и норманскомъ языкахъ; законы были скандинавскіе; самая „Русская Правда“ Ярославова заимствована изъ скандинавскихъ источниковъ. Но этого мало; много словъ перешло къ намъ отъ норманновъ—словъ, которыя мы теперь считаемъ за коренныя славянскія, напримѣръ, „вервь, вира, говядо, гость, гривна, гридинъ, людинъ, огнищанинъ, боляринъ, пѣнязь, скотъ, тіунъ“ и т. д. Отчего же руссы ославянились и приняли славянскій языкъ? Что могло побудить Ярослава написать свою „Правду“ на туземномъ языкѣ? Въ Европѣ причины романизаціи германскихъ племенъ и забвеніе ими природнаго языка можно объяснить высшей образованностью покоренныхъ племенъ и особенно вліяніемъ христіанства, которое заимствовано побѣдителями отъ подвластныхъ. У насъ не было ни той, ни другой причины: славяне и финны не были образованнѣе руссовъ, и всѣ были язычники во время призванія. Слѣдовательно, были другія причины: перенесеніе мѣстопребыванія съ сѣвера на югъ, чрезъ что руссы пришли въ ближайшее соприкосновеніе съ греками, и связь ихъ съ германскими племенами ослабла; здѣсь, на югѣ, руссовъ было несравненно меньше славянъ; этого не было въ Новгородѣ; браки съ славянками; но всего болѣе содѣйствовало славянизаціи и здѣсь, какъ и въ Европѣ, введеніе христіанской вѣры. Тѣмъ не менѣе оба языка, норманскій и славянскій, такъ долго существовали у насъ рядомъ, что они не могли не позаимствоваться другъ отъ друга. Не забудемъ, что слишкомъ сто лѣтъ прошло отъ призванія варяговъ до крещенія Руси. Впрочемъ, эти языки не такъ воздѣйствовали другъ на друга, какъ римскій и различные германскіе діалекты въ романскихъ государствахъ, или англо-саксонскій и норманскій, представлявшіе два діалекта одного и того же языка. У насъ русскій и славянскій языки не слились, а только нѣкоторые корни перешли изъ одного языка въ другой. Число такихъ корней, перешедшихъ изъ скандинавскаго въ славянскій, гораздо значительнѣе, по мнѣнію Круга, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Рѣзкое различіе между руссами, славянами, финнами, и т. д. продолжалось еще долго въ XI вѣкѣ, пока наконецъ всѣ они слились въ одинъ народъ.

Несмотря на то, что эта статья содержитъ въ себѣ, какъ мы уже сказали, мысли теперь общеизвѣстныя, неоспоримыя въ основномъ началѣ, но опровергнутыя въ нѣкоторыхъ частностяхъ и приложеніяхъ, она представляетъ большой интересъ по самому способу изложенія. Ея первоначальное составленіе относится къ 1822 году.

8) „Abstammung und Erklärung einiger Russischen Wörter in Nestors Chronik und Jaroslavs Gesetzen“. „Обыкновенно допускаютъ“, говоритъ Кругъ въ началѣ статьи, „что съ принятіемъ христіанской вѣры многія греческія слова перешли въ славянскій языкъ; точно также никто не отрицаетъ, что во времена монгольскаго владычества множество татарскихъ словъ, которыхъ прежде не было въ славянскомъ языкѣ, получили у насъ право гражданства; гораздо болѣе возраженій встрѣчаетъ мнѣніе, что въ древнѣйшія времена русскаго государства въ нашъ языкъ было принято множество германскихъ словъ, изъ которыхъ одни со временемъ опять изчезли, другія же сохранились и по сію-пору“. Статья написана по поводу предполагаемаго новаго изданія „Словаря“ Россійской Академіи, которая, по мнѣнію Круга, слишкомъ мало обратила вниманія на очевидно германское происхожденіе многихъ словъ. Къ такимъ словамъ Кругъ относитъ: „князь, пѣнязь, усерязь, витязь, шлягъ, стерлягъ, пудъ, судъ, градъ, гридъ, рядъ, скотъ, хлѣбъ, шнекъ, полкъ, вира, мѣсячина, дума, броня, мыто, мытарь, свекоръ, король, снѣдь, рыцарь, рухлядь, весь, ремень, люди, нетій, нятіи, кнутъ“ [1]). Въ изданныхъ трудахъ Круга находятся этимологическія изслѣдованія немногихъ изъ этихъ словъ, напримѣръ, „князя, пѣнязя, думы, ябетника, тіуна“ и т. д. Написана еще статья объ „огнищанинѣ“, но г. Куникъ не помѣстилъ ея въ числѣ посмертныхъ трудовъ Круга. Этимологіи извѣстны: „князь“ отъ „konung“, „пѣнязь“ отъ „pfenning“. Слова „дума“ нѣтъ въ славянской библіи. Слѣдовательно, заключаетъ Кругъ, это слово вошло въ русскій языкъ позже изъ германскаго языка, гдѣ корень dom, doem, daem встрѣчается во многихъ германскихъ нарѣчіяхъ съ тѣмъ же первоначальнымъ значеніемъ, какъ и въ рус-

[1]) Этимологію *стерлега* находимъ въ Zur Münzkunde,—*нетія* и *суда* въ византійской хронологіи; но словопроизводство нѣкоторыхъ изъ исчисленныхъ и даже не исчисленныхъ здѣсь (напримѣръ, *столъ*) попадается въ разныхъ мѣстахъ разбираемой нами книги.

скомъ. Польское же duma перешло изъ русскаго. Въ словѣ ябетникъ, *никъ* есть форма, означающая лицо мужескаго пола; буквой *я* въ русскомъ языкѣ передаются носовые звуки *an*, *am*, *en*, *em*; слѣдовательно, корень ябетника есть *ambt*, *amt*. Но это корень германскій и встрѣчается въ древнѣйшихъ памятникахъ (ambactus даже у Цезаря). Въ разныхъ нарѣчіяхъ онъ означаетъ слугу, служителя, чиновника. Итакъ, ябетникъ, слово въ слово amtmann. Сдѣлавшись по своему званію ненавистнымъ (онъ собиралъ пени и приводилъ въ исполненіе судебные приговоры), онъ былъ названъ тіуномъ, то же скандинавскимъ названіемъ Thion, нѣмецкимъ *Dien*-er, служитель.

Судъ надъ многими изъ этихъ словопроизводствъ уже произнесенъ. Нѣтъ сомнѣнія, что много словъ и корней перешло въ нашъ языкъ изъ германскаго; но столько же, если не больше, изъ предполагаемыхъ германскихъ—коренныя славянскія. Очень понятно, почему первые наши изслѣдователи, особенно тѣ, для которыхъ скандинавское происхожденіе руссовъ было внѣ всякаго сомнѣнія, впали въ крайность, объясняя русскіе древніе, особенно юридическіе термины. Еще въ недавнее время въ такую крайность вдался г. Погодинъ въ своихъ изслѣдованіяхъ норманскаго періода. Не говоря объ очевидныхъ натяжкахъ, многихъ изслѣдователей, въ томъ числѣ и Круга, вводило въ заблужденіе тожество нѣкоторыхъ славянскихъ и германскихъ корней. Встрѣчая одинъ и тотъ же корень въ обоихъ языкахъ, защитники скандинавства руссовъ доказывали, что славяне заимствовали его отъ германцевъ, а славянисты навязывали на томъ же основаніи германцамъ славянскіе корни. Ни тѣмъ, ни другимъ не приходило въ голову допустить присутствіе однихъ и тѣхъ же корней въ обоихъ языкахъ, потому что оба народа произошли отъ одной отрасли человѣческаго рода. Мы уже имѣли случай высказать свое мнѣніе о сходствѣ, даже тожествѣ обычаевъ, обрядовъ, повѣрій и преданій у разныхъ народовъ, и какъ мало можно изъ него заключать о заимствованіи. То же думаемъ мы и о корняхъ. Надобно имѣть положительныя филологическія доказательства, что слово или корень перешли изъ одного языка въ другой. Нѣтъ ихъ, — какъ бы слова и ихъ корень ни были сходны съ иностранными, ихъ нельзя считать заимствованными. Словомъ, происхожденіе словъ и корней можно доказывать только отрицательно; положительно же никогда нельзя доказывать, а если и можно, чрезвычайно рѣдко.

Въ этой же статьѣ находимъ нѣсколько страницъ о „Русской Правдѣ“ — собственно отчетъ Круга о рукописномъ разсужденіи дерптскаго профессора Неймана, написанный въ 1814 году. Мнѣніе Неймана о славянскомъ характерѣ „Русской Правды“, равно какъ и замѣтки Круга, не представляютъ теперь ничего новаго. Одно весьма любопытно. Въ своихъ изслѣдованіяхъ Нейманъ, кажется, пришелъ къ результату, что въ Россіи крестьяне до временъ Іоанна Васильевича (конечно, великаго князя) были крѣпки землѣ; Кругъ говоритъ, что это мнѣніе, повидимому, подтверждается многими мѣстами и выраженіями въ нашихъ лѣтописяхъ. Мы не умѣемъ положительно утверждать противное въ дѣлѣ столько темномъ и важномъ, но намъ кажется, что общепринятое теперь мнѣніе объ этомъ предметѣ вѣроятнѣе гипотезы Неймана и Круга [1]).

9) „Askold und Dir. Ihre Einwanderung mit Rurik, Herkunft, Trennung von Rurik, Besitzname von Kiew, ihr Zug gegen die Griechen, ihr Tod und Begräbniss“. Критическій разборъ нашихъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ объ Аскольдѣ и Дирѣ. Цѣль статьи, какъ говоритъ самъ Кругъ, не біографія этихъ спутниковъ Рюрика, а объясненіе нѣкоторыхъ выраженій и словъ въ лѣтописи, недовольно или неправильно объясненныхъ. Съ этой стороны, изслѣдованіе Круга, написанное еще въ 1823 году, представляетъ и теперь много интереснаго и поучительнаго. Оставляя въ сторонѣ толкованія общеизвѣстныя и общепринятыя, остановимся на оригинальныхъ и теперь еще отчасти новыхъ объясненіяхъ Круга. „Испросистася (Аскольдъ и Диръ) ко Царю городу“—значитъ ли, что они обязаны были просить у Рюрика позволенія идти въ Константинополь, или они имѣли право у него требовать, чтобъ онъ

[1]) Было ли когда-нибудь напечатано это разсужденіе Неймана о „Русской Правдѣ“ — не знаемъ. Кажется, нѣтъ. Въ подробномъ обозрѣніи литературы по „Русской Правдѣ“, г. Калачовъ упоминаетъ о трудахъ молодого Неймана, сына профессора; они напечатаны Эверсомъ въ Дерптѣ (см. предисловіе къ Studien zur gründlichen Kenntniss der Vorzeit Russlands etc). Очень жаль, что вопросъ, поставленный Нейманомъ, и его разрѣшеніе до сихъ поръ недоступны для большинства читателей.

ихъ отпустилъ изъ своей службы, когда они хотѣли ѣхать въ Константинополь? Съ этимъ выраженіемъ тѣсно связано другое: „покажи ны путь въ Греки". Разсмотрѣвъ разныя толкованія, Кругъ останавливается на томъ, что́ оно значитъ: отпусти, отошли, пусти насъ своей дорогой. Итакъ, Аскольдъ и Диръ просили, чтобъ Рюрикъ отпустилъ ихъ изъ своей службы въ Грецію, потому что они хотѣли тамъ служить. Параллельное мѣсто въ лѣтописяхъ представляетъ просьба варяговъ, которые помогли Владиміру взять Кіевъ. Они требовали окупа, но Владиміръ не исполнилъ ихъ желанія, и они отпросились у него въ Грецію. Просьба варяговъ объ отпускѣ въ послѣднемъ случаѣ основывалась на томъ, что, по договору между Игоремъ и греками, каждый, пріѣзжая изъ Россіи въ Константинополь, долженъ былъ представить письменный видъ отъ великаго князя или его бояръ въ доказательство, что онъ пріѣхалъ съ мирными намѣреніями.—Подъ *горой*, на которой похороненъ Аскольдъ, должно разумѣть *берегъ*, а не гору въ настоящемъ смыслѣ слова. Слѣдовательно, близъ Кіева берегъ, а не гора называлась *Угорское*. Кругъ защищаетъ подлинность этого названія и по этому поводу подробно разсматриваетъ мѣсто лѣтописи, гдѣ говорится о пришествіи угровъ подъ Кіевъ. Разсказъ, какъ извѣстно, помѣщенъ подъ 898 годомъ. Шлецеръ думалъ, что Несторъ относитъ это событіе къ 898 г.; но это несправедливо. Оно разсказано здѣсь въ связи съ послѣдующимъ вторженіемъ угровъ въ Моравію и Чехію, изъ чего нельзя заключить, что и то и другое произошло въ одно время. Вообще, для критики Несторовой лѣтописи, эта статья представляетъ много любопытнаго.

10) „Ideen über die älteste Verfassung und Verwaltung des Russischen Staats". Эта статья неполная; отъ нея остался только одинъ первый отрывокъ. Въ предисловіи, Кругъ говоритъ, что „онъ намѣренъ написать рядъ отрывковъ, которые, какъ показываетъ самое названіе, не имѣютъ притязанія исчерпать предметъ, или разрѣшить всѣ сомнѣнія, но быть можетъ, они прольютъ на иное свѣтъ, въ какомъ предметъ не разсматривался". Къ составленію такихъ отрывковъ побудила Круга краткость и недостаточность извѣстій какъ о призваніи, такъ и вообще о нашемъ внутреннемъ устройствѣ со времени прибытія руссовъ. Документовъ того времени нѣтъ; извѣстій иностранныхъ или туземныхъ о призваніи — тоже; слѣдовательно, нѣтъ возможности достовѣрно опредѣлить происшествіе и его послѣдствія. Оттого такъ безконечно различны мнѣнія; всѣ они основаны только на большей или меньшей вѣроятности, на предположеніяхъ, а не на достовѣрныхъ фактахъ. Ближайшій путь къ разрѣшенію вопроса есть подробное знакомство съ положеніемъ вещей въ Европѣ вообще, особенно же въ странахъ, сосѣднихъ съ Россіей, въ IX и X вѣкахъ, и кромѣ того, объясненіе относящихся сюда и доселѣ незамѣченныхъ мѣстъ въ древнѣйшей русской лѣтописи совершенно сходными чертами изъ современной исторіи сосѣднихъ народовъ. Вотъ точка зрѣнія Круга. Въ ней много вѣрнаго; но мы думаемъ, что и она не можетъ удовлетворительно разрѣшить вопросъ. Сравненіе много объясняетъ,— противъ этого странно спорить; но съ помощью сравненія наполнять въ исторіи пробѣлы не только трудно, но почти невозможно. Въ исторіи каждаго народа есть неуловимыя особенности и оттѣнки, которые, при всемъ внѣшнемъ сходствѣ съ такими же оттѣнками у другихъ народовъ, производятъ совсѣмъ другія историческія явленія, имѣютъ иныя послѣдствія и, слѣдовательно, совершенно различное значеніе. Поэтому, не имѣя данныхъ объ нихъ, ничего нельзя сказать, и сравненіе не поможетъ возстановить неизвѣстное. Наконецъ, сближенія всегда слишкомъ соблазнительны и часто невольно приводятъ къ искаженію немногихъ слѣдовъ бывшаго, или къ мысли о заимствованіяхъ одного народа у другого — мысли, которой мы до послѣдняго времени были обязаны непониманіемъ нашей исторіи и старины. — Русскіе князья были призваны изъ Скандинавіи и пришли къ намъ не въ видѣ завоевателей; слѣдовательно, заключаетъ Кругъ, въ сѣверной Руси образъ правленія и государственныя (?) учрежденія были почти такія же, какъ и въ тогдашней Скандинавіи.

„Въ Скандинавіи", продолжаетъ онъ, „издавна существовало монархическое правленіе... Короли были большею частью только стражами и блюстителями существующихъ законовъ, верховными судьями, предсѣдателями народныхъ собраній (у англосаксовъ послѣднія назывались Wittenagemot) и предводителями войскъ. Государство дѣлилось между сыновьями, которыхъ обыкновенно, по большому числу женъ, было много. Это устройство, конечно, было очень хорошо извѣстно тѣмъ, которые добровольно подчинились владычеству Рюрика;

можетъ быть, оно-то именно и побудило эти племена и особенно ихъ князей, безъ сомнѣнія не хотѣвшихъ подвергнуться произвольному обращенію, избрать наслѣдственнаго начальника именно изъ скандинавскаго рода. При этомъ могло даже казаться ненужнымъ заключать особенный договоръ, ибо само собой разумѣлось, что права тѣхъ, которые избирали князя, были обезпечены.

„Причина, побудившая соединенныя племена избрать монарха, заключалась въ томъ, что одинъ родъ возставалъ на другой, и между ними была взаимная вражда (междоусобія); это совершенно подтверждается стратегикономъ Маврикія относительно славянъ; о прочихъ племенахъ у насъ нѣтъ рѣшительно никакихъ иностранныхъ извѣстій. По свидѣтельству Маврикія, у славянъ было много князьковъ, между которыми не было согласія и часто происходили войны; ибо, завидуя другимъ, каждый изъ нихъ боялся, чтобъ другой надъ нимъ не возвысился. Ослабленные этими продолжительными внутренними распрями, они уже не были въ состояніи противостоять вооруженной силой страшнымъ норманнамъ и сдѣлались ихъ данниками. Но „славянскій народъ, котораго ничто не можетъ заставить подчиниться и подпасть подъ иго, особенно у себя дома“ (Маврикій), скоро ободрился снова, отказалъ имъ въ дальнѣйшей дани, изгналъ ихъ и такимъ образомъ еще разъ сдѣлался самостоятельнымъ. Но вскорѣ снова поднялись распри между родами и снова начали они „воевать другъ на друга“. Тогда, наконецъ, остановились они на мысли, безспорно самой лучшей, потому что уже давно греки ея боялись и всячески старались отклонить ее,—они всѣ согласились подчиниться одному общему князю.

„Воинственные главы этихъ племенъ, безъ сомнѣнія, были весьма храбры; поэтому храбрость не могла быть главнѣйшимъ качествомъ, необходимымъ для монарха, которому всѣ они обѣщали повиноваться; кромѣ того, въ высшихъ классахъ она тогда подразумѣвалась сама собою: здѣсь всего болѣе, почти исключительно принималось въ разсчетъ, высокое, знатное происхожденіе. Они не подчинились бы добровольно никому, кромѣ происходящаго изъ знатнаго рода. Но гдѣ бы они нашли людей болѣе знатнаго происхожденія, чѣмъ у своихъ сосѣдей германцевъ за моремъ, въ Скандинавіи? Они знали, что тамъ жили съ многочисленнымъ потомствомъ древнѣйшіе королевскіе роды, ведущіе начало отъ самихъ боговъ. Оттуда еще за нѣсколько столѣтій брали себѣ королей отдаленные народы. Быть подданнымъ члена такого рода никому не могло быть тягостно. Онъ такъ высоко стоялъ надъ всѣми ими, что ему нельзя было завидовать; каждый изъ славянскихъ, финскихъ и многихъ другихъ родоначальниковъ, въ распряхъ съ другими, могъ надѣяться на его безпристрастное правосудіе; отъ него также можно было ждать, что онъ дастъ твердость законамъ, установитъ и устроитъ порядокъ, чего до тѣхъ поръ не доставало обширной и богатой странѣ, защититъ и обезопаситъ новое государство отъ нападеній тѣхъ, которые къ нему не принадлежали. Туда-то послали они достать себѣ князя, который бы господствовалъ надъ ними и судилъ ихъ по закону.

„Изъ такого благороднаго рода были первые русскіе князья, и впослѣдствіи здѣсь такъ же не позволяли себѣ отказаться отъ него, какъ прежде въ Скандинавіи. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что при такихъ обстоятельствахъ древнія привилегіи соединенныхъ народовъ, призвавшихъ Рюрика, съ прибытіемъ его въ Россію остались неприкосновенными. Такъ поземельная собственность въ древнѣйшей Россіи большею частью удержала своихъ прежнихъ владѣльцевъ, исключая, можетъ быть, тѣхъ, которые открыто возставали противъ новыхъ властителей; какъ въ Скандинавіи, они не имѣли никакихъ другихъ повинностей, кромѣ обязанности на свой счетъ служить военную службу, когда дѣло шло о защитѣ отечества, къ чему ихъ призывали зажженными кострами, или вѣстовыми съ особенными значками (Kerbstecken).

„Воинственный Олегъ, преемникъ Рюрика, по убіеніи Аскольда и Дира—потому что они не были княжескаго рода, какъ онъ и Игорь—и по утвержденіи своего мѣстопребыванія въ отдаленномъ Кіевѣ, впервые наложилъ на нихъ поземельную подать, которая до половины XI вѣка платилась въ Новгородѣ варягамъ ежегодно *мира деля* (т.-е. для мира), или для того, чтобъ они хранили миръ, или, какъ я скорѣй думаю, потому что эти наемные варяги сами отправляли теперь военную службу вмѣсто землевладѣльцевъ и защищали сѣверныя области Россіи противъ нападеній своихъ же единоземцевъ; ибо о *fretho panning*—сборѣ за княжескую защиту или покойное владѣніе, здѣсь не можетъ быть рѣчи. Уже Рюрикъ, въ качествѣ верховнаго обладателя страны, построилъ многіе города, въ которые посадилъ своихъ бояръ или знатнѣйшихъ мужей, и далъ имъ власть надъ окрестными странами. Такихъ городовъ, вѣроятно, было до того времени не много въ Россіи. То же самое было и въ Германіи, и притомъ позже. Генрихъ I (ум. 926) впервые построилъ тамъ крѣпости противъ вторженія венгровъ. И объ итальянскихъ норманнахъ разсказывается, что, прибывъ въ Италію, они обратили въ крѣпостцы многочисленныя виллы, до того времени остававшіяся беззащитными.

„... Но съ тѣхъ поръ, какъ русскіе князья оставили Новгородъ и избрали своимъ мѣстопребываніемъ занятый ими Кіевъ—отчего впослѣдствіи южныя провинціи и назывались нѣкоторое время преимущественно передъ другими Русью—они чувствовали себя гораздо менѣе стѣсненными въ своей власти, чѣмъ прежде. Желаніе расширить ее было въ нихъ естественно. Здѣсь они могли ввести многія учрежденія и перемѣны, которыхъ требовало время и которыя казались имъ полезными и необходимыми; кромѣ того, они могли отмѣнить многія злоупотребленія. Можетъ быть, это-то обстоятельство много и содѣйствовало тому, что они избрали Кіевъ своей резиденціей и главнымъ городомъ, потому что въ завоеванныхъ областяхъ правительственное устройство необходимо должно было организоваться иначе, нежели въ Новгородской избирательной общинѣ, гдѣ князья, если и не были ограничены договорами, то должны были сохранять древніе обычаи. Можетъ быть, поэтому уже въ 970 году ни одинъ князь не хотѣлъ княжить въ Новгородѣ, такъ что Святославъ, котораго новгородцы просили объ одномъ изъ его сыновей, говоритъ: „да, еслибъ захотѣлъ кто идти къ вамъ!“

И это древнее устройство, на которое нападали часто и сильно, несмотря на то, удержалось до великаго князя Іоанна Васильевича: можетъ быть, оно продолжалось бы и долѣе, еслибъ новгородцы не вздумали тогда отложиться отъ Рюрикова рода и не захотѣли подчиниться великому князю Казимиру. Только тогда Іоаннъ Васильевичъ формально объявилъ имъ войну, приславъ складную граммоту. Напротивъ, въ странахъ, завоеванныхъ первыми преемниками Рюрика, они, конечно, воспользовались правами побѣдителей, и можно думать, что они господствовали здѣсь почти такъ же, какъ датскій король, Кнутъ, въ Англіи.

„Въ этихъ-то провинціяхъ они имѣли несравненно больше средствъ, чѣмъ въ первоначальной Руси, наградить по заслугамъ и желанію своихъ алчныхъ друзей и военныхъ товарищей, съ помощью которыхъ особенно вели войны и совершали завоеванія,—наградить ихъ раздачею регалій, наслѣдственными имѣніями и ленами, или золотомъ и серебромъ. Но съ расширеніемъ власти нашихъ князей, и потребности ихъ стали гораздо значительнѣе. Чтобъ сколько-нибудь удовлетворить алчности своихъ добровольныхъ военныхъ товарищей, для чего подати не всегда были достаточны, ибо дружинники служили не иначе, какъ за высокую плату, и тогда могли быть вербованы въ большомъ количествѣ—князья необходимо должны были стараться увеличить свои доходы и обогатиться какъ можно болѣе. Наша древняя исторія представляетъ не одинъ примѣръ, какъ знатными и простыми обладало то же желаніе, и то, что императоръ Константинъ Багрянородный разсказываетъ о ненасытимой алчности сѣверныхъ народовъ вообще, въ особенности примѣнимо къ скандинавамъ и руссамъ [1])...

„... Въ новопріобрѣтенныхъ областяхъ русскими великими князьями было основано много такихъ крѣпостей (см. выше). О нихъ упоминаетъ и Константинъ Багрянородный въ одномъ мѣстѣ, гдѣ говоритъ о зимнихъ квартирахъ руссовъ. „Трудное зимнее путешествіе руссовъ бываетъ такое. Когда наступаетъ ноябрь мѣсяцъ, князья ихъ тотчасъ выступаютъ изъ Кіева со всѣми руссами (вѣроятно большая часть дружины съ ея предводителями) и уходятъ въ городки, называемые *гирами*, а именно: въ славянскія мѣстечки (имена племенъ пропускаетъ Кругъ и въ выноскѣ выписываетъ мѣсто изъ фульдскихъ лѣтописей; quia certum latorem non habui, scribere nolui. Melius est enim tacere quam falsa loqui)... и другихъ славянъ, платящихъ дань руссамъ. Кормясь тамъ въ продолженіе всей зимы, они, начиная съ апрѣля, когда пройдетъ въ Днѣпрѣ ледъ, снова спускаются въ Кіевъ“. Константиновы γῦρα, кажется, и суть такія крѣпости: и въ средневѣковой латини они называются *Gyrones*, *Girones*,—вѣроятно родъ крѣпостей, которыя, несмотря на то, что были очень просты, всетаки были превосходныя зданія въ сравненіи съ жилищами славянъ, среди которыхъ стояли, и вполнѣ соотвѣтствовали своему назначенію защищать отъ нападеній. Сюда-то отправлялись зимой руссы съ своими предводителями. Многія области, въ которыхъ они построили эти крѣпостцы, можетъ быть, именно въ это время года и были завоеваны, и поэтому можно предполагать, что на тѣхъ славянъ, которымъ побѣдители оставили свободное владѣніе землями, наложена была за это обязанность содержать на свой счетъ побѣдителей, проживавшихъ здѣсь съ того времени по зимамъ, въ теченіе пяти мѣсяцевъ, отъ начала ноября до апрѣля. Уже императоръ Маврикій хотѣлъ заставить славянъ давать своимъ войскамъ провіантъ въ продолженіе всей зимы и послать войска въ ихъ земли; но это подало поводъ къ возстанію, вслѣдствіе котораго онъ потерялъ престолъ. Но тутъ обстоятельства были другія. Славяне были не враги, а подданные руссовъ, обложенные данью; притомъ у скандинавовъ издавна было въ обычаѣ суровое время года, когда нельзя было предпринимать походовъ ни сухимъ путемъ, ни водою, проводить въ своемъ отечествѣ, гдѣ рѣки и заливы въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ были покрыты льдомъ, или внѣ отечества въ зимнихъ лагеряхъ, гдѣ пища и питье были достаточно обезпечены, или откуда они могли добывать жизненные припасы покупкой или грабежомъ. Уже около половины IX вѣка, часто упоминается, въ какихъ мѣстахъ Англіи языческое войско каждый разъ располагалось зимнимъ лагеремъ; то же во Франціи и въ Германіи. Столько, даже неважнаго, разсказывается о норманнахъ въ чужихъ земляхъ, тогда какъ мы, къ сожалѣнію, почти ничего не знаемъ о томъ, что они дѣлали у насъ—а у насъ они, конечно, играли гораздо большую роль, чѣмъ гдѣ либо. Съ какимъ тщаніемъ должны мы собирать отдѣльныя извѣстія, въ которыхъ совершенно случайно разсказывается что-нибудь относящееся къ этому предмету!“

Все, что́ здѣсь говоритъ Кругъ, какъ видятъ сами читатели, очень любопытно, особенно, когда знаешь, что выводы снабжены безчисленнымъ множествомъ выписокъ изъ скандинавкихъ и другихъ средневѣковыхъ источниковъ, и почти каждое слово подтверждено ясными доказательствами. Какъ ученая работа, эта статья имѣетъ несомнѣнныя достоинства. Но возстановляетъ ли она исторію нашей древнѣйшей Руси? Вотъ въ чемъ мы позволяемъ себѣ сомнѣваться! Гдѣ источники почти ничего не говорятъ, тамъ гипотезы, аналогіи, вѣроятія подозрительны. Замѣтимъ, что норманская эпоха русской исторіи есть особенное, исключительное историческое явленіе. О ней еще спорятъ, норманская она или нѣтъ. Она не оставила никакихъ слѣдовъ въ нашей послѣдующей жизни, ибо по близкому сходству древнѣйшаго славянскаго и германскаго быта, учрежденія и обычаи ничего не говорятъ въ пользу того или другого мнѣнія; сколько учрежденій и обычаевъ считались сначала несомнѣнно скандинавскими, а при ближайшемъ изслѣдованіи оказались славянскими!

[1]) Подъ руссами авторъ вездѣ разумѣетъ пришедшихъ къ намъ норманновъ.

Мы, по крайней мѣрѣ, еще не знаемъ ни одного юридическаго явленія въ такъ называемой варяжской Руси, которое не объяснялось бы одинаково обоими элементами. При такой неизвѣстности, при скудости извѣстій, принять за основаніе, что наши древнія учрежденія — скандинавскія, и подыскивать къ нимъ мѣста изъ скандинавскихъ источниковъ—трудъ, конечно, не безполезный, но онъ не рѣшаетъ вопроса. Тотъ, кто пойдетъ отъ мысли, что эти учрежденія были славянскія, и станетъ къ нимъ подъискивать мѣста изъ славянскихъ памятниковъ, найдетъ и съ ними удивительное сходство. Надобно же, наконецъ, сознаться, что пока не будутъ открыты новые источники—туземные или иностранные, описывающіе тогдашнюю Русь,—кромѣ предположеній, ничего нельзя сказать о ней. Еслибъ эта эпоха была перерывомъ между подробными предыдущими и послѣдующими данными, еще можно было бы возстановить догадками связующія, но потерянныя для потомства нити, хотя исторія представляетъ намъ не одинъ примѣръ, какъ часто и тутъ гипотезы бываютъ ошибочны. А здѣсь—ничего неизвѣстно передъ призваніемъ варяговъ; когда же начинаются подробныя извѣстія, и слѣдъ варяговъ простылъ. Мы далеки отъ мысли обвинять Круга за его методъ изслѣдованій и ученые пріемы. Когда онъ писалъ, на предметъ смотрѣли иначе, многаго не знали изъ того, что теперь знаютъ. Но его начитанность и критика невольно вводятъ въ соблазнъ, противъ котораго нельзя довольно предостерегать. Въ основаніи ихъ лежитъ недоказанная гипотеза,—вотъ чего не надо никогда забывать, чтобъ не сбиться съ толку.

11) „Ueber die Gridba der früheren Russischen Fürsten, verglichen mit dem Institut der Hirdmannen in Skandinavien“. Наши *гридни, гридьба* — скандинавскіе *гирдманы*, тѣлохранители, стража князей и другихъ знатныхъ лицъ. У Снорре есть извѣстіе, что подобное установленіе существовало и въ Россіи; это придаетъ особенный историческій интересъ изслѣдованіямъ Круга. Кнутъ старшій (ум. 1036) имѣлъ около себя многочисленную стражу (hirdh), набранную изъ всѣхъ странъ, надъ которыми онъ былъ королемъ. Она состояла большею частію изъ датчанъ, но принимались и посторонніе. Въ особенности Кнутъ избиралъ тѣхъ, которые отличались знатной породой или состояніемъ; они должны были на свой счетъ запасаться великолѣпнѣйшимъ оружіемъ и соперничали въ этомъ между собою, что дѣлало для небогатыхъ невозможнымъ принадлежать къ составу этого отряда. Но гирдманны получали огромное жалованье, которое платилось имъ помѣсячно. Ихъ было три тысячи человѣкъ, потомъ до шести тысячъ. Въ 1018 или 1019 году, Кнутъ, съ помощью *разумныхъ* мужей, составилъ для нихъ уголовный уставъ (Witherlogh или Vitherlag), возобновленный въ концѣ XII вѣка датскимъ королемъ Кнутомъ VI. Въ Англіи эта стража называлась Thingamenn, Thingmanna, Tingilih, въ Скандинавіи Hirdmenn. Въ Норвегіи, въ числѣ прислуги находились придворные разныхъ названій, не получавшіе ни жалованья, ни содержанія отъ короля, и, что весьма замѣчательно — *гости* (hospites, gestir), получавшіе половину жалованья противъ гирдманновъ. *Слы* и *гостье*, встрѣчающіеся въ договорахъ нашихъ князей съ греками, получаютъ чрезъ это новое объясненіе. Гирдманны были изъ самыхъ приближенныхъ короля, днемъ и ночью хранили его, участвовали въ королевскихъ пирахъ и обѣдахъ, во всѣхъ собраніяхъ, судебныхъ и законодательныхъ, подобно ближайшимъ родственникамъ, и были какъ бы правителями королевства. Изъ мѣстъ нашей лѣтописи о гридяхъ, гридьбѣ, гридняхъ, можно заключать, что они были то же самое, что скандинавскіе hirdmann. – Hirdi значитъ охранять, сторожить. Опровергая на этомъ основаніи словопроизводства другихъ изслѣдователей русской исторіи, хотя и принимавшихъ скандинавское происхожденіе гридней, Кругъ весьма основательно замѣчаетъ, что Карамзинъ ошибся, смѣшавъ *гридней съ мечниками*.— Гости, hospites, должны были извѣдывать королевскихъ враговъ и ихъ истреблять; имущество послѣднихъ, которое они могутъ унести съ собою, принадлежитъ имъ, кромѣ золота, составляющаго долю короля. Находясь при королѣ, они стоятъ на стражѣ, кромѣ главной. Сверхъ того, есть еще родъ королевскихъ придворныхъ, которые не имѣютъ стола, не бываютъ часто при дворѣ и ничего не получаютъ, но только состоятъ подъ особеннымъ покровительствомъ короля. Придворные называются вообще Huskarls. Въ договорахъ нашихъ князей съ греками упоминаются *карли*. Не имѣетъ ли это слово отношенія къ скандинавскому устройству нашего первоначальнаго двора?

12) „Bemerkungen zu Achmed Ibn-Foszlan's Gesandschaftsbericht, über Sprache, Religion, Sitten und Gebräuche der heidnischen Russen zu Anfange des X Jahrhunderts". Длинная статья, въ которой изъ разбора извѣстій Ибнъ-Фоцлана о руссахъ и сравненія этихъ извѣстій съ обычаями и нравами скандинавовъ оказывается, что Ибнъ Фоцланъ говоритъ о руссахъ-скандинавахъ. Изслѣдованія и толкованія, которыя здѣсь находимъ, очень любопытны, хотя вообще теперь уже не новы.

13) „Ueber das alte nordische Julfest, welches im X Jahrhundert unter dem Namen τὸ Γοτθικὸν auch am Hofe zu Konstantinopel gefeiert ward". Въ сочинении о церемоніяхъ византійскаго двора (de Cerimoniis aulae Byzantinae), составленномъ въ половинѣ X в., говорится о праздникѣ, называемомъ готскимъ, который отправлялся въ Константинополѣ во время святокъ въ императорскомъ дворцѣ. Готскимъ назывался онъ потому, что въ немъ главную роль играли готы. Въ числѣ разныхъ дѣйствій, его сопровождавшихъ, между прочимъ разсказывается, что готы ударяли прутьями по щитамъ и шумѣли, крича „туль, туль". Текстъ пѣсенъ до насъ дошелъ съ толкованіями; но послѣднія, очевидно, позже вошли въ составъ описанія церемоній, а первый такъ неправиленъ, что его понять нельзя. Было предложено много догадокъ въ объясненіе этого праздника и его происхожденія, но онѣ не удовлетворительны. Кругъ думаетъ, что, вмѣсто *туль*, должно читать *юль*, и что, слѣдовательно, готскій праздникъ есть не что иное, какъ сѣверный праздникъ Юля, Іола, извѣстный тамъ доселѣ и празднуемый въ то же время. Отсюда онъ выводитъ, что и наша *коляда* въ связи съ этимъ праздникомъ и происходитъ отъ *юль* и *ѣда*; отсюда же, по его мнѣнію, происходятъ слова: „гулять, колдовать, коливо, куличь, кулебяка", даже названія „Колывань, Коллебягъ и Голяды"—послѣдніе отъ „Голь, Юль и ядь"; слѣдовательно, голяды не народъ, а поклонники Юля. Что большая часть изъ этихъ словъ находятся и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, это не смущаетъ Круга. Корень ихъ, говоритъ онъ, не славянскій. Вся эта этимологія очевидно натяжка, порожденная одностороннимъ взглядомъ на скандинавскій характеръ первой эпохи нашей исторіи, въ связи съ неправильнымъ пониманіемъ происхожденія и сходства народныхъ обычаевъ и преданій.

15) „Ueber die Bäder der russischen Geschäftsträger zu Konstantinopel im X Jahrhundert". Въ договорѣ Олега съ Греками одной статьей постановлено, гостямъ „да творятъ... *мовь* елико. хотятъ". Нѣкоторые думали, что *мовь* значитъ здѣсь рѣчь, слова, разговоръ. Толкованіе очевидно ложное. Карамзинъ переводитъ статью такъ: „они имѣютъ также свободный входъ въ народныя бани". Въ опроверженіе такого толкованія, Кругъ приводитъ слѣдующее мѣсто изъ сочиненія о церемоніяхъ (89 глава, стр. 234). „Баня въ томъ домѣ, гдѣ онъ (персидскій посолъ въ Константинополѣ) будетъ жить, или въ сосѣднемъ, должна быть изготовлена такъ, чтобъ онъ самъ и тѣ, которые съ нимъ, могли мыться, когда хотятъ, и чтобъ баня была открыта для нихъ однихъ". Отсюда Кругъ выводитъ и, какъ кажется, весьма основательно, что въ приведенныхъ словахъ Олегова договора идетъ рѣчь о привилегіи, вообще предоставляемой въ Константинополѣ посламъ тѣхъ народовъ, которыхъ Греки особенно боялись, а именно о привилегіи имѣть отъ византійскаго правительства особенную баню.

15) „Ueber die Rangordnung im späteren Griechenland und im früheren Russland". Нѣсколько замѣтокъ о сходствѣ византійскаго устройства и управленія съ русскимъ. Онѣ совершенно необработаны, но любопытны. Какъ у насъ, такъ и въ Греціи было восемь степеней чиновъ. Впрочемъ, это сближеніе поверхностно. Интереснѣе вотъ что. „Болѣе, чѣмъ вѣроятно (еслибъ мы и не имѣли прямыхъ извѣстій), что при послѣдующемъ (послѣ Ольги) еще большемъ сближеніи между Греціей и Россіей, когда весьма многое введено въ послѣднюю вмѣстѣ съ вѣрой, у насъ мало отступали отъ церемоніала византійскаго двора. Примѣръ представляютъ коронаціи, даже до позднѣйшаго времени. Стòитъ только сравнить вѣнчаніе на царство Алексѣя Михайловича съ коронаціей императора Мануила Комнина. Да и сколькихъ обычаевъ, существующихъ у насъ до сихъ поръ, должно искать начала въ Греціи! Такова, напримѣръ, выдача жалованья по третямъ; самое слово *жалованье* буквально переведено съ византійскаго *largitiones*".

16) „Eupraxia, Tochter des Grossfürsten Vsevolod, Gemahlin des Kaisers Heinrich des

IV“. Неоконченное изслѣдованіе объ Евпраксіи, дочери Всеволода Ярославича, и супругѣ маркграфа штадтскаго, а потомъ императора Генриха IV. Несчастная судьба ея извѣстна (Карамзинъ, Т. II, стр. 97 и прим. 157 по 1-му изданію). Она развелась съ Генрихомъ и скончалась въ Россіи. „Поводъ къ этому сочиненію“, говоритъ г. Куникъ, „подалъ канцлеръ Румянцевъ, который поручилъ одному молодому человѣку собрать въ разныхъ иностранныхъ библіотекахъ извѣстія объ Евпраксіи. Эти свѣдѣнія были умножены и обработаны Кругомъ. Его изслѣдованія дошли до насъ въ двухъ редакціяхъ, изъ которыхъ ни одна не полна, такъ что я долженъ былъ отпечатать и переработанныя выписки изъ источниковъ“.

17) „Ueber den Vertrag des Fürsten Jaroslav Jaroslavitsch und der Nowgoroder mit den Deutschen, Gotländischen und Wälschen Kauffahrern vom Jahr 1269“. Хронологическія и этимологическія объясненія договора Ярослава Ярославича и новгородцевъ съ нѣмецкими и готландскими купцами (1269 г.), написаннаго на нижне-нѣмецкомъ нарѣчіи и хранящагося въ любекскомъ архивѣ; копія съ него снята по порученію канцлера Румянцева; кромѣ того, онъ отпечатанъ у Сарторія и вновь въ 1843 въ Codex diplomaticus Lubecensis.

18) „Ueber die Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи, herausgegeben von B. Семеновъ“. Въ небольшомъ вступленіи къ этой статьѣ, Кругъ опредѣляетъ значеніе иностранныхъ писателей о Россіи, какъ одного изъ важныхъ источниковъ русской исторіи. „Такъ какъ до временъ Петра I-го, говоритъ онъ, мало писали въ самой Россіи, исключая канцелярій, то многое заслуживающее вниманія, особенно о нравахъ и обычаяхъ, и казавшееся туземцамъ совершенно обыкновеннымъ, потому что встрѣчалось ежедневно, можно узнать почти исключительно черезъ однихъ иностранцевъ, которые лучше видѣли, потому что взглядъ ихъ не притупился привычкой. А подробное знакомство съ отечествомъ, конечно, усиливаетъ любовь къ нему. Поэтому издатели разбираемой книги хотятъ сообщить своимъ соотечественникамъ не только подлинный текстъ многихъ писателей XV, XVI и XII вѣка, говорившихъ о Россіи, но перевести его на русскій языкъ и снабдить предисловіями и объяснительными примѣчаніями. Безспорно, это весьма полезное и похвальное предпріятіе, если удовлетворительно выполнено. Уже одно изданіе подлинниковъ, служащихъ для повѣрки точности переводовъ, доступность ихъ для каждаго любителя за дешевую цѣну, и соединеніе ихъ въ одной книгѣ было бы заслугой, ибо многія изъ этихъ сочиненій хранятся теперь только въ однѣхъ большихъ библіотекахъ. Они содержатся частью въ рѣдкихъ собраніяхъ, состоящихъ часто изъ многихъ фоліантовъ, или, наоборотъ, представляютъ отдѣльныя небольшія книжечки, изданныя одинъ разъ и мало-по-малу вышедшія изъ оборота“.

Всѣ, даже поверхностно знакомые съ учеными изданіями историческихъ памятниковъ, знаютъ, какъ неудовлетворительна въ этомъ отношеніи „Библіотека“ г. Семенова. Исполненіе далеко не соотвѣтствуетъ самымъ непритязательнымъ требованіямъ. Текстъ и переводъ исполнены ошибокъ и опечатокъ; примѣчанія составлены безъ необходимыхъ предварительныхъ свѣдѣній. Словомъ, въ ученомъ отношеніи, это весьма неудачное изданіе. Можно представить себѣ, какъ должно было оно показаться Кругу, когда даже тѣмъ, которые далеко не такъ близко знакомы съ требованіями науки, недостатки „Библіотеки“ бросаются въ глаза. Выказавъ ея главные недостатки и подтвердивъ свое мнѣніе многими очевидными примѣрами и доказательствами, Кругъ говоритъ въ заключеніи: „Несмотря на то, что такимъ образомъ многое въ трудѣ г. Семенова я нахожу неудовлетворительнымъ, я все-таки полагаю справедливымъ, по рѣдкости подобныхъ явленій въ русской литературѣ, присудить ему демидовскую премію въ 2500 рублей, — частью для того, чтобъ его самого поощрить къ продолженію полезнаго предпріятія, частью, чтобъ другимъ молодымъ людямъ подать поводъ заниматься изслѣдованіями русской исторіи и древностей“. Этотъ отзывъ представленъ академіи въ 1837 году. Въ немъ собрано много интересныхъ данныхъ для древней русской исторіи.

19) „Fragmente einer russischen Chronologie“. Отрывки изъ хронологическихъ таблицъ, составленныхъ Кругомъ, но недошедшихъ до насъ вполнѣ. (Подробное обозрѣніе его хронологическихъ изслѣдованій по русской исторіи и судьбы ихъ сообщилъ г. Куникъ. Смотри стр. CCXXXIV—CCXXXVI).

20) „Ueber die Aerzte im früheren Russland“. Въ „Краткой россійской исторіи“ ска-

зано, что до Іоанна IV въ Россіи не было врачей и аптекарей. Кругъ приводитъ длинный рядъ фактовъ, начиная со временъ Юрія Долгорукаго до присылки врачей Елисаветой англійской, которыми доказывается, что они были у насъ издавна.

21) „Berichte über einige die russische Geschichte betreffende Arbeiten". Подъ этимъ заглавіемъ напечатаны три отчета Круга, представленные академіи. Первый „Ueber die historischen Arbeiten in Russland von 1815—1820" (Обозрѣніе историческихъ трудовъ въ Россіи съ 1815—1820 года) составленъ по порученію Академіи наукъ. Австрійскій історіографъ баронъ Гормайръ (Hormayr) желалъ знать, что̀ сдѣлано въ Россіи съ 1815 года для русской исторіи вообще, что̀ въ особенности для сохраненія и дальнѣйшихъ открытій памятниковъ древности и среднихъ вѣковъ; но всего болѣе, что̀ сдѣлано для исторіи славянскихъ народовъ съ VI по IX вѣкъ. Это желаніе онъ выразилъ въ письмѣ къ статсъ-секретарю, графу Каподистрія, который передалъ его министру народнаго просвѣщенія, князю Голицыну, а послѣдній предложилъ академіи. Статья Круга представляетъ любопытные матеріалы для библіографіи и исторіи изученія русской исторіи. Вторая: „Auszug aus dem Bericht über Jos. von Hammer's Geschichte der goldenen Horde". Въ 1808 году, по предложенію Лерберга, объявлена темой на академическую премію исторія монгольскаго владычества въ Россіи. Въ 1826 году, по случаю празднованія столѣтняго юбилея, академія возобновила эту задачу, и черезъ нѣсколько лѣтъ повторила ее, потому что доставленное разсужденіе оказалось неудовлетворительнымъ. Поэтому поводу Гаммеръ написалъ свою „Исторію Золотой кипчакской орды", или „Монголы въ Россіи". Кругу поручено было разсмотрѣть тѣ части рукописи, которыя составлены по русскимъ лѣтописямъ и историкамъ, и представить объ нихъ свое заключеніе. Кругъ нашелъ, что Гаммеръ не совершенно удовлетворительно воспользовался русскими источниками и данными. Третья: „Bericht über M. Pogodin's Nestor". Это отзывъ о изслѣдованіяхъ г. Погодина о Несторѣ. Кругъ отзывается съ большими похвалами объ ученомъ трудѣ г. Погодина, и находитъ, что онъ вполнѣ достоинъ демидовской преміи.

Вотъ все, напечатанное г. Куникомъ изъ бумагъ Круга. Въ критической статьѣ, посвященной общему обозрѣнію книги, мы не могли останавливаться подробно надъ всѣмъ, что̀ есть замѣчательнаго въ изданныхъ теперь трудахъ Круга, или что̀ невѣрно, сомнительно; прибавимъ къ этому, что было бы несправедливо строго судить эти труды, изданные не самимъ авторомъ и много лѣтъ спустя послѣ того, какъ они были написаны.

Несмотря на то, изданные десять, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, они имѣли бы интересъ новости. Множество объясненій, намековъ, гипотезъ, которыя теперь стали общимъ достояніемъ науки и всѣмъ извѣстны, находимъ у Круга, и часто въ статьяхъ, уже давно написанныхъ. Это показываетъ, какъ глубоко онъ смотрѣлъ на предметъ. Чтобъ оцѣнить достоинство изданныхъ теперь изслѣдованій, не должно смотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія теперешней науки русской исторіи. Теперь, конечно, эти изслѣдованія не представляютъ особенной важности. Исходная точка изслѣдованій Круга не вполнѣ вѣрна и напоминаетъ старую школу. Объясненія и гипотезы большею частью уже извѣстны или опровергнуты. Кругъ былъ послѣдній замѣчательный представитель староакадемической школы критическихъ писателей по русской исторіи. Его послѣдователи, въ томъ числѣ г. Погодинъ, который, по нашему мнѣнію, имѣетъ очень много общаго съ историческимъ взглядомъ Круга, пошли далѣе. У г. Погодина, какъ мы замѣтили въ другомъ мѣстѣ, есть уже предчувствіе русской исторіи въ ея высшемъ значеніи, есть стремленіе къ живому, цѣльному пониманію русской исторіи, которое онъ, къ сожалѣнію, часто преслѣдуетъ и порицаетъ въ другихъ. Въ Кругѣ было гораздо болѣе терпимости, гораздо менѣе предубѣжденій...

Въ концѣ книги, въ особомъ прибавленіи, находимъ историко-этнографическія замѣчанія или, правильнѣе, опроверженія нѣкоторыхъ мѣстъ Круговыхъ изслѣдованій. „Я уже прежде объяснилъ", говоритъ г. Куникъ, авторъ замѣчаній: „почему намѣревался въ концѣ книги сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія на Круговъ анализъ народныхъ именъ (варяговъ, руссовъ, дромитовъ и фаргановъ). Считаю это тѣмъ болѣе нужнымъ, что гипотеза Круга о греческомъ происхожденіи названія россъ и усвоеніи его норманнами и славянами уже прежде проникла въ русскую, нѣмецкую и французскую литературы. Многія соображенія Круга въ самомъ дѣлѣ такъ

соблазнительны, что теперь, когда читатель можетъ обозрѣвать ихъ вполнѣ, они легко могутъ увеличить запутанность, къ сожалѣнію, еще до сихъ поръ господствующую въ отношеніи къ этимъ названіямъ въ исторической этнографіи.

„Кругъ очевидно слишкомъ мало обратилъ вниманія на формы этихъ названій со стороны грамматической, т.-е. съ точки зрѣнія исторіи языка. А историческая этнографія необходимо должна быть построена на этомъ основаніи, если хотимъ, чтобъ она привела наконецъ къ болѣе прочнымъ результатамъ касательно историческихъ отношеній отдѣльныхъ племенъ между собою, а именно, ихъ смѣшенія и взаимнаго вліянія другъ на друга. Чѣмъ болѣе историческая этнографія будетъ принимать за точку отправленія историческую грамматику, тѣмъ общѣе станетъ убѣжденіе, что можно открыть первоначальную форму многихъ этнографическихъ названій древности и среднихъ вѣковъ, но далеко не всегда—смыслъ этихъ названій; что изъ ста названій народовъ едва-ли можно съ помощью исторіи и грамматики объяснить какихъ-нибудь три или пять изъ нихъ; разительнымъ подтвержденіемъ этой мысли служатъ четыре народныя названія, изслѣдованныя Кругомъ; для нихъ источники представляютъ богатый филологическій и историко-этнографическій матеріалъ, и, несмотря на то, до сихъ поръ съ полной достовѣрностью можно объяснить значеніе только одного изъ этихъ названій, а именно, дромитовъ“.

Содержаніе замѣчаній и поправокъ г. Куника въ короткихъ словахъ заключается въ слѣдующемъ. Названіе *варяговъ* произошло не въ Россіи отъ глагола *варяю*, а дается древне-сѣверными писателями исключительно норманнамъ, служившимъ въ Греціи. О *фарганахъ* упоминается въ греческихъ историкахъ вмѣстѣ съ турецкими козарами и мадьярами. Они принадлежали къ конницѣ, и, по всѣмъ вѣроятностямъ, были собственно турки, которые тогда все болѣе и болѣе проникали впередъ изъ верхней Азіи. Названіе они могли получить отъ Фарганы, главнаго города турецкаго ханства того же имени (въ теперешнемъ Коканскомъ ханствѣ). Слѣдовательно, фарганы не имѣютъ ничего общаго съ варингами и, слѣдовательно, никакого отношенія къ русской исторіи. Вопросъ: почему у нѣкоторыхъ византійцевъ Игоревы руссы названы *дромитами*, былъ предметомъ множества гипотезъ. Изъ напечатанныхъ греческихъ писателей, объ нихъ упоминаютъ только два: Симеонъ Логоѳетъ или Метафрастъ и неизвѣстный продолжатель Ѳеофана. Но первый изъ нихъ, по изслѣдованіямъ г. Куника, представляетъ лишь второстепенный историческій источникъ для событій X вѣка, и оба заимствовали извѣстіе о дромитахъ изъ древнѣйшаго источника. Δρομίτης грамматически и лексически не можетъ быть существительнымъ нарицательнымъ, происходящимъ отъ δρόμον, и быть эпитетомъ приморскаго народа. Δρομίτης — географическое названіе, какъ Τριπολίτης—житель Триполиса, Θουλῖται—жители полуострова Туле, Δρομῖται—были обитатели полуострова, который лежитъ на востокъ отъ устьевъ Днѣпра и у нѣкоторыхъ греческихъ писателей называется δρόμος' Ἀχιλλέως. Римляне и греки не только считали этотъ dromos частью Тавроскиѳіи, но такъ называли его: по крайней мѣрѣ, они думали, что эта береговая страна, или страна, подобная острову, заселена таврами, тавроскиѳами и дромитами. Названіе тавровъ и тавроскиѳовъ изъ чисто-національнаго впослѣдствіи обратилось въ общее географическое, какъ и названіе скиѳовъ. Тавры были извѣстны своими морскими разбоями и страшной жестокостью. Руссы, отличавшіеся тѣми же свойствами, были сначала названы тавроскиѳами по сходству съ ними, а потомъ стали ихъ считать дѣйствительными тавроскиѳами. Но тавроскиѳы и дромиты были однозначительное названіе; потому послѣднее и придано руссамъ. Наконецъ — Ρῶ не греческое слово, и не склоняется, слѣдовательно, не есть ни существительное, ни прилагательное; греки впервые услыхали это названіе въ 838 году отъ пословъ шведскаго племени. Что̀ значитъ это названіе—вопросъ второстепенный, если разъ доказано, что оно искони народное, а не принятое впослѣдствіи отъ другого народа.

Изданіе, вообще говоря, исправно. Однако, тамъ и сямъ попадаются опечатки, даже ошибки; такъ на стр 485 вмѣсто Rurik читаемъ Nestor. Нельзя также не пожалѣть, что не сдѣлано къ книгѣ подробнаго алфавитнаго указателя предметовъ и словъ. Манера Круга наполнять каждую статью эпизодами, отступленіями, побочными мимоходными замѣтками, дѣлаетъ такой указатель къ его сочиненіямъ совершенно необходимымъ для всѣхъ занимающихся русской исторіей.

(Отеч. Записки, 1848. кн. 12).

Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи императорскаго московскаго университета,

17 Іюня 1847 года. Москва. 1847.

Въ составъ этой книжки вошли: рѣчь О. П. Лешкова „О древней русской дипломатіи“, рѣчь О. П. Анке „de Hippocratis praeceptis, nostra aetate valentibus“ (о положеніяхъ Иппократа, имѣющихъ силу въ наше время); наконецъ „Краткій отчетъ о состояніи университета за 1846—47 академическій годъ“.

Рѣчь г. Лешкова по истинѣ странное явленіе! Она написана не дурно, съ знаніемъ дѣла, начитанностью; въ ней есть много любопытнаго, если хотите,—и въ то же время нельзя читать ее безъ удивленія. Это типичное произведеніе отвлеченной учености, которая ко всему безразлично приступаетъ съ извѣстными, заранѣе готовыми формулами, что́ бы это ни было, и съ наивною важностью судитъ одинаково о предметахъ самыхъ разнородныхъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго. Еще Пушкинъ, въ высшей степени обладавшій живымъ взглядомъ на вещи, вооружался противъ этой манеры: его „Лѣтопись села Горохина“—геніальная сатира на историческія и научныя уродливости; но его урокъ, судя по рѣчи г. Лешкова, мало принесъ намъ пользы. На каждой страницѣ встрѣчаемъ: „дипломатія Россіи въ варяжскій періодъ“; „дипломатическія сношенія съ половцами, монголами, удѣльныхъ князей между собою“. Боже мой! Дипломатическія сношенія Святополка, Михаила и Давида съ Василькомъ! Игоря съ древлянами! Ужъ не было ли, въ самомъ дѣлѣ, „дипломатическихъ“ сношеній съ тѣми финнами, которыхъ капища были разрушены и идолы ниспровергнуты въ Ростовѣ?.. Скажите человѣку, одаренному простымъ здравымъ смысломъ, у котораго голова не засорена ложно-понимаемою ученостью,—скажите ему, что Рюрикъ, Олегъ, Святославъ имѣли „дипломатическія“ сношенія,—онъ засмѣется и не станетъ васъ слушать. На такіе отвѣты ученые смотрятъ обыкновенно съ величавымъ презрѣніемъ; но какъ они не правы! Въ такихъ отвѣтахъ справедливый протестъ живого пониманія вещей противъ отвлеченнаго схоластицизма. И какъ онъ невыгоденъ для науки! Непосвященные въ таинства формальнаго взгляда на вещи, не знающіе, что такой взглядъ—далеко не дѣйствительная, нормальная наука,—тѣ смотрятъ на нее недовѣрчиво, отрицаютъ ея существованіе, основываясь на сочиненіяхъ, подобныхъ рѣчи г. Лешкова. Если они заблуждаются, такъ это вина подобныхъ сочиненій. Дѣйствительная, живая наука говоритъ, что дипломатія, международныя отношенія, возможны только съ того времени, когда народъ выработалъ въ себѣ понятіе о правѣ, юридическіе элементы: далѣе, когда тѣ народы, съ которыми они сносятся, находятся точно на такой же степени развитія. На этомъ основаніи, конечно, мы ужъ имѣли дипломатическія сношенія, начиная отъ Ивана III и въ особенности Ивана IV, съ европейскими государствами, но не имѣли ихъ никогда съ сибирскими инородцами, киргизами, тѣмъ менѣе съ половцами, печенѣгами и косогами въ варяжскій періодъ. Г. Лешковъ не принимаетъ этихъ различій. Исполненный формальной учености, онъ не обращаетъ вниманія на основное начало, которое даетъ жизнь и значеніе всему остальному: есть договоръ—вотъ и дипломатическое сношеніе; есть война—вотъ и военное международное право. Оттого, съ крайней тщательностью и трудолюбіемъ обработана у него вся внѣшняя часть международныхъ отношеній въ древней Руси: формы договоровъ, сношеній, каковы были посольства и т. д.; но внутренняя сторона или вовсе опущена, или развита весьма неудовлетворительно. Оно и понятно. Изслѣдуя послѣднюю и не находя въ ней ничего, г. Лешковъ долженъ былъ вдаться въ натяжки, или отказаться отъ предпріятія. Отчего жъ было прямо не высказать этого? Нельзя: наука, видите, имѣетъ свои вѣчные, непреложные законы, которые

повторяются вездѣ. Или авторъ о томъ и вовсе не думалъ?—это гораздо вѣроятнѣе... Скажемъ въ заключеніе, что рѣчь г. Лешкова, какъ собраніе матеріаловъ, имѣетъ свои достоинства, но, какъ ученое сочиненіе—совершенно незначительна, и болѣе затемняетъ, чѣмъ раскрываетъ истину.

Совсѣмъ другое представляетъ коротенькая, но прекрасная рѣчь г. Анке. Это антиподъ рѣчи г. Лешкова. Какъ послѣдняя всячески ставитъ предметъ на ученыя ходули, заковываетъ въ нѣмецкую систему, вовсе ему несвойственную и чуждую, такъ первая, напротивъ, обнаруживаетъ стремленіе упростить взглядъ, противодѣйствовать узенькимъ теоріямъ и поставить читателей и слушателей въ самое близкое, прямое отношеніе къ природѣ, безъ посредства головныхъ представленій, вносящихъ въ предметъ чуждое ему, непринадлежащее. Въ концѣ рѣчи, обращаясь къ студентамъ медицинскаго факультета, г. Анке повторяетъ мысль, на которой основана рѣчь его. „Если (говоритъ онъ) возбужденные изученіемъ этой истины, вы обратите трудъ и силы на медицину, то легко убѣдитесь, что изъ всѣхъ теорій лучшая—не полагаться ни на какую теорію, а полагаться на вещи и природу".

Такую истину отрадно читать въ наше время, когда произвольныя, не изъ предмета взятыя системы губятъ здравый смыслъ и забиваютъ его въ колодку.

(Отеч. Записки, 1847).

Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ кіевской губерніи.

Изданное по Высочайшему соизволенію Кіевскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ Иваномъ Фундуклеемъ. Кіевъ. 1848.

Книга г. Фундуклея безспорно—одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ пріобрѣтеній русской археологіи въ текущемъ году. Всѣмъ, кто хоть поверхностно слѣдилъ за ходомъ нашей исторической литературы, извѣстно, какое вниманіе, особенно въ послѣднее время, обратили на себя могилы или курганы, городища и другія насыпи, подъ разными названіями, во множествѣ находимыя во всей Россіи. Это вниманіе объясняется и оправдывается значеніемъ насыпей. Разрытіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, сначала случайное или въ надеждѣ найти кладъ, потомъ систематическое, съ ученой цѣлью, привело къ заключенію, что онѣ—памятники отдаленнѣйшей эпохи исторіи, отъ которой намъ не сохранилось никакихъ данныхъ, никакихъ историческихъ свидѣтельствъ. Это обстоятельство придаетъ городищамъ и могиламъ особенную важность. Какъ единственные остатки безслѣдно-исчезнувшаго міра и быта, они представляютъ матеріалъ для историческаго изслѣдованія эпохи, которая безъ нихъ осталась бы для насъ совершенно недоступной и неизвѣстной.

До сихъ поръ этотъ матеріалъ мало разработанъ. Блистательные труды Ходаковскаго, еще не приведенные въ систему и не повѣренные учеными, сами представляютъ не болѣе какъ матеріалъ для будущихъ изысканій. То же должно сказать о разрытіи могилъ въ южной Россіи, о трудахъ покойнаго В. Пассека, Кеппена и м. д. Въ этой столько темной и необработанной области археологіи каждый новый трудъ, хотя бы онъ былъ не что иное какъ простой перечень матеріаловъ, есть уже большое пріобрѣтеніе. Первоначальная обработка данныхъ, сюда относящихся, еще оставляетъ желать слишкомъ многаго, чтобы можно было уже теперь мечтать о выводахъ, заключеніяхъ, тѣмъ менѣе о возсозданіи этой отдаленнѣйшей древности.

Добросовѣстный издатель „Обозрѣнія могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи" смотритъ на предметъ съ этой точки зрѣнія. По его словамъ, „прежде всего должно стараться собрать какъ можно болѣе данныхъ, изъ которыхъ бы можно было дѣлать выводы"; поэтому онъ имѣлъ „въ виду пре-

имущественно собраніе простыхъ данныхъ". Мы не беремъ на себя повѣрять книгу г. Фундуклея или опровергать ея, вообще говоря, осторожные выводы. Для этого мы не имѣемъ ни данныхъ, ни достаточно-спеціальныхъ знаній по этому предмету. Ограничимся однимъ изложеніемъ главныхъ результатовъ изслѣдованій.

Въ книгѣ, изданной г. Фундуклеемъ, собраны мѣстныя свѣдѣнія о могилахъ, городищахъ и другихъ насыпяхъ одной только кіевской губерніи. Въ первомъ отдѣлѣ этого труда эти свѣдѣнія изложены поуѣздно; число и положеніе могилъ, ихъ названія, вещи въ нихъ находимыя, случайныя открытія древнихъ вещей въ землѣ, городища, городки, замковища, валы, пещеры: вотъ порядокъ, въ которомъ собранные матеріалы описываются по каждому уѣзду отдѣльно. Какъ видно, авторъ не только поручалъ особымъ лицамъ собираніе этихъ свѣдѣній, но пользовался показаніями тѣхъ, которые были знакомы съ предметомъ; открытія, сдѣланныя за нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, не ускользнули тоже отъ его вниманія. Второй отдѣлъ есть „общій выводъ изъ розысканій о могилахъ, валахъ и городищахъ кіевской губерніи",—другими словами, сводъ данныхъ, перечисленныхъ и описанныхъ въ первомъ отдѣлѣ, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ заключеній и критическихъ изслѣдованій автора. Сколько первый отдѣлъ важенъ для спеціалистовъ, столько второй можетъ быть интересенъ для большинства читателей. Это заставляетъ насъ изложить содержаніе его нѣсколько подробнѣе.

Всѣхъ могилъ въ двѣнадцати уѣздахъ кіевской губерніи насчитано 6239; такъ какъ онѣ не вездѣ довольно подробно осмотрѣны, а нѣкоторыя уже раскопаны и сравнены съ землей и потому не вошли въ счетъ, то авторъ думаетъ, что всего могилъ было вдвое (?) болѣе, а именно 12478. Средняя высота ихъ 2 — 3 саженъ въ отвѣсѣ, но нѣкоторыя несравненно выше; такъ одна въ Липовецкомъ уѣздѣ, теперь снесенная на двѣ трети, еще имѣетъ въ вышину до десяти саженъ.

О могилахъ существовали до недавняго времени различныя мнѣнія. Польскіе писатели дѣлили ихъ на военныя, гробовыя и путеводныя или походныя. Послѣдними назывались тѣ, которыя служили какъ бы указателями пути во время великихъ переселеній народовъ. Но гробы, и притомъ весьма древніе, находимые въ раскопанныхъ могилахъ, уничтожили мнѣніе, будто бы онѣ насыпаны для этой цѣли. По той же причинѣ оказалось ложнымъ и другое, подобное этому предположеніе, будто могилы насыпаны съ той же цѣлью татарами или поляками. Нѣкоторые, признавая „могилы за гробницы", относили происхожденіе ихъ къ позднѣйшимъ временамъ. Но и это несправедливо. Во-первыхъ, древнія историческія свидѣтельства о могилахъ этому противорѣчатъ; потомъ, обычай насыпать могилы въ христіанскую эпоху не существовалъ; наконецъ преданіе молчитъ о ихъ происхожденіи, а оно бы говорило, еслибъ могилы возникли недавно. Несомнѣннымъ кажется, что онѣ насыпаны народомъ осѣдлымъ, который долго жилъ на одномъ мѣстѣ, и только постепенно, въ продолженіе длиннаго періода времени, могъ размножить эти могилы въ такомъ огромномъ количествѣ. Топографическія наблюденія показываютъ далѣе, что могилы большею частью лежатъ на самыхъ возвышенныхъ пунктахъ; внутри степей ихъ менѣе; это заставляетъ думать, что есть какая-то связь, постоянное соотношеніе между могилами и мѣстами, которыя въ глубочайшей древности были наиболѣе удобны для селитьбы, а именно, по берегамъ рѣкъ и на возвышенностяхъ, — другими словами, что могилы обозначаютъ мѣста или близость мѣстъ самаго древнѣйшаго населенія. Какой народъ ихъ насыпалъ—нельзя рѣшить. Можетъ быть, отвѣтъ на этотъ вопросъ дастъ изслѣдованіе череповъ, находимыхъ внутри насыпей. Авторъ называетъ эти могилы *скиѳскими*, „желая—какъ онъ самъ говоритъ — показать, что наши (кіевскія) могилы усвояемъ народу осѣдлому, туземному и самому древнѣйшему". Множество могилъ заставляетъ заключать о бывшей большой населенности края. Наконецъ весьма вѣроятное предположеніе, что могилы насыпались надъ людьми знатными, и судя по одинаковости могилъ, равно уважаемыми, приводитъ къ мысли, что народъ, воздвигнувшій эти памятники, находился подъ родовымъ правленіемъ и не зналъ единовластія; въ противномъ случаѣ могилы находились бы въ одномъ мѣстѣ.

По своей наружной формѣ могилы дѣлятся на три категоріи или разряда. Къ первому относятся имѣющія обыкновенную форму, то есть круглыя и съ круглыми верхами. Но и онѣ разнятся часто между собою: однѣ нѣсколько расширены внизу, у самаго основа-

нія, другія отъ подошвы тотчасъ поднимаются вверхъ дугообразно; есть и овальныя, похожія на скирды; есть и остроконечныя, конусообразныя. „Разныя формы этихъ памятниковъ, безъ сомнѣнія (?), означаютъ собою разное назначеніе ихъ, а можетъ быть, различный народъ и различныя эпохи, къ которымъ слѣдуетъ ихъ относить". Второй разрядъ могилъ составляютъ такъ называемыя *чубатыя*. „Каждая изъ нихъ состоитъ какъ бы изъ двухъ могилъ, одна на другую поставленныхъ такъ, что первая представляетъ какъ бы пьедесталъ, съ свободнымъ обходомъ вокругъ, а другая представляетъ верхъ и притомъ двурогій, съ жолобообразнымъ углубленіемъ, сдѣланнымъ для удобнѣйшаго восхожденія, прямо противъ такого же углубленія, идущаго снизу или отъ перваго яруса могилы. Съ боковъ эти насыпи представляютъ могилу съ четырьмя горбами, похожую на старинный свадебный коровай; а одно это сходство формъ уже переноситъ воображеніе къ древнѣйшимъ временамъ славянщины (?)". Наконецъ могилы третьяго разряда — *раскопанныя* или *майданныя* — представляютъ обыкновенно „кругловатый замкнутый валъ, который пониженіемъ въ одномъ мѣстѣ образуетъ подобіе воротъ или въѣзда. Издали такой окопъ представляетъ продолговатую могилу; но, взошедши на ея верхъ, замѣчаете внутри углубленіе, котораго дно находится на одинакой поверхности съ землею внѣ вала. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ могилахъ этого рода, среди этого внутренняго дола или ямы возвышается опять холмъ, высотою равняющійся, а иногда даже превосходящій внѣшній валъ... Составленную изъ такого круглаго вала могилу окружаютъ почти всегда валы или шанцы, насыпанные въ нѣсколько рядовъ, въ видѣ полумѣсяцевъ. Такихъ рядовъ бываетъ два и три, даже до 6, 7 и болѣе". Эти могилы огромнѣе всѣхъ другихъ.

Внутри могилъ находимы были: катакомбы (въ одной только, въ Чигиринскомъ уѣздѣ), пепелъ и уголья, кирпичъ и пережженная глина, построенные деревянные гробы, многочисленныя доказательства бывшаго трупосожиганія—горшки съ недожженными человѣческими костями, пепельницы, слезницы; лошадиныя кости, человѣчьи черепы одни, безъ остововъ, и наоборотъ, остовы безъ головъ, остовы, обложенные березовой корой или каменьями; кости звѣрей; иногда кости человѣческія необыкновенной величины; сосуды съ изображеніями, по всѣмъ вѣроятіямъ и признакамъ греческіе, и различныя металлическія вещи: стрѣлы, кольца, шлемъ аѳинскій, истуканчики, монеты римскія, греческія, ольвійскія и арабскія. Всѣ эти находки подаютъ автору поводъ къ любопытнымъ и большею частью весьма правдоподобнымъ заключеніямъ. Катакомба свидѣтельствуетъ, что могила служила надгробнымъ памятникомъ, а найденныя въ ней желѣзныя вещи и стрѣлы, въ томъ числѣ одна костяная, по словамъ автора, „заставляютъ относить насыпь этого памятника къ самымъ отдаленнѣйшимъ, безъ сомнѣнія (?) скиѳскимъ временамъ". Пепелъ и уголья, кирпичъ, каменные своды въ могилахъ очевидно опровергаютъ давнее предположеніе, будто могилы были простыми насыпями или путевыми знаками, сторожевыми постами. „Они ясно показываютъ, что если это (могилы) были гробовища, то они принадлежали людямъ до-историческимъ, у которыхъ погребеніе совершалось съ какими-то торжественными, религіозными обрядами, и всего вѣроятнѣе съ жертвоприношеніемъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыя времена. Зарытіе костей лошадиныхъ вмѣстѣ съ человѣчьими", по замѣчанію автора, тоже „не можетъ быть случайнымъ, но указываетъ на какой-то обрядъ; а потому онѣ принадлежатъ временамъ и народамъ до-христіанскимъ". (Мы бы сказали—народамъ не христіанскимъ, и это было бы несомнѣнно; заключеніе автора не довольно строго). Черепа безъ остововъ, находимые въ могилахъ и на ровныхъ мѣстахъ, подтверждаютъ, по мнѣнію автора, извѣстіе Страбона, объ антропофагахъ и меланхленахъ, которые будто бы съѣдали тѣла умершихъ и погребали однѣ головы,—тѣмъ болѣе, что, на основаніи изслѣдованій г. Надеждина, эти скиѳскіе народы жили въ той самой странѣ, гдѣ найдены эти черепа. Остовы, обложенные берестовой корой, „очевидно касаются временъ до-христіанскихъ, тѣхъ временъ, когда обычаи находились на низшей степени развитія" (?). „Остовы, обложенные каменьями", продолжаетъ авторъ, „не суть ли гробы скандинавскихъ выходцевъ?.. Погребеніе остововъ подъ камнями, сложенными на подобіе гробницы, было въ обычаѣ у скандинавовъ". Присутствіе урнъ и разныхъ вещей работы греческой „показываетъ, до какихъ мѣстъ простирались греческія колоніи; показываетъ

то, что прежде было только предполагаемо, то есть, что колоніи греческія весьма далеко простирались вверхъ по Днѣпру. Кажется, что ваза съ изображеніями (найденная въ могилѣ каневскаго уѣзда) служитъ первымъ свидѣтелемъ, являющимся на защиту такого мнѣнія; имъ устанавливается отношеніе нашихъ могилъ (кіевской губерніи) къ тѣмъ, которыя находятся надъ Евксиномъ, открывается существованіе на этихъ берегахъ Днѣпра народовъ образованныхъ уже въ такія времена, которыя обыкновенно считаются чисто варварскими. По крайней мѣрѣ достойно вниманія, что когда возлѣ могилы, въ которой найдены тѣ издѣлія народа, знакомаго съ искусствомъ и сожигавшаго свои тѣла послѣ смерти,—разрываема была другая могила, стоящая на томъ же полѣ и ни въ чемъ по наружности не отличавшаяся отъ первой, — то въ ней найдены остовы, гробницы, устроенныя изъ деревянныхъ брусьевъ, и остатки варварскаго оружія. Впрочемъ мы знаемъ изъ исторіи, что греки жили разсѣянно между скиѳами; что были поселенія скиѳовъ огречившихся и въ нѣкоторомъ отношеніи уже образованныхъ". Наконецъ остовы въ сидячемъ положеніи, найденные въ нѣкоторыхъ могилахъ, напоминаютъ обычай финскихъ народовъ; и до сихъ поръ подъ Ураломъ встрѣчаются такіе остовы въ землѣ.

Чтобъ уяснить исторію и значеніе могилъ, авторъ прислушивался къ народнымъ преданіямъ; но этотъ, часто богатый, историческій источникъ на этотъ разъ оказался скуднымъ. Это новое доказательство глубокой древности могилъ; очевидно онѣ возникли въ эпоху, не имѣющую ничего общаго съ теперешними жителями страны, если между ними не сохранилось никакихъ преданій о могилахъ. Историческое воспоминаніе замѣнилось въ головѣ простолюдиновъ фантастическими представленіями, что могилы сыпали люди допотопные, люди Адамовы—великаны, и ихъ росту все соотвѣтствовало; верблюды были овцы этихъ людей, и т. д. Названія ихъ также мало объясняютъ ихъ происхожденіе.

Какое значеніе имѣли могилы второго разряда? Нѣкоторые думали, что онѣ поврежденныя или разрытыя могилы перваго разряда; но этого нельзя допустить, глядя на ихъ постоянно однообразный видъ. Авторъ думаетъ, что онѣ „служили мѣстами религіозныхъ обрядовъ и какъ бы степными алтарями". Ни одна изъ нихъ еще не разрыта до самаго основанія, и потому тѣмъ труднѣе объяснить, хотя приблизительно, ихъ назначеніе.

Могиламъ третьяго разряда авторъ посвящаетъ длинное изслѣдованіе, въ которомъ сначала весьма подробно опровергаетъ разныя мнѣнія, выдававшія эти могилы за простые селитряные майданы, или смоляныя печи, или за шанцы, военныя укрѣпленія, или наконецъ за обвалившіяся гробовыя могилы. По мнѣнію автора, эти насыпи были назначены для людоѣдныхъ жертвоприношеній. Меланхлены и антропофаги, жившіе въ этомъ краю и имѣвшіе обычай пожирать тѣла умершихъ, предавая погребенію однѣ головы ихъ, дѣлали это не изъ удовольствія, а вслѣдствіе религіознаго обычая; обычай этотъ конечно совершался съ нѣкоторой торжественностью, на особыхъ, нарочно для того отведенныхъ мѣстахъ, и такими мѣстами были насыпи третьяго разряда.

Мы внимательно слѣдили за авторомъ въ изслѣдованіяхъ, которыя привели его къ этому заключенію, и должны сознаться, что доводы его слабы. Можетъ быть онъ и правъ, но его мнѣніе покуда не только не доказано, даже не обставлено данными, которыя придали бы этому мнѣнію видъ вѣроятной гипотезы. Несмотря на то, его аргументація, изслѣдованія въ подтвержденіе этой смѣлой гипотезы весьма любопытны, и если цѣль не достигнута, то путь, которымъ авторъ къ ней шелъ, самъ по себѣ есть пріобрѣтеніе для науки. Сближеніе и истолкованіе различныхъ мѣстъ изъ древнихъ писателей о людоѣдствѣ нѣкоторыхъ племенъ показались намъ оригинальными и новыми. Указаніе на слѣды Геродотовскихъ меланхленовъ въ теперешнемъ населеніи страны также очень важно и не должно быть пропущено безъ вниманія.

Изъ прочихъ насыпей авторъ подробно разсматриваетъ городища и замковища. Число ихъ (159 въ кіевской губерніи) онъ считаетъ уменьшеннымъ противъ дѣйствительности. Всѣ они, хотя и соединенныя подъ общимъ названіемъ, имѣли разное назначеніе и относятся къ различнымъ эпохамъ. Большая часть суть могилы третьяго разряда; четырехъ-угольныя городища, по всѣмъ вѣроятіямъ, были военныя укрѣпленія, и слѣдовательно представляютъ памятники битвъ,

происходившихъ въ разныя времена; замковища суть остатки замковъ, городковъ и крѣпостей; значительныя пространства, окруженныя валами, нѣкоторые принимаютъ за посады греческихъ колоній; встрѣчаются между этими насыпями небольшіе четырехъ-угольные неправильные окопы, служившіе, по преданіямъ, убѣжищемъ противъ татарскихъ набѣговъ; открываются также въ числѣ насыпей слѣды городовъ, теперь исчезнувшихъ и о которыхъ нѣтъ никакихъ извѣстій; нѣкоторые изъ этихъ городовъ были обширны и весьма древни, судя по вещамъ, находимымъ на мѣстахъ, гдѣ они, по преданію, находились; были между ними и греческіе. Авторъ перечисляетъ до 15 такихъ разрушенныхъ городовъ.

О валахъ, которыхъ такъ много въ кіевской губерніи, авторъ не дѣлаетъ общихъ заключеній. Мы приведемъ изъ перваго отдѣла книги интересное описаніе Траянова вала въ васильковскомъ уѣздѣ.

„Валъ, называемый *Траяновымъ*, начинается въ Сквирскомъ уѣздѣ въ селеніи Почуйкѣ, вступаетъ оттуда въ предѣлы Васильковскаго уѣзда при селѣ Краснолѣсахъ, потомъ тянется по лѣвой сторонѣ рѣки Роси, черезъ мѣстечко Бѣлую-Церковь и черезъ селенія Томиловку, Чепелевку, Сухолѣсы, мѣстечко Рокитну и село Ольшаницу; наконецъ у села Саварокъ склоняется къ Каневскому уѣзду, къ селенію Синицѣ. Въ протяженіи онъ имѣетъ до 80 верстъ; въ Васильковскомъ же уѣздѣ онъ простирается почти на 40 верстъ; средней высоты имѣетъ онъ 2 сажени. Названіе этого вала объясняется побѣдами императора Траяна (106 года по Р. Х.), который, завоевавъ Дакію, обратилъ свое оружіе на нынѣшнюю Украйну. Находимыя въ здѣшнихъ мѣстахъ римскія монеты утверждаютъ догадку о первоначальномъ устроеніи этого вала римлянами. Кромѣ пѣсни о полку Игоревѣ, Траянъ вспоминается и въ здѣшнихъ народныхъ преданіяхъ, въ которыхъ онъ называется царемъ Ермаланскимъ, т.-е. Римлянскимъ.

„Въ недавнее время, въ имѣніи Кошеватскомъ (Таращанскаго уѣзда) найдена монета съ лицевымъ изображеніемъ на одной сторонѣ Траяна, съ подписью: Imp. Trajanus Deci; а на другой сторонѣ съ изображеніемъ воина съ копьемъ, стоящаго между двумя львами, и съ надписью: P. N. S. C. O. L. VYM".

Не менѣе замѣчателенъ, хотя и въ другомъ отношеніи, огромный Эміевъ валъ, проходящій чрезъ кіевскій, васильковскій и сквирскій уѣзды. Съ нимъ соединены народныя преданія объ убіеніи гидры,—преданія, общія и древнему и новому міру, старому и новому свѣту.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ *о каменныхъ бабахъ* или истуканахъ. Ихъ найдено два въ кіевской губерніи. Назначеніе ихъ темно: на сибирскихъ могилахъ они изображаютъ мужчинъ, въ южной Россіи—женщинъ. Простолюдины разсказываютъ, что эти бабы когда-то были живыя—боги или люди, но окаменѣли въ Христово пришествіе; это и другія повѣрья, связанныя съ каменными бабами, стоявшими на могилахъ, указываютъ на религіозное назначеніе послѣднихъ.

Вотъ въ общемъ очеркѣ содержаніе въ высокой степени любопытной книги г. Фундуклея. Ограниченные предѣлами рецензіи, мы, разумѣется, не могли входить въ подробности, но смѣло ручаемся, что читатель найдетъ въ самомъ „Обозрѣніи" много любопытнаго и новаго, о чемъ не было мѣста упоминать здѣсь. Недостатки изслѣдованій автора—нѣкоторая сбивчивость, отчасти произвольность выводовъ, отсутствіе строгихъ научныхъ пріемовъ, по крайней мѣрѣ мѣстами,—съ избыткомъ выкупаются богатствомъ собранныхъ матеріаловъ, добросовѣстностью труда и многими удачными, остроумными изысканіями. Рисунки сдѣланы весьма тщательно и изображаютъ видъ замѣчательнѣйшихъ могилъ Кіевской губерніи (I—VII), вещи, найденныя въ нихъ (VIII—XIII; XV—XVII), и двѣ каменныя бабы (XIV).

(Отеч. Записки, 1848, кн. 8).

О значеніи словъ: варягъ, казакъ, россъ и ретъ,

или какъ должно понимать эти слова въ исторіи. Соч. Никиты Н. Богомолова. Тифлисъ. 1849.

Ничто не ново подъ луною—великая истина! Даже и то старое, что̀, казалось, прошло навсегда, безвозвратно, имѣетъ иногда способность вдругъ, ни съ того ни съ сего, ожить и—жить! Лучшимъ доказательствомъ служитъ книжка, которой заглавіе мы выписали. Мы думали было, что мода „вольнаго словопроизводства“ по части русской исторіи навсегда прошла, и ея ошибки, болѣе или менѣе забавныя, умудрили изслѣдователей. Какъ же мы жестоко ошиблись! Г. Богомоловъ доказалъ намъ, что не только эта мода не прошла, но что она даже до сего времени находится въ добромъ здоровьѣ и обѣщаетъ многолѣтнее существованіе. Она имѣетъ свое прошедшее—труды гг. Морошкина, Савельева-Ростиславича, Макарова, Святлова, свое настоящее—предлежащій трудъ г. Богомолова; какъ отвѣчать за будущее? И будущее вѣрно будетъ,—въ этомъ нечего отчаяваться.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе книжки г. Богомолова.

Варягъ состоитъ изъ словъ: *Вар* и *ах*, *аг* или *ак*. *Вар*, *фар*, *пар*, *бар*, значитъ *конникъ*; *ак*, *аг*, или *ак*—*бѣлый* или *соль* (въ переносномъ смыслѣ тоже бѣлый). *Казакъ* есть составное изъ *каз* и *ак*. Первое изъ этихъ словъ *каз*, *аз*, *газ*, *хаз*, значитъ тоже конь. *Россъ* равнымъ образомъ означаетъ *коня* (Ross); наконецъ *ретъ* (Rhet) происходитъ отъ словъ *рать*, rittar. Такимъ образомъ варягъ, казакъ, россъ и ретъ имѣютъ одинъ смыслъ, означаютъ всѣ одинаково всадника, кавалериста, и потому тожественны между собою.

Это покуда цвѣточки; а вотъ ягодки. *Ак*, *аг*, *ак* суть слова персо-турецкія; *аг* по-армянски значитъ соль; по-гречески *als*, по-молдавски *alb*; оба послѣднія слова принимаютъ сокращенную форму *ol*. На славянскомъ языкѣ они выражаются словами *соль*, *силь*, или въ сокращенной формѣ *сло*, *сла*, *слан*; искаженная ихъ форма есть *скло*. Отсюда аг-ваны, албани, ал-ани, ванд-али, сла-вяни, сло-вани, сло-ваки, скла-вини, силь-ваны, — одинъ народъ, *бѣлые ваны*; ваны же—славяне; вар-аг, каз-ак, русс-ак — всадники, защитники вановъ, и относятся къ ванамъ, какъ видъ къ роду, какъ прежде малороссійскіе казаки относились къ Малороссіи. Слова *варс*, *фарс*, *барс*, или *парс*, значатъ конный человѣкъ. Отсюда конязь, князь, könig, гуннъ, пар-ванъ, (пареа-нинъ), бар-инъ, barbar, бериліи или верзиліи, вары — однознаменательны; Кіевъ происходитъ отъ *кай*, по-молдавски лошадь и есть градъ конниковъ, Каневъ. *Хаз* и *газ* означало въ древности по-арабски коня; какъ и слова *гайспъ*, *госпъ*, отсюда госп-одинъ, баринъ, князь—одно и то же; каз-акъ, аз-иги, кос-оги—одно и то же; хаз-ар—князь Аріи и т. д.

Не смѣемъ слѣдить далѣе за авторомъ, боясь утомить читателей, Славянъ, въ видѣ мирныхъ жителей или войска, ихъ защищающаго, авторъ видитъ вездѣ, отыскиваетъ подъ разными азіатскими и европейскими именами и находитъ: угры или маджары суть славяне, курты — тоже славяне; не менѣе славяне—авары, франки, гермундулы, варинги, аорсы, свеи, германы, братинги, сибариты, сарматы, скиѳы, нордолбинги, роксолане, мамазиты (доможиты), sitticі (житьи), глутунги (горожане), цыгане, торки или турки, берендѣи (бары-Индіи) и т. д.

Словомъ, всѣ народы суть славяне, скрывающіеся только подъ разными названіями. Жаль, что авторъ, избравъ этотъ путь, не шелъ по немъ до конца и не исчерпалъ матеріи. Во второмъ приложеніи онъ говоритъ, что пелазги суть бѣл-азы, или казаки. Что бы ему стоило развить эту мысль, которую такъ разительно подтверждаютъ названія греческихъ народовъ и областей! Взгляните на карту: Ѳессалы или Тессалы очевидно—*тесали*; аѳиняне — наши *офени*; Спарты — *съ порты*, то-есть съ одеждой; македоняне — *макъ* и *донникъ*. Въ древней Италіи поражаетъ то же самое: умбры — *отъ умъ беру* (видно были глуповаты); Пицены — явно *Пи-*

щаны; самниты — отъ *сомну*, или, можетъ быть, отъ *сомнѣнія*; калабры — *около брали*, то-есть любили попользоваться на чужой счетъ. Но и Британія — что иное, какъ не искаженное *бери тонѣе*, то-есть, тоньше? То же въ Галліи: рѣшительно, что ни названіе народа, то славянское, только исковерканное: атребаты — отъ *отребить*; свессіоны — явно *свои сыны*; беловаки — *бѣловѣжи*; самый Парижъ и Сена не явно ли происходятъ отъ *пори* и *сѣно*. Куда ни взглянешь на карту — вездѣ славяне такъ и выглядываютъ; нужно только смотрѣть во всѣ глаза, чтобъ не пропустить.

Можетъ быть, читатели найдутъ, что мы слишкомъ увлекаемся. Едва ли такъ. Если можно серьезно считать парѳянъ за славянъ, почему же не произвести Акарнаніи *отъ окарнать*? Мы не видимъ достаточной причины. Ужъ если производить, такъ производить на славу! Тутъ нѣтъ границъ. Да...

Все это было бы смѣшно, когда бы не было
такъ грустно!

Что хотите, повторяйте хотя тысячу разъ, что одно созвучіе и основанная на нихъ этимологія ничего не значатъ и не доказываютъ, — всѣ эти разсужденія ни къ чему не поведутъ. Видно тому быть такъ. А нельзя не пожалѣть труда и знанія, которые употреблены авторомъ въ дѣло при написаніи этой книжки. Образцовые ученые пріемы Сенъ-Мартена, изъ сочиненія котораго „О происхожденіи кавказскихъ народовъ" помѣщенъ въ разбираемой нами книжкѣ отрывокъ въ видѣ приложенія, не наставили автора. А онъ еще полемизируетъ съ Сенъ-Мартеномъ!

(Отеч. Записки, 1850).

Общественная жизнь и земскія отношенія въ древней Руси.

Соч. Александра Тюрина. Спб. 1850.

Немногимъ изслѣдователямъ по русской исторіи удавалось начинать свое учено-литературное поприще такими зрѣло-обдуманными и во всѣхъ отношеніяхъ прекрасными трудами, какъ г. Тюрину. Если мы не ошибаемся, разсматриваемое нами сочиненіе есть второе изъ напечатанныхъ доселѣ сочиненій того же автора. Первое, безъ имени сочинителя, появилось въ іюльской книжкѣ „Современника" 1849 г., подъ заглавіемъ: „Смерть Ярополка Изяславича". Уже по этой коротенькой статьѣ, написанной по одному изъ самыхъ частныхъ вопросовъ русской исторіи, можно было заключить о талантливости автора; послѣднее сочиненіе окончательно убѣждаетъ насъ еще и въ знаніяхъ г. Тюрина.

Содержаніе новой брошюры его можно разсказать въ нѣсколькихъ словахъ. Это очеркъ развитія нашего внутренняго быта отъ древнѣйшихъ извѣстій до XII вѣка, составленный на основаніи туземныхъ и иностранныхъ источниковъ, а при скудости или недостаточности ихъ — съ помощью аналогическихъ, соотвѣтствующихъ или тожественныхъ явленій въ бытѣ другихъ славянскихъ племенъ. Въ развитіи нашего внутренняго быта авторъ принимаетъ собственно пять формъ: 1) бытъ, такъ сказать, до-родовой, или, какъ говоритъ г. Тюринъ, племенной, первоначальный; 2) бытъ родовой, когда появляются отдѣльные, независимые другъ отъ друга родовые союзы; 3) бытъ общественный — сожительство родовъ, соединеніе ихъ въ союзы или общины; эта форма отличается отъ предыдущей тѣмъ, что въ послѣдней всѣ отношенія основаны на кровномъ родствѣ, въ первой же появляется общежитіе, гражданскій союзъ, уже основанный не на кровной связи; 4) бытъ земскій, въ которомъ появляется соединеніе общинъ между собою, опредѣляются между ними отношенія старшинства и зависимости, и образуются земли или волости; 5) бытъ государственный, когда земли и волости соединяются подъ власть князя, упрочивающаго ихъ единство, цѣлость и внутреннее благоустройство. Изъ этихъ пяти формъ или эпохъ

авторъ подробно разсматриваетъ, съ помощью указанныхъ выше источниковъ, только три первыя, и предлагаетъ краткій или, правильнѣе, сжатый очеркъ четвертой. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ попытокъ возсоздать послѣдовательность нашего внутренняго развитія и уяснить ея законъ, движущее начало, попытка г. Тюрина одна изъ самыхъ удовлетворительныхъ, какъ по мысли, такъ и по исполненію. Правда, объясненіе древнѣйшей русской исторіи законами родового быта и развитія теперь уже не новость; эту мысль имѣли многіе задолго до появленія сочиненія г. Тюрина. Но заслуга его—въ томъ, что онъ развилъ эту основную тему весьма самостоятельно, оригинально, вновь такъ сказать открылъ ее при самомъ тщательномъ, добросовѣстномъ изученіи источниковъ; оттого въ его изслѣдованіи встрѣчаются новыя, большею частью весьма удачныя объясненія, вѣрныя мысли и взгляды, прекрасныя замѣтки и сближенія. Въ цѣломъ видѣнъ систематическій умъ, умѣнье не теряться въ мелочахъ, а обнимать общее, что, кстати замѣтить, большая рѣдкость между посвящающими себя русской исторіи. Всѣ эти достоинства разбираемаго нами труда и условія, которыя соединяетъ въ себѣ авторъ, подаютъ самыя пріятныя надежды относительно его дальнѣйшей учёной и литературной дѣятельности на пользу русской исторіи.

При всѣхъ несомнѣнныхъ достоинствахъ сочиненія г. Тюрина, оно имѣетъ однако свои недостатки — и въ цѣломъ, и въ подробностяхъ. Въ цѣломъ недостатки изслѣдованія г. Тюрина проистекаютъ главнымъ образомъ изъ того, что онъ, повидимому, равно старался избѣгнуть и односторонности при объясненіи нашего древняго быта однимъ кровнымъ началомъ, и ошибокъ, въ которыя впалъ Шлецеръ, преувеличивая низкую степень общественнаго развитія русско-славянскихъ племенъ въ древнѣйшую эпоху. Избѣгая того и другого, авторъ, какъ мы думаемъ, опустилъ изъ вида нѣкоторыя явленія нашего внутренняго быта, и не совсѣмъ безпристрастно объяснилъ другія.

Во-первыхъ, трудно понять, что̀ именно за эпоху народной жизни ищетъ авторъ у славянъ до образованія у нихъ родового союза, и какая это могла быть эпоха? Судя по нѣкоторымъ намекамъ и по общему характеру статьи, посвященной разсмотрѣнію до-родового быта, можно догадываться, что авторъ разумѣетъ бытъ, въ которомъ не признаются узы крови, „первоначальное состояніе дикости“, когда племя живетъ, „какъ стадо звѣрей, или какъ стая перелетныхъ птицъ“. Если мы поняли правильно—авторъ весьма ошибочно смотритъ на начало, колыбель человѣческихъ обществъ. Нигдѣ, никогда, ни на какой ступени развитія, какъ бы она ни была низка, человѣческое общество не представляется въ такомъ видѣ. У народовъ кочующихъ, даже у бродячихъ звѣролововъ—семья, слѣдовательно кровная связь, лежитъ въ основаніи общежитія. Да и какъ можетъ быть иначе, когда племя образуется черезъ нарожденіе, распложеніе! Человѣкъ, какъ бы ни былъ онъ неразвитъ и грубъ, какою бы ни жилъ непосредственною жизнью, съ самаго появленія своего приноситъ съ собою, въ исторію, тѣ же наклонности, стремленія, инстинкты, которые впослѣдствіи развиваются, сознаются, такъ сказать, утончаются жизнью и опытностью. Жизнь племени безъ семейства, безъ кровныхъ узъ, какъ стада звѣрей,—немыслима и невозможна; это созданіе воображенія или ошибочной теоріи о происхожденіи человѣческихъ обществъ. Семья, кровный союзъ, обнимающій однихъ родителей и дѣтей, или и другихъ родственниковъ, такъ же древни, какъ родъ человѣческій. Но степень сознанія ихъ, какъ основъ общежитія, бо́льшая или меньшая ихъ опредѣлительность, твердость, характеръ отношеній, ими создаваемыхъ,—конечно, неодинаковы въ разныя эпохи. Существуя непосредственно, кровныя связи болѣе шатки, менѣе опредѣленны, менѣе служатъ нормою для установленія отношеній между лицами, чѣмъ впослѣдствіи, когда эти связи уясняются, переходятъ въ сознаніе, становятся закономъ и получаютъ юридическій характеръ. Въ этомъ смыслѣ у двухъ племенъ можетъ быть одинъ и тотъ же кровный, родственный бытъ; но одно изъ нихъ можетъ жить еще чисто непосредственною, физическою жизнью, и эти кровныя узы часто могутъ нарушиться, перекрещиваться другими, потому только, что первыя не успѣли развиться въ опредѣлительный, ясный, всѣми уважаемый и хранимый законъ, обычай, или вѣрованіе; у другого племени, болѣе развитого, напротивъ, родственный союзъ, за недостаткомъ другого—гражданскаго или государственнаго—можетъ служить

единственной формой отношеній между соплеменниками, или родичами, и чтиться свято. Въ томъ и другомъ случаѣ, бытъ конечно различенъ, но основанія его одинаковы: не одинакова только степень развитія однихъ и тѣхъ же началъ. Вотъ почему мы думаемъ, что различіе разныхъ русско-славянскихъ племенъ, о которомъ свидѣтельствуетъ Несторъ, можетъ быть объяснено не однимъ пристрастіемъ благочестиваго монаха, но и дѣйствительнымъ различіемъ въ относительной образованности самыхъ племенъ. Неясное сознаніе брачнаго и родственнаго союза, а слѣдовательно и нестрогое ихъ соблюденіе,—легко могли уживаться у нѣкоторыхъ племенъ съ общежитіемъ, даже съ родовымъ распорядкомъ. Тутъ нѣтъ ничего невозможнаго и невѣроятнаго. Потомъ, г. Тюринъ совершенно правъ, утверждая, что общинный бытъ, развившійся изъ чисто-родового, не одно и то же съ родовымъ, и что есть логическая, внутренняя преемственность между бытами общиннымъ, земскимъ и государственнымъ, различающимися между собою. Но вникая съ величайшею, можно сказать, микроскопическою подробностью въ явленія древнѣйшей общественности славянъ, вглядываясь въ малѣйшіе оттѣнки этихъ явленій и ихъ мельчайшія различія, авторъ упустилъ изъ вида то весьма важное обстоятельство, что все развитіе, съ его фазисами, эпохами и подраздѣленіями, вмѣстѣ взятое, не выходило изъ предѣловъ патріархальнаго, на кровныхъ началахъ основаннаго, быта. Конечно, эти начала, сперва непосредственныя, проходя разныя эпохи развитія, мало-по-малу сознаются и потомъ постепенно начинаютъ ослабѣвать и смѣняться другими; но въ то же время нельзя не замѣтить, что все же они, по преимуществу, опредѣляютъ общественность, управляютъ ею и служатъ нормою отношеній, даже въ тѣхъ случаяхъ, которые, повидимому, не имѣютъ съ ними ничего общаго. Община, въ которой живутъ хотя и разно-*родные* люди, но сознающіе свои взаимныя отношенія подъ формами родства и родовой іерархіи, развѣ не та же родовая община? Въ ней есть и другіе элементы—безспорно; но эти элементы управляются кровнымъ, родственнымъ распорядкомъ, подчинены ему. И если мы видимъ, что община распадается, что подобно роду она имѣетъ общее владѣніе, что подобно тому же роду она ищетъ себѣ главы, безъ которой нѣтъ въ ней наряду,—не ясно ли, что она проникнута родовыми элементами, которые опредѣляютъ ея жизнь и бытъ? Далѣе, если въ земскомъ союзѣ цѣлыя общины считаются родствомъ и относятся между собою какъ члены рода,—не въ правѣ ли мы будемъ заключить, что родовыя, кровныя, родственныя начала опредѣляютъ жизнь такого земскаго союза, и что слѣдовательно они продолжаютъ жить какъ норма общественныхъ отношеній? Въ государственномъ союзѣ сначала то же самое. Исторія князей Рюрикова дома и ихъ взаимныхъ отношеній есть государственная исторія первоначальной Россіи; а чѣмъ она главнымъ образомъ опредѣляется, на что̀ опираются князья, на чемъ основываютъ они свои права и взаимныя притязанія? На счетахъ родства, кровныхъ отношеній. Стало быть и здѣсь нормой, закономъ, служитъ кровный союзъ. Такимъ образомъ, чрезъ всѣ эти явленія древняго внутренняго быта русскихъ славянъ проходитъ одно основное движущее и опредѣляющее начало, выше котораго нѣтъ другого, на которое всѣ ссылаются, изъ котораго всѣ заимствуютъ доводы въ свою пользу и въ пользу своихъ частныхъ цѣлей. Вотъ почему нѣкоторые, не совсѣмъ безъ основанія, думали и думаютъ, что кровныя, родственныя начала преобладали, господствовали въ общественномъ быту древней Россіи очень долго и впервые стали упраздняться не ранѣе московскаго государства, а въ частномъ—продолжали существовать гораздо долѣе, именно въ мѣстничествѣ, законахъ о порядкѣ гражданскаго наслѣдованія, обычаяхъ и нравахъ.

Далѣе, разсматривая бытъ славянъ до образованія родового союза, или, правильнѣе, доказывая, что о такомъ бытѣ нѣтъ никакихъ извѣстій, что̀ весьма справедливо, г. Тюринъ, по нашему мнѣнію, не вникъ довольно-глубоко въ смыслъ извѣстій Нестора и Козьмы Пражскаго, и, принявъ за основаніе нѣсколько готовыхъ представленій о томъ, какія могли и должны были быть родственныя отношенія у славянъ въ древнѣйшія времена, толкуетъ эти извѣстія весьма произвольно. Авторъ разсуждаетъ такъ: У славянъ родовой бытъ является уже съ древнѣйшихъ извѣстій. Какъ же могло не быть у нихъ браковъ? Очевидно, воображенію его представляется родовой бытъ, какимъ мы его теперь знаемъ у нѣкоторыхъ

славянскихъ племенъ,—бытъ очищенный христіанствомъ и исторіей. Но такія сближенія ошибочны. Въ одно и то же время, какъ мы сказали, могъ быть родовой бытъ, и весьма слабыя, шаткія представленія о бракѣ, какъ по неопредѣленности, непосредственности отношеній, такъ и потому, что родство опредѣлялось отцомъ, а не матерью. Авторъ хорошо знаетъ, что тогда не было различія въ правахъ между законными и незаконными дѣтьми. Несмотря на то, онъ такъ проникнутъ своею любимою мыслью, что въ противность фактовъ имъ же самимъ приведенныхъ, объясняетъ выраженіе communia connubia—не безбрачіемъ, а многоженствомъ и повтореніемъ брака по смерти одного изъ супруговъ, о чемъ даже и помина нѣтъ у Козьмы Пражскаго. Этого мало: увлекаясь все далѣе и далѣе, г. Тюринъ находитъ, что у славянъ, въ древнѣйшую эпоху, преобладало одноженство, при чемъ многобрачіе оставалось только дозволеннымъ. Трудно смѣлѣе этого объяснить источники и историческія свидѣтельства: о единобрачіи у языческихъ славянъ нигдѣ не говорится; о многоженствѣ и отсутствіи браковъ свидѣтельствъ множество,—допустивъ даже, что Козьма Пражскій изображалъ древнѣйшій бытъ чеховъ болѣе на основаніи своей фантазіи, чѣмъ по историческимъ даннымъ. Притомъ въ усиліяхъ автора во чтобы то ни стало привести къ единству различныя свидѣтельства о родовомъ бытѣ, очевидно, лежитъ недоразумѣніе, и не довольно глубокое проникновеніе въ характеръ этого быта. Отличительная черта родового быта именно въ томъ и состоитъ, что въ немъ, особливо сначала, уживаются рядомъ величайшія противорѣчія: единоженство съ многоженствомъ, строгость власти съ отсутствіемъ ея, равенство женщинъ съ мужчинами, и рабство женщинъ и т. д. Таковъ всегда бытъ совершенно непосредственный, въ которомъ даже родовыя, кровныя отношенія не успѣли окрѣпнуть въ постоянныя правила и получить юридическій оттѣнокъ.

Кромѣ этихъ общихъ, главныхъ недостатковъ сочиненій г. Тюрина, въ немъ встрѣчается нѣсколько частныхъ объясненій и положеній, съ которыми нельзя согласиться. Изъ словъ Глѣба, сына Владиміра Великаго, сказанныхъ послѣ убійства брата его, Бориса: „я остался одинъ“, г. Тюринъ выводитъ, что Глѣбъ какъ-бы не считалъ своими братьями прочихъ сыновей Владиміра отъ другихъ женъ. Но это натяжка. Борисъ и Глѣбъ происходили отъ одного отца и матери, жили дольше другихъ при отцѣ, и, какъ думаетъ г. Соловьевъ, были плодомъ христіанскаго брака Владиміра. Слѣдственно, было много причинъ, по которымъ Борисъ и Глѣбъ могли быть ближе, дружнѣе между собою, чѣмъ съ прочими братьями, и на эту то связь, а не на родство, указываютъ слова Глѣба. Да если даже и принять толкованіе г. Тюрина,—слова эти нисколько не свидѣтельствуютъ въ пользу одноженства у языческихъ славянъ. На стр. 54 авторъ говоритъ, что въ отношеніяхъ между супругами не было рѣзкаго неравенства, и доказываетъ, что вѣно не было куплею, что мужъ не покупалъ себѣ жены. Конечно, вѣно, въ томъ видѣ, въ какомъ оно дошло до насъ, не представляетъ формы купли; но наши свадебные обычаи сохранили такія живыя, несомнѣнныя воспоминанія о бывшихъ когда-то похищеніяхъ и покупкѣ невѣстъ, что предметъ этотъ во всякомъ случаѣ заслуживалъ бы подробнѣйшаго разсмотрѣнія, по крайней мѣрѣ, опроверженія существующихъ мнѣній и взглядовъ. На стр. 58 авторъ говоритъ, что съ паденіемъ родового быта не признавалась отдаленная кровная связь, и потому въ древней русской семьѣ признавалась только самая ближайшая связь родителей и дѣтей; даже внуки считались чужими для дѣда. Этимъ объясняетъ г. Тюринъ отсутствіе права представленія въ древнемъ наслѣдованіи по русскому праву. Но какъ же согласить съ этимъ, что въ XVII вѣкѣ право представленія, или, правильнѣе, сонаслѣдованія дядей съ племянниками, тётокъ съ племянницами, признается. Странно, что у насъ сперва наслѣдовали всѣ родичи, потомъ одни сыновья, даже съ исключеніемъ внуковъ, а потомъ опять введено въ наслѣдованіе родовое начало. Отсутствіемъ права представленія авторъ доказываетъ, будто древняя русская семья извѣстна намъ только въ томъ видѣ, въ какомъ она явилась послѣ упадка родового быта; мы, напротивъ, находимъ столько несомнѣнныхъ признаковъ продолженія родового распорядка и въ позднѣйшее время, что не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ, а полагаемъ, что извѣстные намъ древнѣйшіе законы о наслѣдованіи или недостаточно разъяснены, или же относятся

только къ нѣкоторымъ классамъ народа, подобно законамъ о наслѣдованіи, изданнымъ при Іоаннѣ Грозномъ. Иначе нельзя объяснить безсвязности, которую представляла бы въ противномъ случаѣ исторія нашего наслѣдственнаго права.

Есть и еще нѣсколько такихъ мѣстъ въ статьѣ г. Тюрина, которыя оставляемъ, не желая выйти изъ предѣловъ журнальной рецензіи. Повторяемъ, несмотря на эти недостатки, изслѣдованіе г. автора имѣетъ существенныя достоинства и обѣщаетъ много впереди.

(Отеч. Записки, 1850, кн. 4).

Объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова.

Соч. П. Павлова. Москва. 1850.

Мы весьма виноваты передъ г. Павловымъ, замедливъ отчетомъ о его замѣчательномъ историческомъ трудѣ, вышедшемъ еще весною. Впрочемъ, нѣтъ худа безъ добра: съ появленіемъ его книжки, о ней успѣли высказать различныя мнѣнія, и мы теперь можемъ судить ее подробнѣе и лучше, имѣя подъ руками довольно значительные библіографическіе матеріалы.

Изслѣдованіе г. Павлова есть диссертація, написанная на степень доктора, разсмотрѣнная и защищенная въ московскомъ университетѣ. Съ самаго своего появленія она возбудила вниманіе и любопытство во всѣхъ занимающихся русской исторіей. Несомнѣнный талантъ автора и важность избранной имъ эпохи достаточно объясняютъ это участіе; притомъ, какъ всякое литературно-историческое явленіе, далеко выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, книжка г. Павлова не могла не возбудить споровъ и толковъ. Ниже мы покажемъ, около чего эти толки вращались и какое имѣли значеніе, а теперь изложимъ содержаніе диссертаціи и основныя воззрѣнія автора: это необходимо для вѣрной оцѣнки разбираемаго труда, степени его важности въ нашей исторической литературѣ и степени важности возраженій, сдѣланныхъ г. Павлову.

Съ того времени, какъ образовалось московское государство, какой историческій фактъ господствуетъ въ нашей внутренней исторіи, опредѣляетъ ея направленіе, даетъ тонъ нашему внутреннему быту въ его постепенныхъ измѣненіяхъ? По мнѣнію г. Павлова, такимъ фактомъ является постепенное перехожденіе родовой Руси въ государственную; другими словами — постепенное ослабленіе родового начала и развитіе начала государственнаго. Постепенности этого перехода обозначаются четырьмя эпохами. Въ первую изъ нихъ, отъ половины XV до начала XVII вѣка, въ сѣверо-восточной Руси уступаютъ, мало-по-малу, государственному началу родовыя отношенія княжескія и вѣчевыя (при Іоаннѣ III и Василіи Іоанновичѣ), боярскія (при Іоаннѣ Грозномъ), и общинныя (при Борисѣ Годуновѣ); во-вторую эпоху, обнимающую начало XVII вѣка до избранія на престолъ Михаила Ѳедоровича, всѣ указанныя отношенія, явленія родоваго порядка, стремятся ожить снова; является безгосударное безначаліе, которое, съ водвореніемъ на престолѣ царственной отрасли Романовыхъ, исчезаетъ. Отъ 1613 до 1700 года, т.-е. до начала преобразованій Петра Великаго, родовыя отношенія приходятъ въ совершенный упадокъ, и государственное начало окончательно водворяется въ жизни. Наконецъ, въ четвертую эпоху, какъ побѣдоносное государственное начало, такъ и весь бытъ, сохранившій еще въ установленіяхъ, привычкахъ и понятіяхъ остатки родового порядка, пересоздаются подъ вліяніемъ европейскаго образованія.

Такимъ образомъ г. Павловъ принадлежитъ къ числу тѣхъ изслѣдователей русской исторіи, которые въ этой преемственности двухъ порядковъ, родового и государственнаго, въ замѣнѣ перваго вторымъ, видятъ основной,

существенный, преобладающій фактъ нашего внутренняго быта, фактъ столько важный въ судьбахъ нашего отечества, что имъ можно объяснить и къ нему привести всѣ прочія событія и явленія русской исторіи. Первый, высказавшій этотъ взглядъ, былъ Эверсъ; но онъ успѣлъ развить его только въ примѣненіи къ древнѣйшему періоду русской исторіи, именно отъ Рюрика до „Русской Правды" включительно. Уже позже русскіе ученые взялись снова за эту мысль и начали объяснять ею не одинъ древній періодъ, но и послѣдующіе; въ наше время русская исторія разработывается съ этой точки зрѣнія многими изслѣдователями, разнящимися между собою въ подробностяхъ, въ частныхъ объясненіяхъ, но согласныхъ въ главномъ, общемъ воззрѣніи.

Царствованіе Бориса Годунова представляетъ много событій и вопросовъ величайшей важности и интереса. Прежде оно разработывалось больше съ нравственной или художественной, драматической точки зрѣнія. У Карамзина на первомъ планѣ стоитъ нравственная оцѣнка Бориса; всѣ событія и дѣянія его царствованія какъ бы сводятся къ этому основному взгляду; оттого многое осталось въ тѣни и не выставлено въ настоящемъ свѣтѣ. Годуновъ властолюбецъ; его дѣйствія, обнаруживающія государственный, обширный и просвѣщенный умъ, были не что иное, какъ средства для достиженія престола, или для поддержанія правителя на высотѣ царственной степени; такими же средствами служили ему и злодѣянія, и Годуновъ не останавливался передъ ними; но праведный судъ Божій покаралъ Годунова; онъ смутилъ его умъ, обнаружилъ хитросплетенныя, тонко разсчитанныя дѣйствія и обратилъ ихъ въ ничто, и Годуновъ страшно погибъ со всей своей семьей очистительною жертвою передъ разгнѣваннымъ Провидѣніемъ. Вотъ, сколько мы понимаемъ, основной взглядъ Карамзина на Бориса Годунова, взглядъ глубоко-поэтическій и поучительный, но едва-ли вполнѣ вѣрный въ примѣненіи къ герою этой трагедіи. Читая Карамзина, видишь, что онъ писалъ царствованіе Бориса такъ же не критически, какъ и царствованіе Іоанна Грознаго. Всякій слухъ о Борисѣ, записанный лѣтописцемъ-современникомъ, Карамзинъ добросовѣстно вносилъ въ исторію, не задавая даже себѣ вопроса, въ какой мѣрѣ можно полагаться на слова лѣтописца, на слухи, ходившіе въ то время и распускаемые нерѣдко врагами Бориса.

Г. Погодинъ, исторической дѣятельности котораго мы имѣли не однажды случай отдать должную справедливость, замѣтилъ эту слабую сторону въ повѣствованіи Карамзина. Ему какъ бы жалко стало, что такой строгій судъ произнесенъ надъ правителемъ, который съ блескомъ несъ на своихъ раменахъ бремя царской власти, умно управлялъ Россіею въ теченіе двадцати лѣтъ и въ годины бѣдствій и страданій доказалъ на дѣлѣ свою любовь къ правимому народу. Неужели всѣ эти славныя дѣла, всѣ эти благодѣянія были только притворствомъ? Вслѣдствіе своего сомнѣнія г. Погодинъ обратилъ все вниманіе на одинъ изъ самыхъ запутанныхъ и деликатныхъ вопросовъ въ біографіи Годунова, именно на кончину царевича Димитрія. Г. Погодинъ разобралъ это событіе и старался доказать, что насильственная кончина царевича не была дѣломъ Годунова. Смывая съ него это пятно, г. Погодинъ открывалъ возможность новой нравственной оцѣнки Бориса во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Но это новое воззрѣніе на подобный вопросъ могло привести только къ другому взгляду на нравственный характеръ Годунова и его дѣйствія; самыя же дѣйствія въ результатѣ его оставались тѣ же, и въ этомъ отношеніи г. Погодинъ не сказалъ ничего новаго. Личная точка зрѣнія съ его изслѣдованіемъ не измѣнилась: измѣнился только приговоръ, произнесенный надъ личностью Годунова.

Честь перваго послѣ Карамзина сочиненія о государственной дѣятельности Годунова принадлежитъ г. Соловьеву. Въ „Обзорѣ событій русской исторіи отъ смерти Ѳеодора до вступленія на престолъ Михаила Ѳеодоровича", г. Соловьевъ представилъ сжатый, но подробный очеркъ правленія и царствованія Годунова и его характеристику. Трудъ г. Соловьева—собственно не изслѣдованіе, но повѣствованіе, разсказъ, прерываемый иногда полемическими замѣчаніями и краткими разсужденіями; только обстоятельства кончины царевича Димитрія разсмотрѣны весьма подробно, съ разборомъ и опроверженіемъ того, что̀ было объ этомъ сказано у Карамзина и г. Погодина. Избравъ форму разсказа, авторъ, естественно, не могъ вдаваться въ общія разсужденія, опредѣлять значеніе Годунова въ русской исторіи, его отношеніе къ предыдущему и послѣдующему времени. За-

дача его ограничивалась правильнымъ, обстоятельнымъ, вѣрнымъ повѣствованіемъ событій избраннаго времени, и г. Соловьевъ выполнилъ ее съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Въ его историческомъ трудѣ вопросъ о личности Годунова уже не первенствуетъ, а занимаетъ второе мѣсто; на первый планъ выдвинуты дѣйствія, попытки, политическіе виды и событія. Характеристика Годунова отличается строгимъ безпристрастіемъ; личность правителя и царя, подъ перомъ г. Соловьева, блѣднѣетъ и теряетъ свои прежніе грандіозные размѣры; съ тѣмъ вмѣстѣ исчезаетъ и трагическій интересъ его судьбы. Вся его жизнь, его дѣйствія представляются весьма обыкновенными, не возбуждая ни ненависти, ни особеннаго сочувствія къ лицу. Правъ ли авторъ, низведя Годунова до обыкновенныхъ размѣровъ, лишивъ его нимба, въ которомъ онъ являлся читателямъ до того времени, мы не осмѣливаемся рѣшить. Сколько мы понимаемъ и можемъ судить, г. Соловьевъ весьма близко подошелъ къ истинѣ, опредѣляя личность Годунова. Годуновъ былъ весьма умный, но не геніальный человѣкъ— мысль, которая еще прежде была высказана и довольно подробно развита въ „Отечественныхъ Запискахъ“, въ критикѣ на трагедію Пушкина „Борисъ Годуновъ“. Исторія поставила Годунова лицомъ къ лицу съ великой эпохой въ русской исторіи; все показываетъ, что у него доставало ума и политическаго смысла, чтобъ понимать вопросы, которые приведены были временемъ и обстоятельствами; но у него недоставало глубины стать въ уровень съ ними, завладѣть ходомъ исторіи и событій.

Послѣдній писалъ о Годуновѣ г. Павловъ. Главной его задачей, какъ видно изъ заглавія, было—опредѣлить значеніе царствованія Годунова, раскрыть внутренній его смыслъ и показать отношеніе къ предыдущему и послѣдующему, мѣсто въ общей связи событій, ознаменовавшихъ наступленіе новаго порядка. Трудъ г. Павлова – не разсказъ, а разсужденіе, оцѣнка; авторъ имѣлъ полное право не входить въ подробности, не слѣдить за событіями шагъ за шагомъ—онъ могъ предполагать ихъ извѣстными читателю– и останавливаться только на тѣхъ, которыя, по его понятіямъ, были забыты и опущены его предшественниками, или представлены въ ложномъ свѣтѣ. Но авторъ предпочелъ соединить повѣствованіе съ разсужденіемъ; въ первой, большей половинѣ диссертаціи разсказаны событія Борисова царствованія; во-второй, начиная съ 88-й страницы, они разсматриваются въ связи съ предыдущими и послѣдующими. Эта послѣдняя половина, по самой задачѣ, есть безспорно явленіе новое въ русской исторической литературѣ. Она свидѣтельствуетъ, какъ успѣли созрѣть наши историческія воззрѣнія со временъ Карамзина; вмѣсто личнаго характера Бориса, разсматриваются факты и дѣянія; и тѣ и другія обсуживаются не съ точки зрѣнія ближайшей, практической цѣлесообразности, но подводятся подъ высшее мѣрило общаго хода и развитія русской исторіи.

Книжка г. Павлова начинается подробнымъ разсказомъ избранія Годунова на царство, большею частью словами памятниковъ. „Во всѣхъ отдѣльныхъ, частныхъ явленіяхъ (говоритъ въ заключеніе авторъ), составляющихъ въ своей совокупности фактъ избранія Годунова на царство, какъ въ необходимомъ, окончательномъ итогѣ, выразились всѣ прежнія, тонко обдуманныя, дѣйствія Годунова, направленныя къ вожделѣнной цѣли; выразились, сверхъ того, главныя основанія его послѣдующихъ дѣяній“.

Затѣмъ разсматриваются его дѣянія до избранія и послѣ избранія. Они болѣе или менѣе извѣстны, и нѣтъ нужды разсказывать ихъ вновь, тѣмъ болѣе, что г. Павловъ въ этомъ отношеніи не сдѣлалъ ничего новаго. Главная существенная его заслуга заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что онъ на извѣстные уже факты взглянулъ съ новой общей точки зрѣнія, и указалъ мѣсто, занимаемое ими въ постепенномъ развитіи Россіи. Такъ, заслоняя собою знатнѣйшіе боярскіе роды, Годуновъ продолжалъ дѣло двухъ Іоанновъ; учрежденіе патріаршества было, какъ думаетъ г. Павловъ, не менѣе органическимъ явленіемъ въ нашей церковной исторіи, ибо подготовлено и вызвано ходомъ предшествующихъ событій; въ указахъ 1592 и 1597 годовъ авторъ видитъ осуществленіе той же мысли, которую Іоаннъ III и Василій Іоанновичъ преслѣдовали, отмѣняя вѣчевой порядокъ, а Іоаннъ Грозный—смиряя потомковъ удѣльныхъ князей. Во всемъ, что сдѣлано Годуновымъ въ отношеніи къ торговлѣ и промышленности, въ его внѣшнихъ сношеніяхъ, въ его стремленіяхъ къ умственному и нравственному образованію Россіи, словомъ, во всей его государственной дѣя-

тельности, часто вызываемой ближайшими, не совсѣмъ безкорыстными соображеніями, сознательно или безсознательно, умышленно или противъ воли и чаянія, Борисъ слѣдовалъ историческому ходу событій. Уклоненій, скачковъ, неисторическихъ, несвоевременныхъ стремленій это царствованіе не представляетъ; напротивъ, каждый шагъ былъ развитіемъ началъ, появившихся въ предшествующій періодъ времени. Вотъ основная мысль. Развита она съ необыкновеннымъ талантомъ. Есть страницы блестящія, невольно увлекающія читателя. Г. Павловъ мастеръ писать; глубина мысли, чрезвычайная живость, мѣстами нѣкоторая восторженность оставляютъ сильное впечатлѣніе.

Несомнѣнный историческій талантъ г. Павлова, его взгляды и замѣчанія, часто поразительной вѣрности, обратили на себя должное вниманіе. Появленію новаго даровитаго изслѣдователя русской исторіи всѣ обрадовались, и это впечатлѣніе отразилось въ критикѣ. „Авторъ сочиненія объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова, воспользовавшись новыми изслѣдованіями о родовомъ бытѣ въ древней Руси и переходѣ его въ бытъ государственный, остановился на грани двухъ эпохъ, въ преддверіи смутнаго времени и, опредѣливъ значеніе царствованія Годунова, постарался объяснить и значеніе царствованія первыхъ государей изъ дома Романовыхъ, и, наконецъ, значеніе эпохи преобразованія. Все это сдѣлано въ очеркѣ краткомъ, но живомъ, сильно возбуждающемъ вниманіе, и вслѣдствіе того плодотворномъ въ наукѣ“. Такъ отзывается о трудѣ г. Павлова безыменный критикъ въ одномъ изъ петербургскихъ журналовъ. Даже г. Погодинъ, расточительный на похвалы сотрудникамъ „Москвитянина“, но бережливый на нихъ для тѣхъ, которые не имѣютъ счастія принадлежать къ избранному кружку,—вотъ что говоритъ о г. Павловѣ. „Это (то-есть разсужденіе г. Павлова) опытъ молодого человѣка, подающаго о себѣ прекрасныя надежды, съ примѣчательными, яркими проблесками ума, воображенія, знанія. Авторъ можетъ принести пользу русской исторіи, даже великую пользу“ (за этимъ слѣдуютъ условія sine quibus non, о которыхъ мы сейчасъ скажемъ). „Я вижу его талантъ, сознаю силу, любовь, и радъ отдать имъ честь при случаѣ“.

При всѣхъ достоинствахъ, историческій трудъ г. Павлова имѣетъ свои недостатки. Увлекаясь общимъ взглядомъ, основною идеею, которую проводитъ въ своемъ разсужденіи, авторъ видитъ ея осуществленіе и въ такихъ событіяхъ, которыя не имѣли къ ней прямого, непосредственнаго отношенія. Такъ изложеніе обстоятельствъ, вызвавшихъ указы 1592 (?) и 1597 годовъ, намъ кажется невѣрнымъ, а объясненіе внутренняго, историческаго значенія этихъ указовъ нѣсколько натянутымъ; то же должно сказать объ объясненіи историческаго происхожденія дѣтей боярскихъ, разныхъ административныхъ мѣръ Годунова, нѣкоторыхъ подробностей и частностей нашего внутренняго быта въ это царствованіе. Источникъ всѣхъ этихъ недостатковъ скрывается, какъ мы сказали, въ нѣкоторомъ увлеченіи любимою мыслью, совершенно вѣрною въ основаніи, но которую авторъ какъ будто торопится провести въ малѣйшихъ подробностяхъ, и потому въ нѣкоторыхъ случаяхъ невполнѣ вѣрно и согласно съ фактами. Мысль его иногда какъ-будто забѣгаетъ впередъ событій; оттого нѣкоторымъ придано большее значеніе, чѣмъ какое они имѣли на самомъ дѣлѣ. Кромѣ того, есть длинноты, встрѣчаются неточности и неровности въ изложеніи.

Казалось бы, чего проще указать на эти частные недостатки и доказать ихъ? Мы заранѣе увѣрены, что г. Павловъ принялъ бы замѣчанія съ благодарностью и воспользовался ими при новыхъ трудахъ. Такъ бы и было, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, еслибъ г. Павловъ не поставилъ теоріи родовыхъ отношеній во главу угла своего сочиненія, но болѣе всего, еслибъ онъ не имѣлъ неосторожности причислить себя къ одной категоріи съ г. Соловьевымъ, еслибъ не имѣлъ несчастія воспользоваться нѣкоторыми результатами его трудовъ. Еще не читая диссертаціи, только по VI ея страницѣ, гдѣ говорится о г. Соловьевѣ, да по нѣкоторымъ тезисамъ, да по двумъ-тремъ ссылкамъ мы тотчасъ подумали: достанется же г. Павлову отъ Нестора русской исторіи; добромъ это ему не пройдетъ! И мы не ошиблись: въ 8-мъ № „Москвитянина“ явилась громовая статья на диссертацію г. Павлова. Въ ней г. Погодинъ задаетъ вопросъ: стоитъ ли диссертація одного изъ тезисовъ (7-го), выставленныхъ г. Павловымъ? Впечатлѣніе, оставляемое критикой, то, что диссертація не стоитъ этого тезиса. „Стану говорить безъ околичностей“, воскли-

цаетъ г. Погодинъ: „насъ губитъ система, желаніе строить систему, прежде чѣмъ приготовлены матеріалы. Молодые люди даровитые, дѣятельные, погибаютъ у насъ для науки. Слѣпецъ слѣпца ведетъ, оба падаютъ въ яму, да и благодарятъ другъ друга, поздравляютъ со славою! А журнальные крикуны (въ родѣ египетскихъ плакальщиковъ) и праздные невѣжи, которымъ нѣтъ дѣла до науки, рукоплещутъ". Но это еще не все. „Ученые наши (по мнѣнію нелицепріятнаго критика) пускаются за облака, плаваютъ по воздуху". Это выраженіе: „плаваютъ по воздуху", такъ понравилось критику, что онъ, вѣроятно, въ видѣ остроты, называетъ нѣкоторыя разсужденія и выводы г. Павлова „воздухо- и родоплаваніями". Объясненіе нашего стариннаго быта и исторіи родовыми отношеніями, родовымъ началомъ,—критику какъ бѣльмо на глазу: онъ его стерпѣть не можетъ. „Отъ чистаго сердца желаю г. Павлову (восклицаетъ онъ) исцѣлиться отъ проказы родового быта, увлекшаго его въ лабиринтъ родовыхъ и прочихъ отношеній". „Эти слова (замѣчаетъ критикъ въ другомъ мѣстѣ) ясно показываютъ для того изслѣдователя, который смотритъ на нихъ не въ очки родового быта, коими извращаются предметы, что" и т. д. Зато произносится и строгій приговоръ родоплавателямъ: „Наши *витязи* (говоритъ критикъ) воюютъ противъ авторитетовъ, чьихъ? Шлецера, Карамзина, Добровскаго, а чьи авторитеты принимаютъ? Свои собственные! Обмѣнъ для насъ невыгодный!"

Мы не станемъ препираться въ остроуміи съ критикомъ; но эти періодическія выходки противъ новыхъ ученыхъ по части русской исторіи даютъ намъ право спросить у критика: потрудился ли онъ хоть одинъ разъ серьезно подумать о томъ, что говорятъ и пишутъ такъ называемые имъ родоплаватели? Мы имѣемъ сильныя причины подозрѣвать, что онъ несовсѣмъ ясно понимаетъ въ чемъ дѣло, ибо въ головѣ нашей никакъ не укладывается мысль, что нѣсколько непріятныхъ истинъ, высказанныхъ печатно г. Погодину однимъ изъ самыхъ почтенныхъ и талантливыхъ молодыхъ ученыхъ, могли быть единственною причиною всего того, что онъ писалъ о нихъ и о ихъ трудахъ вообще. Итакъ, собственно для назиданія г. Погодина, въ первый и послѣдній разъ постараемся объяснить ему, откуда взялся новый взглядъ на русскую исторію и въ чемъ онъ заключается.

Какую мы ни возьмемъ исторію, древняго или новаго народа, во всякой мы непремѣнно найдемъ связность, стройность явленій. Вникая въ эту связь и стройность, мы открываемъ и ихъ причину; мы замѣчаемъ, что вся исторія приводится къ одному или нѣсколькимъ главнымъ началамъ, основаніямъ, которыми и объясняются всѣ явленія въ жизни этого народа, опредѣляется ихъ связь и послѣдовательность. Стало быть, чтобы понять ходъ исторіи какого бы ни было народа, надо подмѣтить главныя начала, проходящія чрезъ жизнь этого народа. До послѣдняго десятилѣтія объ открытіи этихъ общихъ началъ въ русской исторіи никто не думалъ, по крайней мѣрѣ мы не видали и не знаемъ ни одной попытки. Конечно, въ этомъ никто не виноватъ. Всякое время имѣетъ свою задачу. Прежде все вниманіе было обращено на частные вопросы, на изслѣдованіе и возстановленіе историческихъ событій и данныхъ, на обработку матеріаловъ. Эти труды заслуживаютъ полной благодарности и уваженія; безъ нихъ нельзя и приступить къ наукообразной обработкѣ предмета; нисколько не порицая заслуженныхъ ветерановъ русской исторіи, живыхъ и умершихъ, мы только высказываемъ, что̀ и какъ было, и что для открытія основныхъ началъ, проходящихъ чрезъ всю русскую исторію, никто ничего не сдѣлалъ до послѣдняго десятилѣтія. Разглагольствованія, въ родѣ тѣхъ, что наши мѣстническіе споры соотвѣтствуютъ рыцарскимъ турнирамъ, что Іоаннъ Грозный соотвѣтствуетъ Христіану IV, что Петръ Великій заслонилъ отъ насъ русскую исторію,—хотя онъ ее собственно нисколько не заслонилъ,—все это, конечно, не могло удовлетворить любознательность, или дать хоть малѣйшее понятіе объ основныхъ началахъ нашей исторической жизни.

Въ это-то время, когда въ нашей исторической литературѣ господствовалъ хаосъ, когда разные взгляды бродили нестройно и наугадъ, и до очевидности ясно стало, что безъ строгонаучнаго систематическаго воззрѣнія наука русской исторіи не можетъ идти дальше,—нѣкоторымъ молодымъ любителямъ русской исторіи пришла въ голову мысль попристальнѣе взглянуть на патріархальные элементы русской жизни, на которые, вѣроятно по ихъ общеизвѣстности и близости, никто еще не обращалъ надлежащаго вниманія и пытливаго ученаго взгляда. Конечно, много разъ

и прежде придавался Руси эпитетъ—патріархальная; но чтό собственно значитъ патріархальный и чѣмъ именно отличается отъ непатріархальнаго – этого никто еще до того времени не потрудился объяснить. На это названіе многіе натолкнулись инстинктомъ, чутьемъ, не давая себѣ въ немъ яснаго отчета. А между тѣмъ, если этотъ эпитетъ могъ быть приданъ быту цѣлаго народа, характеризовать его, то ужъ во всякомъ случаѣ онъ заслуживалъ особеннаго вниманія; то, чтò характеризуетъ, должно заключать въ себѣ объясненіе всѣхъ особенностей характеризуемаго предмета. Итакъ, не въ патріархальныхъ ли элементахъ, которые и доселѣ такъ присущи намъ, должно искать объясненія разныхъ событій и явленій въ нашей исторіи, пока необъяснимыхъ и непонятныхъ? Не въ нихъ ли лежитъ ключъ, съ помощью котораго раскроется внутренняя связь происшествій, эпохъ и періодовъ русской исторіи? Не въ нихъ ли затаенъ родникъ, изъ котораго текутъ многообразные источники нашей исторической жизни? Вотъ вопросъ, который представился этимъ любителямъ исторіи. Нѣкоторые опыты объяснить нашъ древнѣйшій бытъ патріархальнымъ элементомъ были уже сдѣланы; Эверсъ воспользовался имъ, и съ большимъ успѣхомъ, толкуя первыя страницы лѣтописи и „Русскую Правду". Рейцъ, гораздо менѣе даровитый, послѣдовалъ его примѣру, и также съ успѣхомъ. Но это были отрывочныя попытки. Нельзя ли возвести ихъ въ цѣлое и объяснить этимъ элементомъ всю древнюю исторію Руси? Она такъ непохожа на всѣ другія исторіи, такъ необъяснима изъ общихъ началъ исторіи другихъ народовъ, и какъ нарочно именно тѣхъ, въ жизни которыхъ слабы патріархальные элементы...

Вотъ какія размышленія вызвали новый взглядъ, столько нелюбимый, Богъ знаетъ почему, г. Погодинымъ. Остановившись на этой мысли, тѣ же молодые любители русской исторіи стали послѣдовательно вникать въ между-княжескія отношенія, въ мѣстничество, въ древнюю систему управленія — словомъ, во всѣ главнѣйшія явленія древней русской народной жизни, и къ величайшей своей радости нашли, что патріархальнымъ элементомъ эти явленія объясняются очень просто и естественно, что различныя ея эпохи, періоды и явленія суть не что иное, какъ различныя видоизмѣненія одного и того же патріархальнаго элемента. Оставалось затѣмъ опредѣлить постоянный законъ, формулу этихъ видоизмѣненій,—и каждый сдѣлалъ это по своему крайнему разумѣнію.

Что при первомъ своемъ появленіи новый взглядъ на русскую исторію высказался съ нѣкоторымъ увлеченіемъ,—въ этомъ мы сознаемся тѣмъ охотнѣе, что за судьбу его въ будущемъ, кажется, нечего опасаться, вопреки предсказаніямъ г. Погодина: доказательствомъ можетъ служить наша современная историческая литература. Повторяемъ, были увлеченія, крайности при первомъ появленіи этого взгляда; встрѣчались и встрѣчаются доселѣ неправильныя его примѣненія,—все это такъ. Но спрашивается: чтò можетъ быть естественнѣе? Кто изъ знаменитѣйшихъ ученыхъ осмѣлится сказать, что онъ не дѣлалъ въ жизнь свою ошибокъ, не заблуждался? Неужели г. Погодинъ? Имѣя кой-какія данныя подъ руками, мы осмѣливаемся не вѣрить даже и въ его непогрѣшительность.

„Система, система губитъ васъ!" восклицаетъ г. Погодинъ къ молодымъ излѣдователямъ русской исторіи. Но много ли вѣсятъ подобные возгласы? Когда рѣчь идетъ о выясненіи связи между событіями, ихъ внутренняго смысла, объ опредѣленіи организма, цѣлаго, нельзя обойтись безъ систематическаго взгляда, нельзя замѣнить его, для разрѣшенія этихъ вопросовъ, отысканіемъ мѣста погребенія дьяка Ржевскаго, изслѣдованіемъ о предкахъ мурзы Чета, о географическомъ положеніи Тмуторакани! Кажется, это очень ясно. Возраженіе, что факты мало обработаны, и что-де потому рано еще думать о систематическомъ воззрѣніи на русскую исторію— и несправедливо, да и неискренно. Настолько факты ужъ разработаны, что можно подумать составить изъ нихъ цѣлое, можно обнять ихъ общимъ взглядомъ. Притомъ обработка ихъ продолжается и долго еще не прекратится, а систематическое воззрѣніе не только не повредитъ ей, но, напротивъ, поможетъ, освѣщая путь, разъясняя предметъ съ разныхъ сторонъ. Притомъ г. Погодинъ, кажется, совершенно опустилъ изъ виду, что излѣдователи, трудящіеся надъ русской исторіей съ точки зрѣнія патріархальнаго или родового начала, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе излѣчиваются отъ крайностей и односторонности, въ которой ихъ упрекаютъ: каждое новое сочиненіе по этому предмету показываетъ бóльшую и бóльшую недовѣрчивость

молодыхъ ученыхъ къ общимъ построеніямъ фактовъ, къ объясненію событій и историческихъ явленій изъ предпосланныхъ воззрѣній. Но, если, несмотря на то, бо̀льшая часть этихъ ученыхъ изъ пристальнаго изученія источниковъ выноситъ убѣжденіе въ справедливости, вѣрности главныхъ основаній новаго взгляда, то это ужъ показываетъ, что неправъ г. Погодинъ, а не систематики и система.

Но допустимъ на минуту, что новые изслѣдователи обратили вниманіе на одно второстепенное, неважное, и упустили изъ вида существенное и главное. Пусть скажетъ г. Погодинъ, положа руку на сердце: неужели они ровно ничего не сдѣлали? Неужели всѣ ихъ труды никуда не годятся? А если они сдѣлали хоть что-нибудь хорошаго, если въ ихъ выводахъ и взглядахъ есть хоть капля правды— положимъ на цѣлое море лжи,—не удивительно и не странно ли, что ветеранъ русской исторіи отзывается о нихъ съ такимъ презрѣніемъ? И то и другое, конечно, болѣе забавно, чѣмъ обидно; но въ этихъ отзывахъ мало достоинства — вотъ это горестно. Юному перу иногда простительно отозваться рѣзко, бойко; но почтенному ученому, старѣйшему изъ всѣхъ наличныхъ изслѣдователей русской исторіи, спускаться на арену журнальныхъ выходокъ противъ молодыхъ ученыхъ, между которыми есть его слушатели, даже слушатели его слушателей... странно! Встрѣчая на страницахъ „Москвитянина" одни возгласы противъ себя, презрительные, отрывистые отзывы о своихъ трудахъ, что̀ должны подумать молодые ученые? Сперва нѣсколько озадаченные этимъ, они скоро перестанутъ вѣрить въ высокое безпристрастіе ученаго критика и справедливо заподозрятъ въ немъ оскорбленное самолюбіе, боязнь быть опереженнымъ, отсталость и несостоятельность въ наукѣ. Не наступило ли ужъ это время? Желаемъ отъ души г. Погодину, чтобъ оно настало для него какъ можно позже.

Мы бы поняли еще негодованіе именитаго критика противъ новыхъ трудовъ, написанныхъ подъ вліяніемъ „проказы родового быта", еслибъ онъ хоть однажды серьезно, систематически опровергъ новыя воззрѣнія, показалъ ихъ ничтожность и нелѣпость, а ученые, несмотря на то, продолжали бы идти по тому же пути, не слушая замѣчаній, не обращая на нихъ никакого вниманія. Но г. Погодинъ этого не сдѣлалъ. Онъ обыкновенно пишетъ свои критики такъ: развернетъ книгу, прицѣпится къ нѣсколькимъ словамъ, къ обмолвкѣ, ошибкѣ, выпишетъ ихъ, броситъ нѣсколько оскорбительныхъ словъ автору и его мнѣніямъ, да при сей вѣрной оказіи не забудетъ и другихъ „господъ". Рѣдко встрѣтишь у г. Погодина опроверженіе, основанное на доказательствахъ, или поправку. Такая критика легка, такъ же легка, какъ „математическій" способъ его изслѣдованій; она тѣмъ легче, что г. Погодинъ не слишкомъ заботится о точности выписокъ и ссылокъ; бываетъ, что мысль автора, выраженная словами г. Погодина, отвѣчаетъ за подлинныя слова выписываемаго текста. Чего не бываетъ!.. Пробѣжимъ нѣкоторыя замѣчанія г. Погодина на книгу г. Павлова.

Г. Павловъ говоритъ (стр. 28), что родовые интересы боярскіе, сильно сокрушенные Грознымъ, не погибли окончательно и обнаружили, при вступленіи на престолъ Ѳеодора Алексѣевича, несомнѣнные признаки жизни и стремленіе возвратить прежнее свое значеніе. Боярскіе роды хотѣли сдѣлаться по прежнему думцами и, въ стремленіи къ этой цѣли, соперничали между собою, что̀ и породило партіи. Г. Погодинъ отвѣчаетъ на это: „Грозный во вторую эпоху своего царствованія поражалъ лица, а не сословіе. Вотъ въ чемъ дѣло!" А мы думаемъ, что дѣло совсѣмъ не въ томъ, что̀ утверждаетъ г. Погодинъ. Приглашаемъ его прочесть въ „Исторіи" Карамзина, т. VIII, примѣч. 182, т. IX, примѣч. 7, того же тома стр. 75 и примѣч. 132 (по 1-му изд.), да кромѣ того пересмотрѣть переписку Грознаго съ Курбскимъ, сочиненія Курбскаго, посланія и письма Іоанна, нѣкоторыя изъ его уставныхъ грамотъ,—вотъ тогда онъ и увидитъ, кто правъ; а голословно утверждать все можно! Потомъ критикъ продолжаетъ:

„А все, что говоритъ авторъ о времени послѣ смерти Грознаго, можно сказать хоть о времени по смерти Ѳеодора Алексѣевича, Екатерины II, Петра II, Анны, Елизаветы; объ исторіи Французской, Англійской, Итальянской. Были думцы у первыхъ князей, у первыхъ царей; были думцы и у Ивана Грознаго, сперва одни, а потомъ другіе.. Что за историческое, ученое, научное объясненіе: приложи его куда хочешь. Сперва думцами была старшая дружина, а потомъ, когда лицъ стало много, и начались подраздѣленія, то, разумѣется, нѣкоторые избранные, которые и составили Боярскую Думу. Этотъ обычай никогда не отживалъ, всего менѣе въ томъ періодѣ, о которомъ говоритъ

авторъ. Авторъ позабылъ, что за долго до Ѳедора и Грознаго бояринъ сдѣлался уже чиномъ и боярство давно уже было ограничено. По смерти Ивана Грознаго близкіе люди хотѣли принять участіе въ правленіи. Это явленіе повторялось и повторяется всегда, вездѣ, во всѣхъ исторіяхъ, древнихъ и новыхъ. Откуда авторъ взялъ „отчаянныхъ поборниковъ отжившаго обычая", когда самъ Грозный назначилъ Ѳедору его главныхъ думцевъ, когда эти думцы, т.-е. новое правительство, созвало тотчасъ великую Думу Земскую. Кто были эти отчаянные поборники? Не понимаю, почему *эти господа* сами не задаютъ себѣ подобныхъ вопросовъ и говорятъ всегда безлично. Еслибъ они подумали объ именахъ, объ лицахъ *конкретныхъ*, то и увидѣли бы, что сражаются съ вѣтряными мельницами, мечтами своего воображенія, возбужденнаго логикою".

А мы не понимаемъ, почему г. Погодинъ не дастъ себѣ труда подумать, что́ хотѣлъ сказать г. Павловъ; еслибъ онъ подумалъ, то и увидѣлъ бы, что, выражаясь его же діалектомъ, сражается съ вѣтряными мельницами, мечтами своего воображенія, возбужденнаго на этотъ разъ, къ сожалѣнію, не логикой, а отсутствіемъ логики.

Неужели г. Павловъ хотѣлъ систематизировать, въ отношеніи ко двору Ѳедора Іоанновича, вѣчное и неизмѣнное стремленіе людей получить вліяніе, власть, достигнуть первыхъ степеней? Мы не можемъ этого допустить: г. Павловъ такъ уменъ и талантливъ, что ему никогда не пришла бы въ голову такая плоскость. Г. Павловъ говоритъ, и весьма ясно, что боярскіе роды стремились возвратить себѣ старинное право быть думцами; и какъ притомъ между ними были несогласія, распри, ненависти, то образовались партіи, и каждая изъ нихъ надѣялась возвратить утраченныя права съ отстраненіемъ соперниковъ. Ясно ли? Вотъ этимъ-то время Іоанна III, Василія, Грознаго и Ѳедора отличается отъ времени Екатерины I, Петра II, Анны, Елизаветы, отъ исторіи французской, англійской, итальянской. Опровергая г. Павлова, г. Погодинъ надѣлалъ нѣсколько ошибокъ и обличилъ замѣчательное незнаніе фактовъ, довольно извѣстныхъ каждому, кто занимается русской исторіей. „Боярскую Думу", говоритъ г. Погодинъ, „составили нѣкоторые избранные, когда лицъ стало много въ старшей дружинѣ и начались подраздѣленія". Но откуда взялъ это г. Погодинъ? Гдѣ свидѣтельства? Гдѣ данныя? Пусть онъ укажетъ ихъ намъ. А мы покуда знаемъ о составѣ Боярской Думы вотъ что: въ ней засѣдали не „нѣкоторые избранные", а всѣ— бояре и окольничіе — всѣ! Въ бояре же и окольничіе, по прямому свидѣтельству Котошихина, жаловались не всякаго званія и происхожденія люди, а только изъ извѣстныхъ родовъ; члены нѣкоторыхъ родовъ не бывали ниже бояръ; члены другихъ родовъ не бывали ниже бояръ и окольничихъ; наконецъ члены нѣкоторыхъ родовъ не бывали выше окольничихъ. Сообразите это извѣстіе съ указаннымъ нами выше составомъ Думы, и вы увидите, что она—не говоря о князьяхъ, русскихъ и пріѣзжихъ, и родственникахъ царей по женской линіи — была образована изъ извѣстныхъ родичей, составлявшихъ опредѣленный, замкнутый кругъ, сквозь который пробиться и стать въ первыхъ рядахъ около царскаго престола было весьма и весьма нелегко. Кто изъ незнатныхъ, кромѣ царскихъ родственниковъ и иноземныхъ служилыхъ князей, достигъ высокаго боярскаго сана? Годуновъ, да потомъ Басмановъ. А еще кто? Мы не знаемъ! Малюта Скуратовъ былъ, кажется, любимцемъ Грознаго; нѣкоторые иностранцы, въ томъ числѣ Крузе и Таубе, кажется, тоже пользовались его расположеніемъ; Мининъ ужъ, конечно, оказалъ нѣкоторыя услуги московскому государству; именитые люди Строгановы сколько разъ ихъ оказывали? А эти лица не восходили выше степени думныхъ дворянъ. Установленіе этого достоинства, которое впослѣдствіи тоже обратилось въ чинъ и потеряло первоначальное свое значеніе, принадлежитъ Іоанну; онъ первый ввелъ подъ этимъ названіемъ въ Боярскую Думу людей неродовитыхъ, незнатныхъ, не имѣвшихъ по своему происхожденію права на боярство или окольничество, и потому не могшихъ принимать участія въ совѣщаніяхъ этой Думы. Видите: самъ Грозный не рѣшился облечь Скуратова въ санъ боярина, а вы говорите, что задолго до Ѳедора и Грознаго боярство стало чиномъ! Конечно, оно стало чиномъ, но чинъ чину рознь: чинъ, даваемый по табели о рангахъ всякому, кто бы онъ ни былъ, если онъ только заслужилъ его, и чинъ, который давался тоже за заслуги, но не всѣмъ, а только членамъ извѣстныхъ фамилій, царскимъ родственникамъ, — между тѣмъ и другимъ чиномъ неизмѣримая разница!

Потомъ г. Погодинъ перемѣшалъ еще двѣ вещи совершенно разныя: думцевъ, о которыхъ говоритъ Берсень въ слѣдственномъ дѣлѣ о Максимѣ Грекѣ, о которыхъ гово-

ритъ Котошихинъ въ статьѣ о тайномъ приказѣ,— и думцевъ, членовъ Боярской Думы. Послѣдніе имѣли притязанія, основанныя на недавно минувшемъ времени; первые дѣйствительно избирались независимо отъ ихъ происхожденія и званія. Но развѣ объ этихъ могла быть рѣчь? Г. Павловъ говоритъ о членахъ Боярской Думы, поймите это! Видно, четыреста лѣтъ русской исторіи, разложенныхъ г. Погодинымъ по составамъ, по словамъ, недостаточно вразумили его насчетъ нѣкоторыхъ предметовъ Рекомендуемъ разложить еще четыреста лѣтъ, и тоже по составамъ, по слогамъ...

„Это все на-обумъ,—продолжаетъ г. Погодинъ, — равно какъ и слѣдующее". Тутъ приведено то, что́ говоритъ г. Павловъ на 23 стр. своей диссертаціи, именно: „По смерти Іоанна IV, при дворѣ составились двѣ партіи: одна, къ которой принадлежали Годуновъ, князья Шуйскіе и нѣкоторые другіе, хотѣла видѣть на престолѣ того, кому завѣщалъ скипетръ Грозный,—Ѳеодора; другая, напротивъ, къ которой принадлежали Нагіе и Бѣльскій, защищала права младенца Димитрія, послѣдняго удѣльнаго князя".

Вотъ гдѣ начинается страшная филиппика:

„Какъ (восклицаетъ г. Погодинъ) *партія* хотѣла видѣть Ѳеодора? Откуда вы взяли ее? Развѣ могло быть иначе? Ѳеодоръ былъ прямой наслѣдникъ. Всего забавнѣе, что г. Павловъ помѣщаетъ въ этой партіи Годунова и Шуйскихъ, а Шуйскіе *тотчасъ* возбудили мятежъ противъ друга Годуновскаго, Бѣльскаго, обвиненнаго въ намѣреніи возвести на престолъ Годунова. Не говорю уже о послѣдующихъ дѣйствіяхъ Шуйскихъ—планѣ развести Ѳеодора съ сестрою Годунова, Ириною, коею онъ только и держался. Вотъ какова первая партія! Поговоримъ теперь о второй, что защищала права младенца Димитрія. Но какія *права* имѣлъ Димитрій при Ѳеодорѣ? Въ чемъ состояла *защита* правъ этою партіею?"

Г. Павловъ говоритъ: „эта партія попыталась-было, вслѣдъ за смертью царя Іоанна, взять перевѣсъ надъ соперниками при помощи насилія, но проиграла свое дѣло, и вмѣстѣ съ царевичемъ принуждена была удалиться въ его удѣлъ, Угличъ".

„Гдѣ же этотъ опытъ? (восклицаетъ г. Погодинъ). Гдѣ насиліе? Укажите мнѣ его. Мы не знаемъ никакого. Помилуйте, можно ли говорить о такихъ важныхъ предметахъ съ такою легкостію! Карамзинъ сказалъ, что Дума къ родственникамъ вдовствующей царицы, Нагимъ, приставила стражу, обвиняя ихъ въ злыхъ умыслахъ, вѣроятно въ намѣреніи объявить юнаго Дмитрія наслѣдникомъ Іоанновымъ. И Карамзинъ сказалъ это, не представивъ свидѣтельства".

Г. Павловъ говоритъ, что „Бѣльскій, оставшись въ Москвѣ, думалъ въ послѣдній разъ возвратить потерянное при помощи стрѣльцовъ, но, обманутый въ своемъ стремленіи, долженъ былъ поплатиться за свое предпріятіе ссылкой".

„Но Бѣльскій (возражаетъ г. Погодинъ) былъ вѣдь другъ Годунова? Съ чего берете вы, чтобъ онъ затѣвалъ что-либо ему вредное. Напротивъ, лѣтописи приводятъ молву, совершенно противоположную.. Какіе стрѣльцы помогали Бѣльскому? И въ чемъ состояли дѣйствія Бѣльскаго? Помилуйте— въ чемъ состояли дѣйствія Бѣльскаго, спрашиваю я васъ. Какія предпріятія онъ предпринялъ? Что за стремленія? Что хотѣлъ онъ возвратить? О какой ссылкѣ вы говорите? Бѣльскій былъ только удаленъ на воеводство въ Нижній-Новгородъ. Каково распоряжается авторъ! Враговъ Годунова, Шуйскихъ, онъ пожаловалъ въ сообщники, а друга, Бѣльскаго, зачислилъ врагомъ. И вотъ какъ *эти господа* берутся толковать исторію! Или я, разлагавъ четыреста лѣтъ русской исторіи (мы чуть-чуть не прочли русс*кую* исто*рію*) по составамъ, по словамъ, собиравъ къ каждому слову всѣ свидѣтельства, такъ привыкъ къ этимъ положительнымъ свидѣтельствамъ, что не могу понимать идей, или, или... Но я предоставляю читателямъ кончить эту рѣчь. Но это еще не все".

„Сторонники Ѳеодора,—говоритъ г. Павловъ,—съ своей стороны не могли тѣмъ ограничиться и должны были идти до конца: къ тому побуждало ихъ чувство самосохраненія. Вдали отъ Москвы, въ Угличѣ, росъ, подъ вліяніемъ Нагихъ, ихъ будущій непримиримый врагъ, царевичъ Димитрій: сторонникамъ Ѳеодора необходимо было отъ него отдѣлаться навсегда, и невинный младенецъ (1591 г.) погибъ подъ ножомъ убійцъ, унеся съ собой въ могилу лучшія надежды Нагихъ".

„Какіе были сторонники Ѳеодора? (вопрошаетъ г. Погодинъ) КТО, КТО, КТО? Они придуманы, они сочинены г. Соловьевымъ; но какъ же вы, господинъ докторъ, рѣшаетесь повторять произвольныя мнѣнія, не провѣривъ ихъ дѣйствительностію?.. Помилуйте, подлѣ Ѳеодора стоялъ одинъ Годуновъ, а прочіе бояре были врагами Годунова, кромѣ его собственнаго рода, и то не всего. Какіе сторонники были у Ѳеодора? На что Ѳеодору было имѣть сторонниковъ? Это былъ законный, прирожденный государь, противъ котораго никто не имѣлъ и не могъ имѣть ничего! Годуновъ сдѣлался правителемъ государства. А куда же дѣвались сторонники Ѳеодора? И между тѣмъ на этомъ *выдуманномъ* сторонничествѣ *сочинены* царевичу Димитрію новые убійцы, о которыхъ *нигдѣ, ни*

кѣмъ, не было помину, ни въ актахъ, ни въ лѣтописяхъ, ни въ сказаніяхъ, ни въ преданіяхъ. Эта *странность* выдана была г. Соловьевымъ въ „Современникѣ“, года три назадъ. Я промолчалъ, какъ о мнѣніи журнальной статьи, но теперь оно является въ докторской диссертаціи, переносится въ науку,—помилуйте, этого *пропустить нельзя*: всему есть мѣра. Я считаю ученымъ преступленіемъ молчать въ этомъ случаѣ, или говорить съ *подслащеніемъ*“.

Какое счастіе, подумали мы, прочитавъ этотъ рядъ возгласовъ, что по критикамъ г. Погодина не составляется у насъ окончательное мнѣніе о молодыхъ ученыхъ, впервые выступающихъ на учено-литературное поприще! Какое счастіе, что иные читатели не вѣрятъ на слово никому, даже самому г. Погодину, и забираютъ нужныя справки, чтобъ узнать истину! А то плохо бы пришлось г. Павлову.

Въ возгласахъ г. Погодина, во сколько они не одни знаки вопрошенія и удивленія, поражаютъ двѣ вещи: незнакомство съ источниками и крайняя, непростительная въ ученомъ опрометчивость. Приведенныя слова г. Павлова суть не что иное, какъ сжатый выводъ того, что̀ пространнѣе сказалъ о томъ же предметѣ г. Соловьевъ въ упомянутомъ нами „Обзорѣ“. Г. Соловьевъ, котораго въ незнаніи упрекнуть довольно трудно, подкрѣпляетъ свои положенія—именно тѣ самыя, которыя такъ возмущаютъ душу г. Погодина — ссылками на Одерборна, Горсея и на сказаніе Авраамія Палицына. Вы, можетъ-быть, не читали ихъ, г. Погодинъ? Прочтите и подумайте, а потомъ ужъ *эти господа* станутъ съ вами спорить, и увидимъ, кто правъ, кто виноватъ. Вы говорите, что мнѣніе г. Соловьева объ убіеніи царевича Димитрія — *странность*. Но чтобъ доказать эту „странность“, г. Соловьевъ разобралъ и всѣ свидѣтельства въ памятникахъ, и мнѣніе Карамзина, и ваше, по словамъ, подробно, критически на восемнадцати страницахъ мелкой печати. А вы и не потрудились опровергнуть хоть бы десятую долю его доводовъ. Позвольте же не вѣрить вамъ на слово, когда вы такъ самонадѣянно называете *странностью* добросовѣстно, тщательно выведенное изъ фактовъ мнѣніе. Опровергните его въ основаніи, тогда другое дѣло.

Этого мало: г. Павловъ ясно говоритъ, что послѣ смерти Грознаго явились двѣ партіи, изъ которыхъ одна стояла за Ѳеодора, другая за Димитрія. О томъ, были ли друзьями и благопріятелями между собою стороники Ѳеодора и сторонники Димитрія—ни слова. Что жъ дѣлаетъ г. Погодинъ? Онъ навязываетъ г. Павлову мнѣніе, будто бы Годуновъ и Шуйскій, напримѣръ, были друзьями между собою, да и говоритъ: какъ! Годуновъ и Шуйскій были друзья! какъ это можно! что вы? въ умѣ ли вы? и т. под. Вотъ ученые пріемы критика. Пріискать имъ соотвѣтствующій терминъ предоставляемъ самому г. Погодину.

Мы не станемъ надоѣдать читателямъ дальнѣйшими выписками изъ критики г. Погодина на диссертацію г. Павлова. Вся она написана въ томъ же духѣ, въ томъ же тонѣ, съ тѣмъ же расположеніемъ къ молодому таланту, впервые выступающему печатно на судъ любителей и знатоковъ русской исторіи. Достойно при этомъ замѣчанія, что, нападая на г. Павлова тамъ, гдѣ г. Павловъ дѣйствительно не правъ, г. Погодинъ съ особеннымъ искусствомъ выбираетъ доводы самые слабые и, поправляя, самъ тутъ же дѣлаетъ ошибки. Такъ, сказанное г. Павловымъ объ отношеніяхъ Годунова къ духовенству, конечно, слишкомъ смѣлая гипотеза; они, конечно, были возможны, если вспомнимъ, что Годунова представляютъ современники „потаковникомъ ереси латинской и армянской“, и что онъ любилъ иностранцевъ и иностранные нравы; но все это еще не историческія доказательства въ такомъ важномъ вопросѣ; а г. Погодинъ считаетъ годы и говоритъ: низверженіе митрополита Діонисія произошло раньше, чѣмъ призваніе иностранцевъ и отправленіе русскихъ въ чужіе краи. Что это за опроверженіе! Развѣ образъ мыслей Бориса и его понятія стали извѣстны только съ той минуты, какъ онъ рѣшился призывать иностранцевъ и отправлять за границу русскихъ? Глубокая психологія и историческая критика, нечего сказать!

Не остроумнѣе возраженіе и по поводу мнѣній г. Павлова объ учрежденіи патріаршества. Это событіе, поставляя во главѣ духовенства Іова, преданнаго Годунову, въ то же время однажды навсегда прекращало зависимость нашей церкви отъ константинопольскаго патріархата. Вотъ его существенное историческое значеніе. Оно тѣмъ важнѣе, что задумано издавна и было результатомъ и послѣднимъ звеномъ усилій, обнаруженныхъ, начиная съ Ярослава, мно-

гими великими князьями кіевскими и въ особенности московскими. Это и говоритъ г. Павловъ, только другими словами. Четыреста лѣтъ русской исторіи, разложенныхъ по словамъ, по составамъ, не помогли г. Погодину замѣтить и уразумѣть это.

Впрочемъ, мы не хотимъ подражать критику въ упорствѣ переиначивать мнѣнія своихъ противниковъ, видѣть въ нихъ одно худое и забывать хорошее. Во всемъ томъ, что̀ говоритъ далѣе критикъ въ опроверженіе мнѣній г. Павлова объ указахъ 1592 и 1597 годовъ, причинахъ ихъ, поводахъ, значеніи и послѣдствіяхъ, есть много правды. Г. Павловъ взглянулъ на предметъ слишкомъ отвлеченно, увлекся своимъ основнымъ взглядомъ и недостаточно взвѣсилъ всѣ обстоятельства. Но, говоря: *много правды*, мы далеко не хотимъ сказать, чтобы все, написанное по этому случаю г. Погодинымъ, было правдой. Такъ, г. Павловъ неправъ, утверждая, что дѣтьми боярскими назывались сироты боярскіе; но правъ ли г. Погодинъ, приводя нѣсколько свидѣтельствъ о многочисленности боярскихъ дѣтей при двухъ Іоаннахъ и Ѳедорѣ и остроумно замѣчая при этомъ: „это все сироты! Каково они разродились!" Г. Павловъ сказалъ: *древле*, то-есть встарину, въ прежнія времена. Зачѣмъ же приписывать г. Павлову нелѣпое мнѣніе, будто-бы въ XVI вѣкѣ всѣ дѣти боярскія были боярскіе сироты? Вѣдь онъ этого не говоритъ!

Справедливѣе всего замѣтки г. Погодина касательно указовъ Ѳедора и его преемниковъ о Юрьевѣ днѣ. Но и тутъ, очень налегая на то, что никто до него (то-есть, разумѣется, до г. Погодина) не замѣтилъ, что въ указѣ 1597 года говорится о крестьянахъ, „которые выбѣжали", критикъ самъ не замѣтилъ, что этотъ указъ, именно потому, что въ немъ говорится о бѣжавшихъ, бѣглыхъ, не имѣетъ никакого отношенія къ крестьянскимъ выходамъ, то-есть къ оставленію крестьянами земли по исполненіи всѣхъ закономъ и обычаемъ установленныхъ обязательствъ относительно землевладѣльцевъ. Не замѣтилъ также г. Погодинъ, а съ нимъ и весьма многіе изслѣдователи, что пятилѣтняя давность для поимки бѣглыхъ крестьянъ нимало не даетъ права думать, что въ 1592 или 1593 году былъ изданъ указъ, отмѣнившій Юрьевъ день. На этотъ указъ нигдѣ не находимъ ни ссылки, ни указанія; только въ соборной указной грамотѣ 1607 года, 9-го марта, читаемъ между прочимъ, что „Царь Ѳедоръ Іоанновичъ, по наговору Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ, выходъ крестьянамъ заказалъ". Но когда это было, объ этомъ ни слова. Указъ 1592 или 1593 года есть фикція ученыхъ, ничѣмъ не подкрѣпляемая; можетъ быть, онъ былъ, а можетъ быть и не былъ. Наконецъ г. Погодинъ замѣтилъ мнѣніе г. Павлова, „что при существованіи удѣльной системы, при существованіи запрещенія перехода общинниковъ изъ одного княжества въ другое на поселеніе, очевидно, церковь съ трудомъ могла свободно, по своему усмотрѣнію, переводить на свои льготныя земли достаточное количество рабочихъ рукъ для ихъ воздѣлыванія, и крестьяне весьма часто должны были жить на земляхъ собственниковъ мелкихъ. Оттого и въ интересѣ духовенства, большого вотчинника, и въ интересѣ крестьянъ было паденіе удѣльной системы, стѣснявшей право перехода по всему пространству земель Руси сѣверо-восточной". (Примѣчаніе 62, стр. 115 и 116). Мы говоримъ, что г. Погодинъ замѣтилъ это мнѣніе, но, за возгласами, не вникъ хорошенько, въ чемъ именно оно неправильно и несогласно съ фактами. Мы съ своей стороны считаемъ это мнѣніе ошибочнымъ, потому что во многихъ жалованныхъ грамотахъ монастырямъ находимъ слѣдующую статью: „а людей имъ въ то село моихъ Великаго Князя не принимати". Сверхъ того, льготы крестьянамъ, поселеннымъ на монастырскихъ земляхъ, давались обыкновенно на тотъ случай, если эти поселенцы были вызваны или перешли изъ „иныхъ" княженій; оба эти обстоятельства даютъ поводъ думать, что уничтоженіе удѣльной системы не только не открыло большого пространства для переходовъ поселянъ, но, напротивъ, затруднило ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы думаемъ, вопреки утвержденіямъ г. Погодина, что около временъ Іоанна IV дѣйствительно стала было развиваться у насъ бродячая жизнь, породившая шайки „лихихъ людей", разбойниковъ, которые нападали на села и чинили всякія неустройства. Объ этомъ свидѣтельствуетъ изданіе, въ царствованіе Грознаго, особеннаго уголовнаго устава, который тѣмъ весьма замѣчателенъ, что впервые вводитъ у насъ слѣдственный порядокъ судопроизводства, до того неизвѣстный въ Россіи. Читая уставъ и древнѣйшія губныя грамоты, сход-

ныя съ нимъ въ главныхъ основаніяхъ, и не восходящія далѣе временъ Грознаго, мы видимъ, что новое судопроизводство и предупредительныя полицейскія мѣры принимаются именно противъ разбойниковъ и убійцъ, которые входили въ селенія и совершали въ нихъ преступленія. Оттого-то сначала этимъ порядкомъ розыскивались и судились одни вѣдомые лихіе воровскіе люди; преступленія, совершаемыя не этими людьми, хотя бы они были не менѣе важны, долго продолжали судиться обыкновеннымъ обвинительнымъ, гражданскимъ порядкомъ; слѣды этого видны даже въ „Уложеніи“ царя Алексѣя Михайловича. Такимъ образомъ, появленіе уголовнаго устава и уголовнаго судопроизводства показываетъ, что лихихъ людей развелось много, и что противъ нихъ были приняты чрезвычайныя мѣры. Отчего развелись эти люди? Не оттого ли, что переходы усилились, а съ тѣмъ вмѣстѣ, въ нѣкоторыхъ, и бродяжество, склонность къ гулячей, праздной жизни? Это дѣйсвительно могло быть такъ, и потому постепенная отмѣна Юрьева дня могла быть мѣрой полицейской, предупредительной. А какъ мѣра, долженствовавшая утвердить осѣдлость, или, если хотите, поддержать ее, когда одного обычая и нравовъ стало недостаточно,—отмѣна переходовъ представляла звено въ цѣломъ рядѣ аналогическихъ явленій, предшествовавшихъ и послѣдующихъ; сперва усѣлись на мѣстахъ князья; потомъ запрещенъ отъѣздъ бояръ, придворныхъ, служилыхъ людей; потомъ переходъ крестьянъ; потомъ затруднены добровольные переходы изъ посадскихъ тяглыхъ и черныхъ царскихъ людей въ другіе разряды; чѣмъ ближе къ Петру, тѣмъ выходъ изъ одного званія въ другое становился труднѣе и труднѣе. Эту-то мысль и высказываетъ г. Павловъ, и нельзя отказать ей въ основательности, хотя объясненіе всѣхъ историческихъ явленій, сюда относящихся, изъ родового начала и неудовлетворительно. Но какъ не извинить нѣкотораго увлеченія въ молодомъ ученомъ, когда старѣйшій изъ наличныхъ изслѣдователей русской исторіи прощаетъ – конечно самъ себѣ—промахи несравненно менѣе извинительные! Творецъ математическаго метода въ изученіи нашей старины говоритъ, напримѣръ, вотъ что: „Помилуйте! Неужели вы думаете, что крестьяне когда-нибудь переходили издалека! Это не могло иначе быть, какъ по сосѣдству. Гдѣ крестьянину на парѣ своихъ кляченокъ перебраться отъ Юрьева дня осенняго до заморозовъ въ далекое мѣсто? А всего сроку двѣ недѣли. Это учрежденіе о двухъ недѣляхъ весьма важно, и вѣрно начинало уже гораздо прежде Годунова ограничивать право перехода. На него также никто не обращалъ вниманія“. Обращали на это вниманіе не одни вы, можемъ васъ увѣрить, да не говорили ничего, потому что говорить-то не о чемъ было! Осенній срокъ предложенъ былъ только для *отъѣзда*, для „отказа“, а не для *переѣзда* крестьянъ. „А крестьянамъ *отказыватися* изъ волости въ волость, и изъ села въ село, одинъ срокъ въ году“, гласитъ 88 статья „Судебника“ Іоанна Грознаго; „а срокъ крестьянамъ *отписывати* Юрьевъ день осенній, да послѣ Юрьева дни съ двѣ седьмицы“ гласитъ указъ Годунова 1710 года, ноемврія 21; стало быть, поселянинъ могъ взять сколько ему угодно времени на переѣздъ изъ одного мѣста въ другое; онъ не могъ только „отказываться“ иначе, какъ на Юрьевскій срокъ, по закону. Вотъ въ чемъ сила. А вы этого и не замѣтили?.

Того, что мы сказали, кажется, теперь достаточно, чтобы дать ясное понятіе о томъ, какъ пишутся рецензіи г. Погодина объ изслѣдователяхъ русской исторіи. Разбирать эти рецензіи не стоитъ: это безполезная трата времени. Повторяемъ, мы взяли на себя этотъ трудъ въ первый и послѣдній разъ. Г. Погодинъ можетъ впредь ратовать сколько ему угодно противъ „родоплавателей“, противъ „проказы родового быта“ и т. п.,—мы будемъ молчать по прежнему. Не пускаясь на арену журнальной полемики, въ которой, повидимому, такъ хорошо и привольно г. Погодину, мы хотѣли только показать ему, что не чувство собственнаго безсилія и не сознаніе превосходства г. Погодина заставляетъ молчать тѣхъ ученыхъ, противъ которыхъ направлены стрѣлы его краснорѣчія и остроумія. Сознаніе правоты спокойно, не нуждается въ выходкахъ. Поучителенъ примѣръ, который подаютъ противники г. Погодина въ области русской исторіи. Они, по крайнему своему разумѣнію, разбираютъ новыя сочиненія спокойно, прилично, считая обязанностью воздать полную справедливость и хвалу даже тѣмъ изъ нихъ, которыя написаны несогласно съ ихъ мнѣніями; ошибки, промахи, ложныя воззрѣнія опровергаются и указываются съ полнымъ уваженіемъ къ труду и заслугамъ писателя, съ возможнымъ безпристрастіемъ

и пощадой личности автора. Такова, напримѣръ, критика на диссертацію г. Павлова, помѣщенная въ III книжкѣ „Современника". Почтенный рецензентъ не подписалъ своего имени; но мы убѣждены, что онъ принадлежитъ къ числу молодыхъ изслѣдователей русской исторіи, и убѣжденіе свое основываемъ на спокойномъ тонѣ критики, видимомъ благорасположеніи къ автору и дѣльности возраженій. Критикъ скупъ на похвалы, но зато мы не встрѣчаемъ у него ни одной выходки, ни одного возгласа. Правда, съ нѣкоторыми изъ его возраженій мы не можемъ вполнѣ согласиться; такъ онъ, по нашему мнѣнію, слишкомъ строго судитъ Бориса за неудачу въ пріобрѣтеніи Ливоніи; также, кажется намъ, онъ слишкомъ рѣшительно отрицаетъ, что дѣти боярскія могли *служить* у бояръ и получать отъ нихъ помѣстья: прямого извѣстія о дѣтяхъ боярскихъ, состоявшихъ на службѣ у бояръ, точно нѣтъ; но что послѣдніе были окружены дворомъ, состоявшимъ не изъ однихъ ихъ крѣпостныхъ людей,— очень вѣроятно, и на это есть намеки; такъ, намѣстники въ областяхъ сажали волостелями и тіунами изъ своихъ приближенныхъ и по своему усмотрѣнію, а волостелинство и тіунство было, въ меньшихъ размѣрахъ, нѣчто похожее на помѣстное право и во всякомъ случаѣ было кормленіемъ, которое, какъ думаемъ, приготовило помѣстную систему. Въ XVII вѣкѣ свиту бояръ составляли ихъ „знакомцы"—кліенты, находившіеся вѣроятно подъ ихъ защитой и покровительствомъ и сохранившіеся позже подъ именемъ нахлѣбниковъ; наконецъ у Карамзина находимъ исчисленіе *послужильцевъ*—служилыхъ людей, распущенныхъ изъ княжескихъ и боярскихъ дворовъ, по покореніи Новгорода, и получившихъ отъ Іоанна III помѣстья въ Вотской Пятинѣ (Кар., т. VI, примѣч. 201, по 1-му изд.). Такъ какъ чинъ боярскаго сына былъ самый низшій, въ который, впослѣдствіи, поступали лица изъ всякихъ, даже несвободныхъ, званій, то г. Павловъ могъ, съ нѣкоторымъ основаніемъ, думать или предполагать, что многія или нѣкоторыя дѣти боярскія находились въ службѣ у бояръ и отъ нихъ впослѣдствіи переходили въ царскую службу, какъ это было съ новгородскими послужильцами; но во всякомъ случаѣ, кто бы ни былъ правъ, критикъ или мы, намъ пріятно спорить съ нимъ, потому что онъ имѣетъ, какъ видно, ясное понятіе о значеніи и достоинствѣ ученыхъ преній и не выходитъ за черту, указываемую должнымъ уваженіемъ къ личностямъ.

(Отеч. Записки, 1850, кн. 9).

О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра Великаго.

Историческое изслѣдованіе Виталія Шульгина. Выпускъ I. Кіевъ. 1850.

Послѣднее время было особенно благопріятно для русской исторической литературы. Въ теченіе нынѣшняго года появилось нѣсколько книгъ, журнальныхъ статей, диссертацій и брошюръ, весьма важныхъ по своему предмету и, смѣло можно сказать, подвинувшихъ науку впередъ по своему содержанію и методу изслѣдованія. Мы отдали въ свое время отчетъ о превосходной статьѣ г. Тюрина, объ „Архивѣ" г-на Калачова; не менѣе важны статья о Псковской Судной Грамотѣ, изслѣдованіе о Борисѣ Годуновѣ г. Павлова; но годъ еще не былъ въ половинѣ, какъ появилось новое изслѣдованіе, ни въ чемъ не уступающее названнымъ нами трудамъ,—именно первый выпускъ изслѣдованія г. Шульгина „О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра Великаго".

Ученый трудъ г. Шульгина, судя по заглавію и началу, задуманъ въ обширномъ объемѣ. Онъ будетъ обнимать исторію женщины въ древней Руси во всѣхъ отношеніяхъ, въ ея домашнемъ и общественномъ быту, и такимъ образомъ пополнитъ одинъ

изъ самыхъ чувствительныхъ пробѣловъ внутренней русской исторіи. Одно такое намѣреніе заслуживало бы уже особеннаго вниманія. Въ исторіи, какъ и во всякой наукѣ, умѣнье выбрать предметъ, поставить вопросъ —невольно предупреждаетъ въ пользу автора, и не безъ причины: сколько предметовъ оставались непонятными, пока не были правильно установлены вопросы; сдѣлалось это — и половина задачи была рѣшена. Но въ книгѣ г. Шульгина не одно намѣреніе или цѣль важны; онъ умѣлъ выбрать тему и умѣлъ развить ее съ рѣдкимъ историческимъ талантомъ, приготовленный къ труду большою начитанностью и основательнымъ изученіемъ предмета по историческимъ памятникамъ всѣхъ славянскихъ племенъ. Словомъ, онъ приступилъ къ дѣлу вооруженный; оттого и выполненіе стоитъ въ уровень съ трудной задачей.

Къ чести новыхъ изслѣдованій по русской исторіи должно сказать, что они — особенно въ послѣднее время — болѣе и болѣе становятся недовѣрчивы къ общимъ положеніямъ и гипотезамъ; разработка данныхъ, кропотливая, иногда неблагодарная, поглощаетъ всѣ ихъ силы. Очевидно, наука русской исторіи, въ ихъ трудахъ, закладываетъ себѣ прочную основу, фундаментъ, на которомъ не трудно уже будетъ выстроить зданіе, вывести окончательные результаты. Пересмотръ, повѣрка фактовъ и общихъ воззрѣній составляетъ какъ бы исключительное направленіе всѣхъ этихъ трудовъ, а между тѣмъ предметъ уясняется, границы науки раздвигаются дальше и дальше... Къ разряду такихъ, въ высокой степени полезныхъ, важныхъ и почтенныхъ трудовъ принадлежитъ и книга г. Шульгина. Вся она состоитъ изъ изслѣдованій, сближенія разновременныхъ и разнонародныхъ историческихъ данныхъ. Выводовъ à priori, умозрѣній, гипотезъ, предпосланныхъ изслѣдованію, почти нѣтъ въ его ученомъ трудѣ. Зато чтеніе его даетъ много пищи мысли, вызываетъ на новыя сближенія и выводы.

Первый выпускъ изслѣдованія г. Шульгина содержитъ въ себѣ небольшое предисловіе или вступленіе (на 27 стр.) и первую главу сочиненія, именно изслѣдованіе о состояніи женщинъ въ языческой Руси. Предисловіе обнаруживаетъ вѣрный и современный взглядъ автора на исторію и на предметъ изслѣдованія. Онъ указываетъ важность вопроса о значеніи женщины въ исторіи человѣчества, объ отношеніи женщины къ мужчинѣ и роли, которую она играетъ въ домашней и общественной жизни.

„Женщина (говоритъ г. Шульгинъ) какъ бы ни была она унижена, всегда сохраняетъ власть свою надъ мужчинами, — женщина, какъ бы ни былъ стѣсненъ кругъ ея дѣятельности, всегда имѣетъ сильное вліяніе на общество. Эту власть, это вліяніе она почерпаетъ, во-первыхъ —въ неистощимомъ источникѣ страстей мужчины; во-вторыхъ—въ воспитаніи молодого поколѣнія, которое въ тотъ періодъ жизни, когда закладывается первая основа нравственнаго человѣка, всегда и вездѣ почти происходитъ если не подъ исключительнымъ, то подъ сильнымъ вліяніемъ женщины-матери. Эти два обстоятельства даютъ женщинѣ огромное значеніе въ опредѣленіи характера и въ настроеніи духа цѣлыхъ генерацій, цѣлаго общества. Дѣйствуетъ же она на жизнь общества и человѣка своимъ особеннымъ образомъ, который вполнѣ соотвѣтствуетъ ея женственной природѣ. Представительница нравственности, любви, стыдливости и непосредственнаго чувства, — женщина преимущественно господствуетъ въ семейной и свѣтской жизни, одухотворяя ее нравственностію, чувствомъ, любовью, скромностію, сообщая ей приличіе, грацію, красоту; тогда какъ мужчина, представитель закона, долга, чести и мысли, господствуетъ по преимуществу въ сферѣ гражданской дѣятельности, утверждаетъ въ обществѣ законъ, обязанность, честь и мысль, даетъ ей полноту, многообразіе, практическій характеръ. Женщина болѣе вѣруетъ, мужчина мыслитъ; первая *сочувствуетъ* добру, истинѣ и красотѣ, послѣдній старается *познать* добро, истину и красоту; мужчина проявляетъ свою силу въ дѣйствіи, творчествѣ, женщина въ страданіи и воспріятіи. Только во взаимномъ союзѣ они образуютъ одного полнаго, совершеннаго человѣка. Чѣмъ развитѣе общество, тѣмъ болѣе уравновѣшено въ немъ значеніе обоихъ половъ. Унижая женщину, мужчина этимъ только показываетъ свое собственное униженіе... Но напрасно, опираясь на свою силу, онъ стремился отнять у женщины значеніе въ жизни общества и человѣка: вѣчный законъ, сила исторіи уничтожали усилія человѣка, стремившагося нарушить вѣчный законъ“.

Показавъ затѣмъ, въ бѣгломъ очеркѣ, значеніе женщины въ различныя эпохи исторіи у различныхъ народовъ древняго и новаго міра, авторъ переходитъ къ состоянію ея въ Россіи и находитъ, что въ русской исторіи этотъ предметъ получаетъ еще особенное значеніе: онъ пролагаетъ путь къ узнанію историческаго развитія семейной жизни русскаго народа, доселѣ дѣйствительно весьма мало изслѣдованной и объясненной, несмотря на важную роль, которую эта жизнь играла и играетъ въ нашемъ обществѣ; кромѣ того, вѣрное объясненіе исторіи русской женщины должно, по его сло-

вамъ, способствовать къ опредѣленію степени вліянія на нашу жизнь элементовъ византійскаго, монгольскаго и европейскаго. Судьба русской женщины, по мнѣнію г. Шульгина, видоизмѣнялась у насъ три раза. Въ языческомъ быту всѣ сферы жизни открыты женщинѣ; съ принятіемъ христіанства начинается, мало-по-малу, разлученіе половъ: женщина постепенно исключается изъ мужского общества; въ до-татарскую эпоху—подъ видомъ добровольнаго религіознаго уединенія женщины отъ соблазновъ и треволненій мірскихъ; отъ XIV до XVII вѣка включительно, въ сѣверо-восточной Россіи это удаленіе женщины обращается въ обычай, чего вовсе незамѣтно въ юго-западной Руси; наконецъ, при Петрѣ оба пола снова соединяются въ обществѣ: женщинѣ возвращается ея мѣсто, права и значеніе, только въ новыхъ, болѣе развитыхъ и образованныхъ формахъ. Эти видоизмѣненія въ судьбѣ русской женщины авторъ считаетъ основными, главными, отъ которыхъ зависѣли всѣ прочіе оттѣнки и частныя перемѣны.

Въ этомъ взглядѣ автора много справедливаго, но есть и свои недостатки. Изъ языческаго быта авторъ беретъ одну черту и характеризуетъ ею цѣлый этотъ бытъ, тогда какъ онъ развивался, и развитіе его имѣло свои степени, свои эпохи. Далѣе, мы совершенно согласны съ нимъ, что византійское вліяніе, такъ глубоко проникнувшее въ нашу плоть и кровь, обнявшее всѣ стороны нашей народной, домашней, общественной и государственной жизни, имѣло сильное вліяніе и на судьбу русской женщины во всѣхъ многообразныхъ сферахъ ея дѣятельности; но мы не можемъ понять, почему начало отлученія женщины изъ общественной жизни, отдѣленія ея отъ мужского общества, авторъ видитъ въ ея религіозномъ уединеніи отъ міра. Во-первыхъ, это уединеніе, затворническая жизнь монастырей—явленіе, общее обоимъ поламъ, и, слѣдовательно, будучи чрезвычайно многозначительно и важно въ развитіи нашего быта и образованности вообще, оно, какъ мы думаемъ, едва-ли имѣло особенное какое-нибудь значеніе въ отношеніи къ разлученію двухъ половъ въ общественной и семейной жизни. Намъ кажется это построеніе слишкомъ искусственнымъ, изысканнымъ. Не забудемъ, что разныя ограниченія женщинъ въ жизни, въ гражданскихъ правахъ, положительно занесены уже въ „Русскую Правду;“ отрицательно можно вывести изъ нея еще больше такихъ ограниченій; а между тѣмъ, на этомъ памятникѣ, какую мы ни возьмемъ редакцію, меньше лежитъ печать византійскаго, чѣмъ туземнаго, славянскаго элемента. Скажемъ болѣе: въ XVII вѣкѣ, когда вліяніе византійскаго законодательства на русское было сильнѣе, чѣмъ прежде, мы видимъ появленіе многихъ юридическихъ положеній, болѣе благопріятныхъ, чѣмъ стѣснительныхъ для женщинъ. Изъ этого мы позволимъ себѣ заключить, что начало разлученія мужчинъ и женщинъ, отлученіе женщинъ отъ общества и правъ, лежало не въ византійскомъ вліяніи, а въ чемъ-нибудь другомъ, и что этому другому византійское вліяніе до извѣстной степени противодѣйствовало, что́ весьма естественно: византійское право приняло въ себя право римское, отбросившее, въ послѣднемъ своемъ развитіи, не одно положеніе, стѣснительное для женщинъ.

За вступленіемъ слѣдуютъ разысканія о судьбѣ русской женщины во времена язычества. Изъ нашихъ древнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ только лѣтопись Нестора сообщаетъ нѣкоторыя подробности объ этомъ времени. Въ дополненіе и поясненіе ихъ авторъ беретъ извѣстія иностранцевъ о языческой Россіи, извѣстія о другихъ славянскихъ племенахъ въ эпоху язычества, живые памятники, доселѣ сохранившіеся чрезъ цѣлые вѣка въ современныхъ обычаяхъ, обрядахъ и пѣсняхъ простого народа, и съ помощью этихъ источниковъ возстановляетъ, по возможности, картину быта древней русской женщины, еще не просвѣщенной христіанствомъ. Мы уже сказали свое мнѣніе объ ученомъ трудѣ г. Шульгина. Русская исторія весьма скоро вышла бы изъ своего теперешняго, хаотическаго состоянія, еслибъ побольше явилось у насъ изслѣдователей съ такимъ же знаніемъ, такимъ же основательнымъ, вѣрнымъ историческимъ взглядомъ и смысломъ, какъ г. Шульгинъ. Вполнѣ раздѣляя его взгляды и мнѣнія о предметѣ изысканія вообще, мы не можемъ, однако согласиться съ нимъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ, и о нихъ-то считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ.

По словамъ Нестора нельзя заключать, чтобъ у полянъ, какъ у многихъ другихъ

славянъ-язычниковъ, не было многоженства; изъ его свидѣтельства видно только, что у нихъ не было похищенія или умычки, какъ у другихъ племенъ.

Форма заключенія браковъ, по лѣтописи, была тоже двоякая: *умычка* — похищеніе, и *веденіе* женъ. Умычка, какъ весьма справедливо думаетъ авторъ, древнѣе веденія. Она, по его словамъ, господствовала когда-то у всѣхъ славянъ. Веденіе женъ, какъ форма брака болѣе совершенная, сначала вошло въ обычай у князей, бояръ и дружинниковъ, а потомъ стало господствовать и вытѣснило умычку, которая постепенно исчезала и сохранилась до нашего времени, какъ пустой обрядъ безъ всякаго значенія. Покупались у насъ невѣсты, или не покупались,—вотъ вопросъ, особенно важный. Онъ важенъ потому, что если женъ покупали, то женщина уравнивалась съ товаромъ, съ вещью; если же за ней давали приданое,—очевидно, она имѣла, конечно до извѣстной степени, самостоятельную гражданскую личность. При умычкѣ не могло быть ни покупки, ни приданаго, ибо покупка или приданое предполагаютъ договоръ жениха съ родителями и родственниками невѣсты. Несмотря на то, умычка сама по себѣ еще не уничтожала совершенно личности женщины, ибо, по прямымъ словамъ лѣтописца, она происходила съ согласія невѣсты. Но при веденіи женъ, имѣла ли мѣсто покупка невѣстъ, или браки сопровождались приданымъ? Классическимъ мѣстомъ для рѣшенія этого вопроса служатъ слова Несторовой лѣтописи: „не хожаше женихъ по невѣсту, но приводяху вечерь, а заутра приношаху, что по ней вдадуче". Къ кому относится слово *приношаху*? Родственники ли невѣсты приносили въ домъ жениха „что по ней вдадуче", или родственники жениха, или онъ самъ—родителямъ и роднымъ невѣсты? Г. Шульгинъ принимаетъ первое объясненіе и, какъ намъ кажется, весьма основательно видитъ въ словахъ Нестора прямо свидѣтельство о приданомъ, а не о платѣ за невѣсту. Такимъ образомъ г. Шульгинъ выводитъ, что, на основаніи лѣтописи, у полянъ браки заключались съ приданымъ, у другихъ русскихъ племенъ по взаимному согласію брачущихся; въ обоихъ случаяхъ нѣтъ повода заключать о продажѣ и покупкѣ невѣстъ.

До сихъ поръ всѣ выводы весьма строги и правильны, хотя, можетъ быть, и не довольно стройны, систематичны. Но, начиная отсюда, авторъ нѣсколько увлекается; это увлеченіе не вредитъ, конечно, цѣлому изслѣдованію, но вводитъ, какъ мы думаемъ, г. Шульгина въ нѣкоторыя ошибки относительно древнѣйшаго языческаго быта русской женщины и мѣшаетъ правильному и цѣлостному возсозданію этого быта во всѣхъ его формахъ и измѣненіяхъ. Несторъ—такъ разсуждаетъ авторъ—не говоритъ ни слова о покупкѣ невѣстъ: по лѣтописи, невѣсты или похищаются, или отдаются замужъ съ приданымъ. Стало быть, покупки невѣстъ и не было. А если ея не было, то и вѣно, о которомъ упоминается въ нашей лѣтописи, не то значитъ, чѣмъ кажется по буквальному смыслу, то-есть не было платой за невѣсту; и живые памятники—свадебные обряды и пѣсни, ясно свидѣтельствующіе о покупкѣ и продажѣ невѣстъ, — свидѣтельствуютъ ложно, и на ихъ показанія нельзя полагаться.

Вѣно упоминается въ нашей лѣтописи два раза: Владиміръ „вдасть *за вѣно*" греческимъ императорамъ, братьямъ супруги его Анны, Корсунь; Казиміръ, женившись на сестрѣ Ярослава, тоже „вдасть ему *за вѣно*" 800 плѣнныхъ. Итакъ, по нашей лѣтописи, вѣно было даромъ или платой мужа родственникамъ его жены, которые выдали ее замужъ. Но г. Шульгинъ думаетъ иначе. По его мнѣнію, „гораздо вѣроятнѣе кажется приписать возвращеніе грекамъ Корсуня Владиміромъ и возвращеніе Ярославу 800 плѣнныхъ Казиміромъ — дружелюбному расположенію государей,—назвать это дѣйствіе просто дареніемъ, которое Владиміръ и Ярославъ (Казиміръ?) могли дѣлать и не дѣлать, ничуть не обязанные къ тому брачнымъ обычаемъ. Если и предположить, что Владиміръ заплатилъ Корсунемъ за жену, то въ такомъ случаѣ императоры Василій и Константинъ являются продавцами своей сестры, и если покупку женъ мы признаемъ за обычай русскій, то продажу ихъ должны будемъ признать обычаемъ христіанской Греціи. Набожный Ярославъ также не могъ продать свою сестру, какъ язычникъ; но Казиміръ, породнясь съ нимъ, въ знакъ дружбы и родства, возвратилъ ему плѣнныхъ такъ точно, какъ Ярославъ, съ своей стороны, помогалъ ему усмирить мятежи въ Мазовіи" (стр. 20—21).

Съ этими разсужденіями и выводами нельзя

согласиться. Трудно приписать дружественному расположенію даръ, который лѣтописцемъ прямо и положительно опредѣляется словами: *за вѣно*; не напрасно характеризуетъ его такъ Несторъ въ двухъ разновременныхъ случаяхъ. Мысль, что продажа и покупка невѣстъ противорѣчитъ святости брачныхъ отношеній и набожности Владиміра и Ярослава, конечно, справедлива, но она нейдетъ къ настоящему случаю. Г. Шульгинъ опустилъ изъ вида, что вѣно, будучи по своему происхожденію платой за жену, могло впослѣдствіи утратить этотъ смыслъ и обратиться въ обычный даръ, вовсе не имѣющій первоначальнаго, унизительнаго для женщины, значенія. И теперь еще сохраняется нѣсколько такихъ обычаевъ. Возьмемъ простонародныя забавы, празднества и предразсудки: нѣкоторые изъ нихъ восходятъ ко временамъ язычества и изъ него развились, хотя они уже не имѣютъ языческаго характера и остались въ однѣхъ привычкахъ народа, по старой памяти. Другой доводъ автора противъ буквальнаго значенія вѣна по нашимъ источникамъ суть юридическіе памятники другихъ славянскихъ народовъ. Въ древнихъ польскихъ постановленіяхъ Wiano'мъ называется даръ мужа самой женѣ: изъ „Сборника Викторина Вшеградскаго" видно, что у чеховъ въ вѣнѣ различались приданое и подарки женамъ отъ мужей,—другими словами, что вѣномъ назывались и тѣ и другіе вмѣстѣ [1]). Но эти свидѣтельства не убѣдительны. У чеховъ и поляковъ вѣно могло имѣть одно значеніе, у насъ другое. Притомъ свидѣтельства чешскихъ и польскихъ источниковъ относятся къ позднѣйшему времени, чѣмъ свидѣтельства нашей лѣтописи. Наконецъ, можетъ быть, сначала вѣно было платой за невѣсту родителямъ или родственникамъ жениха; впослѣдствіи, когда покупка невѣстъ исчезла изъ нравовъ, и отъ нея остался одинъ обычай давать вѣно, родственники и родители начали уступать эту плату или вѣно невѣстѣ вмѣстѣ съ приданымъ, что̀, въ свою очередь, тоже обратилось въ обычай, а изъ него развился обычай давать вѣно ужъ не родственникамъ молодой, а прямо ей самой. Эти различные виды вѣна могли существовать въ одно время у различныхъ славянскихъ и даже русскихъ племенъ: плата за вѣно Владиміра—въ одно время съ уступкой вѣновыхъ городовъ супругамъ великихъ князей Игоря, Святослава, Владиміра, если только эти города были вѣновые. Все это, конечно, предположеніе; но во всякомъ случаѣ мы не видимъ основательной причины заподозрѣвать и отвергать свидѣтельства нашей лѣтописи, придающей вѣну особенное значеніе. Оно заставляетъ думать, что лѣтописецъ, говоря о языческихъ бракахъ нашихъ предковъ, не исчислилъ всѣхъ способовъ ихъ заключенія: помянулъ о похищеніи и приданомъ, и ничего не сказалъ о покупкѣ невѣстъ. Что̀ жъ тутъ мудренаго или невозможнаго? Мало ли о чемъ онъ вовсе не упоминаетъ? Авторъ неправъ, говоря, что „подъ именемъ вѣна должно разумѣть совсѣмъ не плату, даваемую женихомъ отцу невѣсты, но достояніе, предлагаемое имъ въ обезпеченіе будущей жены своей", и что „вѣно въ бракѣ имѣетъ значеніе не менѣе приданаго" (стр. 19). Намъ даже кажется, что г. Шульгинъ и самъ вполнѣ не остался доволенъ этимъ объясненіемъ, ибо онъ говоритъ въ заключеніе: „само собою разумѣется, что такая идея о вѣнѣ и приданомъ (то-есть какъ обезпеченіи личности и самостоятельности жены) не могла образоваться въ постоянный законъ у славянъ-язычниковъ: она выработана христіанствомъ, при вліяніи каноническаго права, изъ обычаевъ, въ которыхъ таилась безсознательно". Послѣднее мнѣніе совершенно справедливо; ни приданое, ни вѣно, даже у чеховъ и поляковъ, не давалось сначала въ обезпеченіе или упроченіе личной независимости женщины. Мы думаемъ, что приданое и вѣно, когда оно перестало быть цѣной невѣсты, — были дѣломъ соревнованія родовъ между собою, дѣломъ похвальбы и родовой чести; женщина была тутъ въ сторонѣ; во всякомъ случаѣ, и приданое и вѣно получили то нравственное и юридическое значеніе, которое въ нихъ видитъ г. Шульгинъ, гораздо позже, а не въ отдаленныя языческія времена, отъ которыхъ даже у Нестора сохранились одни крайне смутныя и отрывочныя воспоминанія. Кромѣ вѣна, о покупкѣ и продажѣ невѣстъ свидѣтельствуютъ свадебное обряды и пѣсни. Эти живые па-

---

[1]) Съ мнѣніемъ автора, будто бы на основаніи Викторина, „вѣно различается отъ приданаго и подъ послѣднимъ разумѣются подарки мужа женѣ", мы не можемъ согласиться. Впрочемъ, этого сборника мы не имѣли подъ руками и основываемся на мѣстахъ, выписанныхъ въ книгѣ г. Шульгина, въ примѣчаніи 30-мъ.

мятники могли бы, по мнѣнію г. Шульгина, привести къ мысли, что покупка невѣстъ у славянъ весьма рано замѣнила похищеніе, и что невѣста играла при этомъ совершенно пассивную роль. Но одни свидѣтельства этихъ памятниковъ кажутся ему слишкомъ шаткимъ основаніемъ для такого вывода; во-первыхъ, обряды и пѣсни — до сихъ поръ неразобранный и не изслѣдованный аггрегатъ самыхъ разнородныхъ, разномѣстныхъ и разновременныхъ обычаевъ; во-вторыхъ, о покупкѣ невѣстъ свидѣтельствуютъ свадебные обычаи пермской, енисейской и саратовской губерній, „гдѣ въ древности едва-ли были славяне, а если и были, то исказились примѣсью разнородныхъ финскихъ и татарскихъ племенъ. Вотъ почему нельзя дать вѣры свидѣтельствамъ этихъ обрядовъ, вопреки положительнымъ указаніямъ лѣтописи. Наконецъ нѣкоторые свадебные обычаи и пѣсни сохранили воспоминаніе о татарскомъ происхожденіи покупки невѣстъ въ названіи *калыма*, въ называніи татариномъ брата, который продаетъ сестру и ея косу; изъ этого можно скорѣе заключить, что и обычай продажи невѣстъ появился у насъ не ранѣе XIII в. Кромѣ того, значеніе смотра невѣсты ослабляется тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи есть точно такой же смотръ жениха, и въ свадебныхъ пѣсняхъ, вмѣстѣ съ продажей невѣсты, упоминается и о приданомъ.

Эти сомнѣнія г. Шульгина, безспорно, имѣютъ свою основательную и справедливую сторону. Необработанность нашихъ живыхъ народныхъ памятниковъ долго будетъ важнымъ препятствіемъ пользоваться ими, какъ историческимъ источникомъ. Совсѣмъ тѣмъ мы думаемъ, что авторъ простираетъ свой скептицизмъ слишкомъ далеко. Во-первыхъ, прямого противорѣчія указаніямъ лѣтописи въ свидѣтельствѣ свадебныхъ обрядовъ о покупкѣ невѣстъ, мы, признаемся, не видимъ. Объ этомъ предметѣ Несторъ молчитъ, но не говоритъ, что продажи и покупки невѣстъ не было, а въ этомъ существенная разница. Молчаніе нельзя еще принимать за свидѣтельство, и, слѣдственно, между прямымъ свидѣтельствомъ обычая и молчаніемъ лѣтописи нѣтъ противорѣчія. Далѣе, мы согласны, что свадебные обычаи саратовской и енисейской губерній еще не рѣшаютъ окончательно вопроса о томъ, была ли у славянъ покупка невѣстъ; но на эту покупку есть указанія не въ этихъ однѣхъ губерніяхъ, но и въ другихъ мѣстностяхъ, издавна населенныхъ славянами, именно, въ орловской губерніи („Бытъ русскаго народа“ г. Терещенко, т. II, стр. 194 и 201), въ Бѣлоруссіи (хотя и не сказано гдѣ именно; тамъ же, стр. 466 и 471), въ Литвѣ (тамъ же, стр. 483), и даже въ Малороссіи (тамъ же, стр. 517 и 518). Но мы можемъ увѣрить г. Шульгина, что продажа невѣстъ сохранилась въ свадебныхъ обычаяхъ не однихъ этихъ мѣстностей: нѣтъ почти губерніи, въ которой она не воспоминалась бы такъ или иначе. Слѣдовательно, по крайней мѣрѣ съ этой стороны, покупка невѣстъ едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію. Припомнимъ слова маршалка (свата) въ бѣлорусскихъ свадьбахъ: „мы ни жиды, ни татарыны какіе, а честные люди, пріѣхали зъ маладымъ князимъ пойзжани, выкупитсь нашу маладую княгиню“ (тамъ же, стр. 465). Эти слова показываютъ, вопреки г. Шульгину, что покупка невѣстъ была не татарскимъ обычаемъ, а національнымъ, туземнымъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Такъ же мало убѣдительны и послѣдніе два довода: глядины жениха и приданое въ нашихъ свадебныхъ обрядахъ ничего не говорятъ противъ продажи и покупки невѣстъ; самъ авторъ признаетъ, что наши свадебные обряды представляютъ аггрегатъ самыхъ разнородныхъ, разномѣстныхъ и разноплеменныхъ обычаевъ.

Замѣтимъ вообще, что дѣйствительно трудно, даже невозможно теперь указать, къ какому именно времени тѣ или другіе наши обряды и обычаи относятся, у какого племени они были и у какого не были; но постоянное присутствіе одного и того же факта въ обычаяхъ разныхъ мѣстностей несомнѣнно свидѣтельствуетъ о давнишнемъ бытовомъ фактѣ. Чрезвычайное, часто поразительное сходство обычаевъ финскихъ, славянскихъ и германскихъ въ древнѣйшія времена дѣлаетъ еще болѣе вѣроятнымъ, что этотъ обычай въ одно время могъ быть и у финновъ, и у славянъ, и у нѣмцевъ. Наконецъ, противорѣчіе между обычаями и существованіе такихъ, которые относятся къ разнымъ понятіямъ, эпохамъ и быту, не могутъ служить достаточной причиной, чтобъ отрицать ихъ древность, туземность и подлинность, потому что эти обычаи суть слова, обряды лишенные дѣйствительности и смысла въ современномъ намъ быту; народъ потерялъ къ нимъ ключъ и потому ежедневно болѣе и

болѣе перемѣшиваетъ ихъ между собою. Тѣмъ не менѣе указанія ихъ драгоцѣнны, и въ подлинности ихъ едва-ли можно сомнѣваться. Самъ авторъ это чувствуетъ; но вѣрный своей первоначальной мысли, онъ, не отрицая прямо свидѣтельствъ живыхъ памятниковъ, перетолковываетъ ихъ по своему, и выводитъ слѣдующіе окончательные результаты:

„Приданое является *необходимою* принадлежностію древне-славянскихъ браковъ. *Исконнымъ* закономъ, обычаемъ, преданіемъ отцовскимъ поставлялось въ необходимую обязанность рода и семьи снабжать дѣвушку приданымъ, при выдачѣ ея въ чужую семью: оно было знакомъ, связывающимъ ее съ роднымъ домомъ. Но приданое отнюдь не исключаетъ ни вознагражденія, даваемаго женихомъ родственникамъ невѣсты, ни вѣна. Смотря на жену почти какъ на работницу, мужъ, особенно въ то время, время неразвившейся гражданственности, не увольнялся отъ обязанности вознаградить за пріобрѣтеніе работницы тому дому, который, съ выходомъ дѣвушки замужъ, терялъ въ ней также одного изъ домочадцевъ, раздѣлявшихъ трудъ семейный. Самое вѣно, какъ мы сказали, не имѣло вначалѣ того высокаго юридическаго значенія, которое получило впослѣдствіи: оно было вознагражденіемъ дѣвицѣ за ея дѣвическій вѣнокъ, за ея свободу, которую она теряла при выходѣ замужъ; оно было и выраженіемъ благодарности супруга, однимъ словомъ, имѣло вначалѣ характеръ западнаго утренняго дара (Morgengabe). Уже впослѣдствіи, при болѣе развившейся гражданственности, вѣно сдѣлалось залогомъ, которымъ мужъ обезпечивалъ приданое и личность жены отъ всякаго со стороны его или его родственниковъ нарушенія. Съ такимъ характеромъ вѣно мы встрѣчаемъ на ряду съ приданымъ въ древнѣйшихъ правахъ всѣхъ славянскихъ народовъ, чеховъ, поляковъ, сербовъ, какъ общій коренной обычай славянскій. Что касается до современныхъ обрядовъ выкупа постели, мѣста около обрученной и косы ея, до надѣленія отца, братьевъ и вообще родственниковъ молодой деньгами со стороны жениха, то они, выражая сначала вознагражденіе рода или семьи за взятаго у него домочадца, потомъ сдѣлались просто подарками, и этотъ смыслъ имъ придаетъ самая символика народныхъ пѣсенъ“ (стр. 24—26).

Противъ этихъ выводовъ можно сказать многое. Если были похищенія невѣстъ, какъ свидѣтельствуетъ Несторъ, какъ утверждаетъ за нимъ и г. Шульгинъ,—очевидно, что бывали у славянъ браки и безъ приданаго; слѣдовательно, нельзя назвать послѣднее необходимою принадлежностью древне-славянскихъ браковъ. Что же касается до платы или вознагражденія за невѣсту, то согласить ее съ приданымъ, въ первоначальныя времена, просто невозможно: одно исключаетъ другое; въ самомъ дѣлѣ, трудно себѣ представить, какимъ образомъ родственники невѣсты съ одной стороны надѣляли ее, а съ другой получали за нее плату. Это было бы чѣмъ-то такимъ искусственнымъ, чего простымъ, здравымъ разсудкомъ, котораго такъ много у каждаго неразвитого народа, понять нельзя, да и нельзя выдумать. Приданое и плата за невѣсту—юридическія явленія совсѣмъ различныхъ порядковъ, двухъ разныхъ бытовъ. Различіе этихъ явленій относится собственно не къ невѣстѣ, а къ взаимнымъ отношеніямъ родовъ, между членами которыхъ заключаются брачные союзы. Гдѣ есть похищеніе невѣстъ, насильственное отнятіе ихъ—о чемъ въ обычаяхъ тоже сохранились воспоминанія—тамъ еще нѣтъ между родами никакихъ отношеній, кромѣ враждебныхъ; покупка невѣстъ по существу своему предполагаетъ уже мирныя, невраждебныя сношенія между родами, существованіе въ извѣстной степени гражданскаго союза; наконецъ, приданое свидѣтельствуетъ уже о нѣкоторой степени развитости гражданскаго союза. Между родами, значитъ, появляются дружелюбныя связи, близость; бракъ ужъ не вполнѣ отрываетъ женщину отъ прежней ея семьи: напротивъ, онъ сближаетъ два рода, и въ этомъ союзѣ одинъ не хочетъ уронить себя передъ другимъ ни въ чести, ни въ лицѣ дѣвушки, отдаваемой замужъ. Такимъ образомъ различные способы заключенія браковъ выражаютъ собою разныя степени гражданскаго общежитія, соотвѣтствуютъ имъ. Ихъ одновременное существованіе возможно отнюдь не вначалѣ, а гораздо позже, когда они, утративъ характеръ дѣйствительныхъ бытовыхъ фактовъ, нисходятъ на степень обрядовъ, соблюдаемыхъ изъ приверженности и привычки къ заведенной старинѣ и обычаямъ предковъ. Въ этомъ видѣ сохранились они въ древнѣйшихъ славянскихъ законахъ. Сначала же они появились не вдругъ, и увозъ исключалъ куплю, купля исключала приданое. Мы думаемъ, что авторъ недовольно обратилъ вниманія на это весьма важное обстоятельство; онъ повидимому не замѣтилъ, что славянскій бытъ, извѣстный намъ изъ древнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ, далеко самъ по себѣ не есть древнѣйшій, а уже результатъ извѣстнаго развитія,—что даже умычку, о которой говоритъ намъ лѣтопись, мы застаемъ не въ первоначальномъ ея видѣ, ибо она обставлена религіозными обрядами и дѣлается съ согласія самой невѣсты, слѣдова-

тельно, является обрядомъ, символическимъ изображеніемъ. То же должно сказать о вѣнѣ, о подаркахъ родственникамъ невѣсты, и т. д.

Не останавливаясь на частностяхъ, обратимъ вниманіе автора еще на одинъ фактъ, именно на „княжое“. Г. Шульгинъ думаетъ, что оно у насъ было; мы, напротивъ, убѣждены, что даже тѣни подобнаго обычая у насъ не было. Живыя преданія объ немъ молчатъ—обстоятельство весьма важное. Разсмотрите наши свадебные простонародные обряды: это апоѳеоза женскаго цѣломудрія, дѣвической чистоты. Какъ бы могъ до сихъ поръ такъ живо сохраниться этотъ характеръ свадьбы, еслибъ за нею въ исторіи стоялъ обычай „княжаго“? Воспоминаніе о немъ нѣкоторые видѣли въ податяхъ и пошлинахъ съ браковъ. Но происхожденіе этихъ пошлинъ гораздо проще: онѣ положены за *выводъ*, т.-е. за переходъ дѣвушки въ другое село, въ другой „міръ“, отъ чего одинъ міръ выигрывалъ, пріобрѣталъ лицо, другой терялъ это лицо, лишался его. Названія „выводная куница“, „выводныя деньги“ указываютъ на это первоначальное значеніе пошлинъ съ браковъ, которыя впослѣдствіи, конечно, могли измѣниться и взиматься даже съ браковъ, совершавшихся безъ вывода, внутри міра. Въ одной пѣсни сохранилось до сихъ поръ воспоминаніе о томъ, что браки совершались не только „по батюшкину повелѣнію, по матушкину благословенію“, но и „по мірскому приговору“. Съ такого-то мірского приговора и бралась пошлина, какъ съ суда.

Вотъ наши главнѣйшія возраженія. Они въ краткихъ словахъ могутъ быть выражены такъ: г. Шульгинъ, въ превосходномъ своемъ трудѣ о бытѣ женщины въ языческой Россіи и вообще у славянъ въ до-христіанскую эпоху, недовольно обратилъ вниманіе на внутреннюю послѣдовательность развитія первоначальныхъ обществъ, на органическое цѣлое, которое они представляютъ, и остановился преимущественно на послѣдней эпохѣ языческаго быта и вмѣстѣ эпохѣ перваго его разложенія. Мѣряя аршиномъ этого быта всѣ памятники нашей древнѣйшей жизни, авторъ усомнился въ достовѣрности нѣкоторыхъ изъ нихъ, дѣйствительно неподходящихъ подъ общую, набросанную имъ картину потому только, что они сохранились отъ эпохи еще отдаленнѣйшей. Говоря это, мы, конечно, не думаемъ разложить всѣ древніе памятники въ той же хронологической послѣдовательности у всѣхъ славянскихъ племенъ, какъ они естественно и необходимо разлагаются по своему внутреннему органическому значенію. Нѣтъ сомнѣнія, что у однихъ славянъ древнѣйшій бытъ еще сохранился въ полной силѣ, когда у другихъ уже наступала новая пора. Но задача историка-изслѣдователя, когда онъ обнимаетъ предметъ широко, когда онъ хочетъ разъяснить предметъ по памятникамъ многихъ племенъ, въ томъ именно и состоитъ, чтобъ открыть организмъ, внутреннее глубокое сочлененіе многообразныхъ явленій, въ которыхъ выражается жизнь этихъ племенъ, уловить единство явленій, законъ, на основаніи котораго они существуютъ и слѣдуютъ одно за другимъ. Этого, какъ намъ кажется, авторъ не сдѣлалъ, хотя многія мѣста его книги и свидѣтельствуютъ весьма ясно, что эта мысль его занимала; но она у него не выдержана, не проведена строго и послѣдовательно. Оттого и черты, по которымъ можно несомнѣнно судить о высшей или низшей степени образованности различныхъ славянскихъ племенъ, въ книгѣ г. Шульгина не только не оттѣнены довольно ясно, но даже не вездѣ обратили на себя его вниманіе. Такимъ образомъ мы думаемъ, что историческое начало языческой славянской семьи и современное ему состояніе женщины у славянъ-язычниковъ потребуетъ еще новыхъ ученыхъ изслѣдованій. Въ замѣнъ этого, послѣдняя эпоха язычества, въ отношеніи къ семьѣ и женщинѣ, раскрыта и передана превосходно. Могутъ не доставать нѣкоторые факты, но начала, цѣлое, подмѣчены и поняты какъ нельзя лучше. Для полноты оставалось бы, можетъ быть, подробнѣе вникнуть въ бытъ дѣвушки. Народная поэзія славянъ и живые неписьменные памятники передаютъ намъ этотъ бытъ въ живыхъ краскахъ, дышавшихъ первобытной поэзіей. Столько прелести, граціи въ образѣ первобытной славянской дѣвушки, такъ заботливо и подробно сохранили народные памятники все до нея касающееся, что о ней одной можно написать цѣлую монографію.

Желаемъ всякаго успѣха книгѣ г. Шульгина и съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать появленія слѣдующихъ ея выпусковъ.

(Отеч. Записки, 1850, кн. 8).

Меря и Ростовское княжество. Очерки изъ исторіи ростовско-суздальской земли. Д. Корсакова.

Казань. 1872. VIII и 246 стр.

Книга, заглавіе которой мы выписали, есть диссертація на степень магистра, защищенная въ мартѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года въ казанскомъ университетѣ бывшимъ его воспитанникомъ, кандидатомъ Д. Корсаковымъ. Теперь, если не ошибаемся, г. Корсаковъ получилъ, въ томъ же университетѣ, званіе приватъ-доцента по русской исторіи.

Несмотря на скромное заглавіе, диссертація г. Корсакова касается самыхъ животрепещущихъ вопросовъ древней русской исторіи, почему мы и считаемъ необходимымъ обратить на нее вниманіе читателей. Съ 40-выхъ годовъ диссертаціи по наукамъ юридическимъ, политическимъ, по исторіи, литературѣ, филологіи, представляютъ у насъ не формальныя ученыя отписки для полученія степени магистра или доктора, а дѣйствительно ученые труды, изслѣдованія, подвигающія впередъ науку. Книга г. Корсакова вполнѣ подходитъ подъ эту категорію. Она представляетъ очень полный и обстоятельный итогъ всего, что́ до сихъ поръ напечатано и сдѣлано для уясненія первыхъ зачатковъ исторіи Великороссіи, народившейся въ Ростовско-суздальской землѣ, на финской почвѣ, посреди почти неизвѣстнаго племени Мери и разросшейся мало-по-малу въ московское государство, а потомъ въ Россійскую имперію. Надо, впрочемъ, сказать, что авторъ не ограничивается одною добросовѣстною передачею того, что́ сдѣлано по предмету изслѣдованія. Г. Корсаковъ критически относится къ собранному матеріалу, и часто весьма удачно старается, сколько возможно, освѣтить сухіе отрывочные намеки лѣтописи и другіе нѣмые или лаконическіе факты, дошедшіе до насъ отъ глубокой старины, и возсоздаетъ на ихъ основаніи живой образъ прошедшаго. Кто занимался хоть немного древней русской исторіей, тотъ знаетъ, какъ это неимовѣрно трудно. Въ книжкѣ, небольшой по объему, мы находимъ нѣсколько новыхъ соображеній, счастливыя сближенія фактовъ, правильную постановку вопросовъ, обдуманную программу дальнѣйшихъ историческихъ изслѣдованій. Особенно цѣнимъ мы въ книгѣ г. Корсакова живой интересъ, видимое сочувствіе его къ мѣстной жизни, мѣстнымъ интересамъ и особенностямъ края, древнѣйшую исторію котораго онъ изслѣдуетъ. Мы думаемъ, что такое предрасположеніе къ изученію мѣстной, провинціальной исторіи есть теперь самое современное и плодотворное. Мы слишкомъ долго и слишкомъ много вертѣлись въ однихъ общихъ соображеніяхъ, вторя въ наукѣ тому, что совершалось въ дѣйствительной жизни. Московскій и петербургскій періоды русской исторіи съ большимъ пренебреженіемъ относились ко всему мѣстному, усердно стирали всѣ мѣстныя особенности, все намекавшее на самостоятельное мѣстное развитіе. Это направленіе длилось столѣтія, и, конечно, имѣло и свои глубокія причины, и свои благотворныя послѣдствія. Но теперь оно сдѣлало свое дѣло, разрѣшило вполнѣ задачу, которою было вызвано, и въ наше время видимо слабѣетъ. Въ строѣ всей русской жизни чувствуется поворотъ къ болѣе правильной, справедливой и разумной оцѣнкѣ той важной роли, какую мѣстные, провинціальные элементы играютъ въ общей экономіи государственной и народной жизни. Дѣятельность, въ теченіе многихъ вѣковъ сосредоточенная исключительно въ центрѣ, начинаетъ мало-по-малу переливаться въ периферіи, и долго онѣмѣвшія оконечности начинаютъ понемногу оживать. Общественное и научное сознаніе, въ которыхъ волей-неволей отражается ходъ событій и настроеніе времени, не могутъ уже болѣе, какъ прежде, исключительно сосредоточиваться на однихъ общихъ историческихъ и политическихъ воззрѣніяхъ, и мѣстная жизнь, мѣстные интересы, въ прошедшемъ и настоящемъ, все больше и больше манятъ къ себѣ людей. Это безспорно значительный шагъ впередъ

русской мысли, серьезный поворотъ нашего сознанія къ лучшему.

Но не будемъ слишкомъ убаюкивать себя розовыми надеждами. На первыхъ шагахъ по этому новому пути насъ ожидаютъ и въ наукѣ и въ дѣйствительности, печальнѣйшія неожиданности, горькія разочарованія. Провинція заброшена нами Богъ знаетъ какъ давно. Послѣ такого продолжительнаго абсентеизма—чего можно въ ней ожидать, при возвращеніи? Разумѣется, нищету, развалины, дичь и глушь. Пока провинція снова станетъ хоть немного похожа на удобное человѣческое жилье, пройдетъ много времени. Объ этомъ знаютъ помѣщики, не мало интереснаго могутъ поразсказать земскія управы и думы, новые городскіе головы и городскія собранія.

Такъ въ дѣйствительности. То же самое и въ научной разработкѣ русской исторіи. Книга г. Корсакова служитъ тому лучшимъ доказательствомъ. Авторъ, какъ пчела, собралъ отовсюду, гдѣ только могъ, крупинки, чтобы по возможности возсоздать картину зарождающейся Великороссіи и первыя страницы ея сравнительно недавней исторіи. Но какъ все это блѣдно, слабо, ничтожно! Какъ все это дразнитъ любопытство, не удовлетворяя его! На каждой страницѣ—пробѣлы или іероглифы, загадки и вопросительные знаки. Абсентеизмъ науки въ вопросахъ мѣстной русской исторіи, какъ нашъ дѣйствительный абсентеизмъ въ провинціи—полный, поразительный! Жилъ-былъ въ незапамятныя времена народецъ, а можетъ быть, цѣлое племя финское—Меря, но мы объ немъ рѣшительно ничего не знаемъ. Множество урочищъ, въ мѣстахъ его прежняго жительства, носятъ очевидно не-славянскія названія. Сдѣлано ли что-нибудь, чтобъ объяснить ихъ? Ничего! Въ Европѣ филологія возсоздала, по однимъ даннымъ языка, давно несуществующихъ аріевъ, — ихъ бытъ, нравы, обычаи, устройство домашнее и политическое, религію и культъ; а мы, — мы ровно ничего не знаемъ о финскомъ народѣ, посреди котораго зародилось великорусское племя. У каждаго добросовѣстнаго изслѣдователя невольно должны, при мысли объ этомъ, опуститься руки. Вѣдь нельзя, въ одно и то же время, быть и финологомъ и археологомъ, и этнографомъ и знатокомъ русской филологіи и исторіи; нельзя ѣздить на мѣстахъ, собирать живые памятники старины и въ то же время изслѣдовать ихъ критически. Наука дѣлаетъ прочные успѣхи при дружныхъ усиліяхъ спеціалистовъ по самымъ разнообразнымъ отраслямъ знанія, направившихъ свои изслѣдованія на одинъ и тотъ же предметъ; а этихъ-то дружныхъ силъ и дружныхъ усилій у насъ и нѣтъ. Каждый вынужденъ отдѣльно пробовать своротить гору, и изъ этого разумѣется выходитъ очень мало, далеко не соразмѣрно съ потраченнымъ трудомъ и доброй волей.

Г. Корсаковъ, собирая отовсюду крохи, приходитъ къ любопытнымъ заключеніямъ о видахъ, путяхъ и вообще о ходѣ русской колонизаціи въ землѣ Мери. Кромѣ переселенія съ юга, онъ указываетъ на колонизацію этой страны изъ Новгорода и объясняетъ, какъ намъ кажется, очень удачно различіе старыхъ и новыхъ городовъ въ ростовско-суздальской области участіемъ новгородскаго элемента. Изъ сгруппированныхъ авторомъ данныхъ, слѣды земскаго строя, земскаго боярства въ этой области несомнѣнны; что они обязаны своимъ происхожденіемъ новгородскимъ колонистамъ, — болѣе чѣмъ правдоподобно. Вообще, тѣ части диссертаціи, гдѣ говорится о колонизаціи русскими выходцами страны бывшей Мери и о постепенномъ разселеніи велико-русскаго племени, показались намъ наиболѣе тщательно обработанными. Но само собою разумѣется, что изслѣдованія г. Корсакова были бы еще гораздо полнѣе, живѣе и интереснѣе, еслибъ у него могли находиться подъ руками собранные и хоть сколько-нибудь обработанные матеріалы о колонизаціонномъ движеніи великорусскаго племени въ другихъ частяхъ московскаго государства и Россійской имперіи,—движеніи, которое идетъ, не перерываясь, и до-сихъ-поръ. Формы продолжающейся колонизаціи, способы постепеннаго оттѣсненія или поглощенія инородцевъ, на нашихъ глазахъ, пролили бы яркій свѣтъ на дѣла давно минувшихъ лѣтъ. Но у насъ никто этимъ не занимается и никого это не интересуетъ, всего менѣе ученыхъ по ремеслу.

Дальнѣйшая исторія ростовско-суздальскаго края, его распаденія на отдѣльныя княжества до постепеннаго присоединенія ихъ къ московскому великому княженію и государству, какъ мы сказали, только раздражаетъ любопытство. Вездѣ, на каждомъ шагу, видно, что были ростки и зародыши живыхъ мѣстныхъ интересовъ, складывалось что-то похожее на

живую мѣстную жизнь, были свои мѣстные дѣятели, великіе люди, подвижники, представители мѣстнаго земскаго дѣла, любимые тѣми, чьи интересы они принимали къ сердцу, въ чью пользу они трудились. Весь этотъ міръ, прежде чѣмъ успѣлъ выработаться, окрѣпнуть и принять опредѣленныя формы, завялъ и заглохъ, оттого, что на очереди стоялъ вопросъ государственный, политическаго объединенія, во что бы то ни стало. Мы думаемъ, вопреки мнѣнію г. Костомарова, что не татарская буря сломила мѣстную жизнь въ древней Руси, а московская, какъ впослѣдствіи петербургская. Теперь это теченіе русской исторіи пріостанавливается. Мы начинаемъ искать себѣ новыхъ путей и, оборачиваясь назадъ, съ ужасомъ видимъ однѣ развалины, одно запустѣнье. Историческая память у насъ точно отшиблена. Сзади пустота и впереди пустота! Мысль наша какъ-то виситъ на воздухѣ; ей въ своихъ исканіяхъ не на что опереться, не за что уцѣпиться. Личное существованіе не имѣетъ у насъ почвы, въ которую оно могло бы пустить корни и врости крѣпко. Такую твердую, крѣпкую почву можетъ дать лицу ближайшая обстановка, историческое преданіе, бытъ и нравы, переходящіе по наслѣдству отъ поколѣнія къ поколѣнію. Вырванный съ корнемъ изъ этой ближайшей среды, человѣкъ слабъ и безпомощенъ, слоняется посреди другихъ себѣ подобныхъ какъ тѣнь, не имѣя живыхъ интересовъ, не принимая ни въ чемъ горячаго участія. Общіе интересы, государственная и политическая жизнь только тогда не пустыя фразы, когда подкладкой имъ служитъ развитая, бьющая живымъ ключемъ, мѣстная, провинціальная жизнь. Общая политическая жизнь, общіе вопросы, общіе интересы имѣютъ дѣйствительный смыслъ, когда они являются итогами, выводами изъ жизни провинціальной, сводятъ ее къ одному, не даютъ ей чрезмѣрно разползтись, разобщиться, замкнуться въ узкій и эгоистическій партикуляризмъ. Общенародная, какъ и общечеловѣческая, жизнь есть только освѣжающій элементъ, регуляторъ мѣстной жизни, какъ съѣздъ ученыхъ или спеціалистовъ имѣетъ живой смыслъ только тогда, когда они работаютъ усердно и добросовѣстно каждый про себя и у нихъ оттого есть чѣмъ обмѣняться при встрѣчѣ. Но другіе вопросы были поставлены въ русской исторіи и въ русской жизни, когда начало слагаться московское государство. Намъ нужно было, прежде и больше всего, стать единымъ сильнымъ государствомъ. На достиженіе этой жизненной цѣли пошли всѣ силы въ продолженіе пяти столѣтій; остальное было пренебрежено, забыто, и если обращало на себя вниманіе, то не болѣе какъ сколько было нужно, все для той же цѣли—для государственнаго единства. Во имя ея заметенъ и самый слѣдъ тѣхъ зачатковъ мѣстной гражданской, религіозной, политической жизни и культуры, которые, здѣсь и тамъ, начали-было проявляться и вырваны съ корнемъ. Очень вѣроятно, что мы теперь уже никогда, даже при самыхъ настойчивыхъ усиліяхъ, не будемъ въ состояніи доискаться полнаго смысла тѣхъ обломковъ старины, которые какимъ-то чудомъ сохранились до насъ. Но какъ бы эти обломки ни были скудны и жалки, мы съ большимъ уваженіемъ и полнымъ сочувствіемъ смотримъ на попытки и усилія собрать, сберечь ихъ и объяснить ихъ загадочный смыслъ. Попытки эти свидѣтельствуютъ, что строй нашихъ мыслей измѣняется, что мы начинаемъ болѣе серьезно относиться къ самимъ себѣ. Благотворныя послѣдствія такой перемѣны не замедлятъ выказаться. Давно-ли тому назадъ, чехи и другіе славяне считали себя за австрійцевъ—какую-то выдуманную, фиктивную національность? И вотъ, съ легкой руки двухъ-трехъ ученыхъ, они, путемъ науки и изслѣдованій, чрезъ археологію и исторію, при помощи пыльныхъ архивовъ и книжной мудрости, доработались до сознанія своей національности и возстановили забытую и потерянную связь прошедшаго съ настоящимъ; только тогда они и стали на свои ноги, опустились съ воздуха на землю и приросли къ ней. Намъ, слава Богу, нечего припоминать, что мы русскіе; мы этого никогда не забывали, и съ этой стороны задача наша, конечно, легче; но зато она гораздо труднѣе, хотя и совсѣмъ по другимъ причинамъ. Печальная доля чеховъ и западныхъ славянъ,—само собою невольно наталкивала ихъ на путь, которымъ они пошли. Нѣмцы, усердно и тщательно стирая съ нихъ слѣды національности, не могли не вызвать реакціи; фактъ былъ слишкомъ ярокъ и нагляденъ; противодѣйствіе ему рождалось невольно и безсознательно. Какъ было имъ не обратиться на самихъ себя, когда все

кругомъ было чужое и вдобавокъ враждебное? Мы, напротивъ, плаваемъ въ своемъ соку, вращаемся въ своемъ, русскомъ элементѣ, и потому намъ гораздо труднѣе, чѣмъ имъ, догадаться, въ какомъ мы глубокомъ и пагубномъ заблужденіи, живя одними общими государственными, политическими и международными интересами, и воображая, что сколько-нибудь правильная, благоустроенная общая государственная и политическая жизнь возможны безъ сильно развитой мѣстной, провинціальной. На этотъ счетъ мы всѣ одинаково горько заблуждаемся. Видно и намъ, подобно чехамъ и западнымъ славянамъ, предстоитъ добираться до сознанія простѣйшей изъ простыхъ истинъ путемъ науки и изслѣдованія, а не непосредственнымъ чутьемъ, которое, трудно сказать почему, въ насъ развито очень слабо.

Возвратимся къ книгѣ г. Корсакова. Она состоитъ изъ пяти главъ. Въ первой говорится о финнахъ вообще и въ особенности о Мери, обитавшей въ ростовско-суздальской землѣ вторая—посвящена исторіи этого края, до совершеннаго его обособленія отъ юго-западной, кіевской Руси при Андреѣ Боголюбскомъ; въ третьей главѣ изслѣдуется исторія этого края отъ Андрея Боголюбскаго до нашествія татаръ. Послѣднія двѣ главы, четвертая и пятая, излагаютъ исторію и внутренній бытъ собственно ростовской земли и княжествъ, на которыя она распалась, до постепеннаго введенія ихъ въ составъ московскаго государства. Въ концѣ книги авторъ говоритъ, что онъ намѣренъ, если позволятъ обстоятельства, изложить исторію всѣхъ остальныхъ княжествъ земли ростовско-суздальской. Нельзя весьма искренно не пожелать, чтобъ это намѣреніе не осталось однимъ намѣреніемъ. Г. Корсаковъ соединяетъ въ себѣ всѣ условія, необходимыя для такого труда: хорошее знаніе источниковъ, большую научную добросовѣстность и трудолюбіе, правильный взглядъ на предметъ, правильный историко-критическій методъ и любовь къ дѣлу. При соединеніи всѣхъ этихъ условій, мы въ правѣ ожидать отъ него отличной монографіи по одному изъ тѣхъ періодовъ русской исторіи, которые всего болѣе, всего настоятельнѣе требуютъ тщательной критической разработки. Что такая монографія, какъ бы она ни была превосходна, только разлакомитъ читателя, не разрѣшивъ и половины поднятыхъ ею вопросовъ,—въ этомъ мы, къ сожалѣнію, увѣрены заранѣе, но упреки за то, во всякомъ случаѣ, падутъ не на г. Корсакова. При теперешнемъ состояніи источниковъ и жалкой ихъ критической разработкѣ самъ Нибуръ ничего бы не подѣлалъ. Собрать весь наличный матеріалъ, дать ему первую научную обработку, разгруппировать его, правильно вывести и поставить вытекающіе изъ него вопросы для дальнѣйшаго изслѣдованія,—вотъ скромный, неказистый, но почтенный и въ высокой степени полезный трудъ, котораго мы ожидаемъ. Только такими трудами можетъ мало-по-малу выясниться наше народное и историческое сознаніе и будетъ положенъ давно желанный конецъ тѣмъ произвольнымъ кочеваньямъ по необозримымъ степямъ Россійской исторіи, которыя сбиваютъ съ толку нашу мысль, не даютъ ей правильно осѣсться и скристаллизоваться. Молитва и постъ для нашего ребяческаго, затуманеннаго, блуждающаго народнаго самосознанія есть исторія, исторія и опять-таки исторія,—критическая, добросовѣстная, правдивая.

(Спб. Вѣдомости, 1872, № 102).

Конецъ I-го тома.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЕРВОМУ ТОМУ.

I.

Стр. 5—570.

„Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи“, при появленіи своемъ въ печати, повелъ къ возобновленію оживленной полемики, возникшей раньше, между учеными новой исторической школы *родового быта* и „западниками“ съ одной стороны, и Погодинымъ, представителемъ стараго, Шлёцеровскаго, критико-экзегетическаго направленія въ русской исторіи и „славянофилами“ — съ другой. Основателемъ школы родового быта былъ К. Д. Кавелинъ, который высказывалъ ея положенія еще въ 1842 году, въ отрывкѣ изъ своей магистерской диссертаціи, напечатанной во II т. сборника „Юридическія Записки“, издававшагося П. Г. Рѣдкинымъ въ Москвѣ; затѣмъ положенія эти были развиты Кавелинымъ въ самой диссертаціи: „Основныя начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства въ періодъ времени отъ Уложенія до Учрежденія о губерніяхъ“, М. 1844 г., и легли въ основаніе его курса по исторіи русскаго права въ Московскомъ университетѣ, въ 1844—1848 гг., resumé котораго и составляетъ статья „Взглядъ на юридическій бытъ“. Дальнѣйшее развитіе главнѣйшихъ положеній школы родового быта принадлежитъ С. М. Соловьеву: въ его магистерской диссертаціи „объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ“, М. 1845 г., въ докторской диссертаціи „Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома“, М. 1847 г., и въ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, первый томъ которой явился въ М., въ 1851 г. По поводу историческихъ воззрѣній Кавелина до появленія его „Взгляда на юридическій бытъ“ намъ извѣстны двѣ статьи: 1) *Погодина*: „Отзывъ о магистерскомъ диспутѣ Кавелина“, Москвитянинъ 1844 г., мартъ, московская лѣтопись, с. 229—235. 2) *У... Т...* „Приношеніе М. П. Погодину, по поводу защищенія разсужденія Г. Кавелина“, Литерат. Газета 1844 г., № 14. Кавелинъ на страницахъ „Отечественныхъ Записокъ“ (1845 — 1846 г.) выступилъ съ критическимъ разборомъ историческихъ трудовъ Погодина и въ томъ же журналѣ и въ „Современникѣ“ привѣтствовалъ историческіе взгляды Соловьева, не вполнѣ, впрочемъ, соглашаясь съ нимъ.

„Взглядъ на юрид. бытъ“ вызвалъ восторженныя похвалы со стороны Бѣлинскаго и Боткина (см. письма Бѣлинскаго къ Герцену въ „Русской Мысли“ 1891 г., кн. I, и къ Кавелину, тамъ же, 1892 г., кн. I, и Боткина къ П. А. Анненкову, въ книгѣ „Анненковъ и его друзья“, т. I, с. 530).—Сочувственные отзывы на статью Кавелина находятся въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (1847 г., май) и въ „Современникѣ“ (1847 г., іюнь, отд. III, с. 119—120).—„Москвитянинъ“ помѣстилъ слѣдующія статьи противъ воззрѣній Кавелина: 1) *Погодина*, О трудахъ Кавелина и другихъ ученыхъ „новой школы“, 1847 г., въ 1-й кн., іюнь, крит., с. 155—184. 2) *В. Мстиславскаго*, Нѣкоторыя замѣчанія о русской современной исторической критикѣ, по поводу рецензій на книгу г. Соловьева: „объ отношеніяхъ Новгорода къ вел. князьямъ“, ibid. с. 185—200. На эти двѣ статьи послѣдовалъ отвѣтъ отъ редакціи „Современника“, подъ заглавіемъ: „Возрожденіе Москвитянина“, пом. въ августовской книжкѣ 1847 г., смѣсь, с. 114—127. 3) *Ю. Ѳ. Самарина* (подъ иниціал. М... З... К...): „О мнѣніяхъ „Современника“ историческихъ и литературныхъ“, во 2-й кн., сентябрь, крит., с. 133 — 222. (Перепеч. въ „Сочиненіяхъ“ Самарина, М. 1877, т. I, с. 28—108). На эту статью отвѣчали въ „Современникѣ“ 1847 г. *Бѣлинскій*, безъ подписи, въ ноябрьской книжкѣ, крит. и библ., с. 29—75 (переп. въ „Сочиненіяхъ“ Бѣлинскаго, см. послѣднее изд. Павленкова, Спб., 1896 г., т. IV, с. 503—559) и *Кавелинъ*, съ подписью своей фамиліи, въ декабрьской книжкѣ, стр. 109—134 (перепеч. въ наст. томѣ, стр. 67—96). Бѣлинскій былъ очень недоволенъ умѣреннымъ тономъ возраженія Кавелина, за что и упрекалъ его въ письмѣ 7 декабря 1847 г. (см. „Русская Мысль“ 1892 г., кн. I, с. 119—123). 4) *Погодина*. Отвѣтъ Кавелину на его критику „Изслѣдованій, замѣчаній и лекцій“, кн. 3-я, октябрь, с. 75—108. 5) *Н. И. Левитскаго*. Нѣсколько словъ по поводу статьи Самарина, помѣщ. во 2-й кн. „Москвитянина“, ibid, с. 147—158. Статья г. Левитскаго замѣчательна тѣмъ, что она защищаетъ воззрѣнія Кавелина отъ нападокъ Самарина.

Послѣдующіе труды ученыхъ школы родового быта снова вызвали возраженія со стороны Погодина и славянофиловъ. Главнѣйшіе изъ этихъ трудовъ разобраны К. Д. Кавелинымъ и статьи о нихъ находятся въ настоящемъ томѣ его сочиненій. Это статьи: во-первыхъ, по поводу новыхъ изслѣдованій С. М. Соловьева—его докторской диссертаціи „о родовыхъ отношеніяхъ между князьями Рюрикова дома" и I-го тома „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ"; во-вторыхъ—о монографіяхъ г. Тюрина и П. В. Павлова, и въ-третьихъ—о книгѣ Б. Н. Чичерина „Областныя учрежденія Россіи въ XVII в.". Книга П. В. Павлова о Борисѣ Годуновѣ вызвала три статьи *Погодина*: 1) Посланіе къ г. Кавелину, Москвит. 1850 г., № 19, октябрь, кн I, отд. IV, с. 135—142; и № 20, окт., кн. II, отд. IV, с. 164—174; 2) Разборъ антирецензіи г. Кавелина, ibid. № 21, ноябрь, кн. I, отд. IV, с. 31—40, 3) Замѣтку о своихъ статьяхъ по поводу рецензіи на книгу Павлова, ibid, № 24, декабрь, кн. 2, отд. VI, с. 82.

Книга Б. Н. Чичерина создала цѣлую полемическую литературу на страницахъ двухъ московскихъ журналовъ 1856 года: „Русской Бесѣды", органа славянофиловъ, и журнала западническаго направленія—„Русскаго Вѣстника" М. Н. Каткова. Славянофилы, главнымъ образомъ Ю. Ѳ. Самаринъ и проф. Ив. Дм. Бѣляевъ, высказались противъ Б. Н. Чичерина въ „Русской Бесѣдѣ", а самъ г. Чичеринъ, С. М. Соловьевъ и нѣкоторые литераторы изъ лагеря западниковъ отвѣчали имъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ". Эта полемика извѣстна въ русской публицистической литературѣ подъ именемъ „спора о русской сельской общинѣ". Кавелинъ также принялъ участіе въ этомъ спорѣ. Его самостоятельныя воззрѣнія на русскую сельскую общину, о которыхъ упомянуто въ біографическомъ его очеркѣ, были высказаны имъ въ статьѣ, помѣщенной въ „Атенеѣ", московскомъ журналѣ Е. Ѳ. Корша, за 1859, кн. 2.— Тѣ же воззрѣнія, болѣе подробно, развилъ онъ позднѣе, въ 70-хъ годахъ, еще въ двухъ статьяхъ. Всѣ эти статьи Кавелина помѣщены во II т. настоящаго изданія его Сочиненій.

II.

Стр. 570—682.

„Краткій взглядъ на Русскую исторію" есть конспектъ реферата, читаннаго Кавелинымъ по-нѣмецки въ Боннѣ, во время пребыванія его за границей въ 1862—1864 гг. Живя въ Боннѣ на Рейнѣ, въ зиму 1863—1864 г., онъ былъ дружески принятъ тамошними профессорами и введенъ въ ихъ профессорскій клубъ (Docenten-Club), въ которомъ читались рефераты по научнымъ и современнымъ политическо-общественнымъ вопросамъ. Боннскіе профессора, интересуясь значеніемъ освобожденія крестьянъ въ Россіи, просили Кавелина объяснить имъ настоящій историческій и общественный смыслъ этого, не совсѣмъ яснаго для нихъ, событія, потому что въ западной Европѣ освобожденіе крестьянъ шло совершенно инымъ путемъ и при другихъ условіяхъ, чѣмъ оно совершилось у насъ въ Россіи. Исполняя ихъ желаніе, Кавелинъ сообщилъ въ боннскомъ профессорскомъ клубѣ свои воззрѣнія на значеніе освобожденія крестьянъ въ Россіи, въ его прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ. Кавелинъ говорилъ по-нѣмецки, имѣя въ рукахъ конспектъ на русскомъ языкѣ, чѣмъ и объясняется присутствіе нѣмецкихъ словъ въ конспектѣ.

Впослѣдствіи Константинъ Дмитріевичъ высказалъ и развилъ воззрѣнія, изложенныя имъ въ боннскомъ рефератѣ, гораздо полнѣе и подробнѣе въ замѣчательной монографіи, къ сожалѣнію, мало обратившей на себя вниманіе нашей періодической печати и не оцѣненной по достоинству. Между тѣмъ, эта монографія составляетъ, по собственнымъ словамъ Кавелина, итогъ его историческихъ и политическихъ взглядовъ и его „лебединую пѣсню" въ области русской исторіи, представляя вмѣстѣ съ тѣмъ рѣдкій по ясности и послѣдовательности мысли и по талантливости изложенія историко-философскій этюдъ по древней, до-петровской русской исторіи, правильнѣе до-петровской исторіи великорусскаго племени. Эта монографія Кавелина носитъ скромное заглавіе: „Мысли и замѣтки о русской исторіи" и помѣщена во II кн. „Вѣстника Европы" за 1866 г. Съ тѣхъ поръ прошло слишкомъ тридцать лѣтъ, и вѣроятно весьма немногимъ памятны эти „Мысли и замѣтки" Кавелина. Самымъ важнымъ въ этой монографіи является уясненіе расовыхъ и историческихъ особенностей великорусскаго племени и самобытно выработаннаго имъ начала самодержавія. Появившись въ такое время, когда вниманіе русскаго общества было всецѣло поглощено нашими современными внутренними дѣлами и когда Кавелинъ не пользовался уже своимъ прежнимъ авторитетнымъ значеніемъ въ литературѣ и въ обществѣ, „Мысли и замѣтки о русской исторіи" оцѣнены были только спеціалистами; изъ печатныхъ отзывовъ объ этой монографіи намъ извѣстны два: 1) за подписью *А. И—нъ*, въ разборѣ II кн. „Вѣстника Европы" на 1866 г., въ „Русскомъ Инвалидѣ" 1866 г., № 182, и 2) *Ильи Вас. Бѣляева*, въ славянофильской газетѣ И. С. Аксакова, „Москва", 1867, № 59. Рецензентъ „Русскаго Инвалида" весьма сочувственно отзывается о К. Д. Кавелинѣ. Обращаясь къ тому недавнему времени, когда „имя г. Кавелина было очень дорого многимъ", онъ заявляетъ, что „въ большинствѣ мыслящихъ людей, несмотря на передряги послѣднихъ лѣтъ, несмотря на такъ-называемыя „сверженія авторитетовъ", несмотря на появленіе новыхъ именъ въ печати, имя его не забывалось и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, труды и вліяніе его еще помнились".

Илья Вас. Бѣляевъ, въ своей статьѣ „Возраженіе г. Кавелину", полемизируетъ съ нимъ противъ его положенія о возникновеніи великорусскаго племени въ XI—XII вв., отодвигая зачинъ этого племени къ болѣе раннимъ вѣкамъ. Автора этой замѣтки не слѣдуетъ смѣшивать съ *Ив. Дм. Бѣляевымъ*, извѣстнымъ профессоромъ Московскаго университета по каѳедрѣ исторіи русскаго права (р. 1810 † 1873 г.), съ которымъ также полемизировалъ въ свое время Кавелинъ (см. въ наст. изд. сочиненій Кавелина, т. I, стр. 775—800, въ разборѣ „Чтеній въ Имп. Общ. Исторіи и древностей Россійскихъ 1847 г."). *Илья Вас. Бѣляевъ* (р. 1826 † въ Москвѣ 25 янв. 1867 г.), двоюродный братъ Ивана Дм. Бѣляева,

былъ профессоромъ Московской духовной семинаріи и, держась славянофильскихъ воззрѣній, участвовалъ въ „Русской Бесѣдѣ“ и „Днѣ“; писалъ статьи по русской церковной исторіи, изъ которыхъ заслуживаетъ вниманія спеціальная монографія, посвященная Стоглавому Собору. Его „возраженіе“ Кавелину появилось въ печати уже послѣ его смерти. О немъ см. газеты 1867 г.: „День“, № 21, „Москва“, №№ 22 и 24, и *Геннади*, „Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ“, т. I, с. 126.

Въ 1870-хъ годахъ Кавелинъ намѣренъ былъ помѣстить французскій переводъ монографіи „Мысли и замѣтки о русской исторіи“ въ одномъ изъ парижскихъ „Revue“. Въ бумагахъ его находится прекрасный ея переводъ на французскій языкъ, сдѣланный, повидимому, лицомъ, хорошо знающимъ какъ русскій такъ и французскій языкъ, и просмотрѣнный авторомъ.

III.

Стр. 689—746.

К. Д. Кавелинъ, будучи въ очень близкихъ личныхъ отношеніяхъ съ Д. А. Валуевымъ, посвятилъ ему нѣсколько сочувственныхъ строкъ по поводу преждевременной его кончины. Валуевъ умеръ въ концѣ 1845 года, 25-ти лѣтъ отъ роду. (См. наст. томъ изд. сочиненій Кавелина, стр. 706). Въ 1846 году, въ Москвѣ, появилась брошюра анонимнаго автора: „Біографія Д. А. Валуева“, и въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (1846 г., іюнь, библ. хрон., № 130) былъ напечатанъ ея разборъ съ характеристикой Валуева *почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ*, какъ и въ отмѣченномъ выше отзывѣ Кавелина, что даетъ право считать эту рецензію принадлежащей К. Д. Кавелину, и если она не помѣщена въ настоящемъ Собраніи его сочиненій, то только потому, что не вошла въ собраніе сочиненій, изд. 1859 г., печатавшееся подъ наблюденіемъ самого автора. Въ обоихъ сборникахъ, изданныхъ Валуевымъ, Кавелинъ принималъ дѣятельное участіе: для „Симбирскаго Сборника“ обработалъ онъ значительную часть матеріала (о чемъ заявлено въ предисловіи къ сборнику), а въ „Сборникѣ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Россіи и народахъ ей единовѣрныхъ и единоплеменныхъ“ помѣстилъ свою статью: „Юридическій бытъ Силезіи и Лужицъ и введеніе нѣмецкихъ колонистовъ“. Статья эта, напечатанная въ изданіи сочиненій К. Д. Кавелина 1859 г. (т. I, с. 414—415), въ настоящемъ изданіи опущена въ виду того обстоятельства, что она не заключаетъ въ себѣ самостоятельныхъ воззрѣній Кавелина, а матеріалъ, на основаніи котораго она скомпилирована, устарѣлъ, появившись въ 1832 г., т.-е. *шестьдесятъ пять лѣтъ* тому назадъ.

IV.

Стр. 746—760.

„Взглядъ на русскую литературу по части русской исторіи въ 1846 году“ вставленъ въ статью В. Г. Бѣлинскаго: „Взглядъ на русскую литературу 1846 г.“, помѣщенную безъ подписи автора въ I кн. „Современника“ за 1847 годъ, въ отд. критики и библіографіи, ст. 1 - 56; статья Кавелина занимаетъ здѣсь стр. 41—52.

Д. Корсаковъ.

Важнѣйшею изъ замѣченныхъ **опечатокъ** является опечатка въ словѣ „Геннадій“. Вмѣсто этого **напечатано:** „Гелладій“, на стр. 833, стр. 10 и 32 сверху, и на стр. 834, строка 5, также сверху. — *Ред.*

